



## Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

## Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

## Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>





\*QCA







1845  
Sept. - Oct.

Stromboli

\*QCA\*





**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ  
ЗАПИСКИ.**

**ГОДЪ СЕДЬМОЙ.**



# ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non  
vocem foris sonantem, sed intus  
auscultant veritatem docentem.*

*Gersonius.*

ТОМЪ XLII.

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

1845.

THE NEW YORK  
PUBLIC LIBRARY  
810576  
ASTOR, LENOX AND  
TILDEN FOUNDATIONS  
R 1916 L

NOV 21 1875

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 31 августа 1845.

Цензоры: *И. Иваноскій* и *А. Мехелинъ*.

*принадлежит Вас. Жуков.*

# ОТЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

---

## I.

### СЛОВЕСНОСТЬ.

---

#### М А Й К О В У.

---

Богъ въ помощь тебѣ, нашъ Юсифъ! ты младшій  
Въ семьѣ сиротливой русскихъ пѣвцовъ;  
Одинъ изъ немногихъ, въ награду за падшихъ,  
За двухъ, жертвой вѣка погибшихъ сыновъ!

Богъ въ помощь, поэтъ, на стезѣ благородной;  
Во брани и въ мирѣ,—молю небеса, —

Слѣдствіе:

Иди не робѣя на подвигъ свободный:  
Любовь и отвага творятъ чудеса!

Тотъ многое можетъ, кто голубь душою,  
Душою младенецъ, а духомъ орелъ!  
Призванію вѣришь?... Господь же съ тобою —  
Великъ и прекрасенъ давидовъ символъ!

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

7-го июля 1845.



# КОРОЛЕВА МАРГО.

*Романъ Александра Дюма.*

## ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

—

1.

### ГОРОСКОПЪ.

Катерина, возвратясь изъ образной, гдѣ разсказала своему сыну-любимцу все случившееся, застала у себя Рене.

Королева и астрологъ не видались съ-тѣхъ-поръ, какъ она была у него въ лавкѣ на Мосту-Сен-Мишель. Рене пришелъ лично отвѣчать на записку, полученную имъ вчера отъ королевы.

— Ну что? Вы видѣли его? спросила Катерина.

— Да.

— Что жъ онъ?

— Оправляется.

— Можетъ говорить?

— Нѣтъ; горло перерѣзано.

— Я вамъ сказала, чтобъ вы заставили его въ такомъ случаѣ писать.

— Пробовалъ; онъ самъ старался всѣми силами, но едва могъ написать только двѣ буквы, и то почти такъ, что разобрать нельзя; потомъ лишился чувствъ; шейная вѣна повреждена, и кровоотеченіе отняло у него всѣ силы.

— Видѣли вы эти буквы?



— Вотъ онъ.

Ренé досталъ изъ кармана лоскутокъ бумаги и подалъ Катеринѣ. Она поспѣшно его развернула.

— М и О, сказала она... Не-уже-ли это въ-самомъ-дѣлѣ былъ ла-Моль, и Маргерита разыграла комедію для того только, чтобъ отвратить подозрѣніе?

— Ваше величество, сказалъ Ренé:—если мнѣ позволено высказать свое мнѣніе на счетъ обстоятельства, о которомъ вы сами не знаете что думать, — я замѣчу, что ла-Моль слишкомъ влюбленъ и не станетъ серьезно заниматься политикой.

— Вы думаете?

— Да; и притомъ онъ влюбленъ въ королеву наваррскую, — следовательно, не можетъ быть чвстосердечно преданъ королю. Истинная любовь не бываетъ безъ ревности.

— Такъ вы думаете, что онъ рѣшительно влюбленъ?

— Увѣренъ.

— Ужь не прибѣгалъ ли онъ къ вамъ?

— Да.

— И просилъ васъ дать ему какое-нибудь приворотное зелье?

— Нѣтъ, мы ворожили надъ восковой фигурой.

— Кольнули ее въ сердце?

— Да.

— И эта фигура цѣла?

— Она у васъ.

— У меня?

— Странно, сказала Катерина:—не-уже-ли эти кабалистическія приготовленія въ-самомъ-дѣлѣ производятъ дѣйствіе, которое имъ приписываютъ?

— Ваше величество въ состояніи судить объ этомъ лучше меня.

— Королева наваррская любитъ ла-Моля?

— Такъ, что готова погубить себя изъ-за него. Вчера она спасла его отъ смерти, рискуя собственною жизнью и честью. Вы знаете это, ваше величество, — и еще сомнѣваетесь.

— Въ чемъ?

— Въ наукѣ.

— Да, потому-что наука измѣнила мнѣ, отвѣчала Катерина, пристально посмотрѣвъ на Ренé.

Ренé какъ-нельзя-лучше выдержалъ этотъ взглядъ и спросилъ: когда?

— О! вы очень-хорошо знаете, что я хочу сказать; впрочемъ, можетъ-быть, измѣнила не наука, а ученый.

— Не знаю, что угодно сказать вашему величеству, отвѣчалъ Флорентинецъ.

— Рене, не-уже-ли ваши духи потеряли запахъ?

— Нѣтъ, если я самъ ихъ употребляю; но легко можетъ быть, что, переходя черезъ чужія руки...

Катерина улыбнулась и покачала головою.

— Вамъ опять надъедалъ чудесь, Рене. У г-жи де-Совъ губы теперь свѣжѣе, нежели были когда-нибудь.

— Этимиъ она обязана не моему опіату; баронесса де-Совъ, пользуясь правомъ всякой хорошенькой женщины имѣть свои капризы, не упоминала болѣе объ опіатѣ; я же, съ своей стороны, послѣ того, что ваше величество изволили говорить мнѣ, счелъ за лучшее не посылать ей мази. Баночки еще у меня, исключая одной, которая пропала неизвѣстно куда...

— Хорошо; мы, можетъ-быть, еще поговоримъ объ этомъ. Теперь о другомъ.

— Я слушаю.

— Что надобно знать, чтобы опредѣлить приблизительно, сколько проживетъ человѣкъ?

— День рожденія, возрастъ и созвѣдіе, подъ вліяніемъ котораго онъ родился.

— Потомъ?

— Надобно достать его крови и волосы.

— И если я вамъ принесу его волосы и кровь, если скажу вамъ сколько ему лѣтъ, когда и подъ какимъ созвѣдіемъ онъ родился, опредѣлите ли вы вѣроятную эпоху его смерти?

— Да; ошибка можетъ быть только въ нѣсколькихъ дняхъ.

— Хорошо. Волосы его у меня есть, я достану и крови.

— Онъ родился днемъ или ночью?

— Шестаго 23 минуты ввечеру.

— Приходите ко мнѣ завтра въ пять часовъ; опытъ долженъ быть произведенъ въ самую минуту рожденія.

— Хорошо; мы прійдемъ.

Рене поклонился и вышелъ, не замѣтивъ по-видимому словечка мы, которое, однакожь, давало знать, что Катерина, противъ своего обыкновенія, прійдетъ не одна.

На другой день, на разсвѣтѣ, Катерина зашла къ сыну. Въ полночь она посылала узнать о его здоровьи, и ей сказали, что Парэ собирается пустить ему кровь, если нервное раздраженіе не прекратится.

Онъ дрожалъ еще и во снѣ; блѣдный отъ потери крови, спалъ онъ, прислонившись къ плечу своей кормилицы; она цѣлые три часа не мѣняла своего положенія, опасаясь нарушить покой больного.

Легкая пѣна выступала по-временамъ на губахъ его, и корми-

лица отирала ее чистымъ батистовымъ платкомъ. На зголовьѣ лежалъ другой платокъ, весь въ крови.

Катерина пришло-было въ голову завладѣть этимъ платкомъ, но она вспомнила, что кровь тутъ смѣшана съ слюною, и не дастъ, можетъ-быть, настоящаго результата при опытѣ; она спросила у кормилицы, пускалъ ли докторъ кровь? кормилица отвѣчала, что пускалъ, и даже такъ много, что Карлъ два раза падалъ въ обморокъ.

Катерина, нѣсколько сѣдущая въ медицину, какъ всѣ принцессы того времени, просила взглянуть на кровь; Парѣ, кстати, не вѣлѣло выбрасывать ее, желая сдѣлать свои наблюденія.

Кровь въ тарелкѣ стояла въ ближайшей комнатѣ. Катерина пошла туда и налила красной жидкости въ флаконъ, который нарочно принесла съ собою; потомъ спокойно возвратилась въ кабинетъ, заложивъ руки въ карманы, чтобъ обогрѣнные пальцы не выдали ея.

Въ ту минуту, когда она ступила на порогъ, Карлъ открылъ глаза. Видъ матери поразилъ его. Приемная, какъ сквозь сонъ, прошедшее, онъ сказалъ:

— А! это вы? Дѣ, такъ объявите же вашему возлюбленному д'Анжу, что аудіенція будетъ завтра.

— Когда тебѣ угодно, любезный Карлъ. Успокойся только и засни.

Карлъ, какъ-будто исполняя ея просьбу, дѣйствительно закрылъ глаза; Катерина, давъ этотъ советъ, какъ обыкновенно даютъ его въ утѣшеніе больному или ребенку, вышла. Но вслѣдъ за ея уходомъ, едва затворилась дверь, Карлъ вдругъ вскочилъ, и голосомъ, дрожащимъ еще отъ гнѣва, прокричалъ: «Канцлера! печать! дворъ! севать ихъ сейчасъ же!»

Кормилица нѣжно прижала голову его къ своему плечу, и начала убаюкивать его какъ дитя.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ: — я ужъ не засну. Позови дежурныхъ; я займусь сегодня утромъ.

Когда Карлъ говорилъ такимъ тономъ, надѣ было позволено; сама кормилица, не смотря на исключительныя права, предоставленныя ей ея дитящемъ, не смѣла ослушаться. Позванные явились, и заседание было назначено, не на завтра — это было невозможно, а черезъ пять дней.

Между-тѣмъ, королева-мать и герцогъ д'Анжу отправились въ условленный часъ къ Ренѣ. Флорентинецъ, зная, что они прійдутъ, приготавливалъ все для таинственнаго омыта.

Въ комнатѣ на право, то-есть въ комнатѣ жертвоприношеній, красила на жаровнѣ полоса стали; по явившимся на ней чуд-

цать арабскимъ отгадывалась судьба лица, о которомъ ворожили; на алтарь лежала книга судьбы. Ночь была очень-свѣтла, и Ренé свободно могъ наблюдать движеніе и положеніе созвѣздій.

Генрихъ д'Анжу вошелъ первый; на немъ были накладные волосы: маска закрывала лицо, и широкій ночной плащъ окутывалъ станъ. За нимъ вошла мать его, и еслибъ она не знала, что здѣсь ждетъ ее сынъ, она ни за что бы не узнала его. Катерина сняла свою маску; герцогъ, напротивъ, не снялъ.

— Дѣлалъ ты наблюденія сегодня ночью? спросила Катерина.

— Дѣлалъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ:— и звѣзды раскрыли уже мнѣ прошедшее. Тотъ, о которомъ вы меня спрашиваете, одаренъ, какъ все, рожденные подъ созвѣдіемъ Рака, сердцемъ пламеннымъ и непомерно-гордымъ. Онъ могущественъ и прожилъ уже съ четверть вѣка; до-сихъ-поръ небо ниспосылало ему славу и богатство. Не такъ ли?

— Можетъ-быть, отвѣчала Катерина.

— Принесли ли вы кровь и волосы?

— Вотъ они.

Катерина подала гадателю локонъ бѣлокурыхъ волосъ и стеклянку съ кровью.

Ренé взялъ ее, встряхнулъ, чтобъ хорошенько смѣшать фибрину съ сывороткою, и съѣдилъ большую каплю этого жидкаго тѣла на раскаленную полосу стали; капля въ одно мгновеніе зашипѣла и разбѣжалась фантастическими узорами.

— О! воскликнулъ Ренé:— я вижу: онъ корчится отъ ужасной боли. Слышите ли, какъ онъ стонетъ и зоветъ на помощь? Видите ли какъ все превращается вокругъ него въ кровь? Видите ли, какъ вокругъ его смертнаго одра готовится жестокая битва? Вотъ и копья и шпаги...

— Долго это продлится? спросила Катерина съ невыразимымъ волненіемъ, останавливая руку д'Анжу, который съ жаднымъ любопытствомъ наклонился къ пылающей жаровнѣ.

Ренé подошелъ къ алтарю и повторилъ кабалистическую молитву съ такимъ жаромъ и убѣжденіемъ, что жилы на вискахъ его налились кровью и по тѣлу его пробѣжали конвульси, какъ у древней цѣлѣи на треножникѣ.

Наконецъ онъ всталъ и сказалъ, что все готово; въ одну руку взялъ онъ флаконъ съ кровью, въ которомъ оставалось еще три четверти жидкости, другою локонъ волосъ. Потомъ приказалъ Катеринѣ раскрыть на удачу книгу судьбы и взглянуть куда придетъ. Самъ онъ вылилъ на стальную полосу всю кровь и бросилъ на жаровню всѣ волосы, произнося какую-то кабалистическую

фразу, составленную изъ еврейскихъ словъ, значенія которыхъ самъ не понималъ.

Въ ту же минуту Катерина и д'Анжу увидѣли на полостѣ длинную бѣлую фигуру, похожую на трупъ, завернутый въ савань.

Другая фигура, какъ-будто женская, стояла склонившись надъ первой.

Волосы вспыхнули высокимъ, пламеннымъ языкомъ.

— Годъ! воскликнулъ Ренé. Едва пройдетъ годъ, какъ его уже не станетъ, и надъ нимъ будетъ плакать только одна женщина. Нѣтъ, однакоже, — вонъ, вонъ, на концѣ полосы еще женщина, и какъ-будто съ ребенкомъ на рукахъ.

Катерина посматрѣла на сына, какъ-будто спрашивая его, кто эти двѣ женщины?

Не успѣвъ еще Ренé договорить, какъ полоса сдѣлалась опять совершенно-бѣлою; все на ней исчезло.

Тогда Катерина открыла книгу и прочла голосомъ, который, не смотря на всѣ ея усилія, измѣнился, слѣдующее двустипіе:

Ains a peri cil que l'on redoutait,  
Plutôt, trop tôt, si prudence n'était.

То-есть:

«Такъ безвременно погибъ отъ неосторожности тотъ, котораго всѣ боялись.»

Нѣсколько минутъ царствовало вокругъ жаровни глубокое молчаніе.

— А на-счетъ того,—знаешь, спросила Катерина:—что говорятъ гаданія на этотъ мѣсяцъ?

— Благополучіе, какъ и всегда. Будущность улыбается этому человеку. Однакожь...

— Однакожь, что?

— Одна изъ звездъ, составляющихъ его плеяду, была во время моихъ наблюденій закрыта мрачнымъ облакомъ.

— А! мрачнымъ облакомъ...Значить, есть какая-нибудь надежда?

— О комъ вы говорите? спросилъ д'Анжу.

Катерина отвела сына далеко отъ жаровни и сказала ему что-то въ-полголоса.

Въ это время, Ренé сталъ на колѣни и, приблизившись къ свѣту, вынулъ себѣ на ладонь послѣднюю каплю крови, остававшуюся въ стеклянкѣ.

— Странное противорѣчіе! сказалъ онъ.—Оно доказываетъ, какъ непрочно свидѣтельства простой науки, простыхъ людей! Для всякаго, кроме меня, для всякаго медика, ученаго, для самого Амбруаза Парé ясно,—что эта кровь чиста и такъ животворна, что

общаетъ долгую жизнь тѣлу, изъ котораго вытекла. А между-тѣмъ, вся эта мощь должна скоро исчезнуть, эта жизнь должна угаснуть раньше года!

Катерина и д'Анжу взглянули другъ на друга и слушали. Глаза герцога сверкали сквозь маску.

— Да, продолжалъ Ренé: — для простыхъ ученыхъ открыто только настоящее, и только намъ доступно прошедшее и будущее.

— Такъ вы все-таки думаете, что онъ умретъ раньше года? спросила Катерина.

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что насъ здѣсь трое живыхъ людей, и что мы нѣкогда также будемъ покоиться въ могилѣ.

— Но вы сказали, что эта кровь чиста и плодотворна, что она общаетъ долгую жизнь?

— Да, еслибъ все шло естественнымъ порядкомъ. Но развѣ не возможно, чтобъ какой-нибудь случай...

— Слышишь? сказала Катерина Генриху.— Случай...

— Тѣмъ болѣе должно бы мнѣ остаться здѣсь.

— Объ этомъ нѣчего больше думать; это дѣло невозможное.

Молодой человекъ, обратившись къ Ренé, сказалъ, стараясь измѣнить свой голосъ:

— Благодарю! возьми этотъ кошелекъ.

— Пойдемте, графъ, сказала Катерина, давая своему сыну титулъ, который спуталъ бы предположенія Ренé.

Они ушли.

— Вы видите, матушка, сказалъ Генрихъ:—случай!.. И если, что случится, а меня не здѣсь будетъ! 'За четыреста лѣтъ отъ васъ...

— Четыреста лѣтъ можно проѣхать въ восемь дней.

— Да, позволять ли мнѣ возвратиться? О, еслибъ я могъ подождать!

— Кто знаетъ! Случай, о которомъ говорилъ Ренé, можетъ быть именно тотъ самый, отъ котораго король слегъ со вчерашняго дня въ постель. Ступай своею дорогой; я пройду въ калитку августинскаго монастыря; свита ждетъ меня тамъ. Ступай, Генрихъ, да смотри, не раздражай брата, если его увидишь.

## II.

### Довѣренность.

Первое, что узналъ д'Анжу, возвратившись въ Лувръ, было назначеніе торжественнаго приема пословъ черезъ пять дней. Портные и брильянтички ждали принца съ великолѣпными платьями и украшениями, заказанными для него королемъ.

Между-тѣмъ, какъ онъ, съ досадою, вызывавшею слезы на глазахъ его, примѣрялъ эти одежды, Генрихъ-Наваррскій любовался изумруднымъ колье, шпагою съ золотымъ ефесомъ и драгоценнымъ перстнемъ, присланнымъ ему поутру въ подарокъ отъ Карла.

Д'Алансонъ получилъ письмо, и заперся у себя въ комнату, чтобъ прочесть его на свободѣ.

Коконна бѣгалъ по Лувру и искалъ своего друга.

Очень-попятно, онъ нисколько не удивился, узнавъ, что ла-Моль ночевалъ не дома. Но съ утромъ пробудилось въ немъ безпокойство. Онъ пошелъ искать ла-Моля и прежде всего отправился въ гостиницу à la Belle Étoile; оттуда въ улицу Клош-Персэ, потомъ въ улицу Тизонъ, потомъ на Мостъ-Сен-Мишель; наконецъ, возвратился въ Лувръ.

Коконна допрашивалъ всѣхъ встрѣчныхъ такъ оригинально, иногда даже такъ навязчиво, что съ тремя придворными пришлось ему кончить объясненіе по тогдашнему обычаю, т. е. со шпагою въ рукахъ. Коконна поступилъ въ этомъ случаѣ совѣстливо и аккуратно, какъ всегда поступалъ въ такихъ дѣлахъ, то-есть, онъ убилъ перваго и ранилъ двухъ другихъ, повторяя:

— Бѣдный ла-Моль! Онъ такъ хорошо зналъ по-латинѣ!

Это до того надобно его противникамъ, что послѣдній, баронъ де-Болессей, сказалъ, падая:

— Да будьте же наконецъ не такъ однообразны: скажите, что онъ зналъ по-гречески!

Вѣсть о происшествіи въ корридорѣ, наконецъ, разнеслась. Коконна былъ пораженъ скорбью: онъ думалъ, что всѣ эти короли и принцы сговорились убить его друга, что они бросили его въ какой-нибудь подвалъ, или зарыли въ какой-нибудь погребъ.

Онъ узналъ, что и д'Алансонъ участвовалъ въ дѣлѣ; забывъ, что онъ принцъ крови, Коконна отправился требовать у него объясненія, какъ у простаго дворянина.

Д'Алансону въ первую минуту припала сильная охота вытолкать вонъ дерзкаго, который осмѣлился требовать у него отчета въ его поступкахъ. Но Коконна говорилъ такъ отрывисто, глаза его сверкали съ такою яростью, и исторія о трехъ дуэляхъ въ двадцать-четыре часа поставила его такъ-высоко, что герцогъ одумался, и, подавивъ первое движеніе негодованія, отвѣчалъ ему съ любезною улыбкою:

— Правда, мосье Коконна, что король, разгнѣванный ударомъ серебряной кружки, д'Авижу, недовольный тѣмъ, что его обдали апельсиновымъ компотомъ, и Гизъ, раненный окорокомъ, сговорились убить ла-Моля. Но какой-то другъ вашего друга отвелъ ударъ. Экспедиція не удалась, повѣрьте моему честному слову.



Коконна́ вздохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ.

— Mordi! Это недурно, сказалъ онъ.— Я желалъ бы знать, кто этотъ другъ, чтобъ поблагодарить его.

Д'Алансонъ не отвѣчалъ ничего, но улыбнулся еще пріятнѣе. Коконна́ воображалъ себя, что этотъ другъ не кто иной, какъ самъ герцогъ.

— Ваше высочество! сказалъ онъ:— вы были такъ добры, рассказали мнѣ начало исторіи,—сдѣлайте же милость, расскажите и конецъ. Его хотѣли убить, но не убили, говорите вы? Что жъ съ нимъ стало? Я не трусъ; говорите,—я вынесу непріятное извѣстіе. Его упрятали куда-нибудь въ яму, не правда ли? Тѣмъ лучше,— впередъ онъ будетъ осмотрительнѣе. Онъ никогда не хочетъ слушаться моихъ совѣтовъ. Да, впрочемъ, не вѣкъ же ему тамъ сидѣть, mordi!

Д'Алансонъ покачалъ головою.

— Хуже всего, мой храбрый Коконна́, то, что другъ твой исчезъ послѣ этого приключенія неизвѣстно куда.

— Mordi! воскликнулъ Коконна́, снова блѣднѣя:— будь онъ хоть въ аду, я дознаюся истины!

— Послушай, сказалъ герцогъ, которому не меньше Коконна́, только по другимъ причинамъ, хотѣлось узнать, гдѣ Ла-Моль:— я дамъ тебѣ дружескій совѣтъ.

— Говорите, ваше высочество, говорите.

— Сходи къ королеву Маргеритѣ; она должна знать, что случилось съ человѣкомъ, котораго ты оплакиваешь.

— Если признаться вашему высочеству, такъ я уже объ этомъ думалъ; да я не смѣлъ исполнить своего намѣренія; самъ не знаю отъ-чего, только боюсь ея величества, да и не хотѣлъ бы застать ея въ слезахъ. Но такъ-какъ вы увѣрите, что Ла-Моль живъ и что королева должна знать, гдѣ онъ,— я запасусь храбростью и схожу къ ней.

— Сходи, другъ мой, сходи. Если узнаешь что-нибудь, сообщи мнѣ; я, право, беспокоюсь не меньше твоего. Только не забудь, Коконна́...

— Что такое?

— Не говори, что ты пришелъ отъ меня; а не то, пожалуй, ты ничего не узнаешь.

— Если ваше высочество совѣтуете мнѣ не говорить объ этомъ, я буду нѣмъ какъ рыба, или какъ королева-мать.

— Славный принцъ! Великодушный принцъ! шепталъ Коконна́, или къ Маргеритѣ.

Маргерита ждала Коконна́. До нея дошли уже слухи о его отчаяніи; узнавъ, какими подвигами ознаменовалъ онъ это отчаяніе,

она почти простила ему грубоватое обращеніе съ герцогинею де-Неверъ, съ которой онъ не говорилъ уже два или три въ-слѣдствіе какой-то размолвки. Его тотчасъ впустили къ королевѣ.

Коконна вышелъ съ невольнымъ чувствомъ робости, о которомъ говорилъ герцогу; надо замѣтить, что эту робость внушало ему превосходство ума Маргериты, а не санъ ея. Королева встрѣтила его съ ласковою улыбкою, которая тотчасъ же возвратила ему всю бодрость.

— Ваше величество! Умоляю васъ, возвратите мнѣ моего друга, или скажите по-крайней-мѣрѣ, что съ нимъ сдѣлалось? Я не могу жить безъ него. Вообразите себѣ Эвриала безъ Низа, Дамона безъ Пиеіаса, Ореста безъ Пилада, и сжальтесь надъ моимъ горемъ хоть ради одного изъ названныхъ мною героевъ, сердце которыхъ было не нѣживе моего.

Маргерита улыбнулась, и, взявъ съ Коконна слово молчать, рассказала ему, какъ ла-Моль спасся въ окно. Что касается до мѣста его убѣжища, какъ неотступно ни просилъ Пьемонтецъ открыть его, она сохранила глубочайшее молчаніе. Коконна былъ удовлетворенъ только въ-половину; онъ пустился даже въ дипломатическіе намеки самаго высокаго полета. Изъ нихъ Маргерита ясно увидѣла, что герцогу д'Алансону не меньше Коконна хотѣлось узнать, что сдѣлалось съ ла-Модемъ.

— Если вы уже непременно хотите узнать что-нибудь положительное на счетъ вашего друга, сказала она: — спросите у короля наваррскаго: онъ одинъ имѣетъ право говорить. Что касается до меня, я только могу вамъ сказать, что тотъ, кого вы ищете, живъ. Повѣрьте моему слову.

— Я имѣю на это еще сильнѣйшее доказательство: ваши прекрасные глаза не плакали.

Съ этими словами, думая, что уже нечего прибавить къ фразѣ, которая имѣла двойное достоинство: выразила его мысль и высокое мнѣніе его о ла-Молѣ, — Коконна вышелъ, раздумывая, какъ бы помириться съ герцогинею, не для нея собственно, а чтобы узнать отъ нея то, чего не могъ узнать отъ Маргериты.

Глубокая скорбь — положеніе аномальное, и душа сбрасываетъ съ себя это иго при первой возможности. Мысль — разстаться съ Маргеритой, сначала сжала сердце ла-Моля. Онъ согласился бѣжать не столько для сохраненія своей жизни, сколько для спасенія репутаціи Маргериты.

На другой же день вечеромъ, онъ возвратился, чтобы увидѣть Маргериту на балконѣ. Маргерита, — какъ-будто какой-то тайный голосъ извѣстилъ ее о возвращеніи друга, — провела весь вечеръ у окна. Они увидѣлись съ невыразимымъ блаженствомъ запрещенна

го удовольствія. Опасность шила даже свою привлекательность для меланхолической и романтической души ла-Моля. Такъ-какъ истинно-влюбленный счастливъ только въ тѣ минуты, когда видѣть или обладаетъ, и страдаетъ во все остальное время, ла-Моль горячо принялся улаживать дѣло, которое должно было возвратитъ ему Маргериту, то-есть бѣгство короля наваррскаго.

Маргерита, съ своей стороны, вполнѣ предалась наслажденію быть любимой такъ чистосердечно. Иногда она сердилась на себя за эту слабость; мужественный духъ ея презиралъ жалкую простую любовь. Нечувствительная къ мелочамъ, которыя для нѣжныхъ душъ составляютъ самое сладкое, самое завидное блаженство, она была довольна днемъ, по-крайней-мѣрѣ довольна окончаніемъ его, если вышедъ, часовъ въ девять вечера, на балконъ, она замѣчала на набережной, въ тѣни, мужчину, приложившаго руку къ сердцу или губамъ. Иногда изъ маленькой ручки летѣла къ ногамъ его записка съ завернутою въ ней бездѣлкою—не столько для него драгоценною по своему золоту, сколько потому, что она принадлежала ей. Ла-Моль, какъ коршунъ, бросался на добычу, прижималъ ее къ сердцу, и Маргерита уходила съ балкона только тогда, когда замолкалъ вдали топотъ его лошади, прискакавшей во весь опоръ и удаляющейся медленнымъ, дѣйственнымъ шагомъ, какъ-будто она была съдлана изъ дерева, подобно коню, погубившему Трою.

Вотъ почему Маргерита была спокойна на-счетъ участи ла-Моля, которому, впрочемъ, опасаясь шпионовъ, отказывала въ просьбѣ видѣться иначе. Эти свиданія продолжались ежедневно со времени его бѣгства. Между-тѣмъ, день, назначенный для приема пословъ, приближался.

Наканунъ этого дня, часовъ въ девять вечера, когда всѣ въ Луврѣ были заняты приготовленіями, Маргерита отворила окно и вышла на балконъ. Едва только показалась она, какъ ла-Моль, не дожидаясь записки Маргериты, бросилъ ей свою, которая и упала къ ногамъ ея. Маргерита догадалась, что въ этомъ посланіи заключается что-нибудь особенное, и вошла въ комнату, чтобъ прочесть его.

На первой страницѣ было написано:

«Я долженъ поговорить съ королемъ наваррскимъ. Дѣло не терпитъ замедленія. Я жду.»

На другой половинѣ листка, которую можно было оторвать отъ первой, было написано:

«Устройте такъ, чтобъ я могъ поцаловать вашу ручку, которую цалую теперь мысленно. Я жду.»

Маргерита еще дочитывала эти строки, когда услышала голосъ

Генриха-Наваррского. Онъ, съ всегдашней своею скромностью, постучался въ дверь, и спрашивалъ у Гильдонны, можно ли войти.

Королева быстро раздвинула записку пепеламъ, спрятала одну страничку за корсетъ и подбѣжала къ окну, затворила его и потомъ поспѣшила къ двери.

— Войдите, сказала она.

Какъ ни тихо и впрямую затворила Маргерита окно, шумъ достигъ до слуха Генриха. Чувства его, постоянно напряженныя среди общества, которому онъ такъ сильно не довѣрялъ, приобрѣли почти тонкость органовъ дикаря. Но король наваррскій былъ не изъ числа тѣхъ тирановъ, которые запрещаютъ своимъ женамъ дышать чистымъ воздухомъ и любоваться на звѣзды.

Генрихъ былъ веселъ и ласковъ, какъ всегда.

— Вся примѣряютъ теперь свои торжественные костюмы, сказалъ онъ. — А мнѣ пришло въ голову зайти къ вамъ поговорить о моихъ дѣлахъ, которые вы все еще, надѣюсь, считаете и своими?

— Конечно, отвѣчала Маргерита:—развѣ у насъ не одни съ вами интересы?

— Да; потому-то я и хотѣлъ васъ спросить, что вы думаете насчетъ того, что д'Алансонъ вотъ уже нѣсколько дней орду убѣгаетъ меня? Третьяго-дня онъ даже удалился въ Сен-Жерменъ. Не думаетъ ли онъ бѣжать одинъ, потому-что за нимъ слабо присматриваютъ? или и вовсе не думаетъ бѣжать? Скажите, пожалуйста, что вы объ этомъ думаете? Это, признаюсь вамъ, сильно подѣйствуетъ на мои догадки.

— Вы правы; молчаніе брата должно васъ беспокоить. Я думала объ этомъ сегодня цѣлый день, и кажется, д'Алансонъ измѣнился потому, что измѣнились обстоятельства.

— То-есть, такъ-какъ Карлъ боленъ, а герцогъ д'Анжу увязаетъ въ Польшу, такъ онъ не прочь остаться въ Парижѣ и не упускать изъ вида французской короны?

— Именно.

— Пусть такъ. Но мнѣ все равно; только если онъ останется, такъ отъ этого измѣняется весь планъ. Увязая одинъ, я долженъ обезпечить себя втрое противъ того, какъ еслибъ уѣхалъ съ вашимъ братомъ, яма и присутствіе котораго были бы мнѣ защитой. Удивляетъ меня только, что ничего не слышно о де-Муи, — а онъ не любитъ сидѣть сложа руки. Вы ничего о немъ не знаете?

— Я? спросила съ удивленіемъ Маргерита; — какимъ же образомъ...

— Очень-естественно; вы вѣдь сдѣлали мнѣ удовольствіе, спасли жизнь ла-Молю... Онъ долженъ былъ отправиться въ Нантъ... ну, а оттуда можно и возвратиться.

— А? Теперь я понимаю загадку, которую напрасно стараюсь разгадать. Окно было раскрыто, и, вошедъ въ комнату, я нашла на ковръ что-то въ родѣ записки.

— Вотъ видите!

— Я ничего не поняла изъ этой записки, да и не обратила на нее особеннаго вниманія. Можетъ-быть, я ошиблась, и записка отъ де-Муи.

— Очень можетъ-быть; даже вѣроятно. Можно взглянуть на нее.

— Конечно, отвѣчала Маргерита, подавая королю листокъ, который спрятала въ карманъ.

Король взглянулъ на записку.

— Это, кажется, почеркъ де-ла-Моля? спросилъ онъ.

— Не знаю; нохоже на поддѣлку.

— Все равно; прочтемъ.

И онъ прочелъ:

«Я долженъ поговорить съ королемъ наваррскимъ. Дѣло не терпитъ замедленія. Я жду.»

— Такъ и есть! продолжалъ король:—видите ли, онъ говоритъ, что ждетъ.

— Конечно, вижу; но что же вы хотите?

— *Ventre-saint-gris*, чтобъ онъ пришелъ!

— Чтобъ онъ пришелъ! повторила Маргерита, съ изумленіемъ взглянувъ на Генриха. — Какъ вы можете сказать это? Человѣкъ, котораго король хотѣлъ убить... котораго все знаютъ... Чтобъ онъ пришелъ, говорите вы! Возможно ли это? Развѣ двери сдѣланы въ Лувръ для тѣхъ, которые...

— Принуждены были бѣжать въ окно, хотите вы сказать?

— Именно. Вы досказали мою мысль.

— Прекрасно. Но если они уже знакомы съ дорогою въ окно, пусть идутъ въ окно, потому-что въ двери имъ войти рѣшительно невозможно. Это очень-просто.

— Вы думаете? спросила Маргерита, краснѣя отъ удовольствія при мысли о свиданіи съ ла-Молемъ.

— Разумѣется.

— Но какъ же ему взобраться?

— Не-уже-ли вы не спрятали веревочной лѣстницы, которую я имъ прислалъ? Это не похоже на вашу всегдашнюю предусмотрительность.

— Лѣстница у меня, отвѣчала Маргерита.

— Прекрасно, сказалъ Генрихъ.

— Итакъ, что же прикажете дѣлать?

— Вѣкъ мой! Привяжите ее къ балкону и спустите. Если де-

Мун ждетъ внизу, — а я готовъ этому вѣрить, — если это де-Мун, онъ взберется.

Не теряя своего хладнокровія, Генрихъ взялъ свѣчу, чтобъ помочь Маргеритѣ отыскать лѣстницу. Ее искали недолго: она была спрятана въ шкафъ, стоящемъ въ знаменитомъ кабинетѣ.

— Прекрасно, вотъ она! сказалъ Генрихъ. — Теперь, смѣю ли просить васъ привязать ее къ балкону.

— Почему же должна привязать я, а не вы?

— Потому-что хорошіе заговорщики очень осторожны. Видъ мужчины испугаетъ, можетъ-быть, нашего друга, — вы понимаете...

Маргерита улыбулась и привязала лѣстницу.

— Покажитесь хорошенько, выйдите на балконъ дальше, говорилъ Генрихъ, спрятавшись въ уголъ комнаты. — Теперь покажите лѣстницу; прекрасно! де-Мун, я увѣренъ, влѣзетъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ десять, кто-то, дрожа отъ восторга, сталъ на балконъ и, видя, что королева не идетъ къ нему на встрѣчу, остановился въ недоумѣніи. Но, вмѣсто Маргериты, подошелъ къ нему Генрихъ.

— Ба! сказалъ онъ ласково: — да это не де-Мун, это ла-Моль! Здравствуйте, г. де-ла-Моль. Войдите, пожалуйста.

Ла-Моль былъ ошеломленъ. Еслибъ онъ стоялъ не на балконѣ, а еще на лѣстницѣ, онъ, можетъ-быть, опрокинулся бы назадъ.

— Вы хотѣли поговорить съ королемъ наварскимъ о важномъ дѣлѣ, сказала Маргерита. — Я извѣстила его, и онъ пришелъ.

Генрихъ пошелъ затворить окно.

— Я люблю тебя, сказала Маргерита, сжимая руку молодого человека.

— Ну, что скажете? сказалъ Генрихъ, подавая ему стулъ.

— Я оставилъ де-Муна у заставы. Онъ желаетъ знать, заговорилъ ли Морвель, и извѣстно ли, что онъ былъ въ комнатѣ вашего величества?

— Нѣтъ еще; но скоро откроется; мы должны поспѣшить.

— Онъ то же думаетъ. Если д'Алансонъ готовъ бѣжать завтра вечеромъ, де-Мун будетъ у Сен-Марсельскихъ-Воротъ съ 150 человѣками; 500 ждутъ васъ въ Фонтенблô; оттуда вы поспѣшите въ Блуа, Ангулемъ и Бордо.

— Я, сказалъ Генрихъ, обращаясь къ женѣ: — буду готовъ завтра вечеромъ; а вы?

Ла-Моль съ безпокойствомъ устремилъ глаза на Маргериту.

— Я дала вамъ слово слѣдовать за вами повсюду; но вы знаете, д'Алансонъ долженъ ѣхать съ нами. Съ нимъ нельзя держать-

са середины: онъ или услужить намъ, или измѣнить. Если онъ залуется, не тронемъ съ мѣста.

— Знаетъ онъ что-нибудь объ этомъ планѣ? спросилъ Генрихъ у Ла-Моля.

— Онъ долженъ былъ на-дняхъ получить письмо отъ де-Муи.

— А! И ничего не говорилъ мнѣ!

— Не доверяйте ему, сказала Маргерита: — не доверяйте!

— Будьте спокойны, я остороженъ. Какъ доставить отвѣтъ де-Муи?

— Объ этомъ не беспокойтесь, ваше величество. Завтра, во время приема пословъ, справа или слева, видимый или невидимый, онъ будетъ въ залѣ: пусть ея величество вставитъ въ свою рѣчь словечко, по которому онъ могъ бы узнать, готовы вы или нѣтъ, ждать ему или бѣжать. Если герцога д'Алансонъ отказывается, онъ проситъ только пятнадцать дней, чтобъ все устроить отъ вашего имени.

— Право, сказалъ Генрихъ: — де-Муи неоцѣненный человекъ! Можете ли вы вставить въ вашу рѣчь такую фразу?

— Нѣтъ ничего легче, сказала Маргерита.

— Такъ завтра я повидаюсь съ д'Алансономъ, сказалъ Генрихъ.

— Пусть де-Муи будетъ на своемъ мѣстѣ и пойметъ отвѣтъ по полуслову.

— Онъ будетъ, ваше величество.

— Такъ передайте ему мой отвѣтъ. У васъ, конечно, есть тутъ близко лошадь и слуга?

— Ортонъ ждетъ меня на набережной.

— Спѣшите же... Постоите! не туда, не въ окно. Это хорошо только въ крайности. Васъ могутъ замѣтить, и не всѣмъ же известно, что вы предпринимали такое путешествіе ко мнѣ: это можетъ повредить королеву.

— Но куда же выйдти, ваше величество?

— Выйдти вы не можете одни въ Лувръ, а со мною выйдти не трудно. Я знаю пароль. Вы въ плащѣ, я тоже; мы хорошенько завернемся и легко выйдемъ въ ворота. Къ-тому же, я хочу дать Ортону кое-какія приказанія. Подождите здѣсь; я посмотрю, нѣтъ ли кого въ корридорѣ.

Генрихъ вышелъ осмотрѣть дорогу. Ла-Моль остался наединѣ съ королевой.

— О! когда я васъ опять увижу? сказалъ онъ.

— Завтра вечеромъ, если мы убѣжимъ; если останемся, такъ на-дняхъ, въ Улицѣ-Клош-Персѣ.

— Пойдемте, Ла-Моль, сказалъ Генрихъ, возвращаясь: — никого нѣтъ.



Ла-Моль почтительно поклонился королеве.

— Дайте ему поцеловать вашу руку, сказала Генрихъ: — ла-Моль не изъ простыхъ друзей.

Маргерита повиновалась.

— Кстати, сказалъ Генрихъ:— пожалуйста, припрячьте хорошенько лѣстницу: это драгоценная вещь для заговорщиковъ. Она можетъ понадобиться, когда и не ждешь. Пойдемте, г. ла-Моль, найдите.

### III.

### Послы.

На другой день, все народонаселеніе Парижа стеклось въ Сен-Жерменское-Предмѣстье. Здѣсь польскіе послы должны были въѣзжать въ городъ. Строй Швейцарцевъ удерживалъ толпу въ порядкѣ, и конные отряды очищали дорогу вельможамъ и придворнымъ дамамъ, вѣхавшимъ на встрѣчу поѣзда.

Вскорѣ на высотѣ Сент-Антуанскаго-Аббатства показалось не сколько всадниковъ въ красныхъ съ желтымъ одеждахъ, въ шапкахъ и плащахъ на мѣху, съ широкими кривыми саблями въ рукахъ.

На флангахъ линіи шли офицеры.

За этимъ первымъ отрядомъ слѣдовалъ другой, одѣтый съ восточною роскошью. За нимъ вѣхали четыре посла, великолѣпныя представители самаго мнѣологическаго изъ рыцарскихъ государствъ XVI столѣтія.

Одинъ изъ этихъ пословъ былъ епископъ краковскій. На немъ былъ полудуховный, полувойенный костюмъ, сверкающій золотомъ и драгоценными каменьями. Бѣлый ковъ съ волнистою длинною гривой, дышалъ, казалось, огнемъ; никто бы не могъ подумать, что благородное животное тридцать дней сряду дѣлало по пятнадцати лѣтъ по дорогамъ почти-непроходимымъ отъ дурнаго времени года.

Рядомъ съ епископомъ вѣхалъ палатинъ Ласко, сильный вѣлѣмжа, приближенный къ престолу, богатый и гордый какъ король. За двумя главными послами и сопровождавшими ихъ двумя другими знатными палатинами, вѣхало множество польскихъ дворянъ. шелковая сбруя коней ихъ, украшенная золотомъ и каменьями возбуждала удивленіе зрителей. Дѣйствительно, эти чужеземцы, которыхъ Французы презрительно называли варварами, совершенно затмѣвали ихъ своимъ великолѣпіемъ.

Катерина до послѣдней минуты надѣялась, что приемъ будетъ еще отложенъ, и что рѣшительность короля уступить мѣсто его обычной слабости. Но когда насталъ назначенный день, когда она увидѣла, что Карлъ, блѣдный какъ смерть, надѣлъ великобывную королевскую мантию, она поняла, что надо хоть наружно покориться его желѣзной волѣ и начала вѣрить, что Генриху д'Анжу мѣло лучше согласиться на свое почетное изгнаніе.

Карлъ, исключая нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ имъ, когда онъ увидѣлъ у себя въ кабинетѣ матъ, ни слова не упоминалъ о Катеринѣ со времени роковой сцены, заставившей его лечь въ постель. Всѣ въ Луврѣ знали, что у нихъ былъ крупный разговоръ; но содержаніе никому не было извѣстно. Самые смѣлые трепетали передъ этимъ холоднымъ безмолвіемъ, какъ птицы трепещутъ передъ тишиною, предвѣстницею грозы.

Впрочемъ, всѣ готовились въ Луврѣ къ аудіенціи — не какъ къ празнику, а какъ къ печальной церемоніи. Каждый повиновался молча и безъ увлеченія. Знали, что Катерина чуть не дрожала, — и всѣ дрожали.

Торжественная приемная зала была приготовлена; и такъ-какъ подобныя аудіенціи совершались обыкновенно всенародно, то частыиъ отдавъ былъ приказъ впускать съ посланниками столько, сколько могло помѣститься въ залъ и на дворъ.

Парижъ представлялъ собою зрѣлище, какое всегда представляють въ подобныхъ случаяхъ большіе города. Массы народа съ любопытствомъ тѣснились по улицамъ. Но внимательный наблюдатель замѣтилъ бы между честными фигурами горожанъ, стоявшихъ съ протодушно-разинутыми ртами; не малое количество людей, окутанныхъ въ широкіе плащи, дѣлающихъ другъ другу знаки руками и глазами издали, и на-скоро перешептывающихся вблизи. Эти люди были, впрочемъ, по-видимому, очень-заняты повздомъ пословъ, слѣдовали за нимъ очень-близко и какъ-будто получали приказанія отъ почтеннаго старца, котораго черныя и живые глаза, не смотря на свѣлую бороду, сверкали свѣжею молодостью. Дѣйствительно, этотъ старикъ, самъ ли, съ помощію ли своихъ товарищей, одивъ въ первыхъ проскользнулъ въ Лувръ, и, благодаря снисходительности начальника Швейцарцевъ, почтеннаго гугенота и плохаго католика, не смотря на свое отреченіе, сталъ какъ-разъ за посланика, прямо противъ Маргериты и Генриха-Наваррскаго.

Генрихъ, знавшій, что де-Мун, переряженный, будетъ здѣсь, поспѣтывалъ во всѣ стороны. Наконецъ, глаза его встрѣтили старика — и остановились на немъ окончательно: знакъ, сдѣланный де-Муномъ, разсвѣлъ всѣ его сомнѣнія. Де-Мунъ былъ переодѣтъ такъ искусно, что самъ Генрихъ не могъ вообразить, чтобы этотъ ста-

рикъ былъ безстрашный предводитель гугенотовъ, такъ отчаянно оборонявшійся дней пять тому назадъ.

Генрихъ шепнулъ словечко Маргеритѣ, и она тоже устремила взоръ свой на де-Мун. Потомъ прекрасные глаза ея начали блуждать по залѣ: она искала ла-Моля, но напрасно,—его не было.

Аудіенція началась. Первую рѣчь произнесъ Ласко. Онъ просилъ отъ имени народнаго собранія согласія Карда на принатіе польской короны французскимъ принцемъ.

Карлъ изъявилъ согласіе коротко и ясно и представилъ брата своего, д'Анжу, благосклонно отозвавшись о его храбрости. Онъ говорилъ по-французски; толмачъ переводилъ рѣчь его фразу за фразой. Когда говорилъ переводчикъ, Карлъ подносилъ къ губамъ своимъ платокъ, и каждый разъ на немъ появлялось новое кровавое пятно.

Когда Карлъ кончилъ отвѣтъ, Ласко обратился къ д'Анжу, поклонился и началъ латинскую рѣчь, въ которой предложилъ ему престолъ отъ имени польскаго народа.

Герцогъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, но нетвердымъ голосомъ, что онъ съ признательностью принимаетъ оказываемую ему честь. Въ-продолженіи его рѣчи, Карлъ стоялъ съ стиснутыми губами, вонзивъ въ него взоръ свой, неподвижный и угрожающій, какъ взоръ орла.

Когда д'Анжу окончилъ рѣчь свою, Ласко взялъ корону Ягеллоновъ, лежавшую на красной бархатной подушкѣ, и между-тѣмъ, какъ двое польскихъ вельможъ надѣвали на герцога королевскую мантию, онъ вручилъ корону Карлу.

Карлъ сдѣлалъ знакъ своему брату. Герцогъ сталъ передъ нимъ на колѣно и Карлъ собственноручно возложилъ на него корону. Вслѣдъ за тѣмъ братья поцаловались. Ненавистиѣ этого поцалуи исторія не знаетъ...

Герольдъ провозгласилъ:

«Александръ-Эдуардъ-Генрихъ, герцогъ д'Анжу, коронованъ на царство польское. Да здравствуетъ король польскій!»

Все собраніе повторило въ одинъ голосъ: «да здравствуетъ король польскій!»

Тогда Ласко обратился къ Маргеритѣ. Рѣчь прекрасной королевы была прибережена къ концу. Такъ-какъ ей назначили произнести рѣчь только изъ учтивости, желая доставить ей случай блеснуть своимъ знаніемъ, всѣ обратили величайшее вниманіе на отвѣтъ ея произнесенный по-латинѣ. Мы видѣли, что Маргерита сама сочинила его.

Рѣчь Ласко была не что иное, какъ панегирикъ. Не смотря на свое сарматское происхожденіе, онъ увлекся красотою королевы

языкомъ Овидія, но слогомъ Ронсара, онъ сказалъ, что, выѣхавъ изъ Варшавы среди глубокой ночи, онъ и товарищи его не знали бы, какъ найти дорогу, еслибъ имъ, какъ волхвамъ востока, не светили на пути двѣ звѣзды; что эти звѣзды светили ярче и ярче по мѣрѣ приближенія пословъ къ Франціи, и теперь онъ видитъ, что это были прекрасные глаза королевы наваррской. Наконецъ, обратившись отъ Евангелія къ корану, отъ Сиріи къ Аравіи, отъ Назарета къ Меккѣ, онъ заключилъ рѣчь свою, говоря, что готовъ сдѣлать то же, что дѣлаютъ поклонники пророка, которые, сподобившись счастья взглянуть на его гробницу, выкальваютъ себѣ глаза, потому-что больше уже нѣчему удивляться въ мірѣ.

Знавшіе по-латинѣ одобрили рѣчь его рукоплесканіями, потому-что раздѣляли его мнѣніе; непонявшіе ни слова тоже апплодировали, чтобъ дать знать, что и они что-нибудь понимаютъ.

Маргерита граціозно поклонилась любезному Сармату, потомъ, въ отвѣтъ на рѣчь его, она сказала, устремивъ глаза на де-Муи:

— *Quod nunc hac in aula insperati adestis exultaremus ego et rex conjux, nisi ideo immineret calamitas, scilicet non solum fratris sed etiam amici orbitas.*

То-есть: «Ваше неожиданное присутствіе въ этой залѣ исполнило бы радостью меня и короля, моего мужа, еслибъ не влекло за собою несчастія потерять не только брата, но и друга.»

Въ этихъ словахъ заключался двойной смыслъ: они были сказаны для де-Муи, но могли относиться и къ д'Анжу. Герцогъ поклонился въ знакъ благодарности.

Карлъ не помнилъ, чтобъ эта фраза была въ рѣчи, представленной ему нѣсколько дней тому назадъ. Но онъ не приписывалъ большой важности словамъ Маргериты, потому-что рѣчь ея была не политическая. Да и кромѣ того, онъ плохо понималъ по-латинѣ.

Маргерита продолжала:

«*Adeo dolemur a te dividi, ut tecum proficisci maluissemus, sed idem fatum quo nunc sine ulla mora Lutetia, cedere juberis hac in urbe detinet. Proficiscere ergo, frater; proficiscere, amice; proficiscere sine nobis; proficiscentem sequuntur spes et desideria nostra.*»

То-есть: «Намъ больно разстаться съ тобою, когда мы желали бы сопутствовать тебѣ. Но судьба, зовущая тебя немедленно изъ Парижа, удерживаетъ насъ здѣсь. И такъ, отправляйся, братъ нашъ; отправляйся, другъ, отправляйся безъ насъ. Тебѣ сопутствуютъ наши надежды и желанія счастья.»

Легко догадаться, что де-Муи слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ; слова, сказанныя посланникамъ, относились единственно къ нему. Генрихъ уже раза два отрицательно покачивалъ головою, давая тѣмъ знать молодому гугеноту, что д'Алансонъ отказался. Но это

могло быть и случайное движеніе: де-Муи не удовольствовался бы имъ, еслибъ слова Маргериты не подтвердили его. Между-тѣмъ, какъ онъ смотрѣлъ на Маргериту и слушалъ ее всюю душою, черные глаза его, сверкающіе изъ-подъ сѣдыхъ бровей, поразили Катерину; она вздрогнула какъ отъ электрическаго удара и не сводила уже глазъ съ этой точки залы.

— Страдная фигура! проговорила она, не измѣняя выраженія лица, приличнаго торжеству. — Кто бы это такъ пристально смотрѣлъ на Маргериту? Да и она и Генрихъ не сводятъ съ него глазъ.

Королева наваррская продолжала свою рѣчь, остальное содержаніе которой относилось исключительно къ послу, Катерина, между-тѣмъ, дѣлала себѣ годову, догадываясь, кто бы былъ этотъ видный старикъ? Вдругъ церемоніймейстеръ, подошедъ къ ней, вручилъ ей тихонько записочку, завернутую въ шелковую матерію. Она развернула ее и прочла слѣдующее:

«Мерведь, которому я далъ подкрѣпляющее средство, пришелъ наконецъ въ силу и написалъ имя челоуѣка, бывшаго въ кабинетѣ короля наваррскаго. Это де-Муи.»

— Де-Муи! подумала королева. — Я это предчувствовала. Но этотъ старикъ... *A! cospetto!*... этотъ старикъ...

Катерина остановилась.

Потомъ, наклонясь къ уху капитана гвардіи, стоявшаго возле нея, шепнула ему:

— Смотрите, только незамѣтите, смотрите на Ласко, на того, что говоритъ теперь. За нимъ стоитъ съдой старикъ въ черномъ бархатномъ платьѣ.

— Вижу, ваше величество, отвѣчалъ капитанъ,

— Не упускайте его изъ вида.

— Тотъ, которому король наваррскій дѣлаетъ знакъ?

— Именно. Станьте у воротъ Лувра съ десятью челоуѣками, и когда онъ будетъ выходить, пригласите его отъ имени короля обѣдать. Если онъ пойдетъ за вами, отведите его куда-нибудь въ комнату и задержите подъ стражею. Если онъ станетъ сопротивляться, схватите его живаго или мертваго. Ступайте.

Къ-счастью, Генрихъ, очень-мало интересуясь рѣчью Маргериты, смотрѣлъ на Катерину и не пропустилъ ни малѣйшаго выраженія на ея лицѣ. Видя, что она такъ пристально смотритъ на де-Муи, онъ началъ беспокоиться; но когда она дала приказаніе капитану, онъ все понялъ.

Въ эту-то минуту онъ сдѣлалъ де-Муи знакъ, замѣченный де-Надсеємъ. Генрихъ хотѣлъ сказать ему: вы открыты; спасайтесь не теряя ни минуты.

Де-Муи цоцалъ знакъ, такъ-хорошо завершавшій слова Маргериты. Въ ту же минуту онъ скрылся въ толпѣ.

Но Генрихъ успокоился не прежде, какъ когда Нансей возвратился къ Катеринѣ: судорожное движеніе на лицѣ ея дало ему знать, что капитанъ опоздалъ.

Аудіенція кончилась. Маргерита разговаривала еще съ Ласко. Король всталъ, раскланялся, и вышелъ, опираясь на руку Амбруаза Парё, неоставлявшаго его ни на минуту со времени его болѣзни.

Катерина, блѣдная отъ гнѣва, и Генрихъ, нѣмой отъ скорби, вышли за нимъ.

Что касается до д'Алансона, его какъ-будто не было при торжествѣ. Карлъ, постоянно наблюдавшій за д'Анжу, не взглянулъ на него ни разу.

Новый король польскій считалъ себя человѣкомъ погибшимъ. Влази отъ матери, похищенный сѣверными варварами, онъ походилъ на Антея, сына Земли, потерявшаго все свои силы, когда Гяркулесъ приподнялъ его на воздухъ. Переступивъ за границу, герцогъ д'Анжу думалъ, что навсегда будетъ отрѣшенъ отъ престола Франціи.

Възвѣтъ того, чтобъ послѣдовать за королемъ, онъ пошелъ къ матери.

Катерина была мрачна не меньше его. Она думала о насмѣшливой фигурѣ Беарнца, котораго не теряла изъ вида въ-продолженіе всей церемоніи. Судьба, казалось, очищала ему дорогу, сметая прочь королей, принцевъ, убійцъ, враговъ и всякаго рода препятствія.

При видѣ блѣднаго лица коронованнаго сына, страждущаго подлѣ королевскою мантиею, Катерина пошла къ нему на встрѣчу.

— И такъ, я осужденъ умереть въ изгнаніи! сказалъ онъ.

— Не-уже-ли ты такъ скоро забылъ предсказанія Ренё? отвѣчала она. — Успокойся; тебѣ не долго оставаться въ Польшѣ.

— Заклинаю васъ, сказалъ герцогъ: — при первой вѣроятности, что престолъ Франціи упразднится, извѣстите меня...

— Будь покоенъ. До дня, котораго ждемъ мы оба, въ моей конюшнѣ постоянно будетъ готова осѣдланная лошадь и въ передней курьеръ, готовый скакать въ Польшу.

### IV.

#### Орестъ и Пиладъ.

Послѣ отъѣзда д'Анжу, миръ и счастье какъ-будто возвратились въ Лувръ, подлѣ кровлѣ Атридовъ.

Карлъ забылъ свою меланхолію и здоровѣлъ съ каждымъ днемъ.

Онъ охотился съ Генрихомъ, или говорилъ съ нимъ объ охотѣ, когда нельзя было охотиться. Онъ упрекалъ его только въ одномъ— въ нелюбви къ соколиной охотѣ; говорилъ, что онъ былъ бы чудо-принцъ, еслибъ умѣлъ дрессировать соколовъ, какъ гончихъ и борзыхъ.

Катерина по-прежнему сдѣлалась нѣжною матерью: она была кротка съ Карломъ и д'Алансономъ, ласкова съ Генрихомъ и Маргеритою, внимательна къ герцогинь де-Неверъ и г-жѣ де-Совъ. Подъ предлогомъ, что Морвель раненъ при исполненіи ея порученія, она даже посетила его два раза во время его болѣзни, въ его квартирѣ въ Улицѣ-де-ла-Серизѣ.

Маргерита продолжала свои свиданія а l'espagnole.

Каждый вечеръ она отворяла окно, мѣнялась съ ла-Молею знаками и записками. Въ каждомъ письмѣ молодой человекъ напоминалъ ей, что она обѣщала наградить его за изгнаніе нѣсколькими блаженными минутами въ Улицѣ-Клош-Персѣ.

Только одинъ человекъ чувствовалъ въ мирномъ Луврѣ, что онъ одинокъ. Этотъ человекъ былъ нашъ пріятель графъ Аннибалъ де-Коконна.

Конечно, знать, что ла-Моль живъ, что-нибудь да значило; пріятно также было быть любимцемъ герцогини де-Неверъ. Но всѣ свиданія наединѣ съ прекрасною герцогинею не стояли въ глазахъ Пьемонтца одного часа, проведеннаго съ ла-Молею у ла-Гюрьера, за бутылкою вина, или путешествія съ нимъ по разнымъ заведеніямъ Парижа, гдѣ честный дворянинъ могъ получить рану въ грудь или въ кошелекъ.

Къ стыду человѣчества, должно признаться, что герцогиня де-Неверъ не равнодушно терпѣла соперничество ла-Моля. Не то, чтобъ она ненавидѣла Провансальца, — напротивъ, увлеченная непобѣдимымъ инстинктомъ, который заставляетъ всякую женщину кокетничать съ любовникомъ другой, особенно если эта другая другъ и пріятельница, она не скупилась въ-отношеніи къ ла-Молю молціями своихъ изумрудныхъ глазъ, и Коконна могъ бы завидовать дружескимъ пожатіямъ руки и тому подобнымъ знакамъ пріязни, щедро оказываемымъ ла-Молю въ дни каприза герцогини, когда звезда Коконна блѣднѣла на ея небосклонѣ. Но Коконна, который всегда готовъ былъ зарѣзать кого-угодно за одинъ взоръ избранной своего сердца, такъ мало ревновалъ къ ла-Молю, что даже нашептывалъ ему на ухо, по случаю этихъ выходовъ герцогини, такія вещи, что ла-Моль краснѣлъ невольно.

Слѣдствіемъ этого было, что Анріэтта, лишенная съ бѣгствомъ ла-Моля удовольствія быть въ обществѣ Коконна и наслаждаться его неисчерпаемою веселостію, пришла однажды къ Маргеритѣ съ

просьбою возвратить ей неизбежнаго посредника, безъ котораго Коконна теряетъ и умъ и сердце.

Маргерита, изъ состраданія, а больше по желанію собственнаго сердца, назначила Анріэттѣ свиданіе на другой день, въ извѣстномъ домикъ съ двумя выходами. Здѣсь онѣ должны были переговорить на свободѣ и обстоятельно.

Коконна почти съ неудовольствіемъ прочелъ записку герцогини, приглашавшей его въ девять часовъ съ половиною въ Улицу-Тизонъ. Однакожь, онъ пошелъ въ условленное мѣсто и засталъ Анріэтту въ гнѣвъ, что ее заставляютъ ждать.

— Какъ это неучтиво, сказала она: — заставляютъ ждать, не говорю уже принцессу, — а женщину.

— Ждать! Ну да; это на васъ похоже. А я такъ готовъ биться объ закладъ, что мы явились еще слишкомъ-рано.

— Да, я.

— Ба! И я. Я думаю, теперь не позже десяти.

— А я васъ звала въ половинѣ десятаго.

— Да я и вышелъ изъ Лувра ровно въ девять. Не мѣшаетъ замѣтить, что я сегодня дежурный, и, слѣдовательно, черезъ часъ долженъ буду васъ оставить.

— Чему вы очень-рады?

— Нѣтъ! Д'Алансонъ не въ духѣ и ворчитъ; а ужь если слушать брань, такъ лучше изъ вашихъ прекрасныхъ губокъ, чѣмъ изъ его криваго рта.

— Вы исправляетесь, какъ я вижу... Такъ вы вышли, вы говорите, въ девять часовъ?

— Да; и думалъ пойдти прямо сюда. Но вдругъ, на поворотѣ въ Гренельскую-Улицу, увидѣлъ человѣка, очень похожаго на ла-Моля.

— Опять ла-Моль!

— Опять, съ вашего позволенія или безъ онаго.

— Грубиянъ!

— Прекрасно. Вы хотите снова начать свои любезности?

— Нѣтъ. Доканчивайте вашъ рассказъ.

— Не я вздумалъ начать его; вы спрашиваете, отъ-чего я опоздалъ.

— Конечно. Не-уже-ли я должна являться на мѣсто первая?

— Ба! вамъ некого искать.

— Вы невыносимы; впрочемъ, продолжайте. И такъ, при поворотѣ въ Гренельскую-Улицу вы увидѣли человѣка, похожаго на ла-Моля... Что у васъ на платьѣ? кровь?

— Такъ и есть! Эти мерзавцы не могутъ падать не пачкая.

— Вы дрались?



— Дрался.

— За вашего ла-Моля?

— Да за кого же мнѣ драться? Не за женщину же?

— Покорно благодарю.

— Я побѣждаю за дерзкимъ, который выѣлъ безстыдство подражать манерамъ моего друга. Я догоняю его въ улицѣ Кокильеръ, забѣгаю впередъ, гляжу ему подъ носъ, пользуясь свѣтомъ изъ лавки. Гляжу — не ла-Моль!

— Вы прекрасно распорядились.

— Да ему-то отъ этого не поздоровилось. Милостивый государь! сказалъ я ему: — вы шутъ, — вы позволяете себѣ походить на ла-Моля; а вблизи вы просто дракъ. Онъ, разумѣется, за шпагу, я тоже. По третьему удару онъ упалъ, и, какъ видите, запачкалъ мнѣ платье.

— Что жь, вы ему подали по-крайней-мѣрѣ помощь?

— Хотѣлъ-было, да въ это время провѣжалъ другой. На этотъ разъ я увѣренъ, что то былъ ла-Моль. Къ-несчастью, онъ вѣхалъ вскачь. Я бросился за лошадей; звяки, смотрѣвшіе на нашу дуэль, побѣжали за мною. Меня могли принять за цора, — бѣжить человекъ, а за нимъ цѣлая ватага негодяевъ... что дѣлать! я остановился разогнать ихъ, и потерялъ драгоценное время: всадникъ исчезъ. Я опять бросаю отыскивать его, спрашивалъ всѣхъ, кто попался на встрѣчу, — напрасно: никто его не замѣтилъ. Наконецъ, уставши, я пришелъ сюда.

— Устарши! какъ это мило!

— Послушайте, chère amie, сказалъ Кокошнѣ, небрежно разва- жившись въ креслахъ: — вы опять хотите преслѣдовать меня за бѣд- ного ла-Моля; вы неправы въ этомъ случаѣ; дружба... какъ-бы это сказать... жаль, что я не такъ уменъ и не такъ ученъ, какъ мой бѣдный другъ; я нашелъ бы сравненіе, которое передадо бы вамъ мою мысль цѣлкомъ... Дружба, такъ-сказать, звѣзда, тогда-какъ любовь... любовь... а! прекрасно!.. любовь свѣчка. Вы скажете на это, что есть разные сорта...

— Любви?

— Нѣтъ, сажь, — и что одинъ сортъ лучше другаго, на-при- мѣръ розовыя свѣчи; согласенъ — это лучшія. Но какъ онѣ ни красивы, а все-таки сгораютъ, — звѣзда же горитъ вѣчно. Вы воз- разите, что когда свѣча сгоритъ, ставятъ другую...

— Вы шутъ, мосье де-Коконнѣ.

— Вѣтъ еще!

— Вы дерзки.

— Полно-те!

— Вы смѣшны.

— Вы заставите меня втрое больше жалеть о ла-Мольт,

— Вы не любите меня.

— Напротивъ, герцогиня; вы не понимаете этихъ вещей — я васъ обожаю. Но могу васъ любить, обожать, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ потерянное время, прославлять моего друга.

— Вы называете потеряннымъ то время, которое проводите со мною?

— Что дѣлать? этотъ бѣдняжка ла-Моль не выходитъ у меня изъ ума.

— Вы предпочитаете его мнѣ,—это низко! Послушайте, Аннибаль, я васъ ненавижу. Осмѣйтесь быть откровеннымъ, скажите, что вы его мнѣ предпочитаете... Аннибаль! Предостерегаю васъ, что если вы предпочитаете мнѣ что бы то ни было...

— Анриэтта! прекраснѣйшая изъ герцогинь! Ради собственнаго спокойствія, послушайтесь: не дѣлайте мнѣ нескромныхъ вопросовъ. Я люблю васъ больше всѣхъ женщинъ.

— Славно сказано! пронесетъ вужой годосъ.

Взвѣсивъ, радѣвшая дѣвъ комнаты, приподнялась, и ла-Моль явился на порогѣ, оправленный въ раму дверей, какъ прекрасный портретъ Тиціана!

— Ла-Моль! вскричалъ Коконна, не обращая вниманія на Маргериту и не принимая на себя труда поблагодарить ее за доставленное ему удовольствіе. — Ла-Моль! Другъ мой! милый ла-Моль! Съ этими словами, онъ бросился обнимать его, опрокинувъ кресло, на которомъ сидѣлъ, и стоявшій на дорогѣ столъ.

Ла-Моль отвѣчалъ ласкою на ласку, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забылъ обратиться къ герцогинѣ.

— Извините, сказалъ онъ:—если имя мое нарушало иногда ясность вашихъ бесѣдъ съ моимъ другомъ. Конечно, не я виноватъ, прибавилъ онъ, глядя съ невыразимою нужностью на Маргериту:— что не могъ явиться къ вамъ раньше.

— Ты видишь, Анриэтта, сказала Маргерита:— я сдержала слово: вотъ онъ.

— Такъ я обязанъ этимъ счастьемъ только просьбамъ герцогини? спросилъ ла-Моль.

— Только ея просьбамъ, отвѣчала Маргерита.

Потомъ, обратившись къ ла-Молю, она прибавила:

— Ла-Моль! Я позволяю вамъ рѣшительно не верить тому, что говорю.

Коконна, между-тѣмъ, успѣвъ уже разъ десять прижать ла-Моля къ своему сердцу, вертѣлся безпрестанно около него, поднесъ къ лицу его свѣчу, желая насмотрѣться на друга,—и наконецъ сталъ передъ Маргеритою на коленяхъ и поцаловалъ край ея платья.

— Слава Богу, сказала герцогиня:—теперь вы найдете меня по крайней-мѣрѣ сносною.

— Mordil! отвѣчалъ Коконна́. — Я нахожу, что вы прелестны, какъ и всегда. Скажу вамъ откровенно: жаль, что нѣтъ здѣсь на лицо челоуѣкъ тридцати Поляковъ, Сарматовъ, или другихъ гиперборейскихъ варваровъ: я заставилъ бы ихъ признать васъ царицею красоты.

— Тише, Коконна́, тише! замѣтилъ ла-Моль. — А Маргерита?

— Я не противорѣчу! воскликнулъ Коконна́ полусерьезнымъ, полушуточнымъ тономъ:—Анриэтта царица изъ красавицъ, Маргерита красавица изъ царицъ.

— Но что ни говорилъ и что ни дѣлалъ Пьемонтець, онъ видѣлъ, въ радости, только своего друга.

— Пойдемте, сказала герцогиня Маргеритѣ: — оставимъ друзей поговорить наединѣ; имъ есть что поразсказать другъ другу. Это для насъ не совсѣмъ-пріятно, но нѣтъ другаго средства возвратить Коконна́ его здоровье. Сдѣлай же для меня это одолженіе, потому-что я имѣю глупость любить эту пустую голову — какъ говоритъ ла-Моль.

Маргерита шепнула нѣсколько словъ на ухо ла-Молю, который, какъ ни желалъ увидѣться съ своимъ другомъ, а былъ бы радъ избавиться отъ его нѣжностей. Коконна́, между-тѣмъ, старался вызвать на уста Анриэтты улыбку и ласковое слово, — что ему и удалось очень-легко.

Женщины вышли въ другую комнату, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ.

Друзья остались наединѣ.

Коконна́ прежде всего началъ разспрашивать своего друга о подробностяхъ вечера, въ который онъ чуть не лишился жизни. Пьемонтець, котораго, какъ извѣстно, не легко было тронуть разговоромъ о подобныхъ происшествіяхъ, не разъ, однакожь, вздрогнулъ, слушая ла-Моля.

— Почему же, спросилъ онъ:— вмѣсто того, чтобъ бѣжать Богъ-знаетъ куда и оставить меня въ страшномъ безпокойствѣ, не прибѣгнулъ ты къ покровительству д'Алансона? Онъ защитилъ бы тебя, и конечно бы спряталъ. Я былъ бы съ тобою, и, все-равно, притворился бы грустнымъ и провелъ бы за носъ весь дворъ.

— Къ д'Алансону? повторилъ ла-Моль въ полголоса.

— Да. Послѣ того, что онъ мнѣ говорилъ, я долженъ думать, что ты ему обязанъ жизнью.

— Я обязанъ ею королю наваррскому, отвѣчалъ ла-Моль.

— А! И ты увѣренъ въ этомъ?

— Совершенно.

— Вотъ король, такъ король! А д'Алансонъ? какую же роль онъ тутъ игралъ?

— Онъ держалъ снурокъ, которымъ хотѣли меня удушить.

— *Merci!* ты это знаешь навѣрно, ла-Моль? какъ! этотъ безкровный принцъ вздумалъ-было задушить моего друга?.. А! *Merci!* Завтра же скажу ему, что я думаю о такомъ поступкѣ.

— Съ ума ты сошелъ?

— Правда, онъ опять прійдется за старое... Да все-равно! Это ему такъ не пройдетъ.

— Полно, Коконна, успокойся; не забывай лучше, что ужъ половина двѣнадцатаго, а ты сегодня дежурный.

— Большая мнѣ надобность, что я дежурный! пусть-себѣ ждетъ! Дежурный? Чтобъ я служилъ человѣку, который держалъ петлю?.. Шутить!.. Нѣтъ!—Тутъ видѣнъ перстъ Провидѣнія. Я долженъ былъ увидѣть тебя, чтобъ никогда съ тобою не разставаться. Я остаюсь здѣсь.

— Одумайся, несчастный. Вѣдь ты не пьянъ.

— Къ-счастію. Иначе, я зажегъ бы Лувръ.

— Послушай, Аннибалъ, будь благоразуменъ. Возвратись во дворецъ. Служба — дѣло священное.

— А ты пойдешь со мною?

— Невозможно.

— Ты думаешь, что они опять затѣютъ убить тебя?

— Не думаю. Я слишкомъ-незначительное лицо, и протавъ меня не можетъ быть постояннаго заговора. Разъ какъ-то пришла мнѣ фантазія убить меня, вотъ и все: они изволили тогда тѣшиться.

— Что жъ ты думаешь дѣлать?

— Ничего: гуляю, странствую.

— Такъ я буду гулять и странствовать съ тобою. Это прекрасное занятіе. Если на тебя нападутъ, насъ будетъ двое, и мы ихъ отдылаемъ на-славу. Пусть только явится твой червякъ-герцогъ, я пришилю его къ стѣнѣ какъ бабочку.

— Попросись по-крайней-мѣрѣ въ отставку.

— Непремѣнно.

— Предвари его, что ты его оставляешь.

— Разумѣется. Я согласенъ. Сейчасъ напишу ему.

— Напишешь? Принцу крови? Вотъ забавно!

— Дá, принцу крови, *mon cher!*

— Впрочемъ, подумалъ ла-Моль: — черезъ нѣсколько дней ему не будетъ никакого дѣла ни до принца, ни до кого другаго, если только захочетъ пристать къ намъ.

Коконна взялся за перо и разомъ написалъ слѣдующее красно-рѣчивое посланіе:

«Ваше высочество!

«Вы очень-хорошо знакомы съ древними писателями и не можете не знать трогательной исторіи Ореста и Пилада, двухъ героевъ, прославившихся своею дружбою и несчастіями. Другъ мой ла-Молю несчастенъ не меньше Ореста, а я нѣженъ не меньше Пилада. Онъ занятъ теперь важными дѣлами, которыя требуютъ моей помощи. По-этому, мнѣ невозможно оставить его. И такъ, съ позволенія вашего высочества, я прошу у васъ увольненія, рѣшившись соединить судьбу свою съ судьбою моего друга; важныя причины заставляють меня оставить службу вашего высочества, спочему и надѣюсь, что ваше высочество не будете ко мнѣ свѣзискательны. Смѣю именоваться

«Вашего высочества покорнѣйшій слуга  
«графъ Анниваль де-Коконна,  
«неразлучный другъ г. де-ла-Моля.»

Окончивъ это образцовое посланіе, Коконна прочелъ его вслухъ ла-Молю, который только пожалъ плечами.

— Ну что? Каково? спросилъ Коконна, не замѣтивъ этого движенія.

— Д'Алансонъ будетъ надъ нами смѣяться.

— Надъ нами?

— Дѣ, надъ обими вмѣстѣ.

— Все же это лучше, нежели задущить насъ порознь.

— Одно другому можетъ и не помѣшать, сказалъ ла-Молю.

— Тѣмъ хуже! Будь, что будетъ, а я отошлю письмо завтра же утромъ. Куда мы отсюда?

— Къ ла-Гюрьеру. Помнишь, въ ту комнату, гдѣ ты хотѣлъ меня зарвать, когда мы не были еще Орестомъ и Пиладомъ?

— Хорошо; я отошлю письмо съ козачкомъ.

Въ это время, занавѣска приподнялась.

— Ну что, Орестъ и Пиладъ? спросила дамы.

— Mordi! отвѣчалъ Коконна.— Орестъ и Пиладъ умирають отъ голода и любви.

На другой день поутру, часовъ въ девять, ла-Гюрьеръ отнесъ почтительное письмо Коконна въ Лувръ.

V.

ОРТОНЪ.

Генрихъ, даже послѣ отказа д'Алансона, который разстроилъ всѣ его планы, сдѣлался, если это было возможно, еще болѣе близкимъ его другомъ.

Катерина заключила изъ этого, что они что-то затѣваютъ вмѣстѣ. Она допросила объ этомъ Маргериту; но Маргерита была достойною ея дочерью, и главное искусство ея состояло въ отклоненіи опасныхъ объясненій; она такъ осторожно отвѣчала на всѣ вопросы Катерины, что та еще больше запуталась въ своихъ предположеніяхъ.

Единственнымъ путеводителемъ Флорентинки среди этихъ интригъ былъ инстинктъ, дарованный ей Тосканкою, и чувство ненависти, запавшее въ ея душу при французскомъ дворѣ.

Во-первыхъ, она поняла, что Беарнецъ силенъ отчасти своимъ союзомъ съ герцогомъ д'Алансономъ, и рѣшилась разорвать этотъ союзъ.

Рѣшившись, она начала опутывать своего сына съ терпѣніемъ и ловкостью рыбака, который, забросивъ неводъ далеко отъ рыбы, нечувствительно окружаетъ имъ добычу со всѣхъ сторонъ.

Герцогъ замѣтилъ, что мать ласкаетъ его болѣе прежняго, и самъ пошелъ на встрѣчу ея планамъ. Генрихъ притворился, что ничего не замѣчаетъ, и наблюдалъ за своимъ союзникомъ внимательнѣе прежняго.

Каждый ждалъ событія...

И между-тѣмъ, какъ всѣ ждали событія, вѣрнаго въ глазахъ однихъ, и вѣроятнаго для другихъ, однажды утромъ, едва только взошло солнце, предвѣщая прекрасный день, кто-то блѣдный, опираясь на палку и съ трудомъ передвигая ноги, вышелъ изъ дома за арсеналомъ и пошелъ по Улицѣ-Шти-Мюскъ.

Проедъ болотистый лугъ, окружавшій рвы Бастиліа, онъ оставилъ близъ Сент-Антуанскихъ-Воротъ бульваръ влѣвъ и вышелъ въ садъ де л'Арбалетъ, встрѣченный низкими поклонами сторожа.

Въ саду, принадлежавшемъ, какъ показывается его названіе, обществу стрѣлковъ, никого не было. Иначе, этотъ блѣдный странникъ, конечно, возбудилъ бы участіе прогуливающихъ; по его длиннымъ усамъ, военной поступи, невѣрной еще отъ страданія, легко было узнать офицера, недавно раненнаго и вышедшаго укрѣпить свои силы прогулкою на солнцѣ.

Странно, однакожь, было, что когда раскрывался плащъ, которымъ, не смотря на теплую погоду, былъ окутанъ этотъ мирный прохожій, за поясомъ его можно было замѣтить пару пистолетовъ, висящихъ на серебряныхъ аграфахъ, широкій кинжалъ и шпагу, такую колоссальную, что, кажется, онъ былъ не въ состояніи владѣть ею. Путникъ, не смотря на пустынную мѣста, оглядывался на каждомъ шагу, засматривая въ каждый кустъ, въ каждый поворотъ аллеи.

Такъ дошелъ онъ до маленькой бесѣдки, выходявшей надъ бульваромъ, отъ котораго она была отдѣлена только густымъ плетнемъ и небольшимъ рвомъ. Здѣсь онъ сѣлъ на деревяную скамью передъ столикомъ; сторожъ, онъ же и содержатель гостиницы, принесъ ему завтракъ.

Больной сидѣлъ тутъ уже минутъ десять, медленно прихлебывая что-то изъ фаянсовой чашки, какъ вдругъ лицо его приняло ужасное выраженіе. Онъ увидѣлъ, что отъ Круа-Фобень, по тропинкѣ, которая теперь превратилась въ Улицу-де-Напль, идетъ человекъ въ широкомъ плащѣ. Незнакомецъ остановился возлѣ бастіона и ждалъ чего-то.

Прошло минутъ пять. Больной, въ которомъ читатель, можетъ быть, узналъ уже Морвеля, едва успѣлъ оправиться отъ волненія, произведеннаго въ немъ появленіемъ этого человека, какъ другой, юноша, въ костюмѣ, похожемъ на пажескій, появился по дорогѣ, гдѣ теперь идетъ Улица-Фоссе-Сен-Никола, и подошелъ къ ждавшему у бастіона.

Укрытый въ тѣни бесѣдки, Морвель безъ труда могъ все видѣть и даже слышать разговоръ; читатель пойметъ, какъ важенъ былъ для него этотъ случай, когда мы скажемъ ему, что незнакомцы были де-Муи и Ортонъ:

Оба они осматрѣлись съ величайшимъ вниманіемъ. Морвель притавилъ дыханіе.

— Вы можете говорить, сказалъ младшій и болѣе-довѣрчивый изъ нихъ, Ортонъ:—насъ никто не видѣть и не слышитъ.

— Хорошо, отвѣчалъ де-Муи.—Ступай къ г-жѣ де-Совъ, отдай ей эту записку въ собственныя руки, если застанешь ее дома; если ея не будетъ, положи ее за зеркало, куда король обыкновенно кладетъ свои записки. Потомъ подожди въ Луврѣ. Если получишь отвѣтъ, принеси его въ извѣстное мѣсто; если нѣтъ, возвратись ко мнѣ ввечеру съ ружьемъ туда, куда я тебѣ говорилъ.

— Хорошо; знаю.

— Я тебя оставляю теперь; у меня сегодня много дѣла. Не спиши,—нѣ къ-чему; тебѣ нѣ для чего явиться въ Лувръ раньше ея, а она, кажется, беретъ сегодня утромъ урокъ въ птичьей охо-

ть. Сдѣлае! Ты выздоровѣлъ и пришелъ благодарить г-жу де-Совъ за ея милости и попеченія. Съ Богомъ!

Морвель слушалъ съ неподвижнымъ взоромъ. Потъ выступилъ у него на лбу. Первымъ движеніемъ его было — взять пистолетъ и прицѣлиться въ де-Муи. Но де-Муи сдѣлалъ въ это время движеніе, плащъ его распахнулся, и Морвель замѣтилъ на немъ превосходную кирассу. Онъ сейчасъ разсчелъ, что пуля или расплющится о кирассу, или ранитъ его гдѣ-нибудь не смертельно. Сверхъ того, де-Муи былъ силенъ и хорошо вооруженъ; ему легко было сладить съ раненымъ. Морвель вздохнулъ и спряталъ пистолетъ назадъ.

— Какое несчастіе, подумалъ онъ: — что я не могу убить его здѣсь, безъ свидѣтелей, исключая этого мальчишки! А его можно бы отправить вторымъ выстрѣломъ.

Морвелю пришло на мысль, что записка, данная Ортону къ г-жѣ де-Совъ, можетъ быть важнѣе самой жизни предводителя гугенотъ.

— А! ты опять ускользнулъ отъ меня, подумалъ онъ. — Пусть такъ. Иди-себѣ здоровъ и невредимъ; но завтра настанетъ моя очередь. Я отыщу тебя хоть въ аду, изъ котораго ты, кажется, вышелъ на мою погибель, если я не погублю тебя прежде.

Въ эту минуту, де-Муи закрылъ лицо свое плащомъ и пошелъ по направленію къ Тамплю. Ортонъ направился къ рѣкѣ.

Тогда Морвель, вставъ съ такою легкостью и силою, какой нельзя было ожидать отъ больнаго, посѣщилъ въ Улицу-Серизе, зашелъ домой, велѣлъ осѣдлатъ лошадь и, не смотря на свою слабость, поскакалъ въ Улицу-Сент-Антуанъ по набережной и наконецъ пріѣхалъ въ Лувръ.

Черезъ пять минутъ, Катерина знала обо всемъ случившемся, и Морвель получилъ тысячу эку, обѣщанные ему за арестованіе короля наваррскаго.

— Или я жестоко ошибаюсь, подумала Катерина: — или этотъ де-Муи то черное пятно, которое Ренѣ открылъ въ гороскопѣ Генриха.

Черезъ четверть часа послѣ Морвеля, вошелъ въ Лувръ Ортонъ и отправился въ отдѣленіе г-жи де-Совъ, поговоривъ на дорогѣ съ нѣсколькими изъ своихъ луврскихъ знакомыхъ.

Отъ засталъ одну Дариюлу. Г-жа де-Совъ ушла, по требованію Катерины, переписать какія-то важныя письма, и уже минутъ пять, какъ ея не было дома.

— Я подожду, сказалъ Ортонъ.

Ортонъ былъ тутъ какъ свой; пользуясь этимъ преимуществомъ,



онъ прошелъ въ спальню баронессы и, увидя, что былъ одинъ, положилъ записку за зеркало.

Не успѣлъ онъ еще почти принять руки, какъ вошла Катерина Ортопъ поблѣднѣлъ. Ему показалось, что острый взглядъ королевы былъ устремленъ прямо на зеркало.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила она. — Ты къ г-жѣ де-Совъ?

— Такъ точно, ваше величество. Я ее давно не видѣлъ и пришелъ поблагодарить за вниманіе.

— А ты ее любишь, мою милую Шарлотту?

— Отъ всей души.

— И ты, говорятъ, вѣрный слуга?

— Это очень-естественно, ваше величество: г-жа де-Совъ окрѣпляетъ меня такимъ вниманіемъ, какого я не заслуживалъ.

— По какому же это случаю? спросила Катерина, какъ-будто не знаетъ, что случилось съ Ортономъ.

— Когда я былъ раненъ.

— Бѣдняжка! Ты былъ раненъ?

— Да.

— Когда же?

— Въ тотъ вечеръ, когда хотѣли арестовать короля наваррскіе. Я испугался при видѣ солдатъ и закричалъ; одинъ изъ нихъ ударилъ меня по головѣ, и я упалъ безъ памяти.

— Бѣдняжка! Что жъ? ты теперь совсѣмъ-здоровъ?

— Здоровъ, ваше величество.

— И ты ищешь короля наваррскаго, чтобъ опять поступить к нему?

— Нѣтъ, ваше величество. Король узналъ, что я осмѣлился противиться приказу вашего величества, и прогналъ меня безъ милосердія.

— Право? Ну, я беру на себя твое дѣло. Если жъ ты думаешь дождаться г-жи де-Совъ, она не скоро прійдетъ. Она занята теперь у меня въ кабинетъ.

Катерина, думая, что Ортопъ не успѣлъ еще, можетъ-быть, положить записку на мѣсто, вышла въ другую комнату, чтобъ дать ему время исполнить свое порученіе.

Ортопъ, встревоженный неожиданнымъ появленіемъ Катерины, думалъ, не скрывается ли тутъ какого-нибудь умысла противъ Генриха, какъ вдругъ услышалъ три легкіе удара въ потолокъ. Это былъ условленный знакъ, который самъ онъ подавалъ своему господину въ случаѣ опасности, когда тотъ бывалъ у г-жи де-Совъ.

Онъ вздрогнулъ, услышавъ этотъ стукъ; ему показалось ясно, что его предостерегаютъ; онъ подошелъ къ зеркалу и взялъ записку назадъ.

Катерина подсматривала за всеми его движеніями сквозь отверстие въ занавѣскѣ; она видѣла, какъ онъ бросился къ зеркалу, но не рассмотрѣла, взялъ онъ оттуда или положилъ туда записку.

— Чего же онъ еще ждетъ? проговорила нетерпѣливая Флорентинка.

Она вошла въ комнату съ улыбкою на устахъ.

— Ты еще здѣсь? сказала она. — Чего же ты ждешь? Вѣдь я тебѣ сказала, что сама позабочусь о тебѣ. Или ты сомнѣваешься?

— Боже сохрани! отвѣчалъ Ортонъ.

Онъ сталъ на колѣно, поцаловалъ край ея платья и поспѣшно вышелъ.

При выходѣ, онъ замѣтилъ въ передней капитана гвардіи Катерины. Это удвоило его подозрѣнія.

Катерина, съ своей стороны, едва-только занавѣска опустилась за Ортономъ, бросилась къ зеркалу. Но дрожащая отъ нетерпѣнія рука ея напрасно искала записки: записки не было.

А она ясно видѣла, что Ортонъ подходилъ къ зеркалу. Следовательно, онъ взялъ записку назадъ. Судьба была на сторонѣ ея противниковъ. Ребенокъ дѣлался взрослымъ человѣкомъ, лишь-только начиналъ дѣйствовать противъ нея.

Она искала, смотрѣла, рылась, — нѣтъ ничего!

— Несчастный! сказала она. — Я не хотѣла сдѣлать ему зла, а онъ взялъ записку назадъ и самъ идетъ на встрѣчу судьбѣ своей... Нансей!

Нансей вошелъ.

— Что прикажете, ваше величество?

— Вы были въ передней?

— Да.

— Вы видѣли, какъ вышелъ отсюда молодой человѣкъ, ребенокъ?

— Онъ сейчасъ прошелъ.

— Онъ не можетъ быть еще далеко?

— На половинѣ лѣстницы, не дальше.

— Позовите его назадъ.

— Какъ его зовутъ?

— Ортонъ. Если онъ не захочетъ воротиться, приведите его сюда. Только не пугайте его, если онъ не станетъ противиться, мнѣ надо съ нимъ сейчасъ же поговорить.

Капитанъ поспѣшилъ исполнить приказаніе королевы.

Ортонъ дѣйствительно былъ еще на лѣстницѣ; онъ сходилъ медленно, надѣясь встрѣтить или увидѣть гдѣ-нибудь въ корридорѣ короля наваррскаго или г-жу де-Совъ.

Онъ вздрогнулъ, услышавъ, что его зовутъ.

Сначала онъ хотѣлъ-было бѣжать; но сейчасъ же разсудилъ, что это все погубить.

Онъ остановился.

— Кто меня зоветъ?

— Я, Нансей, отвѣчалъ капитанъ, шагая за нимъ по ступенямъ.

— Мнѣ некогда, отвѣчалъ Ортонъ.

— Я отъ ея величества королевы-матери, сказалъ Нансей, подходя къ нему.

Юноша отеръ выступившій на лицѣ его потъ и пошелъ назадъ.

Капитанъ шелъ за нимъ.

Катерина хотѣла овладѣть Ортономъ, велѣть его обыскать и взять спрятанную у него записку. Для этого, она придумала обвинить его въ кражѣ и уже взяла съ туалета брилльянтовый аграфъ, пропажу котораго готовилась приписать Ортону. Но она разсудила, что это средство опасно, потому-что можетъ возбудить его подозрѣнiе, что онъ уведомилъ обо всемъ своего господина, и испортить тѣмъ дѣло.

Конечно, она могла велѣть отвести его куда-нибудь въ тюрьму; но слухъ объ этомъ непременно разнесется по Лувру, и Генрихъ сдѣлается осторожнѣе.

Записку, однакожь, надо было достать; въ запискѣ отъ де-Муи къ Генриху долженъ былъ заключаться цѣлый заговоръ.

Она положила аграфъ на прежнее мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не годится! сказала она. — Но за записку, которая можетъ быть, впрочѣмъ, ничтожна, продолжала она нахмуривъ брови, и говоря такъ тихо, что едва сама могла разслушать слова свои:—что жь! не моя въ томъ вина! Зачѣмъ этотъ звенышъ не положилъ ея куда слѣдуетъ. Я должна прочесть ее.

Въ эту минуту вошелъ Ортонъ.

Лицо Катерины, должно быть, было ужасно: юноша, поблѣднѣвъ, остановился на порогѣ. Онъ былъ еще такъ молодъ, что не умѣлъ вполне владѣть собою.

— Вы изволили меня требовать, ваше величество, сказалъ онъ.

— Что прикажете?

Лицо Катерины прояснилось, какъ-будто внезапно-озаренное солнцемъ.

— Я позвала тебя потому, что ты мнѣ понравился. Я общала позаботиться о тебѣ, и хочу немедленно этимъ заняться. Насъ, королеву, обвиняютъ въ забывчивости. Не сердце наше забывчиво, а умъ, занятый тысячами дѣлъ. Я вспомнила, что людское счастье въ рукъ королей, и потому позвала тебя назадъ. Ступай за мною.

Нансей съ удивленіемъ смотрѣлъ на Катерину; онъ думалъ, что на нее въ-самомъ-дѣлѣ нашелъ припадокъ нѣжности.

— Умѣешь ты вздѣть верхомъ?

— Умѣю.

— Такъ пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я дамъ тебѣ порученіе въ Сен-Жермень.

— Слушаю, ваше величество.

— Прикажете осѣдлать ему лошадей, г. де-Нансей.

Нансей вышелъ.

— Пойдемъ, сказала Катерина.

Ортонъ пошелъ вслѣдъ за нею.

Катерина сошла въ слѣдующій этажъ, вышла въ корридоръ, ведшій въ отдѣленія короля и д'Алансона, спустилась еще на одинъ этажъ, отворила дверь въ круглую галерею, ключъ отъ которой былъ только у нея и у короля, велѣла войдти Ортону, потомъ вошла сама и замкнула за собою входъ. Эта галерея окружала часть комнатъ короля и королевы-матери. Эта галерея, подобно корридору въ Замкѣ Святаго-Ангела въ Римѣ, или во дворцѣ Пятти во Флоренціи, была убѣжищемъ, прибереженнымъ на случай опасности.

Катерина и молодой человѣкъ были заперты въ темномъ переходѣ. Они прошли шаговъ двадцать, Катерина впереди, Ортонъ за нею.

Вдругъ она обернулась; Ортонъ увидѣлъ на лицѣ ея то же мрачное выраженіе, которое замѣтилъ минутъ десять назадъ. Ея глаза, круглые какъ у тигра, казались, сверкали въ темнотѣ.

— Остановись, сказала она.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Ортона. Отъ этихъ сводовъ вѣяло холодомъ. Полъ былъ мраченъ, какъ гробовая крышка. Взоры Катерины пронзали грудь юноши.

Онъ отступилъ на шагъ и прислонился къ стѣнѣ.

— Гдѣ записка, которую тебѣ поручили отдать королю наваррскому?

— Записка? пробормоталъ Ортонъ.

— Да; которую ты долженъ былъ положить за зеркало?

— Я?... Я не понимаю, что вы изволите говорить.

— Записку, которую вручилъ тебѣ де-Мув, часъ тому назадъ, за саломъ д'Арбалетъ.

— У меня нѣтъ никакой записки. Ваше величество изволите вѣроятно ошибаться.

— Лжешь! Отдай записку, и я исполню свое обѣщаніе.

— Какое?

— Я сдѣлаю тебя богатымъ.

— Но у меня нѣтъ никакой записки, ваше величество!  
Катерина начала скрипеть зубами, но завершила улыбкой.

— Отдай, сказала она:—и я дарю тебѣ тысячу эку.

— Мнѣ нѣчего отдавать.

— Дѣв тысяч.

— Невозможно. У меня ничего нѣтъ.

— Десять тысячъ, Ортонъ!

Ортонъ видѣлъ, что гнѣвъ, подобно морскому приливу, выступаетъ изъ сердца на лицо королевы. Онъ подумалъ, что остается только одно средство спасти своего господина: съѣсть эту записку. Онъ опустилъ руку въ карманъ. Катерина разгадала его намѣреніе и остановила его руку.

— Полно, дитя! сказала она смѣясь.—Хорошо; ты вѣрный слуга. Выбирая слугу, королямъ не худо увѣриться, предано ли его сердце. Теперь я знаю, какъ съ тобою поступить. Вотъ тебѣ мой кошелекъ, — это первая награда. Отнеси записку королю наваррскому и объяви, что съ сегодняшняго дня ты у меня въ службѣ. Ступай, ты можешь одинъ выйти въ эту дверь; она отворяется изнутри. Не молодой человекъ стоишь въ нерѣшимости. Онъ не могъ повѣрить, что опасность миновалась.

— Полно дрожать! сказала Катерина. Вѣдь я тебѣ говорю, что ты идешь вѣдь.

— Благодарю, ваше величество, отвѣчалъ Ортонъ. — И такъ, вы меня прощаете?

— Больше: я награждаю тебя. Ты превосходный равнодушный любовныхъ записокъ,—только ты забываешь, что тебя ждутъ.

— Это правда, сказалъ юноша и поспѣшилъ выйти.

Но едва сдѣлалъ онъ шага три, какъ полъ подъ нимъ опустился. Онъ пошатнулся, распростеръ руки, вскрикнулъ, и исчезъ въ пропасти, которая раскрылась подъ его ногами, когда Катерина подавила пружину.

— Теперь, по милости этого упрянца, мнѣ придется сойти сто-пятьдесятъ ступеней внизъ, сказала Катерина.

Она возвратилась въ свою комнату, зажгла потайной фонарь, пошла опять въ корридоръ, задвинула пружину и отворила дверь на винтообразную лѣстницу, спускавшуюся въ пѣдра земли.

Мучимая неутолимою жаждою любопытства, она дошла до желѣзной двери на днѣ подвала.

Здѣсь, окровавленный, изувѣченный паденіемъ съ вышины во сто футовъ, лежалъ Ортонъ. Онъ еще дышалъ; за стѣною слышенъ былъ шумъ Сены, проведенной къ подножію лѣстницы посредствомъ подземнаго канала.

Катерина спустилась въ эту сырую яму, бывшую, вѣроятно, сви-

дательницею не одного подобного наденія, обвѣсила трупъ, нашла записку, увѣрилась, что это точно та, которую она искала, оттолкнула тѣло ногою и придавила пружину; дно подалось и тѣло, уличенное собственною тяжестью, исчезло по направленію къ рѣкѣ.

Потомъ Катерина затворила дверь, взшла на верхъ, замкнулась у себя въ кабинетъ, и прочла записку. Вотъ что было въ ней написано:

«Сегодня, въ десять часовъ вечера, въ улицѣ д'Арбр-Секъ, въ гостиницѣ à la Belle-Etoile. Если придете, не отвѣчайте ничего; если не придете, скажите подателю записки: нѣтъ.

«Дк-Мун Сен-Фаль.»

На лицѣ Катерины играла улыбка. Она думала о будущей побѣдѣ, забывая, какою цѣною купила ее.

Да и что значить Ортонъ? Вѣрный слуга, преданный всѣмъ сердцемъ, дитя, — и только.

Это, конечно, не могло имѣть цѣны на всахъ, на которыхъ взвѣшивалась участь цѣлыхъ государствъ.

Прочитавъ записку, Катерина немедленно пошла къ г-жѣ де-Совъ, и положила записку за зеркало.

Возвращаясь, она встрѣтила при входѣ въ корридоръ капитана.

— Лошадь осѣдлана, ваше величество, сказалъ онъ.

— Любезный баронъ, отвѣчала Катерина: — лошадь теперь не нужна: я поговорила съ этимъ мальчикомъ, и онъ оказался слиткомъ—глухъ для порученія, которое я хотѣла ему дать. Я дала ему денегъ и выслала по черному ходу.

— Но порученіе?

— Порученіе? повторила Катерина.

— Да, которое ваше величество хотѣли дать ему въ Сен-Жерменъ. Прикажете *мнѣ* заняться этимъ, или приказать кому-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ; вамъ и вашей командѣ будетъ сегодня вечеромъ другое занятіе.

И Катерина вошла въ свой кабинетъ, въ полной надеждѣ порывить вечеромъ участь короля наваррснаго.

## VI.

### Гостиница à la Belle-Etoile.

Часа черезъ два послѣ разсказаннаго нами происшествія, неоставившаго по себѣ никакихъ слѣдовъ, ни даже на лицѣ Катерины, г-жа де-Совъ, окончивъ свое занятіе у королевы, возврати-

лась домой. За нею вошелъ Генрихъ, и, узнавъ отъ Дариолы, что приходилъ Ортонъ, пошелъ прямо къ зеркалу и взялъ записку.

Записка, какъ мы уже сказали, содержала въ себѣ слѣдующее:

«Сегодня, въ десять часовъ вечера, въ улицѣ д'Арбр-Секъ, въ гостинницѣ à la Belle-Etoile. Если придете, не отвѣчайте ничего; если не придете, скажите подателю записки: «нѣтъ».

«Де-Мун Сен-Фаль.»

— Генрихъ непременно пойдетъ, думала Катерина:—еслибъ онъ и не хотѣлъ идти, такъ ему некому теперь сказать: «нѣтъ».

Въ этомъ она не ошиблась. Генрихъ разспросилъ объ Ортонѣ. Дариола сказала, что онъ вышелъ съ королевой-матерью; но такъ-какъ записка была на своемъ мѣстѣ, а Ортона невозможно было подозрѣвать въ измѣнѣ, то Генрихъ остался совершенно-покоенъ.

Онъ отобѣдалъ, по обыкновенію, у короля, который много подшучивалъ надъ неловкостью его во время птичьей охоты поутру. Генрихъ оправдывался тѣмъ, что онъ горецъ, а не житель долины, но обѣщалъ Карлу заняться изученіемъ и этого рода охоты.

Катерина была очень-любезна, и, вставая изъ-за стола, просила Маргериту остаться у ней на весь вечеръ.

Въ восемь часовъ, Генрихъ взялъ съ собою двухъ провожатыхъ и вышелъ въ ворота Сент-Онорё. Онъ сдѣлалъ большой крюкъ, переправился черезъ Сену на вельскомъ паромѣ, прошелъ до Улицы-Сен-Жакъ, и здѣсь отпустилъ своихъ спутниковъ, какъ-будто отправлялся на любовное свиданіе. При поворотѣ въ Улицу-Матюрень, ждалъ его человекъ въ плащѣ и верхомъ. Король подошелъ къ нему.

— Мантъ, сказалъ незнакомецъ.

— Пѣ, отвѣчалъ король.

Незвѣстный тотчасъ сошелъ съ лошади. Генрихъ надѣлъ запачканный плащъ, сѣлъ на взмысленнаго коня, поѣхалъ по Улицѣ-ла-Гарпъ, черезъ Мостъ-Сен-Мишель, по Улицѣ-Бартеlemi, перѣхалъ Сену по Мосту-Мѣнье, и доѣхалъ по набережной и Улицѣ-Арбр-Секъ до гостинницы ла-Гюрьера.

Ла-Моль сидѣлъ въ залѣ и писалъ длинное любовное письмо,— вы знаете къ кому.

Коконна былъ въ кухнѣ съ ла-Гюрьеромъ. Онъ присутствовалъ при изготовленіи шести куропатокъ, и разсуждалъ съ хозяиномъ о времени, когда ихъ снять съ вертела.

Въ эту минуту, постучался Генрихъ. Грегуаръ пошелъ отворить дверь и отвести лошадь въ конюшню; Генрихъ, между-тѣмъ, вошелъ, постукивая сапогами и звеня шпорами, какъ-будто стараясь оживить отекишія ноги.

— Ла-Гюрьёръ! закричалъ ла-Моль, продолжая писать:—привѣжій васъ спрашиваетъ.

Ла-Гюрьёръ подошелъ, нзмѣрилъ Генриха глазами съ головы до ногъ, и не чувствуя особеннаго уваженія къ плащу изъ толстаго сукна, спросилъ:

— Кто вы?

— Sang-dieu! отвѣчалъ Генрихъ: — я гасконскій дворянинъ, — прѣѣхалъ ко двору.

— Что вамъ угодно?

— Комнату и ужинъ.

— Гм! А есть у васъ лакей?

Это былъ, какъ извѣстно, неизбѣжный вопросъ.

— Нѣтъ, но я непременно найму, какъ-только поправятся мои обстоятельства.

— Я господской комнаты не отдаю безъ лакейской, сказалъ ла-Гюрьёръ.

— Даже, если я заплачу вамъ за комнату и ужинъ нобль, — расчесть завтра?

— О! вы, конечно, очень-великодушны, отвѣчалъ трактирщикъ, недобѣрчиво поглядывая на Генриха.

— Надѣюсь провести ночь въ вашей гостинницѣ, которую рекомендую мнѣ одинъ изъ моихъ земляковъ; я пригласилъ сюда на ужинъ пріятеля. Есть у васъ хорошее арбузское вино?

— Такое, что и самъ Беарнецъ не пьетъ лучшаго.

— Хорошо; за это я заплачу особо. Да вотъ и гость мой!

Дѣйствительно, дверь открылась, и вошелъ другой человекъ, нѣсколько-старше перваго, и вооруженный огромною шпагою.

— А! Вы аккуратны, молодой человекъ, сказалъ онъ. — Кто идетъ изъ-за двѣсти льё, тому мудрено потрафить въ минуту.

— Это вашъ гость? спросилъ ла-Гюрьёръ.

— Да, отвѣчалъ Генрихъ, пожимая руку пришедшему. — Прикажите подать ужинъ.

— Здѣсь, или у васъ въ комнатѣ?

— Гдѣ хотите.

— Ла-Гюрьёръ! сказалъ ла-Моль, подозвавъ его къ себѣ.—Избавьте насъ, пожалуйста, отъ этихъ гугенотскихъ фигуръ. При нихъ намъ нельзя будетъ съ Коконна ни слова переговорить о дѣлѣ.

— Приготовить ужинъ во второмъ номерѣ, въ третьемъ этажѣ! провизнесъ ла-Гюрьёръ.—Милости просимъ наверхъ, господа.

Привѣжіе пошли за Грегуаромъ, освѣщавшимъ дорогу.

Ла-Моль слѣдилъ за ними глазами, пока они не скрылись изъ вида. Потомъ онъ оборотился въ другую сторону, и увидѣлъ Ко-



конца, выглядывающего изъ кухни. Глаза его были вытаращены и ротъ раскрытъ; странное удивленіе выражалось на лицѣ его.

Ла-Моль подошелъ къ нему.

— Могді! сказалъ Коконна, — Видѣлъ ты?

— Что?

— Этихъ двухъ.

— Ну?

— Я готовъ побожиться, что это...

— Кто?

— Кто! король наваррскій и тотъ, что ходилъ въ вицшевомъ плащѣ.

— Пожалуй, божись, если хочешь; только потише.

— Такъ и ты ихъ узналъ?

— Конечно.

— Зачѣмъ же они здѣсь?

— Ты не догадываешься?

— Какія-нибудь любовныя похождения.

— Разумѣется.

— Ты думаешь?

— Увѣренъ.

— Ла-Моль! шпажные удары, по-моему, лучше этихъ походовъ. Я готовъ былъ божиться, — теперь готовъ держать пари.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что тутъ кроется какой-нибудь заговоръ.

— Вздоръ!

— Говорю тебѣ...

— Говорю тебѣ, что если тутъ есть заговоръ, такъ это ихъ дѣло.

— Дѣ, правда. Къ-тому же, я ужь не слуга г. д'Алансона; пусть сами раздѣляются, какъ имъ угодно.

Между-тѣмъ, куродатки ужарились до той степени, какую особенно любилъ Коконна, и онъ кликнулъ ла-Гюрфера снять ихъ съ вертела.

Генрихъ и де-Мун распоряжались въ это время въ своей комнатѣ.

— Видѣли вы Ортона? спросилъ де-Мун, когда Грегуаръ открылъ столъ.

— Нѣтъ; но я нашелъ записку за зеркаломъ. Онъ, я думаю, испугался, потому-что Катерина входила въ то время, какъ онъ былъ тамъ. Вѣроятно, потому онъ меня и не дождался. Съ минутой я безпокоился: Дариола говоритъ, что Катерина долго съ нимъ разговаривала.

— Это ничего; онъ сметливъ. Хоть королева и знаетъ его должность, онъ ее проведетъ, я увѣренъ.

— А вы, де-Муи, видѣли его носилъ?

— Нѣтъ еще; но я долженъ увидѣть его сегодня вечеромъ. Въ полночь онъ долженъ явиться сюда за мною съ карабиномъ. Дорогою онъ все расскажетъ.

— А человекъ, который стоялъ на поворотѣ въ улицу Матюрень?

— Какой человекъ?

— Который далъ мнѣ плащъ и лошадь,—увѣрены вы въ немъ?

— Это одинъ изъ самыхъ преданныхъ. Впрочемъ, онъ не знаетъ нашего величества, и ему неизвѣстно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— И такъ, мы спокойно можемъ переговорить о дѣлахъ.

— Безъ сомнѣнія. Къ-тому же, ла-Моль сторожитъ.

— Прекрасно.

— И такъ, что говорить д'Алансонъ?

— Д'Алансонъ не хочетъ бѣжать. Онъ объявилъ это прямо. Избраніе герцога д'Анжу въ короли польскіе и болѣзнь короля измѣнили весь его намѣренія.

— Такъ онъ причиною, что нашъ планъ не удался?

— Да.

— Следовательно, онъ намъ измѣняетъ.

— Нѣтъ еще, но измѣнить при первомъ удобномъ случаѣ.

— Малодушный! Вѣроломный! Почему онъ не отвѣчалъ на мои письма?

— Чтобъ имѣть въ своихъ рукахъ улики и не быть уличеннымъ другими. А между-тѣмъ, все погибло, не такъ ли, де-Муи?

— Напротивъ, ваше величество, все спасено. Вы знаете, что всѣ, за исключеніемъ партіи Кондэ, были за васъ и вступили въ сношенія съ герцогомъ только за тѣмъ, чтобъ воспользоваться его защитою. Съ-тѣхъ-поръ, то-есть со времени приѣма польскихъ пословъ, я все связалъ во-едино, и все вамъ предано. Для бѣгства еъ д'Алансономъ довольно было ста человекъ. Я собралъ полторы тысячи. Черезъ недѣлю они будутъ въ готовности на дорогъ въ По, Это будетъ уже не бѣгство, а отступленіе. Довольно ли для васъ, ваше величество, полторы тысячи человекъ, и будете ли въ безопасности среди арміи?

Генрихъ улыбнулся и, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Ты знаешь, де-Муи,—и ты знаешь это одинъ,—король наррекій не такой трусъ, какъ думаютъ.

— Знаю, ваше величество, и думаю, что скоро узнаетъ это не хуже меня и вся Франція. Но, замышляя дѣло, надо заботиться объ удачѣ. Первое условіе успѣха—рѣшимость; а чтобъ рѣшимость

была быстрою и неподдѣльною, надо быть убѣждену въ успѣхѣхъ Итакъ, ваше величество, когда назначена будетъ охота...

— Охота, то псовая, то соколиная, бываетъ черезъ каждыя во семь или десять дней.

— Когда охотились въ послѣдній разъ?

— Сегодня.

— Слѣдовательно, дней черезъ восемь или десять опять будутъ охотиться?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Послушайте! все, кажется, очень-спокойно: герцогъ д'Анжу уѣхалъ; о немъ больше не думаютъ. Король поправляется съ каждымъ днемъ. Насъ почти перестали преслѣдовать. Дѣлайте глазки королевы-матери и д'Алансону; повторяйте ему, что вы не можете ѣхать безъ него; постарайтесь, чтобъ онъ повѣрилъ вамъ, — это труднѣе.

— Будь спокоенъ, онъ повѣритъ.

— Вы думаете, что онъ вамъ такъ сильно довѣряетъ?

— Нѣтъ, сохрани Богъ! Но онъ вѣритъ всему, что ни скажетъ ему королева.

— А она служитъ намъ добросовѣстно?

— Да, я имѣю на это доказательства. Кромѣ того, она честолюбива, и мысль о наваррской коронѣ жжетъ ей голову.

— И такъ, за три дня до охоты, дайте мнѣ знать, гдѣ она назначена. Если въ Бондї, въ Сен-Жерменъ, или въ Рамбульѣ, прибавьте, что вы готовы, и когда увидите передъ собою ла-Молля, скачите за нимъ. А когда вы будете внѣ лѣса, такъ королевы-матери придется гнаться за вами, если ей угодно; нормандскія лошади ея не увидятъ, надѣюсь, и подковъ нашихъ арабскихъ коней.

— Хорошо.

— Есть у васъ деньги?

Генрихъ сдѣлалъ гримасу, которую во всю жизнь свою дѣлалъ на этотъ вопросъ:

— Немного; впрочемъ, у Марго, я думаю, есть.

— Все равно. Возьмите съ собою какъ-можно-больше.

— А ты, между-тѣмъ, что будешь дѣлать?

— Я занимался дѣлами вашего величества довольно-дѣлательно: позволите ли мнѣ заняться теперь моими собственными?

— Изволь, де-Муи, изволь; какія же это дѣла?

— Послушайте, ваше величество. Ортонъ сказалъ мнѣ (онъ очень-смышленный мальчикъ; рекомендую вамъ его)—Ортонъ сказалъ, что вчера встрѣтилъ возлѣ арсенала этого разбойника Мор-

вля. Онъ выздоровѣлъ, благодаря заботливости Ренѣ, и отогрѣвается на солнцѣ, какъ змѣя.

— Понимаю.

— Вы понимаете? прекрасно... Вы будете когда-нибудь королемъ, и если вамъ надо отмстить кому-нибудь, вы отместите по-королевски. Я солдатъ, и долженъ отмстить по-солдатски. Когда изъ наши дѣла будутъ устроены, — а на это надо дней пять или шесть, и убійца въ это время совсѣмъ оправится, я тоже пойду прогуляться мимо арсенала и пригвозжу его къ землѣ шпагой. Тогда мнѣ легче будетъ разстаться съ Парижемъ.

— Распожайся какъ знаешь. Кстати: ты доволенъ ла-Молемъ, не правда ли?

— Да; прекрасный молодой человекъ; онъ преданъ вамъ душою и тѣломъ; вы можете на него положиться, какъ на меня... онъ храбръ...

— И, главное, умѣетъ хранить тайну; я возьму его съ собою въ Наварру: тамъ подумаемъ какъ наградить его.

Генрихъ договаривалъ еще эти слова съ ѣдкою улыбкой, какъ вдругъ двери распахнулись настежь, и ла-Моль, блѣдный и встревоженный, появился на порогъ.

— Живѣ! сказалъ онъ. — Домъ окруженъ.

— Окруженъ! воскликнулъ Генрихъ. — Къмъ?

— Королевской гвардіей.

— О! сказалъ де-Мун, доставая изъ за-пояса пистолеть. — На бой!

— Что и говорить! сказалъ ла-Моль. — Очень-много поможетъ мнѣ пистолеть противъ пятидесяти человекъ!

— Онъ правъ, замѣтилъ король: — еслибъ было какое-нибудь средство уйдти...

— Есть; я однажды ужъ воспользовался имъ, и если вашему величеству угодно за мною послѣдовать...

— А де-Мун?

— И онъ можетъ идти съ нами, если захочетъ; только надо поспѣшить.

На лѣстницѣ послышались шаги.

— Теперь ужъ поздно, сказалъ Генрихъ.

— Еслибъ удержать ихъ хоть пять минутъ, воскликнулъ ла-Моль: — я отвѣчалъ бы за безопасность короля.

— Я задержу ихъ, сказалъ де-Мун. — Спасайте короля. Бѣгите, ваше величество!

— А ты?

— Не заботьтесь обо мнѣ, бѣгите!

Де-Мун прибралъ тарелку, салфетку и стаканъ короля, чтобы водумали, что онъ ужиналъ одинъ.

— Пойдите! сказалъ Ла-Моль, схвативъ Генриха за руку и увлекая его на лѣстницу.

— Де-Мун! Храбрый де-Мун! сказалъ Генрихъ, протагивая ему руку.

Де-Мун поцаловалъ ее, проводилъ короля изъ комнаты и замкнулъ за нимъ дверь.

— Понимаю, сказалъ Генрихъ:— онъ отдается въ руки враговъ тогда-какъ мы спасаемся бѣгствомъ. — Но кой-чортъ могъ насъ выдать?

— Пойдемте, ваше величество! Они идутъ.

Блескъ факеловъ начиналъ уже скользить по стѣнамъ, а внизу лѣстницы слышался уже стукъ оружія.

— Скорѣе! повторилъ Ла-Моль.

Онъ провелъ его въ темнотѣ два этажа выше и, вышедъ въ какую-то комнату, задвинулъ за собою дверь и подвелъ его къ огню.

— Бойтесь вы путешествовать по крышамъ? спросилъ онъ.

— Я? отвѣчалъ король. — Полно! Изарскому охотнику бояться крышъ!

— Такъ слѣдуйте за мною. Я знаю дорогу и проведу васъ.

— Идите; я за вами.

Ла-Моль выскочилъ изъ окна и прешелъ по широкому жолобу до ложбины, образовавшейся изъ двухъ крышъ. Здѣсь было слуховое окно, выходившее изъ необитаемаго чердака.

— Вотъ мы и у пристани, сказалъ Ла-Моль.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Генрихъ.

Онъ отеръ потъ, крупными каплями выступившій у него на лбу.

— Дѣло теперь пойдетъ само собою на ладъ, сказалъ Ла-Моль. — Съ чердака ведетъ лѣстница въ корридоръ, а корридоръ на улицу. Я уже прешелъ однажды по этой дорогѣ, въ ужасную ночь.

— Впередъ! сказалъ Генрихъ.

Ла-Моль первый пролѣзъ въ окно, добрался до плохо-притворенной двери, отворилъ ее, и, подавая королю веревку, служившую путеводную нитью по лѣстницѣ, сказалъ:

— Пойдемте, ваше величество.

На половинѣ лѣстницы Генрихъ остановился; тутъ было окно во дворъ гостиницы. Отсюда видне было, какъ на противоположной лѣстницѣ толпились солдаты со шпагами и факелами въ рукахъ.

Вдругъ, посреди группы, Генрихъ узналъ де-Муна, который отдалъ свою шпагу и сходилъ спокойно.

— Бѣдняжка! сказалъ король. — Вѣрное сердце!

— Замѣьте, ваше величество: онъ совершенно-спокоенъ, и даже смѣется. Онъ вѣрно выдумалъ что-нибудь хорошее, онъ рѣдко смѣется.

— А тотъ, что былъ съ вами?

— Коконна?

— Да, Коконна. Что съ нимъ?

— О! за него я совершенно-спокоенъ. Увидѣвъ солдатъ, онъ только спросилъ: что? мы рискуемъ чѣмъ-нибудь? — Головою, отъичать я. — Ты спасешься? — Надѣюсь.

— Хорошо, такъ и я спасусь. И кланусь вамъ, что онъ спасется. Если его возьмутъ, такъ значить, что ему угодно было позволить взять себя.

— И такъ все благополучно, сказалъ Генрихъ. — Теперь лишь бы добраться въ Лувръ.

— Нѣтъ ничего легче. Завернемся въ плащи и выйдемъ. Улица полна народа, и насъ примутъ за простыхъ зрителей.

Дѣйствительно, тѣснота была единственное препятствіе, которое они встрѣтили на дорогѣ.

Оба они проскользнули въ Улицу-д'Аверонъ; проходя по Улицѣ-де-Пулі, они увидѣли вдали де-Мун и стражу, подъ предводительствомъ де-Нансея, проходящихъ по Площади-Сен-Жерменъ-л'Оксерруа.

— А-га! Его ведутъ, кажется, въ Лувръ, сказалъ Генрихъ. — Чортъ возьми! Ворота заперты; будутъ спрашивать имена всѣхъ входящихъ; если я войду вслѣдъ за нимъ, могутъ заключить, что мы были вмѣстѣ.

— Войдите въ Лувръ не черезъ ворота.

— Да какъ же иначе?

— А окно королевы наваррской?

— *Ventre saint-gris!* Вы правы, ла-Моль! Какъ это мнѣ не пришло въ голову? Но какъ ей дать знать?

— Вы такъ мѣтко бросаете камни! замѣтилъ ла-Моль, почти-тѣльно кланяясь.

## VII.

### Де-Мун де-Сен-Фаль.

На этотъ разъ, Катерина взяла всѣ возможные предосторожности и не сомнѣвалась въ успѣхѣ.

Въ-слѣдствіе этого, часовъ въ десять вечера, она отпустила Маргериту, будучи убѣждена, въ чемъ, впрочемъ, и не ошибалась, что королева наваррская ничего не знаетъ о замыслѣ противъ своего мужа. Катерина зашла къ королю, проси его помедлать ложиться спать.

Торжествующій видъ Катерины возбудилъ его любопытство. Онъ началъ ее разспрашивать, но она отвѣчала только:

— Могу сказать одно вашему величеству: сегодня вечеромъ вы будете освобождены отъ двухъ вашихъ злѣйшихъ враговъ.

Карлъ мигнулъ бровями, какъ-будто хотѣлъ сказать: «хорошо, посмотримъ», свиснулъ большой борзой собакъ, и послушное животное, какъ змѣя, приползло къ нему на брюхъ и начало ласкаться.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ-продолженіи которыхъ Катерина приглядывалась и прислушивалась, на дворъ въ Лувръ раздался нистолетный выстрѣлъ.

— Что это за шумъ? спросилъ Карлъ, нахмуривъ брови. Борзая вскочила и наострила уши.

— Ничего, отвѣчала Катерина.—Сигналъ, и только.

— Что же значить этотъ сигналъ?

— Онъ значить, что съ этой минуты вашъ единственный, вашъ истинный врагъ не можетъ уже вредить вамъ.

— Убили кого-нибудь? спросилъ Карлъ, повелительно глядя на мать, какъ-будто желая сказать ей, что смерть и помилованіе только во власти короля.

— Нѣтъ, только арестовали двухъ.

— Вѣчно тайныя продѣлки, вѣчно заговоры, о которыхъ король ничего не знаетъ! сказалъ Карлъ. — Mort-diable! Я уже не дитя, матушка; могу заботиться самъ о себѣ, и мнѣ не къ чему ходить на помочахъ. Побѣждайте въ Польшу къ вашему д'Анжу, если хотите царствовать. Здѣсь, повторяю вамъ, вамъ не удастся.

— Въ послѣдній разъ мѣшаюсь я въ ваши дѣла, отвѣчала Катерина.—Но это дѣло затѣяно уже давно; вы всегда утверждали, что я ошибаюсь, и я непременно хотѣла доказать вашему величеству, что я права.

Нѣсколько человекъ остановились въ это время въ передней, и раздавался стукъ опущенныхъ на полъ ружейныхъ прикладовъ.

Нансей попросилъ позволенія войти къ королю.

— Пусть войдетъ, живо сказалъ Карлъ.

Нансей вошелъ, поклонился королю, и сказалъ, обращаясь къ Катеринѣ:

— Я исполнилъ приказаніе вашего величества: онъ взятъ.

— Какъ онъ? спросила Катерина встревожившись. — Вы взяли только одного?

— Онъ былъ одинъ.

— И оборонялся?

— Нѣтъ; онъ спокойно ужиналъ въ своей комнатѣ и отдалъ ишагу по первому требованію.

— Кто такой? спросилъ король.

— Сейчас увидите, сказала Катерина. — Введите его, г. де-Нансей.

Черезъ пять минутъ вошелъ де-Муи.

— Де-Муи! воскликнулъ король. — Что скажете?

— Ваше величество, отвѣчалъ де-Муи совершенно-спокойно: — я готовъ, съ вашего позволенія, сдѣлать вамъ тотъ же вопросъ.

— Вмѣсто того, чтобъ дѣлать подобные вопросы королю, сказала Катерина: — не угодно ли вамъ, г. де-Муи, сказать моему сыну, кто былъ въ комнатѣ короля наваррскаго въ известную ночь, и, противясь приказанію его величества, убилъ двухъ солдатъ и ранилъ Морвеля?

— Да, сказалъ Карлъ, нахмуривъ брови: — не знаете ли вы, г. де-Муи, какъ зовутъ этого человѣка?

— Знаю, ваше величество. Вамъ угодно, чтобъ я назвалъ его?

— Признаюсь, желалъ бы.

— Его зовутъ де-Муи де-Сен-Фаль.

— Такъ это были вы?

— Я.

Катерина, пораженная его смѣлостью, отступила на шагъ.

— Какъ же вы осмѣлились противиться королевскому приказу? спросилъ Карлъ.

— Во-первыхъ, ваше величество, мнѣ вовсе неизвѣстно было, что приказъ данъ; кромѣ-того, я видѣлъ только одно, то-есть только одного человѣка, Морвеля, убійцу моего отца и адмирала. Я вспомнилъ, что, полтора года назадъ, здѣсь, въ этой самой комнатѣ, вечеромъ 24 августа, ваше величество обѣщали мнѣ наказать убійцу; съ-тѣхъ-поръ, случилось много важныхъ событій, и я подумалъ, что, конечно, король не по доброй волѣ не сдержалъ своего слова. Я думалъ, что само небо послало мнѣ встрѣчу съ Морвелемъ... Остальное известно вашему величеству. Я дрался съ нимъ и его помощниками какъ съ убійцею и бандитами.

Карлъ ничего не отвѣчалъ; дружба съ Генрихомъ заставляла его теперь смотрѣть на многія вещи совсѣмъ съ другой точки.

Королева-мать помнила нѣсколько выраженій Карла на-счетъ вароломеевской ночи, въ которыхъ какъ-будто высказывалось угрызение совѣсти.

— Какое же дѣло привело васъ къ королю наваррскому въ такое время? спросила она.

— Это длинная исторія, отвѣчалъ де-Муи. — Если его величество будетъ имѣть терпѣніе выслушать ее...

— Да, сказалъ Карлъ: — говорите; я хочу слышать.

— Слушаю, отвѣчалъ, кланаясь, де-Муи.

Т. XIII. — Отд. I.

4



Катерина съела, устремивъ безпокойный взоръ на молодого предводителя партіи.

— Мы слушаемъ, сказалъ Карлъ. — Сюда, Актеонъ!

Собака легла на прежнее мѣсто.

— Я приходилъ къ королю наваррскому депутатомъ отъ нашихъ братьевъ, гугенотовъ, вѣрноподданныхъ вашего величества.

Катерина сдѣлала знакъ Карлу.

— Будьте спокойны, сказалъ онъ. — Я не пропущу ни слова. Продолжайте, г. де-Мун.

— Я хотѣлъ извѣстить короля наваррскаго, что отреченіе лишило его довѣрчивости гугенотовъ; но что, въ память отца его, Антуана Бурбона, и въ-особенности въ память матери его, мужественной Жанны д'Альбрё, глубоко нами уважаемой, гугеноты просятъ его отречься отъ своихъ правъ на наваррскую корону.

— Чтѣ онъ говоритъ? воскликнула Катерина, которая, не смотря на все свое умънѣе владѣть собою, не могла равнодушно выслушать это неожиданное извѣстіе.

— А, кажется, эта наваррская корона, замѣтилъ Карлъ:— которую переставляютъ безъ моего позволенія съ головы на голову, принадлежитъ отчасти и мнѣ?

— Гугеноты болѣе нежели кто-нибудь признаютъ эту истину, отвѣчалъ де-Мун.— Они и надѣялись упротить ваше величество возложить ее на драгоценную для васъ голову.

— На драгоценную для меня голову! Mort-diable! про какую же голову вы говорите? Я васъ не понимаю.

— На голову герцога д'Алансона.

Катерина поблѣднѣла какъ смерть, и хотѣла, казалось, уничтожить де-Мун своимъ взглядомъ.

— И братъ д'Алансонъ зналъ объ этомъ?

— Зналъ.

— И соглашался принять корону?

— Съ дозволенія вашего величества.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! сказалъ Карлъ.— Эта корона чудо-какъ пристала д'Алансону! А я и не подумалъ объ этомъ! Благодарю васъ, де-Мун, благодарю! Съ такими мыслями васъ ласково примутъ во дворцѣ.

— Ваше величество уже давно узнали бы обо всемъ, еслибъ не это несчастное происшествіе въ Луврѣ. Я боялся вашего гнѣва.

— Да; но что же говорилъ на это король наваррскій? спросила Катерина.

— Онъ соглашался на наше желаніе; и отреченіе было готово.

— Въ такомъ случаѣ, оно должно быть у васъ, сказала она.

— Точно; оно со мною, подписанное, какъ видите.

— И подписано прежде этого происшествія? спросила Катерина.

— Кажется, наканунѣ.

де-Мун досталъ изъ кармана отреченіе въ пользу герцога д'Алансона, написанное и подписанное собственною рукою Генриха.

— Дѣйствительно, сказалъ Карлъ. — Тутъ все, какъ слѣдуетъ.

— Чего же требовалъ Генрихъ въ замѣнъ короны?

— Ничего. «Дружба короля Карла», сказалъ онъ: «вполнѣ возградитъ меня за потерю.»

Катерина со злости укусила себя губу.

— Все это очень-точно, де-Мун, сказалъ король.

— Если все было рѣшено между вами и королемъ наваррскимъ, была же надобность была вамъ видѣться съ нимъ сегодня вечеромъ? спросила королева.

— Мнѣ, съ королемъ наваррскимъ? Ссылаюсь на того, который арестовалъ меня, что я былъ одинъ. Позовите его, ваше величество.

— Г. де-Нансей! сказалъ король.

Капитанъ вошелъ.

— Г. де-Нансей! поспѣшно сказала Катерина.—Г. де-Мун былъ совершенно одинъ въ гостинницѣ à la Belle-Etoile?

— Въ своей комнатѣ, одинъ; но въ гостинницѣ были и другіе.

— А! сказала Катерина.—Кто же это его товарищъ?

— Не знаю, ваше величество, товарищъ ли это де-Мун, или нѣтъ; знаю только, что онъ выбѣжалъ въ заднюю дверь, цокаливъ двухъ солдатъ.

— И вы, конечно, его узнали?

— Я, нѣтъ; но солдаты узнали.

— Кто же это? спросилъ Карлъ.

— Графъ Аннибалъ де-Коконна.

— Аннибалъ де-Коконна! повторилъ король въ раздумьи.—Тотъ, который такъ ужасно свирѣпствовалъ въ вареоломеевскую ночь?

— Графъ Коконна, изъ свиты его высочества герцога д'Алансона, отвѣчалъ Нансей.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Карлъ.—Идите, Нансей, и въ другой разъ не забудьте одного...

— Что прикажете?

— Что вы служите мнѣ, и должны слушаться только меня.

Нансей вышелъ съ почтительнымъ поклономъ.

де-Мун иронически улыбнулся Катеринѣ.

Наступила минута молчанія. Катерина щипала кисти пояса.

Карлъ ласкалъ собаку.

— Но какую же вы имѣли цѣль? продолжалъ Карлъ. — Вы дѣйствовали насильно?

— Противъ кого?

— Противъ Генриха, противъ Франсуа, или противъ меня?

— Ваше величество, мы имѣли отреченіе вашего зятя, согласіе вашего брата, и, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ, были готовы просить разрѣшенія вашего величества, — когда случилось это несчастное происшествіе съ Морвелемъ.

— Что жь, матушка? сказалъ Карлъ. — Я не вижу тутъ ничего худаго. Вы, г. де-Муи, имѣли полное право требовать себя короля. Да, Наварра можетъ и должна быть отдѣльнымъ королевствомъ. Она даже какъ-будто нарочно создана для д'Алансона, которому всегда такъ хотѣлось короны, что онъ не можетъ свести глазъ съ моей, когда я ее надѣну. Единственнымъ препятствіемъ было право Генриха; но такъ-какъ онъ отказывается добровольно...

— Добровольно, ваше величество.

— То вѣрно такъ угодно Богу! Господинъ де-Муи, вы можете возвратиться къ вашимъ, которыхъ я наказалъ... нѣсколько-жестокъ, можетъ-быть, — но въ этомъ я дамъ отвѣтъ Богу. Скажите имъ, что если они желаютъ, чтобъ д'Алансонъ былъ королемъ наваррскимъ, я согласенъ. Съ этой минуты Наварра — королевство, и король ея называется Франсуа. Я требую только восемь дней, чтобъ братъ могъ оставить Парижъ съ блескомъ, достойнымъ его сана. — Идите, г. де-Муи, идите! — Господинъ де-Нансей! пропустите де-Муи: онъ свободенъ.

— Позвольте ли, ваше величество? сказалъ де-Муи, дѣлая шагъ впередъ.

— Да, сказалъ король.

И онъ протянулъ руку молодому гугеноту.

Де-Муи сталъ на колѣно и почтительно поцаловалъ ее.

— Кстати, прибавилъ Карлъ, удерживая его, когда онъ хотѣлъ встать: — вы, кажется, просили расправы съ этимъ разбойникомъ Морвелемъ?

— Да, ваше величество.

— Я не знаю, гдѣ онъ; онъ скрывается. Но если вы съ нимъ встрѣтитесь, рассчитайтесь съ нимъ сами; я даю вамъ на это полное право, отъ всего сердца.

— Благодарю, ваше величество! Я тоже не знаю, гдѣ онъ; но будьте покойны, я отыщу его.

Де-Муи почтительно поклонился королю и королевѣ и вышелъ, не будучи задержанъ солдатами, которые привели его. Онъ прошелъ корридоры, быстро выбѣжалъ въ ворота, и чуть не въ одинъ скачокъ очутился съ площади Сен-Жермен-л'Оксерруа въ гостиницу à la Belle-Etoile. Тамъ онъ нашелъ свою лошадь, благодаря которой черезъ три часа вздохнулъ свободнѣе за стѣнами Манты.

Катерина, затаивъ злобу въ душѣ, возвратилась домой и вслѣдѣ за тѣмъ пошла къ Маргеритѣ.

Тамъ она застала Генриха въ спальномъ платьѣ. Онъ, повидимому, собирався ложиться спать.

— Сатана! подумала она:—помоги бѣдной королевы, за которую Богъ не хочетъ заступиться!

УШ.

### Двѣ головы для одной короны.

— Попросить ко мнѣ д'Алансона! сказалъ Карлъ, отпуская мать.

Нансей, получивъ приказаніе впредь повиноваться только королю, поспѣшилъ къ герцогу и буквально передалъ ему приказаніе.

Герцогъ вздрогнулъ; онъ всегда дрожалъ передъ Карломъ, тѣмъ болѣе теперь, вступивъ въ заговоръ и имѣя причины бояться.

Онъ поспѣшилъ къ брату. Карлъ стоялъ, насвистывая сквозь зубы охотничью пѣсню.

д'Алансонъ, при входѣ, замѣтилъ, что стеклянный взоръ Карла исполненъ ненависти.

— Ваше величество изволили меня требовать. Что прикажете?

— Я хотѣлъ сказать вамъ, любезный братъ, что въ награду вашей всегдашней любви, я рѣшился исполнить ваше жарчайшее желаніе.

— Мое желаніе?

— Да, ваше. Вспомните, о чемъ вы мечтаете съ нѣкотораго времени всего больше, не смѣя обратиться ко мнѣ съ просьбою; я согласенъ.

— Ваше величество! клянусь вамъ, единственное желаніе мое, чтобъ король былъ здоровъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны радоваться, д'Алансонъ. — Болѣзнь, которою я страдалъ во время прїѣзда польскихъ пословъ, миновалась. Благодаря Генриху, я спасенъ отъ клыковъ разъяреннаго вепря, и теперь здоровъ какъ-нельзя-больше. Итакъ, не переставая быть добрымъ братомъ, вы можете желать чего-нибудь и кромѣ моего здоровья.

— Я ничего не желаю, ваше величество.

— Нѣтъ, нѣтъ, Франсуа, сказалъ Карлъ съ нетерпѣніемъ.—Вы желаете наваррской короны,—вы уладили уже дѣло съ Генрихомъ в де-Муи. Первый отказался, а второй старается доставить ее вамъ.

Прекрасно! Ганрию отказывается? Де-Мун передалъ мнѣ ваше желаніе, и эта корона...

— Что? спросилъ д'Адаксонъ дрожащимъ голосомъ.

— Mort diable! Она принадлежитъ вамъ.

д'Адаксонъ ужасно поблѣднѣлъ. Потомъ кровь, стѣснившая его сердце, вдругъ отхлынула назадъ, и яркій румянецъ покрылъ его щеки. Милость короля въ эту минуту приводила его въ отчаяніе.

— Но, ваше величество, сказалъ онъ въ волненіи, и напрасно стараясь оправиться:—я не желалъ и не требовалъ ничего подобнаго.

— Можетъ-быть, потому-что вы очень-скромны; но другіе просили за васъ.

— Ваше величество! Клянусь вамъ, никогда...

— Не клянитесь.

— Вы меня изгоняете?

— Вы называете это изгнаніемъ? Чортъ возьми! Вамъ трудно угодить... Чего же вы желаете лучше этого?

д'Адаксонъ закусилъ губы отъ отчаянія.

— Я не думалъ, чтобъ вы приобрѣли столько народности, особенно у гугенотомъ, сказалъ Карлъ съ притворнымъ простодушіемъ:—но они жаждутъ васъ, и я долженъ сознаться, что ошибался. Впрочемъ, я не могъ желать ничего лучшаго: сдѣлать главную партію, которая уже тридцать лѣтъ ведетъ съ нами войну, чловѣка вѣрнаго, брата, который меня любитъ и неспособенъ измѣнить мнѣ. Это все успокоитъ какъ волшебною силою, не говоря уже о томъ, что все наше семейство будетъ состоять изъ королей. Только бѣдняжка Ганрию останется просто моимъ другомъ. Но онъ не честолюбивъ и удовольствуется этимъ званіемъ, котораго никто не ищетъ.

— Вы ошибаетесь, ваше величество! Я желаю этого званія... и кто же имѣетъ на него правъ больше меня? Генрихъ вамъ только зять; я—братъ вашъ по крови и по сердцу... Умоляю васъ, оставьте меня при себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Франсуа; это значило бы разрушить твое счастье.

— Какъ?

— По тысячѣ причинъ.

— Но обдумайте, ваше величество, найдете ли вы такого вѣрнаго друга? Съ самаго дѣтства, я никогда не оставлялъ васъ.

— Знаю, знаю; случалось даже, что я желалъ, чтобъ вы были подалше.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, ничего... А сколько прекраснаго ждетъ васъ тамъ! Какъ я вамъ завидую, Франсуа! Знаете ли, что тамъ въ горахъ охотятся за медвѣдемъ, какъ у насъ за кабаномъ? Вы будете снаб-

дать насъ превосходными мѣхами. Вы знаете, на медвѣдей охотятся съ княмаломъ; охотникъ поджидаетъ звѣря, дразнить, сердить его; мѣръ идетъ на него и за четыре шага встаетъ на заднія лапы. Въ это-то мгновение ему вонзаютъ въ сердце пожъ, какъ сдѣлалъ Генрихъ на послѣдней охотѣ. Это опасно; но вы храбры, Франсуа, и такая опасность будетъ для васъ истиннымъ наслажденіемъ.

— Вы удивляете мое горе! Я уже не буду охотиться съ вами!

— Corbleu! тѣмъ лучше; намъ что-то несчастливится охотиться съ вами.

— Что вы хотите сказать, ваше величество?

— Что, охотясь вмѣстѣ со мною, вы бываете въ такомъ восторгѣ и въ такомъ волненіи, что когда мы охотились въ послѣдній разъ, вы, олицетворенная ловкость, вы, стрѣлокъ, убивающій изъ лабаге ружья сорочку во стѣ шагахъ, вы, изъ прекрасной, знаковой пищали, дали въ двадцати шагахъ промахъ по кабану и разбили ногу моему лучшему коню. Mort-diable! Знаете ли, Франсуа, тутъ невольно призадумаетесь?...

— Простите моему волненію, сказалъ Франсуа.

— Да! волненіе, знаю; и по причинѣ этого-то волненія, которое, поѣдите, я очень-хорошо умѣю цѣнить, говорю вамъ: Франсуа, лучше намъ охотиться подалѣе одному отъ другаго, особенно съ такимъ волненіемъ. Обдумайте это—не при мнѣ: мое присутствіе, а вижу, васъ смущаетъ, а наединѣ,—и вы сознаетесь, что я имѣю причины опасаться, чтобъ на другой охотѣ вы опять не пришли въ волненіе и не попали въ короля, вмѣсто звѣря. Чортъ возьми! Пуля, попавшая немного-ниже или немного-выше, значительно мѣняетъ видъ правительства, — да у насъ былъ и примѣръ въ нашей фамиліи. Когда Монгомери нечаянно убилъ отца нашего, Генриха II-го, — можетъ-быть, также отъ волненія, — этотъ промахъ возвелъ на престолъ нашего брата Франциска II-го, а Генриха отправилъ въ Сен-Дені. Для Бога нужно очень-немногое, чтобъ совершать великія дѣла!

Герпогъ чувствовалъ, какъ потъ выступалъ у него на лицѣ во время этой неожиданной и колкой выходки. Ясное королю не могъ сказать, что онъ все понялъ. Карлъ, скрывая свой гнѣвъ шуткою, былъ, можетъ-быть, еще ужаснѣе, нежели еслибъ лава ненависти открыто лилась изъ его сердца. Мшленіе его, казалось, было соразмерно съ затѣннымъ чувствомъ вражды. То и другое росло вмѣстѣ, и въ первый разъ д'Алансонъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти или раскаяніе, что затѣвалъ дѣло, которое не удалось.

Онъ боролся сколько могъ; но послѣдній ударъ заставилъ его склонить голову.

Карлъ устремилъ на него свой ястребиный взоръ, и впивалъ въ

себя, такъ-сказать, каждое ощущеніе, смѣнявшееся въ сердцѣ молодого человѣка. Благодаря глубокому знанію своего семейства, пріобрѣтенному постояннымъ изученіемъ, всѣ эти ощущенія были для него такъ ясны, какъ-будто сердце герцога было открытою книгою.

Онъ промолчалъ съ минутою, глядя на Франсуа, нѣмого и уничиженнаго; потомъ, голосомъ, исполненнымъ ненавистной твердости, произнесъ:

— Мы сказали вамъ наше рѣшеніе, и оно неизмѣнно: вы уѣдете.

Д'Алансонъ сдѣлалъ движеніе. Карлъ какъ-будто его не замѣтилъ и продолжалъ:— Я хочу, чтобъ Наварра гордилась тѣмъ, что король ея—братъ короля французскаго. Власть, почести... у васъ будетъ все, что прилично вашему происхожденію, какъ у брата вашего, Генриха, и, какъ онъ, прибавилъ онъ улыбаясь:—вы будете благословлять меня вдали. Это не бѣда: для благословеній не существуетъ пространства.

— Ваше величество...

— Пріймите корону, дѣлать нѣчего. Когда вы будете королемъ, вамъ сдѣлаютъ супругу, достойную французскаго принца. Кто знаетъ, она доставитъ вамъ, можетъ-быть, и другой престолъ.

— Но ваше величество забываетъ Генриха...

— Генриха! Говорю вамъ, что онъ не хочетъ этой наваррской короны. Говорю вамъ, онъ отдаетъ ее вамъ. Генрихъ веселый малой, а не такое безкровное лицо, какъ вы. Онъ хочетъ посмѣяться и повеселиться на свободѣ, а не сохнутъ подъ короной, подобно вамъ.

Д'Алансонъ вздохнулъ.

— Итакъ, ваше величество приказываете мнѣ заняться...

— Нѣтъ, нѣтъ. Не безпокойтесь ни о чемъ, я самъ всѣмъ распоряджусь. Положитесь на меня, какъ на добраго брата. Теперь все рѣшено, ступайте. Говорите или не говорите вашимъ друзьямъ, о чемъ мы бесѣдовали, какъ хотите: я прійму надлежащія мѣры, чтобъ это дѣло поскорѣе сдѣлалось гласнымъ. Ступайте, Франсуа.

Отвѣчать было нѣчего. Герцогъ поклонился и вышелъ съ яростью въ сердцѣ.

Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣться съ Генрихомъ и рассказать ему все происшедшее. Но онъ нашелъ только Катерину: Генрихъ избѣгалъ объясненій, а королева-мать искала ихъ.

Герцогъ, увидѣвъ мать, подавилъ свою скорбь и старался улыбаться. Онъ былъ не такъ счастливъ, какъ д'Анжу, и искалъ въ Катеринѣ не мать, а просто союзницу. Онъ началъ съ притвор-

ства, потому-что, для заключенія выгоднаго союза, надобно немножко другъ друга обманывать.

Онъ подошелъ къ Катеринѣ съ лицомъ, на которомъ оставался только легкій слѣдъ безпокойства.

— Слышали вы важную новость? спросилъ онъ.

— Знаю. Васъ хотятъ сдѣлать королемъ.

— Братъ очень-милостивъ...

— Не правда ли?

— И я почти-готовъ думать, что отчасти долженъ благодарить и васъ; если вы посовѣтовали ему подарить мнѣ престолъ, такъ я обязанъ этимъ подаркомъ вамъ. Впрочемъ, признаюсь, мнѣ жаль ограбить Генриха.

— Вы, кажется, очень его любите?

— Да; съ нѣкотораго времени мы сошлись очень-близко.

— И вы думаете, что онъ васъ любитъ такъ же, какъ вы его?

— Надѣюсь.

— Знаете ли: такая дружба поучительна, особенно между принцами. Придворная дружба считается обыкновенно очень-непрочною.

— Вспомните, что мы не только друзья, но почти братья.

Катерина странно улыбнулась.

— А короли бывають братьями?

— О! Мы не были еще королями, когда сдѣлались друзьями. Даже и не думали быть ими. Вотъ почему мы и полюбили другъ друга.

— Да; но теперь обстоятельства очень измѣнились.

— Какъ?

— Да почему вы знаете, что не будете королями оба?

По первой дрожи, пробѣжавшей по тѣлу Франсуа, по румянцу, выступившему у него на лбу, Катерина увидѣла, что попала въ цѣль.

— Онъ? сказалъ герцогъ:—король? Какого же государства?

— Одного изъ лучшихъ въ христіанскомъ мѣрѣ.

— Что вы говорите? проивнесъ д'Алансонъ, блѣднѣя.

— То, что добрая мать должна сказать своему сыну; то, о чемъ вы думали уже не разъ, Франсуа.

— Я?... Клянусь вамъ, я ни о чемъ не думалъ.

— Готова вѣрить; вашъ другъ, вашъ братъ Генрихъ, какъ вы его называете, очень-ловкій и хитрый человекъ; подъ видомъ прядолупія, онъ умѣетъ скрывать свои тайны лучше васъ. На-примѣръ, говорилъ ли онъ вамъ когда-нибудь, что де-Мун его повзранный?



Съ этими словами, Катерина вѣнзла своей взоръ, какъ ивижалъ, въ душу Франсуа.

Но у Франсуа было одно достоинство, или, лучше сказать, одинъ великій порокъ,—притворство. Онъ выдержалъ этотъ взглядъ какъ-нибудь лучше.

— Де-Мун! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, какъ-будто это имя произнесено въ его присутствіи въ первый разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

— Да, гугенотъ де-Мун де-Сен-Фаль, тотъ самый, который едва не зарезалъ Морвеля и который тайно рыщетъ по Франціи и Паризу, въ разныхъ вѣсточкахъ, собирая для Генриха армию противъ вашей фамилии.

Катерина не знала, что герцогу быдо извѣстно объ этомъ столько же, или даже и больше, нежели ей. Она встала и хотѣла выйти съ этими словами какъ-можно-величественнѣе.

Франсуа остановилъ ее.

— Еще слово, матушка, сказалъ онъ. — Такъ-какъ вы сообщили мнѣ политическое извѣстіе, скажите, какъ Генрихъ, мало-извѣстный и съ такими слабыми средствами, можетъ объявить серьезную войну нашему дому?

— Дитя! сказала королева улыбаясь;—знай, что у него можетъ быть больше тридцати тысячъ человекъ, что ему стоить только сказать слово, и эти тридцать тысячъ человекъ явятся какъ изъ земли; не забудь, что эти тридцать тысячъ—гугеноты, то-есть, храбрѣйшіе солдаты въ мірѣ. Кромѣ того, у него есть покровитель, котораго вы не знаете, или дружбу котораго не позаботились приобрести для себя.

— Кто же это?

— Король; онъ его любитъ и поддерживаетъ. Король, который въ зависти къ д'Анжу и нелюбви къ вамъ, ищетъ, кого бы сдѣлать своимъ наследникомъ. Слѣпы вы, если не видите, что онъ ищетъ его не въ своемъ семействѣ.

— Король... вы думаете?

— Не-уже-ли вы не замѣтили, какъ онъ любитъ Генриха, своего Гапріо?

— Замѣтилъ.

— И что на любовь ему отвѣчаютъ любовью. Этотъ Гапріо, забывая, что Карлъ хотѣлъ застрѣлить его въ ночь св. Варооломея, пресмыкается и какъ собака лижетъ руку, которая била его.

— Да, я замѣтилъ это. Генрихъ очень смиряется передъ Карломъ.

— Онъ умѣетъ угодить ему во всемъ...

— Такъ-что даже хотеть заняться изученіемъ соколиной охо-

ты, потому-что король безпрестанно свѣтуетъ надъ его незнаніемъ въ этомъ дѣлѣ. Вчера еще... да, не дальше, какъ вчера, онъ спрашивалъ, нѣтъ ли у меня какой-нибудь хорошей книги по этому предмету.

— Постоите, сказала Катерина, и глаза ея сверкнули, какъ-будто внезапная мысль охватила ея голову.—Что вы ему отвѣчали?

— Что посмотрю у себя въ библіотекѣ.

— Прекрасно. Надо достать ему книгу.

— Но я искалъ и не нашелъ.

— Я найду, я найду... а вы отдадите ее ему отъ себя.

— Что жъ изъ этого выйдетъ?

— Довѣряете ли вы мнѣ?

— Да.

— Хотите ли слѣпо повиноваться мнѣ въ-отношеніи къ Генриху, котораго вы не любите, что бы ни говорили?

Д'Алансонъ улыбнулся.

— И котораго я ненавижу, прибавила Катерина.

— Буду слушаться.

— Поутру, въ день слѣдующей охоты, придите сюда за книгою; я отдамъ вамъ ее, и вы отнесете ее Генриху... и...

— И что?

— Предоставьте остальное Богу, провидѣнію, или случаю.

Франсуа очень-хорошо зналъ, что мать его не имѣетъ привычки предоставлять Богу, провидѣнію, или случаю заботиться о ея дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ; но онъ поостерегся и не возразилъ ни слова. Поклонясь въ знакъ готовности исполнить данное ему порученіе, онъ ушелъ къ себѣ.

— Что она хочетъ сказать? думалъ онъ, всходя по лѣстницѣ.— Не понимаю. Ясно только, что она дѣйствуетъ противъ общаго врага. Не будемъ же ей мышать.

Между-тѣмъ, Маргерита получила черезъ ла-Моля письмо отъ де-Муи, адресованное на имя Генриха. Такъ-какъ у супруговъ не было тайнъ относительно политики, то она распечатала и прочла письмо.

Взроятно, содержаніе его показалось ей интересно, потому-что она въ ту же минутѣ, пользуясь сумерками, скользнула въ потайной ходъ, взшла по лѣстницѣ, и, внимательно оглянувшись во всѣ стороны, быстро скрылась въ передней короля наваррскаго.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ исчезъ Ортонъ, передняя оставалась пуста.

Проважа Ортона сильно безпокоила Генриха. Онъ сказалъ объ этомъ г-жѣ де-Совъ и ея горничной, но ни та, ни другая ничего не знали. Г-жа де-Совъ сообщила ему только нѣкоторыя подробности, въ которыхъ онъ ясно заключилъ, что бѣднѣйка сдѣлалась

жертвою какого-нибудь замысла Катерины, и что, въ-слѣдствіе того же обстоятельства, его чуть не арестовали съ де-Мунъ въ гостиницѣ ла-Гюрбера.

Другой, на мѣстѣ Генриха, молчалъ бы, не смѣя сказать ни слова; но Генрихъ рассчитывалъ все: онъ понималъ, что молчаніе выдастъ его. Не теряютъ слугу или повѣреннаго, не спрашиваютъ объ немъ! Генрихъ спрашивалъ и искалъ въ присутствіи самого короля и королевы-матери; онъ осведомлялся объ Ортонѣ у всѣхъ, от часоваго у воротъ Лувра до капитана гвардіи въ прихожей короля. Но всѣ его поиски были безуспѣшны. Генрихъ былъ, казалось такъ опечаленъ этимъ происшествіемъ и такъ привязанъ къ пропавшему слугѣ, что объявилъ, что никѣмъ не замѣнить его до-тѣхъ поръ, пока не узнаетъ навѣрное, что Ортонъ исчезъ безвозвратно.

Прихожая была пуста, когда вошла въ нее Маргерита.

Какъ ни тихо вошла она, Генрихъ услышалъ шаги и оглянулся — Вы! сказалъ онъ.

— Дѣ, отвѣчала Маргерита.—Прочтите скорѣе.

Она подала ему раскрытую записку.

Вотъ что было въ ней написано:

«Ваше величество! настала пора исполнить намѣреніе бѣжати. Дней черезъ пять или шесть назначена соколиная охота вдоль береговъ Сены, отъ Сен-Жермена до Мезона, то-есть во всю длину лѣса.

«Повѣжайте на охоту, хоть это и птичья охота. Надѣньте поднизь добрую кольчугу. Возьмите съ собою лучшую шпагу, съѣдьте на лучшаго скакуна.

«Около полудня, во время самага разгара охоты, когда король будетъ гнаться за своимъ соколомъ, ускользните одни, если будете одни, или съ королевой, если она слѣдуетъ за вами.

«Пятьдесятъ человекъ нашихъ будутъ спрятаны въ павильонъ Франсиска I-го, ключъ отъ котораго у насъ; никто не будетъ знать, что они тамъ, потому-что они заберутся туда ночью и жемчуги будутъ опущены.

«Провѣжайте по аллеѣ де-Віолеттъ; въ концѣ ея я буду ждать васъ. Направо отъ этой аллеи, въ небольшомъ пролѣскѣ, будутъ ла-Моль и Коконна съ двумя подставными лошадьми, въ случай, если ваши устанутъ.

«Прощайте, ваше величество; будьте готовы; мы ждемъ васъ.

И Маргерита черезъ 1600 лѣтъ произнесла тѣ же слова, которыя произнесъ Цезарь на берегу Рубикона.

— Согласенъ, сказалъ Генрихъ.

— Будьте героемъ, продолжала Маргерита. — Это не трудно

Вашъ стѣять только идти своею дорогою. Приготовьте мнѣ порядочный престолъ.

Легкая улыбка мелькнула на губахъ Беарница. Онъ поцаловалъ руку Маргериты и вышелъ впередъ осмотрѣть корридоръ, напѣвая старую пѣсню:

Cil qui mieux battit la muraille,  
N'entra poins dedans le chateau.

Осторожность не помѣшала: въ ту самую минуту, когда Генрихъ отворилъ свою дверь, герцогъ д'Алансонъ выглянулъ изъ своей комнаты. Генрихъ сдѣлалъ рукою знакъ Маргеритѣ, и сказалъ громко:

— А! Это вы, братецъ! Милости просимъ!

По знаку мужа, королева все поняла и бросилась въ уборную комнату, дверь которой была завѣшена ковромъ.

Д'Алансонъ вошелъ, боязливо оглядываясь во все стороны.

— Чтѣ, мы одни? спросилъ онъ въ-полголоса.

— Совершенно одни. Чтѣ тамъ? вы какъ-будто разстроены...

— Мы открыты, сказалъ герцогъ.

— Какъ открыты?

— Да; де-Муи былъ арестованъ.

— Знаю.

— Онъ все рассказалъ королю.

— Чтѣ онъ рассказалъ?

— Чтѣ я добиваюсь наваррской короны и составилъ заговоръ.

— Такъ вы попались! Какъ же вы не арестованы?

— Самъ не знаю; король осмѣялъ меня, предлагая мнѣ наваррскую корону. Онъ, вѣроятно, надѣялся выманить у меня признаніе, но я ничего не сказалъ.

— И хорошо сдѣлали, ventre-saint-gris! Не робейте; отъ этого зависитъ ваша жизнь.

— Да, случай шекотливый; я пришелъ съ вами посоветоваться. Какъ вы думаете, чтѣ мнѣ дѣлать? Оставаться или бѣжать?

— Вы видѣли корѣла? Вѣдь онъ съ вами говорилъ?

— Да, конечно.

— И такъ, вы должны были узнать его мысли! Поступайте какъ знаете.

— По-моему, лучше остаться.

Генрихъ, при всемъ умѣньи владѣть собою, невольно сдѣлалъ движеніе радости. И какъ оно ни было мимолетно, Франсуа заметилъ его.

— Такъ оставайтесь, сказалъ Генрихъ.

— А вы?

— Если вы остаетесь, такъ мнѣ нѣтъ никакой причины бѣжать. Я хотѣлъ ѣхать съ вами изъ дружбы, чтобъ не разстаться съ братомъ, котораго люблю.

— И такъ все наши планы погибли; вы безъ борьбы покоряетесь первой неудачѣ.

— Я не считаю неудачей остаться здѣсь; благодаря безопасности моего характера, мнѣ вездѣ хорошо.

— Положимъ и такъ, и перестанемъ объ этомъ говорить. Только если рѣшитесь на что-нибудь новое, скажите.

— *Сегле!* Конечно, скажу. Вѣдь мы условились ничего не таить другъ отъ друга?

Д'Алансонъ прекратилъ разговоръ и ушелъ въ раздумьѣ домой: ему показалось, во время разговора, что коверъ у дверей пошевелился.

Едва только вышелъ д'Алансонъ, какъ Маргерита явилась изъ уборной.

— Что вы думаете объ этомъ посѣщеніи? спросилъ Генрихъ.

— случилось что-нибудь новое и важное.

— А что именно, какъ вы полагаете?

— Не знаю; но узнаю.

— А между-тѣмъ...

— Между-тѣмъ, не забудьте зайти ко мнѣ завтра вечеромъ.

— Зайду, отвѣчалъ Генрихъ, цалуя руку жены.

Маргерита возвратилась домой съ тѣми же предосторожностями, съ которыми и вышла.

## IX.

### Охотничья книга.

Прошло пять дней. Пробыло четыре часа, но въ Луврѣ все уже было на ногахъ, какъ всегда въ дни охоты. Д'Алансонъ пришелъ, по условію, къ ватери.

Королевы не было въ спальнѣ; но она велѣла просить его обождать, если онъ прійдетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, она вышла изъ кабинета, въ который никто не имѣлъ права входить, кромѣ ея, и въ которомъ она производила свои химическія операціи.

Изъ растворенной ли двери, или отъ платяна королевы, съ ея приходомъ распространился въ комнату какой-то острый запахъ.

Сквозь дверь д'Алансонъ рассматривалъ въ кабинетѣ густое облако дыма.

Герцогъ невольно заглянулъ туда съ любопытствомъ.

— Да, сказала Катерина: — я сѣгла кой-какіе старые пергаменты и отъ нихъ пошелъ такой дурной запахъ, что я принуждена была набросать въ огонь можжевеловую шишку.

Д'Алансонъ поклонился.

— Что новаго? спросила Катерина, пряча въ карманавъ руки, значаннныя чѣмъ-то желтовато-краснымъ.

— Ничего.

— Вы видѣли Генриха?

— Да.

— Онъ не хочетъ вхать?

— Рѣшительно.

— Лицемѣръ!

— Что вы говорите?

— Я говорю, что онъ уйдетъ.

— Вы думаете?

— Увѣрена.

— Такъ онъ думаетъ ускользнуть?

— Да.

— И вы позволите ему ухвать?

— Не только позволю, но даже говорю вамъ, что это необходимо.

— Я васъ не понимаю.

— Выслушайте меня хорошенько. Одинъ очень-искусный мекъ, тотъ самый, который досталъ мнѣ охотничью книгу, обещавшую вамъ Генриху, сказалъ, что Генрихъ, по всемъ примѣтамъ, скоро долженъ заболѣть изнурительною болѣзнью, которая не щадитъ человека и противъ которой наука бессильна. Вы понимаете, что если ему суждено пасть жертвою такого ужаснаго недуга, такъ пусть лучше умираетъ подалѣе отъ насъ.

— Да; это насъ очень огорчить.

— Особенно вашего брата Карла; если же онъ умретъ, взмѣнитъ ему, король почтетъ его смерть вѣрною небесною.

— Вы правы, онъ долженъ ухвать. Но увѣрены ли вы, что онъ уйдетъ?

— Онъ уже всемъ распорядился. Сборное мѣсто назначено въ Сан-Жерманъ. Пятьдесятъ гугенотовъ будутъ провожать его до Фонтенблô,—а тамъ ждутъ его еще пятьсотъ.

— А Марго ѣдетъ съ нимъ? спросила герцогъ съ легкимъ волненіемъ.

— Да; такъ они условились. Но Генрихъ умереть, и она возвращается свободной вдовой.

— А онъ умереть? Вы въ этомъ увѣрены?

— Такъ по-крайней-мѣрѣ утверждалъ докторъ, доставившій мнѣ книгу.

— Гдѣ же эта книга?

Катерина медленно вошла въ таинственный кабинетъ, и черезъ минуту возвратилась съ книгою въ рукахъ.

— Вотъ она, сказала она.

Д'Алансонъ посмотрѣлъ на книгу, которую Катерина подавала ему, съ какимъ-то ужасомъ.

— Что это за книга? спросилъ онъ.

— Я уже говорила вамъ: «Теорія воспитанія и обученія соколовъ и кречетовъ», написанная ученымъ Кастручіо Кастракани, тираномъ луккскимъ.

— Что жь мнѣ съ нею дѣлать?

— Отнеси ее къ Генриху... Онъ вѣдь просилъ у тебя, говоришь ты, такой книги. Сегодня онъ ѣдетъ на соколиную охоту съ королемъ и непременно прочтетъ хоть нѣсколько страницъ, чтобы доказать Карлу, что сядуетъ его совѣтамъ и учится. Главное, надо отдать книгу ему-самому.

— Я не посмѣю, отвѣчалъ д'Алансонъ дрожа.

— Почему? Это книга, какъ всѣ книги; только она стояла такъ долго, что листки слиплись. Не читай ее, Франсуа; тебѣ непременно придется склонить палецъ, чтобы перевернуть страницу, а это отниметъ много времени и будетъ стоить большаго труда.

— Такъ, что терять надъ этимъ время и трудъ можетъ только страстный охотникъ?

— Именно; вы поняли.

— О! вотъ и Ганріо на дворъ. Дайте, дайте. Я воспользуюсь его отсутствіемъ и отнесу книгу; возвратясь домой, онъ найдетъ ее.

— Мнѣ кажется, лучше отдать ему лично; это вѣрнѣе.

— Я уже сказалъ вамъ, что не посмѣю...

— Полно; по-крайней-мѣрѣ положи ее на видномъ мѣстѣ.

— Да, и на вскрышу... Ничего, если она будетъ открыта?

— Ничего.

— Такъ дайте.

Франсуа дрожащею рукою взялъ книгу, поданную ему твердою рукою Катерины.

— Возьми, возьми, сказала она: — если я ее трогаю, значить не опасно; впрочемъ, ты въ перчаткахъ.

Но д'Алансонъ не удовольствовался этою предосторожностью.— Онъ завернулъ книгу въ плащъ.

— Спѣши, сказала Катерина.— Генрихъ каждую минуту можетъ возвратиться.

— Вы правы; я иду.

Герцогъ вышелъ, шатаясь отъ душевнаго волненія.

Мы уже не разъ вводили читателя въ комнату короля наваррскаго, рассказывая ужасныя или веселыя сцены, происходившія здѣсь, смотря по тому, улыбался или грозилъ геній-покровитель будущаго короля Франціи.

Но никогда, можетъ-быть, въ этихъ стѣнахъ, обрызганныхъ кровью, омоченныхъ виномъ среди пиршествъ, раздушенныхъ ароматами любви, — никогда, можетъ-быть, въ этомъ уголкѣ Лувра не появлялось лицо до такой степени блѣдное, какъ лицо д'Алансона, когда онъ, съ книгою въ рукахъ, отворилъ дверь въ спальню Генриха.

Въ комнату, однакожъ, никого не было, и никто не могъ наблюдать за герцогомъ. Первые лучи солнца освѣщали пустую комнату.

На стѣнѣ висѣла въ готовности шпага, которую де-Муи советовалъ Генриху взять съ собою. На полу валялось нѣсколько колець отъ кольчуги; на столѣ лежали туго-набитый кошелекъ и маленькій кинжалъ; въ каминѣ трепеталъ еще пепелъ сожженныхъ бумагъ. Все ясно говорило герцогу, что Генрихъ падълъ кольчугу, запасся деньгами и сжегъ важныя бумаги.

— Матушка не ошиблась, подумалъ онъ: — лицемѣръ измѣнилъ мнѣ.

Эта мысль придала ему силы. Оглянувъ весь уголки комнаты, заглянувъ за занавѣсь дверей, увѣрившись по шуму на дворѣ и безмолвію въ комнатѣ, что никто за нимъ не слѣдитъ, онъ досталъ книгу изъ-подъ плаща и поспѣшно положилъ ее на столъ, гдѣ лежалъ кошелекъ; потомъ, отступивъ подальше, протянулъ руку въ перчаткѣ, и съ робостью, свидѣтельствовавшей о подозрѣніи, развернулъ книгу на какой-то картинкѣ.

Онъ быстро отошелъ на три шага и, снявъ перчатку, бросилъ ее въ пылающій каминъ; онъ дождался, пока огонь совершенно истребилъ перчатку, свернулъ плащъ, въ которомъ принесъ книгу и поспѣшно ушелъ домой. Входя къ себѣ, онъ услышалъ въ корридорѣ шаги и, будучи совершенно убѣжденъ, что это Генрихъ, проворно заперъ за собою дверь.

д'Алансонъ бросился къ окну; но изъ окна видна была только часть луврскаго двора. Генриха тутъ не было, и герцогъ еще болѣе утвердился въ своемъ предположеніи, что онъ возвратился въ свою комнату.



Герцогъ сѣлъ и взялъ книгу. Это была исторія Франціи отъ Фарамонда до Генриха II, которой Карлъ, черезъ нѣсколько дней послѣ своего вступленія на престолъ, далъ привилегію.

Но умъ герцога былъ занятъ вовсе не тѣмъ. Лихорадка ожиданія тревожила его. Біеніе артерій въ вискахъ отдавалось въ губы его мозга; ему чудилось, что онъ видитъ сквозь стѣны; все его, не смотря на тройную преграду, былъ устремленъ на комнату Генриха.

Чтобъ удалить изъ мыслей ужасный предметъ, герцогъ старался думать о другомъ; но онъ напрасно бралъ въ руки то оружіе, то драгоценныя вещи; напрасно принимался нѣсколько разъ ходить по комнатамъ: всѣ подробности картинки, на которой герцогъ раскрылъ роковую книгу, и которую видѣлъ только вскользь неотступно представлялись его воображенію. На картинкѣ былъ изображенъ господинъ, который, самъ исполняя должность слуги охотника, бросалъ чучело, призывая назадъ сокола, и во всю скаку стремился въ болото. Воспоминаніе торжествовало надъ волею герцога.

И онъ видѣлъ не одну книгу: онъ видѣлъ, какъ подходитъ къ ней Генрихъ, какъ смотритъ онъ на картинку, пробуетъ перевернуть страницу, страница не перевертывается, онъ сжимаетъ палецъ и начинаетъ перелистывать книгу.

Эта сцена была просто мечта; но д'Алансонъ принужденъ былъ схватиться рукою за столъ, чтобъ не упасть; онъ закрылъ глаза, забывая, что отъ этого картина воображенія сдѣлается еще яснѣе.

Вдругъ Франсуа увидѣлъ на дворѣ Генриха; Беарнецъ оставившись на нѣсколько минутъ возлѣ людей, навьючивавшихъ на муловъ охотничьи припасы, — это были: серебро и дорожныя вещи. Отдавъ приказанія, онъ прошелъ поперекъ двора и вошелъ во дворецъ.

Д'Алансонъ былъ прикованъ къ мѣсту. Слѣдовательно, не Генрихъ шелъ по корридору, — и всѣ терзанія герцога въ продолженіи четверти часа были напрасны. Конченное дѣло надо было начать снова.

Д'Алансонъ отворилъ дверь своей комнаты и подошелъ къ спящей, прислушиваясь, что происходитъ въ корридоръ. На этотъ разъ, нельзя было ошибиться: герцогъ узналъ походку Генриха и даже особенный звонъ его шпоръ.

Дверь въ комнату Генриха отворилась и затворилась.

Д'Алансонъ возвратился домой и упалъ въ кресла.

— Хорошо, сказалъ онъ. Вотъ что происходитъ въ эту минуту: онъ прошелъ переднюю, первую комнату, потомъ вошелъ въ спальню; взглянулъ на пшугу, на кошелекъ, на кинжалъ, — наконецъ замѣтилъ на столѣ книгу.

— Что это за книга? подумалъ онъ. — Кто принесъ ее?

Онъ, конечно, подошелъ, увидѣлъ картинку, захотѣлъ читать, попробовалъ перевернуть листокъ...

Холодный потъ выступилъ на лицѣ Франсуа. — Не пошеветъ ли онъ на помощь? подумалъ онъ. — Этотъ ледъ не дѣйствуетъ ли внезапно? Нѣтъ, вѣдь магушка говорила, что онъ умретъ медленно, отъ изнуренія.

Эта мысль уснекала его немного.

Такъ прошло десять минутъ — цѣлый вѣкъ душевной пытки. Д'Алансонъ не могъ выдержать дольше; онъ всталъ и прошелъ переднюю, въ которой собралось уже много придворныхъ.

— Здравствуйте, господа, сказалъ онъ: — я къ королю.

Чтобъ заглушить свое тревожное состояніе; можетъ-быть, чтобъ имѣть послѣ доказательство, что онъ былъ въ это время не у Генриха, онъ дѣйствительно пошелъ къ королю. Зачѣмъ? Онъ самъ не зналъ... Что могъ онъ сказать ему? ничего! Онъ не искалъ Карла, а убѣгалъ Генриха.

Часовые пропустили герцога безпрепятственно: въ дни охоты доступъ всюду былъ свободенъ.

Франсуа прошелъ переднюю, салонъ и спальню, никого не встрѣтивъ; тутъ онъ вспомнилъ, что Карлъ, вѣроятно, въ своемъ оружейномъ кабинетѣ, — и онъ отворилъ дверь въ эту комнату.

Карлъ сидѣлъ передъ столомъ въ большихъ креслахъ съ высокою рѣзною спинкою, спинною къ двери, въ которую вошелъ герцогъ.

Казалось, король былъ чѣмъ-то очень занятъ.

Герцогъ тихо подошелъ; Карлъ читалъ.

— *Par Dieu!* воскликнулъ онъ. — Вотъ чудесная книга. Я объ ней слышалъ, но не думалъ, чтобъ ее можно было найти во Франціи.

Д'Алансонъ наострилъ уши и сдѣлалъ еще шагъ впередъ.

— Проклятые листы! сказалъ Карлъ, похлопавъ палецъ и съ усиленіемъ переворачивая страницу. Какъ-будто нарочно ихъ склеили, чтобъ скрыть отъ глазъ самыя интересныя вещи!

Д'Алансонъ сдѣлалъ скачокъ впередъ.

Книга, которую читалъ Карлъ, была та самая, которую онъ отнесъ Генриху.

Глухой стонъ вырвался изъ груди герцога!

— А! это вы, д'Алансонъ? сказалъ Карлъ. — Милости просить! посмотрите: вотъ книга о союединной охотѣ; такого превосходнаго сочиненія я еще не читывалъ.

Первою мыслью герцога было вырвать книгу изъ рукъ Карла; но другая, адская мысль приковала его къ мѣсту, и страшная улыбка оживила его блѣдныя губы. Онъ повелъ рукою по глазамъ, какъ человѣкъ, пораженный внезапными слезами.

Пришедши немного въ себя, но не двигаясь съ мѣста, онъ сказалъ :

— Какимъ-образомъ попала эта книга вамъ въ руки?

— Очень-просто. Я сейчасъ заходилъ къ Ганрію посмотреть, готовъ ли онъ; его уже не было: онъ вѣрно былъ на псарнѣ или въ конюшнѣ. У него я нашелъ это сокровище и взялъ его, чтобы прочесть здѣсь на досугъ.

И король снова послонилъ палецъ и перевернулъ непослушную страницу.

Волоса встали дыбомъ на герцога. — Я пришелъ сказать вамъ... проговорилъ онъ.

— Дайте мнѣ дочитать главу, Франсуа; потомъ говорите, что угодно. Я прочелъ уже пятьдесятъ страницъ.

— Онъ уже двадцать-пять разъ отвѣдалъ яда, подумалъ Франсуа. — Онъ погибъ!

Въ эту минуту, герцогъ подумалъ, что на небесахъ есть Богъ, который, можетъ-быть, и не случай.

Франсуа дрожащею рукою отеръ на лбу холодный потъ и молча дождался, по приказанію брата, пока глава будетъ дочитана.

## Х.

### Сокольная охота.

Карлъ все читалъ. Увлеченный любопытствомъ, онъ пожиралъ страницы, а каждая изъ нихъ, какъ мы уже сказали, плотно приставала къ другой.

Д'Алансонъ дикимъ взоромъ слѣдилъ за зрѣлищемъ, котораго послѣдствія постигали только онъ одинъ.

— Что это будетъ? думалъ онъ.— Какъ! я уѣду искать какой-то воображаемый престолъ, между-тѣмъ, какъ Генрихъ, при первомъ извѣстіи о болѣзни Карла, возвратится въ какую-нибудь крепость за двадцать лѣтъ отъ столицы, сторожа добычу, брошенную намъ судьбою. Онъ въ одинъ скачокъ очутится въ Парижѣ, такъ-что король польскій еще не успеетъ узнать о смерти брата, какъ уже новая династія взойдетъ на престолъ. Это невозможно!

Вотъ какія мысли мелькнули въ головѣ Франсуа, когда онъ, въ первую минуту ужаса, хотѣлъ отнять у Карла книгу. Судьба, казалось, защищала Генриха и преслѣдовала домъ Валуа; и противъ этой-то судьбы герцогъ хотѣлъ возстать еще разъ!

Въ одну минуту весь плачъ его въ-отношеніи къ Генриху измѣ-

вился. Отравленную книгу читалъ не Генрихъ, а Карлъ; Генрихъ долженъ былъ ухватъ, но ухватъ осужденнымъ на смерть; судьба спасла его еще разъ,—онъ долженъ остаться. Плѣнникъ въ Венсенъ или въ Бастилію, онъ не такъ страшенъ, какъ будучи королемъ наваррскимъ, предводительствующимъ тридцати-тысячною арміею.

Герцогъ далъ Карлу дочитать главу, и когда тотъ оглянулся, сказалъ ему:

— Я ждалъ, потому-что ваше величество такъ приказали; но ждалъ съ нетерпѣніемъ, потому-что имѣю сообщить вамъ чрезвычайно-важныя вещи.

— А! къ чорту! отвѣчалъ Карлъ, на блѣдныхъ щекахъ котораго началъ по-немногу выступать румянецъ, отъ-того ли, что онъ читалъ съ жаромъ, или отъ-того, что ядъ началъ уже дѣйствовать. —Къ чорту, если ты пришелъ говорить опять о томъ же. Ты отпавишься, какъ отправился король польскій. Я избавился отъ него, избавлюсь и отъ тебя. Объ этомъ ни слова!

— Я хочу говорить не о моемъ отъѣздѣ. Ваше величество тронули самую чувствительную струну моего сердца; вы усомнились въ моей вѣрности, какъ подданнаго и брата, и я хочу доказать вамъ, что я не измѣнникъ.

— Ну, что такое? спросилъ Карлъ, облокотившись на книгу, положивъ ногу на ногу и глядя на Франсуа, какъ человекъ, который, противъ своего обыкновенія, вооружается терпѣніемъ. — Вѣрно какія-нибудь новыя сплетни? Новое обвиненіе?

— Нѣтъ, ваше величество—заговоръ, который только смѣшная деликатность не позволяла мнѣ открыть вамъ.

— Заговоръ? Послушаемъ, что за заговоръ.

— Въ то время, когда ваше величество будете охотиться вдоль рѣки и въ долину Везинне, король наваррскій уѣдетъ въ Сен-Жерменскій-Лѣсъ. Отрядъ приверженцевъ ждетъ его въ лѣсу, и онъ убѣжитъ съ ними.

— Ну да! Я это зналъ. Опять ничтожная клевета на бѣднаго Гаврію. Кончите ли вы когда-нибудь?

— Ваше величество по-крайней-мѣрѣ скоро увѣритесь, клевета это, или нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Сегодня вечеромъ его уже не будетъ здѣсь.

Карлъ всталъ.

— Послушайте! сказалъ онъ.—Еще разъ я готовъ притвориться, что вѣрю вашимъ выдумкамъ; но предваряю васъ, тебя и твою мать, это въ послѣдній разъ.

Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Позвать короля наваррскаго!

Офицеръ тронулся-было съ мѣста, но Франсуа остановилъ его знакомъ.

— Дурное средство, сказалъ онъ:—такъ вы ничего не узнаете. Генрихъ отплется, дастъ знакъ; соучастниковъ его предостерегутъ, и они исчезнутъ. А меня и матушку обвинять въ клеветѣ.

— Чего же вы хотите?

— Именемъ нашего братства, выслушайте! Сдѣлайте такъ, чтобъ истинно-виновный, тотъ, который два года уже измѣняетъ вамъ мысленно, пока не измѣнитъ на дѣлѣ, былъ наконецъ уличенъ и наказанъ.

Карлъ не отвѣчалъ; онъ подошелъ къ окну и отворилъ его. Кровь тѣснила ему мозгъ.

Наконецъ, онъ быстро обернулся.

— Ну, сказалъ онъ:—что бы вы сдѣлали? Говорите.

— Я, отвѣчалъ д'Алансонъ:—приказалъ бы окружить Сем-Жерменскій-Лѣсъ тремя отрядами легкой кавалеріи. Въ назначенный часъ, на-примѣръ въ одиннадцать, они двинулись бы съ мѣста и согнали бы все, что ни встрѣтятъ въ лѣсу, къ павильйону Франциска I-го, гдѣ я, какъ-будто случайно, назначу мѣсто обѣда. Я спущу своего сокола, и когда замѣчу, что Генрихъ удаляется, поспѣшу въ назначенное мѣсто, гдѣ его задержать со всѣми заговорщиками.

— Мысль недурна, сказалъ король:—позвать капитана гвардіи.

Д'Алансонъ досталъ изъ кармана серебряный свистокъ, висѣвшій на золотой цѣпочкѣ, и свистнулъ.

Вошелъ Нансей.

Карлъ подошелъ къ нему и въ-полголоса далъ ему приказанія.

Между-тѣмъ, его любимая борзая, Актеонъ, схватила и терзала что-то съ большимъ удовольствіемъ.

Карлъ оглянулся и вскрикнулъ. Актеонъ терзалъ драгоценное сочиненіе о соколиной охотѣ, книгу, которой въ цѣломъ мірѣ было только три экземпляра.

Жестокое наказаніе послѣдовало немедленно за проступкомъ. Карлъ схватилъ кнутъ и стегнулъ Актеона со всего плеча. Собака взвизгнула и убѣжала подъ столъ.

Карлъ поднялъ книгу и съ радостью увидѣлъ, что не достаетъ только одного листка, и то не текста, а картинки.

Онъ бережно спряталъ ее въ шкафъ. Д'Алансонъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за его движеніями. Теперь, когда дѣло было сдѣлано, ему очень хотѣлось, чтобъ книга какъ-нибудь вышла изъ рукъ Карла.

Прошло шесть часовъ, время выхода короля. На дворѣ ждали его множество дамъ и мужчинъ въ богатыхъ одеждахъ, лошадей

въ драгоценныхъ сбруяхъ. Охотники держали на рукахъ соколовъ въ шапочкахъ; у иныхъ висѣли на перевязи рога, на случай, что король устанетъ, можетъ-быть, отъ соколиной охоты и захочетъ травить лань или дикую козу.

Король сошелъ внизъ, замкнувъ дверь оружейнаго кабинета. Д'Алансонъ жадно слѣдилъ за всѣми его движеніями и видѣлъ, какъ спряталъ онъ ключъ къ себѣ въ карманъ.

Сходя съ лѣстницы, король остановился и повелъ рукою по лбу.

— Не знаю, что это значить, сказалъ онъ:—только я чувствую слабость.

Ноги герцога дрожали не меньше ногъ короля.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ онъ:—что-то похоже на грозу.

— Гроза—въ мартъ? Ты съ ума сошелъ. У меня просто голова кружится; я усталъ, и только.

Потомъ онъ прибавилъ въ-полголоса:

— Они меня убьютъ своею враждой и заговорами.

Когда онъ вышелъ на дворъ, свѣжій утренній воздухъ, крики охотниковъ, шумныя привѣтствія сотни собравшихся особъ произвели на него свое обыкновенное впечатлѣніе.

Онъ вздохнулъ вольнѣе.

Прежде всего онъ отыскалъ глазами Генриха. Генрихъ былъ возлѣ Маргериты. Добрыя сунруги не могли, казалось, разстаться: такъ горячо любили другъ друга.

Увидя Карла, Генрихъ далъ шпоры своему коню, и въ три скачка былъ возлѣ него.

— А! сказалъ Карлъ.—У тебя лихой скакунъ. А вѣдь мы сегодня охотимся не за зайцами.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ:

— Ѣдѣте, господа, ѣдѣте. Въ девять часовъ надо быть на охотѣ.

Катерина смотрѣла на эту сцену изъ окна Лувра. Блѣдное лицо ея выглядывало изъ-за приподнятой шторы, и черное платье терялось въ полусвѣтѣ.

По знаку Карла, раззолоченная и раздушенная толпа вытянулась, пробѣжала въ ворота Лувра, и какъ лавина покатила по сен-жерменской дорогѣ, среди криковъ народа, привѣтствовавшаго молодого короля, задумчиво вѣхавшаго на бѣлой какъ снѣгъ лошади.

— Что онъ вамъ говорилъ? спросила Маргерита Генриха.

— Хвалилъ легкость моей лошади.

— Только?

— Только.

— Такъ ему что-нибудь известно.

— Чуть-ли не такъ.

— Будемъ осторожны.

На лицѣ Генриха блеснула тонкая улыбка, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать: будь спокойна, другъ мой.

Едва-только поѣздъ выѣхалъ со двора, Катерина опустила стору.

Она замѣтила, что Генрихъ былъ блѣденъ, что онъ вздрагивалъ и перешептывался съ Маргеритой.

Генрихъ былъ блѣденъ, потому-что не былъ одаренъ храбростью сангвиника. Всегда, когда дѣло шло о его жизни, кровь его приликала къ сердцу, а не къ мозгу, какъ бываетъ съ людьми пылкими.

Онъ вздрагивалъ отъ-того, что пріемъ Карла, совершенно-отличный отъ его всегдашняго съ нимъ обращенія, сдѣлалъ на него глубокое впечатлѣніе.

Наконецъ, онъ перешептывался съ Маргеритою, потому-что они заключили между собою оборонительный и наступательный политическій союзъ.

Но Катерина изъясняла все это совершенно-иначе.

— На этотъ разъ, сказала она съ флорентинскою улыбкой:— кажется, онъ попался.

Она переждала, пока весь поѣздъ имѣлъ время выѣхать изъ Парижа, и потомъ, чтобъ увѣриться въ фактъ, вышла изъ своей комнаты, прошла корридоръ, взошла по лѣстницѣ и поддѣльнымъ ключомъ отворила дверь въ комнату Генриха.

Но напрасно она искала здѣсь книги. Глаза ея напрасно перебѣгали со стола на стулья, съ стульевъ на полки, съ полокъ на шкафы—она нигдѣ не нашла того, чего искала.

— Онъ вѣрно замкнулъ ее въ какой-нибудь шкафъ, сказала она:— и если не читалъ еще, такъ прочтеть.

Она ушла, съ увѣренностью, что на этотъ разъ замыселъ ея удастся.

Послѣ полутора часа быстрой ѣзды, Карлъ прибылъ къ Сен-Жермену. Въ старыи замокъ, мрачно и величественно возвышавшійся на горѣ посреди разбросанныхъ домовъ, не заходили, а проѣхали прямо черезъ деревянный мостъ, бывшій противъ дерева, которое и теперь еще называется «дубомъ Сюлли». Баркамъ дали знакъ тронуться, чтобъ королю и его свитѣ удобнѣе было переправиться черезъ рѣку.

Въ ту же минуту, веселая молодежь, одушевленная столь различными интересами, выѣхала за королемъ на богатый лугъ, скатывавшійся съ лѣсистой вершины Сен-Жермена. Лугъ мгновенно превратился, казалось, въ большой коверъ, съ разбросанными по немъ пестрыми изображеніями людей, окаймленный серебряною подошою рѣки.

Передъ королемъ, державшимъ на рукъ своего любимаго сокола, ждали охотники въ зеленыхъ курткахъ и большихъ сапогахъ, слерживая съ полдюжины собакъ.

Солнце, скрывавшееся до-сихъ-поръ за тучами, вдругъ вышло изъ за-мрачной завѣсы. Лучи его сверкнули по золоту, по драгоценнымъ камнямъ, по свѣтлымъ взорамъ,—и все какъ-будто прерратилось въ огненный потокъ.

Въ это время, съ жалобнымъ крикомъ поднялась изъ камыша цапля.

— Го! го! закричалъ Карлъ, снимая шапочку съ своего сокола и пуская его въ погоню за бѣглянкою.

— Го! го! закричали всѣ вслѣдъ соколу.

Соколы, ослѣпленный на минуту свѣтомъ, описалъ горизонтальный кругъ; потомъ, замѣтивъ цаплю, быстро бросился за нею.

Цапля, однакожъ, поднявшись, какъ птица смышленная, шаговъ за сто отъ охотниковъ, успѣла выиграть пространство, пока король снималъ съ сокола шапочку и пока самъ соколъ приглядывалъ къ внезапному свѣту. Когда врагъ замѣтилъ ее, она была уже за пятьдесятъ футовъ и быстро поднималась на своихъ сильныхъ крыльяхъ.

— Го! го! Бекъ-де-Феръ! кричалъ Каркъ:—докажи, что ты хорошей породы. Го! го!

Благородная птица, какъ-будто винмая этимъ восклицаніемъ, взялась стрѣлою по діагонали, на перерѣзъ прямой линіи, по которой поднималась цапля, какъ-будто хотѣвшая исчезнуть въ эфиръ.

— Трусиха! воскликнулъ Карлъ, какъ-будто цапля могла его слышать; онъ пустился вскачь, слѣдя за охотой, сколько могъ, и закинувъ голову, чтобъ ни на минуту не потерять изъ вида птицъ. —Трусиха! ты бѣжишь. Но Бекъ-де-Феръ хорошей породы. Пстой! го-го, Бекъ-де-Феръ! го-го!

Борьба была интересна. Птицы приближались одна къ другой, или, вернѣе, соколъ настигалъ цаплю. Вопросъ былъ въ томъ, кто заберется выше.

У страха крылья оказались лучше, нежели у храбрости. Соколъ, умеченный своимъ полетомъ, промелькнулъ подъ брюхомъ цапли, которую долженъ былъ перелетѣть. Цапля воспользовалась преимуществомъ своего положенія и сильно ударила его клювомъ.

Соколъ, пораженный какъ кинжаломъ, перевернулся три раза, и думалъ, что онъ пойдетъ внизъ. Но онъ, какъ раненный воинъ, испустилъ пронзительный, угрожающій крикъ, и снова бросился за цаплею.

Цапля воспользовалась своею удачею; она переѣхнула направление полета, и повернула къ лѣсу, надѣясь ускользнуть въ сторону.



Но соколъ былъ хорошей породы. Онъ ринулся за цаплею по діагонали; цапля крикнула раза два или три и бросилась опять вверхъ. Секунда черезъ десять обѣ птицы исчезли въ облакахъ. Цапля казалась не больше жаворонка, а соколъ видѣлся черною точкой, исчезающей все больше и больше.

Карлъ и дворъ его слѣдили за ними только взоромъ. Каждый остановился на своемъ мѣстѣ, устремивъ глаза на сокола и цаплю.

— Bravo, bravo, Бекъ-де-Ферь! закричалъ вдругъ Карлъ. — Смотрите! Онъ перелетѣлъ ее! Го! го!

— Признаюсь, я не вижу ни того, ни другаго, сказалъ Генрихъ.

— Я тоже, прибавила Маргерита.

— Если ты ихъ не видишь, Ганрио, ты можешь ихъ слышать, сказалъ Карлъ: — по-крайней-мѣрѣ цаплю. Слышишь? слышишь? Она проситъ пощады.

Дѣйствительно, съ неба послышался жалобный вопль; но только привычное ухо могло разслушать его.

— Смотри, смотри! сказалъ Карлъ. — Она спуетается охотѣ, не жели подпрыжешь.

Дѣйствительно, птицы въ ту же минуту начали дѣлаться видныя. Это были только двѣ точки, но по разности величинъ ихъ можно было рассмотреть, что соколъ сверху.

— Смотрите! смотрите! говорилъ Карлъ. — Соколъ сверху!

Дѣйствительно, цапля не думала уже и защищаться. Она быстро спускалась, отвѣчая только жалобными криками на удары сокола. Вдругъ она сложила крылья и начала падать какъ камень. Но соколъ слѣдалъ то же, и когда она хотѣла опять распутовать крылья и полетѣть, послѣдній удар оглушилъ ее. Она продолжала падать кружась, и въ ту минуту, когда коснулась земли, соколъ придушилъ ее съ крикомъ победы, заглушившимъ смертный вопль жертвы.

— За соколомъ! за соколомъ! вскричалъ Карлъ, пускаясь вскачь къ тому мѣсту, гдѣ опустылись птицы.

Но вдругъ онъ остановилъ лошадь, вскрикнувъ, выпустилъ поводья, схватился рукою за гриву, а другою за животъ, какъ-будто хотѣлъ растерзать его.

Всѣ столпились на его крикъ.

— Ничего, ничего! сказалъ Карлъ, съ багровымъ румянцемъ на лицѣ. — Мнѣ какъ-будто повели раскаленнымъ желѣзомъ по желудку. Подъемте; это ничего.

И онъ поскакалъ дальше.

Д'Алансонъ поблѣднѣлъ.

— Опять что-то новое? спросилъ Генрихъ Маргериту.

— Не знаю, отвѣчала она. — Замѣтили вы? братъ совершенно побагровѣлъ.

— Онъ всегда бываетъ блѣденъ.

Придворные переглянулись съ удивленіемъ и поѣхали за королемъ. Добѣжали до мѣста, гдѣ спустились на землю птицы. Соколъ клевалъ уже мозгъ цапли.

Карлъ соскочилъ съ лошади, чтобъ ближе посмотрѣть на битву. Но, ставъ на землю, онъ принужденъ былъ придержаться за сѣдло. Голова у него кружилась, его тошнило.

— Что съ вами, братецъ? спросила Маргерита.

— Я чувствую то же, что чувствовала Порція, проглотивъ раскаленные уголья, отвѣчалъ онъ. — Я горю, я, кажется, дышу огнемъ.

Карлъдохнуль, и, казалось, удивился, что на губахъ его не показалось огня.

Между-тѣмъ, сокола взяли, и опять надѣли на него шапочку. Все собрались вонрутъ Карла.

— Ну! что это значитъ? Corps du Christ! Это пустяки; просто, солнце наекло мнѣ голову. На охоту, господа! Вотъ кстати дѣлая стая дичихъ утокъ. Спускайте соколовъ! Corboeuf! Повеселимся!

Въ ту же минуту спустили пять или шесть соколовъ, полетѣвшихъ за дичью, и вся охота двинулась къ берегу рѣки.

— Ну! что скажете? спросилъ Генрихъ Маргериту.

— Минута удобна, отвѣчала она: — если король не оборотится, намъ легко будетъ отсюда ухватить въ лѣсъ.

Генрихъ подозвалъ охотника, державшаго сокола, и между-тѣмъ, какъ блестящій повзѣдъ тянулся по берегу, онъ отсталъ отъ него, притворяясь, что разсматриваетъ тѣло цапли.

Въ эту минуту, какъ нарочно, поднялся фазанъ.

Генрихъ спустилъ своего сокола; онъ имѣлъ теперь предлогъ отстать отъ общей охоты, охотясь за фазаномъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ И ПЯТАЯ.

1.

Павильонъ Франциска I-го.

Королевская соколиная охота была прекрасная вещь, когда охота была не только удовольствіемъ, но и искусствомъ.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы должны оставить это царское зрѣлище и удалиться въ лѣсъ, куда скоро присоединятся къ намъ и всѣ дѣйствующія лица разсказанной нами сцены.

Направо отъ аллеи де-Вioletтъ, этой длинной аркады изъ листьевъ, гдѣ робкій заяцъ выставляетъ иногда свои уши изъ травы, и прислушивается блуждающая лань, есть пролѣсокъ, удаленный отъ дороги на столько, что съ дороги его не видно, но изъ него видна дорога.

Посреди этого пролѣска лежали на травѣ два человѣка, подотставъ подъ себя дорожные плащи. Возлѣ нихъ были длинныя шпаги и два мушкетона съ раструбчатымъ дуломъ.

Одинъ изъ нихъ, облокотившись на руку и ногу, прислушивался какъ заяцъ.

— Мнѣ казалось, сказалъ онъ: — что охота приблизилась къ намъ. Я слышалъ даже крики охотниковъ.

— А теперь, отвѣчалъ другой, ожидавшій гораздо-равнодушнѣе: — теперь я не слышу ничего. Должно быть, они удалились. Я тебѣ говорилъ, что это мѣсто не годится для наблюденія. Насъ, правда, не видно, да и мы ничего не видимъ.

— Да что же дѣлать, Аннибаль? возразилъ первый. — Надобно же куда-нибудь спрятать и нашихъ лошадей, и подставныхъ, и этихъ двухъ муловъ, которые такъ навьючены, что я, право, не постигаю, какъ они за нами поспѣютъ. Гдѣ же укрыть ихъ, если не подъ этими въковыми дубами? Ты осуждаешь де-Мун, а я во всѣхъ его распоряженіяхъ вижу глубокой тактъ заговорщика.

— Прекрасно! Наконецъ высказалъ словечко; я только этого и ждалъ. Стало-быть, мы въ заговоръ?

— Нѣтъ; мы просто служимъ королю и королеву.

— А! и они въ заговоръ; не все ли равно это для насъ?

— Коконна! я говорилъ тебѣ, что нисколько не принуждаю тебѣ пускаться со мною въ это предпріятіе: къ нему побуждаетъ меня чувство, котораго ты не раздѣляешь и не можешь раздѣлять.

— *Mordil!* Кто же говоритъ, что ты меня принуждаешь? Во-первыхъ, я не знаю, кто бы могъ заставить Коконна дѣлать то, чего онъ не хочетъ; не-уже-ли ты думаешь, что я пушу тебя одного, особенно когда вижу, что ты лезешь въ когти къ чорту?

— Посмотри, Аннибаль: чуть-ли это не ея бѣлый иноходецъ. Странно, какъ подумаешь, что сердце бьется при ея приближеніи.

— Да, странно, отвѣчалъ Коконна, зная: — у меня вовсе сердце не бьется.

— Это не она, сказалъ ла-Моль. — Что бы могло случиться? Вѣдь условились въ полдень.

— Случилось то, что нѣтъ еще двѣнадцати часовъ, вотъ и все; и мы, кажется, можемъ еще вздремнуть.

Коконна растянулся на своемъ плащѣ, рѣшившись подкрѣпить слова дѣломъ. Но едва онъ коснулся ухомъ земли, какъ поднялъ руку и сдѣлалъ ла-Молю знакъ молчать.

— Что такое? спросилъ ла-Моль.

— Тсс! Я слышу что-то, и на этотъ разъ не ошибаюсь.

— Странно! Я ничего не слышу.

— Ты ничего не слышишь?

— Нѣтъ.

— Такъ посмотри, вотъ на эту дань, сказалъ онъ, вставая и схвативъ ла-Моля за руку.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

Коконна указалъ на дань.

— Ну, что же?

— А вотъ увидишь.

Лань стояла неподвижно и наклонивъ голову, какъ-будто собиралась щипать траву. Вдругъ она подняла голову и наострила уши; потомъ, безъ всякой видимой причины, бросилась бѣжать.

— Я думаю, что ты правъ, сказалъ ла-Моль:—она бѣжитъ.

— Значить, она слышитъ, чего ты не слышишь.

Действительно, легкій, едва-замѣтный шорокъ слышался въ травѣ; непривычный слухъ принялъ бы его за шумъ вѣтра; вѣдожь распозналъ далекій тоногъ лошадей.

Ла-Моль вскочилъ.

— Вотъ они! сказалъ онъ. — Живе!

Коконна всталъ тоже, но спокойнѣе; нѣжность Пьомента перешла, казалось, въ сердце ла-Моля, а его безпечность въ душу Коконна. Это отъ-того, что одинъ дѣйствовалъ въ настоящемъ случаѣ по умеченію, а другой мѣхота.

Скоро друзья услышали мѣрный тоногъ коней. Лошади ихъ наострили уши, услышавъ ржаніе, и по аллеѣ пронеслась, какъ бѣлая тѣнь, женщина, оглянувшись на скаку въ ихъ сторону и сдѣлавъ странный знакъ.

— Королева! воскликнули они вместе.

— Что бы это значило? спросилъ Коконна.

— Она сдѣлала рукою вотъ такъ, отвѣчалъ ла-Моль.—Это значить «сейчасъ».

— Она сдѣлала такъ, возразилъ Коконна:— и это значить «бѣгите».

— Она хотѣла сказать: «дождитесь меня».

— Она хотѣла сказать: «спасайтесь».

— Такъ будемъ дѣйствовать каждый по своему усмотрѣнію: бѣги, а я останусь, сказалъ ла-Моль.

Коконна нежалъ плечами и снова легъ на землю.

Въ ту же минуту, по той же аллеѣ, гдѣ прѣехала королева, но съ другой стороны, пронесся во весь опоръ отрядъ всадниковъ, въ которыхъ друзья узнали протестантовъ. Лошади ихъ дѣлали скачки, какъ сараяча, о которой говоритъ Ювъ: «она явилась и исчезла».

— Чортъ возьми! Видно, дѣло серьезное, сказалъ Коконна, вставая.—Повѣдемъ къ Павильйону-Франциска.

— Напротивъ, туда-то и не надо вхатъ. Если мы открыты, король прежде всего обратитъ вниманіе на этотъ павильйонъ, потому-что онъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ.

— На этотъ разъ ты, можетъ-быть, и правъ, проворчалъ Коконна.

Не успѣвъ еще Коконна произнести эти слова, какъ во мѣсу

козней мелькнулъ всадникъ; онъ несся черезъ рвы, кусты, колоды и очутился передъ Коконна и ла-Модемъ. Въ обѣихъ рукахъ онъ держалъ по пистолету и правилъ лошадью только козьями.

— Де-Мун! воскликнулъ Коконна, мгновенно сбѣжавшись расторопѣ ла-Моля. — Мун бѣжить! Итакъ, они спасаются?

— Скорѣе! закричалъ гугенотъ: — бѣгите! Все погибло! Я нарочно сбѣгалъ крякъ, чтобъ увѣдомить васъ. Въ дорогу!

Онъ произнесъ эти слова на скаку и былъ уже далеко, когда договаривалъ ихъ и когда ла-Моль и Коконна поняли ихъ смыслъ.

— А королева? закричалъ ему въ-слѣдъ ла-Моль,

Но голосъ его исчезъ въ пространствѣ; Мун не могъ уже его слышать и еще менѣе отвѣчать ему.

Коконна не долго думалъ, что ему дѣлать; но ла-Моль стоялъ неподвижно, слѣдя глазами за Муи, исчезавшимъ въ вѣтвяхъ. Коконна побѣжалъ за лошадьми, привелъ ихъ, свѣзъ самъ и бросалъ новодѣя ла-Молю.

— Садись! сказалъ онъ. — Я повторю слова де-Муи: въ дорогу! А Мун говорить хорошо. Въ дорогу, въ дорогу, ла-Моль!

— Одну минуту, отвѣчалъ ла-Моль: — мы сюда вѣдъ за тѣмъ-нибудь да пришли же?

— Только не за тѣмъ, чтобъ насъ повѣсили. Советую не терять времени. Я знаю, ты собираешься ораторствовать, парафразировать слово «бѣжать». Ты укажешь на Горация, бросаваго свой щитъ, и на Эпаминонда, вынесеннаго изъ битвы на щитѣ. Я отвѣчу тебѣ только одно: если бѣжить Мун-де-Сен-Фаль, всѣмъ позволено бѣжать.

— Мун-де-Сен-Фаль не взялся увезти Маргериту; Мун-де-Сен-Фаль не любитъ королевы.

— Merdi! Онъ поступаетъ очень-умно, если любовь заставила бы его дѣлать такія же глупости, какъ тебя. Пусть пятьсотъ тысячъ чертей возьмутъ любовь, за которую два молодца могутъ поплатиться головою! *Cogne de boeuf!* какъ говоритъ король Карлъ, мы въ заговоръ, *mon chet*; кому заговоръ не удался, тотъ долженъ спастись. На коня, ла Моль, на коня!

— Спасайся! Я тебѣ не мѣшаю, и даже прошу тебя. Твоя жизнь дороже моей. Защищай же ее.

— Говори мнѣ: «Коконна! пусть насъ повѣсятъ вмѣстѣ», — а не: «спасайся одинъ».

— И! веревки вьютъ не для дворянъ.

— Я начинаю думать, сказалъ Коконна: — что я не худо сбѣжалъ, взявъ свои предосторожности.

— Какія?

— Подружившись съ валачомъ.

— Ты въ мрачномъ расположеніи духа.

— Да! однакожь, что-нибудь да надо дѣлать, возразилъ Коконна съ нетерпѣніемъ.

— Отъищемъ королеву.

— Гдѣ?

— Не знаю... Отъищемъ короля.

— Гдѣ?

— Не знаю... но мы отъищемъ ихъ, и сдѣлаемъ вдвоемъ то, чего не могли или не посмѣли сдѣлать пятьдесятъ человекъ.

— Ты хватаешься за мое самолюбіе, — дурной знакъ!

— Ну, такъ на коней, и ѣдемъ!

— Наконецъ-то.

Ла-Моль оборотился, и хотѣлъ взяться за луку; но въ то самое время, когда заносилъ ногу въ стремя, повелительный голосъ прозвонилъ:

— Стой! Сдѣйтесь.

Изъ-за дуба показался человекъ, потомъ другой, потомъ тридцать; это были солдаты легкой конницы; они сбѣжались и полкомъ обступили ихъ.

— Что я тебѣ говорилъ? сказалъ Коконна.

Глухой звукъ былъ отвѣтомъ ла-Моля.

Солдаты были еще шаговъ за тридцать.

— Что вамъ угодно? громко спросилъ Коконна, обращаясь къ начальнику отряда.

Начальникъ приказалъ приложиться въ нихъ.

Коконна тихо шепнулъ ла-Молю:

— На коня, ла-Моль! Еще есть время. На коня, и ускачемъ.

Потомъ онъ обратился опять къ солдатамъ:

— Не стрѣляйте, чортъ возьми! Этакъ вы, пожалуй, убьете двухъ друзей.

Потомъ шепнулъ ла-Молю:

— Между деревьями стрѣлять плохо; они дадутъ промахъ.

— Невозможно, отвѣчалъ ла-Моль. — Мы не можемъ увести съ собою лошадь Маргериты и двухъ муловъ. Они изобличатъ ее, а отвѣтами я удалю подозрѣніе. Ступай, другъ мой! Ступай!

— Господа! сказалъ Коконна, подавая свою шпагу: — мы сдаемся.

Солдаты опустили ружья.

— Но скажите, пожалуйста, зачѣмъ мы должны сдаться?

— Объ этомъ вы спросите короля наваррскаго.

— Въ чемъ мы провинились?

— Это скажетъ вамъ герцогъ д'Алансонъ.

Коконна и ла-Моль обмѣнялись взглядомъ; имя врага ихъ, произнесенное въ такую минуту, было неутѣшительно.

Они не противились. Коконна попросили сойти съ лошади: онъ повиновался безпрекословно. Потомъ обоихъ помѣстили въ центръ отряда, и пошли къ Павильйону-Франциска.

— Ты хотѣлъ видѣть Павильйонъ-Франциска, сказалъ Коконна ла-Молю, увидѣвъ сквозь деревья стѣны прекраснаго готическаго зданія:—ну, вотъ, кажется, ты увидишь его.

Ла-Моль не отвѣчалъ ни слова и протянулъ ему только руку.

Возлѣ этого прелестнаго павильйона, построеннаго при Людовикѣ XII, и прозваннаго Павильйономъ-Франциска I-го, потому-что онъ всегда назначалъ его сборнымъ мѣстомъ во время охоты, было нечто въ родѣ хижины для охотниковъ, укрытой ружьями, аллебардами и шпагами, какъ укрывается кротовая нора травою.

Въ эту хижину привели плѣнниковъ.

Объяснимъ непріятное положеніе двухъ друзей, рассказавъ, что случилось.

Протестанты сошлись, какъ было условлено, въ Павильйонъ-Франциска, отъ котораго ключъ былъ у де-Муи.

Овладевъ лѣсомъ,—такъ, по-крайней-мѣрѣ, они думали,—разставили они кое-гдѣ часовыхъ; легкая конница, перемѣнивъ, по приказанію догадливаго Пансея, бѣлые шарфы на красные, перехватила ихъ разомъ, безъ выстрѣла.

Конница продолжала идти, окружая павильйонъ; но де-Муи, ждавшій короля въ концѣ аллеи де-Вioletтъ, замѣтилъ, что эти красные шарфы не идутъ, а крадутся, и съ той минуты они стали для него подозрительны. Онъ постороился, чтобъ его не замѣтили, и увидѣлъ, что обширный кругъ ихъ постоянно суживается, окружая сборное мѣсто.

Въ то же время, въ глубинѣ главной аллеи блеснули бѣлыя перья и ружья королевской гвардіи. Наконецъ, онъ увидѣлъ и самого короля, а въ противоположной сторонѣ—Генриха.

Тогда онъ махнулъ шляпою въ воздухъ: это былъ условленный знакъ, что все пропало.

Генрихъ, при этомъ знакѣ, въ ту же минуту повернулъ назадъ и исчезъ.

Муи, вонзивъ шпоры въ бока своей лошади, поскакалъ и мимолетомъ предостерегъ ла-Моля и Коконна.

Король замѣтилъ отсутствіе Генриха и Маргериты и подѣзжалъ къ павильйону съ д'Алансономъ, надѣясь застать ихъ въ хижинѣ, гдѣ приказалъ запереть всѣхъ, не только тѣхъ, кого найдутъ въ павильйонѣ, но и въ лѣсу.

Д'Алансонъ въ увѣренности галоппировалъ возлѣ короля, еще болѣе-сердитаго отъ физической боли. Раза два или три онъ едва не лишился чувствъ, и однажды его вырвало до крови.



—Скорѣе! сказалъ король, подѣвжая къ мѣсту:—мнѣ надо возвратиться въ Лувръ; вытаскивайте этихъ гугенотовъ! Сегодня день св. Блеза, брата Вареоломея.

При этихъ словахъ короля, муравейникъ копій и пищалей зашевелился, и гугенотовъ, захваченныхъ въ лѣсу или въ павиль-Ионь, заставляли по-одиначкѣ выходить изъ хижины.

Но не являлся ни король наваррскій, ни Маргерита, ни де-Муи.

— Ну! сказалъ король.—Гдѣ же Генрихъ? Гдѣ Маргò? Ты обещалъ мнѣ ихъ, д'Алансонъ, и, *corvoeu!* чтобъ они были отысканы!

— Король и королева наваррскія? спросилъ Нансей. — Мы ихъ и не видѣли, ваше величество.

— Да вотъ они, сказала герцогиня де-Неверъ.

Дѣйствительно, въ концѣ аллеи, ведущей къ рѣкѣ, показались Генрихъ и Маргò; они ѣхали очень-спокойно, какъ-будто ничего не случилось, держали своихъ соколовъ, и приближались рядомъ, какъ неразлучные любовники.

Тогда-то д'Алансонъ, въ ярости, велѣлъ обыскать окрестности, и тогда-то нашли на полянѣ ла-Моля и Коконна.

Они тоже рядомъ, какъ братья, вошли въ кружокъ. Только, не будучи королями, они не были по наружности такъ спокойны, какъ Генрихъ и Маргерита. Ла-Моль былъ слишкомъ-блѣденъ, Коконна слишкомъ-красенъ.

## II.

### Допросы.

Зрѣлище, поразившее пришедшихъ друзей, было изъ числа тѣхъ, которыя не забываются.

Мы уже сказали, что гугеноты, запертые въ хижинѣ, одинъ за другимъ проходили мимо Карла.

Онъ и д'Алансонъ жадно слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, ожидая появленія короля наваррскаго.

Они обманулись въ своемъ ожиданіи.

Но этого было мало: надо было узнать, что съ ними случилось.

Когда молодые супруги показались въ концѣ аллеи, д'Алансонъ поблѣднѣлъ, а у Карла стало легче на сердце, потому-что онъ внутренно желалъ, чтобъ все это пало на герцога.

— Онъ опять ускользнетъ! проговорилъ Франсуа блѣднѣя.

Король почувствовалъ въ эту минуту такую бодь въ животъ,

что выпустилъ поводья, схватился руками за бока и вскрикнулъ, как бѣшеный.

Генрихъ успѣшилъ узнать, что съ нимъ; но пока онъ пробѣжалъ двѣсти шаговъ, отдѣлявшіе его отъ короля, боль Карла уже миновалась.

— Откуда вы? спросилъ его Карлъ такъ сурово, что это тронуло Маргериту.

— Откуда?.. съ охоты, отвѣчала она.

— Охота была на берегу, а не въ лѣсу.

— Мой соколъ поднялся за фязавомъ, когда мы остановились посмотреть на цаплю.

— Гдѣ же фазанъ?

— Вотъ онъ. Посмотрите, какой красивый.

И Генрихъ съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица подалъ королю золотисто-пурпуровую птицу.

— Да! А взявъ фазана, почему вы не присоединились ко мнѣ?

— Потому-что онъ полетѣлъ къ парку,—и когда мы возвратились къ берегу, вы были уже за полемъ впереди и ѣхали къ лѣсу. Мы поскакали за вами, чтобъ вмѣстѣ продолжать охоту.

— А эти господа? продолжалъ Карлъ.— Они тоже приглашены на охоту?

— Какіе господа? спросилъ Генрихъ, вопросительно поглядѣвъ вокругъ.

— Pardieu! ваши гугеноты! сказалъ Карлъ.— Во всякомъ случаѣ, если кто-нибудь пригласилъ ихъ, такъ не я.

— Нѣтъ, ваше величество, можетъ-быть, герцогъ д'Алансонъ.

— Д'Алансонъ! Какъ?

— Я? спросилъ герцогъ.

— Да! продолжалъ Генрихъ. — Вѣдь вы вчера объявили, что вы король наваррскій. Чтѣ жь! Гугеноты, желавшіе имѣть васъ королемъ, явились поблагодарить васъ за принятіе короны, а короля за то, что онъ позволилъ вамъ принять ее. Не такъ ли, господа?

— Да! да! закричали двадцать голосовъ.— Да здравствуетъ герцогъ д'Алансонъ! Да здравствуетъ король Карлъ!

— Я не король гугенотовъ, сказалъ д'Алансонъ, блѣднѣя отъ стыда; потомъ взглянувъ искоса на Карла, прибавилъ: — и на дѣюсь, что никогда имъ не буду.

— Все равно! сказалъ Карлъ.— Знайте, Генрихъ, что я нахожу все это очень-страннымъ.

— Ваше величество! твердо сказалъ Генрихъ. — Можно подумать, что мнѣ дѣлаютъ допросъ.

— А если я скажу вамъ, что допрашиваю васъ, что вы отвѣтите?

— Что я такой же король, какъ и вы, гордо отвѣчалъ Генрихъ: — королевскій санъ даетъ не корона, а рожденіе. Я готовъ отвѣчать брату и другу; судьба — никогда.

— Хотѣлось бы мнѣ, однакожь, наконецъ, знать, что должно думать? проговорилъ Карлъ.

— Пусть приведутъ де-Муи, и вы узнаете, сказалъ д'Алансонъ. — Муи долженъ быть взятъ.

— Де-Муи здѣсь? спросилъ король.

Генрихъ началъ беспокоиться и обмѣнялся взглядомъ съ Маргеритой. Но это продолжалось недолго.

Никто не отвѣчалъ.

— Де-Муи нѣтъ между плѣнными, сказалъ де-Нансей. — Иные думаютъ, что видѣли его, впрочемъ, не увѣрены.

Ла-Моль и Коконна слышали весь разговоръ; Маргерита разочла, что можетъ положиться на ихъ сметливость, и сказала:

— Да вотъ, кстати, двое придворныхъ герцога д'Алансона, спросите ихъ.

— Я велѣлъ арестовать ихъ именно за тѣмъ, чтобъ доказать, что они не изъ числа моихъ, сказалъ герцогъ.

Король посмотрѣлъ на друзей и вздрогнулъ, увидѣвъ ла-Моля.

— Опять этотъ Провансалецъ! сказалъ онъ.

Коконна ловко поклонился.

— Что вы дѣлали, когда васъ арестовали? спросилъ король.

— Мы раздѣляли подвиги на поприщѣ войны и любви.

— Верхомъ! вооруженные съ ногъ до головы? готовые бѣжать?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Коконна. — Мы покоились въ тѣни бука, *sub tegmine fagi*.

— А! вы покоились въ тѣни бука.

— И могли бы бѣжать, еслибъ предполагали, что виноваты передъ вашимъ величествомъ. — Господи! продолжалъ Коконна, обращаясь къ всадникамъ: — скажите, какъ честные воины: могли мы спастись бѣгствомъ, еслибъ хотѣли?

— Дѣло въ томъ, сказалъ начальникъ отряда: — что они не сдѣлали ни малѣйшаго движенія.

— Потому что лошади ихъ были далеко, замѣтилъ д'Алансонъ.

— Извините великодушно, ваше высочество, отвѣчалъ Коконна: — я былъ верхомъ, а ла-Моль держалъ свою лошадь за поводья.

— Правда ли это? спросилъ король.

— Правда, отвѣчалъ капитанъ: — увидѣвъ насъ, г. Коконна даже сошелъ съ лошади.

Коконна улыбнулся съ гримасою, которая означала: — видите ли, ваше величество?

— А что жъ эти подставныя лошади, эти мулы, эта клажа на нихъ? спросилъ Франсуа.

— Мы не конюхи; спросите у кучера, который за ними смотрѣлъ, отвѣчалъ Коконна́.

— Его нѣтъ, сказалъ герцогъ въ ярости.

— Вѣрно онъ испугался и убѣжалъ, сказалъ Коконна́. — Слуга не можетъ имѣть храбрости дворянина.

— Все та же система, сказалъ герцогъ, скрежеща зубами. — Къ счастью, я предупредилъ ваше величество, что эти господа уже нѣсколько дней какъ оставили мою службу.

— Какъ? сказалъ Коконна́. — Не-уже-ли я такъ несчастливъ, что уже не состою на службѣ вашего высочества?

— *Morbleu!* вы знаете это лучше всѣхъ, потому-что сами навѣстили меня объ этомъ довольно-дерзкимъ письмомъ; оно, къ счастью, кажется, со мною.

— О! я думалъ, что ваше высочество простите меня за строки, написанныя въ минуту вспышки. — Я узналъ, что ваше высочество хотѣли, въ корридоръ Лувра, удавить моего друга Ла-Моля.

— Чтò такое? сказалъ Карлъ.

— Я думалъ, что ваше высочество были одни. — Но узнавъ, что еще трое другихъ...

— Молчите! сказалъ Карлъ. — Мы узнали довольно. Генрихъ! сказалъ онъ, обращаясь къ королю наваррскому: — дайте слово не бѣжать.

— Даю.

— Возвратитесь въ Парижъ съ г. Нансеємъ. Вы подъ арестомъ въ вашей комнатѣ. — Вы, господá, продолжалъ онъ, обращаясь къ друзьямъ: — отдайте свои шпаги.

Ла-Моль взглянулъ на Маргериту. Она улыбнулась. — Ла-Моль тотчасъ же отдалъ свою шпагу стоявшему возлѣ него капитану.

Коконна́ сдѣлалъ то же.

— А де-Мув отыскали? спросилъ король.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ де-Нансей: — его или не было въ дѣсу, или онъ спасся.

— Тѣмъ хуже! сказалъ король. — Возвратимся домой. Мнѣ холодно, и нездоровится.

— Это, можетъ-быть, отъ-того, что вы потревожились, замѣтилъ Франсуа.

— Да, можетъ-быть. Въ глазахъ у меня темнѣеть. — Гдѣ же цѣвныя? Я ничего не вижу. Развѣ ужъ ночь? Охъ, Боже мой! Я горю!

Несчастный король выпустилъ поводья, протянулъ руки и упалъ

навзничь, поддержанный придворными, испуганными вторичнымъ припадкомъ.

Франсуа, стоя поодаль, отиралъ потъ съ своего лица; онъ одинъ зналъ причину болѣзни брата.

Генрихъ, подъ стражею Нансея, смотрѣлъ на эту сцену съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Что, проговорилъ онъ, какъ-будто вдохновенный:—что если бѣгство не удалось къ моему счастью?

Онъ посмотрѣлъ на Маргериту, большіе глаза которой обращались то на него, то на короля.

Король былъ безъ чувствъ.—Его положили на носилки, покрыли плащомъ, и весь тихо двинулись къ Парижу, откуда поутру выѣхали смѣлые заговорщики и веселый король, и куда возвращался теперь умирающій король и мятежные пѣвники.

Маргерита, не утративъ ни тѣлесной, ни душевной свободы, сдѣлала еще знакъ мужу и пробѣжала такъ близко мимо ла-Моля, что онъ могъ разслушать цару греческихъ словъ:

— Мѣ деіде.

То-есть:

«Не бойся ничего.»

— Что она тебѣ сказала? спросилъ Коконнѣ.

— Чтобы я ничего не боялся, отвѣчалъ онъ.

— Тѣмъ хуже, сказалъ Пьемонтець:—тѣмъ хуже. Это значить, что намъ тутъ плохо. Всякій разъ, когда меня ободряли этимъ словомъ, я сейчасъ бывалъ раненъ или пулей, или шпагой, или горшкомъ съ пѣтами. Не бойся ничего, по-еврейски ли, по-гречески ли, по-латинѣ ли, по-французски ли, это всегда значило для меня: «берегись!»

— Въ дорогу, господѣ! сказалъ начальникъ отряда.

— Куда насъ ведутъ, если смѣю спросить?—сказалъ Коконнѣ.

— Я думаю, въ Венсеннъ, отвѣчалъ капитанъ.

— Лучше бы куда-нибудь въ другое мѣсто, замѣтилъ Коконнѣ.— Ну, да что толковать! Не всегда идешь, куда хочешь.

Дорогою, король очнулся, и силы его отчасти возвратились. — Въ Нантеррѣ онъ хотѣлъ даже сѣсть на лошадь, но его не допустили до этого.

— Пошлите за Парѣ, сказалъ Карлъ, прибывъ въ Луврѣ.

Онъ вышелъ изъ носилокъ, взошелъ на лѣстницу, опираясь на руку Таванна, и удалился въ свой кабинетъ, не велѣвъ никому входить туда.

Всѣ замѣтили, что онъ дорогой былъ очень-задумчивъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, и не занимался ни заговоромъ, ни заговорщиками. Очевидно его занимаѣла только его болѣзнь.

Болезнь его была внезапна, странна, жестока; нѣкоторые симптомы ея походили на симптомы, замѣченные у брата его, Франциска II-го, незадолго до его смерти.

Никого не удивило, что онъ запретилъ входить къ себѣ рѣшительно всѣмъ, кромѣ Парэ. Мизантропія, какъ всѣмъ было известно, составляла основу характера этого государя.

Карлъ вошелъ въ спальню, сѣлъ на кресло, приложилъ голову къ подушкѣ и, подумавъ, что Парэ, можетъ-быть, нѣтъ дома и онъ придетъ еще нескоро, хотѣлъ съ пользою употребить это время.

Онъ ударилъ въ ладони; вошелъ дежурный.

— Скажите королю наваррскому, что я хочу поговорить съ нимъ.

Дежурный поклонился и вышелъ.

Карлъ закинулъ голову назадъ; тяжесть давила мозгъ его до такой степени, что онъ едва могъ связать двѣ мысли; передъ глазами его носилось какъ-будто кровавое облако; уста его горѣли; онъ выцѣдилъ уже цѣлый графинъ воды, и не могъ утолить жажды.

Дверь растворилась и вошелъ Генрихъ.—Нацсей шелъ за намъ, но остановился въ передней.

Король наваррскій дождался, пока дверь за нимъ затворилась.

Тогда онъ подошелъ.

— Вы спрашивали меня, сказалъ онъ. — Я здѣсь.

Король вздрогнулъ при этомъ голосѣ, и машинально протянулъ руку.

— Ваше величество забываете, что я уже не братъ вашъ, а шляпникъ, сказалъ Генрихъ, не принимая руки.

— Да! дѣйствительно. Благодарю, что напомнилъ. — Кажется, вы обѣщали мнѣ отвѣчать наединѣ откровенно.

— И готовъ исполнить это обѣщаніе.—Спрашивайте.

Король налилъ въ руку холодной воды и приложилъ ее ко лбу.

— Что истиннаго въ обвиненіи д'Алансона?—Отвѣчайте.

— Только половина: — д'Алансонъ долженъ былъ бѣжать, а я сопутствовать ему.

— А зачѣмъ вы должны были ему сопутствовать? — Развѣ вы мною не довольны, Генрихъ?

— Напротивъ; Богъ, читающій въ сердцахъ нашихъ, видитъ, какъ глубоко люблю я моего брата и короля.

— Кажется, однако, не бѣгаютъ отъ людей, которыхъ любятъ и которые насъ любятъ?

— И я бѣжалъ не отъ тѣхъ, которые любятъ меня, а отъ тѣхъ, которые ненавидятъ.—Позвольте ли говорить вамъ откровенно?

— Говорите.

— Ненавидятъ меня здѣсь: д'Алансонъ и королева-мать.

— О д'Алансонъ не говорю, отвѣчалъ Карлъ:—но королева-мать осыпаетъ васъ ласками.

— Потому-то я ей и не доверяю... И слава Богу, что не доверяю.

— Ей?

— Ей, или тѣмъ, кто ее окружаетъ. — Вы знаете, ваше величество, что несчастіе королевъ состоитъ иногда не въ томъ, что ихъ угощаютъ плохо, а въ томъ, что угощаютъ слишкомъ-хорошо.

— Изъяснитесь; вы дали слово высказать все.

— Я исполняю слово.

— Продолжайте.

— Вы любите меня, сказали вы?

— То-есть, любилъ васъ до измѣны, Ганрію.

— Предположите, что вы меня еще любите.

— Положимъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы, конечно, желаете, чтобъ я жилъ?

— Я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ съ тобою случилось несчастіе.

— Два раза оно едва не случилось.

— Какъ?

— Два раза только Провидѣніе спасло мнѣ жизнь. Правда, второй разъ Провидѣніе явилось въ образѣ вашего величества.

— А въ первый?

— Въ первый — въ образѣ человека, который былъ бы крайне удивленъ этому сближенію, — въ образѣ Ренé. Вы спасли меня отъ желѣза...

Карлъ нахмурилъ брови; онъ вспомнилъ ночь, въ которую увелъ Генриха въ Улицу-де-Барръ.

— А Ренé? спросилъ онъ.

— Ренé спасъ меня отъ яда.

— Peste! Ты счастливъ, Ганрію, сказалъ король, стараясь улыбнуться; но боль превратила улыбку въ судороги.—Это не его ремесло.

— Меня спасли два чуда. — Чудо раскаянья въ душѣ Флорентинца, и чудо любви вашего величества. Признаюсь, я боюсь, не наскучило бы небу дѣлать чудеса. Я хотѣлъ бѣжать въ-слѣдствію правила: на Бога надѣйся, а самъ не плошай.

— Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ объ этомъ раньше?

— Еслибъ я сказалъ вамъ это вчера, я былъ бы доносчикомъ.

— А сегодня?

— Сегодня другое дѣло. Я обвиненъ и защищаюсь.

— Увѣренъ ты въ этомъ первомъ покушеніи, Ганрію?

— Такъ же, какъ и во второмъ.

— И тебя хотѣли отравить?

— Хотѣли.

— Чѣмъ?

— Опіатомъ.

— Какъ это отравляютъ опіатомъ?

— Спросите у Ренé:—отравляютъ же перчатками...

Карль нахмурилъ брови; но мало-по-малу лицо его опять прояснилось.

— Да, да, сказалъ онъ, какъ-будто говоря съ самимъ-собою:— все живое естественно избѣгаетъ смерти: почему же разсудку не дѣлать того, что дѣлаетъ инстинктъ?

— Довольны ли вы моею откровенностью, и думаете ли вы, что я сказалъ вамъ все?

— Да, Ганрію, да; ты славный-малый.—Такъ ты думаешь, что мнѣ не надобно, что они сдѣлаютъ невяя покушенія?

— Каждый вечеръ я удивляюсь, что еще живъ.

— Они знаютъ, что я тебя люблю, Ганрію, и вотъ почему хотѣть твоей жизни.—Но будь спокоенъ: они будутъ наказаны. Ты, между-тѣмъ, свободенъ.

— И могу оставить Парижъ?

— Нѣтъ! Ты знаешь, что я не могу обойтись безъ тебя. *Mille fois d'un diable!* Надобно же, чтобъ кто-нибудь изъ окружающихъ любилъ меня.

— Если вы оставляете меня при себѣ, окажите мнѣ милость...

— Какую?

— Оставьте меня здѣсь не какъ друга, а какъ плѣнника.

— Какъ?

— Развѣ вы не видите, что ваша дружба губить меня?

— И ты желаешь лучше, чтобъ я ненавидѣлъ тебя?

— Наружно. Эта ненависть будетъ моимъ счастьемъ, пока я буду считаться въ немилости; они не такъ будутъ спѣшить умертвить меня.

— Не знаю, чего ты хочешь, Ганрію; не знаю, какая у тебя дѣль, но если ты не исполнишь своихъ желаній и не достигнешь цѣли, это меня очень удивить.

— И такъ, я могу разсчитывать на строгость короля?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, я спокойнѣе. — Теперь, что прикажете, ваше величество?

— Ступай домой, Ганрію.—Я боленъ; зайду посмотрѣть своихъ собакъ, и лягу.

— Вы позвали бы доктора, ваше величество; вы, можетъ-быть, больнѣе, нежели думаете.

— Я послалъ за Парé.



— Это меня успокоиваетъ.

— Клянусь душою! Изъ всего моего семейства, кажется, только ты меня любишь!

— Вы думаете?

— Честное слово.

— Такъ передайте же меня Нансею, какъ чловѣка, которому гнѣвъ вашъ не позволить прожить дольше мѣсяца. Этимъ вы дадите мнѣ возможность любить васъ дольше.

— Г. Нансей! закричалъ Карлъ.

Капитанъ вошелъ.

— Я вѣрю вамъ величайшаго преступника въ государствѣ; — вы отвѣчаете за него головою.

Генрихъ, съ видомъ величайшаго отчаянiя, вышелъ за Нансею.

### III.

#### АКТЕОНЪ.

Карлъ, оставшись наединѣ, удивился, что до-сихъ-поръ не являлся къ нему ни одинъ изъ вѣрныхъ друзей его. — Вѣрные друзья были: кормилица Мадлена и борзая Актеонъ.

— Кормилица вѣрно пошла къ какому-нибудь знакомому гугеноту пѣть псалмы, сказалъ онъ: — а Актеонъ дуется на меня за ударъ, которымъ я поподчивалъ его поутру.

Карлъ взявъ свѣчу и пошелъ къ кормилицѣ. — Ея не было дома. Изъ комнаты ея дверь вела, какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, въ оружейный кабинетъ. Онъ подошелъ къ этой двери.

Но во время перехода, онъ опять почувствовалъ боль, появляющуюся мгновенно. — Король страдалъ, какъ-будто раскаленное жѣлѣзо проникло въ его кишки; его пожирала неутолимая жажда. На столѣ стояла чашка молока, онъ выпилъ ее въ одинъ глотокъ и почувствовалъ облегченiе.

Онъ опять взявъ поставленный въ сторону подсвѣчникъ и вышелъ въ кабинетъ.

Къ великому удивленiю его, Актеонъ не бросился ему навстрѣчу. — Заперли его? Но въ такомъ случаѣ онъ почуялъ бы, что Карлъ возвратился съ охоты, и завылъ бы.

Карлъ крикнулъ, свиснулъ, — никто не являлся.

Онъ сдѣлалъ шага четыре впередъ; свѣтъ доходилъ до угла комнаты, и онъ замѣтилъ, что тамъ лежитъ какая-то неподвижная масса.

— Эй! Актеонъ! крикнулъ Карлъ.

Онъ свиснулъ еще разъ.

Собака не трогалась съ мѣста.

Карлъ подбѣжалъ къ ней, тронулъ ее: бѣдное животное было мертво и холодно... Изъ пасти упало нѣсколько капель желчи, смѣшанной съ пѣнистою, кровавою слюною. Собака отыскала въ комнатѣ шапку своего господина и издохла, склонивъ голову на этотъ предметъ, напоминавшій ей друга.

Это зрѣлище заставило Карла забыть свои собственные страданія и возвратило ему всю его энергію. — Гнѣвъ закипѣлъ въ душѣ его; онъ хотѣлъ кликнуть; но величіе королей заколдовано: они не властны поддаваться первому движенію, естественно пробужденному страстью. Карлъ разсудилъ, что тутъ кроется, можетъ быть, измѣна, и промолчалъ.

Онъ сталъ передъ собакою на колѣни и опытнымъ глазомъ началъ разсматривать трупъ. Глаза ея были стекловидны, языкъ красенъ и покрытъ прыщами; болѣзнь была странная, — она заставила Карла вздрогнуть.

Король надѣлъ перчатки, которыя было-снялъ и заткнулъ за поясъ, приподнялъ посинѣвшую губу собаки и началъ разсматривать зубы; въ промежуткахъ и на самыхъ зубахъ онъ замѣтилъ бѣловатые кусочки чего-то.

Онъ снялъ ихъ и увидѣлъ, что это бумага.

Возле бумаги опухоль была сильнѣе, дѣсны раздулись, и кожа покраснѣла, какъ отъ сѣрной кислоты.

Карлъ внимательно поглядѣлъ вокругъ. На коврѣ валялись два-три кусочка бумаги, похожіе на найденную имъ въ зубахъ животного; на томъ, который былъ побольше, виднѣлись слѣды гравюры.

Волосы встали дыбомъ на головѣ Карла; онъ узналъ отрывокъ картинки, изображавшей охотника, которую Актеонъ вырвалъ изъ книги.

— А! сказалъ онъ блѣднѣя: — книга была отравлена...

Потомъ, припоминая всѣ обстоятельства, онъ вскрикнулъ:

— Тысячу чертей! Я каждой страницы касался пальцемъ, и каждый разъ слюнилъ палецъ!.. Эти обмороки, эта боль, эта рвота... я погибъ!

Карлъ съ минутою оставался недвижимъ подъ гнетомъ этой ужасной мысли. — Потомъ онъ поднялся съ глухимъ стономъ и бросился къ двери кабинета.

— Ренé! закричалъ онъ. — Ренé! скорѣе! Позвать мнѣ Флорентивца! Чтобъ черезъ десять минутъ онъ былъ здѣсь. На коня! Взять съ собою подручную! Если прійдетъ Парé, пусть обождетъ.

Дежурный побѣждалъ исполнить повелѣніе.

— Хоть всѣхъ на пытку, сказалъ Карлъ:—а дозволюсь, кто далъ эту книгу Ганрію.

Съ потомъ на лбу, съ судорожно-скорченными руками, съ стѣсненнымъ дыханіемъ, Карлъ остановился и устремилъ глаза на собаку.

Черезъ десять минутъ, Флорентинецъ робко и не безъ страха постучалъ въ дверь... Есть совѣсти, для которыхъ небо никогда не ясно.

— Войдите, сказалъ Карлъ.

Парфюмёръ вошелъ.—Карлъ подошелъ къ нему съ повелительнымъ видомъ.

— Ваше величество спрашивали меня, сказалъ дрожа Ренé.

— Дá. Вы искусный химикъ, не правда ли?

— Ваше величество...

— И знаете все, что знаютъ ученѣйшіе медики?

— Вы преувеличиваете, ваше величество.

— Нѣтъ! Матушка говорила мнѣ это. Кромъ того, я вамъ доверяю, и хотѣлъ лучше посоветоваться съ вами, нежели съ кѣмъ-нибудь другимъ. Вотъ, продолжалъ онъ, раскрывая трупъ собаки:— посмотрите, пожалуйста, что у нея въ зубахъ и скажите, отъ-чего она издохла.

Ренé взялъ свѣчу и склонился къ землѣ, повинувшись королю и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь скрыть свое смущеніе. — Карлъ стоялъ устремивъ на него взоры, и съ весьма-понятнымъ нетерпѣніемъ ждалъ слова, которое должно было быть его смертнымъ приговоромъ или залогомъ спасенія.

Ренé вынулъ изъ кармана родъ скальпеля, раскрылъ и снялъ кончикомъ его кусочки бумаги, приставшей къ дѣснамъ собаки. Онъ долго и внимательно смотрѣлъ на желчь и кровь, выступавшую изъ каждой язвы.

— Печальные признаки, сказалъ онъ.

Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Карла и проникъ въ самое сердце.

— Дá, сказалъ онъ: — собака отравлена, не такъ ли?

— Кажется.

— А какимъ ядомъ?

— Я думаю, минеральнымъ.

— Можете вы узнать навѣрное, отравлена ли она?

— Конечно. Только надо ее вскрыть и разсмотрѣть желудокъ.

— Вскройте. Я хочу узнать истину.

— Надобно позвать кого-нибудь помочь мнѣ.

— Я помогу вамъ.

— Вы, ваше величество!

— Да, я. Если она отравлена, какіе признаки найдемъ мы?

— Красноту и развѣтвленія въ желудкѣ.

— Къ дѣлу! сказалъ Карлъ.

Ренé однимъ взмахомъ скальпеля вскрылъ грудь и сильно ее раздвинулъ, между-тѣмъ какъ Карлъ, стоя на колѣняхъ, свѣтилъ ему дрожащею рукою.

— Посмотрите, ваше величество, сказалъ Ренé: — посмотрите, вотъ явные слѣды. Вотъ краснота, о которой я говорилъ вамъ; вотъ и вены, налитыя кровью и похожія на корни растенія: это то, что я называлъ развѣтвленіями. Здѣсь все, чего я искалъ.

— И такъ, собака отравлена?

— Отравлена, ваше величество.

— Минеральнымъ ядомъ?

— По всей вѣроятности.

— А что почувствовалъ бы человекъ, еслибъ нечаянно отвѣдалъ того же яда.

— Сильную головную боль, внутренній жаръ, какъ-будто проглотилъ горячіе угли, рвѣзъ въ кишкахъ, рвоту.

— И страдалъ бы отъ жажды?

— Жажда была бы неуголима.

— Такъ, такъ! проговорилъ Карлъ.

— Тщетно стараюсь я отгадать цѣль этихъ вопросовъ, ваше величество... сказалъ Ренé.

— И къ-чему? Вамъ не для чего знать ее... Отвѣчайте на мои вопросы, и только.

— Что угодно спросить вашему величеству?

— Какое противоядіе долженъ бы употребить человекъ, принявшій того же яда, который данъ моею собакой?

Ренé подумалъ съ минуту.

— Есть разные минеральные яды, сказалъ онъ: — прежде, нежели буду отвѣчать, я желалъ бы знать, какой именно это ядъ. Извѣстно ли вашему величеству, какъ собака была отравлена?

— Извѣстно; она грызла листокъ изъ книги.

— Листокъ изъ книги?

— Да.

— Эта книга у васъ?

— Вотъ она, сказалъ Карлъ, доставая книгу съ полки, куда поставилъ ее, и подавая Ренé.

Ренé былъ пораженъ, и легкое движеніе его не ускользнуло отъ вниманія Карла.

— Она изжевала листокъ изъ этой книги? проговорилъ, запинаясь, Ренé.

— Вотъ этотъ.

И Карлъ указалъ на оторванную страницу.

— Позвольте оторвать еще одинъ!

— Оторвите.

Ренé вырвалъ листокъ и поднесъ его къ свѣчкѣ: бумага вспыхнула, и по комнатѣ распространился сильный чесночный запахъ.

— Она отравлена мышьякомъ, сказалъ онъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Такъ же увѣренъ, какъ еслибъ я самъ приготовилъ его.

— А противоядіе?

Ренé покачалъ головою.

— Какъ? проговорилъ Карлъ глухимъ голосомъ: — не-уже-ли вы не знаете лекарства?

— Лучшее и дѣйствительнѣйшее — яичные бѣлки, сбитые въ молоко; но...

— Но... что?

— Но ихъ должно принять немедленно; иначе...

— Иначе?

— Это ужасный лѣдъ, ваше величество! сказалъ Ренé.

— Однакожъ, онъ убиваетъ не тотчасъ.

— Нѣтъ; но онъ убиваетъ навѣрно, черезъ сколько бы времени ни умеръ человекъ; иногда это бываетъ даже слѣдствіемъ расчета.

Карлъ прислонился къ мраморному столу.

— Теперь, продолжалъ Карлъ, положивъ руку на плечо Ренé: — скажите, вы знаете эту книгу?

— Я, ваше величество? проговорилъ Ренé, блѣднѣя.

— Дѣ, вы; увидѣвъ ее, вы измѣнили себя.

— Клянусь вамъ, ваше величество...

— Послушайте, Ренé. Вы отравили королеву наваррскую перчатками; отравили принца де-Порсіана испареніями лампы; покушались отравить принца Кондэ яблокомъ... Ренé! Я велю содрать съ васъ кожу вершокъ за вершкомъ раскаленными щипцами, если вы не скажете, кому принадлежала эта книга.

Флорентинецъ увидѣлъ, что нельзя шутить съ гнѣвомъ Карла и рѣшился на смѣлый отвѣтъ.

— А если я скажу правду, ваше величество, кто поручится, что я не буду наказанъ еще ужаснѣе, нежели за утайку?

— Я.

— Даете ли вы мнѣ свое королевское слово?

— Честное слово, васъ не тронуть!

— Въ такомъ случаѣ, эта книга принадлежитъ мнѣ, сказалъ онъ.

— Вамъ? воскликнулъ Карлъ, отступивъ на шагъ и дико глядя на отравителя.

— Дѣ, мнѣ.

— Какъ же она вышла изъ вашихъ рукъ?

— Ее взяла у меня ея величество королева-мать.

— Королева-мать?

— Точно-такъ.

— Зачѣмъ?

— Кажется, чтобъ отослать ее королю наваррскому, который просилъ герцога д'Алансона достать ему подобное сочиненіе, потому-что онъ хочетъ учиться соколиной охотѣ.

— Да, такъ!.. сказалъ Карлъ:—теперь я все понимаю. Эта книга действительно была у Гагрио. Есть судьба, и она караетъ меня! Карлъ закашлялъ сухимъ и сильнымъ кашлемъ и въ-слѣдъ за тѣмъ почувствовалъ новый припадокъ боли въ кишкахъ. Онъ гла-хо вскрикнулъ раза два или три и упалъ на кресло.

— Что съ вами, ваше величество? спросилъ Ренѣ съ ужасомъ.

— Ничего, отвѣчалъ Карлъ: — мнѣ только хочется пить; дай мнѣ воды.

Ренѣ налилъ въ стаканъ воды и дрожащею рукою поднесъ его Карлу; Карлъ выпилъ его въ одинъ глотокъ.

— Теперь, сказалъ король, взявъ перо и омочивъ его въ чернила:—надпиши на этой книгѣ...

— Что прикажете?

— То, что я тебѣ продиктую: «Это руководство къ соколиной охотѣ дано мною королевѣ-матери, Катеринѣ Медичи».

Ренѣ взялъ перо и написалъ.

— Теперь подпишись.

Флорентинецъ подписался.

— Вы обѣщали мнѣ безопасность, сказалъ парфюмеръ.

— Что касается до меня, сдержу свое слово.

— Но что касается до королевы-матери...

— О, на счетъ ея, это не мое дѣло. Если на тебя нападутъ, защищайся.

— Ваше величество! могу ли я оставить Францію, если увижу, что жизнь моя въ опасности?

— На это я отвѣчу тебѣ черезъ двѣ недѣли. Между-тѣмъ...

Карлъ, нахмуривъ брови, приложилъ палецъ къ блѣднымъ губамъ своимъ.

— О! будьте спокойны, ваше величество.

Флорентинецъ былъ очень-радъ, что отдѣлался такъ дешево. Онъ поклонился и вышелъ.

За нимъ явилась кормилица на порогъ своей комнаты.

— Что съ тобою, Шарло? сказала она.

— Я промочилъ ноги на росъ, и мнѣ не здоровится.

— Ты блѣденъ, Шарло.

— Это отъ слабости. Дай мнѣ руку, доведи меня до постели.

Кормилица поспѣшно подошла. Карлъ, при ея помощи, дѣшегъ до спальни.

— Теперь, сказалъ онъ: — я лягу одинъ.

— А если прійдетъ Парѣ?

— Скажи ему, что мнѣ лучше, и что его не нужно.

— Но между-тѣмъ, что же ты пріймешь?

— О! самое простое лекарство, сказалъ Карлъ. — Сбей мнѣ бѣлковъ въ молоко... Кстати: вѣдь бѣдняжка Актеонъ околѣлъ. Завтра надо приказать похоронить его гдѣ-нибудь въ саду, въ Луврѣ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей моихъ. Я поставлю ему памятникъ... если успѣю.

#### IV.

### Венскій-Лѣсъ.

Согласно приказанію Карла, Генрихъ былъ отведенъ въ Венскій-Лѣсъ. Такъ назывался въ то время знаменитый замокъ, отъ котораго теперь остались однѣ развалины, — колоссальная руина, достаточно свидѣтельствующая о его минувшемъ величіи.

Генриха принесли въ носилкахъ. Съ каждой стороны вѣхали четыре солдата, а впереди Нансей съ предписаніемъ, которое должно было отворить Генриху двери тюрьмы-защитницы.

У дверей башни они остановились. Нансей сошелъ съ лошади, отомкнулъ дверь, запертую висячимъ замкомъ, и почтительно попросилъ короля выйти.

Генрихъ повиновался безъ малѣйшаго возраженія. Всякое жилище показалось ему безопаснѣе Лувра, и десять дверей, за которыми его замкнутъ, отдѣляли его въ то же время отъ Екатерины Медичи.

Царственный плѣнникъ прошелъ между двухъ солдатъ черезъ подъемный мостъ, черезъ трое дверей внизу башни и столько же дверей внизу лѣстницы. Нансей ввелъ его въ первый этажъ. Здѣсь капитанъ, замѣтивъ, что Генрихъ хочетъ идти дальше, сказалъ:

— Остановитесь, ваше величество.

— А! сказалъ Генрихъ: — меня, кажется, чествуютъ первымъ этажемъ.

— Васъ чествуютъ какъ коронованную главу, ваше величество.

— Чортъ возьми! Два-три этажа выше не унизили бы меня. Здѣсь мнѣ будетъ слишкомъ-хорошо; стану подозрѣвать...

— Угодно вашему величеству за мною слѣдовать? сказалъ Нансей.

— *Vous le saint-gris!* Какъ-будто вы не знаете, что здѣсь нѣчего спрашивать, угодно мнѣ или нѣтъ,—когда Карлъ приказывается. Приказываетъ онъ, чтобъ я за вами слѣдовалъ?

— Да, ваше величество.

— Такъ я слѣдую.

Пошли по корридору. Конецъ его выходилъ въ довольно-большую залу, мрачную, съ темными стѣнами.

Генрихъ посмотрѣлъ вокругъ не совсѣмъ-спокойно.

— Гдѣ мы? спросилъ онъ.

— Мы идемъ черезъ залу пытки, ваше величество.

— А-га! сказалъ король.

Онъ посмотрѣлъ еще съ бѣльшимъ вниманіемъ.

Въ этой залѣ было всего по-немногу: козлы и чанъ для испытанія горячею водою; клинья и молоты для тисковъ на ноги; сверхъ-того, каменные скамьи для несчастныхъ жертвъ, ожидающихъ пытки, тянулись почти вокругъ всей залы; надъ скамьями, въ самыя скамьи, и у ногъ, были вдѣланы желѣзные кольца.

Генрихъ продолжалъ идти, не говоря ни слова, но не упуская изъ вида ни одной мелочи этихъ ужасныхъ снарядовъ, начертанныхъ, такъ-сказать, на стѣнахъ исторію страданій.

Глядя вокругъ, Генрихъ не смотрѣлъ подъ ноги и споткнулся.

— Что это? сказалъ онъ.

Онъ указалъ на жолобъ, проведенный по каменному сырому полу.

— Это стокъ, ваше величество.

— Развѣ здѣсь идетъ дождь?

— Дѣ, кровью.

— А! хорошо. Скоро мы дойдемъ до моей комнаты?

— Мы уже дошли, отвѣчалъ человѣческой образъ, виднѣвшійся въ темнотѣ и становившійся яснѣе по мѣрѣ приближенія къ нему.

Генриху показалось, что голосъ этотъ ему знакомъ; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и узналъ говорившаго.

— Ба! Это вы, Болѣе? что вы здѣсь дѣлаете?

— Я только-что назначенъ губернаторомъ венсенской крѣпости, ваше величество.

— Вы дебутируете прекрасно; на первый разъ у васъ въ плечу король,—это не дурно.

— Извините, ваше величество, я передъ вами принялъ уже двухъ дворянъ.

— Кого это?.. Ахъ, извините, я дѣлаю, можетъ-быть, нескромный вопросъ. Въ такомъ случаѣ, положимъ, что я ничего не сказалъ.

— Это не тайна, ваше величество. Арестанты: *ла-Моль* и *Коконнѣ*.



— Правда; ихъ при мнѣ в арестовали. Бѣдняжнн! Что? какъ они перенесутъ свое несчастіе?

— Очень-неровно: одинъ веселъ, другой печаленъ. Одинъ жостъ, другой вздыхаетъ.

— Который вздыхаетъ?

— Ла-Моль.

— Это для меня понятнѣе, нежели пять пѣсни. Сколько я вижу, въ тюрьмѣ невесело. Въ которомъ они этажѣ?

— На самомъ верху, въ четвертомъ.

Генрихъ вздохнулъ. Ему хотѣлось бы быть тамъ.

— Сдѣлайте одолженіе, г. Болѣ, сказалъ онъ: — укажите мнѣ мою комнату; я очень усталъ отъ безодняшннго дня.

— Вотъ, ваше величество, отвѣчалъ Болѣ, указывая Генриху на отворенную комнату.

— Номеръ второй, сказалъ Генрихъ. — Почему же не первый?

— Онъ уже назначенъ другой особѣ.

— А! значить, вы ждете арестанта поважнѣе меня.

— Я не говорилъ вамъ, ваше величество, что это арестантъ.

— Кто же?

— Не спрашивайте, ваше величество; я принужденъ буду нарушить должное вамъ почтеніе и молчать.

— А! это другое дѣло.

Онъ сдѣлался еще задумчивѣе: номеръ первый видимо тревожилъ его.

Губернаторъ не измѣнилъ своей учтивости: разсыпаясь въ краснорѣчивыхъ оговоркахъ ввелъ онъ Генриха въ его комнату, извинился въ недостатокъ удобнаго помѣщенія, поставилъ у дверей двухъ солдатъ и вышелъ.

— Теперь, сказалъ губернаторъ сторожу: — пойдѣмъ къ другимъ.

Сторожъ пошелъ впередъ. Они отправились той же дорогой, которой пришли, черезъ залу пытки, корридоръ и лѣстницу; Болѣ, идя за сторожемъ, поднялся на три этажа выше.

Въ четвертомъ, то-есть послѣднемъ этажѣ, сторожъ отворилъ, одну за другою, три двери, изъ которыхъ каждая была заперта двумя замками и тремя огромными засовами.

Едва-только коснулся онъ третьей двери, какъ послышался веселый голосъ:

— Отворайте, *mondi!* Хоть впусните свѣжаго воздуха. Тутъ такъ жарко, что можно задохнуться.

Комоннѣ, котораго читатель, конечно, узналъ по его любимой поговоркѣ, въ одинъ скачокъ очутился у двери.

— Потерните, отвѣчалъ сторожъ: — я пришелъ не освободить васъ, а ввести къ вамъ господина губернатора.

— А что губернатору тутъ дѣлать?

— Онъ пришелъ просѣтить васъ.

— Много чести; милости просимъ.

Губернаторъ вошелъ, и тотчасъ же подавилъ улыбку Коконна ледяною учтивостью, свойственною губернаторамъ крѣпостей, тюремщикамъ и палачамъ.

— Есть у васъ деньги? спросилъ онъ арестанта.

— У меня? Ни одного эку.

— А драгоценности?

— Есть перстень.

— Позвольте обѣискать васъ?

— Morgdi! воскликнулъ Коконна, краснѣя отъ гнѣва: — счастье ваше, что вы съ нами въ тюрьмѣ.

— Надо все переносить на королевской службѣ.

— А честные молодцы, которые обѣискиваютъ прохожихъ на Нер-Нѣвъ, тоже въ королевской службѣ? Morgdi! я былъ ужасно несправедливъ! До-сихъ-поръ, я считалъ ихъ за разбойниковъ.

— Прощайте, милостивый государь, сказалъ Больѣ. — Сторожь, замки его.

Губернаторъ ушелъ и унесъ съ собою перстень Коконна, прекрасный изумрудъ, подаренный ему герцогинею де-Неверъ въ память перваго глаза ея.

— Къ другому, сказалъ онъ, выходя.

Прошли пустую комнату; снова раздался шумъ отворяемыхъ дверей, скрипъ шести замковъ и девяти засововъ.

Отворилась послѣдняя дверь, и первый звукъ, дошедшій до слуха губернатора, былъ вздохъ.

Комната была еще мрачнѣе той, изъ которой только-что вышелъ Больѣ. Четыре узенькія, стрельчатыя окна, уменьшавшіяся къ наружи, слабо освѣщали это печальное узьжище. Железная рѣшетка была устроена въ окнахъ такъ, что арестантъ не могъ даже видѣть неба.

Потолокъ былъ выведенъ угловатымъ сводомъ, сходившимся въ центръ въ розетку.

Ла-Моль сидѣлъ въ углу, и, не смотря на вошедшихъ, остался на своемъ мѣстѣ, какъ-будто ничего не слышалъ.

Губернаторъ остановился на порогѣ и съ минуту смотрѣлъ на арестанта, неподвижнаго и склонившаго голову на руки.

— Здравствуйте, господинъ ла-Моль, сказалъ Больѣ.

Молодой человекъ медленно поднималъ голову.

— Здравствуйте, сказалъ онъ.

— Я пришелъ обѣискать васъ, сказалъ губернаторъ.

— Не въ силахъ; и самъ отдаю вамъ все, что у меня есть.

— Что у васъ есть?

— Около трехъ-сотъ эку, да вотъ эти перстни.

— Дайте, сказалъ губернаторъ.

— Извольте.

Ла-Моль выворотилъ свои карманы, снялъ съ рукъ перстни и сорвалъ со шляпы пряжку.

— Больше у васъ ничего нѣтъ?

— Сколько мнѣ известно, ничего.

— А что это у васъ на шеѣ, на шелковомъ снуркѣ?

— Это не золото,—это реликвія.

— Дайте сюда...

— Какъ? вы требуете...

— Мнѣ приказано оставить вамъ только платье,—а реликвія не платье.

Ла-Моль сдѣлалъ движеніе гнѣва, которое, среди скорбнаго и благороднаго его спокойствія, показалось еще ужаснѣе людямъ, привыкшимъ видѣть сильныя ощущенія.

Но онъ тотчасъ же пришелъ въ себя.

— Хорошо, сказалъ онъ:—я отдамъ вамъ, что вы требуете.

Съ этими словами, онъ оборотился, какъ-будто подходя къ свѣту, и снялъ мнимую реликвію: это былъ медальйонъ съ портретомъ; вынулъ портретъ, поцаловалъ его нѣсколько разъ, уронилъ его, какъ-будто нечаянно, и сильно наступилъ на него пяткою такъ-что раздавилъ на тысячу кусковъ.

— Милостивый государь!.. сказалъ губернаторъ.

Онъ наклонился и посмотрѣлъ, нельзя ли спасти вещь, которую Ла-Моль хотѣлъ скрыть отъ него; но портретъ въ буквальномъ смыслѣ превратился въ пыль.

— Королю угодно было имѣть оправу, сказалъ Ла-Моль: — и онъ не имѣлъ никакого права на заключавшійся въ ней портретъ. Вотъ медальйонъ, вы можете взять его.

— Я пожалуюсь королю, сказалъ Болѣ.

И, не простившись съ арестантомъ ни единымъ словомъ, онъ пошелъ въ такомъ гнѣвѣ, что не дождался даже, чтобъ сторожъ или кемъ заперъ двери.

Сторожъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобъ выйдти, и видя, что Болѣ сходитъ уже съ лѣстницы, оборотился и сказалъ Ла-Молю:

— Хорошо, что я догадался тотчасъ же взять съ васъ сто эку за которые доставлю вамъ свиданіе съ вашимъ товарищемъ. Если бы ихъ не отдали, такъ все-равно губернаторъ взялъ бы ихъ съ остальными тремя стами, и тогда совѣсть уже не позволила бы мнѣ услужить вамъ; но вы мнѣ заплатили впередъ, я обещалъ, что и увидите... пойдете... честный человекъ умѣетъ держать сн

слово. Только, если можно, пожалуйста, ради себя и меня, не говорите о политикѣ.

Ла-Моль вышелъ изъ своей комнаты и очутился лицомъ-къ-лицу съ Коконна, ходившимъ по средней залѣ.

Друзья бросились другъ другу въ объятія.

Сторожъ притворился, что отираетъ слезу и вышелъ, чтобъ ихъ не застали въ-расплохъ, то-есть, чтобъ не попасться самому.

— Ну, что? спросилъ Коконна. — Былъ у тебя этотъ ужасный губернаторъ?

— Такъ же, какъ и у тебя, я полагаю.

— И взялъ у тебя все?

— Какъ и у тебя же.

— О! у меня было немного. Кольцо Анриетты, и только.

— А денегъ?

— Я отдалъ все вотъ этому молодцу, чтобъ онъ доставилъ намъ свиданіе.

— А! По-видимому, онъ получаетъ изъ двухъ рукъ.

— Такъ и ты ему заплатилъ?

— Я далъ ему сто экю.

— Тамъ лучше.

— Это негодяй.

— Разумѣется; за деньги можно изъ него сдѣлать все, что угодно, а въ деньгахъ, надѣюсь, у насъ не будетъ недостатка.

— Теперь понимаешь ты, какъ шли дѣла?

— Совершенно. Насъ выдали.

— Кто?

— Д'Алансонъ. Не даромъ мнѣ хотѣлось свернуть ему шею.

— Какъ ты думаешь, дѣло наше серьезное?

— Кажется.

— Стало-быть, можно ожидать и... пытки?

— Не скрою: я уже думалъ объ этомъ.

— Что ты скажешь, если дѣло дойдетъ до этого?

— А ты?

— Я буду молчать, отвѣчалъ ла-Моль съ лихорадочнымъ румянцемъ.

— Ты будешь молчать? спросилъ Коконна.

— Да, если у меня достанетъ силъ.

— Ну, а я, если они сдѣлаютъ со мною такую подлость, даю тебѣ мое слово, что поразкажу многое.

— Что ты скажешь? живо спросилъ ла-Моль.

— О, будь спокоенъ! я расскажу такія вещи, что д'Алансону не заснуть нѣсколько ночей сряду.

Ла-Моль хотѣлъ отвѣчать, но въ это время сторожъ, въротно

услышавъ какой-нибудь шумъ, прибѣжалъ, втолкнулъ каждого изъ нихъ въ его комнату и заперъ за собою двери.

## v.

## ВОСКОВАЯ ФИГУРА.

Карлъ уже восемь дней не сходилъ съ постели. Онъ страдалъ изнурительною лихорадкою, прерываемою жестокими припадками, похожими на эпилепсію. Во время этихъ припадковъ, онъ испускалъ ужасныя стоны, которымъ со страхомъ внимали часовые въ прихожей и которымъ вторило древнее эхо Лувра, пробужденное такими мрачными звуками. Потомъ, когда эти припадки проходили, онъ, изнеможенный, съ потухшимъ зоромъ, падалъ на руки кормилицы.

Мать и сынъ скрывали другъ отъ друга свои чувства и убѣгали другъ друга. Разсказать, какія мрачныя мысли шевелились въ головѣ Катерины и д'Алансона, значило бы изобразить нѣдра змѣйнаго гнѣзда.

Генрихъ былъ запертъ въ своей комнатѣ; въ-слѣдствіе собственной его просьбы, Карлъ запретилъ посѣщать его рѣшительно всѣмъ, даже Маргеритѣ. Въ глазахъ всѣхъ, опала была совершенная. Катерина и д'Алансонъ вздохнули вольнѣе, считая его погибшимъ, — а Генрихъ ѣлъ и пилъ спокойнѣе прежняго, думая, что о немъ забыли.

Никто при дворѣ не подозревалъ причины болѣзни короля. Царѣ и товарищъ его, Мазилль, сочли ее за воспаленіе желудка, принимая результатъ за причину. Они предписали ему прохладительную діету, которая помогала нутію Рене; король принималъ молоко три раза въ день изъ ружъ кормилицы: оно составляло его единственную пищу.

Де-Моль и Коконна содержались въ Венсеннѣ подъ строжайшимъ присмотромъ. Маргерита и герцогиня де-Неверъ разъ десять пытались добратъся до нихъ, или не-крайней-мѣрѣ переслать имъ по записочкѣ, но имъ не удалось.

Однажды утромъ, Карлъ почувствовалъ себя лучше и велѣлъ впустить весь дворъ, который, по-обыкновенію, каждое утро являлся къ туалету, хотя туалета давно уже не было. Двери растворились, и по блѣдности щекъ, по желтизнѣ лба, лихорадочному сверканію впалыхъ глазъ, можно было догадаться, какъ сильно потрясла эта неостыжимая болѣзнь здоровье короля.

Комната Карла скоро наполнилась любопытными придворными. Катерину, д'Алансона и Маргериту извѣстия, что король привнасть.

Всѣ трое вошли вскорѣ одинъ за другимъ. Катерина была спокойна, Маргерита грустна, д'Алансонъ улыбался.

Катерина съѣла у изголовья своего сына; не замѣчая, какими глазами смотритъ Карлъ на ея приближеніе.

Д'Алансонъ сталъ у ногъ и не сѣдился.

Маргерита прислонилась къ столу, и, видя блѣдное, исхудавшее лицо и впалые глаза брата, невольно вздохнула и выронила слезу.

Карлъ, отъ котораго ничто не ускользнуло, замѣтилъ эту слезу, слышалъ вздохъ и сѣдлалъ головою Маргеритѣ незамѣтный знакъ.

И, однакожь, этотъ знакъ прояснилъ лицо королевы наваррской, которой Генрихъ не успѣлъ, а можетъ-быть и не хотѣлъ ничего сказать. Она боялась за мужа, трепетала за любовника.

За себя она не боялась: она слишкомъ-хорошо знала, что можетъ положиться на скромность ла-Моля.

— Каково ты себя чувствуешь, Карлъ? спросила Катерина.

— Лучше, матушка, лучше.

— А что говорить твои медики?

— Мои медики? А, это великіе врачи! отвѣчалъ Карлъ захотавъ.—Признаюсь, я съ большимъ удовольствіемъ слушаю ихъ расужденія о моей болѣзни. Кормилица! дай мнѣ нить.

Кормилица поднесла ему чашку съ его обыкновеннымъ нитьемъ.

— Что они тебѣ даютъ?

— Кто разгадаетъ ихъ лекарства? отвѣчалъ король, жадно выпивая молоко.

— Брату надобно бы вѣтать и подышать свѣжимъ воздухомъ, сказалъ д'Алансонъ.—Охота принесла бы ему пользу.

— Да, отвѣчалъ Карлъ съ улыбкою, значенія которой гърнегу немощно было понять:— послѣдняя охота, одна ночь, не помешала мнѣ въ прокъ.

Карлъ произнесъ эти слова такъ странно, что разговоръ, въ который дверь не вмѣшивался, прекратился. Карлъ сѣдлалъ знакъ головою. Придворные поняли, что пріемъ конченъ, и вышли одинъ за другимъ.

Д'Алансонъ хотѣлъ-было подойти къ брату, но его удержало внутреннее чувство. Онъ поклонился и вышелъ.

Маргерита бросилась къ изсохшей, протянутой ей рукѣ брата, приняла ее, подала воды, и вышла въ свѣю очередь.

— Добрая Марго! проговорилъ Карлъ.

Осталась одна Катерина у изголовья постели. Карлъ, увидѣвъ

себя съ нею наединѣ, отодвинулся подальше, съ тѣмъ же чувствомъ ужаса, какъ отступаютъ отъ змѣи.

Послѣ объясненія Ренé и, можетъ-быть, еще болѣе въ-слѣдствіе собственныхъ размышленій, онъ даже лишенъ былъ счастья сомнѣваться.

Онъ совершенно зналъ кому и чему обязанъ смертию.

Когда Катерина приблизилась къ кровати и протянула руку, холодную какъ ея сердце, онъ вздрогнулъ... ему стало страшно.

— Вы остаетесь? сказалъ онъ.

— Да, отвѣчала Катерина: — я должна поговорить съ тобою о важныхъ дѣлахъ.

— Говорите, сказалъ Карлъ, отодвигаясь еще дальше.

— Ты только-что сказалъ, что твои медики искусные врачи...

— И повторяю это.

— А что они сдѣлали съ-тѣхъ-поръ, какъ ты болѣешь?

— Ничего, правда... но еслибъ вы слышали, сколько они наговорили... Право, можно согласиться быть больнымъ, чтобъ только слушать такіа глубокія разсужденія.

— Гм! Хочешь ли, я скажу тебѣ...?

— Какъ не хотѣть,—говорите.

— Я подозреваю, что всѣ эти великіе врачи ничего не смыслятъ въ твоей болѣзни.

— Право?

— Они, можетъ-быть, видятъ слѣдствія, но причина имъ недоступна.

— Дѣло возможное, отвѣчалъ Карлъ, не понимая, къ чему ведетъ Катерина.

— Они лечатъ только симптомы, а не самую болѣзнь.

— Клянусь жизнью! воскликнулъ удивленный Карлъ:—я думаю, что вы правы!

— Продолжительная болѣзнь твоя вредитъ государственнымъ дѣламъ и терзаетъ мое сердце; ты можешь заболѣть наконецъ и душевно. Это побудило меня собрать самыхъ свѣдущихъ докторовъ.

— То-есть, свѣдущихъ въ медицину?

— Нѣтъ, въ искусствѣ болѣе-глубокомъ, въ искусствѣ, которое учить читать не только въ тѣлѣ, но и въ душѣ.

— Прекрасное искусство! Напрасно не учатъ ему королей! Чтожь, достигли вы какого-нибудь результата?

— Да.

— Какого же?

— Какого надѣялась. Я принесла тебѣ лекарство, которое исцѣлитъ твое тѣло и душу.

Карлъ вздрогнулъ. Онъ подумалъ, что мать находитъ его аго-

ню слишком-долгою и рѣшилась съ сознаниемъ докончить то, что начала не зная.

— Гдѣ же это лекарство? спросилъ онъ, приподнявшись на локоть и глядя на мать.

— Оно въ самой болѣзни.

— Ну, такъ гдѣ же болѣзнь?

— Выслушай меня. Слышалъ ли ты когда-нибудь, что бываютъ тайные враги, мстительность которыхъ убиваетъ человека на далекомъ разстоянн?

— Желвземъ или ядомъ? спросилъ Карлъ, ни на минуту не спуская глазъ съ безстрастной физиономн Катерины.

— Нѣтъ, другими средствами,—повѣрьте и поужаситѣ.

— Изъяснитѣ.

— Вѣришь ли ты въ силу заклинаннй и магн? спросила Флорентинка.

Карлъ подавилъ улыбку презрѣнн и невѣрнй.

— Я очень, отвѣчалъ онъ.

— Они причиною твоихъ страданнй, живо сказала мать.—Врагъ, неостылившійся напасть на тебя явно, въ тайнѣ покусился на твою жизнь. Умыселъ его тѣмъ ужаснѣе, что у него нѣтъ сообщниковъ, и что нити этого заговора были неуловимы.

— О! о! сказалъ Карлъ, возмущенный такимъ коварствомъ.

— Подумай хорошенько, продолжала Катерина: — вспомни о предположенномъ бѣгствѣ, которое должно было обезпечить убійца безнаказанность.

— Убійца! убійца, говорите вы? Значитъ, меня покушались убить?

— Да; ты, можетъ-быть, въ этомъ сомнѣваешься, но я знаю это навѣрное.

— Я никогда не сомнѣваюсь въ томъ, что вы мнѣ говорите, горько отвѣчалъ король. — Какъ же это хотѣли убить меня? Любопытство бы узнать.

— Магнй.

— Изъяснитѣ.

— Еслибъ преступнику, котораго я хочу открыть тебѣ,—и котораго сердце твое уже открыло,—удалось бѣжать, устроивъ все свои козни и увѣрившись въ успѣхѣ, никто, можетъ-быть, не проникъ бы причины твоихъ страданнй; къ-счастню, братъ твой не дремалъ.

— Какой братъ?

— Д'Алавеонъ.

— Да, да, это правда. Я вѣчно забываю, что у меня есть братъ, проговорилъ онъ, горько улыбаясь.—Итакъ, вы говорите...



— Что, къ-счастію, онъ открылъ матеріальную сторону заговора. Но тамъ, гдѣ онъ, неопытное дитя, искалъ только слѣдовъ обыкновеннаго заговора, доказательствъ шалости молодого человека, я искала улыбки въ дѣлѣ гораздо-важнѣйшемъ, потому-что хорошо знаю душу преступника.

— Право, можно подумать, что вы говорите о королѣ наваррскомъ, сказалъ Карлъ, желая видѣть, до чего дойдетъ это маренбургское притворство.

Катерина лицемѣрно потупила глаза.

— Кажется, я арестовалъ его и велѣлъ посадить въ Венсенскій-Замокъ за эту шалость, продолжалъ король: — не-уже-ли онъ еще виновнѣе, нежели я предполагалъ?

— Чувствуешь ты снѣдающую тебя лихорадку? спросила Катерина.

— Конечно, чувствую, отвѣчалъ Карлъ, нахмуривъ брови.

— Чувствуешь ты жаръ, который сжигаетъ твое сердце и внутренности?

— Да, отвѣчалъ Карлъ, становясь еще мрачнѣе.

— И острую боль въ головѣ, стрѣлою проникающую сквозь глаза въ мозгъ?

— Да, да, я чувствую все это. — О! вы прекрасно умѣете описывать мою бользнь.

— Это очень-просто; посмотри...

Она достала изъ-подъ мантильи какую-то вещь и подала ее Карлу.

Это была фигурка изъ желтоватаго воска, величиною дюймовъ въ шесть. Фигура была одѣта въ золотое звѣздчатое платье, также изъ воска; сверху на ней была царская мантия изъ того же матеріала.

— Ну-съ! Что же это за статуйка? спросилъ Карлъ.

— Посмотри, что у нея на головѣ.

— Корона.

— А въ сердцахъ?

— Булавка. Что жь дальше?

— Что? Узнаешь ты себя?

— Себя?

— Да; съ короной и мантией.

— Кто же сдѣлалъ эту фигурку? спросилъ Карлъ, котораго эта комедія начинала уже утомлять. Конечно, король наваррскій?

— Нѣтъ, не онъ.

— Не онъ!.. Такъ я васъ не понимаю.

— Я говорю: не онъ, потому-что ты могъ бы принять отвѣтъ въ буквальномъ смыслѣ. Я сказала бы: онъ, еслибъ ты спросилъ иначе.

Карль не отвѣчалъ. Онъ старался проникнуть мыслями этой темной души, которая постоянно закрывалась передъ нимъ въ ту самую минуту, когда онъ думалъ, что сейчасъ все узнаеть.

— Эту статуику, продолжала Катерина: — отыскалъ генерал-прокуроръ въ квартирѣ челоуѣка, который, въ день сокольной охоты, держалъ на-готовѣ лошадь для короля наваррскаго.

— У ла-Моля?

— У него; посмотри, какъ эта булавка вонзилась въ сердце, и какая буква написана на прицѣпленномъ къ ней ярлычкѣ.

— Вижу: буква М.

— То-есть: «Mors», смерть; это магическая формула; убійца пишетъ свое желаніе на ранѣ, которую дѣлаетъ. Еслибъ онъ хотѣлъ поразить тебя безумствомъ, какъ сдѣлалъ бретаискій герцогъ съ Карломъ VI, онъ вонзилъ бы булавку въ голову и написалъ бы вмѣсто М, Б.

— Такъ, по вашему мнѣнію, ла-Моль ищетъ моей смерти?

— Да, какъ кинжалъ ищетъ сердца; но кинжалъ повинуется рукѣ...

— И въ этомъ-то вся причина моей болѣзни? Какъ же этому помочь? Вы это знаете, вы занимались этимъ всю свою жизнь; я, напротивъ, совершенный невѣжда въ магіи.

— Смерть заклинателя уничтожаетъ заклинаніе, — вотъ и все. Когда исчезнетъ заклинаніе, исчезнетъ и болѣзнь.

— Право? съ изумленіемъ сказалъ Карль.

— Не-уже-ли ты этого не знаешь?

— Я не колдунъ.

— Теперь ты убѣдился, не правда ли?

— Конечно.

— И это убѣжденіе прогонитъ безпокойство.

— Вполнѣ.

— Ты это говоришь не изъ учтивости?

— Нѣтъ, отъ глубины сердца.

Лицо Катерины прѣснелось.

— Слава Богу! воскликнула она, — какъ-будто она верила въ Бога.

— Да, слава Богу! иронически повторилъ Карль. — Теперь я не хуже васъ знаю, кому приписать свое положеніе и кого наказать.

— И ты накажешь...

— Ла-Моль; вѣдь онъ, говорили вы, виновный?

— Я сказала, что онъ былъ въ этомъ случаѣ инструментомъ.

— Ну, такъ ла-Моль прежде; это самое важное. Всѣ эти припадки, которыми я страдаю, могутъ породить вокругъ насъ опасныя подозрѣнія. Надо освѣтить дѣло и дознаться истины.

— И такъ, ла-Моль?..

— Да, онъ мнѣ очень съ-руки въ этомъ случаѣ; его я принимаю за виновнаго; начнемъ съ него; если у него былъ сообщникъ, онъ назоветъ его.

— Да, проговорила Катерина: — если онъ не захочетъ говорить по доброй волѣ, его заставятъ; у насъ есть для этого вѣрнѣйшія средства.

Потомъ, вставая, она прибавила громко:

— Такъ можно начать слѣдствіе?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Катерина пожала руку сына, не постигая нервнаго трепетанія ея руки; потомъ вышла, не слыша сардоническаго его смѣха и глухого, ужаснаго проклятія, послѣдовавшаго за этимъ смѣхомъ.

Король спрашивалъ у себя-самого, не опасно ли дать волю этой женщинѣ, которая въ нѣсколько часовъ надѣлаетъ, можетъ быть, столько, что нельзя уже будетъ и поправить?

Когда онъ глядѣлъ еще вслѣдъ за уходящей матерью, — онъ услышалъ за собою легкій шумъ, и, оглянувшись, увидѣлъ Маргериту, приподнимавшую завѣсу изъ коридора, со стороны комнаты кормилицы.

Блѣдность лица, блуждающіе взоры и стѣсненное дыханіе выказывали въ ней сильное душевное волненіе.

— Братецъ! братецъ! воскликнула она, бросаясь къ его постели. — Вы знаете, что она лжетъ!

— Кто она? спросилъ Карлъ.

— Послушайте, Карлъ; конечно, ужасно обвинять мать; но я догадывалась, что она останется съ вами, чтобъ снова ихъ преслѣдовать... Клянусь вамъ жизнью, клянусь вамъ душою, она лжетъ!

— Преслѣдовать ихъ! — Кого же она преслѣдуетъ?

Оба по истинкѣ говорили тихо: имъ какъ-будто было страшно слушать другъ друга.

— Во-первыхъ, Генриха, вашего Гаврію, который васъ любитъ, который преданъ вамъ больше всѣхъ въ мірѣ.

— Ты думаешь?

— О! я въ этомъ увѣрена.

— Я тоже.

— Если вы въ этомъ увѣрены, сказала удивленная Маргерита: — зачѣмъ же вы его арестовали и посадили въ Вемсенъ?

— Потому-что онъ самъ просилъ меня объ этомъ.

— Онъ васъ просилъ?..

— Да; у него странная идея. Можетъ-быть, онъ ошибается, можетъ-быть, и правъ; только онъ думаетъ, что въ опалѣ ему без-

опаснее, нежели въ милости, — безопаснее въ Весеннѣ, нежели въ Луврѣ, — вдали отъ меня, нежели вблизи.

— А! понимаю, сказала Маргерита. — Следовательно, онъ въ безопасности?

— Надѣюсь, потому-что Больё отвѣчаетъ мнѣ за него головою.

— Благодарю васъ, братецъ, за Генриха; но...

— Но что?

— Есть еще одинъ человѣкъ, въ которомъ я и не долженъ бы, можетъ-быть, принимать такого участія, но... принимаю его нисколько...

— Кто же это?

— Избавьте меня... я съ трудомъ назвала бы его брату, не смѣю назвать королю.

— Ла-Моль, не правда ли? сказалъ Карлъ.

— Увы! сказала Маргерита: — вы хотели уже однажды убить его, и онъ только чудомъ спасся отъ вашего мщенія.

— И это тогда, когда онъ былъ виновенъ только въ одномъ преступленіи; теперь, когда онъ совершилъ другое...

— Онъ невиновенъ во второмъ.

— Развѣ ты не слышала, что говорила мать твоя, Маргѳ?

— О! я уже сказала вамъ, Карлъ, отвѣчала Маргерита понижая голосъ: — я уже сказала вамъ, что она лжетъ.

— Ты, можетъ-быть, не знаешь, что у ла-Моля нашли восковую фигурку?

— Знаю, братецъ.

— Что эта фигурка пронзена въ сердце булавкой, и что на булавкѣ есть ярлычокъ съ буквою М?

— И это знаю.

— Что эта фигурка одѣта въ королевскую мантию, и на головѣ ея корона?

— Знаю все.

— Ну, что же ты на это скажешь?

— То, что эта фигурка въ мантии и коронѣ изображаетъ не мужчину, а женщину.

— А буква М?

— Не значить: шөгъ, какъ сказала вамъ матушка.

— Такъ что же она значить?

— Она значить... имя женщины, которую ла-Моль любилъ.

— Какъ же ее зовутъ?

— Ее зовутъ *Маргеритой*, сказала королева, падая на колѣни передъ постелью брата.— Она схватила руку его въ своихъ рукахъ и прижала къ ней лицомъ, обливаясь слезами.

— Тихо, сестра! сказалъ Карлъ, оглядываясь сверкающими глазами: — ты слышала другихъ, — тебя тоже могутъ подслушать.

— Что за дѣло! отвѣчала Маргерита, поднимая голову. — Жалко, что весь міръ не можетъ слышать меня! Я объявила бы передъ цѣлымъ міромъ, какъ podle воспользоваться любовью благороднаго чловѣка, чтобъ замарать его подозрѣніемъ въ убійствѣ.

— Марго! Если я скажу, что знаю не хуже тебя, что правда и что нѣтъ...

— Бравецъ!

— Если скажу, что да-Моль невиненъ...

— Вы это знаете...

— Если скажу, что знаю настоящаго преступника...

— Настоящаго! Стало-быть, преступленіе совершено?

— Дѣ. Умышленно, цѣтъ ли, а преступленіе совершено.

— Противъ васъ?

— Противъ меня.

— Невозможно!

— Невозможно?.. Посмотри на меня, Марго.

Она взглянула на брата и ужаснулась его блѣдноты.

— Марго! Мнѣ не остается прожить и трехъ мѣсяцевъ.

— Вамъ, братецъ?... Тебѣ, Карлъ!...

— Марго! я отравленъ.

Королева вскрикнула.

— Молчи, сказалъ Карлъ. — Надо, чтобъ думали, будто я умираю отъ колдовства.

— И вы знаете виновнаго?

— Знаю.

— Вы сказали, что это не да-Моль?

— Нѣтъ.

— Конечно и не Генрихъ...

— Нѣтъ.

— Боже! Не-уже-ли же...

— Кто?

— Братъ... д'Алансонъ... проговорила Маргерита.

— Можетъ-быть.

— Или... или... Маргерита понизила голосъ, какъ-будто ужасаясь собственныхъ словъ: — или... наша мать?

Карлъ молчалъ.

Маргерита посмотрѣла на него, прочла въ его глазахъ все, и, стоя на коленяхъ, упала на престо.

— Боже! Боже! сказала она: — это невозможно!

— Невозможно?.. повторилъ Карлъ съ какимъ-то смѣхомъ, — знаешь, что нѣтъ здѣсь Рене: онъ разсказалъ бы тебѣ мою исторію.

— Рене?

— Да. Онъ разскажалъ бы тебѣ, на-примѣръ, какъ женщина, которой онъ не смѣетъ ни въ чемъ отказать, потребовала отъ него охотничью книгу, бывшую въ его библиотекѣ; какъ всѣ листки этой книги были отравлены тонкимъ ядомъ; какъ этотъ ядъ, назначенный... не знаю для кого, сразилъ, по капризу случая, или по суду небесъ, другаго. Но если хочешь, за отсутствіемъ Рене, посмотреть на эту книгу — она тамъ, въ моемъ кабинетѣ; на ней ты увидишь собственноручную надпись Флорентинца, что эта книга, въ которой скрывается смерть еще двадцати человѣкъ, дана мнѣ своею соотечественницею.

— Молчи, Карлъ, молчи въ свою очередь!

— Теперь ты видишь, почему должны думать, что я умеръ отъ колдовства.

— Но это ужасно! Пощадите! Вы знаете, что онъ невиненъ!

— Знаю; но должны думать, что онъ виновенъ... Вытерпи смерть твоего любовника; это немного для спасенія чести нашего дома. Я умираю же, чтобъ тайна умерла со мною.

Маргерита склонила голову, видя, что черезъ короля невозможно спасти ла-Моля, и ушла въ слезахъ, надѣясь только на собственные средства.

Катерина, между-тѣмъ, какъ и предвидѣлъ Карлъ, не теряла ни минуты. Она написала генерал-прокурору Лагелю письмо, сохраненное исторіею отъ-слова-до-слова, и освѣщающее все это происшествіе кровавымъ свѣтомъ. Вотъ его содержаніе:

«Господинъ прокуроръ! сегодня вечеромъ я навѣрное узнала, что преступленіе совершилъ ла-Моль. Въ Парижѣ, въ его квартирѣ, нашли много подозрительныхъ вещей, книгъ и бумагъ. Прошу васъ обратиться къ президенту и какъ-можно-скорѣе сдѣлать слѣдствіе на-счетъ восковой фигуры, рашенной въ сердце, — во вредъ королю.»

«КАТЕРИНА.»

VI.

### Невидимыя щиты.

На другой день послѣ полученія этого письма, губернаторъ велъ къ Кокоинѣ съ значительною свитой; она состояла изъ двухъ солдатъ и четырехъ приназныхъ.

Кокоинѣ пригласили войти въ залу, гдѣ ждали его прокуроръ Лагелъ и двое судей, чтобъ сдѣлать ему допросъ, по приказанію Катерины.

Коконна многое передумала въ эти восемь дней, проведенныхъ въ тюрьмѣ. Онъ каждый день на нѣсколько минутъ сходился съ ла-Молею; сторожъ, не говоря ни слова, дѣлалъ имъ эти сюрпризы, конечно не изъ чистой филантропіи. Ла-Моль и Коконна условились на-счетъ своего поведенія: они рѣшились уно молчать, и Коконна была увѣрена, что при небольшой ловкости его приметъ хорошій оборотъ. Онъ и ла-Моль не были виновны больше другихъ. Генрихъ и Маргерита не сдѣлали ни чего покушенія къ бѣгству; слѣдовательно, имъ нечего было опасаться обвиненій по этому дѣлу, когда главные преступники были свободны. Коконна не знала, что Генрихъ живетъ съ нимъ въ томъ замкѣ, а сторожъ милостиво объявилъ ему, что надъ его ловкою витаетъ покровительство, — *невидимые щиты*.

До-сихъ-поръ, допросы ограничивались бѣгствомъ короля навагскаго и участіемъ, которое принимали въ немъ друзья. Коконна постоянно отвѣчалъ больше нежели неопредѣленно и чрезвычайно ловко; онъ и теперь собирался отвѣчать на тотъ же ладъ, и уже заранѣе подготовилъ разныя ловкія фразы, какъ вдругъ замѣтилъ что предметъ допросовъ измѣнился.

Дѣло шло о нѣсколькихъ визитахъ къ Ренѣ, объ одной изъ нѣсколькихъ восковыхъ фигурахъ, сдѣланныхъ по желанію ла-Моля.

Коконна подумала, что обвиненіе приняло болѣе-легкій оборотъ потому-что теперь вопросъ былъ не о измѣнѣ королю, но о статулкѣ, изображавшей королеву, — да еще и небольшой: все дюймовъ въ шесть.

Онъ очень-весело отвѣчалъ, что ни онъ, ни другъ его ла-Моль уже давно не играютъ въ куклы, и съ удовольствіемъ замѣтилъ что отвѣты его не разъ заставили судей смѣяться.

Въ стихахъ еще нигдѣ не сказано: я смѣюсь, слѣдовательно обезоруженъ, — но это тысячу разъ повторяли въ прозѣ. Коконна думала, что въ-половину обезоружилъ судей своихъ, потому-что они улыбались.

По окончаніи допроса, онъ пошелъ въ свою комнату съ пѣсней и шумомъ, такъ-что ла-Моль, для котораго собственно все это и дѣлалось, вывелъ изъ этого самыя благоприятныя заключенія.

Ла-Моль привели въ залу. Онъ, подобно Коконнѣ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что допросъ обратился къ другому предмету. Его спрашивали о его визитахъ къ Ренѣ. Онъ отвѣчалъ, что былъ у Флорентинца только разъ. Его спросили, не заказывалъ ли онъ ему въ этотъ разъ восковой фигурки? Ла-Моль отвѣчалъ что Ренѣ показавъ ему фигуру уже совершенно-готовую; спросилъ: не мужчину ли представляетъ эта статулька? онъ отвѣчалъ, что женщину. Его спросили, не смерть ли изображеннаго человека бы

ла дѣлю заклинаній? Онъ отвѣчалъ, что цѣль заклинаній была — заставить эту женщину любить.

Эти вопросы были повторены и предложены на тысячу ладовъ. Но Ла-Моль постоянно, какъ бы ихъ ни изворачивали, отвѣчалъ одно и то же.

Судьи посмотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи, не зная, что имъ дѣлать съ такою простотою; въ это время, генерал-прокурору подали записку, и она разрѣшила ихъ затрудненіе.

Вотъ ея содержаніе:

«Если обвиненный будетъ заператься, подвергните его пыткѣ.»

К.

Прокуроръ спряталъ записку въ карманъ, улыбнулся Ла-Молю и отпустилъ его очень-учтиво. Ла-Моль возвратился въ свою комнату столько же успокоенный, хотя и не столько веселый, какъ Коконнѣ.

— Кажется, все идетъ хорошо, подумалъ онъ.

Черезъ часъ, онъ услышалъ шаги и замѣтилъ изъ-подъ двери записку, не видя, кто ее принесъ. Онъ взялъ ее, думалъ, что она, по всей вѣроятности, принесена сторожемъ.

При видѣ этой записки, въ сердцѣ его пробудилась надежда, но грустная, какъ обманутое ожиданіе; онъ подумалъ, не отъ Маргериты ли... онъ не получалъ отъ нея никакого извѣстія съ-тѣхъ-поръ, какъ былъ въ тюрьмѣ,—схватилъ бумажку дрожащею рукою, и чуть не умеръ отъ радости, узнавъ почеркъ.

«Надѣйтесь», писали ему: «я бодрствую».

— А! если она бодрствуетъ, воскликнулъ Ла-Моль, осыпая поцелуями листокъ, котораго касалась драгоценная рука:— если она бодрствуетъ, я спасенъ!

Чтобъ Ла-Моль понялъ смыслъ этой записки и вмѣстѣ съ Коконнѣ взригъ въ то, что Пьемонтецъ называлъ ихъ *невидимыми* читателями, мы должны повести читателя въ маленькій домикъ, въ ту комнату, гдѣ столько сладкихъ воспоминаній, превратившихся въ болячивыя ожиданія, терзали сердце женщины, приникшей къ бархатнымъ подушкамъ.

— Быть королевой, быть молодой, богатой, прекрасной, и страдать, какъ я страдаю, говорила эта женщина:— о! это невозможно!

Въ душевномъ волненіи, она вставала, ходила, вдругъ останавливалась, приникала горящимъ лбомъ къ холодному мрамору, потомъ вставала блѣдная, въ слезахъ, ломала руки, и въ изнеможеніи падала на ближнее кресло.

Вдругъ занавѣска, отдѣлявшая комнату Улицы-Клош-Персѣ отъ



комнаты Улицы-Тизонъ, приподнялась, послышался шелестъ шелкового платья, и вошла герцогиня де-Неверъ.

— Это ты! воскликнула Маргерита. — Съ какими нетерпѣливѣе я ждала тебя! что новаго?

— Плохія новости, бѣдный другъ мой.— Материна сама взяла за допросъ, и теперь она еще въ Венсеннѣ.

— А Рене?

— Взять подъ стражу.

— И ты не успѣла поговорить съ нимъ?

— Нѣтъ.

— А пѣвники?

— Отъ нихъ есть вѣсти.

— Черезъ сторожа?

— Какъ и всегда.

— Ну, что?

— Они видятся каждый день. Третьяго-дня ихъ объясняли Ла-Моль, не желая отдать твой портретъ, раздавилъ его.

— Милый ла-Моль!

— Аннибаль смѣялся въ лицо инквизитора.

— Честный Аннибаль! Что дальше?

— Сегодня поутру допрашивали ихъ касательно бѣгства короля и о проектѣ возмущенія въ Наваррѣ: они ничего не сказали.

— О! я знала, что они будутъ молчать; но это погубить ихъ не хуже словъ.

— Да; но мы ихъ спасемъ.

— Такъ ты думала о нашемъ предпріятіи?

— Со вчерашняго дня я только этимъ и занята.

— Что же?

— Я сошлась съ Больё... Что за тяжелый, что за жадный человекъ! Это будетъ стоить жизни одного человека и триста тысячъ экю.

— Ты говоришь, что онъ жаденъ... однакожь, онъ требуетъ только жизни человека и триста тысячъ экю... Да это даромъ!

— Даромъ... триста тысячъ!.. Вся наши алмазы не составятъ этой суммы!

— О! за этимъ дѣло не станетъ. Король наваррскій заплатитъ; заплатитъ д'Алансонъ, заплатитъ Карль, или...

— Полно! Ты говоришь какъ сумасшедшая. Триста тысячъ у меня на лицо.

— У тебя?

— Да; у меня.

— Какъ ты ихъ достала?

— Вотъ еще!

- Это тайна?
- Для всѣхъ, кромѣ тебя.
- Боже мой! сказала Маргерита, улыбаясь сквозь слезы:—ужь не украли ли ты?
- Разсуди сама.
- Послушаемъ.
- Помнишь ты этого ужаснаго Навтульё?
- Богача-ростовщика?
- Да, если хочешь.
- Такъ что же?
- Однажды мимо его проходила блондурая женщина съ зелеными глазами. Въ волоса ея были вплетены три изумруда, — одинъ на лбу, два на вискахъ. Не зная, что то была герцогиня; этотъ богачъ, этотъ ростовщикъ воскликнулъ: «За три поцалуя на мѣстѣ этихъ изумрудовъ, я далъ бы три брильянта, каждый во сто тысячъ экю!»
- Что же, Авриэтта?..
- Что! брильянты получены и проданы.
- О! Авриэтта! Авриэтта! проговорила Маргерита.
- Полно! отвѣчала герцогиня наввыимъ и благороднымъ тономъ, выразившимъ и женщину, и вѣкъ, въ которомъ жила она, — Я люблю Аннибала!
- Это правда, сказала Маргерита, улыбаясь и краснѣя. — Ты любишь его сильно, даже слишкомъ-сильно.
- И она пожала ей руку.
- Итакъ, продолжала Авриэтта: — благодаря алмазамъ, триста тысячъ экю и человекъ готовы.
- Человекъ?.. Какой человекъ?
- Котораго надо убить... Ты забыла, что необходимо убить человека.
- И ты нашла его?
- Нашла.
- За ту же цѣну?
- За ту же цѣну я нашла бы ихъ десять. Нѣтъ, нѣтъ, всего пять сотъ экю.
- За пять сотъ экю ты нашла человека, который соглашается, чтобъ его убили?
- Что дѣлать? Надо же чѣмъ-нибудь жить.
- Я тебя не понимаю... Говори яснѣе; въ нашемъ положеніи некогда тратить время на разгадки.
- Такъ слушай. Сторожъ, который смотритъ за ла-Модемъ и оконна, старый солдатъ, который знаетъ, что значить рана. Онъ готовъ помочь намъ, но не хочетъ потерять своего мѣста. Довѣй

ударъ кинжаломъ уладить все какъ-нельзя-лучше; мы дадимъ ему награду, а казна назначить пенсіонъ. Такимъ-образомъ, молодецъ получить деньги изъ двухъ рукъ, и возобновить басню о пеликанѣ.

— Но, сказала Маргерита:—ударъ кинжаломъ...

— Успокойся; его ударитъ Аннибаль.

— Это правда! Онъ три раза ранилъ ла-Моля, то шпагой, то кинжаломъ, и ла-Моль не умеръ же! Стало быть, можно надѣяться!

— Зная! Ты стоишь, чтобъ я не сказала тебѣ ни слова больше.

— О! Нѣтъ, нѣтъ; говори, умоляю тебя: какъ мы ихъ спасемъ?

— Вотъ какъ: церковь единственное мѣсто въ замкѣ, куда могутъ входить женщины не-пльницы. Мы спрячемся за алтарь; ла-Моль и Коконна найдутъ подъ покровомъ два кинжала. Дверь ризницы будетъ отворена заранее. Коконна ранивъ сторожа: сторожъ падеть за мертво. Мы выходимъ, набрасываемъ по плашу на плечи нашихъ друзей, бѣжимъ съ ними въ маленькую дверь ризницы, и, зная пароль, выходимъ свободно.

— А потомъ?

— У воротъ будутъ ждать двѣ лошади; они сядутъ и ускачутъ въ Лорренъ, откуда будутъ прѣзжать по-временамъ никогда.

— Ты возвращаешь мнѣ жизнь! сказала Маргерита. — Такъ мы спасемъ ихъ?

— Я почти готова ручаться.

— И скоро?

— Дня черезъ три, черезъ четыре. Больѣ извѣститъ насъ.

— А если тебя увидать въ окрестностяхъ Венсенна? Это можетъ повредить нашему плану.

— Какъ узнать имъ меня? Я выхожу въ костюмъ монахини, подъ покрываломъ, такъ-что рѣшительно ничего невидно.

— Надо быть какъ-можно-осторожнѣе.

— Очень знаю, *mordi!* какъ говаривалъ бѣдный Аннибаль.

— А король наваррскій? О немъ ты осведомлялась?

— Разумѣется.

— Ну, что?

— Онъ, кажется, никогда не былъ такъ веселъ; смѣется, поетъ, ѣстъ съ аппетитомъ и проситъ только объ одномъ—чтобъ его стерегли хорошенько.

— Онъ правъ. А матушка?

— Я уже тебѣ сказала: она дѣятельно ведетъ процессъ.

— Но она ничего не подозреваетъ съ нашей стороны?

— Какъ ей подозревать что-нибудь? Всѣ, кому тайна извѣстна сохраняютъ ее себя же ради... А! Я знала, что она велѣла парижскимъ судьямъ быть наготовѣ.

— Не будемъ терять времени, Анріэтта. Если плѣнниковъ переведутъ въ другую тюрьму, придется начинать сначала.

— Успокойся; я не меньше тебя желаю видеть ихъ на свободѣ.

— Знаю и тысячу разъ благодарю тебя за твои старанія.

— Прощай, Маргерита! Я опять въ походѣ.

— Ты увѣрена въ Болѣе?

— Надѣюсь.

— А въ сторожѣ?

— Онъ общалъ.

— А лошади?

— Я велю взять лучшихъ изъ конюшни герцога неверскаго.

— Я обожаю тебя, Анріэтта!

Маргерита бросилась на шею своей подругѣ, и онъ разстались, условившись сойтись завтра, и каждый день сходить въ тотъ же мѣстъ и въ тотъ же часъ.

Эти-то два мѣля, преданныя творенія называлъ Коконна медвѣжьи цытатами.

## VII.

### С у д ѣ и.

— Чтѣ, братецъ? сказалъ Коконна, увидѣвшись съ ла-Модемъ послѣ допроса, при которомъ въ первый разъ было упомянуто о восковой фигурѣ:—кажется, все идетъ какъ-нельзя-лучше, и судьи, должно быть, скоро отъ насъ откажутся, а это вовсе не то, что когда отказываются отъ кого-нибудь врачи. Если медвѣжъ отказывается отъ больного, значитъ, онъ не можетъ спасти его; а если судья отказывается отъ обвиненнаго, значитъ—онъ потерялъ надежду задушить его.

— Да, отвѣчалъ ла-Моль: — мнѣ даже кажется, что въ этой учтивости, въ сговорчивости сторожей, я узнаю благородныхъ нашихъ пріятельницъ; но я не узнаю Болѣе, по-крайней-мѣрѣ, какъ его мнѣ описывали.

— А я такъ очень узнаю его, сказалъ Коконна. — Только это дорого будетъ стоить. Да, что! одна герцогиня, другая королева; обѣ богаты, и имъ никогда не представится лучшаго случая употребить свои деньги. Теперь повторимъ нашъ урокъ: насъ ведутъ въ церковь, насъ оставляютъ тамъ подъ присмотромъ сторожа; въ известномъ мѣстѣ мы находимъ по кивкалу; я сдѣлаю въ животѣ нашего сторожа дыру...

— Нѣтъ! не въ животѣ! Это значитъ украсть у него пять сотъ экю. Въ руку!

— Въ руку? Это значитъ погубить его: сейчасъ смекнуть, что это условленное дѣло. Нѣтъ, въ правый бокъ, такъ, чтобъ книжка ловко скользнула по ребрамъ: оно правдоподобно и безопасно.

— Пожалуй; потомъ...

— Потомъ ты загородишь главный входъ скамьями, а дамы выйдутъ въ это время изъ-за алтара, и Анриетта отворитъ боковую дверь.

— А тамъ—мы и въ лѣсу. Попалуй каждому, — и мы веселы и сильны. Видишь ли ты, Аннибалъ, какъ мы несемъ на быстрыхъ коняхъ, съ тревожнымъ чувствомъ въ сердцахъ? Славная вещь страхъ! страхъ въ чистомъ полѣ, со шпагою въ рукахъ, когда мчишься на добромъ конѣ!

— Да; но страхъ среди четырехъ стѣнъ, — что ты объ этомъ думаешь? Я знаю его по опыту. Когда блѣдное лицо Больё въ первый разъ явилось ко мнѣ въ комнату, за нимъ сверкали въ темнотѣ бердыши и слышался мрачный звукъ желѣза о желѣзо... клянусь тебѣ, я сейчасъ подумалъ о д'Алансонѣ, и того и ждалъ, что его противная физиономія покажется между солдатскими лицами. Я ошибся въ ожиданіи, и это было единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Впрочемъ, ночью я его видѣлъ во снѣ.

— Итакъ, сказалъ ла-Моль: — слѣдуя за своею собственною мыслью:—онѣ все предвидѣли, даже куда намъ скрыться. Мы ѣдемъ въ Морракъ. По-моему, лучше бы въ Наварру; въ Наваррѣ я былъ бы у нея... но Наварра слишкомъ-далеко, Нанси лучше; кромѣ того, тамъ мы только въ пятидесяти льё отъ Парижа. Знаешь ли, о чемъ я жалѣю, выходя отсюда?

— Нѣтъ, не знаю. Что касается до меня, я ни о чемъ не сожалѣю.

— Мнѣ жаль, что я не могу взять съ собою этого сторожа.

— Да онъ и самъ не захотѣлъ бы; много потерять. Разсуди: пять сотъ экю отъ насъ, пансіонъ отъ правительства, можетъ-быть и ценъ; онъ заживетъ-себя призываючи, когда я его убью... Что съ тобой?

— Ничего! такъ, мнѣ пришло нес-что въ голову.

— Видно невеселое, ты блѣденъ.

— Я думаю: вѣдь насъ поведутъ въ церковь?

— Вѣдьмы! говять... Теперь, кажется, такое время.

— Не въ церковь ведутъ, кажется, только осужденныхъ на смерть, или надвергнутыхъ пыткамъ.

— О! сказалъ Коконнѣ, слегка блѣднѣя въ свою очередь.—Это заслуживаетъ вниманія. Разспросимъ—ка мою жертву. Эй! сторожъ! пріятель!

— Вы знали? сказалъ сторожъ, стоявшій на первыхъ ступеняхъ лестницы.

— Да! поди-ка сюда.

— Чего изволите?

— Вѣдь мы условились, что спасемся изъ церкви, не такъ ли?

— Тсс! сказалъ сторожъ, съ ужасомъ оглядываясь вокругъ.

— Будь спокоенъ. Насъ никто не слышитъ.

— Да, изъ церкви.

— Значить, насъ отведутъ туда?

— Конечно; такъ ужь водится.

— Такъ водится?

— Да; послѣ всякаго смертнаго приговора, осужденному дозволяется провести ночь въ церкви.

Коконна и ла-Моль вздрогнули и посмотрѣли другъ-на-друга.

— Такъ ты думаешь, что насъ осудятъ на смерть?

— Конечно... да вы сами это знаете.

— Какъ, мы сами? сказалъ ла-Моль.

— Разумѣется... еслибъ вы этого не знали, такъ не приготовили бы всего къ бѣгству.

— Знаешь ли, онъ разсуждаетъ очень-дѣрно? сказалъ Коконна.

— Да... знаю также, но-крайней-мѣрѣ теперь, что наше дѣло не шутка.

— А я? сказалъ сторожъ:—думаете вы, что я ничѣмъ не рискую?

—Если они сгоряча хватятъ насъ въ тотъ бокъ?

— Могли! Я ждалъ бы быть на твоёмъ мѣстѣ, сказалъ Коконна:—и имѣть дѣло съ такою рукою, какъ эта, и съ тѣмъ жаднымъ, которымъ она будетъ управлять.

— Осужденны на смерть! проговорилъ ла-Моль.—Это невозможно!

— Почему невозможно? наивно спросилъ сторожъ.

— Тсс! сказалъ Коконна.—Кажется, внизу отворяютъ дверь.

— Тсс! живо подхватилъ сторожъ.—По мѣстамъ, господи, по мѣстамъ!

— А когда будетъ судъ, какъ ты думаешь? спросилъ ла-Моль.

— Не знаю, какъ завтра. Но будьте спокойны, все будетъ улажено.

— Такъ обнимаемъ же и простаемъ съ этими стѣнами.

Друзья бросились другъ другу въ объятія и разошлись по своимъ комнатамъ, ла-Моль вздыхая, Коконна насвистывая пѣсню.

До семи часовъ вечера не произошло ничего особеннаго. Мрачная, дождливая ночь свисталась на башни Венсенскаго-Замка,—ночь для бѣгства какъ- нельзя-лучше. Коконна принесла ужинъ; онъ ужиналъ съ аппетитомъ, думая объ удовольствіи махнуть на джель, стучащемъ теперь въ стѣны его тюрьмы, и готовился унн за-

снуть подъ глухой и однообразный вой вѣтра, какъ вдругъ ему почудилось, что вѣтеръ, которому онъ внималъ съ чувствомъ грусти, незнакомой ему, пока онъ еще не былъ въ тюрьмѣ, свиститъ страшнѣе обыкновеннаго, и что труба въ печкѣ реветъ съ какими-то неистовствомъ. Это явленіе повторялось всякой разъ, какъ въ верхнемъ этажѣ отворяли чью-нибудь тюрьму, особенно комнату насупротивъ. По этому шуму Аннибаль всегда узнавалъ, что скоро придетъ сторожъ, ибо этотъ шумъ означалъ, что онъ выходитъ отъ ла-Моля.

Но на этотъ разъ Коконна напрасно вытягивалъ шею и прислушивался.

Время шло—никто не являлся.

— Странно! сказалъ онъ: — у ла-Моля отворили двери, а ко мнѣ никто не идетъ. Развѣ ла-Моль звалъ? Ужъ не боленъ ли онъ? Что бы это значило?

Для плѣнника все страхъ и подозрѣніе, все радость и надежда. Прошло полчаса, прошелъ часъ, прошло полтора.

Коконна уже началъ засыпать съ досады, какъ вдругъ шумъ замка заставилъ его вскочить.

— Не-уже-ли уже пора бѣжать, и насъ ведутъ въ церковь несужденныхъ? Mordi! Приятно бѣжать въ такую ночь; хоть глазъ выколи! Лишь бы лошади были не слѣпныя...

Онъ хотѣлъ весело разспросить сторожа, но сторожъ прилежиль палецъ къ губамъ и значительно поводитъ глазами.

За сторожемъ слышался шумъ и виднѣлись какія-то тѣни.

Вдругъ, среди темноты, онъ замѣтилъ отблескъ свѣчи на двухъ каскахъ.

— Что это за мрачный конвой? спросилъ онъ въ-полголоса. — Куда мы?

Сторожъ отвѣчалъ только вздохомъ, похожимъ на стонъ.

— Mordi! сказалъ Коконна:—что за собачья жизнь! Изъ крайности въ крайность! То болтаешься на сто футовъ въ водѣ, то летишь надъ облаками! Куда мы идемъ?

— Слѣдуйте за стражей, сказалъ ему хриповатый голосъ, давшій въ то же время знать, что при солдатахъ есть еще кто-то.

— А гдѣ ла-Моль? спросилъ Коконна.—Что съ нимъ?

— Слѣдуйте за стражей, повторилъ тотъ же голосъ и тѣмъ же тономъ.

Надо было повиноваться. Коконна вышелъ изъ комнаты и увидѣлъ приказнаго, голосъ котораго поразилъ его такъ непріятно. Это былъ маленькій, горбатый человѣчекъ, который вѣроятно нарочно вступилъ въ приказные, чтобъ длинное платье прикрывало его кривыя ноги.

Онъ медленно сошелъ по спиральной лѣстницѣ. Въ первомъ этажѣ стража остановилась.

Дверь растворилась. У Коконна́ было зрѣніе кошки и чутье дичи: онъ почувалъ судей и замѣтилъ въ тѣни очерки людей съ голыми руками. Потъ выступилъ у него на лбу. Тѣмъ не менѣе, однакоже, онъ принялъ веселую мину, склонилъ голову налѣво, во тогдашней модѣ, и подбочась вошелъ въ залу.

Поднявъ завѣсу, и Коконна́ дѣйствительно увидѣлъ судей и писцовъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, на скамьѣ сидѣлъ ла-Молю.

Коконна́ подвели. Остановясь прямо передъ судьями, Коконна́ кинулъ головою ла-Молю, улыбнулся, и ждалъ, что будетъ.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ президентъ.

— Маркъ-Аннибалъ де-Коконна́, графъ Монпантье, Шено и другихъ мѣсть... да я думаю наши званія извѣстны.

— Гдѣ вы родились?

— Въ Сен-Коломбанъ, близъ Сузы.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать-семь лѣтъ и три мѣсяца.

— Хорошо, сказалъ президентъ.

— Кажется, это ему доставляетъ удовольствіе, проговорилъ Коконна́ тихо.

— Теперь, продолжалъ президентъ послѣ минутнаго молчанія, во время котораго писецъ записывалъ отвѣты подсудимаго: — съ какою цѣлью оставили вы домъ д'Алансона?

— Чтобъ присоединиться къ другу моему ла-Молю, который ютъ здѣсь на-лицо и который оставилъ д'Алансона за нѣсколько дней передо мною.

— Что вы дѣлали на охотѣ, гдѣ васъ арестовали?

— Что? охотился.

— Король былъ также на этой охотѣ и тамъ почувствовалъ первые припадки болѣзни, которою страдаетъ до-сихъ-поръ.

— Что касается до этого, я былъ не при немъ и ничего не могу сказать. Мнѣ даже неизвѣстно, что онъ боленъ.

Судьи переглянулись съ недоувѣрчивою улыбкою.

— А! Вамъ это неизвѣстно? сказалъ президентъ.

— Да; но мнѣ очень-жаль. Хотя французскій король не мой король, но я очень люблю его.

— Право?

— Честное слово! Это не то, что д'Алансонъ. Герцогъ, признаюсь вамъ....

— Дѣло идетъ не о герцогъ, а о его величествѣ.



— Я уже сказалъ вамъ, что я его покорный слуга, отвѣчалъ Коконна, покачиваясь съ удивительною бездѣлностью.

— Если вы дѣйствительно ему слуга, какъ говорите, то не угодно ли вамъ сказать, что вы знаете касательно известной магической статуйки?

— А! прекрасно! Мы опять, кажется, обращаемся къ исторiи о статуикѣ?

— Да; что же? это вамъ не нравится?

— Напротивъ, это мнѣ гораздо-прiятнѣе.

— Зачѣмъ эта статуика была у г. ла-Моля?

— У ла-Моля? Вы хотите сказать: у Ренѣ?

— Итакъ, вы сознаётесь, что она существуетъ?

— Если мнѣ ее покажутъ.

— Вотъ она. Та ли эта, которую вы знаете?

— Та.

— Г. секретарь! запишите, что обвиненный признается, что видѣлъ статуику у ла-Моля.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Коконна:—не смѣшивайте; я видѣлъ ее у Ренѣ.

— У Ренѣ? пусть такъ. Когда?

— Мы были у него съ ла-Молемъ только разъ.

— Такъ вы сознаётесь, что были съ ла-Молемъ у Ренѣ?

— Да развѣ я когда-нибудь скрывалъ это?

— Г. секретарь! запишите, что подсудимый сознается, что былъ у Ренѣ для совершенiя заклинанiй.

— Осторожнѣе, г. президентъ! Умѣрьте, пожалуйста, вашу энтузиазмъ. Я объ этомъ не говорилъ ни слова.

— Вы отрицаете, что приходили къ Ренѣ совершать заклинанiя?

— Отрицаю. Заклинанiе было сдѣлано случайно.

— Запишите: подсудимый признается, что у Ренѣ было совершено заклинанiе противъ жизни короля.

— Какъ противъ жизни короля? Это подлая ложь! Такого заклинанiя никогда не дѣлалось.

— Вы видите, господа, сказалъ ла-Моль.

— Молчите! сказалъ президентъ. Потомъ, обращаясь къ секретарю, продолжалъ:—Противъ жизни короля. Написали?

— Да нѣтъ, говорю я вамъ, повтерилъ Коконна. — Притомъ же, статуя представляетъ не мужчину, а женщину.

— Что я вамъ говорилъ? отозвался ла-Моль.

— Г. де-ла-Моль! сказалъ президентъ:—отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ; но не мѣшайте вопросу другихъ.

— Такъ вы говорите, что это женщина?

— Конечно, говорю.

— Зачѣмъ же она въ корону и царской мантіи?

— *Pardieu!* сказалъ Коконна́:—это очень-просто: потому-что она...

Ла-Моль всталъ и приложилъ къ губамъ палецъ.

— Правда, сказалъ Коконна́: — что я было-разболтался; точно какъ-будто этимъ господамъ есть до этого какое-нибудь дѣло!

— Вы все еще утверждаете, что это статуя женщины?

— Да, утверждаю.

— И вы не хотите сказать, кто эта женщина?

— Моя соотечественница, сказалъ Ла-Моль:—которую я любилъ хотѣлъ быть любимымъ ею.

— Не васъ спрашиваютъ, сказалъ президентъ. — Молчите, или имъ завяжутъ ротъ.

— Завяжутъ ротъ? произнесъ Коконна́. — Какъ вы сказали, г. уль? Завяжутъ ротъ? дворянину? Полно-те!

— Введите Рене́, сказалъ генерал-прокуроръ Лагаль.

— Да, введите Рене́, введите! сказалъ Коконна́: — посметримъ, то изъ насъ правъ: вы трое, или мы двое.

Рене́ вошелъ; онъ былъ блѣденъ и какъ-будто нестарѣлъ; дру-ми съ трудомъ могли узнать его. Тяжесть преступленія, которое онъ собирался совершить, давила его больше всѣхъ уже совершенныхъ.

— Г. Рене́! сказалъ президентъ:—узнаете ли вы подсудимыхъ?

— Да, отвѣчалъ Рене́ невѣрнымъ голосомъ.

— Гдѣ вы ихъ видѣли?

— Во многихъ мѣстахъ; въ томъ числѣ у себя.

— Сколько разъ были они у васъ?

— Одинъ разъ.

По-мѣрѣ-того, какъ говорилъ Рене́, лицо Коконна́ прояснилось. Ла-Моль оставался мраченъ, какъ-будто предчувствуя что-то не-объяснимое.

— По какому случаю были они у васъ?

Рене́ замолчалъ.

— Чтобъ заказать мнѣ восковую фигуру.

— Извините, Рене́, прервалъ его Коконна́:—вы ошибаетесь.

— Молчите! сказалъ президентъ. Потомъ, обращаясь къ Рене́:

— Эта фигурка изображаетъ мужчину или женщину?

— Мужчину, отвѣчалъ Рене́.

Коконна́ вскочилъ, какъ отъ электрическаго удара.

— Мужчину! воскликнулъ онъ.

— Мужчину, повторилъ Рене́, но такъ слабо, что президентъ на могъ его разслушать.

— Зачѣмъ на статуѣ корона и королевская мантія?

— Потому-что она изображаетъ короля, сказалъ Рене́.

— Подлый лжецъ! воскликнулъ Коконна́.

— Молчи, Коконна́, молчи! прервалъ его ла-Моля:— пусть говоритъ: всякій воленъ губить свою душу.

— Но не чужое тѣло, mordí!

— А что значить стальная булавка, воткнутая въ сердце, и буква М на ярлычкѣ?

— Булавка изображаетъ шпагу или кинжалъ, а буква М означаетъ слово «Могъ».

Коконна́ бросился—было на Ренé; солдаты удержали его.

— Хорошо! сказалъ генерал-прокуроръ. — Теперь судъ знаетъ довольно. Отведите арестантовъ въ другую комнату.

— Но такіа обвиненія невозможно слушать не протестуя! отвѣчалъ Коконна́.

— Протестуйте; никто вамъ не мѣшаетъ. Стражи! вы слышали?

Стражи вывели арестантовъ, ла-Моля въ одну дверь, Коконна́ въ другую.

Потомъ прокуроръ сдѣлалъ знакъ чловѣку, котораго Коконна́ замѣтилъ въ темнотѣ, и сказалъ ему:

— Не уходи; сегодня ночью будетъ тебѣ дѣло.

— Съ котораго прикажете начать? спросилъ онъ, почтительно снявъ шапку.

— Съ этого, сказалъ президентъ, указывая на ла-Моля, выходящаго въ это время въ дверь. Потомъ, подойдя къ Ренé, который стоялъ и дрожалъ, ожидая, что его опять отведутъ въ Шателé, куда онъ былъ посаженъ, сказалъ ему:

— Будьте спокойны. Король и королева знаютъ, что вамъ обрзаны открытіемъ истины.

Но это обрзаніе не возвратило силъ Ренé: оно, напротивъ какъ-будто подавило его, и онъ отвѣчалъ только вздохомъ.

#### УШ.

#### Пытка.

Коконна́ отвели въ новую тюрьму; только здѣсь, когда замкнули за нимъ дверь, когда онъ очутился одинъ, неподдерживаемый уже борьбою съ судьями и гнѣвомъ противъ Ренé, — зашевелились въ немъ печальныя размышленія.

— Кажется, сказалъ онъ: — дѣло принимаетъ дурной оборотъ и пора бы въ церковь. Не люблю я смертныхъ приговоровъ,

тутъ нѣтъ сомнѣнія — насъ хотятъ приговорить къ смерти. Не люблю я смертныхъ приговоровъ, особенно среди четырехъ стѣнъ замка, въ присутствіи такихъ непріятныхъ физиономій, какія окружаютъ меня сегодня. Намъ не шутя хотятъ спясть головы. Гм! пора бы въ церковь.

За этими словами, произнесенными въ-полголоса, послѣдовало молчаніе; вдругъ это молчаніе было прервано глухимъ, мрачнымъ крикомъ, — крикомъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Этотъ стонъ какъ-будто проникъ сквозь толстую стѣну и зазвучалъ о желѣзо рѣшетки.

Коконна невольно вздрогнулъ, — а онъ былъ человѣкъ храбрый; смѣлость походила въ немъ на инстинктъ хищнаго звѣря. Коконна остался неподвиженъ, услышавъ стонъ; онъ не вѣрилъ, чтобъ это были звуки человѣческаго голоса и почелъ ихъ за вой вѣтра между деревъ, или за одинъ изъ тысячи звуковъ, вылетающихъ изъ двухъ мировъ, между которыми вертится нашъ міръ. Раздался второй стонъ, еще болѣзненнѣе, пронзительнѣе перваго, и на этотъ разъ Коконна различилъ не только человѣческій вопль, но ему почудилось даже, что онъ узнаётъ голосъ ла-Моля.

При звукахъ этого голоса, Пьемонтецъ забылъ, что онъ замкнутъ за двумя дверьми, тремя рѣшетками, и стѣною въ двѣнадцать футовъ толщины; онъ всѣмъ тѣломъ бросился въ стѣну, какъ-будто намѣреваясь свалить ее и летѣть на помощь жертвы.

— Кого-то душатъ! воскликнулъ онъ, — но отвѣтомъ ему былъ ударъ стѣны, о существованіи которой онъ забылъ. Ушибенный, онъ опустился на каменную скамью.

— Они убили его, шепталъ онъ: — это низко; здѣсь защитить его невозможно... ни оружія, ничего!

Онъ щупалъ руками вокругъ себя.

— А! вотъ желѣзное кольцо, воскликнулъ онъ: — вырву его... и горе тому, кто подойдетъ ко мнѣ.

Коконна всталъ, схватился за кольцо, и рванулъ; кольцо зашаталось въ стѣнѣ такъ сильно, что при второмъ усиліи конечно было бы вырвано.

Но въ это время дверь съ шумомъ отворилась, и свѣтъ двухъ факеловъ разлился по комнатѣ.

— Пожалуйте, сказалъ хриплый голосъ, разъ уже поразившій его такъ непріятно: — пожалуйте; судъ васъ ждетъ.

— Хорошо, сказалъ Коконна, выпуская изъ рукъ кольцо: — меня ведутъ выслушать приговоръ, не такъ ли?

— Такъ точно.

— Слава Богу! Идемъ!

И онъ пошелъ за приказнымъ, который мѣрно шелъ впередъ съ черною тростью въ рукѣ.

Не смотря на удовольствіе, высказанное Коконна въ первую минуту, онъ безпокойно оглядывался направо и налево, впередъ и назадъ.

— Я не вижу моего почтеннаго сторожа, сказалъ онъ: — признаюсь, мнѣ это очень-жаль.

Вошли въ залу; судей уже не было; Коконна увидѣлъ только генерал-прокурора, который не разъ вмѣшивался въ допросъ стѣннымъ пристрастіемъ и злостью.

Ему Катерина, на словахъ и на письмѣ, особенно поручила заняться этимъ процессомъ.

Завѣса въ залѣ была поднята; глубина залы терялась во мракѣ, но освѣщенные части ея были такъ ужасны на видъ, что ноги подогнулись у Коконна, и онъ воскликнулъ:

— О, Боже!

У Коконна не безъ причины вырвалось это восклицаніе.

Зрѣлище въ-самомъ-дѣлѣ было самое мрачное. Зала была закрыта въ-продолженіе допроса занавѣсомъ; теперь, когда этотъ занавѣсъ былъ поднятъ, она пеходила на преддверіе ада.

На первомъ планѣ стояли деревянные козлы съ веревками, блоками и прочими принадлежностями пытки. Дальше свѣтилась жаровня, разливая вокругъ себя красные лучи и рѣзко обозначая черныи силуэты людей, стоявшихъ между нею и Коконна. Человѣкъ, неподвижный какъ статуя, съ веревкою въ рукахъ, стоялъ прислонившись къ колоннѣ. Можно было подумать, что онъ столбъ, высѣченный изъ камня. На стѣнахъ, надъ скамьями изъ песчаника, висѣли между желѣзными кольцами цѣпи и клепки.

— О! проговорилъ Коконна тихо:—зала пытки готова и ждетъ только жертвы. Что это значить?

— На колѣни, Маркъ-Аннибалъ Коконна! произнесъ голосъ, заставившій его поднять голову. — На колѣни! Выслушайте свой приговоръ.

Это было одно изъ тѣхъ приказаній, противъ которыхъ натура Аннибала возставала инстинктивно.

Онъ и не думалъ повиноваться; но два человѣка такъ неожиданно и сильно дагнули его въ плечи, что онъ упалъ на колѣни.

Голосъ продолжалъ:

«Приговоръ суда въ Венсенскомъ-Замкѣ, противъ Марка-Аннибала де-Коконна, обвиненнаго и уличеннаго въ оскорбленіи королевскаго величества, въ покушеніи отравленія, въ заклинаніяхъ и чарахъ противъ особы короля, въ заговорѣ противъ блага государ-

ства, равно и въ томъ, что онъ увлекъ принца крови изъ восстанию вугубными совѣтами.»

При каждомъ изъ этихъ обвиненій, Коконна качалъ головою.

Судья продолжалъ:

«Въ-слѣдствіе всего вышесказаннаго, Маркъ-Аннибаль де-Коконна будетъ отведенъ изъ тюрьмы на Гревскую-Площадь, гдѣ ему будетъ отсѣчена голова; имѣнія его будутъ конфискованы, парки срублены на шесть футовъ отъ земли, замки разрушены, и выстамень столбъ съ мѣдною доскою, на которой будетъ обозначено преступленіе его и казнь.»

— Что касается до головы, сказалъ Коконна: — вѣрю, что ее отрубятъ, потому-что она во Франціи. Но что до моихъ лѣвъ и замковъ, я смѣюсь надъ всѣми пилами и ломаніи вашего государства.

— Молчите! пронзесъ судья, и продолжалъ:

«Кромъ того, оный Коконна...»

— Какъ? И послѣ казни еще что-нибудь? О, это ужъ чересчуръ строго.

— Нѣтъ, сказалъ судья:—не послѣ, а прежде...

И онъ продолжалъ:

«Кромъ того, оный Коконна, прелъ исполненіемъ приговора, будетъ подвергнутъ пыткѣ десяти клинъевъ.»

Коконна бросилъ на судью убійственный взглядъ.

— Зачѣмъ же? воскликнулъ онъ, не находя другихъ словъ для выраженія тысячи мыслей, возникшихъ у него въ голову.

Эта пытка уничтожила все надежды Коконна. Его поведутъ въ церковь послѣ пытки, а отъ этой пытки нерѣдко умираютъ,— умираютъ тѣмъ вѣрнее, чѣмъ мужественнѣе и сильнѣе мученикъ, потому-что пока онъ не признается, пытка продолжается и увеличивается.

Судья не отвѣчалъ Коконна; окончаніе приговора отвѣчало за него. Онъ дочиталъ его:

«Чтобъ вынудить у него имена сообщниковъ и подробности заговора.»

—Mordî! воскликнулъ Коконна.—Вотъ что называется низостью! Нѣтъ, хуже, — подлостью!

Судья, привыкшій къ гнѣву жертвъ,—гнѣву, который страданія превращаютъ въ слезы, отвѣчалъ только жестомъ.

Коконна схватили за руки и за ноги, повалили и положили на камень; все это сдѣлалось такъ проворно, что онъ не успѣлъ даже рассмотреть, кто схватилъ его.

— Мерзавцы! кричалъ Коконна, тряхнувъ станомъ такъ сильно, что палачи невольно отступили.—Негодня! Пытайте меня, мучь-

те, разорвите на части, — вы ничего не узнаете, клянусь вамъ! Вы думаете, что кусокъ желѣза или дерева можетъ заставить говорить дворянина? Лжете!

— Приготовьтесь писать, г. секретарь, сказалъ судья.

— Да, приготовься! заревѣлъ Коконна: — и если ты запишешь все, что я скажу вамъ, подлые палачи, — тебѣ будетъ что писать. Пиши! Пиши!

— Хотите вы сдѣлать признанія? спросилъ судья тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ.

— Ни слова. Убирайтесь къ чорту!

— Вы подумаете; поклясться приготовить все нужное. Надѣть на него колодки!

При этихъ словахъ, человекъ, неподвижно стоявшій съ веревками въ рукахъ, отделился отъ колонны и медленно подошелъ къ Коконна, который встрѣтилъ его гримасою.

Это былъ Кабошъ, палачъ парижскаго округа.

Болѣзненное изумленіе выразилось въ чертахъ Коконна. — Видѣсто того, чтобъ кричать и шумѣть, онъ сдѣлался неподвиженъ и не могъ свести глазъ съ лица забытаго пріятели, явившагося передъ нимъ въ такую минуту.

Кабошъ, съ совершенно-спокойнымъ лицомъ, какъ-будто отъ рода не видѣлъ Коконна, приладилъ къ его ногамъ доски, две между ногъ и две снаружи; потомъ онъ спуталъ ихъ бывшею у него въ рукахъ веревкою.

Этотъ приборъ назывался «сапожкі».

При обыкновенной пыткѣ, между досокъ вбивали шесть клиньевъ; доски раздавались и давили ноги.

При необыкновенной, вбивали десять клиньевъ, и тогда доски не только раздавливали мускулы, но и ломали кости.

Окончивъ предварительныя распоряженія, Кабошъ поставилъ между досокъ клинъ; потомъ, взявъ молотокъ и стоя на одномъ колѣнѣ, посмотрѣлъ на судью.

— Хотите вы говорить? спросилъ судья.

— Нѣтъ! рѣшительно отвѣчалъ Коконна, хотя и чувствовалъ что волосы у него встаютъ дыбомъ и потъ выступаетъ на лбу.

— Въ такомъ случаѣ — начинай, сказалъ судья. Первый клинъ Кабошъ занесъ руку съ тяжелымъ молотомъ, и страшно ударилъ въ клинъ, глухо зазвучавшій.

Станокъ пошатнулся.

Коконна даже не поморщился при этомъ первомъ ударѣ, от котораго самые упорные стонали.

На лицѣ его выразилось даже необыкновенное удивленіе. Он

странно посмотрѣлъ на Кабоша, который, поднявъ руку, опять оборотился лицомъ къ судья и готовъ былъ повторить ударъ.

— Съ какимъ намѣреніемъ скрывались вы въ лѣсу? спросилъ судья.

— Отдохнуть въ тѣни, отвѣчалъ Коконна.

— Продолжайте, сказалъ судья.

Кабошъ повторилъ ударъ.

Но Коконна и при этомъ ударѣ даже не мигнулъ и продолжалъ смотреть на палача съ тѣмъ же выраженіемъ.

Судья нахмурилъ брови.

— Несговорчивъ, проворчалъ онъ.—Клинь вошелъ совсѣмъ?

Кабошъ наклонился, какъ-будто затѣмъ, чтобъ лучше рассмотреть, и шепнулъ Коконна:

— Да кричите же, несчастный!

Потомъ, вставъ, отвѣчалъ судья:

— Вошелъ.

— Второй клинь! равнодушно произнесъ судья.

Четыре слова Кабоша объяснили Коконна все. Достойный палачъ оказывалъ своему другу величайшую услугу, какую только можетъ оказать палачъ дворянину.

Онъ избавлялъ его не только отъ страданія, но и отъ стыда признаній; клинья были изъ эластической кожи, сверху только выложенной деревомъ. Кроме того, это давало Коконна возможность съ слабыми силами взойти на эшафотъ.

— Благородный Кабошъ, подумалъ Коконна: — будь спокоенъ. Бей, я буду кричать, если ты этого требуешь; если я не угожу тебѣ крикомъ, такъ тебѣ трудно угодить.

Кабошъ, между-тѣмъ, вставилъ между досокъ другой еще большій клинь.

— Бей! сказалъ судья.

Кабошъ ударилъ, какъ-будто хотѣлъ однимъ ударомъ разрушить Венсенскій-Замокъ.

— О! ай! ой! закричалъ Коконна на разные голоса. Тысяча громовъ, вы изломаете мнѣ кости! Осторожиже!

— А-га! сказалъ судья улыбаясь. — Второй донимаетъ. А мнѣ ужъ было странно.

Коконна вздохнулъ, какъ кузнечный мехъ.

— Итакъ, что вы дѣлали въ лѣсу? спросилъ судья.

— Mord! Я уже сказалъ вамъ: отдыхалъ въ тѣни.

— Продолжай, сказалъ судья палачу.

— Признавайтесь, шепнулъ Кабошъ.

— Въ чемъ?

— Въ чемъ хотите, только признавайтесь.



Онъ ударилъ второй разъ не хуже перваго.

Коконна чуть не охрипъ отъ крика.

— Что вамъ угодно знать? спросилъ онъ. — По чьему приказанію я былъ въ лѣсу?

— Да.

— По приказанію герцога д'Алансона.

— Пишите, сказалъ судья.

— Если я совершилъ преступленіе, разставляя съѣти королю наваррскому, продолжалъ Коконна:—я былъ только исполнителемъ, я повиновался моему начальнику.

Писецъ принялся писать.

— А! ты донесъ на меня, ворчалъ Коконна: — стой же!

Онъ рассказалъ, какъ герцогъ посѣщалъ короля наваррскаго, рассказалъ свиданія его съ де-Муи, исторію вишневаго плаща, — все это пополамъ съ криками и стонами, потому-что удары молота повторялись отъ времени до времени.

Наконецъ, онъ рассказалъ столько правдоподобнаго, неопровержимаго, ужаснаго противъ д'Алансона, — такъ ловко притворился, что боль вынудила у него признанія, морщился и стоналъ такъ естественно, что самому судья стало досадно, что онъ долженъ записывать такія вещи о французскомъ принцѣ.

— Вотъ человекъ, которому нѣ для чего повторять вопросъ два раза, подумалъ Кабошъ.—Задасть же онъ писцу работы! Что жъ, еслибъ клинья были не кожаные, а деревянные?

Коконна избавили отъ десятаго клина; но и девяти было довольно, чтобъ превратить ноги его въ кашу.

Судья замѣтилъ Коконна, что щадить его во вниманіе къ его откровенности, и вышелъ.

Коконна остался наединѣ съ Кабошемъ.

— Ну что? каково поживаете? спросилъ Кабошъ.

— А! любезный Кабошъ! Я останусь тебѣ благодаренъ за эту услугу на всю жизнь.

— Вы правы; еслибъ узнали, какую услугу я оказалъ вамъ, мнѣ пришлось бы занять ваше мѣсто на этомъ станкѣ, и меня бы не пощадили, какъ я пощадилъ васъ.

— Какъ пришла тебѣ въ голову счастливая мысль...

— Какъ? отвѣчалъ Кабошъ, обертывая ноги Коконна въ окровавленное полотно:—я зналъ, что вы взяты подъ стражу и судитесь; зналъ, что королева Катерина хочетъ вашей смерти; я догадался, что васъ будутъ пытать и взять свой предосторожности.

— Рискаю чѣмъ?

— Вы единственный дворянинъ, который подалъ мнѣ руку, сказалъ Кабошъ:—у меня есть и память и сердце, хоть я и палачъ,

а можетъ-быть именно потому и есть, что я палачъ. Увидите, какъ ловко исполню я завтра свое дѣло.

— Завтра?

— Конечно, завтра.

— Какое дѣло?

Кабошъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Коконна.

— Какъ какое дѣло? А развѣ вы забыли приговоръ?

— Да, правда; я забылъ.

Коконна не забылъ его, но вовсе о немъ не думалъ.

Онъ думалъ о церкви, о кинжалѣ, спрятанномъ подъ покрываломъ, о Авриэттѣ и королеву, о боковой двери въ ризницѣ и двухъ лошадяхъ на опушкѣ лѣса; онъ думалъ о свободѣ, о скачкѣ на вольномъ воздухѣ, о безопасности за границей Франціи.

— Теперь, сказалъ Кабошъ,—васъ надо половиче переложить съ станка на носилки. Не забывайте, что для всѣхъ въ мірѣ, даже для моихъ помощниковъ, ноги у васъ разбиты, и что при каждомъ движеніи вы должны вскрикивать.

— Ой! закричалъ Коконна, видя, что несутъ носилки.

— Ободритесь, сказалъ Кабошъ:—если вы уже теперь кричите, что жъ будетъ потомъ?

— Любезный Кабошъ, сказалъ Коконна:—нельзя ли, чтобъ ваши помощники меня не трогали; — у нихъ, можетъ-быть, рука не такъ легка.

— Поставьте носилки возлѣ станка, сказалъ Кабошъ.

Служители исполнили его приказаніе. Кабошъ взялъ на руки Коконна, какъ ребенка, и положилъ его на носилки; но, не смотря на все это, Коконна ужасно ревѣлъ.

Сторожъ явился съ фонаремъ.

— Въ церковь, сказалъ онъ.

Коконна еще разъ пожалъ руку Кабоша, и носильщики тронулись.

## IX.

### Часовня.

Мрачное шестивѣ въ глубочайшемъ молчаніи прошло два подъемы моста башни и большой дворъ замка, ведущій къ церкви или часовнѣ, на окнахъ которой блѣдный свѣтъ освѣщалъ изображенія апостоловъ въ красныхъ одеждахъ.

Коконна жадно вдыхалъ ночной воздухъ, хотя шелъ густой

дождь. Ночь была очень-темна, и онъ радовался, что всѣ обстоятельства благопріятствуютъ ихъ бѣгству.

Онъ долженъ былъ вооружиться всею силою своей воли и благоразумія, чтобъ не спрыгнуть съ носилокъ, когда его внесли въ часовню, и въ трехъ шагахъ отъ алтаря онъ увидѣлъ кого-то въ бѣломъ плащѣ. Это былъ ла-Моль.

Двое солдатъ, провожавшихъ носилки, остались за дверьми.

— Такъ-какъ намъ оказываютъ великодушное снисхожденіе, позволявъ провести нѣсколько времени вмѣстѣ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ: — то подпесите меня къ моему другу.

Носильщики не получали прѣотивнаго приказанія и исполнили его желаніе.

Ла-Моль былъ мраченъ и блѣденъ; онъ прислонилъ голову къ мрамору стѣны; черные волосы его, влажные отъ пота, какъ-будто окаменѣли, вставъ дыбомъ.

По знаку сторожа, носильщики ушли за священникомъ, котораго потребовалъ Коконнѣ.

Это былъ условленный знакъ.

Коконнѣ съ безпокойствомъ провожалъ ихъ глазами; но онъ слѣдилъ за ними не одинъ.—Едва только они скрылись, какъ изъ за алтаря выбѣжали двѣ женщины съ шумомъ радости.

Маргерита бросилась къ ла-Молю и сжала его въ своихъ объятіяхъ.

Ла-Моль ужасно вскрикнулъ; этотъ крикъ походилъ на тѣ, которые Коконнѣ слышалъ въ своей тюрьмѣ.

— Боже мой! Что такое? спросила Маргерита, отступая отъ ужаса.

Ла-Моль простоналъ и поднесъ къ глазамъ руку, какъ-будто въ тѣмнотѣ, чтобъ не видѣть Маргериты.

Это молчаніе и этотъ жестъ ужаснули ее еще больше крика ла-Моля.

— О! воскликнула она:—что съ тобою? Ты весь въ крови.

Коконнѣ, бросившійся къ алтарю, держалъ уже въ одной рукѣ книжку, въ другой Анріетту. Онъ обернулся.

— Вставай же, вставай, сказала Маргерита:—умоляю тебя! пора настала!

Печальная улыбка мелькнула на устахъ ла-Моля.

— Милая королева! сказалъ онъ:—вы не рассчитывали на Катерину, то-есть, не рассчитывали на преступленіе. Я перенесъ пытку, кости мои изломаны, все мое тѣло—одна рана, и движеніе, которое я теперь дѣлаю, чтобъ поцаловать лобъ вашъ, причиняетъ мнѣ боль ужаснѣе самой смерти.

Онъ, дѣйствительно, блѣднѣя и съ усиліемъ, коснулся губамъ ея лба.

— Пытку! сказалъ Коконна.—Я тоже выдержалъ ее. Значить, палачъ не сдѣлалъ для тебя того же, что для меня?

И Коконна разсказалъ все.

— Это понятно, сказалъ ла-Моль:—ты подалъ ему руку, когда ны его посетилъ; я забылъ, что всѣ люди братья: я былъ гордъ. Богъ наказалъ меня за мою гордость; благодареніе Богу!

И ла-Моль сложилъ руки.

Коконна и обѣ женщины переглянулись съ невыразимымъ ужасомъ.

— Скорѣе! сказалъ сторожъ, слушавшій до-сихъ-поръ у дверей:—не теряйте времени, г. Коконна, извольте меня ранить, только какъ слѣдуетъ честному дворянину. Они скоро прійдутъ.

Маргерита стала на колѣни возлѣ ла-Моля, какъ мраморное изваяніе на гробницѣ.

— Ну, смѣлѣе, другъ мой! сказалъ Коконна. — Я силенъ, я унесу тебя, посажу на лошадь, даже передъ собою, если ты не можешь держаться въ сѣдлѣ, только поспѣшимъ. Ты слышишь, что онъ говоритъ; дѣло идетъ о жизни и смерти.

Ла-Моль сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе.

— Правда, сказалъ онъ:—дѣло идетъ о *твоей* жизни.

Онъ попробовалъ приподняться.

Аннибалъ взялъ его подъ руку и поставилъ на ноги. Ла-Моль только глухо стоналъ; но когда Коконна оставилъ его и пошелъ къ сторожу, и когда онъ остался только на рукахъ женщинъ, ноги его подогнулись, и, не смотря на усилія плачущей Маргериты, онъ упалъ, и раздирающій вопль его огласилъ своды часовни.

— Вы видите, сказалъ онъ съ отчаяніемъ:—вы видите, Маргерита! Оставьте меня, простимся въ послѣдній разъ. Я не открылъ ничего; ваша тайна умретъ со мною. Прощайте, Маргерита, прощайте...

Маргерита, сама почти-бездыханная, обняла его голову и поцаловала ее.

— А ты, Аннибалъ, сказалъ ла-Моль:—ты, который избѣгалъ страданій, ты еще молодъ и можешь жить: бѣги, другъ мой, бѣги, утѣшь меня своимъ спасеніемъ.

— Время уходитъ, сказалъ сторожъ:—поспѣшите!

Анриэтта пробовала увлечь Аннибала, между-тѣмъ, какъ Маргерита стояла на колѣняхъ передъ ла-Модемъ, со слезами на глазахъ.

— Бѣги, Аннибалъ, бѣги! продолжалъ ла-Моль:—не порадуй враговъ смертью двухъ невинныхъ.

Коконна кротко оттокнулъ Анриэтту, увлекавшую его къ двери, и сказалъ:

— Отдайте прежде пятьсотъ эку, обещанные этому молодцу  
 — Вотъ они, сказала Анриэтта.

Потомъ, обратясь къ ла-Молю, и печально покачавъ голову прибавилъ:

— Что касается до тебя, ла-Моль:—ты оскорбляешь меня, думая, что я могу тебя оставить. Я поклялся жить и умереть съ тобою; но ты такъ страдаешь, что я прощаю тебѣ.

И онъ рывительно легъ возлѣ своего друга, склонивъ къ нему голову.

Потомъ вѣжно, вѣжно, какъ мать дитя свое, прижалъ онъ къ себѣ его голову, упавшую на его грудь.

Маргерита была мрачна. Она подняла книжалъ, брошенный Коковнѣ.

— Маргерита! сказалъ ла-Моль, отгадавъ ея мысль и протягивая къ ней руки: — Маргерита! не забывайте: я умираю, чтобъ погасить послѣднюю искру подозрѣнія въ нашей любви.

— Но что же могу я сдѣлать для тебя? воскликнула она въ отчаяніи.—Не-уже-ли я не могу даже умереть съ тобою?

— Ты можешь сдѣлать мнѣ смерть сладкою, отвѣчалъ ла-Моль:—она встрѣтитъ меня улыбаясь.

Маргерита подошла къ нему и сложила руки, какъ-будто прося его говорить.

— Помнишь ли ты тотъ вечеръ, Маргерита, когда, въ замѣнъ жизни, тебѣ обреченной, ты дала мнѣ священное обещаніе?

Маргерита вздрогнула.

— Ты помнишь его, сказалъ ла-Моль:— ты вздрогнула.

— Помню, помню, отвѣчала Маргерита:— и, клянусь тебѣ душою, сдержу свое слово!

Маргерита протянула руку къ алтарю, какъ-будто вторично призывая Бога въ свидѣтели своей клятвы.

Лицо ла-Моля прояснилось, какъ-будто распались своды часовни и небесный лучъ палъ на него.

— Идутъ, идутъ! сказалъ сторожъ.

Маргерита вскрикнула и бросилась къ ла-Молю; но, опасаясь усилить его страданія, дрожа остановилась передъ нимъ.

Анриэтта приложила губы ко лбу Коковнѣ и сказала:

— Я понимаю тебя, Аннибаль, и горжусь тобою. Знаю, что геронзизъ ведетъ тебя къ смерти, но я люблю тебя за твой героизмъ. Предъ лицомъ Бога я вѣчно буду любить тебя больше всѣхъ, и что Маргерита поклялась сдѣлать для ла-Моля, то я клянусь сдѣлать для тебя, хотя и не знаю, въ чемъ состоитъ эта клятва.

Она протянула руку Маргеритѣ.

— Хорошо; благодарю! сказалъ Коковнѣ.

— Прежде, нежели разстанемся, скажите да-Моль: — сделайте мнѣ послѣднюю милость: дайте мнѣ что-нибудь на память, что я могъ бы подаровать, всходя на эшафотъ,

— Изволь! сказала Маргерита.

Она сняла съ шеи реликвию, оправленную въ золото и висѣвшую на золотой цѣпочкѣ.

— Вотъ святая реликвия, сказала она:— я ношу ее съ дѣтства. Мать надела мнѣ ее, когда я была еще ребенкомъ и когда она еще любила меня. Это подарокъ дяди нашего, папы Климента. Возьми ее.

Да-Моль взялъ реликвию и пламенно поцаловалъ ее.

— Отворяють двери, сказалъ сторожъ.— Бѣгите, бѣгите!

Женщины бросились за алтарь; вошелъ священникъ.

## Х.

### Гревская-Площадь.

Было семь часовъ утра; толпа народа въ ожиданіи шумѣла на площадяхъ, улицахъ и набережныхъ.

Въ шесть часовъ тележка, та самая, въ которой отвезли когда-то друзей въ Лувръ послѣ ихъ дуэли, вышла теперь изъ Венсенна, и медленно двигалась по Улицѣ-Сент-Антуанъ; зрители среди ужасной давки казались статуями съ неподвижными взорами и окаменѣлыми губами.

Королева-мать угощала въ этотъ день парижскую чернь кровавыми зрѣлищемъ...

Въ тележкѣ, выехавшей изъ Венсенна, лежали на соломѣ двое молодыхъ людей, съ обнаженною головою, одѣтые въ черное; Коконнъ держалъ у себя на колѣняхъ да-Моля, голова котораго возвышалась надъ краемъ тележки, и взоры неопредѣленно блуждали въ пространство.

Толпа, желая заглянуть въ самую глубь экипажа, тѣснилась, приподымалась, всходила на столбики, лѣзла на стѣны, и, казалось, была очень-довольна, разглядѣвъ всѣ точки тѣла, готоваго перейти отъ страданія къ смерти.

Говорили, что да-Моль умералъ не признавшись ни въ одномъ изъ введенныхъ на него преступленій, но что Коконнъ не вынесъ пытки и открылъ все.

Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Смотрите! Вотъ рыжій-то! Онъ признался, онъ все призна-

загь. Никакій человекъ! Онъ виноватъ въ смерти своего товарища. Другой — молодець! ни въ чемъ не сознался.

Молодые люди слышали очень-хорошо похвалы и брань народа. Ла-Моль пожималъ руку своего друга, и высокое презрѣніе изображалось на лицѣ Пьемонтца. Онъ смотрѣлъ на глупую толпу съ высоты позорной тележки, какъ смотрѣлъ бы на нее съ торжественной колесницы.

Несчастіе совершило свое небесное дѣло: оно облагородило лицо Коконна, какъ смерть готова была освятить его душу.

— Скоро мы приѣдемъ? спросилъ ла-Моль. — Мнѣ тяжело; я, кажется, упаду въ обморокъ.

— Постой, ла-Моль. Мы сейчасъ пройдемъ мимо Улицы-Тизонъ и Клош-Персѣ; посмотри.

— О! Приподыми меня! Дай еще разъ взглянуть на этотъ домъ блаженства!

Коконна протянулъ руку и коснулся плеча палача. Кабошъ сдѣлъ на передкѣ и правилъ лошадыю.

— Сдѣлай милость, сказалъ онъ:—остановись на минуту передъ Улицею-Тизонъ.

Кабошъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и, доѣхавъ до улицы, остановился.

Ла-Моль приподнялся съ помощію Коконна, посмотрѣлъ, со слезами, на маленькій безмолвный какъ могилы домикъ. Вдохъ вырвался изъ его груди, и онъ сказалъ тихо:

— Прощай! прощай, молодость, любовь, жизнь!

Голова его упала на грудь.

— Ободришь, сказалъ Коконна:—мы, можетъ-быть, найдемъ все это тамъ, выше.

— Ты думаешь?

— Думаю, потому-что такъ говорилъ священникъ, и такъ я надѣюсь. Не падай въ обморокъ; эти мерзавцы станутъ смѣяться.

Кабошъ услышалъ это замѣчаніе, приударилъ лошадь и подалъ Коконна, такъ-что никто не видѣлъ, губку, омоченную въ такой сильный спиртъ, что ла-Моль, понюхавъ его и потерявши себѣ носки, ободрился и ожилъ.

— А! сказалъ онъ:—я оживаю.

Съ этими словами, онъ поцаловалъ реликвию, висѣвшую у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ.

На углу набережной, поворачивая около прелестнаго небольшого зданія, выстроеннаго Генрихомъ II-мъ, виднѣлся вдали эшафотъ, возвышавшійся голою, кровавою платформею.

— Другъ мой, сказалъ ла-Моль:—я желалъ бы умереть первымъ.

Коконна опять тронулъ палача за плечо.

— Хочешь ли ты сдѣлать мнѣ удовольствіе? сказалъ онъ.— Ты говорилъ, по-крайней-мѣрѣ, что хочешь.

— Да, хочу.

— Товарищъ мой страдалъ больше меня и онъ слабѣе.

— Ну?

— Онъ говоритъ, что ему тяжело будетъ смотрѣть на мою смерть. Къ-тому же, если я умру прежде, нѣкому будетъ взнести его на эшафотъ.

— Хорошо, сказала Кабошъ, отирая кулакомъ слезу: — будьте спокойны; я сдѣлаю все, что вамъ угодно.

— И въ одинъ ударъ, не правда ли? шепнулъ ему Пьемонтецъ.

— Въ одинъ.

— Хорошо... Если надо въ два, такъ ужъ лучше меня въ два. Тележка остановилась; они пріѣхали на мѣсто. Коконна надѣлъ шляпу.

Говоръ, подобный шуму моря, коснулся слуха ла-Моля. Онъ хотѣлъ встать, но силы измѣнили ему. Коконна и Кабошъ должны были поддержать его подъ руки.

Площадь была какъ-будто вымощена головами; ступени ратуши служили амфитеатромъ для зрителей. Изъ каждаго окна выглядывали одушевленные лица.

Когда красивый молодой человекъ, немогшій стоять на изломанныхъ ногахъ своихъ, сдѣлалъ жестокое усиліе, желая самъ взойти на эшафотъ, страшный шумъ поднялся въ толпѣ. Женскій вопль сливался съ криками мужчинъ.

— Это былъ одинъ изъ первыхъ придворныхъ щеголей, говорили мужчины: — ему бы умереть не на Гревской-Площади, а въ Пре-о-Клеркъ.

— Какъ онъ хорошъ собою! Какъ онъ блѣденъ! замѣчали женщины:—это тотъ, что не сказалъ ни слова.

— Другъ! сказалъ ла-Моль. — Я не могу держаться на ногахъ. Взнеси меня.

— Постой, отвѣчалъ Коконна.

Онъ сдѣлалъ знакъ палачу, который отошелъ; потомъ наклонился и поднялъ ла-Моля какъ ребенка; твердо, не шатаясь, изшелъ онъ съ своею ношею по лѣстницѣ на эшафотъ и спустилъ ла-Моля съ рукъ при неистовыхъ крикахъ толпы.

Коконна снялъ шляпу и поклонился. Потомъ бросилъ ее на эшафотъ.

— Посмотри вокругъ, сказалъ ла-Моль:— не видишь ли ты ихъ гдѣ-нибудь?

Коконна медленно оглянулъ всю площадь; вдругъ онъ остановился, и, не сводя глазъ съ одной точки, тронулъ своего друга за плечо.



— Смотри, сказалъ онъ:— въ окнѣ этой башенки.

И онъ указалъ другою рукою на памятникъ, существующій еще и теперь между Улицею-ла-Ваннери и Улицею-Мутоцъ.

Двѣ женщины, одѣтыя въ черное платье, стояли, поддерживая другъ друга, не у самаго окна, а немного поодаль.

— А! сказалъ ла-Моля: — я боялся только одного: умереть, не увидявъ ее еще разъ. Теперь я увидялъ ее и умираю спокойно.

Жадно устремивъ взоры на окно, онъ поднесъ реликвию къ губамъ своимъ и началъ осыпая ее поцалуйми.

Коконна поклонился именьщанамъ такъ же ловко, какъ-будто встрѣтилъ ихъ въ салонѣ.

Въ отвѣтъ на эти знаки, онѣ замахали платками, омоченными ихъ слезами.

Кабошъ въ свою очередь тронулъ за плечо Коконна и сдѣлалъ ему глазами значительный знакъ.

— Да, да, сказалъ Пьемонтецъ.

Потомъ, обратясь къ ла-Молю, онъ прибавилъ:

— Обними меня и умри. Это не трудно: ты храбръ.

— А! Миѣ немудрено умереть смѣло: я такъ страдаю!

Священникъ приблизился и подалъ ла-Молю распятіе. Ла-Моля съ улыбкою указалъ ему на реликвию.

— Все равно, сказалъ священникъ: — молитесь о помощи Того, Кто страдалъ подобно вамъ.

Ла-Моля поцаловалъ распятіе.

— Поспѣшай, ла-Моля, сказалъ Коконна; — мнѣ такъ тяжело на тебя смотрѣть, что я самъ слабъю,

— Я готовъ, сказалъ ла-Моля.

— Можете вы держать голову прямо? спросилъ Кабошъ, приготавливая мечъ за спиною ла-Моля, ставшаго на колѣни.

— Надѣюсь, отвѣчалъ онъ.

— Такъ все будетъ ладно.

— Но ты не забудешь, о чемъ я просилъ? Эта реликвія откроетъ тебѣ двери,

— Будьте спокойны. Попробуйте держать голову прямо.

Ла-Моля вытянулъ шею и, обративъ взоръ на башенку, сказалъ:

— Прощай, Маргерита; будь бла...

Онъ не докончилъ; мечъ блеснулъ какъ молнія, и голова ла-Моля покатиалась къ ногамъ Коконна.

Тѣло медленно и тихо склонилось къ землѣ.

Тысяча голосовъ закричали въ толпѣ; посреди женскихъ голосовъ, Коконна думалъ, что различилъ одинъ, пронзительнѣе и болѣе громкѣе прочихъ.

— Благодарю, другъ мой! сказала Коконна, въ третій разъ протягивая руку палачу.

— Сынъ мой! сказалъ священникъ Коконна: — не имѣете ли вы покаяться въ чемъ передъ Богомъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Коконна: — я во всемъ покался передъ вами вчера.

Потомъ онъ обратился къ Кабшу:

— Палачъ! Последний другъ мой! Еще одну услугу!

Не становясь еще на колѣни, онъ посмотрѣлъ на толпу такъ спокойно и свѣтло, что клики удивленія поласкали еще разъ его са-молюбіе. Прижавъ къ груди голову своего друга и поцаловавъ ее въ губы, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на башенку, сталъ на колѣна, и, держа голову ла-Моля въ своихъ рукахъ, сказалъ:

— За дѣло!

Какъ успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ голова его уже отдѣлилась отъ туловища.

Кабшъ вздрогнулъ.

— Пора было кончить, сказалъ онъ: — бѣдняжка!

Онъ съ трудомъ вынулъ изъ ослѣпѣвшихъ рукъ ла-Моля рюхачикъ и набросилъ плащъ на останки, которые та же тележка казни была отвезти къ нему.

Зрѣлище кончилось, толпа разошлась...

## XL.

### Башня позорнаго столба.

Ночь спустилась на городъ, тревожимый еще тодками о казни, подробности которой переходили изъ устъ въ уста, омрачая въ народѣ домъ веселый часъ семейнаго ужина.

Лувръ, напротивъ того, былъ иллюминированъ, шумѣлъ и веселился. Во дворцѣ былъ праздникъ, праздникъ по приказанію Карла. Онъ въ одно время назначилъ поутру казнь, а ввечеру балъ.

Королева наваррская еще наканунѣ съ вечера получила приказаніе явиться на этотъ балъ, и, въ надеждѣ, что ла-Моль и Коконна спасутся ночью, въ увѣренности, что приняты всѣ мѣры для ихъ бѣгства, отвѣчала брату, что исполнить его желаніе.

Но, потерявъ всякую надежду послѣ сцены въ часовнѣ, видѣвъ казнь, она дала себѣ слово не слушаться ни просьбъ, ни угрозъ, и не явиться на веселый балъ въ Лувръ въ тотъ самый день, когда на Гревской-Площади отпраздновано такое страшное торжество.

Въ этотъ день, Карлъ представилъ новое доказательство силы воли которая ни въ комъ, можетъ-быть, не доходила до такой степени: пролежавъ двѣ недѣли, слабый, почти-полумертвый, блѣдный, какъ мертвецъ, онъ всталъ въ 5 часовъ и надѣлъ самое нарядное платье. Впрочемъ, во время туалета онъ три раза упалъ въ обморокъ.

Въ 8 часовъ онъ освѣдомился о сестрѣ и спросилъ, не выдала ли, что она дѣлаетъ? Никто не отвѣчалъ: королева возвратилась домой въ 11 часовъ, замкнулась и не велѣла никого принимать.

Но для Карла не существовало запертыхъ дверей. Опершись на руку Нансея, онъ побрелъ къ комнатѣ Маргериты и неожиданно вошелъ въ потайную дверь изъ корридора.

Онъ приготовился увидѣть печальную сцену, но дѣйствительность превзошла его ожиданія.

Маргерита, полумертвая, лежала въ длинномъ креслѣ, зарывъ голову въ подушки; она не плакала и не молилась, но хрипѣла какъ умирающая.

Въ другомъ углу комнаты, герцогиня де-Неверъ, эта безстрашная женщина, безъ чувствъ лежала на коврѣ. Возвратясь съ Гренской-Площади, она, подобно Маргеритѣ, лишилась силъ, и бѣдная Гильйонна перебѣгала отъ одной къ другой, не смѣя ни слова сказать имъ въ утѣшеніе.

Во время кризиса, который слѣдуетъ за великими катастрофами, человекъ бережетъ свою скорбь какъ сокровище, и считаетъ врагомъ всякаго, кто хоть немного старается уменьшить ее.

Карлъ отворилъ дверь, и, оставивъ Нансея за порогомъ, вошелъ блѣдный и трепещущій.

Никто не замѣтилъ его. Только Гильйонна, помогавшая въ эту минуту Генріэттѣ, приподнялась на колѣно и съ ужасомъ посмотрѣла на короля.

Король сдѣлалъ знакъ рукою; она встала, поклонилась и вышла.

Тогда Карлъ подошелъ къ Маргеритѣ, молча поглядѣлъ на нее съ минуту, и сказалъ тономъ, какого нельзя было ожидать отъ его грубаго голоса:

— Марго! Сестра!

Маргерита вздрогнула и приподнялась.

— Ваше величество! сказала она.

— Ободрись!

Маргерита подняла глаза къ небу.

— Знаю, сказалъ Карлъ: — но выслушай меня.

Маргерита сдѣлала знакъ, что слушаетъ.

— Ты общалась явиться на балъ.

— Я! воскликнула Маргерита.

— Да; и въ-слѣдствіе этого обещанія тебя ждутъ; если ты не придешь, это удивитъ всѣхъ.

— Извините меня, братецъ; вы видите, я очень-нездорова.

— Сдѣлай усиліе.

Маргерита какъ-будто хотѣла призвать на помощь все свое мужество; потомъ, опять припавъ головою къ подушкамъ, сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ... не пойду.

Карлъ взялъ ее за руку, присѣлъ къ ней на кресло, и сказалъ:

— Ты потеряла друга, Марго, я это знаю; но взгляни на меня, — не потерялъ ли я всѣхъ друзей своихъ? и еще больше — не потерялъ ли я матери! Ты всегда могла плакать, какъ плачешь теперь; я, среди жесточайшихъ страданій, я всегда долженъ былъ глыбаться; ты страдаешь, — взгляни на меня, я умираю... Ободришь же, Марго! Прошу тебя именемъ моей славы! Честь нашего дома — крестъ нашъ; будемъ нести его, какъ несъ его Спаситель; если, подобно ему, споткнемся на дорогѣ, встанемъ и бодро пойдемъ дальше.

— О, Боже мой! Боже мой! воскликнула Маргерита.

— Да, сказалъ Карлъ, отвѣчая на ея мысль: — да, эта жертва сурова, сестра; но каждый долженъ жертвовать своимъ: одинъ — честию, другой жизнью. Не-уже-ли ты думаешь, что двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, на лучшемъ престолѣ въ мірѣ, я умираю охотно? Посмотри на меня: глаза мои, цвѣтъ лица, губы, все говоритъ, что я умираю; но улыбка... не заставляеть ли она думать, что я надѣюсь еще жить? А между-тѣмъ, черезъ недѣлю, черезъ двѣ, много черезъ мѣсяць ты будешь оплакивать меня, какъ оплакиваешь того, кто умеръ сегодня.

— Братецъ! воскликнула Марго, обвивая руками шею Карла.

— Отъвайся, милая Маргерита, сказалъ король: — прогони эту блѣдность и приходи на балъ. Я приказалъ принести тебѣ новые брильянты и платье, достойное твоей красоты.

— Брильянты! платье! Что мнѣ до нихъ теперь?

— Жизнь долга, Маргерита, сказалъ Карлъ улыбаясь. — По-крайней-мѣрѣ, для тебя...

— Нѣтъ!

— Вспомни только одно, сестра: часто мы не можемъ лучше почтить память усопшаго, какъ подавляя или скрывая скорбь свою.

— Хорошо, сказала Маргерита дрожа: — я прийду.

Слеза, мгновенно испарившаяся на горячей рѣсницѣ, блеснула въ глазахъ Карла.

Онъ наклонился къ сестрѣ, поцаловалъ ее въ лобъ, остановился на минуту передъ Анриэттой, которая не видѣла и не слышала его, и проговорилъ:

— Бѣдняжка!

Потомъ молча вышла.

Въ-слѣдъ за королемъ вошли нѣсколько пажей съ ящичками и коробками.

Маргерита дала знакъ, чтобъ все это поставили на полѣ.

Пажи вышли. Осталась одна Гильйонна.

— Приготовь мнѣ одѣться, сказала Маргерита.

Дѣвушка съ изумленіемъ поглядѣла на королеву.

— Да, повторила Маргерита голосомъ, всей горечи котораго невозможно передать.— Да, я одѣнусь, пойду на балъ... меня ждутъ.

— А герцогиня? спросила Гильйонна.

— О, она счастливица! она можетъ остаться здѣсь, можетъ плакать, можетъ страдать на свободѣ. Она не дочь короля, не жена короля, не сестра короля. Она не королева... Помогни мнѣ одѣться, Гильйонна.

Гильйонна повиновалась; уборы были великолѣпны, платье блестящее. Никогда Маргерита не была такъ прекрасна.

Она посмотрѣлась въ зеркало.

— Братъ правъ, сказала она: — человекъ жалкое созданіе.

Въ это время вошла Гильйонна.

— Васъ кто-то спрашиваетъ, сказала она.

— Меня?

— Да, васъ.

— Кто такой?

— Не знаю, но съ виду онъ ужасенъ; я вздрогнула, встрѣтивъ его.

— Спроси, какъ его зовутъ, сказала Маргерита блѣднѣя.

Гильйонна вышла и черезъ нѣсколько секундъ возвратилась.

— Онъ не хочетъ объявить своего имени, ваше величество; но просилъ отдать вамъ вотъ это.

Гильйонна подала реликвию, данную наканунѣ Маргеритой ладю.

— О! введи, введи его! живо сказала королева.

Она сдѣлалась еще блѣднѣе.

Тяжелые шаги раздались по паркету. Эхо, какъ-будто въ негодованіи, повторяло эти звуки; кто-то появился на порогѣ.

— Вы...? проговорила Маргерита.

— Я тотъ, котораго вы встрѣтили однажды близъ Монфокона, ваше величество, и который отвезъ въ Лувръ на своей тележкѣ двухъ раненныхъ.

— Я узнаю тебя; ты Кабошъ.

— Палачъ парижскаго округа, ваше величество.

Изъ всѣхъ словъ, произнесенныхъ въ-продолженіи часа вокругъ

Анриетта, — эти она услышала первыи. Она приподняла руки отъ лѣваго лѣпа своего и посмотрѣла на палача своимъ изумрудными глазами, сверкавшими, казалось, двойнымъ свѣтомъ.

— И ты пришелъ?.. продолжала Маргерита дрожа.

— Напомнить вамъ обещаніе, данное младшему изъ двухъ, тому, который поручилъ мнѣ вручить вамъ эту реликвию. Помните вы, ваше величество?

— Да! воскликнула королева: — никто не почтитъ памяти вѣкодушнаго человека благородіе! Но гдѣ она?

— Она у меня, вмѣстѣ съ тѣломъ.

— У васъ? Почему же вы не принесли ея?

— Меня могли остановить у воротъ Лувра; меня могли заставить раскрыть плащъ; что сказали бы, еслибъ увидѣли голову?

— Хорошо; пусть она у васъ; я приѣду за нею завтра.

— Завтра, ваше величество? Завтра, можетъ-быть, будетъ поздно!

— Отъ-чего?

— Отъ-того, что королева-мать приказала отложить ей для каиническихъ опытовъ головы первыихъ двухъ осужденныхъ, которые будутъ въ моихъ рукахъ.

— О, святотатство! Ихъ головы! Анриетта! воскликнула она, сбѣгая къ герцогинѣ, которая безсознательно вскочила на ноги:

— Анриетта! Слышишь, что онъ говоритъ?

— Слышу. Что же дѣлать?

— Надо идти за нимъ.

И гдѣ-сдѣдъ за тѣмъ, у ней вырвалось восклицаніе скорби, какое авращаетъ несчастныхъ къ жизни:

— А мнѣ было такъ хорошо! Я была почти мертва!

Маргерита набросила на голыя плечи бархатную шантилю.

— Пойдемъ, пойдемъ, сказала она. — Мы увидимъ ихъ еще.

Маргерита велѣла замкнуть всѣ двери, принести носилки къ полному выходу, и, взявъ Анриетту подъ руку, сошла внизъ, сдѣлавъ Кабосу знакъ слѣдовать за ними.

У дверей внизу ждали носилки, у воротъ слуга Кабоса съ фонаремъ.

Носильщики Маргериты были люди вѣрныя, кѣмыя и глухіе; на ихъ скромность можно было положиться больше, нежели на скромность животныхъ.

Кабосъ, слуга его съ фонаремъ и за ними носилки шли минутъ пять. Потомъ остановились.

Палачъ отворилъ дверицы, слуга пошелъ впередъ.

Маргерита вышла и помогла выйти Анриеттѣ. Среди подерлавшей ихъ скорби, перваяи организациа ея оказалась сильнѣйшеи.

Башня-Позорнаго-Столба возвышалась передъ ними мрачнымъ безобразнымъ великаномъ, проливая багровый свѣтъ изъ двухъ отверстій на своей вершинѣ.

Слуга опять появился у дверей.

— Вы можете войти, ваше величество, сказалъ Кабошъ. — Въ башнѣ спать.

Въ ту же минуту, огонь погасъ наверху.

Женщины прижались одна къ другой, вошли въ низенькую дверь и ступили въ темноту на сырую каменную плиту. Въ глубинѣ криваго коридора онѣ замѣтили свѣтъ, и пошли въ ту сторону, вслѣдъ за страшнымъ хозяиномъ. Дверь за ними затворилась.

Кабошъ, съ факеломъ въ рукахъ, ввелъ ихъ въ низкую, заоченую залу. Посреди стоялъ столъ съ остатками ужина и тремя приборами. Конечно, они были накрыты для палача, жены с и его главнаго помощника.

На самомъ видномъ мѣстѣ, висѣлъ на стѣнѣ пергаментъ съ королевскою печатью. Это былъ патентъ на званіе палача.

Въ углу стояла большая шпага съ длинною рукояткою: а былъ мечъ правосудія.

Кое-гдѣ виднѣлись еще грубыя картины: изображенія святыхъ мучимыхъ разными казнями.

Здѣсь Кабошъ низко поклонился.

— Извините, ваше величество, что я осмѣлился явиться въ Дувр и привелъ васъ сюда. Но такова была его послѣдняя воля, и долженъ былъ...

— Вы хорошо сдѣлали, хорошо! сказала Маргерита: — и вотъ награда за ваше усердіе.

Кабошъ печально посмотрѣлъ на кошелекъ, набитый золотомъ который Маргерита положила на столъ.

— Золото, и вѣчно золото! проговорилъ онъ. — Увы! зачѣмъ самъ, ваше величество, не могу выкупить цѣною золота кровь которую долженъ былъ пролить сегодня...

— Послушай, сказала Маргерита, оглядываясь вокругъ: — намъ идти дальше? Я не вижу...

— Нѣтъ, ваше величество: они здѣсь! Но это грустное зрѣлище... я могу избавить васъ отъ него и принести вамъ закрытый то, за чѣмъ вы пришли.

Маргерита и Андриетта посмотрѣли другъ на друга.

— Нѣтъ! сказала Маргерита, прочитавъ въ глазахъ Андриетты ту же мысль, которая была и у нея въ годоухъ: — нѣтъ, покажемъ дорогу, мы пойдемъ за вами.

Кабошъ взявъ факелъ, открылъ дубовую дверь на лѣстницу и

рыскамо ступеней, опускавшуюся подъ землю. Подулъ сквозной вѣтеръ, разнося отъ факела искры и распространяя запахъ крови и гнили.

Аврѣтта, блѣдная какъ алебастровая статуя, оперлась на руку подруги, шедшей тверже. Но на первой ступени она зашаталась.

— Нѣтъ, не могу! сказала она.

— Кто любитъ истинно, отвѣчала королева:— тотъ долженъ любить и послѣ смерти.

Страшно и трогательно было это зрѣлище: двѣ женщины въ цвѣтущей юности, въ богатомъ убранствѣ, согнулись подъ этимъ позорнымъ сводомъ, слабѣйшая опираясь на руку сильнѣйшей, а сильнѣйшая на руку палача.

Отъ дошли до послѣдней ступени.

Въ глубинѣ подвала лежали двѣ человѣческія фигуры подъ чернымъ покрываломъ.

Кабонъ приподнялъ край покрывала, поднесъ факель и сказалъ: — Посмотрите, ваше величество.

Ла-Моль и Коконна, въ черномъ платьѣ, лежали рядомъ, въ страшной симметріи смерти. Головы, приложенныя къ туловищамъ, казалось, были только отдѣлены посрединѣ шемъ ярко-красною чертою. Смерть не разъединила рукъ ихъ; случайно ли, или благодаря благочестивому вниманію палача, правая рука ла-Моля лежала въ лѣвой рукѣ Коконна.

Подъ рясницами ла-Моля скрывался, казалось, взглядъ любви. Презрѣніе какъ-будто выражалось на лицѣ Коконна.

Маргерита стала на колѣни и руками, сверкающими отъ драгоценныхъ камней, нѣжно приподняла голову, которую любила такъ пламенно.

Герцогиня, прислонившись къ стѣнѣ, не могла свести глазъ съ блѣднаго лица, на которомъ такъ часто искала радости и любви.

— Ла-Моль! Милый ла-Моль! говорила Маргерита.

— Анибаль! Анибаль! сказала герцогиня: — прекрасный, гордый, храбрый,—ты не отвѣчаешь уже!

И слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея.

Эта женщина, столь гордая и смѣлая въ счастьи, доходившая въ скептицизмъ до послѣднихъ крайностей, въ страсти до жестокости, — никогда не думала о смерти...

Маргерита подала ей первый примѣръ.

Она положила голову ла-Моля въ мѣшокъ, вышитый жемчугомъ и раздушенный самыми тонкими духами; голова должна была сохранить всю красоту свою отъ особаго рода бальзамировки, употреблявшагося въ то время при бальзамированіи царскихъ тѣлъ.



Анриэтта подошла тоже и завернула голову Коконна въ полу мантильи.

Сгибаясь отъ тяжести скорби больше, нежели отъ ноши, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на останки, преданные во власть палача, и вышелъ.

— Не бойтесь ничего, ваше величество, сказалъ Кабошъ, понявъ этотъ взглядъ. — Ихъ похоронятъ, какъ слѣдуетъ, клянусь вамъ.

— А вотъ за это ты велишь отслужить по нимъ паннихиды, сказала Анриэтта, срывая съ шеи рубиновое ожерелье и отдавая его палачу.

Онъ возвратился въ Лувръ. Королева сказалась при входѣ, вышла изъ носилокъ у своей лѣстницы, возвратилась домой, положила скорбную ношу свою въ кабинетъ, назначенный съ этой минуты быть образною, оставила Анриэтту стеречь комнату, и, блѣдная, но прекрасная, часовъ въ десять вошла въ большую залу, гдѣ, года два съ половиною назадъ, началась наша повѣсть.

Глаза всѣхъ обратились къ ней, и она встрѣтила ихъ гордо, почти съ веселымъ выраженіемъ лица. Она свято выполнила послѣднюю волю своего друга.

Увидѣвъ ее, Карлъ, шатаясь, прошелъ къ ней сквозь золотую телу, и сказалъ громко:

— Благодарю васъ, сестрица.

Потомъ прибавилъ тихо:

— Берегись! У тебя на рукѣ кровавое пятно...

— Чтѣ нужды! сказала Маргерита: — лишь бы на губахъ была улыбка.

## хп.

### Кровавый пятъ.

Нѣсколько дней послѣ этой ужасной сцены, то-есть 30-го мая 1574 года, дворъ былъ въ Венсеннѣ. Вдругъ въ комнатѣ короля послышался большой шумъ; во время бала, даннаго въ самый день смерти ла-Моля и Коконна, король заболѣлъ сильнѣе, и медики посоветовали ему переехать за городъ подышать чистымъ воздухомъ.

Было восемь часовъ утра. Нѣсколько придворныхъ были въ передней, какъ вдругъ послышался крикъ, и на порогъ подвинулась кормилица въ слезахъ и кричавшая въ отчаяньи:

— Помогите королю! Помогите!

— Его величеству хуже? спросил Нансей, котораго король, как мы видали, освободилъ отъ обязанности исполнять приказанія Катерины.

— О! сколько крови! сколько крови! сказала кормилица... Позовите медиковъ.

Мазиль и Парé очередились при больномъ. Парé, бывшій въ это время дежурнымъ, замѣтилъ, что король заснулъ, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ удалиться на нѣсколько времени.

Въ это время, обильный потъ выступилъ на больномъ; Карлъ страдалъ разслабленіемъ волосныхъ сосудовъ, и слѣдствіемъ этого разслабленія было подкожное истеченіе крови; кровавый потъ перепугалъ кормилицу, которая не могла привыкнуть къ этому явленію и, какъ настоящая протестантка, безпрестанно твердила Карлу, что это кровь гугенотовъ, убитыхъ въ вароломеевскую ночь, вызываетъ его собственную кровь.

Бросились во всѣ стороны; докторъ не могъ быть далеко, и его скоро надѣялись найти. Передняя опустѣла, потому-что каждый хотѣлъ выказать свое усердіе, бросившись искать медика.

Въ это время отвернулась дверь, и появилась Катерина. Она быстро прошла черезъ прихожую и вошла въ комнату сына.

Карлъ лежалъ съ угасшимъ взоромъ и трудно дышалъ; изъ всего его тела сочился красноватый потъ; рука его свисла съ постели, и на оконечностяхъ пальцевъ висѣло по розовой капль.

Зрѣлище было ужасно...

Однакоже, при шумѣ шаговъ, Карлъ очнулся, какъ-будто узналъ походку матери.

— Извините, матушка, сказалъ онъ, глядя на нее.— Мнѣ хотѣлось бы умереть съ миромъ.

— Умереть! отвѣчала Катерина: — это не больше, какъ припадокъ. Не отчаивайся!

— Говорю вамъ, я чувствую, что душа отдѣляется отъ тела. Говорю вамъ, что смерть близка, *mort de tous les diables!*.. Я чувствую что чувствую, и знаю что говорю.

— Ваше воображеніе жесточайшій врагъ вашъ, возразила королева.— Съ-тѣхъ-поръ, какъ убійцы, которыхъ звали ла-Мелемъ и оконна, казнены по справедливости, телесныя страданія ваши должны были уменьшиться. Только иррациональная бользнь продолжается; еслибъ я могла поговорить съ вами десять минутъ, не больше, я доказала бы вамъ...

— Кормилица! сказалъ Карлъ; — посторожи у дверей и не впускай никого. Королева Катерина Медичи хочетъ бесѣдовать съ любимымъ сыномъ своимъ, Карломъ IX.

Кормилица повиновалась.

— Дѣйствительно, продолжалъ онъ:—не сегодня, такъ завтра пришелъ бы часъ этого разговора; лучше же сегодня, чѣмъ завтра. Завтра будетъ, можетъ-быть, поздно. Только надо, чтобъ при нашемъ разговорѣ присутствовалъ третій.

— Зачѣмъ?

— Потому-что, повторяю вамъ, смерть близка, возразилъ Карлъ съ ужасающей торжественностью.—Потому-что она черезъ нѣсколько минутъ войдетъ въ эту комнату, какъ вы, блѣдная и нямая, не спросивъ ничего позволенія. Ночью я привелъ въ порядокъ свои дѣла; теперь пора привести въ порядокъ дѣла государства.

— Кого же вы желаете видѣть?

— Брата. Велите его позвать.

— Я съ удовольствіемъ вижу, сказала Катерина:—что клеветы изглаживаются изъ вашего ума и скоро исчезнутъ изъ вашего сердца.—Кормилица! кормилица!

Кормилица отворила двери.

— Когда прійдетъ де-Нансей, скажи ему отъ имени моего сына, чтобъ онъ позвалъ сюда герцога д'Алансона.

Карлъ сдѣлалъ знакъ, по которому кормилица остановилась на порогѣ.

— Я сказалъ: «брата», замѣтилъ король.

Глаза Катерины расширились, какъ глаза разъяренной тигрицы. Но Карлъ повелительно поднялъ руку.

— Я хочу говорить съ братомъ Генрихомъ, сказалъ онъ:—одинъ Генрихъ братъ мнѣ,—не тотъ, что тамъ на престолѣ, а тотъ, что здѣсь въ тюрьмѣ. Генрихъ узнаетъ мою послѣднюю волю.

— А я, воскликнула Флорентинка съ смѣлостью, которой не было еще примѣра,—до такой степени ненависть къ Беарнцу переселила въ ней ея обычное притворство:—если вы такъ близко къ гробу, какъ говорите, не-уже-ли вы думаете, что я уступлю кому-нибудь, особенно чужому, мое право присутствовать при вашихъ послѣднихъ минутахъ, право королевы и право матерн?

— Я еще король, сказалъ Карлъ: — я еще повелѣваю; говорю вамъ, что я хочу говорить съ братомъ Генрихомъ, а вы не зовете моего капитана... Тысячу чертей! Предваряю васъ: у меня еще достанетъ силъ позвать его самому.

Карлъ хотѣлъ спрыгнуть съ постели.

— Ваше величество! сказала, удерживая его, Катерина: — вы насъ всѣхъ оскорбляете; вы забываете обиды, нанесенныя вашей фамиліи, отрекаетесь отъ нашей крови; только французскій принцъ крови долженъ преклонить колѣни свои у смертнаго одра короля

французскаго. Что до меня, мнѣ указалъ здѣсь мѣсто законъ природы и приличія; я остаюсь здѣсь.

— А по какому праву остаетесь вы?

— По праву матери.

— Вы столько же мнѣ мать, какъ д'Алансонъ братъ.

— Вы въ бреду; давно ли давшая жизнь не мать получившему жизнь?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ мать взяла назадъ то, что дала ему, отбѣчалъ Карлъ, отирая кровавую пѣну съ губъ.

— Что вы хотите сказать, Карлъ? Я не понимаю васъ, сказала Катерина, съ изумленіемъ глядя на сына.

— Вы сейчасъ меня поймете.

Карлъ досталъ изъ-подъ подушки маленькій серебряный ключикъ.

— Возьмите этотъ ключъ и откройте мой дорожный ящикъ; въ немъ есть кой-какія бумаги; онѣ отвѣтятъ вамъ за меня.

Карлъ протянулъ руку къ превосходно-вырѣзанному ящику съ серебрянымъ замкомъ, стоявшему на самомъ видномъ мѣстѣ комнаты.

Катерина невольно повиновалась, медленно подошла къ ящику, открыла его, заглянула въ его внутренность и вдругъ отступила, какъ-будто тамъ лежала спящая змѣя.

— Чего вы испугались? спросилъ Карлъ, неспускавшій съ нея глазъ.

— Ничего.

— Въ такомъ случаѣ, опустите туда руку и достаньте оттуда книгу... тамъ должна быть книга, не правда ли? прибавилъ онъ съ улыбкою, которая на его губахъ была ужаснѣе всякой угрозы на языкъ другаго.

— Да... проговорила Катерина.

— Охотничья? продолжалъ Карлъ.

— Да.

— Возьмите ее и принесите сюда.

Катерина, не смотря на свою самоуувѣренность, поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ и, опустивъ руку въ ящикъ, сказала сама себѣ:

— О, судьба!

— Хорошо, сказалъ Карлъ. — Теперь выслушайте: эта охотничья книга... я былъ сумасшедшій... я любилъ охоту выше всего... эта охотничья книга... я читалъ ее сдѣшкомъ-прилежно... Понимаете вы теперь?

Катерина глухо простонала.

— Это была съ моей стороны слабость, продолжалъ Карлъ. — Сожгите ее! Слабости короля не должны быть никому извѣстны.

Катерина подошла къ камину, бросила книгу въ огонь и оставилась неподвижная и безмолвная, безжизненно глядя, какъ синеватое пламя пожирало отравленные листы.

Сильный чесночный запахъ распространился по комнатѣ.

Книга скоро сгорѣла до тла.

— Теперь позовите моего брата, сказалъ Карлъ съ величіемъ.

Катерина, подавленная разпорядными чувствами, которыхъ не могла даже разобрать и съ которыми не могла совладѣть, не смотря на всѣ свои усилія, сдѣлала шагъ впередъ и хотѣла говорить.

Мать чувствовала угрызенія совѣсти; королева боязнь; отравительница ненависть.

Это послѣднее чувство взяло верхъ надъ прочими.

— Будь онъ проклятъ! сказала она, выходя изъ комнаты. — Онъ торжествуетъ, онъ близокъ къ тѣлу! Будь онъ проклятъ!

— Слышите: брата, брата Генриха! кричалъ Карлъ, преслѣдуя ее голосомъ. — Брата Генриха, съ которымъ я сейчасъ же хочу поговорить на-счетъ регентства!

Почти въ ту же минуту вошелъ Парфъ и остановился у дверей, нюхая воздухъ.

— Кто жегъ здѣсь мышьякъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчалъ Карлъ.

### XIII.

#### Платформа Венсенскаго-Замка.

Генрихъ-Наваррскій одинъ въ раздумьѣ прогуливался по террасѣ башни. Онъ зналъ, что дворъ въ замкѣ, и сквозь толстыя стѣны замка онъ видѣлъ умирающаго Карла.

Погода была превосходная: солнце изумрудами рассыпалось по равнинѣ и золотило верхушки лѣса, недавно убравшагося лѣствяжи: казалось, даже сырыя стѣны башни процитаны нѣжною теплою неба; фіалки, запесенныя восточнымъ вѣтромъ въ разсвѣтны стѣнь, блестяли желтымъ и краснымъ бархатомъ.

Но взоръ Генриха не останавливался ни на зеленыхъ долинахъ, ни на золотыхъ вершинахъ деревьевъ: онъ переносился, полный честолюбія, къ столицѣ Франціи, которой суждено было сдѣлаться нѣкогда столицею міра.

— Парижъ, говорилъ Генрихъ:— вотъ Парижъ, то-есть радость, торжество, слава, могущество и счастье; Парижъ, гдѣ есть Лувръ, и Лувръ, въ которомъ есть престолъ! И быть отдаленнымъ отъ

этого Парижа только одними этими укрѣпленіями, которыя тянутся у моихъ ногъ, окружая вѣсть со мною и врага моего!

Обративъ взоръ отъ Парижа къ Венсенну, онъ замѣтилъ влѣвъ, за цвѣтушими миндальными деревьями, человѣка, на кирасѣ котораго упрямѣе отражалось солнце, — замѣтилъ свѣтящуюся точку, порхавшую въ пространствѣ согласно движеніямъ этого человѣка.

Неизвестный сидѣлъ на горячей лошади и держалъ за поводъ другую лошадь, по-видимому, такую же пылкую.

Король остановилъ взоръ свой на всадникѣ; ѣздокъ обнажилъ шпагу, надѣлъ на конецъ ея бѣлый платокъ и замахалъ имъ, какъ-будто подавая сигналъ.

Въ ту же минуту, съ противоположной возвышенности отвѣчали такимъ же сигналомъ, и вскорѣ вокругъ всего замка завѣяли платки.

Это были де-Муи и его гугеноты. Зная, что король при смерти и опасаясь покушенія противъ Генриха, они собрались и были готовы защищать или нападать.

Генрихъ опять взглянулъ на перваго всадника, склонился черезъ перила, обнилъ глаза рукою и узналъ молодаго гугенота.

— Де-Муи! воскликнулъ онъ, какъ-будто тотъ могъ его слышать.

Въ радости, что его окружаютъ друзья, онъ самъ бросилъ свою шляпу вверхъ и замахалъ шарфомъ.

Всѣ бѣлые платки завѣяли снова съ живостью, свидѣтельствовавшюю о ихъ радости.

— Увы! они ждутъ меня, сказалъ онъ:— а я не могу къ нимъ присоединиться. Почему не попытался я, когда еще было можно? Теперь поздно!

Онъ сдѣлалъ имъ знакъ, что нѣтъ надежды; но де-Муи отвѣчалъ другимъ, означавшимъ: «я подожду».

Въ эту минуту, Генрихъ услышалъ, что кто-то идетъ по каменной лѣстницѣ. Онъ быстро отошелъ отъ перилъ. Гугеноты отгадали причину этого движенія; шпаги возвратились въ ножны и платки исчезли.

Генрихъ увидѣлъ на лѣстницѣ женщину, запыхавшуюся отъ скорой ходьбы, и не безъ ужаса узналъ въ ней Катерину Медичи.

За нею два солдата остановились на лѣстницѣ.

— О! подумалъ Генрихъ:— должно быть, случилось что-нибудь важное, что она пришла ко мнѣ на платформу.

Катерина сѣла на каменную скамью близъ зубцовъ и перевела дыханіе.

Генрихъ подошелъ къ ней и съ ласковою улыбкою сказалъ:

— Не меня ли вы ищете?

— Да; я хотѣла дать вамъ послѣднее доказательство моей при-

взынанности. Настала важная минута: король умираетъ и хочетъ говорить съ вами.

— Со мною? сказалъ Генрихъ, дрожа отъ радости.

— Да, съ вами. Ему сказали, я въ этомъ увѣрена, что вы не только жалуете о наваррскомъ престолѣ, но домогаетесь даже престола Франціи.

— О! отвѣчалъ Генрихъ.

— Это неправда, знаю; но онъ этому вѣритъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ послѣдній разговоръ не что иное съ его стороны, какъ сътъ, въ которую онъ хочетъ поймать васъ.

— Меня?

— Да. Карлъ, умирая, хочетъ знать, чего отъ васъ можно надѣяться или опасаться, и отъ вашего отвѣта на его предложенія, — не забудьте, — будутъ зависѣть его послѣднія приказанія, то-есть, ваша жизнь или смерть.

— Но что же онъ мнѣ предложить?

— Почему я знаю! Вѣроятно, что-нибудь невозможное...

— Однако, не-уже-ли вы не догадываетесь?

— Нѣтъ, но предполагаю; на-примѣръ...

Катерина остановилась.

— Что?

— Я думаю, что, вѣря въ ваши честолюбивые планы, онъ хочетъ изъ вашихъ собственныхъ устъ услышать подтвержденіе ихъ. Предположите, что онъ будетъ искушать васъ, какъ прежде искушали преступниковъ, чтобъ вырвать признаніе безъ пытки; предположите, продолжала Катерина, пристально глядя на Генриха: — что онъ предложитъ вамъ управленіе, даже регентство.

Въ стѣсненномъ сердцѣ Генриха пробудилась невыразимая радость. Но онъ разгадалъ уловку, и гибкая душа его не поддавалась увлеченію чувства.

— Мнѣ? отвѣчалъ онъ: — нѣтъ, эта хитрость слишкомъ-груба; мнѣ предложить регентство, когда есть вы и братъ д'Алансонъ!

Катерина укусила губу, чтобъ скрыть свое удовольствіе.

— И такъ, вы откажетесь отъ регентства?

— Король умеръ, подумалъ Генрихъ: — и съти разставляетъ мнѣ она.

Онъ отвѣчалъ:

— Во-первыхъ, я долженъ слышать, что скажетъ мнѣ король, потому-что, какъ вы сами согласитесь, все, что мы говорили, одно только предположеніе.

— Конечно, но вы всегда можете отвѣчать за свои намѣренія.

— И, Боже мой! отвѣчалъ Генрихъ простодушно: — я не имѣю никакихъ притязаній: какія же могутъ быть у меня намѣренія!

— Это не отвѣтъ, сказала Катерина, чувствуя, что время уходитъ, и, увлекаясь гнѣвомъ, прибавила:—такъ или иначе, скажите что-нибудь опредѣлительно.

— Я не могу сказать ничего опредѣлительнаго на-счетъ предположеній; рѣшиться на что-нибудь окончательно такъ трудно, и для этого должно ждать дѣйствительныхъ событій.

— Послушайте! Времени терять некогда, а мы теряемъ его въ пустомъ спорѣ и тонкостяхъ. Разыграемъ игру по-королевски. Если вы примете регенство—вы погибли.

— Король живъ, подумалъ Генрихъ, и отвѣчалъ:

— Жизнь людей и королей въ рукъ Бога: Онъ вдохновитъ меня. Доложите его величеству, что я готовъ явиться къ нему.

— Обдумайте.

— Два года я въ изгнаніи, мѣсяцъ въ тюрьмѣ, важно отвѣчалъ Генрихъ:—я имѣлъ время обдумать и обдумалъ. Сдѣлайте же одолженіе, скажите королю, что я явлюсь вслѣдъ за вами. Вотъ эти два молодца, прибавилъ онъ, указывая на солдатъ:—присмотрять, чтобъ я не убѣжалъ. Впрочемъ, я и не думаю бѣжать.

Въ образѣ выраженія его было столько твердости, что Катерина увидѣла, что всѣ ея попытки не поведутъ ни къ чему. Она быстро ушла.

Едва только она скрылась, какъ Генрихъ подбѣжалъ къ периламъ и сдѣлалъ де-Муи знакъ, говорившій: приблизьтесь и будьте готовы на все.

Де-Муи, сошедшій съ лошади, немедленно опять сѣлъ и съ подручною лошадью подскакалъ къ башнѣ на два ружейные выстрѣла.

Генрихъ поблагодарилъ его жестомъ и сошелъ внизъ.

На первомъ поворотѣ лѣстницы, онъ встрѣтилъ двухъ ждавшихъ его солдатъ.

Двойная стража Швейцарцевъ и легкой конницы охраняла вхожь ю дворъ, и надо было пройти сквозь двойной рядъ бердышей. Здѣсь ждала его Катерина.

Она сдѣлала знакъ солдатамъ, сопровождавшимъ Генриха, чтобъ они удалились, и, положивъ свою руку на его, сказала:

— У здѣшняго двора два выхода; у этого, за комнатою короля, ждетъ васъ добрый конь и свобода, если вы откажетесь отъ регентства; а у этого, откуда вы вышли, ждетъ, если вы послушаетесь голоса честолюбія... Что вы скажете?

— То, что если король сдѣлаетъ меня регентомъ, солдатамъ буду я отдавать приказанія, а не вы. Если я ночью выйду изъ замка, всѣ эти копья, алебарды и ружья преклонятся передо мною.



— Безумный! воскликнула Катерина.— Повѣрь мнѣ, не играй съ Катериной въ страшную игру жизни и смерти!

— Почему же нѣтъ? отвѣчалъ онъ, глядя на нее прямо: — почему съ вами не играть, какъ съ другими? До-сихъ-поръ, я выигрывалъ же.

— Такъ идите къ королю, если вы не хотите ничему вѣрить, не хотите ничего слышать! сказала Катерина, указывая на лѣстницу и играя двумя отравленными ножами, которые послалъ на своей исторической черной перьяви.

— Не угодно ли вамъ идти впередъ? сказалъ Генрихъ. — Пока я еще не регентъ, вамъ первое мѣсто.

Катерина, разгадавшая во всемъ, не спорила и вошла первая.

#### ЖИВ.

#### Регентство.

Король начиналъ выходить изъ терцина. Онъ хотѣлъ призвать къ себѣ Хансеа и приказалъ ему привести Генриха; но Генрихъ самъ явился въ эту минуту.

Увидя своего отца на порогѣ, Карлъ радостно вскрикнулъ. Генрихъ остановился въ испугъ, какъ-будто оутѣлся передъ мертвецомъ.

Два врача и священникъ, приготовлявшій несчастнаго государя къ христіанской кончинѣ, удалились.

Карлъ IX не былъ любимъ, но при всемъ томъ въ ближайшихъ комнатахъ наказаніи многіе. При смерти королей, законы бы они ни были, всегда есть люди, которые теряютъ что-нибудь и опасаются не найти при наследникѣ и того, что имѣли.

Этотъ трауръ, эти рыданія, слова Катерины, мрачныя и величественныя сцены послѣднихъ минутъ короля, самый видъ его, страдающаго болезнью, которая была до-тѣхъ-поръ неизвестна наукѣ, произвели на молодой и, слѣдственно, воспримчивый умъ Генриха такое ужасное дѣйствіе, что, не смотря на свое намѣреніе не давать Карлу новаго повода безпокоиться о своемъ положеніи, онъ не могъ, какъ мы видѣли, подавить чувства ужаса, выражавшагося на его лицѣ при видѣ умирающаго, истекающаго кровью короля.

Карлъ грустно улыбнулся; отъ умирающаго не ускользнетъ ни одно выраженіе на лицѣ людей его окружающихъ.

— Подойди сюда, Генрихъ, сказалъ онъ, протягивая руку зятю,

тикий кроткимъ голосомъ, какого Генрихъ не замѣчалъ въ немъ до-сихъ-поръ: — подойди; я страдаю, не видя тебя. Я тебя много мучилъ въ продолженіи моей жизни, бѣдный другъ мой, и теперь иногда въ томъ раскаиваюсь, повѣрь мнѣ. Я часто помогалъ тѣмъ, которые тебя мучили; но событія не зависятъ отъ короля; вѣдь кромѣ моей матери Катерины, кромѣ брата д'Анжу, кромѣ брата д'Алансона, надо мною тяготѣло еще что-то въ продолженіи моей жизни и уничтожится только со днемъ моей кончины: это—требованія политики.

— Ваше величество! сказалъ Генрихъ.—Я обо всемъ позабылъ, прощай любя, которую всегда питалъ къ брату, кромѣ почтенія, которое всегда имѣлъ къ моему королю.

— Да, да, такъ правъ, сказалъ Карлъ:— и я благодарю тебя за твои слова, Генрихъ, потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, ты много страдалъ въ мое царствованіе, не говоря уже о смерти бѣдной твоей матери. Но ты не могъ не видѣть, что часто я дѣйствовалъ не въ своей волѣ. Иногда я сопротивлялся; но иногда уступалъ отъ стыда. Ты самъ сказалъ: не будемъ говорить о прошедшемъ; теперь меня занимаетъ настоящее и пугаетъ будущее.

Пронесши эти слова, король закрылъ свое несчастливое лицо скрученными руками.

Потомъ, побѣдъ минутнаго молчанія, тряхнувъ головою, какъ-будто желая прогнать мрачныя мысли, онъ окропалъ эти движенія все около себя кровью.

— Надо спасти государство, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ, склонившись къ Генриху: — надо вырвать его изъ рукъ санатиковъ, или женщинъ.

Карлъ, какъ мы сказали, произнесъ эти слова шепотомъ; но смотря на то, Генриху какъ-будто послышалось за шатлою краснаго глухое восклицаніе злобы. Можетъ-быть, какое-нибудь отщепеніе, продланное въ стѣнѣ безъ ведома самого Карла, позволило Катеринѣ подслушать предсмертный разговоръ.

— Женщинъ? повторилъ король наваррскій, ожидая объясненія.

— Да, Генрихъ, произнесъ Карлъ: — мать моя хочетъ регентства въ ожиданіи возвращенія моего брата изъ Польши. Но послушай, что я тебѣ скажу: онъ не возвратится.

— Какъ! онъ не возвратится? воскликнулъ Генрихъ, сердце котораго глухо забилося отъ радости.

— Нѣтъ, не возвратится, продолжалъ Карлъ:—подданные его не отпустятъ.

— Но, сказалъ Генрихъ:—развѣ вы думаете, что королева-мать не извѣститъ его раньше?

— Извѣстила. Но Нансей перехватилъ курьера въ Шато-Тьерри

и привезъ письмо ко мнѣ; въ этомъ письмѣ — я, по ея словамъ, долженъ умереть. Но я также написалъ въ Варшаву: письмо не дойдетъ, я увѣренъ, и за братомъ моимъ будутъ присматривать. И такъ, Генрихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, престолъ останется свободнымъ.

Второе восклицаніе, сильнѣе прежняго, послышалось въ альковѣ — Это вѣрно, подумалъ Генрихъ: — она тамъ, она подслушиваетъ, она ждетъ!

Карлъ ничего не слышалъ.

— Я, продолжалъ онъ: — умираю безъ наследника мужескаго пола.

Тутъ онъ остановился. Сладостная мысль, казалось, освѣтила его лицо. Положивъ руку свою на плечо короля наваррскаго, онъ продолжалъ:

— Увы! Помнишь ли ты, Ганрію, помнишь ли это бѣдное маленькое дитя, которое я тебѣ показалъ однажды вечеромъ? оно спало въ шелковой колыбелькѣ, подъ присмотромъ ангела... Увы, Ганрію, они убьютъ его!..

— Нѣтъ, государь! воскликнулъ Генрихъ со слезами на глазахъ: — клянусь вамъ передъ Богомъ, что дни мои и ночи будутъ посвящены охраненію этого ребенка. Приказывайте!

— Благодарю, Ганрію, благодарю! произнесъ король съ увлеченіемъ, чуждымъ его характеру, но понятнымъ въ такую минуту. — Я принимаю твое слово. Не дѣлай изъ него короля... къ счастью, онъ не рожденъ для трона; но сдѣлай его счастливымъ. Я оставляю ему независимое состояніе: пусть онъ обладаетъ благородствомъ матери, благородствомъ сердца. Можетъ-быть, для него будетъ лучше, если онъ поступитъ въ духовное званіе: его менѣе будутъ бояться... О! мнѣ кажется, что я умеръ бы, если бы счастливымъ, то, по-крайней-мѣрѣ, спокойнымъ, еслибъ меня могли утѣшить теперь ласки ребенка и милое лицо его матери.

— Государь, развѣ вы не можете ихъ призвать?

— Несчастный! они не вышли бы отсюда. Вотъ положеніе королей, Ганрію: они не могутъ ни жить, ни умирать какъ имъ хочется. Но послѣ твоего обещанія — я спокоинѣе.

Генрихъ погрузился въ размышленіе.

— Да, конечно, государь, я обещалъ; но буду ли въ состояніи исполнить?

— Чтò ты хочешь сказать?

— Я самъ не буду ли изгнанъ? не буду ли въ опасности болѣе его? Я — человекъ, а онъ только дитя.

— Ты ошибаешься, отвѣчалъ Карлъ: — послѣ моей смерти, ты

удешь силенъ и могущественъ, и вотъ что дастъ тебѣ и силу и могущество.

Съ этими словами, умирающій вынулъ изъ-подъ подушки пергаментъ.

— Возьми, сказалъ онъ ему.

Генрихъ пробѣжалъ листъ, скрѣпленный королевскою печатью.

— Мнѣ, государь, регентство! сказалъ онъ, блѣднѣя отъ радости.

— Дѣ, тебѣ регентство, въ ожиданіи возвращенія герцога д'Анжу; а такъ-какъ, по всемъ вѣроятностямъ, герцога д'Анжу не увидятъ, то эта бумага даетъ тебѣ не регентство—а тронъ.

— Мнѣ... тронъ! бормоталъ Генрихъ.

— Дѣ, сказалъ Карлъ:—тебѣ,—одному, кто достоинъ и способенъ управлять этими развратными волокитами, этими потерянными женщинами, живущими кровью и слезами. Братъ д'Алансонъ измѣнникъ, — онъ будетъ измѣнникомъ для всѣхъ. Оставь его въ шницъ, куда я его засадилъ. Мать моя захочетъ твоей смерти—вышли ее изъ государства. Братъ д'Анжу, мѣсяца черезъ три-четыре, можетъ-быть черезъ годъ, оставитъ Варшаву и пріѣдетъ испортивъ у тебя власть—отвѣтъ ему папскою грамматою. Я уже обдѣлалъ это черезъ моего посланника, герцога неверскаго, и ты скоро получишь граммату.

— О! государь!

— Бойся только одного, Генрихъ: гражданской войны. Но, оставаясь католикомъ, ты избѣгнешь ея; гугенотская партія можетъ быть сильна только тогда, когда ты будешь ея главою, а Кондэ не въ силахъ бороться съ тобою. Франція страна разноликая; слѣдственно, страна католическая. Король французскій долженъ быть королемъ католиковъ, а не гугенотовъ, потому-что французскій король долженъ быть королемъ большинства. Говорятъ, что я чувствую угрызенія совѣсти за варооломеевскую ночь; сомнѣнія—да; угрызенія совѣсти — нѣтъ. Говорятъ, что изъ всѣхъ поръ моихъ выступаетъ гугенотская кровь. Я знаю, что изъ меня выступаетъ: это мышьякъ, а не кровь.

— О! государь, что вы говорите?

— Ничего. Если моя смерть должна быть отмщена, Гавриѳ, одинъ Богъ отмститъ за нее. Будемъ говорить о ней только затѣмъ, чтобъ предусмотрѣть ея послѣдствія. Завѣщаю тебѣ хорошій парламентъ, испытанную армію. Опирайся на парламентъ и на армію въ борьбѣ съ твоими двумя единственными врагами: моею матерью и герцогомъ д'Алансономъ.

Въ эту минуту, въ передней послышался глухой звукъ оружія и военной команды.

— Я погибъ! прошепталъ Генрихъ.

— Ты боишься, ты колеблешься, сказалъ Карлъ съ безпокойствомъ.

— Я! ваше величество! возразилъ Генрихъ:—нѣтъ, я не боюсь, нѣтъ, я не колеблюсь: я принимаю регентство.

Карлъ пожалъ ему руку. Кормилица приблизилась въ это время къ нему съ лекарствомъ, приготовленнымъ ею въ сосѣдней комнатѣ. Она нисколько не догадывалась, что въ трехъ шагахъ отъ нея рѣшалась въ это время судьба Франціи. Король сказалъ ей:

— Позови мою мать, добрая кормилица, и прикажи позвать г. д'Алансона.

#### XV.

### Король умеръ: да здравствуетъ король!

Дрожащіе отъ ярости и въ то же время посинѣвшіе отъ ужаса, Катерина и герцогъ д'Алансонъ вошли черезъ нѣсколько минутъ. Какъ Генрихъ уже догадывался, Катерина знала все и передала все, въ нѣсколькихъ словахъ, Франсуа. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ и остановились въ ожиданіи.

Генрихъ стоялъ возлѣ изголовья Карла.

Король, не зная происшедшаго, объявилъ имъ свою волю.

— Еслибъ у меня былъ сынъ, сказалъ онъ матери:—вы были бы регентшею, или, еслибъ не было васъ, регентомъ былъ бы король польскій, а за неимѣніемъ его, наконецъ, братъ Франсуа; но у меня нѣтъ сына, и престолъ мой принадлежитъ послѣ меня моему брату, герцогу анжуйскому, который въ отсутствіи. Такъ-какъ, когда-нибудь, онъ явится требовать этого престола, то я не хочу, чтобъ онъ нашелъ на немъ челоуѣка, который, по своимъ почти-равнымъ правамъ, могъ бы оспаривать его права, и который, слѣдственно, предалъ бы государство междуусобіямъ претендентовъ. Вотъ почему я не дѣлаю васъ регентшею; вамъ пришлось бы выбирать между двумя сыновьями, а это было бы тяжело для материнскаго сердца. Вотъ почему не выбираю я и брата моего Франсуа, потому-что братъ мой Франсуа могъ бы сказать старшему брату: «у васъ былъ престолъ, зачѣмъ вы его оставили?» Нѣтъ, я выбираю регента, который могъ бы взять корону на сохраненіе и хранить ее подъ рукою, а не на головѣ. Этотъ регентъ... помнитесь ему, матушка! поклонись ему, братъ! этотъ регентъ—король наваррскій.

И жестокъ, полнымъ величія, онъ привѣтствовалъ Генриха рукою.

Катерина и д'Алансонъ сдѣлали движеніе, которое было чѣмъ-то среднимъ между нервическимъ содроганіемъ и поклономъ.

— Возьмите, господинъ-регентъ, сказалъ Карлъ наваррскому королю:— вотъ пергаментъ, который, до возвращенія польскаго короля, даетъ вамъ командованіе арміями, ключи отъ казны, право и власть королевскую.

Катерина пожирала Генриха взглядомъ; Франсуа былъ такъ разстроенъ, что насилу держался на ногахъ; но слабость одного и твердость другой, вмѣсто того, чтобъ успокоить Генриха, напротивъ, показывали ему настоящую, близкую опасность.

Генрихъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлалъ надъ собою чрезвычайное усиліе, и превозмогши все опасенія, взялъ свертокъ изъ рукъ короля и, вытянувшись во весь ростъ, обратился на Катерину и Франсуа взоръ, которымъ, кажется, хотѣлъ сказать:

— Берегитесь, я вашъ повелитель!

Катерина поняла этотъ взглядъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда, сказала она: — никогда родъ мой не преклонитъ головы передъ чужимъ родомъ; никогда Вурбопъ не будетъ царствовать во Франціи, пока живъ еще хоть одинъ Валуа.

— Матушка! вскричалъ Карлъ IX, приподнявшись на окровавленной постели и сдѣлавшись ужаснѣе, чѣмъ бывалъ когда-нибудь: — берегитесь, я еще король — не надолго, знаю — но немного времени нужно, чтобъ отдать приказъ; недолго наказать убійцъ и отравителей.

— Что жь! Дайте этотъ приказъ, если смѣете. А я пойду отдавать свои приказанія. Пойдемъ, Франсуа, пойдемъ.

И она быстро вышла, увлекая за собою герцога д'Алансона.

— Нансей! закричалъ Карлъ: — Нансей, ко мнѣ, ко мнѣ! Я приказываю, я хочу этого, Нансей! арестовать мать мою, арестовать брата моего, арестовать...

Кровь хлынула и прервала слова Карла въ то самое время, какъ капитанъ гвардіи отворилъ дверь, и король, задыхаясь, захрипѣлъ на своей кровати.

Нансей слышалъ только свое имя; прочія приказанія, произнесенныя менѣе-явственнымъ голосомъ, исчезли въ пространство.

— Оберегайте дверь, сказалъ Генрихъ: — и не выпускайте никого:

Нансей поклонился и вышелъ. Генрихъ обратилъ свой взоръ на это неподвижное тѣло, которое можно было принять за трупъ, еслибъ легкое дыханіе не шевелило по-временамъ дѣны, закрытвашей губы.

Онъ смотрѣлъ долго, потомъ, говоря съ самимъ-собою, произнесъ:

— Вотъ рѣшительная минута... царствовать ли, жить ли?

Въ это мгновеніе, завѣса алькова приподнялась, блѣдная голова показалась изъ-за нея, и посреди мертваго молчанія, царствовавшего въ комнатѣ короля, раздался голосъ:

— Живите!

— Ренé! вскрикнулъ Генрихъ.

— Да, ваше величество.

— Итакъ, твое предсказаніе ложно:—я не буду королемъ? сказалъ Генрихъ.

— Вы будете имъ, государь; но не пришелъ еще часъ.

— Какъ ты это знаешь? говори; я хочу знать, вѣрить ли тебѣ.

— Слушайте.

— Слушаю.

— Наклонитесь.

Генрихъ наклонился надъ тѣломъ Карла. Ренé нагнулся съ своей стороны. Ихъ разделяла только ширина кровати, и это разстояніе было уменьшено обоюднымъ ихъ движеніемъ.

Между ними лежало, безмолвно и недвижимо, тѣло умирающаго короля.

— Послушайте, сказалъ Ренé. — Я здѣсь спрятанъ королевою-матерью, чтобы погубить васъ; но я охотнѣе готовъ служить вамъ, потому-что вѣрю въ вашъ гороскопъ, и потому еще, что, служа вамъ, я соблюдаю для себя двойную выгоду — какъ для тѣла, такъ и для души.

— И это также приказала тебѣ сказать мнѣ королева? спросилъ Генрихъ, полный сомнѣнія и безпокойства.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ренé:—но выслушайте тайну.

Онъ наклонился еще болѣе. Генрихъ послѣдовалъ его примѣру, такъ-что головы ихъ почти касались.

Въ этомъ совѣщаніи двухъ людей, наклонившихся надъ тѣломъ умирающаго короля, было что-то до-того мрачное, что волосы суетвернаго Флорентинца стали дыбомъ на головѣ его, и крупный потъ выступилъ на лицѣ Генриха.

— Слушайте, продолжалъ Ренé:—узнайте тайну, мнѣ одному извѣстную; я вамъ открою ее, если вы поклянетесь надъ тѣломъ этого умирающаго простить мнѣ смерть вашей матери.

— Я уже обѣщалъ тебѣ однажды, сказалъ Генрихъ, лицо котораго помрачилось.

— Обѣщали, но не клялись, сказалъ Ренé, подаваясь назадъ.

— Клянусь тебѣ, сказалъ Генрихъ, простирая правую руку надъ головой короля.

— Итакъ, государь, поспѣшно сказалъ Флорентинецъ:—польскій король скоро будетъ.

— Натъ, отвѣчалъ Генрихъ:—курьеръ былъ остановленъ королемъ Карломъ.

Король Карлъ остановилъ только одного, но дорогъ въ Шато-ери; но королева-мать, въ своей предусмотрительности, послала ихъ во тремъ дорогамъ.

— О! горе! сказалъ Генрихъ.

— Нынче утромъ прибылъ гонецъ изъ Варшавы. Король выслѣлъ за нимъ, и никто не думалъ останавливать его, потому въ Варшавѣ еще не знали о болѣзни короля. Д'Анжу лезъ черезъ нѣсколько часовъ.

— О! еслибъ мнѣ только недѣлю! произнесъ Генрихъ.

— Да; но у васъ нѣтъ и восьми часовъ. Слышали вы звукъ готовяемаго оружія?

— Слышалъ.

— Это оружіе готовилось противъ васъ. — Они прійдутъ къ вамъ даже сюда, даже въ комнату короля.

— Король еще не умеръ.

Ренé внимательно посмотрѣлъ на Карла.

— Черезъ десять минутъ онъ будетъ мертвъ. — Следовательно, въ остается жить десять минутъ, можетъ-быть и меньше.

— Чтѣ жъ дѣлать?

— Бѣжать, не теряя ни минуты, ни секунды.

— Но куда? Если они ждуть въ передней, они убьютъ меня, гда я выйду.

— Послушайте: я на все рѣшаюсь для васъ,—только не забывайте этого никогда!

— Будь спокоенъ.

— Слѣдуйте за мною въ потаенный ходъ; я провожу васъ до воротъ. Потомъ, чтобъ дать вамъ время, пойду скажу королевѣ-матери, что вы сейчасъ сойдете; подумаютъ, что вы сами открыли этотъ тайный ходъ и воспользовались имъ для бѣгства; поймите, пойдемте. •

Генрихъ наклонился къ Карлу и поцаловалъ его въ лобъ.

— Прощай, братъ мой, произнесъ онъ: — не забуду я, что пощадилъ твоимъ желаніемъ было—видѣть меня своимъ наследникомъ; не забуду, что послѣдняя твоя воля была — сдѣлать меня королемъ. Умири съ миромъ! Во имя нашихъ братьевъ, я прощаю твою преступную кровь.

— Скорѣе! скорѣе! воскликнулъ Ренé: — онъ приходитъ въ садъ. Бѣгите, пока онъ не открывалъ еще глазъ, бѣгите!

— Кормилица! пробормоталъ Карлъ:—кормилица!

Генрихъ взявъ у изголовья Карла шпагу, бесполезную для умирающаго, спряталъ пергаментъ, дѣлавшій его регентомъ, за шапку.



ху, въ послѣдній разъ поцаловалъ въ лобъ Карла, обшегъ и вать, и быстро бросился въ отверстіе, затворившееся за нимъ.

— Кормилица! вскрикнулъ король громче: — кормилица!

Добрая женщина приближала.

— Что съ тобою, Шарло? спросила она.

— Кормилица, сказалъ король: — должно-быть, что-нибудь случилось пока я спалъ: я вижу ослѣпительный свѣтъ; я вижу Бога Создателя нашего; я вижу Иисуса, вижу благословенную Дѣву-Мрію. Они просятъ, молятъ Его за меня: Господь милосердный прщаетъ меня... Онъ зоветъ меня... Боже мой! Боже! прими меня въ твоёмъ милосердіи, забудь, что я былъ королемъ; я являю передъ Тобою безъ скипетра и короны. Господи, забудь преступленія короля и помни только страданія человека... Боже мой... передъ тобою...

И Карлъ, который, произнося эти слова, приподымался все болѣе и болѣе, какъ-будто идя на встрѣчу голосу, его зовущему, и пустилъ вздохъ и упалъ неподвижный, оцѣпенѣлый на руки кормилицы.

Въ продолженіи этого времени, пока солдаты, подѣ команду Катерины, занимали всѣмъ извѣстный выходъ, откуда долженъ былъ выйдти Генрихъ, онъ, въ сопровожденіи Рене, прошелъ по таенный корридоръ, достигъ калитки, вскочилъ на лошадь, поспѣвая къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ найдти де-Муи.

Вдругъ, на шумъ его лошади по звонкой мостовой, нѣсколько часовыхъ обернулись, крича:

— Онъ бѣжитъ, бѣжитъ!

— Кто? спросила королева-мать, приближаясь къ окншку.

— Король Генрихъ, король наваррскій, кричали часовые.

— Стрѣлять! сказала Катерина: — стрѣлять въ него.

— Часовые прицѣлились, но Генрихъ былъ уже слишкомъ далеко.

— Онъ бѣжитъ, вскричала Катерина: — слѣдовательно, онъ по бѣжденъ!

— Онъ бѣжитъ, прошепталъ герцога д'Алансонъ: — слѣдовательно, я король.

Но въ эту минуту, когда Франсуа и мать его были еще у окна, подѣемный мостъ зашумѣлъ подъ ногами лошадей; раздался звукъ оружія и громкій говоръ; молодой человекъ, со шляпою въ руке, вскачь взѣхалъ на дворъ, восклицая: *Франція!* За нимъ слѣдовали четверо всадниковъ, покрытыхъ, подобно ему, потоми, пыною пылью.

— Сынъ мой! вскрикнула Катерина, простирая свои руки къ окншка.

— Маленька! отвѣчалъ молодой человекъ, соскакивая съ лошади.

— Братъ д'Анжу! съ ужасомъ вскрикнулъ Франсуа, отскокнувъ назадъ.

— Не поздно ли? спросилъ д'Анжу у своей матери.

— Напротивъ: самъ Богъ не могъ бы привести тебя болѣе къста; смотри и слушай.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Нансей, капитанъ гвардіи, выходилъ на балконъ королевской комнаты.

Всѣ взоры обратились на него. Онъ переломилъ трость, и, размахнувъ руки, держа въ каждой изъ нихъ по обломку, произнесъ:

— Король Карлъ IX умеръ! король Карлъ IX умеръ! король Карлъ IX умеръ!

И бросилъ оба нуска трости.

— Да здравствуетъ король Генрихъ III, воскликнула тогда Катерина, крестясь съ набожною благодарностью. — Да здравствуетъ король Генрихъ III!

Всѣ повторили этотъ крикъ, исключая герцога Франсуа.

— А! она насмѣялась надо мною, проманысь онъ, раздирая рудъ свою ногтями.

— Я побѣдила, воскликнула Катерина: — и этотъ ненавистный каренецъ не будетъ царствовать.

## ХVI.

### ЭПИЛОГЪ.

Прошелъ годъ со смерти Карла IX и вступленія на престолъ его преемника.

Генрихъ III, благополучно царствующій милостію Бога и матери своей Катерины, отправился на торжественный ходъ, совершаемый въ честь клерикской Божіей-Матери.

Онъ вышелъ пѣшкомъ съ супругою и всѣмъ своимъ дворомъ.

Генриху III очень можно было предаваться этимъ маленькимъ развлеченіямъ: никакая важная забота не тяготѣла надъ нимъ въ это время. Король наваррскій былъ въ Наваррѣ, гдѣ ему такъ давно хотѣлось быть, и очень занимался, какъ говорили, одною прекрасною дѣвушкою изъ рода Монморанси, которую онъ называлъ la Fosseuse. Маргерита была при немъ, печальная и мрачная, и находила въ своихъ прекрасныхъ горахъ если не уничтоженіе, то по-крайней-мѣрѣ уменьшеніе двухъ главнѣйшихъ золъ жизни: отсутствія и смерти.

Пармизъ былъ очень-спокоенъ, и королева-мать, бывшая вполне ратникомъ съ-тѣхъ-мѣрѣ, какъ сынъ ея Генрихъ былъ королемъ,

жила то въ Лувръ, то въ суассонскомъ отелѣ; находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ теперъ хлѣбный базаръ. Теперъ отъ этого отела осталась только прекрасная колонна, которую можно видѣть противъ улицы.

Однажды вечеромъ, когда королева занималась изученіемъ свѣдѣній вмѣстѣ съ Ренѣ, маленькихъ измѣнъ котораго она и не подозревала, и который опять вошелъ къ ней въ милость, благодаря ложному свидѣтельству въ дѣлѣ Коконна и ла-Моля, — вдругъ пришли доложить ей, что кто-то имѣеть сообщить ей важное дѣло и ждетъ ее въ молеельнѣ.

Она поспѣшно вышла и очутилась передъ Морвелемъ.

— *Онъ* здѣсь, сказалъ отставной капитанъ петардщикъ, вопреки придворному этикету не давъ Катеринѣ времени обратиться къ нему съ вопросомъ.

— Кто *онъ*? спросила Катерина.

— Да кто же, ваше величество, если не король наваррскій?

— Здѣсь! произнесла Катерина:—здѣсь... *онъ*... Генрихъ... а зачѣмъ бы *онъ* пришелъ сюда, безразсудный?

— По-видимому, повидаться съ госпожею де-Совъ, только. Но вѣроятно въ-слѣдствіе заговора противъ короля.

— А какъ вы узнали, что *онъ* здѣсь?

— Вчера я видѣлъ, какъ *онъ* входилъ въ одинъ домъ: черезъ минуту пріѣхала и госпожа де-Совъ.

— Увѣрены ли вы, что это *онъ*?

— Я дожидался его выхода, т. е. порядочную часть ночи. Въ три часа, любовники вышли. Король проводилъ ее до воротъ Лувра; тамъ, благодаря сторожу, который, вѣроятно, на ихъ сторону, она вошла очень-спокойно, а король, напѣвая какую-то пѣсенку, пошелъ назадъ такъ непринужденно, какъ-будто былъ посреди своихъ горъ.

— Куда же *онъ* возвратился?

— Въ Улицу-д'Арбр-Секъ, въ гостинницу à la Belle Étoile, къ тому самому трактирщику, у котораго стояли два колдуна, казненные по волю вашего величества въ прошломъ году.

— Отъ-чего вы мнѣ сейчасъ же не донесли объ этомъ?

— Потому-что я еще не вполне былъ увѣренъ.

— А теперъ?

— Теперъ я увѣренъ.

— Ты видѣлъ его?

— Совершенно. Я спрятался у виннаго торговца напротивъ. Сначала, *онъ* вошелъ въ тотъ же домъ, что и наканунѣ; потомъ, такъ-какъ она долго не являлась, *онъ* неосторожно показавъ

ся въ окна перваго этажа: тутъ всѣ мои сомнѣнія разсѣялись, тѣмъ болѣе, что черезъ минуту госпожа де-Совъ опять пріѣхала.

— И ты думаешь, что они, какъ и въ прошлую ночь, останутся до трехъ часовъ утра?

— Очень-вѣроятно.

— Гдѣ этотъ домъ?

— Близъ Круа-де-Пти-Шанъ, къ Сент-Оморѣ.

— Хорошо, сказала Катерина. — Господинъ де-Совъ не знаетъ нашего почерка?

— Нѣтъ.

— Садитесь сюда и пишите.

Морваль повиновался и взялъ перо.

— Я готовъ, ваше величество, сказалъ онъ.

Катерина продиктовала:

«Въ то время, какъ г. баронъ де-Совъ исполняетъ свою обязанность въ Луврѣ, баронесса съ однимъ щеголемъ, его пріятелемъ, находится въ домѣ близъ Круа-де-Пти-Шанъ, около Сент-Оморѣ. Г. баронъ де-Совъ узнаетъ домъ по красному кресту на стѣнѣ.»

— Что дальше? спросилъ Морвель.

— Сдѣлайте копию съ этого письма, сказала Катерина.

Морваль машинально повиновался.

— Теперь, сказала королева:—прикажите какому-нибудь ловкому челоѣку передать одно изъ этихъ писемъ господину де-Совъ, а другое пусть онъ обронитъ въ корридорахъ Лувра.

— Я не понимаю... сказалъ Морвель.

Катерина пожала плечами.

— Вы не понимаете, что мужъ, получившій подобную записку, рассердится?..

— Но мнѣ кажется, ваше величество, что онъ не сердился прежде на короля наваррскаго.

— Тотъ, кто спускаетъ нѣкоторыя вещи королю, не проститъ ихъ, быть-можетъ, простому волокитѣ. Впрочемъ, если онъ не рассердится, вы за него должны будете рассердиться.

— Я?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Вы возьмете четырехъ, шестерыхъ челоѣкъ, если нужно, замаскируетесь, выломите двери, какъ-будто вы посланы барономъ, застанете любовниковъ на свиданіи и поразите ихъ во имя мужа; а на другой день, брошенное письмо, найденное какою-нибудь благодѣтельною душою и быстро пущенное въ ходъ, засвидѣтельствуетъ, что это было мщеніе мужа. Только по несчастному стеченію обстоятельствъ окажется, что любовникъ былъ

король наваррскій; но кто могъ себя вообразить это, когда всѣ думали, что онъ въ По?

Морвель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Катерину, поклонился и вышелъ.

Въ то самое время, какъ онъ выходилъ изъ суссонскаго отеля, г-жа де-Совъ входила въ маленькій домикъ у Круа-де-Пти-Шанъ. Генрихъ ждалъ ее у полуотворенной двери.

Увидѣвъ ее, онъ тотчасъ же спросилъ:

— За вами никто не слѣдовалъ?

— Сколько мнѣ кажется, нѣтъ, сказала Шарлотта.

— А меня такъ, кажется, преслѣдовали, не только-что ночью, но даже нынѣшнимъ вечеромъ, сказалъ Генрихъ.

— Боже мой! вы меня пугаете, ваше величество! Если вниманіе къ старинной дружбѣ будетъ причиною вашего несчастія, я никогда не утѣшусь.

— Будьте спокойны, другъ мой, сказалъ Бюарлицъ: — насъ сторожатъ три шпаги.

— Три? это немного, ваше величество.

— Этого слишкомъ-довольно, если шпаги эти принадлежатъ де-Муи, Сокуру и Бартелеми.

— Такъ де-Муи съ вами въ Парижъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Онъ осмѣлился возвратиться въ столицу! У него, слѣдовательно, какъ и у васъ, есть какая-нибудь бѣдная, влюбленная къ нему женщина?

— Нѣтъ. Но у него есть врагъ, котораго онъ нехотѣлъ убить. Ненависть, моя милая, можетъ увлекать въ такія же дурачества, какъ и любовь.

— Благодарю, ваше величество...

— О! сказалъ Генрихъ: — я не говорю о настоящемъ; я говорю о прошедшихъ и будущихъ дурачествахъ. Но не будемъ спорить объ этомъ; намъ некогда терять время.

— Вы, значить, все-таки ѣдете?

— Нынѣче ночью.

— Слѣдовательно, вы окончили дѣла, для которыхъ возвратились въ Парижъ?

— Я возвращался только для васъ.

— Гасконецъ!

— *Ventre-saint-gris!* другъ мой, я говорю правду; но отстранить эти воспоминанія; мнѣ еще остается два или три часа быть счастливымъ, а потомъ — вѣчная разлука.

— О, ваше величество! одна моя любовь вѣчна.

Генрихъ только-что сказалъ, что ему некогда спорить: онъ и не спорилъ: онъ повѣрилъ, или, не вѣра, притворился вѣрящимъ.

Между-тѣмъ, де-Мун съ двумя своими товарищами, какъ говорили король наваррскій, скрывался по сосѣдству дома. Они условились, что Генрихъ выйдетъ изъ маленькаго дома въ часъ вѣсперныхъ трубъ; что, такъ же, какъ и наканунѣ, они проведутъ г-жу де-Соръ до Луара, и оттуда пойдутъ въ улицу Серизе, гдѣ жилъ Морвель.

Де-Мунъ вчера только узналъ навѣрное, гдѣ живетъ врагъ его.

Они ждали уже около часа, какъ увидѣли, что къ маленькому домику приближился человекъ въ сопровожденіи другихъ пяти: передовой началъ примѣрять къ двери, одинъ за другимъ, нѣсколько ключей. Де-Мунъ, скрывавшійся во впадинѣ сосѣдней двери, однимъ скачкомъ очутился вблизи этого человека, и схватилъ его за руку—

— Постойте, сказалъ онъ:—сюда медленнѣе войдите.

Незнакомецъ отскочилъ назадъ и при этомъ движеніи уронилъ шпагу.

— Де-Мунъ де-Сен-Фаль! вскричалъ онъ.

— Морвель! заревѣлъ гугенотъ, обнажая свою шпагу.—Я тебя искалъ; ты самъ явился,—благодарю!

Но впадѣвшая мнѣ злоба не вставила его позабыть о Генрихѣ: обратившись къ окошку, онъ свиснулъ на манеръ бварскихъ пастьуховъ.

— Этого достаточно, сказалъ онъ Сокуру.—Теперь ко мнѣ, убійца! ко мнѣ!

И онъ бросился на Морвеля.

Морвель успѣлъ выдернуть изъ-за пояса пистолетъ.

— На этотъ разъ, сказалъ онъ, прицѣлывавшись въ молодого человека:—я надѣюсь, что ты убитъ.

И онъ выстрѣлилъ. Но де-Мунъ отпрыгнулъ вправо, и пуля пролетѣла мимо.

— Теперь моя очередь, вскрикнулъ молодой человекъ. Онъ нанесъ Морвелью такой сильный ударъ, что хотя шпага попала въ кожаный поясъ, но прорубила его и вошла въ тѣло.

Убійца испустилъ дикій крикъ, свидѣтельствовавшій такое глубокое страданіе, что бывшіе съ нимъ, почитая его убитымъ, бросились въ испугъ къ Улицѣ-Сент-Оморѣ.

Морвель былъ не изъ храбрыхъ: видя себя оставленнымъ своими друзьями передъ такимъ противникомъ, какъ де-Мунъ, онъ заблагоразсудилъ послѣдовать ихъ примѣру, и въ свою очередь бросился по той же дорогѣ, крича: помогите!

Де-Мунъ, Сокуръ и Бартолеми сгоряча бросились ихъ преслѣдовать.

Когда они въбѣжали въ Улицу-де-Гренель, чтобъ отрезать багетамъ дорогу, вдругъ отверзлась окно, и человекъ изъ перваго этажа выскочилъ на землю, только-что смоченную дождемъ.

Это былъ Генрихъ.

Свистъ де-Муи увѣдомилъ его объ опасности, а пистолетный выстрѣлъ, давъ ему знать, что опасность велика, заставилъ его броситься на площадь къ друзьямъ своимъ. Пылкій и сильный, онъ ринулся по ихъ слѣдамъ со шпагою въ рукъ.

Крикъ, раздавшійся въ сторону Сен-Жерменской-Заставы, навелъ его на слѣдъ. Это кричалъ Морвель, который, чувствуя, что де-Муи его догоняетъ, снова звалъ на помощь разбѣжавшихся отъ ужаса людей своихъ.

Ему оставалось или обернуться, или быть проколотымъ сади. Морвель обернулся и встрѣтилъ желѣзо своего противника, который нанесъ ему такой сильный ударъ, что прокололъ насквозь плечъ. Въ мгновеніе ока, де-Муи повторилъ ударъ; сталь снова вошла въ тѣло, и кровь двойною струею брызнула изъ двойной раны.

— Попаеса! воскликнулъ подоспѣвшій Генрихъ.—Коли его, де-Муи.

Де-Муи не нуждался въ одобреніи; онъ опять бросился на Морвеля, но Морвель не дожидаясь его: закрывъ лѣвою рукою свою рану, онъ пустился въ отчаянное бѣгство.

— Бей его! бей! кричалъ король.—Его солдаты остановились!

Съ стѣсненнымъ дыханіемъ, покрытый потомъ, Морвель вдругъ упалъ отъ изнеможенія; но онъ сейчасъ же привсталъ, и, стоя на колѣнъ, встрѣтилъ де-Муи остриемъ своей шпаги.

— Друзья! друзья! кричалъ Морвель: — ихъ только двое! Стрѣляйте! стрѣляйте въ нихъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, Сокуръ и Бартеlemi, преслѣдуя двухъ солдатъ, забѣжавшихъ въ улицу де-Пуль, удалились въ сторону, такъ-что въ настоящую минуту король и де-Муи находились только вдвоемъ противъ четырехъ человекъ.

— Стрѣляйте! продолжалъ реветъ Морвель, между-тѣмъ, какъ одинъ изъ солдатъ уже оканчивалъ нужныя для этого приготовленія.

— Да, но прежде умри,—измѣнникъ; умри и будь проклятъ какъ убійца!

Схвативъ одною рукою шпагу Морвеля, де-Муи другою вознѣлъ ему въ грудь свой клинокъ до самой рукоятки съ такою силою, что пригвоздилъ его къ землѣ.

— Берегись, берегись! кричалъ Генрихъ.

Де-Муи отскочилъ назадъ, оставя свою шпагу въ груди Морве-

ли; солдатъ уже прицѣлился въ него и убить бы его на-попалъ; но въ это самое время Генрихъ прокололъ солдата насквозь. Онъ упалъ вонъ Морвеля, а другіе разбѣжались.

— Идемъ, де-Мун, идемъ! сказала Генрихъ: — если насъ узнаютъ, всему конецъ.

— Подождите, ваше величество. А моя шпага? сказалъ де-Мун: — не думаете ли вы, что я ее оставляю въ тѣлѣ этого подлеца?

И онъ подошелъ къ Морвелю, лежавшему, по-видимому, безъ движенія; но только-что де-Мун наложилъ руку на эфесъ своей шпаги, какъ Морвель привсталъ, вооруженный ружьемъ, которое солдатъ уронилъ при своемъ паденіи, и въ-упоръ выстрѣлилъ въ грудь де-Муна. Молодой человекъ упалъ, даже не вскрикнувъ: онъ былъ убитъ на-попалъ.

Генрихъ бросился на Морвеля, но тотъ упалъ въ свою очередь, и шпага Генриха приколотла уже трупъ.

Цѣра было бѣжать; шумъ стычки привлекъ многихъ свидѣтелей. Могла прійти ночная стража. Генрихъ искалъ въ любовной толпѣ знакомаго лица, и вдругъ вскрикнулъ отъ радости.

Онъ узналъ ла-Гюрьера.

Такъ-какъ вся описанная нами сцена происходила близъ креста дю-Трагуаръ, то-есть, претивъ Улицы-д'Арбр-Секъ, то старый нашъ закоутокъ, котораго природное суровое расположеніе духа еще болѣе помрачилось со смерти ла-Моля и Коконна, его любимыхъ поствальцевъ, — услышавъ шумъ, бросилъ свои кастрюли и сковороды, въ которыхъ приготовлялъ ужинъ наваррскому королю, и прибѣжалъ на мѣсто дѣйствія.

— Любезный ла-Гюрьеръ, отдаю на твое попеченіе де-Муна, хотя и боюсь, что уже поздно. Отнеси его къ себѣ, и если онъ еще живъ—не жалѣй ничего: вотъ мой кошелекъ; что жъ касается до другаго, пусть онъ остается на мѣстѣ и гниетъ какъ собака.

— Но вы? сказалъ ла-Гюрьеръ.

— Я? мнѣ еще нужно проститься. Я бѣгу и черезъ десять минутъ буду у тебя; чтобъ лошади мои были готовы.

И Генрихъ дѣйствительно побѣжалъ въ направленіи къ маленькому домику; но достигнувъ Улицы-Гренелль, онъ остановился въ ужасѣ.

Многочисленная толпа собралась у дверей дома.

— Что тутъ? спросилъ Генрихъ: — что случилось?

— О! отвѣчалъ тотъ, къ кому онъ обратился:—большое несчастіе, сударь. Тутъ сейчасъ только поразилъ кинжаломъ прекрасную молодую женщину мужъ ея, котораго извѣстили завискою, что жена его здѣсь съ любовникомъ.

— А мужъ? спросилъ Генрихъ.



— Спасся.

— А жена?

— Она здѣсь.

— Мертва?

— Нѣтъ еще; но, благодаря Бога, не уйдетъ отъ смерти.

— О! вскричалъ Генрихъ:— я проклятъ!

И онъ бросился въ домъ,

Комната была полна народа; весь толпился около постели, на которой лежала несчастная Шарлотта, пораженная двумя ударами кинжала.

Мужъ ея, въ продолженіи двухъ дѣтъ скрывавшій ревность свою къ Генриху, воспользовался этимъ случаемъ для мщенія.

— Шарлотта! Шарлотта! кричалъ Генрихъ, расталкивая толпу и падая на колѣни возле ея кровати.

Шарлотта открыла свои прекрасные глаза, уже подернувшіеся тѣнью смерти, испустила крикъ, вызвавшій кровь изъ ея ранъ, и, дѣлая усиліе, чтобы приподняться, сказала:

— Я знала, что не могу умереть, не увидѣвъ его.

И въ-самомъ-дѣль, какъ-будто она ждала только этой минуты, чтобы вручить Генриху душу, которая его такъ любила, она приложила свои губы ко лбу короля наваррскаго, прошептала еще въ послѣдній разъ «люблю тебя» и упала бездыханная.

Генрихъ не могъ долго оставаться, не подвергаясь гибели. Онъ вынулъ кинжалъ, отрезалъ локоны прекрасныхъ волосъ, которые такъ часто расчесывалъ, любуясь ихъ длиною, и, рыдая, вышелъ сквозь рыдающую толпу, которая и не догадывалась, какія глубокія несчастія она оплакивала.

— Друзья, любовь, воскликнулъ Генрихъ въ отчаяніи:— все меня покидаетъ, все меня оставляетъ, всего лишая я въ одно время!

— Да, ваше величество, сказалъ ему тихо человекъ, отдѣлившійся отъ толпы любопытныхъ, окружавшихъ домъ и следовавшій за Генрихомъ:— но вамъ остается престолъ.

— Рене! вскрикнулъ Генрихъ.

— Тоуто-вакъ, ваше величество, Рене, васъ охраняющій: этотъ подлець, умирая, называлъ васъ по имени; теперь знаютъ, что вы въ Парижѣ; васъ ищутъ; бѣгите, бѣгите!

— И ты говоришь, что я буду королемъ, Рене? Я, бѣглець?

— Взгляните, государь, сказалъ Флорентинець, указывая карию на завязду, которая, сверкая, отдѣлялась отъ чернаго облака:— не я это говорю, а она.

Генрихъ глубоко вздохнулъ и исчезъ во мракъ.

## С Т А Р У Ш К Ъ

Когда еще твой локонъ длинный  
Вился надъ розовой щекой,  
И я былъ юноша чуждый,  
Чистосердечный и пустой, —  
Ты помнишь: кой-о-чемъ мечтали  
Съ тобою мы по вечерамъ.  
И — не забыла ты — давали  
Свободу полную главамъ.  
И много высказалось взоромъ  
Желаній тайныхъ, тайныхъ думъ,  
Но побѣдилъ моральнымъ вздоромъ  
Въ насъ сердце искаженный умъ.  
И разошлись мы полюбовчю,  
И страсть разсѣялась какъ дымъ...  
И чрезъ пол-жизни хладнокровно  
Опять сошлись мы — и хранимъ  
Молчанье тягостное... Такъ-то!  
Когда бъ изъ избытку смилъ младыхъ  
Побольше разума да такта —  
Не такъ бы вилъ и горько-тихъ,  
Былъ часъ случайной поздравей встрѣчи,  
Не такъ бы сжала насъ печаль,  
Иной тоемой звучали бъ рѣчи,  
Иначе было бъ жизни жаль...

Н. Н. — ВЪ,

16-го мая 1865.



## СТАРОЕ ЗЕРКАЛО.

*Поэма.*

(В. Н. П—овъ).

Буйная мятель разыгралась въ полѣ; узоры, вытканные морозомъ, заволокли окна моего ветхаго дома, и скоро ночь ляжетъ на пустынный окрестности села. Березы, прохладною тѣнью освѣжившія деревенскій пріютъ, теперь, при каждомъ порывѣ неровнаго вѣтра, упрямо склоняютъ свои вершины и жесткими, обнаженными вѣтвями бьютъ въ стѣну. По-временамъ собака вторитъ завываніямъ бури...

Какъ печально однообразіе нашихъ деревень въ зимнее время! Я сидѣлъ у окна, которое выходило въ садъ, и слѣдилъ за отходящимъ днемъ. Предметы быстро тонули въ сумеркахъ. Вотъ исчезла свѣтлая полоса рѣкки, отдѣляющей нашу деревню отъ соседней; деревья сада приняли неясныя формы; въ окрестныхъ избахъ замелькали огни. Черезъ минуту все утихло, кромѣ бури и моей мысли.

Въ комнатѣ моей еще не было огня — да и зачѣмъ онъ мнѣ? Свѣтъ и шумъ пугаютъ воображеніе, настроенное на печальный ладъ. Они выводятъ изъ забвѣнныя мысль, которая такъ привольно и радостно устремляется порою въ туманную даль прошедшаго — эту обѣтованную землю всѣхъ недовольныхъ жизнію, обманутыхъ настоящимъ.

Я не засталъ въ живыхъ ни отца, ни матери. Старость свела ихъ въ могилу прежде, чѣмъ успѣлъ я оторваться отъ городскихъ заботъ и служебныхъ обязанностей. Вокругъ меня, по разнымъ угламъ комнаты, разбросано скудное наслѣдство — завѣтъ родительской любви. Я внимательно перебиралъ каждую мелочь, думая найдти указаніе прежней жизни, слышать голосъ старины.

На голосовъ не было, кромѣ кашля старой няни, которая зажимала чужой въкъ,—и память моя напрасно искала слѣдовъ отжитаго. Впечатлѣнія дѣтства не выходили изъ глубокаго тумана. Новая жизнь, какъ суровая парка, отрѣзываетъ первыя нити нашей жизни, и только сильный толчокъ особенно-важныхъ случаевъ обрапашаетъ наши взоры въ ту сторону, изъ которой мы вышли навсегда. Смерть отца или матери, неожиданное счастье или несчастье ижеальнаго товарища, видъ луга, на которомъ играли, сновидѣнiе, мгновенно и ярко воскресившее передъ нами прежній бытъ,— вотъ что заставляетъ насъ быть снова дѣтьми или юношами, вадѣхаться или смѣяться, думать, что унесло время, и спрашивать, что принесло оно съ собою.

Блуждая по угламъ залы, неукрашенной фамильными портретами, глаза мои остановились на старомъ, почервившемъ отъ времени зеркалѣ. Не знаю, какая-то особенная сила влечетъ меня къ остаткамъ позолоты на его рамѣ, къ темнымъ пятнамъ на стеклѣ. Мнѣ любо всматриваться въ туманную даль, которая разстилается передо мною, замѣчать слиянiе свѣта и сумрака на его поверхности, слѣдить за трепетомъ тѣней, мелькающихъ тамъ, въ зеркальной сторонѣ.

Это зеркало, какъ старыи знакомецъ, напомнило мнѣ давнишнiе случаи. Во тмѣ минувшаго я начинаю различать семейныя эпохи, образы лицъ, когда-то очень-знакомыхъ, не отъ времени ставшихъ чуждыми. Я радостно хватаюсь за найденную нить, иду осторожно по открытымъ слѣдамъ... Вотъ полустертыя слова и буквы на ветхой рамѣ, выведенныя булавкой, — кто написалъ ихъ, не помню: можетъ-быть, моя сестры въ прекрасную пору сердечныхъ движенiй; можетъ-быть, я самъ, въ тѣ безпечные годы, когда не хочешь знать ни того, что пишетъ рука, ни того, что говоритъ сердце...

Бывало, сестры и братья шумной толпой прибѣгутъ въ ту комнату, гдѣ висѣло зеркало, поспорятъ не зная о чемъ, и потомъ уйдутъ, оставивъ меня одного. Тогда я подходилъ къ зеркалу и любилъ смотреть на солнце, которое отражалось въ немъ изъ противоположнаго окна. Невыносимый блескъ рвалъ глаза, слезы текли ручьями, а я все стоялъ и смотрѣлъ, желая переписать себя: мнѣ это нравилось, какъ ребенку.

Но поздно вечеромъ я боялся зеркала. Иногда батюшка посылалъ меня въ темную комнату за расходной книгой или счетами. Затаявъ дыханiе, не смѣя взглянуть въ сторону, поспѣшно проходилъ я мимо зеркала. Мнѣ чудились какiе-то образы въ тусклой глубинѣ его; казалось, кто-то неслышимый шелъ за мною, кто-то невидимый смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Часто я слышалъ свое имя, какiе-то прощасимое, но никогда не оглядывался.

Мне жилось тогда весело. Раза два въ неделю съѣзжались къ намъ гости, больше для шутки, рѣдко для танцевъ. Сестры недурно играли на фортепьяно. Но вдругъ эта веселая жизнь пришла совершенно-иное направление. Можно было подумать, что все семейство наше надѣло трауръ, или грозная опала поразила батюшку. Тихо отворялись и затворялись двери, раньше запирались верота, посвященія знакомыхъ почти прекратились; ни пѣсень въ двичьей, ни локота свестерь. Слуги ходили робко, не швыряясь изъ глазами. Я мало заботился о причинахъ переменъ въ образъ жизни, но самая перемена была неприятна девятилѣтнему мальчику. Я побѣждалъ на своему дядкѣ. «Послушай» спросилъ я: «вѣрно у васъ кто-нибудь боленъ?» — «Нѣтъ» отвѣчалъ онъ стримисто: «никто не боленъ.»

— Разъ, послѣ долгаго бѣганья въ саду, я пришелъ въ комнату и бросился въ большія кресла передъ зеркаломъ. Солнце уже садилось, шторы были опущены. Усталость одолѣла неугомоннаго жалуна, ишнина и полусвѣтъ навели на меня сладкое забытье: я задремалъ. Сначала мнѣ грѣзилось, что чей-то невыразимо-пріятный голосъ напѣваетъ колыбельную пѣсню, отъ которой мнѣ хотѣлось и плакать и смѣяться; потомъ закружились передо мной мальчуганъ, цѣпты, стрелы и сердитое лицо дядки.

Вдругъ скрипнула дверь. Я очнулся и вижу: матушка осторожно вступила въ комнату. На ней было богатое платье, которое возвышало ея красоту, и безъ того рѣдкую. Она тихо подошла къ креслу, печально наклонилась надъ моею головою, нѣжно обняла меня и горько заплакала — о чемъ? не знаю.

— Мнѣ стало жаль ея. Я обнялъ руками ея шею и громко спросилъ: «что ты, мамонька? что съ тобой?..» Но она зажала мнѣ ротъ и послѣднею оставила комнату.

Какъ только она ушла — вошелъ отецъ, суровый отецъ мой, который строго смотрѣлъ въ глаза дѣтямъ. Я притворился спящимъ, полузакрывъ глаза. Онъ тоже подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня въ зеркало, потомъ поцѣлывалъ меня въ голову и выдохнулъ — о чемъ? также не знаю.

Съ-тѣхъ-поръ прошло много времени. Отецъ и мать умерли; съ ними вмѣстѣ умерла для меня тайна слезъ и вздоха. Я выросъ, вошелъ въ свѣтъ. Потокъ новой жизни отбилъ меня отъ рѣдкихъ береговъ; которые больше и больше скрывались въ отдаленія. Но теперь, когда собственный опытъ показалъ мнѣ тѣмноту великаго тайны или силу неразрѣшенной скорби; я прихожу въ раздумье и часто себя спрашиваю: о чемъ она такъ горько плакала? отъ-чего она такъ глубоко вздыхала?

Напрасные вопросы! никто не отвѣчалъ на нихъ. Я пересталъ

вызвать воспоминаніе старушки-няни; оно было безчувственно, какъ тѣ могилы, въ которыхъ покоились мои родители. Урокъ родительской жизни — можетъ-быть спасительный урокъ — погибъ не-возвратно.

О, родители... любезные, но легкомысленные родители! Пускай бы вы приносили насъ въ жертву грозной необходимости настоящаго, мы высокими надеждамъ будущаго: безъ трепета и проклятій всходили бы мы на костеръ, во имя человечества. Но вы безопасно предавали дьяламъ вашей жизни, забывая жизнь потомства: не понимая дѣтей, вы лишаете ихъ возможности понимать васъ. Въ духовной вашей исповѣди жизни, а право на домашнюю рухлядь, и сынъ, вступая въ отцовскія владѣнія, увидитъ покорный годовы, до никто не скажетъ ему, что думали и чувствовали его родители!..

Лишь-только я кончилъ эту ораторскую выходку, какъ заступили въ ворота. «Кого это Богъ несетъ?» проговорила няня и пошла отворять неожиданому гостю. Я приготовился къ встрѣчѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, вошелъ низенькій, сѣдой какъ дубъ, но еще бодрый старичокъ. Румяныя, полныя щеки его показывали, что, не смотря на сѣдые волосы, онъ сберегъ свое здоровье, какъ только могутъ сберегать его постоянные деревенскіе жители, которые строго соблюдаютъ условія растительной жизни, т. е. питаются и растутъ, или питаются и не растутъ уже. Онъ отрекомендовалъ мнѣ сосѣдомъ по деревнѣ, Иваномъ Нидитичемъ Тюрильскимъ, прибавивъ:

— Ахъ ты, Господи, какой сибгъ! Такъ всего и занесло. Вотъ уже погоды!.. Вы не застаи въ живыхъ навеньки и мамоньки?.. Скажите, какое несчастіе! Они болано горевали о васъ. Вы были ихъ любимыи сынокъ и лицомъ всѣ въ мамоньку, какъ дитя наши воды! А пословица говоритъ: «счастливъ сынъ, который уродился въ матушку». Въдь я, позвольте вамъ сказать, еще помню васъ маленькаго, вотъ какого; я васъ на рукахъ носилъ.

Я поблагодарилъ его за память, хотя самъ не могъ припомнить, когда и какъ онъ меня нянчилъ.

— Ну что? продолжалъ онъ, смѣло входя въ разговоръ: — какъ вы распорядитесь устроить своей дѣлѣ? И напередъ знаю, вы захотите жить съ нашимъ братомъ деревенщиной. Въ деревнѣ будешь скучно, столичному человеку. Въдь вы, чай, одного жалованья хотите получать тысячу до пяти?

Я кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Ну, вотъ видите ли? Кто же вамъ велитъ покинуть Москву? — закъ вамъ дѣлать нечего. У васъ двадцать тягълъ; по цынѣшамъ неурожаямъ всего-то съ нихъ придется получить рублевъ

тысячу, а хлопотъ положь ротъ... Я по себѣ это знаю, пократе мнѣ, Алексѣй Петровичъ.

Тутъ онъ остановился и началъ кашлять. Я молчалъ.

— Знаете ли что, Алексѣй Петровичъ? Продайте мнѣ имѣніе. Мнѣ оно, конечно, не очень-нужно... ну, да вамъ надобно же будетъ продать его.

Мнѣ понравилось, что сосѣдъ мой безъ дальнихъ обходовъ приступалъ къ дѣлу. Имѣніе, дѣйствительно, слѣдовало продать; я согласился на предложеніе.

— И домъ? прибавилъ онъ.

— Все, что вамъ угодно, кромѣ вотъ этого зеркала.

Старикъ посмотрѣлъ на меня въ оба.

— Вы удивляетесь, Иванъ Никитичъ?.. Такъ, это моя прихоть, маленькій капризъ. — Надежда узнать что-нибудь о моихъ родителяхъ заставила меня оставить ложную скромность.— Видите ли что, Иванъ Никитичъ: это зеркало дорого мнѣ по одному воспоминанію изъ дѣтской жизни, — и я рассказалъ ему памятный мнѣ случай.

Иванъ Никитичъ задумался и уставилъ глаза въ землю. Потомъ, не смотря на меня, проговорилъ въ-полголоса: папенька вашъ былъ умный... почтенный человекъ.

Путьсъ мой забился сильнѣе; я весь превратился въ слухъ.

— Да, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ: — и маменька ваша была такая добрая... почтенная.

У проклятаго старика какъ-будто засѣло въ горлѣ, тогда-какъ я готовъ былъ платить по рублю за каждое его слово. Свиданіе могло кончиться ничемъ, еслибъ не взаимныя выгоды нашихъ. Я сталъ ласковѣе, старикъ разговорчивѣе. Слово-за-слово, и онъ рассказалъ мнѣ, *по-своему*, исторію загадочнаго случая, которую передаю моимъ читателямъ, тоже *по-своему*.

## I.

Самоваръ давно уже кипѣлъ, какъ-бы ворча на медленность Варвары Алексѣевны Горькиной, которая сидѣла на канане и занималась раскладкою гран-насынаса. Противъ нея, въ большихъ креслахъ, Ольга Ивановна (фамиліи ея никто не зналъ; даже на письмахъ къ ней писали просто: Ольга Ивановнѣ) съ удивительнымъ вниманіемъ наблюдала за каждой выходящей картой. Ея неподвижность, холодное, ничего-невыражающее лицо, а главное — бѣлыя, довольно-длинные рѣсницы и черные глаза, что очень-рѣдко соединяется въ одномъ лицѣ, но что однакожъ было у Ольги Ивановны, отталкивали отъ нея всякаго, по-крайней-мѣрѣ на первый

ратъ. Она нѣла особенный даръ не смотреть прямо въ лицо тому, съ кѣмъ говорятъ: знакъ нечистой совѣсти, или чрезвычайной хитрости. Варвара Алексѣевна любила ее по многимъ причинамъ: обѣ онѣ принадлежали къ числу старыхъ дѣвъ, обѣ были однолѣтчи, грѣшь вавосемъ имѣли около столѣтїя, обѣ воспитывались... виноваты, обѣ нигдѣ не воспитывались. Притомъ же Ольга Ивановна охотно слушала рассказы своей прїятельницы о частыхъ ссорахъ ея съ родными и знакомыми, смачивала ей табакъ, указывала ошибки въ грам-пасьянсахъ и мастерски гадала на картахъ. Кромѣ этихъ двухъ почтенныхъ особъ, въ небольшихъ комнатахъ, занимаемыхъ Варварой Алексѣевной, помѣщались Соничка и Митя, дальнѣйшіе ея родственники, сиротки. Въ этотъ вечеръ они дѣлали то же, что дѣлали почти каждый вечеръ: возили маленькую колясочку и шумели. На диванѣ, подлѣ хозяйки, храпѣла жирная моська Сильфида.

— Нѣтъ, не выходите! сказала Варвара Алексѣевна, потерявъ терпѣніе и бросивъ карты. — Ольга Ивановна, налейте, пожалуйста, чаю. Вотъ, говорятъ, смѣшно вѣрить картамъ, а я по себѣ знаю, что нельзя нѣтъ не вѣрить. Грѣшно, можетъ-быть, а смѣху нѣтъ никакого. Третьяго-дня вышла мнѣ непрїятность: пиковый тузъ легъ на сердце. Что жь? вѣдь такъ и случилось: вчера я поссорилась съ Говорковой, и теперь ужь полно уважать эту старую дуру.

— Да кто жь это, матушка, говорить, что карты врутъ? спросила Ольга Ивановна, не подымая глазъ.

— Какъ кто? философъ нашъ, Платонъ...

Съ этимъ словомъ Платонъ Петровичъ Глобовъ вошелъ въ комнату.

— Смотрите, какъ онъ легкокъ на поминъ, закричала Варвара Алексѣевна. — Не успѣли мы выговорить его имени, а онъ ужь передъ нами, какъ листъ передъ травой.

— Я только на поминъ легкокъ, а во всемъ прочемъ солиденъ, сказалъ Глобовъ, подходя къ рукъ хозяйки и смѣясь своей остроумной, впрочемъ, никто, кромѣ его, не замѣтилъ. — Здравствуйте, Варвара Алексѣевна; мое почтеніе, Ольга Ивановна; здорово, Митя.

Приходъ Глобова, часто посѣщавшаго Горькину, оживилъ небольшую компанію. Варвара Алексѣевна засыпала его вопросами, Митя карабкался къ нему на колѣни, горничная Палашка выглядывала изъ своей конурки, даже Сильфида, отъ жира едва-перевѣсившая ноги, кой-какъ свалилась съ дивана и радостно замахаивала хвостомъ.

— Что это, батюшка, пропалъ совсѣмъ? ровно двѣ недѣли глазъ показывалъ! Я ужь собиралась служить по тебѣ паннихиду.



— Нельзя было, Варвара Алексѣевна: дѣла...

— И, полно врать: какія у тебя дѣла! Чай, волочилси на-палуую?

— Нѣтъ, Варвара Алексѣевна, я пересталъ волочиться. Прежде нечего грѣха таять, водились за мной шалости, а теперь не до того. Я къ вамъ зашелъ на минутку, проститься.

— Какъ проститься?

— Завтра я ѣду.

— Куда?

— Къ себѣ въ деревню.

Извѣстіе, видно, было неожиданное. Рука Варвары Алексѣевны отправилась-было въ табакерку, но на полдорогѣ остановилась; Ольга Ивановна вполонину подняла рѣсницы; Соничка и Мата змолкли; Сильфида перестала махать хвостомъ.

— Вы знаете, началъ Платонъ Петровичъ:—послѣ батюшки осталась маленькое наследство, которое до-сихъ-поръ еще не раздѣлено. Братья и сестры вызывали меня разъ двадцать; я столько разъ собирался къ нимъ и все откладывалъ поѣздку. Скоро ли вы беретесь изъ Москвы! то то, то другое останавливаетъ на каждомъ шагу. А тамъ, глядишь, два года проходить, какъ два дня. И послѣднемъ нисемъ, родные настоятельно просятъ меня покончить дѣло; я взялъ отпускъ, нанялъ лошадей, и завтра ѣду.

— Вотъ что... ну, это дѣло нужное, надо поспѣшить. Поѣзжай батюшка, съ Богомъ. Только слушай, уговоръ лучше дейдетъ: какъ-только воротитшься, тотчасъ приходи къ намъ и все расскажи; а не то рассорюсь съ тобой навѣкъ.

— Исполню ваше приказаніе.

— То-то же, смотри.— Не угодно ли чаю? Палашка! что жъ ты разинула ротъ? подай Платону Петровичу трубку; ты знаешь онъ кушаетъ чай съ трубкой.—Счастливой дороги, батюшка, благополучнаго пути; устройвай свои дѣла, да возвращайся скорѣе въ Москву. Кстати, Ольга Ивановна, вы мастерица гадать: погадайте-ка нашему гостю.

Глобовъ засмѣялся.— Къ-чему это, Варвара Алексѣевна? Вы знаете, я плохо вѣрю картамъ.

— Ахъ, батюшка, по-чемъ знать, что съ тобой тамъ случится! Можетъ-быть, ты влюбишься и женишься; на это немного нужно времени.

— Чтобъ жениться? ваша правда; но довольно-трудно мнѣ влюбиться. Я вышелъ изъ числа селадоновъ. Все эти романческіе бредни, которыя такъ долго кружили мнѣ голову, наконецъ, благодаря Бога, оставили меня въ покоѣ; сердце мое свободно отъ постоа. Мнѣ такъ хорошо въ новомъ моемъ положеніи, что я

не думаю съ ними разстаться. Нѣтъ, полно мнѣ страдать, т. е. влюбляться. Теперь мое скромное желаніе — *хозяйка, да шей горшокъ, да салъ-большой.*

— Прежде вы, вѣрно, не такъ думали, замѣтила Ольга Ивановна, тасуя карты.

Глобовъ вздрогнулъ.

— Прежде? подумалъ онъ.— А что тебѣ за дѣло, кievская вѣдьма, до моего прежняго? Я знаю, какovo оно было, и больше меня никому не знать его.

Между-тѣмъ, Ольга Ивановна, пошептавъ что-то на треновомъ королѣ, начала его обкладывать картами справа и слѣва, сверху и снизу. Какъ нарочно, изъ колоды лѣзли все одни пики, Варвара Алексѣевна сомнительно качала головой, Платонъ Петровичъ болталъ съ Соничкой. Онъ точно не вѣрилъ картамъ, но, какъ всѣ люди слабаго характера, боялся гаданья. Его пугали глушыя предсказанія бабъ и юродивыхъ, хотя тѣ же несчастія онъ имѣлъ возможность предполагать самъ каждый день, каждый часъ.

— Дорога! начала Ольга Ивановна.

— Вы угадали: я сейчасъ сказалъ, что завтра ѣду.

— Дорога, повторила Ольга Ивановна: — потомъ неожиданная остановка.

— Дѣло возможное: сломается ось, захромаетъ лошадь, собьются съ дороги.

— Въ какомъ-то домѣ вы найдете пріятную компанію.

— Я думаю, на постояломъ дворѣ. — Дорога большая, народу съѣзжается такъ много, что я легко могу встрѣтить знакомыхъ батюшки, или моихъ бывшихъ товарищей по университету.

— Бубновая дама плѣнитъ ваше сердце.

— А! вотъ гдѣ завязка!

— Вы горячо ее полюбите, и она къ вамъ будетъ неравнодушна.

— Давай-то Богъ!

— Любовь ваша кончится марьяжемъ.

— Быть не можетъ! любовь и марьяжъ развѣ сходятся вмѣстѣ!

— Послѣ марьяжа... Тутъ Ольга Ивановна остановилась, выкладывая послѣднія карты.

— Ну, что жь послѣ марьяжа? спросила Варвара Алексѣевна.

Ольга Ивановна молчала, осматривая положеніе картъ. Потомъ шургуя смѣшала ихъ, не сказавъ ни слова.

— Ты съ ума сошла, матушка, закричала Варвара Алексѣевна: — не кончивъ гаданья, бросаешь карты.

— Такъ, Варвара Алексѣевна, я все сказала; мало ли что говорить глушыя карты!..

Глобовъ призадумался. Ему и безъ того не нравилась Ольга Ивановна, а теперь онъ просто почувствовалъ къ ней отвращеніе, неполамя съ боязнію. Ольга Ивановна была въ глазахъ его чуть не колдунья. Онъ хотѣлъ обратить въ шутку послѣднія слова ея, но шутка выходила плоскою, слова какъ-то не клеились. Тревожное раздумье невольно выступало на лицѣ, просвѣчивало въ глазахъ, отзывалось въ несвязной рѣчи. Желая поскорѣй выйти изъ непріятнаго положенія, онъ взялъ шляпу и простился съ Варварой Алексѣевной на цѣлый мѣсяць.

Больше всѣхъ сердилась и не могла утѣшиться Варвара Алексѣевна. — Я въ первый разъ вижу такое глупое гаданье, повторала она: — половина картъ еще въ рукахъ, а вы ихъ мѣшаете.

Когда Глобовъ вышелъ на улицу, звѣзды уже устляли небо. Теплая июльская ночь призывала къ раздумью и любви. По бульварамъ, которыми Москва такъ справедливо гордится передъ Петербургомъ, бродили толпы гуляющихъ, очень-довольныхъ тѣмъ, что стихотворцы могутъ воспѣвать прелести лѣта, не дрожа отъ холода и не прячась отъ дождя. Кой-гдѣ запоздалыя шарманки вытѣщали на галопѣ бѣдный сборъ дневнаго странствія; по-временамъ, изъ открытыхъ оконъ дальняго домика, окруженнаго садомъ, неслась пѣснь флейты, унылая какъ жалоба на измѣну счастья въ прошломъ, на недовѣрчивость сердца къ счастью въ будущемъ... Глобовъ избѣгалъ многолюдства и встрѣчь съ знакомыми. Забота ль объ отъѣздѣ, или выходка гадалщицы настроили его на меланхолическій тонъ, но только тяжелое чувство щемило его сердце. Онъ выбиралъ уединенные переулки, предпочитая далекій обходъ невыносимому для него шуму и движенію. Тамъ все было тихо, въ этихъ скромныхъ переулкахъ, которые, не во гнѣвъ столицѣ, позволено назвать проселочными дорогами города, и всего тише невымощенная улица. И до-тѣхъ-поръ, пока дворняшка не тявкнетъ изъ подворотни или не предложитъ услугъ своихъ извозчикъ, который подѣдетъ къ вамъ на почтовыхъ, а повезетъ на долгихъ, вы можете свободно предаться мечтамъ своимъ. Глобовъ то и сдѣлалъ. Онъ былъ далеко. Онъ мысленно осмотрѣлъ путь своей жизни, измѣряя то, что пройдено, и строя предположенія о томъ, что надобно еще пройти. Безъ привязанностей болѣе или менѣе сильныхъ, жить нельзя: онъ были у Глобова. Съ одной стороны, университетскіе товарищи, которыхъ онъ чуть-то называлъ друзьями, съ другой — любовь, которая никогда не восходила до истинной страсти. Легко разрываются такіа цѣпи; но Глобовъ жалѣлъ ихъ, бессильный и бросить непрочное и завязать крѣпкое. Въ этотъ вечеръ, когда семейныя обстоятельства вызывали его изъ Москвы въ деревню, передъ нимъ, больше чѣмъ

когда-нибудь, ложился вопрос: что ожидает тебя там? что оставишь ты здѣсь? Смутное чувство горести завладѣло имъ мгновенно и, я думаю, на мгновеніе. Быстрой воспріимчивостью надѣлены и слабодушные, но также быстро исчезаютъ въ нихъ принятые впечатлѣнія. Чтобъ разстроить ихъ, довольно небольшого писма, котораго они ждали, или глупыхъ словъ гадалщицы, которой они не вѣрятъ. Имъ страшно измѣнить обычное теченіе своей жизни, хотя они внутренно ею недовольны. Они не могутъ создать себѣ заслуженное счастье; не могутъ и противиться несчастію, которое постигло ихъ беззаконно.

— Что ожидаетъ тебя там? думалъ Глобовъ. Родныя объятія?.. Да, они крѣпко сожмутъ тебя послѣ многихъ лѣтъ разлуки; но здѣь надобно будетъ снова и скоро разлучиться: тебѣ нельзя жить въ деревнѣ. Зачѣмъ же испытывать на время давно-забытое упоеніе семейственной любви, единственно-вѣрной? Эта сладость кровныхъ узъ, эти пріятные образы родныхъ, простота деревенскихъ обычаевъ, яркое воспоминаніе дѣтства... для того они воскреснутъ предъ тобою, чтобъ снова отойти въ гробъ. И самое воспоминаніе о нихъ, такъ пріятное посреди заботливыхъ обязанностей, обратится мыслию о невозможности пользоваться ими долго, навсегда... А между-тѣмъ, здѣсь, крылатое время употребить во зло твое отсутствіе: оно научитъ думать о тебѣ безъ сожалѣнія, встрѣчать тебя безъ радости. Что бы ни говорили, а земля должна же взять свое. Отними руку, которую такъ горячо сжимаетъ рука твоей любовницы, разбей портретъ, на который ты не можешь насмотрѣться вдоволь, сожги кудри волосъ, отрезанныхъ ея рукою, орошенныхъ ея слезами — и потомъ спроси свое сердце: такъ же ли ярко горитъ въ немъ пламя любви? по-прежнему ль ея прекрасный образъ носится передъ тобою? и тѣ же ли слезы выступаютъ на глазахъ, когда припоминаешь прощальный поцалуй?... Теперь добрая память о вчерашнемъ свиданіи даетъ надежду на свиданіе завтра, а тогда?.. можетъ-быть, не узнаютъ меня при встрѣчѣ и разсѣянно спросятъ себя: кто идетъ?

— Кто идетъ? заревѣлъ будочникъ, сердитый Богъ-знаетъ за что. Глобовъ молчалъ, выведенный изъ мечтаній самымъ прозаическимъ образомъ. — Что жъ ты не даешь отвѣта? продолжалъ будочникъ: — поздно не вѣрно ходить, слышь ты; ступай домой.

Смѣшно было сердиться, еще смѣшнѣе извиняться, и нашъ мечтатель послушался будочника.

Надѣли черезъ полторы, Глобовъ приближался къ цѣли своей поездки, которая была ему полезна во многихъ отношеніяхъ — и благотворнымъ вліяніемъ на здоровье, и вѣрнымъ указаніемъ дѣятельности, знакомой ему по слухамъ да книгамъ. Надѣль по-

вѣряются мечтанія юности. Глобовъ любилъ деревню, какъ дѣ-  
бать ее всѣ недалновидные поэты: онъ даже самъ когда-то вос-  
пѣвалъ серебряныя волны рѣкъ, свирѣль невинныхъ пастуховъ,  
теплыя молитвы благодарныхъ поселянъ, злато полей, волнуемыя  
дыханіемъ зефира,—все, что нужно для идеаліи, но безъ чего пу-  
тешественникъ принужденъ иногда обходиться. Теперь ужъ онъ не  
цѣлъ, сидя въ тряской кибиткѣ и смотря на черную землю, вми-  
ханную сохой крестьянина. Солнце стояло прямо на небѣ, обли-  
вая землю полдневнымъ жаромъ. И стрекозы присмирѣли. Слу-  
танья лошади щипали траву на придорожьи. Короткій отмычъ  
пахарей представлялъ мало живописнаго: тотъ свернувшись въ  
комокъ, спалъ близъ сохи, другой, раскинувъ руки и разинувъ  
ротъ, облепленный мухами, лежалъ подлѣ куштина съ водой и  
краюхи хлѣба, который обнюхивала собачонка... Взоръ, утомлен-  
ный однообразіемъ поэтической картины, отыскивалъ пріюта въ  
лѣсу, лугахъ, на колосистой пшавѣ. И точно: не вдалекѣ отыри-  
лась нива, на краю горизонта выступилъ лѣсокъ. Бабы жали рожь.  
Глобовъ, вспомнивъ стихотвореніе Державина: «Зрѣшь ли ты па-  
ведь тѣдскій?», внимательно слѣдилъ за ихъ ловкой работой, какъ  
онъ, нагнувшись до земли, срѣзывали полные, высокіе колосы.  
На жнивѣ, лицомъ къ солнцу, лежалъ завернутый въ тряпки гру-  
дой ребенокъ, крича во все горло. Но мать, кажется, не слышала  
этого крика; она продолжала усердно работать и только въ  
нажды, выправившись и показавъ загорѣлое, облитое потомъ ли-  
цо свое, прикрикнула на ребенка: «Да перестанешь ли ты реветь,  
окаянный? ты видишь, мнѣ некогда. Вотъ постои, я скажу бари-  
ну (она указала на повозку Глобова); вотъ онъ-те дастъ!»

Скоро дорога побѣжала внизъ, направляясь къ лѣсочку, отъ ко-  
торого, въ недалнемъ разстояніи, на полугоръ, видѣлась скром-  
ная сельская церковь. Глобовъ то обгонялъ повозки съ снопами,  
тянувшіяся въ деревню, то встрѣчалъ пустыя телеги, вѣхавшія въ  
поле за хлѣбомъ. Между-тѣмъ, отъ сильнаго жара, скопился густой  
облака, которыя ждали только попутнаго вѣтра, чтобъ съ далека-  
го небосклона двинуться въ путь. Путешественникъ нашъ заботли-  
во осмотрѣлся кругомъ. Возница его плохо знаетъ проселочныя до-  
роги, а кони были еще плоше. Куда дѣваться отъ дождя вѣчно?  
На всякій случай, онъ хотѣлъ поразспросить объ окрестныхъ селахъ.  
Эй, любезный, закричалъ онъ поразившемуся съ нимъ мужику:  
—остановись-ка на минуту.

Мужикъ произнесъ лошади обычное междометіе, котораго нельзя  
изобразить на бумагѣ, и снялъ шляпу.

— Знаешь ли ты ту церковь... вонъ, что подлѣ лѣса?

— Знаю, знаю... какъ не знать... которая церковь?

— Вотъ, рядомъ съ лѣсомъ, на-право, красная крышка: видишь?

— Вижу, вижу,.. какъ не видеть: у лѣса, на лѣвой рукѣ?

— Нѣтъ, на правой.

— Да, на правой, такъ. Ну, такъ что жь тебѣ?

— Какъ прозывается это село и чья оно?

— Село, гдѣ церковь-та?

— Да.

— А Богъ его знаетъ... Ну, сѣрко, трогайся!

— Ахъ ты дуракъ! да какъ же ты сказалъ...

— Что жь ты, баринъ, ругаешься?.. За что ругаешься-то, баринъ? Ну, почему я знаю, какъ прозывается село? развѣ я всё село знаю?

Глобовъ махнулъ рукой и велѣлъ ѣхать далѣе, а мужикъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, говоря ему велѣлъ: «вотъ ругатель какой вышелъ, скажи да скажи ему; почему я знаю всё село? развѣ ихъ мало здѣсь?» Онъ не забылъ своей обиды даже въ то время, какъ приближился къ мужичкамъ, работавшимъ въ полѣ, которыми тутъ же рассказывалъ всю исторю. «Прицѣпалъ къ горлу: скажи да скажи, куда тамъ село, какая тамъ церковь, какъ прозываются помѣщичья.. да почему я знаю? вѣдь я мѣсяць только перевеленъ сюда изъ Баратова.» Мужики начали головой и смѣяться: «Вотъ братъ Терзи, не знаешь гдѣ положиться, гдѣ найдешь; наслалъ Богъ облакъ!»

Взлетѣвъ ихъ былъ прерванъ оглаженнымъ ударомъ грома, въ-стихивавъ думей грозы. Прохладный ватеръ потянулъ въ лицо ослѣпить. Дѣвъ, какъ-бы готовясь къ битвѣ, задумѣвъ вѣтвица. Возвращенныя галии съ крикомъ пронесли надъ лугомъ. А тамъ, надъ самой тучей, широкими кругами гулялъ коршунъ, презирая бѣшенное шибтанье испуганныхъ ласточекъ. Столбы желтой пыли, поминившея вдалѣ дорогъ, заслоняли чистую лазурь неба; соднѣли шираталось въ облака, и велѣлъ за молціей, амѣю разрывающей тучу, громъ съ трескомъ разсыпался по лѣсу и звучнымъ эхомъ покатывалъ въ окрестности. Глобовъ хоть и зналъ, что деревья при-таскающъ электричество, но дѣлать было нечего: за невѣтніемъ другаго приставаща, онъ велѣлъ извѣстнику остановиться при вѣздѣ въ лѣвъ. Скорѣ крупныя капли какъ свинець упали на воздѣхивающыя листья; потнѣи дождь сталъ напращивать сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ разразился проливнемъ. Распаленная земля жадно впитала водныя потоки, отъ которыхъ не было спасенья подъ рогожнымъ павсомъ полуживой кибитки. Вдали горѣла какая-то деревня, за-жвѣдалъ небеснымъ огнемъ. Пока Глобовъ смотрѣлъ, какъ пламен-ная стихія спорила съ силами человека, дождь сталъ утихать, су-

ча, гремя и блистая, удалялась на другую половину небесного свода, а съ той стороны, откуда она шла, небо прояснилось. Въ 9 часовъ, Глобовъ выѣхалъ изъ лѣса, рѣшаясь вѣчевать въ бѣ жайшей деревнѣ, о которой мужикъ сообщилъ ему такое вѣрное извѣстіе. И въ-самомъ-дѣлѣ, невозможно было думать о продолженіи пути: лошади выбились изъ силъ, колеса тонули по ступицу въ взмокшемъ черноземѣ. Усталые, голодные, мокрые, извошканы и баринъ шли у повозки, понукая измученныхъ коней. При вѣздѣ къ околицу, Глобовъ увидѣлъ протоптанную, довольно-широкую дорожку, которая чрезъ гумно и садъ вела къ господскому домику, выстроенному на горѣ. Онъ приказалъ извошканику ѣхать въ село, къ барскому дому, а самъ отправился по дорожкѣ, кратчайшимъ путемъ, просить гостепріимства у незнакомыхъ людей.

Какъ ни желалъ онъ покойнаго ночлега, но красоты сельской природы заставили его нѣсколько разъ остановиться на полпути. Вечеръ, послѣ грозы, дышалъ тепломъ и ароматами. Было что-то нѣжно-печальное въ дыханіи воздуха, въ неподвижности деревь, въ наклоненныхъ стебелькахъ цвѣтовъ. По-временамъ капли дождя падали съ листьевъ на землю. Кузнечикъ, прерванный бурей, защекоталъ снова на влажной травѣ. Въ полупрозрачномъ сумракѣ слышалась однотонная пѣсня жука, летящаго на изумрудныхъ крыльяхъ. За лугомъ, примыкавшимъ къ саду, тянулась роща. Сквозь темныя деревья свѣтилась небольшая рѣчка; на водахъ ея качались полусонные гуси, а надъ окномъ дома кричалъ неугомонный перепелъ, нарушая своимъ звонкимъ крикомъ тайны ночи. Лучи мѣсяца ударяли въ церковный крестъ и въ стекла бесѣдки, построенной въ среднѣ сада, подъ тѣнію акацій, прямо противъ дома. Черной волосою окаймилась туча дальній небосклонъ, прощались молніями съ успокоевной землей. И когда яркій огонь ихъ, разрывая густую массу облаковъ, мгновеннымъ свѣтомъ обливалъ и садъ, и рощу, и рощу, тогда изъ ночной темноты выходилъ нивенскій домъ вѣнчика, и легко было различить стоявшую у окна фигуру женщины; въ бѣломъ платьѣ. Любовалась ли она послѣдними остатками грозы, или вдыхала ароматы цвѣтовъ, растущихъ подъ окнами въ цвѣтущихъ, этого нельзя было видѣть. Только въ то время, какъ нѣсколько саженей отдѣляли домъ отъ Глобова, раздались звуки фортепьяно, и нѣжный, тихій контральтъ запѣлъ печальную пѣсню. Глобовъ не могъ упомянуть точныхъ словъ пѣсни, но содержаніе ея было почти-такое:

• Солнце закатилось въ тучу: завтра быть грозь. Сердце погрузилось въ думу: не миновать ему бѣды.

• Не жди меня: я не прийду... не прийду ни сегодня, ни завтра. Хочу по-честу, кричать себя къ разлуки.

«О, не влечь!.. Въ разлуку мы будемъ несчастны; но гдѣ, мы не были бы частыми и идеальными».

«У счастья есть время, какъ у времени есть крылья. Для насъ, я чувствую, оно прошло: чувство никогда меня не обманывало».

«Оглянись, мой другъ: такъ ли смотришь ты на жизнь, какъ прежде, въ первые годы знакомства? Сомнѣніе и горе задали намъ трудные вопросы: не рѣшить ли намъ ни порознь, ни вмѣстѣ».

«Мы устарѣли, не замѣчая того... На головѣ нѣтъ еще сѣдыхъ волосъ; но ранніе морщины на лицѣ, но печальные взоры, но вѣчная забота ума говорить, что прежде случай лишилъ насъ возможнаго счастья, а теперь счастье невозможно».

«Богатство не дается даромъ; каждое пріобрѣтеніе требуетъ жертвы. Мы знали многое — и за радость знанія платили печалью сердца».

«Если бы можно было воротить то время, когда позволено не только думать о частяхъ, но и владѣть счастьемъ, когда испытываютъ наслажденія прежде, чѣмъ узнаютъ нѣтъ цѣну, — я радостно пошелъ бы съ тобою въ путь жизни, добрый и вѣрующій, безъ страха при встрѣчѣ съ бѣдами, съ благодарнымъ чувствомъ за малѣйшее удовольствіе».

«Но теперь я одинъ пришелъ къ тому, къ чему приходять вдвоемъ, къ счастью любящаго сердца. Любовь не возвыситъ насъ болѣе, не скажетъ намъ ничего новаго. Путь конченъ: надобно разстаться...»

## II.

Глобовъ внимательно слушалъ, забывъ, что находится въ чужомъ саду; подавшійся словамъ пѣсни и голосу, онъ не сходилъ съ мѣста, когда голосъ уже замолкъ, и рука пѣвицы лѣниво перебирала клавиши разстроеннаго фортепьяно. Такъ прошло минутъ пять. Между-тѣмъ, особа, пропѣвшая романсъ, подошла къ окну, чтобъ еще разъ взглянуть на красоту лѣтней ночи. Видъ пейзажа, освѣщеннаго луною, поразилъ ее; она съ крикомъ бросилась отъ окна. На крикъ сбѣжались домашніе; поднялась суматоха прежде въ домъ, потомъ на дворъ. Собаки громко залаяли; нѣсколько дворовыхъ людей бѣжало прямо къ саду. Глобовъ увидѣлъ, что оставаться долѣе въ бездѣйствіи значило затруднить свое положеніе и безъ того непріятное и странное, и смѣло направилъ шагъ къ садовой калиткѣ.

— Дома баринъ? спросилъ онъ у сѣмной дѣвушки, которая поворачивая на него поглядывала.

— Баринъ? какой баринъ?

— Ну, тотъ, который живетъ въ этомъ домѣ... ванъ господинъ?

— Дома; позвольте, я доложу.

Но докладывать было нечего. Иванъ Анисимычъ Ягодникъ уже стоялъ на крыльцѣ, въ изорванномъ халатѣ, ожидая вѣра и встрѣчая гостя.



— Проступайте сюда, батюшка, кричалъ онъ съ крыльца, открывая дверь:— милости просимъ!

Глобовъ, извинившись въ суматохъ, которую онъ такъ глумился надъ дядькой, просидѣвъ полчаса.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я Платонъ Петровичъ Глобовъ.

— Возможно ли? Сынъ Петра Ивановича?

— Точно такъ.

— Моего сослуживца при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ въ полку Миллера-Закамельскаго?— И съ этимъ словомъ онъ бросился шагомъ къ Глобову, душилъ его въ своихъ объятіяхъ, цаловалъ, обнималъ, обнималъ и цаловалъ.— Ахъ, любезнѣйшій мой, родной мой! повторялъ онъ, осыпая поцалуями прѣзжаго:— да знаете ли что батюшка вашъ не только быдѣ мнѣ другъ, но и благодѣтель. Онъ при одномъ случаѣ избавилъ меня отъ такой бѣды, что и забуду этого до втораго пришествія... Но объ этомъ послѣ. Теперь вамъ надобно покушать и отдохнуть. Эй, дуракъ! (босой мальчикъ, стоявшій у притоки, выпрямился) что жъ ты разинулъ ротъ Вели подавать свѣчи, да готовить ужинъ... Да какъ это вы зашли къ намъ въ садъ?.. А! понимаю: вы вѣрно вѣхали изъ Барковъ, тутъ прямо мое гумно, и вы увидали дорожку. Это моя любимая дорожка: я хожу по ней на гумно, когда тамъ работаютъ. Прежде не было той налиточки, черезъ которую вы вошли въ гумно въ садъ; въ прежнее время, я молодцомъ махалъ черезъ плечи, а теперь ужъ не та пора, батюшка: одряхлѣлъ; годъ и заботы особенно съ тѣхъ поръ, какъ умерла жена Прасковья Петровна, дай Богъ ей царства небеснаго! Вдовцу плохо жить; жениться скорѣй, Платонъ Петровичъ... Вы еще не женаты, смѣю спросить. Въ это время, не побѣжала, а влетѣла въ комнату молоденькая дѣвушка, расстроенная и загарившая, въ пестромъ платьѣ.

— Посмотрите-ка, кричала она весело:— какого я славнаго мужика!— Но, увидѣвъ незнакомое лицо, ахнула и сарометью бросилась вонъ изъ комнаты, не затворивъ двери.

.. Молодецъ Анисимычъ залился звонкимъ смѣхомъ.

— Ай, славно! вотъ одолжила! Молодецъ, нечего сказать! вѣсткой, куда же ты? Возьми хоть жука-то; зачѣмъ ты его бросила на полъ?.. Извините, Платонъ Петровичъ: это младшая дочь моя, Маша, страшная вертушка; она не знала, что вы здѣсь. Вотъ, рекомендую вамъ старшую, Лизу.

Глобовъ тутъ только замѣтилъ, что въ комнатѣ было еще три или четыре дѣвушки, одѣтая въ бѣлое платье. Она прислала гостя держась за ручку кресла и не поднимая глазъ.

— Подойди ближе, Лиза; полно прятаться въ уголъ: она т

свѣсть. Это у меня, Платонъ Петровичъ, дикарка; нестателъша; вы не скоро съ ней сойдетесь; а вотъ ту, напередъ знаю, любите, и она васъ полюбитъ.

— Очень-радъ познакомиться, хоть и не могу долго пользоваться такимъ пріятнымъ знакомствомъ.

— Какъ же могу? Вы вѣрно думаете завтра уехать? И не думайте: не пушу! Вы погостите у насъ. Съиъ моего друга и благодѣтеля—въ моемъ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ.

Платонъ Петровичъ началъ-было объяснять необходимость поѣздаго свиданія съ родными.

— Цустакі! прервалъ его Иванъ Анисимычъ: — рѣзительные слова! Вы два года собирались изъ Москвы, не говорили, что добне спѣшить, а теперь двѣ недѣли пожить у добраго пріятеля жетса вамъ большою праволочкой? Я отправлю васъ на своихъ шадааъ, а извоициныхъ велю накормить. Эй, мальчишъ! скажи ѣмкѣ дать извоицину пудъ овса и четверикъ сѣна... Охъ, что это говорю!., четверикъ овса, пудъ сѣна. И къ-чему вамъ торопиться? прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія. — Отъ этого ни забудетъ, ни забудетъ вашего имени. Братцы и сестрицы поделутъ васъ: раздѣлить безъ васъ наследства они не могутъ, а любѣ они и училили неправильный раздѣлъ, вы послѣ поправите шо.., подадите на нихъ просьбу. Ну, полноте упрямяться: вы ставаете у меня, честное слово? Вспомните, что мы были съ вами батюшкой, царство ему небесное! большіе друзья,

Иванъ Анисимычъ такъ крѣпко держалъ руку Глобова, смотрѣлъ на него такими умоляющими глазами, что Глобовъ, послѣ двухъ-трехъ нерѣшительныхъ фразъ, наконецъ согласился. Иванъ Анисимычъ бросился обнимать его.

Между-тѣмъ, накрывали столъ. Великорослый слуга и босой мальчикъ ужасно гремѣли тарелками и ложками, какъ-будто бы дьяволъ объ угощеніи цѣлаго эскадрона. Изъ двери, когда она отворилась, выглядывалъ кто-то. Иванъ Анисимычъ, подкравшись на цыпочкахъ, схватилъ за руку Машу.—Вотъ она, Платонъ Петровичъ! ей свѣстно, что она давеча откомендовала себя стрѣкой. Теперь она хочетъ присѣсть вамъ, какъ слѣдуетъ.—Платонъ Петровичъ началъ пріличные случаю комплименты, въ которыхъ говорилось о простотѣ деревенскихъ обычаевъ, о невинности, свойственной добрымъ дѣтямъ природы. Приветствіе вышло длинное, но шло и хорошую сторону: гость разглядѣлъ Машу, которая была очень-недурна. Миловидное, хотя загорѣлое и покрытое веснушками личико, свѣжій румянецъ, признакъ будущаго здоровья, стройная талія, нестѣсняемая корсетомъ, застѣчивость, выходящая забавной встрѣчей, простота наряда, подходящая къ

небрежности, ставили ее въ разрядъ хорошенькихъ деревенскихъ барышень, за которыми съ такимъ усердіемъ волочатся убадные ковники, отставные армейскіе офицеры и прїѣзжающіе на вакантныя студенты.

— Слушай, Маша! докажи, что ты у меня большая хозяйка: иди, позаботься объ ужинѣ и принеси водянки. Да умойся прежде, вишь какъ ты разгорѣлась и запрѣла...

Глобовъ почувствовалъ давно-забытое имъ удовольствіе, когда сѣлъ за деревенскую трапезу, въ маленькой комнатѣ, подлѣ раднаго хозяина. Луна кроткимъ свѣтомъ обливала спящій сад, ароматы цвѣтовъ неслись въ поднятыя окна, и пламя свѣчей горѣло ровно и тихо, не страшась безпокойнаго вѣтра. Съ другой стороны отъ Ивана Анисимыча помѣстилась Маша, а подлѣ нея Лиза пятый приборъ, между Лизой и Глобовымъ, оставался незанятымъ. Ужинъ начался комическимъ образомъ: Иванъ Анисимычъ до смѣялся надъ усами Маши, которые она вывела себѣ сажей, къ почѣ въ кухню. Самъ Глобовъ не могъ скрыть улыбки, видя, какъ судьба безжалостно играетъ милонидной дочкою хозяина. Онъ бѣгло сличалъ сестеръ и нашелъ между ними большее различіе. Старшая, худая и блѣдная, почти ничего не ѣла; глаза ея выражали тихую, тайную печаль и какую-то робость; черные волосы просто-зачесанные подъ гребень, рѣзко отбѣняли нѣжную, не сколько-болѣзненную бѣлизну лица; на ней было бѣлое платье съ длинными рукавами и бѣлая пелеринка, закрывавшая всю грудь вмѣсто всѣхъ украшеній, на груди висѣла черная, крестообразная повязанная ленточка. Между-тѣмъ, Маша, хотя и оконфуженная смѣшнымъ «пассажемъ», кушала очень аппетитно; открытая грудь дышала полнотою деревенскаго здоровья; загорѣлыя, пухленькія ручки не прятались въ широкіе рукава; бѣлокурые волосы висѣли по плечамъ легкими колечками. Обѣ онѣ молчали, но одна потому, что занята была своей печалью, или боялась, можетъ-быть, строгой выскательности столичныхъ жителей; другая просто отъ дѣвичьей застычивости, или отъ неумѣнья завязать разговоръ. Глобовъ разсыянно глядѣлъ на старшую дочь, но Маша была постояннымъ предметомъ его вниманія: онъ любовался наивными манерами степной барышни, простодушнымъ взглядомъ ея свѣтлоглазыхъ глазъ, даже ея чистосердечнымъ аппетитомъ. Въ городѣ думалъ онъ, особенно въ столицѣ, такія дѣвушки давно вымерли; это рѣдкость, достойная занять умъ, если не сердце, просвѣщеннаго горожанина.

Черезъ нѣсколько минутъ, явилось новое лицо: молодой человекъ вошелъ въ комнату; не обративъ ни малѣйшаго вниманія на присутствующихъ, какъ-будто бы ихъ вовсе не было, онъ шелъ со

стала какую-то книжку и молча селъ у окна. Иванъ Анисимыча толкнулъ Глобова.

— Цыганъ, сказалъ онъ вошедшему:— что жь ты не идешь ужинать?

— Сегодня среда: я не емъ скоромнаго, отвѣчать тотъ, къ кому относился вопросъ.

Имя Анисимычъ и Глобовъ обмѣнялись взглядами.

— Если я не ошибаюсь, замѣтилъ послѣдній:— сегодня не среда, а понедельникъ.

— Понедѣльникъ... несчастный день, проговорилъ вполголоса Цыганъ.

— Не удивляйтесь, любезный другъ, тихо сказалъ Глобову Иванъ Анисимычъ.— Петя не совсѣмъ здоровъ: у него болитъ вотъ здесь (Иванъ Анисимычъ указалъ пальцемъ на свой лобъ). Зачѣмъ ты взялъ мой календарь? продолжалъ онъ:— ты вѣрно ищешь въ немъ вчерашняго дня.

— Нѣтъ, я смотрю, скоро ли спрячется мѣсяцъ: онъ падаетъ ужасно.

— А, тебѣ завидно, что онъ такой бѣленькій, чистенькій, а ты ершомазый?

Старшая дочь взглянула на отца, который долго смѣялся своей шуткой. Веселость его сообщилась гостю и Машѣ. Когда подали мясную, Иванъ Анисимычъ выпилъ за здоровье Глобова, заставилъ дочерей сдѣлать то же; потомъ подозвалъ Цыгана, представилъ такимъ-образомъ Глобову случай окинуть его взглядомъ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, сухощавый, смугложелтый, съ черными блестящими глазами, съ коротко-стриженными волосами.

—пей за здоровье дорогаго гостя! сказалъ ему Иванъ Анисимычъ.

Цыганъ поднесъ-было рюмку къ губамъ, но при послѣднихъ словахъ отошелъ отъ стола и вынулъ вино за окошко.

— Что ты дѣлаешь, дуракъ?

— Ничего, я полюбилъ одинъ нездоровый цвѣтокъ, который началъ вянуть.

— Вы думаете, Платонъ Петровичъ, что я шучу, называя его цыганомъ? Нѣтъ, это настоящій, корейной Цыганъ, какъ вы, чай, смѣтили по его кожѣ, волосамъ и глазамъ. Онъ живетъ у меня коло восьми лѣтъ. Мать его забрела какъ-то въ мою деревню, пьяная. Черезъ два дня она умерла, а я по христіанству взялъ на нее попеченіе помышаннаго сироту. Онъ былъ дикъ и золъ, какъ бешеная собака; со всѣми ссорился, никого не слушался, ничего хотѣлъ дѣлать. Мы его окрестили и выучили читать; теперь

онъ охотникъ до книгъ, хоть ничего, я думаю, въ нихъ не смѣ слить: вотъ его учительница (Иванъ Анисимычъ показалъ на Лизу, которая слегка покраснѣла). Мы зовемъ его Цыганомъ, иног. Петромъ, Петрушей, Петей, какъ придется. Онъ говоритъ, что Лиза ему родная сестра; меня величаютъ Анисимычемъ, и для Машеньки у него другаго имени, какъ дѣвочка. Такой чудакъ, просто Господи!

Глобовъ желалъ узнать, гдѣ воспитывались Лизавета Ивановна и Марья Ивановна.

— Ахъ, и не напоминайте! сказалъ Иванъ Анисимычъ, махнувъ рукою.—Много жило всякихъ мадамовъ и мамзелей, а толку, какъ жется, вышло мало. Последняя была изъ одного московскаго института...

— Анна Сергѣевна, подхватила Лиза, хранившая во весь вечеръ молчаніе.

— Да, Анна Сергѣевна, продолжалъ Иванъ Анисимычъ.—Конечно, она была лучше прежнихъ, но Богъ-знаетъ, что въ послѣднее время съ ней сдѣлалось: болѣзнь не болѣзнь, а все, бывало, ходитъ такая печальная, блѣдная. По смерти жены, она плохо занималась дѣтьми. Никогда не видалъ я, чтобы онѣ списывали съ прописки или повторяли грамматику; а грамматика, вы сами знаете, такая наука, которая требуетъ особеннаго повторенія. Не правда ли, Платонъ Петровичъ?

— Конечно... въ некоторомъ отношеніи вы правы... если разсудить...

Цыганъ захохоталъ.

— Чему ты радъ, дурачина? Ты видишь, говорятъ о дѣлѣ. Лиза была ея фаворитка: съ ней она все читала какія-то книги и гуляла, а Машу бросила безъ всякаго попеченія. Я хотѣлъ ужъ отказать ей, да она сама однимъ утромъ пришла ко мнѣ и объявила, что принуждена оставить меня по некоторымъ обстоятельствамъ. Лиза горько плакала... Она ужъ и теперь готова плакать: смотрите, на глазахъ слезы... Еслибъ вы видѣли ихъ прощаніе, вы бы просто покачали головой. Маша меньше тосковала, и, по моему, умно сдѣлала: вѣдь мамзель не отецъ и не мать. Впрочемъ, дѣти болтаютъ по-французски; если угодно, проэкзаменируйте ихъ; а Лиза даже брешитъ на фортепьянахъ. Жаль только, что они ужасно расстроены. Ихъ настраиваетъ два раза въ годъ дюровый человѣкъ поименника Свисткова.

Цыганъ (мы будемъ такъ называть его) все время сидѣлъ молча, облокотясь на руку и смотря въ садъ. По окончаніи ужина, онъ подошелъ къ Лизѣ.—Я иду спать, сестра, сказалъ онъ:—перекрести меня.

Лиза въ замѣнательствѣ не знала, что дѣлать. Иванъ Анисимычъ поддерживалъ ее:—Ничего, перекрести его; ты знаешь, какъ онъ упрямъ.

Лиза ободрилась: краска исчезла съ ея лица, уступивъ мѣсто задумчиво-серьезному выраженію. Она перекрестила Цыгана съ такимъ же благоговѣйнымъ чувствомъ, съ какимъ мать благословляетъ свое дитя на сонъ грядущій.

Цыганъ обратился потомъ къ хозяину дома и Мамѣ:

— Прощай, Анисимычъ, сказалъ онъ:—прощай, двочка! и вышелъ изъ комнаты.

— Это ужъ такъ заведено у насъ, говорилъ Иванъ Анисимычъ:—Цыганъ не ляжетъ спать безъ родительскаго благословенія Лизы. Та и вамъ, кажется, пора отдохнуть. Я вижу, Мамъ ужъ дремлетъ. Лизу не такъ скоро угомонишь: она у насъ полуночица. Мы приготовили постель на антресоляхъ въ новомъ флигелѣ; я вамъ провожу васъ туда. Когда проснетесь по-утру и выйдете на балконъ, передъ вами откроются такіе виды, что чудо: въ Москвѣ видны нѣтъ...

## III.

Иванъ Анисимычъ Ягодинъ, помѣщикъ С... губерніи, слылъ о окрестныхъ дворянъ добрымъ человекомъ. Они часто навѣщали его, не боясь обременить хлѣбосольнаго хозяина многочисленной стаей собакъ и прислужниковъ. «Люблю сосѣда за его веселый обычай», говаривалъ отставной ротмистръ Жбановъ: «онъ всегда готовъ ѣсть, болтать и хохотать. Прошлымъ годомъ хлѣбъ пропалъ отъ засухи: мы всѣ повѣсили носъ, а онъ-себѣ и въ усъ не дуетъ, какъ-будто у него сотни тысячъ въ Опекунскомъ-Советѣ!»

Дѣйствительно, природа надѣлила Ивана Анисимыча мягкимъ, живчивымъ характеромъ, готовностью оказать услугу своему брату-дворянину, большимъ запасомъ веселости на весь времена года и части дня, но вдесятеро больше того она дала ему лени и безпечности, готовой смотреть на все равнодушно. Безпечность была его стихіей, вторымъ воздухомъ: се свидѣтельствовали и бесстыдный взорванный халатъ, и стоптанные сапоги, и борода, ежегодно бритая не свыше тридцати разъ; она сказала бы и нечесаными волосами, еслибъ можно было чесать плѣшивѣйшую голову. Безпечно смотрѣлъ Иванъ Анисимычъ на болѣзнь своей жены, на ея постоянно-грустную задумчивость и преждевременную смерть; безпечно потомъ смотрѣлъ онъ на воспитаніе дочерей-сиротъ, представлявъ имъ полную свободу жить какъ угодно, и мгновенный

принять раздумья охотно сменяя пустымъ смѣхомъ, вызваннъ пустымъ случаемъ. Здоровье, такъ часто нѣмѣющее трудовъ памъ—тѣмъ, кому оно особенно нужно—живетъ въ дѣду съ (заботными: Иванъ Анисимычъ пользовался имъ въ добрую. Маша Апветитъ никогда еще не измѣняла ему; никогда не жаловалась на бессонницу или тревожные сны, хотя любилъ толковать сны чужіе. И послѣ ранняго деревенскаго обѣда, онъ отдыхалъ еще часа два или три, следуя обычаю предковъ и завѣту Владимира-Мономаха, котораго не зналъ даже имени.

Цѣлый день сидѣлъ онъ подъ окномъ, смотря на движеніе ровныхъ людей. Рѣдко, бывало, отправится на конюшню пострѣть лошадей, спокойно стоявшихъ въ стойлахъ, или взглянетъ на скотный дворъ, когда пастухъ пригонитъ стадо. Вступать въ разговоры объ улучшеніи различныхъ отраслей хозяйства не имѣлъ онъ никакой охоты, а такъ развѣ побаласничаетъ съ ключникомъ или скотницей, здоровой бабой, о предметахъ, не принадлежащихъ къ хозяйству. Поле видѣло его раза четыре въ годъ: время сѣнокоса, при всходѣ озимаго хлѣба, въ первый день жатвы и въ первый день посява. Время не тяготило его своимъ медленнымъ теченіемъ: онъ даже долгіе лѣтніе дни умѣлъ сокращать усердной службой Морфею, долгимъ сидѣніемъ за чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ, насмѣшками надъ Цыганомъ, бесѣдою съ Машей, шутками съ трехлѣтнимъ сыномъ повара, приходившимъ въ комнату за подачкой. — «Захарка! скажи: баришъ дуракъ.» И когда Захарка исполнитъ, бывало, приказаніе барина, Иванъ Анисимычъ захохочетъ, потомъ притворно осердится и затопаетъ ногами: «какъ же это ты смѣешь? ахъ, ты глупой! развѣ барина можно называть дуракомъ? развѣ баришъ дуракъ?..» И въ такихъ-то занятіяхъ проходили дни, мѣсяцы, жизнь Ивана Анисимыча. Управляево безъ правильнаго надзора шло такъ-себѣ—разумѣется, хорошо, но и не совсѣмъ-дурно, благодаря издавна принятымъ распоряженіямъ, которыя рѣдко измѣняются. Прежде тягость и заботливыхъ заботъ лежала на супругѣ Ивана Анисимыча; послѣ смерти ея, онъ перешелъ къ старости, который то-и-дѣло потеснялъ себя затылокъ, къ ключнику, цѣлый день шатавшемуся по двору, и къ Машѣ, которая ходила въ кладовыя и заказывала шанья, за что особенно любилъ ее отецъ.

Вся дѣятельность лѣнливаго Ивана Анисимыча ограничивалась чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» и просматриваніемъ календаря, который онъ покупалъ ежегодно. Полныя затмѣнія солнца и лунныя интересовали его преимущественно; онъ аккуратно ставилъ свои часы по захожденію солнца (восхода не случалось ему видѣть), хотя они аккуратно отставали на полчаса въ сутки. Замѣ-

его на блытых листахъ календаря относились болѣе къ обыкновеннымъ предметамъ домашняго управленія или къ состоянію года: снѣжного-то числа выпалъ первый снѣгъ, такого-то посонно три пуда солонины, въ четверкъ почали первую кадку капусты, въ пятницу отправить кучера Тимоху къ исправнику для казни». Вы могли бы подумать, что у рачительнаго хозяина е на виду и счетъ: ничего не бывало! Онъ маралъ бѣлые листы или единственно потому, что такъ дѣлалъ его отецъ, и еще, нѣ-можетъ, отъ нечего дѣлать, для наполненія тѣмъ-нибудь идальнаго времени. Иногда, просматривая свои календарныя затки, онъ вдругъ вспоминалъ забытое.—Э, я и забылъ: позовите-сюда Тимоху. Староста, отвези его въ городъ къ исправнику поврса отъ моего имени хорошенько проучить пьяницу. Ступай, ступай, говорилъ онъ валявшемуся въ ногахъ кучеру:—тамъ токъ Федосычъ тебя взбутетенить. — Помилуйте, Иванъ Анисимычъ, да этому ужъ недѣль шесть прошло.—Все равно, любезный, у меня записано... я люблю порядокъ, ступай.—И бѣдный шохъ отпралялся въ городъ, а Иванъ Анисимычъ въ комнату пить чай, гдѣ ожидала его Маша, свидѣтельница происходившей сцены.

Прибытіе газетъ считалось дѣломъ серьезнымъ, которое тревожило обычную безпечность помѣщика. А такъ-какъ «Московскія вѣдомости» издавались тогда два раза въ недѣлю, то Иванъ Анисимычъ былъ два раза въ недѣлю серьезнѣе, не въ примѣръ другимъ днямъ. Онъ читалъ каждый номеръ отъ доски до доски, читалъ съ указовъ и оканчивая метеорологическими наблюденіями. Разнообразіе статей производило въ немъ разнообразныя ощущенія и мысли. Внѣшняя политика и внутреннія событія служили глупымъ предметомъ для разговоровъ съ сосѣдними помѣщиками. Въ частыхъ публикаціяхъ о банкротствахъ, о недѣланіи довѣрія сыла супругу, Иванъ Анисимычъ выводилъ крайнюю безправность вѣка, а иногда и близкую кончину міра. Даже сонное московское небо заставляло его покачивать печально головой.—Посмотрите-ка, говорилъ онъ:—тамъ сильный дождь, а у насъ, я помню, была смертная жара; тамъ сухо, а у насъ шелъ жаль. Какъ все измѣнилось! то ли было въ наше время!..

Но объявленія Овекунскаго Совѣта читалъ онъ съ стѣсненнымъ раденьемъ: онъ боялся за свое просроченное и поступившее въ нѣсь нѣвнѣе, ожидая съ часа на часъ публикаціи о продажѣ его аукціоннаго торга. Какъ всѣ безпечные помѣщики, Иванъ Анисимычъ печально смотрѣлъ на накопленіе процентовъ, не принявъ законныхъ мѣръ къ уплатѣ, — и потому чтеніе газетъ сдѣлалось источникомъ тревожныхъ ощущеній. Когда же буря про-



неслась мимо, те-есть тогда его ивнѣе не поступало оно и разрядъ продающихся, помѣщикъ нашъ оживалъ снова и, въ знакъ благодарности судьбѣ, начиналъ жалѣть дворянъ, которыхъ ивнѣе назначались въ продажу. Тѣмъ искреннѣе жалѣлъ онъ, чѣмъ сильнѣе прежде страшился, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что къ этому живому участию въ горь ближняго привнѣе валаеь всегда тайная, дьявольская мысль: слава Богу, что это не я.

Я забылъ сказать, что, съ годъ тому назадъ, Иванъ Анисимычъ лишился сунруги, Прасковьи Петровны. Она умерла чакоткой, послѣ долгихъ страданій. Впрочемъ, вся жизнь ея была медленнѣе страданіемъ, если исключить шесть лѣтъ воспитанія въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. Оставившеь секретною третью году, она испытала всевозможныя неудовольствія въ домѣ своерправной мачихи, а по выходѣ изъ института выдала ея за перваго встрѣчнаго, за Ивана Анисимыча, который слышалъ что Евва сотворена изъ ребра адамова, что жена ееть помощникомъ мужу и должна его бояться. Ему и въ голову не приходило мѣдѣть въ жонѣ равнаго себѣ челоьвка, съ одинаковыми правами и с одинаково-высокими обязанностями. Жена его, понявъ, что бракъ заключенный по расчету и волѣ дражайшихъ родителей, затвряетъ двери всякому благородному стремленію, всякому свободному развитію духа, покорно предалась тяжелой судьбѣ. Время ея дѣлилось между хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Но жертва не по силамъ быстро истощала здоровье слабой женщины, которая умѣла наконецъ необходимость сторонней помощи. Сначала, выборъ гувернантокъ не соответствовалъ ея желаніямъ; но послѣдняя бывшая ея подруга по институту, успокоила заботливую мать. Недѣлю до кончины, Прасковья Петровна призвала къ себѣ гувернантку. «Катя!» сказала она ей: «дай мнѣ клятву, что ты не оставишь мнѣ сиротъ. Ты знаешь все; ты знаешь Ивана Анисимыча. Будь имъ второй матерью. Ваймнѣе особенно Лизой: ей нужнее больше ласкъ: она привязывается сильнѣе и смотритъ какъ-то сиротливѣе... Не-уже-ли и ей придется также страдать?.. О, сохрани Боже!.. Катя, у тебя будетъ много неприяностей: переисеихъ, пренебреги ими изъ дружбы ко мнѣ, изъ жалости къ сиротамъ, изъ любви христіанской... самъ Христосъ страдалъ... Богъ тебѣ за это заплатитъ...» Горькія слезы прервали слова отходящей въ ввнѣе покою. Она схватила руку друга и судорожно прижала ее къ губамъ своимъ... Катерина Михайловна (такъ звали гувернантку) исполнила свято желаніе умершей, окруживъ дѣтей непрерывнымъ надзоромъ, добросовѣтнымъ ученіемъ, нравственнымъ примѣромъ. Правду сказать, Маша поверхностно извѣдалась уроками наставницы, увлекалась своими склонностями въ дру

ю сторону; но за то какъ хорошо было Лизѣ имѣть при себѣ опечительнаго друга! Между ними завязалось родство духа, известное равенство отношеній, не смотря на различіе лѣтъ. Судите жъ о ея горѣ, когда некоторые обстоятельства круто оторвали Катерину Михайловну отъ новаго ея семейства! Она уехала скоро рѣшительно не зная, воротится ли къ Ивану Анисимычу...

Но вы выпустили изъ вида нашего героя: пора имъ заняться. Онъ вашелъ пріятнымъ свое новое положеніе. Каждый день сбиваясь въ дорогу, онъ каждый день откладывалъ отъѣздъ свой. Въ спорахъ, что шей горшокъ да самъ большой — необходимое условіе свободно-счастливой жизни; однакожъ, временное пребываніе у помѣщика-хлѣбосола имѣетъ много выгодныхъ сторонъ. Въ немъ углу вы не избѣжите заботъ: къ вамъ, домовладыкѣ, принадлежатъ всѣ требованія и вопросы, досадные враги покоя, тогда какъ въ домъ радушнаго хозяина васъ накормятъ, напоютъ, уложатъ спать — даже, если хотите, прибьютъ за васъ, безъ малѣйшаго съ вашей стороны труда. Вы не замѣчаете, какъ все это дѣлается; вы только видите, что это сдѣлано. — Платонъ Петровичъ, въ другой же день своего пріѣзда, за сытнымъ завтракомъ, сошелся съ Иваномъ Анисимычемъ и Машей. Первому похвалилъ онъ мѣстоположеніе дома, живописные виды съ балкона; второй напомнилъ вчерашнее ихъ знакомство и просилъ дозволенія познакомиться короче. Черезъ нѣсколько дней, Платонъ Петровичъ былъ въ вѣсть какъ дома. Онъ вѣсть съ Машей бѣгалъ по садовымъ дорожкамъ, садился подлѣ нея на дерновыхъ скамейкахъ, или просто на травѣ, плелъ ей вѣнки изъ непышныхъ цвѣтовъ того края. Маша нѣсколько разъ чувствовала, какъ рука гостя тихонько жала ея пухленькую ручку; она замѣчала, что его глаза въ нѣжномъ изумудрѣ останавливаются на ея лицѣ или груди — обычный манеръ селадоновъ, которымъ иногда успѣшно закидывается прищипка. Но Марья Ивановна, еще непривыкшая къ любовнымъ намекамъ, разрушала подъ-часъ поэзію мечтаній самыми прозаическими вопросами: — Что вы на меня такъ смотрите? хотите ли, я покорю васъ малиной? — И, схвативъ руку селадона, тащила его къ своему плетню, гдѣ росъ густой малинникъ. Иванъ Анисимычъ добивался на ихъ такъ-называемую имъ дружбу, и самъ нерѣдко называлъ ихъ на дѣтскія рѣзвости. — Побѣгите-ка, Платонъ Петровичъ: я посмотрю, кто изъ васъ рѣзвѣй бѣгаетъ. Вы думаете обо Машу: нѣтъ, не на такую напали. Она у меня козырь-дѣвка! Смотри, Маша, будь молодецъ, не ударь себя лицомъ въ грязь! По данному знаку, Маша опрометью бросалась изъ комнаты — Платонъ Петровичъ за ней на самый конецъ длинной дорожки. Тамъ сѣли они подъ березой, едва переводя духъ отъ усталости.

— Признаюсь, Марья Ивановна, мнѣ большаго труда стоило опередить васъ.

— Извините, мы прибѣжали вмѣстѣ.

— Нѣтъ, позвольте; я первый ухватился за эту березу. Но какъ бы то ни было — вы легче Ахиллеса быстрогоаго.

— Кто это такой Ахиллесъ?

— Греческій царь, который находился при осадѣ Трои.

— Ахъ, да! я и забыла.

— Вы читали «Иліаду»?

— Нѣтъ, не читала. Теперь побѣжимте назадъ, къ папенькѣ.

И ученый нашъ, читавшій «Иліаду», долженъ былъ слѣдовать за неутомимой дѣвочкой.

Однажды, взявъ ее подъ руку, Платонъ Петровичъ обошелъ углы и закоулки сада. Онъ наговорилъ тысячу любезностей своей дамѣ, которая, впрочемъ, разсѣянно его слушала, то срывая кисточку смородины, то наклоняясь поднять упавшее яблоко.

— Червивыя яблоки вкуснѣе. Вы не врите, Платонъ Петровичъ? Попробуйте.

— Это очень-натурально: яблоко падаетъ тогда, какъ уже съезъ созрѣло... О чемъ вы вздохнули, Марья Ивановна?

— Такъ, отъ усталости. Я ужасъ-какъ устала. Мы больше часу гуляли. Пора чай пить. Папенька, вѣрно, ждетъ насъ.

Дѣла Платона Петровича, какъ видите, двигались плохо. Нечѣмъ упорнѣе казалось навное равнодушіе Маши, тѣмъ сильнѣе росло чувственное раздраженіе ея поклонника... Другаго имени подобной влюбчивости я до-сихъ-поръ еще не прибралъ. По крайней-мѣрѣ, отказываюсь объяснять иначе привязанность его къ престоной дѣвочкѣ, надъ которой онъ въ иное время готовъ былъ по-вый смѣяться. Платонъ Петровичъ заплатилъ богатую дань глупому платонизму любви, и потому охотно вымѣщала свою глупость на противоположномъ чувствѣ. Эфирныя дѣвы, передъ которыми горѣлъ холодный огонь фантастическаго обожанія, вышли изъ памяти: теперь его манили красоты менѣе-безплодныя, болѣе доступныя. Таинственное соединеніе душъ и сердець уступило место снисходительному сближенію... Онъ и самъ сдѣлался снисходительнѣе, убавивъ цѣну чувства, которое называлъ неоцѣненнымъ. Ему, невзбалованному видимыми ласками женщины, очень льстила свобода обращенія съ миловидной барышней, полной силъ и жестости. Не было здѣсь помѣхи ни отъ строгихъ взглядовъ подозрительнаго отца, ни черезъ-чуръ заботливой матери, ни отъ глупыхъ остротъ товарищей, ни отъ намековъ самой дѣвушки, отъ которыхъ такъ и несеть свадебнымъ контрактомъ, и которые себѣ потушить самую пылкую страсть, омрачить живѣйшее и

медленіе. Могло бы потревожить влюбленнаго присутствіе Лизы; но Лиза оставалась въ комнатѣ подъ предлогомъ нездоровья, или вышивала въ пальцахъ, или писала письма къ Катеринѣ Михайловнѣ. О Цыганѣ не говорили ничего: онъ цѣлый день не показывался на глаза, какъ-будто жилъ особнякомъ. Одни только дворовые лукаво улыбались, когда ихъ барышня рука-въ-руку гуляла съ гостемъ. Но дворовые любили Машу, хотя и боялись ее, зная, какъ сильно жалуется ее папенька. — Марья Ивановна, говорили они, холодецъ: она умѣетъ обращаться съ нашими братьями; она и въ кухню зайдетъ, и на скотный дворъ прибѣжитъ, и окрикъ дастъ. Вотъ Анзавета Ивановна другое дѣло. Добра, ничего сказать, а такъ, право, чудная: живетъ вовсе не по-нашему—никогда не помянетъ, не поговоритъ съ нами: все читаетъ книги или молчитъ ригорюнившись. Знать, что-нибудь болитъ у сердечной!

Однажды Иванъ Анисимычъ находился въ особенно-веселомъ расположеніи духа. Онъ только-что кончилъ «Московскія-Вѣдомости», въ которыхъ не было публикаціи о его имѣніи. Звнувъ развѣсать и столько же разъ потянувшись, онъ обратился къ Платону Петровичу: — Любезный другъ, пойдемте гулять. Платонъ Петровичъ и Маша вытаращили глаза: желаніе Ивана Анисимыча выйти изъ комнаты было такою рѣдкостью, которую слѣдовало забыть на стѣнкѣ.

— Куда жь мы пойдемъ? спросила Маша.

— Прежде въ садъ, а потомъ лугомъ проберемся въ рощу. Я не помню, когда тамъ былъ. Надо осмотрѣть деревья. Пролымы годомъ мошенники-однодворцы вздумали рубить ихъ по очамъ. Да позовите Лизу: гдѣ она?

— Барышни нѣтъ въ ихъ комнатѣ, возвратился съ отвѣтомъ осой мальчикъ.

— Она вѣчно таскается, и дѣлаетъ не такъ, какъ люди, проговорилъ съ досадою Иванъ Анисимычъ.—А Цыганъ гдѣ?

— Цыгана тоже нѣтъ.

— Гдѣ жь онъ, желаю я знать?

— На что онъ вамъ, папенька? Мы и одинъ знаемъ дорогу. Пойдемте скорѣй.

Садъ Ивана Анисимыча оканчивался огородомъ, за которымъ жаль лугъ, подходившій къ рощѣ. При входѣ въ нее, прохладный сумракъ охватилъ гуляющихъ. Дорожки, прежде расчищенные, поросли густой и сочною травою. Узкія тропинки въ разныхъ направленіяхъ перерѣзывали лѣсокъ. Одна изъ нихъ, болѣе робитая, бѣжала отъ закраины въ средину и приводила къ глухой тиши оброшеннаго пруда. Безоблачное небо и формы деревьевъ ясно отражались въ мутной влагѣ. Близъ одного берега, надъ

поверхностью воды, возвышался островокъ, покрытый кучою и лодыхъ березъ. Полусгнившая лодка мирно доканчивала вѣкъ сво на тинистомъ мелководьѣ. Дощечка, кинутая съ берега на островъ, тряслась подъ невѣрной ногой боязливаго. Розовый просвѣтъ заходящаго солнца осыпалъ своимъ блескомъ листья деревь и зеленую плесень пруда. Все было тихо въ этомъ уединеніи, какъ тиха поэзія мирной жизни; но тѣмъ слышнѣе раздавался кажды звукъ, нарушающій спокойствіе: тамъ грачь, несясь надъ росою, обронить вѣщій крикъ; тамъ стадо журавлей дастъ голосъ о своемъ пролетѣ, или дятель глухо застучитъ въ толстую кору дуба.

— Какъ здѣсь хорошо! сказалъ Платонъ Петровичъ, возмужавъ руку Маши.

— Нѣтъ, здѣсь страшно, замѣтила Маша, тѣнясь къ своему мвалеру, что было очень ему пріятно.

— Но что я тамъ вижу? продолжалъ перабѣй, врищуритъ глаза, обращенные на островъ.

— Гдѣ, гдѣ? подхватилъ Иванъ Анисимычъ, думаясь поймавъ одиодвѣрца съ поличнымъ.

— Въотъ тамъ, на островку; въ березахъ, сидитъ какой-то человекъ.

— Въотъ обратилась въ тому мѣсту, на которое указалъ Платонъ Петровичъ, и стали молча всматриваться. Черезъ минуту, Иванъ Анисимычъ покачалъ головою:— Да это проказница наша Лиза; что она тамъ дѣлаетъ? Отойдите подальше; я поговорю съ ней вдаль.

— Въ самомъ дѣлѣ, на лужайкѣ, окруженной березами, сидѣла Лиза; лицомъ къ отдаленному берегу пруда. Раскрыта книжка лежала у нея на колѣняхъ. Прислонясь спиной къ дереву и сложивъ руки на груди, она погружена была въ печальное раздумье, а можетъ-быть и въ сладкую дремоту.

— Лиза! произнесъ громко Иванъ Анисимычъ.

Лиза встрепенулась.

— Это вы, батюшка? съ кѣмъ вы пришли?

— Я одинъ здѣсь. Что ты тамъ дѣлаешь?

— Ничего. Я читала книжку.

— Полно глупости дѣлать, Лиза! Пора домой. Скоро смеркнется.

— Чего вы боитесь, батюшка? Здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ воды, деревьевъ, неба, Бога...

— И меня... сказалъ кто-то шопотомъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, послышалось Ивану Анисимычу; но въ это же самое время струя вѣтра пробѣжала по деревьямъ, и легко было принять трепетанье листьевъ за голосъ человека.

— Мамъ къ вамъ... ко мнѣ! повторилъ настойчиво Иванъ Анисимычъ.

— Сейчасъ, батюшка. Ступайте впередъ; я въ-минуту догоню васъ. ..

Успокоенный отецъ отправился къ своимъ спутникамъ. Платонъ Петровичъ же слыкалъ ничего изъ этого разговора: онъ былъ занятъ Машей.

## iv.

— Охота ей туда таскаться! ворчалъ Иванъ Анисимычъ, возвращаясь домой съ Платономъ Петровичемъ и Машей:— Тамъ должно быть ужасно-сыро и лягушекъ тьма, а главное—опасно: забредеть какой-нибудь мужикъ и напугаетъ. Вы верно удивляетесь, Платонъ Петровичъ, странностямъ моей Мизы? Что дѣлать! она у насъ была съ малолѣтства. Виде восемь лѣтъ, она пропала однажды часу въ первомъ ночи: весь домъ всеношивался — а она преспокойно гуляла-себя; въ одной рубашонкѣ, на садовомъ балконѣ и смотритъ на звезды, какъ дурочка. Мать думала, что это пройдетъ съ возрастомъ— анъ вышло напротивъ: она все чаще задумывалась, все становилась печальнѣе да печальнѣе. Сколько разъ, бывало, мы бросили ужимать—она нѣтъ. Пойдутъ за ней и найдутъ въ саду на рожь: садитъ-себя подъ деревомъ, вотъ какъ теперь вы видите, сложивъ руки и о чемъ-то думая; иногда, говорятъ, даже плачетъ.

— Вы бы чѣмъ-нибудь ее заняли, Иванъ Анисимычъ!

— Занималъ, батюшкѣ, занималъ: дарилъ конфеты и наряды, посылалъ въ гости къ знакомымъ помѣщикамъ, и самъ приглашалъ разныхъ барышень. Весилъ и въ городъ, гдѣ давали фейерверкъ: ничто не помогало.

— Странно! замѣтилъ Платонъ Петровичъ.

— У насъ была лодка, въ которой мы иногда катались по рѣкѣ. Она здумала разгуливать пооднимъ вечеромъ, когда совсемъ жъ сѣдетъ солнце: сядетъ въ лодку, одна, безъ дѣвки, велитъ лытану оттолкнуть ее отъ берега, потомъ наклонится надъ водой и пристально смотритъ въ нее, какъ-будто сартанъ тамъ пладе. Долго ей до бѣды!

— Что жъ Прасковья Петровна?

— Прасковья Петровна сама была такая жъ, дай Богъ ей царство небесное! Всего больше напугались мы, когда ѣздили на пчельникъ подрзывать медъ. Пчельникъ нашъ за четыре версты отъ

деревни, въ дубовомъ лѣску. Вечеръ былъ славный, теплый, какъ теперь помню. На полдорогѣ, Лиза побѣжала впередъ... Ну, дуракомъ ты, ничего, дѣтское дѣло, пускай-себя бѣгаетъ. Только вотъ что дурно: глядимъ во все стороны—ея нѣтъ; смотримъ назадъ и впередъ, смотримъ направо и налево — нѣтъ какъ нѣтъ сгинула да пропала. Но лишь стали равняться съ церковью, какъ видимъ, что она сходитъ съ паперти.—Лиза, гдѣ ты была?—«Н колокольня.»—Зачѣмъ?—«Такъ, смотрѣла оттуда на поле, на деревню; видѣла, какъ вы идете.» Еслибъ вы знали, Платонъ Петровичъ, что это за колокольня! просто такая, что, кажись, развалится отъ порядочнаго толчка: лѣсенка холемъ ходитъ, пылинки обрешься, пауковъ тѣма-тмушая. Досталось же отъ меня племому немомарю за то, что не запираетъ двери на колокольню.

— А помните, папенька, когда мы рубили капусту...

— И когда ты объѣлась кочерыжекъ?

— Ахъ, что это вы...

— Ничего, я говорю правду. Видите ли что, Платонъ Петровичъ. Маша по хозяйству хлопотала о капустѣ, даже сама помогала рубить ее дворовымъ людямъ, но во время рубки такъ много кушала кочерыжекъ, что два дня прохворала. Теперь говорю что ты хотѣла сказать. Ну, полно сердиться, я пошутилъ, раскисывай.

— Это было въ октябрѣ, когда листья пожелтели и падали на землю. Изъ оконъ было видно все, что дѣлалось въ рошѣ, и мы часто видѣли, какъ сестрица рано утромъ прохаживалась въ рошѣ въ своемъ бѣломъ платьѣ.

— Помню, помню. Я еще бранилъ ее за это. По утрамъ было холодно: она могла простудиться.

— Изъ всего этого, сказалъ Платонъ Петровичъ:—я заключаю что Лизавета Ивановна любитъ природу.

— А я такъ думаю, что это просто глупость!.. Но вотъ мы пришли домой. Ухъ, батюшки, какъ я усталъ. Маша, вели жить собирать ужинать.

Въ другой разъ, Иванъ Анисимычъ былъ не такъ веселъ. Онъ получилъ письмо отъ своего знакомаго, проживавшаго въ Москвѣ, который совѣтовалъ ему позаботиться какъ-можно-скорѣе объ отъскѣ процентовъ за имѣнiе. Въ подобномъ расположенiи духа, многое вамъ не нравится, и ничтожный случай вызываетъ гнѣвъ. Къ десяти часамъ Лиза еще не возвращалась съ прогулки. Наконецъ, когда совсѣмъ уже смерклось, она вошла въ комнату.

— Вы заждались меня, папенька? сказала она, цалуя его руку.

— Послушай, Лиза: ты, кажется, такая жъ помѣшанная, какъ покойница мать твоя.

Лиза вспыхнула и быстро отняла руку.

— Ватюшка! прошу васъ, умоляю оставитъ въ цокоръ мертвыхъ.

— Да какъ же можно гулять такъ долго? проговорилъ Иванъ Анисимычъ ласковѣе прежняго.

— Я одна виновата: гнѣвайтесь на меня, браните меня; а за умершихъ лучше станемъ молиться.

Иванъ Анисимычъ былъ видимо взволнованъ. Неудачная попытка мить гнѣвъ свой заставила его отыскать кого-нибудь изъ допущенныхъ; хотя вовсе безвиннаго, но легче обвиняемаго. Подобно гнѣв вознищамъ, которые, не славивъ съ лошадыю, бьютъ по оглоблямъ, онъ обратился къ Цыгану, вскорѣ послѣ Лизы вошедшему въ комнату.

— Ты гдѣ, дуракъ, былъ?

— Гдѣ я былъ, тамъ меня теперь нѣтъ.

— Тамъ меня теперь нѣтъ! подхватилъ Иванъ Анисимычъ, карикатурно передразнивая Цыгана, отъ-чего Маша улыбулась. — У дурака дурацкій и отвѣтъ. Я безъ шутокъ спрашиваю тебя, гдѣ ты рыскалъ съ пяти часовъ?

— Спроси лучше у нихъ, гдѣ они были? И рука его указала на Глобова и Машу, сидѣвшихъ рядомъ.

— Во-первыхъ, Платонъ Петровичъ мой гость; следовательно, можетъ гулять, гдѣ ему вздумается и двѣать... что ему угодно; во-вторыхъ, Маша хлопочетъ по хозяйству, а вѣдь оно не въ комнату спрятано. Ея глазъ вездѣ нуженъ. Хозяикъ прійдется побы-вать на одной минутѣ мѣстахъ въ двадцати; я это по себѣ знаю...

Потому ли, что въ послѣднихъ словахъ не было ни на волесть правды, ни по какой-нибудь другой причинѣ, Иванъ Анисимычъ остановился въ своихъ доводахъ, которые любилъ сертифицировать по пунктамъ. Кашлянувъ раза два, онъ продолжалъ свою рѣчь, обращая ее къ гостю:

— Вотъ, батюшка Платонъ Петровичъ, будьте добры, сниско-жительны, великодушны, если хотите нажить тѣму неприятностей. Я пріялъ къ себѣ этого цыганѣнка, какъ роднаго...

Здѣсь Цыганъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе на стулѣ.

— Петя! сказала ему Лиза поспѣшно, голосомъ упрека.

Цыганъ ушелъ изъ комнаты.

— Я пріялъ его какъ роднаго, обулъ, одѣлъ, накормилъ. Безъ нея мать его умерла бы съ голода на большой дорогѣ, а онъ не достоинъ своего благодѣтеля даже отвѣтомъ!

— Онъ гулялъ, папенька, прежде со мною, а потомъ одинъ. Я завела его въ саду и на лугу. Престите ему. Вы знаете его глупость...

Ускоканный немногими словами Лизы, Иванъ Анисимычъ сѣлъ



ужинать; однакожь, противъ обыкновенія, кушала мало и не дуться съ Заваркой.

На утро, которое мудренѣе вечера, возстановиле прежній порядокъ дѣлъ. Иванъ Анисимычъ забылъ письмо пріятеля и по-прежнему вѣдалъ о безопасности; но-прежнему, Платонъ Петровичъ не отходилъ отъ Маши. Последніе обмывались въ-шутку именами брата и сестры. «Сестрица!» говорилъ одинъ, ударяя съ особенной нахлесткой на этомъ словѣ. «Братецъ!» отвѣчала другая, не имея смѣли удержаться отъ смѣха. Случилось даже, что герой наизгнать присутствія всего семейства, назвавъ Марью Ивановну просто Машей, надъ нимъ долго трунилъ Иванъ Анисимычъ. Но наслѣдъ, безъ свидѣтелей, гость, признаться, давно промѣнялъ длинное почетное прозвище на уменьшительное имя, которымъ такъ коротко и ясно выражается ласка.

Въ разговорахъ своихъ; Платонъ Петровичъ жаряко пыталъ чувства деревенской барышни.

— Скажите, Марья Ивановна... нѣтъ, Маша: кого вы больше всѣхъ любите?

— Разумѣется, Бога.

— Я это знаю... объ этомъ нечего и говорить... ну, нѣтъ Бога?

— Носитъ Бога, паненьку...

— А потомъ?

— Потомъ сестрицу.

— А потомъ?

— Кого же потомъ?.. Всѣхъ моихъ знакомыхъ... да, я и забыла носилъ сестрицы. везъ... вѣдь вы мой братецъ.

— Ты-то же, милая сестрица! смотрите, не забывайте.

Иногда Платонъ Петровичъ находилъ случай отлѣчить Машу какимъ-нибудь подаркомъ: букетомъ цвѣтовъ, вѣнкомъ изъ васильковъ. Однажды принесть ей рюсана; застрѣленного собственными его руками. Онъ влащилъ его въ комнату, гдѣ сидѣлъ одинъ Иванъ Анисимычъ.

— Гдѣ Марья Ивановна? бьмъ первый, вопросъ его.

— Говори просто: гдѣ Маша? Полно деликатничать. А Богъ ее знаетъ! Чай, въ саду, или на погребѣ, по хозяйству. Да вонъ она: увибываетъ красную смородину, любимое ея кушанье. Эй, стрелокъ, молъ-ка сюда! Спрячьтесь, Платонъ Петровичъ: мы наугаеиъ дурочку.

И Маша вошла въ комнату, добрая смородину.

— Что вамъ, паненька? Зачѣмъ вы меня звали?

— Полно тебѣ печься на солнцѣ. Смотри, какъ ты загорѣла и замякалась. Поди, умойся; скоро Платонъ Петровичъ ворочится.

— Что жь за важность! Онъ не гость!

— Кто же я? закричалъ басомъ Платонъ Петровичъ.

Маша вскрикнула. — Ахъ, какъ вы меня испугали! Можно ли такъ пугать?

— Нѣтъ, скажите: кто же я? повторилъ Платонъ Петровичъ, уставивъ на нее глаза свои.

— Право, я никакъ не воображала... я не думала о васъ.

— А за то, что вы не думали, вотъ вамъ записъ.

Одно изъ другаго, конечно, не слѣдовало; но Платонъ Петровичъ на ту пору забылъ правила силлогизмовъ. Онъ растерялся отъ восторга. *Не гость!*.. Какъ это приятно слышать изъ устъ милой видной дѣвушки! Какъ это хорошо звучитъ въ ушахъ! Гораздо лучше, чѣмъ *гость*. — Милая невинность! думалъ онъ, пожирая вѣтромъ Машу, которая, отъ испуга или неожиданнаго подарка, начала вытирать о платье запачканныя руки: — милая невинность! Въ простотѣ сердечной, ты не знаешь еще всѣхъ своихъ достоинствъ!

Читатель видитъ, что въ числѣ достоинствъ такъ-называемой невинности Платонъ Петровичъ разумѣлъ и право марать своимъ платьемъ красной смородиной.

Обращеніе его съ Лизой имѣло совершенно-другое свойство, или, лучше сказать, онъ обращался къ ней съ одними обычными приемами учтиваго кавалера. Его пугалъ странный характеръ дѣвушки, которая вела себя особеннымъ образомъ, печальная въ самой изысканности, серьезная даже въ любви и въ отцу, въ ласкахъ острѣе. Только тогда, какъ разговоръ выходилъ изъ круга ежедневныхъ мелочей, и затѣянный гость разсказывалъ что-нибудь о произведеніяхъ искусства, или о важныхъ событіяхъ общественной жизни (а онъ разсказывалъ недурно), черные, задумчивые глаза Лизы внимательно оставались на разсказчикѣ; и жаднымъ слухомъ ловила она каждое его слово. Утверждали, что Платонъ Петровичъ давалъ иной смыслъ этому интересу, возбужденному предметомъ разговора, отнесся его къ себѣ; себя одного ставя нумиромъ любознательности и вниманія... Но это ужь его, а не наше дѣло. Замѣчательно, что въ подобныя минуты Цыганъ становился еще молчаливѣе и угрюмѣе, какъ-бы внутренно негодуя на таинственную связь, которая возникала между образованностью гостя и любознательностью дѣвушки.

Съ Цыганомъ же не заводилъ онъ вовсе рѣчи, изъ презрѣнія или изъ жалости къ помѣшанному. Помѣшанный не только платилъ ему тою же монетою, но даже пошелъ дальше въ своей шпигативѣ, радился малѣйшему случаю сдѣлать или сказать ему грубость, жолтнуть его рзкимъ намекомъ, поемѣяться надъ его претензіями; коротыкъ такъ много у неглубокой образованности. Онъ не задумалъ

за обѣдъ и ужинъ съ самаго его прѣзда, набѣгалъ съ нимъ встрѣчи и никогда не оставался съ нимъ одинъ-на-одинъ, боясь, какъ видно, услышать отъ него что-нибудь непріятное или сказать ему что-нибудь слишкомъ дерзкое. Впрочемъ, Цыганъ рѣдко присоединялся къ компаніи гостя и цѣлый почти день жилъ внѣ дома, входя въ него обыкновенно или чрезъ нѣсколько минутъ послѣ, или за нѣсколько минутъ прежде Лизы. Однажды, перевертывая страницы календаря, онъ вдругъ обратился къ Ивану Анисимычу:

— Анисимычъ, что жь ты не заметишь въ своей книжкѣ, что въ несчастный день, въ понедѣльникъ, прѣхалъ вотъ этотъ челвѣчекъ?

— Я запишу это вмѣстѣ съ днемъ отъѣзда дорогаго гостя.

— А развѣ онъ уѣдетъ? зачѣмъ? Ему и здѣсь хорошо; дѣвочки также.

— Какой дѣвочки?

— Машъ, твоей любимой дочкѣ.

Въ другой разъ, когда отъ раздушеннаго гостя несло ароматами по всей комнатѣ, Цыганъ сидѣлъ закрывъ носъ платкомъ и безпрестанно морщась.

— Что ты сидишь по-дурачки? закричалъ на него Иванъ Анисимычъ.

— Нельзя, Анисимычъ: ужасно какъ пахнетъ отъ двухъ цвѣтниковъ.

— У меня одинъ цвѣтникъ: гдѣ жь другой?

— А вотъ на головѣ у этого челвѣчка. Я самъ видѣлъ, какъ онъ поливалъ его изъ маленькой крошечной бутылочки.

Но пора мнѣ короче познакомить читателей съ Платономъ Петровичемъ.

Платонъ Петровичъ былъ воспитанъ такъ же, какъ воспитывались почти всѣ люди нашего поколѣнія. Правила для жизни шли у него отдѣльно отъ жизни, знанія не прилагались къ дѣйствительности. Школа говорила ему одно, свѣтъ представлялъ другое. Гибельное разногласіе между голосомъ науки и требованіями общества произвело въ немъ тотъ внутренній раздоръ, отъ котораго одинъ тотъ же челвѣкъ распадается на два противоположныя существа. Что значитъ образъ мыслей, несогласенный съ образомъ поведенія? Парадное платье, взятое на-прокатъ, сшитое не по насъ, — мертвый капиталъ, бесполезный владѣльцу, еще меньше полезный другимъ. Челвѣкъ въ этомъ платьѣ — *скелетъ, укутанный розами*. Мы часто говоримъ о выгодахъ образованія, о необходимости просвѣщенія; однакожь, припомнимъ случаи жизни, увидимъ, что десятки лѣтъ проходятъ безъ малѣйшей надобности въ латинскомъ языкѣ или алгебрѣ, которымъ учили насъ трудно и долго, и возвраще-

не Простаковой гораздо-умнее доказательства Правдина, защитника географин. Но, кроме исключительной пользы каждой науки, есть общая польза наук: масса приобретенных сведений просвещает человека. Въ итогъ его образования выходитъ благородство мыслей и нравственность дѣяній — предметы, обязанные жить въ строгомъ между собою согласіи: дѣло должно покоряться мысли, мысль должна переходить въ дѣло. Этого-то и не было въ героѣ нашего разсказа. После всѣхъ курсовъ, низшихъ и высшихъ, онъ те пришелъ къ единству ума и воли, образованности и жизни, — единству, безъ котораго жизнь мертва, образованность бесплодна. Безъ этого единства, каждый поступокъ служить живымъ упрямомъ наукъ: онъ указываетъ на ея бессиліе. И лукавые свидѣтели нравственнаго разрыва имѣютъ право сказать намъ: «у вашего учителя в корень горекъ и плоды несладки».

Не знаю, кого винить за такое направленіе науки и жизни; но знаю, что Платонъ Петровичъ имѣлъ дурныхъ учителей въ окружающихъ его примѣрахъ, сначала въ семействѣ и школѣ, потомъ въ обществѣ. Отецъ его толковалъ о чистотѣ нравовъ, хвалилъ скромность и дѣломудріе, а самъ въ-присутствіи дѣтей оказывалъ неаппетитныя ласки женѣ своей. Его мать безпрерывно говорила дѣтямъ: «это не ваше дѣло», а сама цѣлый вѣкъ дѣлала не свое дѣло: рѣзала косы дѣвкамъ, давала пощечины лакеямъ, да бранилась съ мужемъ. Начальникъ учебнаго заведенія, въ которомъ Глобовъ воспитывался, повторялъ ученикамъ: «дѣти, будьте честны и благородны, поступайте всегда прямо», и тотъ же начальникъ держалъ наушниковъ, отличая ихъ особенными ласками, подсматривалъ у двери, чѣмъ занимаются въ классѣ, писалъ сверхкомплектныя донесенія въ столицу. Отъ учителя его въ десять часовъ утра аккуратно несло водкой, хотя онъ на публичномъ экзаменѣ и произнесъ рѣчь о воздержаніи. Другой, доказывая святость справедливости, прибавлялъ лишнее число балловъ за пятирублевою ассигнацію. Напрасно гогорили при немъ: «ученый вездѣ принятъ въ обществѣ, образованному вездѣ даютъ почетъ»; онъ видѣлъ не то: онъ видѣлъ, какъ хозяинъ тяготился ученымъ гостемъ, который не игралъ въ карты, какъ бесполезенъ былъ на вечеринкахъ бѣдный, хотя и образованный. Книжки и люди увѣряли его, что женская расота, которая такъ скоро увядаетъ, ничтожна въ сравненіи съ увядаемою добродѣтью; однакожь, мужчины увивались около разливныхъ личикъ, обходя безъ вниманія добрыхъ, умныхъ, но упрямыхъ собою дѣвушекъ. Въ его глазахъ, торжествовала капризная красота, вздыхала нравственная некрасота. Разсказывать мнѣ, что встрѣтилъ Глобовъ, по выходѣ изъ школы, въ обществѣ, и службѣ? Та жизнь, о которой говорю я, жизнь, сотканная изъ

прошлагого, гдѣ сегодня думаютъ не такъ, какъ завтра будутъ думать, и завтра будутъ думать не такъ, какъ вчера дѣлали, — есть жизнь моя, ваша, ихъ, всѣхъ... Она слишкомъ известна.

Человѣкъ сильной природы могъ бы твердою ногою ступить на иной путь и принять новыя правила, если прежнія были ложны, и устроить жизнь по правиламъ, если они вѣрны. Но гдѣ взять силу, чтобъ стряхнуть съ себя ветхаго человѣка? Только бодрое духомъ видятъ необходимость борьбы и отваживаются на борьбу. Есть два сорта людей: одни погружаются на дно, другіе расходятся по поверхности, довольные тѣмъ, что видятъ много приятныхъ видовъ и безопасно живутъ въ безопасномъ пространствѣ. Глобовъ находился въ числѣ послѣднихъ. Все, чему онъ учился, все, что читалъ онъ, все, о чемъ думалъ, скользило на поверхности души его, не проникая въ составы нравственнаго тѣла, не претворяясь въ плоть и кровь. Суровая важность долга, непрерывное шествіе впередъ, скромная доля достойныхъ людей, глубина истинно-человѣческихъ чувствъ тяготили его своимъ величіемъ. Какъ умный малой, онъ не могъ не цѣнить ихъ; но, какъ малой только-что умный, онъ не выдерживалъ ихъ долгаго присутствія. Этими объясняются его уживчивость съ людьми пустыми, его сплеходительность къ какому-нибудь Анисимычу, его жалкая способность свободно переходить, въ бесѣдѣ и жизни, отъ серьезнаго къ забавному, отъ важнаго къ смѣшному. Для остраго слова не жалѣлъ онъ самыхъ священныхъ предметовъ. Но у шутки есть предѣлы: она не должна простираť своей власти на идеалы счастья, на виды жизни.

Онъ любилъ чтеніе, но слова мудреца находили въ немъ оглашеннаго. Иначе онъ вносилъ бы мудрое слово въ жизнь, не довольствуясь, какъ дитя игрушкой, простымъ пересказомъ читаннаго. Тогда знакомство съ авторомъ не было бы статьей прибавочной, занятіемъ отдѣльнымъ: оно было бы заслугой, дѣломъ, самою жизнію. Онъ жилъ бы иначе... но онъ жилъ не иначе.

Изъ пустаго тщеславія онъ рѣшался на такія дѣла, которыя у другихъ людей имѣютъ источникомъ великодушіе или, по-крайней-мѣрѣ, отважное презрѣніе опасностей. Среди бѣлаго дня, онъ вступалъ въ открытый бой съ сильнымъ лицомъ, если надвѣялся на хвалебный говоръ толпы: самолюбіе замѣняло ему недостатокъ внутренняго одобренія, людская молва служила наградой поступка, вышедшаго не изъ чистой правды. Но истинное прямотушіе было чуждо душѣ его. Наединѣ съ вельможей онъ, можетъ-быть, позволилъ бы себѣ низость, какъ позволялъ себѣ обходить дѣла безъ шума и блеска, гдѣ вся награда заключается въ молчаніи признательнаго бѣдняка, въ свидѣтельствѣ долга. Онъ легко умелъ

каждъ поэтическій обманомъ, но не умѣлъ смотрѣть въ лицо действительной жизни; которая есть столько же истинная, сколько и высокая поэзія. При минутномъ оболъщеніи чувствъ, произведенномъ искусною игрою артистовъ, онъ то плакалъ надъ бѣдною участію притѣсненныхъ, то негодовалъ на вопіющую несправедливость притѣснителей; но посмотрѣли бы вы на восторженнаго крикуна въ тотъ же вечеръ, въ тотъ же часъ, когда, возвратясь изъ театра, находилъ онъ дремавшаго слугу, или нагорѣвшую свѣчку).

Что бы ни дѣлалъ онъ, о чемъ бы онъ ни думалъ, его мысль и дѣло не предавались вполнѣ настоящему, но или забѣгали впередъ, или возвращались назадъ. Воспоминаніе и надежда являлись безъ ужды товарищами труда: одно — показывалъ прошедшіе годы, другая устремляя сердце къ будущему. Но безъ твердой преданности одному предмету и одному времени не бываетъ великаго на землѣ, и только тотъ дѣйствуетъ хорошо, кто свое вниманіе сосредоточиваетъ на дѣлѣ текущемъ. И потому мысль Глобова была лиана глубины, работа — зиждительной силы. Онъ не пользовался знаніемъ, какъ слѣдуетъ: онъ раздроблялъ ее на отдаленные пункты, какъ разведиваетъ свое войско безразсудный полководецъ.

Оглушенный шумомъ публичной жизни, въ досадѣ на безотвязное многолюдство, онъ искалъ уединенія, и, надобно признаться, первые дни добровольнаго отшельничества проливали кроткій свѣтъ въ его душу. Волненіе уходило, безъ цѣли бродившія мысли собирались внутрь, грудь дышала свободнѣе, свободнѣй глаза любовались природою, не боясь глупыхъ вопросовъ и глупыхъ поклоновъ. Но созерцаніе души, поставленной лицомъ-къ-лицу съ собою, въ долговременный бываетъ, чѣмъ независимѣй ея богатство. Тогда же она видитъ, какъ легко ей исчерпать собственныя силы, какъ трудно замѣнить стороннюю помощь, она съ ужасомъ бѣжитъ отъ шара лѣсовъ къ уличному говору, отъ одиночества пустыни къ стуку мостовыхъ. Глобовъ поспѣшно оставлялъ уединеніе, возвращался къ людямъ за тѣмъ самымъ, отъ чего думалъ освободиться. Мелочь жизни была ему необходима.

Не зная настоящей цѣны ни жизни, ни науки, онъ часто мѣнялъ общество людей на чтеніе книгъ. Одинокое удовольствіе казалось ему выше живаго общенія съ живымъ. Онъ забывалъ, что есть что лучше хорошей книги — хорошій человекъ, и есть нѣчто лучше чтенія хорошей книги — жизнь съ хорошимъ человекомъ. Тотъ-то и прекрасная душа ближняго, и умныя рѣчи автора пролетали мимо его безъ слѣда, затаивъ свое серебро и золото отъ зари, недостойныхъ смотрѣть на умное и прекрасное. Дѣтей любили онъ, какъ любить ихъ близорукіе мечтатели, восхищаясь

ихъ невзначай глупостью, или глупеи проницателью (что одно и же), но не видя въ нихъ царства будущиѣхъ благъ, когда доблительная душа найдетъ въ каждомъ семействѣ то самое, что ходитъ въ себѣ, а въ прекрасно-устроенномъ обществѣ то же, въ вѣдрахъ прекрасно-устроеннаго семейства.

Его отношенія къ женщинамъ казались мнѣ всегда странными. Въ періодъ мечтаній, онъ върылъ платонической любви — любви безъ поцалуевъ и объятій, безъ мыслей о жизни вдвоемъ. Что жды, говорилъ онъ гордо, что она вышла за-мужъ не со мной. Она моя, хоть я и не касался къ ней краемъ своей одежды; моя, потому-что души наши... Но вы смѣетесь, читатель, вспомните давнопрошедшія глупости!.. Самъ Глобовъ, можетъ-быть, смѣялся надъ собою, когда его понятія приняли другое направленіе. Иныя времена, иные нравы! Теперь онъ думалъ иначе: «арисеутствующи не-красота лучше красоты отсутствующей; первую могу обнять, а второй — мѣрять: что дѣлать со второю? Ненавижу такъ женщины, которыя держатъ насъ въ почтительномъ отъ себя разстояніи, и да не хватаютъ руки»... Вы видите, второй періодъ его любви былъ немногимъ лучше перваго, по своей грубой односторонности. Процессъ ея совершался обыкновенно въ такомъ порядкѣ: въ началѣ онъ не сводилъ глазъ съ дѣвушки, которая ему нравилась; потомъ жалъ ей руку, потомъ требовалъ поцалуевъ, потомъ... бойтесь: дѣло всегда почти оканчивалось пожатіемъ руки, рѣдко поцалуями. Я бы простилъ ему охотно любовныя шашни, если бы онъ имѣлъ цѣлю приготовить себѣ наложницу, но въ томъ-то была бѣда, что виды его были другіе: законный бракъ, формальная нитьба... какъ-будто можно согласить подобныя продѣлки съ благородіемъ супружества! Онъ развращалъ сердце дѣвушки прежде, чѣмъ она могла бы назваться его невестою. Но, благодаря своей нерѣшительности или сметкѣ, Глобовъ умѣлъ остановиться тамъ, гдѣ нѣтъ еще невесты, а есть только дѣвушка. Огонь страсти, лишенный поддержки, угасалъ быстро. За охлажденіемъ шел неминуемый разрывъ съ его сладостями: дѣвушка не уважала его, онъ сервелся на нее.

За что же?.. честный человекъ сохраняетъ благодарное воспоминаніе о неудачахъ и побѣдахъ; онъ добродушно выпиваетъ кубокъ и за здоровье тѣхъ, кого, по волю судьбы, не могъ любить, и за здоровье тѣхъ, которые разлюбили его. Ревность, зависть, злопамятство — признаки мелкаго эгоизма. Кто сердится, тотъ и правъ. А если хочешь быть правымъ — останься другомъ женщины, съ которой былъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ. Какое горькое чувство невольно подстунаетъ къ сердцу, когда мы слышимъ, что предметъ любви нашей любить другого; не горько

уства не исключаютъ справедливости. Пусть будетъ она счастлива — а мы... мы будемъ справедливы.

Истратилъ благоуханіе любви на мелкія чувства, не освятивъ я ни глубокой печалью, ни возвышенной радостью, дорожа однимъ числомъ пріятныхъ случаевъ, и при одной, болѣе-сильной преданности, запасался другими, менѣе-сильными, Глобовъ избавлялъ себя до того, что нивель объ иномъ образѣ любви смущалъ его. Онъ боялся промѣнять разнообразіе ничтожныхъ ощущеній на ровную жизнь вдвоемъ, гдѣ исчезаетъ мишура и утихаетъ веселье. На балу, на пестрыхъ гуляньяхъ, вездѣ, гдѣ разсвѣтлость подталкиваетъ прочное чувство, онъ былъ искренно-веселъ, непринорно-веселъ. Это легко понять: здѣсь нѣтъ серьёзныхъ искушеній, здѣсь нельзя дать лишнихъ надеждъ. Но когда онъ тавался къ ней съ чистой голубицей, умѣющей понимать и чувствовать, — онъ впадалъ въ задумчивость, погружался въ печаль. Здѣсь уже не то: здѣсь требовалась жертва, которой страдалъ бы самолюбіе, наступала перемена, съ которой измѣняется душевное счастье недостойнаго человѣка.

Любовь его никогда не восходила до великихъ жертвъ, до истиннаго самоотверженія. Онъ любилъ въ полной памяти. И дѣвушка, на которую обращалъ онъ взоры и сердце, немного собралъ бы отъ него омиама и даровъ. Написать стихи въ альбомъ, просить для нея послѣднія деньги, задуматься, вздыхать... вотъ съ признаки непрочной привязанности, отъ которой далеко еще до глубокой страсти. Все это ничего не стоило Платону Петровичу, или было ему-самому пріятно. Гдѣ же тутъ жертва, забвеніе собственныхъ выгодъ, отсутствіе себялюбія?.. Да, виноватъ: онъ посылалъ ей дюжины повѣсти. Въ посвященіи, скромный авторъ выставлялъ начальныя буквы дорогаго имени; но онъ осерчалъ бы нешути, еслибъ эти буквы остались тайною. Ему нравилась гласность любви.

Рѣшительное доказательство тому, что Глобовъ никогда не превалилъ полнотѣ душевныхъ стремленій, я вижу въ склонности о описывать эти стремленія. Поэтическіе моменты его жизни ходили въ немъ всегда готоваго судію-автора. Перо послушно ялялось на призывъ, по заказу. Но истинная глубина восторга отворачивать анализу мысли. До бумаги ли тогда, когда чувство бытія сказывается ясно и связно? Охота писать приходитъ именно въ то время, когда нѣтъ охоты дѣлать, или нѣчего чувствовать.

«Пустой человѣкъ!» восклицаютъ презрительно читатели, познавая съ Глобовымъ... Гм, гм... не лезя ль потяпсе, мой добрый, благосклонный читатель? Оглянитесь, посмотрите кругомъ. Мы всѣ



Глобовы, больше или меньше. И тотъ, кто не видитъ его въ снѣ, или себя въ немъ — пусть первый броситъ въ него камень.

## У.

## Письмо Лизы къ Катеринѣ Михайловнѣ.

«Что за сны я вижу, другъ мой!.. Какіе странные, непонятныя сны!.. Предчувствіе необманчиво назначаетъ ихъ: мнѣ вдругъ становится грустно безъ всякой причины. Я здорова, но смутныя трепетъ сердца пророчитъ мнѣ что-то особенное, велитъ мнѣ къ чему-то готовиться.

«Вчера, послѣ обѣда, батюшка легъ отдыхать, по обыкновенію Маша отбирала ягоды на варенье; а я, плохая хозяйка, отправилась въ рощу, любимое мѣсто моихъ прогулокъ. На перепутьи я шла въ садовую бесѣдку, которую Петя называлъ моею станицею. Какъ хорошо здѣсь, другъ мой! Я села подъ окномъ, на старомъ диванѣ. Душистая липа, протянувъ вѣтви въ комнату, наполняла ароматомъ. Все утихло подъ знойными лучами дѣта; но эта тишина — благодать роскошной жизни, избытокъ даровъ Божьихъ. Одна неутомимая стрекоза пѣла въ цвѣтникѣ, да здѣсь, вверху кружилась пестрая бабочка, не зная какъ вылетѣть изъ своей огромной темницы и обивая золотую пыль крыльевъ о бумажную оклейку потолка.

«Изъ бесѣдки спѣшу въ рощу, къ загадочному пруду, на знакомый тебѣ островокъ. Вхожу: сухія вѣтви и листья хрустятъ подъ ногами, малиновка выводитъ печальную дѣсьню, вечерній звонъ чуть-чуть доносится по вѣтру. Мнѣ привольно и сладостно! Я забыла выученныхъ молитвъ молюсь Тому, Кого я не знаю, но кто мнѣ киваетъ изъ сумрака деревъ, дышетъ въ вечерней прохладѣ, движется туманомъ надъ рѣчкой. Я вездѣ Его вижу, вездѣ Его слышу. Но больше всего, и громче всего сказывается Онъ въ любви моей къ бѣднымъ людямъ...

«Окончивъ молитву, пробираюсь на островокъ, подъ тѣнь березы. Петя выложилъ поляну дерномъ, усыпалъ тропинку пескомъ и поставилъ скамеечку. Здѣсь, прислонившись къ дереву, читаю книгу или предаюсь моимъ мыслямъ... Вчера день былъ особенно жаркій; невольная дремота овладѣла мною. Вдругъ слышу: знакомые голоса несутся съ противоположнаго берега; то были голоса моихъ подружекъ, давно-умершихъ. Онѣ группой сидѣли на травѣ, но, увидѣвъ меня, пошла ко мнѣ на встрѣчу. Я безъ страха приближаюсь къ нимъ. Такъ, это онѣ, все такія же, какъ были тогда; че

ты лица сохранили прежній видъ, смерть не исказила ихъ. Нѣтъ только улыбки, не видно веселыхъ движеній. Спокойныя и задумчивыя, какъ-будто узнавшія многое, чего мы не знаемъ, онѣ окружаютъ меня. Я обнимаю каждую, каждую разспрашиваю, но съ горестію вижу, какъ онѣ, говоря мнѣ: «Лиза, люби людей!» исчезаютъ одна за другой. Тоска подступаетъ къ сердцу; я бросаюсь за ними, но встрѣчаю матушку, въ бѣломъ платьѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ я любила ее видѣть и въ которомъ ее похоронили. Матушка! какъ ты здѣсь? ты пришла ко мнѣ!.. Она тихонько ко мнѣ подходитъ, обнимаетъ меня и пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, какъ-бы желая вывѣдать тайны моего сердца, говоритъ: «Лиза, люби людей! помни слова Спасителя: всѣ люди—наши братья, всѣ безъ исключенія».

«Здѣсь я проснулася. Легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу: въ глазахъ слезы, сердце бьется, губы шепчутъ невнятные слова, руки обнимаютъ прохладный воздухъ. Тишина кругомъ: тишина въ рощѣ, на берегахъ пруда, на водѣ... О, какъ я грущу въ это время какъ бы я желала продлить очарованіе сна! Напрасное желаніе: снитъ не повторится по заказу. На зву, воспоминаніе воскрешаетъ образы знакомыхъ и милыхъ лицъ, но большею частію не тѣ, какими я знавала ихъ прежде, а тѣ, какими знаю теперь—ушедшія, въ пробавши

«Послѣ такого сна, я всегда замѣчаю въ себѣ что-то особенное, лучшее. Мои чувства и поступки какъ-будто очищены покаяніемъ, обильнымъ таинствомъ. Я чаще люблю природу; при первомъ ударѣ колокола спѣшу въ церковь, отдаю бѣднымъ все, что имѣю. Во мнѣ рождается нѣкоторое сходство съ тѣмъ, кого предстарцѣ мнѣ сонъ: я становлюсь покойнѣй и задумчивѣй, готова обнять каждаго человѣка такъ же искренно, какъ искренно люблю его. Но тѣмъ неурядитѣе душѣ моей празднословье родныхъ, гдѣ надѣются готовы смѣяться, гдѣ нѣтъ уваженія къ жизни, гдѣ забываются ближніе.»

### Письмо второе.

«Не одинъ вечеръ провожу я въ прогулкахъ: иногда я позволяю себѣ цѣлую ночь бродить въ полѣ, недалеко отъ дома... Ты качаешь головой и заочно грозить мнѣ... что дѣлать, другъ мой! Я страстная поклонница природы; въ комнатахъ мнѣ душно; только на открытомъ воздухѣ, подъ небеснымъ сводомъ, могу дышать свободно.

«И чего бояться? Сестра и батюшка снѣтъ еще крѣпкимъ сномъ; все покойно въ окрестностяхъ мирнаго села; обидѣть меня некому. Притомъ же у меня, на всякій случай, есть вѣрный сторожъ—

братъ Петя. Я долго не знала, что онъ тайно слѣдуетъ за мною, готовый охранять сестру (такъ онъ меня называетъ) отъ неприятныхъ встрѣчъ. Случай открылъ мнѣ его заботливость. Однажды бѣшеная собака, выбѣжавъ изъ села, бросилась прямо къ тому мѣсту, гдѣ я гуляла. Можешь вообразить мой испугъ! Не зная, что дѣлать и куда спастись, я закричала отчаяннымъ крикомъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, Петя въ нѣсколько прыжковъ очутился между мною и собакой, и тутъ же убилъ ее ловкимъ ударомъ дубовой палки. Онъ признался мнѣ, что не въ первый уже разъ выходитъ изъ дома и возвращается домой въ одно время со мною, и съ тѣхъ-поръ, гдѣ бы я ни гуляла, я знаю, что по близости меня есть вѣрный надзоръ, дружеское охраненіе. Случается, что мы гуляемъ вмѣстѣ, но по-большой-части онъ оставляетъ меня одну, не желая, можетъ-быть, нарушить свободы моего уединенія.

«Я покидаю комнату послѣ ужина, когда луна уже высоко стоитъ на небѣ. Жизнь добрыхъ, но бѣдныхъ крестьянъ особенно занимаетъ мои мысли. Люблю прислушиваться къ печальному скрипу воротъ, смотреть въ тусклое окно избы на горящую луну. Тамъ больная старуха тяжело охаетъ на печкѣ, мать и дочь терпливо прядутъ шерсть, подъ наглымъ заунывной пѣсни... Другъ мой! чему больше удивляться въ ихъ жизни: трудолюбію или преданности, скромнымъ желаніямъ или отсутствію надеждъ? Я мысленно посылаю имъ дружескій привѣтъ и съ печалью въ сердцѣ отхожу прочь.

«Тамъ, гдѣ кончится село, начинается пажить. Мнѣ жаль послѣдней, крайней избы въ деревенскомъ порядкѣ дворовъ: осенью она безъ защиты отъ вѣтра, зимой заноситъ ее снѣгомъ; къ ней первой прибѣгаетъ голодный волкъ за добычей; но за-то сторожитъ церковь, построенная на концѣ луга. Кладбище вокругъ церкви—желанный пріютъ мовъ мечтаній. Тамъ лежитъ матушка. Я обхожу кругомъ ограды и безъ боязни вступаю въ отворенную калитку. Огромная тѣнь колокольна угромо покрываетъ насыпи. Могильные кресты утѣшительно говорятъ: миръ тебѣ! Я не плачу... мнѣ: тишину гробовъ приличнѣе почтить тишиною духа.

«Отъ кладбища къ полю дорога лежитъ черезъ мелкій кустарникъ. Въ срединѣ его смиренно бѣжитъ ручей, вливая скудную воду свою въ небольшую рѣчку. Я сажусь на берегу его. Однообразное плесканье струй прерывается разными голосами природы: то камень скатится въ воду, то прокричитъ разбуженный журавль, то встрепенется на гнѣздѣ птица. Не даромъ все это я слышу. Земля и небо сочувствуютъ любящему ихъ человѣку. И томнымъ лучъ вечерней звезды можно говорить моему сердцу: надѣйся!

«На краю дороги—тамъ, гдѣ прошелъ сохой земледѣлецъ—растутъ дѣлѣ березы, безсмысленныя стражи поля. Приходъ мой какъ-будто пробудилъ ихъ отъ чуткаго сна, и онъ сердито спрашиваетъ дерзкую: вѣдь ты здѣсь?.. Но вотъ и поле: перерывшая ива покорно клонится къ землѣ, словно человекъ подъ бременемъ тяжелаго горя. Утренній вѣтерокъ обошелъ дозоромъ окрестность и дышитъ меня холодомъ. Пѣтухи прокричали въ деревнѣ. Здѣсь конецъ моей прогулкѣ: я возвращаюсь домой и сладко засыпаю.

«Эти прогулки производятъ сильное на меня впечатлѣніе. Я отрываю въ нихъ таинственный образъ тѣхъ дней, къ которымъ всегда стремилась желаніемъ. Поэзія мирной жизни—вотъ единственно-вѣрная, предоставленная мнѣ поэзія жизни—жизни съ любилимыми особами, гдѣ нужно немного людей, но много человѣческаго чувства. После наслажденія природою, я искренно-довольна, что никто не замѣтилъ бы во мнѣ веселости шумной. Шумъ превращать согласному строю душевныхъ ощущеній: мнѣ приличны молчаніе счастья, прочность покоя, нечуждаго, впрочемъ, той едали, которая знаетъ цѣну утраченнаго, но умѣетъ беречь ставшееся.

Но что же я утратила, и что мнѣ осталось?.. Многое, мой другъ, чень-многое. Въ тебѣ и матери лишилась я друзей... Потому, такая невозможность жить одинаково съ тѣми, которые всегда приходятъ, и думать такъ, какъ они думаютъ, и дѣлать то, что они дѣлаютъ—развѣ не та же утрата? Остались же мнѣ—святость долга и одобреніе совѣсти. Я иду къ этой цѣли иногда съ улыбкой амодовольнаго лица, иногда съ болью стѣсненнаго сердца... Что чудны! Страданіе имѣетъ часто значеніе высокой заслуги. Оно, какъ истинный другъ человека, приводитъ его къ занятіямъ ума, можетъ-быть тревожнаго, но всегда дѣятельнаго, дружить его съ обрыви дѣлами жизни, можетъ-быть печальной, но вѣрной Божіей радью.

«Или въ самомъ характерѣ моемъ источникъ этой печали? Няня называла мнѣ, что, еще ребенкомъ, я часто просыпалась ночью и, вая на кровати, плакала. Восемилѣтняя дѣвочка, я уходила поздно вечеромъ въ садъ, гдѣ подъ высокимъ деревомъ слушала жалобный крикъ птенцовъ или смотрѣла за отлетомъ ихъ матери изъ гнѣзда... О чемъ я тогда думала? какая была причина слезъ моихъ?.. Сама не помню. Помню только, что послѣ я выучилась уважать счастье въ печальныхъ глазахъ моей матери, въ исторіи твоей жизни, въ участи бѣдныхъ людей, которыхъ вижу каждый день. Природа ли склоняетъ меня къ огорченнымъ, или это—предчувствіе собственныхъ горестей, единъ Богъ знаетъ! Я живу такъ, такъ мнѣ живется, сохраняя достоинство передъ собою и другими.

Знаю, что въ настоящую минуту могу не только уснуть, но и умереть покойно.»

### Третье письмо.

«Я ничего не понимаю, что дѣлается около меня. Здѣсь живу не такъ, какъ бы надобно жить. Все здѣсь напертивъ. Въ этомъ увѣрютъ меня и природа, и внутреннй голосъ чувства, и слово Спасителя. Смотрю ли на звѣздное небо, спрашиваюсь ли моего сердца, читаю ли Евангеліе—всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: человекъ забываетъ нравственный, высочайшій законъ, который велитъ ему находиться въ мирѣ съ ближними, любить ихъ, какъ самого-себя. Но гдѣ же этотъ миръ и любовь? гдѣ братскія между нами отношенія? Я не вижу ихъ въ нашемъ домѣ, не вижу въ вѣтвяхъ сель, не вижу и въ другихъ селахъ и деревняхъ.

«Одинъ случай дѣтской жизни приходитъ мнѣ теперь на память. Я сидѣла на колыбляхъ у няни, которую любила немногимъ меньше матушки. «Голубчикъ мой, сказала мнѣ няня: теперь ты любишь меня, а вотъ какъ вырастешь, такъ разлюбишь, станешь бранить меня, бить». Это меня такъ огорчило, что я начала плакать. Одна мысль о перемиѣнѣ моихъ чувствъ ужасала меня; возможность исполнить предположенія няни казалась мнѣ нелѣпостью. Она и теперь для меня нелѣпость; слава Богу. Столько преданности чужому ребенку, столько истиннаго самоотверженія безъ надежды соразмѣрныхъ наградъ, иногда безъ всякой надежды, долгія ночи безъ сна, цѣлые дни, мѣсяцы, годы уходаванья... должны же насъ обзывать на всю жизнь; и еслибъ имъ потому и нужно было наше вниманіе, то оно нужно, по-крайней-мѣрѣ, дѣлать благодарной. Но что же? тысячи примѣровъ показываютъ противное: любящее дитя становится нелюбящимъ человекомъ. Онъ забываетъ всѣ услуги бѣдныхъ людей; голосъ природы замолчалъ въ немъ, а рассужденія, видно, нѣтъ!

«Въ семействѣ нашемъ, состоящемъ изъ трехъ человекъ, всѣ любятъ друга друга: я въ этомъ увѣрена. Батюшка любитъ насъ, мы любимъ батюшку, сестра любитъ сестру. Отъ-чего же примѣръ семьи не перенести на дворъ и деревню? Здѣсь нѣтъ голоса природы тѣмъ похвальнѣе безпристрастіе любви. Благодарность, достоинство человека, христіанское братство, развѣ хуже родства не платитъ? Отецъ воспитываетъ дѣтей и тѣмъ возвышаетъ ихъ: почему же не возвыситъ ему другихъ дѣтей или братьевъ своимъ снисхожденіемъ, любовью? Ахъ, какъ бы тогда намъ было хорошо! какъ бы мы жили счастливо, охраняя другъ друга взаимною правдивостью!.. Посмотри: батюшка принимаетъ къ сердцу каждую обвѣ-

и, нанесенную его дочерямъ, и между-тѣмъ тотъ же батюшка (да проститъ ему Богъ!) строго наказываетъ чужихъ дѣтей за неважные проступки. Въ добавокъ, отецъ и мать должны быть свидѣтелями наказанія. Онъ сердится на меня, когда я на колѣняхъ вымаливаю прощеніе виноватому, какъ-будто я помѣшала ему исполнить священную обязанность; сердится на себя, что склонился на мою просьбу, какъ-будто оказалъ преступную слабость характера или криводушіе судьи... Вотъ почему я спѣшу въ садъ или рошу бесѣдовать съ природою и Богомъ, который любитъ всѣхъ дѣтей своихъ.

Вчера былъ у насъ храмовой праздникъ. Сосѣди съѣхались къ намъ. Въ числѣ ихъ пріѣхала богатая, знатная госпожа. Она со вниманіемъ слушала проповѣдь священника, и даже прослезилась, когда онъ изобразилъ участь бѣдныхъ людей. Но, по окончаніи службы, знатная госпожа гордо прошла мимо бѣдныхъ людей, не удостоивъ ихъ ни поклономъ, ни взглядомъ. Она морщилась и дѣлала гримасы, какъ-будто попала въ неприличную ей атмосферу. Дѣтей, идя впередъ, грубо толкала крестьянскихъ ребятешекъ. И то въ церкви! Что же по выходѣ изъ церкви? Такъ ли любятъ бѣдныхъ!.. Не понимаю, право не понимаю!

#### Четвертое письмо.

Второе теченіе нашей жизни нарушено пріѣздомъ неожиданнаго гостя, Платона Петровича Глобова. Онъ живетъ въ Москвѣ, а теперь ѣдетъ въ деревню къ братьямъ раздѣлить наследство. Уже нѣдѣлю, какъ онъ живетъ у насъ; пріѣздъ его напугалъ насъ порядкомъ, хотя сопровождался самыми комическими обстоятельствами. Надобно тебѣ узнать это. Въ тотъ день, какъ ему пріѣхать, я не дышала изъ комнаты, по причинѣ сильнаго жара. Вечеромъ, часовъ въ семь скопились тучи. Сильный дождь съ грозою очистилъ воздухъ. Я открыла окно, чтобъ подышать ароматами цвѣтника и полюбоваться блескомъ отдаленной молніи. Гроза, жара, солнце, зашедшее въ тучу, напомнили мнѣ твою судьбу. Я перышкомъ запыденное фортепьяно и прочла романсъ, который онъ написалъ для тебя. Въ это время луна освѣтила бесѣдку; садъ и оранжерея. Я опять подошла къ окну—гляжу: незнакомый чело­вѣкъ сидитъ почти у самаго цвѣтника. Невольный крикъ боязни вылетѣлъ изъ моей груди. Батюшка бросился ко мнѣ, потомъ къ лю­дямъ. Они думали схватить вора, который похищалъ у насъ арбузы и дыни; но вмѣсто вора явился порядочно, хотя по-дорожному одѣтый чело­вѣкъ. Это былъ Глобовъ. Дождь засталъ его на дороге; онъ отправилъ экипажъ седломъ, а самъ, чтобъ избѣжать

ужасной грязи и тряски, пробрался через садъ просить у нас ночлега. Хотѣлъ ѣхать на другой день, но до-силы-взоръ живеть масть. Батюшка очень полюбилъ его. Онъ не душень собой и дол женъ быть очень-образованъ и начитанъ. Больше пока нечего сказать о немъ. Маша, которая все время была на смотномъ дворѣ, ничего не знала о случившемся, вбѣжала въ комнату растрепанная и завачканная. Я думаю, гость счелъ ее за дурочку. Но всего больше поразилъ меня Петя своими причудами. Я никогда не видалъ его такимъ страннымъ. Съ перваго раза онъ обнаруживалъ какую-то апатию къ прѣзжему: не съѣлъ ужинать, потому-что ему пришлое бы сидѣть съ нимъ рядомъ, не хотѣлъ вынуть водки изъ его здоровье, а вылилъ ее за окно, сказавъ, что поливаетъ уличный цвѣтокъ. Можетъ-быть, намекалъ онъ на меланхолическое расположение души моей, объясняя его нездоровьемъ. Другой намекъ его я поняла очень-хорошо. Петя взял календарь. На вопросъ батюшки, чего онъ тамъ ищетъ, онъ отвѣчалъ: смотрю, скоро ли спрѣчется мѣсяць. Это значить: скоро ли наступать бѣлуныны ночи въ которыя прекращаются мои прогулки. Добрый Петя охотн слѣдуетъ за мною при каждомъ выходѣ въ рошу или поле, и онъ ужасно боится неприятностей, которыя могутъ мнѣ встрѣтиться: простуды, утомленія, испуга, недобрыхъ людей. На гостя онъ смотрѣть не хочетъ, да и гость, кажется, не слишкомъ его жалуетъ. Можно подумать, что два старинные непріятеля сошлись случайно, послѣ долговременной разлуки, которая не охладила ихъ вражды... Отъ-чего это? Не-уже-ли природа поселяетъ въ сердцахъ людей взаимное отращеніе, основанное на противоположностяхъ свойствъ, или кроется здѣсь что-нибудь другое? Сколько я мечтаю, Петя видитъ въ Глобовѣ какую-то себѣ помѣху, а Глобовъ въ Петѣ — человѣка, который не уважаетъ его, не смотритъ на его образованность и видимое превосходство, и откровенно выказываетъ свое недоброежелательство, даже презрѣніе. Но какая это помѣха за что одному презирать другаго—остается для меня загадкой.

#### Пятое письмо.

«Исторія Пети проста, но трогательна. Она еще тѣмъ для меня интересна, что я играю въ ней значительную роль. Шестъ лѣтъ назадъ (я была тогда по двѣнадцатому году), ужасная засуха грѣвила голодомъ. Частые пожары не давали покоя народу. Каждую ночь стояло гдѣ-нибудь зарево, и крестьяне боязливо смотрѣли на пылающее вдали небо. Наконецъ, дошла очередь и до нашего села: оно принималось горѣть три дня сряду. Огонь истребилъ тридцать дворовъ. Пожаръ въ деревнѣ—ужасное бѣдствіе. Мы до той

были напуганы, что вынесли всё пожитки изъ домовъ на дворы, и сѣли на открытомъ воздухѣ. Село обратилось въ лагерь. Очередной караулъ обходилъ дозоромъ нашъ домъ, избы, церковь, строго спрашивая каждаго встрѣчнаго. Носилась слухи о поджигателяхъ—вѣрные или вымышленные, неизвѣстно. Крестьяне, тѣмъ больше легковѣрные, чѣмъ больше испытали бѣдъ, въ каждомъ заводиломъ путникъ, въ каждомъ незнакомомъ лицѣ видѣли опаснаго человѣка, подосланнаго съ огнемъ.

«Въ это-то время, гуляя однажды въ саду, я была поражена проницательнымъ дѣтскимъ крикомъ. Гляжу: толпа крестьянъ тащить какую-то женщину, избитую до полусмерти. Десятки голое съ вселящаются: «бей ее! вотъ такъ! хорошенько! а-га, попалась! нехвостъ, поджигательница!» Впереди, оборванный и запачканный мальчикъ бѣжитъ отъ крестьянскихъ ребятшекъ, которые гонятъ за нимъ съ палками. Въ отчаянномъ страхѣ, бросается онъ черезъ садовый плетень и прямо летитъ ко мнѣ, крича благимъ матомъ. Прибѣжалъ, уцѣпився за мое платье такъ крѣпко, что трудно было бы освободиться изъ его рукъ, и кричить изо всѣхъ силъ: «она меня убьютъ!» Я сама ужасно испугалась, однакожь взяла бѣднаго подъ свое покровительство и отвела домой, куда въ скоромъ времени принесли полумертвую мать его, Цыганку. Дѣло объяснилось: Цыганка шла изъ города съ сыномъ, побиралась, какъ говорить, милостыней. При входѣ въ деревню, они сѣли у крайней избы, подъ плетнемъ, отдохнуть. Напуганные, подозрительные крестьяне приняли ихъ за поджигателей, тѣмъ болѣе, что какъ мать, такъ и сынъ очень-нечисто выговаривали русскія слова. Черезъ два дня мать умерла. Смерть ея—а можетъ-быть, и страхъ—такъ поразили сироту, что онъ тронулся въ умъ. Я горько плакала, смотря на бѣднаго мальчика. Маменька взяла его въ комнату. Сначала онъ дичился и не отходилъ отъ меня, какъ отъ своей спасительницы, потомъ попривыкъ къ своему положенію. Дворовые дразнили его, выводя изъ терпѣнія своими толчками и шипками, за что я сердилась. Я стала учить его грамотѣ, которую онъ хорошо понималъ, такъ-что въ два года выучился читать и писать. Благодарность его ко мнѣ и матушкѣ не имѣла предѣловъ; Маша в батюшка не правились ему, можетъ-быть, отъ-того, что часто сѣлались надъ нимъ. Онъ всюду слѣдовалъ за мною, угадывалъ мои желанія и тотчасъ же исполнялъ ихъ, если то было въ его власти; въ прогулкахъ переносилъ меня черезъ грязныя мѣста и овраги,—короче: былъ моимъ вѣрнымъ сторожемъ. Я смѣюсь—и онъ веселъ, я задумаюсь—онъ печаленъ. Въ болѣзни моей, онъ страдалъ болѣе меня: не спалъ цѣлыя ночи и худѣлъ замѣтно. Такая благодарность доставляла мнѣ прежде большое удовольствіе;



но теперь сильная привязанность Пети меня пугаетъ. Съ каждымъ годомъ она возрастаетъ. Онъ же не въ силахъ скрыть ее. Я стараюсь занять его книгамъ, которыя онъ читаетъ съ жадностью, и объясняю ему все, что сама знаю, то-есть, очень-мало. Временное помѣшательство его кончилось—это мнѣ извѣстно; но для другихъ онъ все еще помѣшанный. И точно: наединѣ со мной онъ здоровъ, разсудителенъ, уменъ; при людяхъ начинаетъ говорить и дѣлать вздоръ. Я браню его за это и спрашиваю, для чего онъ притворяется сумасшедшимъ, но у него одинъ отвѣтъ: «такъ надо, они не стоятъ тебя.»

### Шестое письмо.

«Недавно я посетила то мѣсто, которое тебѣ особенно пріятно. Помнишь: большая дорога круто поворачиваетъ вправо; широкая аллея ведетъ къ барскому дому, стоящему на горѣ... Тамъ живъ онъ... Строгий отецъ держалъ его въ неволѣ... бѣдность разлучила васъ...

«Другъ мой! можетъ-быть, слова мои пробуждаютъ душевное волненіе, раскрываютъ старую боль—прости мнѣ. У каждого изъ насъ есть своя неволя и бѣдность: неволя сердца, бѣдность счастья. Какъ часто мы смѣшиваемъ разсудокъ съ чувствомъ, принимаемъ ясный голосъ одного за непонятное влеченіе другаго, и слишкомъ поздно узнаемъ свою ошибку. Мы забываемъ, странные люди, что уму предписаны законы дѣйствія, а сердце есть не что иное, какъ сосудъ, наполненный горячей кровью...

«Но предоставимъ будущее будущему. Если возможное намъ счастье, минуя одного, никогда неизмѣнявшаго правды, вынудитъ другаго, менѣе-достойнаго... правъ ли недостойный, виноватъ ли правдивый?

«Я сама не знаю, что пишу. Извини меня, Я чувствую себя нездоровой. Вотъ ужъ нѣсколько ночей сряду мучить меня бессонница, аппетитъ пропалъ, пульсъ бьется неровно. Новостей у насъ нѣтъ... можетъ-быть, скоро будутъ. О Глобовѣ сказать также нечего: онъ всегда почти съ Машей. Петья за что-то сердится на меня и на Глобова.»

VI.

На сцену повѣсти нашей выступаетъ новое лицо—Анисимъ Павловичъ Барбосовъ, молодой помѣщикъ, живущій въ двадцати верстахъ отъ Ягодина. Онъ заѣхалъ къ Ивану Анисимычу мимоѣ-

домъ, пробираясь въ уединенный городъ на ярмарку, гдѣ предстояла богатая жатва его любезности. Въ костюмъ его отличалась ухарская венгерка, полосатые панталоны и шапка съ бѣлымъ околышемъ, которая дьявольски лежала на правомъ ухѣ. Усами онъ дорожилъ столько же, сколько своимъ пуделемъ, Нептуномъ, вѣчнымъ его товарищемъ въ домашней и разъездной жизни. Призывало къ атому басистый голосъ, грубую развязность движений, что называютъ молодечествомъ, нѣсколько выученныхъ стиховъ, которые переначивалъ онъ по-своему, уничтожая въ нихъ мѣру, и иногда и смыслъ, десятка три доморощенныхъ остротъ, да длинный хлыстъ, чтобъ накаазывать упрямаго пуделя — и вы будете имѣть довольно-вѣрный портретъ Анисима Ивановича, помѣщика двадцати-восми лѣтъ.

Онъ подкатилъ къ крыльцу на лихой тройкѣ, съ бубенчиками, востомъ и визгомъ.

— Здравствуйте, тѣзка! заревѣлъ онъ, въбжавъ въ комнату и махая Ивану Анисимычу.

— Ну, не совсемъ еще тѣзка, отвѣчалъ Иванъ Анисимычъ, цѣлуя гостя. — Я Иванъ, а ты Иванычъ; ты Анисимъ, а я—Анисимычъ.

— Правда, сушая правда. Вотъ еслибъ васъ или меня перевернуть вверхъ ногами, тогда мы были бы полныя тѣзки. Ха-ха, ха!

— Полно баляндрачить-то, полно! Вѣдь у меня дочери-невѣсты — какъ-разъ услышать.

— А, кстати: здоровы ли онѣ? Что Марья Ивановна? хороша-о-прежнему? Наливное яблочко, малина со сливаками! Цыганъ такъ же глухъ?

Маша и Глобовъ вошли въ комнату.

— Вотъ она сама на-лицо. Можешь адресоваться къ ней съ какою-нибудь вопросомъ. Рекомендую тебѣ Платона Петровича Глобова, моего дорогаго гостя и друга.

— Здравствуйте, Марья Ивановна. Позвольте поцаловать вашу... шпешкую, прекрасную ручку.

Маша зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ.

— Честъ имѣю рекомендоваться, продолжалъ Барбосовъ, обратясь къ Платону Петровичу. — Милости прошу ко мнѣ. У меня есть и биллардикъ поиграть, и библиотечка почитать, и ружьеца стрѣлять. Я все это люблю. Нѣтъ только молодой жены (здѣсь Барбосовъ нехорошо взглянулъ на Машу), но Богъ милостивъ: какъ-нибудь любодемъ, и вѣчно ее любить будемъ.

— О-го, да ты ужъ началъ говорить стихами! Каковъ молодецъ!

— Какъ турецкій огурецъ. Могу прибрать любую рифму. Какъ

поживаете, Марья Ивановна? Все хорошеете! Нептунъ, кланяй Марья Ивановнѣ; цалуй у ней ножки. Цалуй, говорю тебѣ; не то...

Нептунъ, увидя поднятый хлысть, поползъ на четверенькахъ къ Машѣ и началъ лизать ей ноги.

— Вотъ такъ. Это я нарочно выучилъ его для васъ, Марья Ивановна.

Платону Петровичу ужасно не нравились манеры усатаго помщика, особенно его фамильярность съ Машей. Онъ сѣлъ въ уголъ и началъ кусать ногти. Марья же Ивановна стала веселѣй и развязнѣй. Ей были пріятны частыя обращенія къ ней Барбосова, который уже не въ первый разъ говорилъ ей подобныя комплименты.

— Здорова ли ваша Біанка? спросила она.

— Біанка? Здорова. Что ей дѣлается? Я хотѣлъ и ее взять съ собой, да матушка отсоветовала. Говоритъ: на ярмаркѣ купи что-нибудь—нѣкуда будетъ положить.

Барбосовъ запалилъ дорожную трубку и мастерски началъ пускать колечки дыма. Марья Ивановна любовалась его искусствомъ даже рукой подгоняла къ себѣ дымъ, говоря, что любить табакъ.

— Какія у меня лошади, Марья Ивановна, то-есть рекомендую. Хотите, прокачу васъ? Или нѣтъ: лучше какъ возвращусь изъ города. Помните ли, какъ мы катались зимой, въ саночкахъ, по одну лошадку... Гм?

Марья Ивановна молча и краснѣя потупила глаза въ землю.

Между-тѣмъ, подали самоваръ. Барбосовъ разъ нятъ выбѣжалъ въ сѣни, гдѣ успѣлъ получить нѣсколько ударовъ въ спину отъ горничныхъ дѣвокъ и заставлялъ хотѣть дворника своими острогами и рюмами. Во время чая босою мальчишка не спускалъ съ него глазъ.

— Съ тѣмъ вамъ угодно? спросила его Маша, наливая чашку.

— Первые нятъ чашекъ вью съ ремонъ; остальные съ тѣмъ угодно вамъ. Ха, ха, ха!

— Люблю за откровенность, сказалъ Иванъ Анисимычъ, поминрая со свѣжа.—Мальчикъ, вели принести ромъ... Мальчикъ! оглохъ что ли ты? выпучилъ глаза на Анисима Ивановича, какъ на какого звѣря... Ромъ вели подать... Скотина!.. Платонъ Петровичъ милости просимъ къ намъ поближе. Что вы тамъ затихли?

— Я не очень-здоровъ.

— Ахти, что такое?

— Ничего: это пройдетъ, не безпокойтесь.

Барбосовъ далъ мѣсто Платону Петровичу, а самъ такъ ластово подселъ къ Машѣ, что она вся всдыхнула,—однакожь не отодвинулась.

— Что прикажете купить вамъ на ярмаркѣ, Марья Ивановна?  
 — Подируйте; развѣ я смѣю приказывать?  
 — Стало бытъ, вы полагаетесь на мой вкусъ? Очень-хорошо. Я докажу, что у меня губа не дура, и что моя — отличная натура. Ха, ха, ха!

Барбосовъ такъ завладѣлъ разговоромъ, что другимъ пришлось говорить очень-мало. Иванъ Анисимычъ те-и-дѣло смѣялся. Маша чувствовала что-то особенно-пріятное. Всѣхъ жалче и смѣшнѣе былъ Глобовъ; онъ смѣялся сохранивъ равнодушіе, а въ-самомъ-дѣлѣ ужасно ревновалъ.

— Однакожъ пора ѣхать, сказалъ Барбосовъ, допивъ седьмую чашку и затрепывъ студомъ. — Нептунъ, вала подавать лошадей... Ха, ха, ха! Одолжи мнѣ, любезный, стаканъ воды.

Воды, воды, но я напрасно  
 Страдальцу содгу подавалъ...

Ха, ха, ха! Прощайте, тѣзка. Марья Ивановна, пожалуйста вашу оловянную, прекрасную ручку.

Когда уехалъ Барбосовъ, Маша задумалась и раза два вздохнула.

— Добрый малой, замѣтилъ Иванъ Анисимычъ: — но только нѣтъ голоза.

— Какъ онъ хорошо задитъ верхомъ! сказала Маша, относясь къ Платону Петровичу.

— О, я вѣрю вамъ, что онъ имѣетъ всѣ возможные и невозможныя достоинства. Съ этимъ словомъ Глобовъ вышелъ изъ комнаты.

Маша значительно взглянула на отца. Иванъ Анисимычъ значительно улыбнулся.

На другой день, рано утромъ, Платонъ Петровичъ отправился въ садъ. Безсонница покрыла лицо его блѣдностью. Мелкія страсти раздраженнаго самолюбія — досада, зависть, ревность видимо мѣдали его душу. Утомленный волненіемъ и быстрой ходьбой, онъ вошелъ въ бесѣдку, сѣлъ на диванъ и — употреблю его любимое выраженіе — погрузился въ задумчивость.

Черезъ полчаса, явилась Маша. Она тихо подошла къ Глобову.

— Какъ ваше здоровье, Платонъ Петровичъ? Вы все еще зданы.

— Покорно благодарю васъ за участіе. Но какая вамъ надобность до моего здоровья?

— Большая надобность: здѣ я ваша сестрица, сказала Маша, положивъ ему на плечо руку.

И она хорошо это сдѣлала. Барбосовъ не даромъ называлъ ея

руку полненькою и прекрасною. Черезъ минуту, эта пухленькая ручка очутилась какъ-то въ рукѣ Глобова.

— Извините, отвѣчалъ онъ, все еще не смотря на Машу, и внутренно уже довольный ею: — я думалъ, что вы забыли это.

— Почему жь вы такъ думали?

— Потому-что я не мастеръ вѣдять верхомъ... у меня нѣтъ усовъ и пуделей... обращеніе мое не такъ ловко...

— Какая важность! Я не знаю, что вы нашли страннаго въ ихъ словахъ. Я вчера сказала такъ, просто, безъ всякой мысли.

Въ это время, къ счастью Маши и къ несчастью Барбосова, шелъ дождь сначала мелкій, потомъ крупный, потомъ проливной. Изъ бесѣдки нельзя было выйти цѣлый часъ.

Цѣлый часъ! шестьдесятъ минутъ! три тысячи шестьсотъ секундъ! Какая бездна времени! Въ это безконечное время, легли десять разъ поссориться и столько же разъ помириться, надлежало сотню обѣщаній и не сдержать ихъ. А сколько поводовъ оставивъ рѣшительность влюбленнаго, или побѣдить его нерѣшительность! Всего не перечесть... Намъ нужно знать только, что въ это время Глобовъ позволилъ себѣ обнять Машу, а Мама не запретила ему поцалуевъ.

Когда затихъ дождикъ, Мама нехотѣя отправилась въ комнату Глобова вскорѣ послѣдовалъ за нею. Подходя къ крыльцу, онъ наткнулся на старую корничную дѣву, бойкую и опытную.

— Вотъ, баринъ! вы ужь и людей не видите. Уткнули глупо въ землю, словно сто рублѣвъ потеряли. А что, баринъ? каковъ наша барышня-то? Не босъ почище вашихъ московскихъ испитыхъ блаженныхъ, желтыхъ.

— Какая барышня?

— Ужь будто и не знаете? Марья Ивановна. Ну, что вы, баринъ, зываете? Вѣдь вырвутъ у васъ изъ рукъ, и не замѣтятъ. Она на жениховъ у насъ счастлива. Найдѣмъ, пожалуй, и полковничковъ и енараловъ.

Глобовъ засмѣялся—притворно или искренно, Богъ знаетъ. Только тутъ же отправился онъ къ Ивану Анисимычу, съ которымъ имѣлъ продолжительный разговоръ. Иванъ Анисимычъ позвалъ Машу и, снявъ со стѣны образъ, благословилъ ее и Глобова, какъ нареченныхъ жениха и невесту. Отецъ и дочь много плакали. Глобовъ также былъ тронутъ; онъ просилъ Ивана Анисимыча держать пока въ секретъ его предложеніе.

Послѣ такого важнаго шага, Глобовъ, какъ вся слабодушная люди, сдѣлался задумчивъ и какъ-будто печаленъ. Но Мама, для которой предложеніе мужчины было вмѣстѣ и законной свободой чувства, стала гораздо-ласковѣе, живѣе, веселѣе. Такъ однажды

вая причина производить на людей не одинаковыя сладствія, по различіе характеровъ, общественныхъ условій и нравственной настроенности: что для однихъ задача, то для другихъ ршеніе задачи.

## VII.

Въ торжественный день рожденія Ивана Анисимыча нахалало къ нему множество гостей. Дворъ былъ заставленъ экипажами, комнаты—биткомъ набиты. Служащіе и неслужащіе, изъ деревень и изъ города, люди различныхъ лицъ и фамилій—Васильковы, Ланышевы, Брусничкины, Клюквины... разговаривали, шутили, смѣшались, пили и ѣли, ѣли и пили. Трехлѣтній сынъ Брусничкина особенно занималъ компанію раннимъ развитіемъ своихъ умственныхъ способностей.

— Что за ангельчикъ! томно восклицала Клюквина. — Какой милый и забавный! Дайте мнѣ его расцаловать. Не всякому такое счастье: вотъ мнѣ Богъ не даетъ утѣшенія.

Чайничный мужъ ея, вассалъ уѣзднаго суда, началъ нюхать табакъ, а потомъ барабанить по столу пальцами.

— Дѣ, замѣтилъ Брусничкинъ, поправляя свой галстухъ, который то-и-дѣло уходилъ въ сторону!—онъ у меня молодецъ. Онъ теперь уже все знаетъ. Мы сейчасъ произведемъ ему экзаменъ. Миша, поди сюда. Представь, какъ мужика идти на свою работу.

Миша взялъ въ руки тросточку и скорымъ шагомъ пошелъ на компать. Всѣ захохотали.

— Ну, теперь покажи, какъ крестьяне идутъ на барыню.

Миша сторбился, наморщился, и пошелъ медленнымъ шагомъ, хал и прихрамывая. Всѣ еще больше захохотали.

Надошка трехлѣтняго ребенка, съ удивленіемъ смотря на улыбающаго помѣщика, подошла къ нему. — Покажи еше тросточку одной мой, какъ цапелъка наказываетъ Игнашку. Миша взялъ алку и началъ колотить ею по прду, а самъ въ это время кричалъ: «помиуйте! впередъ не буду!» Гости просто прищипали въ восторгъ. Поцалуемъ и похвалямъ конца не было.

Счастливыи отецъ взялъ сына на руки.—Онъ въ меня, говорилъ въ гордо, бросая взгляды на свою жену.—Онъ не будетъ набиваться заморскихъ правдъ. Онъ будетъ мойъ наследникомъ.

— Дѣ, вѣдь у васъ есть другой, старшій сынъ, кончившій журавль университетъ? замѣтилъ кто-то изъ гостей.

Брусничкинъ молчалъ, какъ-бы не слыжавъ замѣчанія; но зы, нахернувшійся на глазахъ его жены, ея блѣдное, печальное лицо показывали всякому и повеленіе мужа-тирана, и духомъ разединеніе отца съ сыномъ, и любовь матери къ отчужденному сыну.

Разговоръ прекратился ненадолго. Бубенчики, свистъ и визгъ ложили о возвращеніи Барбосова съ ярмарки. Онъ по-прежнему ждалъ въ комнату съ хлыстомъ и Нептуномъ.

— Здравствуйте Иванъ Анисимычъ! Мое почтеніе всей комнѣ. Марья Ивановна! вашу полленькую, прекрасную ручку.

Бѣдная Маша кушала передъ тѣмъ вишни, собирая косточки правую руку. Въ замѣшательствѣ отъ быстрого приступа любви ея, она не знала что дѣлать.

— Ручку вашу, повторилъ настойчиво и нетерпѣливо Барбосовъ подступивъ къ самому носу Маши.

Маша протянула ручку... вишневья косточки посыпались на подставленную руку Барбосова.

Онъ не смѣшался, впрочемъ, отъ общаго хохота, и самъ смѣялся больше всѣхъ.

— Нептунъ, закричалъ онъ:—сюда. Кланяйся Марья Ивановна! цалуй ея попки... цалуй, говорю я тебѣ.

Но Нептуну вздумалось на этотъ разъ поупрямиться. Какъ и кричалъ на него Барбосовъ, онъ ни съ мѣста.

— А! ты кобеннишься, негодий! Постой же, я проучу тебѣ.

Нептунъ завизжалъ, увидя поднятый надъ нимъ хлыстъ, началъ бѣгать вокругъ комнаты, прятаться подъ ногами гостей, наконецъ выскочилъ въ окно.

— А-га, ушелъ! закричалъ вслѣдъ ему Барбосовъ, высунувши въ окно на двѣ трети всего своего корпуса.—Вотъ я тебѣ! Воротишься только! Марья Ивановна, сейчасъ явлюсь къ вамъ съ подарками.

— Добрый малой, но лихая голова! замѣтилъ Иванъ Анисимычъ, когда Барбосовъ ушелъ показывать своихъ лошадей прѣзжимъ кучерамъ и любезничать съ сѣнными дѣвушками.

— Этотъ проклятый Нептунъ измалъ у меня все платье, проговорила Гвоздичкина, имѣвшая виды на Барбосова для своей дочери, румяной и здоровой барышни, которая безпрестанно поврадала на себя пелеринку.

Огромный подносъ, уставленный вареньями, насылу проглатъ въ двери. За лакеемъ, который съ важностію несъ его, слѣдомъ выскочилъ, уже одѣтый въ сапоги: онъ держалъ въ рукахъ двѣ тарелки.

— Позвольте узнать, кто это варить у васъ варенье? спросила Гвоздичкина.

— Все Маша: она у меня славная хозяйка. Умѣетъ и варить, и солить, и стряпать.

— Мастерница, нечего сказать: Честь вамъ и слава, Марья Ивановна. Дай-Богъ вамъ за это хорошаго женишка.

— Богъ ужъ исполняетъ ваше и мое Желаніе, Антонина Петровна, сказалъ торжественно Иванъ Анисимычъ.

Всѣ гости уставили глаза на говорящаго. Маша вспыхнула.

— До нынѣшняго дня я держала въ секретѣ мою радость, которую теперь съ удовольствіемъ объявляю вамъ, дорогіе мои гости. Платонъ Петровичъ Глобовъ...

Глобовъ всталъ съ своего мѣста.

— Сдѣлалъ честь Машѣ: предложилъ ей свою руку.

Въ это самое время, Нептунъ, раскаявшись, видно, въ своемъ проступкѣ, вскочилъ въ окно, у котораго сидѣла Лиза. Цыганъ просился къ Глобову, и, схвативъ его за грудь, произнесъ сильнымъ голосомъ: — ты хуже этой собаки! Потомъ послѣдовалъ къ Лизѣ, которая лишилась чувствъ.

— Ахъ, Боже мой! что съ ней сдѣлалось? закричалъ Иванъ Анисимычъ. Гости засуетились, поднялась тревога.

— Ничего, папенька, ничего, Нептунъ испугалъ меня. Это сейчасъ пройдетъ. Позвольте мнѣ уйти въ мою комнату. Не ходите, оставайтесь съ гостями, сказала она отцу и Машѣ, которые пошли было за нею.

— Этотъ Барбосовъ вѣчно надѣдаетъ хлопотъ. Какъ можно развязать съ собаками? говорили одни гости. — Не принять ли ей голландскихъ капель? Нѣтъ, лучше потереть виски одеколономъ или понюхать спирту, говорили другіе. — Проклятый Цыганъ: зачѣмъ вы держите у себя сумасшедшаго? говорили третьи.

Вскорѣ порядокъ восстанавлился. Иванъ Анисимычъ продолжалъ перешагнувъ рѣчь: — Справедлива русская пословица: не знаешь гдѣ положишь, гдѣ найдешь. Думалъ ли я, что Богъ пошлетъ мнѣ ятя въ Платонъ Петровичъ, сынъ моего добраго друга? Надобно мнѣ знать, дорогіе гости, что я и батюшка его служили въ одномъ полку. Я былъ казначеемъ, онъ адъютантомъ. По молодости, имѣлъ страстишку къ картамъ и однажды проигралъ казенныя сныги. Батюшка его, дай-Богъ ему царство небесное, выручилъ оваряща, внеся свои собственныя. Вѣкъ не забуду этого благовожденія. На все судьба: Платонъ Петровичъ случайно захватилъ ко въ, на одинъ день какой-нибудь, — а теперь родня!

Гости начали поздравлять жениха и невесту: цаловались, жали



руки, утирали слезы, говорили нравственные правила и добрыя совѣты. Иванъ Анисимычъ велѣлъ подать домашней шипучки.

— Отъ души поздравляю, кричала Гвоздичкина. — Платовъ Петровичъ! вы будете имѣть вѣрнаго друга; Марья Ивановна не пручается къ хозяйству и домашней жизни.

— Да, подхватилъ Иванъ Анисимычъ: — хоть я и отецъ, а могу похвалиться. Маша сама и на кухню пойдетъ, сама и на погребъ отправится. Если случится надобность—пожалуй, и на рынку сама сходить.

Въ снѣгахъ послышался голосъ Барбосова и какой-то шумъ, похожій на удары по спинѣ рукою.

— Вотъ и подарки, говорилъ онъ, вошедъ въ комнату. — Марья Ивановна! позвольте предложить вамъ отъ чистаго сердца, отъ искренней души... Можетъ-быть, они и не хороши...

— Хороши, хороши, любезный! сказалъ весело Иванъ Анисимычъ. — Давай ихъ сюда; теперь они кстати. Маша—невѣста.

— Какъ невѣста?.. Какая невѣста?..

— Такая же, какъ и другія. Вотъ ея женихъ.

— Да какъ же это?.. стало-быть...

— Чтò стало-быть?

— Ахъ, Боже мой, какой я дуракъ!..

Здѣсь Барбосовъ засвисталъ, какъ человекъ потерявшій надежду. Нептунъ съ пованной головою и поджатымъ хвостомъ подползъ къ его ногамъ.

— Ну, дѣлать нечего: его счастье. Признательно сказать, Иванъ Анисимычъ, вѣдь я самъ метилъ на Марью Ивановну. Да провалъ: не зайти бы на ярмарку. Теперь онъ въ выигрышѣ, а что то что осталось?

— Вишневая косточка—не прогиввайся, любезный.

Гости засмѣялись.

— Однакожь, пора домой. Матушка, чай, заждалась меня. Прощайте, Иванъ Анисимычъ! Всей компаніи мое почтеніе. Марья Ивановна, вашу полненькую, прекрасную ручку... только безъ косточекъ.

## VIII.

Съ отъездомъ Платона Петровича и Марьи Ивановны Глобовыхъ улетѣла веселость Ивана Анисимыча. Даже аппетитъ, рѣдко ему нѣмнявшій, пострадалъ значительно. Бразды домашнего правленія приняла Лиза, плохая хозяйка въ томъ смыслѣ, въ какомъ

козьяство обыкновенно разумеется. Иванъ Анисимычъ былъ не-  
поволенъ ея распоряженіями: кушанье находилъ онъ то переваре-  
нымъ, то недовареннымъ, чай слишкомъ-крѣпкимъ или слишкомъ-  
слабымъ. Какъ ни старалась Лиза угодить отцу — отецъ всегда  
находилъ случай вспоминать младшую дочь: «вотъ и видно, что  
нѣтъ Маша: она не позволила бы этого», или: «порядочно, а все  
не то, какъ бывало при Машѣ». Хотя Лиза и огорчалась такими  
отзывами, но никогда не позволяла себѣ отступать отъ своихъ  
нравственныхъ правилъ, отъ понятій очищенныхъ. Она очень-хо-  
рошо знала, что угожденіе людямъ вообще и самымъ близкимъ  
въ-особенности, идетъ часто наперекоръ угожденію совѣсти, и  
при тяжеломъ столкновеніи противныхъ обязанностей выбирала ту  
сторону, гдѣ, можетъ-быть, насъ ожидаетъ прихотливое неудоволь-  
ствіе лица, но гдѣ сохраняется достоинство человѣка.

Новое, хотя и предвидѣнное, обстоятельство усилило дурное рас-  
положеніе Ивана Анисимыча. Имѣніе его было описано и по-  
ступило въ опеку. Мысль потерять родовое наслѣдство, лишиться  
голы слугъ, на старости лѣтъ пойдти по міру, или собственными  
руками обезпечивать свое существованіе, — поразила барина, при-  
выкшаго къ барству. Онъ занемогъ и слегъ въ постелю. Болѣзнь,  
сначала неважная, приняла въ-послѣдствіи серьезный характеръ.  
Оказались признаки водяной. Цыганъ и Лиза не отходили отъ по-  
стели Ивана Анисимыча, который все охалъ по Машѣ. Лиза из-  
вѣстила сестру о семейномъ горѣ, заклиная ея поспѣшить приѣз-  
домъ, который, быть-можетъ, возвратилъ бы веселость и здоровье  
отцу. Но Глобовы, невѣстно по какой причинѣ, молчали: письма  
Лизы оставались безъ отвѣта.

Однажды Иванъ Анисимычъ такъ дурно провелъ ночь, что  
Лиза отправила гонца за узаднымъ лекаремъ — добрымъ Нѣмцемъ,  
по плохимъ знатокомъ своего дѣла, который всѣ болѣзни объ-  
яснялъ разстройствомъ желудка и отъ всѣхъ болѣзней лечилъ бу-  
инпой, — даже отъ порыва пальцевъ. Онъ пріѣхалъ въ пятомъ  
часу послѣ объѣда. Что съ вами, Иванъ Анисимычъ? вы вѣрно  
чего-нибудь обкушались? спросилъ онъ исковерканнымъ русскимъ  
языкомъ.

— Помилуйте, перервалъ его Цыганъ: — онъ пятый день ничего  
въ ротъ не беретъ.

— Да, да, продолжалъ лекарь, не слушая возраженія: — вы  
вѣрно чего-нибудь покушали плотно. Всѣ наши болѣзни происхо-  
дятъ отъ невоздержности, расстройства желудка. Умѣренная жизнь  
есть первое условіе здоровья. Лучше быть всегда голоднымъ, не-  
жели очень-сытымъ. Въ объѣдѣ надобно кушать немного потому,

что вы еще будете кушать за ужиномъ, и въ ужинъ надобно кушать немного потому, что вы уже кушали за обѣдомъ.

— Что жъ теперь съ нимъ дѣлать? нетерпѣливо спросилъ Цыганъ.

— Ничего; это пройдетъ. Напейтесь бузины.

Иванъ Анисимычъ напился бузины, но болѣзнь не прошла. Черезъ недѣлю онъ умеръ—разумѣется, не отъ той болѣзни, которую находилъ въ немъ лекарь. Отказываюсь изобразить горестъ Лизы и процессъ погребенія: первое трудное, второе—всѣмъ известно. Но читатель долженъ знать, что, въ самый день похоронъ деревня Ивана Анисимыча была продана съ молотка.

Купилъ ее молодой человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые убѣждены, что бѣдныя сотворены для прихотей богача. Крайность положенія, голосъ стѣсненныхъ обстоятельствъ считалъ онъ выше голоса разсудка и нравственнаго долга; отказъ безсильныхъ сильному—казался ему химерой, мечтою несбыточной. Пріѣхавъ осмотрѣть свою покупку и увидя Лизу, которая все еще жила въ домѣ, ей непринадлежащемъ, и ожидала пріѣзда сестры, онъ послалъ къ ней какую-то кумушку, готовую хлопотать о чемъ угодно за полумпериаль. Лиза удивилась предложеніямъ богача и дала ему такой отвѣтъ, который показалъ всю гнусность ея поступка. Богачъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва. Въ первый разъ отказываютъ ему — и кто жъ? добро бы важная особа; а то деревенская дѣвочка, которая не видала даже губернскаго города. Желаніе мести заставило его дѣйствовать рѣшительно. Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣли Цыганъ и Лиза, и, не снимая шапки, закричалъ во все горло: — Трифонъ!

Трифонъ явился на кличку.

— Вели пріѣхать сюда подводамъ.

— Слушаю-сь, ваше высокоблагородіе.

— И уложи на нихъ всю мѣбель.

— Слушаю-сь, ваше высокоблагородіе.

— Всю рѣшительно, ничего не оставляя.

— Слушаю-сь.

— Потомъ, какъ уложишь, отвези въ городъ.

— Слушаю-сь.

— Да сходи...

— Слушаю-сь.

— Ты прежде выслушай, болванъ, а потомъ отвѣчай.

— Слушаю-сь.

— Сходи въ городъ къ Авдетѣ Александровнѣ — передай ей мое... и скажи, что я дарю ей эту мѣбель и завтра вечеръ буду у ней чай пить.

— Слушаю-съ.

Отдав приказаніе, молодой человекъ (имя котораго не нужно знать вѣрждочнымъ людямъ) презрительно обвелъ глазами комнату. Бжей драгной Фангелишка! сказалъ онъ: — какъ тяжело здѣсь пахнетъ! — Тутъ онъ засвисталъ и выбѣжалъ изъ комнаты, не затворивъ двери.

Цыганъ вздохнулъ свободно. Онъ держалъ въ рукахъ отломленную столовую ложку, готовый разможжить голову богатому мавѣждѣ при первой его дерзости. Глаза его наполнились кровью, сердце стучало, всѣ составы тѣла трясаея лихорадочной дрожью.

Трифонъ, достойный слуга барина, началъ выносить мебель, стулья, трембля, плевалъ и мурлыка какую-то пѣсню, перасыпая ее замѣчаніями о неумѣстной гордости такихъ людей, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора. Очистивъ комнату, онъ обратился къ Лизѣ, сидѣвшей на остальномъ, невывнесенномъ еще стулѣ. Ну-ка, сказала онъ ей грубо: — пусти-ка, голубу...

Последняго слова не удалось ему окончить. Цыганъ схватилъ его впоперекъ тѣла и легкимъ кубаремъ выкатилъ изъ сѣней; потомъ возвратился въ комнату.

Лиза, внешнемогшая отъ душевныхъ потрясеній, горько плакала. Слезы, долго-удерживаемыя, облегчили грудь ея. Цыганъ, давъ волю благодѣтельному изліянію скорби, потомъ робко подошелъ къ Лизѣ.

— Сестрица! сказалъ онъ ей тихимъ, но нѣжнымъ голосомъ... — Сестрица, полно плакать. Подумаемъ вмѣстѣ, что намъ дѣлать!

— Мнѣ ничего не остается дѣлать, отвѣчала Лиза, продолжая плакать. — У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей.

— Не правда, сестрица, у тебя есть другъ, готовый пожертвовать для тебя жизнью.

— Но что ты можешь, добрый Петя? У тебя нѣтъ ничего.

— У меня есть любовь и воля. Благодаря тебѣ, я кой-что знаю; ты знаешь несравненно-больше. Мы станемъ трудиться съобща; Богъ и добрые люди помогутъ намъ. Ты снова начнешь свои любимыя прогулки, я снова стану охранять тебя. Я буду счастливъ. Будешь ли ты счастлива... это ужъ твоё дѣло.

— Еслибъ пріѣхали Маша и Платонъ Петровичъ...

— Не говори мнѣ о нихъ. Пустые, ничтожные они люди! Особенно этотъ высокопарный болтувъ, съ своими претензіями на ученость. Къ-чему послужила ему образованность, которую вы такъ хвалите? Что вышло изъ его просвѣщенія, которымъ онъ такъ гордится? Все у него противъ природы и чувства. Онъ молчитъ, когда надобно дѣйствовать; говоритъ, когда надобно молчать. Стоя высоко надъ людьми безграмотными или мало-образо-

важныи, онъ уподобляется имъ въ жизни, сводить съ ними дружбу, предать имъ себя въ жертву. Онъ не видитъ въ слѣпотѣ своей, что достойно жертвы. О, въ тысячу разъ лучше, благороднѣе, полезнѣе остаться простымъ человѣкомъ, не мудрствуя лукаво, но покорно доверяясь влеченію природы! Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, есть прекрасная искренность.

Лиза молчала.

— Послушай, сестрица. Я не требую отъ тебя ничего, но, не жечь-быть, со-временемъ... ты согласишься быть моею...

— Боже мой, сказала Лиза, закрывъ лицо руками. — Я это предвидѣла, я это знала.

— Что ты знала? чего ты боишься?.. Ты *любишь* его — хуже этого ужъ не будетъ. Обо мнѣ не безпокойся. Съ переменною жизнью не измѣняются чувства: что теперь между нами, то останется и тогда, ни больше, ни меньше. Но видишь ли, свѣтъ требуетъ отъ васъ многого, и я прошу тебя объ одномъ: дай мнѣ только формальное право указывать на тебя свѣту, какъ на доверившуюся мнѣ особу, — чтобы я могъ съ каждымъ обидчикомъ поступить такъ же, какъ поступилъ съ дерзкимъ холопомъ. Клятва не свяжетъ тебя. Если хочешь, будемъ жить какъ братъ съ сестрой... я не коснусь тебя.

Неизвестно, что отвѣчала ему Лиза, но въ ту же ночь видѣли двухъ людей, вышедшихъ изъ пустаго господскаго дома и направлявшихъ путь свой подъ кровомъ темноты и Божьяго промысла.

## IX.

И сдѣлалась Лиза женою Цыгана. И живутъ они теперь, какъ жили съ перваго дня свадьбы; она — желая полюбить его, онъ — по имѣя силъ разлюбить ее.

Никто не слышалъ отъ нихъ ропота на судьбу или жалобы въ людей: они спокойно признавали то, что выпадало имъ на долю. Никто также не могъ бы упрекнуть ихъ въ пренебреженіи долга, который лежитъ на всякомъ человѣкѣ: они строго исполняли гражданскія и семейныя обязанности, дѣйствуя во всякомъ случаѣ и въ крайнему разумнѣю и чистой совѣсти.

Но покорность судьбъ не есть счастье. Оно не есть также и речное исполненіе долга, утѣшающее въ несчастіи. Прекрасныя стремленія, благородныя заслуги, возвышенныя мысли сами-по-себѣ, а счастье само-по-себѣ.

Гдѣ жъ оно, это счастье? Недостойные супруги находятъ его и

преlestяхъ разврата: онъ—заводитъ гаремъ, она—окружаетъ себя толпою поклонниковъ. Но какъ найти его достойнымъ? Гдѣ спасенію любящему, но не любимому, страдающему отъ любви, но безвильному не страдать? Мы знаемъ философію, которая забывается при первомъ взглядѣ обожаемой женщины: покажите другую философію, которая бы указывала больному сердцу выходъ изъ болѣзни.

Такъ думали Цыганъ и Лиза. Прошло много лѣтъ съ того времени, какъ они оставили деревню и жили въ губернскомъ городѣ. У нихъ уже были дѣти. Воспитаніе ихъ заняло родителей, которые, не получая писемъ отъ Маши и Платона Петровича, не знали, гдѣ они находятся, какъ однажды, вовсе неожиданно, Глобовы пріѣхали къ нимъ погостить. Чтѣ чувствовала въ это время Лиза, я не знаю, но только черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ сестры, собравшись на балъ къ губернатору, она вошла въ ту комнату, гдѣ висѣло зеркало, и гдѣ я заснулъ на креслѣ... Надобно же, наконецъ, узнать читателю, что я — младшій сынъ Лизы.

## х.

Барвара Алексѣевна, знакомая читателю, кушала чай. Въ ногахъ у ней лежала Сильфидка. По сторонамъ сидѣли Соничка и Митя.

— А! милости просимъ! кричала она вошедшей Ольгѣ Ивановнѣ.—Садись сюда чай пить. Пусти-ка, Соничка. Скажу тебѣ, матушка, новость... или нѣтъ: угадай сама, кого я вчера видѣла.

— Почему мнѣ знать, Барвара Алексѣевна? Мало ли у васъ бываетъ народа?

— Платона Петровича съ супругой, Марьей Ивановной, урожденной Ягодиной.

— Не-ужь-то? какъ бы я желала взглянуть на него!

— Авось взглянешь: онъ обѣщался на-дняхъ захватить ко мнѣ.

— Ну, чтѣ, матушка, каковъ онъ?

— Ты не узнаешь его: худой, блѣдный, задумчивый; мнѣ кажется, у него вотъ тутъ... на сердцѣ... горе... понимаешь?

— Какъ не понимать. Вотъ моя и вышла правда. Помните ли мое гаданье, передъ отъѣздомъ Платона Петровича? Вы еще серились, а мнѣ нельзя же было прямо въ глаза сказать ему: вамъ вышло злополучный марьяжъ и несчастная жизнь. — Ну, а она что?

— Фу, какая пышная, краснощекая, здоровая! Я ужь успѣла съ ней поссориться. Вообрази, какая дерзкая: разговоръ зашелъ о томъ, кто какъ проводитъ время. Она вдругъ, ни съ перваго сло-

ва; и говоритъ: «удивляюсь, какъ можно заниматься гаданьемъ карты: по-моему это глупо.» Такъ меня и взорвало! Что жъ тупаго, матушка? сказала я. Все это лучше, нежели перешигивать съ мужчинами.

— Что жъ она на это?

— Ничего, только еще больше покраснѣла. А мнѣ то и надо Нѣтъ, терпѣть не могу гордыбакъ. По-нашему, чѣмъ скромнѣе тѣмъ лучше.

Съ этими словами, Варвара Алексѣевна нюхнула значительную порцію табаку и принялась раскладывать гран-пасьянсъ.

СТО ОДИНЦЬ.

## ДВУЛИЦЫЙ ЯНУСЪ.

(Отрывокъ изъ «Дневника въ Римѣ».)

Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу  
Покрытый обломками иѣкогда славнаго храма:  
Разрушенный мраморъ, низвергнуты своды, аркады,  
Священныя урны, алтарь, испещренный вавъемъ  
Жрецовъ, закалающихъ тучныя жертвы, статуи,  
Обрубленный торсъ, голова, раздробленные члены, —  
Какъ надшихъ вонтелей трупы на полѣ сраженья...  
Люблю любоваться, какъ чудомъ, изящной рѣзбою  
Печальныхъ обломковъ: люблю я коринтской колонны  
Аканевыя листья, живымъ обитые аканеомъ,  
Она свитые рога, увѣчанные хлѣбомъ получимъ.  
Надъ грудой развалинъ, въ пыли и поросшихъ травомъ,  
Ониъ возвышался изъ мрамора Янусъ двулицый:  
Ониъ обращалъ онъ лицо къ заходящему солнцу,  
На западъ, гдѣ въ темной, глубокой долигѣ, густые  
Верхи кипарисовъ на пламениомъ небѣ черѣлись;  
Другое глядѣло на темный востокъ; созерца  
Громящаго кипиу, хранило угрюмую тайну.  
Проникнутый вымысломъ дивнымъ, въ священномъ восторгѣ,  
Стоялъ я и думалъ, какъ много бѣ открылося тайны,  
Когда бы изрекъ онъ, что въ будущемъ видать.  
«Скажи мнѣ, таинственный богъ, проникающій взоромъ  
Въ грядущее вѣки; молю, просвѣти наши очи,  
И живыми басия расстѣ нашихъ бѣдныхъ гаданий!  
Что ждешь насъ? отвѣтствуй! куда мы стремимся?  
Зачѣмъ здѣсь на холмѣ громады каменей громоздили,  
И кто онъ, откуда, сей вниждущій духъ, въ насъ живущій,  
Который въ насъ мыслью нылаестъ и движетъ могучею дланью,  
И виждетъ, и виждетъ.... чтобъ послѣ разрушить; разрушивъ,  
Изъ праха опять созидаетъ?». Безмолствовалъ идогъ,  
Угрюмый, какъ жрецъ, погруженный въ глубокое чтение  
Таинственной книги, невѣдомой черни. Внезапно  
Послѣднею испишкой вечеряго блеска другое



Лицо просіяло и рѣчью уста разомкнулись.  
 — Ты хочешь проникнуть въ грядущія тайны; но вѣдай,  
 Мы связаны оба таинственной силой, и прежде  
 Прoшедшаго голосъ внемли — а потомъ ужь подѣмли  
 Завѣсу съ того, что въ чревѣ грядущаго зрѣть.  
 Во мракѣ гробницъ обитаетъ мой взоръ: тамъ почіютъ  
 Народы, какъ спать у васъ въ памяти мысли и думы —  
 Спокойно и тихо: я властенъ ихъ вызвать изъ вѣчной темноты,  
 Какъ можешь въ душѣ пробудить ты прошедшія мысли...  
 Какъ образы ихъ, предло мною въ тѣни кипарисовъ,  
 Накрывшихъ могилы, встають исполнскія тѣни  
 Людей и народовъ и царствъ, — все умчало всесильное время!..  
 Я вижу великую рѣку... всечасно я слышу паденье,  
 Удары низверженныхъ волнъ съ высоты величавой...  
 Пространство міровъ ей русло, и межъ нихъ низвергаясь,  
 Свергая, снося, обрывая утесы и камни,  
 Она все несется, подобная вѣчно-живому,  
 Падущему грозно изъ урны вѣковъ океану...  
 И гдѣ ей начало? и гдѣ ей конецъ?.. я не знаю...  
 Но съ бѣгомъ, быстрѣй и полнѣе, шумнѣе и шире  
 Свирильныя воды, и мнѣтся, съ паденьемъ ихъ въ бездну,  
 Обрушится все, что встрѣчалось мнѣ въ бѣгѣ,  
 Что мчалось съ ними, противъ ихъ силъ —  
 Все рухнетъ — и сундце нынѣ народы и царства  
 Туда же обрушатся въ омутъ, куда уже пади  
 И Римъ колоссальный, съ всемірными вѣнцомъ и рабами,  
 Со златомъ налатъ, колесницъ и кровавыхъ ристалища,  
 И Овъ пирамиды и Мемфиса мраморны стѣны —  
 И овъ — Вавилонъ, съ своей до небесною башней...  
 Я вижу, блѣднѣя, зриаешь ты на эту рѣку;  
 (И смертнымъ, безплотной душой отрѣшившись отъ тѣла,  
 Обнять ее взоромъ способенъ). И ужасъ колеблетъ  
 Твой духъ: оглушенный неистовымъ гуломъ паденья  
 Влеконыхъ, низверженныхъ ею громадныхъ обломковъ,  
 Ты мыслишь, что значишь ты самъ въ севъ бездѣришь,  
 Бездонномъ горнилѣ, средь царствъ и имперій?  
 И страшно исчезнуть тебѣ въ нежъ, какъ легкому пену  
 Подъ крыльями вѣтра, свой путь не означитъ, гдѣ шелъ ты,  
 Не бросивши трудъ исполненій въ всеобщую бездну...  
 Смѣшное мечтанье!... Мстечинъ отчаянья горькій!  
 Вгляни вокругъ себя на роскошную матеръ-природу  
 Какъ съ каждой весной она новыя силы являетъ,  
 Богатства свои мѣняетъ, какъ новую ризу;  
 Все такъ же она, какъ и прежде, въ величій стройномъ  
 Раждаетъ деревья и травы и льетъ голубую  
 Ручьи, оглажая ихъ пѣвшемъ пернатого царства.  
 Но это одежда — не болѣ, она нѣ невѣстна...  
 Подобно природѣ живетъ человѣчество: часто  
 Смыкаются, шумно чередуясь, идуть поколѣнья:  
 Они — лишь одежда безсмертнаго, вѣчнаго духа...  
 Какъ тополь и ландышъ прекрасны въ убранствѣ природы —  
 Такъ каждому мѣсто свое въ поколѣньи; — какъ роза,

Какъ терній, въ природѣ, — въ гармоніи общей всѣ люди  
 Въ цѣли человечества—всѣ непремѣнныя звѣзды...  
 Такъ, тамъ, посреди преходящихъ явленій юдолюбиваго міра  
 Однажды-рожденныя высятся горы, — такъ вѣчно  
 Останется ясенъ въ потомствѣ негаснущій геній,  
 И мысль не погибнетъ въ томъ омутѣ мрачномъ,  
 Самъ геній не мыслитъ о славѣ,—и зрѣть въ трудѣ онъ...  
 Ты хочешь, чтобы предъ твоей триумфальной статуей  
 Потомокъ съ главой проходилъ обнаженной... Послушай,  
 Не бѣгай, какъ юноша пылкій за гордою дѣвой,  
 За славой: трудися. Сама придетъ гордая дѣва,  
 Отъищетъ чело ей любовное, лавромъ накроетъ;  
 Въ живыхъ не застанетъ — отъищетъ гробницу, украситъ  
 Вѣнцомъ и триумфомъ, и если бы кости и прахъ твой  
 Разсыпались вѣтромъ, и въ черепѣ нѣтопырь дикій  
 Гнѣздо свое вилъ, — освятитъ она пепелъ бездушный,  
 Вкругъ сторожемъ станетъ и путника вдругъ преисполнитъ  
 Восторгомъ, и слезы и думу тебѣ посвятитъ онъ...  
 Такъ жертвуютъ Гвебры могучему Фебу не въ храмъ —  
 На снѣжныхъ горахъ, подъ шатромъ безконечнаго неба.

А. МАЙКОВЪ.

# О Ш И В К А.

*Драматическій анекдотъ.*

(И. В. А.)

...Такъ ненавиди мнѣ  
Въ душѣ твоей небесной, донна-Анна?  
А. Пушкинъ.

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

М-ше Ленцъ, молодая вдова.

Жоржъ, художникъ.

Лида.

## СЦЕНА ПЕРВАЯ.

*Теплый лѣтній вечеръ. Густой садъ, освѣщенный косвенно-падающими лучами солнца. На скамьѣ, подъ тѣнью ливъ, М-ше Ленцъ и Жоржъ. Лида проходитъ въ отдаленіи.*

М-ше Ленцъ. — Мы не кончили нашего разговора...

Жоржъ. — Я не знаю, стоить ли труда возобновлять его.

М-ше Ленцъ. — Потому-что вы упрямо остановились на одной мысли, и хоть чувствуете сами, что въ ней есть зародышъ боли, однако отречаетесь даже отъ желанія искать средствъ противъ нея.

Жоржъ. — Отъ-того, что я много вѣрю въ силу природы, которая сильнѣе теорій. Каждый изъ насъ долженъ остаться въ своихъ склонностяхъ тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Я точно такъ

не могу убить въ себѣ моего эгоизма, какъ вы не можете за-  
ушить въ себѣ нашей горячности въ сочувствіи къ другимъ. Да  
къ-чему?

М-ше Линцъ.—Если вы говорите о себѣ, то — къ тому, чтобъ  
быть меншого-больше человекомъ...

Жоржъ.—Но я ужь давно уступилъ вамъ это преимущество.

М-ше Линцъ.—Безъ ироніи, Жоржъ. Я тутъ не дѣлаю ника-  
кихъ притязаній ни въ пользу свою, ни въ пользу нашего пола во-  
обще. Я хочу только вашего сознанія, что вамъ не достаетъ, мо-  
жетъ-быть, наиболѣе человѣческой стороны.

Жоржъ.—Если угодно, я сдѣлаю вамъ въ сотый разъ это при-  
знаніе.

М-ше Линцъ.—И не пойдете далѣе?

Жоржъ.—Къ-сожалѣнію, природа не дала мнѣ никакихъ средствъ.

М-ше Линцъ.—Вотъ ужь тотчасъ жалоба и на природу! Забудьте-  
е, однако: на свой счетъ, можетъ-быть, сморье всего можно оши-  
ваться.

Жоржъ.—Что же прикажете дѣлать?

М-ше Линцъ.—Попробуйте дѣйствовать съ другой точки зрѣнія,  
испытайте хоть разъ свою способность самопожертвованія...

Жоржъ.—Испытайте свою способность, которой вы не игно-  
рируете!.. Вы хотите, чтобъ я смѣлся? Не продолжайте: я люблю васъ  
слушать. Право, у меня такъ много въ памяти вашихъ словъ.

М-ше Линцъ.—Благодарю за честь. Вы, однако, даете совѣтъ  
не тотъ толкъ словамъ мнѣ. Я хочу, чтобъ вы испытали спо-  
собность, которой вы въ себѣ только не подозреваете. У меня есть  
то предубѣжденіе въ пользу художнической натуры: я никакъ не  
могу предположить въ ней того недостатка, который вы себѣ на-  
именываете; словомъ, я предчувствую въ васъ то, чего вы сами въ  
себѣ не видите.

Жоржъ.—Значитъ, въ васъ много вѣры; но это еще нисколько  
не помогаетъ моему невѣрію. Когда я васъ слушаю, я вѣрю вамъ;  
о себѣ... себѣ и не вѣрю еще болѣе.

М-ше Линцъ.—Какъ невѣрующей, вы требуете доказательствъ?  
Я попробую говорить приѣрами... Надобно, впрочемъ, признаться,  
оказывать я умѣю всего менѣе.

Жоржъ.—Вы думаете и говорите по вдохновенію?

М-ше Линцъ.—Если угодно. Однако, я хочу сдѣлать опытъ... Въ  
природѣ есть силы, которыхъ существованія не подозревали цѣ-  
ныя тысячелѣтія, и которыя, однако, всегда были въ ней дѣтельны-  
ми. Если не подозревали, значитъ и не признавали. Но предста-  
вился случай—существовавшіе силы замѣтили, и вотъ ужь мы рас-

полагаемъ ими для нашей собственной пользы. Какъ вамъ кажется мой примѣръ?

Жоржъ.—Стало-быть, надобно ожидать случая?

М-ше Ленцъ.—Можетъ-быть, достаточно быть внимательнѣе къ самому-себѣ.

*(Лидя молча проходитъ мимо.)*

Жоржъ *(слѣдуя за ней глазами)*.—Что за чудный проансъ!

М-ше Ленцъ.—Вся головка удивительно-изящна. Вы, какъ художникъ, должны были замѣтить это.

Жоржъ.—По-моему, это одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ экземпляровъ. Есть какая-то невыразимая грація во всѣхъ линіяхъ, и потому эта прелесть выраженія, которой я ни съ чѣмъ не умю сравнить. Я нѣсколько разъ пробовалъ схватить ея черты на бумагѣ; и никогда не былъ доволенъ своей работою.

М-ше Ленцъ.—И вы знаете, что это выраженіе не обманъ?

Жоржъ.—Было бы очень-странно сомнѣваться въ этомъ. И потому, это тайное наслажденіе, которое чувствуешь, смотря на нее... да, думаю, чтобъ оно происходило лишь отъ вліянія одной изъ-внеи красоты.

М-ше Ленцъ.—Я всегда была уверена въ вашей способности цѣнить вещи по справедливости, и очень-рада, что не ошиблась на этотъ разъ. Лидя—чудесная девушка. Я люблю ее музеемъ и любовью. Невозможно не привязаться къ ней сильно и страстно.

Жоржъ.—Что вы хотите сказать?

М-ше Ленцъ.—Что я люблю ее не какъ сестра, не какъ подруга, а—какъ любовникъ, можетъ-быть... По-крайней-мѣрѣ, я не умю вамъ иначе объяснить. Вы сказали, что чувствуете наслажденіе!.. Позвольте замѣтить, что вы возбуждаете во мнѣ ревность.

Жоржъ.—Въ такомъ случаѣ, вы нехорошо меня поняли.

М-ше Ленцъ.—Можетъ-быть, я бы должна понимать только наслажденіе художника?..

Жоржъ.—Никакъ не больше.

М-ше Ленцъ.—И вы ужъ задавали себѣ этотъ вопросъ и рѣшили его?

Жоржъ.—Говоря правду, до-сихъ-поръ онъ не приходилъ мнѣ въ голову,—доказательство, что не было къ нему никакого повода.

М-ше Ленцъ.—Доказательство, что вы очень-слѣпы къ себѣ.

Жоржъ *(смотря ей въ глаза)*.—Вы думаете?

М-ше Ленцъ.—Не теперь только—я думаю объ этомъ давно. Хотите ли, чтобъ я была съ вами откровенна?

Жоржъ.—Иначе я не буду слушать васъ.

М-ше Ленцъ.—Я наблюдаю за вами давно, то-есть за вами

и Лидою; и дивлюсь... дивлюсь, какъ вы до-сихъ-поръ столько любите къ себѣ.

(Жоржъ задумывается.)

М-ше Ленцъ.—Думаете ли-вы, что мы всегда, т. е. во всякую минуту вашей жизни, знаемъ себя больше, чѣмъ другіе знаютъ насъ? думаете ли, что не бываетъ такихъ минутъ, когда мы излагаемъ себя впередъ другими, вовсе и не подозревая, чтобъ въ насъ были тайны отъ другихъ? Вы живой примѣръ, какъ это можетъ быть.

Жоржъ (выходя изъ задумчивости).—Можетъ-быть, вы имѣете некоторое право говорить такъ; однако я имѣю больше права думать на-оборотъ.

М-ше Ленцъ.—То-есть, вы остаетесь при своей обыкновенной *tière-pensée*? О, она вашъ всегдашній и самый опасный врагъ, врагъ, который подтачиваетъ ваши лучшія чувства!

Жоржъ (подумать съ минутой).—Но не-уже-ли вы не шутя видите тутъ признаки любви?

М-ше Ленцъ.—Я удивляюсь только, какъ можно не видеть ихъ? лишь вопросъ, но прошу отвѣчать искренно: скажите, что привлекаетъ насъ къ этому дому, къ этому семейству? Отецъ, мать, братья, или сестры?

Жоржъ.—Но такъ отвѣчать невозможно: вы раздробляете мою привязанность на отдѣльные предметы и такимъ-образомъ привносите ее къ нулю.

М-ше Ленцъ.—Я бы желала знать, какъ сохранится ваша привязанность, раздѣленная одинаково между всеми, какъ сохранится она, когда не будетъ здѣсь Лиды...

Жоржъ.—Очень-вѣроятно, что она останется въ прежнемъ видѣ. А развѣ Лиды...?

М-ше Ленцъ.—Это ужь почти рѣшено. Искательства этого годичнаго, въ которомъ вы видите самого Ноздрева подъ формою индюка, — хоть я и не понимаю, какъ могутъ соединиться въ одно лицо такія противоположности, — искательства этого господина наконецъ достигаютъ своей цѣли: на-дняхъ будетъ помолвка съ Лидою...

Жоржъ (встрѣвѣженный).—Это было бы одно изъ самыхъ возгнательныхъ дѣлъ... Но—вы только шутите? Вы хотите, можетъ-быть, на минуту взять роль дѣмона-искусителя? Эта роль къ вамъ къ малю идетъ.

М-ше Ленцъ.— Я была бы рада, еслибъ могла подать себѣ и вамъ какую-нибудь надежду... Но я знаю отъ Лиды, что судьба рѣшена... Бѣдная, какая судьба! Я удивляюсь, видя, что она можетъ говорить объ этомъ безъ слезъ; но она мнѣ сказала, что

у нея ужъ нѣтъ больше слезъ... О, вы не знаете, что за мучительное состояніе начинается для женщины, когда она высказала всѣ свои слезы!.. Сколько изнурительно-горькихъ вочей должно она провести напередъ, чтобъ прійти наконецъ къ этому послѣднему состоянію, въ которомъ ужъ нѣтъ больше никакой отрады!.. И въ такомъ возрастѣ, какъ Лидя!.. Вгляните на лицо ея, если не вѣрите мнѣ.

Жоржъ.—Я давно видѣлъ въ немъ перемѣну; но... у меня свой взглядъ на вещи: мнѣ кажется, что оно получило именно тотъ отъенокъ, котораго ему не доставало. Я не любилъ бы лица, на которомъ можно читать одно здоровье, одну веселость...

М-ше Ленцъ.—Безжалостный! Вы, однако, не говорили бы такъ, еслибъ знали, какъ она любитъ васъ...

Жоржъ (*съ худо-скрытымъ любопытствомъ*).—Будте вы такъ увѣрены въ этомъ?..

М-ше Ленцъ.—Если хотите, она никогда не говорила мнѣ прямо: «я люблю Жоржа»...

Жоржъ.—Какъ?.. повторите, ради Бога...

М-ше Ленцъ.—Она никогда...

Жоржъ (*перерывая*).—Послѣднія слова...

М-ше Ленцъ (*улыбаясь*).—«Я люблю Жоржа» — этихъ словъ никогда отъ нея не слыхала, и, можетъ-быть, никогда не услышу, если не... Договорите сами.

Жоржъ.—Въ такомъ случаѣ, вы очень можете ошибаться!

М-ше Ленцъ.—Да, еслибъ я была въ такомъ же возрастѣ, какъ она. Но если, на-примѣръ, берегутъ каждую вещь, которая можетъ напомнить о васъ, если спѣшатъ исполнить ваше малѣйшее желаніе, которое вы высказали какъ-то случайно, мимоходомъ, если среди самой глубокой, ничѣмъ-неразвлекаемой задумчивости быстро, въ одно мгновеніе отзываются на ваше имя, если слушаютъ съ жадностію, что говорятъ о васъ, если, наконецъ, не ужиютъ скрыть своего волненія, ни своей задушевной радости, когда вы только входите... Жоржъ, не-уже-ли и тутъ еще есть іероглифы?

Жоржъ.—И вы не думаете, что это лишь шалость молодавки-дѣвушки? Вы увѣрены, что тутъ есть любовь, какъ, на-примѣръ, вы ее понимаете?

М-ше Ленцъ.—Жоржъ, вы оскорбляете ее, вы оскорбляете самую любовь въ лицѣ ея, говоря эти праздные слова. Будете говорить такъ искренно, какъ только вы можете. Я начинаю нервничать только потому, что я глубоко уважаю васъ и отъ всей моей души хочу вамъ полноты счастья, какъ и Лидя, только потому рѣшилась я сказать вамъ любовь ея. Я горячо люблю Лидю, и ея чувства для меня—святыня, которой бы я никогда не позволяла себѣ

идать вамъ, еслибъ не знала васъ, еслибъ не была увѣрена, что вы точно такъ же можете составить ея счастье, какъ свое собственное. Что скажете вы еще, несносный человекъ?

Жоржъ (*цалуя ея руку*).—Благодарю васъ. Въ лицѣ васъ я научился больше, чѣмъ когда-нибудь, цѣнить и уважать женщину.

М-ше Ленцъ.—Не о томъ рѣчь, Жоржъ. Въ вашей признательности ко мнѣ вы объяснитесь когда-нибудь послѣ: такое объясненіе я прийму охотно. Но теперь рѣчь о Лидѣ, о любви ея къ вамъ. Знаете вы, почему такъ долго носить она эту прическу? Потому-что смъ разъ похвалили ее. Знаете вы, почему она любить долго сидѣть *здѣсь* по вечерамъ? Потому-что это *ваше* любимое мѣсто. Знаете вы также, что фіалка, которою вы такъ часто любовались въ этомъ саду, стоитъ ужъ на окнѣ ея комнаты? Знаете вы наконецъ, что у нея есть локоны вашихъ волосъ?..

Жоржъ (*съ изумленіемъ*).—Какъ это? Развѣ я могу бросать свои волосы, какъ бросаю перчатки?

М-ше Ленцъ.—Я не знаю: это ея тайна, и только случай открылъ мнѣ, что эти волосы — ваши.

Жоржъ.—Странно, если это правда!

М-ше Ленцъ.—Вы забываете, что любовь творить чудеса, если только она истинная любовь. Жоржъ, отвѣчайте же мнѣ что-нибудь!

Жоржъ.—Но вѣдь есть же какое-нибудь средство спасти ее отъ этой бѣды...

М-ше Ленцъ.—Которой?..

Жоржъ.—Я хочу сказать — спасти ее отъ рукъ этого негодая. Если я могу тутъ что-нибудь сдѣлать, располагайте мною.

М-ше Ленцъ.—Значить — если не любви, вы доступны по-крайней-мѣрѣ состраданію? Признакъ добраго сердца, въ чемъ, впрочемъ, я никогда и не сомнѣвалась. Но вотъ бѣда, Жоржъ, наша общая съ вами бѣда: передъ этимъ человекомъ, котораго вы такъ вышительно называете негодяемъ, мы съ вами ровно ничего не значимъ; отецъ и мать Лиды влюблены въ него; все, что они видятъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, есть предметъ для уваженія, образецъ для подражанія...

Жоржъ.—И можно быть до такой степени слѣпу?..

М-ше Ленцъ.— Можно, очень-можно: вы можете судить по своему собственному примѣру. Съ своей точки зрѣнія, они, можетъ-быть, даже и болѣе правы, чѣмъ вы.

Жоржъ.—Однако, вѣдь есть же какое-нибудь средство; вѣдь не можетъ же быть, чтобъ совершилось это постыдное дѣло?

М-ше Ленцъ.— Если хотите, есть одно, и довольно-вѣрное: но, впрочемъ, все въ вашей волѣ.



Жоржъ.—Вы хотите сказать...

М-ше Ленцъ (*перерывал*). — Я еще ничего не сказала, Жоржъ. Отвѣчайте мнѣ искренно, положивъ руку на сердце: это сердце—не запыто?.. вы—свободны?

(Жоржъ *хочетъ отвѣчать и останавливается на первомъ словѣ*).

М-ше Ленцъ. — Вы колеблетесь?.. Или вы совершенно-свободны, или вы не хотите сказать мнѣ, что любите Ляду?..

Жоржъ. — Но... вы знаете, на подобные вопросы только въ восемнадцать лѣтъ отвѣчаютъ такъ скоро... Притомъ же, во всякомъ случаѣ...

М-ше Ленцъ.—Никакихъ случаевъ, мой другъ. Случай только одинъ, и притомъ такого рода, что, опустивъ его, можно многого лишиться навсегда; замѣйте это—*навсегда*, а это многое, можетъ-быть, само счастье.

Жоржъ.—Но... если вы требуете отъ меня жертвы?..

М-ше Ленцъ.—А! въ такомъ случаѣ, я молчу, Жоржъ. Вы человекъ свободный, и я не имѣю никакого права требовать отъ васъ жертвоприношеній. Мы можемъ перемѣнить разговоръ. Скажите, какъ идетъ ваша работа? Надѣюсь, она близка къ концу?

Жоржъ.—Если вы разумеете «Лучію», то въ эту минуту, по-правдѣй-шій-мѣрѣ, я очень сомнѣваюсь, чтобъ она когда-нибудь пришла къ концу...

М-ше Ленцъ.—Стыдитесь, Жоржъ! Это было бы жалко, безконечно жалко! Не умиряли ли васъ всѣ, не говорили ли вы сами десять разъ, что вамъ еще не удавалась столько ни одна изъ вашихъ картинъ? Помните ли—вы пришли сюда съ такимъ самоувѣреніемъ, съ такимъ бодрымъ духомъ, принесли намъ такъ много веселости, счастья какого-то, и все отъ-того, что художнически ваша совесть была вполне удовлетворена успѣхомъ работы! Скажите, куда дѣвали вы этотъ прекрасный духъ? что привело васъ въ отчаяніе? А я—было такъ радовалась за васъ...

Жоржъ. — Что привело меня въ отчаяніе? Минута... Въ художнической жизни бываютъ такія несчастныя минуты, что одинъ взглядъ губитъ иногда въ нашихъ глазахъ плодъ работы долговременной, а можетъ-быть даже и плодъ вдохновенія... Разъ взглянувъ на свое произведеніе этимъ демонически-враждебнымъ взглядомъ, вы уже потомъ не помиритеcь съ нимъ никогда. И быдѣ, если такая несчастная минута застигнетъ васъ еще до окончанія вашей картины: въ такомъ случаѣ можете быть увѣрены—она никогда не будетъ окончена: тотъ же бѣсъ будетъ останавливать васъ всякій разъ, какъ только вы, вооружившись всѣю волею, рѣшитесь снова обратиться къ своему труду. Любо

къ нему убита, и чѣмъ больше вы всматриваетесь въ него, тѣмъ больше губите его въ вашемъ сознаниіи...

М-ше Ленцъ. — Жоржъ, хотите ли вы, чтобъ я назвала вамъ это состояніе его собственнымъ именемъ? Это — художническая хандра. Хандримъ мы весь по-немногу, и каждый изъ насъ носитъ съ своею хандрою, которая въ насъ же и задыхается; но вы, художники, вы — одно съ вашими произведеніями; они предметъ всей любви вашей, всей привязанности души и сердца, и свою хандру вы переводите и на нихъ—ихъ заставляете страдать столько же, сколько и себя. Въ такія несчастныя минуты, прячѣте отъ себя вашихъ любимцевъ, не заражайте ихъ своимъ на-время большимъ дыханіемъ: болѣзнь переживетъ свой срокъ, тогда прояснится и взоръ вашъ; тогда вы опять пріймитесь за неконченный трудъ, и воротится прежняя любовь ваша къ нему. Такъ ли?..

Жоржъ. — Продолжайте, ради Бога, продолжайте. Ваши слова всегда дѣйствуютъ на меня съ удивительною успокоивающею силою, вы одна изъ тѣхъ сказочныхъ жевщицъ, которыя владѣютъ чудесными талисманами: вашъ талисманъ—въ самомъ вашемъ голосѣ, котораго я не могу безъ того слышать, чтобъ не желать послушаться его...

М-ше Ленцъ. — Хорошо, Жоржъ. Есть надежда, что вы можете исправиться. И знаете ли, почему я съ такимъ участіемъ говорю о послѣдней вашей работѣ? Она вмѣстѣ для меня интересъ особенный...

Жоржъ. — Знаю: васъ всегда поражала своимъ драматизмомъ эта минута, которую я выбралъ — Лучія, подписывающая свой брачный договоръ; но вы знаете также, что я выбралъ ее по вашему же совѣту, и что удачный выборъ никогда не есть еще результатъ за удачное исполненіе.

М-ше Ленцъ. — Видите ли? Вы ужь опять заговорили свое. О можетъ теперь ни слова; мы много говорили о немъ прежде. Теперь только объ исполненіи. Разрѣшите мнѣ одно недоумѣніе: скажите, кого напоминаетъ ваша «Лучія»? Есть черты такъ по-настоящему-сходныя, такъ верно-скваченныя, что непременно хочется назвать это лицо по имени; но я никакъ не могу догадаться... Можетъ-быть, этому мѣшаетъ, что я вижу въ немъ въ то же время и Лучію.

Жоржъ. — Чтò жь изъ этого? Какое-нибудь случайное сходство... что бываетъ временемъ.

М-ше Ленцъ. — Согласна. Однако, вмѣсто того, чтобъ прибѣгать къ случайности, не лучше ли объяснять это явленіе изъ вліянія какого лица?.. Мнѣ кажется, на моей сторонѣ больше вѣроятности?.. Говоря откровенно, Жоржъ, я плохо вѣрую въ идеалы ху-

дожинковъ : держу пари, что девять изъ десяти этихъ экземпляровъ легко подойдутъ подъ живые экземпляры, въ томъ числѣ вашъ .. не правда ли?

Жоржъ. — Кого вы разумѣете?

М-ше Ленцъ. — Что за странный человекъ! Я должна вытлать изъ васъ каждое признаніе. Никакъ не могу приучить васъ къ откровенности... Вы всегда хотите, чтобъ я говорила за васъ. Уступаю еще разъ вашему несносному упрямству: въ вашей Лучіи я узнала Лиду... Не-уже-ли вы и теперь будете заширяться!..

Жоржъ (*вспоминая и помолчавъ*). — Въ-самомъ-дѣлѣ, есть черты.

М-ше Ленцъ. — Будто съ моихъ словъ только вы начинаете догадываться?

Жоржъ. — Есть—ваша правда. Это, впрочемъ, понятно: типъ лица одинъ изъ самыхъ счастливыхъ, а въ послѣднее время имѣлъ такъ много случаевъ любоваться имъ.

М-ше Ленцъ. — Если таково ваше объясненіе, то я не хочу его. Еще разъ повторю вамъ: вы, сударь, рѣшительно слѣпы—не видите даже того, что дѣлаетъ ваша рука. Или это какое-то мکنونное упрямство?.. Не вы ли сами сейчасъ говорили мнѣ, что дама на перемѣну въ ея лицѣ вы смотрѣли съ художнической точкой зрѣнія? Теперь я понимаю вашу художническую точку зрѣнія (*Лиды подходитъ*). Пойдите, раскройте на минуту свои глаза: если вы не хотите узнать въ вашей Лучіи мою Лиду, то узнайте хотя въ Лидѣ вашу Лучію... (*Къ Лидѣ*) Лиды, ты устала: отдохни здѣсь. Мы хотимъ говорить съ тобою.

Лиды (*садясь подлѣ М-ше Ленцъ*). — Только, ради Бога, что-нибудь будь веселое...

М-ше Ленцъ (*посмотрѣвъ ей въ глаза*). — Откуда такой героическій духъ? (*На ухо*.) Не притворяйся, Лиды: обмануть меня трудно. Скажи намъ, какъ начала ты нынче день? Вѣдь ты со мной еще не говорила сегодня. Какъ же?

Лиды. — Ахъ, очень-весело: въ танцевальномъ классѣ... Мы прыгали цѣлый часъ... Учитель похвалилъ меня, сказалъ, что я ничего не забыла, что я танцую такъ же легко, какъ и прежде...

М-ше Ленцъ (*еще пристальнѣе смотря ей въ глаза*). — Я бы желала видѣть... Ты, однако, не сбилась ли въ счетъ? Не случилось ли это годъ тому назадъ въ этотъ же самый день?

Лиды. — Спросите Лѣню, Сашу, Надю... Мосѣ Сапѣ сказалъ, что я дѣлаю антраша даже лучше Лѣни...

М-ше Ленцъ. — Не хочешь ли ты повторить передъ нами?

Лиды. — Много чести!.. Мосѣ Жоржъ, вы такъ пристально смотрите на меня? Что вамъ кажется во мнѣ страннымъ?

**Жоржъ.** — О странностяхъ спрашивайте у мадамъ Ленцъ. Я смотрю на васъ съ другой точки зрѣнія, Лида, и думаю, что имѣю и это полное право. Вы вѣрно не забыли своего позволенія?

**М-ше Ленцъ.** — Оставьте его, Лида: онъ нынче не въ своей тарелкѣ... Ни на что не можетъ смотрѣть просто — все «съ точки зрѣнія» — разумѣется, съ точки зрѣнія идеала, какъ и прилично художнику. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Скажи же мнѣ, откуда взялась у тебя такая веселость? Видѣла ты хорошій сонъ?

**Лида.** — Какъ-будто только во снѣ можно видѣть хорошее. Я проснулась очень-рано; солнце смотрѣло прямо въ мою комнату; подъ окномъ пѣли птицы; я растворила окно — небо чистое, голубое! потянулъ свѣжій вѣтерокъ; вишня, вся покрытая бѣлыми цвѣтками, стала просыпаться ко мнѣ въ окно — я сорвала одинъ цвѣтокъ, и вообразите — что за счастье! онъ былъ о пяти листочкахъ!.. А я во всю жизнь свою не находила больше четырехъ — какъ же это не счастье?

**М-ше Ленцъ.** — Какое дѣтство! И ты не смѣешься надъ собою?

**Лида.** — Какія же вы строція! Не хотите позволить ни одной глупости.. Но я еще не все рассказала вамъ. Я вышла въ садъ, только лишь остановилась передъ моимъ любимымъ розовымъ кустомъ, бабочка, бѣлая, какъ снѣгъ, съѣла мнѣ прямо на руку... какъ же вы хотите, чтобъ я сегодня не прыгала?

**М-ше Ленцъ.** — Глупости, глупости — не хочу больше слушать. Прежде, кажется, у тебя не было такого вкуса къ идилліямъ.

**Жоржъ.** — Вы еще не кончили, Лида?

**Лида.** — Цѣлый часъ потомъ я сидѣла одна въ саду, передъ большимъ цвѣтникомъ... Вокругъ меня никакого шума, ни одного звука; свѣжій воздухъ чуть шевелилъ листья; въ моихъ глазахъ эвертивались сонные цвѣты — тѣ, которые закутываются на ночь, — исчезали капли росы, струился воздухъ...

**М-ше Ленцъ.** — Лида, Лида! куда занеслась ты? къ чему такая поэзія?

**Лида.** — Сейчасъ договорю... Все, что было вокругъ меня, жужжало, дышало, можетъ-быть, чувствовало... Я сама какъ-будто слилась съ этою жизнью, какъ-будто дышала однимъ дыханіемъ съ цвѣтами. Я прислушивалась — не заговорятъ ли они со мною, и вдругъ кто-то подлѣ меня произнесъ мое имя. Я оглянулась, пробѣжала ближайшія дорожки, заглянула въ кусты — нѣтъ никого!

**М-ше Ленцъ.** — Ты замечталась.

**Лида.** — Но лишь-только съѣла я на прежнее мѣсто, опять такъ учено раздалось въ воздухъ: «Лида!» Мнѣ стало страшно; ни за что не хотѣла я оставить своего мѣста, и все ждала, чтобъ меня звали, хоть разъ еще, по имени...

Жоржъ. — Странно! со мною было то же самое...

М-ше Ленцъ. — Когда вамъ было пятнадцать лѣтъ?

Жоржъ. — Сегодня утромъ...

М-ше Ленцъ. — И вы туда же, Жоржъ? Дети! что съ вами? Или вы прогнали вашъ умъ, или зашли въ очарованный кругъ? Оставимъ глупости, не будемъ больше говорить объ этомъ — пусть все было точно такъ, какъ вы рассказываете, то-есть въ одно прекрасное утро одинъ чистый ангелъ, среди глубокой тишины, вдругъ провозгласилъ ваши имена... ваше счастье! (*Молчаніе*).

М-ше Ленцъ. — А впрочемъ, Жоржъ, вы, можетъ-быть, правы... Влеченія тайныхъ силъ, или, скажу лучше, какого-то непонятнаго вмѣшательства таинственной, чуждой намъ силы въ наши дѣла — отвергать никакъ нельзя... Я сама помню въ своей жизни нѣсколько случаевъ... Какъ, однако, объясняете вы себѣ такое явленіе?

Жоржъ. — Еще никакъ. Я бы забылъ о немъ въ однѣ сутки, еслибъ съ вами, Лида — какъ вы говорите — не случилось то же. Что за странный случай!... Для меня просто загадка... Скажите, по-крайней-мѣрѣ, о чемъ вы думали въ эту минуту?

Лида (*съ лекою краскою въ лицѣ*). — Ничего особеннаго.

М-ше Ленцъ. — Жоржъ, вы могли бы пошадить Лиду отъ такихъ нескромныхъ вопросовъ... Какъ можно спрашивать, о чемъ думаетъ молодая дѣвушка въ то время, когда она одна, когда она мечтаетъ? Въдѣ это почти то же, что спрашивать, о комъ вы встанѣ въздыхаете...

Лида (*краснѣя еще болѣе*). — Madame!..

М-ше Ленцъ. — Зачѣмъ же краснѣть, мой другъ? Ты обличаешь себя еще болѣе... Жоржъ, вы дождался себѣ очень-выразительнаго отвѣта — поздравляю васъ!.. Надѣюсь, вы поняли наконецъ, о комъ думаютъ всякое утро...

Лида (*растерявшись*). — Вы заставляете меня уйдти отсюда...

М-ше Ленцъ. — Не-уже-ли я сказала такую правду?..

Лида (*вставая*). — Какъ вы иногда бываете злы!..

Жоржъ (*удерживая ее*). — Лида, оставайтесь съ нами... Разъ вы не видите, что все это одна шутка?

Лида. — Но такъ шутить!..

М-ше Ленцъ. — Я, впрочемъ, протестую, Жоржъ. Зачѣмъ вы непременно хотите обращать все въ шутку? Вотъ этакъ вы, госпожа, профанируете всякое чувство, и потомъ — сами жалуетесь на себя, на свою натуру, будто-бы не находя въ ней ни малѣйшей способности къ симпатіи. Я говорю — симпатіи, потому-что вы боитесь настоящаго слова, потому-что, какъ дѣтей, васъ часто думаютъ слова, изъ которыхъ вы же сами дѣлаете какихъ-то чу

довышь, растягивая ихъ простое значеніе и въ длину и въ ширину.

Жоржъ. — Что вы хотите этимъ сказать?

М-ше Ленцъ. — Ничего, кромѣ того, что вы такъ-называемыя точки зрѣнія дѣлаютъ васъ или близорукими, или вовсе-слѣпымъ... Я сказала вамъ, что тутъ нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ шуткѣ: по-крайней-мѣрѣ, симпатіи вы не можете отвергать въ томъ, что было съ вами нынѣшнимъ утромъ, то-есть съ вами и съ Лидой...

Жоржъ (*смѣясь*). — Симпатія — то-есть тайное сочувствіе...

М-ше Ленцъ. — Да разстаньтесь хоть на минуту съ вашимъ глупымъ смѣхомъ... Что за несносные люди! Такъ изволятъ они потѣшаться надъ беззащитными словами: изъ однихъ сдѣлаютъ себя какихъ-то пугалищъ, изъ другихъ — нравственныхъ уродцевъ, надъ которыми считаютъ долгомъ смѣяться и кстатѣ и не-кстатѣ! И все это обыкновенно продолжается до-тѣхъ-поръ, пока умный человѣкъ не возмется за опозоренныя слова и, устранивъ всѣ кривыя толки, возвратитъ имъ настоящее значеніе:

Жоржъ. — Вы непременно хотите заставить насъ вѣрить въ инвизію?

М-ше Ленцъ. — Заставить?.. Это было бы очень-забавно. На то какъ — я беру ваше мнѣніе и рѣшительно хочу, чтобы все обратилось въ шутку... Оставайтесь здѣсь: я сейчасъ иду въ комнату, беру нашъ календарь или сонникъ, и разрываю вамъ всю за-гадку въ одну минуту... Надобно только отыскать сонникъ; ваше видѣніе, положимъ, было во снѣ. (*Хочетъ идти*).

Жоржъ. — Чудесная мысль! Идите же скорѣй...

М-ше Ленцъ. — Извините: въ важныхъ случаяхъ торопиться должно. Это значило бы — испортить все дѣло. Прощу и васъ ждать на четверть часа терпѣнія. (*Уходитъ*).

(Жоржъ и Лидя *смотрятъ ей въ слѣдъ, пока она не пропадетъ у нихъ изъ вида*).

Жоржъ (*взявъ Лиду за руку*). — Скажите же мнѣ, Лидя, съ вами точно было то, что вы рассказали намъ?

Лидя. — Зачѣмъ вы мнѣ не хотите вѣрить?

Жоржъ. — Никогда еще не хотѣлъ я такъ вѣрить... Но надобно, чтобы вы убѣрили меня: вы могли шутить. Скажите, вы не шутите?

Лидя. — А вы смѣлись надо мной, когда сказали, что съ вами было то же? Нѣтъ, Жоржъ, этого не можетъ быть: вы обманули меня. Я вижу по глазамъ вашимъ, что вы солгали... Скажите мнѣлько: да, или нѣтъ... Только одно слово... Еслибъ мнѣ не было жно знать, я бы не просила васъ... Что съ вами сдѣлалось? да врите же что-нибудь...

Жоржъ.—Я забылъ, Лида... Говорите вы—я буду слушать.

Лида.—Нѣтъ, вы должны мнѣ сказать... Можетъ-быть, одна просьба во всю жизнь... Говорите скорѣй: я хочу, чтобъ кроме меня не слышалъ никто... *(Озираясь)*. Какой безжалостный! Чѣмъ вы такъ смотрите на меня?.. Я никогда не видала васъ такимъ страшнымъ... *(Старается освободить свою руку)*.

Жоржъ.—Лида, къ чему это? Я не пушу васъ, пока вы не скажете всего.

Лида.—Всего, Жоржъ? всего я не скажу вамъ никогда.

Жоржъ.—Я хочу знать... У васъ есть тайна.

Лида.—Только одна... Оставьте ее при мнѣ.

Жоржъ.—Лида, дѣло идетъ о нашемъ общемъ счастьи; вы не должны скрывать ее отъ меня. Эта минута можетъ рѣшить многого. Еслибъ эта тайна и не касалась меня, то вы должны бы были вернуть мнѣ ее какъ вашему другу: вы знаете, что я могу похоронить ее въ себя навсегда. Или скажите, что вы не чувствуете ко мнѣ никакой довѣренности...

Лида.—Жоржъ...

Жоржъ.—Я не знаю самъ, что говорю. Малютка! какъ хорошо лежать у васъ волосы здѣсь, по вискамъ. Но я не люблю, когда они много закрываютъ вашу лобъ... Лида, у васъ есть локоны или ихъ волосъ? Я знаю, что есть.

Лида.—Это была шалость, Жоржъ. Я могу вамъ возвратить ихъ нынче же.

Жоржъ.—Вамъ ихъ передали, или, можетъ-быть...? Говорите такъ искренно, такъ искренно, Лида, какъ еслибъ вы признавались самой-себѣ. По тону голоса я угадаю, если вы захотите отпустить меня.

Лида.—Ради Бога, Жоржъ!

Жоржъ.—Сначала, я хочу знать, когда это было и по какому случаю. *(Какъ-бы на ухо)*. Надобно же мнѣ наконецъ узнать вашу любовь.

*(Лида, смущенная, молчитъ.)*

Жоржъ.—Если хотите, я начну за васъ: это было нѣсколько дней назадъ, или нѣсколько недѣль, не правда ли? Можетъ-быть даже два или три мѣсяца?

Лида.—На другой день именинъ тѣтушки... Вы отдыхали у васъ въ бесѣдкѣ, то-есть вы заснули за книгой...

Жоржъ.—Со мной это случается, Лида. Но что жъ дальше? Ничего не спрашивая останавливаетесь... Вы вошли случайно, увидели, что сплю, и захотѣли посмѣяться надо мной.

Лида.—Я вошла не помню зачѣмъ. На столѣ, подлѣ вашей руки лежали книжницы. Я забыла ихъ утромъ и хотѣла взять съ собою

Жоржъ.—Довольно, Лида, я запишу этотъ день... и еще этотъ черъ... запишу такъ, что Лида сказала мнѣ свою тайну и объявила мнѣ много счастья. Не правда ли?.. Что съ вами? Куда же вы смотрите? Откуда вдругъ такое сумрачное, такое озабоченное лицо? Да взгляните же сюда...

*(Лида оборачивается и тотчасъ закрываетъ глаза платкомъ.)*

Жоржъ.—Слезы! Въ лучшую минуту моей жизни—вы плачете? Лида *(удерживаясь)*. — Жоржъ, я была очень-глупа сегодня. только въ эту минуту я обраумилась. Прощайте! Меня могутъ просить дома.

Жоржъ.— Мы будемъ отвѣчать вмѣстѣ. Вы не можете уйти отъ меня, не досказавъ мнѣ вашей исторіи—исторіи вашей любви.

Лида.—Забудьте начало ея.

Жоржъ.—Нельзя, Лида. Я вамъ говорилъ, что въ эту минуту можетъ рѣшиться многое. Что еще пугаетъ васъ, что останавливаетъ? Зачѣмъ боитесь вы вашего чистаго признанія? Такъ ли горю я? не ошибаюсь ли въ словъ? Нѣтъ, Лида, вы не признавались, вамъ нѣ въ чемъ признаваться—вы только не умѣли притвориться. Я все обдумалъ, все рѣшилъ. Доскажите же мнѣ вашу исторію.

Лида.— Жоржъ!..

Жоржъ.— Хотите ли, чтобъ я рассказалъ вамъ мою? Она вся въ одномъ словѣ. Слушайте... Впрочемъ, я увѣренъ, что такъ или иначе словомъ должна заключиться и ваша исторія. Хотите ли слышать это слово?

Лида.— Скажите.

Жоржъ.— У насъ съ вами одна исторія, Лида. Ея начало и конецъ—любовь. *(Цалуетъ Лиду)*. Лида, я не ошибся—любовь?

Лида.— Да.

Мне Лица *(показываясь въ отдаленіи изъ-за куста)*. — Наконецъ! Наконецъ, кажется, вотъ и настоящая точка зрѣнія! Поздравляю, Жоржъ: хороши же вы все, господа! *(Уходитъ)*.

Лида.— Пора.

Жоржъ.— Прощай—до завтра. Ты будешь говорить за меня!

Лида.— За тебя.

Жоржъ.— Одинъ, прощальный... *(Уходитъ медленно)*.



## СЦЕНА ВТОРАЯ.

Жоржъ.—Жена его (Лидя).—М-ше Леицъ.

*Комната Жоржа, уставленная картилами, бюстами.*

Жоржъ (*переставъ работать и отступивъ несколько шаговъ*).  
 Давно ужъ работа не шла у меня такъ легко и удачно! Ручаю  
 что она будетъ довольна. Ей принадлежитъ мысль, ей же и по-  
 ловина вдохновенія. Пусть, придетъ и посмотритъ: сегодня я на-  
 гу сдать ей этотъ сюрпризъ. Но только сегодня; если же о-  
 придетъ завтра, то даю слово, что не увидитъ картины еще  
 недѣль. О, ее глазъ вѣрнѣе: съ перваго взгляда отличить она  
 желую работу труда отъ счастливой легкости вдохновенія. Я уве-  
 ренъ: еслибъ кисть была ее удѣломъ съ раннихъ лѣтъ, изъ не-  
 вышедъ бы отличный художникъ. Воображаю себя, сколько гра-  
 динъ было бы въ каждомъ ее приемѣ! Каждый захватъ ее руки мо-  
 жно бы тотчасъ класть на полотно. Или, еслибъ она, по-крайней  
 мѣрь, была женой художника, сколько бы дорогихъ минутъ могла  
 подарить его таланту! Одно ее присутствіе было бы для него ин-  
 хновеніемъ. (*Садится.*) Странная судьба! Для какой цѣли произве-  
 да она эту богатую натуру? Не-уже-ли только для самонаслажда-  
 нія? Прожить два года замужемъ, сохранить всю свѣжесть кре-  
 соты, можетъ-быть, расцвѣсти еще болѣе, и жить потомъ только  
 для самой-себя!.. Мужъ ее, говорятъ, былъ человекъ суровый,  
 жесткій, дорого цѣнилъ каждое ласковое слово свое и даже къ не-  
 не любилъ ни легкости нрава, ни веселости духа; онъ хотѣлъ, чтобъ  
 жизнь для всякаго была непрерывный рядъ трудовъ, чтобъ во  
 время было раздѣлено между тяжелою работою, и жалобами и  
 истощеніемъ силъ отъ нея; всякое свободное чувство онъ преслѣдо-  
 валъ съ ожесточеніемъ и не терпѣлъ даже улыбки на лицѣ людей  
 его окружавшихъ. Такого человека она не могла любить, но те-  
 перь?.. не-уже-ли два года безъ любви, какъ когда-то сказала се-  
 сама, убили въ ней всякую способность къ любви? О, нѣтъ! и  
 любить женщина не можетъ: противъ этого она не споритъ сама.  
 Итакъ, только «тайна» мѣшаетъ знать, куда обращенъ взоръ е-  
 позднимъ вечеромъ; только ее завистливая непроницаемость не по-  
 зволяетъ намъ видѣть, къ кому устремлены обѣты и желанія это-  
 го сердца. Можетъ-быть, она скрываетъ любовь горячую, страст-  
 ную! (*Звонъ колокольчика*). Она! Человекъ, кто тамъ?

Слуга. — Къ вашей супругѣ.

Жоржъ. — М-ше Ланцъ, можетъ-быть?

Слуга. — Нѣтъ-съ, не она.

Жоржъ. — Ступай. Это вѣрно: тайна есть, потому-что нѣтъ любви. И этотъ взоръ, который мнѣ такъ хотѣлось уловить, какъ это не изгладь любви, любви нежной и страстной, но заветной внутри? (Вынимаетъ изъ бюро медальонъ.) Да, женщина свободная не смотритъ такими глазами; въ ея взоръ нѣтъ этой заветной прелести, нѣтъ этой тайной, недосказанной мысли... минута была выбрана очень-удачно, когда я взялся за кисть: едва-едва можно было схватить вѣриво... Что, еслибъ она знала? еслибъ только подозрѣвала, что я каждый день могу читать въ ея взоръ расшифровать у ней самыя задумчивыя думы? Вопросъ въ томъ: какимъ чувствомъ узнала бы она о моемъ «секретѣ»? Съ сердечностию, поговорованіемъ, или отвѣчала бы улыбкою? (Смотритъ на медальонъ.) Но безъ этой улыбки я не умѣлъ бы ее представить... не умѣю понять, какъ бы эти самые глаза могли отразить въ себѣ даже одинъ мигъ злобы или гнѣвливаго раздраженія. Вотъ, прочесть, одна черта, которая могла бы показаться недовольно-яркою—здѣсь, подъ верхнею губою: но это лишь опшибка кисти. Въ натурѣ этого нѣтъ: натура была вѣриве своей кѣли. Надобно уничтожить этотъ недостатокъ. Сейчасъ же за кисть, пока есть свободная минута, и нѣтъ допущенныхъ. (Лидя показывается съ медальономъ и останавливается у порога; Жоржъ торопливо прячетъ медальонъ.)

Лидя. — Я помѣняла?

Жоржъ (подходя къ ней). — Чему же помѣнять? ты видишь, что ничѣмъ не занять.

Лидя. — Мнѣ показалось...

Жоржъ (быстро). — Что такое показалось? Я нересматривалъ тары работы.

Лидя. — Мнѣ показалось, у тебя была кисть.

Жоржъ. — А еслибъ и была—что жь такое? тебѣ, кажется, не запрещено входить во всякое время. Хочешь сказать мнѣ что-нибудь?

Лидя. — Если у тебя есть время.

Жоржъ. — Къ-чему такая оговорка? Сдѣлай милость, говори прямо. Не уже ли намъ еще между собою соблюдать церемонно? тебѣ есть что-то?

Лидя. — Та дама, которая просила тебя сдѣлать портретъ ея сына. Она все еще надеется, что ты будешь такъ добръ, и пришла еще разъ просить тебя.

Жоржъ. — На ты вѣрно разувѣрила ее окончательно? Я не помню, какъ ей самой наконецъ не наскучитъ нѣтъ одну и ту же

пѣсно. Какъ-будто въ городъ одѣтъ только я могу нанести портеръ ея сына!

Лида.—Но, мой другъ, на это есть свои причины. Если бы ты зналъ, какъ она горячо любитъ своего сына! Онъ утѣкаетъ надолго, можетъ-быть и навсегда: какъ же ты хочешь, чтобъ мать не желала имѣть портретъ сына, котораго она такъ горячо любитъ, и съ которымъ скоро должна проститься — можетъ-быть въ послѣдній разъ въ жизни?

Жоржъ.—Все это очень-естественно, но я не вижу, почему же дѣло не можетъ обойдтись и безъ меня? Почему непременно долженъ писать портретъ сына живиной матери?

Лида. — Жоржъ! Любовь матери, кажется, выше всѣхъ вещей (Жоржъ показываетъ нетерпѣливое.) Я скажу все въ двухъ словахъ портретъ, который ей написали, едва можетъ напомнить подлинникъ, она—женщина съ небольшимъ достоинствомъ, и если другой портретъ также не удастся, то у ней не достанетъ больше средствъ.

Жоржъ.—Такъ только потому, что она увѣрена, что я не возьму съ нея платы, этотъ портретъ долженъ быть сдѣланъ моею рукою? Скуна же ея материнская любовь!

Лида (замѣтно-огорченная). — Конечно, она ошиблась... и я вмѣстѣ съ нею.

Жоржъ.—Право? Вы вмѣстѣ составили заговоръ противъ меня! Эти маменьки знаютъ откуда повести атакку!

Лида.—Впрочемъ, это вѣрно ужъ въ послѣдній разъ съ ея стороны. Я сейчасъ скажу ей твой рѣшительный отвѣтъ.

Жоржъ.—И напрасно ты не сдѣлала этого прежде. Ты можешь объяснить ей, что я занятъ, что въ другое время, конечно...

Лида. — Зачѣмъ же прибавлять ложь? Я могу сказать ей просто. (Уходитъ.)

Жоржъ (ходя скорыми шагами по комнатѣ).—Такъ портитъ мое счастливое расположеніе, отнимать лучшія минуты, за то чтобъ пересказать вамъ старую сказку о безутѣшной горести живиной матери, которая бредитъ своимъ сыномъ и не можетъ разстаться съ нимъ даже на одинъ часъ!.. И все это надо выслушивать отвѣчать на все, да еще хотѣть, чтобъ вы непременно тронулись до слезъ, иначе на васъ же сердятся, какъ на безжалостнаго чужеземца, и въ вашей холодности видятъ чуть не безчеловѣчіе!.. Въ другой разъ надобно, не теряя времени, прибѣгать къ замку! Къ замку! въ своемъ домѣ я долженъ запертись, какъ воръ! Замкъ въ своей комнатѣ, я не могу свободно отдаваться любимому занятію, я долженъ бояться каждую минуту, что за мною вслѣдъ триваютъ, хотѣть поймать, уличить меня — Богъ-знаетъ въ чемъ! Какъ-будто я не могу, не долженъ дѣлать предметовъ моего

ния то, что мне нравится, что занимает мою мысль, словомъ, къ чему располагають меня мои желанія. Какой вздоръ! Но минута потеряна, погублена... Нѣтъ, я не могу теперь работать, не дѣлая безпрестанныхъ ошибокъ; вмѣсто того, чтобъ исправлять, я сталъ бы только портить... Въ садъ! на свѣжій воздухъ! Надобно, чтобъ простылъ этотъ напрасный жаръ, возстановился прежній покой. Если она прійдетъ, вѣрно войдетъ туда сказать мнѣ нѣсколько словъ. (*Уходитъ.*)

## Гостиная.

*Лида, съ книгою въ рукахъ, сидитъ подъ окномъ, которое обращено въ садъ.*

*Лида (закрываетъ книгу и кладетъ на столъ).* — Нѣтъ, послѣ. Ничего не понимаю. Впрочемъ, вторникъ былъ у меня тяжелый день, нынче особенно. Никакъ не сберусь съ мыслями, и такъ тѣсно въ груди... такъ, какъ-будто я потеряла всякую бодрость. Хотѣла бы думать что-нибудь—ничего не идетъ на умъ! (*Помолчаеъ мину-ту.*) Отъ-того ли, что утромъ нынче онъ не пришелъ сказать мнѣ добраго утра? Но и вчера точно также. И что такое въ словахъ? Всякій разъ повторять одно и то же — это можетъ и наскучить. Отъ-того ли, что онъ отказалъ мнѣ? Но зачѣмъ я просила такъ убедительно? Зачѣмъ же я просила его только отъ его имени, не отъ себя? *Минь* онъ никогда не отказывалъ, и сегодня было бы въ первый разъ... Можетъ-быть, отъ-того такъ скучно мнѣ. Но я не размыслила: можетъ-быть, я вошла къ нему въ такое время, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь сильно занятъ и разстроила его мысли... А могла быть какая-нибудь срочная работа — мнѣ же сюрпризъ. Да если и другому кому, не все ли равно? Все же я была очень-неосторожна. Нѣтъ, это не мнѣ: прежде онъ всегда проговоривался, если готовилъ для меня; въ послѣдній разъ, я за недѣлю знала, что мнѣ готовится сюрпризъ. Теперь очередь другимъ. Коржъ такъ добръ ко всемъ! Но зачѣмъ же бы ему скрывать отъ меня, если онъ готовитъ не мнѣ? Не-уже-ли онъ думаетъ, то я буду такъ нескромна, не сберегу его секрета? *Жоржъ, Коржъ!* какъ-будто ты не знаешь, что довольно одного твоего слова, чтобъ *Лида* была молчаливѣе этой книги? Или онъ не доверитъ мною, — я наскучила ему съ своей любовью? Прежде онъ такъ часто любилъ говорить со мною по цѣлымъ часамъ. Забывалъ дѣло... (*Остается въ задумчивости.*)

(*М-ше Ленцъ входитъ тихо; видя, что Лида не замечаетъ, окрадывается къ ней и закрываетъ ей руками глаза.*)

*Лида (стараясь освободиться).* Знаю, знаю.

*М-ше Ленцъ (чужимъ голосомъ).* — Кто?

*Лида.* — *Жоржъ!*

М-ше Ленцъ (со сльзками опуская руки). — Что ты за сльзавка, Лида! у тебя только и на умѣ, что Жоржъ.

Лида. — Я думала... кому же быть больше? Я не слыхала, какъ вы вошли.

М-ше Ленцъ. — Оставь ты свое несносное «вы». Не-уже-ли я должна тебя напоминать каждый разъ? Стыдь, Лида!

Лида. — Привычка, Клара. Впрочемъ, я всегда стараюсь исправить свою ошибку. Сегодня же ты меня застала совсѣмъ въ-расплохъ.

М-ше Ленцъ. — Я смотрѣла на тебя съ минуту: ты была оченн-ншла съ своею слегка-опущенною головою и сложенными на колѣняхъ руками. Жалю, что въ эту минуту не было Жоржа: его бы дѣло любоваться тобою. Желала бы я, однако, знать, о чемъ ты думала? Не-уже-ли все о немъ же? Это было бы просто сльзно.

Лида. — Я думала объ этой бѣдной женщицѣ, которую ты встрѣтила у меня на-дняхъ. Сегодня она была у меня опять — Фива такъ жалъ ея, она такъ любитъ своего сына!

М-ше Ленцъ. — Что же Жоржъ? Все еще упрямятся?

Лида. — Клара, ты знаешь, какъ онъ добръ: но я была такъ неосторожна — вошла къ нему въ такую минуту, когда онъ былъ занятъ однимъ очень-срочнымъ дѣломъ. Ты знаешь самъ, какое неприятное впечатлѣнне дѣлаетъ въ такіа минуты малое развлеченіе. Жоржъ былъ совершенно-правъ, когда принялъ мою просьбу такъ холодно. И потомъ, я такъ мало его преслала!

М-ше Ленцъ. — Что за упрямецъ! Будте это стоить ему чего-нибудь! Ты избаловала его, Лида. Нѣтъ, надобно сдѣлать ему добрый упрекъ, или пусть онъ оправдывается передъ нами.

Лида. — Ни за что, Клара! Я виновата во всемъ. Я знаю, онъ сдѣлаетъ все; только надобно выбрать минуту, когда просить его... Ахъ, знаешь, что пришло мнѣ въ голову? Скажи ему отъ себя два слова, — только, ради Бога, безъ упрековъ: онъ такъ любитъ тебя, онъ вѣрно тебя послушаетъ.

М-ше Ленцъ (сльзась). — Лида, Лида! что ты такое сказала! Мужъ твой послушается меня изъ любви ко мнѣ, онъ, который не послушается тебя? Ты сама не знаешь, что говоришь!

Лида. — Въ-самомъ-дѣль... Все не могу собраться съ мысли-ми... Однако, Клара, отъ-чего же бы и тебѣ не скатать въспомо-словъ за эту бѣдную мать? Ты видѣла ее, видѣла, какъ она пла-четъ: представъ же теперь восторгъ ея, когда она увидитъ портретъ своего сына, написанный Жоржемъ. Ты знаешь, какой у него вѣрный глазъ и какая вѣрная рука?

М-ше Ленцъ. — Онъ мнѣ хвалъся недавно, что можетъ ва-

всѣхъ взглядахъ, что ему только разъ нужно схватить контуръ, а дальше онъ можетъ довести по памяти.

Лидя. — Ты не вѣришь?

М-ше Лвицъ. — Смыло ли я!.. Мы, однако, пристанемъ къ нему. Этотъ прекрасный молодой человекъ — я сужу по словамъ матери, которая говорила о немъ съ такимъ жаромъ — будетъ ему легко — пусть докажетъ онъ на немъ свое искусство.

Лидя. — Нѣтъ, Клара, оставь меня въ сторонѣ. Ты испортить се дело, если напоминишь ему обо мнѣ, то-есть, о моей просьбѣ: было ему самому было неприятно послѣ...

М-ше Лвицъ. — Пусть будетъ по-твоему. Ты, однако, сама много кипишь сегодня. Вообще, я замѣчаю, что ты не совсемъ въ добромъ расположеніи духа... Это бываетъ иногда. Можетъ быть, у тебя была бессонница, или ты рано встала? Пойдемъ въ садъ — свежій воздухъ для тебя полезенъ теперь. Жоржъ тамъ?

Жоржъ (входя). — Онъ здѣсь. (Подаетъ ей руку и поцелуетъ локотокъ съ-напопосою, не опуская руки). Еслибъ вы знали, какъ много сюда приносите вы съ собою!.. А между-тѣмъ, я не умѣлъ бы сказать, что это такое — счастье, радость ли, или совѣтъ-новое чувство, которому нѣтъ у насъ имени?

М-ше Лвицъ. — Немножко-высоко, Жоржъ. Если вы возьмете нѣтъ одинъ тономъ ниже, вы тотчасъ найдете настоящее выраженіе. Ваша художническая натура слишкомъ любитъ поэтическій говоръ. Поберегите энтузіазмъ для вашей кисти. Кстати, я слышала — она чѣмъ-то занята слишкомъ-пристально? (Садится за столъ — Жоржъ и Лидя).

Жоржъ. — Это значитъ только, что между нами есть несогласіе... Отъ нихъ же вы могли бы узнать, конечно, и то, чѣмъ именно занята теперь кисть моя...

Лидя. — Клара, я сказала только, что Жоржъ чѣмъ-то былъ такъ занятъ утромъ.

Жоржъ. — Вы это видели?..

Лидя. — Я помышала вамъ...

Жоржъ. — Вы всегда несколько разъ повторяете одно и то же.

М-ше Лвицъ. — Что за милый тонъ, Жоржъ! Откуда у васъ такіе быстрые переходы — отъ энтузіазма къ капризу? Извините, или я смѣла выразить желаніе узнать вашу тайну... Но отъ Лиди, я думаю, тайны и не могло бы быть никакихъ?

Лидя. — Ихъ никогда и нѣтъ, Клара.

М-ше Лвицъ. — Я думаю; но мнѣ странно, что Жоржъ при этомъ такъ не любитъ скрывать своихъ маленькихъ капризовъ. Или, можетъ-быть, это новый знакъ совершенной дружеской добротности ко мнѣ?

Жоржъ. — Нѣтъ, просто знакъ того, что иногда даже въ присутствіе не спасаетъ меня отъ глупости. Впрочемъ, Лидъ, я знаю, кто изъ насъ виноватъ больше?

М-ше Ленцъ. — А! вы все-еще не сознаетесь! Таковы вы и Жоржъ, и всегда; это вашъ вѣчный, вопиющій недостатокъ, котораго вы не хотите даже и видѣть. Въ-отношеніи къ мнѣ. — Я всегда самые строгіе моралисты; отъ насъ вы хотите доброты, всеосершенной, преданности безпредѣльной, вѣрности почти естественной, баснословной, а сами не хотите даже почувствовать нужды исправленія! Не то, чтобъ вы думали, будто усилья вашей морали выполнены вами до конца, или будто сама природа имъ нравственнѣе нашей: вы столько умны, что никогда не дадите такой нелѣпости; но не какому-то странному противорѣчію, вы хотите обратить всякое отступленіе отъ вашихъ же правилъ къ себѣ же; вы какъ-то умѣете гордиться своими презрѣніемъ морали, которую такъ усердно читаете намъ — намъ, гдѣ намъ нельзя вернуться, сваливаете всю вину на насъ же. Ужь, не-принимайте-жъ, дѣдали бы вину пополамъ! Нѣтъ, вы хотите, чтобъ вся ея тяжесть падала на насъ, — чтобъ потомъ имѣть на насъ право осыпать насъ упреками!.. И вотъ—виновата Лидъ, а мы — вы правы, какъ и всегда!.. Да что же вы мнѣ ничего не скажете?

Жоржъ. — Виноватъ, виноватъ... Какъ не признаться, когда вы начнете убѣждать? Скажите еще нѣсколько словъ, и я признюсь въ томъ, чего никогда не зналъ за собой... Это одно изъ тысячи вашихъ преимуществъ падъ нами. Виноватъ, Клара! Продолжайте, ради Бога: мнѣ такъ всегда хочется слушать, когда вы учите меня морали, — но только васъ...

М-ше Ленцъ. — Хорошо; если вы чувствуете нужду въ моихъ наставленіяхъ, я прочту вамъ нѣсколько уроковъ морали, — со временемъ, разумѣется. А между-тѣмъ, какъ человѣкъ, добровольно сознавшійся въ винѣ своей, вы должны просить прощенья.

Жоржъ (*опускаясь на одно колено*). Я жду его...

М-ше Ленцъ. — Въ жару раскаянія вы, кажется, забыли, что вы провинились не передо мною... Я тутъ лицо совсѣмъ—постороннее; не хотите ли обратиться къ Лидѣ?.. Или вы думаете, что она не проститъ васъ?

Лидъ. — Клара, что тебѣ пришло въ голову! Иногда бываешь ты очень-странна... Можно ли такъ долго продолжать шутилу...

М-ше Ленцъ. — Впрочемъ, я вижу здѣсь больше серьезнаго Хорешо: съ твоего согласія, я прекращаю судопроизводство и състаю Жоржа прощеннымъ, и—чтобъ намъ больше не возвращаться къ этому скучному предмету.

Жоржъ. — Вашу руку въ знакъ мира!..

М-ше Ленцъ (*подавая руку*). — Теперь моя очередь просить васъ, Жоржъ: пожалуйста, забудьте это дурачество — иначе я не умѣю играть свою глупую роль. Я все думаю, что я между самыми *несходительными* друзьями, которые хоть изъ любви простятъ мнѣ *пока* недостатокъ благоразумія...

Жоржъ. — А думаете вы иногда, что ваши друзья любятъ васъ?

М-ше Ленцъ. — О, да, конечно! (*Обращаясь къ Лидѣ*.) Лида, ты сегодня поручила говорить за себя Жоржу?..

Лида. — И тебя, Клара... Ты забыла?

М-ше Ленцъ. — Ахъ, да!.. У меня есть къ вамъ маленькая просьба, Жоржъ; но Лида увѣряетъ меня, что вы никакъ не согласитесь ее исполнить...

Лида. — Я этого не говорила.

М-ше Ленцъ. — Ты думала — все равно. Иначе, ты не отказалась бы поддержать моей просьбы. (*Къ Жоржу*.) Однако, я хочу попробовать счастья, если только вы обещаете мнѣ напередъ — по-крайней-мѣрѣ, выслушать меня. Не правда ли, вы не откажете мнѣ въ этомъ?

Жоржъ (*съ некоторыми сомнѣніемъ*). — Если только нѣтъ ничего невозможнаго...

Лида (*на ухо М-ше Ленцъ*). Ты испортила все дѣло. (*Выходитъ*.)

Жоржъ. — Говорите все, даже невозможное.

М-ше Ленцъ. — Благодарю васъ, Жоржъ, но... я потеряла смѣлость.

Жоржъ. — Дано вамъ слово напередъ — ваша просьба будетъ исполнена.

М-ше Ленцъ. — Хитрецъ! Хотите выпытать отъ меня...

Жоржъ. — Если это секретъ, Клара, онъ останется со мною. Даже Лида не будетъ знать, если вы хотите.

М-ше Ленцъ. — Она ужь знаетъ его въ-половину.

Жоржъ. — Довѣрьте мнѣ другую. Откуда вдругъ у васъ взялись сомнѣнія? Развѣ не сами сказали вы, что у васъ есть просьба ко мнѣ!

М-ше Ленцъ. — Я вспомнила, что вышше тяжелый день. Имен-но сегодня вы не расположены исполнить просьбы, хотя бы она была самая пустая...

Жоржъ. — Нѣтъ, Клара! никогда еще я не былъ такъ расположенъ выслушивать просьбы, такъ готовъ исполнить ихъ, чего бы отъ нихъ требовали отъ меня.

М-ше Ленцъ. — Однако, когда васъ просили, можетъ-быть, чѣмъ кому навадъ, объ одной бездѣлицѣ—вы, кажется, не очень-того показали готовности?



Жоржъ. — О чемъ вы говорите? объ этомъ скучномъ портретѣ? Она разсказала вамъ и эти мелочи, этотъ вздоръ...

М-ше Ленцъ. — Однако, Жоржъ, этотъ вздоръ остановилъ васъ? Вамъ показалась тяжела даже и такая просьба? Словомъ, вы же расположены сегодня...

Жоржъ. — Но это было въ такую минуту, Клара, когда меня заиждали совсѣмъ-другія мысли... совсѣмъ-другія.

М-ше Ленцъ. — Почему, однако, я знаю, что то же не случилось бы и теперь?

Жоржъ. — О, теперь я готовъ бы удовлетворить десять такихъ просьбъ!

М-ше Ленцъ. — А вотъ, попробуемъ. Анд... Или нѣтъ: я буду говорить за нее. Посмотримъ, какъ выдержите вы это первое испытаніе!

Жоржъ. — Вы всегда хотите шутить, Клара.

М-ше Ленцъ. — Вы меня не знаете: я очень-недоверчива. И такъ, угодно вамъ подвергнуться испытанію?

Жоржъ. — О, почему же нѣтъ? и если для испытанія вы хотите повторить ту же самую просьбу, которую я слышалъ чѣмъ назадъ, то имѣете уже мое согласіе: портретъ будетъ написанъ. Но не въ этомъ дѣло, Клара...

М-ше Ленцъ. — Прекрасно, Жоржъ: теперь я точно вижу, что ваше расположеніе зависитъ отъ минуты. И такъ, вы даете слово, что портретъ будетъ написанъ?

Жоржъ. — Клара, я уже сказалъ, и у меня нѣтъ привычки брать слово назадъ. Теперь очередь вашей просьбы. Или вы еще не вѣрите моей готовности исполнить ваши желанія, беречь всякую вашу тайну?

М-ше Ленцъ. — Нѣтъ, Жоржъ, теперь я вѣрю вамъ; но — я женщина. У насъ бывають иногда странные капризы, которые ничѣмъ объяснить нельзя, какъ только недостаткомъ нашей натуры. Я васъ прошу: оставьте мнѣ мой секретъ еще на нѣсколько дней. Я хочу подумать...

Жоржъ. — Вы хотите придать своей тайнѣ больше интереса? Но тайна такой женщины, Клара, какъ вы, всегда интересна.

М-ше Ленцъ. — Какъ тайна женщины, моя тайна требуетъ величайшей осторожности. Ни за что мы столько не терпимъ еще васъ, какъ за вашу нескромность, и между-тѣмъ, вы же доунобреждаете нашу откровенность, обращая наши добровольныя признанія въ источникъ клеветы на нашу же честь.

Жоржъ. — Клара, вамъ упрекъ можетъ быть справедливъ отчасти. Но это легкомысліе, которое мы иногда позволяемъ себѣ въ отношеніи къ вамъ, — не-уже-ли вы думаете, что я могу забытья до

такой степени, когда дѣло вѣдетъ о важной тайнѣ, о насѣ? Если не мои слова, то чувство можетъ вамъ ручаться въ этомъ.

М-ше Ленцъ. — А если я и въ немъ сомнѣваюсь?

Жоржъ. — Клара! Вы заставляете меня сказать то, чего бы я...

М-ше Ленцъ. — Тсс!.. (*Входитъ Лида.*) Имѣйте терпѣніе, Жоржъ: черезъ нѣсколько дней вы узнаете все. Идите въ садъ: мы придемъ къ вамъ съ Лидой. Мнѣ нужно съ нею переговорить. Идите же, Жоржъ, и помните—(*громче*), что вы у меня остались въ долгу.

Жоржъ. — О, я вашъ вѣчный должникъ! (*Выходитъ*).

М-ше Ленцъ (*смотритъ ему въ-слѣдъ, потомъ беретъ руку Лиды и говоритъ разспянно*). — И всѣ мы, Лида, въ долгу другъ у друга, кто меньше, кто больше. Для себя я начинаю бояться по-длиннаго. Впрочемъ, не-уже-ли ужь такъ много зла въ одной свободной минутѣ? Не-уже-ли за чувствомъ надобно каждую минуту мотрѣть, какъ за дѣтатей? А нельзя: чтобъ вырости, нужны цѣлыя годы, зараждаетъ же одна минута; не больше нужно времени, чтобъ дать себѣ задачу на цѣлую жизнь... И себѣ ли только?

Лида. — О чемъ ты говоришь, Клара?

М-ше Ленцъ. — Да, Лида, ты имѣешь право больше, чѣмъ думаетъ, сдѣлать мнѣ упрекъ...

Лида. — Я говорила тебѣ: зачѣмъ было такъ неосторожно выговаривать меня? Развѣ онъ не помнитъ, что отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ? Еслибъ ты заговорила отъ себя, какъ-будто ничего не знаешь...

М-ше Ленцъ (*улыбаясь*). — Въ-самомъ-дѣлѣ, ты права: третье слово здѣсь лишнее. Что жь дѣлать, Лида? не сообразила всего... Верно, никому изъ насъ не избѣжать ошибки въ жизни.

Лида. — Я знала напередъ, что успеха не будетъ: эта бѣдная женщина... какъ она несчастлива на просительницѣ! Что же онъ гнѣвалъ тебѣ?

М-ше Ленцъ. — Онъ? То, что и всякій бы отвѣчалъ на его мнѣніе. Онъ мнѣ сказалъ, что если ужь не можъ сдѣлать для жены; для меня еще менше можеть.

Лида. — А ты такъ была увѣрена! Ты, кажется, думала, что много твоего слова будетъ довольно? Это тебѣ маленькій урокъ, правда ли?

М-ше Ленцъ. — Ты рада? Торжествуй своєю побѣдою; впрочемъ, даю тебѣ на это не больше, какъ одну минуту. Да, хоть про-мѣнь пастъ и немного было силъ, однако всѣ наши хлопоты не пошли ни къ чему. Вѣдь признайся, Лида, тебѣ бы хотѣлось, чтобъ просьба твоя была удовлетворена?

Лида. — Иначе я бы не стала просить его. Но, значить, ему была тебѣ: онъ очень занятъ.

М-ше Ляницъ. — Ты такъ думаешь?

Ляда (*тономъ упреклости*). — Я это знаю, и знаю также, что ему очень-непріятно было отказать мнѣ.

М-ше Ляницъ. — Я не знала, что ты такъ умнешь оправдывать мужа! Но что же дѣлать теперь? Или ты ужь вовсе отказалась?

Ляда. — О, нѣтъ! зачѣмъ же? Надобно только подождать, когда у него будетъ меньше занятій, и тогда повѣрь мнѣ, я обойдусь безъ всякой помощи.

М-ше Ляницъ. — Чѣмъ такъ долго ждать, Ляда, ты можешь, если хочешь, завтра же увидѣть исполненіе твоего желанія.

Ляда. — Какъ же это? Я не понимаю.

М-ше Ляницъ. — А хочешь знать? Очень-просто: я дарю тебѣ слово, которое далъ мнѣ Жоржъ, — написать портретъ, когда только намъ вздумается.

Ляда. — Ты хочешь опять шутить?

М-ше Ляницъ. — Напротивъ, я хочу кончить шутку и сказать тебѣ, что торжество твое кончилось, или началось, какъ хочешь. Да теперь ты можешь быть совершенно-спокойна: онъ сказалъ мнѣ, что готовъ удовлетворить десять такихъ просьбъ, и далъ мнѣ твое слово. Все еще не вѣришь?

Ляда (*съ презвѣстою на лицѣ*). — Чему я тутъ повѣрю? что я тутъ могу понять? Развѣ онъ не сказалъ тебѣ, что я ужь просила его, что онъ отказалъ мнѣ?

М-ше Ляницъ. — Можетъ-быть, подумалъ только, но онъ этого не сказалъ: я начала на него въ-распѣхъ, и прежде, чѣмъ онъ одумался, взяла съ него слово. Желаніе твое будетъ исполнено — что же ты еще хочешь?

Ляда (*послѣ минутнаго молчанія и съ волненіемъ*). — Нѣтъ, Кларъ, ты шутишь; ради Бога, скажи, что ты все еще шутишь!

М-ше Ляницъ. — Что съ тобой случилось? Никогда еще не видѣла я тебя такою странною, такою своеобразною! Ты хочешь сегодня измучить меня своими капризами. Или ты притворилась? Капризъ такъ мало идетъ къ тебѣ, что я не вѣрю глазамъ своимъ... Говеря же что-нибудь.

Ляда. — Скажи мнѣ въ послѣдній разъ: онъ согласился?

М-ше Ляницъ. — Да, и это было твое желаніе.

Ляда. — Онъ согласился... для тебя?

М-ше Ляницъ. — Для меня, конечно, потому-что я его просила. Но не слишкомъ ли далеко ты смотришь? Къ чему ведутъ такіе вопросы?

Ляда. — Я, однако, также просила его.

М-ше Ляницъ. — Ляда, это ужь, наконецъ, оскорбительно! Ужь и

хочешь ли ты заставить меня еще раз просить его, чтобъ онъ взял свое слово назадъ?

Лида.—Для васъ онъ вѣрно исполнить и эту просьбу. Что вы со мною дѣлаете, Клара?

М-ше Ленцъ.—Что дѣлаешь ты со мною? Какъ только можешь ты смотреть на меня такими глазами,—ты, Лида, которой отдала я всю мою дружбу, всю мою любовь?

Лида (*отпуская голову къ ней на грудь*).—Не мнѣ только, Клара. Нѣтъ, лучше возьми назадъ все—и любовь и дружбу; не отишай у меня одно только!

М-ше Ленцъ.—Безуміе! Что за несчастный день сегодня у тебя? Откуда вылезла эта безумная страсть? Ревнивица, я не знала тебя!

Лида.— Ты думала, я такъ легко уступлю тебѣ его любовь? (*Смотря ей въ глаза*.) О, какая ты хитрая, Клара! Я знаю твои мысли: ты думаешь, что вѣдь чувство одно и то же,—только для однихъ пусть кажется оно дружбою, а для другихъ будетъ любовью? Признайся мнѣ: вѣдь мы друзья.

М-ше Ленцъ (*вставая*).—Нѣтъ, ты не можешь говорить теперь; тебѣ надобно прежде успокоиться. Прощай. Постарайся придти въ себя и тогда сообрази все, что ты мнѣ говорила.

Лида.—Ты идешь къ Жоржу?

М-ше Ленцъ.— Я ѣду домой. Можешь сказать ему, что хочешь, хоть даже то, что я больше не расположена была ни видеть его, ни говорить съ нимъ.

Лида.—Такой лжи я не скажу ему.

М-ше Ленцъ.— Все равно; мы будемъ говорить съ тобой по-прежнему. Я надѣюсь, мы скоро увидимся?

Лида.— О, вѣрно ты не забудешь насъ!

М-ше Ленцъ.—Ты все еще такъ раздражена? Но ты ошибаешься, если думаешь, что я позволю себѣ увлечься до того же. Прощай, до свиданія. Я буду у тебя черезъ день, въ этотъ же вечеръ. (*Уходитъ.*)

Лида (*падая въ кресло*).— О, сколько силъ беретъ эта лжѣ! Остаются безъ движенія.)

Жоржъ (*входя*).— Вы такъ влюблены въ мою жену, Клара... Занявшись Лиду одну, остаются остаются съ недоумѣніемъ.)

М-ше Ленцъ. — Вамъ сказали? Развѣ все въ заговорѣ? Окуда столько сюрпризовъ!

Жоржъ (*подозрительно*). — Я вижу, я дурно выбралъ время. Въ дружбѣ, какъ и въ любви, не должно быть совѣстливости. Вы, конечно, имѣли причины скрывать отъ меня свой секретъ.

М-ше Ленцъ (*съ принужденнымъ смѣхомъ*). — Со стороны могла бы подумать, что вы объясняетесь мнѣ въ любви, или удерживаете меня въ невірности!.. Ахъ, да! вы вѣрно также имѣете роль въ комедіи!.. Какъ все хитро задумано!

Жоржъ. — Если только любовь можетъ быть завязкою къ комедіи, то пусть я играю комедію. Въ невірности, впрочемъ, я не имѣю никакого права упрекать васъ; но сказать вамъ, что мнѣ нѣтъ вашей дружбы, вы не запретите, Клара?

М-ше Ленцъ (*растерявшись, и однако стараясь говорить твердо*). — И вы славно выдерживаете свою роль! Я не предполагалъ васъ такого искусства! Вотъ это настоящій сюрпризъ!

Жоржъ (*дѣлая нетерпливое движеніе*). — Нѣтъ, зачѣмъ вы хотите играть со мною роль цѣлую вашу жизнь? Зачѣмъ стали вы поддѣлывать меня лукавымъ ангеломъ и сами же на цѣлую жизнь связали мнѣ руки,—зачѣмъ? за тѣмъ, чтобъ я наконецъ проснулся умираю отъ жажды, потому-что мнѣ сковали руки, а вы бы свѣдѣли мнѣ въ глаза, да хвалили бы роль мою?..

М-ше Ленцъ (*вставая, вся въ волненіи*). — Извините: такіе мелодрамы не въ моемъ вкусѣ... Я ждала сцены изъ комедіи, а не изъ мелодрамы (*дѣлая значительное движеніе*). Перестаньте, Жоржъ!

Жоржъ. — А кто прежде изъ насъ сталъ играть роль? Кто ставилъ меня думать, что дружба не любовь? кто утвердилъ меня, что дружба нѣсколько лѣтъ ничто передъ любовью, которая будетъ бы родится въ одинъ день? Зачѣмъ же не сказали вы мнѣ тогда, что она въ одинъ же день и умираетъ? Вашихъ чувствъ вы можете не дарить никому, но связывать другихъ не должны были; не имѣли на это никакого права!

М-ше Ленцъ. — Перестаньте же, наконецъ, я вамъ говорю! Довольно. Мнѣ не нравится ваша комедія, кто бы ея ни выдумалъ. Ни даже въ шутку не позволяю вамъ говорить о моихъ чувствахъ.

Жоржъ. — Я могу молчать, если правда васъ оскорбляетъ.

М-ше Ленцъ (*съ достоинствомъ*). — Ваши слова меня оскорбляютъ. Вы не могли сказать ихъ мнѣ даже въ шутку, не удавъ мнѣ впередъ, согласна ли я ихъ слушать.

Жоржъ (*смягчая тонъ*). — Клара, если вы хотите, чтобъ я простилъ у васъ извиненія... Но я не могъ больше выносить, я ждалъ этого случая...

М-ше Лвицъ. — Ни слова больше, ни даже себѣ въ оправданіе, отъ все, чего я хочу. Впрочемъ, вы можете говорить о чемъ вамъ угодно. (Громко.) Я могу сдержатъ слово, но предметомъ комедіи быть не намѣрена. (Молчаніе.)

М-ше Лвицъ. — Говорите, Жоржъ: я прошу васъ. Это ужь слишкомъ странно!

Жоржъ. — Извините: я не умѣю выбрать предметъ. О дружбѣ, можетъ-быть? Или не долженъ ли я узнать напередъ, что ея больше нѣтъ между нами? Оскорбивъ васъ, я теряю на нее, конечно, нѣкое право?

М-ше Лвицъ. — Жоржъ! Не-уже-ли я столько зла?.. Вы не хотите быть справедливыми ко мнѣ... Дружескія отношенія нѣсколькихъ лѣтъ такъ легко не разрываются.

Жоржъ. — Но оскорбленіе такъ велико...

М-ше Лвицъ. — Оставьте, забудьте... Мы, кажется, оба горячились по-пустому. Но я ужь забыла все: будьте и вы тѣмъ же, чѣмъ всегда... Если хотите, я первая подаю руку въ знакъ мира.

Жоржъ. — Наконецъ вы смотрите такъ, какъ смотрѣли въ тотъ азъ, когда я почувствовалъ нетерпѣливую потребность въ вашей дружбѣ. Вы владѣете, Клара, такими чудесными силами, что многи могли бы позавидовать вамъ. Вотъ то, чего я никогда не умѣлъ понять!

М-ше Лвицъ. — Дружеское пристрастіе... Но вѣдь вы вѣрно не хотѣли говорить со мною, когда такъ спѣшили сюда? Не предпринимаете ли вы чего-нибудь новаго? въ такомъ случаѣ, мы могли бы пригласить и еще кого-нибудь для совѣта...

Жоржъ. — Если только вы не перемѣнились ко мнѣ, Клара, то нѣтъ ничего легче, какъ обойтись теперь безъ совѣта... Не-уже-ли вы такъ мало помните о томъ, что говорите иногда съ вашими руками?

М-ше Лвицъ. — Надѣюсь, этого нѣтъ за мной... Но право, Жоржъ, вы лучше сдѣлаете, если старое оставите въ сторонѣ: зачѣмъ начинать снова то, о чемъ ужь было говорено?

Жоржъ. — И не договорено... Могу ли я напомнить? Или, можетъ-быть, вы не расположены теперь?

М-ше Лвицъ. — О, нѣтъ, мнѣ все равно! Но... вы, однако, ничего не сказали мнѣ о Лидѣ?

Жоржъ. — Она? она очень-занята чѣмъ-то... Вы не хотите, чтобъ я напомнилъ вамъ...?

М-ше Лвицъ. — Вы именно видѣли ее сегодня утромъ?

Жоржъ (нетерпѣливо). — О, да, безъ сомнѣнія. Но, вы знаете, она иногда любитъ мечтать... Сегодня она была нерасположена говорить.

М-ше Ленцъ. — Мнѣ, однако, думается, что она должна быть очень-весела сегодня? Я бы хотѣла, чтобъ она была теперь съ нами... и я не знаю почему.

Жоржъ. — Потому, Клара, что тогда меня не было бы здѣсь.

М-ше Ленцъ (*дѣлая движеніе рукою, какъ-бы желая заставить его замолчать*). — Тсс! Чтѣ же вы хотѣли мнѣ напомнить? Или ужъ забыли?

Жоржъ (*оглядываясь*). — Развѣ насъ подслушиваютъ?

М-ше Ленцъ (*твердымъ голосомъ*). — Я хочу васъ слушать. Наконецъ вы будете говорить?

Жоржъ (*успокоиваясь*). — Немного, Клара: я хочу узнать вашъ секретъ, вы обѣщали сказать мнѣ его черезъ нѣсколько дней.

М-ше Ленцъ. — О, шутка, шутка, ничего больше! Какъ можете вы такъ долго помнѣть?

Жоржъ. — Я зналъ прежде, я догадывался, наконецъ вы признались мнѣ сами. Я считалъ дни, вчера я ждалъ васъ цѣлый день, мнѣ казалось, что вы непременно должны были прѣѣхать вчера: вы не прѣѣхали. Чтѣ можете васъ останавливать теперь? Мы одни.

М-ше Ленцъ. — Богъ-знаетъ, Жоржъ, чтѣ за глухая мысль пришла вамъ въ голову! И чтѣ за дѣтское любопытство! еслибъ даже у меня и въ-самомъ-дѣлѣ были секреты...

Жоржъ (*перерывая*). — Дѣтское любопытство! Знать, кого вы любите, Клара, дѣтское любопытство! А если я также люблю?

М-ше Ленцъ (*бросая руки на столъ*). — Вы хотите свести меня съ ума! (*Въ-полголоса.*) Ради Бога, молчите объ этомъ; только въ этотъ разъ молчите, или я позову Лиду.

Жоржъ (*замѣтивъ легкое движеніе двери*). — Зачѣмъ Лиду? Завѣтъ есть ближе. Я не зналъ, что вашъ секретъ открывается такъ легко. Плохо же прячете вы его отъ другихъ! Или это потому, что я вошелъ такъ нечаянно? вы не были приготовлены?

М-ше Ленцъ. — Чтѣ за безстыдная ложь! кто позволилъ вамъ такую дерзость? Ни слова больше, я не могу васъ слушать! Вы можете выйти. Ни одного слова, ни одного слова!

Жоржъ. — Клара!

М-ше Ленцъ. — Вы можете выйти, я вамъ сказала. Между нами все кончено. (*Громко.*) Пусть же знаютъ, какъ я умѣю держать свое слово.

Жоржъ. — И вы не дадите мнѣ руки въ послѣдній разъ?

М-ше Ленцъ (*колеблясь*). — Не вамъ, а вашей прежней дружбѣ.

Жоржъ. — И любви. Я говорю въ послѣдній разъ.

М-ше Ленцъ (*вырывая руку*). — Знайте же, что насъ слушаютъ.

Жоржъ (*бросаясь къ двери*). — Слушаютъ? Такъ я долженъ хотѣть видѣть его въ лицо. Въдъ мы братья по любви: отъ-чего жъ я не

подашь руки ему? отъ-чего онъ откажетъ мнѣ въ своей? О, мы будемъ друзьями на жизнь, или на смерть!

*(Между-тѣмъ отворлетъ дверь въ корридоръ, въ которомъ скрылась Лида, пробѣгаетъ его вдоль, и никого не находитъ.)*

Жоржъ (возвращаясь).— Тамъ есть выходъ, Клара?

М-ше Ленцъ (какъ-бы послѣ тревоги, утомленная).— Все равно; вы видите, что слѣдовъ нѣтъ больше. Садитесь и говорите: теперь васъ никто не будетъ останавливать.

Жоржъ.— Теперь? Такъ это была не шутка? Не ошибаюсь я, тогда, кромѣ насъ двоихъ, думалъ найдти здѣсь третьяго?

М-ше Ленцъ.— Скажите, третью.

Жоржъ.— Кто жь могъ быть? Кому нужно знать, о чемъ яripелъ говорить съ вами наединѣ? Еслибъ вы имѣли мужа...

М-ше Ленцъ.— Но вы имѣете жену, Жоржъ.

Жоржъ.— Лида? Она была здѣсь? Она—подмѣчать за мною?..), вы ничего хуже не могли выдумать съ нею! Это хуже всякой ненависти; это—самое послѣднее изъ всѣхъ низкихъ дѣлъ!.. И вы водно съ нею?

М-ше Ленцъ. — Я думала... вы съ нею согласились съиграть со мною эту злую комедію.

Жоржъ.— Нѣтъ, вы этого не могли подумать! Вы хотите отвѣсти мнѣ глаза... О, да, вы любите очистить себя отъ всякаго упрека! Читатъ мораль другимъ—это ваше назначеніе, ваша привилегія, а вы сами—вы чисты, какъ голубица, вы чужды всякой человѣческой слабости... Отъ чего въ эту самую минуту не хотите вы дать мнѣ нѣсколько правоученій? Такой прекрасный случай!

М-ше Ленцъ.— Мы, кажется, обмѣнялись ролями. Теперь, можетъ-быть, наступила ваша очередь — сказать нѣсколько горькихъ правдъ моей совѣсти. Не говорили ли мы съ вами и прежде, Жоржъ, что каждому жизнь приноситъ съ собою свои уроки? Прежде, я любила давать вамъ уроки, потому, можетъ-быть, что сама е чувствовала въ нихъ большой нужды; теперь у меня отпала всякая охота дѣлать наставленія другимъ, вѣроятно потому, что онѣ только же стали нужны мнѣ, сколько и вамъ.

Жоржъ.— Вы хотите думать, что мы виноваты оба?..

М-ше Ленцъ. — Какъ ни трудно, но, наконецъ, надобно признаться и въ этомъ.

Жоржъ. — И все еще не вполне-искренно! Зачѣмъ не хотите вы сказать — признаться въ любви? Зачѣмъ такъ упорно и такъ искусно обгааете вы это слово, одно, котораго я жду отъ васъ, которое давно могло бы рѣшить всѣ мои сомнѣнія? Мѣшаетъ ли вамъ ложный стыдъ, боитесь ли вы любви?



М-ше Ленцъ.—Нѣтъ больше ни любви, ни ненависти. Тѣ, что еще есть между нами общаго, это наша общая вина, Жоржъ. Подумайте объ этомъ.

Жоржъ (*посль минутнаго молчанія*).—Кому же судить насъ!

М-ше Ленцъ.—Ладъ—и никому больше: совѣсть должна бы сказать вамъ это. Идите же къ ней и поправьте хоть на столько вашу ошибку, чтобъ по-крайней-мѣрѣ теперь выпросить у ней прощенья, если только она еще можетъ дать его намъ.

Жоржъ.—Исправить ошибку... Но я знаю другую, Клара, въ которой въ десять разъ больше зла, и о которой, однако, вы никогда не хотѣли и подумать!

М-ше Ленцъ.—Какая? Говорите: я могу васъ слушать.

Жоржъ.—И васъ я долженъ обвинять въ ней! Какъ-будто вы способны на зло!

М-ше Ленцъ.—Все равно, говорите.

Жоржъ.—Дѣ, какъ-будто для того, чтобъ заплатить долгъ природы, и вы сдѣлали ошибку—разъ въ жизни, можетъ-быть, но зато я не меньше, какъ на цѣлую жизнь. Въ одинъ часъ вы потубили ни за что счастье двухъ человѣкъ—мое и ваше. Я уже не отдѣляю васъ отъ себя—на это вы согласились со мною. Своими руками вы отдали ей навсегда мою любовь, которая всегда принадлежала вамъ! Вы заставили себя и меня играть въ жмурки и свою же любовь употребили на то, чтобъ отдать меня въ другія руки!

М-ше Ленцъ.—Вы напрасно мѣшаете тутъ любовь: ее не было.

Жоржъ.— Не было—это значитъ, мы не умѣли ее назвать по имени! Вся разница лишь въ словахъ, Клара. И я бы послушался васъ, еслибъ не помогала вамъ эта темная сила? По что сдѣлано, то сдѣлано. Я говорю только, что есть ошибки въ десять разъ важнѣе тѣхъ, которыя вы хотите исправить.

М-ше Ленцъ.—Нѣтъ, Жоржъ; я больше не называю ошибками того, чего нельзя уже исправить, и что принадлежитъ не намъ, а времени, судьбѣ, можетъ-быть... если только мы въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлали такую ошибку. Я хочу, чтобъ было исправлено то, что еще въ нашей власти исправить.

Жоржъ.—Средство одно: вы, наконецъ, должны пожертвовать своими предубѣжденіями и признать права мои на вашу любовь.

М-ше Ленцъ.—Жоржъ! я еще не говорила вамъ моего намѣренія!

Жоржъ.—Вы сказали мнѣ свое признаніе.

М-ше Ленцъ.— Вы его не такъ поняли. Однако, вы должны узнать и мое намѣреніе: вашъ отзывъ, каковъ бы онъ ни былъ—одобрительный, или неодобрительный, вы можете оставить прѣ-

бы, какъ-будто-бы его и вовсе не было. Намъ нужно нѣсколько речей не видѣть другъ друга.

Жоржъ.—Это невозможно, Клара. Часомъ ранѣе это было бы легче, я могъ бы обмануть себя. Или я все еще не понимаю васъ, я требую себѣ того, что давно принадлежитъ другому?

М-ше Ленцъ.—Вотъ вамъ рука моя, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни лжи, ни тайной мысли. Последнія минуты, которыя намъ остаются...

Жоржъ. — Какъ! вы хотите навсегда...?

М-ше Ленцъ. — Зачѣмъ же непременно навсегда? Я говорю, Жоржъ, немногія минуты, которыя остаются намъ—вы не должны смущать ихъ ничѣмъ, ни даже неумѣреннымъ выраженіемъ своего чувства. Что я хочу вамъ всей полноты счастья, неужели вы когда-нибудь сомнѣвались въ этомъ, или можете сомнѣваться теперь? Любви нѣтъ между нами; но что мѣшаетъ намъ разстаться любящими друзьями? Учитесь владѣть собою.

Жоржъ.—Со слезами на глазахъ вы все будете говорить о счастьи!.. Откуда я сталъ бы ждать его?

М-ше Ленцъ.—Что знаемъ мы, мой другъ. Этотъ самый узелъ, который, вы говорите, завязала я, и въ которомъ вы видите только мою ошибку — можетъ-быть онъ развяжется для васъ такимъ образомъ, передъ которымъ бѣдныя покажутся ваши прежніе воспоминанія, забудутся даже прежніе друзья ваши. Что бы то ни было, время вѣрнѣе! Узнайте Лиду, Жоржъ, узнайте ее ближе. Вы еще не знаете, чѣмъ владѣете. Я вѣрю, я никогда не перестану надеяться.

Жоржъ. — Никогда, Клара! Что бы ни было, у насъ съ вами все кончено.

М-ше Ленцъ.—Нѣтъ, Жоржъ, ничего не кончено, пока еще нѣтъ перти внутри насъ. Всей исторіи сердца напередъ рассказать нельзя, или придется страшно разувѣриться! Одинъ примѣръ уже есть. Но идите же къ Лидѣ, идите къ ней—сдѣлайте надъ собою только одно это усиліе и скажите ей всю правду.

Жоржъ. — У нея есть на это другія средства. О, она никогда не позволитъ предупредить себя: маску она умѣетъ носить лучше насъ обонхъ!

М-ше Ленцъ (*дѣлая нѣкоторое усиліе надъ собою*).—Знаю, знаю. Жоржъ; я васъ прошу, идите... Никакихъ знаковъ, никакихъ мовей! Я не могу больше говорить—вы видите.

Жоржъ (*держитъ ее за руку*).—Клара, ваша рука дрожить.

М-ше Ленцъ (*вставая съ дивана*).—Идите... (*Опускается опять на диванъ и закрываетъ глаза платкомъ*). Жоржъ—*уходитъ, оборачиваясь нѣсколько разъ*).

М-ше Ленцъ (*открывъ глаза*).— Себя побѣдить два раза въ одну часть—Клара, гдѣ взяла ты столько силъ? Откуда такая твердость? Не все въ прошломъ было обманъ, призракъ; онъ правъ: тамъ была искра и того огня, который жжетъ. Стѣны глухи: я не могу сознаться передъ нимъ. (*Вздрагиваетъ*.) Нѣтъ, Клара; не смейте назидать; голова теперь слаба — можетъ закружиться... Къ концу скорѣе къ концу, или намъ всѣмъ не уйти отъ судьбы! (*Выходитъ въ друія двери*).

*Комната Жоржа. Сумерки.*

Жоржъ (*сидя въ большихъ креслахъ передъ рабочимъ столомъ, читаетъ на бумагѣ*).— Есть жизнь и въ искусствѣ, и такая жизнь труднее всего человѣка. Чтò жь! тѣмъ лучше. Я отдамся ей всецѣло безъ раздѣленія. Буду много работать... время будетъ проходить скоро. А гдѣ взять вдохновенія? Возьму трудомъ... (*Подумавъ*.) Нѣтъ, этого не будетъ никогда: она хотѣла только испугать меня и ничего, ничего больше... Чтò можетъ она сдѣлать? Запретитъ мнѣ входъ? О, этого она не можетъ, не въ силахъ сдѣлать! Пусть запретитъ. Но какъ же она запретитъ мнѣ встрѣчаться съ нею? Ее смутила мысль, что она виновата передъ Лидою... Нѣтъ, это моя воля, не ея... (*Легкій скрипъ двери*.) Кто?

(*Лида входитъ закутавшись въ большую шаль*).

Жоржъ (*дѣлая шагъ на встрѣчу ей*).— Я думалъ, вы отложили наше объясненіе до утра... Я не расположенъ теперь... Вы, конечно, пришли требовать отъ меня отчета въ нынѣшнемъ дѣлѣ?

Лида.— Нѣтъ, Жоржъ.

Жоржъ.— Такъ вы пришли осыпать меня своими законными упреками?

Лида.— Нѣтъ...

Жоржъ.— Чтò же вамъ угодно? Не милости же пришли вы просить у меня...

Лида (*падая къ ногамъ его*).— Вашей любви, Жоржъ...

Жоржъ (*поднимая ее*).— Лида, это хуже всякаго упрека... Прошу васъ—встаньте. Просьбы же вашей я совсѣмъ не понимаю.

Лида.— У меня нѣтъ другой.

Жоржъ.— Любви, которой вы спрашиваете, у васъ никто не отнималъ. Какъ жена, вы имѣете на нее полное право, конечно...

Лида (*дѣлая отрицательный знакъ*).— Никакого. Я потеряла все...

Жоржъ.— Вы придумали очень-странный способъ воротить себѣ тогò, который вы употребили нынче утромъ... И вы смѣли?

Лида.— Да...

Жоржъ.— И у васъ достало духа подыскиваться подъ меня, подмѣчать, подслушивать?... Даже стыдъ передъ другими не оставилъ васъ?

Лида.—Нѣтъ, Жоржъ.

Жоржъ.—Это низко! Вы не могли поступить безчестнѣе для нея и для себя... Какой же любви хотите вы послѣ этого? Вы сами избавили меня отъ непріятности говорить вамъ, кому принадлежать она...

Лида.—Клара счастливѣе меня, но я люблю васъ столько же!..

Жоржъ.—О, я никогда не сомнѣвался въ этомъ! А сегодня вы дали мнѣ новое доказательство!

Лида.—Я буду учиться любить у Клары, Жоржъ.

Жоржъ.—Вы не можете обойтись безъ этого имени?

Лида.—Недолго, Жоржъ: она ѣдетъ отъ насъ.

Жоржъ.—Никогда! Это ваша выдумка.

Лида.—Ея, не моя. Она не хочетъ даже проститься съ нами и жить мнѣ... (*подходитъ къ нему ближе*) велить мнѣ надѣяться, Жоржъ...

Жоржъ.—Какъ, вы успѣли ужь говорить съ нею?.. Успѣли даже уговорить ее?

Лида (*кивая головою*).—Она не сказала дома... Это письмо пришло она ко мнѣ... (*Отдаетъ ему письмо*). Позвольте мнѣ выйти, Жоржъ... Я не могу больше...

Жоржъ.—О, куда вамъ угодно! Вы кончили свое дѣло; вы не могли лучше заключить!

Лида (*останавливаясь въ дверяхъ*).— Жоржъ, простите мнѣ... (*Годится*).

Жоржъ (*роняя письмо*).—Она сдержитъ свое слово; она не измѣнитъ себя! Что же будетъ тогда съ нами? Что будетъ съ тобою, Лида?

## СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

*Комната Лиды. Лида и Жоржъ у колыбелья на кушеткѣ.*

Жоржъ.—Всю ночь меня мучили грезы. Я не могъ поднять головы, — сна хотѣлъ я, крепкаго сна, и просыпаюсь почти въ ту же минуту, какъ засыпалъ. Ты стояла передо мною въ темнотѣ, и крѣпко плачущая, кроткая, безответная... Я все силился оправдываться передъ тобою, хотѣлъ просить тебя, чтобы ты перестала плакать, но что-то какъ-будто оковало мнѣ языкъ: я чувствовалъ, что произносилъ лишь непомятые звуки. Наконецъ, я всталъ изъ стула, подошелъ къ твоей спальнѣ, приложилъ ухо къ дверцѣ... Было темно вокругъ; все спало, а ты—стояла... Я слышалъ твои рыданія, хоть ты, кажется, и старалась задушить ихъ...

Лида.—Во снѣ, можетъ-быть. Я не помню.

Жоржъ.—Глаза твои говорятъ не то: ты провела такую жъ страшную ночь,—цѣтъ, ты страдала болѣе. Ты давно страдаешь, Лида! Благословляю ту минуту, когда я началъ понимать твои страданія. Но ты... можешь ли простить мнѣ, можешь ли такъ забыть прошлое, чтобъ и тайная мысль не смущала тебя?

Лида.—Я ужь опять счастлива, Жоржъ!

Жоржъ.—Даже и столько злобы цѣтъ въ тебѣ! Она говорила правду, что я не зналъ тебя. Но откуда же пришло мнѣ вдругъ это знаніе? Откуда это нетерпѣніе—быть опять съ тобою, слышать отъ тебя слово любви и прощенія? Я ждалъ тебя цѣлый день: ты увхала такъ рано—воротилась такъ поздно. Еслибъ я зналъ, по крайней-мѣрѣ, гдѣ искать тебя! Мнѣ такъ хотѣлось встрѣтить, вести тебя въ домъ... Моя добрая Лида! И ужь снова весела! Какъ, и эта печаль не измѣнила тебя?

Лида.—Вчера мнѣ было тяжело: я ни отъ кого не слыхала ни слова. А нынче—ты опять со мною.

Жоржъ.—И ты не упала духомъ, когда видѣла вмѣсто любви одни оскорбленія?

Лида.—Я вѣрила въ твоё сердце, я ждала и надѣялась. Только одну минуту я не знала какъ пережить... Вдругъ мнѣ стало такъ страшно, такъ страшно, какъ-будто ужь у меня не осталось ничего! Тогда я пришла къ тебѣ...

Жоржъ.—И что же нашла ты, что встрѣтила!

Лида.—Но послѣ того мнѣ было легче, Жоржъ. Я ужь опять надѣялась.

Жоржъ.—Ты сама не знаешь, сколько любви въ тебѣ! Сколько разъ, въ тотъ же вечеръ, мнѣ казалось, что ты опять идешь ко мнѣ, что я слышу твои шаги... Я готовился встрѣтить тебя тамъ же,—и робѣлъ, самъ не знаю чего... Меня побуждала какая-то тайная сила; я уступилъ ей безъ борьбы, а она росла во мнѣ съ каждой минутою.

Лида.—А Клара?..

Жоржъ.—Ты еще хочешь, чтобъ я говорилъ о ней?

Лида.—Она была нашимъ другомъ, Жоржъ; она хотѣла намъ счастья...

Жоржъ.—Правда, правда... Но напередъ, Лида, возьми этотъ медальонъ: онъ долженъ принадлежать тебѣ... Сдѣлай съ нимъ что хочешь.

Лида (*разсматривая медальонъ*).—Я сберегу его: Клара на немъ какъ живая.

Жоржъ.—Какъ? тебя удивляетъ только сходство? Я же думаю, что самая вещь удивить тебя больше... Она сдѣлана тайно отъ тебя.

Лидя.—Вы плохо берегли вашъ секретъ...

Жоржъ.—Плутовка! ты видѣла?..

Лидя.—Все въ тотъ же несчастный день: утромъ вы вышли въ садъ и забыли его на столѣ.

Жоржъ.—Все равно: онъ долженъ остаться у тебя.

Лидя.—Что же Клара, Жоржъ?

Жоржъ.—Клара? Она была такъ благоразумна, что не приняла меня. Потому она уѣхала...

Лидя.—Потомъ?

Жоржъ.—Потомъ — я не знаю даже, ни гдѣ она теперь, ни долго ли мы останемся безъ нея. Ты смѣешься? Ты что-то скрываешь отъ меня?

Лидя.—У меня также есть свои тайны, Жоржъ.

Жоржъ.—Ты вѣрно въ перепискѣ съ нею?

Лидя.—Ты угадалъ: я сейчасъ получила отъ нея письмо. Она— у себя дома...

**А. НЕСТРОЕВЪ.**

Б—н.  
1845.

## Т Е В Е Р И Н О .

*Повесть Жоржа Занда.*

### I.

Опасаясь опоздать на сборное мѣсто, Леонсъ до зари вышелъ изъ «Гостинницы Иностранцевъ», и солнце еще не всходило, когда онъ вошелъ въ извилистую, темную аллею виллы; легкія колеса его красиваго нѣмецкаго экипажа едва оставляли за собою слѣдъ на мелкомъ пескѣ, уничтожавшемъ топотъ прекрасныхъ лошадей. Леонсъ подумалъ, не слишкомъ ли рано онъ явился: по дорогѣ не было видно никакого слѣда, и глубокое молчаніе царствовало еще въ жилищѣ прекрасной леди.

Онъ вышелъ изъ экипажа у лѣстницы, украшенной цвѣтами. вельжъ жокею отвести лошадей во дворъ и увѣрившись, что стеклянная съ золотымъ переплетомъ дверь въ нижнемъ этажѣ еще заперта, онъ подошелъ къ окну Сабинны и началъ напѣвать вполголоса арію изъ «Севильскаго Цирюльника»:

Ecco ridente il cielo,   ♣  
Già spunta la belle aurora...  
.....E puoi dormir così?

Черезъ нѣсколько минутъ, окно отворилось, и Сабина, окутанная въ бѣлый кашемировый бурнусъ, приподнявъ уголокъ гардины, сказала небрежно-страстнымъ голосомъ:

— Вижу, что вы не получали вчера ввечеру моей записки и не знаете, что у насъ происходитъ. Герцогиня не въ духъ и не позволяетъ своимъ любовникамъ гулять безъ нея. У маркизы, дол-

жно-быть, семейная ссора: она сказалась больною. Графъ болѣнь въ-самомъ-дѣлѣ; доктору есть чѣмъ заняться, — всѣ измѣнили своему обѣщанію и просятъ меня отложить прогулку до слѣдующей недѣли.

— И такъ, потому только, что не получалъ вашей записки, сказалъ Леонсъ: — я явился очень-некстати, и, какъ провинціалъ, нарушилъ сонъ вашъ? Право, мнѣ такъ стыдно за свою неловкость, что я не нахожу словъ къ оправданію.

— Не упрекайте себя; я уже давно не сплю. Ихъ капризы такъ досаждали меня вчера вечеромъ, что я побросала въ огонь ихъ глупыя записки, легла очень-рано и заснула со злости. Очень-рада васъ видѣть; я только того и ждала, съ кѣмъ бы разбранить всѣ эти предположенія погулять и повеселиться, всѣхъ этихъ красивыхъ и свѣтскихъ людей.

— Браните же ихъ одні! Я отъ всего сердца благословляю ихъ въ настоящую минуту.

Леонсъ стоялъ склонясь на край окна, на которое облокотилась Сабина. Ему сильно хотѣлось взять ея бѣлую, прекрасную руку. Но его удержало спокойное-насмѣшливое выраженіе благородной женщины, и онъ устремилъ только на полуобнаженную, выглядывавшую изъ-подъ бурнуса руку ея очень-значительный взоръ.

— Леонсъ! сказала она, закутываясь въ бурнусъ съ презрительною граціею:—если вы станете говорить нешлости, я захлопну окно и пойду опять спать. Ни отъ чего такъ не спится, какъ отъ скуки; я особенно испытываю это съ нѣкотораго времени, и если это будетъ продолжаться, кажется, мнѣ останется только посвятить жизнь свою, по примѣру герцогини, на поддержаніе свѣжести и полноты моего тѣла. Послушайте: будьте любезны, не забывайте, что вы всегда такъ умны и разборчивы. Если вы общаете соблюдать наши условія, мы можемъ провести утро иначе и гораздо-пріятнѣе, нежели въ этомъ блестящемъ обществѣ.

— За этимъ дѣло не станетъ! Выходите нѣтъ своего святца въ паркъ посмотреть на восходъ солнца.

— О, паркъ прекрасенъ, не спору; но я берегу это средство на случай скучныхъ посѣщеній: я веду гостей гулять и наслаждаюсь красотами мѣстоположенія, вмѣсто того, чтобъ слушать ихъ глупые разговоры. Вотъ почему мнѣ не хочется еднимъ пригласиться къ красотамъ этого мѣста. Знаете ли, мнѣ ужасно досадно, что я наняла домъ на три мѣсяца. Я здѣсь всего только восемь дней, и мнѣ уже смертельно надоели и природа и сосѣди.

— Благодарю покорно! Прикажете удалиться?

— Къ-чему эта притворная обидчивость? Вы знаете, что я всегда исключаю васъ изъ моего проклятія человѣческому роду. Мы



старые друзья, и останемся ими навсегда, если будемъ любить другъ друга благоразумно и умеренно, какъ вы мнѣ общали.

— Да, старая пословица: «любить по-немножку, чтобъ любить долго». Однако, вы общаете мнѣ пріятное утро и грозите захлопнуть окно при первомъ словѣ, которое вамъ не понравится. Признаюсь откровенно, положеніе мое довольно-непріятно, и я не вздохну вольно до-тѣхъ-поръ, пока вы не выйдете изъ своей крѣпости.

— Хорошо! позвольте мнѣ только одѣться; между-тѣмъ, вамъ принесутъ въ бесѣдку завтракъ. Я туда же прійду пить чай, и тамъ мы выдумаемъ, какъ веселѣе провести утро.

— Хотите ли неслушаться меня, Сабина? Предоставьте мнѣ одному обдумать это дѣло; если вы вмѣшаетесь, весь день пройдетъ въ томъ, что я буду предлагать вамъ разнаго рода забавы, а вы будете доказывать, что все онѣ глупы и одна другой скучнѣе. Послушайтесь меня: одѣньтесь въ полчаса и не будемъ завтракать здѣсь. Позвольте увезти васъ, куда мнѣ вздумается.

— А! вы кеснулись магической струны, — неизвѣстнаго! Вижу, Леонсъ, что только вы меня понимаете! Хорошо! я согласна; увозите меня, — вѣдемъ.

Леди Г. произнесла эти послѣднія слова съ улыбкою и взоромъ, которые заставили Леонса вздрогнуть.

— Холодная женщина! сказалъ онъ весело, но съ пріимью горькаго чувства:—дѣйствительно, я васъ знаю хорошо, знаю, что у васъ только одна страсть: избѣгать людскихъ страстей. Но... ваша холодность заражаетъ и меня; я забуду все, что можетъ отклонить меня отъ единственной цѣли, которую мы должны избрать для себя, — фантазіи!

— Такъ вы увѣрены, что я не буду съ вами сегодня скучать? О, вы прекрасный человекъ! Знаете ли, мнѣ ужъ какъ-будто веселѣе отъ одного общанія, какъ больному легче при видѣ доктора; онъ исцѣленъ уже заравѣ, потому-что докторъ такъ рѣшительно утверждаетъ, что вылечитъ его. Повинуюсь вамъ, импровизованный, удивительный докторъ! Однусь на-скоро, мы выѣдемъ натошакъ и отправимся... куда вамъ вздумается. Какой экипажъ закладывать?

— Никакого; вы ни во что не должны мѣшаться, ничего не должны знать; а предвидѣть и распоряжаться — мое дѣло, потому-что я изобрѣтаю.

— Пожалуй! чего же лучше! сказала она и, затворивъ окно, позвонила. — Вошли горничныя и опустили тяжелый занавѣсъ изъ голубаго штофа, закрывшій Сабину отъ взоровъ Леонса.

Онъ пошелъ отдать кой-какія приказанія, возвратился потомъ къ окну Сабинны, и, стѣвъ у подножія статуи, началъ мечтать.

— Ну! сказала черезъ полчаса лэди Г., слегка ударивъ его по плечу:—такъ-то вы заняты нашимъ отъѣздомъ? Общаете чудесныя выдумки, невообразимыя сюрпризы, и задумались надъ статуей, какъ человекъ, который ровно ничего еще не выдумалъ.

— Все готово, отвѣчалъ Леонсъ вставая и взявъ ее подъ руку. — Мой экипажъ ждетъ васъ, и я выдумалъ дивныя вещи.

— И мы поѣдемъ такъ, вдвоемъ?.. замѣтила лэди Г.

— Такого кокетства я отъ нея не ожидалъ, подумалъ Леонсъ. — Не хочу же воспользоваться имъ. Возьмемъ съ собою Негритянку, отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ Негритянку? сказала Сабина.

— Затѣмъ, что она нравится моему жокею. — Въ его лѣта всѣ женщины кажутся бѣлыми; а наши спутники не должны скучать: иначе они наскучатъ и намъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, жокей получалъ отъ своего господина приказанія, которыхъ Сабина не слыхала. Негритянка, вооруженная большимъ бѣлымъ зонтикомъ, улыбалась, сидя возлѣ него на широкой и низкой скамьѣ шарабана. Лэди Г. небрежно растянулась къ экипажъ, а Леонсъ, почтительно сидя противъ нея, смотрѣлъ на окрестности и молчалъ. Волосы его развѣвались по вѣтру.

Въ первый разъ Сабина отважилась пробыть съ Леонсомъ наединѣ дольше, нежели сколько случалось до-сихъ-поръ. Не смотря на то, что это была простая прогулка въ сообществѣ двухъ служителей, которые сидѣли къ нимъ задомъ и разговаривали между собою такъ весело, что, конечно, и не думали вслушиваться въ господскій разговоръ, Сабина чувствовала, что она еще слишкомъ молода, и что все это похоже на необдуманную молодость; она подумала объ этомъ, когда они выѣхали за послѣднюю ограду парка.

Но Леонсъ, казалось, былъ такъ мало расположенъ воспользоваться выгодною своего положенія, онъ былъ такъ задумчивъ, такъ глубоко погруженъ въ созерцаніе восходящаго солнца, что она не осмѣлилась высказать своего замѣшательства, а, напротивъ, сочла долгомъ подавить его и казаться столько же спокойною, какъ и онъ.

Они ѣхали по высокой дорогѣ, откуда взоръ обнималъ всю зеленую долину, теченіе ручьевъ и горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, который игралъ золотомъ и пурпуромъ въ лучахъ восходящаго солнца.

— Удивительная картина! сказала Сабина въ отвѣтъ на восклицаніе Леонса. — Но знаете ли, кстати: глядя на солнце, я невольно думаю о моемъ мужѣ.

— Дѣйствительно кстати, отвѣчалъ Леонсъ.—Гдѣ онъ?

— Онъ? въ виллѣ. Спитъ.

— А рано онъ встаетъ?

— Какъ случится. Лордъ Г. встаетъ раньше или позже, смотря потому, сколько выпилъ наканунѣ за ужиномъ. А какъ мнѣ это знать? Я слѣдую англійскому обычаю, прекрасному изобрѣтенію которое лишаетъ женщинъ возможности умѣрять невоздержность мужчинъ.

— Однако, средній срокъ?

— Въ полдень. Мы воротимся къ тому времени?

— Не знаю; это не зависитъ отъ вашей воли.

— Право? Я очень люблю слышать отъ васъ подобныя шутки; это льститъ моей привязанности къ неизвѣстному. Но серьезно, Леонсъ

— Не шутя говорю вамъ, Сабина, не знаю, когда вы воротитесь. Вы дали мнѣ право распоряжаться вашимъ днемъ.

— Нѣтъ! только утромъ.

— Извините! вы не опредѣлили продолжительности прогулки и я не отрекся отъ права выдумывать разныя забавы по-мѣръ-того какъ найдетъ на меня вдохновеніе. Если вы надѣнете уздечку на моего генія, я ни за что не отвѣчаю.

— Что это значить?

— То, что я выдамъ васъ вашему смертельному врагу, скукѣ.

— Что за тиранство! Но если, по какому-нибудь необыкновенному стеченію обстоятельствъ, лордъ Г. былъ вчера вечеромъ трезвъ?

— Съ кѣмъ онъ ужиналъ?

— Съ лордомъ Г., съ господиномъ Д., съ сэромъ Ж., — словомъ, съ полудюжиной своихъ любезныхъ соотечественниковъ.

— Въ такомъ случаѣ — будьте покойны: онъ проспигъ сутки.

— А если вы ошибаетесь?

— Если вы сомнѣваетесь уже въ провидѣніи, то-есть во мнѣ заботящемся сегодня о судьбѣ вашей, если въ васъ не достаетъ вѣры, если вы оглядываетесь назадъ и впередъ, — настоящая минута ускользаетъ отъ насъ, и съ нею исчезаетъ мое всемогущеество.

— Вы правы, Леонсъ; пусть воспоминанія дѣйствительной жизни подавятъ мое воображеніе. Пусть лордъ Г. проснется, когда ему угодно; пусть знаетъ, что я уѣхала въ поле съ вами, что это важность!

— Во-первыхъ, онъ ко мнѣ не ревнуетъ.

— Онъ ни къ кому не ревнуетъ. Но приличіе, британское блгагоразуміе...

— Да что же онъ сдѣлаетъ? самое худшее?..

— Онъ проклянетъ день, въ который вздумалъ жениться на Франуженкѣ, и часа три сряду будетъ превозносить прелести альбионскихъ куколъ; проворчить сквозь зубы, что Англичане первая нація въ мѣрѣ; что Франція домъ умалишенныхъ; что лордъ Веллингтонъ выше Наполеона, и что лондонскіе доки выстроены лучше венеціанскихъ дворцовъ.

— И только?

— Развѣ этого мало? Научите, пожалуйста, средству слушать подобныя выходки и не дразнить его, не противорѣчить ему?

— Чтѣ же онъ, когда вы прерываете молчаніе?

— Онъ идетъ ужинать съ лордомъ Г., сэромъ Ж. и господиномъ Д., и спитъ потомъ двадцать-четыре часа.

— Спорили вы съ нимъ вчера?

— И очень. Я сказала ему, что его англійская лошадь смѣрнуть душой.

— Въ такомъ случаѣ, будьте покойны: онъ преснеть до вечера.

— Вы отвѣчаете?

— Я такъ приказываю!

— Такъ ура! Да поконтея онъ въ мѣрѣ, да будетъ благословенъ бракъ его! Знаете ли, Леонсъ, это ужасное иго!

— Да, бываютъ мужья, которые бьютъ своихъ женъ.

— Это еще ничего; другіе заставляютъ ихъ умирать отъ скуки.

— И въ этомъ-то вся причина вашей хандры? Не вѣрю, милэди.

— Не называйте меня милэди: я воображаю себя при этомъ, что я Англичанка. Довольно и того, что меня хотятъ уверить, когда я бываю въ Англіи, что мужъ переродилъ меня.

— Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ, Сабина?

— Чтѣ мнѣ отвѣчать? Знаю ли я причину моей болѣзни?

— Хотите, я вамъ скажу ее?

— Вы говорили это уже сто разъ; не станемъ бесполезно повторять одно и то же.

— Извините. Вы назвали меня чудеснымъ докторомъ, вы дали мнѣ власть вылечить васъ хоть на одинъ день...

— Вылечить, забавляя; а то, чтѣ вы хотите сказать мнѣ, скупно, — и знаю это напередъ.

— Бесполезная увертка стыдливости; нежный вздыхатель началъ бы ее очаровательною, но важный докторъ вашъ находитъ ее лѣтскою.

— Если вы такъ настойчивы и грубы, пожалуй, говорите.

— Васъ раздражаетъ отсутствіе любви; ваша скука — истерическая, а не пресыщеніе; ваша преувеличенная гордость изобличаетъ свертную слабость. Надо любить, Сабина!

— Вы говорите «любить», как «выпить стаканъ воды». Я виновата, что никто мнѣ не нравится?

— Вы. Вашъ умъ принялъ дурное направленіе, характеръ вашъ сдѣлался желчнымъ; вы довольно ласкали свое самолюбіе и цѣните себя такъ высоко, что въ вашихъ глазахъ никто васъ не стоитъ. Вы, конечно, находите, что я говорю вамъ жесткія вещи, не такъ ли? Можеть-быть, пошлости будутъ вамъ больше по вкусу?

— О, напротивъ! я нахожу, что вы сегодня чрезвычайно-жестобезны, воскликнула со смѣхомъ леди Г., на лицѣ которой мельнуло, впрочемъ, неудовольствіе. — Позвольте мнѣ оправдаться, и назовите кого-нибудь, кто бы обвинилъ меня. Всѣ мужчины, которыхъ я вижу вокругъ себя въ свѣтѣ, въ моихъ глазахъ или глупы и тщеславны, или умны и холодны. Однихъ мнѣ жалко, другихъ я боюсь.

— Вы не неправы. Зачѣмъ же не ищите вы вѣнъ свѣта?

— Можеть ли женщина искать? *Ei donc!*

— Но можно иногда выйти гулять, встрѣтиться и не бѣжать прочь опрометью.

— Нѣтъ, вѣнъ свѣта нельзя прогуливаться; свѣтъ всюду за нами, если вы принадлежите къ большому свѣту. Да и что же вѣнъ свѣта? Мѣщане, порода дерзкая и плоская; народъ, порода нечестоплотная; художники — порода честолюбивая и глубоко-эгоистическая. Все это не лучше насъ, Леонсъ. Къ-тому же, говоря откровенно, я вѣрю немножко въ превосходство нашей дворянской крови. Еслибъ все не выродилось и не испортилось въ человеческомъ родѣ, здѣсь еще можно было бы надеяться найти возвышенные типы, избранныя природы. Не отрицаю преобразенія въ будущемъ, но до-сихъ-поръ вижу еще печать рабства на этихъ недавно-освобожденныхъ лицахъ. Я не ненавижу, не презираю и не боюсь этого племени, которое, говорятъ, изгонитъ насъ. Я на это согласна. Я могу уважать, почитать и питать дружбу къ инымъ плебеймъ; но любовь моя — нѣжный цвѣтокъ, который не можетъ цвѣсти на какой-ни-попало почвѣ. У меня нервы маркизы; я и могу измѣниться и поддѣлываться. Чѣмъ болѣе признаю я равенство въ будущемъ, тѣмъ менѣе чувствую себя способною любить все завачканное неравенствомъ въ прошедшемъ. Вотъ вся моя теорія, Леонсъ; следовательно, вамъ нечего читать мнѣ проповѣди. Хотите вы, чтобъ я сдѣлалась сестрою-милосердія? Очень-ради преодолѣть свои антипатіи ради благотворительности; но вы хотите чтобъ я искала счастья въ любви тамъ, гдѣ я вижу только возможность приносить жертвы покаянія!

— Не стану проповѣдовать вамъ ничего, Сабина; я на лучше васъ; только, мнѣ кажется, я одаренъ истинникомъ те-

цве вашего, болѣе-горячимъ стремленіемъ къ достоинству человека, и этотъ неложный жаръ почувствовалъ я въ себѣ въ тотъ день, когда смалъ себя эрцисомъ. Съ этого дня, человеческій родъ явился мнѣ не раздѣленнымъ на касты, но усаяннымъ тицами, вышени по своей личной натурѣ. По-этому, я не думаю, чтобъ правыца имѣла столько вліянія на души и могла такъ разрушительно дѣйствовать на божественную силу, что навсѣгда подавила потонство рабовъ. Когда Богу угодно создать Форнарину прекрасною, а Рафаэля геніемъ, они любятъ другъ друга, не спрашивая юбъ внагахъ вѣдковъ. Красота души и тѣла — вотъ что благородно и достойно уваженія; цвѣтокъ шидовника милъ и цахуть, не смотря на то, что произошло отъ тернія.

— Да; но чтобъ добраться до него, надобно терпѣть царапины ть разныхъ колючекъ. Къ-тому же, Леонсъ, мы не можемъ одинаково смотреть на идеальную красоту: вы мужчина и художникъ, о-есть, въ васъ есть болѣе-матеріальное и болѣе-восторженное чувство формы; ваше искусство — матеріальное искусство; это божественный Рафаэль, влюбленный въ плотную Форнарину. И любовница Тициана тоже на мои глаза прекрасная, полная и чувственная женщина. Мы, патриціи, не понимаемъ... Боже мой! Къ намъ идетъ экинажъ точь-въ-точь какъ маркизы!

— Да, это она сама, съ молодымъ докторомъ!

— Вотъ, Леонсъ, женщина, которой удовлетворить легче, нежели мнѣ! Мы попали на интригу. Она сказалась больною и прогуливается съ...

— Съ своимъ медикомъ, какъ вы съ вашимъ. Она забавляется по предписанію.

— Да, но вы только медикъ души моей...

— Вы жестоки, Сабина! Почему вы знаете, что этотъ молодой человекъ не обращается къ ея сердцу больше, нежели къ ея пяти чувствамъ... Еслибъ она думала также дурно о васъ, она была бы менѣе-несправедлива, потому-что я, наединѣ съ вами, не обращаюсь ни къ вашему сердцу, ни къ...

— Боже! Вы недоумили меня, Леонсъ! Она зла, ей надо оправдаться примѣромъ другихъ... она проѣдетъ мимо васъ. Она смѣлая; она не спрячется, а выгланеть и ушлетъ меня... можетъ-быть, уже и увнала.

— Нить, стѣзчалъ Леонсъ: — вуаль вашъ опунцентъ, и она еще малее; впрочемъ, нальво! въ Сент-Аполлинеръ! закричалъ онъ кокою, правившему лошадыи быстро и рѣшительно.

Экинажъ поворотилъ въ узкую и скрытую дорогу, и черезъ нѣсколько минутъ коляска маркизы проѣхала по большой дорогѣ.

— Вы видите, сказалъ Леонсъ: — что провидѣніе почется сего-

дня о васъ, воплощенное въ моемъ образѣ. Въ этихъ горахъ-части приходится далеко искать дороги, удобной для коляски, и вотъ, едва только пожелали вы ѣхать, какъ дорога явилась какъ-будто чудомъ.

— Действительно, это такъ дивно, отвѣчала леди Г., улыбаясь: — что я думаю, не пролегли ли вы ее ударомъ жезла. Да, это чудо! Что за цвѣты, что за тѣни! Удивляюсь, какъ вы обдумали все, даже и то, чтобъ порадовать насъ цвѣтами и тѣнью, которыхъ не доставало на большой дорогѣ. Эти столбѣтніе каштаны, которые вы здѣсь посадили, прелестны! По всему видно, Леонсъ, что вы великій художникъ, и что не умете создавать живопису.

— Вы говорите очень мило, Сабина, но вы блѣдны какъ смерть. Какъ боитесь вы мнѣнія! Чего испугались вы этой встрѣчи и опасности подозрѣнія? Никогда не думалъ я, чтобъ такая гордая и твердая женщина была такъ робка.

— Узнать другъ друга можно только въ деревнѣ, говорятъ свѣтскіе люди. Это значить: узнать другъ друга можно только наединѣ. Сегодня утромъ, Леонсъ, мы откроемъ другъ другу много достоинствъ и много недостоинствъ, которыхъ не замѣчали еще одинъ въ другомъ. Слабость ли, или добродѣтель моя робость, — не знаю.

— Это слабость.

— И вы презираете ее?

— Охуждаю, можетъ-быть. По-крайней-мѣрѣ, я найду въ ней объясненіе утонченности вкуса, привычки къ презрѣнію, о которыхъ вы только-что говорили. Можетъ-быть, вы не отдадите себя яснаго отчета въ-самой-себѣ. Можетъ-быть, вы приписываете чрезмерной деликатности вашихъ аристократическихъ мнѣній то, что въ сущности только боязнь порицанія и насмѣшекъ со стороны вашихъ близкихъ.

— Мои близкіе и ваши, Леонсъ, не-уже-ли вы вовсе не обращаете вниманія на мнѣнія людей? Не-уже-ли вы согласнысь бы, чтобъ я сдѣлала выборъ, отъ котораго должна буду краснѣть? Это было бы довольно-странно.

— Это было бы слишкомъ-странно, и я вовсе объ этомъ не думаю. Но смѣлѣе-высказанная независимость была бы, имѣя въ васъ и дѣть. Тутъ дѣло не въ томъ, чтобъ сдѣлать выборъ въ той или другой сферѣ; я говорю только вообще, что какой бы вы ни сдѣлали выборъ, васъ всегда будетъ больше занимать, что объ этомъ скажутъ, нежели какія будутъ ваши личныя наслажденія.

— Не вѣрю, и это выходитъ изъ границъ жесткихъ истинъ, еонсъ. Это злое упрямство, система недобросовѣстныхъ обвиненій.

— Вотъ мы и начинаемъ уже ссориться, сказалъ Леонсъ.— Все идетъ какъ-нельзя-лучше; если я успѣю разсердить васъ, я отгую, по-крайней-мѣрѣ, скуку.

— Еслибы маркиза слышала нашъ разговоръ, сказала Сабина, пламя опять вебелѣе:— надѣюсь, ей не за что было бы зацѣпить.

— Но такъ-какъ она насъ не слышитъ и мы можемъ встрѣтись еще съ кѣмъ-нибудь, то не худо прекратить это tête-à-tête окружить себя какими-нибудь спутниками.

— Ужь не сердитесь ли вы въ свою очередь, Леонсъ?

— Нисколько; но планъ мой требуетъ, чтобъ при васъ былъ лавратель почтеннѣе меня. Онъ идетъ къ намъ на встрѣчу. Судьба, если не моя волшебная сила, привела его сюда.

Жюкей, по знаку своего господина, остановилъ лошадей. Леонсъ вскочилъ изъ экипажа и поспѣшилъ на встрѣчу сент-аподлинерскому священнику, торжественно шедшему у вѣзда въ деревню, въ трѣбникѣ въ рукъ.

## II.

— Я въ отчаяніи, что долженъ васъ обезпokoить, отецъ мой, сказалъ Леонсъ.— Если священникъ читаетъ трѣбникъ и ему помѣшашь, такъ онъ долженъ начать сначала, хотя бы остановился на предпоследней страницѣ. Впрочемъ, къ моему удовольствію, я вижу, что вы только еще на второй. Надѣюсь, вы будете столько ласходительны, не взъищете за мою невѣжливость; у меня до сихъ есть крайне-необходимое дѣло.

Священникъ вздохнулъ, закрылъ свой трѣбникъ, снялъ очки и, тремивъ на Леонса большіе голубые, довольно-умные глаза, спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Съ молодымъ человекомъ, полнымъ чистосердечности, важною бизнесъ Леонсъ:— который желаетъ посовѣтоваться съ вами насчетъ одного очень-щекотливаго обстоятельства. Сегодня утромъ и съма-невинно уговорилъ одну молодую даму, воиъ ту, что сидитъ въ открытой коляскѣ, отправиться со мною для прогулки въ наши прекрасныя горы. Мы оба незнакомы съ здѣшними обычаями; обстоятельства наши— просто братская дружба; дама почтенная и заслуживаетъ полного уваженія, но дорѣгою ей пришла въ голову мысль, въ которой я долженъ сообразоваться. Она говоритъ, что здѣшніе жители, если увидятъ, что она одна развѣзжаетъ съ моло-



дымъ человѣкомъ, начать, пожалуй, забавляться на ее счетъ, опасеніе сдѣлаться предметомъ злыхъ толковъ овладѣло ею такъ сильно, что счастливый случай, приведшій васъ на встрѣчу, счелъ я за перстъ Провидѣнія. Я рѣшился просить васъ сдѣлать на крайнее одолженіе провести часа два или три съ нами на прогулку, или по-крайней-мѣрѣ проводить даму вмѣстѣ со мною домой. Вы, конечно, столько добры, что не лишите почтенной особы душеспасительнаго удовольствія, ибо цѣль нашей прогулки выхвалить Создателя въ созерцаніи Его творенія, прекрасной природы.

— Но, возразилъ священникъ съ недоувѣрчивостью, и прсталъ глядя на экипажъ:—вы вѣдь не одни; съ вами еще двое другихъ.

— Это слуги, которыхъ мы взяли съ собою по какому-то инстинкту приличія.

— Такъ чего же вамъ бояться злыхъ языковъ? Въ присутствіи слугъ нельзя дѣлать ничего дурнаго.

— Присутствіе слугъ не идетъ въ счетъ у свѣтскихъ людей.

— Напрасно такое презрѣніе къ братьямъ!

— Вы сказали истину, батюшка, и я съ вами согласенъ. Но согласитесь, что, видя, гдѣ они сидятъ, можно предположить, что я говорю дамъ вещи слишкомъ-нѣжныя, могу украдкою вѣтъ поцаловать ея руку...

— Если только въ этомъ дѣло, продолжалъ священникъ:—вамъ стоить только посадить черную-то между собою. Въ присутствіи отгонитъ демона злословія.

— Это не водится, отвѣчалъ молодой человѣкъ, не зная какъ справиться съ логикой старика. — Это покажется изъясненнымъ. Опасность, стало-быть, велика, подумаютъ злые люди: если они принуждены посадить между собою гадкую Негритянку? Стоитъ ли достойный пастырь, какъ вы, естественный другъ всѣхъ верующихъ, и каждому понятно, почему ищутъ вашего общества.

— Вы очень-любезны, и я очень-радъ одолжить васъ, отвѣчалъ священникъ, уступая лести: — но я еще не отслужилъ обѣди, а вотъ уже и благовѣстять... Дайте сроку минутъ двадцать или лучше зайдите отслушать обѣдню. Въ будни это не необходимость, а впрочемъ не повредитъ; потомъ позвольте мнѣ поздравить васъ, и, если вамъ угодно, отправимся гулять вмѣстѣ.

— Мы отслушаемъ обѣдню, отвѣчалъ Леонсъ:—но потомъ тогда же увеземъ васъ завтракать въ поле.

— Тамъ завтракать плохо, живо замѣтилъ священникъ.—Въ этой живописной, но бѣдной странѣ, нельзя найти ничего порядочнаго.

— У насъ съ собою въ коляскѣ превосходныя вина и кушанья, отвѣчалъ Леонсъ.— Мы сговорились-было со многими попить и погулять, и каждый долженъ былъ привезти свою часть. Но такъ

къ всь, кромь меня, измьняли своему слову, то для насъ троихъ жизнь мой будетъ очень-достаточень.

— Извольте, сказалъ священникъ, совершенно-побьжденный.— Вижу, вы затвляли веселую прогулку, и безъ меня ей помьшало бы это опасное tête-à-tête. Не хочу, чтобъ планы ваши разстроились, и поѣду съ вами, — только чтобъ недалеко: у меня и тутъ есть дѣла. Того-и-смотри что одному вздумается родиться, а другому умереть; каждый день одно и то же. Предварите же вашу яму; я сплшу въ церковь.

— Ну, что? сказала Сабина, доставшая, въ ожиданіи Леонса, нигу изъ кармана коляски. Она перелистывала «Вильгельма Мейстера»... Я думала, что вы меня уже забыли, и утышалась этою чудесною сказкой.

— Я принесъ ее для васъ, сказалъ Леонсъ: — я зналъ, что вы не читали, и что теперь вамъ это чтеніе не помьшаетъ.

— Вы очень-внимательны; но что мы станемъ дѣлать?

— Пойдемъ къ обѣднѣ.

— Странная мысль! Вы думаете этимъ развлечь меня?

— Вамъ не дозволяется разспрашивать, что я думаю, и проинтъ въ мои намьренія. Какъ только «неизвѣстное» будетъ не въ словѣ моей, вы не дадите мнѣ окончить ни одного предпріятія.

— Это правда. — Пойдемте къ обѣднѣ; на что вамъ былъ священникъ?

— Ахъ, Боже мой, вьчные вопросы! вьдь вы знаете, что орулъ долженъ быть нѣмъ!

— Ваши странности начинаютъ интересовать меня. Позвольте мнѣ стараться понять?

— Сколько вамъ угодно; я увьренъ, что вы не отгадаете.

Коляска проѣхала по селу и остановилась у деревенской церкви. Обыкновенно, во время будничной обѣдни, церковь бывала пуста; но едва только вошли въ нее благородные путешественники, какъ она наполнилась любопытными женщинами и дѣтьми. прочемъ, большая часть скоро вышла опять на улицу полюбоваться лошадьми, ощупать коляску, и, главное, посмотреть на Негринку, пробуждавшую въ поселянахъ удивленіе, смьшанное съ роніею и ужасомъ.

Дьячекъ посадилъ Сабину и Леонса на почетную скамью. Священникъ не мьшкалъ съ обѣднею.

Леди Г взяла кончиками своихъ пальцевъ почтенный молитвенникъ, лежавшій съ другими душеспасительными книгами на скамьѣ. Она, казалось, совершенно углубилась въ благочестивыя размышленія.

Между-тѣмъ обѣдня кончилась.

— Посмотрите, художникъ! сказала Сабина, указывая Леону на фигуру, стоящую на колѣняхъ въ мрачной глубинѣ погребальнаго придела.

Это была молодая дѣвушка, почти ребенокъ, блѣдо, но ординарно одѣтая. Она была нехороша собою; но выраженіе лица ея было привлекательно, и въ положеніи ея обнаруживалось какое-то странное благородство. Одинокій лучъ солнца падалъ въ сырое углубленіе, гдѣ она молилась, и освѣщала ея розовый затылокъ и чудесную блѣдно-бѣлокурую, почти бѣлую, косу, свернутую около маленькой шапочки изъ краснаго бархата съ полинявшею златою каймою и съ черными кружевами, какъ носилъ въ той сторонѣ. Не смотря на вѣдый цвѣтъ волосъ дѣвушки, лицо ея было стѣкло, румяно. Голубые зрачки глазъ ея ярко отъялись длинными матовыми рѣсницами. Короткій профиль ея выражалъ необыкновенную энергію.

— Полно, Леонъ, не забывайтесь слишкомъ, разглядывая ее, сказала Сабина своему спутнику, который какъ-будто окаменѣлъ передъ крестьянкою: — сегодня вы должны быть заняты только мною; если вы зѣвъ-нибудь разскетесь, я погибла, я буду слушать.

— Глядя на нее, я думаю только о васъ. Посмотрите на нее! Надо, чтобъ вы это поняли.

— Это? Это любопытно для артиста; но я поэтъ, и мнѣ надо больше, нежели странность... Она дурна.

— Вы не знаете въ этомъ толку. Она прекрасна, въ смыслъ рѣдкаго типа, къ которому принадлежитъ.

— Типъ Альбиноса!

— Нѣтъ! Это краски Рубенса, съ строгимъ выраженіемъ дѣвственнаго Востока. А поза?

— Суха, какъ очеркъ старинныхъ мастеровъ. Вамъ это нравится?

— Въ этомъ есть своя грація, потому-что оно наивно и не подготовлено. Магдалина Кановы жеманится; дѣвы времени возрѣвшаго знаютъ, что онѣ хороши собою; первоначальные образцы всѣ изъ цѣльнаго куска, вылились, можно сказать, разомъ, какъ зародившая ихъ мысль.

— И окаменѣвшая ихъ... Смотрите, она окончила молитву; вы говорите съ нею, — вы увидите, что она глупа, не смотря на выраженіе своего лица.

— Ты, кажется, очень-набожна, моя милая? сказала Леонъ; и вѣрно молишься въ этомъ приделѣ почему-нибудь особенному?

— Нѣтъ, сударь, отвѣчала, кланяясь, молодая дѣвушка: — я прошу здѣсь, чтобъ господинъ священникъ не видѣлъ меня.

— Отъ-чего же ты боишься, чтобъ онъ тебя не увидѣлъ? спросила леди Г.

— Онъ, отвѣчала дѣвушка: — говорить, что на мнѣ смертный рѣзь.

Она сказала это такъ свободно, такъ рѣшительно и просто, что Сабина мольно засмѣялась.

— И это правда? спросила она.

— Я думаю, что онъ ошибается, отвѣчала молодая дѣвушка: — что Богъ лучше его видитъ мое сердце.

Она опять поклонилась и ушла поспѣшно, потому-что священникъ, сбросивъ свою служебную одежду, поднялся изъ алтаря.

Когда путешественники спросили его объ этой дѣвушкѣ, онъ росилъ взоръ на уходящую грѣшницу, помахавъ плечами, и сказать съ гнѣвомъ:

— Не обращайтесь на нее вниманія: это погибающая душа!

— Странно! сказала Сабина:— съ-виду она вовсе на это не похожа.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, сказалъ священникъ.

Сѣвъ въ коляску, и послѣ нѣсколькихъ словъ общаго разговора, священникъ попросилъ позволенія приняться за чтеніе своего требника; скоро онъ такъ погрузился въ чтеніе, что Леонсъ и Сабина почувались какъ-будто опять наединѣ. Дѣвъ утихости къ почтенному спутнику, который, по-видимому, не понималъ по-англійски, они начали объясняться на этомъ языкѣ, чтобъ не развлекать его.

— Этотъ строгій человекъ, погруженный въ свои молитвы, не много общается намъ удовольствія, сказала Сабина. Кажется, вы авербовали его, чтобъ наказать меня за испугъ при встрѣчѣ съ арказою.

— Можетъ-быть, я имѣлъ на это важнѣйшія причины.—Вы не отгадываетесь?

— Нѣтъ.

— Скажу вамъ, только съ условіемъ: слушать очень-серьёзно.

— Вы приводите меня въ безпокойство.

— И это уже что-нибудь да значить.—Знайте же, что я помѣнилъ между нами третье лицо, чтобъ предохранить самого-себя...

— Отъ-чего бы это?

— Отъ опасности, скрывающейся для молодыхъ людей во всякомъ разговорѣ о любви.

— Говорите за себя, Леонсъ; я не замѣчала этой опасности... мы общались не допускать до меня скуки; я полагаюсь на ваше слово; я была снокойна.

— Вы насмѣхаетесь? Это слишкомъ-легко. Вы обѣщали быть очень-серьёзною.

— Извольте, я серьёзна; серьёзна, какъ этотъ священникъ. — Что вы хотѣли сказать?

— Что наединѣ съ вами я могъ прійти въ волненіе, потерять спокойствіе духа, отъ котораго зависить сегодня моя власть надъ вами. Я взялся за дѣло магнетизёра, я усыплю вашу обычную раздражительность. А главное условіе магнетической силы, — вы знаете, — совершенное равнодушіе, напряженіе воли къ мысли о духовномъ владычествѣ: это — отсутствіе всякаго душевнаго движенія, чуждаго проявленію таинственнаго вліанія. Могло случиться, что я не выдержалъ бы, самъ подчинился бы силѣ вашего взгляда, вашему голосу, — словомъ, вашей магнетической силѣ, и тогда роли измѣнились бы.

— Что это? признаніе, Леонсъ? — спросила Сабина съ ироническою гордостью.

— Нѣтъ, совершенно-противное, отвѣчалъ онъ спокойно.

— Такъ, можетъ-быть, дерзость?

— Нисколько. Я вашъ давнишній другъ, другъ не шутя, несмотря на то, что вы странная, иногда даже несправедливая женщина. Мы знаемъ другъ друга съ-дѣтства: привязанность наша была всегда чистою и теплою. Вы питали ее чистосердечно, я съ самоотверженіемъ. Немногіе изъ мужчинъ друзья мнѣ до такой степени, какъ вы, и ни съ кѣмъ изъ нихъ не бесѣдую я такъ охотно, какъ съ вами. Иногда, однакожь, вы причиняете мнѣ какое-то непреодолимое страданіе. Теперь не время разгискивать причины: это внутренняя задача, которую я еще не старался разрѣшить. — Вѣрно только то, что я не влюбленъ въ васъ, и не былъ влюбленъ. Не входя въ объясненія, которыя были бы, можетъ-быть, слишкомъ-вольны послѣ того, что я сказалъ вамъ, — думаю, вы понимаете, почему я долженъ избѣгать душевнаго волненія вблизи такой прекрасной женщины.

— Довольно, Леонсъ, отвѣчала Сабина, поправляя кружевъ у рукавовъ, затѣмъ только, чтобъ наклонить голову и скрыть краску на своемъ лицѣ. Этого слишкомъ-довольно. Въ вашихъ мысляхъ есть что-то для меня оскорбительное.

— Утверждаю, что вы этого не докажете.

— Не стану и пробовать. Ваша совѣсть должна говорить мнѣ это.

— Она молчитъ. Лучшее доказательство моего къ вамъ уваженія то — что я прогоняю любовь изъ моихъ мыслей.

— Любовь! она очень-далеко отъ вашего сердца! То, чего вы, по вашему мнѣнію, должны бояться, мало лстять мнѣ; я не старая кокетка и не могу этимъ чваниться.

— Однакожь, будь это любовь, любовь сердца, какъ вы помните ее, вы разсердились бы еще больше.

— Огорчилась бы, можетъ-быть, потому-что не могла бы отступить ей; но разсердило бы меня это гораздо-меньше вашего признанія въ неопредѣлимомъ страданіи.

— Будьте откровенны, другъ мой; вы даже и не огорчились: вы смѣялись бы, и только.

— Вы обвиняете меня въ кокетствѣ? вы не имѣете на это права: что можете вы знать, никогда меня не любивъ и никогда не любя, чтобъ я кого-нибудь любила?

— Послушайте, Сабина! Я не старался понравиться вамъ — это рено. Многіе пытался, но безуспѣшно. Почему мнѣ знать, удалось ли кому-нибудь вдохнуть въ васъ любовь? Впрочемъ, однажды, въ минуту грусти и откровенности, вы признались мнѣ въ ономъ... не знаю только, не похвастали ли вы. Еслибъ я далъ вамъ нѣтъ, что я способенъ любить пламенно, вы, можетъ-быть, признали бы, что я заслуживаю больше, нежели вашу дружбу. Но, чтобъ дать вамъ это понять, должно было бы или дѣйствительно любить васъ пламенно, чего нѣтъ, или притворяться и упиваться собственными словами. Это недостойно моей благородной къ вамъ привязанности — и я не унижился до такихъ уловокъ. Или пришлось бы рассказать вамъ тайны моей жизни, изобразить мой истинный характеръ, словомъ хвалиться... э! и быть непонятымъ, осмѣяннымъ.. Справедливое наказаніе дѣтскаго тщеславія! Прочь отъ меня такой стыдъ!

— Да въ чемъ вы оправдываетесь, Леонсъ? Развѣ я жалуюсь, что вы питаете ко мнѣ только дружбу? Развѣ я желала когда-нибудь другаго?

— Нѣтъ; но я наблюдаю за собою тщательно, и не разгадавъ меня, вы могли заключить изъ этого, что я грубое животное.

— Къ-чему это наблюденіе, когда нечего бояться? Любовь свободна. — Она достигаетъ вдругъ, она не разсуждаетъ, ей не для чего задавать себѣ вопросы и оглядываться, составлять планы аттаки и отступленія: она измѣняетъ себѣ, и эта минута — минута торжества ея.

— Хорошій урокъ, подумалъ Леонсъ: — и этотъ урокъ даетъ мнѣ она!.. Онъ почувствовалъ необходимость подавить свою досаду и отшучать, сжавъ руку Сабини съ выраженіемъ спокойно-тѣплаго чувства:

— Вы видите, милая Сабина, что любви между нами быть не можетъ; въ нашихъ сердцахъ нѣтъ для насъ ничего новаго, ничего тайнаго; мы слишкомъ-хорошо знаемъ другъ друга, — мы какъ братъ и сестра.

— Вы знаете, сказала гордая леди, отнявъ свою руку. — Братья и сестры никогда не знаютъ другъ друга, потому-что живѣйшіе и глубочайшіе пункты души ихъ никогда не соприкасаются. Не говорите, что мы слѣпые — хорошо знаемъ другъ друга, вы и я; я утверждаю, напротивъ, что вы мене сами не знаете, и никогда не будете знать. Вотъ почему я не сидѣлась, а улыбалась на все жесткое, что вы сказали мнѣ сегодня утромъ. И знаете ли, но мнѣ лучше и васъ не знать короче. Если вы хотите сохранить свою магнетическую силу, позволите мнѣ вѣрить, что въ сердцахъ вашихъ скрываются сокровища страсти и неясности, которыхъ наша мирная дружба только тѣнитъ.

— Если бы вы этому вѣрили, вы любили бы меня, Сабина! Я убѣжденъ, что вы этому не вѣрите.

— Я могла бы сказать вамъ то же. Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы потому только престо друзья, что не очень-большого имѣемъ другъ о другѣ?

— Она падла за живое, подумалъ Леонсъ: — настала минута вспомнить или полюбить другъ друга.

— Я думаю, сказалъ священникъ, закрывая свой трюфель: — что мы отъкады довольны, и не мѣшало бы, если вамъ это не противно, перекусить чего-нибудь.

— Тамъ было, сказалъ Леонсъ: — что вотъ, въ двухъ шагахъ надъ нами, тѣнитая площадка скалы, откуда видъ долженъ быть чудесный.

— Какъ! Тамъ? воскликнулъ священникъ, человекъ довольно-молчаливъ — вы хотите лѣзть на Зеленую-Скалу? Да лучше же расположитесь вотъ здѣсь, у дороги, подъ этими слями.

— Откуда нѣтъ никакого вида, сказала леди Г., весело взявъ стараго священника подъ руку: — а какъ въ горахъ обойтись безъ вида?

— Когда завтракаешь, очень-легко, отвѣчалъ священникъ, съ дуломъ, впрочемъ, за леди.

Жюкей отвезъ экипажъ подъ тѣнь елей, и скоро сошло много локошиковъ накормить лошадей и отгонять мухъ. Это были маленькіе пастухи, разсыанные по горамъ; въ одно мгновеніе они собрались около нашихъ путешественниковъ, какъ туча любопытныхъ и голодныхъ птицъ. Одинъ взялъ изъ шарабана подушки, чтобы разложить ихъ для собесѣдниковъ на скалы, другой принесъ напитки съ дичиной, третій вина; каждый хотѣлъ отнести или разбить что-нибудь. Подевая закуска скоро была приготовлена на Зеленой-Скалѣ, и священникъ, замѣтивъ, что кушанья сочны и роскошны, стеръ лицо и весело перевелъ духъ. Надѣлили оборванныхъ нажеи и прислугу; кушанья было довольно для всѣхъ. Леонсъ распоряд-

даса не въ-подовину: она, вѣдалась, предлагать, на какой жаждать надежды. Сабина очень повеселѣла и пришла, что уже давно не чувствовала такого аппетита. Леонсъ, поводящая всѣхъ, вридая есть самъ, какъ вдругъ дѣти, видѣвши группою поодаль, пришли въ движеніе, начали прыгать и прыгать, сильно размахивая руками, какъ-будто прельвая: «кто-то изъ глубины рва: «Птица! птица!»

### III.

— Молчите вы, глупод авроде! сказалъ священникъ:— не зовите сюда этой дурь; что намъ въ ее соусахъ!

Но дѣти его не слушали и продолжали свать и дѣлать зина. Сабина оклонилась на край скалы и увидѣла необыкновенное рѣдце. Молодая дѣвушка вбиралась во крутому скату на Валу-ую-Скаду, а буквально подвигалась среди тучи порхавшихъ около нея птицъ; одѣ клевали ей волосы, другія садялись ей на плеча; холоднѣкіе птенцы прыгали за нею по плосу. Вотъ, казалось, испорчили другъ у друга удовольствіе: коснуться ее и немедленно всадку криками радости и нетерпѣнія. Когда молодая дѣвушка приближалась, и ее можно было разглядѣть сквозь порхающую свиту, Леонсъ и Сабина узнали блонкурую дѣвушку съ румяными щеками и блѣдно-золотистыми волосами, которую часъ тому назадъ видели въ церкви.

Тогда священникъ также наклонился надъ рвомъ и звиками призывалъ ей удалиться.

Она остановилась, и птицы въ испугѣ разлетѣлись по деревьямъ, росшимъ вдалѣ тростника.

Впрочемъ, просьба леди Г. умерила гнѣвъ аббата, и онъ рѣшился закрыть дѣвущихъ:

— Ну, такъ и быть, ступай, цыганка! ступай, потѣшь господъ наши глупостями!

Молодая дѣвушка держала въ руцѣ горсть сивенъ; она бросила ихъ назадъ какъ-можно-дальше, и съ такою ловкостью, какъ-будто просто сдѣлала повелительный знакъ птицамъ, начинавшихъ опять къ ней слетаться. Онъ весь забилъсь подъ кустарникъ, на который она какъ-будто указала ницъ, и занятый отыскиваніемъ сивенъ, затихли, вѣдалось, но ея приказанію. Дѣтей не обманула эта уловка, но Сабина имѣла полное удовольствіе повѣрять всему.

— Вотъ она, эта закоренѣлая грѣшница! сказалъ Леонсъ, протягивая ей руку, чтобы помочь взобраться на площадку скалы,



очень-крутой въ этомъ мѣстѣ. Но она вскочила съ легкостью молодой серны и, поднявъ обѣ руки ко лбу, попросила позволенія поработать.

— Показывай живнѣе, лэвницца, что ты называешь своей работой! сказалъ священникъ.

Она подошла къ лэтамъ и попросила ихъ придержать светы собакъ и не трогаться съ мѣста; потомъ она взяла съ плечъ шерстяную мантилью и, взобравшись на соседнюю скалу, еще выше Зеленой, начала махать надъ головою въ воздухъ красной матеріей, какъ знаменемъ. Въ ту же минуту изъ всѣхъ окрестныхъ кустарниковъ помчалась къ ней туча разныхъ птицъ: воробьи, вички, кончалки, смитри, дрозды, дикіе голуби и даже нѣсколькосточекъ съ раздвоенными хвостами и широкими черными крыльями. Она играла съ ними нѣсколько минутъ, отгоняла ихъ, дѣлала разные жесты, махала мантильею, какъ-будто желая испугать ихъ; ловила ихъ на лету и бросала ихъ въ воздухъ; но онѣ ъмучили къ ней опять съ тою же любовью. Ясно доказавъ, до какой степени она неограниченная и любимая невеличательница этого вольнаго народа, дѣвушка покрыла мантильею голову, легла на землю и притворилась спящею. Птицы съѣли на спящую, забываясь въ складки ея одежды, были какъ-будто намагнетизированы ея очами. Наконецъ, уставъ, она повторила свою удочку и, посредствомъ новой вышки, заставила ихъ улетѣть въ кустарникъ, гдѣ онѣ встали и перестали шибетать.

Во всей этой пантомимѣ было что-то столь граціозное и впечатлѣтельное, власть ея надъ жильцами воздуха казалась столь чудесною, что эта маленькая сцена доставила путешественникамъ большое удовольствіе. Негритянка была увѣрена, что это волшебство.

— Право, это маленькая волшебница! сказала Сабина, подымая ее къ себѣ. — Объявляю вамъ, Леонсъ, что я примирилась съ е золотыми рѣсницами. Миньйона повредила ей въ моемъ воображеніи. Я желала, чтобъ она была брюнетка и играла на гитарѣ; и теперь я признаю эту бѣлокурую деревенскую Миньйону, и волшебная сцена ея съ птицами нравится мнѣ не меньше пѣсни Лики. Скажи мнѣ, милая, во-первыхъ, какъ тебя зовутъ?

— Мадлена Мелезъ, къ вашимъ услугамъ, отвѣчала птичница.

— Прекрасное имя; оно доверяетъ твоимъ достоинствамъ. Садись здѣсь, возьми меня, и позавтракай съ нами; только чтобъ твой пернатый народъ не явился на истребленіе завтрака, какъ чума степская.

— О! не бойтесь, сударыня; мои дѣти не приближаются ко мнѣ, когда другіе люди близко.

— Въ такомъ случаѣ, если ты не хочешь бросить своего рем

ла и насущнаго хлѣба, строго прозвонясь священникъ:—составлю себѣ порѣже прогуливаться съ разнымъ праздничатавошимся на-родомъ; эти перелетныя птицы до того наругаютъ настоящихъ; что онѣ не будутъ узнавать тебя, Мадаса.

— Погѣрите, васъ обманули, г. священникъ, отвѣчала птичница. — Со мною ходитъ гулять только одинъ, и то недавно. Мы всегда только однимъ вамъ солгали, если сказали другое.

Серьезный тонъ отвѣта развеселилъ Леонса и рассердилъ священника.

— Какое отвѣтъ! сказалъ онъ. — Покорно прошу съискать кого-нибудь дерзче!

Птичница устремила на разгѣваннаго священника голубые какъ ясны глаза и оныѣла отъ изумленія.

— Намъ кажется, вы очень ошибаетесь на счетъ этой дѣвухи, сказала Сабина священнику. — Ея удивленіе и смѣлость—доля чистоты души, которую вы помутите своимъ дурнымъ вѣніемъ. Позвольте сказать вамъ, г. священникъ, что вы, конечно, съ добрымъ намѣреніемъ, всеми силами стараетесь дать ей понятіе о злѣ, котораго нѣтъ въ ней.

— Вы ли это говорите? отвѣчалъ въ-полголоса священникъ:— ты, которая изъ благоразумія и добродѣтели не хотѣла оставить съ-глазу-на-глазъ съ этимъ благороднымъ человѣкомъ, не смотри на его чистое чувство и сосѣдство слугъ?

Сабина посмотрѣла на священника съ удивленіемъ, и потомъ на Леонса съ упрекомъ и насмѣшкою. Она прибавила съ благородною откровенностью:

— Если вы такъ понимаете причину, заставившую насъ искать этого сообщества, это подтверждаетъ мое мнѣніе объ этой дѣвухѣ: ея помыслы чище нашихъ.

— Чисты сколько вамъ угодно! отвѣчалъ священникъ. — Но позвольте возразить вамъ, что избытокъ невинности величайшая опасность для подобныхъ дѣвухекъ, живущихъ, какъ прійдется, въ-теръ. Первый встрѣчный можетъ употребить во зло ея невинность, и этого съ ней и случится, если ужъ не случилось.

— Въ такомъ случаѣ, ваши подозрѣнія смутили бы ее; а она только пугается вашихъ угрозъ. А между-тѣмъ, сказала Сабина:— скажите для меня одолженіе, о которомъ я васъ попрошу.

— Какъ отказать вамъ въ чемъ-нибудь? отвѣчалъ онъ: — конечно, если просьба ваша христіанская и благоразумная!

— Вы помиритесь предварительно съ птичницей, продолжала она Г. — Я беру ее подъ свое покровительство; вы перестанете опекать ее, перестанете говорить ей угрозы, рѣчи; вы предостави-

те мнѣ неопыдать ее кротко, потише, и будете къ ней строги или снисходительны, смотря по ея заслугамъ; смотря по отчету, который я вамъ дамъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ священникъ. — Ну, сказать онъ, обращаясь къ Мадленѣ, разговаривавшей съ Леонсомъ: — на сегодня я тебя прощаю и позволю тебѣ придти завтра къ вдовицѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы съ этой минуты ты исполнила все приказаніе благородной и добродѣтельной дамы, которой угодно принять въ тебѣ участіе и помочь тебѣ выйти изъ пучины грѣховной.

Слова эти опять принесли Мадлену въ изумленіе и смущеніе; но, будучи довольна ласковостью пастыря и особенно вниманіемъ благородной дамы, она поклонилась ему, а ей поцаловала руку. На вопросъ Леонса, какъ приобретаетъ она любовь и вниманіе птицъ, она не хотѣла отвѣчать подробно, и сказала только, что знаетъ тайну.

— Полно, Мадлена, это нехорошо, сказалъ священникъ: — если ты хочешь, чтобы я совсѣмъ простилъ тебя, надо, во-первыхъ, разстаться съ ложью. Поддерживать суевѣріе, особенно для своей пользы, тяжкій грѣхъ. Къ-тому же, здѣсь ты ничего зтѣмъ не выиграешь. На ярмаркахъ, куда ты бѣгаешь показывать свое искусство (конечно, не съ моего согласія, ибо благочестивой дѣвушкѣ не пристало такое бродяжничество), тамъ, пожалуй, упрямый простаковъ, что ты умѣешь приговаривать всякую пролетную птицу и удерживать ее сколько тебѣ угодно. Но вотъ эти маленькіе земляки твои очень-хорошо знаютъ, что въ нашихъ горахъ, гдѣ птицы рѣдки и гдѣ ты то-и-дѣло рыщешь, ты отыскиваешь каждое гнѣздо, едва только его сошьютъ, вытаскиваешь птенцовъ и заставляешь ихъ родителей прилетать кормить дѣтей своихъ къ тебѣ на колѣни. Они знаютъ, съ какимъ терпѣніемъ простаиваешь ты по цѣлымъ часамъ неподвижно какъ статуя или дерево, чтобы онъ привыкли къ тебѣ и перестали бояться. Знаютъ, какъ, слѣлавшись ручными, онъ повсюду слѣдуютъ за тобою въ ожиданіи корма, и привдѣтъ съ собою дѣтей, по мѣрѣ того, какъ дѣти подрастаютъ, слѣдуя въ этомъ удивительному инстинкту памяти и привязанности, которымъ многія породы особенно одарены. Колдовства тутъ нѣтъ никакого. Каждый изъ насъ могъ бы дойти до того же, еслибъ такъ же, какъ ты, мы не любили благородныхъ занятій и полезной работы. Итакъ, не разыгрывай роли волшебницы и вдохновенной, подобно нѣкоторымъ знаменитымъ обманщикамъ древности. Что касается до этихъ благородныхъ особъ, не надѣйся обмануть ихъ. Съ ихъ умомъ и образованіемъ нельзя повѣрить, чтобы такая кукла, какъ ты, была одарена сверхъестественною властью.

— Послушайте, господинъ священникъ, сказала лода Г.: — вы могли сказать ничего для меня несправедливо, не могли приблизить процветанію о суевѣрїи больше нехстати. Ваши изъясненія чужды поэзіи, а я во сто разъ охотѣе готова вѣрить, что это таинственный даръ, нежели охладить свое воображеніе плоскою действительностью. Утѣшся, сказала она птичница, которая плакала въ досаду и смотрѣла на сплещенника съ какимъ-то наивнымъ и орлымъ негодованіемъ: — мы вѣримъ, что ты волшебница, и порежемся чудесамъ твоимъ.

— Къ-тому же, изъясненія господина-священника не возмещаютъ ничего, сказалъ Леонсъ. — Они выставляютъ факты, не раскрывая причинъ. Чтобъ до такой степени сдѣлать ручными существа волшебныя и по натурѣ своей дикія и нугавныя, на это надо имѣть особенный даръ, родъ исключительнаго магнетизма. Каждый изъ насъ изъ успѣха посвятилъ бы себя подобному воспитанію, тогда-какъ истинная судьба истинника открыла тайну этой дѣлушкѣ.

— Да! да! воскликнула Мадлена, и глаза ея засверкали, такъ-что она вполне могла помять доводы Леонса. — Я утверждаю, что господинъ-священникъ не приучитъ къ себѣ и курмы во дворѣ, а я приучаю и черныхъ орловъ.

— Орловъ? ты? сказалъ священникъ, задѣтый громкимъ смѣхомъ Сабины. — Вадоръ! Орла не приучишь какъ жаворонка. Вотъ что выходитъ изъ пустыхъ занятій и странныхъ притязаній: начинаютъ лгать, какъ ты теперь лжешь.

— Извините, батюшка! сказалъ молодой пастухъ, слушавшій разговоръ благородныхъ собесѣдниковъ, и выступавшій изъ толпы людей. — Съ некотораго времени, Мадлена приучаетъ орловъ, я имъ видѣлъ. Духъ ея становится все сильнѣе, и скоро она будетъ приучать медвѣдей, я увѣренъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! возразила птичница съ какимъ-то ужасомъ и отвращеніемъ, обнаружившимся во всѣхъ чертахъ лица ея. *Духъ мой ладитъ только съ тьмою, что летаетъ въ воздухѣ.*

— Ну! что я вамъ говорилъ? сказалъ Леонсъ, пораженный эти-словами. — Она чувствуетъ, хоть и не можетъ отдать въ томъ счетѣ ни себя, ни другимъ, что непреодолимое сродство привязываетъ къ ней незримыя существа. Эти тайныя отношенія — въ нихъ глазахъ непонятныя, потому-что мы не можемъ открыть естественнаго закона ихъ, и міръ физическихъ фактовъ полонъ таинствъ ускользнувшихъ отъ насъ чудесъ. Повѣрьте, господинъ-священникъ, дьяволъ не участвуетъ въ этихъ явленіяхъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ священникъ, довольствуясь этимъ изъясненіемъ. — По вашему мнѣнію, следовательно, существуютъ неопредѣленныя отношенія между различными организаціями? Можете-

Быть; эта дѣвушка испаряетъ изъ себя птичій запахъ, ощущаемый только для тонкаго обонянія птицъ?

— Вѣрно то, сказала смеясь Сабина: — что у ней птичій профиль. Изогнутый носикъ, живые вышуклые глаза, подвижныя бѣлыя рѣсницы; прибавьте къ этому ея легкость, проворность какъ крылья руки, тонкія и хрупкія какъ птичьи лапки ноги, — вы увидите, что она похожа на орла.

— Какъ вамъ угодно, сказала Мадлена, которая, казалось, была одарена быстрою понятливостью и понимала все, что говорили и ее счетъ. — Но я вижу даръ не только заставляетъ любить себя, и понимать; это — знаніе, и другіе не узнаютъ того, что я знаю. Кто изъ васъ скажетъ, въ какой часъ можно и въ какой мѣстѣ заставить повиноваться себя? какой крикъ будетъ слышенъ очень далеко? въ какое мѣсто надо стать? какихъ вліяній надо избегатьъ, какое время благоприятно?

— Она не глупа, сказалъ священникъ, который въ душѣ былъ человекъ добрый — но это бѣсовскій умъ, и когда-нибудь имъ придется изгнать изъ нея бѣса. Между-тѣмъ, Мадлена, не забудьте своихъ орловъ.

— А гдѣ мнѣ ихъ взять теперь? отвѣчала она лукаво. — Вѣдь вы, гдѣ они, господинъ-священникъ? Если знаете, скажите, и поеду приведу ихъ.

— Ступай сама; ты же хвастаешь, что знаешь.

— Они тамъ, куда я не могу теперь идти. Вижу, господинъ священникъ, что вы этого не знаете. Но если вамъ угодно отправиться сегодня вечеромъ со мною, при закатѣ солнца, и если вы не боитесь, я покажу вамъ кое-что, что васъ удивитъ.

Священникъ пожалъ плечами, но пылкое воображеніе Сабини привязалось къ этой выдумкѣ. — Я пойду! воскликнула она. — Я хочу испытать страхъ, хочу прійти въ изумленіе...

— Тише! шепнулъ ей на-ухо Леонсъ: — вы еще не получили отъ меня позволенія, вы же больная.

— Прошу его уступить, торгаю его, любезный докторъ.

— Посмотримъ; и разспрошу волшебницу и рѣшу, какъ мнѣ будетъ угодно.

— Я рассчитываю на ваше желаніе, на ваше общаніе заставить меня. А между-тѣмъ, не отправиться ли въ виллу, которую трать, какъ изволитъ почивать милордъ Г.?

— Если вы хотите поступать по-своему, я беру отставку.

— Избави Богъ! До-сихъ-поръ, я не скучала ни минуты. Распрощайтесь же какъ вамъ угодно; только куда бы вы ни поехали, позвольте взять съ собою птичницу.

— Я самъ это полагаю. Не-уже-ли вы думаете, что она явится здесь нечаянно?

— Такъ вы ее знаете? Вы приказали ей прійти сюда?

— Не спрашивайте меня.

— Виновата, забыла! Ваши тайны при васъ; надюсь, что это еще не все?

— Конечно нѣтъ; объявляю вамъ, что день не пройдетъ для насъ безъ волненій, которыя не дадутъ заснуть вамъ ночью.

— Волненія! Ахъ, какое счастье! воскликнула Сабина. — И долго ли я ихъ поминуть?

— Всю жизнь, сказалъ Леонсъ съ важностью, уже непохожею на шутку.

— Странный вы человекъ! продолжала она. — Подумаешь, что вы верите въ свою власть надо мною, какъ Мадена въ свою надъ орлами.

— Вы горды и хищны, какъ эти царя воздуха, а я одаренъ, могу быть, тонкою наблюдательностью, терпѣнiемъ и хитростью зданы.

— Хитростью? Вы пугаете меня.

— Этого-то я и хочу. До-сихъ-поръ, вы смѣялись надо мною, абая, именно потому что не знали меня.

— Я? сказала она, нѣсколько-встревоженная страннымъ оборотомъ мыслей Леонса. — Я не знаю друга моего дѣтства, моего *camarade d'enfance*? Это такая же правда, какъ говорить мнѣ, что я очу надъ вами смѣяться.

— Вы сказали, однакоже, что братья и сестры никогда другъ друга не знаютъ, потому-что живѣйшіе и глубочайшіе пункты ихъ существа никогда не соприкасаются. Намъ разделяетъ тайна, глупая какъ эти пропасти; вы никогда не будете знать меня, скажи вы? Сегодня, говорю вамъ, я узнаю васъ и оставусь для васъ незнаемымъ. Это значитъ, прибавилъ онъ, видя недоверчивость и страхъ на лицѣ Сабинны: — что я рѣшаюсь любить васъ больше, нежели хочу, и не могу имѣть притязанія на вашу любовь.

— Лишь-бы мы остались друзьями, Леонсъ, сказала леди Г., почувствовать вдругъ тоску, которой сама себя не умѣла изъяснить: — позволю вамъ продолжать эту шутку; если же нѣтъ, я итчасъ возвращаюсь въ виллу.

— Если вы этого требуете, повинуюсь; я снова дѣлаюсь свѣтлымъ человекомъ, и оставляю чудесное леченіе, начатое съ вашего позволенія.

— И за которое вы все-таки отвѣчаете! А жаль будетъ...

— Я еще могу отвѣчать за него, если вы не будете противить. Полное, неслыханное преобразование можетъ совершиться сего-дня. — Отд. I.

годня въ вашей нравственной и умственной жизни, если вы вечера отречетесь отъ собственной воли.

— Какъ сильно должна я доверять вашей чести, чтобъ податься до такой степени!

— Считаете вы меня способнымъ употребить во зло эту добродетель? Вы можете возвратиться въ виллу съ священникомъ, я уйду въ горы искать не столько благоразумныхъ и податливыхъ орловъ.

— Съ Мадленой, конечно?

— Почему жь нѣтъ?

— Такъ знайте же, что дружба бываетъ ревнива не хуже любви; вы не пойдете безъ меня.

— Такъ вздемте!

— Вдемъ!

Леди Г. встала какъ-то порывисто и взяла птичницу надъ рукою, какъ-будто схватила добычу: Въ одно мгновеніе дѣти бросились обратно въ коляску всѣ вещи. Поехала была вымыта и уможена какъ-будто волшебною силою. Негритянка, подобно хлопотливой сиделкѣ, распорядилась укладкой; щедрость Леонса придала крыльямъ самымъ лѣнливымъ и ловкость самымъ неловкимъ. — Минъ какъ-то сказала Сабина, глядя на ихъ бѣготню:— что я на фантастическомъ свадьбѣ сказки: *Gracieuse et Percinet*; странствующая принцесса открыла въ лѣсу волшебную коробочку, и вотъ выскочили изъ нея миниатюрные поваренки и всякаго сорта прислуга; завертели вертелъ, запыхалъ огонь, и чудесный завтракъ, среди веселыхъ плясокъ, поданъ веселой толпѣ Лиллинутовъ точь-въ-точь какъ эт деревенскіе паки.

— Апологъ вашъ въ настоящемъ случаѣ вѣрнѣе, нежели вы думаете, отзывалъ Леонсъ: — Вспомните хорошенько эту милую фантазію, которой не превзошелъ и Гофманъ. Была минута, когда принцесса *Gracieuse*, наказанная за свое безлобное любовничество силою самаго волшебства, которымъ не могла управлять, видѣть, какъ въ маленькое очарованное общество разбѣгаются и исчезаютъ въ воздухѣ. Повара уносятъ дымящійся вертелъ, музыканты—скрипки, новобрачный увлекается за собою собою жену, родители ворчатъ, гости смѣются, слуга смѣется, всѣ бѣгутъ и насмѣхаются надъ принцессой, которая наконецъ старается остановить, собрать ихъ своими прекрасными ручками. Они бѣгутъ, какъ проворные муравьи, проскользаютъ между пальцами, разбѣгаются и исчезаютъ подъ мохомъ и фиалками, которыя для нихъ—какъ спасительная чаща, какъ проходимый лѣсъ. Коробочка остается пустою, и *Gracieuse*, въ ужасѣ, готова снова взять власть злыхъ духовъ. Вдругъ...

— Вдругъ, милый Леонсъ, я хочу сказать всезнающий принцъ *escinet*, перебила его Сабина: — любимецъ добрыхъ волшебницъ вылетѣлъ къ ней на помощь и ударомъ прутини заставляетъ возвратиться въ коробочку родителей и невозвратныхъ, пшваренковъ и вертепы, скриначей и скринки.

— И тогда онъ сказалъ ей, продолжалъ Леонсъ: — Знайте, принцесса, что вы не умѣете управлять міромъ своихъ фантазій; вы павной горстью разсыпаете ихъ по сухой почвѣ действительности, а тутъ онѣ ускользаютъ отъ васъ и вмѣняютъ вамъ, никому-то онѣ проворныя и ловче васъ. Безъ меня онѣ исчезли бы алъ насъкомое, за которымъ глазъ не поспѣваетъ въ тайственныхъ убѣжища среди листьевъ и травы; вы очутились бы вдни съ грахомъ и раскаяньемъ, среди пустынного, разочарованнаго мѣста. Исчезли бы и свѣжая тѣнь, и шумящія водопады, и ароматныя мѣты; ни пѣсень, ни плясокъ, ни смѣха на зеленой муравь. Не молатъ бы только вѣтеръ, свистящій въ голыхъ чинарахъ; и далекій вой хищныхъ звѣрей, возносящійся въ воздухъ съ кровавою пядью ночи. Но, благодаря мнѣ, котораго вы никогда не будете просить напрасно, всѣ ваши сокровища возвращены въ магическій ящикъ, и мы можемъ продолжать путь нашъ, будучи увѣрены, что найдемъ ихъ по первому желанію, на первомъ рождѣньѣ въ царствѣ сновъ.

## IV.

— Чудесная сказка! непременно расскажу ее на посидѣлкахъ, казала птичница, которую Сабина все еще держала за руку.

— Принцъ *Percinet!* воскликнула леди Г., взявъ другою рукою руку Леонса и сѣдла съ нимъ къ ждавшей ихъ коляскѣ: — вы мой добрый гевій, и я предаюсь вашей дивной мудрости.

— Надвюсь, сказалъ священникъ, садясь съ Сабинною въ задъ ялиски, между-тѣмъ, какъ Леонсъ и Мадлена заняли мѣста впереди: — надвюсь, мы ѣдемъ обратно въ Сент-Аполлинаерь? Я увѣренъ, что прихожане уже ищутъ меня...

— Да будетъ воля ваша, любезный пасторъ, отвѣчалъ Леонсъ, явля приказаніе жокею.

— Что это? сказала Сабина черезъ нѣсколько минутъ: — мы ѣдемъ по той же дорогѣ, и должны смотреть опять на тѣ же мѣста?

— Будьте спокойны, отвѣчалъ Леонсъ, указывая на священника, глубоко заснуваго при третьемъ оборотѣ колеса. Мы поѣдемъ уда намъ угодно. — Направо! сказалъ онъ, обращаясь къ молодому автомедону: — куда я говорилъ прежде!



Жокей повяновался; священникъ захрапѣлъ.

— Ну, милая, расскажи-ка мнѣ свою исторію и исповѣдай въ грѣхѣ, сказала Сабина, взявъ птичку съ непобѣдимого грѣшникомъ за обѣ руки. — Леонсъ, не слушайте: это женскія тайны.

— О! они могутъ слушать, съ увѣренностью отвѣчала Маделена. — Грѣхъ мой не такъ великъ, и тайна не такъ велика, чтобъ я не могла говорить о ней свободно. Еслибъ г. священникъ и имѣлъ привычку прерывать меня на каждомъ словѣ и бранить вмѣсто того, чтобъ выслушать, онъ, можетъ-быть, не былъ бы и меня такъ сердитъ, или по-крайней-мѣрѣ растолковалъ бы мнѣ что такъ сердится. У меня есть добрый другъ, прибавила она, обращаясь къ Сабинѣ: — вотъ въ чемъ все дѣло.

— И обсудить важность этого дѣла не такъ легко, какъ кажется, сказала лэди Г. Леонсу. Эта чистота дѣлаетъ вопросы вѣдательными.

— Меньше, нежели вы думаете, отвѣчалъ онъ. — А крѣпко ли тебя любитъ, Маделена?

— Такъ же, какъ я его.

— А ты не слишкомъ его любишь? спросила лэди Г.

— Слишкомъ? отвѣчала Маделена: — странный вопросъ! Я люблю его сколько могу; не знаю, слишкомъ ли это много или слишкомъ-мало.

— Сколько ему лѣтъ? спросилъ Леонсъ.

— Не знаю. Онъ говорилъ мнѣ, да не помню. Онъ по-крайней-мѣрѣ... постойте!... лѣтъ десять старше меня. Мнѣ четырнадцать стало-быть, ему двадцать-четыре или двадцать-пять, не такъ ли?

— Въ такомъ случаѣ, опасность велика. Тебѣ еще рано выходить замужъ, Маделена.

— Дá, надо подождать еще годъ или два. Это скоро пройдетъ.

— Однако, другъ твой, должно-быть, ждетъ этого съ вѣтераниемъ?

— Нѣтъ! онъ объ этомъ не говоритъ.

— Твѣ хуже! А ты такъ же спокойна?

— По-неволѣ; я не могу заставить летѣть время, какъ заставляю летать птицъ.

— Что жь, вы думаете жениться?

— Право, не знаю; мы объ этомъ не говорили.

— Такъ ты объ этомъ и не думаешь?

— Нѣтъ еще, потому-что мнѣ еще рано.

— А если онъ не женится на тебѣ? спросила лэди Г.

— О, это невозможно! Онъ меня любитъ.

— И давно? продолжала Сабина.

— Съ недѣлю.

— *Oimé!* сказала Леонсь: — и ты уже такъ увѣрена въ немъ?

— Разумѣется; онъ сказалъ, что любитъ меня.

— И ты всѣмъ такъ вѣришь, кто говоритъ тебѣ о любви?

— Да онъ только одинъ говорилъ мнѣ, и только ему я и повѣрю во всю свою жизнь, потому-что люблю его.

— Г. священникъ говоритъ, что никто не знаетъ моего милаго, что это какой-нибудь негодяй. Это очень-просто: онъ не здѣшній, шелъ черезъ наше село; у него нѣтъ ни родныхъ, ни друзей,—некому за него отвѣчать; онъ остановился въ нашей сторонѣ за тѣмъ, что увидѣлъ меня, и что я ему понравилась. Стало-быть, только я его и знаю, и только я могу сказать: это честный человѣкъ. Г. священникъ хочетъ, чтобъ онъ ушелъ, и грозитъ выпроводить его жандармами. Я прячу его; и это тоже очень-просто.

— Гдѣ же ты его прячешь?

— У себя въ хижинѣ.

— Есть у тебя родные?

— Есть братъ... контрабандистъ, съ вашего позволенія... только не говорите этого, даже господину-священнику.

— Значитъ, онъ ночь въ горахъ, а днемъ спитъ? сказалъ Леонсь.

— Почти что такъ. Однако онъ знаетъ, что мой милый спитъ на его кровати, когда его нѣтъ дома.

— И онъ на это не сердится?

— Нѣтъ; у него доброе сердце.

— И это его не беспокоитъ?

— А чего бы ему беспокоиться?

— Любитъ онъ тебя, братъ твой?

— Да! Онъ ко мнѣ такой добрый... мы ужь давно сироты... нѣтъ мнѣ былъ вѣсто отца и матери.

— Кажется, мы можемъ быть спокойны, Леонсь? сказала леди Г.

— До-сихъ-поръ, да, отвѣчалъ онъ. — Но что будетъ? Смогутъ, Мадлена, какъ бы твой милый не ушелъ вдругъ, волей или неволей, и не оставилъ тебя плакать.

— Если онъ увидеть, я пойду за нимъ.

— А твои птицы?

— Полетятъ за мною. Я хожу съ ними иногда льѣ за десять.

— И теперь онѣ слѣдятъ за тобою?

— Развѣ вы не видите, что онѣ переделяютъ по дорогѣ съ дѣвчана на дерево? Онѣ не приближаются сюда, потому-что я не одна, а коляска ихъ пугаетъ; но я ихъ вижу, и онѣ меня видятъ, слышишь!

— Съѣтъ больше десяти льѣ; что, если твой милый увидеть тебѣ отсюда льѣ за сто?

— Птицы есть вездѣ, и я познакомлюсь съ ними вездѣ.  
 — Однако, тебѣ будетъ жаль тѣхъ, которыхъ ты воспитала?  
 — О, конечно! Особенно двѣ или три изъ нихъ такъ умны такъ умны... Только мой милый умнѣе ихъ. Впрочемъ, говорю вамъ, что всѣ мои птицы полетятъ за мною, какъ я пойду другимъ. Онѣ начинаютъ привыкать къ нему и не улетаютъ, когда онъ со мною.

— Лишь бы милый-то былъ вѣрнѣе птицъ! сказала Сабина. — Хорошъ онъ робокъ?

— Я думаю; не знаю.

— Развѣ ты не смѣешь смотрѣть на него? спросилъ Леонъ.

— Нѣтъ, смѣю. Я смотрю на него, когда онъ спитъ, а ему кажется, онъ хорошъ какъ красное солнце. Да я въ этомъ и знаю толка.

— Когда онъ спитъ! Такъ ты входишь въ его комнату?

— Нѣ для чего входить; я сама тамъ сплю. Мы вѣдь не богатъ, сударыня: у насъ только одна комната съ моею козою и братиной лошадыю.

— Вотъ патриархальная жизнь! Какъ же это? ты, стало-бытъ не спишь, если проводишь ночи, глядя на своего милаго?

— О, я смотрю на него только съ четверть часа, когда онъ заснетъ. Онъ ложится и засыпаетъ, пока я вслужь читаю молитвы, обернувшись къ нему спиною, въ уголку. Правда, послѣ случается мнѣ забыться и смотрѣть на него дольше, нежели могу сказать. Но потомъ все-таки заснешь, и спишься какъ-будто лучше.

— Изъ этого слѣдуетъ, что онъ спитъ больше тебя?

— Да, онъ хорешо спитъ; да и етъ-чего бы ему не спать? Комната бѣдна, но чиста, и я никогда не забываю постлать ему постель какъ-можно-лучше.

— И онъ не просыпается, чтобъ полюбоваться тобою, когда ты спишь?

— Не знаю; думаю, что нѣтъ; я улышалась бы: я слышу чутко какъ птица.

— Такъ онъ тебя любитъ меньше, нежели ты его?

— Можетъ-статься, спокойно отвѣчала птичница, подумавъ съ минуту:— да оно такъ и должно быть, потому-что мнѣ еще рано выйти за него замужъ.

— Ты увѣрена, что онъ когда-нибудь на тебя женится?

— Онъ ничего не обѣщавъ мнѣ, но говоритъ каждый день: «Мадлена, ты добра, и я желалъ бы никогда съ тобою не разставаться. Къ-несчастью, я долженъ помнить, что скоро, можетъ быть, припужденъ буду уйдти.» Я ничего не отвѣчаю; но я рѣшилась уйдти съ нимъ, чтобъ не сдѣлать его несчастнымъ. Онъ нелю-

ить, что я добра и желала бы не расставаться со мною; стало-  
шь, вѣрно женится на мнѣ, когда я подросту.

— Леонсъ, сказала Сабина по-англійски:—будемъ удивляться и  
остережемся возмутить нашими сомнѣніями эту святую вѣру  
альтской души. Можетъ случиться, что другъ соблазнить и поки-  
нетъ ее; можетъ-быть, стыдъ и горѣ засушатъ ее; но и среди та-  
кого несчастія жизнь ея будетъ для меня завидна. Я отдала бы  
ее, что прожила, и все, что проживу, за одинъ день подобной  
любви безъ границъ, безъ сомнѣній, любви возвышенно-слѣпой...

— Да, сказалъ Леонсъ:— жизнь ея—состояніе восторженности,  
страсть преобразяетъ ее. Посмотрите, какъ она хороша, когда  
говоритъ о своемъ миломъ, не смотря на то, что природа отказа-  
ла ей во всемъ, что дѣлаетъ васъ красивѣйшею изъ женщинъ. И  
то же, Сабина? Въ эту минуту, она гораздо-прекраснѣе васъ.  
какъ вы объ этомъ думаете?

— У васъ такая манера говорить грубости, что, не смотря на  
все ваше стараніе, онѣ не оскорбляютъ меня сегодня. При всемъ  
томъ, въ вашей дружбѣ есть что-то безпощадное, Леонсъ. Мое не-  
счастіе, что я не могу знать этой восторженной любви безъ того,  
чтобы вы не упрекнули меня въ ней въ ту самую минуту, когда  
я думала, какъ жалка я. Еслибы я хотѣла отомстить, не могла ли  
бы я сказать вамъ, что вы жалки такъ же, какъ я,—такъ же неспо-  
собны верить слѣпо и любить просто, безъ умысла? Не могла ли  
бы я сказать вамъ, что одинъ и тѣ же пропасты—знаніе и опы-  
тность,—отдѣляютъ насъ обоихъ отъ состоянія души этой дѣвочки?

— Вы этого не знаете, вы ничего не знаете! отвѣчалъ Леонсъ  
съ энергіею, съ невнятнымъ волненіемъ голоса; взоръ его блу-  
далъ по окрестностямъ.

— Мы идемъ по ужасной странѣ, сказала леди Г. послѣ до-  
вольно-долгого молчанія. — Эти голыя скалы, этотъ вѣчно-серди-  
мый ручей, это небо въ тѣсной рамкѣ, удушающей жарь, — все  
то наводитъ уныніе и ужасъ.

— Потерпите немного, сказалъ Леонсъ:—мы скоро будемъ воз-  
граждены.

Дѣйствительно, безплодное, тѣсное ущелье вдругъ раздвину-  
лось при поворотѣ дороги, и очарованнымъ взорамъ Сабинны пред-  
ставилась прекрасная долина, брошенная какъ оазисъ среди этой  
устыни. Другія ущелья, узкія и глубокія, сходились къ этому  
мелкому амфитеатру, и усмиренные въ долинѣ ручьи ихъ впадали  
въ главную рѣку. Зеленоватыя воды были прозрачны какъ кри-  
сталль; изумрудные ковры разстлались по берегамъ; тишину  
реднечія нарушалъ только далекій звонъ колокольчиковъ на ста-  
лахъ, разсыпанныхъ по скатамъ холмовъ и скрытыхъ роскошною

растительностью. Гранитныя ущелья раскрывали голубую дн съ змѣящимися внизу серебристыми водами. Въ этомъ ошарп тельномъ мѣстѣ все манило къ отдыху, не пренебрегая воображенію стремиться въ область таинственнаго.

— Вотъ неожиданный сюрпризъ! сказала Сабина, выходя изъ ляски на мелкій песокъ берега: — Что за чудесное убѣжище от жолуденнаго жара, который становится уже несносенъ! Ахъ, оонь! оставимъ здѣсь нашъ экипажъ и сойдемъ съ большой дороги. Вотъ тропинки; вотъ дерево, мостомъ переброшенное черезъ ручей; вотъ цветы, а тамъ сосновая роща, манящая къ забѣтѣ и ароматомъ. Что мнѣ здѣсь нравится, такъ это отсутствіе искусства и даль людскихъ жилищъ.

— Здѣсь-то вы собственно въ горной странѣ, отвѣчалъ Джонс — Здѣсь начинается кочевье пастуховъ-номадовъ, живущихъ жили люди въ первыя времена; здѣсь они перегоняютъ стада съ одного пастбища на другое, проникаютъ въ пустыни, приидлежащія только тому, кто первый отважился ступить на нихъ, живутъ въ походныхъ шалашахъ, произведеній рукъ своихъ, которое перевозятъ на ослахъ и раскидываютъ на первой возвышенности скалы. Видите, вонъ тамъ, подъ облаками, стоитъ ихъ изгородь? Внизу вы ихъ не встрѣтите. Разлившіеся ручьи унесли бы ихъ при первой грозѣ. Теперь часъ отдыха, и пастухи спятъ подъ зеленымъ кровомъ своимъ. Вотъ вы и въ пустынѣ; можете взять себѣ мѣстечко отдохнуть часа два. Надо дать здѣсь передохнуть и лошадямъ. Да вотъ, чего жь лучше: въ сосновой рощѣ которая вамъ такъ нравится. Леле повѣсьте тамъ вашу койку.

— Мою койку? Какъ? Не-уже-ли вы позаботились взять ее?

— Развѣ я не долженъ былъ все обдумать?

Негритянка Леле понесла за ними койку, сшитую изъ пальмы и окаймленную бахромой изъ жолудей и художнически-перемѣшанными перьями тысячи цветовъ. Мадлена, въ восторгѣ отъ этого индійскаго произведенія, шла за негритянкой, задавая ей тысячу вопросовъ о птицахъ, на которыхъ такія блестящія перья она старалась составить себѣ понятія о попугаяхъ и колибри, которыхъ Леле описывала ей на своемъ таинственномъ и почти непонятномъ нарѣчій.

О священникъ забыли; онъ проснулся, когда легкое качаніе ляски прекратилось.

— Гдѣ мы? воскликнулъ онъ, протирая глаза. — Что это за неприличная шутка?

— Увы, г. священникъ! сказалъ жокей, лукавый, какъ никто и очень-хорошо понимавшій важно-шуточные наигрыши своего господина: — мы заблудились въ горахъ, и столько же знаемъ, гдѣ мы.

нъ и вы. Лошади стали отъ усталости, и волей или неволей, а приходится остановиться здѣсь.

— Что жь? такъ и быть! сказалъ священникъ.—Мы не можемъ быть далеко отъ Сент-Аполлинѣра; я вздремнуль только съ минутой.

— Извините, вы позволили проспать часа четыре.

— Быть, быть, ты ошибаешься, любезнѣйшій; солнце бьетъ прямо въ голову, и теперь не можетъ быть позже полудня,—если только оно не остановилось, какъ случилось съ нимъ уже однажды. Да вы, должно быть, не ѣхали, а летѣли? Мы льё за четырьмя лигами отъ зеленой скалы. Да, точно, я не ошибаюсь: это Коркеттское-Ущелье; вотъ и крестъ св. Василія. Граница отсюда вѣдуть въ двухъ шагахъ. Вотъ, по ту сторону этихъ высокихъ горъ, Италия, прекрасная Италия, гдѣ я ни разу не имѣлъ счастья побывать. Но, если вы остановитесь здѣсь и если ваши лошади устали, не возвращусь въ свой приходъ до ночи!

— И ваши домашніе, конечно, будутъ беспокоиться? забѣлѣво просить лукавый жокей.

— Они будутъ беспокоиться, отвѣчалъ священникъ:—они очень будутъ беспокоиться! Что дѣлать? надо уметь терпѣть. Гдѣ господѣ?

— Тамъ, за рѣкою; развѣ вы ихъ не видите?

— Что за фантазія перейти по этой досчечкѣ, которая ни на чемъ не держится? Я не стану рисковать; я потяжеле ихъ. Жаль, что нѣтъ со мной удочки: наудилъ бы форелей. Тутъ славныя форели.

Священникъ началъ рыться по карманамъ, и къ величайшему удовольствію своему нашелъ нѣсколько крючковъ съ нитями. Жокей помогъ ему срезать вѣтвь и найти приманки. Пошедши вверхъ по теченію воды, онъ очутился среди скалъ и занялся хитростями форелей.

Между-тѣмъ, черная Леле и блондинка-птичница твердо укрепили койку на вѣтвяхъ ели. Прекрасная Сабина, граціозно лежа въ воздушной колыбели, представлялась взорамъ Леонса въ положеніи скромнаго сладострастія. Широкіе шелковые рукава ея застѣвались до локтей, и кончикъ маленькой ножки, выглядывая изъ-подъ платья, свѣсилъ между бахромой изъ перьевъ, легче и милѣе ихъ.

Леонсъ разостлалъ свой плащъ на травѣ и, лежа у ногъ прекрасной леди, качалъ за снурокъ койку надъ своею головою. Леле только расположилась отдохнуть на зелени, а Мадлена углубилась въ пашу, куда крики птицъ сопровождали ее.

Сабина и Леонсъ очутились наединѣ, довольно-взволнованные, послѣдшіе жгучихъ мыслей въ ледяныхъ выраженіяхъ. Леонсъ

молчала, устранивъ на леди Г. провинцательный взоръ, нисколько не пѣжливый, но при всемъ томъ скоро ее смутившій.

— Отъ-него же вы не отвѣчаете? спросила она послѣ тицетнаго взарапія завязать дежкий разговоръ. — Вѣдь вы меня слышите, потому-что смотрите мнѣ въ глаза съ несноснымъ упорствомъ.

— Я? сказалъ онъ. — Я вовсе не смотрю на ваши глаза. Это не подвижныя вѣзды, которыя блестятъ за тѣмъ, чтобъ блестятъ, и вообщея людскому взору ни огня, ни жара своего. Я смотрю на вашу руку и складки платья, рисующіяся по вѣтру.

— Дѣ, рукава и драпировка—вотъ въ чемъ весь вашъ идеаль, господа-артисты.

— А вамъ не нравится быть хорошею меделью?

— Лишь-бы для васъ быть только этицъ, больше мнѣ не нужно, сказала она съ гордостью, потому-что глаза Леонса высказывали уже не холодное созерцаніе ваятеля. Но при этихъ высокочмерныхъ словахъ, оба они сдѣлались по-прежнему безстрастны. — Изъ васъ была бы прекрасная сивилла, сказалъ онъ, притворяясь, что ничего не слышитъ.

— Нѣтъ, у меня вовсе не растрепанная и не трепещущая натура.

— Сивиллы времянь возрожденія важны и строги. Видѣли вы сивиллѣ Рафаэля? Это древнее величіе, съ движеніемъ и мыслию другаго вѣка.

— Увы! я не видала Итали! Мы касаемся ея; лорду Г., по жестокому капризу, угодно поселиться на границѣ и не позволять мнѣ переступить ее, подъ предлогомъ, что для меня тамъ слишкомъ-жарко.

— Для васъ, напротивъ, вездѣ слишкомъ-холодно; мужъ вашъ знаетъ васъ хуже всѣхъ.

— Таковъ уже вѣчный порядокъ вещей!

— Вы должны бы обожать своего мужа, потому-что онъ неутомимый поклонникъ вашихъ притязаній на неразгаданность.

— А у васъ притязанія совершенно-противоположныя притязаніямъ моего мужа. Вы объявили это, но не докажете.

— А если докажу сію же минуту? сказалъ Леонсъ вставая и оставивъ койку такъ скоро, что леди Г. вскрикнула отъ испуга. Если я вамъ скажу, что нечего отгадывать, гдѣ ничего нѣтъ? что въ этой мраморной груди мраморное сердце?

— Какія ужасныя слова! отвѣчала она, опуская ноги на землю, какъ-будто собираясь бѣжать: — я преклинаю васъ, Леонсъ, что вы завезли меня сюда. Это ввроломство, жестокость! И чиръ а утонченность! Вырвать меня изъ моей печальной беззаботности, оказывать ко мнѣ неостоянное вниманіе, показать мнѣ красоту при-

роды и воззвю вашихъ мыслей, льстить моему воображенію, — и все это за тѣмъ, чтобы послѣ пятнадцати лѣтъ безоблачной дружбы сказать мнѣ, что вы меня ненавидите и не уважаете!

— На что вы жалуетесь? Вы свѣтская женщина и прежде всего хотите, чтобы васъ уважали, какъ свѣтскую добродѣтель. Я признаю васъ непобѣдимую, я, который знаетъ васъ уже пятнадцать лѣтъ, — и ваша гордость не удовлетворена?

— Быть добродѣтельной по недостатку чувства, добродѣтельной по безсердечію, — странная похвала! Есть чѣмъ гордиться!

— Непомѣрная гордость соединена въ васъ съ непомѣрнымъ тщеславіемъ, отвѣчалъ Леонсъ съ раздражительностью. — Вы хотите, чтобы всѣмъ было извѣстно, что вы непогрѣшительны, что чистѣйшій кристалль мутенъ въ сравненіи съ вашею славою. По этого для васъ мало. Вы хотите еще, чтобы васъ почитали душою вѣжкою и пламенною, чтобы думали, что нѣтъ ничего могущественнѣе вашей любви, исключая вашей собственной силы. Если человѣкъ тихъ и спокоенъ въ присутствіи вашей мудрости, вы безпокойны и недовольны. Вы хотите, чтобы всѣ мучились разгадывая тайны любви, скрывающейся, какъ вы хотите увѣрить, въ груди вашей. Вы хотите, чтобы объ васъ говорили: «въ ея рукахъ ключъ отъ рая наслажденій и неизрѣченной любви, но никому никогда не пропикнуть въ него! Вы хотите, чтобы при васъ желали, досадовали, трепетали! Признайтесь же во всемъ этомъ, и вы выскажете всю тайну своей скуки. Нѣтъ роли утомительнѣе и горьче той, которой пожертвовали вы всеми надеждами вашей юности, всеми выгодами красоты.

— Оправдываться было бы ниже меня, отвѣчала Сабина, блѣдая и похолодѣвшая отъ негодованія: — но вы дали мнѣ право удить васъ въ свою очередь и сказать вамъ, кто вы. Вы нарисовали мой портретъ, — но это вашъ. Стоитъ только примѣнить его въ размѣрѣ мужчины, и я это сдѣлаю.

## У.

— Говорите; я очень-радъ взглянуть на себя вашими глазами. — Вы не будете рады, ручаюсь вамъ, продолжала Сабина, оскорбленная, но притворяясь совершенно-равнодушною. Вы мужчина и доженикъ, вы умны и хороши собою, вы богаты, вы патрицій, — а умѣете быть привилегированнымъ смертнымъ. Природа и общество дали вамъ много, и вы помогали имъ съ жаромъ, съ дѣтства мучимые желаніемъ быть совершеннымъ человѣкомъ. Вы такъ



хорошо развили свои блестящія дарованія, такъ благородно упривали своимъ богатствомъ, что сдѣлались самымъ щедрымъ богачомъ и самымъ отличившимъ художникомъ. Родитесь вы бѣдныи безвѣстнымъ, вамъ труднее было бы завоевать вѣнокъ славы, и въ этомъ было бы больше достоинства. Вы испытали бы больше страданій, и въ васъ было бы больше огня; меньше науки, и больше генія. вмѣсто таланта первой стѣпени, всегда отчетливо, часто холоднаго, въ васъ проявлялось бы порывистое, но пылкое вдохновеніе.

— Вы мало изобрѣтательны, прервалъ ее Леонсъ, и потерпѣли только то, что я сто разъ говорилъ вамъ о себѣ. А между-тѣмъ вы соглашаетесь со мною въ другомъ, именно, что плетей многогихъ отношеній можетъ стоить и даже превосходить свѣтскій человекъ.

— Вы надѣетесь обнаружить великую душу и обширный умъ, говоря подобныя вещи. Это мода, изысканная мода, и не къ многимъ изъ свѣтскихъ людей пристала она. Вы не перескитаете этой моды, потому-что въ глубинѣ души вы аристократъ и меньше меня; я не вѣрю, чтобъ вы чувствовали серьезную симпатію къ птачицѣ. Но дайте мнѣ докончить мою параллель, и вы увидите, что вы не умѣли сохранить передо нашего эстетическаго *insigne*. Желая, чтобъ вамъ удивлялись, вы не расточили своей молодости; вы очень-хорошо поняли, что идеалъ не существуетъ для умной женщины, знающей мужчину во всѣ часы его жизни. Вы никогда и не любили; вы всегда дѣйствовали такъ, чтобъ поражать умъ любопытнаго пола, не позволяя ему овладѣть вашей волей. Вы, я знаю, изобрѣтали страсти, но не испытывали ихъ. Что отличаетъ насъ другъ отъ друга и что придаетъ моей гордости больше заслуги въ сравненіи съ вашею, — это привилегія вашего пола. Вы не приносили обыкновенныхъ насладеній въ жертву на алтарь достоинства. Ваши модели были моделями по выбору, дѣвушки дивно прекрасныя и такія молодыя, что вамъ нечего было краснѣть передъ многими, подозрѣвать, что вы избрали ихъ себѣ въ любовницы. Вы уверили себя, что любовь этихъ божественныхъ дѣвъ народа, и чтобъ колынуть самолюбіе свѣтскихъ женщинъ, говорили, будто физическая красота влечетъ за собою нравственную, что простота этихъ необразованныхъ душъ — природный храмъ истинной любви, — и мало ли что еще! Все это можетъ-быть, и истинно, только вы никогда не вѣрили имъ, проповѣдуя ихъ; сколько мнѣ известно, ни одна изъ этихъ плетей свѣтскихъ богинь не плѣнила васъ вполнѣ, ни привязала къ себѣ надолго. Ваятель, вы видѣли въ нихъ только статуи; а что касается до женщинъ вашей касты, вы никогда не старались сблизиться съ

ма, которая научила. Наверное, съ нами-то вы и разыгрываете роль, которую приписываете мнѣ; вы съ удивительнымъ искусствомъ и поэзіею выставляете передъ нами байроническія страсти, но никому не позволяете приблизиться къ вашему сердцу настолько, чтобъ можно было схватить грызунаго его червяка тщеславія.

Леонсъ долго молчалъ вѣсьма того, какъ Сабина перестала говорить. Онъ, вѣзавшись, погружился въ глубокое уныніе, и эта скорбь, нежданная нощь бичомъ критики, поставила его въ эту минуту далеко-выше надъ мстительною, бичевавшею его женщиною. Сабина имѣла это и поняла мужественнѣйшую черту въ духѣ мужчины: безеніе или безрепотную покорность истинѣ, съ которой такъ покладно еражаются воспитаніе и привычки женщины. Она упрела себя въ увлеченіи, потому-что видѣла, какъ Леонсъ упрекать бо въ томъ же и съ ужасомъ глядѣлъ въ свое сердце. Ей хотѣсь утѣшить его въ нанесенномъ ему огорченіи, но она побоялась, и крестся ли въ его раздумьѣ глубокая ненависть и какой-нибудь шагъ утѣченнаго мщенія. Эта мысль поразила ее до глубины сердца; она, подобно Леонсу, была лучше своего портрета, и очники чувства еще не вѣскали въ ней. Напрасно старалась она держать слезы; Леонсъ услышалъ ея рыданіе.

— О чемъ вы плачете? сказалъ онъ, становясь на колѣни у ногъ и хватя ея руку.

— Я оплакиваю нашу погибшую дружбу, отвѣчала она, наклоняясь къ нему и уронивъ нѣсколько слезъ на его прекрасные волосы. — Мы смертельно ранили другъ друга, Леонсъ; мы уже не любимъ другъ друга. Но дѣло сдѣлано, и такъ-какъ нечего оплаться, что любовь испортить прошедшее, позвольте мнѣ оплакивать это чистое и прекрасное прошедшее! Позвольте высказать вамъ то, что, вѣроятно, вы не понимали, потому-что съ веселымъ душою устроили этотъ смертный бой. Я любила васъ тихою, истинною дружбою; я отдыхала на вашемъ сердцѣ, какъ на сердцѣ брата; я надеялась находить въ васъ въ-продолженіи всей моей жизни совѣтника и защитника. Недостатки ваши были въ моихъ глазахъ невелики, достоинства велики. Теперь прощайте, Леонсъ. Отвѣтите меня къ мужу. Вы были правы, говоря, что сегодня я испытала неожиданныя, столь ужасныя ощущенія, что не забуду ихъ всю жизнь. Я не думала, что они будутъ такъ горьки, и не понимаю, зачѣмъ вы ихъ пробудили во мнѣ. Но въ ту минуту, когда я чувствую, что все между нами кончено, я чувствую также, что скорбь беретъ верхъ надъ негодованіемъ, и не хочу, чтобъ прощальное слово наше было — проклятіе.

Сабина коснулась губами лба Леонсова, и этотъ чистый, скорбный

поцалуй, единственный въ ихъ жизни, связавъ узелъ, который считала порваннымъ.

— Нѣтъ, милая Сабина, отвѣчалъ онъ, осыпая руки ея страстными поцалуями. — Это не прощаніе, и ничто между нами не кончено. И мнѣ теперь дороже нежели были когда-нибудь, и я съумѣю возвратить то, что рисковалъ сегодня утратить. Я приложу все свое стараніе тронуть ваше сердце, и вы будете тронуты, еслибъ дама и хотѣла. Успокойтесь же, благородный другъ мой. Ваши слезы падаютъ мнѣ на сердце и оживляютъ его какъ благотворная роза, упавшая на умирающее растеніе. Въ томъ, что мы высказали другъ другу, есть правда, даже много правды; но это относительно, не действительныя истины. Поймите хорошенько это различіе. Мы оба художники и не можемъ заняться чѣмъ-нибудь съ одушевленіемъ безъ того, чтобъ логика, пластика, если угодно, не увлекла насъ отъ вывода къ выводу до удивительнаго синтеза. Но этотъ синтезъ — призракъ, и увѣренъ въ этомъ за васъ и за себя. Въ насъ есть недостатки, въ которыхъ мы упрекнули другъ друга; но это случайности нашего характера, случаи жизни. Разбирая ихъ съ жаромъ мы *одолевались* до такой степени, что преобразили ихъ въ существенныя пороки нашей натуры, въ дурныя привычки поведения. А между-тѣмъ, ничего этого нѣтъ, потому-что вотъ мы, дуемъ въ душу, плачемъ при мысли о разлуцѣ, чувствуя, что это для насъ невозможно.

— Вы правы, Леонсъ, сказала леди Г., отирая слезу и коснувшись прекрасными руками своими глазъ Леонса, можетъ-быть въ навѣнной вниманности, можетъ-быть, чтобъ убѣдиться, что и въ его глазахъ она видитъ истинныя слезы. — Мы сочинили, не правда ли? И найтъ остается только рѣшить, кто изъ насъ былъ искуснее — кто-естъ, болѣе лгалъ?

— Я, потому-что я началъ, и требую преміи. Въ чемъ онъ будетъ состоять?

— Въ моемъ прощеніи.

— И въ поцалуѣ на эту прекрасную руку, на которую я всегда смотрѣлъ съ такимъ ужасомъ.

— Вотъ вы опять дѣлаетесь художникомъ, Леонсъ.

— Почему же и не такъ?

— Безъ поцалуевъ, Леонсъ. Можно найти что-нибудь лучше. Проведемъ вмѣстѣ остатокъ дня; примитесь опять за роль доктора, только не давайте мнѣ такихъ сильныхъ припадковъ.

— Невольте, обратимся къ гомеопатіи, сказала Леонсъ, взявъ руку, которую она оставила ему какъ-будто машинально, и отдернула, увидѣвъ, что неприятна проснулась. — Лежитесь опять въ койку и засните. Я буду васъ потихоньку качать; эти слезы уже

или васъ; жаръ нестерпимъ, и мы должны дожидаться, пока солнце будетъ ниже.

Странность и тревожность впечатлѣній Леонса безпокоили лэди Г. Во взглядъ его было выраженіе, какого она до-сихъ-поръ въ немъ не замѣчала, и по неровному качанію койки она могла догадаться, что рука его дрожала. Она обрадовалась, когда возвратилась Мадлена. Подразнивъ негритянку, пощекотавъ ей травою рѣсницы и губы, она пришла полюбоваться койкой и насильно свинтить Леонса въ его занятія.

— Она съ нами слишкомъ за-просто, вы уже избаловали ее; скажите Леонсъ Сабинѣ по-англійски. — Позвольте отогнать эту обуюющую птицу.

— Нѣтъ! отвѣчала лэди Г. съ видимою тоскою:— пусть она меня мучаетъ; ея движенія осторожнѣе вашихъ, и притомъ вы такъ умны, что мнѣ трудно заснуть вблизи васъ. Короткость этой дѣвочки раздражаетъ меня; мнѣ надоело служеніе на колѣняхъ.

И она заснула или притворилась спящею; Леонсъ удалился, дождавшись больше нежели когда-нибудь.

Онъ вышелъ изъ роши и шелъ нѣсколько времени на-удачу. Скоро замѣтилъ онъ священника съ удочкой и жокея, пришедшаго къ нему побесѣдовать, между-тѣмъ, какъ лошади паслись на свободѣ, не удаляясь изъ вида, а коляска стояла гораздо-дальше въ тени. Будучи увѣренъ, что найдетъ ихъ когда захочетъ, Леонсъ углубился въ дикое ущелье и шелъ быстро, стараясь успокоить раздраженный и возмущенный духъ свой.

Дурное расположеніе души его скоро разсыялось при видѣ расогъ природы. Онъ обогнулъ нѣсколько скалъ и очутился на берегу микроскопическаго озера, или, лучше сказать, лужи чистой, какъ кристаллъ воды, вылитой и какъ-будто спрятавшей въ гранитный воронкъ. Это глубокое озеро, свѣтлое какъ небо, котораго яркую лазурь и золотыя облака оно въ себя отражало, являлось обаяемой частью и покоя. Леонсъ сѣлъ на берегу на уступѣ скалы, сходящей природными ступенями, какъ-будто приглашая священника спуститься къ берегу спокойныхъ водъ: Онъ долго смотрѣлъ на нѣсколькихъ, одѣтыхъ въ бирюзу и рубины и мелькавшихъ по водянымъ растеніямъ; потомъ въ зеркаль озера мелькнула стая дикихъ голубей, пролетѣвшихъ и исчезнувшихъ въ воздухъ какъ видѣніе, съ быстротою мысли. Леонсъ подумалъ, что мгновенья жизни пролѣтаютъ также быстро, также неуловимо, и; подобно этому отраженію, онъ не что иное, какъ тѣни. Потомъ онъ подумалъ, что смѣшно высиживать нѣмецкія метафоры, и позабавился спокойствіемъ души священника, который въ этомъ прекрасномъ озерѣ видѣлъ бы только хорошій резервуаръ для форелей.

Надъ нимъ послышался легкій шумъ. Съ минуту онъ думалъ что это пришла Сабина; но сердце его перестало биться, когда онъ увидѣлъ человека, сходявшаго къ нему по уступамъ скалы.

Это былъ дѣтина высокаго роста, одѣтый болѣе нежели бѣлымъ онъ несъ на плечѣ палку, и на концѣ ея небольшой узелокъ, завязанный въ красномъ и голубомъ платкѣ. Лохмотья его, его длинные волосы, ниспадавшіе на бѣдное, рѣзкое лицо, густая, черная какъ смоля борода, небрежная походка, и что-то насмѣшливое, — эта характеристическая черта во взглядѣ бродяги, когда онъ встрѣчается съ богатымъ съ-глазу-на-глазъ, — все это придавало ему видъ явнаго негодяя.

Леонсу сейчасъ пришло въ голову, что мѣсто очень-глухое и что незнакомецъ стоитъ гораздо-выгоднѣе его, потому-что тропинка узка для двоихъ, и если заспорить за нее, такъ озеро скоро прійметъ въ свои нѣмыя, таинственныя воды того, у кого кулакъ не такъ силенъ и кто занимаетъ худшее положеніе.

Впрочемъ, этотъ случай не очень встревожилъ Леонса; онъ принялъ равнодушный видъ и съ философскимъ спокойствіемъ ждалъ встрѣчи съ этимъ молодцомъ. Онъ могъ, однакоже, съ легкимъ нетерпѣніемъ считать шаги его, пока тотъ не сошелъ по уступамъ скалы и не очутился какъ-разъ возлѣ него.

— Извините, что я васъ беспокою, сказалъ незнакомецъ мягкимъ голосомъ и рѣзко-южнымъ выговоромъ: — будьте такъ добры, ваша милость, посторонитесь немного и дайте мнѣ напиться.

— Требованіе самое справедливое, отвѣчалъ Леонсъ, давая ему дорогу и всходя уступомъ выше, такъ, чтобъ стать тотчасъ за нимъ.

Незнакомецъ снялъ свою разорванную соломенную шляпу, сталъ на колѣни и жадно погрузилъ въ воду свою дикую бороду и половину лица. Онъ началъ хлебать какъ лошадь, и Леонсу очень хотѣлось посвистѣть, какъ свистуэтъ этимъ нетерпѣливымъ и шутовскимъ животнымъ на водопой.

Но онъ удержался отъ этой шутки и позавидовалъ гордой утробности, съ которою этотъ негодяй прилегеъ у ногъ его, головою впередъ, тѣломъ назадъ, забывая, кажется, что въ случаѣ недоразумѣнія эта встрѣча можетъ быть несчастною для одного изъ нихъ. «Вотъ единственное счастье бѣдняка» подумалъ Леонсъ: «онъ безопасенъ при подобныхъ встрѣчахъ. Насъ двое, и можетъ-быть мы равно сильны; однакожъ, одинъ не могъ бы пить при другомъ, не оглядываясь украдкою назадъ; богатый не можетъ пить даромъ съ такимъ наслажденіемъ».

Напившись вдоволь, бродяга приподнялся и, сидя на корточкахъ, сказалъ: «Эта вода для питья ужасно-тепла; входя въ поры, она

вѣшать, вѣроятно, больше, нежели входя въ горло. Какъ вы об этомъ думаете, сулдарь?»

— Не пришла ли тебѣ охота выкупаться? сказалъ Леонсъ, не шая, не угроза ли это.

— Да, хочется, отвѣчалъ незнакомецъ, и спокойно началъ разгѣться; это не много заняло времени, потому-что лишняго на немъ не было. Едва-ли можно было найти хоть одну цѣлую петлю.

— Утѣшь ли ты по-крайней-мѣрѣ плавать? спросилъ Леонсъ.— Это широкій колодезь; вотъ тутъ вовсе нѣтъ берега, и скала опускается стѣною вѣроятно очень-глубоко.

— Можете положиться на оставшаго профессора плаванія въ айскомъ-Заливѣ, отвѣчалъ онъ, и спокойно снявъ обрывокъ, служившій ему вместо рубанки, бросился въ озеро съ непринужденостью водяной птицы.

Леонсъ любовался, глядя, какъ онъ погружился въ воду, исчезъ и нѣсколько минутъ, потомъ появился на поверхности воды нѣсколько-дальше, мгновенно перевернулъ узкую площадку озера, лег на спину, становилась прямо, какъ-будто стоя на землѣ, плавалъ брызгая во все стороны нѣною, — и все это съ натуральною граціею и удивительною силою.

Скоро, однакожь, онъ возвратился къ подножію скалы, и такъ-какъ берегъ былъ действительно очень-крутъ, попросилъ Леонса протянуть ему руку и помочь выйти. Молодой человекъ согласился съ удовольствіемъ, но былъ на-сторожѣ, опасаясь, чтобы тотъ не улетѣлъ его неожиданно въ воду. Когда незнакомецъ вылезъ и сѣлъ на согрѣтый солнцемъ камень, Леонсъ невольно появился силъ и красотѣ его тѣла, бѣлизна котораго отъвѣчалась загорѣлымъ лицомъ и руками.—Вода холоднѣе, нежели я думалъ, скалъ пловецъ. — Она нагрѣта только сверху; надо окунуться еще глѣ, а то что за удовольствіе! Между-тѣмъ, кстати, можно занять и туалетомъ.

Онъ досталъ изъ тощаго узелка большую раковину, служившую ему вместо чашки, но которую онъ не соизволилъ употребить для питья. Въ нѣсколько приѣмовъ зачерпнулъ онъ ею воды и облилъ себѣ голову и бороду, съ особеннымъ тщаніемъ и наслажденіемъ перестраивая это богатое черное руно; текушіе съ него ручьи уподобляя его какому-то рѣчному божеству. Солнце, ударяя ему прямо въ затылокъ и голову, начинало его беспокоить; онъ вырвалъ пучокъ тростника и осокни и скаталъ изъ него родъ шляпы или панамы, вѣнка изъ зелени и цвѣтовъ. По случаю, а можетъ-быть и въ-слѣдствіе врожденнаго вкуса, этотъ головной уборъ вы-

шелъ такъ художественнѣе, что дополнилъ идею о древнемъ Пеплѣ, которую можно было себѣ составить, глядя на него.

Бродяга вторично ринулся въ озеро, переплылъ на противоположную сторону, и, вышедъ тамъ на болѣе-отлогій и покрытый растеніями скатъ, нарвалъ прекрасныхъ цвѣтовъ бѣлой лиліи и украсилъ ими вѣнокъ свой. Наконецъ, какъ-будто замѣтивъ неприятное удивленіе Леонса, онъ сплелъ себѣ изъ камыша и водяныхъ растеній родъ платья съ поясомъ, и свободный, гордый, прекрасный, какъ первый человекъ, распустился на пескѣ и, казалось, погрузился въ мечты, или заснулъ на солнцѣ въ величественномъ положеніи.

Леонсъ, пораженный совершенствомъ подобной модели, открылъ свой альбомъ и попробовалъ набросать очеркъ этого страшнаго существа, которое, отразившись въ прозрачной водѣ, получало, и людское въ зеленъ и цвѣты, представляло себѣю прекраснѣйшую тѣнь, какою только когда-нибудь художникъ имѣлъ счастье любоваться въ естественной рамкѣ нечеловѣческихъ скалъ, днѣв и лѣтъ и золотистаго вѣтра, удивительно-гармонично соединившись съ главнымъ предметомъ. Потоки свѣта, прерываемые густою тѣнью скалицианскаго отраженія колорита отъ воды на это влажное глыбе, все пробуждало въ Леонсѣ одно изъ совершеннѣйшихъ искусствъ, одно изъ живѣйшихъ поэтическихъ ощущеній, какъ когда-либо испыталъ онъ въ своей жизни. Будучи востелемъ, онъ, однакоже, чувствовалъ красоты цвѣта не меньше красоты формы.

Вдругъ, захлопнувъ альбомъ, онъ бросилъ его далеко отъ себя и сказалъ: «Стыдно мнѣ, что я покусился воспроизвести сцену которую съ жадностью созерцали бы Рафаэль или Веронези Джорджоне, Рубенсъ, или Пуссенъ! Да, только великіе мастера живописи были бы достойны воспроизвести картину, которую подсмотрѣлъ, какъ-будто украсть у случая. Я не умю владѣть кистью, и съ меня довольно подсмотрѣть, почувствовать и запечатлѣть все это въ памяти!»

Бродяга угадалъ, кажется, его мысль; къ великому изумленію Леонса, онъ закричалъ ему по-итальянски, спросивъ сперва, понимаетъ ли онъ это нарѣчіе: «Это въ древнемъ вкусѣ, не правда ли, *signore?* Хотите чего-нибудь въ родѣ Микель-Анджело? Смотрите.» И онъ принялъ позу замысловатѣе, страннѣе первой, но все таки прекрасную, хотя и насильственную, «Теперь à la Рафаэль» продолжалъ онъ, перемѣняя положеніе: «это граціознѣе и естественнѣе; но что ни говорите, а мускулы и здѣсь играютъ слишкомъ важную роль... И у Джуліо Романо не безъ того, но, впрочемъ, этимъ пренебрегать нельзя.» И ставъ въ позу à la Джуліо Романо, онъ принялъ свое первое положеніе, говоря: «Эта поза лучша

хъ, это въ родѣ Фидіаса, и сколько ни вщи, лучше ничего не вщешъ.»

— Такъ ты натурщикъ? сказалъ Леонсъ, разочарованный только въ томъ, что сначала показалось ему въ этомъ человѣкѣ припущеннымъ и наивнымъ.

— Да, натурщикъ; впрочемъ, занимаюсь кое-чѣмъ и другимъ, вѣчалъ пловецъ, ставъ посреди озера на скалѣ, выступавшей ровкомъ и рисуясь на ней какъ на пьедесталѣ. Еслибъ у меня бы здѣсь старинный сосудъ, я представилъ бы вамъ, съ этимъ вышемъ, группу въ версальскомъ вкусѣ, хотъ мнѣ и не случалось еще бывать въ Версали; но у насъ въ Неаполѣ много вещей въ томъ стилѣ. Съ тамбуриномъ я показалъ бы вамъ разныя неаполитанскія фигуры, у которыхъ въ мизинцѣ больше граціи и ума, чѣмъ во всѣхъ гранитныхъ и бронзовыхъ массахъ вашего великаго вѣка. Но такъ-какъ я не могу потянуть вашихъ глазъ, по-пу по-крайней-мѣрѣ вашъ слухъ. Если вы Апполонъ, не судите меня какъ Марсіаса; но будь вы хотъ какой-нибудь знаменитый маэстро, вы должны согласиться, что голосъ хорошъ. Я чувствую, что холодная вода и сильныя позы расширили мои легкія, мнѣ ужасно хочется пѣть.

— Пой, сказалъ Леонсъ.—Если голосъ птицы не хуже перьевъ, тебѣ вѣчего бояться моего суда.

## VI.

Итальянецъ пропѣлъ на своемъ гармоническомъ языкѣ три строки, замечательныя гиперболическимъ гениемъ его націи и вольнымъ переводомъ которыхъ мы представляемъ здѣсь читателю. Они относятся къ одному изъ тѣхъ напѣвовъ Южной-Италіи, о которыхъ нельзя сказать, образцовыя ли они произведенія великихъ художниковъ, или мужественныя, случайныя вдохновенія народной музыки:

Летите, благородные синьоры, въ своихъ пестрыхъ гондолахъ; напрасно будете вы понуждать смѣлыхъ гребцовъ; я обгоню васъ съ моими гибкими какъ волна и бѣлыми какъ пѣна ручьями. Покрытый лохмотьями, я одинъ изъ послѣднихъ на землѣ; я свободный и нагой, я царь волны и повелитель всѣхъ васъ. Летите, благородныя дамы, на своихъ простыхъ лодкахъ; напрасно будете вы отворачивать голову, закрывать вѣеромъ свое пыльное чело; мой образъ будетъ привлекать ваши взоры, и вы украдкой будете слѣдить за черными волосами моими, волнующимися по водѣ. Въ лохмотьяхъ, я заставляю васъ отсту-



«спать отъ меня съ отвращеніемъ; но свободный и нагой, я царь и властелинъ вашихъ сердець.

«Плывайте, птицы морскія и рѣчныя; разскайте коралламъ «косами качающія васъ горькія волны. Я съ своей твердой какъ и «грудью, съ гибкими какъ ваша шея руками, послѣю за вами «ваши гнѣзда, сдѣланныя изъ водорослей и раковинъ. Покрытъ «лохмотьями, я васъ пугаю; но, свободный и нагой, я царь волн «и вы считаете меня за своего!»

Голосъ пѣвца былъ прекрасенъ, и ни одинъ знаменитый артистъ не превзошелъ бы его въ свободѣ интонаціи, наивности манеры силъ восторженнаго чувства. Леонсъ подумалъ, что онъ пережилъ въ Салернскій или Тарентскій-Заливъ, подъ небо вдохновеннаго поэзіи.

— Клянусь Амфитритой! воскликнулъ онъ: — ты великій поэтъ и великій пѣвецъ, благородный юноша! Не знаю, какъ награждать тебя за доставленное мнѣ удовольствіе. Что это за чудесныя поэзіи? Что за странныя слова?

— Пѣсню сложилъ, должно-быть, какой-нибудь гений, забывшись на вершинахъ Аппениновъ, передалъ ее эху, а оно шло и шло на ухо пастухамъ и рыбакамъ; но слова—мои, сильноречивыя съ вашего позволенія, я, когда мнѣ вздумается, импровизирую. Нашъ мелодическій языкъ способенъ ко всему, и когда какая-нибудь мысль прійдетъ въ голову намъ, природнымъ поэтамъ, тамъ солнца, за выраженіемъ дѣло не станеть.

— Повтори мнѣ слова, мнѣ хочется записать ихъ.

— Если я повторю ихъ, такъ уже иначе. Мои пѣсни улетаютъ отъ меня, какъ пламя съ очага; я могу возобновить ихъ, но не помнить. Вы, можетъ-быть, находите ихъ немного-напыщенныя; это привилегія поэта; отнимите у него тщеславіе, вы лишите гения.

— Ты имѣешь право хвалиться, потому-что ты привилегированная натура, отвѣчалъ Леонсъ. — Къ какому бы сословію ты принадлежалъ, ты заслуживаешь быть въ числѣ первыхъ на эмпире. Ты очаровалъ меня; пооди сюда, разскажи мнѣ свое горе, хочу прекратить его.

Незнакомецъ вышелъ на берегъ.

— Увы! сказалъ онъ:— вы видѣли древняго Фавна во всей свободѣ, человека природы во всей его поэзіи. Теперь вы увидѣте лохмотника во всемъ его безобразіи, во всей нищетѣ; я надеюсь опять надѣть эту печальную диврею, въ ожиданіи, пока сама оставитъ меня, или пока я найду способъ употребить свой талантъ на поправку гардероба. Вы, кажется, удивляетесь? Подойдите къ вамъ, я съ самаго начала замѣтилъ по вашимъ глазамъ,

ужность моя васъ отталкиваетъ. Вы нашли меня гадкимъ, могъ-быть даже внушающимъ ужась. Но когда я сбросилъ нисское рубище, когда эта чистая вода смыла съ меня грязь, когда вы увидѣли меня очищеннымъ отъ тины и пыли дорогъ,—это то, служившее иногда моделью для первыхъ скульпторовъ моего отчества, это лицо, неизмѣтное развратомъ, юное и прекрасное, не смотря на трудъ и лишения, эти члены, въ которыхъ природа выказала всю свою роскошь, и это чувство прекраснаго, заключающееся на лицѣ и во всѣхъ вѣримахъ разумнаго существа, словомъ все то, что ставитъ меня, нагаго, наравнѣ или даже не людей прекрасно-одѣтыхъ,—все это поразило васъ, и вы побоялись назначить мнѣ место въ своихъ художническихъ впечатлѣніяхъ. Но вы назначили его неудачно, я въ этомъ увѣренъ; изведенія искусства ничто, если они не могутъ превзойти твой Богъ. Если вы живописецъ, вы встрѣтите меня когда-нибудь своихъ воспоминаніяхъ, когда сойдемъ на васъ вдохновеніе. ерь вы не воспроизведете меня!.. Тѣмъ болѣе, прибавилъ онъ горькою улыбкой:—что пьеса сыграна, и очаровательность моя часть скроется подъ нищетою.

Тотъ человѣкъ выражался съ необыкновенною непринужденною, съ непостижимымъ тономъ благородства. Лицо его, озаренное лучомъ энтузіазма и тотчасъ же подернувшееся глубоко-скорбнымъ чувствомъ, было красоты несказанной; никогда еще вниманіе Леонса не было привлечено болѣе-благородными чертами, боестойкимъ и пронзительнымъ выраженіемъ лица.

— *Послушайте!* сказалъ онъ, увлеченный невольнымъ чувствомъ ижепія:— вы, конечно, выше того низкаго состоянія, о которомъ говорить ваша наружность. Вы какой-нибудь несчастный южаникъ. Позвольте помочь вамъ и вознаградить васъ такимъ образомъ за доставленное мнѣ поэтическое наслажденіе.

Но незнакомецъ, по-видимому, не слышалъ словъ Леонса. Пришедши къ берегу, онъ съ видимымъ отвращеніемъ разворачивалъ негодныя лохмотья, которыми принужденъ былъ прикрыть оту свою.

— Вотъ, сказалъ онъ, выпуская изъ рукъ рубище:— наказаніе, того дай Богъ не знать вамъ! Итальянецъ любитъ нарядъ, хункикъ любитъ роскошь, духи, чистоту, любитъ пожить, любитъ роскошную нѣгу, обновляющую душу и тѣло послѣ мужественныхъ, благотворныхъ упражненій. Никто не пойметъ, чего мнѣ хотѣлось показываться передъ людьми, особенно передъ женщинами, разорванной блузѣ и брюкахъ à jour.

— О! я васъ понимаю и жалѣю о васъ, отвѣчалъ Леонсъ:— слава Богу, я сегодня же могу переменить ваше непріятное

положеніе. Теперь довольно-жарко, и вы можете подождать меня здѣсь на солнцѣ съ четверть часа; даю вамъ слово, что черезъ четверть часа я возвращусь съ платьемъ, которое удовлетворитъ вашей благородной и законной фантазіи. Подождите меня.

Итальянецъ не успѣлъ еще отвѣчать, какъ Леонсъ бѣжалъ уже по тропинкѣ; онъ вынулъ изъ кошелька изящный, легкій зонтикъ и причесъ его на берегъ озера. Итальянецъ былъ снать въ воду; онъ свладалъ буметь изъ прекраснѣйшихъ водяныхъ цвѣтовъ, и неcessа его Леонсу съ наивно-торжественнымъ видомъ, и предложилъ его съ граціею и чувствомъ.

— Я больше ничего не могу дѣть вамъ въ замятъ того, что вы мнѣ принесли, сказалъ Итальянецъ:— у меня нѣтъ ничего въ цѣломъ мрѣ; но, благодаря своей ловкости и смѣлости, я могу доставать рѣдчайшія сокровища природы, прекраснѣйшіе цвѣты, драгоцѣннѣйшіе минералогическіе образцы, кристаллы, окаменѣлости, горныя растенія; все это могу я вамъ доставить, если хотите, чтобы я сопутствовалъ вамъ въ прогулкахъ; если съ вами есть ружье, могу застрѣлить орла и серну и повергнуть ихъ къ ногамъ вашей дамы. Я самый ловкій охотникъ, какого вы только встрѣчали такъ же какъ лучшій ходокъ и лучшій пловецъ.

Не смотря на эту итальянскую хвастливость, выходка молодого челоука не сдѣлала непріятнаго впечатлѣнія на Леонса. Этотъ Итальянца, озаренное радостью и признательностью, сіяло свѣтлою откровенностью, пробуждающею къ нему невольное расположеніе. Въ десять минутъ, бродяга преобразился въ молодого иегола лучшаго тона, одѣтаго въ дорожный костюмъ. Въ чемоданѣ Леонса былъ только утренній гардеробъ, но для деревенскаго туалета было всего вдоволь: легкіе, изящнаго покроя жилеты, шейные платки свѣжихъ, тонкихъ цвѣтовъ, превосходное бѣлье, лѣтніе панталоны изъ вычурныхъ матерій, лакированные башмаки, штилеты изъ свѣтлаго казимира съ перламутровыми пуговицами. Итальянецъ безъ церемоніи выбралъ себѣ все лучшее. Онъ былъ почти одного роста съ Леонсомъ, и платье сидѣло на немъ какъ-нельзя-лучше; онъ не забылъ взять и пару перчатокъ, и съ жадностью наслаждался ихъ ароматомъ. Преобразовавшись съ ногъ до головы, онъ бросился въ объятія своему новому другу, говоря, что онъ обязанъ ему величайшею радостью, какою только испытывалъ въ своей жизни. Потомъ онъ столкнулъ ногою въ воду тряпце, приводившее его въ ужасъ, развязалъ узелокъ, бросилъ грубый платокъ, въ котомъ все было завернуто, тоже въ воду, и къ величайшему удивленію Леонса досталъ женскій портретъ, осыпанный брилліантами, довольно-тяжелую золотую цѣпь и два батистовые платка.

шитые кружевами. Вотъ все, что было въ его дорожномъ сакѣ.

— Вы удивляетесь, видя, что человекъ въ родѣ нищаго сохранялъ такіе предметы роскоши, сказалъ онъ, дразируя какъ-можно-красивѣе золотую цѣпь на бѣломъ жилетѣ; это все, что осталось мнѣ отъ моего минувшаго блеска, и я разстался бы съ этими вещами только при послѣдней крайности. *Che volete, signor mio? azia!*

— Такъ вы были богаты? спросилъ Леонсъ, пораженный необходимостью его въ новѣмъ костюмѣ.

— Богатъ на недѣлю — бывалъ разъ сто. Вы хотите знать мою исторію? я расскажу вамъ ее.

— Расскажите дорогой; ступайте за мною, сказалъ Леонсъ. — Идемъ этотъ чемоданъ ко мнѣ въ коляску.

— Вы въ дорогѣ, синьйоръ?

— Нѣтъ, на прогулкѣ, и можетъ-быть на нѣсколько дней. Хотите вы участвовать въ ней?

— Очень-радъ, тѣмъ болѣе, что могу быть для васъ въ одномъ и приятенъ и полезенъ. Я не безъ маленькихъ талантовъ, и въ теченіи восьми дней, что брожу здѣсь, узналъ уже эти горы какъ свой пять пальцевъ. Я не могу нигдѣ оставаться. Голова моя запрѣстайно уноситъ ноги, чтобъ отместить сердцу, которое ежедневно уноситъ голову. Но чтобъ объяснить вамъ мой способъ путешествія, то-есть мой образъ жизни, я долженъ раскрыться передъ вами вполне.

«Не знаю, гдѣ я родился, не знаю, какой знатной грѣшницей или несчастной заблудшей дѣвушкѣ обязанъ жизнію. — Жена торговца рыбою нашла меня однажды утромъ въ полѣ близъ дома, на берегу Тибра, и назвала меня Теврино, иначе: *Tiberinus*. Мнѣ было года два; я не могъ сказать ни откуда я, ни кто мои родители. Хорошая женщина воспитала меня, не смотря на свою бѣдность. У ней не было сыновей, и она надѣялась, что я прииду помогать ей, когда буду въ состояніи работать. Къ несчастію, я родился нетрудолюбивымъ; природа одарила меня лѣнностью, и это всегда наводитъ меня на мысль, что я происхожу отъ знатной крови, хотя по образу мыслей и принадлежу къ черни. Одинъ изъ двухъ виновниковъ дней моихъ немощно былъ изъ рода бѣдняковъ, которымъ суждено все производить своими руками; и что касается до моего проблематическаго происхожденія, съ этой стороны я краснѣю за него всего больше. Ребенкомъ я любилъ ловить рыбу, но любилъ ловить больше какъ искусство, нежели какъ промыселъ. Дѣ, я чувствовалъ уже, что рожденъ для изобрѣтеній. Я съ жаромъ владался

въ опасныя и сильныя упражненія, и не былъ падохъ на барыши. Подстеречь, схватить добычу—это доставляло мнѣ неописанное удовольствіе; но я не умѣлъ торговаться и продавать ее. Дешевъ я терялъ, или давалъ въ займы первому встрѣчному. Сердце меня было доброе, и я ни въ чемъ не могъ отказать мнѣ на ленькимъ товарищамъ. Я помогалъ имъ выгодно продавать ихъ товаръ, вмѣсто того, чтобъ стараться сбыть свой. Словомъ, я приводилъ въ отчаяніе мою бѣдную воспитательницу своимъ безгорыстіемъ и щедростію, которыя она называла глупостію и дурнымъ поведеніемъ.

«Между-тѣмъ, я росъ и крѣпчалъ; она старѣла и слабѣла. Кончилось тѣмъ, что однажды, не имѣя силъ поколотить меня,—что было до-тѣхъ-поръ ея единственнымъ утѣшеніемъ, — она выгнала меня изъ дома, давъ мнѣ на дорогу свое проклятіе и два кардина.

«Мнѣ было десять лѣтъ; я былъ хорошъ собою, какъ Кувидетъ. Одинъ извѣстный живописецъ замѣтилъ меня на улицѣ и шлыкъ къ себѣ; я служилъ ему моделью. Съ меня списалъ онъ святого Іоанна-Крестителя ребенкомъ, потомъ Джіотто, потомъ Іисуса, учающаго въ храмѣ. Наконецъ, когда моя фигура сдѣлалась ему больше не нужна, онъ далъ мнѣ 20 золотыхъ монетъ и отпустилъ, совѣтуя одѣться получше, если я хочу найти себѣ мѣсто и заработать хлѣбъ. Я чувствовалъ уже, что во мнѣ пробуждается наклонность къ роскоши, но понималъ, что теперь не время удовлетворить ей. Я побѣждалъ къ своей воспитательницѣ, отдалъ ей все, что у меня было, и когда она, тронутая добротой моего сердца, хотѣла удержать меня у себя, объявилъ ей, что независимость мнѣ понравилась, и что я хочу избрать себѣ занятіе по волѣ.

«Занятіе нашлось скоро, то-есть ихъ нашлось сто, и я ни одному не посвящалъ себя исключительно. Я любилъ перемѣны; во мнѣ родилась страсть къ свободѣ, необузданное желаніе узнавать все, что мнѣ казалось прекраснымъ и благороднымъ. У меня развивался уже прекрасный голосъ; наружность и умъ говорили въ мою пользу. Будучи увѣренъ, что могу очаровывать глаза и слухъ, я ни о чемъ не заботился и думалъ только о развитіи своихъ природныхъ способностей. Я былъ попеременно натураликомъ, лодочникомъ, жокеемъ, хористомъ, театральнымъ фигурантомъ, улочнымъ пѣвцомъ, продавцомъ раковинъ, слугою въ косеѣнѣ, чирроне... Да! Этотъ послѣдній промыселъ и ремесло натуралика доставили мнѣ больше всего прибыли, если не въ-отношеніи къ кошельку, то въ-отношеніи къ уму. Разговоръ съ художниками и ежедневное изученіе образцовыхъ произведеній искусства до такой степени развернули мои идеи, что скоро я началъ сознавать себя, по сужденіямъ и изобрѣтенію, выше скульпторовъ и живописцевъ,

торые старались воспроизводить мою фигуру, — выше путешественность всехъ націй, которыхъ я посвящалъ въ созерцаніе чудесъ ма. Завѣчая невѣжество и духовную нищету людей, съ которыми шлъ дѣло, я все болѣе и болѣе чувствовалъ необходимость быти выше другихъ. Я не любилъ чтенія. Учиться изъ книгъ — работа слишкомъ-холодная и слишкомъ-продолжительная для быстрой моей понятливости. Я старался какъ только могъ сблизиться съ людьми истинно-даровитыми, и, почти всегда жертвуя и этой цѣли собственными выгодами, научился всему изъ разговоровъ. Бывъ лодочникомъ или жокеемъ, я наблюдалъ и узналъ привычки и нравы свѣтскихъ людей; будучи дискантомъ въ хорѣ оперныхъ хористомъ, развилъ въ себѣ музыкальное чувство и нѣлъ сценическое искусство. Распѣвая на перекресткахъ, показывая кукольную комедію и торгуя бездѣльцами, изучилъ я всѣ эссы и позналъ ошущенія публики и причины ихъ. Я былъ какъ и сметливъ, смѣлъ и скроменъ, умѣлъ уговаривать и езиралъ обманъ, — у меня вездѣ были друзья и нигдѣ не было покровителя. Принять чье-нибудь покровительство — значить гупить въ зависимость; все похожее на это мнѣ ненавистно... жаренный безпримѣрнымъ талантомъ подражанія, увѣренный въ то, что могу позабавить, растрогать, удивить кого бы то ни было, не прожилъ ни одного часа, въ который не могъ бы разсчитать на мои неизсякаемыя средства.

«По-шрѣ-того, какъ я мужалъ, эти средства не уменьшались, а еслтерались. Когда настала пора нравиться женщинамъ... счастье шло за меня, но я не употреблялъ его во зло. Та же лѣсть, которая не давала мнѣ расточать совершенства моего искусства на ремесло торговца рыбою, и которая въ сущности была то иное, какъ инстинктивное уваженіе къ сохраненію моего могущества, — не покидала меня и въ сношеніяхъ съ прекраснымъ юнъ. Разборчивый и скрытный, я ненадого привязывался къ юку, не предавался эгоизму, хотѣлъ жить сердцемъ, чтобъ аться совершеннымъ и непобѣдимымъ въ моей гордости. Я лъ милосердъ безъ принужденія; мнѣ часто измѣняли, но меня не ганывали. Я побѣждалъ многихъ соперниковъ, но не унижалъ ъ. У меня было много связей, и я умѣлъ разрывать ихъ безъ ады и горечи. Вотъ портретъ женщины, которая до того му- та меня своею ревностью, что я принужденъ былъ ее покинуть; я берегу портретъ ея въ память доставленныхъ ею мнѣ удоволь- ній, не показываю его никому, и не продаю брильянтовъ, хотя гъ уже восьмой день питаюсь только чернымъ хлѣбомъ и козьимъ локотъ.»

— Но что же причиною вашей теперешней нищеты? спросил Леонсъ.

— Съ одной стороны, любовь къ путешествіямъ, съ другой — любовь, чистая любовь, *signor mio!* Едва удавалось мнѣ собрать нѣсколько деижѣнокъ, я оставлялъ ремесло, доставившее мнѣ иль потому-что оно уже не приносило мнѣ удовольствія, уходилъ путешествовать по Италіи. Я прошелъ всѣ ея области, наслаждался доволѣствомъ, когда могъ, подчиняясь самымъ философскимъ лишеніямъ, когда кошелекъ бывалъ пустъ. Часто даже я какъ-то наслаждался этою нищетою, дававшей мнѣ чувствовать цѣну рачтчаемыхъ мною благъ, и ждалъ съ гордостью, пока живыя желавія не заставятъ меня страхнуть сладостную апатію. Иногда хотѣлъ выпутываться изъ стѣсненнаго положенія, чувствуя, что художническое вдохновеніе мое не достигло еще своего апогея, и рѣшался лучше голодать, нежели плохо декламировать въ пѣть. Какое наслажденіе обуздывать свой геній уваженіемъ къ нему! Иногда овладевала мною любовь, и я находилъ удовольствіе разсыпать свое золото передъ моимъ идоломъ; я бывалъ счастливъ еще болѣе, упоенъ выше всякаго описанія, когда разорялся и видѣлъ, что богиня моя привязывается къ моей нищетѣ и любитъ меня тѣмъ болѣе, что мнѣ нѣчего дарить ей. Да! въ такомъ положеніи я ждалъ, бывалъ, долго, не подвергая такой любви новому испытанію, то-есть не подымаясь на колѣсъ фортуны, — потому-что благородное сердце привязывается неотразимо только къ несчастному.

— Тверино, ваши слова проникаютъ мнѣ въ душу, сказалъ Леонсъ. — Если вы не хвастаете, вы одно изъ величайшихъ сердець, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ характеровъ, какіе только удавалось встрѣчать мнѣ. Когда вы начали рассказывать свою исторію, я вспомнилъ заглавіе одной главы у Раблѣ, которое вы, конечно, знаете, потому-что чего вы не знаете!..

— Какъ Пантэгрюель встрѣтился съ Панюржемъ...? сказалъ, смѣясь, Итальянецъ.

— Именно, отвѣчалъ Леонсъ: — и кажется, я могу докончить фразу, котораго полюбилъ на всю жизнь.

— Мнѣ часто приводили эту главу, потому-что всѣ, кто любилъ меня, находили меня у себя подъ ногами. Но я скоро вышлся до уровня ихъ сердца и даже выше головы иныхъ; вотъ въ чемъ я Панюржъ лучшей породы, нежели Панюржъ Раблѣ. Во мнѣ нѣтъ ни его низости, ни цинизма, ни обжорливости, ни хвастливости, ни эгоизма; общее у меня съ нимъ хитрость и случайности счастья. Если вы возьмете меня съ собою на нѣсколько дней, увидите, что, раздѣляя удобства вашей жизни, я не упо-

неблю ихъ во зло ни на минуту. Когда я буду сытъ (и ваше обещаніе надоѣсть мнѣ вѣроятно скорѣе, нежели мое вамъ) — вы видите, что будете жалѣть обо мнѣ, и что «вы» обязаны мнѣ благодарностью.

— Дѣло очень-возможное, сказалъ смѣясь Леонсъ: — хотя я наложу въ васъ сходство съ Панюржемъ, которое вы отрицаете, — именно хвастовство.

— Нѣтъ, тотъ хвастунъ, кто обѣщаетъ и не исполняетъ. . . Не бѣжайтесь, слыша отъ меня, что короткость наша надоѣсть скорѣе вамъ, нежели вамъ. Не вы въ этомъ виноваты: я замѣню въ васъ гевій и великую душу; но внѣшнія обстоятельства, зависящія ни отъ вашей, ни отъ моей воли, — свѣтъ, который обаяетъ меня на минуту и скоро надоѣдаетъ, — иго какого-нибудь обычая, которому я съумѣю покориться только на извѣстное число часовъ, — какое-нибудь лицо, которое васъ очаруетъ, во мнѣ пробудитъ антипатію, — наконецъ, капризъ моего непопояннаго духа, который увлечетъ меня куда-нибудь къ новому положенію вещей, — то или другое заставитъ меня оставить васъ. Но вамъ не придется краснѣть за знакомство со мною, и кляусь вамъ, имя Теверино никогда не будетъ для васъ ненавистно.

— Чувствую, что вы меня не обманываете, отвѣчалъ Леонсъ: — хотя ваше непостоянство и пугаетъ меня. Скажите: можете ли вы затѣять прожить двадцать-четыре часа моею жизнью, преобразовать съ ногъ до головы, въ нравственномъ смыслѣ, въ свѣтскаго человека, какъ преобразились уже наружно?

— Для меня не можетъ быть ничего легче; я буду такъ же доволенъ, такъ же благороденъ въ обращеніи, какъ вы; въ теченіе этого часа, что мы разговариваемъ, я уже изучилъ васъ. Сверхъ того, развѣ я не жилъ за-панибрата съ дворянствомъ, когда меня ласкали изъ-за моихъ талантовъ? Не-уже-ли вы думаете, что еслибъ я захотѣлъ быть всегда однимъ и тѣмъ же, лишитъ себя живыхъ опущеній, удержаться отъ разоренія въ одинъ сутки, и не оставлять маркизы, чтобъ броситься за цыганкой; еслибъ я захотѣлъ, такъ-сказать, *установиться*, подчиниться разнымъ требованіямъ, мучиться честолюбіемъ, подвергнуть свою гордость всѣмъ пыткамъ завистливаго тщеславія, гнѣться передъ карризами вельможъ и вредить моимъ совѣстникамъ, чтобъ упрочить свое счастье и репутацію, — не-уже-ли вы думаете, что я не достигъ бы того же, чего достигли многіе другіе, которые ступили въ свѣтъ въ маленькую дверь художниковъ, и, сдѣлавшись вѣлможками въ свою очередь, имѣли удовольствіе видѣть, какъ пастируются передъ ними на-стежь парадныя двери? Это для меня ничего не стоило бы; но легкость-то и оттолкнула меня. Можете



положиться на мое чувство приличія, покажьтесь мнѣ угодно будетъ подчиниться ему, то-есть, на двадцать-четыре часа, — срокъ, на который я могу согласиться.

— Въ такомъ случаѣ, я выдамъ васъ за одного изъ моихъ пріятелей; скажу, что встрѣтилъ васъ въ горахъ на ботанической экскурсіи или философской прогулкѣ и представляю васъ одной прекрасной дамѣ; вы будете поддерживать ее въ этомъ заблужденіи, покажьтесь я не скажу вамъ, чтобъ вы перестали.

— На такія условія я не могу согласиться; я буду завистъ отъ вашего произвола и это охладитъ мой геній. Договоръ на двадцать-четыре часа, ни болѣе, ни меньше, и обязательство должно быть обоюдное. Я не сдѣлаю ни шага дальше, если вы не дадите честнаго слова не снимать съ меня маски до двухъ часовъ по вѣдуну завтрашняго дня; я вижу по солнцу, что теперь два часа, и безъ-малаго. Съ своей стороны, даю вамъ право, если я идию себѣ раньше условеннаго срока, бросить меня, нагаго, опять въ озеро, въ которомъ вы нашли меня.

— Согласенъ на честное слово, сказалъ Леонсъ.

Леонсъ и Теверино обошли рошу, гдѣ стояла коляска, сиди, и, никакъ незамѣченные, поставили чемоданъ на передокъ, и прежнее мѣсто.

— Подождите меня; я пойду впередъ, сказалъ Леонсъ, ушелъ.

На дорогѣ встрѣтилъ онъ Мадлену, запыхавшуюся, съ койкой въ рукахъ.

— Ея сіятельство ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ, сказала она: — она поручила мнѣ отыскать васъ и сказать, что она очень скучаетъ. Да вотъ она сама идетъ черезъ ручей. Я отнесу это въ коляску.

Леонсъ побѣждалъ подать руку Сабинѣ, не беспокоясь, что Мадлена встрѣтитъ Теверино и не думая о томъ, что она очень-легко могла уже видѣть этого бродягу въ горахъ. Случай, по-видимому, благопріятствовалъ его намѣреніямъ; едва успѣлъ онъ предупредить Сабину, что хочетъ представить ей одного изъ своихъ друзей, какъ Теверино вышелъ изъ роши; птичница шла и нимъ поодаль, смотрѣла на него съ любопытствомъ, и, казалось, видѣла его въ первый разъ.

## VII.

— Маркизъ Тиверино де-Монтефіори, сказалъ Леонсъ: — старинный другъ мой; я былъ увѣренъ, что застаю его за собираніемъ цвѣтовъ для его превосходнаго альпійскаго гербарія. Презв-

тнѣ посылаетъ намъ любезнаго спутника, если вы удостоите его ести быть въ вашей свѣтѣ.

Прекрасная наружность и ловкіе приемы маркиза Теврино сошлись съ лица лэди Г. облако неудовольствія.

— Я по-неволѣ должна вамъ во всемъ повиноваться, шепнула она Леонсу: — сегодня вы мой докторъ и повелитель; я должна исполнять вашимъ предписаніямъ безпрекословно.

— На этотъ разъ, заслуга ваша будетъ не очень-велика, сказалъ Леонсъ: — скоро я сошлюсь въ этомъ на васъ-самихъ. Маркизь, подай руку милэди, а я постараюсь поймать нашего священника и го форедей.

Священникъ совершилъ чудеса; въ упоеніи отъ многочисленныхъ побѣдъ, онъ забылъ и время, и приходажъ. Обо всемъ этомъ нѣ-кого было и говорить ему. Онъ любовался, какъ трепещутся на травѣ серебристыя съ рубинами форедей, и въ большихъ круглыхъ глазахъ его свѣтилась невинная радость. Леонсъ помогъ ему сплестъ изъ травы и тростника садокъ, и форедей, живыхъ, опять погрузилъ въ воду, укрѣпивъ зеленую сѣтку между большихъ камней.

— Милости просимъ ко мнѣ на ужинъ, воскликнулъ священникъ: — форедей будутъ чудо какъ вкусны.

— Кромѣ того, сказалъ Леонсъ:—въ дубовой чащѣ я замѣтилъ превосходные грибы, сочные, огромные, и пришелъ попросить васъ помочь мнѣ собрать ихъ.

— А! воскликнулъ священникъ: — пойдемте скорѣе, покаитѣсь пастухи не сошли еще за коровами. Эти невѣжи растопчутъ грибы; — вамъ непременно надо собрать ихъ. Вы хорошо сдѣлали, что подождали меня; я знаю всѣ виды, годные въ пищу, а березовки надо выбирать съ особеннымъ вниманіемъ, потому-что очень-много ядовитыхъ грибовъ, которые на нихъ похожи.

— Пусть Паниоржъ отдѣлывается, какъ можетъ! подумалъ Леонсъ, увидѣвъ Теврино и Сабину сидящихъ въ нѣкоторомъ разстояніи на группѣ скалъ. Если онъ скажетъ какую-нибудь глупость, — я не хочу красить за нее; но мнѣ лучше покориться слѣдствіямъ испытанія, нежели идти имъ на встрѣчу.

Онъ ушелъ съ собою священника и Мадлену, которая, впрочемъ, казалось, пошла за ними неохотно, говоря, что всѣ грибы ядовиты и годны только на отраву мухамъ.

— Это предразсудокъ многихъ крестьянъ, сказалъ священникъ: — даже тамъ, гдѣ знаніе годныхъ породъ могло бы доставлять имъ сочную и здоровую пищу.

Леонсъ прошелъ мимо Сабины такъ близко, чтобъ она могла пощипать его, если это tête-à-tête ей не нравится. Но она даже какъ-будто не замѣтила его.

Углубившись въ чашу дубовъ, Леонсъ скоро разошелся съ шенникомъ, котораго страсть къ открытіямъ увлекла въ кустарники, и о присутствіи котораго свидѣтельствовали только издали восторженные восклицанія при видѣ новой группы шампиньоновъ. Мадлена покорно слѣдовала за Леонсомъ, держа свою большую соломенную шляпу вмѣсто корзины. Леонсъ клалъ въ нее только двѣты стародубки и листья мяты. Птичница была въ раздумьи, и ему показалось даже, что на блѣокурныхъ рѣсницахъ ея блеснули слезы. — Что съ тобою, милая? спросилъ онъ, взявъ ее подъ руку. — Тебя что-нибудь тревожить?

— Ничего, отвѣчала дѣвушка: — такъ, — глупость; мнѣ кое-что пришло въ голову.

— Что же такое? спросилъ Леонсъ, прижимая ея маленькую ручку къ груди.

— Видите ли, сказала она простодушно: — мой другъ ушелъ сегодня еще до зари къ границѣ.

— Онъ оставляетъ тебя?

— О! сохрани Боже! я не думаю этого. Онъ взялся осмотрѣть въ горахъ одно замѣченное имъ ущелье; братъ говорить, что тутъ невозможно пройти, а онъ, напротивъ, увѣряетъ, что тутъ-то и ловче пропускать контрабанду; онъ не хочетъ быть намъ въ тягость, да и ремесло-то его соблазняетъ; онъ хочетъ помочь брату сыграть какую-то ловкую штуку, и обѣщаетъ возвратиться къ вечеру съ доброю вѣстью. А я боюсь, что онъ вовсе не воротится, и молча все молюсь Богу. Вотъ отъ-чего мнѣ хочется плакать.

— Переходъ къ ущелью, конечно, опасенъ, и ты боишься, чтобъ съ намъ ничего не случилось?

— Нѣтъ, не то. Переходъ, конечно, ужь опасенъ, если братъ считаетъ его невозможнымъ; но другъ мой такъ ловокъ и благо-разуменъ, что на этотъ счетъ бояться нечего.

— Чего же ты боишься?

— Сама не знаю. Не спрашивайте меня, не умѣю вамъ сказать.

— Такъ я скажу тебѣ. Ты боишься, чтобъ онъ тебя не разлюбить, Гдѣ же твоя давнишняя увѣренность?

— Я ошибаюсь, не правда ли?

— Не знаю. Но не-уже-ли ты не утѣшишься, бѣдняжка?

— Не знаю, отвѣчала Мадлена, поднявъ глаза къ небу; — голось и взоры ея выражали не возмутительное сомнѣніе въ вѣрности, но ужасъ неопытности передъ скорбью.

— Дѣйствительно, ты этого не знаешь, сказалъ Леонсъ, внимательно глядя на выраженіе лица ея: — и чувствуешь, что если это и возможно, то по-крайней-мѣрѣ очень-трудно.

— Мне кажется это вовсе невозможно. Впрочемъ, одному Богу известно, какія чудеса можетъ сотворить онъ; вѣдь говорятъ же, что если молить его отъ всей души, онъ ни въ чемъ не откажетъ.

— Значитъ, прежде всего ты станешь просить его, чтобъ онъ избавилъ тебя отъ твоей любви? И объ этомъ молишь ты его, конечно, теперь?

— Нѣтъ, объ этомъ я буду молиться только тогда, когда буду вѣрена, что другъ мой уже не любитъ меня. Если теперь я стану просить сдѣлаться злою къ тому, кто до меня добръ, такой просьбы онъ не можетъ исполнить, еслибъ даже и хотѣлъ.

— Ты думаешь, что должно любить того, кто насъ любитъ?

— Да. Если Богъ позволилъ намъ любить его, такъ онъ не захочетъ, чтобъ его перестали любить по капризу; я думаю даже, что это очень гнѣвить Бога.

— А если есть на это достаточныя причины, тогда дѣло другое?

— Тогда это обязанность. Любить кого-нибудь, кто васъ не обижаетъ, значитъ оскорблять его, досаждать ему, Богъ не захочетъ, чтобъ мы мучили своего ближняго, особенно за оказанное имъ вамъ добро.

— Ты большой философъ, Мадлена.

— Философъ? Не знаю, что это такое.

— Но вѣдь иногда любишь невольно, не смотря на то, что держишься говорить объ этомъ, и мучишь того, кто насъ полюбилъ.

— Да, и это должно быть очень-больно, сказала Мадлена, обидѣвъ при этой мысли.

— Въ такомъ случаѣ, молятся, дитя мое, и Богъ избавляетъ насъ отъ горя. Вѣдь это ты говорила?

— Тяжело молиться, я въ томъ увѣрена. Вѣчно думай просить не объ томъ, чего хочется.

— То-есть, прося объ исцѣленіи, невольно ждешь быть любимой по-прежнему?

— Кажется, что такъ. Впрочемъ, не должно отчаиваться въ милосердіи Бога.

— И Богъ позволяетъ иногда внимать любви другаго?

— Не знаю. Если думаешь о другомъ, да еще дурна собою, удрено кому-нибудь понравится.

— А чудеса Провидѣнія? Что, еслибъ кто-нибудь другой, кромѣ твоего друга, нашелъ тебя прекрасною, и еслибъ твоя любовь и скорбь не только не были бы для него неприяты, но дѣлали бы тебя еще красивѣе въ глазахъ его?

— Вы очень-ласковы и добры, сударь; по всему видно, что

вы врите въ Бога и знаете его милосердіе лучше многіхъ. Вы хотите утѣшить меня, представляя мнѣ вещи такъ; а мнѣ того грустно, что я еще не могу смотрѣть на нихъ по-вашему. Все думаю, какъ горько было бы мнѣ, еслибъ мой милый рабъ былъ меня; еслибъ я не боялась согрѣшить, я подумала бы, что ум...

— Подумай, что еслибъ ты отъ этого умерла, и твой другъ узналъ бы объ этомъ, онъ былъ бы несчастенъ на вѣки.

— И, можетъ-быть, Богъ наказалъ бы его за мою смерть! Нѣтъ въ такомъ случаѣ я не хочу умирать!

— Ты добра и великодушна, Мадлена; предсказываю же тебѣ, что ты не будешь несчастна вполнѣ, и что Богъ не оставитъ сердца, подобнаго твоему.

— Ваши слова отрадны; я всегда хотѣла бы слушать ихъ...

— Что же! Пусть буду я, Мадлена, по-крайней-мѣрѣ твоимъ совѣтникомъ и другомъ. Если случится съ тобою несчастье, я вѣрюсь мнѣ; можетъ-быть, я буду въ состояніи что-нибудь для тебя сдѣлать; положимъ хоть только утѣшать тебя религією и поддерживать въ тебѣ бодрость.

— Да, это правда; но вы изъ числа тѣхъ людей, которые проходятъ черезъ нашу сторону и не остаются здѣсь. Дня черезъ три вы будете, можетъ-быть, за тысячу лѣтъ отсюда.

— Возьми этотъ маленькій бумажникъ, да не затеряй его. Умѣешь ты читать?

— Да, и писать немножко умѣю; спасибо брату, который насъ училъ меня всему, что самъ знаетъ.

— Тутъ ты найдешь адресъ и бумаги, посредствомъ которыхъ можешь призвать меня сюда, или найти меня, гдѣ бы я ни былъ.

— Благодарю васъ отъ всей души, сказала Мадлена, укладывая бумажникъ въ карманъ: — я никогда васъ не забуду; я вѣрю, вы очень свѣдущи въ религію, и сердце ваше добро для тѣхъ, кто въ горѣ. Я знаю, что я сдѣлаю. Если мой милый будетъ мнѣ неблагодаренъ, я пошлю его къ вамъ, я увѣрена, вы будете говорить съ нимъ такъ хорошо, что онъ не захочетъ больше огорчать меня.

— Чувствуешь ты ко мнѣ довѣріе и дружбу?

— И очень! отвѣчала птичница, простодушно прижимая къ сердцу руку Леонса.

— Такъ и есть! замѣтилъ священникъ, выходя изъ запыленной такою кучею шампиньоновъ, что едва могъ нести ихъ: — вотъ вы уже и за-просто, подъ-ручку. Потихо, Мадлена, потихо, встрѣчься; не добрымъ это для тебя кончится.

— Не браните ея, отвѣчалъ Леонсъ: — все будетъ благополучно, если вы не будете мѣшаться.

— Гм! гм! возразилъ священникъ, покачивая головою: — вы не почете меня скромною наружностью; можетъ-быть, вы уже довольно восхищались сегодня надо мною! Оставьте-ка ея руку, да взгляните на мою добычу.

— Пойдите сложить ее къ стопамъ лэди Г., сказалъ Леонсъ.

— А ваши грибы гдѣ же? Что это такое? Цвѣты, да дрянныя мши! На что онѣ годны? Ихъ и къ раму прикладывать нельзя!

— Они годны маркизу въ гербарій, отвѣчалъ Леонсъ. — Кстати маркизъ, подумалъ онъ: — любопытно мнѣ знать, не показалъ ли роутоу кончика своего уха.

Они нашли Теверино и Сабину на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставили; но негрятника и жокей были такъ далеко, а маркизъ къ близко къ лэди Г., — онъ смотрѣлъ такъ увѣренно и самоудовольно, а у ней такъ сверкали глаза и разыгрался румянецъ, что они были, но-видимому, довольны своей бесѣдой.

— Что это такое? сказала лэди Г., видя, съ какою гордостью складывалъ священникъ грибы на травѣ. — Ахъ! что за чудесные помидоры, что за огромные клубочки! Какія великолѣпныя странныя растенія!

— Великолѣпныя? странныя? повторилъ священникъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства. — Скажите: «изящныя»; скажите: «сѣкшія, сочныя, пахучія!» Богъ сотворилъ ихъ не на потѣху глазъ, но для наслажденія человѣческому желудку.

— Изящито, господинъ-священникъ, сказалъ Теверино, отбрасывая въ сторону какой-то грибокъ: — это не настоящій масленикъ.

— Можетъ-статься, можетъ-статься! сказалъ священникъ. — Когда съищешь собирать, немудрено ошибиться.

— Такъ вы во всемъ знатокъ? сказала Сабина, бросая иѣжный взглядъ на маркиза. — Чего вы не знаете!

— Ну, что? Какъ вамъ нравится мой маркизъ? спросилъ Леонсъ, вода ее въ сторону.

— Могу ли не находить его любезнымъ? Можно ли быть разнѣ о немъ иѣнѣй? Если онъ не то, чѣмъ кажется, такъ вы ступили слишкомъ-неблагоуразумно, представивъ мнѣ такого сомнительнаго человѣка.

Сабина говорила тономъ насмѣшки, но глаза ея, безъ ея вѣдома, подернулись какою-то влагой, необличавшею тайное упоеніе.

— Боже! Чѣмъ я надвѣдалъ? подумалъ Леонсъ, и хотѣлъ уже поспѣше признаться, какую дурную шутку сыгралъ съ ней, какъ вдругъ встрѣтилъ безнокейный и пронзительный взглядъ Теверино, напомнившій ему ихъ уговоръ и заставившій его молчать.

— Нѣтъ, это невозможно! подумалъ онъ: — эта холодная и гордая женщина не обманется такъ грубо; въ такого маркиза она не

влюбится съ перваго взгляда. И, при всемъ томъ; прибавилъ онъ, рассматривая Теверино, вполне вошедшаго въ свою роль: — «если смотреть только на дивную красоту этого цыгана, на его ризанность, на его неувротно-благородные приемы, если вниманіе его гармоническому голосу, его сверкающимъ умомъ и поэзію речей. — Можетъ ли быть кто-нибудь очаровательнѣе, можетъ ли кто пробудить сильнѣйшую симпатію? Не настоящій ли это итальянскій маркизь, которому равнаго нѣтъ, можетъ-быть, въ аристократіи цѣлаго міра? Найдется ли такая славная женщина, которую онъ не обольстилъ бы?»

Леонсъ сдѣлался задумчивъ, и Сабина принуждена была дернуть его за платье, чтобъ вывести изъ раздумья. Солнце садилось; злато назадъ было самое время; священникъ обнаруживалъ нестерпимую изготовить фореали и шампийёны, и пригласилъ всѣхъ возвратиться къ нему въ село. Маддена, сидя подала въ совершенномъ молчаніи, была, по-видимому, совершенно-равнодушна ко всему, что происходило вокругъ нея.

— *Signor Leontio!* спросилъ бродяга Леонса, когда они собрались съѣсть въ коляску:—влюблены вы въ леди Сабину?

— Вы очень-любопытны, *signor marchese!* отвѣчалъ Леонсъ съ ироническою сухостью.

— Нѣтъ! Но я вашъ другъ, вашъ вѣрный другъ, и долженъ знать ваши чувства, чтобъ не противорѣчить имъ.

— Вы пустой человекъ, *mon cher.*

— Вамъ уже досадно? Ну, что? не говорилъ ли я вамъ, что въ двадцать-четыре часа мы надобнымъ другъ другу? Я разгадалъ вашу тайну, и мнѣ нѣ для чего васъ расспрашивать. Леонсъ, вы сознаетесь, что Теверино любезный человекъ! — И, вскакая на козлы, онъ сказалъ громко:—я буду кучеромъ! Эге! продажалъ онъ, обращаясь къ негряткѣ: — ты сидишь въ коляску, а я буду править. У меня страсть къ лошадамъ!

— Это не очень-любезно, замѣтила леди Г.; явно досадно такое распоряженіе.—Наше общество все не приваляется, госдинь-маркизь!

— И, свертъ того, вы едете чужой, прибавилъ священникъ. Мы разъ уже заблудились; не заставьте насъ, по-крайней-мѣрѣ, уплатить вечерней росой и спать подъ открытымъ небомъ.

— Предоставьте маркизу распорядиться какъ ему угодно, сказалъ Леонсъ:—не возвращаетесь его звѣздѣ! Узнаете ли права? еще сильнѣе у Теверино.

— Можетъ-быть! отвѣчалъ онъ.—Я никогда не пробовалъ.

— Одолжила! воскликнула священникъ. — Этакъ вы нѣтъ еще

ете, переломаете намъ кости! Съ пропастями и узкими дорогами тутъ ничего! Дайте возжи жокеею, онъ править очень-хорошо.

— Не дѣлай глупостей, шепнулъ Леонсъ Теврино: — если ты былъ кучеромъ, не берись не за свое.

— Все на свѣтъ импровизируется, отвѣчалъ маркизь: — и я чувую въ себѣ такое вдохновеніе, что управляю лошадьми самого этюна.

Съ этими словами, онъ приударилъ по лошадямъ, и онъ пошелъ вскачь.

— Не туда, не туда! кричалъ священникъ. — Куда вы? Сент-олиннёръ на лѣво.

— Вы ошибаетесь, господишъ-аббатъ, отвѣчалъ Фазгонъ. — Я по горы лучше васъ. И, наклонившись къ Леонсу, который сидѣлъ какъ-разъ за нимъ, онъ спросилъ его на ухо: — куда ѣхать?

— Никуда, всюду, хоть къ чорту, если хочешь! отвѣчалъ ему онъ также тихо.

— Въ такомъ случаѣ — ко всѣмъ чертямъ! возразилъ Теврино, слова приударилъ лошадей, не слушая аббата, который скоро бѣднелъ и ошмѣлъ отъ ужаса.

Страхъ былъ не безъ основанія. Теврино былъ больше ловокъ, жели опытенъ. Безразсудный отъ природы, одаренный присутвіемъ духа, гибкостью и силою тѣла больше, нежели кто-нибудь другой, онъ презиралъ опасности, и не зналъ ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ препятствій, отъ которыхъ не могъ бы вернуться, или которыхъ не могъ бы преодолѣть. Съ этими убѣжденіемъ, восхищенный энергіею и стройностію лошадей Леонса, съ пустилъ ихъ вдоль пропастей, позаботилъ укоротить ихъ бѣгъ, когда дорога становилась страшно-узкая, задрѣвая за пни деревь и оступы скалъ, разонъ взлетая на крутые скаты, съвязая съ нихъ весь духъ, взметая горячую пыль на закраинѣ отвѣснаго рва, днѣ котораго ворчалъ ручей. Сначала, Сабина тоже стало страшно, очень-страшно; находя шутку довольно-плоскою, она начинала опасаться, что этотъ итальянскій маркизь изъ числа худо-воспитанныхъ людей, которые видятъ глупое удовольствіе въ страдапіи робкой женщины. Она не выказала, однакожъ, ни своего страха, ни неудовольствія; она знала, что слабый можетъ въ подобномъ случаѣ отомстить только тѣмъ, что не потѣшитъ грубой рзості зрѣющимъ своей жуки. Сабина была столько горда, что горѣ готова была идти на встрѣчу смерти, нежели моргнуть. Она заставила себя смѣяться и дразнить священника, хотя въ душѣ болала еще больше, нежели онъ.

Но скоро страхъ уступилъ въ ней мѣсто какой-то восторженной радости; она видѣла, что Леонсъ завидуетъ невзвротливой ловко-



сти маркиза, и такъ-какъ опасность была побуждаема каждую минуту, она пашла новый предлогъ удивляться Теверино, который часто оборачивался къ ней, какъ-будто черная изъ ея похвалъ была выи силы.

— Онъ несется какъ сумасшедшій, говорилъ Леонетъ, шмыря глазами пропасть: — такъ вхаты недурно, лишь-бы это долго продолжалось. Не боятесь ли вы, шлемади? Не попытаться ли образумитъ его?

— А чего мнѣ бояться? отвѣчала она, въ свою очередь глядя въ пропасть съ удивительнымъ равнодушіемъ: — разве вашъ другъ не волшебникъ? Мы песемся чудомъ и могли бы полетѣть минута но водамъ, еслибы все вѣрили въ него, какъ я.

— Это ужъ не вѣра, а фанатизмъ.

— Вы такой же фанатикъ, потому-что вѣрили ему свою и нашу судьбу.

— Признаюсь, онъ во всемъ проворнѣе, нежели я предидѣлъ и какъ-будто ослѣплялъ отъ бѣшенаго удовольствія удачи.

— Энергическая натура! львиная смѣлость! сказала Сабина, махнувъ дѣтат упрекомъ. — Эта опасность одушевляетъ меня, и изъ всѣхъ вашихъ сегодняшнихъ выдумекъ эта больше забавляетъ меня.

— Въ такомъ случаѣ, удвоимъ приѣмъ. Пошелъ, маркизъ! Теверино задремалъ.

Теверино двинулъ такъ сильно, что священникъ опрокинулся назадъ коляски, полуживой отъ страха, и началъ мысленно читать *Иа тамиз*.

Сабина захохотала; негрятянка перекрестилась. Что касается до Мадлены, она одна была истинно-безстрашною и совершенно-равнодушною къ опасности. Она смотрѣла на золотыя облака и падала гдѣ являлись и исчезали истребы, пробужденные приближеніемъ вѣчера.

### УШ.

Лошади присмирѣли, однакоже, на одномъ взѣздѣ священникъ пришелъ къ чувству. Пропасть исчезла; коляска вѣла по узкой ложбинѣ, довольно-плохой для ѣзды, но гдѣ паденіе не могло имѣть такихъ серьезныхъ послѣдствій, какъ на краю пропасти.

— Гдѣ же мы? спросилъ священникъ, вздохнувъ волигѣе.  
— Я не узнаю этого мѣста; горизонтъ запертъ со всѣхъ сторонъ. Но, сколько я могу сообразить, мы ѣдемъ все не къ моеи колясѣ.

— Будьте спокойны, г. аббатъ! сказалъ Теверино. — Всякая до-

ега вѣдетъ въ Римъ, и этимъ немного-безпокойнымъ проселкомъ имъ ивнуетъ длинный объездъ по косогору.

— Если удастся перѣхать чрезъ ручей, спокойно замѣтила Мадлена.

— Кто говорить о ручьѣ? воскликнулъ маркизь.— Ты, моя милая?

— Я, отвѣчала дѣвушка.— Если воды немного, такъ перѣдемъ; не то...

— А не то перѣдемъ по мосту.

— По мосту для пѣшеходовъ со ступенями?

— Перѣдемъ, клянусь Мухаммедомъ!

— По нѣтъ, пожалуй! отвѣчала безнечная Мадлена.

— А я клянусь, что выйду изъ коляски и пройду по мосту скандий, подумалъ священникъ.

Вода въ ручьѣ, по-видимому, была не очень-высока, и Теверино хотѣлъ уже пуститься вбродъ, какъ Мадлена, съ спокойною едусмотрительностью наклонившаяся впередъ, остановила его съ лою.

— Вода нечиста, сказала она:— въ нее непременно упала больша лавина не дальше, какъ часа два тому назадъ. Вы не проте.

— Милэди, хотите ли вѣрнуться нѣтъ? сказалъ Теверино.— Ручья нѣтъ, что мы продемъ. Кто боятся, пусть выходятъ.

— Я выйду! воскликнулъ священникъ, спрыгивая на подножку. зрительница последовала за нимъ; а жокей, боясь утонуть и въ то время боясь показаться трусомъ, сталъ передъ лошади, въ иданн, что на что-нибудь рѣшатся.

— Сабина, сказалъ Леонсъ повелительнымъ тономъ:— выходите!

— Я не выйду, отвѣчала она:— въ первый разъ чувствую я удовольствіе, которое можно найти въ опасности. Я не хочу лишиться этого ощущенія.

— Я этого не допущу, возразилъ Леонсъ, съ силою схвативъ а руку.— Это просто безуміе!

— Вы не имѣете никакого права надъ моею жизнію, Леонсъ, и, хъ того, маркизь отвѣчаетъ за нее.

— Маркизь глупецъ! воскликнулъ Леонсъ, раздраженный виею, такъ безумно-высказавшеюся страстью лэди.

рикизь обернулся и взглянулъ на Леонса сверкающими глазами.

— Вы хотите сказать, что вы оба безразсудны, сказала Сабина, аясь скрыть свой испугъ при этой ссорѣ.— Я уступаю вашей глупости, Леонсъ; маркизь, вы тоже сойдете. Жокей плавааетъ рыба и можетъ одинъ рискнуть переправить коляску.

— Я плаваю лучше всѣхъ жокеевъ и рыбъ въ мірѣ, отвѣчала

Теверино: — да, сверхъ того, не вижу, зачѣмъ атому мальчику рѣсковать жизнью болѣе меда, Я того мнѣнія, что челоуѣкъ стоить челоуѣка; я хотѣлъ рискнуть переѣхать; слѣдовательно, я одинъ долженъ подвергнуться слѣдствіямъ. Что стоятъ ваши лошади, до оцъ? прибавилъ онъ небрежнымъ тономъ богача.

— Дарю тебѣ ихъ, отвѣчалъ Леонсъ: — утопи ихъ, если угодно. Но на томъ берегу я скажу тебѣ царю слово, прибавилъ онъ въ полголоса.

— Вы мнѣ ничего не скажете; но завтра, въ два часа дополу ни, я поговорю съ вами, сказалъ Теверино. — Вы зачѣмъ такъ слѣдовательно, я имѣю право назначить часъ, а вамъ за то предоставляю выборъ оружія, Дрѣтѣхъ-портъ, изъ уваженія къ самому-себѣ, — вы же представили меня дѣли, — притворитесь моимъ короткимъ пріятелемъ, такъ, чтобъ дружба извѣстала ваши грубыя слова.

— Дуэль? Дуэль съ вами? Что жь? извольте! отвѣчалъ Леонсъ и прибавилъ вслухъ: — Если мы не будемъ драться, маркграфъ, обидѣвшись такими любезностями, такъ это потому-что ни дѣль, ни меня не могутъ обвинить въ трусости; а въ доказательство, мы перѣдаемъ ружей вмѣстѣ. Ну, что ты тамъ дѣлаешь? спросилъ онъ Мадлену, которая легко вскозила на козлы воза маркграфа.

— Э! для меня нѣтъ опасности, сказала она: — и я пужна вамъ, чтобъ указывать на оправданіе. Направо, г. маркграфъ, а потѣхъ нѣтъ; трогайте!

Прозвѣ путешественники, взошелъ на мостъ, не безъ изумленія остановились посмотреть на опасную переправу. Посреди рѣки бѣжитъ течения приподняла коляску, подплывшую какъ челоуѣкъ увлекала лошадей къ острымъ аркамъ матерьякаго моста.

— Уступите теченію и потомъ опять впередъ! сказала Мадлена наблюдаящая холмѣе, какъ-будто дѣло шло о самой легкой вещи.

Дошавши, сильно-попуждаемыя и, къ-счастію, столько сильныя, что легкая коляска не могла увлечь ихъ за собою, слѣзали изъ сколько прыжковъ, потеряли дно, пошли вплавь, снова вышли на скалу, споткнулись и, поднявшись на ноги подъ мощною рукою искателя приключеній, благополучно достигли болѣе-медкаго моста, оттуда легко дошли до берега; упряжь была цѣлехонька, передъжареніе замочились только брызгами.

— Видите, синѣйора, вы могли переѣхать! сказалъ Теверино доши Г., прѣдъшавшей поздравить его съ побѣдой,

— Нѣтъ! сказалъ священникъ, думая объ опасности, какой могъ подвергнуться: — васъ унесло бы, еслибъ коляска была тяжелѣе. Именню я не легокъ, и подвергъ бы опасности и васъ и себя. Это чувствовалъ.

Сѣли опять въ коляску; жокей занялъ мѣсто сзади, а птичникъ

такая на козлахъ, воздѣ Тверино, который, казалось, очень живо разговаривалъ съ нею въ продолженіи остальнаго переѣзда. Они разговаривали тихо, наклонясь другъ къ другу, и Сабина шептала тихонько, что если Мадлена не простережется, то легко можетъ случиться, что другой займетъ мѣсто ея милла.

— Этого нечего бояться, сказала Мадлена, слухъ которой былъ онокъ какъ у птицы, и которая, какъ-будто вовсе не слушая, е проронила ни одного слова Сабини. — Не я первая измѣню!

— И не оцѣ, я готовъ покладеться въ томъ моимъ вѣчнымъ пасеніемъ, весело воскликнулъ маркизъ: — ты такая добрая, такая яная дѣвушка, что я не понимаю, какъ можно измѣнить тебя!

— Вотъ такъ-то, сказалъ священникъ: — эти господа-любезники кружатъ ей голову своими комплиментами. Одинъ подаетъ ей прогулку руку, точно какъ какой-нибудь прекрасной дамѣ; другой говоритъ ей, что она мила, а она, глупая, и не замѣтаетъ, о надъ ней смѣются.

— Такъ это вы подаете ей руку, Деонсъ? спросила Сабина изъ удивленія.

— Почему же нѣтъ? Развѣ вы тоже не уведили ея подъ руку? Развѣ мы не обязаны обращаться съ ней, какъ съ равной, если уже хитрили ея и сдѣлали нашей собесѣдницей? И за что бы г. священнику доидать насъ, что мы выполняемъ законъ братства? Это одно изъ невинныхъ и романтическихъ удовольствій нашей прогулки.

— Я не люблю романтическихъ вещей, сказалъ священникъ. — Хотите видѣть на долго, и держитесь только въ голову. Вы, господа патная молодѣжь, вы тѣщите съ минуту чужою простотою, а потомъ, когда расплатидсь, все изъ ума вонъ. Пусть Мадлена насъ узнаетъ, господа: посмотримъ, что останется при ней: знатный и вѣрморе, который откажетъ ей въ воспоминаніи, или старый священникъ, который, цобравивъ ее, какъ она того стоитъ, придетъ ее къ раскаянію и примиритъ съ Богомъ.

— Этотъ почтенный священникъ дугаетъ меня, сказала Сабина, обращаясь къ Деонсу. — Надѣюсь, другъ мой, бѣдная Мадлена не на пути къ гибели?

— Я могу отвѣчать за себя, сказалъ Деонсъ.

— Но не за маркиза?

— Принадарюсь вамъ, за маркиза я никакъ не ручаюсь. Онъ ходитъ собою, краснорѣчивъ, страстенъ; всѣ женщины ему нравятся, и онъ нравится всѣмъ женщинамъ. Вы какъ думаете, Сабина?

— Право, не знаю. Не мѣшало бы, можетъ-быть, посадить ее въ колодезь.

— Тѣмъ болѣе, сказалъ священникъ: — что дорога опять становится дурна, слово сѣмнѣетъ, и если г. маркизъ будетъ тѣмъ-

нибудь разсѣять, такъ мы опять подвергнемся опасности. Посади къ нему вѣсто птичницы негрятянку.

— Не ручаюсь, что онъ не развлечется точно такъ же бромистою какъ и блондинкой, сказалъ Леонсъ. — Вѣрнѣе всего посадить съ нимъ васъ, г. священникъ!

Это мнѣніе было принято, и Мадлена вошла въ колеску, не обпаруживая ни досады, ни стыда, ни сожалѣнія. Задумчивость ея совершенно прошла, и лучи заходящаго солнца разливали по румянымъ щекамъ ея яркій свѣтъ юности и жизни. — Посмотрите какъ эта дурушка похорошѣла! сказалъ Леонсъ по-англійски леди Г.: — жгучее дыханіе Твернино преобразило ее.

Сабина попробовала шутить на тотъ же ладъ; но взглядъ ея омрачало смертельное уныніе: ревность загаралась въ сердцѣ ея подъ видомъ презрѣнія, и всѣ намеки Леонса на победы марки пробуждали въ ней болѣзненный стыдъ. Она старалась узрѣть себя, что не чувствовала, подобно Мадленѣ, какъ *жгучее дыханіе* Твернино пронеслось надъ ея головою громовою тучей.

Прошло съ полчаса, пока она не отогнала отъ себя досаду и возвратилась къ гордо-спокойному состоянію духа. Наконецъ, Сабина начинала чувствовать, что она побѣдительница, и очарованіе, казалось ей, не могло уже на нее дѣйствовать. Твернино, чтобы развлечь священника, который, все-еще лаская себя надеждою, что они ѣдутъ въ село, удивлялся, что не узнаеть окрестностей, вступилъ съ нимъ въ важное время о богословскихъ предметахъ. Въ-продолженіи своей полной приключеній жизни, онъ терся между людьми всякаго званія. Онъ вблизи видѣлъ несколько прелатовъ, нѣсколько ученыхъ монаховъ, и былъ изъ числа тѣхъ людей, которые слышать, понимать, и помнить все безъ малѣйшаго усилія. Въ памяти его сохранилось нѣсколько обрывковъ изъ цитатовъ, толкованій и возраженій, время о которыхъ ему случалось слушать, подавая, можетъ-быть, блюда на столъ духовныхъ гастрономовъ, или стирая пыль съ лавокъ въ залѣ маданія богослововъ. Онъ былъ далеко не такъ ученъ, какъ священникъ, но могъ, при случаѣ, показаться гораздо-сильнѣе въ метафизическихъ тонкостяхъ. Священникъ былъ удивленъ и ослѣбленъ этою смѣсю невѣжества и знанія, и цыганъ былъ въ этотъ ловче молиера *болыаю по несоль*; онъ видѣлъ, что противникъ сильнѣе его и запутывалъ его, увертываясь отъ отвѣтовъ на положительныя вопросы, и забрасывая его педантски-праздными вопросами съ своей стороны, такъ-что аббатъ серьезно задавалъ себѣ вопросъ: сильный ли это еретикъ во всеоружіи, или нестѣпный смѣющійся надъ нимъ исподтишка?

По-временамъ долетали до слуха ихъ спутниковъ нѣкоторыя

права диспута. «Это ересь, проклятая ересь!» воскликнул священник, не обращая уже вниманія на кочки и ухабы дороги.

— Вашъ аббатъ вышелъ, кажется, изъ себя, сказала Сабина Леоосу:—что, вашъ другъ въ-самомъ-дѣлѣ ученый человѣкъ? Жаль, что я не слышу всего.

— Маркизъ знаетъ всего по-немногу, отвѣчалъ Леоосъ.

— Только по-немногу? Дá, по увѣренности его, этому можно поспорить. Многіе Итальянцы таковы; это южный характеръ.

— Въ этомъ характерѣ есть свои прелести и недостатки: одни такіе дѣтскіе, что поневолѣ пасть ними смѣешься, другіе такъ кощунственны, что поневолѣ имъ подчиняешься.

— Любезный Леоосъ, сказала Сабина, понявъ эпиграмму, припритую меланхолическимъ тономъ ея друга:—увидѣть — значитъ не больше, какъ замѣтить; право, это не значитъ еще подчиниться. Позвольте мнѣ говорить о вашемъ другѣ, какъ о чужомъ, и сказать вамъ, что это глиняная статуя съ золотыми венами.

— Дѣло возможное, отвѣчалъ онъ:—но золото такая драгоценная и соблазнительная вещь, что иногда выпадетъ его и въ грязи.

— Вотъ слово, отъ котораго по-неволѣ вздрогнешь.

— Положимъ, что я сказалъ: въ глинь, эмблемъ брѣвности; не относите только этого къ характеру маркиза. Изучите его сами, Сабина; я не могу доставить вамъ замѣчательнѣйшаго предмета для наблюдений, и сдѣлалъ это не безъ намѣренія. Не ослѣпляетъ только, если хотите видѣть ясно. Признаюсь вамъ, я самъ давно потерялъ этого пріятеля изъ вида, и зналъ, какъ измѣнчивы эти сильныя организаціи, такъ сказать, не узнаю его больше. Мнѣ надо взглянуть на него снова, и могу вамъ отвѣчать за него только до известной степени. Я предостерегъ васъ, берегитесь.

— Что значитъ «берегитесь»? Не опасаетесь ли вы, что я залечусь?

— Вы сами очень-хорошо знаете, какъ близка была опасность, и того близка, что вы хотѣли переѣхать черезъ ручей, рискуя жизнью, чтобъ только доказать ему ваше довѣріе и покорность.

— Не употребляйте обидныхъ и неточныхъ словъ. Подумаешь, что вамъ это было досадно!

— Какъ-будто вы не видѣли, что это меня разсердило!

— Право, вы говорите, какъ ревнивецъ.

— У дружбы есть своя ревность, какъ у любви. Вы сами сказали это поутру.

— Пусть такъ: это украшаетъ и одушевляетъ дружбу, сказала Сабина съ неотразимымъ движеніемъ кокетства. Она ужаснулась, что едва не влюбилась въ Теверино, и старалась создать для себя предохранительное средство, подстрекая проблематическую страсть

Леонса. Это удалось ей слишкомъ-хорошо, Онъ взялъ ея руку, согрѣлъ ее въ своей; она отдернула руку назадъ горячею, Мадлена казалась, дремала, но при этомъ движеніи проснулась, и леди смутилась отъ удивленнаго взора птичницы. Она начала ласка ее, чтобъ удалить несприятельныя мысли изъ ума дѣвушки; но ласка процвѣтала не отъ чистаго сердца, и ей показалося, что Мадлена улыбается лукавѣе, нежели можно было ожидать от нея.

— Гдѣ мы? воскликнулъ вдругъ священникъ, оглядываясь всѣ стороны.

— Мы говоримъ о святомъ Жеромѣ, отвѣчалъ Тезерницю.

— Теперь не до святаго Жерома; я спрашиваю, куда вы намеряете? Чтѣ это за долина? Куда ведетъ дорога? Куда это вы намеряете завести?

Она была на вершинѣ длинной, крутой отлогости; когда она повернула за скалу, между стѣнъ которой ѣхали цѣлый часъ, — у ногъ ихъ въ страшнѣйшей глубинѣ развернулась необозримая долина. Съ площадки, гдѣ находились путешественники, возносились еще къ небу гигантскія скалы, увѣчанцыя спѣгомъ; впродолженіе вѣковъ суровая, страшная, страшно-романтическая; но теперь, по крутому скату, дорога сходила въ тысячѣ живописныхъ излучинахъ на далекій планъ плодоносной, веселой, богато-расцвѣтшей страны. Можетъ ли быть что-нибудь прекраснѣе подобнаго зрѣлища при закатѣ солнца, когда сквозь угловатую раму альпійской природы, взоръ открываетъ роскошь плодоносныхъ земель, зеленые скаты переходныхъ холмовъ, озаренные огнемъ рдяной пронасти зелена, развернутыя въ пространство, пылающія рѣки и озера, разсыпавшія по обширной картинѣ подобно плавающимъ зеркаламъ, и, дальше, голубоватыя пояса, перемежающіеся между собою, но не слитые, фиолетовый горизонтъ и дивно-свѣтлое, прозрачное небо? Сабича вскрикнула отъ восторга. — Ахъ, Лерисъ! сказала она, съ жаромъ схвативъ его руку; — какъ я вамъ благодарна, что вы завезли меня сюда! Благодарю Бога за сегодняшній день!

— Я тоже благодарю васъ покорнѣйше, сказалъ священникъ съ отчаяньемъ: — не мѣшаетъ обратиться къ Богу, потому-что обидѣ и кровѣ нечего и говорить. Мы льѣ за десять отъ дому ѣдемъ прямехонько въ Миланъ, или Венецію, вмѣсто того, чтобъ отыскивать вашу полярную звезду и пѣтуха на шапкѣ колокольни.

— Вмѣсто того, чтобъ богохульствовать, сказалъ Тезерницю: — вы должны бы пасть на колѣни, абыть, и выцѣлать Въяваръ, сохранивъ и хранителя такихъ великихъ предметовъ. Я очень недоволенъ вашею вѣрою, и не любю я васъ, я сейчасъ же доведу объ васъ дядюшкѣ моему, его святѣйшеству. Такъ ли, абыть, до-

ны бы вы приветствовать Италию и Аргею, ведущую въ великий родъ?

— Такъ это Италия? возликовала Сабина, послѣднимъ вышедъ на орелю.— Милая моя Италия, а которой мечтаю я съ самаго дѣтства и на которую владѣй-мужъ мой слава позволялъ мнѣ смотреть и картинкахъ. Какъ, маркизъ? Вы завезли насъ въ Италию?

— O cara patria! завывае Терерино, начиная своими прекрасными носомъ благородный речитативъ изъ Тамкредатъ: «Терра degli avi ei, ti basio!»

— Затяните себѣ уши, сказалъ Леонсъ:— вотъ новый соблазнъ, отишь котораго я не предостерегъ васъ. Маркизъ цуетъ какъ мой.

— А! это голосъ Итали! Какое мнѣ дѣло, изъ чьихъ устъ ты несется! Мнѣ кажется, что этотъ гимнъ любви поютъ небо и мля, проливая его въ мое сердце. Италия! О, Боже! И такъ, я душить право говорить, что приветствовала по-крайней-мѣрѣ ризантъ Итали! Отишь высочайшимъ наслажденіемъ я обязана шней изобрѣтательной воли и смѣлости нашего путеводителя. озовьте благословить васъ обоихъ.

Съ этими словами, Сабина протянула имъ руки, и побѣжала, влекаясь ими, къ хижинѣ изъ грубыхъ досокъ, на порогъ которой расовался таможенный сторожъ, старый, суровый солдатъ, въ уплырѣ темнаго какъ иглы ели зеленаго цвѣта, съ бѣлыми какъ нѣтъ горныхъ вершинъ усами.

— Сторожъ Итали, сказалъ ему смѣясь маркизъ:— Церберъ, приванный у порога Тартара! открой намъ ворота Эдема, и пропусти насъ съ земли на небо!

Сторожъ съ удивленіемъ и сомнѣніемъ посмотрѣлъ на фигуру юдаги, котораго недѣлю назадъ пропустилъ послѣ тысячи формальностей, хотя паспортъ у него былъ какой должно. Но Тевеино очень-ясно увидѣлъ изъ этой встрѣчи, что хорошая наружность и платье самые лучшіе паспорта: едва только Леонсъ покалъ свои бумаги и поручился за всѣхъ своихъ спутниковъ, какъ юдага гордо могъ пройти черезъ границу.

Колѣску остановили на минуту и осмотрѣли для формы. Золотая монета, небрежно брошенная Леонсомъ въ пыль, къ ногамъ сторожа, устранила всѣ затрудненія.

— Теперь, сказала Сабина, идя все впередъ съ Леонсомъ и Арзамомъ:— я дѣйствительно, безъ метафоры, попираю ногами землю Итали; вдыхаю ея ароматы, и ея небо озаряетъ меня!

— Остановитесь здѣсь, сеньйора, сказала Маллена, схвативъ юдагу за платье. — Я обѣщала показать вамъ при сахожденіи солнца



кое-что удивительное, и г. священникъ не можетъ спать спокойно, если я не сдержу слова.

— Лишь бы было гдѣ лечь, я почти себя слишкомъ-счастливымъ! отвѣчалъ священникъ, запыхавшись отъ усложнаго бѣга и Сабинюю. Видя, что она съѣла на краю дороги, рѣшившись подняться таланту птичницы, онъ легъ на траву, освѣжая себя своею широкою шляпкой какъ вѣеромъ. Протряпаться, или жаловаться у него уже не доставало силъ.

— Теперь пора, сказала птичница, быстро взбѣгая на скалы, обозначавшія высочайшую точку гребня; съ ловкостью кошки она карабкалась съ площадки на площадку, до послѣдней, гдѣ тонкій силуэтъ ея обрисовался на жаркомъ колоритѣ неба, и гдѣ она начала махать своимъ краснымъ знаменемъ. Въ то же самое время, она сдѣлала зрителямъ знакъ, чтобъ они смотрѣли на небо надъ нею, и описывала поднятыми вверхъ руками какъ-будто магическій кругъ, указывая на точки, гдѣ видѣла парящихъ орловъ.

Но Сабина глядѣла напрасно; птицы исчезали на такой ужасной высотѣ, что только немовѣрное зрѣніе птичницы могло почувствовать или разглядѣть ихъ. Наконецъ, Сабина замѣтила нѣсколько черныхъ точекъ, сначала неопредѣленныхъ, и длиннѣйшихъ, казалось, за облаками. Мало-по-малу, эти точки какъ-будто прошли сквозь облака; число ихъ и объемъ увеличился. Скоро можно было рассмотреть широкія крылья орловъ, и дикіе крики ихъ раздались какъ бѣсовскій хоръ въ странъ бурь.

Долго кружились они, описывая большія орбиты, безпрестанно стуживавшіяся, и стѣснившись наконецъ въ одну толпу, прямо надъ головою птичницы, начали качаться на крыльяхъ, опускаясь и поднимаясь какъ воздушные шары, сдерживаемые непобѣдимую недовѣрчивостью.

Тогда Мадлена, прикрывъ голову, спрятавъ руки подъ мантилью и подогнувъ подъ юбку ноги, упала на скалу какъ трупъ; въ ту же минуту туча хищныхъ птицъ ринулась на нее, какъ на добычу, которую готовились пожрать.

— Эта шутка опаснѣе, нежели думаютъ, сказалъ Теверино, доставая изъ коляски ружье Леонса и бросаясь на скалу. Можетъ-быть, она не видитъ съ какимъ множествомъ непріятелей имѣетъ дѣло.

Мадлена, какъ-будто желая показать свою смѣлость, встала и замахала мантилей. Орлы отлетѣли, но, считая это переходящее движеніе за конвульсіи агоніи, держались вблизи, наполняя воздухъ мрачнымъ крикомъ, и едва-только птичница легла опять, какъ они снова на нее бросились. Она привлекала и отгоняла ихъ нѣсколько разъ; потомъ раскрыла свою голову, распростерла руки

стала неподвижно. Въ эту минуту Теврино поднялъ дуло ружья, чтобъ остановить кровожадныхъ животныхъ на лету, если будетъ адо. Но Мадлена сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ ничего не боялся, и державъ враговъ въ почтительномъ отдаленіи огнемъ своего штыля, она медленно сошла со скалы, оставивъ на ней мертвую птицу, которою запаслась, никому не сказавъ этого, и которую завернула въ тряпку. Между-тѣмъ, какъ она сходила, орлы рослись на эту добычу, и начали оспаривать ее другъ у друга въ яростными криками.

— Посмотрите, сказала Мадлена, подошедъ къ зрителямъ: — съ какою злостью бросились они на платокъ, который я тамъ забыла! Ахъ они дераки, когда я не обращаю на нихъ вниманія! Пусть испьвають свою побѣду! Это трусливыя и злыя животныя; они обвинуются, но не любятъ. Я увѣрена, что мои бѣдныя маленькія птички, хоть онѣ и далеко, слышатъ ихъ и умираютъ отъ страха. Еслибъ я измѣняла имъ такимъ-образомъ часто, я думаю, бы оставили бы меня.

— Однако я не думаю, чтобъ твои птицы залетѣли за тобою сюда? спросилъ Леонсъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — онѣ полетѣли бы и сюда, если бъ я злота; но я знала, что здѣсь онѣ лишнія, и отослала ихъ пометать въ лѣсъ на томъ берегу ручья.

— А гдѣ ты найдешь ихъ завтра?

— Это не мое дѣло, отвѣчала она гордо: — онѣ должны отыскать меня тамъ, гдѣ мнѣ угодно будетъ быть. Онѣ видятъ вдаль вверху, и покаместъ я пройду лѣ, онѣ могутъ пролетѣть двадцать.

— Если бъ намъ оставалось только двѣ или три лѣ до какого-нибудь убежища, возразилъ священникъ, безъ всякаго участія потрясшій на сцену съ орлами: — мы могли бы благодарить Провидѣніе.

— За этия дѣла не станеть, г. аббатъ, сказалъ Теврино. — Могу поручиться вамъ за добрый ужинъ, за добрый огонекъ, гдѣ можете просушиться отъ вечерней влаги, которая начинается быть чувствительною, и за теплую постель, на которой можете отдохнуть отъ усталости; развѣ что непременно захотите возвратиться и почлеать въ Сент-Аполлинѣръ; въ такомъ случаѣ, если миледи облагодолитъ даровать вамъ свободу, вы можете возвратиться въшкомъ и прійти домой съ восходомъ солнца.

— Очень-благодаренъ за такую свободу! отвѣчалъ священникъ.

— Такъ-какъ я попался къ вамъ въ руки, то не могу надѣяться свободиться, и если вы беретесь пріютить насъ на ночь сносно, постараюсь забыть страхъ моихъ домашнихъ и удивленіе приходить, что завтрашняя обѣдня не зазвучитъ въ ушахъ ихъ.

— Завтра не воскресенье, и ушущение съ вашей стороны не волнкое, сказала Теверино. — Въ путь! съ Богомъ!

— А я? съ испугомъ спросила Сабина Леонса. — А мужъ мой который, вѣроятно, теперь уже проснулся и бѣжится выйти на завтраку, — то-есть къ ужину, — въ мою половину?

— Говорите тише, чтобъ священникъ васъ не услышалъ; не ведаю васъ только его можетъ оскорбить подобное положеніе...

— Какъ? Провести ночь не дома? Да снѣтнѣмъ компаніе будемъ!

— Будьте уврены, что нѣтъ. Присутствіе священника не прикрываетъ; и нѣтъ ничего естественнаго, какъ заблудиться въ горахъ, быть застигнутымъ ночью и возвратиться домой только на другой день. Священникъ стоалко на шумитъ о такомъ ужасномъ дѣлѣ, что никто не усомнится, что онъ былъ съ нами.

— Но если вашъ маркизъ, за котораго вы не отѣлчаете, хвалитъ; онъ скажетъ обо мнѣ глупостей.

— Въ такомъ случаѣ, я по-крайней-мѣрѣ отвѣчаю вамъ, что заставляю его молчать. Полноте, Сабина! Не-уже-ли вы снова хотѣте потрузиться въ грустную дѣйствительность? Гдѣ же энтузіазма который съ минутою назадъ сообщила вамъ жаркая почва Италия! Поэзія умираетъ при воспоминаніи о свѣтскихъ приличіяхъ; если въ васъ не достанетъ вѣры, и мое могущество оставитъ меня.

— Такъ *voque la galère*, Леонсъ!

— Воздухъ свѣжѣетъ, позвольте окутать васъ моимъ плащомъ! сказала Леонсъ.

— Удлини въ уголокъ его и этой бѣдвяжкѣ, которая чуть слышно сказала она, думая, что Мадлена сидитъ возлѣ нея.

— О! благодарю васъ, мнѣ не холодно, сказала птичница, забравшаяся къ Теверино на козлы.

— Какъ бы священникъ не сказалъ правды, шепнула Сабина по-англійски:—что, если она въ-самомъ-дѣлѣ вътрена? Она просто съ ума сошла отъ вашего Италиянца.

— Что вамъ до этого за дѣло? сказала Леонсъ.

Теверино быстро погналъ лошадей подѣ гору, и не будучи благородныя животныя такъ сильны, что покрытыя пѣною, они бились еще отъ перетрѣвня, ихъ легко могъ бы улетѣть далеко въ мѣ, нисходившій визганами среди ужаснѣйшихъ пропастей. Мадлена не думала объ этомъ, и почь скоро открылась отъ глазъ священника положеніе, отъ котораго у него заруждалась бы голова.

— Посмотрите, снѣльбра! сказалъ наконецъ маркизъ, указывая на свѣтъ въ мрачной глубинѣ ландшафта.—Вотъ городъ, итальянскій городъ!

## IX.

— Не говорите мнѣ имени этого города, сказала Сабина: — я знаю его довольно-скоро. Съ меня довольно знать, что это итальянскій городъ, — и онъ уже чудо въ моемъ воображеніи. Посмотрите, любезный священникъ, не похоже ли это на очарованный мѣсяцъ?

— Право, я вижу только свѣтъ отъ свѣчей.

— Вы не видите! Какъ, вы не находите, что этотъ свѣтъ ярче всякаго другаго, что таинственное мерцаніе его въ этой мрачной убитой обстановка намъ какой-нибудь неслыханный сюрпризъ, какой-нибудь новое приключеніе?

— Довольно съ насъ и сегодняшняго, сказалъ священникъ. — Я уже не желаю.

Это былъ маленькій пограничный городъ, имени котораго мы не знаемъ читателю, опасаясь разочаровать его, если ему случится когда-нибудь проезжать черезъ этотъ городъ въ дождливый день и не въ духѣ. Но каковъ бы онъ ни былъ, Сабину поразило то итальянскій характеръ; прекрасное положеніе, — амфитеатромъ на скалахъ горъ среди участка, защищеннаго отъ сѣвернаго вѣтра, согрѣтаго полуденными лучами солнца; безпрестанно омытаея текущею водою, придавало городку видъ опрятности и благополучія. Окрестности были покрыты роскошною растительностью: осенній мѣсяцъ освѣтилъ бѣлыя стѣны, увѣнчанныя виноградомъ и террасы, лѣстницы, украшенныя каменными вазами съ живописно-раскинувшимися листьями алоя; маленькія колокольни съ круглыми кровлями, и множество лавокъ, наполненныхъ роскошною зеленью и плодами, которые, будучи освѣщены фонарями въ цветной бумаги, еще яснѣе выказывали свои богатые тѣни и прозрачные очерки. Улицы были окаймлены грубыми аркадами, подъ которыми весело двигались прохожіе, добрые люди, для которыхъ каждый хорошій лѣтній вечеръ — праздникъ, и которые съ шумомъ и веселыми кликами привѣтствовали въездъ богатой колески. Толпа полунагихъ дѣтей и любопытныхъ дѣвочекъ, съ стоящими цѣпками на головахъ, пошла за коляской посмотреть, какъ выпрыкаются привѣзжіе у гостиницы del Leon-Blanc, на Площади-Новаго-Рынка.

Гостиница была удобна, и при видѣ жаренаго, вертѣцагося передъ огнемъ, чело священника начало проясняться. Пока для путешественниковъ приготовлялись лучшія комнаты, начали накрывать столъ въ низкой залѣ, росписанной фресками со вкусомъ въ красныхъ и очаровательного гармоніею красокъ, которыя встрѣ-

чаются даже въ самыхъ жалкихъ жилищахъ Сѣверной - Ита. Священникъ не забылъ своихъ форелей и шампильоновъ. Они ли до-сихъ-поръ единственнымъ утѣшеніемъ, и онъ не переставалъ повторять, что съ такимъ запасцемъ, — лишь бы найдти огъ — отчаиваться нечего. Теверино взялъ передникъ и бѣлый какъ у одного изъ поваровъ и конически приступилъ съ аббатомъ къ дѣлу въ кухнѣ, утверждая, что обладаетъ въ этомъ искусствѣ удивительными секретами. Мадлена помогала негритянкѣ готовить комнату для Сабинны; а Сабинна, склонясь съ Леонсомъ къ балкону залы, любовалась пѣснями и пляскою дѣтей на площади.

Когда зажгли свѣчи, и столъ покрылся простыми, вкусными блюдами, собесѣдники сошлись, и Леонсъ отправился позвать птичку, желая, какъ онъ говорилъ, сдѣлать удовольствіе маркизу; Сабиннѣ, кажется, не очень понравилось такое упорство въ поддержаніи равенства.

Хозяйнѣ, подавая супъ, воскликнулъ: — Какъ! птичкины ваменъ благородномъ обществѣ? О, я ее знаю, и не разъ дамъ ей обѣдать даромъ за ея забавные фокусы! Только не прими ли ты съ собою всѣхъ своихъ животныхъ, Мадлена? Предваряю тебя, что если для каждаго изъ нихъ нуженъ приборъ и постель, у меня не достанетъ на столько особъ ни серебра, ни подушекъ. Ступай-ка въ кухню поужинать съ людьми; кромѣ шутокъ, я ни ду для тебя уголокъ на сѣнникѣ; тамъ можешь заснуть.

— На сѣнникѣ? конечно, съ конюхами и погонщиками нуло спросилъ священникъ. — Если ты ведешь такую жизнь, Мадлена такъ въ правѣ же я говорить, что бродяжничество не доведетъ тебя до добра.

— И, господинъ аббатъ! возразилъ хозяйнѣ: — она еще ребенокъ на все никто не обращаетъ вниманія.

— Прошу васъ, хозяйнѣ, сказала Сабинна: — прикажите воставить кровать въ комнату моеѣ негритянки; Мадлена будетъ и чевать съ нею. Я взяла съ собою эту дѣвушку, забавлявшую насъ своими талантами, и отвѣчаю за ея безопасность.

— Если только ваше сіятельство изволите принимать въ участіе, отвѣчалъ хозяйнѣ: — все ваши приказанія будутъ исполнены. Мы все ее любимъ, эту малютку; она на три четверти волшебница! Прикажете поставить ей здѣсь приборъ?

— Ну, да, отвѣчала леди Г., любопытствуя посмотреть прѣсвѣчахъ, какіе успѣхи сдѣлала короткость птичкины съ маркизомъ. Но Сабинна обманулась въ своемъ ожиданіи: они, казалось снова сдѣлались другъ для друга вовсе чужими. Мадлена была не только близко съ Леонсомъ, и снокойно-почтительна къ Теверино.

ркизъ, распорядясь ужиномъ съ удивительно непринужденностью, занимался ею съ какою-то отеческою добротою и съ видомъ кровительства, выказывавшими мягкость его характера, не заставляя его выходить изъ роли. Сабина скоро подумала, что она манулась, и самъ священникъ не находилъ ничего предосудительнаго въ поведеніи прекраснаго маркиза. Онъ даже готовъ былъ скорѣе разсердиться на внимательность Леонса къ *глупой шпонкѣ*, которая смѣялась съ нимъ и забавляла его, по-видимому, своимъ веселымъ простодушіемъ. Но въ ту минуту, когда онъ снова могъ сдѣлаться бранчивымъ, Мадлена вышла изъ-за стола и съ безпечностью своего возраста заснула на большой кушеткѣ, непремѣнно украшеніи общаго зала во всѣхъ гостиницахъ этой страны. Леонсъ, сидя недалеко отъ софы, оглядываясь и созерцая ее повременамъ, удивляясь покою невинности, принужденной позѣ и ангельскому выраженію, которое принадлежитъ только юности.

Подали десертъ, и маркизъ, исключительно занятый леди, говорилъ о разныхъ разностяхъ съ необыкновеннымъ умомъ; — крайней-мѣрѣ, это было именно то превосходство ума, которое могутъ оценить женщины: больше воображенія, нежели знанія, эстетическая оригинальность, восторженная чувствительность. Сабина по-немногу снова подпала очарованію его рѣчи и взгляда. Священникъ исполнялъ должность оппонента, какъ-будто у него лежало на сердцѣ, чтобъ дать молодому человѣку блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и доставить ему оружіе противъ догматической холодности и тѣсныхъ предразсудковъ официального права. Леонсъ, съ неудовольствіемъ замѣтивъ одушевленіе Сабины, оставилъ свой альбомъ, открылъ его, и началъ набрасывать очеркъ гичинцы, не вмѣшиваясь въ разговоръ.

Всякая свѣтская женщина родится ревнивою; несравненною расотѣ и блестящему уму Сабины льстили такъ много и достойно, что всякое вниманіе, оказываемое въ ея присутствіи другой женщиной ея пола, неизбежно должно было казаться ей оскорбленіемъ. Только умѣя скрывать душевныя свои движенія, она высказывала ихъ только въ видѣ шутки; но они порождали въ ней потребность немедленно отомстить, а мщеніе кокетства, въ такомъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ внимать лести другихъ и находить въ ней удовольствіе, соразмѣрное съ оскорбленіемъ. И такъ, она безмяно предалась обольщеніямъ Теверино, и не могла не дать почувствовать этого Леонсу, забывъ униженіе, которое испытала, когда Теверино занимался по-видимому Мадленой.

Леонсъ, очень-хорошо понимавшій эту жестокую игру, и имѣвшій слабость чувствовать по временамъ душевную боль, хотѣлъ

иметь столько духа, чтобы презреть это; но сражаясь тѣмъ оружіемъ, онъ далъ преимущество непріятелю. Онъ притворился, что до такой степени удивляется своему оригиналу и съ такимъ жаромъ углубился въ свое занятіе, что не слышитъ и не видитъ ничего больше.

— Леонсъ, сказала Сабина, наклонясь къ его работѣ: — я уверена, что вы создаете образцовое произведеніе; вы никогда еще не смотрѣли такъ вдохновенно.

— Я никогда не видѣлъ ничего прекраснѣе этой спящей четыринадцатилѣтней дѣвушки, отвѣчалъ онъ: — чудесный возрастъ! Сколько мягкости въ движеніяхъ! Какая ясность въ неподвижныхъ чертахъ! Подивитесь; вы тоже артистка по чувству и уму, и сознайтесь, что никакая условная красота, никакая свѣтская женщина не будетъ во снѣ такъ мила и чиста.

— Я совершенно съ вами согласна, сказала Сабина тономъ удивительнаго безпристрастія: — держу пари, что и маркизь того же мнѣнія.

— Избави Богъ, чтобы я призналъ такую хулу! отвѣчалъ Теодорико.— Красота есть красота, и теряться въ сравненіяхъ значитъ критиковать, то-есть бросать ледъ на жгучія впечатлѣнія. Это болѣзнь художниковъ нашего времени; они посвящаютъ себя известнымъ типамъ и думаютъ указать красоту границы, выкованная въ нагрудной головѣ; они не находятъ уже красоты посредствомъ инстинкта, и видятъ все сквозь свои произвольныя теоріи. Одинъ хочетъ красоты сильной и свѣжей, на манеръ Рубенса; другой — худой тощей, какъ привидѣнія нѣмецкихъ балладъ; третій мужественной какъ у Альберта Дюрера; четвертый сухой и холодной, какъ мастеровъ первыхъ временъ. И между-тѣмъ, все эти старинныя мастера, все эти благородныя школы слѣдовали великодушному наивному инстинкту: вотъ почему ихъ творенія оригинальны и правятся, не походя другъ на друга. Тотъ истинный художникъ, въ комъ есть чувство жизни, который наслаждается всѣмъ, посвящаясь вдохновенію, не разсуждая о немъ, и любить все прекрасное не придумывая категорій. Что ему за дѣло до имени, одежды, привычекъ красоты, которая поражаетъ его. Онъ творецъ, и его дѣло создать изъ очаровавшей его пастушку или принцессу, смотря по расположенію своего духа и потребностямъ сердца. Вы на столько великій художникъ, Леонсъ, что можете создать изъ этой блондинки жительницы горъ святую Елизавету-Венгерскую, а я (ed io anche son pittore! потому-что я чувствую, мыслю, люблю), я могу видѣть дантову Беатриче подъ темными локонами милая.

— Мнѣ кажется, Леонсъ, сказала Сабина, которой польстиво это сравненіе: — что маркизь совершенно вашихъ мыслей объ искусствѣ.

что вы отличаетесь одинъ отъ другаго только способомъ выраженія. А что это за хорошенькій рисунокъ выглядываетъ у васъ въ альбомъ? Позвольте взглянуть?

— Извините, миледи; это снимокъ съ голлаго оригинала, предвѣляю васъ. Впрочемъ, если вы хотите взглянуть, онъ одѣтъ зеленою по-крайней-мѣрѣ на столько, что не заставитъ г. священника шриать его у васъ изъ рукъ.

— Превосходный очеркъ! сказала Сабина, глядя на эскизъ, снятый Леонсомъ на берегу озера съ Теверино.—Чудесная фантазія! то за благородная поза! какой очаровательный ландшафтъ!

— Я, сказалъ священникъ:—я нахожу, что эта фигура какъ двѣ капли воды похожа на г. маркиза. Стоитъ только одѣть ее, какъ и въ г. маркизѣ, и подумаешь, что вы хотѣли нарисовать его портретъ; впрочемъ, ряса еще не дѣлаетъ монаха, и я вижу, что вы умысломъ или безъ умысла, а вы нарисовали его голову.

— Прекрасная фигура его такъ врѣзалась въ мою память, сказалъ Леонсъ, бросая значительный взглядъ на маркиза:—что часто на очень-естественно ложится подѣ карандашъ, когда я стараюсь изобразить что-нибудь совершенное.

— И вы помѣстили его среди ландшафта изъ нашей стороны, прибавилъ священникъ.—Вотъ наши маленькія озера и большія горы, наши ели и скалы, точно какъ въ зеркалѣ. Взгляните-ка, г. маркизъ!

— Поза хороша, спокойно сказалъ Теверино:—и мысль очень-хороша, но рисунокъ слабъ; это не лучшее, что создалъ другъ нашъ.

— Я нахожу, что это очень-хорошо, сказала Сабина, которая не могла оторвать глазъ отъ рисунка.

— Такъ позвольте предложить вамъ его, сказалъ Леонсъ съ ироніей:—если вы находите, что этотъ эскизъ не недостоинъ вашего альбомъ, онъ будетъ напоминать вамъ по-крайней-мѣрѣ счастливый мигъ и живыя ощущенія.

— Лучше дайте мнѣ рисунокъ, которымъ вы занимались теперь; отвѣчала леди Г., испуганная тономъ Леонса.—Въ немъ, кажется, больше *d'intresse e d'amore*.

— Нѣтъ, этого я не отдамъ, отвѣчалъ Леонсъ, захлопнувъ въ альбомъ эскизъ съ Мадлены, и подвинувъ на столъ фавна.

— Чудесная погода, сказалъ маркизъ, непринужденно подошедши къ окну.—Мѣсяцъ свѣтитъ какъ денница. Не пройдетъ ли по голубу? Завтра все будетъ уже не такъ хорошо и утратить свое очарованіе.

— Пойдемте, сказала, вставая, Сабина.

— А мнѣ позвольте пойдти прилечь, сказалъ священникъ.— И я иду отъ усталости.



— Какъ? Провѣхавъ семь или восемь лѣтъ въ покойномъ жинѣ жвѣ? спросила Сабина.

— Нѣтъ; отъ-того, что я терпѣлъ жаръ, голодъ, холодъ, по томъ опять голодъ, отъ-того, что завтракалъ и ужиналъ не въ свое время. Впрочемъ, теперь девять часовъ, и я нахожу очень естественнымъ, что хочется спать.

— *Felicissima notte*, аббатъ, сказалъ Теверино. — Вы съ нами Леонсъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — я хочу спать съ нею еще одинъ очеркъ.

— Она должна идти спать въ другое мѣсто, строго возразилъ священникъ. — Не думаетъ ли она всю ночь провалиться на канаву какъ затерянная тряпка? Просыпайся-ка, *Sans-Souci!* Онъ нахнулъ своею широкою шляпою въ лицо Мадленѣ; дѣвушка сдѣлала два женіе, какъ-будто отгоняетъ докучливую птицу, и опять заснула.

— Оставьте ее; вы безжалостны, сказалъ Леонсъ, собираясь сѣсть на софу возлѣ птичницы.

— Нельзя же ей, замѣтила Сабина: — оставаться здѣсь и спать на виду.

— Извините, любезный Леонсъ, сказалъ, подходя, Теверино: — надо исполнить волю мелэди и г. священника.

И, взявъ молодую дѣвушку на руки, какъ дитя, онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, куда, какъ онъ видѣлъ, ушла негрятка готовить себѣ постель.

— Вотъ, царица Тартара, предметъ, который ввѣряютъ тебѣ, который благородная госпожа твоя, свѣтлая Феба, приказываетъ тебѣ беречь пуще глаза.

Онъ положилъ Мадлену на кровать и ухода, шепнулъ негряткѣ: «Замкнись; такъ приказала милэди».

Леонсъ притворился совершенно-равнодушнымъ ко всему, что происходило вокругъ его, и небрежно пошелъ за Сабиной, комарая, напрасно ожидая, что онъ предложитъ ей руку, принявъ руку маркиза.

Теверино какъ-будто зналъ этотъ городокъ, хотя здѣсь не зналъ его никто, ни даже хозяинъ *del Leon Bianco*. Онъ провелъ Сабину освѣжиться мороженымъ въ кафѣ близъ старыхъ стѣтъ; городокъ былъ когда-то укрѣпленъ, и еще видны были слѣды ядеръ республиканской Франціи. Онъ велѣлъ подать мороженое подлѣ открытое небо, на платформу, возвышавшуюся надъ рвами и грудю старинныхъ массивныхъ построекъ, покрытыхъ мохомъ и лишайникомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи возвышались развалины башни высокой силуэтъ которой былъ посеребренъ лучами мѣсяца и отблѣскалъ бѣлую даль ландшафта. Небо было великолѣпно. Леонсъ

шелъ бродить среди развалинъ, какъ-будто погруженный въ сонъ и въ такое прекрасное время и мѣстности.

— Я думаю, сказалъ Теверино, пробуя силу своихъ пальцевъ надъ обломкомъ цемента, имъ поднятаго съ земли:—эта постройка изъ временъ Рима.

— Не хочу ничего этого знать, сказала Сабина. — По-моему лучше не сомнѣваться и мечтать здѣсь о грандіозномъ прошедшемъ, нежели дѣлать археологическія наблюденія. Когда хочешь увѣриться въ чѣмъ-нибудь, ничѣмъ не наслаждаешься.

— Дѣ, вы среди истинной поэзіи, дивная Француженка! воскликнулъ Теверино, садясь противъ нея:—и я хочу затеряться съ вами среди рая, въ который божественнаго Алигьери ввела божественная Беатриче. Когда это сравненіе въ первый разъ слетѣло съ языка, я не давалъ себѣ отчета въ точности моего вдохновенія. Дѣ, въ васъ свѣтъ ума соединенъ съ идеаломъ красоты, и я не встрѣчалъ еще такой необыкновенной женщины. Я въ первый разъ оставилъ Италію, и не зналъ тамъ ни одной Француженки, которая подобно вамъ, отличалась бы отъ нашихъ женщинъ. Въ женщинахъ юга много поэтическаго и художественнаго истиннаго, но все это больше въ характерѣ, нежели въ разумѣніи; да, сверхъ того, ихъ ограниченное воспитаніе, ихъ праздная, бѣдная жизнь не позволяютъ имъ давать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, какъ вы умѣете это дѣлать! И какъ выражаете вы свои мысли, даже на нашемъ языкѣ, которому даете чуждый, но всегда благородный и увлекательный образъ! Ваши чувства — деп, и мнѣ кажется, бесѣдуя съ вами, я уношусь за вами въ область неизвѣстную другимъ существамъ. Вы судите обо всемъ, что вамъ не чуждо, и ваше знаніе не мѣшаетъ вамъ ощущать увлекаться подобно другимъ, бѣднымъ твореніямъ, которыхъ люди и удивляются безъ разбора. Воображеніе ваше такъ же богато, какъ-будто вы не знаете всѣхъ тайнъ человѣчества, и идеалъ въ васъ мечетъ васъ къ безконечному, за предѣлы вашего изумительнаго ума! Право, пламень вашего ума зажигаетъ и мой умъ, и мнѣ кажется, что, слушая васъ, я возношусь надъ самимъ-собою! Такихъ-то льстивыми фразами вливалъ Теверино ядъ ласкательства въ гордую душу эда. Отъ этого безграничнаго удивленія, высканнаго съ итальянскимъ *увлеченіемъ*, столько похожимъ на движеніе сердца, было далеко до философскаго упорства Леонса. Слово его приобрѣтали неотразимое очарованіе отъ-того еще, что Теверино былъ почти убѣжденъ въ томъ, что говорилъ. Онъ, дѣйствительно, не встрѣчалъ еще такой образованной женщины, и эта новизна была для него жаднаго на изысканія и постоянно-наблюдающаго духа истинно-привлекательна. Онъ хотѣлъ дать этому

женскому превосходству просторъ, дать ему развернуться безъ принужденія, чтобъ взглянуть на него во всемъ блескѣ, и очень-хорошо зная, что такія достоинства соединены съ большою гордостью, она ласкалъ ее остроумною лестью. Лэди Г. было очень-трудно, — чтобъ не сказать невозможно, — различить эту страсть къ познанію отъ страсти любви. Она никогда еще не встрѣчала человѣка, въ одно время столько папыщеннаго и наивнаго, какъ Теверино; Леонс гораздо-менѣе старался при ней высказывать свой умъ и былъ далеко не такъ спокоенъ сердцемъ. Она увидѣла только половинъ характера этого Итальянца, истиннаго дидеттанта умственныхъ наслажденій, который, сохраняя спокойствіе собственнаго сердца живо дѣйствовалъ на ея душу, желая наблюдать ее, какъ новый явившійся ему типъ.

Она разговаривала съ нимъ долго; а о чемъ же говорить молодому человѣку съ молодою женщиной, если не о любви? Для подобной бесѣды наединѣ, при свѣтѣ луны, нѣтъ теорій неисчерпаемѣ этой. Женщина жалуется на жизнь, оплакиваетъ мечты, рисуетъ идеалъ любви и даетъ догадываться объ увлеченіи, которое прикрываетъ прозрачною таинственностью недобвѣрчивости и стыдливости. Мужчина одушевляется, отвергаетъ предразсудки и осуждаетъ преступленія подобныхъ себѣ. Въ своемъ лицѣ онъ хочетъ оправдать и возстановить полъ свой. Тысячью довокъ намечковъ онъ предлагаетъ себя въ жертву на искупленіе первоначальнаго грѣха, между-тѣмъ, какъ тысячью уловокъ, еще болѣе изобретныхъ, уклоняется отъ этой жертвы. Вотъ простой очеркъ каждаго разговора этого рода между образованными людьми. Это очеркъ того, что, еще съ большимъ искусствомъ и притворствомъ, происходило поутру между Сабиной и Леонсомъ. Но съ Теверино она испытывала меньше страха и больше сладкаго чувства. Вмѣсто упрековъ и тревожныхъ обвиненій, она вдыхала только спокойный ароматъ еминіама. Но за то и опасность была больше: она готова была отдать сердце тому, кто требовалъ отъ нея только воображенія.

Искатель приключеній, развернувшись въ дивирамбахъ, громко говорилъ среди тишины ночи, и Сабина немного испугалась, увидѣвъ Леонса внизу укрѣпленій.

— Вотъ Леонсъ! сказала она, чтобъ остановить его краснорѣчивости.

— Какъ онъ задумчивъ и озабоченъ сегодня вечеромъ, бѣдный Леонсъ! сказалъ Теверино, понижая голосъ.

— Я никогда не видала его въ такомъ дурномъ расположеніи духа, отвѣчала она: — подумашь, что ему съ нами скучно.

— Нѣтъ, онъ любитъ и ревнуетъ.

— Птичицу, конечно? сказала она презрительно.

— Нѣтъ, васъ; вы это очень-хорошо знаете.

— Вы ошибаетесь, маркизь. Мы знакомы пятнадцать лѣтъ, и нѣтъ никогда не думалъ ухаживать за мною.

— Клянусь же вамъ, что сегодня онъ не шутя объ этомъ думаетъ.

— Не шутите такъ; это мнѣ больно.

— Развѣ онъ не поклонникъ красоты, не великій художникъ, не любезный юноша и не красавецъ? Любовь его—долгъ, и вы не можете его оскорбляться.

— Она смертельно огорчитъ меня, потому-что я не могу отвѣчать на нее.

— Это страшно! Въ такомъ случаѣ, я вижу,—никто не будетъ мнѣ любимъ, потому-что никто не можетъ льстить себя надежною сравнитья съ Леонсомъ.

— Вы ошибаетесь, маркизь; въ немъ есть всякаго рода совершенства, которыя я охотно подарила бы ему, лишь бы не недогадало въ немъ одного, маленькаго достоинства, которое можно здѣяться найти въ другихъ.

— Какого?

— Способности любить простодушно, безъ гордости и недоуверливости.

Съ этими словами она встала, чтобъ идти на встрѣчу Леонсу. Телесно, чувствуя, какъ недоуверчиво оперлась она на его руку, подумала: «Побѣдить эту сильную душу вовсе не такъ трудно, какъ я думала.»

Сабина воображала, что говорила очень-тихо; но, сходя по ступенямъ въ зеленый амфитеатръ старинныхъ рвовъ, она не сообразила звучности мѣста, и вовсе не подозрѣвала, что Леонсъ слышалъ все. Последнія слова ея такъ его поразили и оскорбили, что онъ началъ въ себѣ довольно сиды притвориться и сохранить покойствіе своей роли. Это удалось ему до такой степени, что даже самъ Телесно подумалъ, что ошибся, а леди Г., что она имѣла полное право приписывать ему большую холодность. Онъ предложилъ войти на разрушенную башню, говоря, что видъ съ этой возвышенной точки удивителенъ, и что воздухъ тамъ еще чище, нежели на укрѣпленіяхъ. Они пошли. Леонсъ шелъ впередъ, замыкая вмѣстѣ уже знакомую ему дорогу, раздирая терны и предостерегая ихъ отъ каждой сломанной или скользкой ступени спящей лѣстницы.

Не смотря на эти предосторожности, взходъ былъ труденъ и даже опасенъ для женщины, столь водварженной головокруженію, какъ леди Г.; но сила и ловкость маркиза пробуждали въ ней удивительную увѣренность, и на что бы она никогда не рѣшилась самоотверженно, то исполняла въ энтузіазмѣ, опираясь на его плечо,

или обвивая его своими руками, или взнося на свои спутникомъ.

При этомъ тревожномъ переходѣ, не разъ коснулись другъ друга ихъ волосы, не разъ смѣшалось дыханіе, не разъ чувство Тверино, какъ бьется въ волнуемой отъ усталости груди сердце, встревоженное стыдливостью и нѣжнымъ чувствомъ. Двѣ сѣнь сквозь широкія разрушенныя аркады башни бросаетъ на стѣну яркій свѣтъ, прерванный кое-гдѣ массою стѣнъ. Въ эти перемежкахъ свѣта и темноты они были то очень-близко, то очень-далеко отъ Леонса, который, притворяясь, что ничего не видитъ, не пропускалъ ни одного признака возрастающаго волненія своихъ спутниковъ. Наконецъ, достигли верхушки зданія; башня оканчивалась круглою стѣною въ восемь футовъ толщины, безъ всякаго балюстрады; Леонсъ спокойно обошелъ по ней, намѣрля възоръ гладкую стѣну, циклопическое основаніе которой терялось въ разл на сто футовъ подъ его ногами. Но Сабина почувствовала непреодолимый страхъ и за него, и за себя, и за Тверино, который стоя возлѣ нея, напрасно старался ободрить ее. Она съѣла на последнюю ступень и вздохнула свободнѣе только тогда, когда князь сѣлъ возлѣ нея и окружилъ ее своими руками, какъ непреступною оградой. Испуганныя совы поднялись на воздухъ съ явнымъ крикомъ. Леонсъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ отискать ихъ гнѣзда, отнести птенцовъ птичицъ и посмотреть, какъ она прійдется за ихъ воспитаніе, сошелъ съ лѣстницы обшаривъ нижніе этажи, гдѣ шумъ шаговъ его скоро замолкъ на пещѣ.

Тверино владѣлъ теперь собою уже не столько, какъ четверть столѣтія назадъ, когда влѣкъ съ Сабиною мороженое не въ такомъ услажденіи. Сверхъ-того, Леонсъ, казалось, былъ такъ равнодушенъ къ возможнымъ послѣдствіямъ приключенія, что эти послѣдствія не представляли уже тревожить его совѣсть. Однакожъ, удивительное прѣвладушіе этого страннаго челоука боролось еще съ соблазнами красоты и гордымъ желаніемъ такой побѣды. Ему удалось разсѣять страхъ Сабинны, и онъ предложилъ ей для развлеченія прослушать гимнъ ночи, слова котораго онъ проимпровизируетъ, чувствуя сильное желаніе запѣть въ такомъ чудесномъ мѣстѣ. Она уже слышала его голосъ, пробуждавшій желаніе послушать его еще. Она согласилась, говоря, впрочемъ, что покажется онъ не сойдетъ съ этой гигантскаго пьедестала, сердце ея не перестанетъ ужасно биться.

— Я всегда увѣренъ, что меня слушаютъ неравнодушно, отвѣчалъ онъ:— и многимъ пѣвцамъ по профессіи не помышлялъ бы такой театр.

Легкость и даже оригинальность его лирической импровизаціи, счастливый выборъ мелодій, неподражаемая красота голоса и при-

одный музыкальный даръ, замѣнявшій въ немъ методу вкусомъ, плотою и прелестью выраженія, скоро неотразимо подѣйствовали на Сабину. Ручьи слезъ полились изъ глазъ ея, и когда Теверино возвратился и сѣлъ возлѣ нея, она была такъ взволнована и тронута, что онъ сѣлъ какъ-будто почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Онъ обвилъ ее своими руками, спрашивая, не боится ли она еще, и она припала къ нему, отвѣчая голосомъ, прерываемымъ слезами:

— Нѣтъ, нѣтъ, я уже не боюсь васъ!

Въ эту минуту губы ихъ встрѣтились... но вдругъ раздавшіеся подъ сводами лѣстницы шаги Леонса заставили ихъ опомниться. Имъ вослышались рукоплесканія многихъ людей, которые гуляли на краю укрѣпленій и слышали, какъ прозвучалъ въ воздухѣ этотъ дивный гимнъ, какъ голосъ духа развалинъ. Она съ жаромъ аплодировала неизвѣстному артисту, виновнику наслажденія, толь драгоценнаго для слуха Итальянцевъ. Но эти рукоплесканія заставили Сабину вздрогнуть еще больше, нежели приближеніе Леонса. Они раздались въ ухахъ ея, какъ ироническій кликъ въ честь ея пораженія, и только увѣрившись, что она, даже очень-далека, недоступна для любопытныхъ взоровъ, она успокоилась.

## Х.

Наши путешественники обошли полемъ вокругъ стѣнъ города, и когда возвратились черезъ садовую калитку въ гостиницу del Leon-Bianco, на городской башнѣ пробило одиннадцать. У главнаго входа въ гостиницу собралась толпа гражданъ и ремесленниковъ, и хозяинъ, казалось, съ жаромъ спорилъ о чемъ-то.

— Что съ ними дѣлать! отвѣчалъ онъ на распросы Леонса и Теверино, захлопнувъ дверь передъ носомъ любопытныхъ. — Жители утверждаютъ, что у меня остановился великій пѣвецъ, по-райней-мѣрѣ синьоръ Рубини; что онъ скрывается самъ и скрываетъ свое имя, желая забавиться отъ докучливости дилеттантовъ, что я соучастникъ въ этомъ инкогнито. Одни непременно хотятъ, чтобъ онъ вышелъ на балконъ принять поздравленіе публики, слышавшей его съ-полчаса назадъ близъ укрѣпленій; другіе вѣгаютъ по всему городу въ кофейни и во все горло спрашиваютъ синьора Рубини. Просто не знаю, что дѣлать! Я имѣлъ честь сколько-же разъ видѣть у себя въ домѣ синьора Рубини, и очень-хорошо знаю, что его здѣсь нѣтъ.

Этотъ случай подаль Теверино мысль сыграть шутку и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудить желаніе испытать Сабину.

— Послушайте, сказалъ онъ хозяйну:—я ною порядочно, и это

я только-что пробовалъ голосъ въ большой башнѣ. Я маркизъ де Монтефиоре. Не-ужь-ли вы меня еще не узнали?

— Я очень-хорошо узналъ ваше сѣятельство при самомъ выданнѣ колески, отвѣчалъ хозяинъ, не рѣшался признаться, что и припомнить фигуры Теверино:—и потому только не называлъ васъ по почтенію, не называлъ васъ по имени, что боялся нарушить некое кognитe, которое знатнымъ особамъ угодно иногда сохранять во время путешествій.

— Сохраните же эту похвальную скромность, пока я не уеду въ герода, сказалъ мнимый маркизъ:—а я, въ знакъ благодарности, никогда не миую вашей гостиницы. Мнѣ пришла охота сыграть невинную шутку съ вашими меломанами. Доставьте мнѣ дрянное платье, освѣтите галерею и объявите, что артисты, голосъ котораго слышали,—къ услугамъ благосклонной публики.

— Что это ты затѣваешь? спросилъ его Леонсъ, между-тѣмъ, какъ хозяинъ побѣждалъ исполнять его приказанія: — ты хочешь выдѣть себя за Рубини?

— Ему это возможно! сказала Сабина съ увлеченіемъ.

— Сивійора, отвѣчалъ Теверино, поднося руку леди Г. къ губамъ своимъ, въ знакъ благодарности за похвалу: — я не имѣю такой претензій и хочу дать маленькій урокъ глупымъ слушателямъ, которые въ состояніи ошибиться такъ грубо; кромѣ того, мнѣ хочется довершить удовольствіе вашей прогулки комедіей, которая васъ, можетъ-быть, позабавитъ. Всѣ наши комнаты выходятъ на галерею въ площадь. Оставайтесь въ своей комнатѣ, смотрите въ щель двери, а вы, Леонсъ, не выдайте меня, показывая, что знакомы со мною.

Когда все было устроено по желанію Теверино, передъ Сабининою и Леонсомъ, спрятавшимися за занавѣсомъ, явился въ освѣщенной галерѣ жалкій человекъ, съ волосами въ безпорядкѣ, съ растрепанною бородою, дикимъ взглядомъ, медленною поступью, въ дрянномъ платьѣ, которое было ему узко. Сабина только черезъ несколько минутъ могла узнать въ этомъ смѣшномъ переодѣванномъ Теверино де-Монтефиоре. Все въ немъ измѣнилось, сужилось, обиднѣло. Грудь его какъ-будто ввалилась подъ тѣснымъ животомъ младшаго сына хозяина; ноги подлицили въ короткихъ узкихъ панталонахъ; руки безъ всякой граціи повисли вдоль живота тѣла; фуражка, какъ-будто прямо изъ канавы, держалась на перевязи, толстая странническая палка,—все принадлежало ему видѣ жалкаго путешествующаго скomorоха. Сабина попробовала засмѣяться, но сердце ея сжалось — сама она не смѣла отъ чего. Леонсъ, удивленный этою выходкой, какъ-будто на это его

восторожности, спрашивалъ себя, что бы за смѣлая мысль пришла къ годову соучастнику его въ этой шуткѣ?

При видѣ такого жалкаго существа, толпа, собравшаяся подъ мерсеи и начавшая апплодировать ему при его появленіи, вдругъ перешла отъ кликовъ удивленія къ свисту и гиканью, громя выломать дверь и высечь хозяина del Leon-Bianco, чтобы онъ показалъ, каково смѣяться надъ честными гражданами.

— Минуту, почтеннѣйшая публика! сказалъ Теверино, усмиривъ свистъ и ропотъ дерзкими и высть униженными жестами. — Жальтесь надъ бѣднымъ артистомъ, который осмѣлился воспользоваться случаемъ показать вамъ свой ничтожный талантъ. Если онъ не успѣетъ доставить вамъ удовольствіе, онъ самъ отдастъ въ жертву вашему гнѣву и подставитъ спину подъ горсти монать, которыми вамъ угодно будетъ пустить въ него.

Всякая публика капризна и непостоянна. Шутовство Теверино скоро укротило ее; за отсутствіемъ великаго пѣвца согласились послушать жалкаго фигляра. Онъ попросилъ сюжета для импровизаціи и продекламировалъ нѣсколько сотъ высокопарныхъ стиховъ съ комическою эмфазою; вслѣдъ за тѣмъ, онъ началъ мякать, лаять, ржать, подражать голосу разныхъ животныхъ, свистѣть вариаціи на улычную пѣсню, поддѣлываться подъ голосъ *Indiennella*, и все это съ удивительною легкостью, аккомпанируя себя монотоннымъ и нестройнымъ царапаньемъ на гитарѣ.

Когда онъ кончилъ, дождь грошей зазвенѣлъ о полъ галерей, публика, осыпая его пропическихми рукоплесканіями, съ громкимъ кликомъ снова потребовала дивнаго пѣвца. Свистъ, хохотъ, топанье ногами перемѣшались въ нестройномъ шумѣ. Тупые остряки требовали головы хозяина.

— Надо васъ удовлетворить, господа, сказалъ Теверино. — Великій пѣвецъ обещалъ мнѣ пропѣть передъ публикой, если мнѣ удастся отвлечь васъ отъ него на нѣсколько минутъ. Я выдралъ кой замладъ, и иду засвидѣтельствовать ему ваше желаніе.

Съ этими словами, Теверино удалился въ свою комнату и скоро вышелъ оттуда причесанный и приодѣтый. Только, въ промежутокъ этого времени, онъ приказалъ незамѣтно погасить часть свѣчей, такъ, чтобы его нельзя было рассмотреть довольно-ясно, и убѣдился, что это одинъ и тотъ же человекъ. Онъ сыгралъ на гитарѣ прелюдію съ рѣдкимъ искусствомъ и такъ очаровательно пропѣлъ баркаролу, что восторженная толпа съ яростью заревѣла *bis!* и согласился повторить, и, кончивъ, наклонился надъ бѣднѣею видомъ аристократическаго покровительства. Кликъ восторга уступилъ мѣсто глубокому молчанію. — Друзья мои, сказалъ онъ тогда лагроднымъ тономъ, въ которомъ не было и слѣда эмфазы фигля-



ра:—я согласился пѣть, хоть я, по своему положенію, совершенно независимъ отъ капризовъ деревенской публики и вообще какой то ни было публики. Вы подняли такой шумъ у меня подъ окнами, что мнѣ невозможно было спать, и я принужденъ былъ съѣзжать; но, чтобъ наказать васъ за вашу невъжливость, я не буду больше пѣть, и если вы сейчасъ же не разойдетесь по домамъ, я предвѣщаю вамъ, что васъ окатятъ изъ пожарныхъ трубъ, которыя велѣлъ сюда привезти и которыя начнутъ дѣйствовать при первомъ крикѣ возмущенія.

Испуганная толпа разсѣялась въ одно мгновеніе ока, будучи уверена, что потревожила какую-нибудь знатную особу, и съ почтительною благодарностію рукоплескала, расходясь по улицамъ.

Черезъ полчаса, все замолкло въ городѣ, и всѣ въ гостиницѣ спали, исключая Сабинны и Теверино, которые еще разговаривали, склонясь на перила галереи, о послѣднемъ приключеніи и събѣдоу осторожно, чтобъ не разбудить своихъ спутниковъ.

— Вотъ, что значить предразсудокъ! сказалъ цыганъ.—Эта глупая толпа и не подозреваетъ, что свистѣла и аплодировала одному и тому же человеку.

— Признаться ли вамъ, маркизъ? отвѣчала Сабинна:—я обманывалась бы первая, еслибъ вы не предупредили меня.

— Право, синьора? Очень-радъ, что позабавилъ васъ.

— Не знаю, могу ли благодарить васъ за намѣреніе. Сцена была странная, можетъ-быть, забавная, однако, мнѣ было больно.

— Такъ и есть, подумалъ Теверино, и попросилъ леди Г. объяснить.

— Какъ? сказала она съ чувствомъ: — не-уже-ли вы не понимаете, что тяжело смотреть на переряженное благородство и красоту?

— Такъ я былъ очень-дурень въ этомъ грѣшѣ? спросилъ ослѣпленный комплиментомъ гораздо-меньше, нежели могла ожидать Сабинна послѣ всего, что произошло между ними.

— Этого я не говорю, сказала она уже не такъ вѣжливо:—но когда исчезло все изощество вашихъ манеръ, когда все благородство ваше уступило мѣсто чему-то циническому и постыдному, я страдала за ваше превращеніе, и не могла увѣриться, что это вы.

— Однакожъ, это былъ я, я самъ!..

— Нѣтъ, маркизъ, это было лицо, которое вы хотѣли представить; въ этомъ лицѣ не было ничего вашего.

— Мои манеры и образъ выраженія были изысканы, согласенъ; но подъ этою наружностію скрывался все-таки мой образъ,

мой голодъ, мой умъ, мое сердце, — словомъ, мое существо. Такъ совершенно исчезъ въ вашихъ глазахъ? Странно!

— Мнѣ странно, что вы удивляетесь этому. Манеры и рѣчь — выраженіе ума и характера, и нравственное существо, кажется намъ, измѣняется, когда разрушается наружность.

— И платье играетъ тутъ важную роль? спросилъ Теврино съ философскою проноіей.

— Платье, говорите вы? Не думаю.

— Ошибаетесь; подумайте хорошенько, синьйор. Положимъ, что снова предсталъ вамъ въ изношенномъ, дрянномъ платьѣ хозяина-бѣлаго сына... положимъ даже, что я именно сынъ хозяина, лѣсной порожъ, кажется, или служащій по солянымъ сборамъ...

— Чтò же изъ этого? Договаривайте.

— Положимъ, что, сохранивъ свою фигуру, свое сердце и умъ въ книжкѣ, какъ создалъ ихъ Богъ, я предсталъ бы вамъ въ первый разъ въ бѣдной одеждѣ, и просто человѣкомъ очень-низкаго сословія...

— Ваше предположеніе бессмыслица: въ этомъ низкомъ племени рѣдко встрѣчаешь печать благородства и граціи, которыми вы глечаетесь.

— Рѣдко, можетъ-быть, но все же случается. Есть дары природы, которыми Богъ надѣлилъ бѣдняковъ, какъ-будто въ насѣтку надъ притязаніями богачей.

— Вотъ вы сошлись въ идеяхъ съ Леонсомъ; я не оспариваю ихъ, но отвѣчу вамъ, что такіе дары оказываютъ быстрое вліяніе на жизнь и положеніе того, кто надѣленъ ими. Бѣднякъ, если онъ чувствуетъ, что Провидѣніе одарило его умомъ и красотою, тщательно преобразовываетъ досадную среду, въ которую бросилъ его капризъ случая; онъ прокладываетъ себѣ новую дорогу; онъ непрестанно стремится къ изяществу жизни, къ благороднымъ занятіямъ, къ наслажденіямъ ума, къ привилегіямъ красоты, и скоро становится на степень, которой заслуживаетъ.

— Правда, онъ жарко къ этому стремится, возразилъ Теврино: — правда также, что иногда и достигаетъ; но еще болѣе правда, что чаще ему не удается это, потому-что общество не поощряетъ ему, потому-что предрассудки отталкиваютъ его, потому, наконецъ, что онъ не привыкъ съ-молоду любоваться собою средъ принужденія, и что первоначальное воспитаніе постоянно принуждаетъ его къ безпечности, врагу борьбы и рабства.

— Это опровергаетъ ваше первое положеніе; платье, стало-быть, ничего не доказываетъ, а доказываютъ привычки, т. е. рѣчь и гавнера.

— Платье, рѣчь, манеры, все это принадлежитъ къ привычкамъ

жизни; это выраженіе ихъ, и положеніе человѣка бѣднаго, ме- каго бросается толпѣ въ глаза всего больше; но это, такъ-сказатъ наружныя привычки: нравственное существо не теряетъ отъ э- го своей цѣны передъ Богомъ.

— Я не понимаю такихъ различій, маркизь! Въ вашихъ устахъ это великодушное, безкорыстное мнѣніе; но въ устахъ лица, какъ вы только-что представляли, это было бы дерзкимъ и суетнымъ притязаніемъ. Филантропія запутываетъ васъ: нравственное су- щество не можетъ такъ отдѣлиться отъ внѣшняго. Гдѣ рѣ- смѣшна, гдѣ привычки грубы, безпорядокъ—дѣло привычное, въ раженіе лица дерзко, и самое ремесло неблагородно, тамъ можетъ ли вы надѣяться найти великую душу и обширный умъ?

— Можетъ-быть, я все-таки думаю, что это дѣло возможное, и смотря на ваше преррѣше къ нищетѣ.

— Не мнѣшите на меня; есѣ нищета, о которой я скажу и которую уважаю: нищета болѣзни, незнанія, слабости, нищета всѣхъ жалкихъ существъ, которыхъ несчастія ихъ касты бросаютъ наумертвыхъ физически или морально въ великую битву жизни. Исохшіе тѣломъ и душою, прежде нежели успѣвъ раз- вернутся, эти несчастные—истинно жертвы случая, и долгу наше сострадать имъ, подавать имъ помощь. Но кто можетъ и не можетъ, тотъ виновенъ, и общество не несправедливо отталкиваетъ и осуждаетъ его.

— Пусть такъ! сказалъ Тевратто съ высокомеріемъ и добротой. Кто можетъ читать въ сердцахъ этого человѣка и знать, не знаетъ ли онъ тогда въ самомъ-себѣ утѣшеній, неизвѣстныхъ са- му. Не возникаетъ ли тогда между нимъ и высочайшею близости отношенія чище и ограднѣе всѣхъ людскихъ симпатій и социаль- ныхъ протекцій? Я воображаю себя, что дары Господни всегда что-нибудь да годны, и что послѣдніе на землѣ не будутъ носить ими въ его царствѣ. *Нѣтъ* сказалъ это уже давно... Однако съехалъ на проповѣдь и вышвиваюсь въ дѣло нашего ночного священника. Я долженъ удовольствоваться тѣмъ, что показываю свое умѣнье разыгрывать комедію. Мнѣ всегда говорилъ, что я рожденъ актѣромъ, а у меня прямое сердце, всегда улавливаю меня наперекоръ голосу благоразумія.

— Вы удивительный мимикъ, сказала Сабина:— и новолунный этотъ итальянскій фарсъ, какъ веселый школьникъ во время экзаменій. Удивляюсь легкости и юности вашего характера, а при всемъ томъ признаюсь вамъ, это меня нѣмножко пугаетъ.

— Вы считаете меня пустымъ человекомъ?

— Нѣтъ, но непостояннымъ и безпечнымъ, можетъ-быть!

— Вѣдѣть, вы не считаете меня вѣроломнымъ притворщикомъ, е смотря на мое умѣнье преобразаться?

— Нѣсколько.

— Это по мнѣ лучше, нежели показаться лицемеромъ.

— А развѣ для васъ все равно, если вы впусите недоверчивость другаго рода?

— Мнѣ такъ легко уничтожить всякія недоверчивости, что онѣ меня не беспокоятъ. Но такъ-какъ меня не подвергнутъ испытанію, не вѣдѣю и оправдываться, — не такъ ли, прекрасная Сабина? оставать оцѣнить себя, значило бы въ этомъ случаѣ быть хвастуномъ.

— Не-уже-ли же вы равнодушны къ уваженію и дружбѣ?

— Уваженіе и дружба — французскія слова; мы, итальянцы, поимаемъ ихъ что-то плохо, когда они произносятся между прекрасною женщиной и молодымъ мужчиною. Мы не такъ тонко-разрѣчны и больше-страстны, — мы обращаемся прямо къ истинному чувству, которое можемъ ощущать. Сознаюсь передъ вами, что ваше уваженіе и дружба къ Леонсу для меня незavidны, и я предпочитаю имъ презрѣніе и ненависть.

— Изясните это.

— Какъ и почему не любите вы Леонса, этого превосходнаго и многого чловѣка, который любитъ васъ страстно?

— Онъ вовсе меня не любитъ, и вотъ въ чемъ тайна моего раподушія. Не-уже-ли должно ненавидѣть или презирать чловѣка только совершеннаго за то, что онъ не влюбленъ въ меня? Не должна ли я забыть въ этомъ случаѣ свое женское тщеславіе и отступить справедливость его благородному характеру и великой душѣ, и такъ къ нему такое чувство, которое спокойнѣе и прочнѣе любви?

— Слушая, какъ вы говорите о любви, можно подумать, что вы никогда не знали ея, синьора. Итальянка не была бы такъ гордыня и великодушна: она просто презирала бы и считала въ этомъ своимъ чловѣка, способнаго жить съ нею въ грубомъ и торбительномъ сердечномъ отношеніи, которое вы называете любовью... Знаете ли, синьора, какого бы происхожденія женщина ни была, она всегда прежде всего женщина? Инстинктъ истины имѣетъ надъ нею больше власти, нежели законы приличія и рошаго тона. Ваша дружба, то-есть ваше презрѣніе къ моему благородному другу, основывается только на заблужденіи. Вы не вѣдѣете его любви и наказываете его за молчаніе вашимъ уваженіемъ. Еслибъ вы читали въ его сердца, вы отвѣчали бы ни о чувства.

— Маркизь! для меня очень-странно, что вы взядись объясняться Леонса.

— Клянусь честью, синьйора, это не по его порученію: онъ и доврчивъ ко мнѣ такъ же, какъ вы.

— И такъ, вы ухаживаете за мною, вмѣсто его, по собственному побужденію, и взяли за его дѣло даромъ? Это очень-благородно и великодушно съ вашей стороны, маркизъ, и напоминаетъ братство древнихъ рыцарей. Позвольте сказать вамъ, что подобный поступокъ достоинъ уваженія, и съ этого дня вы вполнѣ заслужили мою дружбу.

Сказавъ это съ горькою досадою, Сабина встала, пожелала маркизу доброй ночи, и удалилась въ свою комнату.

Мы уже сказали, что всѣ комнаты нашихъ путешественниковъ выходили на досчатую галерею съ широкимъ навѣсомъ, по английскому обыкновенію, и что галерея эта тянулась вдоль фасада обращеннаго къ площади. Леонсъ и Теверино занимали одну комнату, и маркизъ, вошедъ, засталъ своего друга еще одѣтымъ, расхаживающаго въ волненіи.

— Молодой человѣкъ! сказалъ Леонсъ, идя ему на встрѣчу подавая ему руку:— у тебя благородныя чувства, и ты достоинъ благородной участи. Я грубо обидѣлъ тебя при переѣздѣ черезъ ручей; хочешь ли забыть это?

— Прощу вамъ отъ всего сердца, Леонсъ, если вы сознаетесь, что ревность, то-есть любовь, была причиною этой невольной выходки.

— А въ противномъ случаѣ ты не забудешь?

— Въ противномъ случаѣ, я потребую отъ васъ отчета. Чемъ ниже кажется вамъ мое состояніе, тѣмъ учтивѣе должны бы вы быть со мною, пригласивъ меня въ свое общество, и если вы рѣшаетесь дать мнѣ удовлетвореніе потому только, что состояніи наши неравны, я скажу вамъ, для вашего поощренія, что я былъ на чемъ угодно съ удивительнымъ искусствомъ, и что это не передуаль моя съ знатнымъ человѣкомъ.

— Я свободенъ отъ такихъ малодушныхъ предразсудковъ, которые заставили бы меня колебаться въ этомъ случаѣ; я не сталъ отъ своего вѣка, и знаю, что человѣкъ стоитъ человекомъ, тоже не совсѣмъ-неискусенъ въ этомъ дѣлѣ, и помириться съ такою бою было бы очень-пріятно, еслибъ дѣло мое было право; но я чувствую, что неправъ, и это мучитъ меня тѣмъ болѣе, что вижу въ тебѣ гордость благороднаго человѣка.

— Ваши извиненія тоже извиненія благороднаго человѣка, и принимаю ихъ, сказалъ Теверино, пожимая ему руку съ видомъ мужественнаго достоинства:—но для успокоенія моей чувствительности, вы должны были бы сознаться, что виною всего были только любовь и ревность.

— Вы добиваетесь сердечной откровенности, Теллерман? Извольте. Ревность — да, согласен; но любовь, — нѣтъ.

— Опять французскія тонкости! Женщина намъ или нравится, или не нравится. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и ревности.

— Это голосъ прямодушія и наивности; но положимъ, я согласенъ, что цивилизація французскихъ нравовъ и утонченность нашихъ идей порождаютъ это страстное противорѣчье. Не-уже-ли вы можете понимать того, что можете чувствовать? Вы, который знаете такъ много, изучали столько различныхъ натуръ, не-уже-ли вы не знаете, что самолюбіе такая же причина досады и ревности, какъ и истинная страсть?

Теллерманъ сѣлъ на край кровати, промолчалъ нѣсколько минутъ раздумья, и потомъ сказалъ, вставая: — Да! это болязнь души, болы пресыщенія! Чтобъ не знать ихъ, надо быть въ моемъ положеніи, надо быть знакому съ нищетою, то-есть съ частою неспособностью удовлетворять всемъ своимъ прихотямъ. Милая бедность! Ты добрая наставница сердець. Когда роскошь наслажденій возитъ насъ испортить, ты возвращаешь насъ къ первоначальной чистотѣ чувствъ и идей. Ты даешь намъ столько простодушныхъ уроковъ, что мы по-неволѣ должны оставаться простодушными предъ твоимъ суровымъ закономъ.

— Какое отношеніе находите вы между своею нищетою и прямою своего сердца?

— Нищета — цѣлая философія. Это стоицизмъ, и стоическая душа вылита цѣликомъ. Пусть любовницу мою похититъ могущественный человекъ (могущество нашего вѣка — деньги), я склоняю голову, и гордость моя не страдаетъ отъ этого. Сердце, которому мало о моего сердца, не стоитъ въ моихъ глазахъ ни сожалѣнія, ни уваженія. Еслибъ я могъ поддерживать борьбу и доставлять измѣнчивыя наслажденія жизни, я могъ бы узнать тогда ревность и негодовать на свое поражение. Но когда въ распоряженіи моего врага средства соблазна, въ которыхъ счастье мнѣ отказало, — мнѣ не надо возстать, кромѣ судьбы... и люди въ моихъ глазахъ уже не повинны.

— Ты, право, большой философъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Только этого нельзя примѣнить къ движенію ревности, которое пробудилъ во мнѣ. У тебя ничего нѣтъ, и тебя предпочитаютъ бѣдному богачу. Я имѣю причины считать себя униженнымъ вдвойнѣ.

— Даже дойти до бышенства, если вы влюблены. Въ противномъ случаѣ, это только бредъ тщеславія, и я не понимаю, какъ человекъ съ вашимъ умомъ и образованіемъ можетъ тревожиться какой бездѣлицей. Еслибъ вы привыкли ежеминутно подчиняться роковымъ переворотамъ судьбы, вы были бы недоступны для этикета.

мелких несчастій. Вы узнали бы, что женщина — созданіе самое въ примчивое, слѣдовательно существо, которое можетъ имѣть достать всего больше наслажденій и всего меньше правъ, всего больше упоенія и всего меньше увѣренности.

— Это цыганская философія; воскликнулъ Леонсъ: — и я не способенъ любить такъ. Ты живая чувствительность и терпимость Теверино; но въ любви твоей нѣтъ инстинкта собственнаго достоинства, какое есть у тебя въ чувствѣ чести.

— Я не переношу чести туда, гдѣ ея нѣтъ, и ишу въ любви только любви.

— Итакъ, ты часто бываешь любимъ и никогда не любишь тебя знаемое только удовольствіе?

— И однакожь я часто приношу удовольствіе въ жертву понятию о чести. Не спешите судить обо мнѣ, Леонсъ; вы не знаете, что происходитъ во мнѣ въ эту минуту.

— Знаю, другъ мой, воскликнулъ Леонсъ съ жаромъ. — Ты берешься съ желаніями, которыя могъ бы удовлетворить сейчасъ же. Отсюда недалеко до комнаты одной знатной дамы, гордой и такой слабой, какъ не слаба ни одна женщина изъ ея круга, и очень-хорошо знаю, что тебѣ стоило бы только пройтись у ней по окномъ романсъ и выточить ей неотразимо-льстивую фразу, чтобы одушевить этотъ мнимокаррарскій мраморъ и зажечь ея горделивыя губы...

— Стойте, Леонсъ! Во мнѣ нѣтъ этой увѣренности, и я не позволяю себѣ такого могущества.

— Что это? Притворство, скромность, или праводушіе? Откровенность. Я все видѣлъ, все слышалъ; знаю, какъ замесило тебя сначала любопытство, потомъ соблазнъ, и какъ вышелъ ты наконецъ изъ борьбы побѣдителемъ — изъ великодушія ко мнѣ. Благодарю тебя; но уваженіе, которое ты внушаешь къ себѣ, усиливаетъ мое презрѣніе къ этой женщинѣ, и я хочу, чтобы она была наказана за свою лицемерную холодность. Я хочу, чтобы ты отдалъ увлеченію молодости и удовлетворилъ ея желанію, о чемъ съ удовольствіемъ просить влажные глаза ея. Ступай, дитя случая, царь минуты! Часъ благоприятенъ, и ты сорвалъ уже первый поцалуй, поцалуй любви, послѣ котораго женщина ни въ чемъ отказать не можетъ. Ты окажешь мнѣ большую услугу, избавишь меня отъ смертельныхъ агоній, отъ роковаго соблазна, противъ котораго я слишкомъ долго сражался безъ успѣха. Требую отъ тебя только одного: скромности — да впрочемъ жизнь твоя отвѣчаетъ мнѣ за молчаніе... Будь смѣливъ теперь; завтра ты умрешь... если заговоришь!

— Дуэль на смерть была бы небесною приманкой, еслибы я только могъ дѣла чувствовать въ себѣ желаніе, спокойно отвѣчать Теверино...

о: — но этого нѣтъ, потому-что я вижу, ты влюбленъ до безумія, блудный-Леонсъ; твоя ярость и несправедливость; независимо отъ твоихъ воли, раскрываютъ глубину души твоей. Успокойся; это прекрасное созданіе ни лукаво, ни преступно. Она только недоумчива и дерзительна, и если она не любила тебя до-сихъ-поръ, такъ ты самъ въ томъ виноватъ, Леонсъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, виновата она! Можеть ли она не знать, что я ее люблю, и что моя почтительная дружба только притворство робости?

— Такъ ты сознаёшься, наконецъ!

— Сознаюсь, что люблю ее давно, и что еще сегодня утромъ... я хотѣлъ былъ объясниться; да что! не выказалъ ли я этого, — сумасшедшій! — сто разъ сегодня! Моя раздражительность, горькія мысли, грусть, безпокойство, ревнивое вниманіе, мои усилія спасти Мадлену, — какъ-будто это не признанія, слишкомъ-продушныя для свѣтскаго человѣка!

— Леонсъ! Леонсъ! Васъ поняли!

— Да, и это-то всего жесточе съ ея стороны, всего для меня извѣстнѣе. Она притворилась, что ничего не видитъ; она устроила въ своемъ гордомъ безразсудствѣ, она отыскивала всѣ средства лишить меня бодрости, и когда увидѣла, что я жестоко страдаю, отдалась неизвѣстному человѣку... съ какимъ-то цинизмомъ!

— Не богохульствуи! Мнѣ больно и стыдно тебя слушать, встанидуль Террино. — Ты слѣпъ и грубъ въ своей страсти. Какъ? Ты не видишь, что она тебя любитъ, и я долженъ раскрыть твою тобою нѣжность ея сердца? Ты не видишь, что она страдаетъ отъ меня съ досады, и что душа ея, тревожимая страстью, ничѣмъ не защищена въ упоеніи какой-нибудь роковой катастрофы? Чтобы справиться съ нею, ты избираешь пути, усыянные терніемъ, и наведенія, которыя ты ей готовишь, отравлены желчью. Ты разжидешь ее бурными желаніями и вдругъ удаляешься, съ гордою и эпиграммами, оскорбляясь тѣмъ, что она не спѣшитъ тебѣ встрѣчу, наперекоръ стыдливости ея пола. Ты хочешь, чтобы она высказала тебѣ свою страсть, чтобы она обезпечила тебя противъ всѣхъ случайностей, чтобы обещала тебѣ золотые дни, чтобы явилась и оправдалась въ томъ, что до-сихъ-поръ была нѣтъ-существительна къ твоимъ обольщеніямъ; чтобы попросила у тебя некоторымъ-образомъ прощенія, въ томъ, что медлитъ покоиться; словомъ; чтобы за горькое питье метины, которымъ ты ее отравляешь, она поднесла тебѣ амбросію сердечнаго целомудрія! Это прелесть, Леонсъ, и вы не знаете, что такое подобная женщина! Вы думаете, что увидитесь, шагъ на погань ея, прасиннаго во врагъ, создаваясь, что недостойны ея любви, и не ви-



дите, что это просто естественное выраженіе истинной страстности и искренней признательности восторженнаго счастья?

— Итальянецъ, Итальянецъ! бурный потокъ, стремящійся къ побѣдѣ! ты не ждешь для объясненій, чтобъ тебя проинимали, и восторгъ твой можетъ опередить счастье, изъ котораго онъ происходитъ! Ты знаешь всѣ хитрости оболыщенія и говорю о чистосердечіи?

— Да, я чистосердеченъ, стремлюсь къ побѣдѣ; жеманство и надежда дѣлаютъ меня красноречивымъ, и мнѣ не нужно быть умнымъ въ успѣхѣ, чтобъ быть свѣлымъ. Что же удивительнаго въ неудачѣ этого рода?

— А! Ты не знаешь этого? Отказъ женщины хуже пощечины полученной отъ мужчины.

— Глупый предрассудокъ!

— Нѣтъ! Отказывая, женщина говоритъ, что твоя просьба для нея оскорбительна.

— Ложная добродѣтель! Вижу, что все это у васъ хитрости. Да здравствуетъ пламенная Италія!

— Однако, ты презиралъ своихъ древнихъ идоловъ, говори, что тому назадъ, на укрьпленіяхъ: «Наши женщины любятъ безъ боя, а ваши чувства — иде!»

— Я думалъ, что я на пути къ открытію совершенства; но вижу съ прискорбіемъ, что умъ подавляетъ сердце. Съ раскаяніемъ и сокрушеніемъ возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

— Въ сущности ты, можетъ-быть, правъ! сказалъ Леонсъ послѣ глубокаго раздумья. — Это отсутствіе разборчивости протекло изъ богатства вашей организаціи; и я не удивляюсь, что она была увлечена задушевностью теплаго сердца, живши до сихъ поръ только ледяными тонкостями. Мы, можетъ-быть, ничего и не имеемъ въ любви, и я сознаю, что заслужилъ все со мною случившееся. Только теперь поздно навлечь изъ этого пользу; очарованіе исчезло, и ты испортилъ, Теверино, все, думая услужить и просвятить меня.

— Не говорите этого, Леонсъ; вы этого не понимаете. Утро вчера мудренѣе, и завтра вы будете спокойны. Завтра, въ два пополудни, великій переворотъ долженъ совершиться между нами. Подождите до того времени, чтобъ судить о самомъ себѣ.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего! Я хочу спать! сказалъ Теверино, гася свѣчу. — трудитесь разбудить меня завтра, потому что я люблю спать въ постели; какъ кардиналъ.

Скоро Теверино заснулъ, казалось, глубокимъ сномъ; Леонсъ ограничился только спорить съ самимъ-собою, и онъ нарочно

двигая заснуть подобно своему товарищу. Постель его была очень-непокойна, и трактирные кровати казались ему так же гадки, как усидительцы для Теверино. Леонсъ невольно прислушивался ко всякому шуму. Напреодолимое безпокойство съѣдало его. Онъ все ждалъ, что по занавѣсу окна, освѣщеннаго луною, мелькнетъ гнѣ Сабинны, ищущей въ галереѣ случая примириться съ Теверино.

Наконецъ, онъ началъ засыпать, какъ вдругъ цолъ галереи слегка зашуршалъ подъ осторожными шагами, и мало-по-малу все стихло. Леонсъ, неподвижный, началъ прислушиваться, устремивъ взоръ на Теверино, кровать котораго стояла прямо противъ него; онъ ясно увидѣлъ, какъ цыганъ всталъ, тихонько отворилъ дверь, убѣдился, что никто не проходилъ тутъ, и подошелъ къ нему, по-смотреть, спитъ ли онъ. Леонсъ притворился, будто спитъ глубокимъ сномъ, и не чувствуетъ, какъ Теверино машетъ рукой ему передъ глазами. Теверино тихонько одѣлся и осторожно вышелъ.

— Негодяй! Ты обманулъ меня, подумалъ Леонсъ. — Такъ я отпую же твою хитрость на зло тебѣ, и пристыжу эту безстыдную женщину.

Онъ всталъ, одѣлся также осторожно и пошелъ по слѣдамъ безрассуднаго маркиза. Мѣсяцъ уже былъ на закатѣ, и въ городѣ все было тихо.

## XI.

Леонсъ очень-хорошо помнилъ, какой номеръ занимала Сабина; но онъ былъ до того встревоженъ, что не обратилъ на это вниманія и остановился передъ первой попавшейся ему открытой дверью. Въ маленькой комнатѣ, которую онъ могъ оглядѣть въ одно мгновеніе, стояли двѣ кровати и горѣла лампа. Одна изъ кроватей была пуста; это была кровать негритянки, таинственнаго существа, прошедшаго по галереѣ. На другой, очень-низкой кушеткѣ, на коврахъ, покоилась Мадлена. Теверино, стоя посреди комнаты, осматривался съ безпокойствомъ, и Леонсъ скоро увидѣлъ, что онъ остановился противъ птичницы и внимательно смотрѣлъ на нее. Дѣвушка спала сномъ ангеловъ; лампа на столикѣ освѣщала мирный обликъ ея и тревожныя черты цыгана. Полурастворенная дверь скрыла Леонса, но онъ могъ все видѣть.

— Мадлена? подумалъ онъ, подозрѣвая теперь другое: — а! это же тише, и я спасу ее! Зачѣмъ эта проклятая негритянка оставила ее?

Онъ хотѣлъ-было уже зашумѣть, чтобъ обратить въ бѣгство со-

блазняка, какъ вдругъ увидѣлъ, что Теверино становится на лѣвни передъ свѣтлымъ образомъ дѣвушки. Выраженіе лица замѣнилось: безпокойство уступило мѣсто глубоко-нѣжному чувству и чему-то въ родѣ религіознаго благоговѣнія. Нѣсколько времени онъ оставался какъ-будто погруженнымъ въ сладкія, тайныя мысли. Можно было подумать, что онъ простодушно молится, никогда еще красота его не была такъ идеальна! Черезъ несколько минутъ, онъ наклонился и молча поцаловалъ чотки, которыми дѣвушка держала еще въ рукѣ своей, свѣсившейся черезъ край постели. Она заснула перебирая ихъ. Не смотря на осторожность цыгана, она въ-половину проснулась и, думая, конечно, что она себя въ хижанѣ, проговорила тихимъ голосомъ:

— Развѣ уже свѣтаетъ, другъ мой? Братъ ужъ возвратился?

— Нѣтъ, Мадлена, спи еще, мой ангелъ, отвѣчалъ Теверино.

— Я пойду навстрѣчу Жозефу.

— Такъ идите! сказала она соннымъ голосомъ. — Я встану, когда вы уйдете. И такъ-какъ часы покоя указывала ей привычка, то она опять заснула, безсознательно проговоривъ эти слова.

Теверино вышелъ и встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ Леонсомъ, который нисколько не старался избѣжать этой встрѣчи. Вручаясь, онъ пришелъ въ сильное волненіе, и, быстро оборотившись, взялъ ключъ отъ комнаты Мадлены, замкнулъ дверь и выдернулъ его изъ замка. Потомъ, схвативъ молодого человека за руку, сказалъ ему дрожащимъ голосомъ:

— Тутъ вамъ не удастся позабавиться. Идите, если вамъ угодно, нарушать покой знатныхъ дамъ. Дитя горь не для насъ!

— Еслибъ у меня была такая адская мысль, отвѣчалъ Леонсъ спокойствіе и прямодушный видъ котораго скоро успокоили прощипательнаго бродягу: — мнѣ стало бы стыдно въ твоёмъ присутствіи, благородный юноша! Я подсмотрѣлъ тайну твоего сердца и зналъ тайну Мадлены. Я былъ такъ занятъ своимъ, что даже слухъ-перъ не могъ узнать въ тебѣ ея милаго, о которомъ она говорила, и обвинялъ тебя въ преступленіи, когда ты повиновался отеческой заботливости.

— Отеческая заботливость! сказалъ Теверино, удаляясь съ Леонсомъ отъ комнаты птичницы. — Да, это настоящее слово, Леонсъ! Услышавъ шаги въ гадерѣ, я началъ опасаться за беззащитное, ничего-неподозрѣвающее дитя, Какой-нибудь мерзавецъ-лакей, вандаль-жюкей, чего добраго... эта дерзкая фигура!.. Я отвѣчаю за Мадлену передъ бравымъ контрабандистомъ, который вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ свято вѣрилъ мнѣ охраненію своей сестры и хижаны. О, праводушіе золотаго вѣка! ты воскресло среди пустыни, между цыганомъ, разбойникомъ и молодою дѣвушкою! Вотъ, Леонсъ, чего

когда не дойдетъ наша благородная дама, такъ глубоко-проницательная жизнь въ нищетѣ и безпорядкѣ. Увы, ей не понять сердца младаго—эту святую простоту, которая даже не знаетъ, что она крошечна; эту высокую увѣренность, которую не могла пошатнуть ни Сабина со всею своимъ умомъ и красотою! Не удивляетесь вы, Леонсъ, безмятежности и скромности этого ребенка, этой восты, которая удовольствовавшись однимъ словомъ, увидѣвъ меня переженинаго, и ни одною выходкою глупой ревности не попытала мнѣ разыгрывать роль дѣстца передъ вашею богинею? Ахъ, ишь вы слышали ея наивные вопросы, когда она сидѣла возлѣ меня на козлахъ, ея полныя величія и доброты отвѣты, когда я рашивалъ ее, не находить ли она вастъ, съ своей стороны, слышитъ—любимымъ и прекраснымъ! Наша любовь не то, что ваша, и другъ: мы не подозреваемъ другъ друга; мы знаемъ, что не жемъ другъ друга обмануть. Признаться ли вамъ? Птичница кажется мнѣ еще милѣе и привлекательнѣе послѣ того, какъ я пощадъ ароматомъ знатной дамы... Однако, куда жъ ушла эта прелестная негрятенка и оставяда двери настежь, какъ-будто мы здѣсь монастырь? Держу пари, что еслибъ младаи поручила ей смодть въ какомъ-нибудь собачкой, она заботилась бы о ней больше, жели о тести этой молодой дѣвушки.

Гдѣ же, въ самомъ-дѣлѣ, была негрятенка? Не хотимъ предполагать, что она отпраивдалась на свиданіе съ жокеемъ Леонса. Можетъ-быть, позвала ее Сабина, мучимая безсонницею; можетъ-быть, она была лунатикъ.

Сабина спала не лучше своихъ спутниковъ. Предсказаніе Леонса исполнилось точнѣе, нежели онъ предвидѣлъ; говоря на-удачу, онъ думалъ только позабавить ее и потревожить ожиданіемъ какого-нибудь приключенія, на которое самъ не рассчитывалъ. Бѣдная молодая женщина, встревоженная и огорченная, не уставала припоминать всѣ чудныя событія того дня. Странности Леонса, бурное и горькое объясненіе въ любви, сдѣланное имъ въ дѣсу, и ихъ внезапное примиреніе. Потомъ неожиданная досада его на то, что она не могла придерживаться старинной дружбы, уходъ его часа на два въ горы и возвращеніе съ атимъ незнакомцемъ, полнымъ очарованія и странностей, который являлся ей то самымъ благородно-вѣрженнымъ, то вдругъ самымъ прозаически-пустымъ человекомъ, то влюбленнымъ въ нее до обожанія, то равнодушнымъ и безразличнымъ до того, что молилъ ее за другаго; то образкомъ и цѣлымъ дворянцемъ, то истиннымъ типомъ площаднаго скомороха; перелетавшимъ отъ педантскаго пренія въ священникомъ къ божественному музыкальному вдохновенію, отъ двусмысленнаго переплетанія съ птичницею къ общему разговору, полному возвы-

женныхъ мыслей, философіи и поэтическаго энтузіазма... Въ переходы спутали мысли и сломали сердце Сабина. Въ эти минуты, всѣ разговоры проходили передъ нею при быстромъ движеньи кельяски, которое, казалось ей, она чувствуетъ, и при безпрестанной перемѣнѣ декораціи горъ, которая какъ-будто неслась мимо ея закрытыхъ глазъ. Она не различала уже мечты отъ действительности, и едва начинала засыпать, какъ вдругъ опять пробудалась, чувствуя, что Теверино цалуеетъ ее на вершинѣ башни. Емившіяся рукоплесканія и хохотъ презрѣнія поражали слухъ; башня падала съ грохотомъ, и она стояла на грязной улицѣ по руку съ фигляромъ, передъ Леонсомъ, который изъ жалости бралъ имъ милостыню, отворачивая голову.

Негрятка, которой приказано было разбудить ее пораньше, стала ее сидящею на постели, съ мутнымъ взоромъ и стѣсненною грудью. Она подала ей бѣлый кашемировый бурнусъ, служившій ей въ видѣ вмѣсто утренняго платья, свѣжее раздушенное было богатый туалетный приборъ, — словомъ, почти все приходившее, чему она привыкла. Сначала, она прильнула за туалетъ машинально; потомъ, снова впавъ въ раздумье, спросила у Леле, кто пожелалъ обо всемъ этомъ съ такимъ любезнымъ вниманіемъ? Когда Леле отвѣтила ей, что всѣ эти мелочи взяты по приказанію Леона, она не могла больше сомнѣваться, что, ужасая, онъ ищетъ и желаніе продлить прогулку до слѣдующаго дня, и между-тѣмъ какъ Негрятка причесывала ее и одѣвала, она терлась въ тысячу новыхъ мечтаній.

По вчерашнему поведенію Теверино, она слишкомъ-ясно видѣла, что онъ ее не любитъ. Какъ могъ онъ послѣ его страстной ласки и роковаго поцалуйа не только не быть тревожнымъ и замученнымъ въ-продолженіи остальнаго вечера, но даже разыграть и театральную сцену? И когда онъ снова очутился наединѣ съ полубожженною женщиною, какъ, вмѣсто того, чтобъ выказать ей благодарное раскаяніе, котораго гордая красавица ждетъ, чтобъ извиниться или уступить, какъ могъ онъ устоять въ чемъ-то похожемъ на философскій диспутъ и говорить, наконецъ, о любви Леона вмѣсто своей собственной? Сабина была глубоко-унижена; она хотѣла выйти, желая снова облечься ироническимъ высокомеріемъ и ложнымъ спокойствіемъ своей мнимой недоступности. Но маркизъ дерзокъ и опасенъ, на чью защиту, кромѣ Леона, могла она надѣяться?

Нужная и законная привычка снова привела ее къ этому естественному защитнику, и, будучи увѣрена въ великодушій своего друга, она спрашивала сама себя съ ужасомъ, какъ могла она быть несправедливою и легкомысленною до такой степени, что ей при

лось жить въ немъ необходимость? Сравнивая этихъ двухъ людей, — одного волнаго прелести и загадочности, другаго суроваго и положительнаго; незнакомца и испытаннаго друга; одного, котораго поцалуй ея вавѣки приковалъ бы къ стопамъ ея; другаго, который принималъ этотъ поцалуй мимоходомъ, какъ очень-обыкновенное приключеніе, и забылъ черезъ часъ. Она обвиняла себя и прятала въ глубинѣ души...

Леонсъ ожидалъ, что она будетъ противъ него раздражена, и шла къ ней блѣдною, грустною, обезоруженною. Подошедъ поцаловать, по обыкновенію, ея руку, онъ замѣтилъ слезу на ея черныхъ ресницахъ, и, въ свою очередь, невольно былъ тронуть.

— Вы нездоровы? сказалъ онъ. — Вы дурно спали?

— Вы мнѣ предсказали это, Леонсъ, и я должна отдать вамъ отчетъ въ ужасныхъ ощущеніяхъ, которыхъ никогда не забуду. Устройте, пожалуйста, такъ, чтобъ я могла сегодня поговорить съ вами покойно, и не покидайте меня такъ жестоко по-вчерашнему.

У Леонса не достало духа сказать ей, что онъ хотѣлъ этииъ годить ей: онъ слишкомъ-хорошо видѣлъ, что Сабина не хотѣла и не могла оправдаться. Онъ спросилъ себя, въ свою очередь, не въ ли одиѣ виноватъ? Полный грусти и сомнѣній, онъ пошелъ распорядиться притотвленіями къ отъезду.

Къ-счастью, священникъ развеселилъ за завтракомъ общество; маркизъ былъ очень остроуменъ, Леонсъ задумчивъ, и Сабина внутренне благодарила его за это. Въ Теворино видѣла она наглость счастливаго любовника и ненавидѣла его. Въ мысляхъ цыгана не было, прочесть, ничего подобнаго: онъ смотрѣлъ на поступокъ леди Г. голлазла-списходительнѣе ея-самой; грѣхъ былъ въ его глазахъ такъ простителенъ, и философія его въ этомъ отношеніи одушевлена такою терпимостью, что онъ очень-мало былъ расположенъ чваниться. Это происходило отъ-того, что, въ извѣстномъ смыслѣ, въ немъ было меньше уваженія къ добродѣтели женщинъ, нежели въ Леонсѣ, и въ то же время больше вѣры въ ихъ нравственное достоинство. За минуту слабости онъ не обвинялъ ихъ въ неспособности любить истинно и долго. Его кодексъ добродѣтели былъ не такъ возвышенъ, но за то болѣе-человѣколюбивъ. Идеаломъ его была не сила, а, напротивъ, нѣжность и прошеніе.

Только когда сѣли въ коляску, Сабина замѣтила отсутствіе падлены.

— Она ушла въ свои горы на разсвѣтъ, сказалъ Теворино. — Бѣдняжка опасалась, чтобъ братъ, возвратившись домой, не беспокоился на счетъ ея отсутствія, и отправилась по горамъ прямехонько, въ сопровожденіи своихъ птичекъ, которыя, я самъ видѣлъ, прилетѣли къ ней навстрѣчу у городскихъ воротъ; я проводилъ ее въ

поле, чтобъ ея не окружили и не остановили дѣти воссѣсть въ ея волшебныя фокусы.

— Маркизь доброе всѣхъ насъ, сказалъ Леонсъ. — Тогда как мы забыли нашу маленькую спутницу, онъ всталъ раньше всѣхъ, чтобъ принять ея подъ свое покровительство.

— И вы называете это покровительствомъ! сказала Сабина по-английски, тономъ упрека:

— Не клевете на Теверино, отвѣчалъ Леонсъ: — вы его еще не знаете.

— Не сказали ли вы вчера, что и вы его не узнаете?

— Съ-тѣхъ-поръ я узналъ его, и впредь, Сабина, я за него ручаюсь.

— Право? онъ благородный человѣкъ?

— Да, у него есть сердце, хотя состояніе и не блестящее.

— Онъ бѣдной фамиліи, или разорился?

— Не все ли равно?

— Очень не все равно. Я уважаю бѣдность дворянина, но дурно думаю о благородномъ, который расточилъ отцовское наследство.

— Въ такомъ случаѣ, вы можете презирать меня: я на большой дорогѣ къ разоренію.

— Вы имѣете на это право, и знаю, что расточаете свое богатство щедро и благородно. Это не подвергнетъ васъ униженіямъ и щетамъ: вашъ художническій талантъ обезпечиваетъ вамъ блестящую будущность.

— А если я художникъ капризный и непостоянный, тѣмъ болѣе подверженный припадкамъ лѣности и безпечности, что мысль трудиться изъ-за денегъ охладитъ мое вдохновеніе? Великіе, истинные художники, однакоже, таковы; и вы сами, не упрекали ли вы меня вчера въ томъ, что я рожденъ въ кругу, гдѣ легко достигнуть успѣха, и гдѣ въ борьбѣ мало заслуги?

— Не напоминайте ничего о вчерашнемъ днѣ, Леонсъ; мнѣ хотѣлось бы вырвать эту страницу изъ книги моей жизни.

Коляска быстро проѣхала возвышеніе, на которомъ стоялъ горный докъ. До границы должно было шагамъ подыматься по крутой извилистой дорогѣ, по которой Теверино спустился наканунѣ съ такою смѣлостью и увѣренностью. Это могло продолжаться не меньше часа. Всѣ вышли, исключая Сабинны и Леонса, котораго она попросила остаться съ ней въ экипажѣ. Жюкей шелъ вблизи лошадей, негрятка шла вдоль рововъ, преслѣдуя бабочекъ съ какою-то дикою граціей, выказывавшею стройность и силу роскошныхъ формъ. Священникъ, рѣшительно читавшій ужасъ въ этой чернушкѣ, къ этому Люциферу въ юбкѣ, по его выраженію: — шелъ впереди съ Теверино. Маркизь рѣшился примирить его съ

вплоть другомъ Мадлены, съ этимъ бродягою, котораго аббатъ никогда не видѣлъ, но далъ себѣ слово пощипать его жандармами при первомъ удобномъ случаѣ. Не говоря ему объ этомъ знакомствѣ и предвидя минуту, когда ему придется, можетъ-быть, снять маску, маркизъ старался выказать ему себя-самого съ лучшей стороны, и приобрести его благосклонность и доверчивость. Это было не трудно, потому-что священникъ былъ въ сущности прекраснѣйшій человѣкъ, когда не противорѣчили его религиознымъ идеямъ и привычкѣ пощипаться.

— Послушайте, Леонсъ, сказала Сабина послѣ минутнаго разума;—я должна обратиться къ вамъ съ странною исцѣвляю, и если вы найдете, что я виновна, должна буду искупить вину — а сама съестъ, потому-что вы причиною всего зла, и, кажется, передъ разсчитывали на мое страданіе. Вы такъ виноваты предо мною, что я чувствую довольно силы признаться въ собственной виѣ.

— Избавить ли васъ отъ этого стыда? отвѣчалъ Леонсъ, взявъ и руку съ чувствомъ презрительнаго состраданія и вмѣстѣ братскаго участія.— Да, это долгъ и аиветь съ тѣмъ право друга. Вы не могли увидать маркиза безнаказанно; вы испытали его потрясеніе могущества, всѣ ваши къастлявыя теоріи пала, — словомъ, вы его любите!

Жгучій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Сабинны, и она сдѣлала кестъ прерывній; но, перецѣливъ себя, сказала:— А еслибъ и такъ, судили ли бы вы меня? Говорите откровенно, Леонсъ, не шадите меня.

— Не осудилъ бы нисколько; но попробовалъ бы предостеречь васъ противъ этой раждающейя страсти. Теврино не недостойнъ и, клянусь вамъ Богомъ, всевѣдущимъ и судящимъ не такъ, какъ вы. Но между вами и этимъ человѣкомъ есть преграды, которыя вы не можете и не захотите побѣдить, бѣдная женщина! Жизнь, полная случайностей, переворотовъ, невзвяснимыхъ странностей, увлекаетъ Теврино къ сферѣ, куда вы не послѣдуете за нимъ. Если между вами сдѣлала бы васъ обонхъ несчастными.

— Вы отвѣчаете на то, о чемъ я васъ не спрашиваю. Что мнѣ о будущности, до участи этого человѣка?

— О! какъ вы его любите! воскликнулъ Леонсъ съ упрекомъ.

— Дѣйствительно! Очень люблю! отвѣчала она съ ледянымъ хлѣбомъ.— Вы сумасшедшій, Леонсъ. Я къ этому человѣку совершенно-равнодушна.

— Такъ о чемъ же вы меня спрашиваете? Или вы въраете мою безррачивостью?



— Избави Богъ! Я спросила васъ, нашли ли бы вы эту любовь преступною, еслибъ она была возможна?

— Преступною, нѣтъ; потому-что я сознаюсь, виновный былъ бы — я.

— И она не уменьшила бы вашей дружбы?

— Дружбы, нѣтъ; но уваженія...

— Говорите все. Почему уваженіе ваше превратилось бы въ состраданіе?

— Потому-что въ такомъ случаѣ вы оказались бы нечестовою дечною противъ меня въ прошедшемъ. Какъ! столько гордости, холодности, презрѣнія къ слабымъ женщинамъ, столько насмѣшекъ надъ внезапными паденіями, надъ слѣпымъ увлеченіемъ, и вдругъ разблачиться, подобно самой слабой и слѣпой изъ всѣхъ! Нѣсколько лѣтъ держаться противъ любви истинной и глубокой и въ одну минуту уступить мимолетному очарованію? Какъ характеръ утратилъ бы въ такомъ случаѣ всю свою самостоятельность и независимость?

— Какъ противорѣчите вы самому-себѣ, Леонсъ! Вчера вы с жаростью ратоборствовали противъ этого ненавистнаго характера вы называли его эгоизмомъ и холоднымъ варварствомъ. Вы готовы были ненавидѣть меня за то, что я никогда не любила.

— И вамъ угодно было оскорбиться и показать, на что вы способны!

— Будьте разсудительны и великодушны; не предположите и мнѣ столько низости, чтобъ задать себѣ роль и равнодушно хотѣть васъ мучить.

— Мучить, меня? А почему жъ бы я мучился?

— Потому-что вы любили меня вчера, Леонсъ. Да! Вы говорили мнѣ о любви, высказывая ненависть; вы молили меня, отталкивая. Я знаю, что сегодня вы этого стыдитесь; знаю, что сегодня вы уже не любите меня.

— Да! печально произнесъ Леонсъ. — Вотъ что называется тѣнью въ душѣ. Но вы, я предполагаю, такъ же равнодушны и моему сегодняшнему выздоровленію, какъ были равнодушны вчера къ болѣзни?

— Узнайте же всю превратность моего инстинкта. Вчера я была неравнодушна, нежели сегодня. Я почти приняла вчера вашу любовь, отталкивая ее, а сегодня, по-видимому, моля объ ней, отъ нея отказываюсь.

— Вы хорошо дѣлаете, Сабина; для обоихъ насъ было бы болѣе шое несчастіе, еслибъ любовь могла еще существовать послѣ того, что я видѣла и знаю.

— И, однакомъ, вы видѣли не все, а я хочу, чтобъ вы

али. Вчера, на вершинѣ башни, голосъ этого Итальянца тронулъ меня до слезъ; мнѣ съдѣлалось душно, я почувствовала, что губы касаются моихъ, и еслибъ я не услышала вашихъ шаговъ, я, можетъ-быть, не отворотила бы головы.

— Вамъ легко исповѣдываться передъ тѣмъ, кто не просмотрѣлъ ничего въ этой живописной сценѣ. Я думала, что присутствую въ первомъ поцалуѣ Франциска де-Римини и Ланчіотто! Вы были чудесно хороши собою!

— Къ чему этотъ трепетъ, Леонсъ, этотъ гнѣвный взглядъ и рожавшій голосъ? Что вамъ за дѣло сегодня, когда вы уже разлюбили меня за этотъ проступокъ, когда презираете меня до такой степени, что хотите лишить меня заслуги признанія и раскаянія? — Тотъ не раскаивается, кто исповѣдуется такъ смѣло.

— Пусть это будетъ и смѣлость, если угодно, я за это не спую, и желаю не прощенія любовника, но отпущенія дружбы. Неразрывный унижительный для меня опытъ измѣнилъ мои мысли о любви и нѣтъ о самой-себѣ. Я мечтала о чемъ-то неслыханномъ высокомъ, и ввровала; васъ считала я едва-достойнымъ вести меня къ открытію этого идеала. Теперь я узнала пустоту своихъ надеждъ и постыдную слабость человеческой природы. Пламенный порывъ, льстивыя рѣчи, прекрасный голосъ, усталость и волненіе послѣ дня, полного приключеній, упоеніе дивной ночи и живописнаго мѣста, и — всего больше злое чувство досады противъ васъ, сдѣлали меня столько же слабою въ одну минуту, сколько была я сильна и непобедима въ продолженіи многихъ лѣтъ, прожитыхъ въ свѣтъ. Надъ мною тяготѣло какое-то непостижимое мятеніе, туманъ затемнялъ мои взоры, жужжаніе заглушало слухъ. Я почувствовала, что и я существо страдательное, подчиненное, мечтенное, — словомъ, женщина! Съ этой минуты, подмостки моей гордости рухнули; я оплакивала увѣренность мою въ самой-себѣ, сознавая свое паденіе и разочарованіе въ себѣ-самой, надѣялась, по-крайней-мѣрѣ, что могу благодарить Бога за то, что онъ далъ мнѣ великодушнаго друга, который, спасши меня отъ совершеннаго паденія, утѣшилъ въ скорби. Не-уже-ли я забываюсь, Леонсъ? Вы не попытаетесь исцѣлить рану, гонящую въ глубинѣ моего сердца? Не-уже-ли я должна плакать лишку и ежеминутно дрожать передъ воплемъ совѣсти? Если это отчаяніе подавить меня окончательно, если первое паденіе увлечетъ меня въ глубину бездны, если мнѣ суждено испытать еще такіа жалкія оболщенія и чувствовать, какъ велика опасность, которую я такъ презирала, не-уже-ли никто не протянетъ руки мнѣ въ минуту? Не-уже-ли спасетъ меня мужъ, этотъ флегматическій и неводержимый Англичанинъ, который не можетъ устоять противъ

вина и не понимаетъ, какъ можно не устоять противъ любви? И мои ввроломные обожатели, эти свѣтскіе, безпощадные, безпутные люди, которые не боятся никакой лжи, лишь-бы соблазнили женщину, и презираютъ ее, какъ-скоро она начинаетъ слушать ложь другаго? Скажите, куда укрыться мнѣ, если единственный человѣкъ, дружбѣ котораго я могу вѣрить тайну моего стыда, отталкиваетъ меня и холодно говоритъ мнѣ: «сожалѣнія, да; но уваженія, нѣтъ!»

Сабина говорила съ энергіей; она была блѣдна какъ смерть, и легкія багровыя пятна выступали мѣстами на щекахъ ея. У нея действительно была лихорадка, и утренній вѣтеръ, волнуя ея роскошные волосы, придавалъ ей непривычный для нея видъ безжизненности и сильной душевной тревоги. Она казалась Леонсу прекраснѣе, нежели когда-нибудь; онъ схватилъ ея руку, и, чувствуя, что она действительно пробѣгаетъ холодная дрожь, поднесъ ее къ своимъ губамъ, чтобъ согрѣть. Слезы ручьемъ вырвались изъ груди Сабинины; она склонилась на плечо своему другу, который страстно прижималъ ее къ груди.

Леонсъ молчалъ; онъ не могъ произнести ни слова. Праздники его гордости боролись въ немъ съ порывами сердца. Еслибы дело въ сущности состояло только въ прощени дружбы, для него не было бы ничего легче, какъ обратиться къ ней съ извинительными утѣшеніями. Но Леонсъ былъ влюбленъ, влюбленъ, можетъ-быть, до безумія, и такъ давно, что долгъ дружбы не могъ заглушить въ душѣ его. Онъ боролся съ страстью боевой-въискательною и ревнивою, и испытывалъ настоящую пытку, думая, что въ двухъ шагахъ отъ него идетъ человѣкъ, которому удалось въ одну минуту проникнуть въ сердце, столько лѣтъ для него недоступное. Несмотря на эту внутреннюю борьбу, Леонсъ былъ побѣжденъ, хотя и не сознавался въ этомъ; онъ былъ отъ природы великодушнее еще болѣе, онъ испытывалъ великодушнѣйшее изъ чувствъ, когда намъ удается очистить его божественную сущность отъ грезъ эгоизма и тщеславія.

— Не спрашивайте меня, сказалъ онъ Сабинѣ: — я, я тоже страдаю... но оставайтесь здѣсь, у моего сердца, и постараемся забыть все, обоимъ!

Онъ удержалъ ее въ своихъ рукахъ, и скоро почувствовала она сладость магнетической силы, истекающей изъ дружескаго сердца, и которая краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Оба дышали свободнѣе, и когда Сабина закрывала глаза, наслаждаясь этимъ чистѣйшимъ упоеніемъ, онъ сказалъ ей, прижимая ее ближе къ себѣ: «спитъ-милая больная, отдохните отъ усталости». Она истинно была готова была этому приглашенію, и скоро благотворный сонъ, нагавалъ

чка шагомъ—вдушею коляски и заботливость друга, воскресили ея улы и снова вызвали на ея щеки блѣдный, ровный колоритъ, оставившій свѣжесть брUNETOKЪ.

## ЖИ.

Сабина проснулась только въ хижинѣ таможеннаго сторожа; она услышала еще и подумать освободиться изъ долгихъ, безмолвныхъ, бѣдъ Леонса, какъ Теверино высмотрѣлъ уже чистую тайну ихъ шивренія. Леонсъ увидѣлъ его дружескую улыбку и старался вѣчать на нее повоздерживше; цыганъ указалъ ему на небо, и, продолжая речитативъ изъ Танкреды, начатый имъ вчера на этомъ мѣстѣ, онъ пропѣлъ только одно слово, въ которомъ Реверни, въ трехъ нотахъ, умѣлъ сосредоточить столько скорби и любви: *Алеманда!*

Въ голосѣ Теверино было столько глубины и метны, что Леонсъ, вышедши изъ коляски, чтобъ переговорить съ сторожемъ, сказалъ ему: «Стоитъ только услышать, какъ пропеется ты это имя, пропѣлъ эти три ноты, чтобъ убѣдиться, что ты великій пѣвецъ: постигаешь музыку какъ маэстро.»

— Любовь я понимаю еще лучше музыки, отвѣчалъ Теверино:— съ удовольствіемъ вижу, что и ты начинаешь понимать ее. Печальна, когда любовь говоритъ твоему сердцу, вознеси сердце къ Богу, высочайшей благодати и доброты. Ты увидишь, что спокойное, раненное сердце снова сдѣлается спокойнымъ и благодатнымъ, какъ сердце ребенка.

— Вы опять хотите править? спросилъ священникъ, видя, что Теверино садится на козлы.—По-крайней-мѣрѣ, вы будете благодарны за вчерашняго?

— Развѣ вы мною недовольны, любезный аббатъ? Развѣ съ вами что-нибудь случилось? Да, сверхъ-того, развѣ вы не садите меня, чтобъ удерживать мой пылъ, если я разгорячусь?

— Право, вы дѣлаете изъ меня что хотите. Далеко въ томъ, что я привыкъ къ вашимъ шалостямъ, и не могу не смеяться, о вы прелюбезный собесѣдникъ. Пошелъ же, дучерь! Лишь бы вернуться сегодня по-добру-по-здорову въ Сент-Андреакуръ, и не репарировать опять черезъ этотъ проклятый ручей, который кажется, и врется свести мостъ вмѣстѣ съ пракожищи!

— Миновать мостъ значить захватъ къ объѣзду, любезный аббатъ; я готовъ охотно!

— Пошелъ въ объѣздъ! воскликнулъ священникъ, отчаянно нагнувъ на глаза свою большую шляпу.—*Chi va piano, va sano; chi*

сомъ дольше или короче въ дорогѣ не важное дѣло; *снѣ ва запо, ва депе.*

Повхали другой дорогѣй, и Сабина спросила Леонса, точно ли они ѣдутъ въ вылу.

— Надѣюсь, отвѣчалъ онъ:—впрочемъ, хорошенько не знаю. Я долженъ признаться, что вся магнитическая сила оставила меня, перешедъ въ маркиза, и отнынѣ онъ единственный нашъ компань.

— Въ такомъ случаѣ, я открыто встаю; не хочу повиняться никому, кромѣ васъ.

— Я слышу, синьора, сказалъ Теверино: — но предположите, что я только руль и повинуюсь рукѣ Леонса. Компасъ—господишь священникъ; взоры его всегда обращены на полюсъ.

— Хорошо сказано! хорошо сказано! воскликнулъ священникъ, сбѣгавъ отъ всего сердца.

Дорога была длинна, но прекрасна. Теверино правилъ благоравно и останавливался при каждомъ замѣчательномъ мѣстоположеніи, давая спутникамъ подивиться имъ. Веселый, добрый нравъ его и почтительность къ Сабинѣ мало-по-малу успокоили ее. Казалось, онъ хотѣлъ заставить ее забыть минутную слабость. Она была ему за это благодарна; но нѣжные взгляды и теплыя рѣчи были обращены только къ Леонсу.

Между тѣмъ становилось жарче, и она опять заснула; Леонсъ съ неутомимою заботливостью держалъ надъ ея головою зонтикъ. Проснувшись, она съ удивленіемъ увидѣла себя посреди готическаго монастыря.

Колеска остановилась во дворѣ, на густой травѣ, близъ большого фонтана. Старинныя постройки, странно-изящныя, окружали эту выступившую впередъ часть монастыря. Сквозь острокошечныя аркады видѣлась, съ одной стороны, далекая перспектива очаровательной долины; съ другой, возвышались надъ зубчатыми шпицами зданія голыя и грозныя вершины горъ. Впереди, широкая рѣшетка ограждала второй дворъ монастыря; сквозь нея, вокругъ поляны, усыпанной цвѣтами, видѣлись зданія позднѣйшей постройки и въ лучшемъ состояніи, съ украшеніями во вкусъ XVI вѣка. Священникъ, прильнувъ лицомъ къ этой рѣшеткѣ, мощною рукою звонилъ въ звонкій колоколь, и тѣни монаховъ, вышедшихъ на шумъ, мелькали въ просвѣтѣ второй готической двери, ведущей по третій дворъ.

— Вы не разсердитесь на меня, миледи, сказалъ Теверино: — что я завезъ васъ къ святымъ отцамъ? Это монастырь Notre-Dame du Refuge, и нашъ любезный священникъ полагаетъ, что сонъ и закуска украсятъ этотъ готическій роздыхъ. Мы попросимъ у па-

тоятеля позволенія ввести васъ во внутренность монастыря, и чтобъ вѣрнѣе успѣть въ просьбѣ, выдадимъ васъ за старую Ирландку, ультра-католичку. Опустите свой вуаль, чтобъ не увидѣн вашего лица и тали, пока не отворится рѣшетка.

— Эти добрые монахи хитрѣе тебя, сказалъ Леонсъ: — вотъ рать-привратникъ идетъ уже поближе взглянуть на молодую, прекрасную путницу.

Переговоры кончились тѣмъ, что монахи согласились впустить женщину на поляну, но не дальше. Условившись, они очень-любезно и обязательно велѣли распрячь лошадей и провели путешественниковъ въ свѣжую, живописно-украшенную залу, гдѣ поданъ былъ лакомый завтракъ.

Здѣсь завязалась жаркая перестрѣлка вопросовъ и отвѣтовъ, и простодушное любопытство праздной братиѣ не разъ приводило въ замѣшательство умъ священника. Онъ принужденъ былъ покориться лжи Теверино, смѣло выдававшего Леонса за лорда Г., мужа Сабинны, и увѣрявшего, что они прямо изъ Сент-Аполлинѣра, гдѣ г. священникъ отслужилъ поутру, передъ отъездомъ, обѣдню. Настоятель изъяснилъ свое удивленіе, что у лорда Г. вовсе не англійскій выговоръ, и что коляска прибыла съ горныхъ вершинъ, а не изъ глубины долины. Но у Теверино на все былъ готовъ отвѣтъ, и, чтобъ прекратить ихъ разспросы, онъ самъ забросалъ монаховъ вопросами и рассыпался въ похвалахъ ихъ монастырю, ихъ почтенной наружности и богатому гостепримству. Послѣ завтрака, онъ попросилъ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ мужчинамъ позволили посѣтить церковь и кельи, и такимъ образомъ снова доставилъ Леонсу случай побыть наединѣ съ Сабинной, которую онъ не хотѣлъ оставить одну. «Они еще недавно обвѣнчаны» шепнулъ Теверино настоятелю: «у васъ тутъ есть монахи на мои глаза красавцы. Милордъ ревнивъ и сердится за самый невинный и почтительный взглядъ на его супругу.» Святой отецъ улыбнулся и поклонился мнимому лорду Г., пригласивъ его нарвать цвѣтовъ для миледи.

Леонсъ и его спутница, полюбовавшись мощной свѣжести растеній, разведенныхъ съ такою любовью и знаніемъ, возвратились въ первый дворъ, котораго разрушенныя зданія и густая, запущенная трава выказывали больше оригинальности и поэзіи. Это мѣсто было совершенно-необитаемо, и древнія зданія его служили только албарами и погребамъ. Мулъ настоятеля, съдой отъ старости, меланхолически щипалъ траву, и только воркованіе голубей на открытыхъ мохомъ кровляхъ, да монотонное журчаніе фонтана и стукъ часовъ, тщательно возвѣщавшихъ о каждой протекшей секундѣ, нарушали безмолвіе этого жилища, гдѣ жизни, казалось, остановилась.

Сабина, сидя на скамьѣ близъ фонтана изъ чернаго мрамора, подходила па стату ю меланхолич. Совершенство преобразованіе совершилось въ это утро въ мацепахъ, наружности и выраженіи этой прекрасной женщины, и Леонсъ, созерцая ее, чувствовалъ, что все между ними намѣнилось. Это была уже не та высокомерная красавица — скептикъ въ дѣйствительной любви, съ гордо-восторженною мечтою какой-то идеальной и невозможной любви, — женщина, которой ни одинъ изъ смертныхъ не казался достойнымъ разделять ея мечтанія. Эта сила характера, это тягостное напряженіе воли, столько пугавшія и раздражавшія Леонса, уступили мѣсто мягкой томности, трогательной грусти, глубокой задумчивости, пѣжкимъ и кроткимъ ласкамъ, которыхъ предметомъ былъ одинъ Леонсъ. Она преобразилась въ робкую, трепещущую женщину, и въ первый разъ онъ находилъ въ ней прелести, не охлажденныя недоверчивостью и страхомъ. Онъ чувствовалъ себя при ней несвязаннымъ, могъ говорить и дышать, не опасаясь насмѣшливыхъ, острыхъ выходокъ, которыя пробуждали прежде его умъ и заставляли сердце его быть на-сторожѣ противъ нея и противъ самого-себя. Ему уже не было необходимости насильно разыгрывать по-вчерашнему роль доктора и таинственнаго педагога — эту холодную и насильственную шутку, прикрывавшую столько сердечнаго волненія и досады. Онъ былъ для нея теперь истиннымъ покровителемъ, врачомъ души, почти господиномъ; а когда мужчина сознаетъ себя властелиномъ и правителемъ, онъ въ состояніи простить все, даже невѣрность, ранившую его самолюбіе.

Онъ сѣлъ у ногъ своей покорной исповѣдницы, и послѣ долгаго молчанія, не безъ тайнаго удовольствія, можетъ-быть, продливъ ея безпокойство и робость, спросилъ ее, не уменьшилась ли ея любовь отъ тягостнаго признанія, которое она осмѣлилась ему сдѣлать.

— Можетъ-быть, отвѣчала она: — еслибъ я видѣла въ васъ что-нибудь другое, кромѣ любовника, который меня покинулъ, и друга, который возвращенъ мнѣ. Но если другъ исцѣляетъ раны, насмѣсенныя мною самой-себѣ, я съ радостью готова видѣть, что любовникъ исчезъ навсегда. Такимъ-образомъ, гордость моя не можетъ страдать: если любовь горда и чувствительна, если ея прощеніе унизительно и не можетъ быть принято, то прощеніе дружбы — святѣйшее и сладчайшее изъ благодѣяній. Ахъ, милый Леонсъ! Сколько чище и драгоценнѣе это божественное чувство! Какъ облагораживаетъ и очищаетъ оно, вмѣсто того, чтобъ унижать и мучить! Вчера я не приняла бы отъ васъ ни помощи, ни сожалѣній. Сегодня я не краснѣя готова молить васъ о томъ на колѣняхъ.

— Вы еще не дошли до истины, милая Сабина! Вы перешли изъ одной крайности въ другую. Вчера вы слишкомъ презирали дружбу; сегодня вы превозносите ее не въ-мѣру. Вы не можете разстаться съ ложнымъ понятіемъ, которое давно составили себѣ объ этихъ двухъ чувствахъ, и все еще думаете, что они исключаютъ другъ друга. Союзъ половъ истинно-идеаленъ и совершененъ только тогда, когда они соединяются въ двухъ благородныхъ сердцахъ. И что же истинная любовь, если не восторженная дружба? Да, любовь—это дружба, дошедшая до энтузіазма. Говорятъ, что только любовь слѣпа? Но гдѣ дружба ясновидяща, тамъ она такъ холодна, что готова кончиться. Повѣрьте, еслибъ вашъ проступокъ былъ въ глазахъ моихъ великъ и непростителенъ, еслибъ за минуту смятенія и слабости я считалъ васъ недостойною узнать любовь, я не былъ бы вашимъ другомъ, и вы должны были бы не принять, а отвергнуть мои утѣшенія. Въ молодости не любишь женщины, которой уже не желаешь, и безъ ревности видишь ее въ объятіяхъ другаго. Тогда слово дружба — ложь, и сохрани меня Богъ сказать, что я васъ люблю такъ! О! позвольте признаться вамъ, что я смертельно страдаю отъ всего вчерашняго, и раздраженъ противъ васъ до такой степени, что даже въ эту минуту я ближе къ ненависти, нежели къ дружбѣ, какъ вы ее опредѣляете. Я нахожу васъ не падшею и достойною презрѣнія, но несправедливою, жестокою, виновною противъ одного меня, любящаго васъ и заслуживающаго счастье, которымъ наградили вы другаго.

— Вы увеличиваете ужасъ мой передъ моимъ проступкомъ, сказала Сабина дрожа — Не-уже-ли вы думаете, что эта мысль не приходила мнѣ въ голову и я не упрекаю себя за то, что мучила васъ? Каюсь въ этомъ передъ Богомъ.

— Почему жь и не предо мной, не предо мной преимущественно? сказалъ Леонсъ, съ силою схвативъ ея дрожащія руки.— Богъ уже простилъ васъ, вы это знаете; но я... значитъ, вы не хотите, чтобъ я простилъ васъ какъ другъ и любовникъ?

— Избавьте меня отъ этого страданія, сказала Сабина, чувствуя, что гордость ея падаетъ. — Читайте въ моемъ сердце, и поймите наконецъ важнѣйшую причину его скорби.

— Смирись же до этой степени! сказала Леонсъ въ изступленіи: — такая женщина, какъ ты, не можетъ дать большаго доказательства любви своей! Скажи, что согрѣшила передо мною; обрати къ себѣ гордый взоръ свой и сѣйся надъ нимъ, если хочешь,—мнѣ все равно. Я не признаю грозить тебѣ его гнѣвомъ; но я знаю, что ты растерзала мое сердце, и что ты обязана сознаться въ



этомъ предо мною. Если ты не раскаешься въ преступленіи — значитъ, ты не хочешь загладить его.

— Прости мнѣ, Леонсъ, и въ доказательство, взгляди на тѣхъ слѣдъ этого ненавистнаго поцалуя!

— Его нѣтъ, его никогда не было! воскликнулъ Леонсъ, прижимая ее къ своему сердцу. — Теперь, продолжалъ онъ, снова надав къ ея ногамъ, пощрай меня, если хочешь, я рабъ твой; пусть раскаленное желѣзо коснется губъ моихъ, если онъ когда-нибудь произнесутъ упрекъ или намекъ на какой бы то ни было поцалуй, кромѣ моего!

Въ эту минуту, на монастырскихъ часахъ пробило два; дверь изъ цѣвника растворилась, и изъ нея вышелъ молодой монашникъ въ бѣлой одеждѣ.

Онъ былъ одинъ и шелъ медленно, склонивъ подъ камишономъ голову и скреставъ на груди руки, какъ-будто погруженный въ благочестивыя мысли.

Леонсъ и Сабина пошли ему на встрѣчу, и онъ склонился передъ ними до земли въ знакъ своего почтенія и смиренія. Но вдругъ, выпрямившись во весь ростъ, и отбросивъ камишонъ назадъ, онъ обнажилъ передъ ними, вмѣсто бритой головы, черные, роскошные волосы и смѣющаеся лицо Теверино.

— Что это за новое переодѣванье? спросилъ Леонсъ.

Теверино, въ отвѣтъ, указалъ рукою на монастырскую колокольню и циферблатъ часовъ, гдѣ стрѣлка показывала въ лазоревомъ полѣ на золотую цифру — два.

Потомъ, глухимъ голосомъ, преклонивъ колѣни, какъ кающійся грѣшникъ, онъ произнесъ:

— Часъ насталъ, и исповѣдь моя будетъ услышана.

— Ни слова! сказалъ Леонсъ, положивъ ему на плеча свои руки и трянувъ его съ видомъ дружескаго авторитета. — Заклинаю тебя жизнью и спасеніемъ души, братъ, — молчи! Не-уже-ли ты считаешь меня столько глупымъ, что я выдамъ тебѣ? Пусть твоя тайна умретъ съ тобою. Она принадлежитъ не тебѣ; въ сердце твое такъ великодушно, что ты не захочешь исповѣдывать вину другаго.

— Я не дитя, и знаю, о чемъ можно говорить и о чемъ нѣтъ, отвѣчалъ пыганъ: — но есть вещи, которыя остались бы у меня на совѣсти, еслибъ я не обвинялъ въ нихъ здѣсь самъ себя; тамъ болѣе, что въ этомъ отношеніи намъ троимъ нечего тайтъ другъ отъ друга. Выслушайте же, благородная и великодушная снѣбора, мольбу бѣднаго грѣшника, который явился просить отпущенія грѣховъ у васъ и у Леонса... Несчастный, привязанный къ вашему благородному другу священными узами дружбы и признательности.

встрѣтилъ однажды въ лѣсу даму высокаго происхожденія и очаровательной красоты. Видя и слыша ее, онъ не могъ не быть очарованъ прелестями ея наружности и ума. Увлекаясь высочайшимъ наслажденіемъ внимать ей и смотрѣть на нее, онъ едва не забылъ, что Леонсъ влюбленъ въ нее до безумія, и что самъ онъ обязанъ уваженіемъ къ другой привязанности. Изъ глупаго тщеславія, онъ вздумалъ пѣть для ея развлечения, потому что прелестная дама была грустна. Какое-то облако пронеслось между ею и Леонсомъ, и она чувствовала потребность плакать, думая о немъ. Недостойный грѣшникъ страстно любилъ свое искусство и не могъ пѣть, не увлекаясь самъ до безумія. Слѣдствіемъ этого было то, что когда онъ прочелъ романъ и увидѣлъ, какъ растрогана дама, на него какъ-будто пахнуло безразсудствомъ, онъ былъ какъ въ туманѣ, въ бреду. Забывъ свой личный долгъ, свою священную дружбу къ Леонсу и глубокое уваженіе къ сивѣйоръ, онъ имѣлъ дерзость съѣсть возлѣ нея и стараться поймать одну изъ чистыхъ ласокъ, назначенныхъ не для него. Еслибъ благородная дама не отворотила въ ужасѣ и негодованіи головы своей, онъ сорвалъ бы съ ея губъ поцалуй, за который мало было бы заплатить жизнью. Къ счастью, явилась Леонсъ и защитилъ ее отъ дерзости негодея. Съ этой минуты, дама смотрѣла на него съ презрѣніемъ, а онъ, чувствуя угрызения совѣсти въ преступной душѣ своей, понимая, что великое преступленіе требуетъ великаго искупленія, онъ разорвалъ связь съ дьяволомъ, онъ отрекся отъ свѣта и подъ мирнымъ кровомъ монастыря укрылся въ одеждѣ покаянія, которую смѣнить только саванъ.

— Твой рассказъ очень-трогателенъ, сказалъ Леонсъ:— и противъ него нельзя устоять. Сабина, вы не можете отказать въ прощеніи такому полному раскаянію. Подайте грѣшнику руку, я васъ прошу объ этомъ, и освободите его отъ его ужасныхъ обѣтовъ.

Сабина, довольная лицемѣрнымъ, но глубоко-почтительнымъ изъясненіемъ маркиза, позволила ему поцаловать ея руку и, стараясь улыбнуться, просила его не думать больше о проступкѣ, который она совершенно забыла. Она произнесла эти послѣднія слова съ особеннымъ выраженіемъ, такъ, чтобъ дать ему почувствовать, что она не приписываетъ никакой важности смѣшному случаю поцалуя. Тенеро внутренно съ лукавымъ простодушіемъ подивился находчивости и смѣлости свѣтской женщины въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ.

— Я тѣмъ болѣе горжусь моимъ прощеніемъ, сказалъ онъ:— что преступленіе мое повлекло за собою только мое уничтоженіе и побѣду истинной любви.

— Расскажи же теперь, сказалъ Леонсъ:— какъ стащилъ ты у монаховъ эту одежду невидности, въ которую такъ гордо облекся?

— Это платье принадлежит мнѣ, сказалъ Теверино:— оно ново, впору, спокойно, и я намѣренъ износить его здѣсь.

— Позво шутить! сказалъ Леонсъ.

— Я вовсе не шучу, отвѣчалъ Теверино. Угадайте, что со мною случилось? Состояніе мое не блестящее и не соответствуетъ сану маркиза. Вы, не парушая скромности, могли сказать объ этомъ обстоятельстве миледи. Кроме того, я капризенъ, какъ художникъ, мечтателенъ, какъ поэтъ. Я всегда любилъ монастыри и мечталъ о нѣгдѣ благословенной жизни въ стѣнахъ ихъ, лишь-бы это не продолжалось дольше, нежели мнѣ сколько вздумается. Съ часъ тому назадъ, слушая, какъ послушники учатся пѣнію, я сдѣлалъ настоятелю нѣсколько дѣльныхъ замчаній на-счетъ дурной метода, которой они слѣдуютъ. Онъ признался, что регентъ отправился по дѣламъ въ Римъ, къ папѣ, и воротится не раньше двухъ мѣсяцевъ. Во время его отсутствія, школа падаетъ, и метода теряется. Я сохлъ ему нотетто на свой ладъ, и почтенный настоятель, отчаянный меломанъ, не зналъ, какъ угостить меня. «А!» говорилъ онъ: «какъ жаль, что вы богатый человекъ: какой бы изъ васъ вышелъ учитель пѣнія!» — За этимъ дѣло не станетъ, отвѣчалъ я: — я сейчас же при васъ дамъ урокъ вашимъ послушникамъ.— Меньше, нежели въ пять минутъ я, доказалъ имъ, что они не умѣютъ ни возвысить, ни понижать голоса, и, подкрѣпляя правило примѣромъ съ кротостью и ласкою, очаровалъ ихъ до такой степени, что все въ одинъ голосъ повторяли съ настоятелемъ: «Какъ жаль, что онъ не можетъ быть у насъ учителемъ!» Словомъ, убѣжденія ихъ тронули меня такъ глубоко, и жизнь монаха-музыканта явилась мнѣ въ такомъ пріятномъ свѣтѣ, что я согласился провести здѣсь два мѣсяца, до приезда регента. Я велѣлъ проводить себя къ органу, и звуками его привелъ слушателей въ восторгъ; и вотъ я на остальное лѣто монахъ, то-есть, сытъ и одѣтъ, какъ вы видите, живу въ монастырѣ ради личнаго своего удовольствія; шесть часовъ въ день запяты своимъ любимымъ дѣломъ, а остальное время могу бродить по горамъ,дохотиться, удить, читать, сочинять или спать, — такъ-что я считаю себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, не хуже моего патрона Юганна Крейсера, которому жизнь въ монастырѣ понравилась до такой степени, что онъ забылъ свои несчастія и всё таинная вещь міра сего!

— Bravo! сказалъ Леонсъ:— одобряю твое намѣреніе и надѣюсь часто посѣщать тебя; сомпѣваюсь только, чтобъ ты пробылъ здѣсь цѣлые два мѣсяца. Я знаю, что все новое манитъ тебя, но скоро начинаетъ утомлять.

— Это правда; но, заключивъ условіе, я исполню его въ точности. Ты долженъ отдать мнѣ справедливость; что я не вступаю

въ обязательство безъ условій, и что предлагаемыя мною условія не безъ предусмотрительности. Знаю, напередъ, что два мѣсяца проведу здѣсь съ удовольствіемъ. Ученики мои понятливы и кротки; есть славные голоса, которымъ я позаимую съ удовольствіемъ. Къ-тому же, я замѣтилъ въ капеллѣ старую музыкальную тарбаршину, покрытую почтенною пылью, которую я намърентъ стряхнуть. Въ такихъ-то архивахъ скрываются сокровища искусства и богатства артистовъ.

— Прекрасно! сказалъ Леонсъ:—но я долженъ поразспросить тебя еще кое-о-чемъ; вотъ настоятель и священникъ идутъ засвидѣтельствовать свое почтеніе милэди, и я прошу у нея позволенія поговорить съ тобою наединѣ.

Они вошли подъ аркады монастыря, откуда видно было поле, и Леонсъ, взявъ Теверино подъ руку, сказалъ:

— Ну! ты, кажется, собираешься вести жизнь нѣсколько-порядочнѣе и трудолюбивѣе. Природныя способности твои необыкновенны, и я не сомнѣваюсь, что съ тѣмъ, что ты скорѣе угадаешь, нежели изучишь, въ короткое время достигнешь блестящаго положенія.

— Я знаю это очень-хорошо, отвѣчалъ Теверино: — только это не соблазняетъ меня.

— Не-уже-ли въ тебѣ нѣтъ тщеславія? Ты достоинъ быть молахомъ.

— Тщеславіе во мнѣ есть, но я не созданъ жить по уставу. Я не буду монахомъ и останусь путешественникомъ по землѣ, удовлетворяя своему тщеславію, когда мнѣ вздумается и освобождаюсь отъ него, когда оно захочетъ поработить меня. Тщеславіе—самый деспотическій и своенравный властелинъ, и я никогда не соглашусь быть рабомъ собственнаго своего порока.

— Развѣ ты не можешь быть истиннымъ артистомъ, не будучи рабомъ публики? Выслушай меня. Начало отталкиваетъ дикую гордость, какъ твоя. Покровители твои были, должно-быть, несправедливы или слишкомъ-разсчетливы, потому-что ты ужасаешься чужаго покровительства. Но просвѣщенная, деликатная, смѣло сказать, достойная тебя дружба развѣ не можетъ предложить тебѣ средства начать и упрочить твое счастье? Деньги и помощь мастровъ—средства необходимыя. Прійми мои услуги, приважай ко мнѣ Парижъ, гдѣ я буду черезъ два мѣсяца, и ручаюсь тебѣ, что не пройдетъ зима, какъ ты займешь въ свѣтъ достойное тебя мѣсто.

— Благодарю, милый Леонсъ, благодарю, сказалъ Теверино, пожмая ему руку. — Я знаю, что ты говоришь отъ чистаго сердца, но тѣмъ менѣе могу принять отъ тебя малѣйшую услугу, что

мы встрѣтились въ шекотливыхъ обстоятельствахъ, на пламени почвъ. На двадцать-четыре часа я могъ быть образцомъ свѣтскостъ зеркаломъ благородства. Но хоть я и не влюбленъ въ миледи, однако испытаніе было такъ опасно и трудно, что я не удержусь отъ желанія повторить. Не принимай этого за самохвальство; я уверенъ, что она тебя любитъ, и убѣдился въ томъ прежде тебя. Очень-радъ, что былъ виновникомъ побѣды, которой желалъ только для тебя; но мы можемъ встрѣтиться на краю другой пропасти, и мысль, что я тебѣ обязанъ, то-есть, что я твое твореніе собственностью, заставила бы меня отречься отъ самого-себя и уничтожиться при всякой встрѣчѣ. Я сдѣлался бы виновнымъ въ неблагодарности, или жертвою собственной добродѣтели. Притомъ ты скоро отказался бы отъ намѣренія прилично устроить существованіе твоего бѣднаго бродяги. Все вкушенное скоро мнѣ надоѣло бы. Я часто раскаявался бы, что уступилъ убѣжденіямъ; противъ воли наскучилъ бы тебѣ неизбѣжнымъ отвращеніемъ ко многому на моемъ поприщѣ, и ты усталъ бы отклонять меня отъ отступленій. Наконецъ, и не играй ты во всемъ этомъ никакой роли, я не вижу ничего привлекательнаго въ спокойной славы и вѣрныхъ доходахъ черезъ банкира. Я рано ознакомился со всеми кулисами всѣхъ сценъ людской жизни, могъ бы быть актѣромъ на этихъ различныхъ театрахъ, но при входѣ, вездѣ,—и свѣтъ какъ на подмосткахъ,—тѣснится толпа наблюдателей, критиковъ, соперниковъ и клакѣровъ, которыхъ я не могъ бы ни обманывать, ни щадить, ни лстить имъ, ни платить. Богъ создалъ меня врагомъ всякой серьезной лжи и холоднаго плутовства; я умѣю ругаться только для шутки; но скоро сила искренности беретъ верхъ, и я чувствую потребность омывать лицо и снова сдѣлаться мужемъ на защиту слабого и наказаніе дерзкаго. Для меня невозможны никакія мечты въ жизни; я еще не жилъ для себя, какъ зналъ уже насквозь людей, состарѣвшихся въ битвѣ. Да здравствуетъ моя святая свобода! Не краснѣй за меня, умный и благородный Леонсъ! Твой путь проложенъ прямо, и ты пройдеши его съ величіемъ; я знакомъ только съ проселками и ходьбою фликомъ, какъ Мадлена...

— Кстати, Мадлена? вотъ гдѣ философія твоя становится ужасающею, и преступленіе близко. Вчера ты спалъ у нея въ хижинѣ, сегодня ты приотился подъ сводами монастыря, завтра ты пойдеши бродить по мостовой города, и дѣвушка будетъ несчастна, если не несчастна уже теперь...

— Пойдите! сказалъ цыганъ, останавливая Леонса передъ аркадой:—взгляните вонъ на этотъ ручей, текущій въ глубинѣ рва. Посмотрите на то мѣсто, гдѣ деревенскій мостикъ соединяетъ тро-

нитку, спускающуюся отсюда, съ той, которая ведетъ на проти-  
лежащую гору.

— Вижу; что же дальше?

— Видите ли вы зеленый, какъ изумрудъ, лужокъ, рисующий-  
я на скатъ мрачныхъ скалъ? Тропинка, убогая въ ладъ, ведетъ  
прямо его.

— Вижу и лугъ. Что дальше?

— Дальше чаща сосенъ, и тропинка въ ней теряется.

— Ну?

— За соснами и тропинкою углубленіе, покрытое дикимъ куст-  
тарникомъ; а дальше — голая вершина горы.

— А еще дальше небо? сказалъ Деонсъ въ нетерпѣніи. — Къ  
какой метафорѣ заходишь ты такъ издалека?

— Ни къ какой. Вы не хорошо разглядѣли. Между вершиною  
горы и небомъ есть еще родъ шалаша изъ сосновыхъ досокъ, ско-  
лоченныхъ на-живую-нитку и поддерживаемыхъ большими кам-  
нями. Далеко вы видите?

— Я очень-хорошо вижу эту хижину. Вижу даже стаю птицъ,  
кружащихся надъ нею въ небѣ.

— Ну, если вы видите птицъ, такъ вы знаете, что это за хи-  
жина, и почему мнѣ такъ по-сердцу поселиться здѣсь, на полчаса  
ути отъ шалаша для такихъ ходоковъ, какъ Мадлена и вашъ по-  
рѣшѣннѣйшій слуга.

— Такъ вотъ гдѣ живетъ птичница?

— Теперь вы можете различить маленькую пурпуровую манти-  
ю, красную точку, сверкающую на солнцѣ и шевелящуюся око-  
ло этой жалкой лачужки. Это Мадлена, это мой ангелъ, дитя мо-  
го сердца, моя душа, моя жизнь! Я не могъ дольше пользоваться  
востерпѣнствомъ, которое предложила мнѣ эта чистая дѣвушка и  
я героическій бавдять-братъ, когда однажды, покрытый пылью,  
два-дышашій, падая отъ изнеможенія, съ послѣднимъ оболомъ въ  
арманѣ,—но при всемъ томъ съ безпечнымъ восторгомъ привѣт-  
ствующій небо Франціи, — я съѣлъ у ихъ порога и попросилъ не-  
иного козляго молока утолить свою жажду. Я понравился имъ и  
нушилъ имъ къ себѣ довѣріе; они удержали меня, я полюбилъ  
ихъ и не могъ рѣшиться уйдти, хотя совѣсть и говорила мнѣ,  
то я не долженъ присоединять къ ихъ нищету свою собственную.  
Теперь, однакожь, не смотря на то, что я скрывался въ самыхъ  
пустынныхъ мѣстахъ, и никто не видѣлъ меня вблизи, — издали  
замѣтили фигуру бродяги, спутника Мадлены; потерявъ доброе  
нѣнне священника, Мадлена скоро принуждена была бы выгнать  
меня или бѣжать со мною. Я этого не хочу, и вотъ почему, ко-  
гда вы встрѣтили меня на берегу озера, я шель предложить свои



услуги монахамъ этого монастыря, памъбрелаясь найдти здѣсь убѣжище недалеко отъ моихъ горскихъ друзей. Вотъ почему завезъ васъ сегодня сюда—чтобъ проститься здѣсь съ вами и возвратитъ вамъ ваше платье, не оставаясь нагимъ, какимъ вы нашли меня.

— Вы оставите его у себя, сказалъ Леонсъ:—чтобъ вамъ было въ чемъ выйти изъ монастыря, — я требую этого, — такъ же, какъ и золото, бывшее въ карманѣ вашего жилета. Вы не можете отказать отъ средства облегчить нѣсколько бѣдность Маллены и ея брата.

— У меня въ карманѣ было золото? спросилъ Теверино съ безпечностью. — Я не замѣтилъ этого. Если вы не хотите взять его назадъ, я положу его здѣсь въ кассу бѣдныхъ, и Маллена получитъ свою часть. Роль казначея не по мнѣ, и я не хочу, чтобъ говорили, будто я разыгрывалъ цѣлыя сутки маркиза не просто ради собственнаго удовольствія. Миллионъ щедро наградила Маллену за доставленное ею развлеченіе. Маллена теперь богата, а я въ два мѣсяца заработаю довольно для удовлетворенія всѣхъ своимъ нуждамъ на долгое время.

— А черезъ два мѣсяца куда ты? Чтѣ съдѣлаешь ты съ Малленой?

— Я люблю и любимъ такъ сильно, что еслибъ она была по-старше, я женился бы на ней; но, — я долженъ подождать еще по-крайней-мѣрѣ два года, и если буду имѣть несчастье черезъ чуръ влюбиться въ нее раньше, она будетъ въ большой опасности. Поэтому я долженъ съ нею разстаться, и даже раньше двухъ мѣсяцевъ, если моя отеческая привязанность измѣнитъ свой характеръ.

— Удивительный юноша! сказалъ Леонсъ:—Какъ? Столько жару и спокойствія, столько слабости и мужества, столько овыности и простодушія, жизнь столько бурная и чистая, безпорочная и такъ сильно огражденная отъ страстей!..

— Не считайте меня лучшимъ, нежели каковъ я въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ Теверино. — Въ бурной молодости я надѣлалъ и для у меня есть проступки, которыхъ я никогда не прошу себя; но это сердце не могло испортиться вполне, и раскаяніе очистило его. Я ставлялъ страдать другихъ, и не умѣю выразить вамъ, сколько страдалъ самъ; я страстно люблю благополучіе, и зрѣяще несчастія, котораго я былъ виною, едва не лишило меня разсудка. Впрелъ я скорѣе убью себя, нежели запачкаю предметъ своего обожанія, и не стану требовать наслажденій у того, кто владѣеть сокровищемъ безвинности.

— Но ты забудешь эту несчастную, и когда ты ее покинешь, сердце ея будетъ растерзано.

— Забуду ли я ее, этого я не знаю, серьезно отвѣчалъ Теврино. — Не думаю, впрочемъ; не могу себя этого вообразить, а еслибъ могъ, я бы не любилъ ее, я — не былъ бы я. Правда, я разорвалъ не одну связь, взялъ назадъ не одну клятву; но не помню, чтобъ когда-нибудь измѣнилъ первый, — у меня душа постоянная по натурѣ и по нуждѣ; не будь я безпрестанно увлекаемъ въ легкія интриги, которыя покидалъ безъ угрызеній совѣсти, я могъ бы любить только разъ въ жизни. Я былъ безпутенъ, хотя Богъ и создалъ меня цѣломудреннымъ; натура моя воскресаетъ при соприкосновеніи съ душою цѣломудренной, и я чувствую, что идеаль мой здѣсь, а не гдѣ-нибудь. Пусть же время идетъ, и жизнь моя развертывается передо мною. Я не могу быть ея пророкомъ; знаю только, что не невозможно, чтобъ я сдѣлался мужемъ Мадлены, если найду ее вѣрною, когда прійдетъ время.

— А если нѣтъ?

— Тогда прощу ей и останусь ея другомъ... Дѣ, другомъ ея, какъ вы не можете быть другомъ Сабины, вы, который любите иначе и пропитываете любовь гордостью.

— И такъ, мы разстанемся — и я не могу доказать тебѣ своего уваженія и истинно-неотразимаго чувства дружбы, которое ты внушилъ мнѣ?

— Мы встрѣтимся, будьте увѣрены. Когда у меня будетъ работа и платье, какъ теперь, я встрѣчу васъ съ отверстыми объятіями. Но если я буду въ рубищѣ, какъ на берегу озера, не удивляйтесь, что я, по-видимому, не узнаю васъ.

— Это-то мнѣ и больно! сказалъ Леонсъ съ чувствомъ: — ты не вѣришь мнѣ!

— Вѣрю. Но я слишкомъ-хорошо знаю дѣйствительность и не хочу перестать вести жизнь, похожую на романъ, болѣе или меньше занимательный и разнообразный.

Священникъ согласился проводить Сабину и Леонса въ виллу, чтобъ лордъ Г. не имѣлъ причины подозрѣвать ихъ. Милордъ проснулся наканунѣ ввечеру и началъ беспокоиться; но онъ обратился къ бутылкѣ, чтобъ забыться, и когда Сабина возвратилась домой, онъ еще спалъ.



## П Ъ С Н Ъ П А Ж А .

*(Изъ временъ рыцарства.)*

—  
Говорятъ, мой голосъ звонокъ,  
Говорятъ, мой волосъ тонокъ, —  
    Что красавецъ я;  
Говорятъ — я злой ребенокъ, —  
    Богъ имъ въ томъ судья!

Мнѣ сулятъ во всемъ удачу,  
Судятъ, рялятъ на-удачу; —  
    Кто ихъ разберетъ!  
А не знаютъ, какъ я плачу  
    Ночи на пролетъ.

• Онъ дитя • — меня балуютъ,  
• Онъ дитя • — меня целуютъ.  
    Боже мой! онъ  
И не знаютъ, что волнуютъ,  
    Мучать все во мнѣ.

Целовалъ бы, да не смѣю,  
Прошталъ бы, да робѣю;  
    Этимъ все гублю...  
А давно сказать умѣю:  
    Я люблю! люблю!

А. ФЕТЪ.

## II.

# НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

## А Л Т А Й.

### ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЕГО, КОПИ И ЖИТЕЛИ (\*).

Въ эпоху, когда цивилизація, болѣе и болѣе увѣренная въ своихъ лучшихъ успѣхахъ, идетъ шагъ-за-шагомъ къ покоренію міра; когда, предшествуемая отважными піонерами, она какъ-бы заранѣе изслѣдуетъ источники будущаго своего богатства, — путешествія въ Среднюю Азію дѣлаются предметомъ высокаго интереса. Любопытство наше, такъ долго изощрявшееся на новомъ-свѣтѣ и на неизмѣримыхъ моряхъ, кылающихъ оба материка, въ наше время, кажется, сосредоточилось

(\*) Въ июль мѣсяца года мы говорили о появленіи въ Парижѣ великолѣпаго соотечественника нашего, г. Петра Чихачева, подъ названіемъ: *Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontiere de Chine* и получили краткій отчетъ о немъ, представленный Парижской Академіи Наукъ Эли де-Бюффона (см. «Отеч. Записки» 1845, июль, томъ ХLI, Смѣсь, стр. 46—50). Теперь, въ французской книжкѣ «Revue des deux Mondes» (15 juillet), мы прочли объ этомъ сочиненіи любопытную статью известнаго французскаго ученаго, г-на Катрежа: представляемъ ее здѣсь читателямъ, какъ довольно-вѣрный взглядъ Европейца на эту Сибирь, неизвѣдную для иностранцевъ и — нечего грѣха таить — для многихъ и изъ русскихъ читателей. Журналъ «Revue des deux Mondes» пользуется доброю репутаціею въ Европѣ, и статья Катрежа, опирающаяся на фактахъ, представляемыхъ вышею очинкѣ — г. Чихачева, и написанная языкомъ доступнымъ для всякаго образованнаго читателя, можетъ много содѣйствовать распространенію въ европейскомъ мірѣ вѣрныхъ свѣдѣній объ этой отдаленной части Россіи. Фед.

на Африкѣ. Эта страна, которой одно имя приводило въ трепетъ и слѣдователей прошлыхъ столѣтій, атакована теперь съ четырехъ главныхъ точекъ. На сѣверъ, завоеваніе Алжира открыло брешь, которую уже воспользовались французскіе эскадроны и нѣсколько негоднѣйшій авантюристовъ. Первыя степи были изслѣдованы свѣрлами: геологическій составъ почвы узнанъ, и г. Фурнель, искусный инженеръ, предъжилъ рыть въ этихъ степяхъ артезіанскіе колодцы, которые вскорѣ обнаружатся бы цвѣтущими оазисами—вѣрными убѣжищами посреди этихъ песчаныхъ морей, гораздо-опаснѣйшихъ нежели океанъ. На югъ, Англичане и Голландцы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тѣснятъ туземцевъ, Кафровъ, къ экватору. На западъ, воды Нигера и впадающихъ въ него рѣкъ носятъ на себѣ пароходы съ лондонскихъ верфей. Наконецъ, на востокъ, опять Англія же водрузила свое знамя на берегахъ Краснаго-Моря, и готовится идти по дорогѣ, предначертанной ей предпріимчивыми путешественниками: г-ми Комбомъ, Тамизьё, Лефевромъ, Дабадъ и Рошэ-д'Эрикуромъ. Можетъ-быть, не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ эти мирные и воинственные проповѣдники цивилизаціи, отправившіеся съ четырехъ разныхъ сторонъ, встрѣатся въ центрѣ этихъ неизвѣстныхъ странъ, и Африка откроетъ имъ сокровища, напрасно защищаемыя жгучимъ климатомъ, убійственнымъ небомъ, степями и чудовищами.

Посреди этого всеобщаго стремленія къ Африкѣ, право, непонятное совершенное пренебреженіе къ Азіи. Еще почти все слѣдуетъ открывать въ этой древней колыбели человечества. Не смотря на свѣдѣнія, сообщенныя несчастными французскими путешественниками Жакмонамъ; и смотря на болѣе-новѣйшія путешествія Гумбольдта, Эренберга и Розера и великолѣпные результаты, вознаграждавшіе труды ихъ, — Средняя-Азія все-таки намъ почти-неизвѣстна. Мы ничего не знаемъ о внутренности Китайской-Имперіи. На югъ, одна только Индія открыта нашими изслѣдованіямъ; и хотя увлекаемые необходимостью или приманкою шибды, Англичане каждый годъ захватываютъ какую-нибудь провинцію, какую-нибудь новую имперію, владѣнія ихъ все же останавливаются на этой цѣпи горъ—исполненной стѣнъ, устроенной природою между центромъ и югомъ материка. На сѣверъ, русскій орелъ покрываетъ крыльями своими безграничныя страны; но даже тамъ, гдѣ господство его наименѣе оспариваемо, находится огромная земля, куда нигде не проникала нога ни одного изъ этихъ людей Европы, которые имъ владычествуютъ. На официальной картѣ Сибири представляются эти огромные пропуски, гдѣ цѣлыя провинціи означены пробѣломъ.

Впрочемъ, въ последнее время, Россія болѣе чѣмъ прежде заняла распознаваніемъ принадлежащихъ ей земель. Всякій годъ безконечныя стени Сибири и высокія цѣпи ея горъ посѣщаются путешественниками посылаемыми для изслѣдованія этихъ странъ, для узнанія топографіи ихъ, и для открытія различнаго рода вспомогаельныхъ средствъ, которыя онѣ могутъ представить хлѣбопашеству, торговлѣ и промышленности ея естественной, съ каждымъ годомъ распространяются мирныя завоеванія, которыя гораздо-успѣшнѣе воинственныхъ. Посреди этихъ степей

оно или которыхъ наводитъ насъ на идею нищеты и опустошенія; существуютъ обширныя равнины, богатая долины, гдѣ земля съ малѣйшимъ вознаграждаетъ малѣйшій трудъ хлѣбопашца, и необозримыя пастбища, болѣе-чѣмъ достаточныя для прокормленія множества стада. Огромныя лѣса готовы служить матеріаломъ для постройки и отопленія жилищъ колонистовъ. Къ этимъ элементамъ растительнаго произведенія природы присоединяются богатства минералогическія, цѣнность которыхъ превосходить, можетъ-быть, все, что только извѣстно о странахъ самыхъ благопріятныхъ въ этомъ отношеніи. Можно сказать, что природа соединила въ Сибири все сокровища, разсыпавъ ею по всей землѣ. Вся употребительныя металлы, и въ-особенности желѣзо и мѣдь, встрѣчаются тамъ около золота, серебра и платины, и тутъ же разбросаны огромныя кучи каменнаго угля, какъ-бы для обнадеженія въ верномъ добываніи металловъ, въ случаѣ уничтоженія лѣсовъ.

Между наименѣе-извѣстными частями Сибири, находится одна обширная страна на границахъ Китая, между 49 и 56 градусомъ широты, и 8 и 89 долготы. Эту-то страну было назначено изслѣдовать г. Чихачеву, и мы должны сказать прежде всего, что почтенный путешественникъ исполнялъ свое порученіе съ усердіемъ и уманіемъ, достойныхъ полной похвалы. Впрочемъ, это было не первую попыткую г. Чихачева: не смотря на свою молодость, онъ объѣхалъ почти весь востокъ: онъ искрестилъ во всѣхъ направленіяхъ разнородныя страны Европы, находился въ-продолженіи многихъ лѣтъ въ Южной-Австріи, въ Мексикѣ, посѣщалъ острова Тихаго-Океана. Обладая равною глубиною свѣдѣній по всѣмъ частямъ познаній, такъ необходимыхъ для путешественника, который хочетъ выйти изъ коленъ туриста, онъ оказалъ различнымъ отраслямъ наукъ весьма-многія и важныя услуги. Особенно же, г. Чихачевъ занимался минералогіею и геологіею: въ путешествіи, главные результаты котораго мы здѣсь представляемъ, онъ имѣлъ прекрасный случай предаться своимъ любимымъ занятіямъ. Записки его, представленныя Парижской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: «Розысканія касательно геологическаго свойства Алтаея», представляютъ собою высокій интересъ. Въ замѣчательномъ разрѣзѣ, который былъ подписанъ гг. Броньяромъ и Дюфреной, г. Эли-Бомонъ выставилъ всю важность этого сочиненія, почему, въ свѣдѣніи Академіи знаменитаго геолога, академія почтила трудъ этого сочиненія почетіемъ, которая находится въ ея власти: она включила его въ число «Собранія иностранныхъ ученыхъ».

Подобное одобреніе служитъ достаточнымъ ручательствомъ ученаго достоинства сочиненія г. Чихачева. Но, можетъ-быть, это будетъ худою рекомендаціею для людей, ищущихъ въ описаніи путешествія не одно впечатлѣніе, а которыхъ одинъ страхъ встрѣчи съ техническими данными, вонзанными только ученымъ, удержать отъ чтенія книги: пусть же они разувѣрятся. Въ началѣ сочиненія, посвященномъ до-казанію запискамъ, г. Чихачевъ доказалъ, что онъ умѣетъ писать не-о-чемъ, кроме опредѣленія скалы и направленія грядъ: не переста-етъ писать съ-быстротою, онъ представляется артистомъ; оцѣниваетъ все,

что прозажаемая имъ страны представляютъ ему поэтическаго, то игриваго, то угрюмаго; знакомить насъ съ нравами, посвящать въ преданія встречаемыхъ имъ народовъ: слогъ его вездѣ чистъ и одушевленъ. Можетъ-быть, французскій вкусъ не совсѣмъ сходится съ слашкомъ—частымъ употребленіемъ метафоры, но этотъ недостатокъ легко можно извинить путешественнику, проводшему столько лѣтъ на востока, котораго онъ принялъ и костюмъ и языкъ.

Однако, мы не можемъ не сдѣлать одного упрека сочинителю, а именно, не безъ основанія: историческая часть его сочиненія то-и-дело прерывается чисто-техническими подробностями, которыя запутываютъ изложеніе; лучше было бы совершенно отдѣлать эти два части. Интересъ ни въ какомъ случаѣ не былъ бы потерянъ — ни для ищущихъ знанія, ни для желающихъ одного развлечения.

Впрочемъ, г. Чихачевъ не упустилъ изъ вида ничего, могущаго возыснять цѣну его сочиненія. Дорожныя записки, веденныя съ необыкновеннымъ тщаніемъ, знакомятъ насъ съ малайскими подробностями его пути. На геологической картѣ Алтая собрано все, что только известно намъ о составѣ этихъ отдаленныхъ странъ, какъ изъ трудовъ г. Чихачева, такъ и отъ немногихъ его предшественниковъ, между которыми нельзя не упомянуть Гумбольдта и Густава Розе. Графическія, приложенныя къ сочиненію, представляютъ вамъ то разрывъ почвы и зоологическіе очерки, то какое-нибудь дорожное приключеніе и служатъ какъ-бы живописнымъ переводомъ мыслей всего сочиненія. Наконецъ, атласъ, на девятнадцати превосходно-автографированныхъ листахъ, знакомитъ васъ съ некоторыми изъ самыхъ замѣчательныхъ или характеристическихъ мѣстностей Алтая и даетъ понятіе о описаніи этихъ видовъ, такъ мало-знакомыхъ европейскому глазу.

Отправившись изъ Петербурга 12 марта 1842 года, г. Чихачевъ быстро проѣхалъ обширныя страны, отдѣлившія его отъ Алтая. На саняхъ, этотъ экипажъ, неизвѣстный обитателю умереннаго пояса, легъ скользко по затвердѣвшему снѣгу степей, или по льду рѣкъ, кажется дразнили неподвижныя суда, прикованныя къ мѣсту морозомъ. Черезъ мѣсяць, путешественникъ былъ въ Барнауль, почти за восемьсотъ миль отъ мѣста своего отправленія, и около ста-пятидесяти лѣтъ отъ Красноярска—крайней цѣли своего назначенія. Здѣсь, остановившись на три дня, для того, чтобъ сдѣлать необходимыя приготовленія, отправился онъ въ городъ Бійскъ, откуда ужъ ему видны были сѣверныя вершины горъ, которыя онъ собирался изслѣдовать. 26 мая, распрощавшись съ санями и съ экипажами, онъ пересѣлъ на камышковую шадъ — единственный способъ ѣзды, который былъ у него въ распоряженіи. Тутъ только началось путешествіе. До-сихъ-поръ, г. Чихачевъ следовалъ маршруту своихъ предшественниковъ; еще нѣсколько времени могъ онъ пользоваться свидѣніями немногихъ купцовъ, азиатскихъ и китайскую границу для обмена товаровъ съ солдатами—стражами Невѣрной-Имперіи; но вскорѣ его ожидали только указанія коммиссаровъ невѣрныхъ правды, собранныя у камышцкихъ ордовъ.

Въ Омскъ г. Чихачевъ пріѣхалъ только 18 октября: следовало

во, былъ пять мѣсяцевъ въ дорогѣ: около половины этого времени пробылъ онъ въ возвышенныхъ пустыняхъ Алтая. — Въ одной изъ поѣздокъ своихъ, предпринятой для открытiя источника Акабаны, онъ около трехъ мѣсяцевъ провелъ на покрытыхъ льдомъ возвышенностяхъ, посреди болотъ, тряспихся каждую минуту подъ ногами лошадей. Ночуя въ палаткѣ, которую снѣгъ и холодъ верьдко обращали въ затворенную клетку, путешественники должны были довольствоваться только малымъ количествомъ риса и сахарами, разрубленными топоромъ, и только верьдка дикiй гусь, занесенный злобною своею судьбою на ружье казака, доставлялъ имъ нѣкоторую перемѣну въ пищу. Часто, въ трудныхъ своихъ поѣздкахъ, г. Чихачевъ былъ принужденъ возвращаться назадъ. Онъ два раза перешелъ, не подозревая того, цѣпь Саянскихъ-Горъ, и такимъ образомъ неумышленно находился въ китайскихъ владѣнiяхъ, гдѣ ему представился случай замѣтить нравы одного особеннаго калмыцкаго вождiя, *Сойонова*. Г-нъ Чихачевъ растерялъ въ степяхъ почти всѣ свои инструменты, покинутъ былъ многими Калмыками, составившими его свиту, и возвратился къ акабанскому казачьему посту только съ восемьюдесятью лошадьми, вместо полутора, съ которыми отправился въ дорогу.

Посреди этихъ-то отдаленныхъ странъ, на берегахъ Хлака, 8 июля, г. Чихачевъ наблюдалъ знаменитое солнечное затмѣнiе, которое вызвало всѣхъ европейскихъ ученыхъ. Вѣрныя наблюденiя, сдѣланныя въ такомъ отдаленномъ краю, могли бы быть очень-любопытны; къ несчастiю, единственный хронометръ, сохранившiйся у г. Чихачева до того времени, разбился накануне, при паденiи съ лошади. Впрочемъ, некоторымъ утѣшенiемъ г-ну Чихачеву служила совершенная невозможность сдѣлать наблюденiе: въ моментъ затмѣнiя, караванъ былъ достигнуть ураганомъ, который только на одну минуту позволилъ различить затмѣваемое мѣсто солнца, и потомъ заволокъ небо тучами. И такъ, нашъ путешественникъ, на китайской границѣ, встрѣтился съ погодою очень-похожею на ту, которая вырвала не одинъ вздохъ изъ груди нашихъ астрономовъ и такъ обманула ихъ любопытство.

Чтобъ насколько познакомиться съ странами, посвященными г. Чихачевымъ, бросимъ взглядъ на рисунки, которыми одолжены мы каравану г-на Майера, его неутомимаго товарища въ путешествiи. Сдѣланные подъ строгимъ контролемъ геолога, они гораздо важнѣе живописныхъ очерковъ, такъ часто выдаваемыхъ намъ за выраженiе природы. Одинъ привычный взглядъ на нихъ даетъ уже понятiе о составѣ почвы. Созерцая эту толпу горъ, тянущихся по Енисею или окружающихъ Черно-Озеро (Кара-Коль) и озеро Когорское, разсматривая эти таинственные грады Улукана и Большаго-Алака—вы прежде всего поражены однообразiемъ этихъ смягченныхъ контуровъ, этими горизонтальными, безжизненными линiями, по-видимому утомляющими взоръ путешественника. — Насилу, раза два, найдете вы въ отдаленiи связныя вершины Катунскихъ-Альповъ, съ ихъ смѣло-образанными оконечностями. Этотъ монотонный видъ характернъ, кажется, азиатскiмъ



центральныя горы, потому-что Викторъ Жакмонъ, пробавя высотъ Гималая, также жаловался на ихъ однообразие, жалая о превосходныхъ ландшафтахъ, которыми такъ богаты наши европейскіе Альпы, и которые, поражая путешественника на каждомъ шагѣ, заставляютъ забывать жесточайшую усталость.

Мягкости контуровъ Алтая и прилегающая отсюда разнообразная природа, имѣетъ непосредственною причиною самую природу камня, составляющаго эти горы. Въ изобиліи находятса тамъ сланцы довольно мягкаго состава: они-то наиболее определяютъ орографическую конструкцию страны. Алтай почти-весь состоитъ изъ большихъ возвышенностей, съ гладкими, какъ-бы прижатыми поверхностями, вскрытыми многочисленными болотами, и напоминающими, въ огромномъ размѣрѣ *фаны* (fanes) въ Арденнахъ и Эйзеле. Глубокія долины съ почти отвѣсными краями разделяютъ эти силюэонныя вершины. Нигде тамъ видяются первые контурфорсы Катунскихъ-Альповъ, дающіе особенное понятіе объ этомъ замѣчательномъ образованіи. Вся часть Сальджара представляютъ видъ глубоко-растреснутой равнины, которую какъ-будто какал-нибудь могучая подземная сила привела отъ первоначальнаго уровня, на произведеніи другихъ размѣновъ, вромъ многочисленныхъ трещинъ.

Таково и должно быть, по всемъ вѣроятіямъ, происхожденіе Алтайскихъ-Горъ. Известно, что ядръ земной представляеть во многихъ мѣстахъ ясные слѣды этихъ огромныхъ переворотовъ. Въ слѣдствіе превосходныхъ изысканій геологовъ нашего времени, и въ-особенности отъ де-Буха и Эли де-Бомона—не подлежитъ уже сомнѣнію, что огромныя цепи горъ произошли отъ подземнаго поднятія почвы.

Алтай также не можетъ избѣгнуть этого общаго закона: рашительное все въ его составѣ подтверждаетъ эту удивительную теорію, которая позволила намъ определять относительный возрастъ горъ, и узнать старшую и младшую изъ этихъ измуренныхъ вершинъ, предшествившихъ появленію человеческого рода. Снажемъ больше: Алтай представляеть съ другими хребтами, съ Альпами въ-особенности, то сходство, что подземная сила действовала на него дважды, въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Въ *Замладномъ Алтае*, главное направленіе цѣпи горъ простирается отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; въ *Восточномъ* — хребетъ горъ тянется то отъ сѣвера къ югу, то отъ сѣверо-востока къ юго-западу: оба эти направленія сходятся въ Катунскихъ-Альпахъ, и тамъ, какъ и въ европейскихъ, находится самая большая возвышенность цѣпи. Въ Алтай гора Балуга, высотой около 9,000 метровъ, — представляеть европейскій Монбланъ; она, подобно Монблану, окружена огромными озерами, которыхъ берега почти-вертикально упираются въ такіа воды, и жерловидными долинами, которыхъ искривленныя вершины ясно свидѣтельствуютъ о противоположныхъ силахъ, извлекавшихъ ихъ изъ ядра земли.

Эти страшныя революціи, такъ глубоко испещрившія земную поверхность, поднявшія горы и вырывшія долины, имѣютъ, какъ мы знаемъ, единственною причиною извращеніе огненнаго камня, являющагося

гранитовъ. Въ Альпахъ, и во многихъ другихъ хребтахъ, чуждые скалы эти почти вездѣ обнажены: опрокинутыя ихъ вершины возвышаются надъ осадочными слоями, которые они прорезали и подняли. Въ Алтай — совсемъ не то. Дѣйствул на незначительной глубинѣ, они приподняли кускомъ всю эту страну, величайшею съ Францію, и, въ слѣдствіе этого страшнаго потрясенія, промазали трещины, обратившія нынче въ долины; составились веронки, служація нынче ложекъ огромнаго озернаго. Граниты, сіениты, діориты, порфиры, — вся эти твердые камни, бывшіе тогда жидкою массою, оказались здѣсь только въ некоторыхъ мѣстахъ; мы въ этихъ случаяхъ легко можно усмотрѣть, что они проложили себѣ дорогу черезъ прежде существовавшіе слои. Такииъ-образомъ, во многихъ мѣстахъ, и особенно на берегахъ Чулы, находятся отлелки осадочнаго камня, покрытаго гранитною корою. Когда этотъ послѣдній, еще въ жидкомъ состояніи, вырвался изъ отверстіяхъ проластей, онъ облилъ слюдяныя имъ части и сохранилъ ихъ въ своей корѣ, какъ-бы для неопровержимаго доказательства тектоническаго переворота. Въ другихъ мѣстахъ, въ соседствѣ селенія Согра, опять встречается гранитъ въ видѣ правильной руды, называющейся трещины камня совсемъ-другаго свойства: точно будто надъ нимъ солнце, влитые въ форму литейщика.

Въ другихъ мѣстахъ опять, подобно тому, что Гумбольдтъ видѣлъ на Иртышѣ, встрѣчаются перпендикулярно-стоящіе блоки, покрытые верху широкою гранитной шапкой. Этотъ феноменъ объясняется слѣдующимъ образомъ: когда лава наконецъ сломала твердую кору, зарудившую ея изверженіе, то, поставивъ ее перпендикулярно, она выбрасывала свои огневныя волны выше ихъ верхнихъ основаній и падала потомъ горизонтальными слоями.

Дѣйствіе огненныхъ массъ, приподнявшихъ и проводившихъ почти-весь Алтай, не ограничилось описанными нами явленіями. Оно изменило во многихъ случаяхъ самую природу прежде-существовавшихъ слоевъ, которые не могли остаться безнаказанными въ прикосновеніи съ этимъ ужаснымъ очагомъ. Восма-кактогя страны представляютъ въ такомъ огромномъ размѣрѣ явленія метаморфизма. Подъ этимъ именемъ подразумеваютъ общность изменений, происшедшихъ съ некоторыми слоями. Почти единственная причина ихъ — соседство большихъ изверженій растопленныхъ веществъ. Такииъ-образомъ, мы нередко видимъ, что твердый или земляной известнякъ обращается въ кристалловидный мраморъ, чему много примѣровъ представляютъ Пиренеи. Иногда же, въ твердыхъ и крепкихъ они дѣлаются рыхлыми и совершенно расстрескиваются, переходя, чрезъ присоединеніе магнезін, въ состояніе слюды. Песчанникъ обращается въ твердую массу кварца. Слоистая глина, известныя вещества твердеютъ и принимаютъ видъ разныхъ шпатовъ и слюдяныхъ или тальковыхъ сланцовъ. Эти метаморфозы, уничтожающія характеръ первоначальныхъ слоевъ, сдѣлавшая ихъ въ незначительныхъ отлелкахъ, — часто затрудняютъ геологовъ. Относительно въ Алтай, въ особенности, г. Чкалова бытъ примѣромъ совсемъ по-



классифицировать многие разряды почвы, оставя ихъ подъ общимъ названіемъ: «древнія неопредѣленные почвы».

Некоторые изъ этихъ основаній метаморфизма, кажется, произошли единственно отъ огня. Въ такомъ случаѣ, анализъ находить въ новыхъ слюдахъ одинаковые элементы съ прожилки, которыхъ онъ сдѣлался только названіемъ. Но очень-часто открывается присутствіе новаго начала, на-пр., сѣрной кислоты, магnezіи, кремнезема. Здѣсь, объясненія ставовятся гораздо-труднѣе: какимъ-образомъ допустить вмѣщеніе этихъ тѣлъ въ кристаллы, густыя массы, которыя по-видимому нисколько не потеряли своей твердости? Фактъ, каждый день повторяющійся на нашихъ заводахъ, даетъ намъ средства объяснить это явленіе. Чтобы превратить желѣзо въ сталь, достаточно только раскалить его въ угольной пыли. Не смотря на то, что карбидъ углерода не можетъ имѣть никакого сравненія съ расплавленнымъ веществомъ, извергаемымъ землею, все-таки некоторая часть углерода улетучивается и проникаетъ въ самую средину желѣза, которое такимъ-образомъ измѣняетъ свою природу, приобретаетъ всѣ принадлежності стали. Вотъ опытъ метаморфизма въ маломъ видѣ.

Прочность некоторыхъ элементовъ, какъ на-пр., кремнезема, магnezіи, нисколько не опровергаетъ этого объясненія. Г. Лоранъ доказалъ непосредственными опытами, что тѣла, по-видимому менѣе всего улетучивающіяся, какъ на-пр., окись желѣза, при возвышенной температурѣ проникаютъ въ массу окружающихъ ихъ тѣлъ. Г. Годель, при помощи огня, разведеннаго на смеси водотвора съ кислородомъ, расплавилъ и улетучилъ кремнеземъ, магnezію и известь. По-этому, намъ ничто не мешаетъ заключить, что факты цементациі, которыя мы производимъ ежедневно, и метаморфизмъ, представляемый природою, — суть вещи совершенно-однородныя: вся разница состоитъ только въ веществахъ, въ величинѣ приготовленія и въ результатахъ.

Угольный грунтъ въ Алтаѣ представляетъ замѣчательное разнѣе имѣетъ, можетъ-быть, отношеніе къ огромнымъ угольнымъ формациямъ существующимъ, по мнѣнію некоторыхъ предпринимчивыхъ путешественниковъ, въ срединѣ центральной Азіи. Даже самый каменный уголь найдется во многихъ мѣстахъ. Въ одномъ кузнецкомъ бассейнѣ, по-видимому, хранится его около 250 километровъ длины на 100 средней ширины. Если это обозначеніе границъ справедливо, то здѣсь будетъ одна изъ величайшихъ каменноугольныхъ копей, которыя только въ вѣстномъ — хотя тутъ вещество это составными частицами своими водоходитъ болѣе къ антрациту (\*), и, следовательно, уступаетъ качествомъ

(\*) Сколько намъ извѣстно, антрацитъ вовсе не такъ дуренъ, какъ о немъ такъ относятся: уютребленный въ нарочно-приспособленныхъ для него печахъ, онъ едва-ли не превзойдетъ всѣ извѣстныя до-сихъ-поръ породы каменнаго угля. Онъ содержитъ въ себѣ болѣе 90 процентовъ чисто-сгораемаго вещества, между-тѣмъ какъ въ лучшемъ англійскомъ углѣ ихъ не болѣе 80, и потому не даетъ при сжиганіи ни малѣйшей копоти, ни дыма. Кроме того, антрацитъ сгораетъ совершенно, и оставая почти никакой золы. Будучи уютребленъ на некоторыхъ паровыхъ

хорошему французскому углю, тѣмъ не менше оно будетъ драгоценнымъ богатствомъ у будущихъ обитателей этихъ холодныхъ странъ.

Слои угольного свойства и соседнихъ ему формаций, содержатъ въ себѣ вообще множество ископаемыхъ животнаго и растительнаго царствъ. Алтай также заплатилъ свою дань свѣдѣніями о древнихъ своихъ произведеніяхъ: между образчиками, собранными г. Чихачевымъ, есть многіе совершенно-новыхъ родовъ. Разсматриваніе произрастеній, которое путешественникъ перучилъ г. Генперту, заставило этого ученаго бреславльскаго профессора сдѣлать очень-важное замѣчаніе. Онъ открылъ, что составъ слоевъ ископаемыхъ алтайскихъ деревьевъ совершенно-подобенъ составу хилійской сосны (*agaucasia*) въ Новой-Голландіи, и очень отличается отъ всѣхъ назвѣныхъ обыкновенныхъ деревьевъ. Справедливость этого факта была уже доказана относительно европейскихъ ископаемыхъ: теперь же, въ-слѣдствіе трудовъ г. Генперта, фактъ этотъ начинаетъ приобретать достоверность и даетъ поводъ къ заключенію, что во время составленія каменнаго угля, произрастенія, совершенно этимъ подобныя, можетъ-быть имъ тождественныя, покрывали наши умеренныя страны и степи Сибири, тогда-какъ теперь они находятся только въ странахъ южныхъ. То, что мы знаемъ объ условіяхъ произрастанія, позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что во время этого періода, одинакая возвышенная температура окружала вся точки земли, и что, слѣдовательно, различія въ климатахъ, такъ поразительныя въ наше время, тогда еще не существовала.

Алтай содержитъ въ себѣ множество металлическихъ ложъ, большую частью расположенныхъ въ формаціяхъ водяныхъ или водянаго происхожденія; но всѣ они безъ исключенія въ соседствѣ съ гранитомъ, какъ-будто ихъ присутствіе зависело отъ дѣйствія этого камня. Между означенными копами есть мѣдныя и желѣзныя, разработка которыхъ чрезвычайно-легка въ-слѣдствіе самой природы руды. На однихъ только томскомъ и салаирскомъ заводахъ добывается ежегодно болѣе 500,000 килограммовъ чистаго желѣза.

Въ Алтай находится также большое количество серебряныхъ копей: г. Чихачевъ посѣщалъ изъ нихъ тринадцать. Нѣкоторыя очень-доходны. Зычевскія копи, открытіе которыхъ, за пятьдесятъ лѣтъ, дало первое понятіе о скрытыхъ богатствахъ этого края, приносили, въ первые времена ихъ разработки, до 1 килограмма серебра на 16 руды. Теперь, когда копи эти почти истощены, работавшіе все еще роются въ землю, которую во времена изобилія съ презрѣніемъ отбрасывали въ сторону, и все-таки добываютъ отъ 4 до 5 граммовъ серебра на 16 килограммовъ грубаго матеріала. Наконецъ, салаирскія копи, на кото-

---

Черноморскаго флота, онъ представляетъ еще то удобство, что его потребно гораздо-меньшее количество, нежели англійскаго или дуганскаго угля, для дѣйствія машины, что очень облегчаетъ службу кочегаровъ, которые, при обыкновенномъ углѣ, должны черезъ каждыя пять минутъ вѣшать въ печатѣ и подкидывать новаго: здѣсь же это устраняется тѣмъ, что антрацитъ горитъ медленнѣе и даетъ болѣе жара.

Прим. поре.

разъ, какъ имъ видѣли, добываютъ желѣзо, доставляютъ тамъ ежегодно до 900 килограммовъ серебра. Впрочемъ, эта послѣдняя разработка получить большее развитіе: заводъ устроенъ такъ, что на немъ можно будетъ лить ежегодно 500,000 пудовъ руды, что доставитъ, по крайней-мѣрѣ, отъ 1,500 до 1,800 килограммовъ чистаго серебра.

Во общемъ обзорѣ, цѣли Алтайскихъ-Горъ представляютъ массу, составляющую неправильный полукругъ, возмущеннаго обращенный къ западу. Разсматриваемую нами часть страны можно себѣ представить, по словамъ Гумбольдта, огромнымъ мысомъ, прилегающимъ лично особенностью къ древнему матерку центральной Азіи, и окруженному со всѣхъ прочихъ сторонъ востранными моремъ потонувшихъ наносовъ. Эти наносы нередко простираются къ западу на гаристыхъ мѣстахъ, образуя будто-бы заливы. Иногда они встречаются и во внутренности, представляющіеся подобно твердому озеру, на два особенныхъ бассейна. Составныя части этихъ хранилищъ вездѣ одинаковы: она состоитъ единственно изъ болѣе или менѣе потертыхъ обломковъ и остатковъ пластовъ, составляющихъ твердую основу большого язанія, которое имъ облекаютъ, прикрывая его основаніе.

Во этихъ-то хранилищахъ скрыты огромныя богатства Алма, — богатства столь важныя, что, скоро, быть-можетъ, они приведутъ въ Европѣ переворотъ, подобный тому, который произошелъ отъ воли соевренивъ веруваніемъ. Посреди этихъ ровыней, отарванныхъ отъ соседнихъ пластовъ потоками, начало которыхъ неважно, кажутся камни: премышка его доставляетъ груды золота. Этотъ драгоцѣнный металлъ, кажется, разсыпанъ по всей этой странѣ. Г. Чихачевъ упоминаетъ о семнадцати разныхъ мѣстностяхъ, гдѣ разработка золота идетъ въ полной дѣятельности. Онъ самъ открылъ несколько новыхъ мѣстъ, гдѣ скоро, можетъ-быть, будетъ производиться эта прабильная промышленность.

У насъ еще очень-мало данныхъ, чтобы ссмазаться приступить къ разрѣшенію задачи о составленіи золотоносныхъ песковъ вообще алтайскихъ въ-особенности. Впрочемъ, г. Чихачевъ собралъ несколько фактовъ, изъ которыхъ довольно-ясно слѣдуетъ, что золото чаще встрѣчается въ некоторыхъ пластахъ, и напротивъ, удаляется другамъ, не смотря на то, что въ те и другіе того же происхожденія и единственно принадлежатъ въ гравия огненныхъ камней. Такимъ образомъ, и въ Алтаѣ, и въ Уралѣ, золотыя хранилища вездѣ находятся въ соседствѣ діоритовъ, и, напротивъ, приутогвѣ гранита служатъ уже удѣлымъ предзнаменованіемъ для отыскивающего новыя руды. Гумбольдтъ говоритъ, что въ Гангѣ, при искусственномъ толченіи этого сего діорита, отдѣляются мелкія золотыя частицы, заключенныя въ массу, но что никогда не находятъ этого металла въ рудѣ. Въ Борнео, по словамъ г. Горнера, золотоносныя хранилища отыскиваются тамъ только въ соседствѣ слоевъ, однородныхъ съ діоритомъ. Гранитъ тамъ также редокъ, а когда онъ и показывается, то принимаетъ некоторый характеръ этого приадегированнаго камня. Подобныя примѣры со многими другими могли навести на мысль, что во время изверженія

раскаленихъ массъ, тереть твердые слои земли поверхности, ищетъ изъ этихъ слоевъ значительное количество золота отъ дѣйствія, подобнаго тому, которое мы выше описали. Впрочемъ, приводимый нами образецъ относится не къ одному только этому металлу: относительно платины замечено то же самое въ Уральскихъ-Горахъ, гдѣ слои, состоя частію изъ шпательна, кажется, также служили плашкиносными агентами.

Какъ мы сказали выше, число золотыхъ разработокъ въ Алтай весьма-значительно. Красноярскъ можетъ служить образцомъ этой промышленности; и въ немъ-то собралъ г. Чижаевъ самыя достоверныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Въ 1842 году, одна только Кавинскій и Епифанскій Узлы доставила до 500 пудовъ или 6,150 килограммовъ чистаго золота. Золотопромысловики, или владельцы рудъ, полагаютъ 100 процентовъ самымъ меньшимъ доходами, которые можетъ принести шахталь, употребляемый на эти прибыльные промыслы. 800 или 850 процентовъ выходы считается у нихъ далеко самымъ обыкновеннымъ: иногда доходы простираются и выше. Слѣдующій примѣръ даетъ объ этомъ некоторое понятіе: г. Чижаевъ разсказываетъ про одного золотопромысловика, г. Масникова, разработка котораго продолжается не болѣе трехъ лѣтъ. Въ первый годъ, онъ добылъ только до 10 пудовъ золота (около 163 килограммовъ); второй годъ принесъ ему 26 пудовъ (587 килограммовъ); до окончанія третьяго года, хотя разработка не была еще кончена, г. Масниковъ вынулъ уже болѣе 80 пудовъ чистаго золота (1,300 килограммовъ), равняющагося цѣнностію 4,500,000 франкамъ. Правда, что расходы на разработку ограничиваютъ эту сумму до 2,400,000 франковъ; кромѣ того, 20 процентовъ, идущіе правительству, уменьшаютъ эту сумму еще на 480,000 франковъ, но во всякомъ случаѣ, за всѣми вычетами, г. Масниковъ тамъ не менѣе получилъ, въ продолженіи лѣта 1842 года, 1,920,000 франковъ чистой прибыли.

Очень понятно, что такіе огромные выигрыши должны сильно подстрекать духъ предприятій: и въ-самомъ-дѣлѣ, промыслие золотоносныхъ местъ въ Сибирѣ пошло съ безпримѣрною быстротою. Въ-продолженіи четырнадцати лѣтъ, прибыль увеличилась въ пропорціи 1:200. Въ 1830 году, добывалось только 95 килограммовъ золота, цѣнностію и 2,230,000 франковъ: теперь добывается болѣе 18,000 килограммовъ или 64,200,000 франковъ. Эти цвѣры поражаютъ своею огромностію; но она возвратитъ еще выше по мѣрѣ прибавки рабочихъ рукъ, позволяющей дѣлать разработку въ гораздо-большемъ объемѣ. Вся золотопромышленники единогласно повторили г. Чижаеву, что единственно недостатокъ въ работникахъ не допускаетъ ихъ удвоивать и утроивать своихъ доходовъ. Поэтому, уже одно увеличеніе народонаселенія будетъ, само-по-себѣ, несомненнымъ средствомъ, которое усилитъ эту промышленность, даже въ случаѣ дождливостванія известными нынѣе мѣстностями. Но чѣмъ-какъ границы золотоносныхъ владѣній ежегодно распространяются съ новыми разработками; такъ-какъ пределы ихъ достигаютъ, кажется, вечныхъ льдовъ полюса, то разительно невозможно предвидѣть, гдѣ остановится исполниское развитіе этой настоящей осаемы золота.

Послѣ всего сказаннаго выше, сравненіе вліянія, которое со-временно сибирскія разработки будутъ имѣть на торговлю драгоценными металлами, съ переворотомъ, который произвело открытіе Америки и ея сокровищъ, можетъ-быть, не покажется преувеличеннымъ. Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи о минералогіи, г. Беданъ приводитъ, что количество всего золота, ежегодно извлекаемаго на всѣхъ точкахъ свѣта, равняется 24,000 килограммамъ, что составляетъ цѣнность 82,000,000 франковъ. Изъ этого числа, одна Америка доставляетъ 64 милліона; Сибирь же только 8; но мы сейчасъ видали, что въ последнее время она соперничествуетъ съ Америкою. Мы имали случай убѣдиться уснахами, произведенными въ-продолженіи 14 лѣтъ, что разработка на сѣверѣ Азии будетъ получать все большую и большую важность. Еще два года такой же прогрессіи—и Сибирь одна будетъ доставлять болѣе золота, чѣмъ всѣ остальные рудники земнаго шара. Черезъ двадцать лѣтъ, она ежегодно будетъ пускать въ обращеніе количество металловъ, по-крайней-мѣрѣ вдвое-большее противъ того, которымъ мы теперь пользуемся.

Здѣсь, впрочемъ, мы обязаны, вмѣстѣ съ знаменитымъ минералогомъ, о которомъ говорили, вложить утѣшительное размышленіе насчетъ общественнаго богатства: въ наши времена, вліяніе драгоценныхъ металловъ далеко не такъ велико, какъ бывало въ прежнія. Огромное количество золота, внезапно пущенное въ торговлю, никогда ужъ не произведетъ потрясеній, подобныхъ тому, которое произошло въ Испаніи при открытіи сокровищъ Мехики и Перу. Въ нашъ промышленный вѣкъ, каменный уголь и желѣзо гораздо-сильнѣе ворочаютъ капиталы, чѣмъ золото и драгоценные камни: уголь производитъ ежегодно 180, а желѣзо 500 милліоновъ.

Какъ бы то ни было, но Россія всевозможными средствами одобрить золотодобывающую промышленность: исключая только Колыванскаго и Нерчинскаго Узловъ, принадлежащихъ правительству, огромныя рудники Сибири открыты предпринимателямъ всѣхъ націй. Достаточно обратиться только съ просьбою къ Министерству Финансовъ, чтобъ получить дозволеніе разработки съ уступкою земли. Впрочемъ, уступка эта продолжается не долѣе 12 лѣтъ, и подразумеваетъ часть земли не болѣе 5 килограммовъ длины на 250 метровъ ширины.

Промывка песковъ производится подъ присмотромъ разныхъ агентовъ правительства, назначенныхъ для разбираванія споровъ между владельцами на границахъ копей, для надзора за отношеніями между владельцами и работниками, и для собранія слѣдующихъ правительству пошлинъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, страны эти пользуются замѣчательнымъ спокойствіемъ: ежедневно тысячи работниковъ, болѣею частью сосланныхъ по суду, отдають собранныя ими сокровища инспекторамъ, защищеннымъ только своимъ званіемъ. Посреди какой-нибудь бѣлой хижинки собираются цѣлыя горы золота, которое послѣ отправляется на саняхъ въ Барнаулъ. На пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ килограммовъ онъ влѣтъ шагомъ, подъ конвоемъ одного казака, который, куря трубку, и не думаетъ затруднять себя оружіемъ, вѣщью вполне бесполезною.

Разработка золотосодержащих песковъ въ Алтай, вообще, весьма-незатруднительная. Большинствою частью, золотохранилища находятся на самой поверхности земли, или только прикрытыя тонкимъ растительнымъ слоемъ, который и снимаютъ, чтобъ работать при свѣтъ. Если же этотъ слой слишкомъ-толстъ, въ такомъ случаѣ дѣлаютъ рыи и непосредственно нападаютъ на руду: эти подземныя работы никогда не бываютъ очень-сложными, по причинѣ тонкости разрабатываемыхъ хранилищъ. Впрочемъ, есть мѣстности, требующія въ некоторыхъ измѣненій въ способѣ добыванія песковъ: на берегахъ Бируссы, открыты золотосодержащій слой, толщиной, по-крайней-мѣрѣ, въ шесть метровъ; но на этой глубинѣ невозможно было рыть по случаю притока воды, которая безпрестанно заливала работы. После разныхъ неуспѣшныхъ попытокъ защититься отъ вторженія воды плотинами, прибѣгли къ очень-остроумному способу: рѣшились разрабатывать только зимою. Въ это время, река обыкновенно вся замерзаетъ; тогда разрубаютъ ледъ, чтобъ открыть вертикальныя стѣны берега, и черезъ эту траншею достаютъ желаемую руду съ весьма-малыми издержками.

Минералогическія богатства Сибири были, кажется, извѣстны еще въ глубокой древности. Повсюду, въ этой странѣ, встрѣчаются слѣды загадочнаго народа, извѣстнаго по преданію подѣ именемъ Чудовъ, которые, гораздо-прежде русскихъ инженеровъ, знали средство отдѣлать серебро и золото отъ негоднаго камня. Это опять новая черта сходства, сближающаго эти гиперборейскія страны съ тропичными провинціями новаго свѣта. Въ Мехикѣ также предшествовали Испанцамъ въ разработкѣ мѣди Адтеки. Они точно такъ же, какъ Чуды, не знали, кажется, употребленія желѣза и дѣлали себя острыя орудія изъ мѣди и мѣся: это-то послѣднее обстоятельство, дала разработку рудныхъ жилъ въ слояхъ совершенно-невозможною, объясняетъ намъ почему въ этихъ древнихъ эпоха, какъ въ Мехикѣ, такъ и въ Сибири, золото было гораздо-обыкновеннѣе серебра.

Можетъ-быть, археологическія изысканія позволятъ намъ когда-нибудь соединить мѣстныя преданія, сохраняющія воспоминанія о Чудяхъ, и убѣжденіе Грековъ, что сѣверныя страны обладаютъ несметными сокровищами. Геродотъ говоритъ объ *Армаспахъ*, какъ о народѣ, главнѣе вырывать у грифоновъ (стражей богатствъ) золото, которое, чрезъ посредство *Иседоновъ*, доходило даже до Греціи. Въ прекрасномъ сочиненіи о «Средней Азіи» (\*), гдѣ Гумбольдтъ представляется попеременно глубокимъ натуралистомъ, ученымъ историкомъ и полнымъ проникательности археологомъ, этотъ знаменитый ученый предѣляетъ мѣсто Иседоновъ въ Киргизской-Стѣнѣ, между Каркарали и Семипалатинскомъ. Весьма можетъ быть, что способъ разработки, употреблявшійся этими исчезнувшими народами, вовсе не отличался отъ теперешняго: въ такомъ случаѣ, басня о золотомъ руны получаетъ очень-правдоподобное объясненіе. Известно, что, при промываніи золо-

(\*) См. «Отеч. Записки» 1843 года, томъ XXX, и XXXI, отд. II, Наука.

тоннажъ медной, употребляются кожи некоторыхъ шварей, для удальнейшаго собиранія металлическихъ частицъ, которыя отъ оной медной иль удальной тяжести осаждаютъ на дно снуръа. Нетъ ли въ этомъ чисто-техническомъ обстоятельстве разгадка символическаго руна, съава котораго привлекала къ берегамъ Колхиды цѣль героевъ мифическаго Гречія?..

Страны, омываемыя Понтово-Эвксинскимъ, и до сей поры еще сохраняютъ слѣды древнихъ сокровищъ. Выкапыванія, производимыя въ древней Тавриде по распоряженію русскаго правительства, нѣждь день открываютъ новыя гробницы, богатство которыхъ составляетъ разительный контрастъ съ бѣдностью греческихъ погребовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ некогда процвѣтала Фанагорія, Херсонесъ, Ольвия, Тинасъ, — золото, представляющее намъ нѣкоторые остатки промышленности или роскоши народовъ, тамъ обитавшихъ, находится въ гораздо-большемъ количествѣ, чѣмъ въ какой-нибудь другой мѣстности Европы или Азіи, разрытой въ наше время. Особенно въ Керчи, древней Пантикапей, металлъ этотъ разбросанъ въ чрезвычайномъ изобиліи въ могилѣ: меловина находившихся тамъ предметовъ непремѣнно изъ золота или сплавы серебра съ золотомъ (electrum). Здѣсь, какъ и въ Перу, встречается часто золото, употребленное на второстепенное слободье, чѣмъ и доказывается изобиліе его. Очень-часто вы видите камни, или какой-нибудь незначительный камешекъ, оправленный въ массивное золото, превосходящее цѣною самый предметъ, который въ него оправленъ. Однакожъ, въ Тавриде некогда не существовало золотыхъ рудниковъ, и потому мы находимъ очень-вѣроятнымъ, что греческія колоніи, бывшія въ соседствѣ съ варварами, старались воспользоваться своимъ положеніемъ, или, какъ говорить русскій путешественникъ, проводили въ свои владѣнія золотые потоки Урала и Алтая.

Алтайская флора, судя по числу растений, собранныхъ г. Чихачевымъ, не слишкомъ-богата и вмѣщаетъ въ себя всего-на-все не болѣе двухъ-сотъ-пятидесяти родовъ. Многие изъ нихъ встречаются въ европейскихъ альпахъ. Особенно деревья даютъ этимъ отдаленнымъ странамъ общую наружность, весьма-сходную съ европейскими возвышенностями, которыхъ ель и пихта придаютъ такую строгую окантовку. Это замѣчаніе, впрочемъ, согласуется съ некоторыми законами, которому природы слѣдовала въ произведеніи органическихъ существъ. Холода, по-видимому, ограничиваетъ число и разнообразіе живыхъ произведеній. Во всякъхъ холодныхъ странахъ, обыкновенно, гораздо-меньше породъ, но въ то, вообще, этотъ недостатокъ возматражается большимъ числомъ существующихъ. Фавна или флора въ северныхъ странахъ гораздо-однообразнѣе, чѣмъ въ теплыхъ, но количествомъ произведеній она, пометъ-быть, и не уступаетъ имъ. Это предположеніе, по крайней-мѣрѣ въ общемъ смыслѣ, подтверждается прекрасными сочиненіемъ г. Врандта, члена Императорской Санктпетербургской Академіи. Трудъ этотъ, имѣющій предметомъ сибирскую фавну, составляетъ очень-важное дополненіе къ сочиненію г. Чихачева. Изъ изысканій этого знаменитаго натуралиста видно, что Европа содержитъ въ себѣ

сто-сорокъ-три породы млекопитающихъ животнохъ, четыреста-пятьдесятъ-одну породу птицъ и девяносто-четыре пресмыкающихся, тогда-какъ въ Сибири находится только девяносто-два породы млекопитающихъ, триста-двадцать-три птицъ и двадцать-одна пресмыкающихся.

Такое неравенство легко объясняется топографическими и климатическими обстоятельствами, отличающими Сибирь отъ Европы. Европа образуетъ большой полуостровъ, обращенный къ западу: съ юга сгребаютъ ее теплые африканскіе ветры, съ запада море, восточное сгребается теченіемъ въ Мексиканскаго-Залива: поэтому, и зимы ея коротки и не слишкомъ-суровы. Сибирь же, напротивъ, глубоко лежитъ въ земли: отдаленная отъ умеренныхъ странъ длинными высокими горами, притащенная съ сѣвера грядою вѣчныхъ льдовъ — она совершенно открыта всей сѣверности сѣверныхъ ветровъ, тогда-какъ теплее дыханіе юга и запада не проникаетъ въ нее. И потому-то, въ одинаковой широтѣ, зимы тамошнія гораздо-продолжительнѣе и суровѣе европейскихъ, въ-слѣдствіе чего прійдется отдалить шельму старинности, въ числительномъ отношеніи породъ — Европа, даже и тогда, когда вся пространная степь Сибири будетъ изслѣдована.

Оба разсмотрѣнные нами фауны имѣютъ большое число общихъ породъ. Впрочемъ, каждая изъ нихъ характеризуется и породами, не находящимися въ другой. Такимъ-образомъ, въ Сибири есть 26 породъ млекопитающихъ и 43 птицъ, собственно одной ей свойственныхъ и не находящихся въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, представляемая нами согласно съ г. Брандтомъ результаты — относится только къ Западной-Сибири, т. е. только къ части лежащей къ западу отъ Енисея и выходящей въ себя Алтай. Восточная-Сибирь, лежащая по другую сторону этой рѣки, должна представить въ своей фаунѣ гораздо-разнотельнѣйшій характеръ. Она въ этомъ отношеніи должна подходить къ Северной-Америкѣ, отдалающейся отъ нея, какъ известно, Беринговымъ Перевозомъ и моремъ, которое, замерзая зимою, представляетъ животнымъ удобный переходъ изъ одного материка въ другой, и облегчаетъ смѣшеніе породъ.

Говоря о животныхъ произведеніяхъ Сибири и Алтая, вы должны обратитъ особенное вниманіе на комаровъ — насекомыхъ, такъ-сказать вредныхъ проклятыхъ проземадианин. Пробранившись въ сѣверныя страны, путешественникъ знаетъ, неметая, полное право считать себя въ численіи: ничего не бывало. Комары — настоящий бичъ алтайскихъ южанинъ. Только-что температура воздуха несколько смягчается и наступаютъ первые дни западной весны, какъ комары появляются миллионами и съ яростію нападаютъ на человека, будто желая воспользоваться жертвою, которую имъ такъ-редко посылаетъ небо. Число голодныхъ Чихачевъ было окруженъ голодными ихъ ролями, тогда-какъ еще тогда-тогда еще еще трещалъ ледъ. Впрочемъ, эта нравственность, сѣверныхъ путешественниковъ теплыхъ странъ, проникать въ самую холодную шельму. Индираль Брандтъ говоритъ, что въ Икжико-Молниевѣ, тремя-четырьмя сибирскими комарными-ручками, въ-продолженіи двухъ мѣсяцевъ



свободныхъ отъ сильныхъ морозовъ и называемыхъ летою — солнцу затемняется цальми тучами комаровъ: только однимъ удушливымъ дымомъ отдаляются отъ нихъ нападеній... Жалкая судьба сѣвернаго жителя, встречающаго у полюса, безъ всякаго вознагражденія, почти въ бичи жаркихъ климатовъ!

Въ этихъ печальныхъ странахъ, такъ же какъ и на берегахъ Нилу царствуютъ гнилыя горячки, воспаления глазъ, скотскій падежъ; и нѣтъ вечернаго прохладнаго вѣтерка, столь освежительнаго послѣ распаленнаго дня, нѣтъ акацій съ ихъ пахучими цвѣтами и ошниковыхъ деревьевъ съ ихъ плодами. Въ этихъ ледяныхъ странахъ нѣтъ озисовъ.

Туземное народонаселеніе Алтая состоитъ почти-единственно изъ ко-чующихъ ордъ, принадлежащихъ монгольскому племени и известныхъ подъ родовымъ именемъ Калмыковъ. Его можно разсматривать какъ раздѣленное на два большія семейства, изъ которыхъ одно живетъ на восточную, другое — по западную сторону Катуня — одной изъ главнѣйшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Обь. Народы эти согласны сами въ этомъ раздѣленіи и объясняютъ свое происхожденіе въ выраженіяхъ соответственныхъ тѣмъ, которыя мы употребили. Впрочемъ, между этими двумя вѣтвями одного дерева не существуетъ почти-никакой разницы: языкъ, нравы, обычаи, одежда — все у нихъ одинаково, только къ восточномъ племени рѣче замѣтенъ характеръ происхожденія. Разсматривая привезенные г. Чихачевымъ портреты двухъ *калмыковъ*, или начальниковъ изъ окрестностей Чун, нельзя же узнать по этимъ высунувшимся скуламъ, маленькимъ и выпуклымъ глазамъ китайскаго происхожденія во всей его чистотѣ. Алтайскіе Калмыки происходятъ, кажется, отъ тѣхъ ордъ, которыя подъ могучимъ влияніемъ Чингис-Хана возвысились около конца XII столѣтія до роли завоевателей, завладѣли Китаемъ и Корею, и подъ именемъ Татаръ или Монголовъ распространили имя своего государя и гибель его оружія даже до береговъ Волги и Каспійскаго-Моря. Выгнанныя изъ Китайской-Имперіи, народы эти все болѣе-и-болѣе подвигались къ Средней Азій, и наводнили подъ разными именами даже страны, принадлежащія теперь Сибири. Многія изъ этихъ племенъ, соединившись, основали было довольно-могущественное государство; но вскорѣ эти землемѣрныя царства пали подъ ударами Китайцевъ. Монголы и Татары были почти истреблены. Большое число племенъ искало спасенія въ Алтай, умоляло о покровительствѣ Россію, которая и приняла ихъ въ число своихъ подданныхъ. Другія племена остались на границахъ бывшей имперіи и признали надъ собой владычество и Россіи и Китая, такъ что она и теперь еще платитъ дань обоимъ этимъ государствамъ, въ слѣдствіе чего и известны подъ именемъ народовъ, платящихъ двойную дань.

Почти вездѣ, куда только завоеватели-Монголы приходили сошиться, они находили племена турецкаго происхожденія. Отъ смѣшенія этихъ двухъ племенъ произошли — съ одной стороны, Татары или Тюрканы, у которыхъ турецкій языкъ остался преобладающимъ и которые живутъ

въ Европейской-Россіи; съ другой — сибирскіе Калмыки, монгольскій типъ которыхъ ослабаваетъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ западу. Наручіе также подверглось этому вліянію, такъ-что на всемъ огромномъ пространствѣ этой страны, занимаемой двумя большими народами, говорятъ исковерканнымъ турецкимъ языкомъ.

Мнѣніе это, о калмыцкомъ происхожденіи, оправдывается двумя фактами, представленными г-мъ Чихачевымъ: во-первыхъ, перейдя Салтискій-Хребетъ и прощкнувъ такимъ образомъ въ Китайскую-Имперію, онъ имѣлъ случай наблюдать Сайоновъ вблизи, и замѣтилъ, что они и въ чемъ не отличались отъ Калмыковъ, его сопровождавшихъ. Съ другой стороны, онъ описываетъ нѣсколько племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *Сагаевъ*, которыя находятся въ самомъ Алтай, на берегахъ Акабаны. Эти Сагаи резко отличаются отъ всѣхъ другихъ племенъ, и въ чертахъ лица ихъ виденъ типъ чисто-турецкій. Языкъ ихъ также очень-отличенъ отъ калмыцкаго ідіома. Хотя самъ-по-себѣ онъ не что иное, какъ весьма-испорченный турецкій—все-таки онъ гораздо-болѣе подходитъ къ родовому своему языку и несравненно-менѣе испещренъ монгольскими выраженіями.

Калмыки принадлежатъ существенно къ кочующимъ народамъ: въ племенахъ, подъ предводительствомъ зайсана, они перекочевываютъ изъ одной долины въ другую съ стадами и палатками или юртами, которыя иногда покрываются древесною корою. Алтайскія племена въ особенности не имѣютъ никакого понятія о нашемъ европейскомъ образѣ жизни: имъ даже неизвѣстно употребленіе телегъ. Люди, сопровождавшіе г. Чихачева до акабанскаго казачьяго поста, выражали величайшее удивленіе при видѣ колесъ, доказывавшихъ близость этого центра образованности. Забавныя ошибки, происходившія отъ незнанія нашихъ обычаевъ, наивное выраженіе удивленія при видѣ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ — не разъ разнообразили тяжелые дни, проведенные въ степяхъ нашимъ путешественникомъ.

Если Калмыки нашего времени и сохранили кочевья привычки своихъ предковъ, за то они совершенно утратили воинственный духъ свой, съ которымъ, подъ предводительствомъ Чингис-Хана, они покорили всю Азію и заставляли трепетать самую Европу. Нельзя себѣ представлять робче и безобидчивѣе этихъ народовъ, непредпринимающихъ противъ малѣйшей видной опасности ниаго средства, кромѣ побѣга. И потому-то встрѣча съ ними, въ этихъ безмѣрныхъ пустыняхъ, почти совершенно-безопасна: одинъ видъ Европейца, кажется, давить ихъ, точно будто они признаютъ въ немъ существо высшей природы. Будучи слабы и малы ростомъ, они совершенно уничтожаются передъ однимъ воинственнымъ видомъ и атлетическими формами казаковъ, охраняющихъ тамешнія границы и распоряжающихся полицейскою частью края. Зато ужъ казаки смотрятъ на нихъ съ полнымъ презрѣніемъ. Когда г. Чихачеву нужны бывали лошади, и онъ приказывалъ какому-нибудь казаку достать ихъ гдѣ-нибудь въ соседнихъ племенахъ, казакъ никогда не бралъ на себя-самого труда исполнить это порученіе: онъ обыкновенно довольствовался тѣмъ, что отдавалъ свою саблю какому-

нибудь Калмыку. Калмыкъ, положивъ съ почтеніемъ на плечо грозныя талисманъ, отправлялся къ племени и, показывая саблю, объявляя требованіе. Если ему отказывали или долго задерживали, онъ, не говоря ни слова, оставлялъ саблю посреди упрямыхъ и удалялся; действию этой тактики немедленно обнаруживалось: ужасная новость о прибытіи казацкой сабли распространяла всеобщую тревогу, и не успевалъ еще посланный воротиться, какъ требуемыя лошади неслись уже въ галопъ въ сопровожденіи Калмыка съ грознымъ залогомъ. Ни за что въ свѣтъ Калмыкъ не согласится оставить у себя казацкую саблю: онъ будетъ скакать цѣлые дни, чтобы возвратитъ ее владателю. И это не потому, чтобы онъ боялся востребованія ея, — нѣтъ, но онъ вполнѣ уверенъ, что это гибельное орудіе одарено таинственной способностью дѣйствовать за отсутствующаго хозяина, и отъ-этого онъ никакъ не оставитъ его въ своемъ семействѣ.

Большая часть Калмыковъ идолопоклонники. Они варуютъ и поютъ ияются *кутаю*, или началу добра, и *шайтану* — началу зла. Жертвоприношенія этимъ двумъ божествамъ состоятъ изъ лошадей, быковъ, барановъ, которыхъ они убиваютъ, четвертую ихъ, или разрывая на груди и пропуская туда руку для укрощенія сердца. Животное кладется въ огонь и черезъ нѣсколько времени превращается въ обэдъ, къ которому принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, не исключая и хрецовъ или *абиссоевъ*. Жрецы не пользуются никакими особенными преимуществами, и исключая времени исполненія весьма-простыхъ религиозныхъ обрядовъ, ничѣмъ не отличаются отъ прочей части народа. Фанатизмъ здѣсь совершенно-нензвѣстенъ. Калмыки очень-легко перемѣняютъ религію; но эти обращенія не заслуживаютъ большой довѣренности, потому-что почти-всегда происходятъ въ-сладкіе моменты земныхъ разсужденій, и изъ видовъ чисто-матеріальныхъ. Это равнодушіе въ религиозномъ отношеніи существовало у Калмыковъ, кажется, еще въ эпоху царствованія наслѣдниковъ Чингис-Хана. Имъ только и можно объяснить удобства безпрепятственности странствованія некоторыхъ монаховъ XIII столѣтія. Известно, что Рубрукъ и Карпинъ, между прочимъ, проникли къ самому монгольскому двору: они были благосклонно приняты, но не возбудили никакого другаго чувства, кромѣ любопытства, породившаго обыкновенно фокусниками и жонглерами. Ихъ развозили въ священныя дѣйственныхъ платьяхъ, заставляли показывать все великолѣпіе въ обрядахъ, пѣть священные гимны, и потомъ отсылали домой. Съ нами, впрочемъ, обходились безъ всякихъ чиновъ: Рубрукъ предположилъ по рассказываешь, какъ однажды, толкуя Мангу-Хану священныя истины христіанской религіи, онъ вдругъ былъ прерванъ въ нотахъ своего краснорѣчія высокимъ храпаніемъ этого государя. Такая пренебрежительная вѣротерпимость представляетъ страшный контрастъ съ необузданнымъ фанатизмомъ ученія Мухаммеда, съ усердіемъ, очень-часто слишкомъ-жестокимъ, царствовавшимъ тогда въ христіанскихъ народахъ. Еслибъ какой-нибудь чуждый преновадникъ явился таиннымъ образомъ къ католическому приццу, то очень-вѣроятно не удовольствовались бы тѣмъ, что его намыли бы сабаннымъ или окучили; да-

ли тому шесторядицы, которые въ это самое время, для избѣжанія гнѣхъ католичества, были принуждены спрятаться въ отдаленныхъ городахъ, гдѣ благочестивый Рубруквисъ, къ великому соблазну, напелгъ къ спокойнѣ-исповѣдывающимъ свое ученіе подъ защитою равнодушій онгалскихъ князей.

Отъ описанныхъ нами народовъ надобно отличать Киргизовъ, живущихъ въ степяхъ, расположенныхъ у подножія Алтая, на сѣверо-западъ отъ этихъ горъ. Происходя отъ смѣси турецкихъ племенъ съ некоторыми отраслями индо-германскихъ, они стоятъ далеко-выше Ильмыковъ. Они составляютъ совершенную противоположность съ тихими и безобидными соседями своею наглостію и склонностію къ разбѣгу. И потому-то, для сохраненія спокойствія въ этихъ степяхъ, о которыхъ проходитъ главная торговая дорога между Китаемъ и Россіею, — Россія была вынуждена увеличить военное поселеніе и послѣ кавказскихъ пикетовъ. Эти поселенія уже повели къ полезнымъ результатамъ, обещающимъ весьма-счастливаю будущность для этого края: кочующіе народы, пораженные выгодами и удобствами жизни, представляющими цивилизаціею, уже начинаютъ собираться около каменныхъ селеній, и многія семейства перемѣнили даже подвижныя шатры на дома неподвижныя, но конечно гораздо-удобнѣйшіе.

Между качествами, особенно отличающими Киргизовъ, надо обратить вниманіе на удивительное развитіе органовъ слуха и зрѣнія: г. Иванъ, офицеръ очень-образованный и долгое время между ними жившій, уверяетъ, что онъ видалъ Киргизовъ, которые могли различить, на разстояніи километра, человека, спрятавшагося въ засаду. Какъ, у которыхъ органы зрѣнія также очень-сильно развиты, утверждаютъ, что Киргизы видятъ ночью точно такъ же хорошо, какъ и днемъ. прочее, они все-таки уступаютъ въ этомъ отношеніи Якутамъ, наду, невидимому, одного съ ними происхожденія и живущему у нижнихъ степей Лены. Адмиралъ Врангель, въ своемъ «Путешествіи вдоль верхнихъ береговъ Сибири», приводитъ въ этомъ отношеніи интересный примѣръ: молодой Якутъ уверялъ его однажды, что онъ далъ на небѣ большую голубоватую звезду, которая поглощала перламутрово разными звездами гораздо меньшаго размара, и потомъ ихъ сбрасывала. Сравнивая послѣ времени, ученый путешественникъ увѣрился, что этотъ человекъ действительно наблюдалъ затмѣніе юпитерныхъ спутниковъ.

Одна изъ общихъ чертъ у всѣхъ различныхъ народовъ, о которыхъ я говорю, состоитъ въ томъ, что всѣмъ имъ совершенно-неизвѣстно употребленіе кофѣ. Этотъ напитокъ, составляющій почти-совершенною необходимость для арабскихъ и персидскихъ народовъ, замѣняется у нихъ головъ чаемъ. Но вы очень ошибетесь, если подумаете, что вещество, которое жители Алтайскихъ-Горъ и сибирскихъ степей называютъ супъ, хоть сколько-нибудь напоминаетъ ароматическій напитокъ, записанный вами у китайскихъ мандариновъ. Это настоящій супъ, на днѣ горного шланзетъ сличеніе грубыя мясьеъ и обленковъ вѣтокъ, одесерныхъ тамъ подъ именемъ жареннаго чѣл. Нохлебку эту даютъ

вскипятивши и подбавивъ туда масла и соли. Употребляемый такимъ образомъ чай весьма-питателенъ, и этимъ онъ, вѣроятно, обязанъ большому количеству азотнаго вещества, входящему въ составъ его. По замѣчаніямъ г. Пеллаго, вещество это возвышается отъ 20 до 30 процентовъ пропорція огромная, которую еще не представляло никакое другое растение.

Россія, распространяя свое господство надъ весьма этими полуцивилизированными народами, подчинила ихъ управленію кроткому и справедливому. Вся народы не-славянскаго происхожденія, живущіе въ Сибирѣ, въ вѣстны подъ общимъ именемъ *плательщиковъ ясака* (ясачныхъ) или *инородцевъ*. Они дѣлятся на три разряда: 1) *народы осѣдлые*, подъ которыми подразумеваются все жители городовъ, деревень и люди занимающіеся хлебопашествомъ; 2) *кочующіе*, пользующіеся жилищами удобно-переносимыми съ одного мѣста на другое; 3) *скитающіеся*, или племена преимущественно преданныя бродяжнической жизни и зависящія особенно охотою, рыбною ловлею и выкармливаніемъ животныхъ. Нѣкоторые народы, сверхъ того, составляютъ особенныя категории, къ нимъ преимущественно принадлежатъ *двуплеменные* орды Ташкентской Губерніи.

Народы перваго разряда пользуются всеми правами русскихъ подданныхъ, и сверхъ-того избавлены на вѣчныя времена отъ рекрутства и всякихъ военныхъ повинностей. Каждый *улусъ* (деревня), заключающій въ себя не менѣе пятнадцати семействъ, имѣетъ право устроить туземную домашнюю администрацію, состоящую изъ старосты и двухъ помощниковъ. Определенное число улусовъ составляетъ административный округъ. Эти округа составляютъ потомъ *волости*. На всѣхъ этихъ ступеняхъ администрація всегда остается народною. Вся составляющіе члены—туземцы, выбранные своими соотечественниками одного племени.

Для облегченія сношеній между мѣстными русскими властями и этими народными начальниками, законъ позволяетъ имъ выбирать, по ихъ волю, письменный или изустный способъ объясненія и исключаетъ въ всѣхъ случаяхъ употребленіе гербовой бумаги.

Административная организація кочующихъ народовъ, т. е., принятыя за нихъ ко второму разряду, во всемъ подобна правленію, принятому перваго разряда, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ она еще менѣе сложна. Что же касается до скитающихся народовъ, то они почти совершенно оставлены на собственный произволъ. Въ ихъ быту вступаютъ только самыя слабыя слѣды этихъ правительственныхъ распоряженій, и дѣйствія русскаго начальства ограничиваются только необходимыми мѣрами, которыя оно принимаетъ для охраненія взаимныхъ правъ пограничныхъ народовъ. Народы чуждаго происхожденія судятся по собственнымъ ихъ обычаямъ. Русскіе законы прилагаются только въ важнѣйшихъ вопросахъ: во время чрезвычайныхъ преступленій или въ случаяхъ, непрелюдимыхъ народными обычаями. Народы третьяго разряда освобождены отъ всякихъ налоговъ и поземельныхъ податей. Два другіе платятъ легкую подать, называемую *ясакомъ* и состоящую изъ известнаго числа *маховъ*. Имъ, между-прочимъ, предоста-

дается право выплачивать этот налог натурою или деньгами; точно так же, какъ на доходы, доставляемые охотою, позволено покупать казнь порохъ, свинець и другіе предметы главной необходимости.

Всякое племя обладает своими землями, границы которыхъ определены правительствомъ. Огромность тамошнихъ пространствъ позволяетъ отводить имъ участки несравненно-болѣе-значительные, чѣмъ какіе потребны на ихъ продовольствіе, такъ-что отъ всякаго племени остается еще множество пустопорожняго мѣста. Не смотря на это, русскимъ колонистамъ строжайше запрещено селиться въ земляхъ, уступленныхъ чужеземцамъ. Иностранцы же, напротивъ, имѣютъ право входить съ русскими, безъ всякаго исключенія и ограниченія, во всевозможныя торгемыя сношенія, которыя они только въ состояніи устроить. Такимъ-образомъ, отвращается неправильное присвоеніе ихъ земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаются дружелюбныя сношенія и готовятъ возможность смѣшенія этихъ разнородныхъ племенъ между собою. Одно только исключеніе ограничиваетъ ихъ безпредѣльную свободу: торговля спиртными напитками строжайше запрещена. Эта послѣдняя мѣра совершенно-согласна съ нравственностью и благоразуміемъ. Жители этихъ странъ имѣютъ неизлечимую склонность къ пьянству, и введеніе у нихъ алкогольных напитковъ необходимо повлекло бы за собой гибельныя послѣдствія, которыхъ примѣры, къ-несчастью, встрѣчаются слишкомъ-часто у аякихъ народовъ, получившихъ отъ Европейцевъ этотъ медленнѣй, неизбѣжно-дѣйствующій ядъ.

Общественная организація Сибири особенно отличается отсутствіемъ всякаго крепостнаго права. Известно, что въ Россіи крестьяне — собственность помѣщиковъ, принадлежатъ или ко двору, или къ землѣ своего господъ. Въ Сибири совсѣмъ иначе. Хлѣбонашцы принадлежатъ къ категоріи *государственныхъ крестьянъ*, т. е., исключая подати, состоящей изъ 11 рублей асс., они могутъ употребить весь остальной доходъ на пользу своей промышленности. Въ этомъ отношеніи, иностранцы сравнены съ русскими поселенцами, съ тою только разницею, что послѣдніе имѣютъ, сверхъ-того, право вступить въ любую изъ трехъ гильдій, платя установленную гильдейскую повинность, а чужеземцы должны довольствоваться только второю гильдіею.

Въ Россіи, гдѣ не существуетъ никакаго класса, напоминающаго средній классъ во Франціи, или такъ-называемую *petite bourgeoisie* времени одѣльныхъ, не было посредника между крепостнымъ и господиномъ: лѣдъ или классы торгующихъ наполняютъ, кажется, со-временешъ этотъ опускъ. Ихъ организація напоминаетъ немного французскія корпораціи среднихъ вѣковъ. Они раздѣляются на три части, изъ которыхъ каждая пользуется особенными правами и преимуществами. Налогъ, заціи на членахъ этого сословія, увеличивается съ возвышеніемъ лѣдъ. Только самыя богатые негоціанты въ состояніи уплатить повинность первой; во всякій имѣетъ полное право, разбогатѣвъ, перейти изъ одной гильдіи въ другую. Члены первой гильдіи идутъ почти равнѣ съ дворянствомъ. Очевидно, что, благодаря подобному устрой-

ству, иностранцы семейства, посвятивъ себя торговле, могутъ дойти почти до первыхъ ступеней русскаго общества.

Въ сочиненіи г. Чижаева, описанія нами подробности подпрены ссылками, неоставляющими ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ достоверности этихъ свидѣній. Если они—выраженіе истины, то должно сознаться, что русское владычество есть настоящее благо для этихъ обширныхъ странъ, и что оно, для этихъ полудикихъ племенъ, во сразъ предпочтительнѣе правленія другихъ народовъ, выставившихъ на знаменахъ своихъ огромными буквами слово «филантропія». Какъ разница между Россією и Англією въ способахъ дѣйствія! Россія оставляетъ подчиненнымъ народамъ мѣсто охоты и рыбныхъ ловель, законы, нравы, обычаи, старается по-немногу познакомить ихъ съ благопросвѣщенія, облегчаетъ смѣшеніе ихъ съ образованнѣйшими изъ ихъ подданныхъ, защищаетъ противъ собственной ихъ неводержимости, и наконецъ открываетъ честолюбію, которое она старается породить въ нихъ, свободный доступъ въ просвѣщенное общество... А Англія! Завладевъ землею, она по-немногу изгоняетъ оттуда ея обитателей, которые какъ-будто такутъ отъ огненнаго ея прикосновенія; не смѣшивая никогда британской своей крови съ кровью изгнанныхъ народовъ, она не заботится ни о настоящемъ, ни о будущемъ ихъ поколѣній и устремляетъ все усилія только на то, чтобъ всеми правдами и неправдами, *per fas et nefas*, уничтожить малѣйшія препятствія, которые могли бы помѣшать ея развитію. Особенно, какая разница между Россією—хранительницею правъ кочующихъ племенъ, защищающею ихъ противъ собственныхъ своихъ подданныхъ, противъ колонистовъ, посланныхъ для заселенія этихъ отдаленныхъ пустынь, и Соединенными-Штатами, которые разрушаютъ утвержденныя общества, нарушаютъ условія свободы заключенныя съ обѣихъ сторонъ, отбрасываютъ въ горахъ крококодиловъ, уже отвыкшихъ—было отъ дикой жизни, и потомъ еще взять вооруженною рукою тѣхъ самыхъ людей, у которыхъ они срубили дѣся и сожгли жилища!

Около азиатскихъ народовъ, о которыхъ мы говорили, живетъ и развивается по-немногу довольно-значительное число европейскихъ колоній. Различеству происхожденія, они различаются и нравами, и представляютъ въ этомъ отношеніи замѣчательные контрасты.

Богатый золотодобытчикъ, котораго желаніе разбогатѣть удерживаетъ тамъ на мѣстѣ, конечно, не разъ помечтаетъ съ наслажденіемъ счастливаго времени, когда онъ будетъ въ состояніи пользоваться своими сокровищами въ недрахъ общества, спешащаго негодить и развѣшивать все ухищренія своей роскоши. Въ ожиданіи же, его удовольствія ограничены. Будучи, большею частію, лишена утѣшительнаго воспитанія, онъ не находитъ другаго средства для развлеченія своихъ досуговъ промѣ хорошаго стола: за то ужъ онъ предается всея этому наслажденію и сбрасываетъ на этотъ предметъ контрибуціи съ отдаленнѣйшихъ странъ: плоды аленныя, дичаины его дубовъ, страсбургскаго шпрота, вѣдьянскія на столѣ, роскошно-убранномъ, плоды Южной-Европы, вѣдьянскія и португальскія ананасы, арбузы и на берега Индіи и

Петербургъ. Нова дуншія бордоссія и малеконія виіна, пока шампанское, купленная ужасною цѣною, пократа и пьнята въ богатѣйшемъ мѣстѣ, давой-набуду Казмыкъ, въ своей шерстяной шапкѣ, подноситъ вытнвшимся гостямъ чистѣйшія арабскія кофе, дымащійся въ ядронѣ фарфорѣ, и ароматическія сигары Маниллы и Гадапцы.

Простые работники слѣдуютъ примѣру своихъ хозяевъ. Рожденные чти все въ бѣдности, они безарасудно расточаютъ большое жалованье, тѣлощесая имъ безъ большахъ трудовъ. Нерадко, кабаки и домы разна поглощаютъ значительныя суммы, которыя, будучи употреблены пользою, обогатили бы семейства и увеличили бы общія удобства населенія. До-сихъ-поръ аэлотомышленность доставила только нѣшныъ лицамъ богатства; она не имѣя почти никакого вліанія на все благосостояніе; напротивъ, она служитъ поощреніемъ къ порчѣ ютнщесая, востращнщъ большаю частію нѣхъ осланннщъ за преступнія и проступки. Эти печальныя результаты промышленности, по-вн-нему, стааъ внособной окружать себя богатствомъ и благосостояніемъ, ражають свою противоположность при сравненіи съ положеніемъ всѣхъ того же класса, занимающагося земледѣліемъ. Здѣсь базирестанія и учеранія работы имѣють яаъ высшей степени полезное вліаніе, влекутъ за собою идею прогресса и нравственности. Занатіе реметамн и мануфактурныя работы стоаать, въ разсматриваемомъ нами пошаніи, пошеранн втахъ противоположностей. И такъ, въ Сибирн дшержаають результаты, собранныя въ Европѣ вычисленіями статистики. Здѣсь, чакъ въ Англіи, нѣтъ во Франціи, какъ въ Европѣ, почти мануфактурнаго класса представляющаго печальнѣйшія контрасты съ авствественнщъ состояніемъ земледѣлющаго народа.

Средн европейскаго народонаселенія Сибирн, казаки составляютъ особенный классъ. Они дѣлятся на два разряда, отличные другъ отъ друга въ организаціи и въ предназначеніи. Известные подъ названіемъ вѣднннщъ казаковъ, дшривааються военными законами и учрежденіями. н вощнщесны генералъ-губернатору и отправляютъ все обязанности йска. Служба нѣхъ продолжается 25 лѣтъ; по прошествіи этого срока, н имѣють право возвратиться въ свои степи, но правительство все-т старается удержать ихъ въ Сибирн, давая имъ, время нѣхъ жалованья и раціонать, дѣман въ вѣчное владѣніе и позволенія выбирать лю-т родъ промышленности или торговли. Казацкія рекруты набираются н нѣхъ же собственнаго поколенія: дѣти казацкія считаются состоя-щнщъ въ полкахъ отцовъ своихъ.

Казаки втораго разряда называются кородсманн. Они составляютъ на-щнщъ нѣщнщъ полнщесейшій корпусъ, нѣчто въ родѣ постоянной муниципаль-нй гвардіи, н зависятъ оаъ гражданскихъ властей. Некоторые посту-ють н въ арміи н исполняютъ монти тѣ же обязанности, что во Фран-н монархн. Нравнщесластво доставляетъ нѣхъ оружіе; но дошааъ н все тѣмъ же земнщрнщда обязася на нѣхъ счетъ. Каждый изъ нѣхъ полу-ають всаго на-все 15 десятннщъ вездѣлываемой земли, нли же равно-аоблаую ей часть земли охотнщнщей нѣщъ съ рыбными ловлями. Этнхъ чашнщъ-внщъ не нѣщнщъ права продавать. Служба нѣхъ продолжается



25 лѣтъ, и всякій отставной обязанъ жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ квартируетъ прежній его полкъ. Эта милиція также исключительно состоитъ изъ казаковъ; которыхъ дѣти вступаютъ въ нее, когда имъ исполнится семнадцать лѣтъ.

Въ эпоху, когда начали въ первый разъ сформировывать сабарскіе казацкіе полки, правительство не сочло нужнымъ собирать казаковъ, жившихъ въ отдаленныхъ странахъ. Оно составило изъ нихъ военные поселенія, которыя состояли изъ 50 до 100 человекъ и названы были *станциями*. Поселенные казаки, не получая отъ правительства никакого денежнаго вспоможенія, пользуются зато его землями, освобождены отъ всѣхъ налоговъ, и имѣютъ право участвовать въ торговлѣ и промышленности. Въ вознагражденіе, они обязаны обзавестись лошадьми и оружіемъ, наблюдать за спокойствіемъ границъ и земель, ими обитаемыхъ, смотреть за дорогами, пролегающими чрезъ ихъ страну, основывать и поддерживать заведенія, необходимыя для ихъ управленія и, наконецъ, доставлять лошадей и помещеніе чиновникамъ, командируемымъ отъ правительства.

Поселенія, разбросанныя на отдаленныхъ границахъ или необъятныхъ равнинахъ, со-временемъ окажутъ сильное вліяніе на будущаго этихъ странъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже приняли довольно замѣтительное развитіе и представляютъ собою деревни, въ которыхъ жители пользуются всеми удобствами, предоставляемыми работою. Расселенные въ виду кочующихъ племенъ, они какъ-будто составляютъ центры, которые, рано или поздно, но непременно притянутъ къ себѣ эти племена, тѣмъ легче, что казаки свободно объясняются на языкѣ своихъ сосѣдей. Киргизы начинаютъ уже соглашаться въ преимуществахъ европейской жизни. Служа прежде у казаковъ простыми работниками, они въ послѣдствіи стараются сами подражать имъ. Эти дикіе сыны степи охотно ставятъ свои юрты около казачьихъ станицъ; нѣкоторые даже заимали свои подвижныя жилища настоящими домами и занимаются хлѣбопашествомъ. Конечно, эти результаты еще ничего не доказываютъ въ настоящемъ, но для будущаго они много значатъ; и можно съ достовѣрностью сказать, что прійдетъ время, когда эти скитающіе орды преобразятся въ народъ земледѣльческій.

Большую часть русскаго народонаселенія въ Сибири составляютъ ссыльные. Между ними есть нѣсколько разрядовъ, весьма-отличныхъ другъ отъ друга, и прежде всего изгнанные за преступленія и проступки. Смертная казнь въ Россіи не существуетъ: она замѣнена на казаніемъ кнутомъ и ссылкой. Приговоренные за уголовныя преступленія занимаются каторжною работою и соответствуютъ французскимъ галерникамъ. Что же касается до приговоренныхъ къ меньшимъ наказаніямъ—то они раздѣляются на пять классовъ. Къ первому принадлежатъ преступники, высѣченные плетью: они употребляются въ самыхъ тяжкихъ работахъ на заводахъ и фабрикахъ. Ко второму классу принадлежатъ люди, присужденные къ разнымъ работамъ, требующимъ зловраго и сильнаго сложенія. Третій классъ содержитъ въ себѣ людей, неспособныхъ къ трудной работѣ, почему они и составляютъ наибольшую

прислугу. Къ четвертому классу принадлежать преступники, приговоренные къ самымъ меньшимъ наказаніямъ и занимающіеся землеобработываніемъ: сюда относятся поселенцы. Наконецъ, пятый классъ состоитъ изъ преступниковъ, по возрасту или физическимъ недостаткамъ неспособныхъ къ работѣ. Правительство содержитъ ихъ на свой счетъ.

Великій ссыльный можетъ, при хорошемъ поведеніи, переходить изъ одного класса въ другой и достигнуть такимъ-образомъ четвертаго класса, т. е. поселенцевъ. Въ-продолженіи времени, проведеннаго въ предшествующихъ классахъ, ему платятъ за работу: на часть денегъ онъ содержится, а остальные сохраняются и отдаются ему только при наступленіи его въ четвертый классъ, когда ему позволено будетъ основательно и работать уже въ свою пользу. Тутъ, обыкновенно, правительство выдаетъ ему землю и въ-продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ совершенно освобождаетъ отъ податей. Въ слѣдующія семь лѣтъ, онъ платитъ половину противъ податей, взимаемыхъ съ казенныхъ крестьянъ, и наконецъ, по истеченіи этого срока, онъ поступаетъ въ ихъ разрядъ и пользуется одинаковыми съ ними правами.

Освободить общество отъ преступниковъ и бродягъ, замѣнить изгнаніемъ смертную казнь столь ужасную, потому-что она безвозвратна, и тюремныя заключенія, столь обременительныя для государства; возвращать работою людей заблудшихся къ идеямъ справедливости и нравственности; создавать такимъ-образомъ полезныя колоніи и зарождать въ этихъ пустынныхъ странахъ семена поколѣній, полныхъ будущности,—все это, говоримъ мы, неоспоримо есть внушеніе святой и великой мысли. Два народа брались за разрѣшеніе этой задачи: Русскіе и Англичане; и если мы сравнимъ полученные ими результаты, то преимущество, надо сознаться, останется на сторонѣ первыхъ. Мы видали, съ какою легкостью поддерживается порядокъ въ Сибири, при обстоятельствахъ наиболее-склонныхъ взволновать страсти. Эти послѣдствія безъ труда объясняются дѣйствіями мудраго и справедливаго управленія, котораго мы привели только некоторыя черты. Картина, представляемая исправительными поселеніями Новой-Голландіи, непохожа на эту...

Бросивъ, съ г. Дюпюа-Туаромъ (\*), взглядъ на нравственное состояніе этихъ странъ въ-продолженіи двадцати-пяти-лѣтняго періода, отъ 1810 до 1836 года. Изъ оффиціальныхъ документовъ, обнародованныхъ въ приказу колоніальнаго совѣта, видно, что въ первыя восемь лѣтъ этого періода, число приговоренныхъ въ уголовномъ судѣ относилось къ числу всего народонаселенія, какъ 1:370. Въ-продолженіи трехъ слѣдующихъ лѣтъ, отношеніе это почти не измѣнилось; но съ 1821 до 1825, пропорція была уже какъ 1:223; наконецъ, съ 1831 до 1835, пропорція возвысилась до того, что число приговоренныхъ къ числу

(\*) Voyage autour du monde sur la frégate la Venus, pendant les années 1836, 1837, 1838 et 1839, par Abel Dupetit-Thouars; Paris, 1841.

народонаселенія содержалось какъ 1:100. Здесь даже илотъ форма бы-  
единицъ уголовныхъ преступленій. По словамъ г. Баннистера, бывшаго  
народовскаго прокурора, итогъ приговоровъ, произнесенныхъ въ  
судьяхъ въ 1825 году, составлялъ 6,000, на 16,000 *консильтовъ* (смыль-  
ныхъ). Въ 1835, число приговоренныхъ возвысилось до 22,000 на на-  
родонаселеніи 28,000 *консильтовъ*.

Итакъ, вмѣсто того, чтобъ исправиться въ продолженіи періода, вѣн  
приведеннаго, народонаселеніе Новой-Голландіи еще болѣе испортилось.  
Представляются г. Дюпти-Туаромъ причины этой умножающейся демо-  
радикаціи—весьма-многочисленны. Первыя изъ нихъ происходятъ отъ  
отсутствія всякой организаціи и слишкомъ-ранняго введенія суда присяж-  
ныхъ: подъявляя преступниковъ разбирательству людей, совершенно разна-  
ющихъ ихъ чувствованія, этотъ судъ судитъ ихъ безразлично.  
Знаменитый морякъ, у котораго мы занимаемъ эти подробности, былъ  
свидѣтелемъ въ Сидней одного возмущающаго примѣра въ этомъ отно-  
шеніи. Однажды, человекъ двѣнадцать *консильтовъ*, употребленныхъ въ  
должности слугъ на границахъ колоніи, собрались поохотиться за жи-  
вими туземцами, живущими по условію договоровъ въ союзствѣ. За-  
шваръ человекъ тридцать этихъ невѣстныхъ, мужчинъ и женщинъ, въ  
воду, они перерезали ихъ и повлекли въ лѣса. Тутъ они развели огро-  
мный огонь и бросили въ него этихъ страдальцевъ, удержавъ ихъ въ  
плышныя вѣтви деревьевъ, и стрѣляя изъ пистолетовъ и ружей по  
тамъ, которые старались вырваться изъ пытки. Это ужасное престу-  
пленіе было извѣстно. Совершившіе его предстали передъ уголовный  
судъ; покушеніе было доказано. Не смотря на то, черезъ заступни-  
чеса совѣщанія, судъ присяжныхъ произнесъ приговоръ не-виновности.  
Убійцы были освобождены.

Въ поясненія, только-что изданномъ капитаномъ Уильямсомъ (\*), из-  
вѣдимъ другую важную причину испорченности *консильтовъ* Новой-Гол-  
ландіи. Это—отсутствіе всякой классификаціи между приговоренными.  
За преступленіе ли, за ничтожную ли вину попали они въ Австралію,  
все равно — ихъ ожидаетъ одинакая участь. Подобное сличеніе, про-  
тивное самымъ первоначальнымъ основамъ справедливости, необходимо  
востанавливаетъ сталкиваться съ закоренѣлыми влѣдьями людей только-что  
заблудившагося, и гибельные совѣты первыхъ, кажется, заранее осуж-  
дены закономъ.

Изъ какому бы разряду ни принадлежалъ сосланный въ Сибирь, за-  
коноу строго воспрещаетъ разлучать его съ женою и дѣтьми, раз-  
ного единство его окажетъ явное желаніе не раздѣлять судьбы из-  
нанинина. Въ Сидней совсѣмъ не такъ. Только-что сосланныхъ высе-  
детъ на берегъ, какъ они уже подвергаются произвольному разбору. И  
капитанъ Уильямсъ увѣряетъ, что болѣею частію люди женаты, ве-  
ступающіе работниками къ жителямъ, бываютъ внезапно разлучены

(\*). Narrative of the United-States exploring Expedition during the years 1839,  
1839, 1840, 1841 and 1842, by Charles Wilkes; London, 1844.

другъ съ другомъ: обыкновенно, дѣтей отрываютъ отъ груди матерей и относятъ въ параматское депо (dépôt de Paramatta); матери же, поступающія къ своимъ хозяевамъ, теряютъ своихъ дѣтей въ вида на нѣслцы, годы, нерѣдко навсегда. Сцены, сопровождающія эти насильственныя разлученія, говоритъ Уилькисъ, невыносимы: можно понять, но не изъяснить отчаяніе этихъ несчастныхъ созданій... Подобныя поступки столько же безнравственны, сколько и безчеловѣчны. Уничтожить духъ семейства въ существахъ уже порожденныхъ — не значить ли это разрывать послѣднюю связь, придерживающую ихъ къ добродѣтели? не значить ли это заставить ихъ сильнѣе сражаться съ закономъ, настаивающимъ надъ ихъ священными привязанностями? Здѣсь особенно, — какъ съ точки зрѣнія перевоспитанія конвиктовъ, такъ и въ отношеніи существенныхъ выгодъ колоній, — надо согласиться, что Англія стоитъ гораздо-ниже Россіи...



## КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЪЕРА.

Статья пятая.

*Трибуналы:* Внутреннее управление. Безопасности и исправления дорог. Возрождение торговли. Материальные результаты революціи относительно земледѣлія, промышленности, народонаселенія. Разсужденія о гражданскомъ кодексѣ въ Государственномъ советѣ. Дворъ перваго консула. Консульская гвардія. Сестры перваго консула. Фоксъ и Аркалонъ въ Парижѣ. Оппозиція противъ перваго консула. Поступки генераловъ Данна, Ожеро и Морф. Открытіе засѣданія X года. Оппозиція противъ гражданского кодекса. Гизвъ перваго консула. Мысль Камбасереса объ истолкованіи 38 статьи Конституціи. Результата въ Лионѣ. Экспедиція въ Сен-Доминго. Амьенскіе переговоры. Бонапарте -- президентъ Итальянской - Республики. — Консульство по жизни: Исключеніе безспокойныхъ членовъ законодательнаго сословія и трибунала. Окончаніе амьенскаго конгресса. Подписаніе окончательнаго мира. Экстраординарное засѣданіе X года. — Утвержденіи конкордата и *эридикескихъ статей*. Официальное принятіе кардинала Капрары, какъ легата *a latere*. Торжественное *Te Deum*. *Духъ христіанства* (*le Génie du Christianisme*). Возвращеніе эмигрантовъ. Мысли перваго консула объ организаціи общества. Проекты объ учрежденіи почтеннаго легіона и о народномъ просвѣщеніи. Мысль о національномъ возмездіи первому консулу. Притворство нектати перваго консула. Ловкая выдумка Камбасереса. Всюобщее удивленіе. Консульство по жизни. Наполеонъ Бонапарте Высшая степень его нравственнаго могущества.

Мы видѣли, при помощи какихъ постоянныхъ и искусныхъ усилій, первый консулъ, покоривъ Европу своими побѣдами, успѣлъ сблизить ее съ Франціею своею политикою: мы видѣли, при помощи какихъ менѣе-достойныхъ уваженія усилій онъ примирялъ римскую церковь съ французскою республикою, и положилъ конецъ бѣдствіямъ раскола. Усилія его къ возстановленію безопасности на проѣзжихъ дорогахъ, къ возбужденію дѣятельности въ торговлѣ и промышленности, къ доставленію цвѣтущаго состоянія финансамъ, порядка администраціи, къ выш-

танію кодекса гражданскихъ законовъ, приспособленнаго къ правамъ націи, наконецъ къ организаціи французскаго общества во всѣхъ его частяхъ, — всѣ эти успѣхи его были не менѣе постоянны и утѣчались не меньшимъ успѣхомъ.

Шайки разбойниковъ, составившіяся изъ дезертировъ французской арміи и изъ вольницы гражданской войны, преслѣдовавшія богатыхъ землевладѣльцевъ въ ихъ иманіяхъ, путешественниковъ на большихъ дорогахъ, грабившія публичныя кассы и распространявшія ужасъ по всей странѣ, были теперь уничтожены послѣдними строгими мѣрами. Эти разбойники выбрали для своихъ подвиговъ время, когда почти вся войска были выведены за границу, и отъ-того не было достаточно силъ къ охраненію государства внутри. Но, по заключеніи лоневилльскаго мира и возвращеніи части войскъ во Францію, положеніе дѣлъ измѣнилось. Многочисленныя подвижныя колонны, сопровождаемыя сперва военными комиссіями, а позже этими особенными трибуналами, объ учрежденіи которыхъ сказали мы выше, проходили по дорогамъ во всѣхъ направленіяхъ. Многія сотни этихъ разбойниковъ были разстрѣляны въ продолженіи полугода. Другіе, совершенно-уваживъ духомъ, полагали оружіе и сдавались. Безопасность на большихъ дорогахъ была восстановлена, и тогда-какъ, въ январѣ и февралѣ 1801 г. едва можно было ѣздить изъ Парижа въ Руанъ, или изъ Парижа въ Орлеанъ, не подвергаясь опасности быть зарезану, въ исхода этого года можно было ѣздить всю Францію, не подвергнувшись никакому несчастію. Только въ глубинахъ Бретани или посреди Савеннъ существовали, можетъ-быть, еще нѣкоторые остатки этихъ шайкъ. Вскорѣ и они должны были быть совершенно разсѣяны.

Мы уже видѣли, какъ десятилѣтнія смуты почти-совершенно прервали возможность сообщенія во Франціи, и какъ первый консулъ ассигновалъ экстра-ординарную сумму на исправленіе двадцати главныхъ шоссе, пересѣкавшихъ землю республика. Онъ самъ наблюдалъ за употребленіемъ этой суммы и своимъ постояннымъ вниманіемъ возбуждалъ въ высочайшей степени рвеніе нижецеровъ. Каждый изъ его адъютантовъ, или первѣйшихъ сановниковъ, по возвращеніи своемъ съ дороги, были разспрашиваемы имъ для того, чтобъ узнать, выполняются ли его повелѣнія. Въ X году было ассигновано на дороги 28 милліоновъ — сумма дввое или втрое превосходившая прежніе расходы по этой статьѣ. И исправленія шла быстро, и изъ всего было видно, что, въ-теченіи 1802 года, дороги будутъ приведены въ превосходнее состояніе.

Даны были повелѣнія къ проложенію новыхъ путей сообщенія между различными частями старой и новой Франціи. Строились четыре большія дороги между Италіею и Франціею. Симплонская, о которой мы упоминали неоднократно, быстро подвигалась впередъ. Начали уже строить ту, которая должна была соединять Пьемонтъ и Савойю, пролегая чрезъ гору Сені. Повелѣно было приступить къ проложенію третьей чрезъ гору Женевру, для соединенія Пьемонта съ югомъ Франціи. Предпринято было исправленіе большой тендской дороги, переходящей чрезъ приморскія альпы. Такимъ-образомъ преграда альповъ уничтожа-

лезе между Франціей и Италією посредствомъ этихъ четырехъ дорогъ Чудо перехода чрезъ Сен-Бернаръ даладось уже на будущее время безопаснымъ, есльбъ пришлося идти на помощь Италіи.

Прокапывались каналы, строились новые мосты черезъ Сону. Эти многочисленныя и прекрасныя предпріятія привлекали на себя общественное вниманіе.

Торговля видимо возростала; возреждались мануфактуры. Промышленность шелковыхъ тканей начинало снова расцвѣтать. Ліонъ, любимый городъ первого консула, снова занялся своею прекрасною промышленностью.

Статистическія свѣдѣнія, собранныя о 67 департаментахъ (изъ числа 102, изъ которыхъ состояла Франція въ 1801 г.) показывали, что въ этихъ департаментахъ народонаселеніе, простиравшееся въ 1789 г. до 21,176,243 жителей, простиралось въ 1800 г. до 22,207,443,—значитъ, увеличилось слишкомъ 1,100,000 душами, почти на одну двенадцатую. Этотъ результатъ, мале вѣроятный, есльбъ не подтверждался самыми разными спеціальными свѣдѣніями, доказывавтъ, что бюджетно, промышленно во Франціи въ отношеніи матеріальномъ, всеерь поглядывалось съ чуждою быстротою. Земледѣліе всеюду шло съ возростающимъ усиліемъ.

Первый консулъ придумалъ одно изъ действительнѣйшихъ средствъ, чтобъ знать все и быть въ состояніи дѣлать необходимыя улучшенія въ огромной машинѣ государственнаго управленія. Онъ перучалъ магистрыи способнѣйшимъ государственнымъ советникамъ наблюдать Францію, наблюдать на семемъ мѣстахъ администраціи, донести о ея стннхъ потребностяхъ и найденоыхъ замечреніяхъ. Эта работа приносила благотворительные плоды.

Адъютанты, посылаемые имъ то къ арміямъ, то къ портамъ, чтобъ сообщать повсюду энергію его воли, получали приказаніе, наблюдать, наблюдать все, и обо всемъ рапортовать своему генералу. Полковники Лакюбъ, Доржаконъ, Саваръ, посылаемые въ Антверпенъ, Булонь, Брестъ, Рошеоръ, Тулонъ, Ганую, Отранте, вносили порученія на возвратномъ пути останавливаясь въ каждомъ городѣ, присматривались, прислушивались ко всему и дѣлать обо всемъ свои замечанія: о состояніи дорогъ, движеніи торговыхъ дѣлъ, образѣ дѣйствій должностныхъ лицъ, расположеніи умовъ. Ни одинъ изъ нихъ не обманулъ его ожиданій; ни одинъ не боялся говорить правду передъ справедливымъ и всеобъемлющимъ властелиномъ. Этотъ властелинъ, который не думалъ тогда ни о чести бѣды, какъ только о томъ, чтобъ творить благо,—потому-что его благо безконечно въ своемъ объемѣ и своемъ многообразіи, было достаточно для погашенія жары души его,—этотъ властелинъ съ удовольствіемъ принималъ всякую жививающую ии-самому истину, и съ рѣшимостью обращалъ ее въ свою пользу, — надо ли было наказывать чиновника, проступившаго дельгъ свой, или возполнить недостатокъ въ новыи учрежденіяхъ, или обратить вниманіе на вредность, до-того-поръ ускользавшій отъ его строгого взгляда.

Зрѣлищемъ, обращавшимъ на себя въ эту минуту всеобщее вниманіе, была саванданія о гражданскомъ кодексо въ государственномъ советѣ. Потребность въ этомъ кодексѣ была, конечно, сильнѣйшею отъ всего

Известной Франціи. Старинное гражданское законодательство, состоявшее изъ правъ феодальнаго, обычнаго, римскаго, не годилось долге для общества, снизу до верху подвергнувшись рѣшительному перевороту. Комиссія, составленная изъ Порталиса, Тронше, Биго-де-Преимнѣ и Маллевиля, начертала проектъ гражданского кодекса. Этотъ проектъ былъ препровожденъ во всѣ трибуналы, чтобъ они подвергли его своему разсмотрѣнію и сдѣлали на него свои замчанія. Въ-слѣдствіе этого разсмотрѣнія и этихъ замчаній, проектъ былъ видоизмѣненъ, и наконецъ внесенъ въ государственный советъ, который разбиралъ его статьи за тѣмъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Первый консуль, присутствуя на каждомъ изъ этихъ засѣданій, какъ президентъ, обнаруживалъ стройность, ясность, часто глубину взглядовъ, приводившихъ всѣхъ къ изумленію. Не изумлялся, видя въ немъ администратора, въ немъ рывыкшемъ править арміями, управлять покоренными странами, потому-то это качество необходимо для великаго полководца; но было чему изумляться, видя въ немъ законодателя. Его образованіе въ этомъ отношеніи было окончено быстро. Интересуюсь всѣмъ, потому-что онъ читалъ все, онъ просилъ у Камбасереса нѣкоторыя книги по предмету права, и именно матеріаловъ, приготовленныхъ во время Конвента для изданія новаго гражданского кодекса. Онъ съ жадностію читалъ ихъ, и къ-нѣтъ книгъ религіознаго содержанія, которыми окружалъ себя, замысливъ конкордатомъ. Иногда недостаточное познаніе предмета заставляло его поддерживать странныя идеи; но онъ скоро допускалъ образъ себя людямъ ученымъ, окружавшимъ его, и былъ выше всѣхъ съ, когда надо было извлечь изъ стеченія противоположныхъ идей мое естественное и самое разумное заключеніе. Первый консуль умѣлъ ставить работать неахъ, снѣтъ работая по цѣлымъ днямъ. Протоколы нѣзачетельнѣйшихъ засѣданій были почтены и обнародованы. Но въиде, чѣмъ посылались они въ *Мониторъ*, консуль Камбасересъ прѣотвращалъ ихъ, выбрасывая изъ речей перваго консула, чего не слѣало знать публикѣ. И такъ, въ этихъ протоколахъ оставалась мысль нѣаго консула иногда исправленная, обезцвѣченная, но всегда поразнѣальная. Это сильно действовало на публику, и она привыкла смотреть него, какъ на единственнаго виновника всего, что творилось добраго и злаго во Франціи. Ей нравилось, что законодателемъ у насъ тотъ самый человекъ, котораго выдава она полководцемъ, дипломатомъ, министраторомъ, и востанно великимъ на всѣхъ этихъ столь рѣзнѣныхъ попрацкахъ.

Первая книга гражданского кодекса была окончена, и это была одна изъ многочисленныхъ проектовъ, которые должны были быть предъпланы законодательному сословію. И такъ, замеченіе Франціи и ея гренила перерганизація шли ровнеъ другъ съ другомъ. Хотя не это было еще исправлено, хотя не все благо было еще совершено, также сравненіе настоящаго съ прошедшимъ возмѣняло сердца всѣхъ лювоствѣемъ и надеждою. Совершеніе всякаго благаго дѣла приписывалъ первому консулу, и былъ правъ, потому-что, по смѣлѣтельности его долговѣаго отрудника, консула Камбасереса, онъ дѣлалъ извѣстны



ше всему, входилъ самъ въ подробности, и по каждой отдельной части дѣлала еще больше тѣхъ, кому была она специально сѣрена.

Человѣкъ, правившій Франціею съ 1799 по 1815 г., имѣлъ, безъ сомнѣнія, въ-продолженіе своего поприща упомительные дни славы; но конечно не оги, ни Франція, которую очаровалъ онъ, не переживали подобныхъ дней,—дней, въ которые величіе сопровождалось еще и мудростью, и особенно тою мудростью, которая заставляетъ надеяться на продолжительность счастья.

По-истинѣ, должно бы было остановиться на чудесныхъ событіяхъ этихъ первыхъ временъ, и исторія, говоря объ этомъ царствованіи, сказала бы, что ничего болѣе великаго, болѣе совершеннаго люди не видывали на землѣ. Все это было написано на лицахъ людей всѣхъ состояній, всѣхъ націй, съ благоговѣніемъ толпившихся вокругъ перваго консула. Множество иностранцевъ стекалось въ Парижъ, чтобы посмотреть на Францію, чтобы увидать генерала Бонапарте, и большая часть изъ нихъ представлялась ему чрезъ министровъ своего правительства. Дворъ его,—ибо онъ создалъ себѣ дворъ,—дворъ его былъ имѣлъ военный и гражданскій, суровый и утонченный, изящный. Онъ прибавилъ къ нему нечто съ прошлаго года; онъ составилъ военный штатъ для себя и консуловъ и окружилъ, какъ государыню, придворными дамами госпожу Бонапарте. Консульская гвардія была образована изъ четырехъ пѣхотныхъ гренадерскихъ и егерскихъ батальоновъ, въ 1,200 человекъ каждый, и двухъ кавалерійскихъ полковъ, конногренадерскаго и конноегерскаго. Тѣ и другіе были составлены изъ лучшихъ, храбрѣйшихъ солдатъ арміи. Многочисленная и хорошо-устроенная артиллерія дополняла эту гвардію и дѣлала изъ нея настоящую дивизію, изъ всѣхъ родовъ войскъ, прострившуюся до 6,000 человекъ. Блвстательный штабъ начальствовалъ этимъ превосходнымъ войскомъ. Къ этому особенному штабу консульской гвардіи первый консулъ присоединилъ военнаго губернатора Тюльерійскаго-Дворца, съ двумя офицерами штаба, бывшими въ званіи адъютантовъ (*adjutants*). Этимъ губернаторомъ былъ адъютантъ Дюрокъ, всегда употребляемый на деликатныя порученія. Ни одинъ офицеръ не былъ способенъ его воцарить въ правительственномъ дворцѣ порядокъ и благочиніе, вправившіеся первому консулу и бывшіе въ духъ того времени. Надо было смягчить этотъ воинственный видъ, придавъ ему некоторую гражданскую наружность. Государственный совѣтникъ, Бензешъ (*Benchesk*) въ-продолженіе перваго года присутствовалъ при аудіенціяхъ и принималъ съ приличнымъ этикетомъ иностранныхъ министровъ и важныхъ особъ, имѣвшихъ доступъ къ консуламъ: четыре гражданскіе офицера, съ званіемъ французскихъ префектовъ, смѣняли теперь въ этой обязанности государственнаго совѣтника Бензеша. Четыре придворныя дамы назначены были къ госпожѣ Бонапарте, чтобы помогать ей въ приѣмъ гостей въ салонъ перваго консула. Новый дворъ украшался присутствіемъ супруга перваго консула и сестеръ его, изъ которыхъ всѣ были замѣчательны или по своимъ очаровательнымъ приѣмамъ, или по уму, или по красотѣ. Выше въ разговорѣ о братьяхъ перваго консула: теперь время познакомиться съ

и сестрами. Старшая сестра первого консула, госпожа Элиза Баккіоки, замѣчательная по наружности, была очень-замѣчательна по уму, и привлекала вокругъ себя отличнѣйшихъ тогдашнихъ литераторовъ, каковы были Сюаръ, Мореллѣ, Фонтанъ. Вторая, Каролина Мюратъ, шедшая за генерала этого имени, честолюбивая и прекрасная, упоенная счастливою судьбою своего брата, желая привлечь лучшую долю изъ нея на себя-самоѣ и своего мужа, была одною изъ женщинъ того новаго двора, придававшихъ ему наиболѣе жизни и изящества. Третья, Полина Бонапарте, та, которая была за генераломъ Леклеркомъ, и которая вышла потомъ за принца Боргезе, была одною изъ прекраснѣйшихъ особъ своего времени. Она еще не вызвала противъ себя злорѣчій, какъ сдѣлала это позднеѣ, и если ея неосторожное поведеніе печалило иногда ея брата, страстная нѣжность, которую она чувствовала къ нему, трогала его и обезоруживала его строгость. Госпожа Бонапарте стояла выше всѣхъ ихъ, какъ супруга первого консула, и очаровывала своею врожденною граціею Французовъ и иностранцевъ, имѣвшихъ доступъ въ правительственный дворецъ. Невѣжливое и уже видное соперничество между членами этого семейства, такъ-близкаго къ трону, было сдерживаемо генераломъ Бонапарте, который, хотя и любилъ близкихъ сердцу, однакожь обращался сурово съ нарушавшими мѣръ, который онъ любилъ выдѣть вокругъ себя.

Событіе нѣкоторой важности произошло въ консульскомъ семействѣ: го былъ бракъ Ортансы де-Боарнѣ съ Лудовикомъ Бонапарте. Первый консулъ, нѣжно любившій обоихъ дѣтей своей супруги, хотѣлъ выдѣть Ортансу де-Боарнѣ за Дюрока, полагая, что взаимная привязанность близала эти два юныя сердца. Но этотъ бракъ, мало нравившійся госпожѣ Бонапарте, не состоялся. Госпожа Бонапарте, все мучимая страхомъ развода, съ-тѣхъ-поръ, какъ она перестала надѣяться имѣть дѣтей, задумала выдѣть дочь свою за одного изъ братьевъ своего супруга, льстя себя надеждою, что дѣти, которыя родятся отъ этого союза, изданныя двойственными узами съ новымъ главою Франціи, могутъ имѣть его наследниками. Иосифъ Бонапарте былъ женатъ; Люсіанъ велъ беспорядочную жизнь, и держался въ непріязненномъ отношеніи къ юей свояченицѣ; Иеронимъ искупалъ на золотѣ кое-какія заблужденія молодости. Лудовикъ одинъ соответствовалъ видамъ госпожи Бонапарте: она избрала его. Онъ былъ уменъ, образованъ, но своенравецъ, и мало сходенъ по характеру съ назначаемою ему невестою. Первый консулъ, который такъ судилъ объ этомъ дѣлѣ, сначала противился, потомъ уступилъ и согласился на бракъ, который не долженъ былъ составить счастіе обоимъ супругамъ, но который, однажды, едва не далъ наследниковъ всевышней имперіи.

Брачное благословеніе было дано кардиналомъ Капрарою, и въ частностъ домоу, какъ совершались тогда вся требы, если совершавшіе ихъ, были духовныя неприслужные. При этомъ же случаѣ, дано было благословеніе генералу Мюрату и супругу его, Каролинѣ, которые до-сихъ-поръ еще не имѣли его, подобно многимъ другимъ мужьямъ и женамъ того времени, которыхъ бракъ бывалъ заключенъ только гражданскимъ обра-

зомъ. Генераль Бонапарте и Жозефина были въ такихъ же обстоятельствахъ. Жозефина усильно просила своего мужа присоединить религиозную связь къ гражданской, уже соединявшей ихъ; но, изъ предусмотрительности ли, или изъ страха признаться предъ всеми въ негодноту контракта, связывавшаго его съ госпожею Бонапарте, первый консулъ не хотѣлъ на это согласиться.

Однажды въ декаду, какъ мы уже говорили выше, первый консулъ принималъ посланниковъ и иностранцевъ, которые были представляемы ему министрами ихъ націй. Онъ проходилъ по рядамъ собравша, всегда многочисленнаго, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ. Госпожа Бонапарте явилась въ-слѣдъ за нимъ, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ. Это была та же церемонія, кака я соблюдалась при другихъ дворахъ, съ меньшимъ кортежемъ адъютантовъ и фрейлинтъ, но за-то съ несравненно бѣльшимъ блескомъ, окружавшимъ генерала Бонапарте. Дважды въ декаду, онъ приглашалъ къ своему столу знатнѣйшихъ особъ Франціи и Европы, и однажды въ мѣсяцъ давалъ въ Галерей-Діаны обѣдъ, къ которымъ было приглашаемо иногда до ста особъ. Въ эти дни были въ Парижѣ собранія въ Тюльери, куда были допускаемы высшіе сановники, посланники, особы высшаго французскаго общества, которыя стали сближаться съ правительствомъ. Внося расчетъ даже въ малѣйшія вещи, первый консулъ предписывалъ своему семейству извѣстные наряды, чтобъ ввести ихъ черезъ подражаніе въ общее употребленіе. Онъ рекомендовалъ жень своей матерію, извѣстную подъ названіемъ *лино* (*linon*), для поощренія сен-кентенскихъ фабрикъ (\*). Что до него самого, простой между всеми, онъ носилъ скромный егерскій мундиръ консульской гвардіи. Онъ обязалъ своихъ соврателей носить шитую золотомъ консульскую одежду и принимать у себя общество, чтобъ повторилось у нихъ, хоть съ меньшимъ блескомъ, то же, что дѣлалось въ Тюльери.

Эта зима съ 1801 на 1802 г. (X-го года) была очень-блестательна отъ тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыя царствовали во всѣхъ классахъ. Стеченіе множества иностранцевъ много способствовало блеску зимнихъ праздниковъ. Изъ лицъ, появившихся въ Парижѣ въ это время, два особенно привлекли на себя общее вниманіе: одинъ изъ нихъ былъ знаменитый Англичанинъ, другой эмигрантъ, котораго имя нѣкогда гремѣло въ свѣтѣ.

(\*) Вотъ письмо, написанное изъ Сен-Кентена консулу Камбасересу:

*Сен-Кентенъ, 21 янвеля IX в. (40 февраля 1801 г.)*

«Мануфактуры столь интереснаго города Сен-Кентена и его окрестностей, имѣвшія 70,000 работниковъ и выпускавшія во Францію болѣе пятидесяти миліоновъ значительныхъ денегъ, уменьшились теперь на пять-шестыхъ. Желательно было бы, чтобъ наши дамы пустили въ моду *лино*, не отдавая такого рѣшительнаго предпочтенія мусликамъ. Мысль оживить одну изъ нашихъ интереснѣйшихъ отраслей мануфактурной промышленности, которую мы имѣемъ исключительно, и доставить пріятаніе такому большому числу французскихъ семействъ, пріятно само по себѣ, чтобъ ввести въ моду *лино*: къ-тому же, умъ не довадно ли дожде, *лино* былъ бы немцостя?»

Знаменитый Англичанинъ былъ Фоксъ, красноречивѣйшій ораторъ Англій; знаменитый эмигрантъ былъ де-Калоннъ, бывшій министръ финансовъ, котораго гибкій и изобрѣтательный умъ умѣлъ скрывать нѣсколько времени отъ глазъ версальскаго двора пропасть, къ которой онъ шелъ большими шагами. Фоксъ нетерпѣливо желалъ увидѣть человека, къ которому чувствовалъ непреодолимое влеченіе, не смотря на свой британскій патриотизмъ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ тотчасъ по заключеніи предварительныхъ статей мира и былъ представленъ первому консулу англійскимъ министромъ. Онъ пріѣхалъ, чтобъ видѣть Францію главу ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и порыться во французскихъ дипломатическихъ архивахъ, потому-что великій ораторъ-вигъ занимался тогда надобно сочиненіемъ исторіи двухъ послѣднихъ Стуртовъ. Первый консулъ далъ приказаніе, чтобъ всѣ архивы были открыты Фоксу, и сдѣлалъ ему пріемъ, могшій покорить даже врага, но очаровавшій друга, котораго онъ пріобрѣлъ себѣ одною своею славою. Первый консулъ отломалъ съ этимъ благороднымъ иностранцемъ въ сторону всякій этикетъ, тупилъ съ нимъ въ самыя дружественныя отношенія, велъ съ нимъ легкія и частыя бесѣды, и, казалось, хотѣлъ, въ его особѣ, покорить себѣ весь народъ англійскій. Часто, однакожь, они были другъ съ другомъ изличныхъ мнѣній. Фоксъ былъ одаренъ тѣмъ живымъ воображеніемъ, которое дѣлаетъ ораторовъ увлекательными; но умъ его не былъ ни положительнъ, ни практиченъ. Фоксъ вызывалъ улыбку перваго консула своею наивностью, неопытностью, странными у человека, которому было около шестидесяти лѣтъ. Первый консулъ пугалъ иногда британскій патриотизмъ Фокса громадностью своихъ очень-мало-скрываемыхъ плановъ. Однакожь, оба они сошлись между собою по уму и по сердцу, и были жившими другъ другомъ. Первый консулъ употреблялъ всевозможныя ранила, чтобъ показать Фоксу весь Парижъ, и иногда самъ сопровождалъ его въ публичныя заведенія. Въ то время была выставка произведеній французской промышленности, вторая со времени революціи. Всѣ были поражены успѣхомъ французскихъ мануфактуръ, которыя, посреди общихъ смутъ, принявъ, однакоже, участіе въ умственномъ движеніи, изобразили множество улучшеній и новыхъ способовъ производства. Иностранцы были, казалось, этимъ сильно поражены, особенно Англичане, хорошіе судьи въ такомъ дѣлѣ. Первый консулъ велъ Фокса въ залы этой выставки, расположенныя во дворѣ Лувра, наслаждался иногда изумленіемъ своего знаменитаго гостя. Фоксъ, среди ласкъ, которыми былъ окруженъ, высказалъ одну остроумную мысль, дѣлающую честь чувствамъ и уму этого благороднаго ювака, и доказывающую, что въ немъ справедливость въ отношеніи Франціи уживалась съ самымъ утонченнымъ патриотизмомъ. Въ одной изъ залъ Лувра находился земной глобусъ, большой, красивый, назначенный для перваго консула, и очень-искусно сдѣланный. Это изъ сопровождавшихъ перваго консула, повернувъ этотъ глобусъ, положивъ руку на Англію, сказалъ довольно-неловко, что Англія занимаетъ очень-мало мѣста на картѣ вселенной. «Да» отвѣчалъ Фоксъ живостью: «да, на этомъ острову, такомъ маленькомъ, родятся Англии»

«чане, и на этомъ острову хотять умереть вся они; но» присовокупить оны, проводя руками вокругъ обоихъ океановъ и обныхъ Индїи: «во свъ-продолженіе своей жизни, они наполняютъ собою всю эту вселенную, аи обхватываютъ ее своимъ могуществомъ». Первый консулъ рукополагалъ такому отвѣту, исполненному гордости и такъ кстати-сказанному.

Особа, наиболее, послѣ Фокса, занимавшая общественное вниманіе, былъ экс-министръ де-Калоннъ. По ходатайству принца валлійскаго, оны получилъ позволеніе прїѣхать въ Парижъ. Де-Калоннъ, по прїѣздѣ своемъ, говорилъ рѣчи вовсе-неожиданныя и приводившія въ смущеніе роялистовъ. Оны не хотѣлъ служить, говорилъ оны, новому правительству, — не могъ рѣшиться на это, будучи привязанъ къ дому Бурбоновъ; но долженъ былъ высказать правду друзьямъ своимъ. Никто въ Европѣ, по его мнѣнію, не могъ сравниться съ первымъ консуломъ. И потому не должно разсчитывать на Европу, чтобъ излѣжить генерала Бонапарте. Тѣмъ-болѣе не должно безчестить дѣла роялизма гнусными ковами, которые приводили въ ужасъ честныхъ людей всего свѣта. Изъ этихъ рѣчей все заключали, что де-Калоннъ въ скоромъ времени вступитъ въ сношенія съ консульскимъ правительствомъ. Оны видѣлся съ консуломъ Лебрёномъ, который принималъ себя роялистовъ съ позволенія перваго консула, и говорилъ съ нимъ дѣлахъ Франціи. Говорили даже, что оны будетъ для финансовъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Талейранъ для дипломатіи. Впрочемъ, на дѣла ничто этого не было. Первому консулу нужно было въ людяхъ мѣнѣ блестящаго ума, но болѣе прилежанія, чего не имѣлъ де-Калоннъ, и оны нашелъ что ему было нужно въ Годенъ, который вселъ отличный порядокъ въ финансахъ Франціи.

Кто бы подумалъ, что посреди столькихъ благъ, или уже совершенныхъ, или готовыхъ совершиться, могла возникнуть оппозиція, еще и сильная оппозиція? Какъ бы то ни было, она готовилась одна изъ самыхъ ожесточенныхъ, противъ лучшихъ твореній перваго консула. И не въ отчаянныхъ партіяхъ, радикально-противоположныхъ правительству перваго консула, роялистскихъ или революціонныхъ, готовилась оппозиція, но въ той самой партіи, которая желала preservation слабой Директоріи, способствовала тому, и призвала новое правительство, которое было въ одно и то же время искусно и твердо.

Умѣренная революціонная партія, различными способами содействовавшая перевороту 18 бромѣра, съ самыхъ первыхъ дней консулата приняла два противоположныхъ направленія: одно изъ нихъ стремилось къ тому, чтобъ революція покончилась республикою демократическою умѣренною, какую Вашингтонъ основалъ въ Америкѣ; другое, что она покончилась монархіей, сходною болѣе или мѣнѣе съ англійскою даже, еслибъ было нужно, и съ старинной французскою монархіею только безъ прежнихъ предрасудковъ, только безъ феодальнаго нажима съ прибавкою величія. Наступилъ третій годъ консульскаго правленія, и, по обыкновенію, эти два противоположныхъ направленія все усиливались отъ самаго своего противорѣчія; надо было вскорѣ ожидать кризиса.

Трибунатъ, бывшій въ волненіи въ предшествовавшія собранія, то по поводу законовъ о финансахъ, то по поводу особенныхъ трибуналовъ, нѣмче волновался еще болѣе при взглядѣ на все происходившее, при этомъ этого правительства, шедшаго такъ быстро къ своей цѣли. Въ особенности конкордаты приводилъ его въ негодованіе, какъ самый противореволюціонный актъ, какой только можно было себя представить. Гражданскій кодексъ не былъ, по его мнѣнію, довольно сообразенъ съ идеею равенства. Самые эти мирные трактаты, заключавшіе въ себя величіе Франціи, не нравились ему по своей редакціи.

Сійѣсъ, желая сдѣлать всякое волненіе невозможнымъ посредствомъ ихъ конституціональных предосторожностей, не успѣлъ, какъ видно, въ своемъ намѣреніи, потому-что конституціи не создаютъ человѣческихъ страстей, и не въ состояніи уничтожить ихъ: онѣ только гнетомъ, на которой проявляются эти страсти. И дѣйствительно, трибуналы чувствовали разглагольственную суетность своей роли; законодательное сословіе постигало смѣшную сторону своего молчанія, и, сверхъ-того, оно заключало въ себя много прежде-бывшихъ духовныхъ, организованныхъ аббатами Грегуаромъ въ оппозицію безмолвную, но гласительную. Самый сенатъ, изъ котораго Сійѣсъ хотѣлъ сдѣлать богатого и покоящагося старца, былъ не такъ покоенъ, какъ онъ представлялъ: сенаторы сильно скучали своимъ празднымъ достоинствомъ. Эти учрежденія вмѣстѣ завидовали государственному совѣту, который одинъ раздѣлялъ съ первымъ консуломъ славу великихъ дѣлъ, совершавшихся ежедневно.

Такимъ образомъ, это общество, которое Сійѣсъ хотѣлъ, по примѣру Венеціи и Генуи, усыпить чѣмъ-то въ родѣ аристократическаго пренебреженія, все еще металось, какъ больной въ горячкѣ, и могло быть укрощено, сдержано человѣкомъ власти, но не погружено въ мирный сонъ, съ того надвѣялся творецъ конституціи.

И, странная вещь, Сійѣсъ, изобрѣтатель этого новаго порядка вещей, —сладствіе котораго царствовало съ одной стороны такъ много, а съ другой такъ мало дѣятельности, Сійѣсъ самъ сталъ томиться своимъ божественнымъ бездѣйствіемъ. Умирный и даже монархическій въ своихъ началахъ, онъ долженъ бы былъ одобрить дѣйствія перваго консула; но различныя причины—одна неизбежныя, другія случайныя, начали спорить ихъ другъ съ другомъ. Этотъ великій созерцательный гений, доведенный до того, что только на все смотрѣлъ и ничего не дѣлалъ, долженъ былъ завидовать дѣятельному и могучему генію, ежедневно болѣе и болѣе овладевавшему Франціею и вселенною. Сійѣсъ въ блистательныхъ твореніяхъ генерала Бонапарте видѣлъ уже зародки его будущахъ ошибокъ, и, если не высказывалъ этого еще громко, то намскалъ иногда своимъ молчаніемъ, или однимъ словомъ, глубокимъ, какъ и мысль его. Можетъ-быть, ежеминутная внимательность въ обхожденіи могла бы успокоить, привязать его къ первому консулу. Но тотъ уже слишкомъ считалъ себя расквитавшимся съ Сійѣсомъ, подаривъ ему кронскую землю, и, сверхъ-того, погружаясь въ свои огромныя работы, онъ слишкомъ пренебрегъ необыкновеннымъ

человѣкомъ, такъ благородно уступившимъ ему первое мѣсто въ день 18 бромѣра. Онъ очень-вольно говорилъ о метафизикѣ Сийеса, его безсидномъ честолюбіи, и эти рѣчи были немедленно переносимы и отравляемы недоброжелателями. Сийесь имѣлъ вокругъ себя нѣсколькихъ друзей, людей замѣчательныхъ, каковы де-Траси, Гарѣ, Кабанисъ, Ланжюне, которые вмѣстѣ съ нимъ составляли въ сенатѣ уже довольно-замѣтную оппозицію. Конкордатъ казался имъ, какъ и многимъ другимъ, самымъ поразительнымъ доказательствомъ близкой контр-революціи.

Не живя посреди собраний, первый консуль не вдалъ искусства уживаться съ людьми, чѣмъ не пренебрегалъ и самъ Цезарь, какъ ни былъ онъ могущественъ, и чему научился онъ въ сенатѣ римскомъ. Первый консуль выражалъ свое неудовольствіе публично, смѣло, съ сознаниемъ своей силы и своей славы, и вовсе не принималъ мудромъ Камбасересу, который, будучи опытенъ въ управленіи собраниями, напрасно совѣтовалъ ему знать мѣру и быть осторожнымъ. «Надо отвѣчалъ первый консуль: «доказать этимъ людямъ, что ихъ не боятся, и они почувствуютъ страхъ, когда увидятъ, что ихъ не испугались». Это уже, очевидно, были правы, идеи чистаго самодержавія, по мѣрѣ того, какъ приближалась минута, когда монархія должна была слѣдаться неизбежною.

Оппозиція проявлялась не только посреди государственныхъ собраний, но и въ арміи. Масса арміи, какъ и масса націи, видя великіе результаты, полученные въ два года, была совершенно предана первому консулу. Однакожь, между начальниками находились недовольные, одни отъ чистаго сердца, другіе просто изъ зависти. Недовольными честолюбивыми были честные революціонеры, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на возвращеніе эмигрантовъ и насоро-предстоящую имъ обязанность показать въ церквахъ свои мундиры. Недовольными изъ зависти были смотрѣвшіе съ досадою на то, что равный имъ сначала превзошелъ ихъ въ славу, а теперь готовъ былъ сдѣлаться ихъ вѣстелиномъ. Первые принадлежали по-большой-части къ итальянской арміи, другіе къ рейнской.

Генералы итальянской арміи, вообще преданные первому консулу, но пламенные въ своихъ чувствованьяхъ, не любя ни духовныхъ, ни эмигрантовъ, жаловались на то, что изъ нихъ хотѣли сдѣлать ханжъ, и высказывали все это въ рѣчахъ оригинальныхъ и непривычныхъ солдатамъ. Ожерѣ, Ланнъ, плохіе политики, но войны-герои, особенно второй, бывшій военнымъ челоуѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, позволяли себѣ самыя странныя выраженія. Ланнъ, сдѣлавшійся командиромъ консульской гвардіи, распорядился сею кассою съ щедростью, которая, впрочемъ, была извѣстна первому консулу и одобряема имъ. Роскошная отель служила помѣщеніемъ штабу этой гвардіи. Ланнъ держалъ здѣсь открытый столъ для всѣхъ своихъ товарищей и для этихъ-то солдатскихъ пиршествахъ много говорилъ противъ правительствъ. Первый консуль не боялся ослабленія къ себѣ приверженности этихъ солдатъ теперь праздныхъ. Онъ былъ увѣренъ, что при первомъ знакѣ, онъ найдетъ снова всѣхъ ихъ вокругъ себя, и Ланнъ ска-

не чинить кого другого. Однакожь, было опасно давать дольше волю этимъ оговаривать и этимъ изыскамъ, и онъ позвалъ къ себѣ Ланна. Тотъ, пришедши къ короткой фамильярности съ своимъ главнокомандующимъ, от волненья себя некоторые вспышки, тотчасъ укрощенныя холоднымъ ампальпическимъ тономъ перваго консула. Ланнъ удалился, скорбя о вѣстѣ проступка, скорбя о негодованіи, которому подвергся. Въ движеніи благородной гордости, онъ хотѣлъ уплатить все издержки, сдѣланныя имъ изъ кассы гвардіи съ согласія перваго консула. Но этотъ генералъ, столько воссавшій въ Италіи, не имѣлъ почти ничего. Ожеро, точно такой же неосторожный, но человекъ съ прекраснымъ сердцемъ, ссудилъ его суммою, составлявшею все его имущество, и сказалъ: «Вотъ, возьми эти деньги; поди къ неблагодарному, за котораго мы проливали нашу кровь, отдай ему, что должно за кассу, и не будешь больше ему обязанъ, ни мы, ни другіе.» Первый консулъ не позволялъ своимъ старымъ товарищамъ по оружію, и героямъ и лѣтямъ вмѣстѣ, высвободиться изъ любви къ нему. Онъ разлучалъ ихъ. Ланнъ получилъ выходное мѣсто посланника въ Португалію, Ожеро получилъ приказаніе быть осторожнѣе на будущее время и возвратиться къ своей арміи.

Эти сцены съ офицерами итальянской арміи были сценами друзей, которые поссорились вчера, а сегодня обвиняются. Но болѣе-серьезны были сцены съ рейнскими генералами, болѣе-холодными и болѣе-непримиримыми. Къ-несчастью, роковой раздоръ начиналъ обнаруживаться между главнокомандующими итальянской и рейнской армій, между генераломъ Бонапарте и генераломъ Морб.

Морб, со времени австрійской кампаніи, успѣхомъ которой онъ былъ обязанъ, по-крайней-мѣрѣ отчасти, первому консулу, давшему ему начальствовать надъ лучшею арміею Франціи, Морб считался за втораго генерала республики. Въ основаніи, никто не ошибался на счетъ его достоинства: знали, что это былъ человекъ ума посредственнаго, неспособный къ великимъ соображеніямъ и совершенно-лишенный политическаго гения; но опирался на его действительныя качества генерала храбраго, благоразумнаго и мужественнаго, чтобъ представить его полководцемъ первостепеннымъ и способнымъ соперничествовать съ полководцемъ Италіи в Египта. Партии владѣютъ чуднымъ инстинктомъ, чтобъ открыть слабости людей, выходящихъ изъ-подъ общаго уровня. Онъ то льстятъ имъ, то оскорбляютъ ихъ, доколь не найдутъ слабой стороны, чрезъ которую могутъ наконецъ проникнуть въ ихъ сердце, чтобъ ввести туда свой ледъ. Онъ вскорѣ отыскали слабую сторону Морб — тщеславіе. Лестью онъ вдохнулъ въ него роковую зависть къ первому консулу, которая должна была некогда погубить его-самого. Къ осуществленію несчастія, Морб вступилъ въ бракъ, который способствовалъ тому, чтобъ поставить его на эту роковую дорогу. Женщины обоняютъ инстинктомъ, Бонапарте и Морб, перессорились между собою за пустяки, за которые спорятся только женщины. Въ семействѣ Морб старались убедить его, что онъ долженъ быть первымъ, а не вторымъ, что генералъ Бонапарте дурно расположенъ къ нему... Морб, безхарактерный, былъ слы-



вои-инициативы къ этимъ опаснымъ внушеніямъ. Между тѣмъ, гер-консулъ нисколько не былъ склоненъ передъ ними; напротивъ того, осыпая его всевозможными отличіями, старался говорить о немъ равно съ лучшей стороны, ведали какъ о немъ думали, особенно случаю сраженія подъ Гогенлиденгофъ, которое онъ провозгласилъ всеуслышаніе мастерскимъ преподаденіемъ военнаго искусства, тогда какъ про-себя смотрѣлъ на это дѣло болѣе какъ на удачу, не какъ на ученую и обдуманную комбинацію. Зная слабости Морô, обращался съ нимъ осторожно; но лишь-только Морô первый пошелъ противъ него, онъ не остался въ долгу, и съ обыкновенною живостью своего характера, скоро отплатилъ ему. Однажды, онъ предложилъ Морô сопровождать его на смотръ; Морô отказалъ сухо, боясь быть смѣшаннымъ съ офицерами штаба перваго консула, и представилъ въ отвѣтъ, что не имѣлъ верховой лошади. Первый консулъ, оскорбленный этимъ отказомъ, вскоре отплатилъ ему. Въ одно изъ большихъ празднествъ, дававшихся часто, всѣ высшіе сановники были приглашены на обѣдъ въ Тюдери. Морô жилъ за городомъ; но, возвратясь къ кануну по одному дѣлу, онъ пріѣхалъ къ консулу Камбасересу посоветоваться съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Камбасересъ, который безпрестанно занимался примиреніями, принялъ Морô какъ-неблагд-лучше. Увидя, что видитъ его въ Парижѣ, онъ поспѣшилъ уведомить перваго консула и сильно убѣждалъ его пригласить главнокомандующаго рейнскою арміею на завтрашній обѣдъ. «Онъ сдѣлалъ мнѣ публичный отказъ» отплатилъ первый консулъ: «я не хочу подвергать себя непріятности получить и другой». Ничто не могло склонить его, и на другой день, въ время, какъ всѣ генералы и высшіе сановники республики находились въ Тюдери, сидя за обѣденнымъ столомъ перваго консула, Морô мстилъ за это пренебреженіе, отправившись публично и въ штатскомъ платьѣ обѣдать въ одинъ изъ наиболее-посѣщаемыхъ ресторановъ столицы, съ толвою недовольныхъ офицеровъ. Это обстоятельство было замѣчено и произвело самый неблагоприятный эффектъ.

Съ этого дня, т. е. съ осени 1801 г., генералы Бонапартъ и Моро обнаруживали другъ къ другу величайшую холодность; это скоро стало всѣмъ извѣстно, и непріязненныя партіи сплели этихъ восторговаться. Онъ принялся превозносить похвалами генерала Моро въ ущербъ генералу Бонапарту, и старался исполнить оба эти сердца ядомъ ненависти. Эти подробности покажутся, быть-можетъ, неинтересными исторіи, но все, что раскрываетъ людей, даже самыя жалкія ничтожности великихъ воиновъ, — все это достойно исторіи, потому-что оно можетъ научить, ей принадлежить.

Засѣданіе X года было открыто 1-го февраля (22-го ноября 1801 г.) по назначенію самой конституціи. По-истинѣ, консульское правительствовало теперь съ гордостью явиться предъ законодательное собраніе владыки дѣлъ своихъ. Миръ, заключенный съ Россією, Англією, германскими и итальянскими государствами, Португалією, Португомъ; проектъ примиренія съ церковью, окончивавшій религиозныя волненія; гражданскій кодексъ — памятникъ, бывший въ послѣдствіи удачною и важною

законъ о народномъ просвѣщеніи, о почетномъ-легіонѣ и о множествѣ другихъ важныхъ предметовъ; финансовыя проекты, приводившіе государственные доходы и расходы въ совершенное равновѣсіе: что можно было представить націи болѣе-полнаго, болѣе-чрезвычайнаго. И однакоже, все это было очень-дурно принято.

Гражданскій кодексъ подвергся сильному порицанію, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось. Оппоненты изъявили прежде всего величайшее удивленіе, видя этотъ кодексъ столь простымъ, столь-мало новымъ. Какъ, только-то! говорили они; но въ этомъ проектѣ нѣтъ никакой новой концепціи, нѣтъ никакого великаго законодательнаго творчества; это просто переводъ правъ римскаго или обычнаго. Взjali Домата, Потье, Институтіи Юстиніана, изложили по-французски все, что въ нихъ содержится, раздѣлили все это на статьи, связали статьи номерами болѣе, нежели логическою послѣдовательностью, и послѣ-того выдаютъ Франціи эту компіляцію за памятникъ, имѣющій право на ея удивленіе и уваженіе! Гг. Бенжаменъ-Константъ, Шеньё, Генгенё, Анриё, которыхъ способности были достойны лучшаго употребленія, свѣдѣлись надъ государственными совѣтниками, говорили, что это были прокуроры, руководимые солдатами и выпустившіе эту пошлую компіляцію подъ пышнымъ именемъ гражданскаго кодекса Франціи.

Отдѣлъ кодекса о пользованіи гражданскими правами и о лишеніи этихъ правъ былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ.

Гневъ перваго консула достигъ до высшей степени, и онъ во всеуслышаніе возвѣстилъ рѣшимость свою сокрушить препоны, которыя старались противополжить всякому его благому начинанію.

Консулъ Камбасересъ далъ благоразумный совѣтъ взять обратно гражданскій кодексъ, прервать засѣданіе, упразднить всѣ совѣщательныя собранія, а между-тѣмъ воспользоваться 38 статьею конституціи, которая состояла въ слѣдующемъ: *Первое возобновленіе законодательнаго сословія и трибуната будетъ не раньше, какъ въ-теченіе X года.*

Теперь былъ X годъ (1801—1802). Могли выбрать такое время года, какое желали, для того, чтобъ совершить это возобновленіе. Могли, на-прим., приступить къ тому въ-теченіе зимы, въ пловыйозъ или вантаозъ; исключить тогда пятую часть членовъ трибуната и законодательнаго сословія, т. е. двадцать членовъ изъ трибуната, шестьдесятъ изъ законодательнаго сословія, исключить такимъ-образомъ самыхъ непріязненныхъ, замѣнить ихъ людьми благоразумными и спокойными, и открыть несною экстра-ординарное засѣданіе, въ которое могли бы быть утверждены законы, теперь встрѣтившіе такую сильную оппозицію. Камбасересъ ручался, что сенатъ склонится на такое истолкованіе 38 статьи и на замѣщеніе оппонентовъ людьми, преданными правительству. Первый консулъ изъявлялъ согласіе на этотъ планъ; онъ радъ былъ какии бы то ни было способомъ избавить отъ людей, мешавшихъ ему дѣлать Франціи добро. Онъ самъ написалъ воззваніе къ законодательному сословію о возвратѣ обратно проекта гражданскаго кодекса, въ слѣдующихъ благородныхъ и строгихъ выраженіяхъ:

## «Законодатели!»

«Правительство рѣшилось взять обратно проекты закона о гражданскомъ кодексѣ.

«Съ трудомъ находить оно себя вынужденнымъ отложить до другаго времени законы, ожидаемые націю съ такимъ нетерпѣніемъ; но оно суждалось, что еще не настало время, когда на большихъ совѣщаніяхъ будутъ царствовать необходимыя для нихъ тишина и единство».

Эта заслуженная строгость произвела величайшій эффектъ. Законодательное сословіе, пораженное такимъ ударомъ, упало къ ногамъ правительства. Вместо прежняго сопротивленія воля перваго консула, законодательное сословіе и сенатъ, испуганные, дали теперь преимуществу кандидатамъ, предложеннымъ первымъ консуломъ на вакантныя мѣста въ сенатѣ.

Оппоненты въ трибунатѣ подняли громкіе крики на слабость сената, — слабость, которой вскорѣ они должны были сами подражать, и даже превзойти ее.

Планъ, принятый правительствомъ, былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. Законодательныя работы были приостановлены, и публично объявлено, что первый консулъ оставляетъ Парижъ и ѣдетъ на мѣсяцъ въ Ліонъ. Предметъ этой поездки заключалъ въ себя обычное дальнѣе дѣйствіе генерала Бонапарте. Дѣло шло о томъ, чтобъ дать конституцію Цизальпинской-Республики, и пятьсотъ депутатовъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній, презвѣжали въ эту минуту чрезъ Алпы, въ жестокою зиму, чтобъ составить въ Ліонѣ огромный сеймъ, подъ именемъ консулыты, и принять отъ руки генерала Бонапарте законы, назначеніе правительственныхъ лицъ, цѣлое правительство.

Никто болѣе не занимался ни законодательнымъ сословіемъ, ни трибунатомъ, которые рѣшительно были упразднены. Они были такъ-образомъ приведены въ затруднительное положеніе своимъ бездѣйствіемъ и несли на себя предъ цѣлою Франціею отвѣтственность за совершенную остановку благихъ и полезныхъ работъ правительства.

Было условлено, что, въ отсутствіе перваго консула, Камбасерезъ, владѣвшій особеннымъ искусствомъ вертѣть сенатомъ по-своему, возьмется заставить его истолковать 38 статью конституціи такъ, какъ было надо, и самъ будетъ наблюдать за исключеніемъ двадцати и шестидесяти членовъ, которыхъ хотѣли вытѣснить изъ трибуната и законодательнаго сословія.

До отъѣзда, первому консулу предстояло еще заняться двумя важными дѣлами: экспедиціей въ Сен-Доминго и амьенскимъ конгрессомъ. Второе дѣло задержало его дольше, нежели какъ онъ полагалъ.

Страсть къ отдаленнымъ обладаніямъ была старинною французскою страстью, которую пробудило царствованіе Людовика XVI, очень-благопріятное для морскихъ снѣлъ, и отъ которой еще не отвадили Францію большія неудачи на морѣ. Колоніи были тогда предметомъ самаго алчнаго желанія со стороны всѣхъ торговыхъ націй. Египетская экспедиція, придуманная съ цѣлью оспорить у Англичавъ владычество Индію, была слѣдствіемъ этой всеобщей склонности, и дурной исклъ

той экспедиціи заставилъ сильно желать возмездія за Египеть. Первый консулъ готовилъ два такіа возмездія: Луизиану и Сен-Доминго. Онъ отдалъ Тоскану, эту прекрасную и драгоценную часть Италіи, испанскому двору, чтобъ получить въ обмѣнъ Луизиану, и въ эту минуту требовалъ исполненія обѣщанія, сдѣланнаго этимъ дворомъ. Въ то же время онъ рѣшился возвратити Франціи островъ Сен-Доминго. Этотъ островъ, до революціи, былъ первымъ, самымъ важнымъ изъ Антильскихъ-Острововъ и самую завидную изъ колоній, доставлявшихъ сахаръ и кофе. Безразсудства Законодательнаго-Собранія заставили невольниковъ возмутиться и были причиною столь печально-истопытательныхъ ужасовъ, которыми свобода черныхъ ознаменовала свое появленіе на свѣтъ. Негръ, одаренный истиннымъ гениемъ, Туссен-Лувертиёръ, совершилъ на Сен-Доминго нечто подобное тому, что совершилъ во Франціи первый консулъ. Онъ укротилъ, управилъ то возмущившееся народонаселеніе и возстановилъ нѣкоторый порядокъ. Благодаря ему, уже не было больше рѣзни на Сен-Доминго, и тамъ уже начинали работать. Онъ придумалъ конституцію, которую повергъ предъ первымъ консуломъ, и обнаруживалъ къ метрополи роль національной привязанности. Этотъ негръ чувствовалъ къ Англіи глубокое нерасположеніе; онъ хотѣлъ быть свободнымъ и Французомъ. Первый консулъ, сначала, допустилъ этотъ порядокъ вещей; но вскоре въ немъ пробудилось сомнѣніе насчетъ вѣрности Туссен-Лувертиёра, и не желая сдѣлать снова негровъ невольниками, онъ рѣшился воспользоваться перемиріемъ на моряхъ, чтобъ отправить въ Сен-Доминго отрядъ и войско... Первый консулъ имѣлъ, въ отношеніи къ чернымъ, намѣреніе поддержать то положеніе дѣлъ, которое было вызвано самими обстоятельствами. Онъ хотѣлъ во всехъ колоніяхъ, куда не проникло возмущеніе, сохранить невольничество, смягчивъ однако его, и на Сен-Доминго терпѣть свободу, сдѣлавшуюся неукротимою. Но онъ хотѣлъ обезпечить владычество метрополи на этомъ послѣднемъ островѣ, и для того имѣть тамъ войско. Въ случаѣ, еслибъ черные, оставшись свободными, сдѣлались невѣрными подданными, или еслибъ Античапе снова начали войну, онъ имѣлъ намѣреніе, не нарушая свободы черныхъ, возвратити плантаціи прежнимъ ихъ владѣльцамъ, аполнявшимъ Парижъ своею нищетою, своими жалобами, своими проклятіями противъ правительства Туссен-Лувертиёра. Многіе французскіе дворяне, уже лишеныя революціею своихъ имуществъ во Франціи, были въ то же время и владѣльцами на Сен-Доминго, и теперь были лишены своихъ богатыхъ владѣній на этомъ островѣ. Они хотѣли возвратити имъ ихъ имуществъ во Франціи, сдѣлавшихъ національными; но могли возвратити имъ ихъ сахарныя и кофейныя плантаціи на Сен-Доминго, и это было удовлетвореніемъ, которое, казалось, могло ихъ удовлетворить. Таковы-то были различныя побужденія, имѣвшія вліяніе на рѣшимость перваго консула. Возвратити Франціи самую большую изъ ея колоній и присоединити къ той жемчужинѣ Антильскихъ-Острововъ устья Миссиссипи, чрезъ отобрѣтеніе Луизианы,—таковы были планы перваго консула, планы,

достойные сожалѣнія, какъ увидимъ вскорѣ, но предписанные такъ-сказать расположеніемъ умовъ, которое было обще во Франціи въ эту эпоху.

Необходимо было торопиться, потому что, хотя окончательныи миръ, о которомъ теперь шло дѣло на амьенскомъ конгрессѣ, былъ почти-несомнѣненъ, однако, на всякій случай, еслибъ Англичане предъявили новыя и несбыточныя притязанія, надо было воспользоваться нѣсколькими-мѣсяцами, въ-продолженіе которыхъ море будетъ открыто, и отправить флотъ. Первый консулъ изготавлялъ 26 линейныхъ кораблей и 20 фрегатовъ, на которыхъ могло помѣститься 20,000 человекъ. Онъ ввѣрилъ начальствованіе надъ этою эскадрою адмиралу Вилларе-Жуайёзу, а начальствованіе надъ войсками генералу Леклерку, одному изъ лучшихъ офицеровъ рейнской арміи, женившемуся на сестрѣ его, Полипъ. Первый консулъ требовалъ, чтобъ и сестра его послѣдовала за своимъ мужемъ. Онъ пыталъ къ ней нѣжнѣйшую привязанность: такимъ-образомъ онъ посылалъ туда все, что имѣлъ нѣсколько-драгоценнаго, а не хотѣлъ, какъ говорили въ-послѣдствіи партіи, сослать въ страну лихорадочнаго и смертельнаго климата солдатъ и генераловъ рейнской арміи, затмѣвавшихъ его-самого. Другое обстоятельство служило доказательствомъ побужденію, которое руководило имъ при сформированіи корпуса, отправленнаго въ Сен-Доминго. Такъ-какъ казалось, что миръ долженъ быть всеобщимъ и съ-этихъ-поръ прочнымъ, то военные люди опасались, что имъ не будетъ большаго карьернаго Множество изъ нихъ наперерывъ просилось въ эту экспедицію, и считало такое назначеніе за большую милость. Храбрый Ришпансъ, этотъ герой германской арміи, данъ былъ въ помощники генералу Леклерку. Первый консулъ съ своею обычною быстротою дѣлалъ вся эти приготовления и торопился какъ только могъ отправленіемъ этого флота сваржавшагося отъ береговъ Голландіи до южной оконечности Пернейскаго-Полуострова. Тамъ временемъ, надо было объясниться на этомъ предмету съ англійскими министрами, которые очень-подозрительно смотрѣли на такое огромное вооруженіе. Было довольно-трудно разуверить ихъ, хотя въ сущности они даже желали этой экспедиціи. Они не хотѣли въ то время такъ пламенно освобожденія негровъ, какъ, казалось, хотѣли того въ-послѣдствіи. Зрѣлище свободы черныхъ на Сен-Доминго приводило ихъ въ страхъ за ихъ собственныя колоніи, особенно за Ямайку. И потому они желали успѣха вашему предприятию; но ихъ страдалъ размыръ средствъ, и они хотѣли, чтобъ воиска были перевезены на купеческихъ судахъ. Впрочемъ, удалось наконецъ вразумить ихъ; они согласились пропустить эту огромную армаду, послать, однакожъ, за ней обсерваціонную эскадру. Они обѣщали даже предоставить вся ямайскіе запасы продовольствія и военныхъ свертковъ въ распоряженіе французской арміи, разумѣется, съ платою за то, что будетъ ей отпущено. Главная ливвзія, сформированная въ Брестѣ, вышла въ морѣ 14 декабря. Другія вскорѣ послѣдовали за нею. Въ концѣ декабря вся экспедиція была въ морѣ и, следовательно, должна

шла прибыть въ Сен-Доминго, каковъ бы ни былъ результатъ амьенскихъ переговоровъ.

Эти переговоры, ведомые лордомъ Корнуаллисомъ и Иосифомъ Бонапарте, шли тихо; впрочемъ, нельзя было опасаться разрыва.

Первый консулъ старался кончить это дѣло какъ-можно-скорѣе. Онъ желалъ имѣть этотъ трактатъ уже готовымъ по возвращеніи своемъ изъ Ліона, потому-что предполагалъ внести это довершеніе всеобщаго мира, вмѣстѣ съ конкордатомъ и законами о финансахъ, въ обновленное законодательное сословіе. По этому онъ далъ приказаніе брату своему Иосифу быть сговорчивымъ касательно мелочныхъ подробностей, и торопиться подписать трактатъ.

Первый консулъ отправился 8 января (18 нивоза) съ женою и частью своего военного двора въ Ліонъ. Талейранъ похалъ туда прежде его съ намѣреніемъ все уладить такъ, чтобъ первому консулу, по приѣздѣ, пришлось только освѣтить своимъ присутствіемъ уже готовые результаты.

Наступило время устроить итальянскія дѣла, дать вторично конституцію Цизальпинской-Республики.

Генералъ Бонапарте отдалъ Цизальпинской-Республикѣ всю Ломбардію до Эча, Легаціи, Моденское-Герцогство, словомъ все, что принадлежало ей по кампо-форміоскому трактату. Пармское-Герцогство не имѣло еще опредѣлительнаго назначенія; Пьемонтъ въ настоящее время принадлежалъ Франціи. Цизальпинская-Республика въ этомъ составѣ имѣла до 5,000,000 жителей. Она легко могла получать дохода отъ 70 до 80 милліоновъ; изъ этого она могла, между-прочимъ, содержать войско въ 40,000 человекъ. Она отсюда была окружена владѣніями, находившимися подъ покровительствомъ Франціи. Огромныя фортификаціонныя работы, назваченныя генераломъ Бонапарте, съ вѣрностью зрѣнія и знаніемъ мѣстности ему только свойственными, должны были дѣлать эту страну недоступною Австріяцамъ и всегда могущею получить въ-время помощь отъ Франціи.

Надо было дать правительству этой Цизальпинской-Республики. Съ такою цѣлью учреждены были временныя власти, а именно, исполнительный комитетъ изъ трехъ членовъ и консульта, нечто въ родъ очень-немногочисленнаго законодательнаго собранія. Но этотъ порядокъ вещей не могъ быть продолжителенъ.

Первый консулъ имѣлъ при себѣ, въ Парижѣ, министра Цизальпинской-Республики, Марескальки, и еще гг. Альдини, Сербелони и Мельци, присланныхъ во Францію для итальянскихъ дѣлъ. Это были наиболѣе-значительные люди этой страны. Первый консулъ совѣтовался съ ними на счетъ того, какую дать конституцію новой республикѣ, и съ ихъ согласія, начерталъ конституцію, которая была подражаніемъ французской и стариннымъ итальянскимъ конституціямъ. Во главѣ республики должны были находиться президентъ и вице-президентъ, избираемые на десять лѣтъ.

Когда первый консулъ уговорился касательно этого предначертанія съ гг. Марескальки, Альдини, Мельци и Сербелони, надо было заняться выборомъ лицъ новаго правленія. Но Италия была раздѣлена

на партіи, которыя трудно было согласить между собою. При такомъ порядкѣ дѣлъ, отъ системы выборовъ, подобно тому, какъ и во Франціи, нельзя было ожидать здѣсь удовлетворительныхъ результатовъ. По-этому первый консулъ рѣшился самъ сдѣлать назначенія на всѣ правительственныя мѣста. Въ этомъ дѣлѣ, онъ былъ одушевленъ только желаніемъ добра, и, во всякомъ случаѣ, имѣлъ безъ сомнѣнія право такъ дѣйствовать, потому-что новое государство рождалось чисто по его волѣ, и, создавая его такъ произвольно, онъ имѣлъ конечно право создавать его сообразно съ своею мыслію, которая, въ этомъ случаѣ, была совершенно-чиста и возвышенна.

Но, посреди всѣхъ этихъ назначеній, труднѣе всего было избрать президента. Италия, всегда управлявшаяся духовными или иностранцами, не могла родить государственныхъ людей; она не произвела ни одного имени, предъ которымъ другія должны были бы согласиться стать въ тѣни. Первый консулъ задумалъ еще, чтобъ ему-самому дали титулъ президента, съ тѣмъ, чтобъ назначить себя вице-президента, на котораго бы онъ возложилъ всѣ подробности дѣлъ, предоставивъ себѣ главное ихъ направленіе. Все это слѣдовало облечь большою торжественностью, посреди которой должна была быть дана конституція новому государству и провозглашены новыя правительственныя власти. Надо было произвести впечатлѣніе и на Италію и на Европу. Первый консулъ придумалъ собрать всѣхъ итальянцевъ въ Ліонъ, потому-что для нихъ было бы очень-далеко отправляться въ Парижъ, а для него очень-далеко ѣхать въ Миланъ. Городъ Ліонъ, въ которомъ Италия нѣкогда собиралась на соборъ, былъ мѣстомъ наиболее для того удобнымъ. Сверхъ-того, первому консулу казалось очень-важнымъ собрать вмѣстѣ Французовъ и итальянцевъ. Онъ думалъ даже чрезъ это способствовать восстановленію торговли обѣихъ странъ, потому-что въ Ліонѣ же извѣнался нѣкогда произведенія Ломбардіи на произведенія восточныхъ французскихъ провинцій.

Нѣкоторыя изъ этихъ идей были сообщены Талебраномъ итальянцамъ, находившимся въ Парижѣ, т. е. гг. Марескальки, Альбини, Сербелони и Мельци. Передъ ними умолчено только было предположеніе вручить президентство первому консулу. Хотѣли, чтобъ это устроилось само-собою въ порывѣ энтузіазма, въ самую минуту собранія консулы.

Проектъ конституція не встрѣтилъ въ Миланѣ никакихъ возраженій. Онъ былъ принятъ съ великимъ удовольствіемъ, потому-что желало поскорѣе выйти изъ настоящаго шаткаго положенія и получить болѣе-прочное, вѣрное существованіе. Временное правительство вручило первому консулу право избрать всѣ власти.

Надо было расположить итальянцевъ прибыть въ Ліонъ. Такая торжественность должна была поправиться итальянскому воображенію, и потому это предположеніе было немедленно одобрено. Избраны депутація отъ духовенства, дворянства, владѣльцевъ большихъ собственности, отъ торговаго сословія, университетовъ, трибуналовъ, національной гвардіи. Такимъ-образомъ, было назначено четыреста-пятьдеся-

ить два osoby, въ числѣ которыхъ находились почтенные прелаты, бремененные лѣтами: изъ нихъ нѣкоторые не вынесли тягости пути. Они отправились въ декабрь и совершили переходъ чрезъ Альпы въ одну изъ жесточайшихъ зимъ, какой давно не бывало. Вся хоя присутствовать на этомъ провозглашеніи независимости своего речества героемъ, который даровалъ ему освобожденіе. Первый консулъ, заботившійся обо всемъ, далъ приказаніе, чтобъ все было приготовлено къ услугамъ, какъ по дорогѣ, такъ и въ самомъ Ліонѣ, для ихъ представителей итальянской національности, которые своимъ присутствіемъ должны были напомнить ему о его первыхъ и лучшихъ обязанностяхъ. Ронскій префектъ сдѣлалъ большія приготовления для ихъ прихода и приготовилъ большія, прекрасныя залы для предстоящихъ торжествъ. Часть консульской гвардіи послана въ Ліонъ, египетская армія, прославившаяся нѣкогда подвигами въ Италіи и первоначально высаженная на берегъ Европы, также должна была прийти сюда. Спѣшили одѣть ее великолично и сообразно съ климатомъ Франціи, который казался совершенно чуждымъ этимъ солдатамъ, загораемымъ отъ египетскаго солнца и превратившимся въ совершенныхъ фриказцевъ. Ліонская молодёжь была собрана и сформирована въ кавалерійскій корпусъ, имѣвшій оружіе и одежду древней ліонской городской общины. Талейранъ и Шапталъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, были прежде перваго консула, чтобъ принять членовъ консульства, префекты, власти двадцати департаментовъ были собраны въ Ліонѣ, первый консулъ заставлялъ себя ждать, по случаю амьенскаго конгресса, котораго неогіаціи задержали его въ Парижѣ несколькими днями. Итальянскіе депутаты начинали приходять въ нетерпѣніе. Чтобы унять ихъ, ихъ раздѣлили на пять отдѣленій, по одному на каждую провинцію новаго государства, и предложили имъ на разсужденіе проектъ конституціи. Они сдѣлали полезныя замѣчанія, которыя Талейранъ велъ приказаніе выслушивать, взвѣшивать и принимать, не касаясь никоимъ образомъ основныхъ началъ проекта. За исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, которыя были видоизмѣнены, новая конституція была единогласно одобрена. Предложили также цивильнымъ депутатамъ, чтобъ обмануть ихъ нетерпѣніе, составить списокъ кандидатовъ, для того, чтобъ помочь первому консулу въ назначеніи многочисленныхъ правительственныхъ лицъ.

Первый консулъ прибылъ 11 января 1802 г. (21 нивоза). Жители ливорнскіе, собравшись на прозжихъ дорогахъ, ждали его день и ночь, а гнали около большаго разожженныхъ огней и бѣжали навстрѣчу всякой каретѣ, вхавшей изъ Парижа, съ криками: *да здравствуетъ императоръ!* Наконецъ, первый консулъ показався и дохалъ до Ліона среди непрерывныхъ изъявленій энтузіазма. Онъ вступилъ туда вечеромъ, въ сопровожденіи своей жены, усыновленныхъ дѣтей, адъютантовъ, и былъ встреченъ министрами, гражданскими и военными властями, итальянскою депутаціею, штабомъ египетской арміи и ліонскою молодёжью на коняхъ. Городъ, весь иллюминированный, блисталъ въ ясный день. Первый консулъ въѣхалъ въ триумфальныя ворота



надъ которыми находилась эмблема консульской Франціи: то былъ исчезшій левъ.

На слѣдующій день, первый консулъ принималъ всѣ депутаціи отъ департаментовъ, а послѣ нихъ итальянскую консульму, въ которой было четыреста-пятьдесятъ членовъ на-лицо изъ числа четырехъ-сотъ пятидесяти-двухъ, — примѣръ рѣдкой точности, если принять во вниманіе число лицъ, время года и разстояніе; къ-тому же, одинъ изъ отсутствовавшихъ былъ почтенный миланскій архіепископъ, скончавшійся у Талейрана отъ припадка апоплексіи. Итальянцы, съ которыми первый консулъ говорилъ на ихъ языкъ, были очарованы, увидѣвъ его саать и найдя въ немъ вмѣстѣ и Француза и Итальянца. Энтузіазмъ каждый день возрасталъ, и посреди этого-то всеобщаго увлеченія, которое передавали другъ другу обѣ сблизившіяся націи, родилась идея назначить перваго консула президентомъ Цизальпинской-Республики. Убѣдили гражданина Мельца принять на себя вице-президентство. Не теряя времени, и 25 января (5 плювіоза) проектъ былъ представленъ собранію консульмы. Она приняла его съ восторгомъ и провозгласила Наполеонъ Бонапарте президентомъ Итальянской-Республики. Здѣсь въ первый разъ были соединены другъ съ другомъ эти два имени: Наполеонъ и Бонапарте.

Между-тѣмъ, какъ происходили эти событія, генералъ итальянской и египетской арміи дѣлалъ смотръ своимъ старымъ солдатамъ. Египетскія полубригады были присоединены къ консульской гврдіи, къ многочисленнымъ отрядамъ войскъ и къ мѣстной милиціи. Въ этотъ день, густой зимній туманъ разсѣялся, и при сіяніи солнца, на жестокое морозъ генералъ Бонапарте проѣзжалъ передъ фронтомъ своихъ старыхъ полчищъ, которыя принимали его съ незыблемымъ восторгомъ. Египетскіе и итальянскіе солдаты, восхищенные такъ, что нашли столь великимъ этого сына своихъ подвиговъ, привѣтствовали его кликами и желали убить его, что они не перестали быть еще достойными, хотя ими и предводительствовали вожди, не стоящіе имъ. Онъ вызывалъ изъ рядовъ старыхъ гренадеровъ, говорилъ съ ними о выдержанныхъ ими битвахъ, о полученныхъ ими ранахъ; тамъ-и-слѣду онъ узнавалъ офицеровъ, съ которыми встрѣчался не разъ, вознималъ всѣмъ имъ руки и внушалъ имъ какое-то упоеніе, которымъ не могъ не увлечься и самъ въ присутствіи этихъ храбрыхъ людей, помогавшихъ ему своею преданностью провзвести чудеса; чудесами этими теперь наслаждался онъ самъ и вмѣстѣ съ ними наслаждалась вся Франція. Сцена происходила на развалинахъ Белькура и изглаживала плачевность этого мѣстоположенія, подобно тому, какъ слава заглаживаетъ несчастіе.

По возвращеніи со смотра, первый консулъ нашелъ у себя депутацію консульмы, принялъ ея просьбу, объявилъ, что соглашается на нее и что отвѣтитъ завтра на этотъ новый актъ довѣренности къ немъ итальянской націи.

На слѣдующій день, 26 января (6 плювіоза), онъ отправился въ мѣсто, назначенное для общихъ засѣданій консульмы. Это было въ большой церкви, устроенной и украшенной нарочно для этой дѣли.

ишь все происходило какъ при королевскомъ засѣданіи, во Франціи, или въ Англіи. Первый консулъ, окруженный своимъ семействомъ, французскими министрами, множествомъ генераловъ и префектовъ, находился на эстрадѣ. Онъ сказалъ на итальянскомъ языкѣ, на которомъ онъ произнесъ превосходное произношеніе, простую и короткую рѣчь, въ которой выразилъ свое согласіе, свои виды относительно правленія и благодѣянія новой республики, и провозгласилъ назначеніе главнѣйшихъ правительственныхъ лицъ, сообразно съ желаніями консульта. Его слова были заглушены кликами: *Да здравствуетъ Бонапарте! Да здравствуетъ первый консулъ Французской-Республики! Да здравствуетъ президентъ Итальянской-Республики!* Вслѣдъ за тѣмъ была прочитана конституція и списокъ гражданъ, долженствовавшихъ способствовать приведенію ея въ исполненіе. Это засѣданіе было торжественно и величественно; оно положило достойное начало существованію новой республики, которая должна была впредь называться Итальянскою-Республикою. При этомъ случаѣ, какъ и при многихъ другихъ, надо было поздравить только одного генералу Бонапарте: чтобъ геній-хранитель соединился въ этомъ любимцѣ счастья съ геніемъ-звѣздителемъ.

Первый консулъ уже три недѣли былъ въ Ліонѣ. Правленіе Франціею требовало его присутствія въ Парижѣ, и ему должно было принять послѣднія распоряженія для подписанія окончательнаго мира, которому шли переговоры на амьенскомъ конгрессѣ. Въ то время, консулъ Камбасересъ и сенатъ старались избавить его отъ безразсудныхъ противниковъ, которые такъ жестоко дѣйствовали наперекоръ ему, въ такую минуту, когда онъ того наименѣе заслуживалъ. Онъ скоро уже могъ снова приняться за этотъ длинный рядъ работъ, ставшихъ счастьемъ и величіемъ Франціи. И потому онъ спѣшилъ вернуться въ Парижъ, снова приняться за свои обычные занятія, и мучить тамъ, что казалось въроятнѣе, за свои подвиги новое величіе, справедливое возмездіе благодарнѣйшему, плодотворнѣйшему честолюбію, какое только когда-либо бывало въ свѣтѣ.

Онъ отправился 28 января (8 плувіоза), оставивъ Итальянцевъ свидетелями энтузіазма и надежды, оставивъ Ліонцевъ, восхищенныхъ тѣмъ, что они видали у себя нѣсколько дней этого необыкновеннаго человека, который наполнялъ весь свѣтъ своимъ именемъ, и который обнаруживалъ къ ихъ городу такое явное пристрастіе. Уважая, первый консулъ пожаловалъ три шарфа тремъ мэрамъ города Ліона, въ память этого славнаго посѣщенія. Жители Бордо прислали къ нему депутацію съ просьбою посѣтить ихъ городъ. Онъ обѣщалъ имъ это, если-только удосужится по заключеніи окончательнаго мира. 31 января (11 плувіоза), вечеромъ, онъ прибылъ въ Парижъ.

Поездка первого консула въ Ліонъ была предпринята съ намѣреніемъ принести Итальянской-Республикѣ конституцію и правительство, сообразно съ интересами Италіи и Франціи. Она была предпринята также съ намѣреніемъ привести оппозицію въ затруднительное положеніе, подорвать довѣреніе къ ней народа, оставивъ ее въ бездѣйствіи, и доказавъ, что съ нею невозможно общественное благо; наконецъ, дать консулу Камбасересу

время исключать из законодательнаго сословія и трибуната цѣлоу безпокойныхъ членовъ.

Консулъ Камбасересъ, при пособіи ученаго юрисконсульта Тронра расположилъ сенатъ къ желаемому истолкованію 38 статьи конституціи. Очень-значительнымъ большинствомъ было рѣшено, что пятая часть членовъ обонхъ законодательныхъ сословій будетъ переизбрана по лотировкѣ, а не по жребію. Но этому акту старались придать насколько-благовидную форму, и положили балотировать не тѣхъ, которые желали бытъ исключены, а тѣхъ, которые должны были остаться. Сенаторы, наиболее-преданные правительству, были посвящены тайну, отъ котораго изъ членовъ оно желало избавиться. Шестьдесятъ членовъ законодательнаго сословія, оказавшіе наибольшее сопротивление проектамъ перваго консула, особенно проекту возстановленія богослуженія, двадцать наиболее-безпокойныхъ членовъ трибуната, были исключены (*éliminés*). Главнѣйшіе изъ этихъ двадцати были: Шенгенъ, Шазаль, Балье (*Bailleul*), Куртуа, Ганиль, Дюму и Бажиде Констанъ.

Таковъ былъ конецъ не трибуната, который продолжалъ существовать еще несколько времени, но минутной значительности, приобретенной этимъ учрежденіемъ. Можно было бы пожелать, чтобъ первый консулъ, столь исполненный славы, столь обезпеченный всеобщимъ одобреніемъ Франціи отъ всякой непримиримой оппозиціи, не обращалъ вниманія на нѣсколькихъ безсильныхъ порицателей. Но на этомъ сраженіи встрѣчается рѣже, нежели ловкость, — рѣже, нежели смѣлость и мудрость предполагаетъ побѣду человека надъ собственными силами страстями, побѣду, къ которой великіе люди неспособны и своихъ дѣтей міра. Надо признаться, что въ этомъ случаѣ, первый консулъ поступилъ не благоразумно, и одно только можно привести ему оправданіе, именно, что такая оппозиція, ободренная его твердостью, сдѣлалась бы, можетъ-быть, болѣе чѣмъ безпокойною, — опасною даже непреодолимою, еслибъ въ ней приняло участіе большинство законодательнаго сословія и сената, а это было возможно. Такое оправданіе имѣетъ некоторое основаніе и доказываетъ, что бываютъ времена, когда диктатура дѣлается необходимою.

Что до этой оппозиціи трибуната, то она вовсе не заслуживаетъ похвалы, которыми часто превозносили ее. Она противилась гражданскому кодексу, возстановленію алтарей, словомъ, лучшимъ намѣреніямъ перваго консула, и въ молчаніи смотрѣла на осужденіе несчастныхъ революціонеровъ, сосланныхъ безъ суда за адскую машину, въ которой они были невинны. Если, впрочемъ, неспиртвное чувство свободы вдохновляло многихъ изъ нихъ, за то другіе очевидно дѣйствовали изъ зависти, которая возмущала трибуналъ противъ государственнаго совѣта, — людей, вынужденныхъ бездѣйствовать, противъ тѣхъ, которые имѣли привилегію все дѣлать. Итакъ, они совершили тяжкія ошибки, и, къ несчастію, вызвали не менѣе-тяжкія со стороны перваго консула: плачевное сдѣленіе обстоятельствъ, которое такъ часто при-

ится наблюдать исторію въ нашей бурной вселенной, гдѣ вѣчный двигатель — страсти человѣческія...

Между лицами, вновь-введенными въ трибунатъ, находился Люсінь Бонапарте, возвратившійся изъ Испаніи послѣ посольства, которое принесло больше хлопотъ, нежели пользы; онъ показывалъ видъ, что не жаждетъ ничего, кромѣ спокойнаго существованія, употребленнаго на службу брату, въ пѣдръ одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ собраній, вмѣстѣ съ нимъ являлся Карно, который недавно оставилъ военное мѣдвѣрство, гдѣ не умѣлъ поправиться первому консулу. Карно былъ расположенъ къ консульскому правительству не болѣе только-что исключенныхъ трибуновъ; но это былъ человекъ, уважаемый всѣми; оппозиція его должна была быть мало-дѣятельна, но революція не могла оставить его въ тѣни, не сдѣлавшись виновною въ ужасной неблагодарности.

Между-тѣмъ, первый консулъ прибылъ въ Парижъ послѣ двадцатипятидневнаго отсутствія. Теперь все было покорно: воланіе обывако законодательныхъ собраній было усмирено совершенно. Неудя власти, ютаромъ первый консулъ былъ теперь облеченъ, также подействовала на умы. Казалось, что ужь проводили на этой властительной главѣ двойственную корону Франціи и Италіи.

Теперь онъ могъ совершить все и для организаціи Франціи, что было первымъ его предметомъ, и для своего собственнаго величія, что было уже вторымъ. Ему нечего было болѣе бояться, чтобъ кодексы, которые уже составлены, или которые еще составлялись по его приказанію, чтобъ договоры съ напою о возстановленіи алтарей, — чтобъ все это не пало передъ водоброжелательствомъ, или предрасудками государственныхъ собраній. Эти предначертанія не были единственными, которыя замышлялъ онъ теперь. Уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ готовилъ обширную систему народнаго воспитанія, чтобъ приспособить французское юношество къ настоящему порядку вещей. Онъ предначертывалъ систему національныхъ наградъ, которая, при военной формѣ, свойственной тому времени и воинственному воображенію Французовъ, могла бы служить вознагражденіемъ за гражданскія доблести, равно какъ и за военныя подвиги; то былъ орденъ почетнаго-легіона, благородное учрежденіе, долго-задумываемое тайнѣю, и по истинѣ не менѣе-трудное изъ всѣхъ дѣлъ, которыя первый консулъ хотѣлъ ввести въ республиканскую Францію. Онъ желалъ также закрыть одну изъ глубочайшихъ ранъ революціи — эмиграцію. Это было очень-трудно; однако минута приближалась, когда это могло сдѣлаться возможнымъ. Наконецъ, если, какъ говорили со всѣхъ сторонъ, если должно было упрочить власть въ рукахъ человека, который употреблялъ ее такими дивными образомъ, если должно было дать его могуществу новый характеръ, болѣе-возвышенный, болѣе-продолжительный, нежели какой имѣло званіе перваго сановника, избраннаго на десять лѣтъ, изъ которыхъ три уже прошли, то теперь наступила минута, потому-что общественное благоденствіе, плодъ порядка, победы, мира, достигло

своей высочайшей степени; оно было чувствуема въ эту пору съ живостью, которую время могло скорѣе заглушить, нежели услышь.

Однакожь, эти планы объ общественномъ благе и о личномъ своемъ величии, которые замышлялъ первый консулъ въ одно и то же время, нуждались еще въ одномъ послѣднемъ актѣ, т. е. въ окончательномъ заключеніи мира на моряхъ, о которомъ шли переговоры на амьенскомъ конгрессѣ. Возвратясь въ Парижъ, первый консулъ съ новою дѣятельностью принялся за это дѣло.

На конгрессѣ возникли повья недоуманія. Первый консулъ объявилъ, что если не хотять принять того, что предлагалъ онъ, то онъ немедленно вооружитъ снова булонскую флотилію и станетъ лагеремъ противъ береговъ Англии.

Разрыва не болѣе желали въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, или Амьенѣ. Англійскій кабинетъ чувствовалъ, что онъ падеть, сдѣлавшись предметомъ смѣха, еслибъ полугодовая перемирие, слѣдствіе предварительныхъ статей, послужила только къ тому, чтобъ открыть моря французскимъ флотамъ. Лордъ Корнуаллисъ былъ очень-сговорчивъ относительно редакціи. Иосифъ Бонапарте былъ сговорчивъ не менѣе его, и 25 марта 1802 года, вечеромъ (4 жерминаля X года) былъ подписанъ миръ съ Великобританіею.

Назначили полторы сутокъ для перевода трактата на столько языковъ, сколько было державъ, принимавшихъ участіе въ этомъ мирѣ. 27 марта (6 жерминаля), уполномоченные собрались въ ратушу (*Hôtel de Ville*). Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ все было облечено самою важною наружностью. Уже давно онъ приказалъ отправиться въ Амьенъ отряду изъ своихъ лучшихъ войскъ, вновь экипированныхъ, велѣлъ исправить дороги изъ Амьена въ Калѣ и изъ Амьена въ Парижъ, и послалъ денегъ въ пособіе туземнымъ рабочимъ, нуждавшимся въ работѣ, — для того, чтобъ ничто не могло внушить англійскому уполномоченному неблагопріятной мысли о Франціи. Наконецъ, онъ предписалъ сдѣлать приготовленія въ самбѣ Амьена, чтобъ подписаніе трактата произошло съ нѣкоторою торжественностью. Оба уполномоченные подписали миръ въ присутствіи властей и многочисленныхъ зрителей, потомъ обнялись дружески, при всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ. Лордъ Корнуаллисъ и Иосифъ Бонапарте были сопровождаемы обратно въ свои жилища съ торжественною церемоніею, посреди самыхъ шумныхъ кликовъ толпы. Лордъ Корнуаллисъ слышалъ, какъ пѣя ея благословлялось французскимъ народомъ, и Иосифъ возвратился домой слыша отсюду крикъ, который долженствовалъ быть еще долго, и который могъ бы быть всегда крикомъ Франціи: *Да здравствуетъ Бонапарте!*

Лордъ Корнуаллисъ отправился немедленно въ Лондонъ, не смотря на полученное имъ приглашеніе пріѣхать въ Парижъ. Онъ боялся, чтобъ уступчивость его относительно редакціи не была не одобрена его правительствомъ, и хотѣлъ обезпечить ратификацію трактата своимъ личнымъ присутствіемъ.

Счастливый исходъ амьенскаго конгресса, если и не произвелъ и

англійскій народъ тѣхъ же восторговъ энтузіазма, какіе произвелъ одписаніе предварительныхъ статей, однакожь засталъ его еще веселымъ и шумнымъ. На этотъ разъ говорили народу, что онъ насладится на дѣль миромъ, дешевизной припасовъ и уничтоженіемъ *налога на доходы (income-tax)*. Онъ върнулъ этому и обнаруживалъ свою непритворную радость.

Менѣе вышнихъ взъявленій восторга, но не менѣе существеннаго удовольствія представлялъ народъ во Франціи. Наконецъ, были увѣрены, что достигли до настоящаго мира, мира на моряхъ, вѣрнаго и необходимаго условія континентальнаго мира. Послѣ десяти лѣтъ величайшей, ужаснѣйшей борьбы, какую только вели когда-либо между собою соперничествовавшія державы, положили наконецъ оружіе: храмъ Януса былъ запертъ.

Кто совершилъ все это? Кто сдѣлалъ Францію столь-великою и столь-счастливою, Европу столь-спокойною? Одинъ человекъ, силою своего меча и глубиною своей политики. Такъ говорила о немъ Франція, и вся Европа вторила ей эхомъ. Онъ побѣждалъ послѣ при Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ, Ваграмѣ, — побѣждалъ во стѣ сраженійхъ, ослѣпилъ, приводилъ въ ужась, покорилъ свѣтъ; но никогда не былъ онъ такъ великъ, потому-что никогда не былъ такъ мудръ!

Первый консулъ, имѣя теперь въ своихъ рукахъ весь государственный собранія, воспользовался прерогативами конституціи, чтобъ назначить чрезвычайное засѣданіе. Онъ возвратился 31 января 1802 г. (11 плюриоза) съ лѣонской консулты; амьенскій трактатъ былъ подписанъ 25 марта (4 жерминала); перемиріе въ законодательномъ сословіи и трибуналь окончились уже нѣсколько недѣль, и вновь-избранные члены были же на своихъ постахъ: итакъ онъ созвалъ къ 5 апрѣля (15 жерминала) чрезвычайное засѣданіе. Оно должно было продолжаться до 20 мая (30 мореза), т. е. полтора мѣсяца. Этого было достаточно для выполнения его плановъ, какъ бы ни были они велики, потому-что теперь уже противорѣчіе не могло отнять у него много времени.

Первымъ проектомъ, внесеннымъ въ законодательное сословіе, былъ конкордатъ.

Первый консулъ все устроилъ такъ, что въ свѣтлое-воскресенье можно было отпраздновать великое торжество возстановленія богослуженій. Двѣ недѣли, предшествовавшія этому великому акту, были посвящены предварительнымъ распоряженіямъ. Надо было, во-первыхъ, — кромѣ трактата, называемаго конкордатомъ, и который, какъ трактатъ, долженъ былъ быть утвержденъ законодательнымъ сословіемъ, — надо было начертать и представить регламентъ, которымъ бы устанавливалось управление вѣроисповѣданій, на основаніи началъ конкордата и галликанской церкви. Сверхъ того, надо было назначить духовныя лица въ шестьдесятъ новыхъ епархій.

Первый консулъ началъ регламентомъ, устанавливавшимъ управленіе вѣроисповѣданій. Этотъ регламентъ извѣстенъ подъ именемъ *органическихъ статей*. Онъ былъ очень-обширенъ и устанавливалъ отношенія правительства ко всѣмъ исповѣданіямъ, католическому, протестантскому, еврейско-

му. Наконецъ, и грегорианскій календарь былъ отчасти придираться съ республиканскимъ. Это было однимъ изъ важнѣйшихъ затрудненій. Нельзя было совершенно уничтожить календарь, который, болѣе всякаго другаго учрежденія, былъ воспоминаемъ революціи, и который былъ приуроченъ къ новой системѣ вѣсовъ и мѣръ. Но было также невозможно возстановить католическую религію, не возстановивъ воскресенья, а съ воскресеньемъ недѣля. Сверхъ того, нравы уже исполнили то, на что еще не осмысливался законъ, и воскресенье всюду почиталось религіознымъ праздникомъ, болѣе или менѣе наблюдаемымъ, но вообще всюду допущеннымъ, какъ день отдохновенія отъ вѣдальныхъ трудовъ. Первый консулъ рѣшился на что-то среднее. Онъ установилъ, что годъ и всѣмъ должны называться по республиканскому календарю, а день в недѣля, — по грегорианскому.

По начертаніи и обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ закона объ *органическихъ статьяхъ*, надо было заняться назначеніемъ духовныхъ лицъ. Въ этомъ дѣлѣ, первый консулъ совѣтовался съ Порталисомъ и Бертье. Беллуа, марсельскій епископъ, былъ назначенъ архіепископомъ парижскимъ. Камбасорезъ, братъ втораго консула, сдѣланъ архіепископомъ руанскимъ. Аббатъ Фешъ, дядя перваго консула, человекъ гордый, поставлявшій себя въ славу противиться своему племяннику, былъ назначенъ архіепископомъ лѳонскимъ, т. е. примасомъ галльскимъ. Священникъ мрхода св. Сульпиція, Пансемонъ, много способствовавшій своими трудами въ дѣлѣ отрженія стараго духовенства, былъ избранъ въ Ваннъ епископомъ. Наконецъ, аббатъ Бернье получилъ епископство орлеанское. Это мѣсто не соответствовало его великому вліянію на дѣла церкви во Франціи; но аббатъ Бернье и самъ чувствовалъ, что воспоминаніе о гражданской войнѣ, связанное съ его именемъ, не позволяло возвысить его слишкомъ замѣтно, и что власть на дѣлѣ, которую онъ пользовался, стоила внѣшнихъ почестей. Впрочемъ, первый консулъ готовилъ ему кардинальскую шапку.

Кардиналъ Капрара сильно противился этимъ назначеніямъ, даже шантажъ, но наконецъ долженъ былъ уступить необходимости.

Когда все было готово, первый консулъ приказалъ внести конкордату въ законодательное сословіе, для того, чтобъ онъ получилъ силу закона. Къ конкордату были присоединены органическія статьи. Это было въ первый день чрезвычайнаго засѣданія 5 апрѣля 1802 года (15 жерминала). Законодательное сословіе было рѣшено тогда, какъ амьенскій трактатъ, подписанный 25 марта, сдѣлался извѣстенъ въ Парижѣ. И потому, оно не было въ числѣ властей, явившихся къ первому консулу съ поздравленіями. Положено было отправить депутацію изъ двадцати-пяти членовъ для привѣтствованія перваго консула по случаю всеобщаго мира. Въ этой поздравительной рѣчи не было сказано ни слова о конкордатѣ, что показываетъ духъ тогдашняго времени даже въ ядрѣ обновленнаго законодательнаго сословія. Но первый консулъ въ отвѣтъ свосмъ далъ уразумѣть неоправданность такого умолчанія.

Это сильно польстивалось, какъ и ожидалъ первый консулъ. Простѣе, внесешій немедленно изъ законодательнаго сословія въ трибуналь,

тъ обсуженъ благосклонно. По докладу Симсона, онъ былъ утвержденъ большинствомъ 78 голосовъ противъ 7. Въ законодательномъ собраніи 228 голосовъ были поданы въ пользу его, а 21 противъ.

17 апрѣля (18 жерминаля) оба проекта получили силу законовъ. Не было болѣе препятствій. Наступилъ четвергъ; въ слѣдующее воскресенье было вербное-воскресенье; педью спустя свѣтлое Христова воскресенье. Первый консулъ хотѣлъ посвятить эти торжественные дни католической религіи великому празднику возстановленія вавонсовданій. Онъ не принималъ еще оффиціально кардинала Капрары, какъ легата римскаго двора, и назначилъ ему завтрашній день, пятницу, для этого оффиціального приема.

Въ назначенное время, кардиналъ-легатъ отправился торжественно въ Тюльеръ, въ экипажахъ перваго консула; за нимъ слѣдовала консульская гвардія; предъ нимъ везли въ одной изъ каретъ крестъ, знакъ его замѣстничества. Первый консулъ принялъ кардинала находясь во главѣ многочисленной свиты, состоявшей изъ обоихъ его совратителей, многихъ государственихъ советниковъ и блвстательнаго штаба. Кардиналъ Капрара, имѣвшій кроткую и важную наружность, обратился къ первому консулу съ словомъ, въ которомъ достоинство соединялось съ выраженіемъ благодарности. Онъ далъ условенную клятву ничего не дѣлать противъ законовъ государства, и прекратить отправленіе своей должности, лишь-только это будетъ необходимо. Первый консулъ отвѣчалъ ему въ возвышенныхъ выраженіяхъ, предназначенныхъ въ-особенности отозваться въ иномъ мѣстѣ, не въ Тюльерійскомъ-Дворцѣ.

Эта церемонія была первою изъ тѣхъ, которыя готовились, и она была мало замѣчена, потому-что парижскій народъ, не бывъ предупреденъ, не могъ предаться своему обычному любопытству. На послѣавтра было вербное-воскресенье. Первый консулъ уже представлялъ ардіаналу въкоторыхъ изъ главнѣйшихъ прелатовъ, которыхъ воложено было назначить. Онъ хотѣлъ, чтобъ ихъ посвятили въ этотъ день вербнаго-воскресенья, для того, чтобъ они могли совершать службу черезъ педью въ свѣтлое-воскресенье. То были: Беллуа, назначенный архіепископомъ парижскимъ, Камбасересъ, архіепископомъ руанскимъ, Берань, епископомъ орлеанскимъ, Пансемонъ; епископомъ ваннскимъ. Церковь-Божьей-Матери была еще въ рукахъ конституціоннаго духовенства. Надо было дать ему формальный приказъ, чтобъ заставить отдать ключи отъ храма. Этотъ прекрасный храмъ былъ теперь въ самомъ плачевномъ состояніи: тамъ ничего не было готово для совершенія обряда посвященія надъ четырьмя прелатами. Этому помогли при помощи суммы, данной первымъ консуломъ, и съ такою поспѣшностью, что только въ день совершенія обряда увидѣли, что нѣтъ мѣста для ризницы. Ее устроили въ соседнемъ домѣ. Новые прелаты облеклись тамъ въ свои ризы, и въ этомъ одѣяніи отправились черезъ площадь въ соборъ. Народъ, свѣдавъ, что готовится большая церемонія, собрался отсюду и соблюдалъ тишину и благочестіе. Наружность почтеннаго архіепископа Беллуа была такъ благородна и про-



красна, что тронула простые сердца толпы, и вся, мужчины и женщины, променялись съ благоговѣніемъ. Церемонія была трогательна по самому недостатку великолѣпія, — по тому чувству, съ какимъ она совершалась. Четыре прелата были посвящены по самымъ приятнымъ формамъ.

Черезъ недѣлю, въ свѣтлое-воскресенье, назначено было пропать торжественный *Te Deum*, для празднованія въ одно и то же время всего общаго мира и примиренія съ церковью. Объ этой церемоніи было возвѣщено народу, какъ объ истинно-національномъ празднествѣ; республиковано о сдѣланныхъ приготовленіяхъ, и напечатанъ церемониаль. Первый консулъ хотѣлъ отправиться на это торжество съ большимъ поводомъ, въ сопровожденіи всего, что было высшаго въ государствѣ. Онъ далъ замѣтить, чрезъ придворныхъ дамъ, женамъ высшихъ сановниковъ, что онъ удовлетворитъ живѣйшему изъ его желаній, отправясь въ этотъ день въ соборъ отслушать *Te Deum*. Блестательнѣйшія изъ парижскихъ дамъ повиновались первому консулу. Знатнѣйшія изъ нихъ съѣхались въ Тюльери, чтобъ сопровождать господа Бонапарте въ каретахъ новаго двора.

Первый консулъ далъ формальное приказаніе своимъ генераламъ сопровождать его. Это устроить было всего труднѣе, ибо пазвѣство было, что они говорили всюду неприличныя и матежныя рѣчи. Ожеро, терпимый въ Парижѣ, былъ въ настоящее время однимъ изъ тѣхъ, которые говорили всего громче. Онъ былъ уполномоченъ своими товарищами предстать предъ перваго консула и выразить отъзвѣтъ ихъ ѣхать въ Церковь-Божьей-Матери. Генералъ Бонапарте хотѣлъ принять Ожеро въ консульскомъ собраніи, въ присутствіи всѣхъ консуловъ и министровъ. Тотъ изложилъ предъ нимъ цѣль своего посланничества, но первый консулъ напомнилъ ему долгъ его съ тою важностью, которую онъ умѣлъ выказывать въ начальствованіи, и особенно относительно военныхъ. Онъ далъ ему почувствовать неприличность его выхола, напомнилъ, что конкордаты получилъ теперь силу государственнаго закона, что законы обязательны для всѣхъ классовъ гражданъ; что, впрочемъ, онъ самъ будетъ наблюдать надъ ихъ выполненіемъ, но свосему двоякому званію генерала и перваго сановника республики; что не офицерамъ арміи, а правительству должно рѣшать, прилична ли церемонія, назначенная въ свѣтлое-воскресенье; что вся власти получили повелѣнію присутствовать на ней, военные и гражданскія, и что все они должны повиноваться; что же касается до достоинства арміи, то онъ такъ заботится о немъ и можетъ быть въ этомъ дѣлѣ такимъ хорошимъ судьей, какъ никто изъ генераловъ, его товарищей по оружію, и увѣренъ, что нисколько не повредитъ этому достоинству, присутствуя лично на этихъ религіозныхъ церемоніяхъ; что, въ довершеніе всего ихъ дѣло не разсуждать, а выполнять повелѣніе, и онъ ожидаетъ увидѣть ихъ всѣхъ въ воскресенье, вокругъ себя, въ кафедральной церкви — Ожеро ничего не возражалъ, и возвратился къ своимъ товарищамъ съ смущеніемъ отъ сдѣланнаго имъ легкомысленнаго поступка, и съ ранимостью повдноваться.

Все было готово; но въ послѣднюю минуту замыслы кардинала Капратти едва не уничтожили благородныхъ предначертаній перваго консула. Кардиналь требовалъ отъ епископовъ, выбранныхъ въ конституціоннаго духовенства, чтобъ они отреклись отъ своихъ старыхъ заблужденій, чести самымъ оскорбительнымъ образомъ ихъ присоединеніе къ гражданской конституціи духовенства. Это было унижительно не только для нихъ, но и для самой революціи. Первый консуль, узнавъ объ этомъ, не хотѣлъ выносить подобныхъ притязаній, и, въ субботу вечеромъ, наканунѣ свѣтлаго-воскресенья, послалъ Порталиса сказать кардиналу, что если онъ еще будетъ настаивать на этомъ, то не бывать ~~штра~~ церемоніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конкордатъ не будетъ обнародованъ и останется безъ исполненія. Первый консуль твердо рѣшился на это, и никакъ не хотѣлъ уступить въ томъ, что, казалось ему, могло повредить самой дѣлѣ, т. е. сближенію, слятію партій.

Кардиналь уступилъ наконецъ, но гораздо уже за-полночь.

Въ слѣдующій день, въ свѣтлое-воскресенье, 18 апрѣля 1802 г. (28 периннаго X г.), конкордатъ былъ обнародованъ во всемъ кварталѣ Парижа, съ большою торжественностью и первѣйшими властями. Между-тѣмъ, какъ это обнародованіе происходило на улицахъ столицы, первый консуль, хотѣвшій отпраздновать въ этотъ день все, что было счастливаго для Франціи, размѣнивалъ въ Тюльери ратификаціи амьенскаго трактата. Совершивъ этотъ важный обрядъ, онъ отправился въ Церковь-Божьей-Матери; за нимъ слѣдовали первѣйшіе государственные чины и множество должностныхъ лицъ, блестящій штабъ и толпа знатнѣйшихъ дамъ, сопровождавшихъ госпожу Бонапарте. Этотъ великолѣпный поездъ состоялъ изъ длиннаго ряда каретъ. Войска были разставлены по обѣимъ сторонамъ, отъ Тюльери до-самого собора. Архидеякопъ парижскій торжественно вышелъ со святою водою встрѣтить перваго консула въ дверяхъ храма. Новый глава государства былъ отведенъ подъ балдахинъ, на приготовленное для него мѣсто. Свѣтъ, законодательное сословіе, трибуналь стали по обѣ стороны алтаря. За первыми консуломъ стояли генералы въ полной формѣ, явившіеся сюда болѣе изъ повиновенія, нежели по собственному убѣжденію; некоторые изъ нихъ держались не совсѣмъ-прилично. Самъ же онъ, одѣтый въ красный консульскій мундиръ, стоялъ неподвижно, съ лицомъ строгимъ, не раздѣляя ни разсыянности однихъ, ни благоговѣнія другихъ. Онъ былъ спокоенъ, важенъ, въ положеніи главы имперіи, который совершаетъ великій актъ своей воли и заставляетъ однимъ своимъ взглядомъ всѣхъ покоряться.

Церемонія была продолжительна и торжественна, не смотря на дурное расположеніе большей части тѣхъ, которыхъ надо было привлечь сюда насильно. Впрочемъ, эффектъ, произведенный ею, долженъ былъ имѣть рѣшительное дѣйствіе, потому-что, послѣ примѣра однажды уже даннаго великимъ человекомъ, должны были возникнуть снова все старинныя религіозныя обряды, а все сопротивленія должны были исчезнуть.

Это празднество происходило по двумъ случаямъ, именно—по случаю

возстановленія варонсповѣданія и по случаю всеобщаго мира. Естествен-но, всюду царствовало веселіе, и всякій, испытавшій въ сердцахъ своихъ пагубныхъ страстей партій, былъ счастливъ общою радостью всей на-ціи. Въ этотъ день даны были большіе обѣды у министровъ, куда были приглашены главнѣйшіе члены правительственныхъ мѣстъ. Предста-вителя державъ были отозваны къ министру иностранныхъ дѣлъ. У перваго консула былъ блистательный банкетъ, куда были приглашены кардиналъ Капрара, архіепископъ парижскій, главнѣйшіе изъ вномъ-по-священныя духовныхъ, знатнѣйшія государственныя лица. Первый консулъ долго говорилъ съ кардиналомъ и изъявилъ ему свою радость отъ окончанія такого важнаго дѣла. Онъ гордился своею предприимчи-востью и успѣхомъ. Лишь-только слегка помрачилось на минуту его благородное чело: это было при видѣ нѣкоторыхъ генераловъ, кото-рыхъ пріемы и рѣчи не были приличны настоящему случаю. Онъ изъ-явилъ имъ свое неудовольствіе такимъ рѣшительнымъ тономъ, который не допускалъ возраженій и не позволялъ опасаться повторенія того же вѣреда.

Для довершенія эффекта, который первый консулъ хотѣлъ произве-сти въ этотъ день, де-Фонтанъ написалъ, въ *Монитёръ*, о вновь-вы-шедшей книгѣ, которая дѣлала тогда много шума: это была *Духъ Хри-стіанства (le Génie du Christianisme)*—книга, написанная молодымъ бре-танскимъ дворяниномъ, Шатобрианомъ, бывшимъ въ свойствѣ съ Шал-вербами и долгое время находившимся вдали отъ своей родины въ не-блестящимъ образомъ описывались красоты христіанства и открывалась нравственная и поэтическая сторона религіозныхъ обрядовъ, дававшихъ тому назадъ грубо-осмысленныхъ. Местомъ-раскритикованный гг. Шенье и Генганъ, которые укоряли его въ живыхъ и преувеличенныхъ краскахъ, горячо-поддерживаемый партизанами религіознаго восстано-вленія, *Духъ Христіанства*, какъ все замѣчательныя творенія, сильно-превосходящій одними, сильно-порицаемый другими, произвелъ глубокое впечатлѣніе, потому-что выражалъ собою чувство истинное и весьма-сильно господствовавшее тогда во французскомъ обществѣ: это стран-ное, неопредѣлимое чувство сожалѣнія о томъ, чего уже нѣтъ, томъ, что прервали, вло сгубили, имѣвъ прежде въ рукахъ своихъ о томъ, что, разъ потерявши, оплакиваютъ долго. Таково сердце челове-ческое! То, что есть, утомляетъ его, становится ему тяжкимъ; то, что перестаетъ существовать, вдругъ дѣлается въ глазахъ его привлекатель-нымъ. Твореніе молодого писателя, гдѣ отпечаталось это глубокое чув-ство, сильно тронуло умы и было съ отличною благосклонностью при-нято человекомъ, раздававшимъ тогда все славы. Если въ этой книгѣ не проявлялись ни чистый вкусъ, ни простая и тѣрдая вѣра писателя-рыка Людовика XIV, за то она очаровательно описывала старинныя ре-лигіозныя нравы, которыхъ уже не было больше. Безъ-сомнѣнія, это можно было порицать злоупотребленіе прекраснаго воображенія, во на-звавъ Вергилія, послѣ Горачія послѣ же въ памяти людей мѣсто дѣ-замысловатаго Овидія, для блистательнаго Лукана, и, можетъ-быть одна изъ всѣхъ книгъ того времени, *Духъ Христіанства*, будетъ жит-

рышко-связанная съ достатопамятною эпохою: она будетъ жить, какъ живутъ эти фризъ, изваянные на мраморъ зланиа, живутъ вмѣстѣ съ амятникомъ, къ которому придалаы.

Привзавъ духовныхъ къ алтарю, выведши ихъ изъ мрака убъжищъ, аь они совершали свое богослуженіе и часто замыслили крайныя проитъ иравительства, первый консулъ исправилъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ безпорядковъ своего времени и удовлетворилъ одной изъ величайшихъ нравственныа потребностей цѣлаго общества. Но оставался другой очень-плачевный безпорядокъ, дававшій еще Франціи видъ страы, раздраемой партіями: это было изгнаніе значительнаго числа Франузовъ, жившихъ въ чужихъ краяхъ въ бѣдности, иногда пытавшихъ свавѣсть къ своему отечеству и получавшихъ отъ непріязвенныхъ франціа государствъ пропитаніе, за которое многіе изъ нихъ платили истушками, недостойными въ-отношеніи къ ихъ родитѣ. Изгнаніе — касная выдумка раздора; оно дѣлаетъ изгнанника несчастнымъ, расиваетъ его сердце, заставляетъ его просить милостыню у иноземца, испространяетъ вдаль печальное зрѣлище внутренняа смуть. Изъ ерхъ сльдствъ революціи, ее должно изглаживать прежде всѣхъ. Геральд Бонапарте смотрѣлъ на возвращеніе эмигрантовъ, какъ на необходимое дополненіе всеобщаго зампренія. Уже существовала отноительна возвращенія эмигрантовъ система очень-неполная, очень-прикрастная, очень-неправильная, заключавшая въ себя всѣ неудобства бщей мьры, но неимѣвшая ея благотворнаго вліанія: то была система вычеркиваній, подъ тѣмъ предлогомъ, что такіе-то эмигранты быа незаслуженно включены въ списки. Такимъ-образомъ, давалась амнція не всегда самымъ безвиннымъ и достойнымъ того.

Итакъ, первый консулъ рѣшился возратить всѣхъ эмигрантовъ, за которыми исключеніями. Противъ этой мьры возникли сильныя возженія. Во-первыхъ, всѣ конституціи, и именно конституція консульаго правленія, объявляли формально, что эмигранты никогда не будутъ авращены. Онъ объявляла это, въ-особенности, для успокоенія прирѣтателей національныхъ имуществъ, которые были очень-подозрительны, и которые смотрѣли на изгнаніе прежнихъ владѣльцевъ ихъ имній, какъ на дѣло чисто-необходимое для ихъ безопасности. Первый консулъ, считая себя самою твердою опорю этихъ прибрѣтателей, всеа выражая свою твердую волю защищать ихъ, одинъ въ цѣломъ свѣтѣ ея къ тому возможность, первый консулъ полагалъ себя столько-сильнымъ внушеніемъ къ нему довѣренностью прибрѣтателей національныхъ имуществъ, что могъ имѣть возможность отворить эмигрантамъ врата франціи. И потому онъ приказалъ заготовить опредѣленіе, котораго перую статью было подтвержденіе въ ненарушимости условій, заключенныхъ государствомъ съ прибрѣтшими національныа имущества. Потомъ онъ приказалъ включить туда распоряженіе, которымъ возвращались всѣ эмигранты и отдавались, по возвращеніи, подъ надзоръ высшей полиціи. Впрочемъ, были сдѣланы нѣкоторыа исключенія при этомъ всеобемъ возвращеніи. Въ немъ было отказано предводителямъ конюшнъ, оруженныхъ противъ республика, тѣмъ, которые служили въ непріа-

тельскихъ арміяхъ, лицамъ, сохранившимъ мѣста или титулы при приходахъ дома Бурбоновъ, генераламъ или народнымъ представителямъ, которые договаривались съ непріателемъ (это касалось Пизгрю и некоторыхъ членовъ законодательныхъ собраній), наконецъ епископамъ и архіепископамъ, отказавшимся просить объ отставкѣ, по требованію папы. Число этихъ исключенныхъ лицъ было чрезвычайно-незначительно.

Всего затруднительнѣе было рѣшить вопросъ касательно перолажныхъ имуществъ эмигрантовъ. Хотя съ совершенною справедливостію была признана ненарушимую продажа имуществъ, учиненная государствомъ, однако могло показаться жестокимъ не возвратитъ эмигрантамъ ихъ имуществъ, остававшихся еще неприкосновенными въ рукахъ правительства. «Я не сделаю ровно ничего» говорилъ первый консулъ, «если возвращу эмигрантовъ въ отечество, не возвратя имъ родовыхъ имѣній. Я хочу взглянуть слѣды нашихъ гражданскихъ войнъ; а наполнивъ Францію возвратившимися эмигрантами, которые останутся въ нищету, между-тѣмъ, какъ ихъ имуществва будутъ подъ секвестромъ государства, я создамъ классъ недовольныхъ, которые не дадутъ намъ покоя. И эти имуществва, оставшіяся подъ секвестромъ у государства, кто, думаете вы, купитъ ихъ въ присутствіи ихъ прежнихъ возвратившихся владѣльцевъ?» Итакъ, первый консулъ рѣшился отдать всѣ неправедныя недвижимыя имуществва за исключеніемъ домовъ или строеній, выстроенныхъ подъ общепользовныя заведенія.

Это опредѣленіе было предложено на разсмотрѣніе особенному совѣту, состоявшему изъ консуловъ, министровъ, нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта и сенаторовъ. Тамъ сильно настаивали на томъ, чтобъ въ опредѣленіе включено было слово: «амнистія». Первый консулъ противился этому; онъ говорилъ, что не должно унижать людей, которыхъ хотѣли примирить съ Франціею, и что трактовать ихъ, какъ помилованныхъ преступниковъ, значило глубоко унижить ихъ. Ему отвѣчали, что эмиграція, по своему происхожденію, была преступленіемъ, потому-что она имѣла главною цѣлію вести войну съ Франціею, и что необходимо представлять ее осужденною законами. Возникло самое жаркое преніе относительно имуществъ эмигрантовъ. Совѣтчики, признаваемые на совѣщаніи, упорно отвергали предположеніе возвратитъ дачи и лѣса, которые законъ 2 нивоза IV года призналъ неотчуждаемыми. Не смотря на всѣ свои усилія, первый консулъ былъ принужденъ уступить, и такимъ-образомъ, самъ не думая того, сохранилъ въ рукахъ своихъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ вліянія на старинное французское дворянство, что въ-послѣдствіи привело къ нему все это дворянство: это средство состояло въ индивидуальномъ возвращеніи имуществъ тѣмъ изъ эмигрантовъ, которые подчинились егъ правительству.

Этотъ проектъ амнистіи, о которомъ разсуждалъ государственный совѣтъ наканунѣ обнародованія конкордата, десять дней спустя былъ внесенъ въ сенатъ и утвержденъ имъ безъ всякаго возраженія.

Этотъ милосердный актъ долженъ былъ быть принятъ съ одобреніемъ всѣми разумными людьми, чистосердечно желающими окончанія лю-

гренцахъ смуть своего отечества. Благодаря новымъ обезпеченіямъ закономъ, которыя были даны пріобрѣтателямъ національныхъ имуществъ, благодаря доверенности, которую внушалъ къ себѣ этимъ людямъ первый консулъ, эта послѣдняя правительственная мѣра не причинила имъ слишкомъ-большихъ безпокойствъ, и она удовлетворила эту честную и, къ-счастью, самую многочисленную массу роялистской партіи, принимавшую безъ досады оказываемое ей добро. Эта мѣра встрѣтила неблагодарность только со стороны лицъ высшей эмиграціи, которыя въ парижскихъ салонахъ оплачивали злыми рѣчами за благодѣянія правительства. По ихъ словамъ, этотъ актъ былъ незначителенъ, неполюбителенъ, несправедливъ, потому-что онъ дѣлалъ нѣкоторыя различія между лицами, потому-что онъ не возвращалъ эмигрантамъ ихъ проданныхъ или непроданныхъ имуществъ. Можно было обойти безъ одобренія этихъ пустыхъ болтуновъ... Однакожь, первый консулъ былъ такъ жадеи къ славы, что подобныя жалкіе пересуды смущали иногда удовольствіе, которое ощущалъ онъ отъ всеобщаго одобренія Франціи и Европы.

Но его стремленіе творить благо не зависѣло ни отъ похвалы, ни отъ порицанія, и едва довершивъ онъ великій подвигъ, о которомъ мы рассказали, какъ уже готовилъ другіе величайшей важности, въ политическомъ и общественномъ. Избавившись отъ препятствій, которыя представляло его плодотворной дѣятельности противодѣйствіе свята, онъ рѣшился во время этого чрезвычайнаго собранія въ жерминіала и флореала, докончить или по-крайней-мѣрѣ во многомъ подвинуть реорганизацию Франціи. Вотъ его идея въ этомъ отношеніи.

Изъ вѣстныхъ уже дѣйствій перваго консула, въ особенности изъ возстановленія Богослуженій, легко можно было угадать, каковъ былъ взглядъ его на устройство общества. Говоря вообще, онъ былъ расположенъ противорѣчить тѣснымъ и преувеличеннымъ системамъ революціи, или, точнѣе сказать, нѣкоторыхъ революціонеровъ. Сама революція хотѣла уничтожить неправды, странности, несправедливости различія, происходившія изъ феодальнаго начала, и въ силу которыхъ, напримеръ, Еврей, католикъ, протестантъ, дворянинъ, священникъ, гражданинъ, Бургииніонецъ, Провансалецъ, Бретонецъ, не имели однихъ и тѣхъ же правъ, однихъ и тѣхъ же обязанностей, не несли однихъ и тѣхъ же налоговъ, не пользовались одними и тѣми же выгодами, — словомъ, не жили подъ одними законами. Сдѣлать изъ всѣхъ этихъ Французовъ, каковы бы ни были ихъ религія, происхожденіе, мѣсто родины, — равныхъ гражданъ по правамъ и обязанностямъ, дѣлающихъ доступъ всюду сообразно съ своимъ достоинствомъ, — вотъ чего хотѣла революція въ своихъ первыхъ порывахъ, до того времени, какъ противорѣчіе еще не раздражило ея; вотъ чего хотѣлъ первый консулъ съ-тѣхъ-поръ, какъ это изступленіе уступило мѣсто разсудку: Но это химерическое равенство, о которомъ бредилъ съ минутой демагоги, долженствовавшее поставить всѣхъ людей подъ одинъ уровень, едва допускавшее природное неравенство, происходящее отъ различія

ума и талантовъ, — это равенство онъ презиралъ или какъ химеру духа системы, или какъ буйство зависти.

Итакъ, онъ хотѣлъ іерархію въ обществѣ; на степеняхъ ея все люди, безъ различія происхожденія, стали бы по своему достоинству; на степеняхъ ся остались бы навсегда тѣ, которые возведены туда своими отцами, не препятствуя впрочемъ новымъ пришельцамъ, которые бы стали возвышаться въ свою очередь.

Этой-то, такъ-сказать, общественной растительности, вытекающей изъ самой природы, примѣчаемой во всѣхъ странахъ и во все времена, хотѣлъ онъ дать свободный ходъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыми думалъ основать. Какъ все мощные умы, старающіеся открывать въ чувствахъ массъ народа истинные человѣчественные инстинкты, и любящіе противопоставлять это чувство ограниченнымъ видамъ духа системы, онъ искалъ въ расположеніяхъ, обнаруживаемыхъ въ его глазахъ самимъ народомъ, доказательства, аргументовъ для своихъ мнѣній.

Тѣмъ, которые въ дѣлѣ религіи совѣтовали ему равнодушію, онъ приводилъ въ опроверженіе волненіе народа, недавно столпившагося у дверей церкви и принудившаго священника продать погребенію тѣло какой-то актриссы. «Вотъ!» говорилъ онъ этимъ партизанамъ революціи: «вотъ вамъ равнодушный народъ! И вы... знаете вы сами, посреди величайшаго революціоннаго взрыва, провозгласили Високонное Существо!»

Что до снисхожденія къ классификаціи людей въ обществѣ, онъ говорилъ тѣмъ, которые не хотѣли никакого отличія: «Взять же ураломъ вы почетныя ружья и сабли? Вѣдь это отличіе же, хотя довольно-слабое, придуманное, потому-что ни почетнаго ружья, ни сабли нельзя носить на груди, а въ этомъ родѣ люди любятъ то, что видно издали. Первый консулъ замѣтилъ странный фактъ и охотно указывалъ и на него всемъ, съ кѣмъ обыкновенно бесѣдовалъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Франція, предметъ почтенія и уваженія Европы, была наполнена иностранцами всѣхъ державъ, или знатными иностранцами, посвященными въ нее, онъ былъ пораженъ тѣмъ любопытствомъ, съ которымъ народъ даже люди повыше званіемъ слѣдили за иностранцами, и жадно разсматривали ихъ богатые мундиры, блестящіе ордена. Часто народъ толпился на дворѣ Тюльери, выжидая прибытія или выѣзда этихъ особъ. «Вотъ!» говорилъ онъ: «эти суетныя ничтожества, которые такъ презираютъ умники! Народъ не разделяетъ ихъ мнѣнія. Онъ любитъ эти разноцвѣтныя ленты, такъ же, какъ любитъ религіозныя торжества. Демократы-философы называютъ это суетою, идолопоклонствомъ. «Идолопоклонство, суета, — пусть такъ. Но это идолопоклонство, эта суета — слабости, общія всему человѣческому роду, и изъ той и другой можно вывести великія добродѣтели. Этими столь-презираемыми побрѣскушками производятъ героев! Какъ для одной, такъ и для другой суеты эти тѣ такъ-называемыя слабости, необходимы вѣднѣе заглавно; необходимо богослуженіе для религіознаго чувства; необходимы вслѣдствіе отличія для благороднаго чувства славы!»

Первый консулъ рѣшился учредить орденъ, который бы выдѣлялъ

почетныя оружія, имѣлъ бы выгоду въ томъ, что могъ быть даваемъ солдату, равно-какъ и генералу, вирному ученому, равно-какъ и воину, состоялъ бы въ знакахъ подобныхъ съ виду носимымъ въ Европѣ, и въ пенсіонныхъ капиталахъ, что было особенно важно для солдата, когда онъ возвратится къ полямъ своимъ. Это новое учрежденіе было, въ его глазахъ, средствомъ для того, чтобъ ввести новую Францію въ сношеніе съ другими странами. Если такимъ-образомъ во всей Европѣ отличаютъ всенародно-оказанныя заслуги, зачемъ не допустить этой системы и во Франціи? «Націи» говорили: «мы должны стараться отличатся странностями, точно такъ же, какъ и отдаленныя лица. Причудливость дѣлать иначе, нежели всѣ, не допускается людьми разсудительными, и въ-особенности людьми скромными. Ордена въ употребленіи во всѣхъ странахъ; пусть, — присокупилъ первый консуль, — будутъ они въ употребленіи и во Франціи! Это будетъ еще новою связью съ Европою. Только ихъ давали прежде во Франціи, и даютъ теперь у нашихъ сосѣдей людямъ благороднаго происхожденія: я буду давать ихъ всякому, кто наилучшимъ-образомъ будетъ служить въ военной или государственной службѣ, или кто создастъ лучшія произведенія.»

Почетныя оружія, придуманныя Коңвентомъ, мало имѣли успѣха, потому-что они не были приворожены къ правамъ. Первый консуль придумалъ учредить орденъ военный по формѣ, по предназначенный не для однихъ воиновъ. Онъ назвалъ его почетнымъ-легиономъ, желая выразить тѣмъ идею собранія людей, посвятившихъ себя служенію чести и защищенію извѣстныхъ принциповъ. Этотъ легионъ долженъ былъ состоять изъ пятнадцати когортъ, всякая когорта изъ семи старшихъ-офицеровъ (*grands-officiers*), двадцати командоровъ, тридцати офицеровъ и 350 простыхъ легионарцевъ, всего изъ 6,000 человекъ всѣхъ степеней. Форма присяги, при пожалованіи орденомъ почетнаго-легиона, состояла въ обѣтъ защищать республику, неприкосновенность территоріи, принципъ равенства, непорушимость собственности, называемыхъ національными. Каждой степени были даны знаки пенсін. Старше-офицеры получали въ годъ 5,000 франковъ, командиры 2,000, офицеры 1,000, простые легионарци 250 франковъ. На издержки были назначены доходы съ національныхъ имуществъ. Каждая когорта должна была имѣть свое мѣстопребываніе въ той провинціи, гдѣ находились отведенныя ей имущества. Вся когорты вмѣстѣ должны были быть управляемы верховнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ семи членовъ: трохъ консуловъ и еще четырехъ старшихъ-офицеровъ, изъ которыхъ первый долженъ былъ быть назначенъ сенатомъ, второй законодательнымъ сословіемъ, третій трибунатомъ, четвертый государственнымъ совѣтомъ. Совѣтъ почетнаго-легиона, составленный такимъ-образомъ, имѣлъ обязанностью наблюдать за управленіемъ имуществами легиона и разсуждать объ удвоеніи въ его члены. Отличительная черта этого учрежденія состояла въ томъ, что вслѣдствіи гражданскія заслуги на всевозможныхъ поприщахъ, на государственной службѣ, въ наукахъ, искусствахъ, литература, давала право



на пожалованіе этихъ орденовъ, равно-какъ и военныя заслуги. Въ настоящее время, было положено, что вся военныя, имѣющіе почетныя оружія, должны были быть по праву членами легіона, распределеными въ его рядахъ по своимъ чинамъ въ арміи.

Это учрежденіе существуетъ не болѣе сорока лѣтъ, и оно уже освящено, какъ-будто-бы прошло чрезъ даль вѣковъ: столько въ эти сорокъ лѣтъ было оно наградою мужества, знанія, всяческаго достоинства! столько было оно предметомъ похвалъ со стороны великихъ и князей Европы, наиболее гордившихся своимъ происхожденіемъ! Время, судя въ дальъ учрежденій, само произнесло приговоръ о пользѣ и достоинствѣ этого ордена.

Послѣ этого, первый консулъ приступилъ съ неменьшимъ жаромъ къ системѣ воспитанія французскаго юношества. И дѣйствительно, тогдашнее воспитаніе было ничтожно, или оно находилось въ рукахъ враговъ революціи.

Религіозныя корпораціи, некогда занимавшіяся воспитаніемъ юношества, исчезли вмѣстѣ съ старымъ порядкомъ вещей. Онѣ готовы были, правда, возродиться, но первый консулъ не думалъ ввернуть имъ новое поколѣніе, считая ихъ тайными сообщниками враговъ своихъ. Учрежденія, которыми Конвентъ старался замѣнить ихъ, были одною химерою, уже почти исчезнушею. Конвентъ хотѣлъ давать безденежно первоначальное обученіе народу и второстепенное обученіе среднимъ классамъ, такъ-чтобы сдѣлать и то и другое доступными всемъ сословіямъ. Но изъ этого ничего не вышло. Общины отводили учителямъ первоначальныхъ школъ помѣщенія вообще тѣ самыя, которыя занимали прежде сельскіе священники, но не давали имъ вовсе жалованья, или развѣ ужъ выдавали имъ его ассигнаціями. Вскорѣ нищета разсыпала этихъ бѣдныхъ наставниковъ. Центральныя школы, въ которыхъ преподавалось второстепенное обученіе, находясь по главнымъ городамъ всѣхъ департаментовъ, были въ некоторомъ родѣ академическими заведеніями, гдѣ читались публичныя курсы, которые юношество могло слушать по нѣскольку часовъ въ день, а потомъ должно было возвращаться домой, или въ пансіоны, устроенныя частною дѣятельностью. Духъ ученія былъ сообразенъ съ духомъ времени. Предметы классическіе, на которые смотрѣли, какъ на старую рутину, были здѣсь почти вовсе оставлены. Естественныя и точныя науки и новѣйшіе языки, заступили мѣсто древнихъ языковъ. Къ каждой изъ этихъ школъ были присоединены музеи естественной исторіи. Такое образованіе имѣло мало вліянія на юношество, потому-что ученіе, продолжающееся часъ или два въ день, отнюдь было не въ состояніи овладѣть его душою. Дѣло воспитанія довершалось въ пансіонахъ, содержатели которыхъ были тогда по-большой-части врагами новаго порядка вещей, или жадными спекуляторами, смотрѣвшими на юношество, какъ на товаръ; а не какъ на священный залогъ, вверенный имъ государствомъ и семействами. Сверхъ того, центральныя школы, находившіяся въ ста-двухъ департаментахъ, по одной въ каждомъ главномъ городѣ департамента, были слишкомъ многочисленны. Не было довольно учениковъ для этихъ ста-двухъ школъ.

Только тридцать-два изъ нихъ привлекли къ себѣ слушателей, и стали центрами просвѣщенія. Тамъ являлись нѣкоторые отличные профессора, еще сохранявшіе духъ здравыхъ ученій. Но политическіе перевороты и тамъ, какъ и всюду, давали чувствовать свое влеченное вліаніе. Профессоры, которыхъ избирали «присяжные обученія», сменялись другъ другомъ, подобно партиямъ у кормила власти, то появлялись, то исчезали снова, а вмѣстѣ съ ними и ученики ихъ. Наконецъ, эти школы, лишенные всякой взаимной связи, невмѣвшія ни единства, ни общаго направленія, представлялись разбросанными осколками, а не великимъ зданіемъ народнаго просвѣщенія.

Первыи консулъ составилъ свой проектъ разомъ, съ своею обычною рѣшимостью.

Во-первыхъ, финансы Франціи не представляли правительству средствъ открыть безденежное обученіе въ первоначальныхъ школахъ. И потому удовлетворялся, въ этомъ отношеніи, тѣмъ, что учредили эти школы только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сами жители имѣли возможность содержать ихъ на свой счетъ. Община давала отъ себя помѣщеніе для школы, ученики вносили за себя соразмѣрно съ тѣмъ, сколько нужно было на содержаніе учителя. Вотъ все, что тогда можно было сдѣлать.

Въ настоящее время, самымъ важнымъ было второстепенное обученіе. Первыи консулъ въ своемъ проектѣ отменялъ центральныя школы. Изъ нихъ только тридцать-два имѣли болѣе или менѣе успѣха. Это было указаніемъ потребности просвѣщенія въ различныхъ частяхъ Франціи. Первыи консулъ предположилъ учредить тридцать-два учебныя заведенія, которыя онъ назвалъ *лицеями*, — именовъ, заимствованнымъ изъ древности, когда юношество вмѣстѣ съ основательнымъ образованіемъ получало въ важнѣйшіе годы возраста воспитаніе невзыженное, строгое, религіозное, совершенно на военную ногу. Онъ хотѣлъ ввести туда снова классическое образованіе, которое предоставляло бы первое мѣсто изученію древнихъ языковъ и давало бы только второстепенное мѣсто наукамъ математическимъ и физическимъ, предоставляя спеціальнымъ заведеніямъ дальнѣйшее усовершенствованіе въ этихъ послѣднихъ наукахъ. Онъ былъ правъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ прочемъ. Изученіе мертвыхъ языковъ не есть только изученіе однихъ словъ, но и вещей; это изученіе древности съ ея законами, нравами, искусствами, ея исторіею, столь-нравственною, столь-много-наставительною. Есть только одна возрастъ для изученія всего этого: дѣтство. Когда же придетъ мятежная юность съ своими страстями, съ своею склонностью къ преувеличенію и ложному вкусу, когда настанетъ зрѣлый возрастъ съ своими положительными интересами, тогда жизнь проходитъ, и человѣкъ ни одной минуты не удаляется на изученіе міра мертвыхъ, подобно языкамъ, которые открываютъ намъ входъ въ него. И если заведанное любознательство приведетъ кого къ этому предмету, то только жадное бездѣльное и недостаточное переводи можетъ онъ проникнуть въ эту прекрасную древность; и въ то время, когда ослабли религіозныя идеи, когда исчезло и воззваніе древности, люди составляли бы только об-

щества без всякой связи съ прошедшимъ, единственно-знакомое съ настоящимъ и занятое имъ, — общество невѣжественное, унылое, исключительно способное къ механическимъ искусствамъ.

Таковы были школы, въ которыхъ первый консулъ хотѣлъ образовать французское юношество. Но какъ привлечь его туда? Въ этомъ состояло затрудненіе. Первый консулъ помогъ этому средствомъ съдѣльи и вѣрными: такъ и должно дѣйствовать, если серьёзно хотѣть достигнуть цели. Онъ придумалъ учредить 6,400 ежегодныхъ стипендій (*bourses gratuites*) отъ казны, въ 700 или 800 франковъ каждая, что обходилось въ годъ отъ 5 до 6 милліоновъ, — сумма, по тогдашнему времени, очень-значительная. Этихъ шести тысячъ и нѣсколькихъ сотъ учениковъ было достаточно, чтобъ наполнить лицей. Довѣренность семействъ, которую приобрести можно было надѣяться позже, должна была со-временемъ избавить государство отъ продолженія этой жертвы. Плата, взимаемая съ этихъ стипендіатовъ, была достаточна къ покрытію большей части издержекъ по этимъ новымъ заведеніямъ.

Первый консулъ хотѣлъ слѣдующимъ образомъ распределить эти стипендіи: 2,400 изъ нихъ должны были быть даны дѣтямъ недостаточныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и жителей провинцій, недавно-присоединенныхъ къ Франціи; остальные 4,000 предназначались для пансіоновъ, въ то время уже существовавшихъ. И дѣйствительно, было множество пансіоновъ, заведенныхъ частными людьми. Первый консулъ полагалъ, что ихъ должно оставить, но онъ присоединилъ ихъ къ своему плану самымъ простымъ и самымъ дѣйствительнымъ способомъ. Эти пансіоны не могли впредь существовать иначе, какъ съ дозволенія правительства; они должны были быть ежегодно осматриваемы лицами, назначенными отъ правительства; они обязаны были посылать своихъ воспитанниковъ слушать лицейскіе курсы, съ весьма-незначительною за то платою. Наконецъ, 4,000 стипендій, по ежегодномъ осмотрѣ, должны были быть раздѣляемы между воспитанниками различныхъ пансіоновъ, судя по одобренію, котораго заслуживали эти заведенія. Такимъ-образомъ, и пансіоны вошли существенною частію въ общій планъ воспитанія.

Перейдя потомъ къ спеціальному обученію, первый консулъ занялся дополненіемъ его организаціи. Изученіе юриспруденціи погибло вмѣстѣ старымъ судебнымъ устройствомъ; онъ основалъ десять школъ преподаванія. Медицинскія школы, менѣе пренебреженныя, существовали въ числѣ трехъ; онъ предположилъ основать ихъ шесть. Политехническая школа уже существовала; она была присоединена къ этой организаціи. Сюда же присоединили школу публичныхъ работъ, известную въ послѣдствіи подъ именемъ Школы Путей-Собщенія (*des Ponts-et-Chaussées*), школу механическихъ искусствъ, учрежденную тогда въ Боннѣ, въ послѣдствіи въ Шалонѣ-на-Марнѣ, первый образецъ школы искусствъ и ремеселъ, которыя нынѣ называются столярно-плотничьими; наконецъ, школу великаго искусства, составившаго тогда могущество первого консула въ Франціи, — школу военную, которой назначено было вѣдать замокъ въ Фонтенблѣ.

Всему этому не доставало необходимаго дополненія, т. е. вышшаго зведенія, которое доставляло бы всемъ этимъ коллегіямъ наставниковъ, которое имѣло бы надъ всеми ими наблюденіе,—словомъ, того, что въ послѣдствіи назвали университетомъ. Но къ этому еще не приспѣло время. Первый консуль сказалъ ученому Фуркруа: «это только начало; послѣ мы сдѣлаемъ больше и лучше».

Эти оба проекта были внесены въ государственный совѣтъ и подверглись тамъ сильнымъ опроверженіямъ.

Проектъ почетнаго-легіона выдержалъ жесточайшее нападеніе. Въ этомъ, какъ и въ дѣлѣ конкордата, первый консуль упреждалъ, быть можетъ, движеніе умовъ. Эта генералія, которая вскорѣ очутилась у подножія алтарей, которая вскорѣ покрывалась орденами знаками съ ребяческимъ увлеченіемъ, сопротивлялась еще въ настоящее время возстановленію богослуженій и учрежденію почетнаго-легіона.

Даже и въ государственнои совѣтъ находили, что учрежденіе почетнаго-легіона нарушить равенство, ввести прежнюю аристократію. Первый консуль отвѣчалъ на все эти возраженія самою сильною діалектикою. «Что есть аристократическаго», говоритъ онъ: «въ отличіи совершенно-дѣльномъ, прѣизнесенномъ, даваемомъ человѣку, оказавшему гражданскую или воинскую заслугу, даваемомъ ему-одному, даваемомъ ему только по жизни, и непереходящемъ на его дѣтей? Орденъ—самое ничное, наименѣе аристократическое изъ всѣхъ учреждений». Но, говорилъ ему, за этимъ прійдетъ и другое. «Это быть можетъ», присовокуплялъ первый консуль: «но рассмотримъ сперва то, что намъ даютъ, въ остальномъ будемъ судить потомъ. Спрашивалось, что значить легионъ, состоящій изъ 6,000 человекъ, и въ чемъ будутъ состоять ихъ обязанности? Спрашивалось, будетъ ли онъ имѣть обязанности отличныя отъ тѣхъ, которыя возлагаются на всѣхъ гражданъ, равно обязанныхъ защищать территорію, конституцію, равенство? Во-первыхъ, на этотъ вопросъ можно отвѣчать то, что всякій гражданинъ обязанъ защищать общее всемъ отечество, и что, однакожь, есть армія, на которую въ-особенности возложенъ этотъ долгъ. Послѣ того, будетъ ли дивительно, что въ арміи будетъ избранный легионъ, отъ котораго требуютъ больше-ревностнаго выполненія его обязанностей, большаго расположенія къ пожертвованію своею жизнью? Но, кромѣ того, хотятъ и знать, чѣмъ будетъ этотъ почетный-легионъ», восклицаетъ первый консуль, возвращаясь къ своей любимой идеѣ: «вотъ чѣмъ. Это есть быть организація людей, творцовъ и приверженцевъ революціи, которые не суть ни эмигранты, ни вандейцы, ни духовные. Приверженцы стараго правленія цѣлѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Эмигранты въ связи другъ съ другомъ; Вандейцы еще тайно составляютъ ополченія; и словами «законовый король», «религія», можно въ минуту собрать тысячи рукъ, которыя и поднялись бы, будьте увѣрены, если бы ихъ не удерживало собственное утомленіе и сила правительства. Уховные составляютъ корпорацію, въ основаніи мало-расположенную къ всѣмъ намъ. Необходимо, чтобы люди, принявшіе участіе въ революціи, соединились между собою, составили бы также одно прочное

цѣлое. Эти 6,000 легионаріевъ составляютъ одну изъ крапчайшихъ гарантій, какія вы только можете дать повому порядку вещей. И притомъ, будте увѣрены, борьба съ Европою еще не кончена; знайте вѣрное, что она возобновится. Надо почитать за счастье, что имѣешь въ рукахъ такое легкое средство поддержать, возбудить храбрость нашихъ солдатъ! Всего посредствомъ трехъ милліоновъ дохода съ національныхъ имуществъ сколько героевъ можете воззвать вы на поддержаніе великаго дѣла Франціи!»

Таковы были аргументы перваго консула. Онъ приводилъ и другіе въ отвѣтъ тѣмъ, которые требовали, чтобъ новый орденъ былъ частновосный, и учрежденъ для одной арміи. «Я не хочу», говорилъ онъ: «основать преторіанское правленіе; не хочу вознаграждать однихъ военныхъ. Я думаю, что всѣ заслуги—родныя сестры, что мужество, оказанное президентомъ Конвента, противящимся черни, должно стать на ряду съ мужествомъ Клебѣра, идущаго на приступъ Сен-Жан-д'Акры. Умъ имѣетъ свои права, и еще высшія, нежели сила; сама сила—ничто безъ ума. Во времена героическія, вождемъ бывалъ человекъ самый сильный, самый ловкій; во времена цивилизаціи, вождемъ бываетъ умнѣйшій изъ храбрыхъ. Когда мы были въ Каира, Египтяне не могли понять, чтобъ Клебѣръ, при своей величественной осанкѣ, не былъ главнокомандующимъ. Мурадъ-Бэй, всмотрѣвшись поближе въ нашу тактику, повѣлъ, что я, а не кто другой, долженъ быть вождемъ такъ-предводительствованной арміи. Вы разсуждаете по-египетски, имѣя притязаніе ограничить награды воинскою доблестью. «Солдаты»—присовокуплялъ первыи консулъ, «солдаты разсуждаютъ лучше вашего. Пойдите на ихъ бивуаки, послушайте ихъ. Не думаете ли вы, что между ихъ офицерами самый огромный, самый величественный по наружности внушаетъ имъ наиболѣе уваженія? Нѣтъ, они уважаютъ храбрѣйшаго. Вы думаете, что храбрѣйшій ставится ими выше всѣхъ? Безъ сомнѣнія, они стали бы презирать того, въ чьемъ мужествѣ усомнился бы; но они чтятъ выше храбрѣйшаго того, кого считаютъ умнѣйшимъ. Что до меня самого, думаете ли вы, что единственно потому, что слышу великимъ полководцемъ, я правлю Франціею? Нѣтъ, но потому, что во мнѣ признаютъ качества государственнаго человека и правителя. Франція никогда не потерпѣла бы надъ собою руки солдата; тѣ, которые такъ думаютъ жестоко ошибаются. Франція—страна благородная и столько разумная, что не можетъ покориться матеріальному владычеству и возстановить у себя поклоненіе силѣ. Почтаимъ умъ, доблесть—словомъ, гражданскія заслуги на всяческомъ поприщѣ; будемъ вознаграждать ихъ наградою, равною для всѣхъ!»

Эти доводы, высказанные съ жаромъ, съ силою, и исходя изъ устъ величайшаго полководца новѣйшихъ временъ, увлекли весь государственный совѣтъ, очаровали его.

Не будучи въ состояніи заставить его отказаться отъ проекта, предлагали, однакожъ, ему отложить его и выждать время. Онъ на чего не хотѣлъ слышать. Правда его во всемъ нетерпѣливо ждала результата.

Проектъ о системѣ народнаго воспитанія подвергся также сильнымъ опроверженіямъ въ государственномъ совѣтѣ. Но первый консулъ уничтожилъ ихъ глубокими доводами, которые высказалъ не въ одно засѣданіе и подѣ тысячью различныхъ видовъ.

Оба эти проекта были представлены законодательному сословію почти въ одно время, потому-что первый консулъ не хотѣлъ упустить это кратковременное засѣданіе, не положивъ главныхъ основъ своему обширному зданію. Законъ о народномъ обученіи не встрѣтилъ большихъ препятствій, и, поддержанный докладчикомъ его, Фуркруа, который былъ творцомъ его на-половину ввязъ съ первымъ консуломъ, былъ утвержденъ значительнымъ большинствомъ. Въ трибунатѣ онъ получилъ 80 бѣлыхъ балловъ противъ 9 черныхъ; въ законодательномъ сословіи 251 противъ 27. Но законъ о почетномъ-легионѣ встрѣтилъ въ обоихъ собраніяхъ равно-сильное сопротивленіе. Люсианъ Бонапарте былъ его докладчикомъ, и по живости, съ какою онъ защищалъ его, было очевидно, что онъ защищаетъ фамильную идею. Люсианъ, жившій даръ слова, но недостаточно упражнявшій его, отъвѣчалъ на всѣ нападенія нехладнокровно и неуиженно, и много содѣйствовалъ къ нерасположенію трибуната. Не смотря на очищеніе, которому подверглось это собраніе, внесенный проектъ получилъ въ свою пользу только 56 бѣлыхъ балловъ противъ 38 черныхъ. Въ законодательномъ сословіи онъ имѣлъ 166 голосовъ въ свою пользу и 110 противъ. Такимъ образомъ, проектъ закона былъ принятъ; но рѣдко большинство было такъ слабо, даже и до исключенія членовъ оппозиціи.

Исходъ этого столь плодотворнаго засѣданія приближался, и однакожь амьепскій трактатъ не былъ еще внесенъ въ законодательное собраніе, чтобъ быть тамъ превращеннымъ въ законъ. Этотъ важный актъ былъ берегаемъ на послѣдокъ. Хотѣли, чтобъ онъ послужилъ въ некоторомъ родѣ вынодомъ для дѣяній перваго консула и совѣщаній этого чрезвычайнаго засѣданія. Сверхъ-того, на него смотрѣли, какъ на средство дать общественной благодарности случай высказаться въ пользу творца всѣхъ благъ, которыми наслаждалась теперь Франція.

Съ нѣкотораго времени, дѣйствительно, спрашивали, не-уже-ли не будетъ дано достойнаго доказательства національной признательности человеку, который, въ два съ половиною года, извлекъ Францію изъ хаоса, и примирилъ ее съ Европою, церковью и самою-собою, и уже почти-совершенно устроилъ ее внутри? Это чувство благодарности было общее и заслуженное. Легко было воспользоваться имъ къ выполненію тайныхъ желаній перваго консула, — желаній, состоявшихъ въ томъ, чтобъ получить навсегда власть, врученную ему на десять лѣтъ. Сверхъ-того, умы имѣли уже относительно этого предмета окончательное-принятое мнѣніе, и, за исключеніемъ малаго числа роялистовъ или якобинцевъ, никому не доступна была мысль — и никто не хотѣлъ бы, — чтобъ власть перешла отъ генерала Бонапарте въ другія руки. Смотрѣли на неопредѣленное продолженіе его власти, какъ на самое простое и самое неизбежное дѣло. Итакъ, легко было превратить это расположеніе умовъ въ законный актъ; и если, полтора года назадъ, по па-

воду знаменитой параллели между Цезаремъ, Кромвеллемъ и генераломъ Бонапарте, возникло сильное противодѣйствіе, то теперь вѣчего было болѣе опасаться. Стояло только сказать одно слово, чтобъ тотчасъ же предложили первому консулу настоящую верховную власть, подъ тѣмъ названіемъ и подъ тою формою, какъ захотѣлъ бы онъ самъ. Достаточно было выбрать какой-нибудь удобный случай, сдѣлать предложеніе, и оно было бы немедленно принято.

Генералъ Бонапарте жемаль верховной власти; это было естественно и простиительно. Творя блага, онъ повиновался своему гению; творя ихъ, онъ надвѣлся за то награды. Въ этомъ не было ровно ничего преступнаго, тѣмъ болѣе, что по его убѣжденію и по истинѣ, для довершенія этихъ благъ необходимъ былъ на долгое время всемогущій правитель. Въ странѣ, которая не могла обойтись безъ сильной и творящей руки, было законнымъ дѣломъ имѣть притязаніе на верховную власть тому, кто былъ самымъ великимъ человекомъ своего вѣка, и однимъ изъ самыхъ великихъ людей всего человѣчества. Вашингтонъ, посреди общества демократическаго, республиканскаго, исключительно торговаго, и на долгія времена мирнаго, Вашингтонъ былъ правъ, обнаруживъ мало честолюбія. Въ государствѣ республиканскомъ по случаю, монархическомъ по природѣ, окруженномъ врагами, съ-тѣхъ-поръ воинственномъ, немощнымъ управляться и защищаться безъ единства дѣйствія, генералъ Бонапарте былъ правъ, желая верховной власти, подъ какимъ бы то ни было названіемъ. Его вина не въ томъ, что онъ принял диктатуру, тогда необходимую, а въ томъ, что не всегда употреблялъ ее такъ, какъ въ первые годы своего славнаго поприща.

Генералъ Бонапарте скрывалъ глубоко въ своемъ сердцѣ желанія, которыя ясно примѣчали все, даже самый простой народъ. Случалось развѣ, что онъ открывался въ томъ своимъ братьямъ. Никогда не говорилъ онъ, чтобъ титулъ перваго консула на десять лѣтъ пересталъ доволѣствовать его. Безъ сомнѣнія, когда вопросъ представлялся въ теоретической формѣ, когда говорили вообще о необходимости сильной власти, — онъ давалъ волю словамъ своимъ и выражалъ свою мысль касательно этого предмета. Но никогда онъ не заключалъ тѣмъ, чтобъ требовать себя продолженія власти. Въ одно и то же время скрытный и доверчивый, онъ сообщалъ кое-что однимъ, кое-что другимъ, и скрывалъ ничто отъ всехъ. Но все догадывались о тайномъ честолюбіи его сердца и часто говорили съ нимъ объ этомъ, предоставляя ему болѣе удобное положеніе скорее умерять, нежели возбуждать рвеніе къ его собственному величію. Итакъ, ему говорили, что уже настало время установить въ его пользу нечто отличное отъ эфемерной и преходящей власти. Иосифъ, съ мирною кротостью своего характера, Люсіанъ съ своею природною дерзостью, стремились открыто къ той же цѣли. Они нивели своими повѣренными и содѣйствителями людей, бывшихъ съ ними въ дружественныхъ отношеніяхъ, раздѣлявшихъ ихъ желанія или по убѣжденію, или изъ угожденія. Ренью, Лапласъ, Талейранъ, Редереръ желали какъ-можно-скорѣйшаго и какъ-можно-полнѣйшаго возвращенія къ монархіи. Талейранъ, наиболѣе-спокойный, но не менѣе дѣл-

тельный изъ нихъ; сильно былъ привязанъ къ монархіи, въ-особенности утонченной и блестящей, какъ во дворцѣ версальскомъ, но во всякомъ случаѣ безъ Бурбоновъ, съ которыми онъ считалъ въ то время своё существованіе несомвѣстнымъ. Эти задушевные повѣренные семейства Бонапарте много разсуждали между собою о настоящемъ вопросѣ. Однакожъ, раземъ перейти къ наследственной верховной власти, съ титуломъ императора или короля, казалось очень-большою смѣлостью. Можетъ-быть, было лучше дойти до того же, пройдя чрезъ одно или несколько промежуточныхъ состояній. Но, не отменяя титула перваго консула, что было гораздо-удобнѣе, можно было дать ему власть равную королевской, даже и въ-отношеніи наследственности: то было по-извѣстное консульство, съ властью назначать себѣ преемника. Сдѣлавъ некоторые видоизмѣненія въ конституціи, на которыя легко было склонить сенатъ, можно было создать настоящее самодержавіе, подъ республиканскимъ титуломъ.

Эти идеи казавась самою благоразумною и самою мудрою; и на ней, по-видимому, остановились члены семейства Бонапарте. Это семейство находилось теперь въ странномъ волненіи. Братья перваго консула, которые имѣли на чель своемъ лучъ его славы, но которыми этого было мало, и которыми хотѣлось бы, чтобъ онъ сдѣлался настоящимъ монархомъ, чтобъ самимъ быть чрезъ то принцами крови, очень тревожились, жаловались, что они ничего не значатъ, что они способствовали къ возвышенію своего брата и не имѣютъ въ государствѣ мѣста, соответственнаго своему достоинству и своимъ заслугамъ. Иосифъ, очень-спокойный по характеру, смертъ того довольный ролею широтворца, богатый, уважаемый, былъ менѣе-нетерпѣливъ. Люсия, выдававшая себя за республиканца, болѣе всѣхъ, однакожъ, желала, чтобъ самодержавная власть брата скорѣе воздвиглась на развалинахъ республики. Еще недавно, онъ отказался быть за обѣдненнымъ столомъ у госпожи Бонапарте, сказавъ, что онъ явится туда, когда тамъ будетъ мѣсто, назначенное для братьевъ перваго консула. Посреда этого семейства, госпожа Бонапарте, болѣе заслуживавшая участія; потому-что она не питала всѣхъ этихъ честолюбивыхъ желаній, и, напротивъ, страшилась ихъ; госпожа Бонапарте была, по обыкновенію, болѣе испугана, нежели довольна готовившимися переменами. Она смѣло признавалась въ своихъ опасеніяхъ супругу, который съ привади въильчивности заставлялъ ее молчать. Отвергнутая имъ, она обращалась тогда къ людямъ, имѣвшимъ надъ нимъ некоторое вліяніе, умоляла ихъ опровергнуть совѣты честолюбивыхъ и безразсудныхъ братьевъ и давала такимъ-образомъ своимъ предчувствіямъ, своему страху гласность, которая очень не нравилась первому консулу.

Фушѣ старался ее утѣшить. «Сударыня» говорилъ онъ ей: «успокойтесь. Вы бесполезно станете противорѣчить вашему супругу. Онъ будетъ консуломъ по жизни, королемъ или императоромъ, всѣмъ, чѣмъ только можно быть. Ваши опасенія утомляютъ его: мои совѣты были бы для него оскорбительны. Итакъ, будемъ ждать, и предоставимъ со-



«свершатся событія, которыхъ ни вы, ни я осмѣнимъ не къ се-  
«столянію».

Развязка приближалась по мѣрѣ того, какъ подходилъ къ концу срокъ чрезвычайнаго засѣданія X года. Между-тѣмъ, въ этомъ дѣлѣ нѣма было обейдтись безъ руки одного человека, и этотъ человекъ былъ консулъ Камбасересъ. Мы уже говорили о его скрытомъ, но дѣйствительномъ вліяніи на перваго консула. Его вліяніе въ сенатѣ было равно велико. Это первое въ государствѣ собраніе пытало истинное уваженіе къ старому юрисконсульту, сдѣлавшемуся невѣрными новаго Цезаря. Въ настоящемъ обстоятельстве, такъ-какъ генералъ Бонапарте не могъ самъ провозгласить себя консуломъ по жизни или императоромъ, и такъ-какъ было необходимо, чтобъ какое-нибудь государственное учрежденіе приняло на себя сдѣлать подобное предложеніе, то очевидно, взяться за это должно было сенату, а въ сенатѣ человеку, который управлялъ имъ, который значилъ въ немъ болѣе всѣхъ.

Камбасересъ, хотя привязанный къ первому консулу, но безъ него, однакожь, неудовольствія смотрѣлъ на перемену, дѣлать которую вѣдѣлъ оставить его еще въ дальнѣйшемъ разстояніи отъ его мнимо-ннятаго сотоварища. Но онъ видѣлъ, что бесполезно всякое сопротивленіе желаніямъ генерала Бонапарте, и что, въ настоящихъ своихъ границахъ, эти желанія законны.

Между-тѣмъ, какъ объ этомъ предметѣ шли жаркіе разговоры около перваго консула, а самъ онъ только слушалъ все это, стараясь замолчать, Камбасересъ положилъ конецъ этому принужденному состоянію, заговорявъ первый съ своимъ сотоварищемъ о президентствѣ. За себя и третьяго консула, Лебрёна, онъ предлагалъ ему истинную помощь въ этомъ дѣлѣ, гдѣ первому консулу неловко было дѣйствовать своею особою, потому-что онъ долженъ былъ назваться принижающимъ, а не вынуждающимъ насильно титулъ, о которомъ шла рѣчь. Первый консулъ, выразивъ Камбасересу свою благодарность и подобную откровенность, объявилъ ему, что доволенъ своимъ вѣдѣніемъ положеніемъ, не видитъ необходимости переманить его, и на что не рѣшится, чтобъ изъ него выйти; что, по его мнѣнію, вѣдѣ сдѣлать некоторые перемены въ формѣ правленія, но что ему неловко вмѣшиваться въ это дѣло, потому-что онъ нищетъ слышать-принимать участіе въ этомъ вопросѣ, и что такимъ-образомъ онъ будетъ ждать, а самъ ничего не предпріиметь.

Камбасересъ отвѣчалъ первому консулу, что безъ сомнѣнія ему-самому неловко начинать подобное дѣло, но что, если ему угодно объясниться съ своими сотоварищами, дать имъ обоимъ выразити въ чемъ состоитъ его мысль, то они, разъ уже узнавъ его мнѣренія, избавятъ его отъ труда обнаруживать ихъ, и немедленно приступать къ дѣлу. Отъ-того ли, что онъ чувствовалъ некоторое вмешательство высказать свое желаніе, или отъ-того, что желалъ болѣе, нежели сколько тогда предназначали ему, — можетъ-быть, даже и самодержавной власти, — только первый консулъ облекся новою вѣдѣдимоею завесою, и все повторялъ одно и то же, что онъ не вѣдѣ

никогого опредѣленнаго желанія, но что будетъ доволень, если оба его товарища будутъ наблюдать за движеніемъ умовъ, даже направитъ ихъ, для предупрежденія безразсудствъ, которыя могутъ надѣлать неловкіе друзья.

Никогда первый консулъ не хотѣлъ высказать своей мысли своему товарищу Камбасересу. Къ естественному завышательству, которое онъ испытывалъ, примѣшивалась и завлюзія. Онъ мечталъ, что безъ его вышательства повергнуть къ ногамъ его корону. Это было заблужденіе. Публика, спокойная, счастливая, признательная, была расположена освятить своимъ согласіемъ все, что будетъ сделано; но отрекшись некоторымъ образомъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, она не была расположена вышиваться въ нихъ, даже для того, чтобъ засвидѣтельствовать благодарность, которую чувствовала. Государственный собранія, за исключеніемъ некоторыхъ зачинщиковъ, находившихъ въ томъ своей интересъ, устыдились при мысли отречься, предъ лицомъ неба, отъ республиканскихъ формъ, на поддержаніе которыхъ они недавно произносили клятву. Многие, мало-опытные въ тайнахъ политики, вѣрили даже, что первый консулъ, довольный всемогуществомъ, которымъ пользовался, особенно съ-тахъ-поръ, какъ освобожденный отъ оппозиціи трибуна, — удовольствуется возможностью дѣлать все, что хочетъ, и предоставитъ себя легкую славу быть новымъ Вашингтономъ, превосходящимъ американскаго Вашингтона, гениемъ и славою. И потому, когда зачинщики говорили, что еще ренно ничего не сделано для перваго консула, который самъ такъ много сдѣлалъ для Франціи, некоторые безхитростные люди отвѣчали на это наивно: что же хотите вы, чтобъ для него сдѣлала? что хотите вы, чтобъ ему предложили? какая награда можетъ соответствовать оказаннымъ имъ заслугамъ? Истинное ему вознагражденіе — его слава.

Камбасересъ былъ такъ благоразуменъ, что не хотѣлъ отступить за это притворство перваго консула, оставивъ дѣла въ застоѣ. Надо было чинъ-нибудь покончить, и онъ рѣшился вышаться въ дѣло немедленно. По его мнзнію и по мнзнію многихъ свѣдущихъ людей, было достаточно дать первому консулу продолженіе власти на десять лѣтъ, которыя, съ семью годами, оставшимися отъ перваго періода, продолжали бы его консульство на семнадцать лѣтъ. Дѣйствительно, это значило, и во Франціи, и въ Европѣ, разрушить все надежды враговъ перваго консула, которые рассчитывали на законный терминъ его могущества. Но Камбасересъ хорошо зналъ, что первый консулъ не удовольствуется этимъ, что ему надо было предложить нечто другое, и что съ пожизненнымъ консульствомъ, соединеннымъ съ правомъ назначать преемника, можно получить все выгоды наследственной монархіи, избѣжавъ неудобствъ, могущихъ произойти отъ перемены титула. И потому онъ остановился на этой мысли и старался распространить ее въ сенатъ, законодательномъ сословіи, трибунахъ.

Первый консулъ съ намѣреніемъ отлагалъ представленіе амьенскаго трактата на утвержденіе законодательному сословію. Камбасересъ понималъ, что это было именно то обстоятельство, которымъ надо было

воспользоваться, и потому устроилъ все такъ, чтобъ достигнуть желаннаго результата. 6 мая (16 флореала) проектъ закона былъ внесенъ въ законодательное сословіе тремя государственными совѣтниками: то были Рёдереръ, Брюи (адмиралъ) и Берльё. Обыкновенно, проекты были сообщаемы трибунату просто чрезъ законодательное сословіе; на этотъ разъ, по важности предмета, правительство хотѣло само непосредственно сообщить трактатъ трибунату. Это порученіе было возложено на трехъ государственныхъ совѣтниковъ: Реиё, Тибодъ и Баго-Преаннё. Едва окончили они свой докладъ, какъ трибунъ Симеонъ потребовалъ слова. «Такъ какъ правительство», сказалъ онъ: «сообщило намъ такимъ торжественнымъ образомъ мирный трактатъ, заключенный съ Великобританіею, то мы должны отвѣчать на это тѣмъ же. Я предлагаю отправить къ правительству депутацію, чтобъ поздравить его съ возстановленіемъ всеобщаго мира.» Это предложеніе было тотчасъ же принято. Президентъ Шабё-де-л'Альё, одинъ изъ друзей консула Камбасереса, произнесъ съ трибуны слѣдующія слова:

«У всѣхъ народовъ давались почести людямъ, которые славными дѣяніями приносили честь странъ своей и спасали ее отъ великихъ опасностей.

«Кто когда-либо болѣе генерала Бонапарте имѣлъ права на признательность націй?

«Кто, во главѣ арміи или во главѣ правительства, доставилъ болѣе чести своему отечеству и оказалъ ему болѣе заслугъ?

«Его доблесть, его гений спасли французскій народъ отъ невѣстности анархіи и бѣдствій войны, и французскій народъ такъ-вспикъ, такъ-великодушень, что не оставитъ столькихъ благодѣяній безъ великаго возмездія.

«Трибуны! будемъ органами его, этого народа. Намъ въ-особенности должно показать примарь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ выразить, въ подобно-важномъ случаѣ, чувствованія и волю французскаго народа.»

Въ-слѣдствіе этой рѣчи, рѣшено было единогласно выразить на языкъ національную признательность первому консулу. Сенатъ опредѣлилъ составить особую комиссію, которая представила бы свои соображенія о томъ, чѣмъ должна быть выражена эта признательность.

Депутація, которую трибунъ Симеонъ предложилъ отправить къ правительству, на другой же день, 7 мая (17 флореала), была принята въ Тюльери. Первый консулъ былъ окруженъ своими товарищами, императоромъ высшихъ должностныхъ лицъ и генералами. Видъ его былъ важенъ и скромнень. Отблагодаривъ трибуна Симеона за выраженныя имъ въ привѣтствіи чувствованія, и сказавъ, что видитъ въ этомъ результатъ болѣе-благопріятныхъ отношеній, установившихся между правительствомъ и трибунатомъ, прямо намекнувъ такимъ-образомъ на перемены, произведенныя въ этомъ учрежденіи, первый консулъ заключилъ этии благородными словами: «Что до меня, я принимаю съ чувствительнѣйшею благодарностью рѣшеніе трибуната. Не желаю иной славы, кромѣ выполненія всей возложенной на меня обязанности»

«сти. Не ищу вина возмездія, кромѣ любви моихъ согражданъ: счастливы, если они твердо убѣждены, что бѣдствія, которыя имъ пришлось бы испытать, будутъ для меня всегда самыми чувствительными бѣдствіями, что жизнь дорога мнѣ только по тѣмъ заслугамъ, которыя я могу оказать моему отечеству; что самая смерть отнюдь не будетъ мнѣ прискорбна, если мой послѣдній взглядъ увидитъ благоденствіе республики такъ же упрочившимся, какъ упрочилась ея слава».

Теперь шло дѣло только о томъ, чѣмъ выразить національную благодарность въ-отношеніи къ генералу Бонапарте. Никто на этотъ счетъ не обманывался: всѣ хорошо знали, что только продолженіемъ власти можно было отплатить знаменитому генералу за неизмѣримыя благодѣнія, имъ оказанныя. Между-тѣмъ, некоторые немудрыя головы въ трибунатъ и сенатъ мечтали, подавая голосъ, что дѣло шло о воздвигеніи статуи или монумента въ честь перваго консула. Но такихъ господъ было очень-немного. Масса трибуновъ и сенаторовъ хорошо знала, какъ подобно выразить свою благодарность. Весь этотъ день и слѣдующій, Тюльери и отель Камбасереса не пустывали. Сенаторы наперевѣвъ одинъ передъ другимъ являлись съ вопросами, какъ имъ должно поступить. Ихъ рвеніе было велико; надо было только высказать, чего хотѣли, чтобъ они привели это въ исполненіе. Одинъ изъ нихъ сказалъ даже консулу Камбасересу: «Чего хочетъ генералъ? Хочетъ ли онъ быть королемъ? Пусть только скажетъ...» Любопытствуя узнать настоящія мысли перваго консула, сенаторы старались приблизиться къ нему какъ-только могли, и пробовали тысячами способами выпытать изъ устъ его хоть одно сколько-нибудь значительное слово. Но онъ постоянно упорствовалъ обнаруживать свои намѣренія, даже предъ сенаторомъ Лапласомъ, котораго онъ особенно любилъ, и который, по этому, былъ уполномоченъ выводить его сокровенныя желанія. Онъ всегда отвѣчалъ, что все, что сдѣлаютъ, что бы ни сдѣлали, будетъ имъ принято съ благодарностью, и что онъ не имѣетъ никакого особеннаго желанія. Некоторые хотѣли знать, будетъ ли пріятно ему продолженіе власти на десять лѣтъ. Онъ отвѣчалъ, съ притворною униженностью, что всякое изъявленіе общественной благодарности,—это ли, другое ли,—будетъ ему достаточно и пріятно. Сенаторы, послѣ того, обращались къ консуламъ Камбасересу и Лебрёну, чтобъ спросить ихъ совѣта, на что имъ слѣдуетъ рѣшиться. «Назначьте его консуломъ по жизнь», отвѣчали они: «и вы сдѣлаете все, что можно лучшаго». — «Но, говорятъ, онъ не хочетъ этого», возражали люди болѣе-безхитростные: «говорятъ, что его удовольствуетъ продолженіе власти на десять лѣтъ. Зачѣмъ идти дальше, нежели сколько онъ хочетъ?»

Консуламъ Лебрёну и Камбасересу стоило много хлопотъ убѣждать ихъ. Камбасересъ далъ знать объ этомъ первому консулу. «Вы поступаете неблагоуразумно», говорилъ онъ ему: «что не хотите объясниться. Ваши враги (она есть у васъ, не смотря на ваши заслуги, въ самомъ же сенатѣ) воспользуются вашимъ молчаніемъ.» — «Оставьте ихъ», отвѣчалъ первый консулъ Камбасересу: «большинство сената всегда

расположено дѣлать болѣе, нежели сколько отъ него требуютъ. Они пойдутъ дальше, нежели вы думаете.»

Камбасересъ возражалъ ему, что онъ ошибается. Но было невозможно побѣдить это упорное притворство. Между-тѣмъ, такъ и случалось, какъ говорилъ Камбасересъ. 8-го мая (18 флореала) сенатъ, послѣ двухъ-суточныхъ преній, рѣшилъ продолжить первому консулу власть на десять лѣтъ.

Первый консулъ, окруженный въ Тюльери своими братьями, Иосифомъ и Люсианомъ, узналъ съ живѣйшимъ неудовольствіемъ объ этомъ результатѣ. Въ первую минуту, онъ думалъ просто отказаться отъ предложенія сената и тотчасъ призвать къ себѣ своего сотоварища Камбасереса. Второй консулъ сказалъ, что, безъ сомнѣнія, случившееся очень-непріятно, однако легко можетъ быть поправлено; что прежде всего не надо показывать никакого неудовольствія; что въ двое сутокъ все можетъ быть измѣнено, но что для этого необходимо дать дѣлу новый видъ, и что онъ беретъ это на себя. «Сенатъ предлагаетъ вамъ продолженіе перваго консульства» говорилъ Камбасересъ: «отвѣчайте, что вы благодарны за такое предложеніе, но что не отъ него, а съ согласія цѣлой націи вы получили власть, что отъ одной націи вы можете получить продолженіе этой власти, и что желаете испросить ея согласія тѣмъ же путемъ, какой былъ употребленъ для принятія консульской конституціи, т. е. посредствомъ реестровъ, открытыхъ по всей Франціи. Тогда мы составимъ въ государственномъ совѣтѣ формулу, которая будетъ повергнута на народную санкцію. Мы спросимъ націю не о томъ, можетъ ли генералъ Бонапарте принять продолженіе власти на десять лѣтъ, но о томъ, долженъ ли онъ принять консульство по жизни. Еслибъ первый консулъ самъ сдѣлалъ что-либо подобное, присвокупляя Камбасересъ, то это было бы неловко. Но я могу дать этому дѣлу ходъ, — я, второй консулъ, которому нѣтъ тутъ никакой выгоды. Пусть генералъ ѣдетъ въ Мальмезонъ; я одинъ останусь въ Парижѣ, соберу государственный совѣтъ, который и начертаетъ новое предложеніе, долженствующее быть повергнутымъ на одобреніе націи.»

Эта искусная уловка была принята съ большимъ удовольствіемъ генераломъ Бонапарте и его братьями. Камбасересъ съзнавъ благодарностью за эту гениальную выдумку и былъ уполномоченъ дѣйствовать.

Все такъ устроилось, какъ говорилъ Камбасересъ, и коммиссія, составленная изъ нѣсколькихъ государственныхъ совѣтниковъ, составила слѣдующій актъ, который назначено было обнародовать на другой день:

«Консулы республики, полагая, что отзывъ перваго консула есть блестящая почесть, оказанная власти народа; что народъ, вопрошаемый о своихъ драгоценнѣйшихъ интересахъ, не долженъ знать друтаго предѣла, кромѣ самыхъ этихъ интересовъ, постановляютъ слѣдующее... и проч. Народу французскому будутъ предложены два вопроса:

- «1) Наполеонъ Бонапарте будетъ ли консуломъ по жизни?
- «2) Будетъ ли онъ имѣть право назначить себя президентомъ?»

«На этотъ конецъ открываются реестры у всѣхъ мэровъ, въ канцеляріяхъ всѣхъ трибуналовъ, у нотаріусовъ и у всѣхъ государственныхъ должностныхъ лицъ.»

Для подавiя голосовъ былъ назначенъ трехнедельный срокъ.

Камбасересъ отправился вслѣдъ за тѣмъ къ первому консулу съ этимъ опредѣленіемъ государственнаго совѣта. Трудно объяснить, почему первый консулъ упорно отвергалъ второй вопросъ. «Кого хотите вы, чтобъ я выбралъ себя преемникомъ? Моихъ братьевъ? Но Франція, согласившаяся быть управляемою мною, согласится ли быть управляемою Иосифомъ или Люсіаномъ? Васъ ли назначу я, васъ, консулъ Камбасересъ? Осмыслитесь ли вы принять на себя такую обязанность? И къ-тому же, когда не уважили завѣщавіа Лудовика XIV, уважать ли насъ? Человекъ умершій, кто бы онъ ни былъ, уже больше ничто.» Первый консулъ негодовалъ на Редерера, зачѣмъ онъ, не посоветовавшись ни съ кѣмъ, подавъ эту мысль о наследствѣ. И онъ заставлялъ выкинуть изъ мнѣнія государственнаго совѣта второй вопросъ, относившійся къ избранію преемника. Побужденіе, руководившее первого консула въ этомъ случаѣ, очень-темно. Хотѣлъ ли онъ, оставивъ пропускъ въ организаціи правительства, доставить себѣ новый предлогъ, чтобъ сказать еще разъ, и нѣсколько-позже, что власть была безъ будущности, безъ вѣлчiя, и что должно превратить ее въ наследственную монархію? или болѣе онъ семейныхъ раздоровъ и несчастій, въ которые вовлекло бы его право избирать преемника между своими братьями и племянниками? Если судить по его рѣчамъ въ эту эпоху, то послѣднее предположеніе покажется болѣе-справедливымъ.

Обриванный такимъ-образомъ актъ появился въ *Монитёръ*, утромъ 11 мая (21 флореала). Можно было быть увѣрену въ согласіи націи. Должно было казаться страннымъ, что предложеніе сената, единственной власти, которая имѣла право дѣлать предложенія, было измѣнено такъ существенно мѣстомъ, которое не было ни сенатъ, ни законодательное сословіе, ни трибунатъ, а просто совѣтъ, зависящій отъ правительства. Правда, государственный совѣтъ имѣлъ тогда великую важность, дѣлавшую его почти-равнымъ законодательнымъ собраніемъ; воззваніе къ волѣ націи было въ некоторомъ родѣ поправкою, прикрывавшею всѣ неправды этой процедуры, и давало государственному совѣту очевидную роль простаго редактора вопроса, предлагаемаго Франціи. Въ смѣлліи надъ сенатомъ, который и самъ былъ въ довольно-сильномъ смущеніи отъ-того, что не сумѣлъ лучше понять желанія генерала Бонапарте, и который безмолвствовалъ, не находя ничего примечнаго ни сказать, ни дѣлать. Что до сопротивленія, то онъ не имѣлъ никакого средства, и даже не помышлялъ о томъ. Безъ-сомнѣнія, погоня не былъ такъ всеобщъ, чтобъ не возникало порицаніе въ извѣстныхъ мѣстахъ, на-прим. въ скрытыхъ убежищахъ, гдѣ вѣрные республиканцы скрывали свое отчаяніе, въ блистательныхъ отеляхъ Сенъ-Жерменскаго-Предмѣстья, гдѣ роялисты проклинали эту новую власть, которой они еще тогда не начинали служить. Но это порицаніе, едва услышавъ посреди хвалебнаго хора, возносившагося вокругъ первого

консула и достигавшаго до его слуха, это порицаніе производило мало эффекта. Только мыслящіе люди, а ихъ всегда очень-немного, могли погружаться въ странныя размышленія о превратностяхъ революцій, о противорѣчій самой-себя этой генераціи, испровергнувшей двѣнадцатипуговую королевскую власть, хотѣвшей даже въ своемъ изступленіи испровергнуть все троны Европы, а теперь возсоздающей, по частямъ, разрушенный престолъ, и ревностно отыскивающей челоуька, кому бы отдать его. Къ-счастью, она нашла для этой роли челоуька необыкновеннаго.

Эти мнвутныя затрудненія вскорѣ уступили мѣсто настоящей ораціи. Законодательное сословіе и трибунатъ въ цѣломъ своемъ составѣ явились въ Тюльери къ первому консулу, подать голосъ въ пользу увѣчья его власти. Было бы утомительно воспроизводить рѣчи, произнесенныя при этомъ случаѣ. Это было всегдашнее выраженіе все той же признательности, все той же доверенности къ правительству пераго консула. Подобный примѣръ могъ только увлечь граждаиъ къ подаиіи голоса, еслибъ они нуждались въ такомъ побужденіи. Они наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили къ мэрамъ, нотариусамъ, въ канцеляріи трибуналовъ, чтобъ высать въ реестры свои одобрительные голоса.

Наступилъ конецъ флореала. Спѣшили заключить это короткое и достопамятное засѣданіе внесеніемъ финансовыхъ законовъ. Предложенный бюджетъ былъ въ высшей степени удовлетворителенъ. Онъ простирался всего до 625 милліоновъ франковъ и покрывался доходами, прѣмьтно-возраставшими, не считая возстановленія косвенныхъ налоговъ, остававшихся источникомъ для покрытія новыхъ нуждъ, которыя могли возникнуть въ-послѣдствіи. Въ этомъ финансовомъ благоденствіи оставалось одно жадное напоминаніе о прошломъ: это было банкротство, происшедшее отъ бумажныхъ денегъ, но которое отнюдь нельзя было смѣнить въ виду консульскому правительству.

Эти предложенія не встрѣтили болѣе оппозиціи, подобной оппозиціи IX года. Она была послѣднимъ актомъ этого полуторамѣсячнаго засѣданія, посвященнаго столь-важнымъ предметамъ.

Трибунатъ и законодательное сословіе разошлись 20 мая (30 флореала), оставивъ Францію въ состояніи, въ какомъ она еще не бывала и, можетъ-быть, никогда не будетъ.

Въ эту минуту, народъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, подавалъ свой одобрительный голосъ въ отвѣтъ на запросъ, предложенный государственнымъ совѣтомъ. Голосовъ было подано слишкомъ три съ половиною милліона. По-видимому, это было мало при народонаселеніи въ 36 милліоновъ челоуькъ; но въ сущности — много, болѣе, чѣмъ сколько требуютъ и получаютъ въ болѣеи части извѣстныхъ конституцій: гдѣ триста, четьреста, пятьсотъ тысячъ голосовъ, на болѣишій конецъ выражаютъ волю народа. И дѣйствительно, половина двѣ стодѣтъ милліоновъ — женщины, неимѣющія политическихъ правъ; въ остальныхъ 18,000,000 есть старики, дѣти, такъ-что мужественнаго и крадкаго изсѣденія должно полагать всего 12,000,000. Итакъ, если еще прибавить къ соображенію людей, промышляющихъ себя дѣлбъ, рудными работами

ми, по-большей-части безграмотныхъ, едва-знающихъ подлѣ какиѣмъ правительствомъ живутъ они, то эти три съ половиною милліона голо-совъ — число необычайное.

Были, впрочемъ, нѣкоторые диссиденты, республиканцы или рояли-сты, которые подписали на реестрахъ свое несогласіе, и которые сво-имъ присутствіемъ свидѣтельствовали о свободѣ, предоставленной всѣмъ и каждому. Но число ихъ было вовсе незамѣтно.

Первый консулъ занялся самъ, чтобъ внести нѣкоторые измѣненія въ конституцію, казавшіяся ему необходимыми. Порицая твореніе Сіе-се, онъ полагалъ однако сохранить основаніе его конституціи, присо-вокупивъ только нѣкоторые новыя удобства для правительства.

Были люди, которые, видя, что, по силѣ обстоятельствъ, должна быть введена монархія, мечтали о введеніи во Францію просто англій-ской монархіи, съ наследственной королевскою властью и двумя неза-висимыми палатами.

Первый консулъ, не смотря на то, что такимъ проектомъ назначался ему престолъ, не разделялъ этого мнѣнія, будучи чистосердечно убѣ-жденъ въ невозможности подобнаго учрежденія при настоящемъ по-рядкѣ вещей.

Тѣ, которые не хотятъ въ немъ видѣть ничего болѣе, кромѣ военнаго человека, и едва-едва администратора, а отсюда не государственнаго человека, воображаютъ себя, что онъ вовсе не зналъ англійской кон-ституціи. Это рѣшительное заблужденіе! Видя въ Англіи единственную страшную соперницу, какую Франція имѣла въ Европѣ, онъ постоянно не спускалъ съ нея глазъ и проникъ до сокровеннѣйшихъ пружинъ ея конституціи. Въ частыхъ разговорахъ о правительственныхъ пред-метахъ, онъ говорилъ объ этомъ съ рѣдкою проницательностью. Одно г-особенности не нравилось ему въ британской конституціи, именно, то важнѣйшія государственныя дѣла, требующія наиболее продолжи-тельныхъ размышленій, большой послѣдовательности въ видахъ, глубо-ой тайны въ исполненіи, — предаются публичной гласности и случайно-гамъ интриги и витійства. «Пусть гг. Фоксъ, Питтъ или Аддингтонъ» говорилъ онъ: «будутъ искусне одинъ другаго въ веденіи парламент-ной интриги, или краснорѣчивѣе — въ засѣданіи парламента, и у насъ удетъ война вмѣсто мира; вселенная снова всплкнетъ пламенемъ; Фран-ція уничтожитъ Англію, или будетъ испровергнута ея! Отдавать» восклицалъ онъ съ гнѣвомъ: «отдавать судьбу міра на произволъ та-кихъ пружинъ!..» Этотъ великій умъ, исключительно занятый преобла-вшею мыслию объ условіяхъ хорошаго выполненія въ государствен-ныхъ дѣлахъ, забывалъ, что эти дѣла могутъ подпасть еще подлѣ болѣе-вѣскорное вліяніе какой-нибудь г-жи Ментенонъ въ вѣкъ ханджества, г-жи Помпадуръ въ вѣкъ разврата, и даже, въ скоропроходящую эпо-у великаго человека, каковы Фридрихъ или Наполеонъ, — подлѣ вліяніе заволюбилъ, до-нѣльзя пытающаго судьбу сраженій.

Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ власть его товарищей была также продолжена по жизни. «Вы довольно сдѣлали для меня» сказалъ онъ консулу Камбасаресу, «я долженъ упрекнуть ваше правительство». Италъ,



принципъ пожизненности былъ принятъ для троихъ консуловъ, какъ въ настоящее время, такъ и на будущее. Оставался важный вопросъ о назначеніи преемника первому консулу, чьмъ должно было замануть наследственность. Генералъ Бонапарте сначала отказался отъ этого права избрать себя преемника; наконецъ, онъ уступилъ, и было решено, чтобъ онъ назначалъ себя преемника при жизни. Въ этомъ случаѣ, онъ долженъ былъ съ большою церемоніею представить его сенату, гдѣ тотъ далъ бы присягу республикѣ, въ присутствіи консуловъ и всѣхъ властей. Этотъ преемникъ засѣдалъ въ сенатѣ на ряду съ консулами, непосредственно послѣ третьяго.

Во всякомъ случаѣ, еслибъ, для избавленія себя отъ семейныхъ распрей, первый консулъ не назначилъ себя преемника при жизни, а захотѣлъ его наименовать въ завѣщаніи, то долженъ былъ, до смерти, вручить это завѣщаніе, за своею печатью, другимъ консуламъ, въ присутствіи министровъ и президентовъ государственнаго совѣта. Это завѣщаніе должно было оставаться въ архивахъ республики. Но въ этомъ случаѣ надо было, чтобъ сенатъ ратификовалъ волю завѣщателя.

Когда первый консулъ не совершилъ бы избранія при живыхъ, или еслибъ онъ не оставилъ завѣщанія, или еслибъ это завѣщаніе не было ратификовано, тогда второй и третій консулы должны были назначить преемника, котораго, по ихъ представленію, утверждалъ сенатъ.

Таковы были формы для обезпеченія перехода власти. Это избраніе могло превратиться въ наследственность, потому-что глава государства былъ воленъ избрать своего сына, еслибъ онъ имѣлъ его. Онъ могъ предпочитать между своими преемниками того, кого считалъ бы достойнѣйшимъ.

Консулы были по праву членами сената и должны были председательствовать въ немъ.

Первому консулу дано было право — миловать. Это значило уподобить его власти, по возможности, власти государя.

По бюджету, назначалось первому консулу шесть милліоновъ франковъ, и милліонъ двести тысячъ обовмъ его товарищамъ.

Измненія консульской конституціи состояли въ замѣнѣ списковъ выборныхъ—обширной бездѣйственной и мечтательной кандидатуры, — избирательными пожизненными коллегіями, собравшимися по-временамъ для представленія кандидатовъ на выборъ сенату; во врученіи сенату власти видоизмѣнять конституцію, пополнять ее, отстранять всякое препятствіе къ ея ходу; наконецъ, власти распускать трибунатъ и законодательное сословіе; въ предоставленіи генералу Бонапарте консульства на жизнь; въ отнятіи силы у трибуната и въ превращеніи его во второй государственный совѣтъ, уполномоченный критиковать дела перваго въ перенесеніи изъ законодательнаго сословія и государственнаго совѣта въ особенный совѣтъ некоторыхъ важныхъ правительственныхъ дѣлъ, каковы, напр., утвержденіе трактатовъ; наконецъ, въ учрежденіи между трибуналами іерархія и дисциплины.

Это была все по-прежнему аристократическая конституція *Civitas* способная превратиться въ аристократію или деспотизмъ, смотря по р

ка, ее направлявшей,—конституція, превращавшаяся теперь въ самодержавную власть подъ рукою генерала Бонапарте, но могшая превратиться, по его смерти, въ частую аристократію, еслибъ, до смерти, онъ не взринулъ всего въ бездну.

Итакъ, конституція Сійеса могла въкогда возвратиться къ своей первоначальной цѣли; но въ настоящее время она была только личиною диктатуры.

И надо признаться, что эта республика—по-имени заключала въ себя рѣдкое величіе: она напоминала, въ пѣкоторомъ отношеніи, Римскую-Республику, превращенную въ имперію. Этотъ сенатъ имѣлъ мощь сената древняго Рима, — мощь, которую онъ предоставлялъ императору, когда тотъ былъ силенъ, и которую онъ возвращалъ себѣ, когда императоръ былъ слабъ. Этотъ первый консулъ имѣлъ, по-истинѣ, могущество римскихъ императоровъ. Присовокупимъ, что онъ имѣлъ почти и ихъ власть надъ всею землею.

Наконецъ, сенатъ издалъ постановленіе, состоявшее изъ трехъ статей. Первая изъ нихъ гласила слѣдующее: «*Французскій народъ назначаетъ и сенатъ провозглашаетъ Наполеона Бонапарте первымъ консуломъ по жизни.*»

Съ этой-то эпохи, имя, данное при вступленіи, Наполеонъ, начало являться на государственныхъ актахъ рѣдомъ съ фамильнымъ прозваніемъ генерала Бонапарте, которое одно до-сихъ-поръ было известно въ мірѣ. Это столь славное имя, въ-послѣдствіи столько разъ повторившееся голосомъ націй, было употреблено оффиціально всего только оди́нъ разъ въ конститутивномъ актѣ Итальянской-Республики. По приближеніи къ самодержавію, имя, отдѣляясь мало-по-малу отъ фамильнаго прозванія, дѣкоръ должно было произноситься всами одно, и генералъ Бонапарте, названный однажды Наполеономъ Бонапарте, долженъ былъ вскорѣ называться не иначе, какъ Наполеономъ, согласно тому, какъ именуются государи.

Вторая статья сенатскаго постановленія опредѣляла, что статуя Мира, держащая въ одной рукѣ лавръ победы, а въ другой декретъ сената, должна свидѣтельствовать потомству о признательности націй.

Наконецъ, третью статью было положено, что сенатъ явится къ первому консулу и представитъ ему съ этимъ своимъ постановленіемъ выраженіе довѣренности, любви и удивленія французскаго народа. Эти три выраженія принадлежали самому декрету.

Для прибытія сената въ Тюльери избранъ былъ день большой дипломатической аудіенціи. То было 3 августа 1802 г. (15 термидора) утрокъ. Вся министры примиренной Европы были собраны въ огромной залѣ, гдѣ первый консулъ, по обыкновенію, принималъ ихъ; здѣсь такъ

же обыкновенно были представляемы знатнѣйшіе иностранцы. Едва только началась аудиенція, какъ возвысились о прибытіи сената. Это словіе во всемъ составѣ своемъ было введено тотчасъ же. Президентъ Бартеlemi говорилъ отъ лица всѣхъ.

«Французскій народъ» сказалъ онъ первому консулу: «Французскій народъ, признавая огромныя заслуги, оказанныя ему вами, желаетъ, чтобъ мѣсто перваго государственнаго сановника осталось неотменно въ вашихъ рукахъ. Овладевъ такимъ-образомъ всею вашею жизнью, онъ тѣмъ выразилъ только мысль сената, изложенную въ указѣ 18 февраля. Нація этимъ торжественнымъ благодарственнымъ актомъ возлагаетъ на васъ упредить наши учрежденія.» Послѣ такого приступа, президентъ исчислялъ вкратцѣ великіе подвиги генерала Бонапарте на войнѣ и въ мирѣ, предсказывалъ благоденствіе въ будущемъ, безъ несчастій, которыхъ никто, можетъ-быть, тогда не предвидѣлъ. За тѣмъ онъ прочелъ текстъ декрета. Первый консулъ, поклонясь сенату, отвѣчалъ этими благородными словами:

«Жизнь гражданна принадлежитъ его отечеству. Французскій народъ хочетъ, чтобъ вся моя жизнь была посвящена ему... Я повинуюсь его волю.»

«Мои стараніями, вашимъ содѣйствіемъ, гражданс-сенаторы, содѣйствіемъ всѣхъ властей, довѣренностію и волею этого громаднаго народа,—свобода, равенство, благоденствіе Франціи будутъ защищены отъ прихотей судьбы и невѣдѣнности будущаго. Лучшій изъ народовъ будетъ счастливѣйшимъ, — онъ исполнѣ достоинъ этого; его благоуміе будетъ способствовать счастью цѣлой Европы.»

«Довольный тогда тѣмъ, что былъ призванъ, по волю Того, отъ Кого все исходитъ,—устроить на землѣ порядокъ, правду, равенство, я услышу, какъ пробьетъ послѣдній часъ мой, безъ сожалѣнія и безъ тревожной думы о приговорѣ обо мнѣ будущихъ поколѣній.»

По удаленіи сената, первый консулъ продолжалъ принимать иностранцевъ, которыхъ подводили къ нему министры Англіи, Россіи, Австріи, Пруссіи, Швеціи, Баваріи, Гессена, Вюртемберга, Испаніи, Неаполя, Америки, ибо цѣлая вселенная была въ эту минуту въ мирѣ съ Франціею.

На другой день, 4 августа, новыя статьи, вмѣнявшія конституцію, были подвергнуты на разсужденіе государственнаго совѣта. Первый консулъ председательствовалъ въ этомъ торжественномъ собраніи; онъ читалъ статьи одну за другою и дѣлалъ на нихъ опредѣлительныя и сильныя замѣчанія. Онъ самъ предлагалъ опроверженія и отвѣчалъ на нихъ. Вопреки мнѣнію Петье и Редерера, первый консулъ не хотѣлъ, чтобъ завѣщаніе объ избраніи преемника было обязательно для сената, по той причинѣ, что человекъ умершій, какъ бы великъ онъ ни былъ при жизни, по смерти есть уже ничто. При этомъ случаѣ, онъ произнесъ

на-счетъ наследственности странныя слова, которые доказывали, что, въ настоящую минуту, онъ не думалъ объ этомъ. И действительно, онъ повторялъ, развивая мысль свою, что наследственность несообразна съ правами и господствующими мнѣніями. Природа его не была способна ни къ лжи, ни къ лицемерству; но, находясь, какъ и вся люда, подъ вліяніемъ настоящей минуты, онъ отвергалъ наследственность, ибо видѣлъ, что умы мало расположены принять ее, и, облеченный притомъ властью совершенно-монархическою, онъ довольствовался существованіемъ безъ титула.

Послѣ нѣкоторыхъ видоизмѣненій въ подробностяхъ, постановленіе сената было превращено, въ сенатъ, въ органическое постановленіе. На слѣдующій день, 5 августа (17 термидора), оно было обнародовано съ обычными формами, и сдѣлалось такимъ-образомъ дополненіемъ консульской конституціи.

Франція ощущала глубокое удовольствіе. Семейство перваго консула видѣло, что не осуществлялись ни опасенія его, ни желанія; тамъ не менѣе оно раздѣляло всеобщее довольство. Г-жа Бонапарте начала успокаиваться, видя, что исчезаетъ мысль о королевской власти. Этотъ родъ наследственности, предоставлявшій главѣ государства право избирать себѣ преемника, было все, чего она только желала, потому-что она не имѣла дѣтей отъ перваго консула, и имѣла любимую дочь, супругу Людовика Бонапарте, которая вскорѣ должна была сдѣлаться матерью. Она желала и льстилась надеждою скоро увидѣть внука. Она мечтала, что онъ будетъ наследникомъ всесвѣтнаго скипетра. Супругъ ея раздѣлялъ ея вѣды. Братья Наполеона (такъ будемъ мы впредь называть его), братья Наполеона были менѣе довольны, по-крайней-мѣрѣ Люсіанъ, котораго вѣчно-тревожный духъ ничѣмъ не могъ успокоиться. Но они были сдѣланы главнѣйшими лицами въ советѣ почетнаго-легіона, и еще членами сената, призванными естественно имѣть въ этомъ учрежденіи сильное вліяніе. Первый консулъ, сдѣлавъ своихъ товарищей, Камбасереса и Лебрёна, консулами по жизни, хотѣлъ видѣть вокругъ себя товарищей, счастливыхъ его собственнымъ извышеніемъ. Онъ успѣлъ въ этомъ. Одно только лицо вышло обремененнымъ изъ этого кризиса, именно — Фушэ, министръ полиціи, потому-что министерство полиціи было уничтожено, и это было мѣрою, имѣвшею болѣе всѣхъ другихъ характеръ довѣренности и забвенія. Ему было дано мѣсто въ сенатѣ, и сказано, въ правительственномъ актѣ, что если потребуется снова учредить это министерство, то его, Фушэ, а не кого другаго сдѣлаютъ опять министромъ полиціи.

День 15-го августа (27 термидора) былъ празднованъ впервые какъ день рожденія перваго консула. Утромъ этого дня, первый консулъ принималъ поздравленія отъ сената, трибуната, государственнаго совета, духовенства, столичныхъ гражданскихъ и военныхъ властей и дипломатическаго корпуса. Въ полдень, въ Церкви-Божіей-Матери и во всѣхъ

церквахъ республики былъ пропять *Te Deum*. Вечеромъ, блестящія иллюминаціи представляли въ Парижѣ — то изображение Победы, то изображение Мира, то, наконецъ, на одной изъ боенъ Церкви-Божіей-Матери, знакъ зодіака, подъ коимъ родился виновникъ всѣхъ благъ, за которыя нація возносила благодаренія небу.

Нѣсколько дней спустя, 21 августа (3 Фруктидора), первый консулъ отправился въ торжественной процессіи для вступленія въ званіе президента сената. Войска стояли по обѣ стороны дороги отъ Тюльери до Люксамбургскаго-Дворца. Карета новаго владыки Франціи, сопровождаемая многочисленнымъ штабомъ и конвою консульскою гвардіею, была запряжена въ восемь великолѣпныхъ коней, подобно тому, какъ запрягалась нѣкогда карета короля. Никто не раздѣлялъ съ нимъ чести сидѣть въ ней. Въ слѣдующихъ каретахъ ѣхали второй и третій консулы, министры, президенты государственнаго совѣта. По прибытіи въ Люксамбургскій-Дворецъ, первый консулъ былъ принятъ при входѣ депутаціею изъ десяти сенаторовъ. Сидя въ креслахъ, довольно-схожихъ съ треною, онъ принялъ присягу отъ двухъ своихъ братьевъ, Люсіана и Юсепа, слѣзавшихся сенаторами по праву, въ качествѣ членовъ главнаго совѣта почетнаго-легіона. Послѣ этого обряда, государственные совѣтники доложили пять постановленій сената.

Чтобъ дать сенату немедленно понятіе о вліяніи, какое было обычно ему въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, Талейранъ прочелъ рапортъ о распоряженіяхъ, готовившихся въ Германіи подъ вліяніемъ Франціи, для вознагражденія духовными нѣмцями наследственныхъ государей, лишившихся владѣній на лѣвомъ берегу Рейна. Это было, какъ вскорѣ увидимъ изъ продолженія этой исторіи, весьма-важнымъ дѣломъ въ тогдашнее время. По совершеніи этого, миръ, казалось, долженствовалъ насладиться миромъ надолго. По окончаніи чтенія рапорта, первый консулъ удалился, предоставивъ сенату трудъ разсмотрѣть представленныя ему пять органическихъ сенатскихъ постановленій.

Сопровождаемый снова десятию сенаторами, вѣтрившими его во его прибытіи, и напутствуемый кликами парижскаго народа, первый консулъ вступилъ въ Тюльерійскій-Дворецъ какъ конституціональный монархъ, возвращающійся съ королевскаго засѣданія.

Лѣто уже проходило, потому-что наступилъ исходъ августа. Первый консулъ поселился въ Сен-Клускомъ-Замкѣ, на что онъ сперва не соглашался, когда ему предлагали этотъ замокъ какъ загородное жилище. Оставивъ свою первоначальную рѣшимость, онъ приказалъ произвести тамъ исправленія, которыя, малозначительныя сначала, вскоре обновили весь замокъ. Они только-что были приведены къ окончанію. Первый консулъ воспользовался этимъ, чтобъ расположиться на житье въ этой прекрасной резиденціи. Онъ принималъ здѣсь, въ назначенныя дни, высшихъ сановниковъ, важныхъ лицъ всѣхъ классовъ, иностранцевъ.

лашниковъ. По воскресеньямъ, тамъ служилась въ придворной церкви обядня, и противники конкордата начинали присутствовать на ней, какъ некогда присутствовали на обядняхъ въ Версали. Первый всуль, въ сопровожденіи своей супруги, выслушивалъ очень-краткое молебствіе, и потомъ разговаривалъ, въ галереяхъ замка, съ лицами, посетившими его. Присутствующіе, стоя въ два ряда, ждали, помогались юль его, какъ помогаются рѣчей государя или генія. Въ этомъ кругу цдѣли только его—одного, только на него обращали вниманіе. Его настоящее положеніе напоминало Августа, сохраняющаго, посреди высочайшаго могущества, паружныя привычки римскаго гражданина.

Иногда, послѣ продолжительнаго странствованія по обширной и прекрасной странѣ, останавливается на минуту путешественникъ, чтобы взглянуть съ возвышеннаго пункта на пройденное пространство: сдѣлаемъ то же самое, остановимся и бросимъ взглядъ назадъ, чтобы взглянуть на дивные подвиги генерала Бонапарте, со дня 18 брюмера. Какого бліе, какое разнообразіе, какое величіе событіи!

Теперь, еслибъ мы, забывъ происходившее въ-послѣдствіи, представили себя этого диктатора, тогда необходимаго, оставшимся столь же мудрымъ, сколько былъ онъ великъ, соединившимъ въ себя всѣ эти противоположности, которыя Богъ никогда, по-истинѣ, не соединялъ въ одномъ человѣкѣ, — эту гениальную силу, составляющую великихъ основателей, съ терпиміемъ, отличительною чертою основателей монархій; еслибъ мы представили себя, что онъ продолжительнымъ успооеніемъ утишаетъ взволнованное французское общество и приготавливаетъ его мало-по-малу къ этой свободѣ, составляющей честь и необходимую потребность новѣйшихъ обществъ; потомъ, по умиреніи Европы, безъ раздраженія ея зависти, превращаетъ въ постоянную задачу всюобщей политики территоріальныя границы на основаніи люневильскаго и амьенскаго трактатовъ; наконецъ, закончиваетъ свою каррьеру актомъ, достойнымъ Антониновъ, и рѣшается искать, гдѣ бы то ни было, достойнѣйшаго себя преемника, съ тѣмъ, чтобы вручить ему эту Францію, организованную, приготовленную къ свободѣ и навсегда сдѣлавшуюся великою, — какой человѣкъ когда-нибудь могъ бы сравниться съ нимъ! Но такой человѣкъ—воитель, подобно Цезарю, политикъ, подобно Августу, мужъ добродѣтельный, подобно Марку Аврелию, былъ бы болѣе нежели человекомъ, — а Провидѣніе не ниспосылаетъ боговъ для управленія міромъ...

Впрочемъ, въ эту эпоху онъ казался столь-умѣреннымъ, былъ уже столь-побѣдоноснымъ, былъ такимъ глубокимъ законодателемъ, былъ уже такимъ великимъ полководцемъ, обнаружилъ столько любви къ мирнымъ искусствамъ, отличившись уже такъ-сильно въ военномъ дѣлѣ, что могъ заставить и Францію и вселенную преклоняться несбыточнымъ мечтаніямъ. Только немногіе изъ приближенныхъ его совѣтниковъ, способные въ настоящее время проводить

будущее, были проникнуты столько же беспокойствомъ, сколько и удивленіемъ, видя неутомимую дѣятельность его ума и тѣла, энергію его воли, пылкость его стремленій. Они трепетали даже, видя его творщимъ благо въ такомъ видѣ, какъ онъ творилъ его, потому-что они слышали творить это благо такъ быстро и въ такихъ огромныхъ размѣрахъ... Мудрый Троншэ, удивлявшійся ему и въ то же время любившій его, видѣвшій въ немъ спасителя Франціи, сказалъ однажды съ скорбію консулу Камбасересу: «этотъ молодой человекъ начинается какъ Цезарь; я боюсь, чтобъ онъ не кончилъ подобно ему».

---

## КОСМОСЪ (\*).

### ОБЫТЬ ФИЗИЧЕСКАГО МИРООПИСАНІЯ.

СОН. АЛЕКСАНДРА ГУМБОЛЬДАТА.

*Статья первая.*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ НАСЛАЖДАТЬСЯ ПРИРОДОЮ И НА НАУКООБРАЗНОЕ ИЗУЧЕНІЕ МИРОВЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Изложеніе общихъ физическихъ явленій на землѣ и взаимнаго дѣйствія силъ въ цѣломъ мірѣ, представляетъ двойную трудность. Предметъ неисчерпаемъ, а время коротко. Легко впасть въ энциклопедическую поверхностность, легко впасть и въ утомительную форму афоризмовъ.

(\* Читателямъ «Отеч. Записокъ» уже извѣстно, что въ нынѣшнемъ году (и очень недавно) вышла въ свѣтъ книга, подъ названіемъ: «Космос. *Entwurf einer physischen Weltbeschreibung von Alexander von Humboldt* (Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія; Александра фон-Гумбольдта)». Еслибъ имя автора и не ручалось за достоверность книги, то стоить только прочесть нѣсколько страницъ, чтобы убѣдиться въ глубокости и важности ея значенія. Книга такъ замечательна и соотвѣстна съ такими глубокими знаніемъ предмета, что и равнодушный къ явленіямъ окружающаго его міра не выпуститъ ея изъ рукъ, не дочитавъ до конца.

Желая ознакомить съ подобнымъ сочиненіемъ нашихъ читателей, и ознакомить въ той подробности, какую только могутъ допустить предѣлы журнала, мы представляемъ имъ сущность знаменитаго творенія.

Де-антъ-портъ вышля только первая часть «Космоса»; вторая, какъ обыкновенно, появится въ ноябрѣ нынѣшняго года. Но нѣтъ выхода слѣдующихъ частей, мы будемъ знакомить съ ними читателей.

Первая часть состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) Предварительный взглядъ на различные способы наслаждаться природою и на научнообразное познаніе мировыхъ



Кто смотрит на результаты естествоиспытанія не въ-разрѣб, но схватываетъ всю общность отношенія ихъ къ человечеству, тотъ, конечно, облагораживаетъ и увеличиваетъ свое наслажденіе природою. Это плодъ долгихъ наблюденій, сведенныхъ воедино. Картина, неслышавшая внутреннему чувству первыхъ людей, что она есть гармонически-устроенное цѣлое, *космосъ*, — является наконецъ какъ плодъ долгихъ, съ трудомъ собранныхъ опытовъ.

Въ этихъ двухъ эпохахъ міросозерцанія отражаются и два рода наслажденія природою. Первое — только дѣтски-темное предчувствіе гармоніи. Второе — плодъ образованности рода, отражающейся на умно-вѣдливомъ; тутъ гармонія проникаетъ въ сознаніе; человекъ наблюдаетъ, дѣлаетъ опыты; интуитивная «интуиція», сбросивъ поэтическій покровъ свой, принимаетъ строгій характеръ умствующей наблюдательности, и ясное знаніе замѣняетъ темныя предчувствія. Догматическіе взгляды прошедшихъ временъ живутъ еще только въ предрассудкахъ народа и въ нѣкоторыхъ ученіяхъ, которыя охотно облачаютъ въ темноту, сознавая свое безсиліе.

Природа есть единство въ многообразіи, общность тѣлъ и силъ, какъ единое живое. Высмотрѣть это единство — важнѣйшій результатъ физическихъ изысканій. Въ этомъ стремленіи мы переступаемъ за границу чувственнаго и идеями можемъ владычествовать надъ грубымъ матеріаломъ эмпирическаго созерцанія.

Первая, низшая степень наслажденія природою не зависитъ отъ знанія силъ ея, не зависитъ почти отъ окружающей насъ страны. Въ степи и на берегу моря — вездѣ проникаетъ насъ только смутное предчувствіе *пребыванія по вѣчнымъ внутреннимъ законамъ*. Въ этомъ предчувствіи есть что-то крѣпящее, освѣжающее душу, и нѣтъ на землѣ уголка, гдѣ человеку было бы отказано въ этомъ благотворномъ вліяніи.

Иначе наслаждаемся мы природою, когда въ насъ проникаетъ индивидуальный характеръ окружающей насъ страны. Это чувство жизни и опредѣленныя. То поражаетъ насъ величіе массъ природы среди какой борьбы разъяренныхъ стихій, образъ чего-то неподвижно-окаменѣлаго, пустынности степей неизмѣримыхъ, то веселитъ насъ обработанное поле — первый слѣдъ руки человека среди отвѣсныхъ скалъ, на берегу стремительно-шумящаго ручья. Степень индивидуальнаго наслажденія

зависитъ: 1) Граница и наукообразное положеніе «эстетическаго міросозерцанія». 2) Картины природы.

Авторъ осмысливаетъ новую науку, которую, какъ самъ говоритъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, что назывались *популярными знаніями*. Цѣль его — дать яркое понятіе о строеніи міра тѣмъ, которые знакомы съ спеціальными предметами естественныхъ наукъ. Онъ убѣждаетъ, что общіе результаты въкомыхъ изысканій — достоинствѣ *естественныхъ людей*, и что съ уманіемъ составленнаго міросозерцанія обогатится кругъ идей каждого и исправитъ ложныя взгляды на явленія природы. Ключомъ его понятія для всякаго и не требуетъ изученія спеціальныхъ частей наукъ. Въ этомъ самъ авторъ полагаетъ ея главнѣйшее достоинство. А образъ дѣла — знаменитыя дѣла изобрѣтены и доказаны въ ней общіе результаты, — на это указываетъ А. Фиссандра Гиббонда.

природою определяется не столько силою впечатлѣній, сколько живоглазнымъ кругомъ пробужденныхъ ими идей и чувствованій.

Обращаясь къ собственнымъ моимъ впечатлѣніямъ, я вспоминаю Кавказъ, и вѣдь намъ, среди тишины тропическихъ ночей, небожній водъ, льющій на легкую высь равнины планетный, немерцающій мракъ звездъ своихъ; вспоминаю ласкатыя долины Кордильеровъ, гдѣ высокія пальмы смѣло пронзаютъ мрачную сѣнь деревь и высятся надъ ними колоннадами, — «ласъ надъ лѣсомъ»; вспоминаю наконецъ терриформскій пикъ, когда горизонтальные слои облаковъ отдаляютъ верхушку отъ низменныхъ равнинъ, и вдругъ, сквозь отверстіе, прорывающее къ нимъ потокомъ воздуха, вѣрь столбаго на закраинѣ жерла испускаетъ на виноградные холмы Ортавы и гаспаридскіе сады берега. Въ такихъ сценахъ, впечатлѣніе въ насъ производимое, выисцѣтъ не столько отъ тайно-создающей жизнениости природы, сколько отъ толковенія даннѣхъ очерковъ. Все неизамѣримое, даже ужасное въ природѣ дѣлается источникомъ наслажденія. Фантазія наша трепещетъ, и, блануя, мы видимъ во вѣншемъ мірѣ свой внутренній міръ.

Когда мы въ первый разъ вступаемъ въ тропическую землю, насъ типично видѣ такихъ же горъ, какія поминули мы въ европейскомъ течествѣ. Но знаемая кора покрыта чуждою для насъ флорою. Дѣньмъ саверныхъ странъ окруженъ дивною силою тропическаго организма, и адасъ-то ясно выказывается чудсно-воспримчивая сила духа мовѣскаго. Мы такъ близки, такъ родотвенны всему органическому, го скоро дѣлаемъ гражданами среди пальмъ жаркаго пояса. Экзотическія формы предстаютъ нашему воображенію облагороженныя воспоминаніемъ дѣтства. Мы приходимъ къ заключенію, что все живое въ природѣ связано общею, законною, и потому вѣчною нитью.

Мудрено разложить очарованіе чувствернаго міра на его элементальнѣе впечатлѣнія зависить отъ единства его, отъ полноты идей и вствѣ, пробужденныхъ въ одно время. Кто хочетъ объяснить эту цнность вѣль частностей, тотъ долженъ низойти въ область опредѣленныхъ образовъ въ природѣ. Богатѣйшій матеріалъ для такого рода ысканій представляетъ живописная природа Южной-Ази и новато тершка, гдѣ высокія маесы горъ образуютъ собою дво замущаго сана, и гдѣ вулканическія силы, выдвинувшія некогда лдяную цѣль цномъ изъ надръ земли, и теперь еще часто поражаютъ жителей касомъ.

Картины природы служатъ не для одного только удовольствія: ихъ рядъ означатъ постепенность впечатлѣній, отъ голей степи до роскошной стательности жаркаго пояса. Если взгромоздить мысленно Пилатову-ру или Шреиторшъ, или Судетскую-Вершину на Менбланъ, это не по-вннотетъ еще съ Чимбарзо, двойною высотой 8тмл. Если на Нимбо-зо поставитъ Риги, или Аеонскую-Гору, вы получите высочайшую чку Гималайскаго-Хребта, Давалагирн. Индійскія горы выше Андовъ, Кордильеры превосходятъ ихъ разнообразіемъ своихъ явленій. Од-и высота не опредѣляетъ еще впечатлѣнія. Гималайскій-Хребетъ дѣ-то уже за чертою тропика. Рѣдко встрѣтима пальму въ прекрасныхъ

долинахъ мысовъ Ненала и Кумаона. Подъ 28 и 34 градусомъ сѣверной широты, на скатъ древняго Паропамиза, растительность не производитъ уже древоподобныхъ папоротниковъ и травъ, роскошно-цвѣстныхъ агришниковъ и банановъ; надъ тѣню кедроподобной ледярской ели и широколистаго дуба, на гранитной почвѣ растутъ сѣверскія и сѣверо-азиатскія растенія. Въ Гималаѣ не достаетъ перемѣнчивыхъ явленій volcanovъ, грозно напоминающихъ на индійскихъ островахъ внутреннюю жизнь планеты. На южномъ скатѣ горъ вѣчный снѣгъ начинается большою частію уже на высотѣ 11,000 или 12,000 футовъ (\*); тутъ граница органической жизни, отодвинутая къ экваториальнымъ странамъ Южной-Америки почти на 2,600 футовъ выше.

Гористыя страны экватора имѣютъ еще другое преимущество: разнообразіе впечатлѣній природы достигаетъ здѣсь на самомъ тѣсномъ пространствѣ своей высшей степени. Въ глубоко-взрытомъ хребтѣ Анды Новой-Гренады и Кито, позволено человѣку созерцать въ одно время всѣ виды растеній и всѣ созвздія неба. Взоръ разомъ обнимаетъ геликоніи и пальмы, и надъ ними дубы и ароніи Европы, созвздіе Креста и магеллановы облака на югѣ и путеводныя звѣзды Медвѣдицы, кружащіяся около сѣвернаго полюса. Надра земля и оба полушарія неба раскрываютъ здѣсь все богатство своихъ явленій. Климаты и свойственныя имъ формы растеній лежатъ здѣсь другъ надъ другомъ слоями. Здѣсь, на скалахъ Андовъ, вѣчными чертами врезаны законы постепенности теплоты. Чтò въ чувствахъ расплавляется въ простѣе, безобразное ощущеніе, то разумъ постигаетъ только разрывая на части. И въ кругу наукъ, какъ въ области ландшафтной живописи, изображеніи тѣмъ объективнѣе, чѣмъ определеннѣе очерки отдельныхъ предметовъ.

И не только сильнѣйшее впечатлѣніе на чувства производятъ тропическія страны: единообразная правильность въ метеорологическихъ процессахъ ихъ атмосферы, равное раздѣленіе органическихъ образовъ на ея возвышеніи почвы, указываетъ на законный порядокъ небесныхъ пространствъ, какъ-будто отражающійся въ земной жизни.

Въ жаркихъ долинахъ, мало-возвышенныхъ надъ уровнемъ Южнаго Океана, царствуетъ роскошное изобиліе дикадой и пальмъ. За ними, осѣянные высокими стѣнами лощинъ, растутъ древоподобныя папоротники и хинхоны, съ ихъ цѣлебною корою. Гдѣ кончается возвышеніе высокихъ деревъ, тамъ цвѣтутъ, дружно тѣснясь другъ къ другу, агришныя и виртолиственныя андромеды. Кордильерская роза и богатая столою беоарія опоясываютъ горы пурпурною полосою. Далѣе, въ бунныхъ предѣлахъ парамовъ, исчезаютъ постепенно и высокой кустарникъ и богато-цвѣтистыя травы. Однодольныя растенія однообразно покрываютъ почву — необозримый, желто-мерцающій издали лугъ; здѣсь одиноко пасется введенный Европейцами быкъ. Наконецъ трагическо-

(\* ) Температура обозначается въ этихъ статьяхъ (вездѣ, гдѣ не сказано инако) противнаго по стоградусному термометру; миам — географическія, по 15-ти градусъ экватора. Футы старые французскіе, по 6-ти на туаузъ. Долгота считана отъ меридіана Парижской Обсерваторіи.

калы возносятся надъ равнинами травъ, съ бѣдными растеніями низкой организаціи на рѣдкихъ клочкахъ наносной земли. Острова свежешапаго снѣга подавляютъ послѣднее движеніе растительной жизни, и наконецъ — начинается резко-отдѣленная полоса вѣчныхъ снѣговъ. Къ югу бѣлыя, вѣроятно пустыя, колоколообразныя вершины стремятся, большую частію безуспѣшно, прорваться подземныя силы.

Съ перваго раза такое высокое зрѣлище могло пробудить въ жителяхъ тропическихъ странъ только нѣмое удивленіе. Внутренняя связь явленій, конечно, яснѣе выступаетъ здѣсь на глаза человека; но тысячи причинъ подавили плоды выгоднаго положенія. По новѣйшимъ изысканіямъ болѣе нежели сомнительно, что колыбель индійской цивилизаціи была въ странѣ между тропиками. Древняя земля Зендовъ лежала на северозападъ отъ верховья Инда.

Напротивъ болѣе-глубокой взглядъ на дѣйствія физическихъ силъ находимъ мы у жителей умѣреннаго пояса, не смотря на меньшую помощь со стороны природы. Отсюда уже перешли эти взгляды въ тропическія страны.

Здѣсь мы касаемся точки, гдѣ къ чувственному наслажденію природою присоединяется другое наслажденіе, проистекающее изъ идей, — гдѣ словомъ не только предчувствуетъ, но и сознаетъ законность и единство въ природѣ.

Чтобы прослѣдить это наслажденіе природою, проистекающее изъ идей, до его зародыша, стоить только бросить бѣглый взглядъ на исторію развитія натуральной философіи или древняго ученія о космосѣ. Смутное, ужащающее чувство единства силъ природы, сродно и дикоу. Вышній міръ безсознательно сливается въ челоука съ его внутреннимъ міромъ чудесь. Но одинъ не есть чистое отраженіе другаго. То у одного дѣлается основаніемъ натуральной философіи, то у другихъ племенъ остается плодомъ инстинктивной восприимчивости. Здѣсь, въ недрахъ темнаго чувства, заключается и первое побужденіе къ ингиіи. Но чѣмъ болѣе развивается въ челоука его духовная свобода, тѣмъ менѣе довольствуется онъ простымъ предчувствіемъ. Умъ, алмазуря, вступаетъ въ права свои и глубже, глубже проникаетъ въ явленій.

Трудно удовлетворить такому стремленію скоро и вѣрно. Неполныя наблюденія и выводы зараждаютъ ложныя взгляды, проникающіе во всѣ классы народа. Рядомъ съ наукообразною физикою является другая, иннивающая собою немногія частности. Она полна притязаній, какъ е ограниченное, неизмѣнна въ своихъ аксіомахъ, тогда-какъ истинное изученіе природы живетъ среди сомнаній.

Такіе физическіе догматы, неизмѣнно передаваемые изъ вѣка въ вѣкъ, вредны не только потому, что питаютъ заблужденія: они уничтожаютъ еще общность взгляда на мірозданіе. Они знакомы только въ исключеніями изъ правилъ, и ищутъ въ формахъ и явленіяхъ другъихъ чудесь, кромѣ правильнаго, постепеннаго развитія. Они вѣчно готовы признать, что цепь событій въ природѣ — порвана.

Я ннннню целью исправить часть подобныхъ заблужденій и увеличить

такимъ-образомъ возможность наслажденія природою. Потребность благоуханнаго наслажденія, основаннаго на болѣе-глубокомъ взглядѣ на сущность природы, признаваема всеми. Нашъ вѣкъ стремится украсить жизнь возможно-большимъ богатствомъ идей.

Нѣчего бояться, что при изученіи сущности силъ, природа утратитъ прелесть своей таинственности и величія. Конечно, силы являются магическими тогда только, когда дѣйствуютъ въ извѣстныхъ условіяхъ. Воображеніе наблюдателя, определяющаго гелиострой или прилагательнымъ двойнымъ сланцемъ диаметры планетъ, измѣряющаго въ продолженіи многихъ лѣтъ возвышеніе надъ меридіаномъ одной и той же звезды, разглядывающаго телескопическія кометы среди густо-солнечныхъ туманныхъ пятенъ, — воображеніе его разлагается на сильнѣе фантазіи ботаника, считающаго вырѣзки чашечки, тычинки и пестика цвѣтка. Но тщательное наблюденіе отдѣльнаго притомляетъ къ высшему познанію міровыхъ законовъ. Для физика, измѣряющаго неровныя потоки уничтожающихся или усиливающихъ другъ друга световыхъ волнъ, — для астронома, наблюдающаго спутниковъ Урана на крайней линіи нашей солнечной системы, или разлагающаго светлыя точки на цвѣтныя двойныя звезды, — для ботаника, высматривающаго кружащееся движеніе соковыхъ шариковъ почти во всѣхъ растительныхъ клеточкахъ, — для всѣхъ, для нихъ, конечно, въ пространствѣ неба и на поверхности земли больше великаго, нежели для наблюдателя, незнакомаго съ связью окружающихъ его явленій.

Одностороннее обрѣзываніе физическихъ наукъ могло, конечно, породить предубѣжденіе, что будто наука и знаніе убиваютъ воображеніе и лишаютъ наслажденія природою. Кто и теперь еще не освобождается отъ этого предразсудка, тотъ отсталъ отъ общаго хода образованія и не понимаетъ наслажденія духа, свободащаго разнообразіе въ единство.

Къ этому опасенію присоединяется еще и другое: не всѣмъ въ одинаковой степени доступно знаніе, масса фактовъ. Конечно, чѣмъ глубже роется въ дивной ткани живыхъ силъ, тѣмъ больше открываются передъ собою новыхъ лабиринтовъ. Но эта-то безконечность неизлѣдимыхъ путей и пробуждаетъ на всѣхъ ступеняхъ знанія радостное изумленіе. Каждый узанный законъ природы пробуждаетъ догадку о высшемъ, еще неизвѣстномъ. Чѣмъ дальше проникаютъ путешественники въ неизвѣстныя страны, чѣмъ больше совершенствуются микроскопы и сравненіе живыхъ организмовъ съ вымершими, тѣмъ шире раздвигается кругъ органическихъ типовъ. Въ разнообразіи и періодическомъ измѣненіи образовъ жизни безконечно возобновляется первичная тайна всякаго образопріятія (*Gestaltung*). Съ знаніемъ растетъ чувство неизбѣжности жизни природы; чувствуешь, что на землѣ и въ воздухѣ, въ глубинѣ океана и въ вышнихъ небесахъ для смѣлаго испытанія и черезъ тысячу лѣтъ не будетъ недостатка въ пространствѣ.

Общія взгляды на міровданіе не только привлекательнѣе спеціальнаго изученія, но и удобнѣе для тѣхъ, кто не можетъ удалять для удобныхъ занятій много времени. Естественныя науки хороши болѣею частью только для человека въ извѣстномъ положеніи; имѣ

иногда наслаждаться не всегда и не везде. Въ холодномъ климатѣ мы надолго бываемъ лишены созерцанія тѣхъ природы.

Какъ всеобщая исторія разрѣшаетъ много загадокъ въ судьбѣ народа; объясняя истинную связь событій, — такъ точно и физическое изреченіе уничтожитъ кажущееся противорѣчіе между различными силами природы, если будетъ умно изложено на основаніи точнаго знанія. Общія взгляды возвышаютъ понятіе о величіи природы. Они очищаютъ и усовершенствуютъ душу, приравнивая, такъ сказать, борьбу стихій всеобщимъ законамъ. Они приучаютъ насъ смотреть на каждый организмъ, какъ на часть цѣлаго; расширяютъ наше духовное существованіе, сближаютъ насъ съ странами, отъ которыхъ мы отдалены цѣлымъ шаромъ планеты, даютъ средство быстро угадывать связь между результатами новѣйшихъ наблюденій и давно-извѣстными явленіями.

Кто можетъ, на-примѣръ, безъ общихъ свѣдѣній объ обыкновенномъ пути кометы понять, какъ богато благодѣяніями открытіе Энке, по которому комета, никогда невыходящая на эллиптическомъ пути споемъ изъ нашей солнечной системы, доказываетъ присутствіе жидкости, противооборотившей силу ея движенія? При быстро-распространяющемся образованіи, переносящемъ результаты науки во вседневную жизнь въ искаженномъ видѣ, старинный страхъ столкновенія небесныхъ тѣлъ, или измѣненія климатовъ отъ космическихъ причинъ принимаетъ еще-болѣе обмраченный образъ. Ясный взглядъ на природу охранитъ отъ притязаній догматизирующей фантазіи. Онъ покажетъ, что комета Энке, совершающая путь свой въ 1200 дней, безвредна для обитающей земли по причинѣ формы и положенія ея орбиты, — безвредна такъ же, какъ и семидесяти-шести лѣтняя комета Галлея, являвшаяся въ 1780 и 1835 году; что комета Биля, совершающая путь свой въ шесть лѣтъ, проходитъ, конечно, черезъ орбиту земли, но можетъ подойти къ намъ близко только тогда, когда ея перигелий совпадаетъ съ перигелиемъ земнаго солнцестоянія.

Возмущеніе теплоты, получаемое какимъ-нибудь небеснымъ тѣломъ, и отъ распредѣленія котораго зависятъ метеорологическіе процессы атмосферы, уменьшается свѣторазвѣивающею силою солнца и относительнымъ положеніемъ его къ планетѣ; но періодическія измѣненія въ орбитѣ земли и наклоненіи эклиптики, зависящія отъ общихъ законовъ тяготѣнія, такъ медленны и заключены въ столь тѣсныхъ границахъ, что слѣдствія ихъ едва развѣ черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ сделаются ощутительны для нашихъ теплоизмѣряющихъ инструментовъ. Следовательно, космическія причины уменьшенія температуры, убыванія воды и влажности, совершенно вне области истиннаго знанія.

Замѣстную еще нѣсколько примѣровъ изъ физической астрономіи, доказывающихъ, что безъ общихъ познаній многое не представляетъ собою ничего интереснаго; таковы, на-примѣръ, эллиптическое движеніе многихъ тѣлъ въ разноцвѣтныхъ двойныхъ звѣздахъ одной около другой, или, въ противоположность, около общей точки ихъ тяготѣнія; періодическая радкость со звѣздныхъ потоковъ; правильное появленіе безчисленнаго множества кометъ, подобно планетамъ и

пересекающихъ земной путь 12 или 13 ноября и, какъ узнали позже и 10 или 11 августа.

Точно также, только общіе взгляды могутъ пробудить догадку о связи между теоріею качанія маятника въ средѣ воздуха и внутренней плотностью нашей планеты; между образованіемъ зернистыхъ горныхъ породъ въ потокахъ лавы, на склонахъ дѣйствующихъ еще вулкановъ, эпидогенными массами гранита, порфира и серпентина, выдвинутымъ изъ надръ земли сквозь наносныя горы; между возникающими островами и кеглевидными горами, и возвышеніемъ цѣлыхъ горныхъ хребтовъ и материковъ. Такое вытѣсненіе къ верху зернистыхъ горныхъ массъ и наносныхъ слоевъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что окаменѣлыя морскія раковины, собранныя мною вмѣстѣ съ Бопланомъ на Андахъ, на высотѣ 14,000 футовъ, внесены сюда не всеобщимъ потокомъ, но силою дѣйствующихъ вверху вулкановъ.

Вулканизмомъ же въ обширѣйшемъ смыслѣ называю я реакціи внутренней планеты на ея кору. Кому неизвѣстны опыты надъ увеличеніемъ теплоты при углубленіи въ землю (опыты, основанныя на которыхъ знаменитые физики предполагаютъ, что въ глубинахъ географическихъ миль жаръ доходитъ до степени расплавленія гранита), для того останутся непонятными многія новѣйшія наблюденія надъ одновременными изверженіями вулкановъ, удаленныхъ другъ отъ друга на большое разстояніе,—надъ границами круга земнаго колеблемого при землетрясеніяхъ, надъ постоянствомъ температуры въ горячихъ источникахъ, надъ разностью теплоты въ артезианскихъ колодезяхъ различной глубины. А между-тѣмъ, это знакомство съ внутренней теплотою земли бросаетъ утренній свѣтъ на исторію первыхъ временъ нашей планеты. Оно показываетъ возможность бывшаго когда-то повсемѣстнаго распространенія тропическаго климата, какъ сладкаго изливающейся теплоты пропастей на окрышѣй и окислявшейся поверхности коры планеты. Оно напоминаетъ время, когда теплота въ атмосферахъ зависѣла больше отъ этихъ изліяній, отъ реакцій внутренней поверхности, нежели отъ положенія планеты въ—отношенія къ солнцу.

Геогность открываетъ въ холодномъ поясе много произведеній тропическихъ странъ: въ горахъ угольнаго образованія стволы пальмоваго дерева, древоподобные папоротники, гониатиты и рыбы с ромбодальною чешуею; въ известковыхъ горахъ Юры остовы крокодиловъ и долгошеихъ плезиозавровъ; въ мѣлу политаламинъ; въ слополуопала сплоченныя массы ископаемыхъ инфузорій; въ нешершавыя кости гіенъ, львовъ и слоноподобныхъ толстокожихъ. При полномъ знаніи другихъ явленій природы, эти остатки пробуждаютъ въ насъ не только любопытство, но и многостороннія размышленія.

При такомъ разнообразіи предметовъ, самъ собою представляется вопросъ: могутъ ли общіе взгляды на природу достигнуть известности безъ глубокаго изученія отдѣльныхъ наукъ—естествоиспанія физики, математической астрономіи? Здѣсь должно тщательно отличать положеніе учителя, берущаго на себя выборъ и изложеніе результатовъ отъ ученика, получающаго готовые данныя. Для перваго, точнаѣе

паніе частностей безусловно-необходимо. Безъ спеціальныхъ предвѣтельныхъ познаній нельзя, можетъ-быть, совершенно уяснить всего круга проблемъ, разрѣшеніе которыхъ придастъ столько занимательно-и физическому міроописанію; но большая часть вопросовъ можетъ быть удовлетворительно изложена и безъ этого. Если и не вся отдѣльная часть великой картины природы могутъ быть изображены въ разныхъ очеркахъ, то все же эта картина будетъ столько важна и занимательна, что обогатитъ духъ идеями и оплодотворитъ фантазію.

Ученые сочиненія нашей литературы, можетъ-быть, не совсемъ духомъ уверка въ томъ, что они мало отдѣляютъ общее отъ частнаго. Величайшій поэтъ нашего времени, Гёте, сказалъ даже: «Нѣмцы дарены способностью дѣлать науки недоступными». Показателемъ стоитъ упомянуть, зданія не видно. Кто усомнится, что физическій законъ изпределенія массъ материковъ, оканчивающихся на югъ пирамиально и раздвинутыхъ на сѣверъ въ ширину, можетъ быть понятъ и безъ—нельзя—яснѣе безъ геодезическихъ измѣреній и астрономическихъ предѣленій прибрежныхъ массъ? Такъ точно физическое міроописаніе оказывается, на сколько ось экватора нашей планеты длиннѣе оси полюсовъ, и что южное полушаріе не плоче сѣвернаго. Рассказывать с, какими путями дошли до этого знанія, нѣтъ необходимости.

У Французовъ есть безсмертное твореніе: *Изложеніе системы міра*, апласъ; въ немъ изложены результаты глубокихъ математико-астрономическихъ изысканій протекшихъ столѣтій, отдѣльно отъ всѣхъ истинностей. Строепіе неба является здѣсь простымъ рѣшеніемъ великой проблемы механики, а,—конечно, никто не обвинитъ этого творенія въ неосновательности. Отдѣленіе общаго отъ частнаго даетъ естественнѣе величественный, важный характеръ. Взоръ, какъ съ возвышенной точки, разомъ обнимаетъ огромныя массы. Намъ восхитаетъ, что мы схватываемъ умомъ то, что ускользаетъ отъ чувствъ. Чѣмъ болѣе будутъ разработаны отдѣльныя части естествознанія, тѣмъ легче и кратче будетъ изложеніе общихъ результатовъ.

Чѣмъ глубже проникаешь въ сущность силъ природы, тѣмъ яснѣе и больше связь явленій, тѣмъ возможнѣе простота и краткость изложенія. Когда факты не въ связи, даже противорѣчатъ другъ другу,—вѣрный изнанъ, что наука предстонтъ еще много открытій. Въ такомъ положеніи находятся теперь метеорологія и особенно оптика; кругъ открытій еще не совершенъ, хотя въ вольтовомъ столбѣ и высказалось извѣстное соединеніе электрическихъ, магнетическихъ и химическихъ явленій. Кто поручится, что даже число живыхъ, действующихъ въ еленной силъ намъ извѣстно?

Въ моемъ воззрѣніи на наукообразное изложеніе общаго міроописанія, нѣтъ и речи о единствѣ, выведенномъ изъ немногихъ, разумомъ данныхъ началъ. То, что я называю физическимъ міроописаніемъ, не имѣетъ притязанія на *раціональную науку природы*: оно просто умствущее созерцаніе данныхъ опытностью явленій, какъ единого цѣлаго. Единство, котораго можетъ достигнуть физическое міроописаніе,—какъ его понимаю,—есть только единство, какое можетъ быть въ истори-



чексомъ изображеніи. Частности дѣйствительности, все, что принадлежитъ къ области измѣчивости и реальной случайности, не можетъ быть выведено изъ понятій: Міроописание и всеобщая исторія стоятъ въ одной стѣпени эмпиризма. Но выслающее изученіе ихъ послалетъ въ насъ вѣрованіе въ древнюю внутреннюю необходимость, управляющую всѣмъ измѣчивымъ. Оно ведетъ насъ къ ясности и простотѣ взглядовъ, къ открытію законовъ, которыхъ въ *опытныхъ наукахъ* являютя прѣдметъ цѣлью человѣческихъ изысканій.

Изученіе каждой новой науки похоже на путешествіе въ дальнюю страну. Невольно спрашиваешь: возможно ли оно? Недовѣрчиво осматриваешь на спутниковъ, на собственные силы. Но вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, уменьшаетъ трудность предпріятія. Меня оушешелетъ цѣлѣе состояніе естественныхъ наукъ, богатыхъ уже не массою, но связью наблюденій. Общія результаты удивительно умножились съ конца XVIII столѣтія. Факты не стоятъ уже отдѣльно; пропасть, которыми раздѣлялись существа, наполнились. Что было необъяснимо среди тѣснаго круга, вблизи насъ, то объяснено наблюденіями путниковъ въ дальнихъ странахъ. Формы растений и животныхъ, долго стоявшія отдѣльно, вступаютъ въ общую связь посредствомъ вновь-открытыхъ переходныхъ формъ. Испытующій духъ во всемъ видитъ сцѣпленіе. Исторіалы всеобщаго земледованія накопились не случайно. Въ насъ уже повали, что факты только тогда могутъ принести плодъ, когда путешественники знаютъ современное состояніе и потребности науки, область которой хотятъ распространить, когда идея, то-есть, проникновеніе въ духъ природы, разумно руководствуютъ наблюденіи и собраніе фактовъ.

Такое направленіе въ изученіи природы, счастливое стремленіе къ общимъ результатамъ, можетъ сдѣлать значительную часть естествознанія общимъ достояніемъ образованной части людей; можетъ породить основательное знаніе, совершенно отличное отъ того, что до конца прошедшаго столѣтія разумѣли подъ именемъ *популярнаго знанія*. Кто можетъ иногда выступить изъ тѣсныхъ границъ гражданской жизни, тотъ найдетъ въ преобразеніи великой и свободной жизни природы одну изъ благороднѣйшихъ наслажденій, какое только можетъ доставить чело-вѣку возвышенная дѣятельность разума. Изученіе общаго естествознанія какъ-будто пробуждаетъ въ насъ догдо-спавшіе органы. Мы вступаемъ въ тѣснѣйшія сношенія съ великимъ міромъ, не остаемъ равнодушны къ тому, что обозначаетъ въ одно время и индустриальное движеніе и умственное облагораживаніе чело-вѣчества.

Чѣмъ яснѣе видимъ мы связь явленій, тѣмъ легче освобождаемся отъ ложной мысли, будто не вся части естествознанія равно важны для образованности и блага народовъ. Въ наблюденіи отдѣльнаго сдѣлалъ издѣнія часто скрывается зародышъ великихъ открытій. Когда Гальвани рѣдиржалъ чувствительное нервное волокно прикосновеніемъ разнородныхъ металловъ, современники его не могли предъвидѣть, что вѣтричество вольтова столба отиростъ въ щелочахъ среброблестящіе, плавающіе на водѣ, легко-воспламенимые металлы, что самый отодъ сдѣлаетя вакъ-

использовать инструментомъ для разлагающей химіи, термоскопомъ и магнитомъ. Когда Гюйгенсъ началъ разсѣдывать свѣтотѣныя явленія двойнаго шарики, шарики и не предчувствовалъ, что; благодаря дивному остроумію одного изъ современныхъ найтъ физиковъ, двѣтѣныя явленія поляризаціи доведены будутъ до того; что посредствомъ маленькаго кусочка минерала можно будетъ узнать, истекаетъ ли свѣтъ солнца изъ твердой массы или изъ газообразной оболочки, свѣтитъ ли кометы сама-тобою или отражаютъ чужой свѣтъ.

Равно уваженіе ко всему частнымъ естествознанію есть въ общенности потребность настоящаго времени; когда матеріальное богатство и благосостояніе народовъ основаны на умѣнны пользоваться произведеніями и силами природы. Стоитъ только саска взглянуть на современное состояніе Европы, чтобы сказать о государствахъ то же, что Гете сказалъ о природѣ: «среди вѣчнаго движенія и производительности (im Werden) есть для насъ неизмѣнность, и проклятіе тяготѣетъ надъ неподвижностью». Человекъ не можетъ дѣйствовать на природу, не можетъ пренебрегать себѣ ея силы, если не узнаетъ, не измырять и не изчислить ея заповѣди. Знаніе—отрадный удыль и право человечества; оно есть часть народнаго богатства, часть вознагражденія за блага, которыми скупъ надѣлила народъ природа. Нація, отставшая въ общей индустриальной дѣятельности, неминуемо падаетъ въ своемъ благосостояніи, тѣмъ болѣе; если сосѣднія государства идутъ впередъ съ научно-обновляющею промышленною силою.

Желаніе оживить промышленность и любовь къ тѣмъ частямъ естествознанія, которыя дѣйствуютъ на нее непосредственно, не можетъ повредить возмѣсканіямъ въ области философіи, древностей и исторіи, не можетъ лишитъ изящныя искусства животворнаго дыханія фантазіи. Гдѣ только защитю мудрыхъ законовъ и свободныхъ учрежденій развиваются все цвѣты образованности, тѣмъ живаное стремленіе духа не повредитъ другому въ мирной борьбѣ. Каждое приводитъ государству свои плоды: одно даетъ ему пищу, другое созданія искусства и славу въ звѣздахъ отдаленныхъ.

Какъ въ высшемъ кругѣ идей и чувствъ, въ изученіи исторіи, философіи и краснорѣчія, такъ и во всѣхъ частяхъ естествознанія, возвышеннѣйшая цель духовной дѣятельности—внутренняя: открытіе законовъ природы, систематической связи произведеній, необходимаго сѣпленія всего измѣняющагося во вселенной. Что изъ этого знанія переходитъ въ промышленную жизнь народовъ, то происходитъ изъ счастливаго штенія человеческихъ дѣлъ; истинное, великое, прекрасное всегда соединяется съ полезнымъ. Усовершенствованіе земледѣлія, производствіе мануфактуръ, усиленіе торговыхъ сношеній и свободное движеніе иностранной образованности и гражданскихъ учрежденій состоятъ въ борьбѣ съ другимъ въ неравной сивни.

Я долженъ былъ только слегка коснуться этого вліянія естествознанія. Предстоящій намъ путь неизмыримъ, и я не намѣренъ нарочно отчуждаться отъ главной цели—взгляда на единство природы. Привыкнувъ къ чуждымъ странствованіямъ, я и безъ того изобразилъ, можетъ-быть, нѣмнѣ

спутникамъ дорогу глаза и пріятнее, нежели какъ она окажется. Тамъ поступаютъ тѣ, которые хотятъ заманить другаго на вершину горы. Они перевозносятъ видъ, хотя цѣлыя части его закрыты туманомъ. Они знаютъ, что и въ этомъ туманѣ есть тайное очарованіе, что неясная мѣла вызываетъ впечатлѣніе чувственно-безконечнаго. Даже на высокой точкѣ основаннаго на опытности міросозерцанія нельзя удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Въ знаніи природы, современное состояніе котораго я намеренъ изобразить, многое не имѣетъ еще границъ определенныхъ.

Цѣлью этого предварительнаго чтенія было не столько доказать важность естествознанія, сколько объяснить, что этому стремленію можно указать высшую точку, безъ вреда для основательнаго изученія частныхъ наукъ; точку, на которой всѣ образы и силы являются однимъ оживленнымъ внутреннимъ движеніемъ. Природа не мертвый аттрактъ. Худо определенное до-сихъ-поръ понятіе *физическаго землекопсиса* переходитъ, при увеличенномъ созерцаніи, обнимая собою все соединенное на землѣ и на небѣ, въ *физическое міроописаніе*. Но міроописаніе, или ученіе о космосѣ, какъ я его понимаю, не есть эмпирическое собраніе общихъ и важнѣйшихъ результатовъ. Эти результаты составляютъ только матеріалъ; географія растений и животныхъ столько же различна отъ описательной ботаники и зоологій, сколько геогностическое познаніе землѣ отъ орктогнозій. Физическое міроописаніе не должно быть, следовательно, смѣшиваемо съ такъ-называемою *эмпирикою естественныхъ наукъ*. Въ ученіи о космосѣ, отдаленное рассматривается только въ-отношеніи къ общему, и чѣмъ выше эта точка зрѣнія, тѣмъ живѣе и самостоятельнѣе можетъ быть изложеніе самого ученія. Мысли и языкъ тѣсно между собою связаны. Если языкъ дѣлаетъ ясность и прелесть изложенію, если, по внутреннему строенію своему, онъ способствуетъ разному очертанію *общности міросозерцанія*, то въ то же время онъ почти-всѣмѣрно оживляется и оплодотворяетъ мысли. Потому то слово— больше, нежели знакъ и форма.

#### ГРАНИЦЫ И НАУКООБРАЗНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ФИЗИЧЕСКАГО МІРООПИСАНІЯ.

Въ общихъ предварительныхъ размышленіяхъ я старался показать какъ наслажденіе природою можетъ быть возвышено яснымъ взглядомъ на связь явленій, на гармонію оживляющихъ силъ. Теперь постараюсь ближе объяснить духъ и путеводную идею предлагающихъ ученыхъ изъясненій, тщательно отдалить все постороннее и передать въ краткомъ очеркѣ содержаніе *ученія о космосѣ*. Надѣюсь, это оправдаетъ неслѣдственное заглавіе моей книги.

Прологомъ обнимають, въ четырехъ отдѣлахъ:

1) Понятіе и границы физическаго міроописанія, какъ особеннаго ученія.

2) Объективное содержаніе, реальній, эмпирической взглядъ на общность природы, въ научнообразной формѣ картины природы.

3) Рефлексъ природы на воображеніе и чувство, какъ побудительную причину къ изученію природы въ одушевленныхъ разсказахъ о далекихъ странахъ и природоописательной поэзіи, — въ обогороженной ландшафтной живописи, разводеніи и группировкѣ экзотическихъ растений.

4) Исторію міросозерцанія, т. е. постепенное развитіе и расширеніе понятія о космосѣ, какъ о природѣ въ смыслѣ ціалаго.

Чѣмъ выше точка зрѣнія, съ которой наблюдаются явленія природы въ этомъ сочиненіи, тѣмъ определеннѣе должна быть ограничена и отделена отъ всѣхъ родственныхъ ученій наука, которой мы хотимъ положить основаніе. Физическое міроописаніе есть созерцаніе всего созданнаго, всего сущаго въ пространствѣ (предметовъ и силъ), какъ единаго ціалаго. Для человека, жителя земли, она распадается на двѣ главныя части: *теллурическую* и *сидерическую*. Чтобы установить научнообразную самостоятельность физическаго міроописанія и определить отношенія его къ другимъ областямъ знанія, къ физикѣ, естественной исторіи, географіи и сравнительной географіи, — остановимся сначала на *теллурической* (земной) ея части. Эта часть не есть энциклопедическій агрегатъ упомянутыхъ нами естественныхъ наукъ. Путаница въ разграниченіи между собою столь родственныхъ наукъ тѣмъ больше, что издавна привыкли обозначать группы опытныхъ знаній именами, значеніе которыхъ для нихъ то слишкомъ-точно, то слишкомъ-обширно. Названія антропологіи, физиологіи, естественной исторіи, геогнозіи и географіи вошли во всеобщее употребленіе, когда самыя предметы этихъ наукъ еще не были ясно разграничены. На языкѣ одного изъ образованнѣйшихъ народовъ Европы физику едва-ли даже можно отдѣлать отъ медицины.

Многіе старались замѣнить старыя названія новыми, но безуспѣшно. Неудачный выборъ греческой номенклатуры повредилъ дѣлу, можетъ-быть, еще больше, нежели многочисленное разъясленіе группъ.

Физическое міроописаніе, обнимая міръ, какъ «предметъ внѣшняго чувства», конечно нуждается въ физикѣ и естественной исторіи, какъ вспомогательныхъ наукахъ. Но разсматриваніе вещественныхъ предметовъ, какъ единаго ціалаго, имѣетъ свой самобытный характеръ. Физика извѣстна только общихъ свойствъ тѣлъ; уже Аристотель изображаетъ всѣ явленія природы какъ движущую жизненную дѣятельность всеобщей міровой силы. Теллурическая часть физическаго міроописанія, которой ототно оставляю ея прежнее выразительное названіе *физическаго землекопанія*, показываетъ распределеніе магнетизма по нашей планетѣ, въ отношеніи къ его силѣ (*Intensität*) и направленію. Физическое міроописаніе широкими чертами изображаетъ части материковъ и распределеніе массъ ихъ по обоямъ полушаріямъ, — распределеніе, имѣющее вліяніе на различіе климатовъ и важнѣйшіе метеорологическіе процессы въ атмосферѣ; оно свѣтуетъ господствующій характеръ протяженія горъ,

отъединяетъ среднее возмущеніе материковъ надъ теперешнимъ уровнемъ моря или центръ тяжести ихъ массы, отношеніе высочайшихъ горныхъ вершинъ къ ихъ хребтамъ, къ близости моря или къ частямъ горныхъ породъ; показываетъ, какъ возстали или выдвинулись эти горныя массы, рассматриваетъ линейную связь или отдаленность зонкановъ, ихъ относительную силу и границы преобладающаго или вторгшійся, которая расширяются и сгущаются въ продолженіи столетій. Она показываетъ общія свойства всѣхъ большихъ рѣкъ въ ихъ верховьяхъ, нижнемъ теченіи и бифуркацію ихъ въ обихъ частяхъ теченія; показываетъ, какъ она то прорезываютъ горныя хребты подъ прямымъ угломъ, то текутъ съ ними параллельно.

Къ ограничиваемой мною здѣсь наука принадлежатъ только главные результаты *сравнительной орографіи* и *идрографіи*. Исчисленіе однородныхъ или очень-близкихъ другъ къ другу отношеній въ природѣ и общій обзоръ теллурическихъ явленій относительно распределенія ихъ въ пространство не должно смѣшиваться съ разсматриваніемъ отдельныхъ предметовъ въ природѣ.

Спеціальное описаніе земель, конечно, лучший матеріалъ для физической географіи; но рядъ такихъ описаній никогда не составятъ характеристической картины земли, какъ цѣлаго. Указать на общее въ частностяхъ органическаго образованія, открыть нумерическіе законы, показать въ какомъ полѣ каждая изъ главнѣйшихъ формъ достигаетъ наибольшаго числа своихъ породъ и высшаго органическаго развитія есть дѣло размышляющаго ума.

Систематическія описанія органическихъ формъ представляютъ намъ новую дѣль, основанную на внутреннемъ строеніи или постепенномъ развитіи предметовъ, а не группировку ихъ въ пространство, т. е. по широтѣ земли, относительно возвышенія надъ моремъ или вліянію температуры. Крайняя же цель физическаго землеописанія есть, какъ мы уже сказали выше, познаніе единства въ многообразіи, общей внутренней связи теллурическихъ явленій. О частностяхъ упоминается только тамъ, гдѣ ясны органическія дѣйствія должны согласиться съ *морфологическими распределеніями*. Съ этой точки зрѣнія сумма живыхъ организмовъ выстѣпаетъ больше по *полюсамъ земли*, нежели по внутреннему разстоянію. *Естественный порядокъ животныхъ и растений* принимается уже какъ ядро *ландшафта* и *эрологія*. Тогда задача физическаго географіи состоитъ въ томъ, чтобы передать ганистическія географическія отношенія разнообразныхъ формъ, разсѣянныхъ по поверхности земли; показать, какъ организмы составляютъ одно теллурическое дѣйствіе; какъ напечатлѣны они дыханіемъ атмосферы и, въ смѣри на предвѣстность своей массы, вѣшаютъ вліяніе на жизнь земной коры.

Всѣхъ способъ изложенія дается еще проще, будучи предметъ географическаго описанія «Космоса», къ физическому описанію пространства *земли и небесныхъ телъ*. Отдѣлы науки есть химія, то-есть общее разсматриваніе матеріи, силъ и движенія отъ разсматриванія различныхъ



въ міръ отвлеченій и въ неизмѣримую полноту составовъ органическихъ формъ.

Во многихъ сочиненіяхъ о физической географіи астрономическая часть служитъ введеніемъ; земля разсматривается предварительно въ ея планетной зависимости, въ-отношеніи къ солнечной системѣ. Я избралъ совершенно-обратный путь. Въ міроописаніи астрономическая часть, названная у Канта естественною исторіею неба, не должна быть подчинена теллурической. Солнце въ космосъ, по выраженію древняго копскавца Аристарха-Самосскаго, есть звезда среди безчисленнаго множества звездъ. Общій взглядъ на міръ должно начать съ тѣхъ, наполняющихъ вселенную, съ графическаго очерка міроустройства. Если, не смотря на малую величину нашей планеты, теллурическая часть занимаетъ въ міроописаніи большія мѣста и, обработана подробно, это только потому, что массы знаній и доступныхъ эмпирич. предметовъ очень-не равны. Подчиненіе уранографической части встрѣчается уже у географа Боригарда Варенія, въ половинѣ XVII столѣтія. Онъ очень-остроумно раздѣляетъ землеописаніе на общее и частное, и первое снитъ въ частное теллурическое и планетарное, смотря по тому, разсматривается ли отишеніе земной поверхности въ различныхъ поясахъ, или отишеніе планеты къ солнцу и лунѣ. Сочиненіе Варенія замѣчательно уже потому, что обратило на себя вниманіе Ньютона; но, при плохомъ состояніи вспомогательныхъ наукъ, исполненіе не могло соответствовать огромности предпріятія. Только въ наше время сравнительная географія явилась обработанною въ обширнѣйшемъ объемѣ, въ рефлексъ ея на исторію челоучества (\*).

Исчисленіе лучей, сходящихся въ общемъ естествознаніи, какъ въ фокусъ, можетъ оправдать заглавіе моего сочиненія, которое, можетъ быть, смѣлѣе самого предпріятія. Въ специальныхъ ученіяхъ я избралъ по-возможности новыхъ названій. Употребленное мною здѣсь слово «физическое міроописаніе» составлено по давно употребляемому: «физическое землеописаніе». Обширность содержанія требуетъ новаго слова. Хотя въ обыкновенной рѣчи понятія *земли* и *міра* часто смѣшиваются, но наука каждый чувствуетъ, что они должны быть различаемы. Для болѣе ясности я поставилъ въ началѣ заглавія слово *Космосъ*, означавшее первоначально, во время Гомера, *украшеніе* и *порядокъ*, а послѣдствіемъ сдѣлавшееся философскимъ терминомъ, обозначающимъ *блгоустройство міра*.

При трудности открыть законъ и порядокъ въ измѣчивости земныхъ явленій, духъ челоуческой преимущественно обращался къ гармоническому движенію небесныхъ тѣлъ. По свидѣтельству Филолая и въ древности, Пифагоръ впервые употребилъ слово «космосъ» для означенія *порядка въ мірѣ, міра и вселенной* (небеснаго пространства). Не для

(\* ) Karl Ritter's Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie.

го упоминать здесь, что то же самое слово, во пнеагеронскому воззрѣнію, было употребляемо иногда и во множественномъ числѣ, обозначая собою отдѣльныя небесныя тѣла (планеты) или группы звездъ. Въ семъ очеркѣ слово «космосъ» означаетъ небо и землю, весь тѣлесный міръ.

Какъ физическая исторія міра, въ обширѣйшемъ значеніи слова, должна бы изобразить замѣненія космоса въ теченіи времени отъ новыхъ, внезапно засверкавшихъ на тверди звездъ, до тончайшей растительной ткани, постепенно покрывающей голую охлаждавшую земную кору, или выступившій изъ моря кораллъ, такъ физическое міроописаніе изображаетъ все сущее въ пространствахъ, современное дѣйствіе мировыхъ силъ, и образы, созданныя этими силами. Но существующее нельзя отрешить отъ образующагося (*das im Werden begriffene*), разпадающагося; не только все органическое безпрестанно развивается и уничтожается, то-есть находится въ вѣчномъ внутреннемъ движеніи, но и вся жизнь земли, на каждой точкѣ своего пребыванія, говоритъ о прошедшемъ, такъ-сказать, пройденномъ ею, востолкіи. Тамъ, на-примѣръ, улегшіеся другъ на другъ слои камня, изъ которыхъ состоитъ большая часть земной коры, содержатъ въ себѣ слѣды почти совершенно-погибшаго созданія; взоръ наблюдателя видитъ въ нихъ фауны и флоры минувшихъ тысячелѣтій. Въ этомъ смыслѣ, міроописаніе нельзя совершенно отдѣлать отъ исторіи міра. Геоогность не можетъ понять настоящее безъ прошедшаго. Это отраженіе прошедшаго въ настоящемъ тамъ яснѣе, что предъ нашими же глазами образуются аналогическія произведенія.

Сущее можно понять во всемъ его объемѣ только прослѣдивъ степени его развитія. О первоначальномъ единствѣ этихъ двухъ воззрѣній свидѣтельствуетъ употребленіе слова: исторія, въ классической древности. Въ зоологическихъ твореніяхъ Аристотеля, исторія значить повѣствованіе о дознанномъ, чувственно-воспріятомъ. Физическое міроописаніе Плинія-Старшаго названо *historia naturalis*. Первые историки классической древности мало еще различаютъ землеописаніе отъ разсказа о бытіяхъ, бывшихъ въ этихъ земляхъ.

Схватить многообразіе явленій космоса въ единствѣ мысли, въ формѣ есте-раціональной связи, невозможно при нынѣшнемъ состояніи эмпирическаго знанія. Опытныя науки никогда не могутъ быть окончены; число явленій, доступныхъ чувствамъ, неисчерпаемо. Человѣчеству никогда не будетъ дано объять все феномены. Только тамъ, гдѣ явленія можно обратить и раздѣлять на группы, узнаешь въ отдѣльныхъ однородныхъ ршпахъ присутствіе великихъ и простыхъ законовъ природы. Чемъ больше обрабатываются физическія науки, тѣмъ больше расширяются пути, въ которыхъ господствуютъ эти законы. Блестящее доказательство этого—новѣйшіе взгляды на процессы, зависящіе, какъ въ твердой массѣ земли, такъ и въ атмосферѣ, отъ электро-магнетическихъ силъ, отъ лучистой теплоты и распространенія свѣтовыхъ волнъ. Въ



обобщеніи законовъ, господствующихъ сначала только въ тѣхъ дружкахъ, въ отдѣльныхъ группахъ явленій, есть много степеней. Господство узкихъ законовъ расширяется, и идеальныя связи дѣлаются тѣснѣе, пока изысканія обрѣтаются на однородныя массы. Но въ динамическихъ законахъ недостаточно, въ-слѣдствіе внимательства специфической природы матерій, тамъ, стремясь къ единству, мы встречаемъ пропасти неизмѣраемой глубины. Тутъ проявляется дѣйствіе особаго рода силъ. Законность числовыхъ отношеній, такъ счастливыя подмеченныя новѣйшими химиками, до-сихъ-поръ еще неизмѣримо неподчинена законамъ жужь области чистой механики.

Частности, подлежащія непосредственно чувствамъ, могутъ быть логически собраны въ классы и роды. Такіе порядки, какъ часть естествоописанія, несправедливо называются *системами природы*. Конечно они облегчаютъ изученіе организмовъ и ихъ прямолинейнаго сцѣпленія; но они даютъ больше единства описанію, нежели самому познанію. Какъ въ обобщеніи законовъ природы, такъ и въ эмпирическихъ изысканіяхъ есть постепенность. Изысканіе начинается съ отдѣльнаго созерцанія. Отъ наблюденія переходятъ къ опытамъ. Узнанное посредствомъ наблюденія и опыта ведетъ къ познанію эмпирическихъ законовъ. Вотъ фазы наблюдающаго ума, различныя эпохи въ исторіи познанія природы.

Два формы отвлеченія властвуютъ надъ всюю массою знаній: *количественная*, опредѣленіе отношеній числа и величины, и *качественная* свойства творцовъ. Первая, болѣе-доступная форма, принадлежитъ математическому, вторая химическому знанію. Чтобъ подчинить явленія разсчету, матерію слагаютъ изъ атомовъ, числомъ которыхъ, формой, положеніемъ и полярностію обуславливаются явленія. Мысли о невѣсомыхъ тѣлахъ и особенныхъ жизненныхъ силахъ въ каждомъ организмѣ заставляютъ и мутятъ взглядъ на природу. Подъ столь многоразличными условіями и формами познанія тяжелая громада эмпирическаго знанія движется лѣнливо. Но умуствующій духъ стремится разрушить устарѣвшія формы.

Мы еще далеко отъ той эпохи, когда весь чувственный обзоръ можно будетъ концентрировать въ единство понятія о природѣ. Мы даже сомнѣваться, наступитъ ли когда-нибудь такая эпоха. Важныя задачи и неизмѣримость космоса почти уничтожаютъ подобную надежду. Но если недостижимо *все*, то возможно по-крайней-мѣрѣ разрѣшеніе частнаго задачи, возможно стремленіе къ *покаянью* явленій міра, вѣчная и вѣчная цѣль естествоиспытанія. Вѣрный характеру нашихъ прежнихъ трудовъ, я ограничиваюсь и въ этомъ сочиненіи *эмпирическими разсужденіями*. Такая обработка эмпирической науки, и лучше сказать, агрегата знаній, не исключаетъ распределенія дѣяній по идеямъ, обобщенія частнаго, постоянного стремленія открыть *эмпирические законы природы*: Умуствующее познаніе, разумное достиженіе

вселенной, конечно, представляло бы еще несравненно большую идею, и не-первую чуждую окружающей потому только, что успаке въх быхъ дачи-дурь сепитворекъ. Системы натуральной философии, превративъ помыслъ массамъ, удержали, хотя недолго, отъ отечественнаго поухъ отъ сараёнова и столь-близкаго материальному благосостоянію государства изученія наукъ математическихъ и физическихъ. Упомянутая почти успаха, особенный, странно-символическій языкъ, обозначали веселья и недолгія сатурналіи чисто-идеальнаго естествознанія. Но это было только злоупотребленіе умствующей силы. Опытныя познанія и развивавшая во всахъ своихъ частахъ философія природы не могутъ противорачить другъ другу, если философія природы будетъ, согласно своему общацію, разумнымъ постиженіемъ дйствительныхъ явленій во вселенной.

Пусть противопологаютъ природу области духовнаго, какъ-будто духовное не содержится въ природу; пусть противопологаютъ ее искусству въ смыслъ болъе-высокомъ, нежели общность духовной производительности человечества, — эти противоположенія не должны довести до такого отдленія физическаго отъ интеллектуальнаго, чтобъ физика міра выпала до простаго скопленія эмпирически-собранныхъ частныхъ. Наука начинается только тамъ, гдѣ духъ овладываетъ матеріаломъ. Външній же міръ существуетъ для насъ только по мъръ воспріятія его внутрь насъ. Външній міръ бессознательно для насъ сливается съ внутреннимъ человекомъ, съ мыслью и ощущеніемъ. Объективный міръ, мыслимый нами и отражающійся въ насъ, подчиненъ въчнымъ, необходимымъ, все-условливающимъ формамъ нашего духовнаго бытія. Умственная дятельность упражняется надъ принятыми посредствомъ чувствъ данными. Въ простайшемъ созерцаніи природы заключается уже побужденіе къ философскому взгляду. Это побужденіе очень-излишно, живо болъе или менъе, смотря по характеру, національной индивидуальности и степени образованія народовъ. Духъ начинаетъ свое тло, какъ только размышленіе восприняло въ себя матеріалъ чувственныхъ данныхъ.

Исторія сохранила для насъ извстія о неоднократныхъ попыткахъ постигнуть міръ физическихъ явленій въ его многообразіи, познать одну, всю вселенную проникающую и движущую мировую силу. Эти попытки восходятъ до классическихъ временъ физиологій іонической школы, въ которой, за недостаткомъ эмпирическихъ знаній, преобладало стремленіе объяснить природу изъ чистаго разума. Но чымъ болъе накоплялось матеріаловъ эмпирическаго знанія, тымъ болъе охладывало это стремленіе. Въ наше время, математическая часть натуральной философіи достигла огромнаго развитія. Методы и инструменты усовершенствованы въ одно время. Все дознанное опытомъ должно и теперь, какъ въ древности, быть общимъ достояніемъ человечества, предметомъ свободнйшей обработки философіи.

**Злоупотребленіе и ложныя направленія умственныхъ трудовъ не дол-**

жны правды къ предположенію, что будто-бы міръ нашихъ, во истину своей, есть область фантастическихъ призраковъ; что самими, какъ врагъ, угрожасть намъ-собраннымъ сокровищу эмпирически взглядовъ. Духу нашего времени не пристало отвергать каждое обобщеніе понятій, каждую на аналогіи основанную попытку глубже проникнуть въ связь явленій, какъ пустую гипотезу; не пристало осуждать разумокъ, доискивающихъ каузальной связи, или необходимое для открытій воображеніе.

---

## КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья шестая.

—

**Секюляризаціи:** Мнѣнія европейскихъ кабинетовъ при известіи о жизни-ленномъ консульствѣ. Германскія дѣла. Состояніе Германіи по люневильскому трактату. Секюляризаціи духовныхъ владѣній. Германская конституція. Мартин: протестантская и католическая; Пруссія и Австрія; нѣтъ различія притязанія. Пространство и важность территорій, подлежащихъ раздѣлу. Отчужденіе мелкихъ дворовъ отъ честолюбивъ сильныхъ. Важность перваго консула въ дѣло секюляризаціи. Посредничество Россіи. *Сополитимъ* сейма. Характеръ этой трудной negociaціи. **Разрѣвъ амьенскаго мира:** Усилія перваго консула къ восстановленію колоссальнаго величія Франціи. Духъ старинной торговли. Сен-Доминго. Возстаніе негровъ. Туссент-Дувртьюръ. Экспедиція на Сен-Доминго. Крещеніе черныхъ. Нерасположеніе Англіи къ Франціи. Важность перваго консула въ дѣла Швейцаріи. Ошибка британскаго министерства. Распуликованіе рапорта полковника Себастьяни о состояніи острова. Достопамятный разговоръ перваго консула съ лордомъ Уитвортомъ. Состояніе Французской-Республики. Рѣчь англійскаго короля. Сцена съ лордомъ Уитвортомъ. Приготовленія къ войнѣ. Разрѣвъ амьенскаго мира.

Достиженіе генераломъ Бонапартѣ верховной власти съ титуломъ конула-по-жизни не изумило и не оскорбило европейскихъ кабинетовъ. Большая часть изъ нихъ, напротивъ того, видѣла въ этомъ новыиъ залогъ спокойствія для всѣхъ державъ.

Этотъ дѣятель столькихъ волъ, этотъ творецъ столькихъ благъ сдѣлалъ новою властью при рукоплесканіяхъ цѣлаго міра. На него смотрѣли, какъ на истиннаго государя Франціи. Иностранные министры, говоря о немъ съ французскими министрами, употребляли тѣ почтительныя выраженія, которые употреблялись въ разговорахъ о самихъ короляхъ. Придворный этикетъ во Франціи былъ почти-монархическій. Все то находили простымъ, естественнымъ, необходимымъ. Въ этомъ вѣнчаніи перваго консула можно было провидѣть его честолюбіе, а въ

честолюбив — близкое унижение Европы; но только самые светлые умы могли так глубоко проникать въ будущее, а они-то лучше как и могли чувствовать всю громадность благъ, уже выполненныхъ каждымъ правительствомъ.

Въ настоящее время, вниманіе всѣхъ державъ было обращено преимущественно на германскія дѣла. Мы уже видели изъ предыдущаго, что уступка лѣваго берега Рейна Французской-Республикѣ лишила многихъ германскихъ князей ихъ государствъ, и что въ Люневиллѣ было положено вознаграждать этихъ князей чрезъ секуляризацию духовныхъ владѣній, которыми была покрыта старая Германія. Уже было время приступить къ всеобщей перестройкѣ этой огромной территоріи.

Теперь надо проникнуть въ ~~сложное~~ и трудное дѣло германскихъ вознагражденій. Это дѣло, начатое на раштадтскомъ конгрессѣ, оставленное послѣ кампо-форміоскаго мира въ-слѣдствіе умерщвленія французскихъ уполномоченныхъ и по причинѣ второй коалиціи, возобновленное послѣ люневиллскаго мира, часто-начинаемое, никогда-неоканчиваемое, это дѣло было важнымъ вопросомъ для Европы, — вопросомъ, за рѣшеніе котораго брались, не умѣя разрѣшать его. Онъ могъ бы рѣшенъ только твердою волею перваго консула, потому-что было невозможно, чтобы одной Германіи достало на такой подвигъ.

По кампо-форміоскому и люневиллскому трактатамъ, лѣвый берегъ Рейна отданъ на ответственность Франціи, отъ пункта, гдѣ она сама вышла изъ швейцарской территоріи, между Базелемъ и Гингенгофомъ, до того мѣста, гдѣ она вступаетъ на голландскую территорію, между Эмерикомъ и Нимвегеномъ. Но, чрезъ уступку этого берега Французской-Республикѣ, германскіе князья всѣхъ степеней и всѣхъ состояній, какъ насамостоятельныя, такъ и духовныя, потеряли значительныя ущербы въ территоріи и доходахъ. У Ваваріи были отняты Герцогство-Двейбрюкенское, Рейнскій-Палатинатъ, Герцогство-Юлихское: Вуртембергъ, Баденъ были лишены княжества Монбельяръ и другихъ мѣст; три духовныя курфюрста, майнцскій, триерскій и кельнскій, остались почти безъ земель; Пруссія принуждена была отказаться въ пользу Франціи отъ Герцогства-Гельдернскаго, части Клевскаго и небольшого княжества Мёрсъ, — территорій, лежащихъ по низовьямъ Рейна. Наконецъ, множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ князей и княжескихъ владѣній и своихъ пфальцскихъ земель. Сверхъ всего того, въ Италіи два эрц-герцога австрійскіе принуждены были отказаться одинъ отъ Тосканы, другой отъ Моденскаго-Герцогства. Въ Голландіи, домъ оранско-нассаускій, бывший въ свойствѣ съ прусскимъ, потерялъ штатгалтерство и довольно-большое количество собственныхъ земель и имущества.

При осуществленіи строгой справедливости, одни нѣмецкіе князья должны были получить вознагражденіе на германской территоріи. Эрц-герцоги Австріи или братья императора, уже издавна бывшіе итальянскими государями, не имѣли никакого права на полученіе вознагражденій въ Германіи. То же можно было сказать и о штатгалтерѣ. Но по трактатамъ люневиллскому, базельскому и амьенскому было положено вознаграждать

Германиа и штатгальтера и обонхъ итальянскихъ эри-герцоговъ. Германиа была богата епископскими владѣніями. Черезъ секуляризацию этихъ земель можно было отвести богатая и населенная владѣнія всѣмъ жервамъ войны.

Трудно было бы оправдать съ точностью значительность территорій, земель, доходовъ во вѣкъ германскихъ земель; многихъ подвергнуты секуляризациі. Но вестфальскому миру, многія изъ нихъ были же обращены въ евангеліа владѣнія; но и оставшіяся составляли еще очти шестую часть собственно-Германиа, какъ по пространству, такъ по народонаселенію. Дохода съ этихъ земель получалось отъ 40 до 100 милліоновъ флориновъ (100 — 120 милліоновъ франковъ). Многія изъ этихъ владѣній составляютъ нынче цвѣтушія провинціи, изъ которыхъ Пфальцъ — лучшія во всей конфедерациі. Такъ, начиная съ востока и до Германіи, встрѣчаемъ, въ Тироля, Епископства Трентское и Бриксенское, приносящіа до 900,000 флориновъ. При переходѣ изъ Тироля въ Баварію, представлялось славное Епископство-Зальцбургское, нынче не изъ важнѣйшихъ областей Австрійской-Имперіи, приносящее, по словамъ однихъ, 1,200,000 флориновъ, по словамъ другихъ, 2,700,000, бывшее родиною превосходныхъ солдатъ, такихъ же искусныхъ стрѣлковъ, какъ Тирольтцы. При входѣ въ Баварію, встрѣчалось на Лехъ епископство-Аугсбургское, на Изеръ Фрейсингенское; наконецъ, при вхожденіи Инна съ Дунаемъ, Пассауское, — всѣ три составляшіа предметъ сильной зависти со стороны Баваріи, потому-что ими она могла бы выгодно дополнить свою территорію. По ту сторону Дуная, т. е. во Франконіи, находилось богатое Епископство-Вюрцбургское, котораго епископы нѣкогда домогались титула франконскихъ герцоговъ и были къ богаты, что смогли построить въ Вюрцбургѣ дворець почти столь же прекрасный, какъ версальскій. Это владѣніе приносило дохода 1,000,000 флориновъ, а съ смежнымъ съ нимъ Епископствомъ-Бамбергскимъ болѣе 2,000,000. Этотъ выдѣлъ могъ наилучшимъ образомъ округить франконскую территорію Баваріи и вознаграждать это госуларство его огромныя потери. Пруссія завидовала этой доль, по причинѣ близости и смежности этихъ земель съ Аншпахскимъ и Байрейтскимъ архіепископствами.

Оставалась часть Архіепископствъ Майнцакаго, Трирскаго и Кельнскаго, лежавшая на правомъ берегу Рейна. Оставались частицы Майнцкаго-Курфюршества, заключенныя въ Турингіи, какъ, напр., Эрфуртъ, и Хессельская территорія; потомъ Вестфальское-Герцогство съ доходомъ 500,000 флориновъ, Епископства Падерборнское, Оснабрюкское, Гильдесгеймское и, наконецъ, обширнѣйшее изъ всѣхъ, Епископство-Мюнстерское, третье въ Германіи по величинѣ дохода, приносявшее тогда 1,000,000 флориновъ.

Если ко всѣмъ этимъ архіепископствамъ, епископствамъ и герцогствамъ, въ числѣ четырнадцати, къ этимъ остаткамъ старинныхъ духовныхъ курфюршествъ, присоединимъ обломки Епископствъ Шпейерскаго, Ринского, Страсбургскаго, Базельскаго, Констанцскаго, множество большихъ аббатствъ, наконецъ сорокъ-девятъ вольныхъ городовъ, кото-

честолюбін — близкое униженіе Европы; но только самые свѣтлыя умы могли такъ глубоко проникать въ будущее, а они-то лучше всѣхъ и могли чувствовать всю громадность благъ, уже выполненныхъ козудскимъ правительствомъ.

Въ настоящее время, вниманіе всѣхъ державъ было обращено преимущественно на германскія дѣла. Мы уже видали изъ предъидущаго, что уступка лѣваго берега Рейна Французской-Республикѣ лишила многихъ германскихъ князей ихъ государствъ, и что въ Люневиллѣ было положено вознаграждать этихъ князей чрезъ секуляризацию духовныхъ владѣній, которыми была покрыта старая Германія. Уже было время приступить къ всеобщей перестройкѣ этой огромной территоріи.

Теперь надо проникнуть въ темное и трудное дѣло германскихъ вознагражденій. Это дѣло, начатое на раштадтскомъ конгрессѣ, оставленное послѣ кампо-форміоскаго мира въ-слѣдствіе умерщвленія французскихъ уполномоченныхъ и по причинѣ второй коалиціи, возобновленное послѣ люневилльскаго мира, часто-начинаемое, никогда-неоканчиваемое, это дѣло было важнымъ вопросомъ для Европы, — вопросомъ, за рѣшеніе котораго брались, не умѣя разрѣшить его. Онъ могъ быть рѣшенъ только твердою волею перваго консула, потому-что было невозможно, чтобъ одной Германіи достало на такой подвигъ.

По кампо-форміоскому и люневилльскому трактатамъ, лѣвый берегъ Рейна отданъ въ собственность Франціи, отъ пункта, гдѣ эта рѣка выводитъ изъ швейцарской территоріи, между Базелемъ и Гуннгенгофомъ, до того мѣста, гдѣ она вступаетъ на голландскую территорію, между Эмерікомъ и Нимвегенемъ. Но, чрезъ уступку этого берега Французской-Республикѣ, германскіе князья всѣхъ степеней и всѣхъ сословій, какъ наследственные, такъ и духовные, потеряли значительныя уступки отъ территоріи и доходовъ. У Баваріи были отняты Герцогство-Пфейфурженское, Рейнскій-Палатинатъ, Герцогство-Юлихское; Вюртембергъ, Баденъ были лишены княжества Монпельяръ и другихъ владѣній; три духовные курфюрста, майнцскій, тривернскій и мейнцскій, остались почти безъ земель; Пруссія принуждена была отказаться въ пользу Франціи отъ Герцогства-Гельдернскаго, части Клевскаго и небольшого княжества Мёрсъ, — территорій, лежавшихъ по восточному берегу Рейна. Наконецъ, множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ князей лишились своихъ владѣній и своихъ имперскихъ ленъ. Сверхъ всего этого, въ Италиіи два эрц-герцога австрійскіе принуждены были отказаться одинъ отъ Тосканы, другой отъ Моденскаго-Герцогства. Въ Голландіи, домъ оранско-нассаускій, бывший въ свойствѣ съ прусскими, потерялъ штатгалтерство и довольно-большое количество собственныхъ земель и имущества.

При всемъ томъ строгой справедливости, одни нѣмецкіе князья должны были получить вознагражденіе на германской территоріи. Эрц-герцогъ Австріи или братъ императора, уже изданны бывшіе итальянскими государями, не имѣли никакого права на полученіе вознагражденій въ Германіи. То же можно было сказать и о штатгалтерѣ. Но по трактатамъ люневилльскому, базельскому и амьенскому было положено вознаграждать

въ Германіи и штатшалтера и обонъ итальянскихъ эрцгерцоговъ. Германія была богата епископскими владѣніями. Черезъ секуляризацию этихъ земель можно было отвести богатые и наследенныя владѣнія въсѣмъ жертвамъ войны.

Трудно было бы опредѣлить съ точностью значительность территорій, земель, доходовъ во всѣхъ германскихъ земляхъ, могшихъ подвергнуться секуляризациі. По восточному миру, многія изъ нихъ были уже обращены въ светскія владѣнія; но и оставшіяся составляли еще почти шестую часть собственно-Германіи, какъ по пространству, такъ и по народонаселенію. Дохода съ этихъ земель получалось отъ 40 до 50 милліоновъ флориновъ (100 — 120 милліоновъ франковъ). Многія изъ этихъ владѣній составляютъ нынѣ цветущія провинціи, изъ которыхъ выйдя — лучшія во всей конфедерациі. Такъ, начиная съ востока и юга Германія, встречаемъ, въ Тироля, Епископства Трентское и Бриксенское, приносящія до 900,000 флориновъ. При переходѣ изъ Тироля въ Баварію, представлялось славное Епископство-Зальцбургское, нынѣ одна изъ важнѣйшихъ областей Австрійской-Имперіи, приносившее, по словамъ однихъ, 1,200,000 флориновъ, по словамъ другихъ, 2,700,000, и бывшее родиною превосходныхъ солдатъ, такихъ же искусныхъ стрѣлковъ, какъ Тирольтцы. При входѣ въ Баварію, встрѣчалось на Лехъ Епископство-Аугсбургское, на Изеръ Фрейсингенское; наконецъ, при дѣланіи Инна съ Дунаемъ, Пассауское, — всѣ три составлявшія предметъ сильной зависти со стороны Баваріи, потому-что ими она могла бы выгодно дополнить свою территорію. По ту сторону Дуная, т. е. въ Франконіи, находилось богатое Епископство-Вюрцбургское, котораго епископы нѣкогда домогались титула франконскихъ герцоговъ и были такъ богаты, что смогли построить въ Вюрцбургѣ дворець почти столь же прекрасный, какъ версальскій. Это владѣніе приносило дохода 1,400,000 флориновъ, а съ смежнымъ съ нимъ Епископствомъ-Бамбергскимъ болѣе 2,000,000. Этотъ выдѣлъ могъ наилучшимъ образомъ округлять франковскую территорію Баваріи и вознаграждать это государство за его огромныя потери. Пруссія завидовала этой доль, по причинѣ снѣжности и смежности этихъ земель съ Аншпахскимъ и Байрейтскимъ Маркизатствами.

Оставалась часть Архіепископствъ Майнцскаго, Трирскаго и Кельнскаго, лежавшая на правомъ берегу Рейна. Оставались частицы Майнцскаго-Курфирства, заключенныя въ Турингіи, какъ, напр., Эрфуртъ, и эйхенфельдская территорія; потомъ Вестфальское-Герцогство съ доходомъ до 500,000 флориновъ, Епископства Падерборнское, Оснабрюкское, Гильдесгеймское и, наконецъ, обширнѣйшее изъ всѣхъ, Епископство-Мюнстерское, третье въ Германіи по величинѣ дохода, приносившее тогда 1,200,000 флориновъ.

Если ко всѣмъ этимъ архіепископствамъ, епископствамъ и герцогствамъ, въ числѣ четырнадцати, къ этимъ остаткамъ старинныхъ духовныхъ курфирствъ, присоединимъ обломки Епископствъ Шпейерскаго, Зольскаго, Страсбургскаго, Базельскаго, Констанцскаго, множество богатыхъ аббатствъ, наконецъ сорокъ-девять вольныхъ городовъ, кото-



рые положено было не секуляризировать, а прикинуть къ сослѣдственнымъ государствамъ (что тогда называлось *mediatизировать*), — то получимъ приблизительно-варное понятіе о тѣхъ земляхъ, которыми можно было располагать, чтобъ заставить святскихъ владѣтелей забыть бѣдствія войны. Надо присовокупить, что, еслибъ не шло въ прѣдѣлы вознагражденія эрц-герцоговъ и штатгалтера, которую себя тронъ требовали по-крайней-мѣрѣ четвертой части всѣхъ этихъ земель, то въ настояло бы необходимости уничтожить всѣ духовныя владѣнія и некое было бы отклонить отъ германской конституціи разрушительный ударъ, которымъ она вскорѣ поражена была.

И действительно, секуляризировать всѣ духовныя владѣнія разомъ значило глубоко потрясти эту конституцію, ибо они играли въ ней значительную роль... Здѣсь необходимы некоторые подробности для уразумѣнія этой конституціи, старѣйшей изъ всѣхъ въ Европѣ, наиболѣе-почтенной послѣ англійской, и погибавшей теперь отъ алчности самихъ нѣмецкихъ князей.

Германская-Имперія была избирательная. Хотя съ-давнихъ-поръ императорская корона не выходила изъ австрійскаго дома, необходимо было, однакожъ, чтобъ формальное избраніе, при каждой переизбраніи царствованія, возлагало ея на наследника этого дома, который, по рожденію, былъ королемъ богемскимъ, венгерскимъ, эрц-герцогомъ австрійскимъ, герцогомъ миланскимъ, каринтійскимъ, штирійскимъ, и проч., но не главою имперіи. Избраніе было производимо некогда семью, а въ эпоху, о которой говоримъ мы, восемью курфирстами. Изъ числа восьми пятеро было святскихъ и трое духовныхъ. Пятеро святскихъ были: австрійскій домъ, по Богеміи; курфирсть-палатинъ, по Баваріи и Палатинату; герцогъ саксонскій, по Саксоніи; король прусскій, по Бранденбургу; король англійскій, по Ганноверу. Трое духовныхъ курфирстовъ были: архіепископъ майнцскій, владѣвшій частью обоехъ береговъ Рейна въ окрестностяхъ Майнца, самимъ городомъ Майнцемъ и берегами Майна до Ашаффенбурга; архіепископъ трирскій, владѣвшій трирскою землею, т. е. долиною Мозеля, простиравшеюся отъ границъ старой Франціи до соединенія Мозеля съ Рейномъ у Кобленца; наконецъ, архіепископъ кельпскій, владѣвшій лѣвымъ берегомъ Рейна, отъ Бонна до Голландіи. Архіепископъ майнцскій былъ канцлеромъ конфедерации и председательствовалъ на германскомъ сеймѣ.

Эти восемь курфирстовъ назначали императорскую корону. Пятеро изъ нихъ были католики. Имперія была не только избирательная, но и представительная, если можно такъ выразиться относительно времени, веивющаго никакой аналогіи съ нашимъ. Совѣщанія о делахъ союза происходили здѣсь на общемъ сеймѣ, собиравшемся въ Регенсбургъ, подъ председательствомъ канцлера, архіепископа майнцскаго.

Этотъ сеймъ состоялъ изъ трехъ коллегій: въ каждой заседали отдѣльно курфирсты, князья и представители сорока-девяти вольныхъ городовъ, почти все-разоренныхъ и имѣвшихъ очень-мало вліянія въ совѣщательномъ правленіи маститой Германіи.

Каждая изъ этихъ коллегій подавала голосъ отдѣльно. Каждое государство, по іерархическому порядку, словесно объявляло свое мнѣніе чрезъ посредство министра. Когда коллегіи были несогласны между собою, то онѣ собирались въ конференцію, что называлось отношеніемъ (*relatio*) и соотношеніемъ (*correlatio*) коллегій. Онѣ дѣлали другъ другу кивныя уступки и оканчивали общимъ мнѣніемъ, называемымъ *consensus*.

Эти три коллегіи были не равной важности. Городовая ставилась почти ни во что. Никогда, въ средніе вѣка, когда все богатство было сосредоточено въ вольныхъ городахъ, эти города шли средство заставить выслушать себя, давая деньги, или отказывая въ нихъ. Но дѣло пришло другой видъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Кельнъ и др. были уже болѣе центрами торговаго и финансоваго могущества. Курфирсты, т. е. важнѣйшіе дома съ своими голосами въ коллегіи избирателей, съ голосами и клиентами въ коллегіи имперскихъ князей, брали верхъ при рѣшеніи всѣхъ совѣщательныхъ вопросовъ.

Независимо отъ этого главнаго правительства, въ Германіи было еще мѣстное правительство, учрежденное для охраненія частныхъ интересовъ и для общаго распорядленія повинностей конфедераціи. Это мѣстное правительство было — окружное. Вся Германія была раздѣлена на десять округовъ, изъ которыхъ послѣдній, Бургонскій, былъ только путнымъ названіемъ, потому-что заключалъ въ себя области, уже съ давнихъ поръ отошедшія отъ имперіи. Самый могущественный владѣлецъ всего округа былъ въ немъ главнымъ распорядителемъ. Онъ призывалъ на совѣщаніе владѣтельныхъ князей, которыхъ земля составляла округъ, приводилъ въ исполненіе ихъ рѣшенія и являлся на помощь государству, которымъ угрожало насиліе. Два имперскіе трибунала, одинъ въ Венцларѣ, другой въ Вьнѣ, творили судъ между этими столь различными конфедератами — королями, князьями, епископами, аббатами, республиками.

Въ этомъ видѣ, конституція была почтеннымъ намятникомъ прежнихъ вѣковъ. Секуляризація должны были произвести въ ней значительное измѣненіе. Во-первыхъ, онѣ уничтожали въ коллегіи избирателей трехъ духовныхъ курфирстовъ, а въ коллегіи имперскихъ князей значительное число католическихъ членовъ. Въ этой послѣдней коллегіи исчезало католическое большинство, потому-что князья, призванные наследовать духовные голоса, были почти все протестанты. Черезъ это наносилось глубокое потрясеніе конституціи и равновѣсію силъ. Безъ-сомнѣнія, врожденности, слѣдствіе духа вѣка, отняла отъ словъ: «партія протестантская» и «партія католическая», — ихъ бывалое религіозное значеніе; но эти слова приобрѣли чрезвычайно-важный политическій смыслъ. Партія протестантская — значило: партія прусская; партія католическая — значило: партія австрійская. Впрочемъ, эти два вліянія уже давно раздѣляли между собою Германію. Можно сказать, что Пруссія была въ имперіи лавою оппозиціи, Австрія — главою партіи правительства. Фридрихъ-Великій, возведшій Пруссію на чреду первостепенныхъ державъ чрезъ истребленіе австрійскихъ владѣній, воспламенилъ сильную ненависть между

двумя великими германскими домами. Эта неволя, на минуту угнетенная при виде французской революціи, снова возвернулась съ-за-перъ, какъ Пруссія, отдалившись отъ коалиціи, заключила миръ съ Франціею и обогатилась чрезъ свою нейтральность, между-тѣмъ, какъ Австрія встопорала свои силы къ поддержанію съобща-предприимчивой войны. Въ-особенности теперь, когда, по окончаніи войны, надо было раздѣлить владѣнія церкви, алчность обоихъ дворовъ еще болѣе усилила ихъ взаимную ненависть.

Пруссія естественно хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ смутарищій, чтобъ навсегда ослабить Австрію. Эта послѣдняя въ концѣ вѣсьмнадцатаго столѣтія, подобно тому, какъ во время тридцатилѣтней войны, какъ въ-продолженіе войнъ Карла V, была недорою партіи католической: это не значило, что, во всякомъ случаѣ, протестанты стояли за Пруссію, а католики за Австрію; напротивъ, сѣвѣдніе раздоры чѣсто нарушали эти отношенія. Такимъ образомъ, Баварія, впамятн-верженная къ католицизму, но безиреречно тревожимая видами Австріи на ея территорію, обыкновенно подавала голосъ заодно съ Пруссіей. Саксонія (\*), хотя и протестантская держава, часто дѣйствовала противъ онаеиой своей сосѣдки, Пруссія, и подавала голосъ заодно съ Австріей. Но, говоря вообще, Австрія имѣла своими кліентами королевскихъ государей, и въ-особенности духовныхъ владѣній. Естественно, Пруссія не нравилась, что эти духовныя владѣнія доставляютъ Австріи солдатъ, удѣлы для членовъ ея дома, и голоса на сеймѣ.

Однажды, дошедши до конституціональныхъ реформъ, германскіе государы были доведены еще и до другихъ измѣненій, а именно: до мысли объ уничтоженіи вольныхъ городовъ и непосредственнаго дворянства. Вольные города обязаны были своимъ происхожденіемъ императорамъ. Подобно тому, какъ французскіе короли освободили некогда общины отъ тираннн сеньйровъ, императоры давали германскимъ городамъ, образовавшимся чрезъ промышленность и торговлю, независимое существованіе, признанныя права, часто даже привилегіи. Вотъ что включило въ эту обширную германскую феодальную систему, подлѣ владѣтельныхъ служителей алтара, носившихъ на главѣ своей графскія и герцогскія короны, — демократическія республики, славныя по своимъ богатствамъ и своему духу: Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Кельнъ, въ-отношеніи искусствъ, промышленности и торговли, оказали некогда много услугъ Германіи и всему человѣчеству. Въ эти города подпали подлѣ нго мелкихъ местныхъ аристократій, и болѣшая часть ихъ была управляема самымъ жалкимъ образомъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ торговля устояла, спаслись отъ общей гибели и представляли собою даже довольно-цвѣтущія республики. Но на нихъ смотрѣли завистливымъ окомъ сосѣдніе государы, желавшіе прикинуть ихъ къ своей территоріи. Пруссія, въ-особенности, хотѣла

(\*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ эту эпоху саксонскій курфирстъ былъ и-толикъ, между-тѣмъ, какъ его государство использовало протестантство.

овладеть Нюрнбергомъ, а Баварiя Аугсбургскъ, хотя оба эти города были тогда въ сильномъ упадкѣ, сравнительно съ прежнимъ своимъ блестящимъ состоянiемъ.

Непосредственное дворянство имѣло происхожденiе довольно-сходное съ началомъ вольныхъ городовъ, ибо наименованiе его происходило отъ покровительства, оказаннаго императорами сеньерамъ, слишкомъ слабымъ для собственной защиты. Это дворянство особенно было распространено во Франконiи и Швабiи, потому-что въ эпоху истребленiя швабскаго дома, сеньеры этой страны, оставшись безъ сюзерена, отдались императору. Оно называлось *непосредственнымъ*, потому-что зависело прямо, непосредственно отъ императора, а не отъ государей, во владѣнiяхъ которыхъ лежали ихъ владѣнiя. Такое названiе давалось всякому государству, городу, жену, аббатству, прямо зависѣвшему отъ имперiи. Это непосредственное дворянство гордилась своимъ высшимъ вассальствомъ, служило въ императорскихъ армiяхъ и капеллярiяхъ и предоставляло австрийскимъ вербовщикамъ рекрутъ—народонаселенiе принадлежавшихъ имъ городовъ и селенiй.

Территориальные владѣльцы, къ какой бы партii ни принадлежали, желали присоединенiя къ своимъ владѣнiямъ и непосредственнаго дворянства и вольныхъ городовъ. Австрiя, довольно-хладнокровная къ поддержанiю вольныхъ городовъ, изъ которыхъ на нивы она имѣла выды сама, слишкомъ-горячо вступилась за поддержанiе непосредственнаго дворянства, къ которому имѣла особенную привязанность. Между-тѣмъ, говори вообще, она желала сохраненiя всего, что могло быть сохранено.

Австрiя, безъ всякихъ другихъ выдовъ, кромѣ желанiя сохранить свое влiянiе въ имперiи, защищала старинную германскую конституцiю, а съ нею и феодальныя вольности Германiи. Пруссiя, напротивъ, жаждавшая приобритенiй, желавшая присоединить къ своей территорiи и вольные города и непосредственное дворянство, дѣлалась нововводительницею по честолюбию, и стремилась къ тому, чтобъ дать Германiи формы новѣйшаго общества, т. е. начать, сама не желая и не зная того, дѣло французской революцiи въ старинной германской имперiи.

Если конституцiональные выды этихъ обѣихъ дѣржавъ были различны, то не менѣе того была различны и ихъ территориальныя притязанiя.

Пруссiя искала себя опоры во Францiи и рѣшилась связать свою политику съ политикою перваго консула.

Германскiе князья, следуя примѣру Пруссiи, прибѣгли все къ помощи Францiи. Баварiя, мучимая Австрiею, герцоги баденскiй, вюртембергскiй, гессенскiе, завидовавшiе другъ другу; мелкiе владѣтели, утрачивающiе аличностью сильныхъ; вольные города, угрожаемые присоединенiемъ; непосредственное дворянство, подверженное подобной же опасности; все великiе и малые, республики и наследственные государи, явились въ Парижъ требовать праведнаго суда у перваго консула, одни чрезъ своихъ министровъ, другiе непосредственно собственною своею особою. Бывшiй штатгальтеръ послалъ туда своего сына, принца браунскаго, бывшаго въ-послѣдствiи королемъ нидерландскимъ. Многие

другіе принцы прибыли разнымиъ образомъ въ Парижъ. Все наперомъ другъ передъ другомъ посещали этотъ Сен-Клускій-Дворецъ, гдѣ геральдъ республики былъ чествуемъ какъ король.

Страшное зрѣлище представляла тогда Европа, — зрѣлище, доказывающее измѣнчивость человѣческихъ страстей и глубину премудрости Провиданія!

Пруссія и Австрія увлекли Германію въ войну противъ французской революціи, и она была побеждена. Франція, по праву победы, по праву неоспоримому, когда побѣдоносная держава была вызвана на бой — Франція завоевала лѣвый берегъ Рейна. Въ смѣтніе того, часть германскихъ князей очутилась безъ земель. Весьма было естественно вознаградить ихъ въ Германіи, и вознаградить только ихъ однихъ. Между-тѣмъ, Пруссія и Австрія, бывшія причиною ихъ потерь, хотѣли вознаградить на-счетъ этой несчастной Германіи слѣдъ собственныхъ родственниковъ, Итальянцевъ, каковы были эрцгерцогъ, или Голландцевъ, какъ штатгальтеръ, и, что еще страннѣе, она хотѣла подѣлить именемъ своихъ близкихъ, вознаградить самихъ-себя, все на-счетъ этой же Германіи, жертвы ихъ собственныхъ ошибокъ. Наконецъ, то еще неслыханное, если только это возможно, она предстала съ просьбою предъ побѣдоноснаго представителя революціи, чтобъ онъ раздѣлилъ между ними эти добычи отъ алтара, которыя она не слышала раздавать самимъ!

Первый консулъ не мало не безпокоился о движеніи, происходившемъ вокругъ него, касательно перенесенія переговоровъ то сюда, то туда. Онъ хорошо зналъ, что переговоры будутъ происходить въ Парижѣ, потому-что онъ такъ хотѣлъ, и потому-что это было лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Свободный въ своихъ дѣйствіяхъ съ подписаниемъ всеобщаго мира, онъ выслушалъ одну вслѣдъ за другою все партіи, интересовавшіеся этимъ дѣломъ: Пруссію, которая желала дѣйствовать только вмѣстѣ съ нимъ и черезъ него; Австрію, которая, стараясь выскользнуть изъ-подъ его аліи, не упускала между-тѣмъ ничего, чтобъ расположить его въ свою пользу; Баварію, просившую у него союзя и поддержки противъ угрожающихъ плановъ Австріи; оранскій домъ, отправившій своего принца въ Парижъ; дворы баденскій, вюртембергскій, гессенскіе, обѣщавшіе ему полную приверженность, если будутъ соблюдены ихъ выгоды; наконецъ массу мелкихъ князей, громко кричавшихъ о своемъ старинномъ союзнничествѣ съ Франціею. По выслушаніи этихъ различныхъ протестаговъ, первый консулъ вскоре понялъ, что, безъ вмѣшательства сильной воли, спокойствіе Германіи, а следовательно и всего материка, будетъ навсегда подвержено опасности, и потому рѣшился предложить — а въ существѣ дѣла, наложить — свое посредничество, давъ, впрочемъ, мысль уладить все такимъ образомъ, который могъ сдѣлать честь справедливости Франціи и мудрости его собственной политики.

Ничто не было разумнѣе, удивительнѣе видовъ перваго консула въ эту счастливаю эпоху его жизни, когда, покрытый высочайшею, славою, какою когда-либо покрывался, онъ не вмѣлъ, однакоже, столько матеріальной силы, чтобъ презирать Европу и избавить себя отъ дѣйстві-

завис по глубоко-обображенной политикѣ. Онъ ясно видѣлъ, что, при мало-надежномъ распоряженіи Англій, надобно было подумать, какъ-бы предупредить опасность новой всеобщей войны; что, для этой цели, было необходимо найти себѣ прочную союзницу на материкѣ; что дружба Пруссіи была въ этомъ случаѣ наиболее пригодна; что прусскій дворъ, по своимъ интересамъ, имѣлъ болѣе всякаго другаго сходство съ французскою революціею; и что, при такомъ союзѣ, Франція нечего было болѣе опасаться коалицій. Но первый консулъ чувствовалъ, что не должно устремлять Пруссію до такой степени, чтобъ эта держава раздавила собою Австрію, ибо тогда она сдѣлалась бы въ свою очередь опасною, и даже опаснѣе Австріи для европейскаго равновѣсія; онъ понималъ, что чрезъ это можно было въ будущемъ приготовить для Франціи страшное соперничество съ бранденбургскимъ домомъ.

Съ такими мыслями, первый консулъ составилъ сначала планъ территориальнаго раздѣленія Германіи, состоявшій существенно въ томъ, чтобъ отдѣлить одну отъ другой три большія центральныя державы материка, Австрію, Пруссію, Францію, и помѣстить между ними всю массу германской конфедераціи. Но по встрѣтившимся затрудненіямъ, первый консулъ рѣшился оставить свои намѣренія и помириться на возможномъ.

Императоръ Александръ склонился на предложеніе первого консула—быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ германскихъ вознагражденій.

Изъ сдѣланныхъ территориальныхъ распределеній оказалось, что за потерю 13 милліоновъ флориновъ было опредѣлено возмездія около 14 милліоновъ. Австрія изъ этого количества брала около 4 милліоновъ для своихъ эрцгерцоговъ, Пруссія 2 милліона для себя, пол-милліона для штатгальтера; Баварія брала себѣ три, что равнялось ей потерямъ; Вюртембергъ, Баденъ, оба Гессена, Нассау, около двухъ милліоновъ; всѣ мелкіе князья въ совокупности, два съ половиною. Итакъ, Австрія и Пруссія получали лучшую часть для самихъ-себя, или для принцевъ, вовсе не принадлежавшихъ къ составу германской конфедераціи.

Оставалось условиться въ измѣненіяхъ конституцій. Сохраненъ былъ одинъ только духовный курфирствъ,—маннцкій, которому отдано было Епископство Регенбургское, мѣстопребываніе сейма.

По предложенію первого консула, число оставшихся шести курфирствъ было увеличено до девяти: титулъ курфирста былъ данъ маркграфу баденскому, герцогу вюртембергскому и ландграфу гессенскому. Такимъ-образомъ, явилось шесть протестантскихъ курфирствъ на трехъ католическихъ.

Въ коллегіи имперскихъ князей также явилось большинство въ пользу партіи протестантской. Полагали, что чрезъ стигтіе у Австріи численнаго большинства, эта держава будетъ только лишена власти господствовать своевольно надъ Германіею и вовлечь ее въ войну, по прихоту своего высокомерія и честолюбія. Это было мнѣніе неважнаго архикашлора (изъ дома Дальберговъ), человека очень-опытнаго въ практическомъ познаніи германской конституціи.

Наде было устроить наместецъ городовую коллегію, но въ времена такую мало вліянія и предназначенную не имѣть большаго вліянія и в будущемъ. Уничтожить весь города было бы слишкомъ жестоко, и можно было утверждать, что, безъ перваго консула, самыя знаменитыя изъ нихъ пали бы отъ честолюбія ессадныхъ правительствъ. Но онъ считал своимъ долгомъ сохранять главные изъ нихъ. Онъ хотѣлъ поддержать Дугсбургъ и Нюрнбергъ, по причинѣ ихъ исторической знаменитости, Регенсбургъ по причинѣ местопребыванія въ немъ сейма, Ветцлеръ, по причинѣ импереккой камеры, Франкфуртъ и Любекъ по причинѣ ихъ торговой значительности. Онъ придумалъ присоединить къ нимъ еще два. Гамбургъ и Бременъ, которые, хотя и были важны, даже считались важнейшими изъ всѣхъ, не были однако доселѣ имперскими городами. Бременъ зависѣлъ отъ Гацнхера. Онъ былъ взятъ отъ него за дану Епископства Оснабрюкского. Гамбургъ пользовался истинною независимостью, но не имѣлъ гласности въ городской коллегіи. Онъ былъ причисленъ къ ней. Первый консулъ присовокупилъ полезныя привилегіи къ исключительному существованію вольныхъ городовъ. Они были объявлены нейтральными на будущее время въ войнахъ имперіи, изъять отъ всѣхъ военныхъ повинностей, каковы: рекрутство, денежныя контингенты, квартированіе войскъ. Также были уничтожены мучительныя и тягостныя пошляны за провозъ по большимъ рѣкамъ Германіи, — Рейну, Везеру, Эльбѣ. Такимъ-образомъ, благодаря одной Франціи, услащенное и улучшенное существованіе вольныхъ городовъ дало имъ возможность оказывать великія услуги свободѣ торговли и чрезъ то самимъ получить выгоды.

По окончаніи этого труда, была начертана конвенція, подписанная графомъ Марковымъ и французскимъ уполномоченнымъ. Императоръ Александръ ратификовалъ ее.

Спротивленіе австрійскаго императора относительно новой конституціи заставило перваго консула сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу австрійскаго дома. Баварія никакимъ образомъ не хотѣла уступить линіи Инну, можетъ-быть потому, что между Инномъ и Зальцою находились весьма-важныя соляныя варницы, можетъ-быть и по той причинѣ, что тогда Мюнхенъ считался бы очень-близко къ новой границѣ. Итакъ нечего было и думать о возмездіи Австріи такимъ способомъ. Тогда первый консулъ принужденъ былъ уступить этой державѣ Епископство Шпигтедтское, лежащее на Дунаѣ и заключающее въ себя 70,000 жителей, приносящее 350,000 элериновъ дохода, и предназначенное сверхъ для папальскаго дома.

Австрія требовала, чтобъ были еще назначены два курфирства въ ея домѣ: пошривалась на одномъ; то былъ великій герцогъ Фердинандъ назначенный такимъ образомъ быть курфирстомъ зальцбургскимъ. И такъ, вмѣсто десяти курфирстовъ вмѣсто десяти, какъ предполагалось по плану посредствующихъ державъ, — вмѣсто восьми, какъ было по старейшей германской конституціи. Чрезъ это улучшилось положеніе Австріи въ коллегіи курфирстовъ. И, дѣйствительно, тамъ было теперь четыре католическія курфирства: баварскій, баварскій, майнцскій, зальцбургскій.

протѣвъ шести протестантскихъ, бранденбургскаго, ганноверскаго, саксонскаго, гессен-кассельскаго, вюртембергскаго, баденскаго.

Эти условія были включены въ конвенцію, подписанную въ Парижѣ 26 декабря 1802 г. (5 нивоза XI г.), Кобенцелемъ и Юсефомъ Бонапарте. Графъ Марковъ также подписалъ ее отъ имени Россіи.

Австрія обещала не препятствовать болѣе дѣлу посредничества, и почти сдержала свое слово. Надо было наконецъ раздѣлаться съ вопросомъ, кому слѣдовало вѣсть на себя 413 милліоновъ флоринновъ, которыхъ никто не хотѣлъ платять. Изъ этой суммы предназначалось 350 милліоновъ архиканцлеру, 10 милліоновъ герцогу ольденбургскому, 53 милліона докамъ Изембургомъ и Шталбергомъ. Весыма-естественно было, что Баварія отказалась уплатить въ эту сумму 200 милліоновъ флоринцевъ, потому-что съ уступкою Эйхштедта она потеряла 350 милліоновъ. Но Пруссія, хотя и ничего не потерявшая, не хотѣла вѣсть на себя такое незначительнаго бремени. «За двести милліоновъ флоринновъ не будемъ вести войну», сказалъ Гаугвицъ: жалкія слова, оскорбившія всѣхъ въ Регенсбургѣ, и поставившія Пруссію, по играемой ею роли, гораздо ниже Австріи, которая, протискиваясь, отстаивала по-крайней-мѣрѣ германскія и конституціональные принципы.

Первый консулъ, въ строгомъ смыслѣ, могъ бы поблѣдить эту скудость; но, имѣя ввиду въ Пруссіи до конца дѣя успѣха своего плана, онъ принужденъ былъ поберечь ее. И потому прибѣгли къ средству, весьма измѣнявшему первыи французскій планъ, относительно навигаціи по рѣкамъ Германіи. Было рѣшено уступить на Рейнѣ умеренную пошлину (*cestro*), гораздо-меньшую въ сравненіи съ прежними сооднальными поборамъ, и изъ нея-то положено было выплатить эти 413 милліоновъ флоринновъ. Черезъ это улажены были все неудобства, и исполнено было обещаніе архиканцлеру — обезпечить для него неизвѣстный доходъ. Все Нѣмцы хотѣли того, ибо полагали, что милліоны флоринновъ годоваго дохода были только-что достаточны для плащальца, имѣвшаго честь председательствовать на германскомъ сеймѣ, и бывшаго посланникомъ представителемъ изъ числа трехъ духовныхъ курюрствъ священной имперіи. Самъ архиканцлеръ былъ назначенъ дежурнымъ администраторомъ этихъ пошлей, совокупно съ Францею, имѣвшею право наблюдать за израсходованиями, которыя надобно производить на лѣвомъ берегу Рейна. Съ этой точки зрѣнія, Франція не могла было жаловаться на такое устройство, потому-что съ-той-сторы архиканцлеръ имѣлъ полный интересъ стараться быть съ нею столько въ хорошихъ отношеніяхъ.

Наконецъ, планъ, переданный въ послѣдній разъ, былъ одобренъ 6-го апреля (6 вантова XI г.); уже какъ окончательный актъ, чрезвычайной депутаціею, и немедленно представленъ сейму, гдѣ онъ и былъ принятъ тремя коллегіями почти-единогласно. Онъ встрѣтилъ оппозицію только со стороны Швабціи, которой монархъ, обнаруживавшій уже сильное помѣшательство, имѣвшее это съ престоломъ, приводилъ наумленіе Европу своимъ безумствомъ. Онъ обреченъ былъ сильнѣе империализма державы-посредницы и германскія державы, содействующи-



шия къ нанесенію такого сильнаго удара старинной конституціи Германіи. Эта смѣнная выходка со стороны государя, о которомъ никто и не думалъ въ Европѣ, нимало не погрязила удовольствія, произведеннаго прекращеніемъ продолжительныхъ тревогъ имперіи.

Нѣмцы, даже и жаловшіе о старомъ порядкѣ вещей, сохранявшіе однако хоть сколько-нибудь справедливости въ своихъ сужденіяхъ, признавали, что Германія въ этомъ случаѣ пожинала неизбежные плоды безразсудной войны; что, такъ-какъ лѣвый берегъ Рейна былъ потерян въ-слѣдствіе этой войны, то надо было сдѣлать новый раздѣлъ германской почвы; что этотъ раздѣлъ, безъ сомнѣнія, былъ выгоднѣе для большихъ владѣтелей, нежели для мелкихъ, но что, безъ Франціи, это неравенство было бы еще сильнѣе; что конституція, введенная во многихъ отношеніяхъ, была однакоже спасена въ основнѣ, и не могла быть преобразована въ болѣе-просвѣщенномъ консервативномъ духѣ. Они признавали, наконецъ, что безъ силы верного консула, анархія овладѣла бы Германіею, въ-слѣдствіе объявленныхъ въ то время притязаній всякаго рода. Слѣдственно, въ самой Германіи желали, чтобъ глава французскаго правительства былъ показанъ еще блюстителемъ своего творенія, доколѣ не были разрешены многіе вопросы, общіе и частные.

Но первый консулъ не могъ взять на себя разрѣшеніе этихъ вѣселихъ затрудненій, потому-что для того ему надобно было бы считаться постояннымъ законодательмъ Германіи. Ему должно было только заняться спасеніемъ равновѣсія имперіи, составлявшаго часть европейскаго равновѣсія. Остальное могло быть дѣломъ только самаго сейма, который одинъ былъ облеченъ законодательною властью. И сеймъ могъ выполнить все это, вспомоцествуемый, однако, Франціею, которая теперь была поручительницею за новую германскую конституцію, точно такъ же какъ некогда за старую. Только могущественнѣйшіе германскіе дворяне могли своею умеренностью предотвратить новое внимательство чужеземца. Къ-несчастію, объ этомъ нельзя было и думать при настоящемъ образѣ дѣйствій Пруссіи и Австріи.

Впрочемъ, теперь истинно-европейскія затрудненія, т. е. территориальныя, были побѣждены, благодаря энергическому и благоразумному внимательству генерала Бонапарте. Вся его въ Европѣ лучше всего сдѣлался очевиднымъ чрезъ эту негоціацію, которая велена была такъ искусно, и въ-продолженіе которой онъ наложилъ на Германію собственную свою волю, для блага самой Германіи и для спокойствія міра: единственный случай, когда позволено и считается полезнымъ внимательство въ чужія дѣла.

Между-тѣмъ, какъ первый консулъ самовластно устраивалъ для европейскаго материка, его пламенная дѣятельность, обнимая оба сѣвера, распространялась даже до Америки и Индіи, съ цѣлію возстановить тамъ старинное колониальное величіе Франціи.

Нынѣче, когда европейскія націи сдѣлалась болѣе мануфактурными нежели торговыми; нынѣче, когда она дошла до того, что могутъ производить и добывать, и еще въ лучшемъ качествѣ, то, чего искали прежде

за моремъ; нынче, наконецъ, когда большія колоніи, освободясь отъ своихъ метрополій, взошли на степенъ независимыхъ государствъ, картина вселенной измѣнилась до того, что нельзя узнать ее. Новыя страсти, новыя виды возникли въ замѣну страстей, волновавшихъ тогда міръ, и теперь едва можно понять причины, за которыя, столѣтіе тому назадъ, проливалась кровь человѣческая. Англія владѣла, какъ колонію, Сѣверо-Америкою; Испанія владѣла, въ томъ же качествѣ, Южно-Америкою; Франціи принадлежали главнѣйшіе изъ Антильскихъ-Острововъ, и прекраснѣйшій изъ всѣхъ, Сен-Доминго. Англія и Франція осердивали другъ у друга Индію. Каждая изъ этихъ державъ ввѣрила своимъ колоніямъ въ обязанность только ей одной доставлять тропическія произрастенія, только отъ ней одной получать европейскія произведенія, допускать къ себѣ только ея корабли, снабжать матрессами только ея флотъ. Каждая колонія представлялась такимъ образомъ замкнутою во всѣхъ отношеніяхъ, какъ плантація, рынокъ и портъ. Англія хотѣла извлекать исключительно изъ своихъ американскихъ областей сахаръ, строевой лѣсъ, невыдыманную хлопчатую бумагу; Испанія хотѣла одна добывать изъ Мексики и Перу металлы, которыхъ такъ жаждали другія націи; Англія и Франція хотѣли господствовать въ Индіи, чтобъ вывозить оттуда бумажную пряжу, мусселины, индіанки, предметы всеобщихъ алчныхъ стремленій; она хотѣла сбывать въ обмѣнъ свои собственныя издѣлія, и производить всю эту торговлю только подъ своимъ флагомъ. Нынче эти пламенные стремленія націй уступили мѣсто другимъ. Сахаръ, который надо было извлекать изъ растеній, прозябающихъ въ самомъ тепломъ климатѣ, извлекается нынче изъ растеній, воздѣлываемыхъ на берегахъ Эльбы и Шельды. Хлопчатая бумага, которая прѣлась съ такимъ искусствомъ и съ такимъ терпѣніемъ индійскими руками, выдѣлывается въ Европѣ машинами, приводимыми въ движеніе горѣніемъ каменнаго угля. Мусселины тчутся въ горахъ Швейцаріи или Фореса. Индіанки, которые шутя въ Шотландіи, Ирландіи, Нормандіи, Фландріи, расписываются въ Альзасѣ, наполняютъ собою Америку и шлутъ даже въ Индію. Заключеніемъ кофѣ, чая,—произведеній, которыя черенятъ искусство не въ состояніи, Европа во всемъ уравнилась съ другими странами и даже превзошла ихъ. Европейская химія уже заманила большую часть крашеискихъ веществъ, которыхъ прежде искали подъ тропиками. Металлы добываются изъ европейскихъ горъ. Золото извлекается изъ Урала; Испанія начинаетъ находить серебро въ собственныхъ своихъ надрахъ. Великій политическій переворотъ присоединился къ этимъ промышленнымъ переворотамъ. Франція благоприятствовала возстанію англійскихъ и северо-американскихъ колоній; Англія за то способствовала возстанію южно-американскихъ колоній. Та и другія нынче—націи, и уже великіи, или предназначенныя сдѣлаться великими. Подъ вліяніемъ тахъ же причинъ, африканское общество, котораго будущность неизвѣстна, развалилось на Сен-Доминго. Наконецъ, Индія, подъ скипетромъ Англіи, есть не иное что, какъ страна покоренная, разоренная успѣхами европейской промышленности и назначенная прокормлять нѣсколько оеице-

ровъ и нѣсколько чужеземцевъ астрономовъ. Въ наше время, когда хотятъ сами производить все, обывать своими мѣсто-искусными силами излишекъ своихъ произведеній, и соглашаются существовать отъ нихъ только сырые материалы, стараются даже разводить эти материалы какъ-можно-ближе къ своей странѣ: свидѣтельствомъ тому могутъ служить неоднократно-повторившіеся опыты къ разведенію хлопчатой бумаги въ Египтѣ и Алжирѣ. Такимъ-образомъ, мелкое зрѣніе колониальныхъ стремленій сдѣлалось зрѣніемъ мануфактурныхъ интересовъ. Такъ-то непрерывно измѣняется сдѣтъ, и каждый въ моментъ необходимо напракъ нѣсколько и думать и уми, чтобы уразумѣть представляющее столѣтіе.

Этотъ огромный промышленный и торговый переворотъ, начавшійся при царствованіи Людовика XVI съ американской войны, былъ довершенъ при Наполеонѣ континентальною блокадою. Главнѣйшею причиною этого переворота была борьба между Англіею и Франціею, ибо, видя, что первая хотѣла присвоить себѣ монополію заморскихъ произведеній, вторая отпичала ей, подражая имъ въ Европѣ. Вспутелемъ этого подражанія былъ Наполеонъ, котораго назначеніемъ было такъ-то-образомъ дать, во всѣхъ отношеніяхъ, новый видъ вселенной. Но до увлеченія Франціи въ континентальную и мануфактурную систему, какъ бытъ сдѣлалъ это позже, Наполеонъ-консулъ, весь неопытный идеѣ оканчивавшагося вѣка, доверявшій тогда французскому вѣту больше, нежели сколько доверялъ ему въ-послѣдствіи, владелъ въ обширныхъ предпріятіяхъ для возстановленія колониальнаго процвѣтанія Франціи.

Этотъ процвѣтаніе было никогда довольно-велико, и было чего жалеть и за что отваживаться на смѣлыя предпріятія. Въ 1789 г., Франція получила изъ своихъ колоній сахара, кофе, хлопчатой бумаги, индиго и проч. ежегодно цѣнностью на двѣсти пятьдесятъ милліоновъ изъ этого количества она потребляла сама на восемьдесятъ или сто милліоновъ, а на остальные сто пятьдесятъ милліоновъ распродала по всей Европѣ эти колониальныя произведенія главнѣйше по-видимому рафинированнаго сахара. Надо было бы по-крайней-мѣрѣ удвоить эти цѣнности, чтобы получить соответствующія вынѣшныя и нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время Франція много бы цѣнила ставила въ раду первѣйшихъ своихъ интересовъ колоній, которыя доставляли бы ей предметъ для торговли въ пятьсотъ милліоновъ. Франція находила въ этой торговлѣ средство переводить къ себѣ часть наличныхъ денегъ Испаніи, платившей ей своими вѣстками за ея колониальныя и мануфактурныя произведенія. Въ эпоху, которой говоримъ мы, т. е. въ 1802 г., Франція, лишняя колониальныхъ произрастеній, главнѣйше сахара и кофе, не имѣя ихъ даже и для своего потребленія, обращалась за ними къ Американцамъ, ганзейскимъ городамъ, Голландіи, Генуѣ, и, по заключеніи мира, къ Англичанамъ. Она платила за нихъ металлами, не имѣя еще, въ своей едва рожденной промышленности, средствъ уплачивать за нихъ издѣліями своей мануфактуръ. Такъ-какъ наличныя деньги во Франціи никогда уже не послѣ достигали; не появляясь съ прежнимъ обиліемъ, то она чѣ-

уждалась въ индѣ; этотъ недостатокъ устранялся безпрерывными увеличеніями новаго банка къ добыванію шпестры, выходящихъ изъ Индіи чрезъ контрабанду. И потому не было ничего обыкновеннаго, когда вышата жалобы торговаго класса на рѣзкость наличныхъ оуишъ, на судобство быть принужденнымъ покупать цѣною денегъ сахаръ и кофе, которые Франція никогда не получала изъ своихъ собственныхъ владѣній. Надо, безъ сомнѣнія, приписать эти рѣчи некоторымъ ложнымъ домысламъ о способѣ, какимъ устанавливается торговый балансъ, но надо приписать ихъ также и истинному факту—трудности доставать себя колоніальныя произрастапія, и еще болѣеи трудности платить за нихъ, или снѣгами, сделавшимися рѣдкими послѣ ассигнацій, или еще мало-объемными произведеніями французской промышленности.

Если къ этому присовокупить, что многочисленныя владѣльцы плантацій, некогда богатые, теперь разоренные, напелили себя Парижъ и присоединили свои жалобы къ жалобамъ эмигрантовъ, то можно составить себѣ полное понятіе о побужденіяхъ, действовавшихъ на первого оуиша и побуждавшихъ его на великія колоніальныя предпріятія. Пожеланіемъ этихъ-то сильныхъ причинъ, отдалъ онъ Карлу IV Стуррскому, чтобъ получить въ возмездіе Луизиану! Такъ-какъ условія договора были выполнены съ его стороны, потому-что инфанты были посажены на стуррскій тронъ и признаны всѣми континентальными державами; а онъ хотѣлъ, чтобъ эти условія были выполнены и со стороны Карла IV, и требовалъ, чтобъ Луизиана была немедленно отдана Франціи; иевозможная, состоявшая изъ двухъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, была собрана на водахъ Голландіи, въ Гельветолуисѣ, чтобъ перевести оуиша въ устье Миссисипи и завлѣчь эту прекрасную страну подъ владычество Франціи. Первый консулъ, имѣя возможность рѣшительно сориентировать Пармскихъ, былъ готовъ уступить его Испаніи; въ обменъ на оба Флеряды и небольшую часть Тосканы—Сіенскій-Округъ; который онъ хотѣлъ отдать въ возмездіе королю Пьемонта. По невѣроятности меканскаго правительства, англійскій посланникъ узналъ въ подробностяхъ этой негодяиціи, и завясть Англіи противопоставилъ тѣлѣчи пренептвѣи заключенію этого новаго договора. Первый консулъ занимался въ то же время Индіей и възялъ управленіе французскими компаніями въ Пондичери и Шандернагорѣ одному изъ отличнѣйшихъ офицеровъ рейнской арміи, генералу Декану. Этотъ офицеръ, съ умомъ, равнявшимся его храбрости, и способный на самыя великія предпріятія, былъ избранъ и посланъ въ Индію, въ индѣхъ гудавишюй, не глубокой политики. «Англичане», говорилъ первый консулъ генералу Декану, посылая ему удивительныя инструкціи: «Англіяне — владыки материка Индіи; она такъ исполнена безпробитвѣи и недоуарчвѣи; не должно подавать имъ ни малѣйшаго поддѣрпанія; пусть себѣ вротке и просто, сносятся въ этихъ странахъ все, что чести позволяеть вынести; не имѣть съ собою никакаго владычельнаго индѣхъ-индѣхъныхъ сношеній, кромѣ необходимыхъ для содержанія французскихъ войскъ и кошторъ. «Но», присовокупляя первый консулъ: «нужно избрѣдѣть изъ этихъ индѣхъ индѣхъ и этиа нѣрѣдѣи, которые съ

скорбю померяется британскому игу, изучать ихъ нравы, ихъ средства, способы, имѣть съ ними сообщенія, въ случаѣ войны; соорудить, кака я европейская армія будетъ необходима, чтобъ помочь имъ свергнуть англійское владычество, какими военными снарядами должна быть снабжена эта армія, какія должны быть въ-особенности средства ея продовольствія; отыскать портъ, который могъ бы служить мѣстомъ высадки для флота, привезеннаго войска; исчислить время и средства, необходимыя для того, чтобъ съ-разу овладѣть этимъ портомъ; начертать, послѣ полугодоваго пребыванія, первое доносеніе объ этихъ различныхъ вопросахъ; отправить его съ офицеромъ умнымъ и вѣрнымъ, который все видѣлъ бы на мѣстѣ самъ и могъ бы присовокупить изустныя поясненія на привезенный имъ рапортъ. Когда спустя, заняться этими же самыми вопросами на основаніи вновь-собранныхъ свѣдѣній, и отправить это второе доносеніе съ другимъ офицеромъ, равно вѣрнымъ и умнымъ, и дѣлать это всѣмъ полгода; взвѣшивать въ редакціи этихъ записокъ смыслъ каждаго выраженія, потому-что одно слово можетъ имѣть вліяніе на самыя важныя рѣшенія; наконецъ, въ случаѣ войны, поступать сообразно съ обстоятельствами—или остаться въ Индостанѣ, или удалиться на Иль-де-Франсъ, отправивъ въ метрополию множество мелкихъ судовъ, чтобъ извѣстить ее о томъ, на что рѣшился главнокомандующій.» Такимъ были инструкціи, данныя генералу Декану, съ ціаію не возмечь войну, но искусно воспользоваться ею, еслибъ она возгоралась снова.

Самыя большія услія перваго консула были направлены на Антильскіе-Острова, главное мѣсто колониальнаго могущества Франціи. Съ Мартиникою, Гваделуною, Сен-Доминго французская торговля вела вѣкомъ да самыя выгодныя сношенія; особенно Сен-Доминго отпускала по-крайней-мѣрѣ три-пятихъ изъ 250 милліоновъ цѣнности произведеній, которыя Франція извлекала прежде изъ своихъ колоній. Сен-Доминго былъ тогда самымъ прекраснымъ, самымъ завиднымъ изъ морскихъ владѣній. Мартиника довольно-счастливо ускользнула отъ сладствій возмущенія черныхъ; но Гваделуна и Сен-Доминго были возвращены вверхъ дномъ, и надобно было не менѣе цѣлой арміи для того, чтобъ возстановить — не рабство, сдѣлавшееся невозможнымъ, но крайній-мѣрѣ на Сен-Доминго, но законное владычество метрополи.

На этомъ островѣ, простарѣющемъ въ длину на сто лѣтъ, въ ширину на тридцать, имѣющемъ счастливое положеніе при входѣ въ Мексиканскій-Заливъ, блистающемъ плодородіемъ, способнымъ къ воздѣлыванію сахара, кофе, индига; на этомъ великолѣпномъ островѣ двадцать тысячъ-то тысячъ бѣлыхъ собственниковъ, двадцать съ тысячъ-то тысячъ отлученниковъ различнаго цвѣта кожи, четыреста тысячъ черныхъ невольниковъ воздѣлывали землю и извлекали изъ нея огромное количество колониальныхъ произведеній, цѣнностью на 150 милліоновъ франковъ. Тридцать тысячъ французскихъ матросовъ занимались перевозкою въ Европу этихъ товаровъ въ обмѣнъ на французскія произведенія равной цѣнности. Чтб думала бы нынѣ Франція о колоніи, которая доставляла бы ей продуктовъ на 300 милліоновъ франковъ и представляла

бы рынокъ для сбыта ея собственныхъ произведеній на 300 милліоновъ, потому-что 150 милліоновъ въ 1789 г. соответствовали по-крайней-мѣрѣ 300 милліонамъ въ 1845 году? Къ-несчастью, у этихъ людей, бѣлыхъ, мулатовъ, черныхъ, были въ броженіи сильныя страсти, причина которыхъ лежала въ климатѣ и въ положеніи общества, гдѣ находились двѣ крайности: горделивое богатство и вопиющее рабство. Ни въ одной колоніи не было бѣлыхъ столь богатыхъ и столь гордыхъ, мулатовъ столь завидовавшихъ превосходству бѣлаго поколѣнія, черныхъ столь склонныхъ свергнуть его и тѣхъ и другихъ. Мнѣніа, проповѣданныя въ Парижѣ въ Законодательномъ Собраніи, раздавшись посреди страстей, врожденныхъ такой странѣ, должны были вызвать тамъ ужасную бурю, подобную ураганамъ, произвоимымъ на моряхъ внезапною встречей двухъ противныхъ ветровъ. Бѣлые и мулаты, которыхъ число едва было достаточно для того, чтобы они могли защищаться въ совокупности другъ съ другомъ, иступили въ раздоръ, и, сообщивъ чернымъ заразу своихъ страстей, повели ихъ до возстанія. Сначала, они подверглись жестокости черныхъ, потомъ ихъ торжеству и ихъ владычеству. Здѣсь случалось то же, что случается во всякомъ обществѣ, гдѣ возникаетъ борьба классовъ: первый изъ этихъ классовъ былъ побѣжденъ вторымъ, первый и второй третьимъ. Но въ отличіе отъ того, что видимъ въ другихъ странахъ, эти люди носили на своемъ лицѣ отматы своихъ различныхъ происхожденій; ихъ ненависть происходила отъ неистовства физическыхъ инстинктовъ, а ярость была подобна ярости дикихъ звѣрей. И потому, ужасы этой революціи превзошли все, что люди видѣли до-сихъ-поръ во Франціи въ девяносто-третьемъ году, и, не смотря на отдаленность, всегда ослабляющую опущенія, Европы, уже такъ сильно пораженная зрящими материка, была глубоко взволнована немыханными безчеловѣчїями, до которыхъ безразсудные, иногда жестокие владыки довели свирѣпыхъ рабовъ своихъ. Законы человеческого общества, всюду сходные, породили тамъ, какъ и вездѣ, послѣ продолжительныхъ бурь, утомленіе, которое требуетъ властелина и существа необыкновеннаго, способнаго имъ сдѣлаться. Этотъ властелинъ былъ цѣла торжествующей расы, т. е. черной. Онъ назывался Туссенъ-Дуретюръ. Это былъ старый невольникъ, неизмѣннй доблестной отваги Спартака, но одаренный глубокимъ притворствомъ и необычайнымъ правительственнымъ гениемъ. Будучи посредственнымъ военнымъ человекомъ, умѣя только дѣлать засады въ странѣ почти-неприступной, и даже въ этомъ отношеніи уступавшій некоторымъ изъ своихъ сподвижниковъ, онъ прїобрѣлъ сверхъестественное вліаніе своею метавностью давать направленіе дѣламъ. Эта раса варваровъ пришла ево желѣзное иго, во сто разъ тяжелѣйшее ига прежнихъ плантаторовъ, и подверглась тяжкой обязанности работать, — обязанности, оторая, въ самомъ невольничествѣ, была для нихъ дѣломъ наиболѣе-ненавистнымъ. Черный невольникъ, сдѣлавшійся диктаторомъ, установилъ на Сан-Доминго сносный общественный порядокъ и совершилъ

дела, которыхъ можно было бы смѣть называть великими, еслибъ трудъ ихъ былъ иной и еслибъ они были менѣе-эфемерны.

На этой сен-домингской землѣ, какъ во всякой странѣ, бывшей долго жертвою гражданской войны, образовался раздѣлъ между владѣтельными поколѣніемъ, способнымъ владѣть оружіемъ и низшимъ муть къ этому занятію, — и рабочимъ поколѣніемъ, менѣе склоннымъ къ битвѣ, готовымъ, впрочемъ, снова кинуться въ опасность, еслибъ была угрожаема его свобода. Естественно, первое поколѣніе было адвентуро-малочисленнѣе втораго.

Туссенъ-Лувертюръ образовалъ изъ перваго востаннцію армію почти въ двадцать тысячъ человекъ, раздѣленную на полубригады, по образцу французскихъ армій, съ офицерами по-большой-части изъ черныхъ, а отчасти изъ мулатовъ и бѣлыхъ. Это войско, получавшее хорошее живованье и хорошее содержаніе, будучи довольно-страшно въ имѣть, который оно одно только могло выносить, и на почвѣ горстой, покрытой дехрупкимъ и колючимъ хворостомъ, — это войско было раздѣлено на многія дивизіи и находилось подъ начальствомъ вождей одного съ нимъ цвѣта кожи, вождей, по-большой-части некусыхъ, но болѣе свирѣпыхъ, нежели искуенныхъ, каковы на-прим.: Христофъ, Дессалинь, Монъзъ, Морена, Лаплюмъ. Преданные Туссену, все они признавали его геніи и сносили его первенство. Остальное народонаселеніе, подъ именемъ земледѣльцевъ, было возвращено къ труду. Имъ оставили оружіе для того, чтобъ они употребили его въ дѣло при нуждѣ, въ случаѣ, еслибъ метрополія посягнула на свободу колоніи; но ихъ принудили возвратиться на плантаціи, покинутыя собственниками. Туссенъ провозгласилъ, что они свободны, но обязаны работать еще въ продолженіе пяти лѣтъ на земляхъ своихъ старыхъ владѣльцевъ, съ правомъ на четвертую часть добываемыхъ сырыхъ произведеній. Бѣлымъ собственникамъ сдѣланы были выгодныя предложенія, въ случаѣ если они возвратятся — даже и тѣмъ изъ нихъ, которые, въ минуту отчаянія, приняли участіе въ попыткѣ Англичанъ на Сен-Доминго. Они были хорошо приняты, и получили обратно свои имѣнія, населенныя такъ-называемыми свободными неграми, которыхъ они предоставляли, по предписанію Туссена, четвертую часть добываемыхъ ими сырыхъ произведеній, оцениваемую самымъ произвольнымъ образомъ. Довольно-значительное число богатыхъ прежнихъ собственниковъ, или погибшихъ во время смутъ колоніи, или покинувшихъ Францію эмигрантами, не являлось снова само, ни высылало своихъ повѣренныхъ. Ихъ имущество, сквернованныя подобно національнымъ владѣніямъ во Франціи, были отданы чернымъ офицерамъ, и за такую низкую цѣну, отъ которой можно было обогатиться. Нѣкоторые предводители, какъ на-прим.: Христофъ и Дессалинь, приобрѣли себя такимъ-образомъ болѣе мальдонна ежегоднаго дохода. Эти черные офицеры обращались съ неграми жестоко, какъ новые владыки: сѣкли ихъ розгами за лѣность и неповиновеніе, и производили родъ непрерывной охоты какъ за звѣрями, за тѣми изъ нихъ, которые предались бродяжнической жизни. Часто даже Дессалинь и Христофъ вѣшали ихъ передъ своими глазами.

Благодаря распоряжениям Туссона, земля Сан-Доминго, аршипанная земля множеству колонистов, после десятилетнего смута представляла в 1801 г. федерацию, почти равную ее издородию в 1789 году. Туссонъ, вычисливъ отъ Франціи, дасть колоніи почти-неограниченную свободу торговли. Такая свобода, опасная для колоній съ поспешными федералистами, которые, производя мало и дорого, видя въ своей выгоду эту привилегію метрополіа за то, что она сама брала изъ себя выигрывать, такая свобода, напротивъ, въ высшей степени важна для колоній богатой и издородной, несумняющейся ни въ какомъ покровительстве для сбыта своихъ произведений и отъ-того находящей богатую пользу въ свободныхъ сношеніяхъ со всеми націями, и въ пріоритетѣ предметовъ необходимости и роскоши тамъ, гдѣ они лучше и дешевле. Въ такомъ положеніи находился Сан-Доминго. Островъ получилъ новую выгоду отъ свободнаго пребыванія въ немъ иностранныхъ агентовъ, но-особенно отъ американскаго слуга. Счастіе принасъ было имъ въ изобиліи; европейскіе товары продавались за дешевую цену; земледѣльцы производили разнаго рода на-развѣтъ, лишь только возмѣщались руды. Прибавлю къ тому, что новыя плантаціи, и черныя л. б. не, въ освобожденіи отъ обязательствъ съ капиталистами метрополіа, не были, подобно старымъ плантаціямъ въ 1789 г., обременены землем, и принуждены отдавать отъ своей доходности на проценты за рентами заложивъ свои капиталы. Города Кама, Порт-о-Пренсъ, Сен-Пьеръ, Кама (Санта), едва обрали некоторый блескъ. Слуды войны были здѣсь почти-совершенно изгнаны: въ большей части этихъ городов видны были издѣланные здания, воздвигнуты для торжественныхъ банкетовъ и селеніи-состязанія съ прекраснѣйшими л. б. прежнихъ бѣлыхъ собственниковъ, некогда столь горделивыхъ, тогда произведеніемъ своимъ рослины и развѣтомъ.

Черный народъ колоніи довершилъ въ рандомное благоустройство своего занятія испанской части Сан-Доминго. Этотъ островъ прежде когда раздѣленъ на два округа, въ которыхъ одинъ, лежащій въ северу, — северный предгорный тѣтъ, куда приходилъ изъ Европы, — принадлежалъ Монахиамъ; другой, лежащій на западѣ, обращенный къ ба и внутренности Мексиканскаго-Залива, принадлежалъ Французамъ. В западной части, состоявшая изъ двухъ выдающихся мысовъ, кетомъ образуетъ, прѣмь обширнаго внутренняго загиба, множество речекъ и каналовъ, — эта часть была удобнѣе другой для плантацій. И полу-она была цѣлѣе богатыми заведеніями. Испанская часть, напротивъ, мало-гористая, представляющая мало озимовъ, заключала въ себѣ менше сахарныхъ и кофейныхъ плантацій; но за то на ней было множество скота, лошадей и муловъ. Обѣ эти части выдѣсь могли сдѣлать другъ другу великія взаимныя выгоды, между-тѣмъ, какъ издѣланныя незначительною колоніальною системою, она была какъ два удаленные острова, въ которыхъ одинъ имѣетъ то, чего нѣтъ у другого, и которые не могутъ обмѣняться другъ съ другомъ своимъ произведеніемъ по причинѣ далекаго разстоянія. Туссонъ, по имени Адмирала, обратилъ все свои мысли на зашитіе испанской



части. Прикидываясь совершенно-покорнымъ метрополіи, во всемъ поступаая по ея воле, онъ вооружился базельскимъ трактатомъ, по которому Испанія отдавала Сен-Доминго въ полное владѣніе Франціи, и предложилъ испанскимъ властямъ сдать ему провинцію, до-сихъ-поръ еще ими занимаемую. Не смотря на возраженія французскаго комиссара, Туссенъ двинулъ все дивизіи своей арміи и потребовалъ отъ испанскихъ властей, которыя были неспособны противиться, — ключи Санто-Доминго. Эти ключи были вручены ему, и онъ вслѣдъ за тѣмъ занялъ все города, принималъ на себя только титулъ представителя Франціи, но поступаая на дѣлѣ какъ независимый государь, и заставляя принимать себя въ церквяхъ со всеми почестями.

Всѣмъ этимъ Туссенъ въ два года совершенно оживилъ колонію. Немыслимо составить себѣ верную идею о его политикѣ, но зная въ то же время, какъ поступалъ онъ, будучи поставленъ обстоятельствами между Франціей и Англіей. Этотъ невольникъ, сдѣлавшійся человекомъ свободнымъ и самодержцемъ, сохранялъ въ глубинахъ своего сердца невольную самитію къ націи, которой цѣни онъ некогда носилъ, и никакъ не хотѣлъ видѣть Англичанъ на Сен-Доминго. И потому онъ употребилъ всевозможныя усилія согнать ихъ, и успѣлъ въ томъ. Его политическій умъ, глубокий, хотя необразованный, украшалъ его въ этихъ прокламацияхъ чувствованіяхъ, и давалъ ему уразумѣть, что Англичане были болѣе-опасными владыками, ибо ихъ могущество на моряхъ сдѣлало бы ихъ власть на островахъ дѣйствительною и безграничною. Итакъ, онъ не подѣляя никакихъ видовъ не хотѣлъ этого владычества. Англичане, оставяя Порт-о-Пренсъ, предложили ему королевскую власть на Сен-Доминго и немедленное признаніе этой власти, если онъ согласится сдать въ ихъ руки торговлю колоніи. Онъ не согласился на это, потому-ли, что былъ еще приверженъ къ метрополіи, или потому-что, вслушавшись въ вѣсть о мирѣ, боялся французской экспедиціи, которая могла бы превратить въ прахъ его королевство. Сверхъ-того, тщеславіе принадлежать къ первой во всемъ свѣтѣ воинственной націи, тайное удовольствіе быть генераломъ французской службы, отъ руки самого перваго консула, взяли перевѣсъ въ душѣ Туссена надъ всеми предубѣжденіями Англіи. И такъ, онъ хотѣлъ остаться Французомъ. Держать Англичанъ въ почтительномъ разстояніи, жая съ ними къ миру; признавъ номинальную власть Франціи и повиноваться ей не болѣе, какъ на стекло, чтобъ не вооружить противъ себя ея силу, — такова была политика этого удивительнаго человека. Онъ принялъ комиссаровъ Директоріи, и потому-то вскоре отослалъ ихъ (именно генерала Гедуалла) подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы они не понимали интересовъ своей родины, и требовали отъ него вещей невыполнимыхъ и гибельныхъ для ней-самой.

Его внутренняя политика не менѣе заслуживаетъ вниманіе, какъ и внешняя. Онъ ненавидѣлъ мулатовъ, какъ болѣе-близкихъ къ его племени и, напротивъ, оказывалъ величайшія ласки бѣлымъ, чрезъ что и добился съ ихъ стороны некотораго уваженія, которое служило ему доказательствомъ, что геній его заставлялъ забыть цвѣтъ его кожи. Съ черными же онъ обращался невѣроятно-строго, впрочемъ справедливо.

Его дикое красноречіе очаровывало ихъ. Съ каеодры, на которую восходилъ онъ часто, онъ говорилъ имъ о Богѣ, о равенствѣ человѣческихъ племей, и говорилъ странными, очень-удачно придуманными притчами. Однажды, на-примѣръ, желая внушить чернымъ довѣренность къ самимъ-себѣ, онъ наполнилъ стаканъ зернами чернаго маиса, принашивалъ туда нѣсколько зеренъ бѣлаго маиса, потомъ, потрясши этотъ стаканъ, и дѣвъ замѣтить, какъ быстро бѣлыя зерна исчезли среди черныхъ, онъ сказалъ: «Вотъ что значатъ бѣлые посреди васъ. Трудитесь, упрочте свое благосостояніе трудомъ, и если бѣлые метрополін захотятъ отнять у насъ свободу, мы возьмемъ за наши ружья, и еще разъ ододемъ ихъ.» Обожаемый за все это, онъ былъ въ то же время предметомъ страха потому—что былъ удивительно-бдителенъ. Одаренный дѣятельностью, изумительною въ его лѣта, онъ разставилъ во внутреннихъ островахъ готовылъ сѣяны самыхъ быстрыхъ лошадей, и переносился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тѣлохранителей, съ чудною быстротою, съ одного конца острова на другой, проѣзжая верхомъ иногда по сорока лѣ въ день и налетая, подобно молніи, чтобы наказать за преступленіе, вѣсть о которомъ дошла до него. Предусмотрительный и лживый, онъ скапливалъ деньги и оружіе въ горахъ внутренней части острова, и закапывалъ ихъ, говорятъ, въ мѣсть, называемую Урочище-Хаоса (*les Mornes du Chaos*), близъ Эннери, сдѣлавшагося обыкновеннымъ его мѣстопробываніемъ. То были средства для предстоящихъ битвъ, которыя онъ все-еще считалъ вѣроятными и близкими. Стараясь во всемъ подражать первому консулу, онъ окружилъ себя гвардією, свитою, создалъ себѣ родъ царскаго жилища, принашивалъ въ этомъ жилищѣ собственниковъ всѣхъ цвѣтовъ, особенно бѣлыхъ, и грубо обходился съ черными, которые не имѣли такого хоженаго вида. Даже и въ генерал-лейтенантскомъ мундирѣ, страшный въ наружности, онъ имѣлъ льстецовъ, угодниковъ, и (грустно сказать) и разъ бѣлые, принадлежавшіе къ стариннымъ и богатымъ фамиліямъ острова, бросались въ его объятія для свисканія его покровительства. Люди, окружавшіе Туссена, уваряли его, что онъ въ Америкѣ-то е, что генералъ Бонапарте въ Европѣ, и что онъ долженъ здѣсь позвать себя въ такое же положеніе. Лишь-только онъ узналъ о подвизаніи мира и могъ предвидѣть возстановленіе власти метрополін, поспѣшилъ созвать совѣтъ колоній для начертанія конституціи. Этотъ совѣтъ собрался и дѣйствительно начерталъ довольно-смѣшную конституцію. По ея предначертанію, совѣтъ колоній постановлялъ законы, генерал-губернаторъ утверждалъ ихъ, и имѣлъ исполнительную власть всей ея обширности. Туссенъ, естественно, былъ назначенъ генерал-губернаторомъ колоній, и къ тому же губернаторомъ по жизни, съ властью назначать себя преемника. Подражаніе тому, что дѣлалось во Франціи, не могло быть болѣе-полнымъ и болѣе-дѣтскимъ. Что до власти метрополін, то о ней не было и рѣчи. Конституція долженствовала быть только поднесена ей на утвержденіе; но, однажды давъ это утвержденіе, метрополін не имѣла болѣе никакого права надъ своею юрисдикцією, ибо совѣтъ издавалъ законы, Туссенъ управлялъ, и могъ,

еслибъ захотѣлъ, лишить французскую торговлю весьхъ са выгода. Когда спрашивали у Туссена, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться Сен-Доминго къ Франціи, онъ отвѣчалъ: «Первый консулъ будетъ присылать ко мнѣ комиссаровъ говорить со мною». Некоторые изъ его друзей, которые были болѣе его благородны, толковали ему объ опасности такихъ поступковъ, пророчили, что онъ вызоветъ противъ себя французскую экспедицію и погибнетъ. Самолюбіе этого невольна едлава шагося диктаторомъ, взяло верхъ. Онъ хотѣлъ, какъ самъ говорилъ, чтобъ первый изъ черныхъ былъ на дѣлѣ и по праву на Сен-Доминго тѣмъ же, чѣмъ первый изъ бѣлыхъ былъ въ Европѣ, т. е. пожизненнымъ владыкою, съ правомъ назначать себя преемникомъ. Онъ отправилъ въ Европу полковника Венсана съ тѣмъ, чтобъ извѣститъ первому консулу новое конституціональное учрежденіе и запросилъ утвержденія офицеровъ-негровъ въ данныхъ имъ военныхъ чинахъ. Это подражаніе его величію, это притязаніе угодиться ему, вызвало улыбку на уста перваго консула. Онъ былъ готовъ позволить назвать себя первымъ изъ бѣлыхъ тому, кто назвалъ себя первымъ изъ черныхъ, — но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ колочія была связана съ дѣтскою покорностію, и чтобъ обладаніе этою землею, неопи французскому, было существовавшее, а не номинальное. Онъ утвердилъ всѣхъ негровъ въ присвоенныхъ ими себя военныхъ чинахъ, и сдѣлалъ Туссена генерал-лейтенантомъ, начальствующимъ на Сен-Доминго отъ имени Франціи. Но онъ хотѣлъ имѣть тамъ французскаго главнокомандующаго, послѣ котораго Туссенъ былъ бы первымъ, — безъ этого условія, Сен-Доминго не принадлежалъ болѣе Франціи, — и потому рѣшился послать туда генерала и армію. На этотъ постъ былъ избранъ генералъ Леклеръ. Для того, чтобъ доказать Туссену расположеніе правительства, отсылалъ къ нему двухъ сыновей его, воспитанныхъ въ Франціи, въ сопровожденіи ихъ наставника, г. Руанона. Къ этому первому консулу присовокупилъ благородное и лестное письмо, въ которомъ обращался къ Туссену, какъ къ первому человеку изъ племенъ черныхъ.

Но онъ предвидѣлъ и сопротивленіе, и принялъ всевозможныя меры для прѣодоленія его силою. Онъ отправилъ въ Сен-Доминго 20,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Леклера, на флотѣ, состоявшемъ изъ пятидесяти-восьми кораблей и фрегатовъ, управляемыхъ лучшими адмиралами: Виллард-де-Жуйезомъ, Лагуш-Тревилломъ, Гамбюмъ, Линуа и др. Этотъ флотъ прибылъ 3 февраля 1802 года, и вско было высажено въ несколькихъ пунктахъ, но не безъ сильнаго сопротивленія. Всякую войну была ожесточенная, безъ малѣйшей пощадки. Туссенъ и Христофъ показали чудную, изумительную дѣлательность и эту неумолимую, свирѣпую храбрость, которая не отступаетъ предъ какой бы ни было крайности. 5 февраля (17 плювиоза) городъ Кап-Фанъ былъ преданъ Христофомъ въ жертву пламени, въ виду французскаго флота, которая, за отливомъ, невольно должна была держаться открытымъ моремъ. На слѣдующій день, Леклеръ овладѣлъ рѣвальной Кап-Фанъ. Добровольная сдача одного изъ туссеновыхъ восточныхъ

Лавина, свала целую треть колонна, именно южную часть, отъ вер-  
хнихъ ступоженій. Всего въ десять дней французскія войска овла-  
дали прорывами, шортами, главнѣйшими городами острова, по большей  
части холмистыми зрелища. У Туссена оставалось всего-на-все три  
или четыре черныя полубригады, съ предводителями Морена, Хри-  
стофомъ, Дессолиномъ; да его сокретница; груды оружія, зарытыя въ  
Урочищахъ-Жака. Къ-несчастью, у порога оставалось много бѣлыхъ,  
убежденныхъ или въ заложники и претерпѣвавшихъ отъ нихъ самое же-  
стокое обращеніе. Надо было воспользоваться благоприятнымъ време-  
немъ года, чтобъ довершить завоеваніе острова.

Туссенъ заверся въ гористой и неприступной странѣ. Въ его урочи-  
ща (*les montagnes*) можно было проникнуть только чрезъ узкія ущелья,  
дальнѣйшая почти-непроходимыя отъ тропической растительности, и  
въ глубинѣ которыхъ черныя, засыпъ стрѣлками, представляли собою  
очти-неодолимую преграду. При всемъ томъ, старые солдаты рѣши-  
мой арміи, перенесенные въ Атлантику, могли утрашиться только од-  
ного минута. Одинъ онъ могъ побѣдить ихъ; и действительно, только  
лишь одолевая ихъ въ этотъ героическій вѣкъ: такъ гибла она отъ  
олнца Сен-Доминго!

Главнокомандующій Деклеръ положилъ воспользоваться февралемъ,  
мартомъ и апрѣлемъ; потому-что позже жары и дожди сдѣлали бы во-  
инныя операціи невозможными. Онъ имѣлъ у себя отъ 17 до 18 ты-  
сячъ человекъ. Некоторые солдаты, правда, были больны, но все еще  
оставалось тысячъ пятнадцать годныхъ дѣйствовать.

Главнокомандующій хотѣлъ сначала подѣйствовать на сердце Тус-  
сена. Этотъ негръ, способный отважиться на ужаснѣйшія свирѣпства  
и выполненія своихъ намѣреній, былъ тѣмъ не менше чувствителенъ  
къ природнымъ впечатлѣніямъ. Генералъ Деклеръ, по повелѣнію перваго  
псула, привезъ на Сен-Доминго двухъ сыновей Туссена, воспитан-  
ныхъ во Франціи, чтобъ испробовать надъ его сердцемъ вліяніе сы-  
ннихъ увѣщаній. Наставникъ долженъ былъ представить ихъ отцу,  
дать ему письмо перваго консула и стараться слова привязать его  
къ Франціи, обещая ему второстепенную власть надъ островомъ.

Туссенъ принялъ обѣихъ сыновей и ихъ наставника въ своемъ все-  
шнемъ убѣжищѣ, Эннери. Онъ долго сжималъ ихъ въ своихъ объ-  
ятьяхъ. Это старое сердце, пожирасное честолюбіемъ, было потря-  
то. Сыновья Туссена и ихъ почтенный воспитатель стали описывать  
могущество и человеколюбіе французской націи, выгоды, сопря-  
женныя съ покорностью, при которой его положеніе на Сен-Доминго  
еще будетъ очень-важно, и которое упрочитъ его дѣтямъ блиста-  
тельную будущность; они говорили, что сопротивленіе поведетъ за со-  
бою наварновъ его гибель. Мать одного изъ этихъ юношей присоеди-  
нилась къ нимъ, чтобъ попробовать побѣдить Туссена. Тронутый этими  
рѣченіями, онъ просилъ несколько дней для размышленія. Но често-  
біе и любовь къ свободѣ взяли верхъ надъ родительскою вѣжно-  
стью. Онъ приказалъ позвать къ себѣ обѣихъ сыновей своихъ, снова  
объять ихъ въ объятіяхъ и предоставилъ имъ на волю выборъ между

Францію, сдѣлавшемъ изъ нихъ людей образованныхъ, и нитъ-смитъ, произведшимъ ихъ на свѣтъ, и объявлялъ, что не перестанетъ любить ихъ, будь они хоть въ рядахъ его враговъ. Эти несчастные дти, волнуемая подобно отцу своему, подобно ему пришли въ недоумѣніе. Однакожь, одинъ изъ нихъ, бросившись на шею Туссёну, объявлялъ, что онъ умретъ свободнымъ чернымъ, подлѣ него. Другой, перашителный, посядовалъ за своею матерью въ одну изъ земель диктатора.

Отвѣтъ Туссёна не оставялъ болѣе никакого сомнѣнія насчетъ необходимости тотчасъ же взяться за оружіе.

Французы двинулись разомъ на все важнѣйшія мѣста, занятыя неграми.

Храбрый Рошамбѣ проникъ въ самое неприступное мѣсто, называемое Оврагъ-Ужей (*la Ravine aux Couleuvres*); надо было идти туда чрезъ узкое ущелье, окаймленное острыми скалами, оцѣтвившееся гигантскими деревьями, колючими кустарниками и защищаемое черными шипами стрѣлками. За этимъ ущельемъ стоялъ самъ Туссень съ тремя тысячами гренадеровъ-негровъ и со всею своею артиллеріею. Французы ворвались со штыками; восемьсотъ черныхъ легло на мѣстѣ; мѣ артиллерія Туссёна досталась побѣдителямъ.

Дессалинъ, застигнутый генераломъ Буде въ Сен-Маркѣ, самъ предалъ огню свое богатое жилище; его примѣру вослѣдовали другіе, и онъ удалился, перерезавъ часть бѣлыхъ и увлочки остальныхъ за собою въ ужасный притонъ урочищъ (*les morues*). Дессалинъ кинулся было на Порт-о-Преисъ, но былъ отбитъ храбрымъ генераломъ Павоантъ-Лакруа.

Черные были совершенно обезоружены. Деклеръ со всѣхъ сторонъ напалъ на негра-предводителя Моренѣ, и тотъ, не видя никакой возможности защищаться, сдѣлся съ двумя тысячами храбрѣйшихъ черныхъ. Это былъ самый жестокий ударъ, нанесенный нравственному могуществу Туссёна.

Наконецъ, взять былъ фортъ Крест-а-Пьеррѣ, гдѣ находились сокровища и оружіе, скопленные Туссёномъ. Главнокомандующій отдалъ приказаніе вытѣснить черныхъ изъ окрестныхъ урочищъ. Въ Верретахъ армія была свидѣтельницею ужаснаго зрѣлища. Черные долгое время влачили вслѣдъ за собою толпы бѣлыхъ, которыхъ они побоями принуждали повиноваться имъ. Вплѣ, что преслѣдовавшая ихъ-самитъ армія отобѣсть у нихъ плавильковъ, негры перерезали восемьсотъ этихъ несчастныхъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей и старцевъ. Французы нашли землю, покрытую этою ужасною гекатомбою, и вонюцы, столы великодушныя, столько разъ сражавшіяся во всѣхъ частяхъ свѣта, присутствовавшіе на столькихъ кровопролитыхъ зрѣлищахъ, но никогда невидавшіе избіенія женъ и младенцевъ, были проникнуты глубокимъ содроганіемъ и праведнымъ гнѣвомъ, сдѣлавшимся гибельнымъ для черныхъ, которые попадались въ ихъ руки.

Былъ апрѣль мѣсяць. Черные не имѣли болѣе никакихъ средствъ къ оборонѣ, по-крайней-мѣрѣ въ настоящее время. Ихъ уныніе было глубоко. Предводители, пораженные великодушными поступками Деклера

съ тѣми, которые сдались, и которыми онъ оставлялъ ихъ чины и земли, — предводители рѣшились положить оружіе. Такъ сдались Христовъ, свиральный Дессалинъ, наконецъ и самъ Туссенъ. Туссенъ предлагалъ только одну надежду — на климатъ. И действительно, онъ уже издавна привыкъ видѣть, какъ Европейцы, особливо военные люди, гибли отъ этого разрушительнаго климата, и онъ ласкалъ себя мыслью скоро найти въ желтой лихорадкѣ ужасную себя помощницу. Отъ этого онъ рѣшился въ миръ выжидать благопріятной минуты снова взяться за оружіе.

Съ этого времени, въ колоніи былъ восстановленъ порядокъ, и снова водворилось то благоденствіе, которымъ она наслаждалась въ управленіе своего диктатора.

На Гваделупѣ храбрый Ришпансъ, съ тремя или четырьмя тысячами вѣловъ, смиривъ возмущившихся негровъ и снова возвратилъ ихъ въ вѣвольничество, истребивъ главныхъ зачинщиковъ бунта. Эта, въ некоторомъ родѣ, неутресолюція была возможна и безопасна на такомъ небольшомъ островѣ, какъ Гваделупа; но она представляла важное недоброство тѣмъ, что могла устранить сом-домингскихъ черныхъ на счетъ ихъ собственной судьбы.

Представьте себѣ челоука завистливаго очевидцемъ успаховъ своего трагическаго соперника, и вы будете имѣть почти-вѣрное понятіе о тѣхъ чувствованіяхъ, которыя испытывала Англія при видѣ благоденствія Франціи. Эта могуществовнная и славная нація могла бы, однакожь, въ обшественномъ своемъ величіи найти себѣ утѣшеніе при видѣ величія ливинга! Но ее съдадала странная зѣвность! Пока успахи генерала Бонапарте служили аргументомъ противъ министерства Питга, имъ рукоплескали въ Англіи. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ эти успахи, безпрерывно возростающіе, стали относиться только къ самой Франціи, съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣли, что она приобретаетъ величіе въ мирѣ такъ же какъ и въ войнѣ, политикомъ такъ же какъ и оружіемъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣли, что въ-продолженіе полутора года Итальянская республика сдѣлалась въ президентство генерала Бонапарте, французскою провинцію, Пьемонтъ присоединенъ къ французской территоріи, одобренія всего материка, Парма и Луизиана увеличили владѣнія Франціи чрезъ простое выполненіе трактатовъ, наконецъ, Германія резъ ея вліяніе получила новую конституцію, — съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣли, что все это совершается само-собою, тихо, естественно, — малая досада овладѣла сердцами всѣхъ Англичанъ.

Классы, наименѣе принимавшіе участіе въ выгодахъ мира, болѣе утихихъ обнаруживали свою ревность. Бирмингемскіе и манчестерскіе мануфактуристы, забавленные контрабандою отъ затрудненій, встречаемыхъ ими въ портахъ Франціи, жаловались мало; но купцы высшаго избора, видя, что море покрыто соперничающими флагами, что исключительныя финансовыя прбылей несѣкъ вмѣстѣ съ займами, во все-мѣншіе изъясляли свое сожалѣніе о войнѣ, и казались еще болѣе довольными миромъ, нежели самая аристократія. Они-то, всемогущіе Лондонъ и Роттердамъ, имѣя своими органами Уиндгэма, Гревилля и

Дондаса, перекривали всю націю, и одушевляли своими страстными британскіе журналы. Поэтому лондонскія газеты начинали дѣлаться очень-вспрідиванцы Франціи, предоставляли, впрочемъ, газетамъ, издававшимся подъ редакціею французскихъ эмигрантовъ, заблуду оскорбить первого консула, его братьевъ, сестеръ, все его семейство.

Къ-несчастью, министерство Аддингтона было лишено великой энергии. По слабости, оно совершало истинно-варварскую постоупку. Оно платило еще Жоржу Кадуадю, который былъ известенъ какъ вѣроломный заговорщикъ; оно давало въ его распоряженіе значительныя суммы на содержаніе убійцы, которыхъ множество безпрестанно отправлялось изъ Пертмута въ Джерсей, изъ Джерсея на берегъ Бретани. Оно по-прежнему торжало пребываніе въ Лондонѣ нафлетиста Пельтье, не смотря на возможности удалить его законными средствами, на основаніи *alienbill*, и отдавало изгнанникамъ Бурбонамъ все почести, принадлежащія королевской фамилии. Оно дѣйствовало такъ, повторяемъ, по слабости, не соображаясь, какъ выкинутъ эти острые орудія англійской политики.

Первый консулъ былъ глубоко оскорбленъ такими постоупками. Въ отвѣтъ на неоднократно-повторявшіяся требованія торговаго трактата, онъ требовалъ обезднанія некоторыхъ журналовъ, изгнанія Жоржа и Пельтье, удаленія французскихъ принцевъ. Но изъ всего доведеннаго перваго консула обнаруживалось только слабость седматаго человека, который, владычествуя надъ Барбарою, обращалъ вниманіе на подобныя мелочи. И дѣйствительно, что было за дело всемогущему побѣдителю при Маррейго до Жоржа, Пельтье и графа д'Артуа съ тѣмъ королевскими украшеніями? Протвѣи княжамъ убійцы—онъ имѣлъ свою судьбу; протвѣи сверблѣннѣи нафлетистовъ — свою славу; протвѣи законности Бурбоневъ — онъ обладалъ любовью Франціи! Но, о слабость вслѣдствіи сердца! отвѣтъ человека, поставленнаго такъ высоко, мучился такъ, что было такъ низко... Мы уже оплакивали это заблужденіе съ его стороны, и не можемъ раздержаться, чтобы не оплакивать его жи само. приближаясь къ шилу, когда это заблужденіе произвело столь-роковыя послѣдствія.

Первый консулъ, не влады болѣе собою; отпичалъ за себя отвѣтны, помещаемыми въ *Меминторъ*, часто писалъ ихъ самъ, и эти статьи немно было распознать по необыкновенной силѣ слога. Онъ замечалъ, что не существуетъ правительства тамъ, гдѣ нельзя обучить клевету, предупредить убійство, сказать, какъ выкинутъ; поворонительноту европейскому обществуенному порядку.

Тогда англійское министерство явилось въ свою очередь. «Эти журналы, рѣчи которыхъ васъ оскорбляютъ» говорило оно «самоуказательныя; мы не можемъ отвѣчать за нихъ; но *Меминторъ* — правительственный органъ французскаго правительства. Онъ оскорбляетъ насъ еще-дѣшево; мы также съ своей стороны, а еще съ большаго правотъ, требуемъ удовлетворенія».

Таки-то жалкія перебранки въ-продолженіе нѣсколькокихъ мѣсяцевъ напомнили собою дѣлаши обиды правительства; но здуть анализъ бо-

важныя событія, доставившія такому гнѣвному расположенію предметъ, правда, болѣе-опасный, но по-крайней-мѣрѣ болѣе-достойный.

Швейцарія была жертвою двухъ партій: олигархической и умеренно-республиканской. Являлось два правительства: одно утвердилось въ Лозаннѣ, другое въ Бернѣ. Оба они отправляли къ первому консулу уполномоченныхъ: одно изъ нихъ умоляло о его вмѣшательствѣ, другое заставляло его не предпринимать ничего. Парадъ лицомъ очевидной контрреволюціи, первый консулъ не могъ оставаться въ нерѣшимости. «Я перестаю» говорилъ онъ: «быть нейтральнымъ и бездѣйственнымъ, я хотѣлъ уважать независимость Швейцаріи и заботиться о нераздробленіи Европы. Но довольно уже уступчивости для интересовъ, непризнанныхъ Франціи. Пока я видѣлъ въ Швейцаріи только прѣстѣль «распри, могшія окончиться услаженіемъ той или другой партіи, я долженъ былъ предоставить ее самой-себѣ; но нынче это невозможно, когда дѣло идетъ о такой контрреволюціи, совершаемой солдатами, наводъ слухившими Бурбонамъ, потомъ перешедшими на жадованцевъ, присылаемое изъ Англій. Я не потерплю контрреволюціи нигдѣ, въ Швейцаріи, Италіи, Голландіи, равно-какъ и въ самой Франціи; не уступлю полторы тысячи немиковъ, содержимыхъ Англіею, не уступлю этихъ грозныхъ бастионовъ Альпъ, которые европейская коалиція не смогла, въ двѣ компаніи, исторгнуть у нашихъ цотшпашныхъ отъ усталости солдатъ. Мнѣ говорятъ о волѣ швейцарскаго народа и не хочу видѣть ее въ волѣ двухъ-сотъ аристократическихъ фамилій. Я слишкомъ уважаю этотъ храбрый народъ, и не могу поверить, чтобы онъ хотѣлъ такого ига. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ начто, на что я обращаю больше вниманія, нежели на волю швейцарскаго народа: это—безопасности сорока милліоновъ людей, которыми я начальствую. Я намеренъ объявить себя посредникомъ гельветической конфедераціи, дать ей конституцію, основанную на равенствѣ нравъ и природы людей. Тридцать тысячъ человекъ останутъ на границѣ, чтобы обезпечить исполненіе моихъ благодѣтельныхъ намѣреній. Но если, противъ моего ожиданія, я не буду въ состояніи обезпечить спокойствіе народа, которому хочу сдѣлать всяческое имъ заслуживаемое благо, тогда я знаю на что рѣшиться. Присоединю къ Франціи все, что, по долгу и правдѣ, походитъ на Франш-Конте, присоединю все остальное къ горцамъ малыхъ кантоновъ, дамъ имъ образъ управленія, какой имѣли они въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и предоставлю ихъ самимъ-себѣ. Я возложилъ себя разъ-на-всегда за правило: Швейцарія должна быть или въ дружбѣ съ Франціею, или не должна существовать вовсе.»

Всегда за этимъ, первый консулъ отправлялъ своего адъютанта, подполковника Ранна, въ Швейцарію, съ прокламаціею во имямъ властѣ, какъ законнымъ, такъ и нитожинскимъ. Генералъ Ней долженъ былъ ждать въ Женевѣ вѣстій отъ Ранна, и при первомъ отъ него знаменіи, идти на Бернъ съ двѣнадцатю или пятнадцатю тысячь человекъ.

Сдѣлавъ все эти распоряженія съ необыкновенною быстротою, первый консулъ съ спокойною отвагою ждалъ, какѣ дѣйствіе произведетъ въ Европѣ его рѣшимость стоять смирно, и которая, вѣсть съ той,



что было сделано въ Италиі и Германіи, еще болѣе обнаруживал его могущество, становившееся для всѣхъ очень-чувствительнымъ.

Британскій кабинетъ придумалъ сначала нѣкою протестовать противъ всякаго матеріальнаго вмѣшательства со стороны Франціи въ дѣла Швейцаріи. Но видя, что этимъ нельзя удержать перваго консула, министерство Аддингтона отправило на самое мѣсто дѣйствія агента съ порученіемъ разсмотрѣть и развѣдать, рѣшились ли инсургенты защищаться, и предложить имъ, въ такомъ случаѣ, денежное вспоможеніе Англіи. Этотъ агентъ получилъ приказаніе закупить для нихъ въ Германіи оружіе. Австріи было предложено субсидій на сто милліоновъ флориновъ (225 милліоновъ франковъ), если она захочетъ принять участіе въ судьбѣ Швейцаріи.

Но англійскій кабинетъ сдѣлалъ болѣе-важную ошибку, которая могла имѣть огромныя послѣдствія.

Нѣкоторые обстоятельства замедлили оставленіе Мальты Англичанами до ноября 1802 г. Теперь, въ самый день отаравленія агента въ Швейцарію, былъ посланъ въ Средиземное-Море фрегатъ съ приказаніемъ мальтійскому гарнизону остаться на этомъ островѣ. Это формальное нарушеніе амьенскаго трактата было тяжкою ошибкою со стороны министерства, старавшагося о поддержаніи мира.

Возгласы британскаго кабинета въ пользу швейцарской независимости были очень-дурно приняты французскимъ кабинетомъ. Отвѣтъ, данный по приказанію перваго консула лорду Гауксбѣра, былъ совершенно-необычайнъ. «Вы объявите британскому министерству» писалъ молу-прочинъ Талейранъ французскому уполномоченному Отто: «что первый консулъ не хочетъ, чтобъ Швейцарія была превращена въ полуджержей. Первый консулъ не желаетъ войны, ибо онъ уверенъ, что французскій народъ можетъ найти въ распространеніи торговли столько же выгодъ, какъ и въ распространеніи своей территории. Но ничто не удержитъ его, если честь или интересъ республики потребуютъ, чтобъ онъ вышелъ за оружіе. Малайшая угроза, какъ бы она была она косвенна, должна быть принята съ невозможнымъ достоинствомъ, какъ вызовъ на войну. Впрочемъ, какою же войною будутъ угрожать намъ? Морскою? Но наша торговля едва-только увеличивается, и добыча, которую мы доставимъ Англіи, будетъ очень-незначительна. Наши Антильскіе-Острова снабжены солдатами, превосходящими къ тамошнему климату; на одномъ Сен-Доминго ихъ двѣдцать-пять тысячъ. Правда, наши порты будутъ обложены блокадою; но въ самую минуту объявленія войны, Англія въ свою очередь подвергнется блокадѣ. Берега Ганновера, Голландіи, Португаліи, Италиі до Тарента, будутъ заняты нашими войсками. Тогда Англія, Ломбардія, Швейцарія, Голландія превратятся во французскія провинціи, которыя доставятъ намъ огромныя средства; и такимъ-образомъ намъ принудятъ осуществить эту Галльскую-Имперію, которою теперь беспрестанно стараются пугать Европу. Что же станется, когда первый консулъ, покинувъ Парижъ и приготовивъ средства перевезти чрезъ Альпы сто тысячъ войска, будетъ держать Англію въ вѣчномъ мушкетерскомъ плѣну?»

«тѣльномъ ожиданіи высадки?... Возбудить ли Англія континентальную войну? Но гдѣ найдетъ она союзниковъ? Однако, во всякомъ случаѣ, «если ей и удастся это, она сама принудитъ насъ покорить Европу. «Первому консулу всего только тридцать-три года, онъ разрушалъ только второстепенныя государства: кто знаетъ, сколько потребуется ему времени, если онъ будетъ вынужденъ на измѣненіе снова вида Европы, и на возстановленіе Западной-Имперіи?»

Вся бѣдствія Европы, вся бѣдствія Франціи заключались въ этихъ ужасныхъ словахъ, которыя можно было бы почестъ написанными послѣ самыхъ событій: такъ они вѣрно предрекали будущее (\*). Такимъ-образомъ левъ, возмущавъ, началъ чувствовать свою силу и былъ готовъ ею воспользоваться. Англія дразнила его, будучи защищена оплотомъ океана; но левъ могъ перескочить чрезъ этотъ оплотъ.

Отто имѣлъ приказаніе вовсе не говорить ни о Мальтѣ, ни о Египтѣ, потому-что не хотѣли даже и предполагать, чтобъ Англія могла нарушить торжественный трактатъ, подписанный предъ лицомъ вселенной. Ограничивались предписаніемъ, чтобъ онъ сократилъ всю политику Франціи въ слѣдующія слова: *весь амьенскій трактатъ, ничего болѣе, какъ амьенскій трактатъ.*

Лордъ Гауксбѣри, понимавшій все значеніе этихъ словъ, намекавшихъ о Мальтѣ, возражалъ слѣдующимъ выраженіемъ: *состояніе материка въ эпоху амьенскаго трактата, ничего болѣе, какъ это состояніе.*

Вопросъ, принявшій подобный оборотъ, вызвалъ со стороны перваго консула отвѣтъ быстрый<sup>б</sup> и обстоятельный. «Франція», говорилъ по его приказанію Талейранъ, «Франція принимаетъ условіе, выраженное лордомъ Гауксбѣри. Въ эпоху подписанія амьенскаго трактата, Франція имѣла десять тысячъ челоувѣкъ въ Швейцаріи, тридцать тысячъ въ Пьемонтѣ, сорокъ тысячъ въ Італіи, двѣнадцать тысячъ въ Голландіи. Хотятъ ли, чтобъ дѣла стали опять на эту ногу? Въ ту эпоху, Англія знала, что президентство вручается Італьянскою-Республикою первому консулу; она знала о предположеніи присоединить Пьемонтъ къ Франціи, потому-что ей было отказано въ вознагражденіи, которое она требовала въ пользу короля сардинскаго; и не смотря на все это, она подписала амьенскій трактатъ! И такъ на что же она жалуется? Она постановляла одно условіе: очищеніе Тарента въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ, и Тарентъ былъ оставленъ французскими войсками въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ. Что касается до Швейцаріи, то было извѣстно, что тамъ уже хлопотали о новой конституціи, и никто не могъ вообразить себѣ, чтобъ Франція допустила тамъ контрреволюцію. Но во всякомъ случаѣ, даже въ-отношеніи самаго строгаго права, что можно сказать противъ Франціи? Гельветическое правительство и всѣ партіи требовали посредничества Франціи. Германскія дѣла заключаютъ ли въ себѣ ничто новое для Англіи? Не суть ли они буквальное выполненіе люневильскаго трактата, который былъ извѣстенъ и обнародованъ гораздо-прежде

(\*) Денеша, которой сущность представляли мы, была написана 1 брѹмѣра XI г. Талейраномъ французскому уполномоченному Отто, подъ диктовку перваго консула.  
Т. XII. — Отд. II.

амьенскаго трактата? Зачѣмъ Англія подписала новыя распределенія въ Германіи, если она считала ненужнымъ секуляризировать эту страну? Зачѣмъ король ганноверскій, который есть также и король великобританскій, зачѣмъ одобрилъ онъ германскую негодіацію, принявъ Еписковство Оснабрюкское? Британскій кабинетъ, полгода назадъ, не хотѣлъ вовсе вышываться въ дѣла материка; а теперь только и думаетъ о томъ. Пусть дѣласть, что ему будетъ угодно.»

Гаугвигтъ чрезвычайно-вѣрно определялъ политику англійскаго правительства, сказавъ при этомъ случаѣ французскому посланнику: это слабое министерство Аддингтона такъ торопилось подписать миръ, что, не смотря ни на что, не сдѣлало никакого возраженія; теперь оно замѣчаетъ, что Франція велика, что она пожинаетъ плоды своего величія, и оно хочетъ разорвать имъ же самимъ подписанный трактатъ.»

Дѣло Швейцаріи было окончено при мудромъ посредничествѣ перваго консула; чрезъ это устранилась главнѣйшая причина раздора между Англіей и Франціей, и лордъ Гауксбѣри просилъ, чтобъ французское правительство отправило въ Лондонъ своего посланника, генерала Андреосси, предлагая отправить въ Парижъ англійскаго посланника, лорда Унтуорта. Первый консулъ охотно согласился на это, какъ потому-что, не смотря на движенія гнѣва, возбужденныя въ его душѣ британскимъ изрожденствомъ, не смотря на образы неслыханнаго величія, которые онъ иногда предвидѣлъ въ будущемъ, какъ слѣдствія войны, такъ и потому-что, не смотря на все это, онъ все еще былъ расположенъ къ миру. Вызывая, раздражая его, безъ сомнѣнія вынуждали его сомнѣваться внутренне, что война была его естественнымъ призваніемъ, можетъ быть даже его судьбою; что онъ умѣлъ править государствомъ мудро; но что прежде, нежели править, онъ умѣлъ сражаться, что въ этомъ заключалось его назначеніе, его искусство по превосходству, а что, если Морѡ съ французскими войсками дошелъ до воротъ Вены, то самъ онъ можетъ пойти гораздо-далѣе. Онъ часто мечталъ обо всемъ этомъ, и въ такія минуты странныя видѣнія представлялись иногда ему. Онъ видѣлъ, что цѣлыя имперіи разрушены, вся Европа переделана, и его консульская власть смѣнена короною, которая должна была быть значительна не менѣе короны Карла-Великаго. Всякая угроза, всякое оскорбленіе вызывали въ великой душѣ его одинокія другія эти роковыя и обольстительныя образы. Это легко было замѣтить по странному величію его ежедневныхъ рычей, по депешамъ, которыя онъ диктовалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, наконецъ по тысячахъ писемъ, адресованныхъ имъ къ агентамъ правительства. При всемъ томъ, онъ говорилъ самому-себѣ, что все это величіе не уйдетъ отъ него рано или поздно, и онъ находилъ, что миръ продолжался еще очень-мало, что Сен-Доминго не былъ окончательно отобранъ, что Луизиана не была занята, что французскій флотъ не былъ возстановленъ. По его мнѣнію, ему необходимо было, до возобновленія войны, еще четыре или пять лѣтъ постоянныхъ усилій въ ядрѣ глобокаго мира. Первый консулъ раздѣлялъ эту страсть къ великимъ постройкамъ, обыкновенно встрѣчаемую у основателей имперій; онъ ле-

алъ заниматься этими крѣпостями, воздвигаемыми въ Италіи, этими трюмными дорогами, пролагаемыми по Альпамъ, этими планами новыхъ городовъ, предположенныхъ въ Бретани, этими каналами, долженъ-своавшими соединить бассейны Сены и Шельды. Онъ наслаждался амодержавною властью, всеобщимъ удивленіемъ, наслаждался всѣмъ-тимъ въ глубокомъ мнрѣ, который долженъ былъ быть для него сластнымъ послѣ столькихъ сраженій, столькихъ походовъ, совершеныхъ съ такими самопожертваніями.

Итакъ, первый консулъ чистосердечно желалъ продолженія мира, и глашался на все, что могло упрочить его продолжительность. Въ-слѣдствіе этого, онъ отиравилъ въ Лондонъ генерала Андреосси, и съ большимъ почетомъ принялъ въ Парижъ лорда Унтуорта. Это произвело мое благоприятное впечатлѣніе въ Лондонъ.

Зима 1803 г. была почти такъ же блистательна, какъ зима 1802 г. на казалась даже болѣе-спокойною, потому-что теперь не было песной оппозиціи трибуната.

Англійскій кабинетъ думалъ уже, что теперь время вывести войска съ Мальты. Распубликованіе въ *Монитёръ* рапорта полковника Себаіани произвело въ Англіа сильнѣйшее негодованіе. Разсказъ офицера, въяснявшаго жалкое положеніе Турковъ въ Египтѣ, возможность выгнать ихъ оттуда, живость воспомнаній, оставденныхъ по себѣ Францу-ми, и особенно жаловавшагося на дурные поступки британскаго офи-ера,—такой разсказъ оскорбилъ Англичанъ и вывелъ ихъ изъ спокой-го положенія. Между-тѣмъ, все это могло бы обойтись безъ послѣд-твій, еслибъ партіи не придрались къ этому случаю. Уиндгемъ, Дон-къ, Гренвилль начали кричать громче прежняго и покрывали своими лосами рѣчи людей великодушныхъ, каковы были Фоксъ и друзья его. напрасно эти послѣдніе силились доказывать, что рапортъ не заклю-алъ въ себѣ ничего необычайнаго, и что еслибъ первый консулъ чалъ выдти на Египеть, то онъ не сталъ бы ихъ опубликовывать. Іакто не хотѣлъ ихъ слушать, и всѣ начали съ жаромъ разглаголь-товать; говорилъ, что англійская арміа была поругана, что необходи-ю блистательнымъ образомъ отмстить за ея оскорбленную честь. Впе-стлѣніе, произведенное въ Лондонъ, дошло до Парижа, какъ звукъ, от-раженннй многочисленными отголосками; первый консулъ потерялъ все-кое терпѣніе. Онъ находилъ страннымъ это раздраженіе въ людяхъ, ко-горые сами не выполнили двухъ важнѣйшихъ обязательствъ—оставле-тіа Александріи и Мальты. И потому онъ уполномочилъ Талейрана въ Парижъ, а Андреосси въ Лондонъ положить конецъ этому дѣлу и полу-чить обстоятельное изъясненіе, почему такъ долго отлагалось выполне-ніе трактата.

18 февраля вечеромъ, первый консулъ пригласилъ лорда Унтуорта въ ольсера и принималъ его очень-ласково. Большой письменный столъ вилъ средину кабинета; первый консулъ посадилъ посланника у ол-

ного конца стола, а самъ сѣлъ у другаго (\*). Онъ сказалъ ему, что хотѣлъ видѣть его, поговорить съ намъ лично, чтобъ убѣдить его въ своихъ настоящихъ намѣреніяхъ, чего ни одинъ изъ его министровъ не могъ сдѣлать такъ хорошо, какъ онъ самъ. Онъ напомнилъ въ свои отношенія къ Англіи съ самаго начала своего консульства. «Всѣкій вѣтеръ» воскликнулъ первый консулъ: «всякій вѣтеръ, подымающійся въ Англію, приноситъ мнѣ только ненависть и оскорбленіе. Теперь» присовокупилъ онъ «мы находимся въ положеніи, изъ котораго намъ непременно надо выйти. Хотите ли вы, или нѣтъ, выполнить амьенскій трактатъ?.. Что до меня, я выполнялъ его съ величайшею точностью. Безполезно стараться обманывать васъ въ этомъ отношеніи: желаете ли мира, желаете ли войны? Если вы желаете войны, скажите только одно слово, и мы поведемъ ее съ ожесточеніемъ, до окончательной гибели одной изъ двухъ націй. Если же вы желаете мира, то должно очувствъ Александрію и Мальту, — потому что» присовокупилъ первый консулъ съ выраженіемъ непреклонной рѣшимости «эта мальтійская скала, на которой воздвигнуто столько укрѣпленій, безъ сомнѣнія имѣетъ великую важность въ-отношеніи владычества на моряхъ, но въ нашихъ глазахъ она имѣетъ еще бѣльшую значительность, потому что съ ней тѣсно связана честь Франціи. Что скажетъ свѣтъ, если мы возмолимъ нарушить торжественный трактатъ, заключенный съ нами? Свѣтъ усомнится въ нашей энергіи. Что до меня, то я уже рѣшился: я лучше хочу васъ видѣть на высотахъ Монмартра, нежели на высотахъ Мальты!»

Ужасное слово, слишкомъ-вѣрно сбывшееся на гибель Франціи!

Лордъ Уитуртъ, безмолвный, неподвижный, непонимавшій довольно сцены, на которую онъ былъ призванъ, въ короткихъ словахъ отвѣчалъ на рѣчь перваго консула. Онъ утверждалъ, что Александрія оставлена уже Англичанами, теперь, въ минуту ихъ разговора. Что до Мальты, то онъ объяснялъ замедленіе встрѣченною трудностью получить гарантію европейскихъ дворовъ и упорными отказами гротескнаго Руссоли. Но онъ присовокупилъ, что Англія наконецъ готовилась приступить къ оставленію этого острова, какъ перемѣны, случившіяся въ Европѣ, и въ-особенности рапортъ полковника Себастіани, сдѣланный причиною новыхъ затрудненій. Здѣсь первый консулъ прервалъ англійскаго посланника. «О какихъ перемѣнахъ хотите сказать вы? Власть моя надъ Европою не сдѣлалась ни болѣе, ни менѣе того, какою была она во время заключенія амьенскаго трактата. Укажите мнѣ хоть на одно государство, которому бы я угрожалъ нападеніемъ? То, что вы говорите о рапортѣ полковника Себастіани, недостойно отношеній между великихъ націй. Если вы опасаетесь моихъ видовъ на Египетъ, — и»

(\*) Первый консулъ въ тотъ же день разсказалъ объ этой бесѣдѣ министру иностранныхъ сношеній, за тѣмъ, чтобъ онъ сообщалъ объ этомъ французскимъ министрамъ иностранныхъ дворовъ. Первый консулъ говорилъ объ этомъ своимъ соотавариамъ и многимъ особамъ, которыя сохраняли о томъ воспоминаніе. Наконецъ, лордъ Уитуртъ передалъ этотъ разговоръ дѣлакомъ своему кабинету. Эта сцена сдѣлалась извѣстна дѣлой Европѣ, и о ней писали различными образомъ.

лордъ, я постараюсь разувѣрить васъ. Да, я много думалъ о Египтѣ, буду думать о немъ и еще, если вы принудите меня возобновить войну. Но я не нарушу мира, которымъ мы наслаждаемся съ недавняго времени, для того, чтобъ отвоевать эту страну. Турецкая-Имперія розитъ своимъ паденіемъ. Но будьте спокойны, я не ускорою событій. Еслибъ я хотѣлъ, то силы, посланныя мною въ Сен-Доминго, я могъ бы направить на Александрію. Ваше войско тамъ въ 4,000 человекъ не было бы для меня препятствіемъ. Оно было бы, напротивъ того, для меня извиненіемъ. Я бы внезапно напалъ на Египетъ, и въ этотъ разъ вы не могли бы исторгнуть его изъ моихъ рукъ. Но я и не мечтаю ни о чемъ подобномъ. Мнѣніе Европы тотчасъ бы обратилось противъ меня, мое политическое вліяніе было бы потеряно. Зачинщиками раздора должны быть вы, а не я; мнѣ это необходимо для того, чтобъ Франція проявила весь свой энтузіазмъ, весь свой порывъ, въ войну, которую я принужденъ буду вести съ вами. Теперь, если вы сомнѣваетесь въ моемъ желаніи поддержать миръ, выслушайте и судите, до какой степени я чистосердеченъ. Будучи еще очень-молоды, я достигъ до могущества, до славы, къ которымъ трудно что-нибудь прибавить. И этою властью, этою славою, думаете вы, я захочу рискнуть въ отчаянной борьбѣ? Если вступлю въ войну съ Австріею, я съумѣю найти дорогу въ Вѣну. Если вступлю въ войну съ вами, я ишу васъ всѣхъ союзниковъ на материкѣ, я запру вамъ доступъ туда къ Балтике до Тарентскаго-Залива. Вы обложите насъ блокадою, но я запру васъ въ свою очередь; вы сълаете изъ материка тюрьму для насъ, а я обращу вамъ въ тюрьму все пространство морей. Между-тѣмъ, чтобъ покончить дѣло, необходимы будутъ средства болѣе прѣмыя; надо будетъ соединить сто-пятьдесятъ тысячъ человекъ, огромную флотилію, попытаться перейти проливъ, и, быть-можетъ, погребсти въ глубинѣ морей мою судьбу, мою славу, жизнь мою. Высадка въ Англію, милордъ, отчаянная отвага!» Сказавъ эти слова, первый консулъ, къ великому удивленію своего собесѣдника, принялся самъ исчислять трудности, опасности подобнаго предпріятія, и, соглашаясь, что тутъ болѣе шансовъ погибнуть, нежели успѣть, онъ присовокупилъ, съ выраженіемъ необычайной энергіи: «Но, милордъ, какъ ни велика эта отвага, я рѣшусь на нее, если вы меня къ тому принудите. Я предамъ на волю судьбы и мою армію и самого-себя. Со мною, это великое предпріятіе пріобрететъ болѣе шансовъ, нежели съ кѣмъ другимъ. Я перешелъ въ зимнюю пору чрезъ Альпы; я знаю, какъ можно считать возможнымъ то, что кажется невозможнымъ для всѣхъ; и, если я успѣю, ваши поздніе звуки кровавыми слезами будутъ оплакивать предковъ. Вы видите», воскликнулъ первый консулъ: «долженъ ли я, могущественный, счастливый, спокойный теперь, рискнуть за такое предпріятіе своимъ могуществомъ, счастіемъ, спокойствіемъ; вы видите, чистосердеченъ ли я, говоря, что желаю мира?» Потомъ, успокоясь, первый консулъ присовокупилъ: «Лучше и для васъ, и для меня, удовлетворить мои требованія выполненіемъ трактатовъ. Вы

владыки морей, а я владыка земли. Постараемся сблизиться другъ съ другомъ, и мы, по своей воли, будемъ править судьбами вселенной».

Эта рѣчь, столь необычайная по своей откровенности, изумила, смутила англійскаго посланника, который, будучи очень-честивымъ человекомъ, не былъ, къ-печалости, способенъ понять величіе и чистосердечность словъ перваго консула. Двѣ цѣлыя націи должны были бы присутствовать при подобномъ разговорѣ и дать отвѣтъ на него.

На другой день по открытіи засѣданія законодательнаго сословія, 2 вантаза (21 февраля), было прочитано, по обыкновенію, изображеніе состоянія республики, начертанное рукою самого перваго консула. По поводу неоставленія Мальты Англичанами было сказано, что въ случаѣ войны, одна Англія не будетъ въ состояніи бороться съ Франціей (\*).

Когда это изображеніе состоянія республики, написанное съ большою заносчивостью, дошло до Лондона, оно произвело тамъ гораздо-болше шума, нежели рапортъ полковника Себастьяни, болѣе нежели событія въ Италіи, Швейцаріи, Германіи, въ которыхъ упрекали перваго консула. Надо присовокупить, что первый консулъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправилъ къ британскому правительству ноту, требуя окончательнаго объясненія на счетъ оставленія Мальты.

Англійскій кабинетъ принужденъ былъ, наконецъ, рѣшиться на что-нибудь и объявить первому консулу свои намѣренія касательно этого острова, сдѣлавшагося причиною столь великихъ событій. Смущеніе его было велико, потому-что онъ не хотѣлъ ни признаться въ намѣреніи нарушить торжественный трактатъ, ни обѣщать очистить Мальту, что сдѣлалось невозможнымъ по его собственной слабости. Принужденный общественнымъ мнѣніемъ рѣшиться на что-нибудь, и не зная на что рѣшиться онъ вознамѣрился внести въ парламентъ рѣчь короля, что въ представительныхъ государствахъ служить иногда средствомъ занять умы, обмануть ихъ нетерпѣніе, но что можетъ сдѣлаться очень-опаснымъ, когда правительство не сознаетъ ясно, къ чему хотятъ привести ихъ, и заботится только о томъ, чтобъ доставить имъ минутное удовольствіе.

Въ засѣданіе 8 марта, слѣдующая рѣчь внесена была въ парламентъ:

«Бжеоргъ, король... и пр.

«Его величество считаетъ необходимымъ уведомить нижнюю палату, что такъ-какъ значительныя военныя приготвленія производятся въ «портахъ Франціи и Голландіи, то онъ полагаетъ необходимыми принять новыя предохранительныя мѣры для безопасности своего государства. Хотя всѣ эти приготвленія готовятся, по-видимому, для колоніальныхъ экспедицій, однако, такъ-какъ въ настоящее время существуютъ между его величествомъ и французскимъ правительствомъ важныя

(\*) «Я слышалъ», говоритъ Тьеръ, «отъ одной важной особы, одного изъ почтеннѣйшихъ членовъ англійской дипломатіи, что эти слова привали въ волненіи къ уму Англіи, и что съ этого для насъ было бы неслѣдуетъ необходимымъ обстоятельствомъ войны».

«недоразумѣнія, результатъ которыхъ неизвѣстенъ, — его величество рѣшился сообщить объ этомъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, будучи твердо увѣренъ, что онъ можетъ положиться на ихъ рвеніе и щедрость, которыхъ могутъ потребовать обстоятельства для чести его короны и для существенныхъ пользъ его народа.»

Трудно было бы придумать что-нибудь болѣе некстати. Эти слова не имѣли достаточнаго основанія и были оскорбительны для Франціи.

Рѣчь короля сдѣлалась извѣстною въ Парижѣ 11 марта. Къ-несчастью, на послѣ-завтра приходило воскресенье, день пріема дипломатическаго корпуса въ Тюльери. Весьма-естественное любопытство привлекло туда всехъ иностранныхъ министровъ, желавшихъ посмотреть на перваго консула при этомъ обстоятельствѣ и особенно на англійскаго посланника. До начатія аудіенціи, первый консулъ былъ у г-жи Бонапарте, въ ея покояхъ, и игралъ съ ребенкомъ, долженствовавшимъ быть тогда его наследникомъ: то былъ новорожденный сынъ Лудовика-Бонапарте и Ортансы де-Боарне. Придворный префектъ возвѣстивъ, что всѣ уже собрались, и между прочими именами произнесъ имя лорда Уитворта. Это имя произвело на перваго консула видимое впечатлѣніе; онъ пересталъ играть съ дѣтатей, схватилъ за руку г-жу Бонапарте и стремительно вступилъ въ приемную залу, прошелъ мимо всехъ иностранныхъ министровъ и обратился прямо къ представителю Великобританіи. «Милордъ» сказалъ онъ ему съ чрезвычайнымъ волненіемъ: «что новаго изъ Англій?» и, почти не ожидая его отвѣта, присовокупилъ: «И такъ, вы хотите войны?» — Нѣтъ, генераль, отвѣчалъ съ большою умѣренностью посланникъ: — мы слишкомъ-хорошо чувствуемъ выгоды мира. — «И такъ, вы хотите войны?» продолжалъ первый консулъ очень громко, такъ-что могъ быть слышимъ всеми присутствовавшими. «Мы рождались другъ съ другомъ десять лѣтъ; хотите ли, чтобъ сражались еще десять лѣтъ? Какъ можно было сказать, что Франція вооружается? Въ нашихъ портахъ нѣтъ ни одного корабля; всѣ годные корабли отправлены въ Сен-Доминго. Одна только небольшая эскадра находится въ водахъ Голландіи, и уже четыре мѣсяца ни для кого не тайна, что эта эскадра назначается въ Луизиану. Сказали, что между Франціей и Англійей существуетъ несогласіе, — мнѣ объ этомъ вовсе неизвѣстно. Я знаю только, что островъ Мальта не оставленъ Англичанами въ условленный срокъ; но не могу представить себѣ, чтобъ ваши министры захотѣли нарушить обязательство Англій, отказавшись выполнить торжественный трактатъ. По-крайней-мѣрѣ, они еще не говорили объ этомъ намъ. Я не могу также предполагать, чтобъ своими вооруженіями вы имѣли помысленіе испугать Французовъ: ихъ можно пугать, милордъ, но испугать — никогда!» Посланникъ, изумленный и несколько-смущенный, не смотря на свое хладнокровіе, отвѣчалъ, что англійское правительство не хочетъ ни того, ни другаго, что оно ставится, напротивъ, жать въ добромъ согласіи съ Франціей. «Въ какомъ случаѣ» возразилъ первый консулъ: «надо уважать трактаты. Оретому, кто не уважаетъ трактатовъ!» Потомъ онъ прошелъ мимо осмашенковъ испанскаго и русскаго и сказалъ имъ довольно-громко,



что Англичаве не хотятъ очистить Мальту; что они отказываются выполнять свои обязательства, и что отнынѣ впредь надо будетъ *покрывать трактаты чернымъ крепомъ*. Онъ продолжалъ свое шествіе; ему попался на глаза шведскій министръ, котораго присутствіе привело ему на память смѣшныя депеши къ германскому сейму. «Вашъ король» сказалъ онъ ему: «забываетъ, что Швеція уже болѣе не во времена Густава-Адолфа, что она низошла на третью степень державъ.» Онъ до конца обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ, весь въ волненіи, съ блестящими глазами, страшный, какъ олицетворенная власть во гнѣвѣ, во лишенный спокойнаго достоинства, которое такъ хорошо идетъ къ ней.

Чувствуя, однакъ, что вышелъ изъ предѣловъ благоразумія, первый консулъ, окончивъ обходъ, опять подошелъ къ англійскому посланнику, и, спрося у него смягченнымъ голосомъ о его супругѣ, герцогинѣ Дорсѣ, выразилъ желаніе, чтобъ она, проведя во Франціи дурное время года, могла бы провести тамъ и хорошее; онъ присовокупилъ, что это будетъ зависть не отъ него, а отъ Англии, и что если надо будетъ снова взяться за оружіе, то вся отвѣтственность падетъ, предъ лицомъ Бога и людей, на тѣхъ, кто отказался сдержать свои обязательства. Эта сцена должна была глубоко оскорбить самолюбіе англійскаго народа. Англичане были виновны въ основаніи, и первому консулу не следовало дѣлаться виновнымъ по формѣ, по парижности. Но онъ, будучи оскорбленъ, испытывалъ какое-то наслажденіе, оглашая міръ съ одного конца до другаго взрывами своего гнѣва.

Эта сцена съ лордомъ Уитуортомъ сдѣлалась вскорѣ гласною, потому что свидѣтелями ея были дѣвять человекъ. Всякій рассказывалъ о ней по-своему, и преувеличивалъ, какъ умѣлъ. Она произвела въ Европѣ скорбное чувствованіе и много усилила смущеніе британскаго кабинета.

Внезапный переворотъ произошелъ въ дѣятельной и страстной душѣ Наполеона. Теперь его воображеніе занималось только мыслию о войнѣ, чудномъ величій побѣды, объ измѣненіи вида Европы, о возстановленіи Западной-Имперіи. Изъ благодѣтеля Франціи и вселенной, чѣмъ онъ льстился быть досель, онъ задумалъ сдѣлаться для нихъ предметомъ удивленія. Имъ овладалъ гнѣвъ, въ одно и то же время личный и патристическій,—и побѣдить Англію, унижить, разрушить ее, сдѣлалось, съ этого дня, страстью его жизни. Увѣренный, что все возможно для человека съ гениемъ и непреклонною волею, онъ весь предался мысли перейти черезъ проливъ Кала и перенести въ Англію одну изъ арій покорившихъ Европу. Съ этой-то минуты, т. е. съ того дня, когда сдѣлалась ему извѣстною рѣчь англійскаго короля, даны были имъ первыя приказанія къ непризнаннымъ приготовленіямъ; и тогда-то этотъ человекъ, заблуждавшійся въ политикѣ отъ чувствованія своего могущества, дѣлался чудомъ человеческой природы, когда дѣло шло о томъ, чтобъ предвидѣть и преодолѣть всѣ трудности обширнаго предпріятія.

При появленіи рѣчи короля Георга III, разомъ исчезли все колоссальныя мечты перваго консула. Онъ рѣшился самъ отдать Луизиану Соединеннымъ-Штатамъ и потребовалъ за то восемьдесятъ миліонъ

новъ, изъ которыхъ двадцатью предназначено было удовлетворить американскихъ купцовъ, пострадавшихъ въ послѣднюю войну. Остальныя шестьдесятъ миліоновъ могли избавить перваго консула отъ займа на военныя издержки. Этотъ трактатъ былъ заключенъ въ Парижъ и посланъ на ратификацію въ Вашингтонъ. Такимъ-то образомъ, Американцы приобрѣли отъ Франціи эту обширную страну, пополнившую ихъ господство надъ Сѣверною-Америкою и сдѣлавшую ихъ владыками Мексиканскаго-Залива на настоящее и будущее время. Слѣдовательно, они обязаны своимъ происхожденіемъ и своимъ величіемъ долгой борьбѣ Франціи съ Англіей. Первому акту этой борьбы они одолжены своею независимостью; второму—пополненіемъ своей территоріи.

Взявъ, однакожь, всѣ предосторожности, первый консулъ съ большимъ терпѣніемъ сталъ выжидать развязки негодіаціи. Когда прошелъ невольный порывъ его гнѣва, онъ обещалъ самому-себѣ,—и сдержалъ слово,—быть спокойнымъ, допустить Англію довести его до послѣдней крайности, за тѣмъ, чтобъ Франція и Европа не могли усомниться насчетъ истинныхъ виновниковъ войны.

Талейранъ, поступавшій, въ этихъ обстоятельствахъ, съ рѣдкою мудростью, больше всѣхъ способствовалъ къ тому, чтобъ внушить первому консулу такое расположеніе.

Министерство Аддингтона, чувствуя свое безсиліе въ настоящемъ случаѣ, дѣлало предложенія Питту вступить въ кабинетъ. Но Питтъ съ гордостью отвергалъ эти предложенія и продолжалъ жить все по-прежнему въ удивеніи отъ Лондона и вдали отъ волненія партій. Чувствуя свою мощь, предвидя обстоятельства, которыя сдѣлаютъ его необходимымъ, онъ лучше хотѣлъ получить власть по силѣ этихъ обстоятельствъ, нежели изъ рукъ слабыхъ, эфемерныхъ министровъ. Эта предложенія сдѣланы были ему безъ вѣдома короля Георга III, пытавшаго къ Питту почти-непобѣдимое нерасположеніе. Онъ видѣлъ въ Питтѣ министра, который былъ почти государемъ, между-тѣмъ, какъ въ Фоксѣ, при характерѣ благородномъ и привлекательномъ, находилъ мнѣнія, которыя были ему ненавистны. И потому онъ не хотѣлъ ни того, ни другаго. Онъ желалъ удержать въ министерствѣ Аддингтона, сына любимаго своего медика, и лорда Гауксбѣри, сына своего сердечнаго друга, лорда Ливерпуля.

Англійскіе министры хорошо понимали, что они сдѣлаются смѣшными въ глазахъ Англіи, Франціи и Европы, если все будутъ оставаться въ двусмысленномъ положеніи, не осмѣливаясь высказать, чего желаютъ. И потому 13 апрѣля (1803 г.) они объявили, что рѣшаются удержать Мальту, въ обезпеченіе Англіи относительно видовъ перваго консула на Египетъ.

Напрасно Іосифъ Бонапартъ и Талейранъ старались уладить это дѣло, желая поддержать миръ. Первый консулъ соглашался, чтобъ приступлено было къ переговорамъ объ уступкѣ Англичанамъ острова Ламдувы, лежащаго недалеко отъ Мальты, или объ уступкѣ имъ какого-нибудь другаго острова на сѣверъ отъ Африки, но требовалъ, чтобъ они немедленно очистили Мальту. «Я не хочу», говорилъ онъ: «чтобъ у

нихъ было два Гибралтара въ Средиземномъ-Морѣ, одинъ при входе, другой по срединѣ».

Англійскій кабинетъ, поставленный такимъ-образомъ между двухъ крайностей, рѣшился предпочесть войну уступкѣ Мальты. Лордъ Уитуртъ получилъ депешу, въ которой ему приказано было требовать обладанія Мальтою, по-крайней-мѣрѣ на десять лѣтъ, уступки острова Лампдузы, немедленнаго оставленія Швейцаріи и Голландіи французскими войсками, и опредѣленнаго вознагражденія королю Пьемонта. Въ возмездіе за это предлагалось признать итальянскія государства. Вѣсть съ тѣмъ объявлено было лорду Уитурту, чтобъ онъ немедленно потребовалъ себя паспортовъ, если условія Англіи не будутъ приняты.

Какъ последнее средство уладить дѣло, британскіе министры предлагали первому консулу уступить Мальту на десять лѣтъ Англіи, тайною статьею трактата. Талейранъ объявилъ лорду Уитурту, что первый консулъ не намѣренъ обманывать Франціи; но что Мальта можетъ быть уступлена Англичанамъ, если Франціи дано будетъ за это равнозначущее вознагражденіе. Лордъ Уитуртъ сказалъ, что не имѣетъ права откладывать долѣе свой отъездъ, и оба министра разстались, очень-опечаленные тѣмъ, что имъ не удалось примирить враждующія стороны. Лордъ Уитуртъ потребовалъ себя паспортовъ, но сказалъ, что пождетъ тихо, и что въ это время французское правительство успеетъ написать въ Лондонъ и получить оттуда отвѣтъ, прежде, нежели онъ достигнетъ Калэ. Было условлено, что англійскій посланникъ будетъ ожидать въ Калэ, покуда генераль Андреосси прибудетъ въ Дувръ.

Парижъ весь превратился въ любопытство. Толпа народа осаждала двери отеля англійскаго посланника, чтобъ посмотреть дѣлаются ли тамъ приготовленія къ отъезду. Продавъ еще цѣлыя сутки и лѣтъ такимъ образомъ французскому кабинету время одуматься, лордъ Уитуртъ выѣхалъ наконецъ въ Калэ. Его отъездъ произвелъ живое впечатлѣніе въ Парижѣ, и все предчувствовали, что великія событія готовятся ознаменовать этотъ новый періодъ войны.

Генераль Андреосси былъ провожаемъ изъ Англіи съ видимымъ сожалѣніемъ. Онъ прибылъ въ Дувръ въ то самое время, какъ лордъ Уитуртъ въ Калэ, т. е. 17 мая. Лордъ Уитуртъ былъ тотчасъ же перевезенъ по ту сторону пролива. Онъ успѣшилъ посѣтить французскаго посланника, осыпалъ его знаками уваженія, и самъ проводилъ его на бортъ судна, долженствовавшаго перевезти его во Францію. Оба посланника разстались другъ съ другомъ въ присутствіи разстроенной, опечаленной толпы. Въ эту торжественную минуту, казалось, оба націи говорили другъ другу: «прости!—до свиданія послѣ ужасной войны и потрясенія вселенной...»

Таково было печальное окончаніе этого кратковременнаго амьенскаго мира!

### III.

## СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

---

### ВОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮЛЬ 1845 ГОДА.

#### Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Высочайше утверждены гербы для нѣкоторыхъ городовъ губерній: иенской, Гродненской, Минской и Ковенской.

— Высочайше повелѣно, въ 13 день іюня, учредить по вѣдомству государственнаго коннозаводства особую мастеровую команду изъ нижнихъ адскихъ чиновъ и коннозаводскихъ крестьянъ, съ вычетомъ за рекъ.

— Постановлено, чтобъ крестьянъ къ содержанію на арендѣ казенныхъ и дворянскихъ имѣній въ Остзейскихъ губерніяхъ на будущее время не допускать, не распространяя однако силы сего права на существующіе нынѣ о томъ контракты, впредь до истеченія сроковъ имъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 1 іюля).

— Постановлено, что губернскіе стражчіе, исправляя обязанность гусскихъ прокуроровъ, не должны пропускать постановленій по такимъ имъ, по которымъ они сами производили слѣдствія (Выс. утв. мн. . Сов. 1 іюня).

— Въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ Его Императора Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату 10 іюля, изображено: «Для приведенія Нашей монетной системы въ совершенную стройность, признавъ за благо, согласно съ мнѣніемъ комитета финансовъ, прекратить вовсе чеканъ платиновой монеты»,  
Т. XII. — Отд. III.

повелеваемъ: 1) обманъ платиновой монеты производить, по нѣр е предъявленіи, на золотую и серебряную монету и на кредитные билеты во всѣхъ казначействахъ, въ-теченіе шести мѣсяцевъ со дня полученіи сего указа. 2) По истеченіи сего срока приемъ платиновой монеты, какъ въ казенные платежи, такъ и для обмана, воспрещается. Впрочемъ предъ оставляется частнымъ людямъ, буде за тѣмъ некоторая часть сей монеты останется въ обращеніи, принимать оную по добровольному согласію.»

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, даннымъ Исполнительному Сенату въ 19 день іюля, изображено: «Принимая во вниманіе, что суды плавающія подъ россійскимъ флагомъ, равно и товары, въ нихъ погруженныя, обложены во многихъ иностранныхъ портахъ болѣе или менѣе значительными надбавочными пошлинами, между-тѣмъ какъ въ портахъ Имперіи не дѣлается никакого различія въ количества таможенныхъ пошлинъ между россійскими и иностранными кораблями, и даже въ отношеніи къ корабельнымъ сборамъ иностранный флагъ въ весьма-многихъ только случаяхъ обложенъ болѣе, чѣмъ россійскій, и какъ при такихъ обстоятельствахъ, препятствующихъ донынѣ успѣшному развитію россійскаго купеческаго мореходства, оказать возмужное пособіе и покровительство тѣмъ изъ нашихъ въроподданныхъ, которые употребляютъ капиталы на постройку и снаряженіе купеческихъ судовъ повелеваемъ:

1) Каботажное судоходство, то-есть перевозъ товаровъ изъ одного россійскаго порта въ другой, на одномъ и томъ же морѣ лежащій, впредъ предоставить исключительно, какъ то было и донынѣ (согласно 722 ст. Св. Учр. и Уст. Тор.) въ пользу россійскихъ подданныхъ и судовъ, плавающихъ подъ россійскимъ флагомъ.

2) Съ товаровъ, привозимыхъ подъ иностраннымъ флагомъ, каковы бы они происхожденія ни были, взъискивать надбавочную пошлину въ 30 процентовъ сверхъ пошлины, тарифными постановленіями на сіи товары наложенной.

3) Съ иностранныхъ судовъ взъискивать въ нашихъ портахъ ластовый сборъ по 1 рублю сер. съ ласта за приходъ тахъ судовъ, и столько же за отходъ.

4) Постановленія, содержащіяся въ §§ 2 и 8, возвышаютъ дѣйствиельно старыя навигаціи 1846 года, и будутъ оставаться въ силѣ до-тѣхъ поръ, пока не прекратятся обстоятельства, побудившія къ принятію таковыхъ мѣръ. Но возвышеніе таможенныхъ пошлинъ, въ § 2 постановленіи, не будетъ примѣняемо къ товарамъ, которые будутъ привезены до истеченія 1845 года и по существующимъ правиламъ могутъ быть очищены пошлиною не прежде, какъ въ слѣдующемъ году.

5) Исключаются изъ постановленій §§ 2 и 8 суда тахъ націй, у которыхъ, по особымъ трактатамъ или по другимъ распоряженіямъ, россійскій флагъ пользуется уже равенствомъ съ національнымъ флагомъ или съ флагомъ націй, наиболее благопріятствующихъ, такъ-какъ судамъ тахъ націй должны имѣть въ портахъ Имперіи и Великаго Княжества

Финляндскаго совершенное равенство съ судами россійскими въ-отношеніи къ платежу таможенныхъ и корабельныхъ пошлинъ.

6) Въ-слѣдствіе правила, въ предъидущемъ § изъясненнаго, великое различіе, которое еще существуетъ, или по силѣ сего указа впредь можетъ существовать въ портахъ Имперіи или Великаго Княжества Финляндскаго между россійскими и иностранными судами, въ-отношеніи къ платежу таможенныхъ пошлинъ и корабельныхъ сборовъ, отменено въ пользу каждой націи, которой правительство предоставитъ россійскому еяму совершенное взаимство.

## II. Губернскія учрежденія (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ).

Срокъ существованія учрежденной 28 мая 1831 года въ городѣ Николаевѣ временной экспедиціи для ршенія дѣлъ бывшаго Черноморскаго Департамента, продолженъ до 1 мая 1849 года (Выс. пов. объявл. 14 іюня).

— Разрѣшенъ беспошлинный привозъ зерноваго хлѣба въ рижскій, перновскій и нарсскій порты на всю навигацію настоящаго года (Выс. пов. объявл. 15 іюня).

— Дозволено государственнымъ крестьянамъ заготовлять для перникъ солеваренныхъ заводовъ дрова въ казенныхъ лѣсахъ Чердынскаго и Солькамскаго Уѣздовъ во всякое время года (Выс. пов. объявл. 23 іюня).

— Постановлено, что если на мѣщанскихъ обществахъ будутъ числиться недоимки, то поощреніе оныхъ производится между-прочимъ и въ слѣдующихъ городахъ отъ казны платежей (Ук. Пр. Сен. 2 іюля).

— Высочайше повелѣно: въ подырыленіе способовъ Эстляндскаго и Курляндскаго Приказовъ Общественнаго Прізванія къ содержанію податныхъ имъ богоугодныхъ заведеній, половинную часть куртама, получаемаго отъ аукціонной продажи товаровъ въ таможенныхъ мѣстахъ Эстляндской и Курляндской Губерній, удѣлять въ пользу поманутыхъ приказовъ, подобно тому, какъ это пособіе, по силѣ 628 ст. Св. Учр. Уст. Общ. Прізр., т. 13, предоставлено уже Эстляндскому Приказу отъ аукціонныхъ продажъ, производящихся при одной ревельской таможнѣ, оставивъ таможеннымъ мѣстамъ въ обязанность отчисляемыя на въ-исполненіи основанія деньги доставлять прямо въ мѣстные приказы (Ук. Пр. Сен. 30 іюня).

— По вопросу: слѣдуетъ ли допускать причисленіе душъ къ крестьянскимъ обществамъ госпитальныхъ мѣстъ города Ревеля, съ освобожденіемъ отъ платежа податей, постановлено, что освобожденіемъ отъ платежа казенныхъ податей могутъ, съ разрѣшенія казенной палаты, пользоваться тѣ только члены крестьянскихъ обществъ госпитальныхъ мѣстъ въ Эстляндской Губерній, которые имѣютъ жительство въ чертѣ сихъ мѣстъ по контрактамъ, въ установленномъ порядкѣ заключеннымъ (Выс. пов. Им. Гос. Сов. 4 іюня).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановлено: въ составъ имущественнаго жєнщины и дѣвцами, непринадлежащими жєн-

ному вѣдомству и къ крѣпостному званію, освобождаются до совершеннолѣтія, не исключая и тѣхъ изъ сихъ незаконнорожденныхъ, которые отданы отъ приказовъ общественнаго призрѣнія на воспитаніе, отъ платежа повинностей; по достиженіи же совершеннолѣтія причисляются въ городское или сельское состояніе, въ которое сами поступить пожелаютъ, на томъ основаніи, какъ въ статьяхъ 495 и 496 ст. Зак. о Сост. (т. IX, изд. 1842 г.) постановлено (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 1 июня).

— Для ярмарки, существующей въ Ирбитѣ съ 15 февраля по 15 марта, назначенъ срокъ съ 1-го февраля по 1-е марта.

— Открыты три окружныя коннозаводскія правленія: Быловодское, Харьковской-Губерніи, Старобальскаго-Уѣзда, въ заштатномъ городѣ Быловодскѣ; Скопинское — Рязанской-Губерніи, въ городѣ Скопинѣ и Починковское, Нижегородской-Губерніи, Лукьяновскаго-Уѣзда, въ заштатномъ городѣ Починкахъ.

— Высочайше повелѣно: 1) въ Бакинскомъ-Уѣздѣ, Каспійской-Области, открыть упраздненное Маштагинское Участковое Управленіе, назначитъ въ него участкаго заสдателя, помощника его, письмоводителя и одного переводчика, съ содержаніемъ по послѣднему сокращенному штату, считая чинамъ присвоенному, съ назначеніемъ и на канцелярскіе расходы въ 150 р. сер. въ годъ. 2) Бакинское Попечительство Государственныхъ Имуществъ упразднить, заведываніе же онымъ возложить на помощника уѣзднаго начальника, и 3) потребный на содержаніе Маштагинскаго Участковаго Управленія расходъ 2,070 р. сер. обратить частью на стипендію, отпускаемую нынѣ на содержаніе упраздняемаго попечительства государственныхъ имуществъ, всего 1,065 руб., частью на отпусаемыя теперь 460 руб. на содержаніе положенныхъ при помощникѣ уѣзднаго начальника переводчика и писца и на канцелярскіе ему расходы; остальные же за тѣмъ 545 руб. отнести на 6,000 сер., предоставленныхъ ежегодно въ распоряженіе главнаго управленія на усиленіе разныхъ частей по случаю сдѣланнаго сокращенія штатовъ оныхъ.

### III. Законы относительно службы гражданской.

— Лекторамъ языковъ въ университетахъ и лицеехъ и вообще докѣторамъ, которымъ предоставлено пользоваться правами университетскихъ лекторовъ, присвоенъ IX классъ по чинопроизводству (Высоч. повел., объявл. 1 июня).

— Высочайше повелѣно: на будущее время, по силѣ 40 ст. Свода Законовъ о Сост., т. IX (изд. 1842 г.) возводить въ дворяне только тѣхъ обер-офицерскихъ, избираемыхъ для того отцами ихъ, дѣтей, которые сверхъ другихъ условій, въ законѣ определенныхъ, выдержатъ экзаменъ, установленный 6 мая 1844 года для приѣма въ военную службу недорослей изъ дворянъ (Высоч. повел. 8 марта).

### VI. Законы рекрутскіе.

— Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: семейства, виновныя въ укрывательствѣ бѣглыхъ еретьяковъ, отданныхъ на службу изъ того же селенія или городского

датнаго общества, къ которому сіи семейства принадлежатъ, если бѣглые приняты ими съ знаніемъ подлиннаго ихъ состоянія и не съ доказаннымъ намѣреніемъ задержать ихъ для представленія начальству, подвергаются взысканію не одного, а двухъ рекрутъ за cadaго скрывавшагося у нихъ бѣглаго; сами бѣглые остаются на службу и подвергаются наказаніямъ на основаніи военныхъ постановленій; когда между членами виновныхъ семействъ нѣтъ способныхъ къ военной службѣ, то слѣдующіе за cadaго скрывавшагося у нихъ бѣглаго два рекрута взыскиваются съ другихъ семействъ того же селенія или городского податнаго общества, участвовавшихъ завѣдомо въ укрывательствѣ или знавшихъ объ ономъ; когда же и въ сихъ участвовавшихъ въ укрывательствѣ или знавшихъ объ ономъ семействахъ также не окажется способныхъ къ военной службѣ, то два виновнѣйшіе, или буде всѣ равно виновны, начальникъ и старшій по немъ членъ семейства, у коего скрывался бѣглый, подвергаются наказанію плетью и ссылкой въ Сибирь на поселеніе. Если въ укрывательствѣ бѣглыхъ, отданныхъ ими, или изъ ихъ селенія или городского податнаго общества рекрутъ будутъ изобличены лица, взятые по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, то съ нихъ взыскивается 1,200 р. сер. за cadaго такого скрывавшагося у нихъ или съ вѣдома ихъ бѣглаго, вмѣсто 600 руб., определенныхъ за укрывательство другихъ бѣглыхъ рекрутъ (Высоч. утв. мнѣн. Гос. Сов. 1 іюня).

#### V. Законы гражданскіе.

— Относительно производства на будущее время дѣлъ объ убыткахъ, причиняемыхъ частному имуществу казенными и общественными работами и сооружеціями, постановлено: а) Удовлетвореніе за убытки, причиненные частному имуществу при производствѣ казенныхъ или другихъ общественныхъ работъ и сооружеціи, владельцы сего имущества должны отыскивать отъ казны или отъ тѣхъ вѣдомствъ и обществъ, на суммы которыхъ помянутыя работы производились и б) рѣшенія гражданскихъ палатъ по симъ дѣламъ, когда они принадлежатъ собственно къ вѣдомству Главнаго Управленія Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, сообщать на заключенія, вмѣсто палатъ казенныхъ и государственныхъ имуществъ, по гражданской строительной части, въ мѣстныя губернскія строительныя комиссіи, а по путямъ сообщенія, въ окружныя правленія путями сообщенія. (Выс. утв. мнѣн. Гос. Сов. 19 марта).

— Постановлено: для ходатайства по тяжбымъ дѣламъ приписныхъ къ керченскимъ заводамъ крестьянъ, когда дѣла эти возникнутъ судебнымъ порядкомъ, назначать, по распоряженію генерал-губернатора Восточной-Сибири, одного изъ чиновниковъ Нерчинскаго Горнаго Правленія, съ тѣми правами, какія удѣльному стряпчему предоставлены. Чиновника сего, какъ пользующагося по производству упомянутыхъ дѣлъ правами стряпчаго, платежу судебныхъ издержекъ, на основаніи 3892 г. Св. Зак. Граж. (т. X, изд. 1842) не подвергать (Высоч. утв. мнѣн. Гос. Сов. 1 іюня).



— Постановлено, что сила 575 ст. Св. Учр. Торг. (т. X, изд. 1842), которою чиновникамъ полиціи, въ случаѣ обвиненія ихъ въ умышленнѣхъ по вексельнымъ дѣламъ, предоставляется право апелляціи, хотя бы сумма положеннаго на нихъ коммерческимъ судомъ взыскапія была менше той, какая назначена для переноса дѣлъ въ Правительствующій Сенатъ, распространяется и на членовъ конкурсныхъ управленій.

— Постановлено, что дѣла уголовныя и возникающія по мѣсту жительства дѣла гражданскія пребывающихъ въ городѣ Уральскѣ иногородныхъ купцовъ и другихъ состояній лицъ, по невольнѣму тѣмъ неустраха и уезднаго суда, должны быть рассматриваемы Уральскою Войсковою Канцелярією на томъ же основаніи, на какомъ дѣла сіи рассматриваются вообще въ уездныхъ судахъ и магистратахъ.

— Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Гражданскихъ Дѣлъ и Законовъ и въ Общемъ Собраніи, на тремъ запискамъ, внесеннымъ главноуправляющимъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣлу о силѣ и дѣйствіи вѣсковой давности, рассмотрѣвъ представленныя на разрѣшеніе его частныя о давности вопросы.

*Объ исчисленіи давности по смерамъ о законности рожденія.* Правннн въ уваженіе, что вопросъ сей касательно дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, разрѣшенъ уже статьями 192 и 237 Св. Зак. Гражд. (т. X, изд. 1842 г.), Государственный Совѣтъ, согласно съ общимъ заключеніемъ министра юстиціи и главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ, призналъ ненужнымъ входить въ дальнѣйшее по оному сужденію. *Объ исчисленіи давности при переходѣ правъ собственности отъ одного лица къ другому, и въ особенности когда сіе послѣднее будетъ малолѣтнимъ.* По вопросу сему, Государственный Совѣтъ, соглашаясь вполне съ заключеніемъ Сената о порядкѣ зачисленія въ счетъ давности преемнику чьихъ-либо правъ времени, протекшаго для его предшественника, находилъ, что на время малолѣтства, когда владѣлецъ не имѣетъ еще собственной воли въ распоряженіи иманіемъ, теченіе давности весьма справедливо приостанавливается; но начинать потомъ исчисленіе оной вновь, какъ бы прежней совсѣмъ не существовало, значитъ присвоить малолѣтнему болѣе правъ, нежели имѣлъ его предшественникъ. Изъ сего правила въ пользу малолѣтнихъ возникаетъ очевидная несправедливость для всѣхъ другихъ тяжущихся сторонъ, ибо такимъ образомъ для утвержденія правъ противной малолѣтнимъ стороны, иногда вполнѣ добросовѣстныхъ, можетъ потребоваться вмѣсто одного десятилѣтія 30, 40 и болѣе лѣтъ, въ томъ случаѣ, когда право на искъ будетъ переходить отъ одного малолѣтняго къ другому. Въ семъ уваженіи, какъ для обезпеченія добросовѣстныхъ владѣльцевъ, такъ и для самаго единаго образа въ законахъ о малолѣтствѣ, Государственный Совѣтъ, согласно предположенію Сената, призналъ вполне справедливымъ и достаточнымъ ограничить давность для начатія исковъ по достиженіи совершеннолѣтія двумя годами, которые уже предоставлены, какъ и Сенатъ соизволилъ, для возобновенія апелляціи (Св. Зак. Гражд. ст. 277 и 251 п. 1) и согласно съ тѣмъ постановить: 1) Наслѣднику или преемнику

прош. вѣтчанства, недвижимого и принадлежащихъ ему имуществомъ неже десяти лѣтъ, должно оставаться столько времени для начатія иску, сколько оставалось въ день смерти его предшественника, или въ день перехода къ нему правъ на имущество (въ доп. ст. 479 и 1232 Св. Зак. Гражд.). 2) Если наследникъ или преемникъ права на имущество будетъ малолѣтний, то на все время малолѣтства его теченія давности приостанавливается. Съ достиженіемъ же совершеннолѣтія, ему предоставляется по вышесказанному только остальное отъ его предшественника время; но буде оно оставитъ менѣе двухъ лѣтъ, то ему предоставляются полныя два года (въ примѣн. ст. 218, 917 и 2232-й Св. Зак. Гражд.). *Примѣчаніе 1.* Лицѣмъ, достигшимъ совершеннолѣтія прежде изданія настоящаго установленія, назначается также для начатія и возобновленія исковъ двухъ-лѣтній срокъ, если со времени ихъ совершеннолѣтія до обнародованія сихъ правилъ прошло не болѣе восьми лѣтъ; въ противномъ случаѣ они пользуются симъ правомъ на основаніи постановленій ст. 2232 Св. Зак., т. е. до истеченія токмо десятилѣтней давности со дня достиженія ими совершеннолѣтія. *Примѣчаніе 2.* Вся вышенложенная давность и исключенія давности для малолѣтнихъ распространяются и на Область-Бессарабскую. *О давности по дѣламъ умалишенныхъ и глухонемыхъ.* Вся связанное вышю сего о неудобствахъ малолѣтнею отдавнн сроду давности по малолѣтству, едва-ли не съ болышею еще основательностію можетъ быть применено къ умалишеннымъ и глухонемымъ. Провизавя посему справедливѣмъ сравнить въ семъ отношеніи малолѣтнихъ и глухонемыхъ съ малолѣтними и имея въ виду, го по силѣ закона (ст. 346 и 351 Св. Зак. Гражд.) опекунами къ нимъ предоставляется преимущественно ихъ наследники, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя предоставить пользоваться особыми правами на имущество, Государственный Советъ возложилъ постановить слѣдующее: 1) Умалншенныя и глухонемыя, лишенные вовсе способности выражать свою волю, сравниваются въ отношеніи давности съ малолѣтними, съ тѣмъ, что срокъ давности считается для нихъ со дня, когда на, по свидѣтельствуваніи; на основаніи 348 и 351 ст. Св. Гражд. зак. будутъ признаны здоровыми и способными свободно изъявлять вою волю и изъявлять свою волю и по опредѣленію Правительствующаго Совета: будутъ введены въ управленіе и распоряженіе своими имѣніями (въ допол. ст. 348, 351 и 2232-й Св. Зак. Гражд.). 2) По жару умалишенныхъ и глухонемыхъ, наследники ихъ, если они или при нихъ опекунами или попечителями, не могутъ пользоваться какими особыми срокомъ давности, и право на начатіе исковъ въ теченіи двухъ лѣтъ отъ сего времени къ нимъ не применяется (въ доп. ст. 348, 351 и 2232 Св. Зак. Гражд.). *О давности по завладѣнію казенными землей и угодіи.* Государственный Советъ, согласно съ мнѣніемъ юстиціи положилъ: въ дополненіе 478 ст. Св. Зак. Гражд. постановить; какъ одно пользованіе не составляетъ основанія къ пріобрѣтенности, то государственныя крестьяне, городскія общества и дворяне установлеція, равно всѣ тѣ, которымъ даны казенныя земли

въ пользованіе на известныхъ условіяхъ, или для известнаго употребленія, не могутъ приобрести въ свою собственность, по праву давности, казенныхъ земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, какъ бы долго то пользованіе имъ простиралось: ибо для силы давности надобно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи». О силѣ и дѣйствіи давности въ отношеніи межевыхъ актовъ. Въ отношеніи дѣйствія давности по спорамъ между цѣлыми обмежеванными дачами, Государственный Совѣтъ призналъ, что при существующемъ различіи между спорами межевыми и гражданскими, если съ одной стороны не должны быть производимы межевымъ порядкомъ дѣла о правахъ владѣнія на цѣлую дачу или о правѣ собственности на участокъ, поступившій къ владельцу по законному перекапленію или по наследственному праву, то съ другой вся дѣла о завладѣніи чрезъ межу при существованіи или по изглаженіи оной подлежатъ разбору межевымъ порядкомъ, при которомъ межевые книги составляютъ преимущественное доказательство; въ семъ смыслѣ общано правительствомъ, что утвержденныя при генеральномъ межеваніи границы и основанныя на утвержденіи оныхъ права останутся навсегда незыблемыми. Въ случаѣ спора о правѣ собственности, крѣпости, доказывающія оное, должны безъ всякаго сомнѣнія имѣть преимущество передъ планами и межевыми книгами; но если сими послѣдними утверждается непоколебимость границъ, то можно ли это относить только ко времени генеральнаго межеванія? Въ такомъ случаѣ землеустроитель, возобновивъ старую межу безъ всякой дачи обѣихъ сторонъ пользы, проведетъ новую по мѣрѣ завладѣнія, и тогда всякое завладѣніе повлечетъ за собою пересочиненіе плановъ, весьма затруднительное и почти невозможное до внутренняго размежеванія дачъ общаго владѣнія. Подобное постановленіе совершенно бы противорѣчило межевой инструкціи (гл. XXXIII н. 2-го), а также и указу 1823 г. Апрѣля 12 (29421), которымъ подтверждено, что въ разборѣ споровъ о границахъ должно руководствоваться только полевыми генеральнымъ межеваніемъ границами и выданными отъ межевыхъ правительствъ планами и межевыми книгами; а если кто жаловаться будетъ, что соседственныхъ особо обмежеванныхъ дачъ владельцы перешедъ за межу, утвержденную между ними по генеральному межеванію, сдѣлали вновь завладѣніе, то руководствоваться существующими на то особыми правилами, не нарушая отнюдь межу, утвержденную генеральнымъ межеваніемъ и межевыми правительствами. Особые правила, о коихъ упомянуто въ семъ указѣ, относятся до разбора споровъ между владельцами общей дачи, порядокъ разрѣшенія коихъ объясненъ въ межевой инструкціи. Въ сихъ правилахъ, о соблюденіи коихъ слѣдуетъ дано повсемѣстное подтвержденіе, предписано руководствоваться прежде до спеціальнаго межеванія писцовыми книгами и прежними планами; но относительно споровъ о завладѣніи между соседственными дачами постановлено именно, что они разрѣшаются не гражданскимъ, а межевымъ порядкомъ, на основаніи межевыхъ актовъ, а не другими какими крѣпостями. Объясненіе сіе совершенно согласно и съ основаніемъ принятымъ въ Высочайше утвержденномъ 8-го апрѣля 1843 года указомъ

ни Государственнаго Совета по дѣлу Протопопова. Въ мнѣніи семъ сказано, что не только разумъ, но и самыя слова законовъ (ст. 579 и 580 Св. Мѡж. Зак. изд. 1832 и ст. 715 и 716 изд. 1842 года) ясно опредѣляютъ, что тѣмбы о цѣлыхъ дачахъ, хотя бы онѣ и были обмежеваны, или о земляхъ необойденныхъ генеральною межею, подлежатъ воля въ дѣйствію давности; но споры о поземельныхъ захватахъ въ чертахъ генеральнаго межеванія разрѣшаются единственно планами и межевыми книгами, безъ всякихъ обысковъ о древнемъ владѣніи, бывшемъ до утвержденія межей. Иначе сіе и быть не можетъ: ибо допустить возможность нарушенія границъ генеральнаго межеванія давностію завладѣнія, значило бы повергнуть поземельную собственность къ первобытвоему неустройству, существовавшему до межевой инструкціи, когда пограничные споры разбирались не столько судебнымъ производствомъ, какъ драками на межахъ и другими насиліями. Тогда ни кавы въ крѣпостяхъ урочища, ни описанія смежности, ни извѣстная мѣра, ни самыя крѣпости не будутъ уже имѣть своей силы; нужно одно лишь засвидѣтельствованіе о старинномъ владѣніи стороннихъ людей, конхъ иногда не трудно преклонить и къ показаніямъ несправедливымъ. Напротивъ, единственно чрезъ соблюденіе кореннаго основанія воземельной собственности, т. е. чрезъ признаніе границъ генеральнаго межеванія непоколебимыми, могутъ быть предотвращены захваты и неминуемое ихъ послѣдствіе — межевыя разбирательства. При существованіи общаго и череполоснаго владѣнія и перепродажъ изъ рукъ въ руки правъ на участки, окончателно невывмежеванные, подчиненіе права, основаннаго на генеральномъ межеваніи, праву давности, повело бы къ уничтоженію послѣднихъ признаковъ безспорнаго владѣнія. Отступитъ отъ сихъ началъ, столь ясно возложенныхъ въ мнѣніи Государственнаго Совета по дѣлу Протопопова, невозможно было бы безъ нерасчета вновь и означеннаго дѣла, разрѣшеннаго окончателно Высочайшею властію. Въ слѣдствіе сего Государственный Советъ положилъ, въ дополненіе 478-й ст. Св. Зак. Гражд., постановить: 1) межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностію владѣнія; 2) равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностію и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ; права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы они опредѣляли пространство владѣній и остались навсегда безспорными, и 3) всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ, должны разрѣшаться, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами. *О дѣйствіи общаго срока давности по дѣламъ, возникшимъ въ Бессарабской-Области до введенія туда сего срока.* Согласно заключенію главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ, принятому и министромъ юстиціи, Государственный Советъ, въ разрѣшеніе сего вопроса, положилъ къ ст. 2232 Св. Зак. Гражд. составить особое примечаніе въ слѣдующемъ видѣ: Въ Бессарабской-Области срокъ десятилѣтній для земской давности введенъ указомъ 28 мая 1823 г. (29486). Посему въ дѣлахъ по искамъ, предъявленнымъ въ надлежачемъ законами установленномъ порядкѣ, прежде распубликованія сего указа, давность исчисляется сообразно съ существовавшими о семъ

дотемъ въ семъ край постановлѣніями, по волежъ же протѣраннымъ  
 послѣ обнародованія означеннаго указа искамъ признается въ осно-  
 ваніе общій о давности законъ. *О давности по дѣламъ, оставшимся  
 безъ производствъ въ судебныхъ мѣстахъ.* Принимая въ соображеніе съ  
 одной стороны, что настоящій вопросъ, какъ и Сенатомъ замечено,  
 можно разрѣшается существующимъ закономъ (ст. 2232 Св. Зак. Гражд.),  
 въ которомъ сказано: кто, производя искъ, деслять лѣтъ не будетъ  
 имѣть по оному хожденію, таковой искъ да уничтожится и дело да  
 предается вѣчному забвенію, а съ другой, что въ измѣненію сего зако-  
 на, действующаго безъ всякаго изъятія и досель вѣснымъ единообразно  
 понимаемаго, не представляется, по-крайней-мѣрѣ до переносу гражд-  
 анскаго судопроизводства, достаточныхъ причинъ, Государственный  
 Советъ проложилъ: признавъ сей вопросъ не требующимъ нѣкъ особо-  
 го разрѣшенія. *О давности для рѣшенія судебныхъ мѣстъ.* Сообразно съ  
 сужденіемъ по предшествовавшему вопросу, Государственный Советъ  
 изложилъ, что исполненіе судебныхъ рѣшеній должно такъ же подчинять  
 подъ давность, какъ и самое судопроизводство. Судебный приговоръ  
 есть лишь признаніе или подтвержденіе какаго либо права, а потому и  
 дѣйствіе онаго, ни въ чемъ нестѣтнее отъ дѣйствія всякаго иного  
 основанія права, должно быть подчинено тѣмъ же ограниченіямъ. А  
 какъ договоры, купчи крѣпости и всякіе акты, отъ дѣйствія давности  
 неизъятые, бывъ оставлены въ безгласности болѣе десяти лѣтъ, тер-  
 ряютъ свою силу, то нѣтъ достаточной причины освобождать отъ дѣй-  
 ствія давности и судебные приговоры при молчаніи о томъ законъ; но  
 правило о твердости и неизмѣнности судебныхъ рѣшеній не состоитъ  
 въ противорѣчій съ правиломъ о давности: рѣшеніе твердо и неиз-  
 мѣнно пока не прошло въ безгласности опредѣленный срокъ, но какъ  
 скоро онъ минулъ, то вступаютъ въ силу законъ о давности. Обра-  
 щаясь отъ сихъ общихъ разсужденій въ-особенности къ ст. 2234 Св.  
 Зак. Гражд., въ которой дѣла, рѣшенныя именными указами, изъяты  
 отъ давности, Государственный Советъ принялъ во вниманіе, что при  
 сужденіи о томъ въ Общемъ Собраніи Сената, большинство сенаторовъ  
 находило, что при существующемъ нѣкъ образѣ изъясненія въ испол-  
 неніи Высочайшихъ указовъ и повеланій, рѣзительно не можно  
 поглядывать, чтобы какое либо Высочайшее повеланіе осталось въ  
 безгласности болѣе десяти лѣтъ, но еслибы это и случилась, то право  
 ищущаго должно признавать уничтоженнымъ: силою давности. Сообразно  
 сіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что воъ судебныхъ рѣшеніяхъ, и-  
 же и въ низшихъ инстанціяхъ, постановляются отъ Высочайшаго  
 имени. Не чтобы, съ исключеніемъ изъ Св. ст. 2239-й Зак. Гражд., не  
 ослабить обязанности по исполненію судебныхъ рѣшеній только по  
 именнымъ указамъ, но вообще по судебнымъ рѣшеніямъ, отъ Высочайшаго  
 имени послѣдовавшимъ, Государственный Советъ принялъ  
 неизмѣннымъ виновныхъ въ томъ подвергать особому разысканію. В-  
 слѣдствіе сего Государственный Советъ полагалъ, въ замѣнъ 2239-й  
 ст. Вак. Гражд. постановить: рѣшенія судебныхъ мѣстъ, болѣе десяти  
 лѣтъ необращеннымъ въ исполненію, если въ-точности сего времени не

было ни съ чьей стороны ни требованія, ни просьбы о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, или хотя и обращенія къ исполненію, но оставшіяся болѣе десяти лѣтъ, со времени полученія указовъ, неисполненными, когда въ-продолженіе сего времени также ни съ чьей стороны о приведеніи ихъ въ дѣйствіе ни требованія, ни просьбы не было, сраютъ свою силу по общимъ правиламъ о давности; но виновные въ вышеихъ причинноу того унуженіяхъ или злоупотребленіяхъ члены или секретари судебныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ, подвержены наказаніямъ по законамъ уголовнымъ. *О давности для признанія имѣнія выморочнымъ.* Согласно замѣчанію министра юстиціи и заключенію главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Государственный Советъ, въ поясненіе ст. 979 и 981 Св. Зак. Гражд., положилъ: 1) ст. 79 изложить въ слѣдующемъ видѣ: когда послѣ умершаго владѣльца о останется вовсе наследниковъ, или хотя и останутся, но никто изъ нихъ не явится въ теченіе десяти лѣтъ со времени послѣдняго припечатанія въ ведомостяхъ вызова о явкѣ для полученія наследства, или е изъ явившихся въ сей срокъ никто не докажетъ своего права, тогда имущество признается *выморочнымъ*. 2) Къ ст. 981 сдѣлать слѣдующее поясненіе: въ случаѣ неявки наследниковъ въ полугодовый срокъ, имѣніе поступаетъ въ опекунскае управленіе. Предварительная п явля для сохраненія имущества, которое хотя не есть еще выморочное, но можетъ быть въ-послѣдствіи признано таковымъ, не препятствуетъ одинаково возвращенію имѣнія наследникамъ, буде они предъявятъ права свои до истеченія установленнаго срока. *О давности въ отношеніи къ имуществу, находящемуся въ управленіи одного изъ соучастниковъ.* Въ разрѣшеніе вопроса сего Государственный Советъ, соизащася съ заключеніемъ Общаго Собранія Сената и сдѣланными къ тому министромъ юстиціи и главноуправляющимъ III Отдѣленіемъ дознаніями, положилъ, въ поясненіе ст. 1025—1028-й Св. Зак. Гражд., установить слѣдующія правила: 1) Соучастники въ наследствѣ общаго имѣнія теряютъ права свои тогда только, когда не предъявятъ ихъ въ теченіе десяти лѣтъ со дня учиненнаго публичнаго вызова, буде такой былъ сдѣланъ, считая началомъ срока послѣднее припечатаніе въ ведомостяхъ. 2) Владѣніе одного изъ соучастниковъ общимъ ихъ имѣніемъ по заключенной между ними добровольной записи, или иной такъ, или по узаконенной доверенности, какъ зависящее отъ актовъ словныхъ, не можетъ быть превращаемо чрезъ давность въ право исключительной или исключительной сего владѣльца собственности. 3) Если соучастникъ, владѣній имѣніемъ, хотя бы то было и безъ надѣющаго уполномочія, показывалъ оное предъ присутственными мѣстами собственностію, обще съ другими ему принадлежащею, или выдѣлявалъ соучастникамъ ежегодно доходы, а въ-послѣдствіи то жъ само имѣніе началъ показывать исключительною своею собственностію, то въ семъ случаѣ давность считается для отсутствующихъ соучастниковъ не со дня публикаціи, а со дня, въ который общее имѣніе показано единственною собственностію владѣющаго, или въ который сдѣлана послѣдняя уплата доходовъ, смотря по тому, что было поздне.

4) Что же касается до споровъ, возникающихъ изъ управленія общинъ имѣніемъ, независимо отъ права собственности на оное, то споры сіи, какъ и вся вообще гражданскіе искъ, подлежатъ дѣйствію общей давности. При сужденіи о различныхъ случаяхъ примѣненія вышесказанныхъ правилъ, возникъ еще одинъ вопросъ: какъ считать давность въ такомъ случаѣ, если вызова наследниковъ вовсе не было сдѣлано? Принимая въ уваженіе съ одной стороны, что при существованіи въ законѣ определенныхъ именно мѣръ (ст. 1008, 1009 и 1024 Св. Зак. Гражд.) для обезпеченія правъ отсутствующихъ наследниковъ, а съ другой, что подробное разсмотрѣніе сего вопроса потребовало бы соображенія, а можетъ-быть и измененія дѣйствующихъ нынѣ постановленій объ открытіи и принятіи наследства, Государственный Совѣтъ призналъ удобнѣйшимъ сей послѣдній вопросъ отложить до пересмотра законовъ гражданскихъ. *О давности по обязательствамъ, даннымъ Русскими иностранцамъ во время пребыванія ихъ за границею.* Принимая заключеніе министра юстиціи и сдѣланное къ нему дополненіе главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ, Государственный Совѣтъ положилъ въ поясненіе ст. 3049 Св. Зак. Гражд. постановить слѣдующее: 1) Русскіе подданные, заключившіе обязательства и договоры въ какомъ-либо иностранномъ государствѣ, на основаніи узаконеній того края, не могутъ и по возвращеніи въ Россію уклоняться отъ исполненія оныхъ, подъ предлогомъ истеченія срока земской давности, если сіи обязательства и по минованіи сего срока сохраняютъ свою силу по законамъ того государства, въ которомъ они составлены. 2) Для устраненія затрудненій, могущихъ возникнуть въ судебныхъ мѣстахъ отъ незнанія постановленій иностранныхъ, дляа этого рода рѣшаются иначе, какъ съ утвержденія Сената. *О давности по срочнымъ обязательствамъ и договорамъ.* Соглашаясь вполне съ заключеніемъ по сему вопросу министра юстиціи и главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Государственный Совѣтъ принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе необходимость отвратить со стороны лицъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ выданныя имъ обязательства, возможность, посредствомъ надписей на нихъ заднимъ числомъ о полученныхъ ими будто-бы уплатахъ, прикрыть потерю права своего чрезъ десятилѣтнее промолчаніе. Въ слѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ положилъ, въ поясненіе ст. 1301 и 2235 Св. Зак. Гражд. постановить: въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ уплачиваетъ часть долга, а контрагентъ выполняетъ часть принятой на себя обязанности и послѣ назначенныхъ сроковъ, подтверждая тѣмъ дѣйствительность выданныхъ обязательствъ, началомъ давности считается первый день послѣ того, въ который сдѣлана позднѣйшая уплата, или выполненіе обязанности произведены дѣйствительно до истеченія давности. *О давности въ отношеніи имѣній, заложенныхъ въ кредитныя установленія.* По вопросу сему Государственный Совѣтъ положилъ, въ поясненіе существующихъ правилъ, постановить: переходъ иманія, заложеннаго въ кредитномъ установленіи, отъ одного владѣльца къ другому въ слѣдствіе давности, не ослабляетъ правъ кредитнаго установленія, которое, въ случаѣ неплатежа долга, или просрочки, обращается

въ заложеному мнѣнію, въ чьемъ бы владѣніи оно ни находилось; но такое право кредитнаго установленія не можетъ служить должнику къ установленію собственнаго его права, еслибы оно было утрачено съ той стороны пропусченіемъ давности въ отношеніи къ постороннему лицу. *О давности по неисполненнымъ купчимъ.* Согласно основанію, въ мнѣніи министра юстиціи принятому, Государственный Совѣтъ призналъ, что вопросъ этотъ ясно разрѣшается существующими законами (ст. 2232 в. Зак. Гражд.), а потому и не требуетъ особаго постановленія. *О примѣненіи давности къ 10-ти лѣтнему владѣнію, которое продолжается безпрерывно.* Признавая, что пропусченіемъ срока давности должно быть почтваемо лишь промолчаніе вотчинника о правѣ своемъ въ теченіи 10 лѣтъ сряду, когда имущество во все то время не состояло въ его владѣніи, Государственный Совѣтъ нашелъ, что вопросъ этотъ не требуетъ особаго разрѣшенія. *О давности по искамъ о бѣглыхъ.* Находя, согласно съ министромъ юстиціи, что вопросъ этотъ вполне разрѣшается статьею 956 Св. Зак. о Сост., Государственный Совѣтъ призналъ также не излишнимъ сообразно тому сдѣлать дополненіе къ ст. 478 в. Зак. Гражд., сказавъ въ немъ, что дѣйствіе 10-ти лѣтней давности не распространяется на отысканіе бѣглыхъ людей, буде только о поимкѣ ихъ поданы были въ узаконенное время явочныя прошенія. *О давности на представленіе къ зачету рекрутскихъ квитанцій.* Вопросъ этотъ уже разрѣшенъ ст. 442 Св. Рекр. Уст., въ которой сказано: на представленіе квитанцій къ зачету никакой давности не полагается. *О давности по дѣламъ о недвижимомъ имѣніи для находящихся за границею по службѣ.* Согласно съ общимъ заключеніемъ министра юстиціи и главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Государственный Совѣтъ оложилъ къ ст. 2240 Св. Зак. Гражд. присовокупить примѣчаніе слѣдующаго содержанія: постановленное въ сей статьѣ правило о лицахъ, находящихся въ заграничныхъ походахъ, распространяется равнымъ образомъ какъ на военнослужащихъ, такъ и на тѣхъ гражданскихъ инвониковъ, которые участвуютъ въ походахъ, или же во время онаго входятся въ особенныхъ временныхъ, по военнымъ обстоятельствамъ, командировкахъ, если по случаю похода постановлена и объявлена отсрочка сего рода (ст. 2139). Въ заключеніе Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: по отдѣльнымъ вопросамъ сообщать къ исполненію вышеннеложенныя дополненія, поясненія и измѣненія подлежащихъ статей Св. Законовъ. На ономъ мнѣніи написано: «Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта по дѣлу о силѣ и дѣйствии земской давности Высочайше утвердить соизволивъ и повелѣвъ исполнять.» 23 апрѣля 1845 года.



## СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ПОЛЪ 1845 ГОДА.

**Народное преступленіе.** — Въ-слѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, Высочайше соизволяетъ на приведеніе въ дѣйствіе постановленія профессорамъ и чиновникамъ Казанскаго Университета о составленіи на ихъ счетъ капитала въ четыре тысячи рублей, для учрежденія въ этомъ университетѣ одной стипендіи подъ названіемъ *Мусина-Пушкина*, на основаніи составленнаго ими 21-го апрѣля 1845 года на сей предметъ акта. Содержаніе этого акта слѣдующее: мы, подписавшіеся профессора и прочіе чиновники Императорскаго Казанскаго Университета, по чувству благодарности къ бывшему своему начальнику, почетному Казанскаго Учебнаго Округа, а нынѣ почетному Санктпетербургскаго Учебнаго Округа, тайному совѣтнику Мусину-Пушкину, желая волевыми учрежденіемъ сохранить навсегда память въ университетѣ, какъ главномъ воспитательномъ заведеніи всего учебнаго округа, по собственному добровольному на то вызову въ общемъ нашемъ собраніи постановили: 1) составить капиталъ въ 4,000 руб., удаливъ для того при каждой намъ выдачѣ пятидесятую часть изъ всего полученнаго нами отъ университета жалованья и продолжая такой вычетъ отъ каждаго лица, состоявшаго на службѣ въ университетѣ по 21 апрѣля 1845 года, пока въ этой службѣ остается и пока она основана сумма пополнится; 2) это постановленіе считается обязательнымъ для тѣхъ только, ямъ оно подписано; но для составленія всей суммы 4,000 руб. принимаются неограниченно всякаго рода пожертвованія, какъ университетскихъ, такъ и чиновниковъ всего Императорскаго Учебнаго Округа, состоявшихъ на службѣ по 21 апрѣля 1845 г. въ-продолженіи времени, когда Мусинъ-Пушкинъ въ званіи почетнаго управлялъ учебнымъ округомъ; 3) вся собираемая такимъ образомъ сумма, пока пополнится, должна храниться въ университетскомъ казначействѣ, записываться въ особую статью и быть поворяема наравнѣ съ прочими университетскими деньгами; 4) сумма, дошедъ до 4,000 руб. или случайно нѣсколько болѣе, должна быть отослана немедленно въ одно изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, гдѣ и оста-

ваться навсегда неприкосновенною подъ названіемъ *Музина-Пушкина казначей*; 5) проценты со всей суммы будутъ выслаиваться въ университетъ по 1-е января каждаго года и присоединяться къ суммѣ на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ въ Казанскомъ Университетѣ; 6) на счетъ присоединенной процентной суммы предполагается содержать въ университетѣ одного студента подъ названіемъ пансіонера *Музина-Пушкина*, который воспитанникъ, не принадлежа къ числу казенныхъ, пользуется всѣмъ правомъ свободы при выборѣ для себя государственной службы съ окончаніемъ ученія, или по какому-либо причинамъ выбывъ изъ университета до окончанія полного курса наукъ; 7) въ пансіонеры *Музина-Пушкина* могутъ быть только принимаемы изъ дѣтей чиновниковъ въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ; 8) испытательные комитеты, учреждаемые для пріема въ студенты, удостоверяютъ и къ принятію пансіонеромъ *Музина-Пушкина* того изъ молодыхъ людей, кто признанъ будетъ отличнымъ предъ всѣми по своимъ познаніямъ на испытаніи; 9) для того испытательные комитеты предъ закрытіемъ ихъ, по окончаніи всѣхъ испытаній, соединившись подъ предводительствомъ ректора, приступаютъ къ выбору пансіонера, если мѣсто для него свободно. Выборъ дѣлается письменно съ назначеніемъ не болѣе пяти кандидатовъ отъ каждаго члена въ комитетъ и рѣшается большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, выборъ дѣлается по жребію; 10) управляющему Казанскимъ Учебнымъ Округомъ, ректору университета Лобачевскому, предоставляемъ распоряженіе приступить къ сбору означенной суммы и хранить деньги тѣмъ порядкомъ, какъ здѣсь сказано; 11) ему же, управляющему округомъ, предоставляемъ о такомъ нашемъ постановленіи товѣсти до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія и испросить утвержденіе, и 12) такое наше предположеніе сдѣлать извѣстнымъ по всему Казанскому Учебному Округу. Подлинное подписали: пятьдесятъ профессоровъ и прочихъ чиновниковъ Казанскаго Университета.

— Высочайше повелѣно: Московскую Медико-Хирургическую Академію, въ замѣнъ которой будетъ распространенъ медицинскій факультетъ Московскаго Университета, закрыть съ 1-го августа сего 1845 года.

**Промышленность.** — Выдавы привилегій: 1) фортепьянному мастеру Гейбому на изобрѣтенный имъ инструментъ ролятъ, который, по объясненію его, не уступаетъ лучшимъ ролямъ, меньше онаго вдвое, легче фортепьянъ, и 2) арендатору Іогану Вильгельму Якоби на введеніе въ Россію новозобрѣтеннаго въ Германіи и усовершенствованнаго имъ снаряда для винокуренія. Преимущества сего снаряда, по объясненію Якоби, заключаются въ томъ, что онъ прочнее и дешевле употребляемыхъ до сего времени въ Россіи паровыхъ снарядовъ съ рѣвлянными бражными и перегонными кубами; сберегаетъ половину топлива, доставляетъ произведенія, освобожденные отъ пригара пара, потому безвредныя; удобно чистится во всѣхъ частяхъ; безъ труда ставивается во всякой винокурнѣ; посредствомъ его можно выкупать по желанію болѣе или менѣе, сперва чистаго спирта, потомъ

нолугара или пѣнника. Посредствомъ сего снаряда можно добывать возможное количество вина, и какъ онъ весь дѣлается изъ мади, то и устраняется малѣйшая потеря уходомъ винныхъ паровъ черезъ сѣчкины дерева, которая при обыкновенныхъ снарядахъ, какъ доказано опытомъ, немаловажна, и какъ при настоящемъ аппарате совершенно устраняется утечка, то и выигрывается много времени. Особенно примечателенъ при этомъ устройствѣ согревательный приборъ, который соответствуетъ двойной цѣли, ибо посредствомъ его брага согревается безъ особаго топлива до 65 и 70 градусовъ по реомюру, и въ то же время очищаются проходящіе изъ чана винные пары.

---

## ВВОЗЪРНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АВГУСТЪ 1845 ГОДА.

### I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СЪСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Высочайше повелано: до окончательнаго разрѣшенія общихъ предложеній по устройству торговли, таможенъ и карантиновъ на восточномъ берегу Чернаго-Моря, сдѣлать, въ видѣ временной мѣры, слѣдующія распоряженія: 1) открыть въ Новороссійскѣ, на северовосточномъ берегу Чернаго-Моря, портъ, для пріема приходящихъ изъ-за границы судовъ россійскихъ и иностранныхъ, на томъ же основаніи, какъ оныя опускаются въ Сухум-Кальскій портъ, учредивъ въ Новороссійскѣ таможенную заставу, по штату для Сухум-Кальской Таможенной Заставы постановленному, съ отнесеніемъ по оному 2,325 руб. для новороссійской заставы на счетъ государственнаго казначейства; 2) дозволить привозить въ новороссійскій портъ тѣ же самыя товары, которые дозволены къ привозу въ Сухум-Кале по 2285 ст. Свода Уст. Тамож. (изд. 342 г.) и по Высочайше утвержденной 29-го ноября 1844 года росписи товаровъ, допускаемыхъ безпошлинно къ таможеннымъ мѣстамъ между узами Кубанью и Ингурою; 3) срокъ для очистки пошлиною востранныхъ товаровъ въ Новороссійскѣ назначенъ мѣсячный, который по упомянутой 2285 ст. постановленъ для привозимыхъ въ Сухумъ товаровъ, змінивъ новороссійскій заставъ въ обязанность руководствоваться вообще теми же таможенными правилами, какія определены въ Сухум-Кальской заставѣ; 4) ближайшее наблюденіе по таможенной части на прострѣствѣ береговой линіи отъ Бугазскаго Пролива до рѣки Ингуры предоставлять начальнику этой линіи, съ правами, какими по таможенной части въ закавказскомъ крайъ пользуется управляющій ономъ съѣздомъ совѣта главнаго управленія закавказскаго края, и въ-слѣдствіе этого исключить анапскую таможенную изъ заведенія керчь-снкопольскаго градоначальника, а Сухум-Кальскую таможенную заставу изъ вѣдомствъ управляющаго таможенной частью закавказскаго края, и 5) начальнику 1-го отдѣленія береговой линіи предоставлять по таможенной части оной между Бугазскимъ-Проливомъ и рѣкою Ингурою права, равныя предѣленнымъ для помощника управляющаго закавказскимъ таможенничь округомъ (Высоч. повел. 22-го іюня).

— Изданы первыя двѣ части Свода Мѣстныхъ Узаконеній Губерній степейскихъ, и при семъ Высочайше повелано: 1) что эти первыя части должны воспріять полную силу и дѣйствіе закона съ 1-го января 1846 года; 2) что съ этого времени статьи оныя должны быть приложены и применяемы къ дѣламъ всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ.

ныхъ мѣсть, на томъ же основаніи, какъ дѣлаются подобныя узаконенія на статьи общаго Свода Законовъ Имперіи; 3) что по прочимъ частямъ мѣстныхъ узаконеній, т. е., по законамъ гражданскимъ и по судопроизводству гражданскому и уголовному, впредь до обнародованія отдѣльных частей этого Свода, правительственныя и судебныя власти и частныя лица имѣютъ, продолжая руководствоваться дѣйствующими постановленіями, ссылаться въ производствѣ дѣлъ, какъ доселе, на отдѣльныя положенія, указы и другія узаконенія; 4) по этому же правилу они обязаны слѣдовать и въ дѣлахъ, касающихся крестьянъ губерній остзейскихъ, и 5) что въ отношеніи къ этому Своду Мѣстныхъ Узаконеній Губерній Остзейскихъ, которыя, такъ же какъ и общій Сводъ Законовъ Имперіи, не измѣняются ни въ чемъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій и оныя только приводятся въ единообразіе и систему, порядокъ, установленный на случай неясности самаго закона въ существѣ его, или же недостатка или неводноты въ его изложеніи, для поясненія и дополненія законовъ остается тотъ же, какой существовалъ донынѣ.

— Обнародованы Высочайше утвержденныя въ первый день декабря 1844 года особыя правила объ еспризываніи въ войскахъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса.

— Обнародованы Высочайше утвержденныя въ 20-й день іюля правила о порядкѣ специальныхъ испытаній для производства въ первый классный чинъ по ведомству Министерства Финансовъ и Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ.

— Въ 16-й день іюля Высочайше утверждено положеніе о законныхъ наследственныхъ иманіяхъ. Оно содержитъ въ себѣ пять отдѣленій: 1) о учрежденіи заповѣдныхъ наследственныхъ иманій; 2) о порядкѣ наследованія заповѣдныхъ иманій; 3) о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ заповѣдныхъ иманій; 4) о правахъ семейства и родственниковъ владѣльца заповѣднаго иманія, и 5) о порядкѣ уплаты долговъ, заповѣднымъ иманіемъ обеспеченныхъ. Представляемъ здѣсь извлеченіе изъ этого положенія по первому отдѣленію. Заповѣдныя, въ особому порядку переходяція, иманія учреждаются или по Высочайшимъ повелѣніямъ при самомъ пожалованіи этихъ иманій какому-либо лицу или потомству его, или по волѣ и распоряженію владѣльца, и также не иначе, какъ въ-слѣдствіе особаго Высочайшаго на то разрѣшенія и утвержденія. Сила настоящаго положенія не распространяется на учреждаемыя въ остзейскихъ губерніяхъ, по особому въ этомъ существующему порядку, майоратныя иманія. Одно и то же лицо можетъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, учредить и нѣсколько отдѣльныхъ заповѣдныхъ иманій, съ точнымъ показаніемъ своихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ или иныхъ лицъ своего рода, которымъ оно предназначаетъ въ наследство каждое изъ этихъ заповѣдныхъ иманій, и по какому именно, сообразному съ правилами, въ самъ положеніи установленнымъ, порядку наследованія. Нѣсколько лицъ могутъ также, съ Высочайшаго соизволенія, по общему между собою согласію, изъ всѣхъ или части иманій своихъ составить одно заповѣдное иманіе, назначить въ

лидиномъ оного лица, къ нѣмъ роду принадлежащее. Во всякомъ случаѣ лица, имѣющія законныхъ дѣтей или другихъ нисходящихъ отъ нихъ по прямой линіи потомковъ, могутъ наследниками учреждаемыхъ имъ заповѣдныхъ имѣній назначать своихъ лишь законныхъ дѣтей и нисходящее отъ нихъ по прямой линіи потомство, съ соблюденіемъ между нами старшинства по праву первородства и представленія и съ предпочтеніемъ въ одинакихъ степеняхъ мужскаго колѣна женскому. Имѣющіе ни законныхъ дѣтей, ни потомства, отъ нихъ по прямой линіи нисходящаго, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, могутъ наследниками учреждаемыхъ имъ заповѣдныхъ имѣній назначать своихъ колѣе или менѣе близкихъ родственниковъ боковой линіи, если эти родственники принадлежатъ къ російскому потомственному дворянству. При обращеніи имѣній въ заповѣдныя, наблюдается, чтобъ оныя въ общемъ составъ своемъ заключали въ себѣ не менѣе четырехъ-сотъ и не болѣе четырехъ-тысячъ крестьянскихъ дворовъ, полагая отъ четырехъ до пяти ревизскихъ душъ на каждый дворъ, или не менѣе десяти тысячъ и не болѣе ста тысячъ десятинъ земли удобной, хотя и не населенной; или же, чтобъ по достовернымъ свидѣніямъ, за свидѣтельство мѣстнаго губернскаго начальства, губернскаго предводителя и осѣдственнаго дворянства, оныя также въ общемъ ихъ составъ приносили, по десятилетней сложности, средняго въ годъ дохода не менѣе въ двадцати и не болѣе двухъ-сотъ тысячъ рублей серебромъ. Впрочемъ дозволяется учреждать заповѣдныя имѣнія и въ большемъ противъ предълагаемаго этою статьею размѣрѣ, когда въ нихъ находятся заводы, фабрики или иныя заведенія промышленности, которыя безъ вреда и застрѣйства не могутъ быть раздѣлены. Учредителю предоставляется а волю означить размѣръ учреждаемаго имъ заповѣднаго имѣнія: числомъ душъ, или дворовъ, или же количествомъ десятинъ земли, или числомъ получаемыхъ съ имѣнія доходовъ. Имѣніе, обращаемое въ заповѣдное, можетъ быть составлено изъ разныхъ отдѣльныхъ вотчинъ, или несемейныхъ между собою участковъ земли населенной, хотя бы и вотчины или участки находились въ разныхъ уѣздахъ, или и въ разныхъ губерніяхъ; но учредителю имѣняется въ обязанность составлять заповѣдныя имѣнія, гдѣ только это возможно, изъ дачъ уже размежеванныхъ особо отъ всѣхъ другихъ владѣній. Учредитель заповѣднаго имѣнія можетъ, въ актъ установленія оного, означить именно, каковыя повинности, т. е. ежегоднымъ взносомъ произведеній земли или другихъ издѣлій, или же отпращиваніемъ господскихъ работъ, определенныхъ дѣлами или количествомъ оныхъ, обязаны владѣльцу заповѣдннхъ имѣній поселенные въ ономъ крестьяне, а равно и каковыя числомъ десятинъ пахатной земли и другихъ угодій, она, за точное исправленіе оныхъ повинностей, должны быть начислены. Онъ можетъ также постановить особыя правила для увольненія сихъ крестьянъ въ другія селенія, какъ цѣлыми селеніями или обществами и частями селеній, какъ и посемейно и поодиночку, а равно сделать и другія какія-либо, по усмотрѣнію своему, распоряженія, для оправленія благосостоянія заповѣднаго имѣнія и поселенныхъ въ немъ крестьянъ.

— Разрѣшено выдустъ въ обращеніе VI и VII разрядовъ билетовъ Государственнаго казначейства на серебряную монету, съ назначеніемъ процентовъ по онымъ съ 1 сентября сего года.

— Обнародовано Высочайше-утвержденное въ 3-й день іюля повеленіе о Санктпетербургскомъ Модектномъ Дворѣ.

— Обнародованы Высочайше-утвержденные въ 22 день іюля статуы орденовъ св. Владимира и св. Анны, и въ-смыслѣ сего Высочайше повелѣно: 1) въ отиану доволеній къ 348 и 623 ст. I т. Свѣд. Зам., кн. VI (изд. 1842 года) носить кавалерамъ ордена св. Антона Ладры Цервованнаго, ордена: св. Александра Невскаго на шею, а Бѣлаго Орла въ петлицу; кавалерамъ ордена св. Александра Невскаго ордена: Бѣлаго Орла на шею, а св. Анны 1-й степени въ петлицу; кавалерамъ ордена Бѣлаго Орла, ордена: св. Анны 1-й степени на шею, а св. Станислава 1-й степени въ петлицу; кавалерамъ ордена св. Анны 1-й степени ордена: св. Станислава 1-й степени на шею и 2) ордену св. Екатерины присвоить церковь во имя св. великомученицы Екатерины, находящуюся при училищѣ сего ордена.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе составу и правъ ихъ).

— Высочайше утверждены проекты Санктпетербургскихъ Палатъ: а) Уголовнаго Суда; б) Гражданскаго Суда и в) Церковнаго Департамента Указнаго Суда.

— Дозволено выдавать приходящимъ въ Архангельскіе и въ уездныя города Архангельской Губерніи для заработка людямъ отсроченъ въ плакатнымъ паспортамъ, не болѣе, впрочемъ, какъ на 4 мѣсяца и на бумагахъ въ 90 коп. сер., согласно правиламъ, изданнымъ на сей предметъ для городовъ: Астрахани, Херсона, Ростова (Викторипославской Губерніи), Бердянска, Николаева, Кронштадта, Таганрога, Оренбурга и Уфы (Выс. пов. 3 іюля).

— Постановлено, что при назначеніи къ производству следствія мѣщанъ со стороны думческаго или мѣщанскаго общества, впрочемъ имъ производятся по распоряженію самихъ тахъ обществъ, изъ суммъ добровольныхъ вкладокъ; въ возмѣщеніе же сего расхода, взыскиваются съ виновныхъ, соблюдаются тѣ же правила, какія постановлены относительно суммъ, выдаваемыхъ изъ казны чиновникамъ, отряженнымъ къ следствіямъ по дѣламъ уголовнымъ. (Высоч. ута. изъ Гос. Сов. 4 іюля).

— Разрѣшено опредѣлить въ Гродненскую Гражданскую Палату временнаго переводчика нѣмецкаго языка, которымъ значъ 641 также и мѣсяцскій, съ жалованьемъ во 250 р. сер. въ годъ.

— Учреждены стѣнціи: 1) въ Пензенской Губерніи по тракту отъ города Саранска къ западному городу Печивкамъ пять: первая въ Смагилѣ, въ 20 верстахъ отъ Пензы, вторая въ селѣ Нырашино, въ 14 верстахъ отъ Смагилы, третья въ селѣ Трескино, въ 21 верста отъ Кутлинской Слободы, четвертая въ Обуховскоиъ Уездѣ, въ 17 верстахъ отъ Трескина и пятая въ Печивскомъ Уездѣ, въ 21<sup>1/2</sup> вер. отъ Саранска и 18 вер. отъ деревни Андреевщи Нижегородской Губерніи и 2) въ Виссарѣ

ской-Области, въ села Коржеуцахъ, которыя находятся отъ соседственныхъ съ нею станцій Глинской въ 14 верстахъ и Дашканской въ 18 верстахъ.

#### IV. Законы гражданскіе.

— Постановлено, что капиталы, остающіеся послѣ умершихъ лицъ казачьяго званія, обращающихся въ кредитныхъ установленіяхъ, выносятся изъ оныхъ наследникамъ казачьяго же званія по свидѣтельству о правѣ наследства, подписаннымъ приходскимъ священникомъ и двумя членами станчнаго управленія и скрепленнымъ станчнымъ писаремъ. Подписи рукъ на этихъ свидѣтельствахъ удостоверяются половнымъ управленіемъ, съ приложеніемъ казенной печати (Высоч. утв. ив. Гос. Сов. 4 іюля).

#### V. Законы уголовныя.

— Въ поясненіе подлежащихъ узаконеній постановлено, что наказанные по суду и обращенныя на мѣсто жительства крѣпостные люди ирешаются отъ помѣщиковъ для переселенія въ Сибирь, хотя бы имъ и болѣе 50 лѣтъ отъ роду, въ такомъ только случаѣ, если помѣщики, которымъ они принадлежатъ, при самомъ объявленіи имъ рѣшенія суда о возвращеніи сихъ людей на мѣсто жительства откажутся отъ ихъ принятія (Выс. утв. ив. Гос. Сов. 28 іюня).

— Постановлено: возвратившихся изъ бѣговъ поселенцевъ включать, въ обанкѣ частяхъ Сибири, вновь въ тотъ же окладъ, въ которомъ они состояли до отлучекъ, для платежа отъ половины года, въ который они явились на мѣсто жительства, податей и повинностей, безъ льготы и безъ избавленія отъ платежа недоимокъ за прежнее время. Если же недоимки сія окажутся до взысканія совершенно-безнадежными, то о сличеніи ихъ предоставлятъ министру финансовъ входить, куда слѣдуетъ, съ особыми представленіями (Высоч. утв. ив. Гос. Сов. 11 іюля).

### СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АВГУСТЪ 1845 ГОДА.

*Наредное прощаніе.* — Постановлено, чтобъ изъ отличившихся учениковъ Черноморскаго Войсковаго Окружнаго Училища пять человекъ дѣтей дворянъ, а также штаб-и обер-офицеровъ черноморскаго войска, по окончаніи курса въ училищѣ, поступали для дальнѣйшаго образованія въ Харьковскую Губернскую Гимназію, а оттуда, по удостоенію, въ тамошній университетъ.

— Высочайше соизволено на учрежденіе въ Санктпетербургѣ *Плмной Гимназіи* для однихъ только приходящихъ учениковъ, ограничивъ оную на сей разъ четырьмя высшими классами.

— Разрѣшено опредѣлить въ Вторую Московскую Гимназію двухъ сверхштатныхъ учителей новоявленныхъ классовъ.

— Въ Нижневискомъ Уездномъ Училищѣ введено преподаваніе латинскаго языка.



скаго, немецкаго и французскаго языковъ, въ вида опыта, на три года; въ такомъ объемѣ; какъ эти предметы преподаются въ первыхъ двухъ классахъ гимназій.

— Императорская Академія Наукъ, въ бывшемъ въ 17 день апрѣля чрезвычайномъ собраніи, присудила золотую демидовскую премію въ 5,000 руб. асс. и издержки изданія 1,000 р. асс. семейству умершаго действительнаго статскаго совѣтника Адолунга за оставленное имъ въ рукописи «Историко - Критическое Обзоріе всѣхъ Путешествій Иностранцевъ по Россіи, коихъ описанія сдѣлались известными», въ двухъ томахъ, въ листъ. Второстепенныя преміи, въ 2,500 р. асс., присуждены: 1) Еврейскому математикъ изъ Бѣлостока, Слонимскому, за обратенную имъ арифметическую машину. 2) Флота капитан-лейтенанту Зеленому, за составленное имъ «Краткое Руководство къ Начертательной Геометріи». 3) Хранителю Ботаническаго Музея Императорской Академіи Наукъ, доктору Рупрехту, за представленныя имъ въ рукописи три ученые разсужденія, разсвѣтляющія новый свѣтъ на географическое распрежденіе растительности въ отечествѣ нашемъ. 4) Профессору Казанскаго Университета Жерману, за составленное имъ «Полное Описаніе цѣлаго края, между Волгою и Ураломъ, въ отношеніи къ золотымъ въ ономъ чешуекрылымъ насекомымъ». 5) Магистру Дубекскому за изданное имъ «Слово о Полу Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ». 6) Старшему учителю Ильенкову за составленную имъ «Словнику Латинскаго Языка». 7) Надворному совѣтнику Вольфельду за сочиненную имъ книгу «Объ Уголовномъ Правѣ и Уголовномъ Судопроизводствѣ въ Лавландіи, Эстландіи и Курландіи», въ двухъ частяхъ. 8) Генерал-лейтенанту барону Зелделеру за изданныя имъ два части «Обзорія Исторіи Веснаго Искусства Древнихъ Народовъ и Среднихъ Вѣковъ».

**Благотворительность.** — Высочайше утверждены въ 20 день іюля правила Благотворительнаго Общества въ пользу Швейцарцевъ въ городѣ Одессѣ. Это общество имѣетъ цѣлю оказывать разнаго рода пособія нуждающимся соотечественникамъ, какъ временно находящимся въ Одессѣ и вообще въ южномъ краѣ Россіи, такъ и постоянно тамъ живущимъ. Пособія заключаются въ денежныхъ выдачахъ, опредѣленныхъ для пропитанія нуждающихся одновременно или ежегодно, и въ назначеніи имъ денежныхъ ссудъ. Капиталъ составляется посредствомъ добровольныхъ взносовъ благотворительныхъ лицъ, для чего и отыскивается ежегодно подписка между живущими въ Одессѣ и повнороссійскихъ губерніяхъ Швейцарцами.

— Открыты лѣтскіе пріюты: первый въ Рязани, а второй въ Кіевѣ.

**Промышленность.** — По положенію Комитета Министровъ, въ слѣдствіе представленія министра финансовъ, Государь Императоръ соизволилъ на учрежденіе надзорнымъ совѣтникомъ, 1-й гильдіи купцомъ Воронинымъ, и титулярнымъ совѣтникомъ Любовидскимъ общество на акціяхъ, для устройства въ общихъ столицахъ Торговлею Дѣло фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ и судостроительныхъ издѣлій, на основаніи составленнаго ими устава, Удѣльнаго Его Императорскаго

Величествами Высочайшаго разсмотрѣнія въ 27-й день іюля 1845 года.

Учредатели означеннаго общества, приступая къ первоначальнымъ распоряженіямъ по устройству оного, нужнымъ считаютъ познакомиться пубliku съ существомъ и главными основаціями сего предпріятія.

У насъ, въ Россіи, есть отличные фабриканты, ремесленники и художники, конхъ произведенія не уступаютъ иностраннымъ по красоте, прочности и тщательной отделкѣ; но многіе изъ производителей остаются въ незвѣстности, и по недостатку собственныхъ средствъ для пригото-вленія и сбыта своихъ издѣлій, не могутъ развивать и совершенствовать своей промышленности. Есть также у насъ много способныхъ ремесленниковъ, которые по бѣдности своей служатъ важными работниками въ чужихъ мастерскихъ, весьма часто обязанныхъ имъ своею извѣстностью и богатствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются иногда завести свое мастерство, но ихъ почти никто не знаетъ въ публикѣ, и потому ни должны изготовлять вещи за скудную цѣну, можно сказать изъ наущнаго хлѣба, по заказамъ магазиновъ, получающихъ отъ продажи чужихъ издѣлій огромные проценты. Покупатель, приобретаая вещь, не спрашиваетъ кто сдѣлалъ ее, и въ повѣтіяхъ публики какъ бы укореняется мысль, что извѣстный торговецъ тѣхъ или другихъ вещей есть имѣтель и производитель ихъ; по-крайней-мѣрѣ, болѣею частию бываеъ такъ, что публика, зная очень-хорошо перваго, вовсе не знаетъ послѣд-наго, и потому выгоды того и другаго далеко не уравновѣшены. Иные производители, не имѣя заказовъ, изготовляютъ издѣлія для продажи въ торговыхъ помѣщеніяхъ, которые берутъ за комиссію очень-до-рого, и возвышая сверхъ того произвольную цѣну на вещи, затруд-няютъ сбытъ ихъ къ стѣсненію трудившагося. Мало-по-малу нужда биваетъ сносности, а скудная плата за трудъ, не удовлетворяющая змымъ необходимымъ потребностямъ неврхотливыхъ ремесленни-ковъ, отнимаетъ у нихъ даже охоту работать, и нередко доводитъ ихъ до совершеннаго разстройства, въ которое вовлекаютъ они и семейства юи, а чрезъ это падаетъ и самая промышленность въ ремесленномъ иасѣ.

Прямая цѣль вновь учреждаемаго общества состоитъ въ томъ, чтобъ познакомить пубliku съ производителями, доставляя имъ средства изго-товлять и сбывать свои произведенія безъ значительныхъ для нихъ расходовъ, и тѣмъ самымъ, уменьшая цѣну на вещи для приобретаемыхъ въ Россіи. Для этого предполагаетъ общество три главные спо-ба: 1) Устроить въ обоихъ столицахъ постоянныя выставки отече-венныхъ издѣлій; 2) Принимать ихъ для продажи, по комиссіи, вы-плата же платежа только 2 $\frac{1}{2}$ %. 3) Выдавать желающимъ соуду за по-лющента въ мѣсяцъ, подлъ залогъ отданныхъ вещей, до продажи ихъ дешево.

Постоянная выставка всякаго рода отечественныхъ издѣлій, вместе с образцовыми иностранными, знакома пубliku съ лучшими фабри-центами, ремесленниками и художниками въ Россіи, въ то же время должна будетъ возбудить между нимъ соревнованіе и послужитъ для

нихъ какъ бы наглядною школою къ непрерывному усовершенствованію своихъ изделийъ чрезъ подражаніе, заимствованіе и новыя идеи, возникающія при разсматриваніи многоразличныхъ произведеній во всѣхъ родахъ.

Продажа изделий въ заведеніяхъ Общества, по цѣнамъ, назначеннымъ самими владѣльцами, и на правилахъ, утвержденныхъ правительствомъ, доставитъ фабрикантамъ и ремесленникамъ надежный и выгодный способъ къ сбыту своихъ вещей, а жители столицъ и ивгородные будутъ имѣть возможность покупать въ депо общества все, что имъ нужно, по своему выбору, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ, и следовательно, за умеренную цѣну.

Суда денегъ подѣ залогъ изделий, до продажи ихъ въ депо, оказывать мертвый капиталъ производителей и доставитъ имъ средство къ покупкѣ матеріаловъ, инструментовъ, машинъ и содержанію мастерскихъ на наличныя деньги, а не въ долгъ, что значительно сократитъ издержки по производству мастерствъ, и дастъ возможность продавать свои изделия дешевле. Вместе съ тѣмъ возстановится и кредитъ производителей, столь-необходимый во всѣхъ коммерческихъ дѣлахъ.

Правленіе общества, составленное изъ лицъ, кредитованныхъ общиннымъ собраніемъ акціонеровъ, действуя въ сихъ видахъ, обязано будетъ:

1) Принимать на выставку и продажу по комиссіи всякаго рода фабричныя, заводскія, ремесленныя и художественныя изделия.

2) Выдавать подѣ оныя желающимъ оуду, на правилахъ, постановленныхъ въ уставѣ общества.

3) Производить продажу сихъ изделий въ своихъ депо, и высылать по требованіямъ ивгородныхъ, объявляя по временамъ въ столичныхъ ведомостяхъ о вещахъ, представляемыхъ на выставку, особенно замѣчательныхъ, съ означеніемъ цѣнъ вообще, и объ успѣхъ продажи на выставкахъ.

4) Стараться имѣть въ депо рисунки, модели и образцы изделий высшаго вкуса, для представленія ихъ производителямъ.

Само собою разумѣется, что правленіе должно будетъ заботиться при этомъ къ-особенности охранять благонамѣренную цѣль учрежденія торговаго общества, именно цѣль развить и умножить фабричную и мануфактурную дѣятельность въ Россіи, чрезъ что умножится и силы способы для торговли отечественными изделиями, не только въ имперіи, но и за границею.

Такимъ образомъ, учредители общества, отырая выигрывать для желающихъ подписку на акціи на нижеслѣдующихъ основаніяхъ, не рассчитываютъ въ началѣ предпріятія всѣхъ будущихъ выгодъ для акціонеровъ, выгодъ позитивныхъ для каждаго, потому-что предпріятіе сіе не имѣетъ никакого риска. Въмѣсто того, считаютъ обязанностію прежде всего сказать, что при основаніи устава они имѣли въ виду пользу общую, и что только стремясь къ предположенной цѣли, общество можетъ поддержать и распространить свой кредитъ, а по мѣрѣ кредита будутъ возрастать и выгоды акціонеровъ. Однимъ словомъ, достиг-

не главной цѣли учредителей тѣсно связано съ пользами самаго общества.

Первоначальный капиталъ общества предположено составить изъ 500,000 руб. сереб., посредствомъ раздачи 5,000 акціи во сто руб. каждая; но въ послѣдствіи, съ расширеніемъ дѣйствій компаніи, капиталъ ея дозволено увеличить новымъ выпускомъ акціи, на такую сумму, какая будетъ признана необходимою общимъ собраніемъ акціонеровъ, и разрѣшена правительствомъ.

Раздача сихъ акціи производится будетъ на слѣдующихъ правилахъ, въ уставѣ постановленныхъ: 1) Одно лицо можетъ подписаться не болѣе, какъ на 200 акціи, о чемъ требованія допускаются личныя или чрезъ почту, съ означеніемъ званія или чина, имени, отчества и фамиліи и мѣста пребыванія требователей. 2) Взносъ платы, т. е., одна половина, представляется при подпискѣ на акціи, а другая при закрытіи подписки въ назначенный для сего срокъ, о которомъ будетъ объявлено особо; но желающіе могутъ внести всю сумму вдругъ. 3) Слѣдующія по подпискѣ деньги предоставляется акціонерамъ вносить наличностію или въ билетахъ. 4) Въ пріемъ денегъ и билетовъ учредители выдаютъ печатныя квитанціи, за подписаніемъ одного изъ нихъ и за печатью общества, согласно ст. 40-й устава общества. Квитанціи эти закрываютъ акціи до раздачи ихъ, вмѣющей послѣдовать тотчасъ по закрытіи подписки и уплатѣ всѣхъ денегъ за акціи.

Подписка на акціи продолжится съ 1-го сентября 1845 по 1-е марта 1846 года. Желающіе имѣть акціи, могутъ обращаться съ требованіемъ о томъ къ учредителямъ, въ Петербургъ, къ Леонарду Осиповичу Любовидскому, жительствоющему по Екатерингофскому Проспекту, близъ Аларчина-Моста, въ домъ Красулькиной, и въ Москва, въ контору Степана Дмитриевича Воронина, въ собственномъ его домъ, на Печистенскъ.

— Высочайше утверждено положеніе для Императорской Александровской Мануфактуры, въ которомъ, между-прочимъ, постановлено:

§ 1) Настоящая цѣль существованія Александровской Мануфактуры двоякая: *во-первыхъ*, служить образцомъ для заведенія въ Россіи механическаго пряденія льна и выдѣлки изъ сей пряжи разныхъ тканей, и *во-вторыхъ*, способствовать къ распространенію и усовершенствованію механическаго пряденія хлопчатой бумаги, введеннаго въ Россію въ Мануфактуру.

*Примѣчаніе.* Чтобъ содѣйствовать къ достиженію сей цѣли, дозволяется каждому, съ разрѣшенія начальства Мануфактуры, осматривать ее во всѣхъ частяхъ, испрашивать совѣта и наставленія и снимать копіи чертежей и рисунковъ разнымъ машинамъ и инструментамъ, ею употребляемымъ, если таковыя находятся будутъ на Мануфактурѣ.

§ 2) Александровскую Мануфактуру составляютъ слѣдующія части: 1) хлопчатильное отдѣленіе, съ принадлежащими къ оному мастерскими: ткацкой-парусиной, б) ткацкой-узорчатой и в) флагдучной; 2) бумаготрапильное отдѣленіе; 3) механическое отдѣленіе съ мастерскими: а)

бердочной, б) щеточной и в) коженной; 4) бьяльница; 5) красильня и 6) картонная фабрика.

§ 11) Бумагопрядильное и львопрядильное отдѣленія разработываютъ первое хлопчатую бумагу, а послѣднее ленъ и пеньку, и обращаютъ оныя механическими способами въ пряжу, качество коей определяется соответствующими нумеромъ.

§ 12) Отъ управляющаго зависитъ определить: какихъ нумеровъ пряжа должна быть преимущественно приготовлена и въ какомъ количествѣ.

§ 13) Размѣръ дѣйствія сихъ отдѣленій определяется количествомъ сырыхъ матеріаловъ, для ежегодной разработки по штату назначенныхъ.

§ 14) Доколѣ механическая пряжа не будетъ для выдѣлки полотня и другихъ издѣлій предпочитаема россійскими фабрикантами ручвой пряжи, дозволяется Александровской Мануфактурѣ производимую ею льняную пеньковую пряжу обращать на выдѣлку разныхъ тканей, и тамъ насколько доказывать превосходство ея издѣлій предъ издѣліями прочихъ фабрикъ, употребляющихъ ручную пряжу.

§ 15) Для сего учреждены при Александровской Мануфактурѣ мастерскія: ткацкая-парусная и ткацкая-узорчатая, въ коихъ могутъ быть выдѣлываемы разнаго рода парусина, полупарусина, полотна, расентухъ, брезендукъ, канифасъ, скатерти, салфетки и другія льняныя и пеньковыя издѣлія.

*Примѣчаніе.* Позволяется также Александровской Мануфактурѣ и большое количество бумажной пряжи обращать на выдѣлку бумажныхъ издѣлій, преимущественно такихъ, которыя еще не извѣстны въ Россіи, дабы Мануфактура и въ семъ отношеніи могла служить образцомъ для частныхъ фабрикантовъ; но на сію выдѣлку особой суммы по штату расходовъ не полагается, а дозволяется заимствовать ее изъ суммъ, на дѣйствіе бумагопрядильнаго отдѣленія определенныхъ.

§ 16) Размѣръ дѣйствія сихъ мастерскихъ определяется штатомъ; но при составленіи ежегоднаго росписанія о количествѣ каждаго издѣлія назначаемаго въ выработку, управляющей руководствуется положительно предлагаемою, по видамъ торговли, потребностью, дабы капиталъ заключающійся въ непроданныхъ товарахъ, не накопился значительно и не обращался въ капиталъ мертвый. Если въ теченіе года оказалось, что какого-либо рода издѣліе требуется въ превосходѣншій противъ назначенія количества, то на усиленіе выдѣлки онаго, и, наоборотъ, на уменьшеніе, или даже остановку выдѣлки другихъ издѣлій управляющей можетъ испрашивать разрѣшенія особаго Комитета, по дѣламъ Мануфактуры учрежденнаго.

§ 17) Такъ-какъ выдѣлываемый на Александровской Мануфактурѣ флагдукъ поставляется преимущественно въ Адмиралтейство, то при ежегодномъ определеніи количества выдѣлки онаго, должно сообразоваться съ количествомъ, требуемымъ Кораблестроительнымъ Департаментомъ.

§ 18) Механическое отдѣленіе съ принадлежащими къ оному мастер-

жины: а) бердочною, б) щеточною и в) кожевенною, занимается преимущественно как приготовленіемъ новыхъ, такъ и исправленіемъ старыхъ шивнъ, инструментовъ и разныхъ механическихъ орудій, потребныхъ для Мануфактуры. Впрочемъ дозволяется принимать заказы и отъ постороннихъ лицъ, въ особенности на приготовленіе необходимыхъ для бумагопрядильнъ бердъ, кардъ, лептъ и щетокъ, если исполненіе сихъ заказовъ не остановитъ производимыхъ для Мануфактуры работъ.

§ 19) Въ случаѣ надобности, по усмотрѣнію управляющаго, выписываются изъ-за границы новыя усовершенствованныя машины и механическія орудія, какъ для образца, такъ и самаго дѣйствія, на что определена по штату особая сумма.

§ 20) На устроенныхъ при Александровской-Мануфактурѣ бѣляльнѣ и красильнѣ производится бѣленіе и крашеніе только издѣлій, выдѣляемыхъ на самой Мануфактурѣ, и на семь основаніи составленъ и штатъ для дѣйствія сихъ частей.

§ 21) Карточная фабрика, хотя и входитъ въ составъ Александровской-Мануфактуры, по дѣйствуетъ на другихъ началахъ, приготовляя ежегодно такое только количество игральнхъ картъ, какое во второй половинѣ истекающаго года будетъ заказано Экспедиціею Карточного Сбора.

§ 28) Для сбыта своихъ издѣлій, Александровская-Мануфактура продаетъ ихъ какъ внутри, такъ и впѣ имперіи.

§ 29) Продажная цѣна каждаго издѣлія устанавливается на каждый годъ особымъ исчисленіемъ, которое управляющій Мануфактурою представляетъ въ концѣ предшествующаго года на предварительное рассмотрѣніе и утвержденіе особаго Комитета, по двамъ Александровской-Мануфактуры учрежденнаго.

§ 30) Сіе исчисленіе определяетъ только меньшую цѣну (minimum), то есть дешѣвле чего Мануфактура не можетъ продавать своего издѣлія, и льдовательно, основывается на расходахъ, сопряженныхъ съ выдѣлою каждаго товара, съ присовокупленіемъ необходимаго числа процентовъ на употребленный капиталъ, по общимъ коммерческимъ правиламъ, для полученія чистой прибыли.

*Примѣчаніе.* Въ случаѣ необыкновеннаго пониженія определенныхъ исчисленіемъ цѣнъ, управляющій испрашиваетъ разрѣшеніе особаго Комитета на сбавку оныхъ.

§ 31) Внутренняя продажа производится, или прямо изъ магазиновъ Мануфактуры, или посредствомъ комиссіонеровъ, или же принятіемъ оставокъ, по заключаемымъ съ казною обязательствамъ.

§ 32) Въ главные комиссіонеры Мануфактуры избираются для внутренней продажи извѣстные торговые дома, пользующіеся общіею довѣренностью. Съ ними контора Мануфактуры заключаетъ надлежащія словія на точномъ основаніи установленныхъ въ Сводѣ Учрежденій и Уставовъ Торговыхъ (т. XI ст. 615—630, изд. 1842 г.) правилъ, и отпущенныя къ нимъ товары остаются у нихъ до продажи, какъ собственность Мануфактуры.

§ 33) Сми комиссіонерамъ дозволяется производить продажу и на

благонадежные векселя, срокомъ отъ 3 до 12 мѣсяцевъ, но не долѣе. Въ такомъ случаѣ они высылаютъ сія обязательства въ контору Мануфактуры, которая возвращаетъ ихъ къ нимъ для полученія денегъ, и-благовременно, до наступленія сроковъ платежей.

§ 34) Въ случаѣ несостоятельности векселедателя, контора Мануфактуры възпискиваетъ слѣдующую по векселю сумму, на основаніи общихъ узаконеній о торговой несостоятельности, сама, или посредствомъ повѣренныхъ своихъ.

§ 35) Мануфактура можетъ имѣть и второстепенныхъ комиссіонеровъ, выбирая въ сіе званіе извѣстныхъ ей благонадежностью своимъ лицъ, и взятъ имъ для продажи товары, но не болѣе, какъ на 2,000 рублей серебромъ, и съ тѣмъ, чтобы они, производя продажу только на наличныя деньги, высылали оныя немедленно въ контору Мануфактуры, по мѣрѣ накопленія до 100 рублей серебромъ.

§ 36) Если управляющій признаетъ возможнымъ принять поставку въ казну извѣстнаго количества вырабатываемыхъ Мануфактурою издѣлій, то онъ уполномочиваетъ комиссіонеровъ, или другихъ доверенныхъ лицъ, являться по вызовамъ на торги, объявлять извѣстную имъ цену изустно, или въ запечатанныхъ кувертахъ, на основаніи статей 1622 — 1658 Свода Законовъ Гражд. (Том. X, изд. 1842 г.), и заключать отъ имени конторы обязательства на поставку.

§ 37) Ручательство конторы Мануфактуры, извѣстное въ данномъ повѣренному свидѣтельству, за подписаніемъ управляющаго и съ приложеніемъ печати Мануфактуры, принимается всѣми казенными вѣстями достаточнымъ залогомъ для обезпеченія исправности поставки.

§ 38) Заграничная продажа издѣлій Мануфактуры производится посредствомъ извѣстныхъ твердостью своего кредита торговыхъ домовъ. къ коимъ товары адресуются. Благоразумію управляющаго предоставляется, какъ выборъ сихъ домовъ, такъ и определеніе того количества издѣлій, которое съ надеждою на успѣшный сбытъ можетъ быть въ теченіе навигаціи отправлено, равно какъ и выгоднѣйшій способъ отправки.

§ 39) Всѣ суммы, выручаемыя продажею издѣлій, вносятся или конторою, или комиссіонерами, въ Московскую, либо въ Санктпетербургскую Сохранную Казну, и обращаются въ уплату открытаго Мануфактуръ изъ сей последней кредита.

## IV.

# ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

---

## СИБИРСКОЕ ЗОЛОТО И СПОСОБЫ ЕГО ДОБЫВАНИЯ.

*Статья первая.*

---

СОСТАВЪ, ФОРМИРОВАНИЕ И СТОИМОСТИ ЗОЛОТОСКОПАТЕЛЬНЫХЪ ПАРТІЙ, КОМАНДИРУЕМЫХЪ ЧАСТНЫМИ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКАМИ НА ПОИСКЪ ЗОЛОТА ВЪ ВОСТОЧНОЙ-СИБИРИ, ПО ПИТСКОЙ И УДЕРЕЙСКОЙ СИСТЕМАМЪ.

---

Такъ-какъ дѣло частнаго золотоскопанія въ Восточной-Сибирѣ по сиювѣрно-огромному развитію свѣтъ золотосодержащихъ россыпей въ системахъ Верхней-Тунгуски, Средней или Подкаменной, Инта, Чапы, Бьюсы и другихъ, въ настоящее время обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, то всякое свѣдѣніе, или объ этихъ мѣстахъ, столь удаленныхъ, или о богатствахъ въ нихъ скрытыхъ, или наконецъ даже о мѣрахъ, какія принимаются къ отысканію

Т. XII. — Стл. IV. 1



розсыпей людьми предприимчивыми и, можно по справедливости назвать, отважными, — не только любопытно, но и полезно. Всякий ли, на-примѣръ, знаетъ, что этотъ всеобщій и повсюдный двигатель—золото скрывается отъ пристрастнаго къ нему человека въ едва-доступныхъ падахъ горъ, огражденный непроходимыми чашами въковыхъ лѣсовъ, быстрыми потоками горныхъ водъ, среди всегдашнихъ тумановъ, подъ вліяніемъ страшныхъ лѣтнихъ грозъ и жестокихъ зимнихъ морозовъ, въ убѣжищѣ хищныхъ звѣрей, въ жилищѣ полудикаго человѣка; что отыскиваніе его сопряжено съ многоразличными затрудненіями, каковы: добровольное лишеніе спокойной жизни, постоянно-грубая пища, рѣзкія перемены воздуха и непогоды, переходы по непроходимымъ мѣстамъ и переправы чрезъ быстрыя каменистыя рѣки; что, наконецъ, жилищеніе, потребное для выполненія предпріятія, требуетъ значительной суммы, первѣкая неудача похода дѣлаетъ подобную трату невозвратною, или, чтобъ изобразить первую, влечетъ къ утратѣ второй, и такъ далѣе, и напоследокъ этотъ предприимчивый и отважный искатель, послѣ многихъ усилій, или лишается всего своего достоянія, или, если судьба поможетъ, вознаграждается съ лихвою? Находясь при дѣлѣ частной золотопромышленности, какъ всегдашній житель столицы, переселившійся въ страну Восточной-Сибіри и обратившій на этотъ предметъ все свое вниманіе, я нашелъ въ немъ весьма-много любопытнаго, а потому и желаю свѣдѣнія, мною приобретенныя, сообщить другимъ, или также для удовлетворенія любопытства, или, можетъ-быть, и для пользы. Итакъ, по порядку полнаго изложенія этихъ свѣдѣній, слѣдовало бы описать: 1) страну, вмѣщающую въ себя богатые слиты золотосодержащихъ розсыпей; 2) составленіе или формированіе поисковыхъ партій со всѣми притомъ мѣстными условіями; 3) дѣйствія поисковыхъ партій по предмету розысковъ и 4) разработку найденныхъ приисковъ. Но такъ-какъ свѣдѣнія въ первомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ уже переданы публикѣ другими, то составленіе или формированіе поисковыхъ партій, взятое изъ практическаго примѣненія дѣла, будетъ на первый разъ предметомъ предлагаемой здѣсь статьи; описаніе поисковъ и разработку найденныхъ приисковъ, я постараюсь сообщить въ слѣдъ за симъ по собраніи потребныхъ къ тому матеріаловъ.

Такъ-какъ частныя золототыскальныя партіи составляются по гласно средствамъ промышленниковъ и ихъ предпріимчивости, то по всѣмъ своимъ частямъ оны отнюдь не могутъ быть помѣщены подъ одинъ общій уровень, который бы, такъ сказать, служилъ точнымъ руководителемъ для послѣдователей. Отъ этого слѣдуетъ,

чается, что одинъ изъ нихъ преводитъ къ наемку рабочихъ, и заготовленіе припасовъ и прочихъ принадлежностей своевременна, своевѣстно, и партія его обходится дешевле; а другой, наоборотъ, или не новости, или не обративъ вниманія на время и мѣстные условія, дѣлаетъ ее несоравненно-дороже; одинъ посылаетъ въ походъ одну, две или три полныя партіи, а другой одну или нѣсколько малыхъ, неполныхъ; и наконецъ, одинъ отправляетъ партіи въ походъ своевременно, на долго, а другой, или упустивъ время, или не могла назначить долгаго похода, отправляетъ гераладъ-поже, нежели слѣдуетъ. Итакъ, чтобъ дать ближайшее понятіе о составѣ, формированіи и стоимости полевыхъ партій, я покажу все ихъ подраздѣленіе, зависящае отъ различнаго обязательства, какъ-то: отъ способа или средствъ, времени, мѣстныхъ условій, и наконецъ, отъ произвола или желанія хозяина и нѣхъ возвращенныхъ. Замѣтить должно, во-первыхъ, что предлагаемое сличеніе формированія полевыхъ партій важе изъ примѣненія къ партіямъ, командируемымъ въ затунгускую край на Удерейскую и Интскую Системы, на время трехмѣсячнаго лѣтняго похода, и, во-вторыхъ, что цѣны привасамъ, инструментамъ и прочимъ партионнымъ принадлежностямъ, измѣняясь, какъ во времени похуда, такъ и по мѣсту заготовленія ихъ, не должны считаться здѣсь непременно-положителными.

Что же касается до литературнаго достоинства и красоты слога, въ этихъ статьяхъ, — я, какъ изрѣдкашій владѣть перомъ, прощу изскожденія къ недостаткамъ и несторю, что намѣреніе мое состоитъ единственно въ томъ, чтобъ передать какія-нибудь свѣдѣнія для удовлетворенія любопытства къ-отношенію предмета, на который многіе обращаютъ вниманіе въ настоящее время.

Полевыя партіи могутъ быть раздѣлены вообще на полныя и неполныя; полныя, сверхъ-того, на тяжолыя и легкія полныя, тяжелыя и легкія неполныя; полныя партіи называются тѣ, въ которыхъ число людей именно то самое, какое практическая потребность показала наиболее-необходимымъ; неполныя наоборотъ. Въ тяжелыхъ партіяхъ вся заплата подымается въ походъ сполна, на все время похуда; въ легкихъ берется только извоторая часть, остальное размѣщается по марочде для этого избраннаго количества складины; въ полныхъ партіяхъ все люди совершаютъ походъ-всѣмъ, а въ неполныхъ только партионство; помощники и ва-

жакъ верхами, — рабочіе идутъ пѣшими. Неполныя партіи большою частію бываютъ вѣшныя; въ нихъ число людей менѣе опредѣленнаго практическою потребностію, и здѣсь одинъ партіонистъ верхомъ, а прочіе идутъ пѣшими; запасы свои неполныя партіи также берутъ или спеша на все время похода, или только нѣкоторую часть, развѣсивъ остальное въ приличныхъ мѣстахъ складки. Есть еще особый родъ партій, зимнихъ или лыжеходныхъ: дѣйствія ихъ по смыслу самаго наименованія ясно опредѣляются временемъ зимы. Складочными мѣстами служатъ: ближайшія селенія, постоянныя золотопромышленныя станы, соседніе пріиски, путевыя зимовья и наконецъ складки, нарочно для того устрояемыя по линіи направленія поимковъ. Благовременнымъ походомъ для поимковыхъ партій на Системахъ Питской и Удереиской считается которое-либо изъ первыхъ чиселъ, или, еще лучше, съ половины мая и даже съ іюня, потому что и въ май мѣсяцъ, смотря по благорастворенію въ воздухѣ, или показываются проталины и зелень получаетъ надежду на доступъ солоненной теплоты, или еще все бываетъ покрыто льдомъ и снѣгомъ. Полное время похода для лѣтнихъ поимковъ считается здѣсь преимущественно въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, начиная съ іюня и по сентябрь. Людей въ комплектной партіи, согласно примѣненію къ практической потребності, подается всего не болѣе 13 человекъ, а именно: партіонистъ, помощникъ, вожакъ и 10 человекъ рабочихъ; въ числѣ послѣднихъ должны быть, какъ и во всѣхъ партіяхъ, одинъ или два промывальщики; въ некомплектныхъ 8, 10, или около того, въ томъ числѣ одинъ партіонистъ безъ помощника, вожакъ и остальные рабочіе. Число лошадей въ тяжелыхъ пѣшихъ партіяхъ подается 33; изъ нихъ 3 подъ верхъ: партіонисту, помощнику, вожаку, — и 30 подъ вьюки; въ тяжелыхъ конныхъ 43, изъ нихъ 13 подъ верхъ и 30 подъ вьюки; въ легкихъ пѣшихъ 15, изъ нихъ 3 подъ верхъ и 12 подъ вьюки; въ легкихъ конныхъ 25, изъ нихъ 13 подъ верхъ и 12 подъ вьюки. Въ некомплектныхъ партіяхъ, число лошадей зависитъ отъ произвола хозяевъ или смотря по тому, какой будутъ поднимать съ собою грузы запасовъ. Въ зимнихъ партіяхъ нѣтъ лошадей; люди ихъ ходятъ по льдамъ или такъ-называемой здѣсь тайгѣ на лыжахъ, и число ихъ бываетъ также произвольное; запасы и инструменты, необходимыя на пути, они тащатъ съ собою на нартахъ, такимъ-образомъ, что каждую парту влекуть двое рабочихъ или вѣсть, или попеременно съ отдыхами, — а остальной грузъ, какъ выше замѣчено, хранится въ складочныхъ мѣстахъ. Согласно времени похода, количеству людей въ партіи и возможности имѣть вьючныхъ лошадей, соразмѣряютъ и пропорцію жизненныхъ продовольствій и всѣхъ прочихъ партіонныхъ потребностей; сур-

жа для лошадей не берут никакого, или по-крайней-мѣрѣ берутъ весьма-рѣдко небольшое количество овса, и лошади на пути обыкновенно довольствуются подножнымъ кормомъ, — а потому, при подробномъ исчисленіи стоимости вышей партіи, въ приблизительномъ разсчетѣ не показано фуража.

Люди, составляющіе партію, должны быть не преклонныхъ лѣтъ, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, неподверженные какимъ-либо тяжкимъ или хроническимъ болѣзнямъ, — люди болѣе или менѣе испытанные въ вѣрности и преданности, усердные и поступившіе въ дѣло по собственному желанію или, такъ-сказать, охотники, и наконецъ, — что также очень-важно, — люди бывалые. Партіонистомъ и помощникомъ можетъ быть всякій, кто только по званію своему имѣетъ право воспользоваться письменною довѣренностью для заявки открытія. Сколько известно, до-сихъ-порѣ, партіонистами и помощниками ихъ бывають крестьяне, мѣщане, купцы, разночинцы и чиновники, несостоящіе ни въ коронной, ни въ общественной службѣ. Мѣсто партіониста рѣдко занимаютъ и ами хозяева или компаньоны ихъ; но во всякомъ случаѣ гораздо-лучше, если партіонистъ будетъ болѣе или менѣе грамотный, свѣдущій и умѣющій различать по-крайней-мѣрѣ практическія породы, вѣстленныя золотоносности и служащія спутниками золота. Рабочіе принадлежатъ къ сословию ссыльнопоселенцевъ, также и сибирскіе крестьянѣ, мѣщанѣ и даже Киргизовѣ съ ливій, начинающихъ ознакомливаться съ выгодами отъ работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

Такъ-какъ въ частномъ дѣлѣ золотопромышленности нельзя предлагать постоянныхъ суммъ или ассигнованій не только на поисковыя предпріятія, но даже на самую разработку найденнаго и лагоднаго пріиска, то, согласно этому, нельзя означить въ точности и оклада людямъ, составляющимъ партію. Однакоже, сколько известно, у промышленниковъ самостоятельныхъ, годовой окладъ партіониста простирается до 3,000 рублей, его помощника до 1,000 рублей въ годъ, при готовомъ содержаніи (и на походы полагаютъ чай и сахаръ хозяйскій); а рабочіе состоятъ на жаловань отъ 50 до 60 рублей въ мѣсяцъ при готовомъ содержаніи (и также чай кирпичный). Чай, или вообще горячее, въ партіи составляетъ полезную и даже необходимую часть продовольствія; а потому, гдѣ только о немъ будетъ выговорено, онъ не оспаривается и условіи хозяевами, ни у служащихъ, ни у рабочихъ. Условіе для рабочихъ въ партію одинаково съ наймомъ на самую разработку пріисковъ, — оно изложено въ Высочайше утвержденномъ постановленіи о частной золотопромышленности въ Сибири и повторять здѣсь значило бы повторять то, что уже весьма должно было

известно; на условія найма партіонистовъ и ихъ помещиковъ нѣтъ никакихъ положительныхъ правилъ; и они обыкновенно контрактуются по обоюдному соглашенію съ хозяиномъ, или несутся на словъ. Последнее нѣрѣдко лучше всякихъ актовъ; потому-что золотопромышленникъ, болѣе или менѣе известный, дожить общимъ къ себѣ доваріемъ. Въ случаѣ открытія благодетельнаго рабочиѣ награда по усмотрѣнію хозяина по сту рублей и болѣе; и для поощренія къ успешнейшему обшурфованію найденной руды дается «старательская работа», которую они производятъ нѣрѣдко и ночью. Партіонисты же вознаграждаются, или по предварительномъ соглашенію съ хозяиномъ, или просто по его усмотрѣнію; и потому, одни служатъ на жалованьи, другіе выговариваютъ вознагражденіе съ золотника общаго содержанія найденной и достаточно-развѣданной руды, третью плату съ пуда по разработкѣ добытаго металла, а нѣкоторые и право на какой-либо пай.

Въ-рассужденіи назначенія въ пошекъ прикащики или вообще служащаго, золотопромышленники поступаютъ съ большою осмотрительностью; потому-что принимающему на себя званіе партіониста вѣрятся не только люди, капиталъ натурою и суммою, но и всѣ будущія надежды и ожиданія хозяина; по этой причинѣ, прежде, нежели кто-нибудь можетъ воспользоваться обязанностями партіониста, долженъ быть предварительно испытанъ службою на приискѣ точнымъ выполненіемъ другихъ порученій и известною рекомендаціею или отзывами. Бываютъ, конечно, отъ опрометчивости хозяевъ и нѣдѣльскія исключенія; за то бываютъ, можетъ-быть, и ложныя дѣйствія, неуспѣхъ дѣла и даже растраты суммъ со стороны такихъ партіонистовъ. Осмотрительность золотопромышленниковъ въ-отношеніи людей, составляющихъ партію и преимущественно партіониста и его помощника простираться должна еще и на то, чтобъ всѣ, какъ замѣчено выше, были здороваго и крѣпкаго члѣнобложенія; въ противномъ случаѣ суровая походная жизнь со всеми быстрыми и рѣзкими атмосферными переменами мѣстности, недостатокъ крова, состоящаго изъ холщевой палатки или шалаша изъ хвойныхъ вѣтвей и береста, недостатокъ медицинскіхъ пособій въ случаѣ недуга, и наконецъ удаленность отъ мѣстъ жилищъ, могутъ имѣть вліяніе, и нѣрѣдко опасное, какъ на жизнь заблѣвшаго, такъ и на замедленіе или остановку дѣйствій партіи. Конечно, болѣе-свѣдущіе и сметливые партіонисты берутъ съ собою въ походъ нѣкоторые медицинскія средства, какъ напримеръ: скипидаръ, нашатырь, горшачій перецъ, вишній спиртъ и тому подобное; но это еще не спасительныя пособія тамъ, гдѣ потребуются скорое и непрѣмное содѣйствіе врача; а не знахаря.

Масло в партизанствы, в настоящее время, удобно производится в местах сосредельных с областю золотопромышленности, как например: в Енисейскъ, Красноярскъ, Томскъ, Минусинскъ и другихъ городахъ и селеняхъ, изъ самыхъ же жителей и преимущественно в сословіи мещанъ и крестьянъ. Виды обогащенія и медленнаго приростенія быстро устремляя людей этихъ классовъ на дѣло золотопромышленности, такъ-что многіе изъ нихъ въ короткое время оказали немаловажныя способности и навыкъ. Даже дѣти этихъ туземцевъ, отъ ранняго возраста, въ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ, службою на промыслахъ уже исподоволь приготавливаютъ и приучаютъ себя ко всякимъ случаямъ и потребностямъ дѣла.

Такъ-какъ въ поискахъ невозможно жить продовольствіемъ нищю разнообразною, то золотопромышленники заботятся по-крайней-мѣрѣ о томъ, чтобъ пища была хотя и прѣстая, но всегда неспорченая и здоровая. Не находя средствъ сохранять на походъ свѣжее мясо, они употребляютъ соленовиленое, домашняго приготвленія, говядины: скучаютъ быковъ, коровъ и барановъ въ минусинскомъ, казанскомъ округѣхъ и съ киргизской линіи, а именно: въ ачинскомъ, у крестьянъ тушинской, курагинской, тесинской, абаканской и новоселовской волостей и у Татаръ въ днѣхъ Степной Думы Каданскихъ Разнородныхъ Племенъ; а въ минусинскомъ, въ окрестностяхъ умурской, балахтинской, частію назаровской и по линіи близъ Кузнецка и Семипалатинска; выдерживаютъ такой скотъ на сенокосахъ корма, и потомъ, въ небольшихъ частяхъ, солить и высушить на открытомъ воздухѣ, подъ вышитою отъ непогоды. Масло скотине, на предварительной достаточной вымочкѣ водкою, такъ скучаютъ въ пищу, что не только для рабочихъ и служащихъ, но и для скотины пригодна даже и для самыхъ козловъ. Оно не портится ни отъ какой температуры, если не будетъ достаточно скучено и спорно къ употребленію, сравнительно при одной и той же вѣсѣ, со свѣжимъ. Сухари приготавлиются изъ хлѣба, высушеннаго изъ самой лучшей ржаной муки, и при укладкѣ въ уны, для выгоднѣйшей перевозки, утолщаются деревянными планками. Крупа ячменная и масло коровье берутся лучшей доброты, и скучаются, при удобствѣхъ, въ полной пропорціи, согласной съ потребностями, или, въ противномъ случаѣ, только въ некоторой отъ части; мясо же скучается говяжьимъ саломъ. Сухари и крупа, какъ продукты свойственныя, заготавливаются въ сосѣдствѣ сь областію золотопромышленности; масло же, особливо въ большомъ количествѣ, покупается, кромѣ Енисейска и Красноярска, въ Томскѣ, Кедринскѣ, Тюмени и другихъ мѣстахъ. Итакъ, пища людей полевой жизни на походъ состоитъ преимущественно изъ шеей съ

мясомъ и крупкою, и каша; первая бывають ежедневно, а послѣдняя два раза въ недѣлю. Впрочемъ, если гдѣ встрѣтится обѣимъ удобство къ приобритенію на пути птицы или рыбы, то предусмотрительные партіонисты не упускають и этого, и въ видѣ, какъ мы того, чтобъ свои запасы сохранить на непредвидѣнные случаи, такъ равно и для разнообразія постоянно-одинаковой пищи, къ большому поддержанію и сохраненію здоровья рабочихъ. Обыкновенное положеніе дневнаго продовольствія — слѣдующее: ржаныхъ сухарей полагается три фунта на человѣка, крупы пшенич.  $\frac{1}{2}$  фунта въ день для щей и два фунта въ мѣсяцъ для восмичашъ, мяса одинъ фунтъ, масла  $\frac{1}{2}$  фунта и соли  $\frac{1}{16}$  фунта.

Одежда и обувь въ поискахъ у партіонистовъ и ихъ помощниковъ собственная; у рабочихъ — или своя, или выдается въ счет жалованья, и состоитъ у первыхъ, въ непремокаемыхъ сапогахъ, буркѣ и картузѣ; а у послѣднихъ въ бродняхъ, аямахъ, тулупахъ и рукавицахъ съ варегами. Бурки партіонистовъ дѣлаются кожаныя, клеенчатыя, изъ аяма, крестьянскаго сукна, непромокаемыя, эластическія и даже перламвиза; картузы кожаные, клеенчатые и перпяцые; сапоги наподобіе охотничьихъ, преимущественно изъ кунгурскаго товара, съ двойными передками и всегда съ прокладкою отъ пузыря. Непромокаемая одежда въ вѣдскихъ необходима тѣмъ болѣе, что въ тайгѣ, бывають истыя перемены погоды и почти вседневныя ночныя и утреннія туманы, продолжительныя дожди, сопровождаемые жестокими грозами, иногда съ непрерывающимися въ теченіи недѣли и болѣе мелкими дождями; вихри и ураганы, сопровождающіе на пути своемъ якорныя, слабо-державшіеся на каменистомъ грунтѣ лѣса; иногда вѣрѣдко доводится переходить рѣчки и болота бродомъ, вода льетъ подъ уздцы, какъ для того, чтобъ сохранить ее отъ испорченія, такъ и потому, что, неся на себѣ сѣдока, она самнцомъ погружается въ болото. На случай холодныхъ ночей, берутся въ запасъ охотничьи тулупы; ночныя холода, особливо на Цитской Системѣ въ августѣ и даже въ концѣ іюля бывають такъ велики, что образуютъ черѣдко иней и подморозъ воды.

Орудія и инструменты, необходимыя для партіи, состоятъ изъ слѣдующаго: для шурфовки, изъ кайла, лопаты, ломовъ, молотка для промывки, изъ пробнаго вращающагося, смывныхъ щетокъ, гробовъ и допаточекъ; для откачки воды и доставки ее къ промывкѣ — изъ доотливныхъ машинокъ, трубъ, желобовъ, ведеръ и леекъ; для спланированія водоотливныхъ трубъ, желобовъ и починки вращающагося стодярнаго инструмента, въ видѣ небольшого набора, изъ двухъ струговъ, двухъ долотъ и двухъ надвертечекъ; для ложи и шадеи, которыя должны быть непременно всегда поодѣланъ, и

что совершаются переходы большею частию по мѣстамъ весьма удобнѣмъ къ порчѣ и поврежденію ногъ, — въ холодно-подковнаго инструмента, т. е. въ двухъ клещей, двухъ молотковъ, небольшой наковальни и хорошаго запаса подковныхъ гвоздей.

Далѣе, въ партіи необходимы: крестьянское сукно на однорядки и шучи; снасти пошевья, какъ — то: веревки возжевыя, возовыя для вьюковъ, кордъ и возжей; бичева, пакля и гвозди разныхъ сортовъ для вашгерда, трубъ, желобовъ; кожи дубленыя, юфтяныя и сыромятныя для починки обуви, сѣделъ, сумъ и сбрусь; сумы вьючныя и переметныя, для поклажи всего партіоннаго багажа, какъ-то: сухарей, мяса, крупъ и прочаго. Сверхъ того, необходимы въ партіи — лѣтомъ, палатка, сѣдла верховыя и вьючныя, узды и потники; а зимою кошмы, парты и лыжи. Наконецъ, въ лѣтъ и другихъ, какъ выше сказано, нѣкоторыя простыя медицинскія пособія, какъ-то: винный и нашатырный спирты, горошчатый перецъ, скипидаръ и т. п.; карты, для наблюденія мѣстности, компасы, и пр. и пр.

Самое же важное условіе въ-отношеніи успѣха дѣйствій по исконной партіи есть выборъ лошадей. Лошади партіонныя должны быть здоровыя, крѣпкія, безъ особыхъ нѣрвовъ, непугливыя и переносливыя. Они покупаются въ окрестностяхъ Красноярска, Томска, Кяхтинска, Омска и съ иртышской линіи; цѣна за каждую, смотря по времени покупки, простирается отъ 80 до 100 и даже 200 р. асс. Такия лошади подготовляются къ походу заблаговременно, надлежащимъ откармливаніемъ въ-теченіи зимы овсомъ, котораго въ тайгѣ уже нельзя достать: тамъ есть только подожженный корень рваннаго достоинства, и добраго, и худаго, какъ случится; а иногда можно и вовсе оставаться безъ пищи не сутради и болѣе, когда партія попадетъ на мѣста безкормныя. О сохраненіи лошадей партіонисты прилагаютъ всевозможное попеченіе, потому-что эти драгоценныя животныя составляютъ вѣрнѣйшее ручательство для выведенія партіи изъ затруднительныхъ и даже несчастныхъ обстоятельствъ, могущихъ встрѣчаться на пути поисковъ, напримѣръ: еслибъ партія при концѣ похода и при скудныхъ остаткахъ продовольствія, сбившись съ пути, попала на упомянутыя безкормныя, горьлыя или голыя мѣста, то, будучи подъ руководствомъ опытнаго партіониста, люди готовы имѣть себя нѣкоторымъ образомъ пищи и терпѣть болѣе или менѣе олодь, питаясь тѣмъ, что встрѣтится: застрѣленною птицею, рыбою, гдѣ она есть, грибами, даже коренчатыми растеніями, кедровыми орѣхами и ягодами; а остаткомъ запасовъ поддерживать силы лошадей, надѣясь съ ними скорѣе напасть на какой-нибудь путь, тропу или становище. Но когда пропадаютъ лошади, тогда и



потребна партиа; если не понадобится, то, очень-возможно, лишаться лошадей, люди должны лишиться и запасов продовольствия, или раздать небольшое количество их по рукам; ишурные трудом, походом и скудною пищею, она должны еще бороться съ дикою и неблагоприятною природою, переходя топи, болота, утесы и колоды повсюду во множествъ сваленнаго и мохотъ поросшаго леса, подъ влияниемъ частыхъ дождей и ночныхъ холодныхъ тумановъ, и, наконецъ, встрѣчать переправы чрезъ быстрыя каменистыя рѣчки, въ полномъ ихъ разлитіи въ дождливое осеннее время;—а это время на Удереиской Системѣ начинается вѣдькъ съ половины августа, а на Читской и съ половины юля.

Мы сказали, что партиа поисковая бываетъ пшяія, конная и двуживная, или зимняя; о преимуществахъ тѣхъ, другія и требованія можно найти въ некоторомъ понятіи въ слѣдующихъ краткихъ выводахъ: конная партиа, по значительному количеству лошадей, очевидно стоитъ дороже всѣхъ; за нею слѣдуетъ пшяія, а потомъ зимняя, для которой вовсе не требуется лошадей; двуживная первая живые, силы рабочихъ въ наибольшей сохранности и всегда къ дѣлу готовы; особенно, если лошади не будутъ имѣть недостатка въ кормѣ; приваловъ и продолжительныхъ стоянокъ менѣе потребно, кромѣ кормленія лошадей, обивдательствования вѣтностей; обшурфованія и т. п. Конная партиа по быстротѣ дѣйствія можетъ даже назваться летучею, особенно, когда, при назначеніи постоянныхъ складочныхъ мѣстъ, грузъ запасовъ ей потребный не весь будетъ подыматься съ собою; въ конной партии заболѣвшія или шавшія лошади удобно могутъ быть замѣнены—или изъ-подъ верха, или освобождающимися отъ израсходования провизіи, до-тѣхъ-поръ, пока рабоче все не съѣшется и тогда партиа эта, не уничтожаясь; обращается лишь въ конной въ пшяію и дѣйствуетъ по правиламъ, для пшяихъ партий предназначеннымъ. Конная партиа, при хорошей дорогѣ, удобно переходитъ 25 в 30 версты въ день; при посредственной до 15; а при самой дурной до 7 версты; и это разумѣется уже при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ, болотахъ; непроходимыхъ чащахъ; переправахъ и т. п. Пшяія партиа рѣдко можетъ проходить въ день болѣе 15 версты по самому исправному пути; причина этого заключается въ томъ, что силы людей потребны въ настоящее и въ послѣдующее дни, какъ для похода, такъ и для производствъ работъ; средній и болѣе-постоянный переходъ ея 10 версты. Какъ въ пшяей, такъ и въ конной партии каждая три вычужныя лошади отдаются подъ надзоръ одного рабочаго, который съ отвѣтственностію долженъ имѣть о нихъ попеченіе, т. е. навѣщивать ихъ, разгружать, выстигать; кормить, поить и имѣть несомнѣно за ними строгій

въ пути. Пѣшая партія шиваетъ и дѣлаетъ, и притомъ, и притомъ стараются притѣнить въ сѣмьность съ производствомъ шурфованія. Въ привалахъ партій для ночлега, обыкновенно разбиваются палатку для людей, спиваютъ выюки, складываютъ грузъ въ на-скоро сдѣланный берестяной или изъ липовой коры балаганъ, пускаютъ лошадей на кормъ, привязывая ихъ на кордахъ или и просто оставляя свободными, но привязывая къ нимъ батоны или колокольны, какъ для отогнанія звѣря звономъ, такъ и на случай отысканія, когда лошадь сорвется съ корды и забредетъ въ стана въ чану. Для отогнанія звѣря производится иногда и несколько холостыхъ выстрѣловъ, разводятся огонь и ставится пѣший изъ тѣхъ же рабочихъ караулъ. Конная партія, при обильныхъ кормахъ, какъ-можно видѣть, вообще должна имѣть преимущество предъ пѣшею; при скудныхъ же, перевѣсъ на сторонѣ помѣдней, и это очень-ясно. Тяжелыя партіи, какъ конныя, такъ и пѣшія, во всякомъ случаѣ гораздо-обременительнѣе легкихъ, какъ въ разсужденіи значительнаго иждивенія, такъ и въ-отношеніи затрудненій въ походѣ.

Зимнія партіи образовались въ послѣдствіи времени; о выгодахъ ихъ нельзя ничего сказать положительнаго; онѣ, какъ и первыя, имѣютъ и хорошую, и худую стороны; и дѣйствія этихъ партій не иначе быть могутъ, какъ при назначеніи складочныхъ жвѣтъ. Иждивеніе, потребное для составленія ихъ, гораздо-менѣе противу этихъ партій, нами описанныхъ; запасы доставляются въ складочное мѣсто поисковъ лыжеходами на нѣртахъ или на оленяхъ, а, гдѣ есть возможность, и на лошадяхъ. Люди, составляющіе зимнюю партію, совершаютъ на лыжахъ быстрые и значительные переходы; мѣра дневнаго похода, смотря по погодѣ, можетъ простираться до тридцати и болѣе верствъ. Въ привалахъ для ночлега зимней партіи обыкновенно разгребаютъ значительное въ окружности пространство снѣга до земли; разводятъ большой огонь, и тамъ-же обзавая во всей одеждѣ переночевываютъ; иногда, однакоже, устраиваютъ изъ жердей и хвойныхъ вѣтвей шалаши конической формы, подобныя тунгузскихъ, или даже, что гораздо рѣже, дѣлаютъ легонько на-скоро срубы или избушки съ покрывкою бересты; вѣтвей и ов. Шалаши эти назначаются уже такъ-сказать временно постоянными станами, отъ которыхъ въ-теченіе дня люди отдаляются на большое въ окрестности разстояніе, а къ ночи возвращаются, и продолжается до-тѣхъ-поръ, пока пунктъ обследованія не достигнетъ. Въ зимнихъ поискахъ, рабочіе одвываются или въ козыжки, или въ овчинные тулупы; вѣду для пробной прошивки употребляютъ гребную, грунта же земли не оттаиваютъ, потому-что въ глубокомъ снѣгомъ болѣею частью онъ остается неизмеря-

шимъ. Итакъ, въ-отношеніи выгоды или невыгоды этой партіи въ сравненіи съ дѣтницами, повторимъ слѣдующее: лошадей вовсе не требуется, складочныя мѣста необходимы, люди должны быть способны перенести службу и выносливость, — это первое условіе по той причинѣ, что морозы, какъ извѣстно, въ Восточной-Сибири и подъ полосою Енисейска бываютъ нерѣдко жестокіе, простираются иногда до 35, 40 и болѣе градусовъ. Горе непріобыкшему къ сибирскимъ морозамъ и рывнишемуся на походъ въ зимнюю партію! Нерѣдко погода стоитъ, въ-продолженіи недѣли и болѣе, легкая, съ оттепелями, и вдругъ въ одну ночь или въ одинъ день морозъ усиливается до замерзанія ртутью, и тогда отдалившійся значительно отъ стана встрѣчаетъ опасность очевидную. Конечно, на ходу, на лыжахъ, человѣкъ отъ сильнаго движенія разгорячается до поту; но за-то это же разгоряченіе, при быстромъ разсѣченіи воздуха, служитъ болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ лыжехода. Хорошо, что нашъ простой рабочій народъ не слишкомъ-чувствителенъ къ рѣзкимъ и непостояннымъ переѣмамъ сибирскаго климата; въ противномъ случаѣ, жертвы этихъ смѣлыхъ зимнихъ попытокъ были бы неизбежны. Зимніе партіонныя станы или дачи, не смотря на ихъ зефирную постройку, не только защищаютъ значительно отъ холода, но даже спасительны при огнѣ. Дѣйствіе обсадованій, шурфованія и всѣхъ вообще работъ зимней партіи, бываютъ кратки и непродолжительны, по той причинѣ, что холодъ не позволяетъ спокойно располагать работами; наконецъ, средства для распознаванія горныхъ породъ болѣе отбиты надъ покровомъ глубочайшихъ снѣговъ, такъ-что не только небольшіе ключи и рѣчки, но даже цѣлыя лога и котловины бываютъ замаскированы и замаскированы отъ глаза снѣжными наметами; а потому, по поводу этихъ двухъ послѣднихъ препятствій, зимніе розыски и сего времени въ весьма-маломъ употребленіи, не смотря на возможность лучшаго продовольствія рабочихъ пищею, то-есть замѣненія сухарей печенымъ хлѣбомъ и соленоватой говядины снѣжкомъ и мерзлымъ мясомъ.

Въ-заключеніе изложенія состава и фермированія воеводскихъ партій, для большаго поясненія, остается приложить приблизительныя разсчеты, во что обходятся поисковыя партіи, и какой грузъ запасовъ въ сложности поднимаютъ съ собою въ походъ при различныхъ условіяхъ. Разумѣется, подобный разсчетъ не можетъ быть постоянно-подожителънымъ, или такъ-сказать точнымъ инструментомъ для послѣдователей, потому-что не только время и мѣсто заготовленія партіонныхъ потребностей, но и неодинаковость дороты вещей и другія различныя условія и обстоятельства многообразно измѣняютъ цѣну ихъ; однако же, взятый по возможности изъ практическаго примѣненія, онъ все же можетъ нѣкоторымъ образомъ служить въ родѣ указателя, по-крайней-мѣрѣ для людей новыхъ и вовсе еще незнакомыхъ ни съ дѣломъ заготовокъ ни со странюю, гдѣ производить намѣрены россійскіе золоты.

**ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ РАЗСЧЕТЫ ДЛЯ ПОИСКОВЫХЪ ПАРТІИ НА ВРЕМЯ ТРЕХМѢСЯЧНАГО ЛѢТНЯГО ПОХОДА.**

1) *Полной пшшей партіи.*

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Вѣсъ.		Сумма.		Примѣчанія.
		пуды.	фунты.	рубли.	копейки.	
<b>1) Жалованье:</b>						
артисту въ годъ . . . . .	1	.	.	3,000	.	Иногда рабочимъ платятъ по 50 и 60 рублей въ мѣсяцъ; плата же рабочему простирается до 100 рублей и болѣе.
мощнику — — — — —	1	.	.	1,000	.	
бочникъ 10-ти человѣкамъ изъ 50 рублей въ мѣсяцъ на каждого, всего въ 3 мѣсяца . . . . .	10	.	.	4,200	.	
жизну по 70 рублей въ мѣсяцъ, на 3 мѣсяца . . . . .	1	.	.	210	.	
<b>2) Содержаніе:</b>						
для 18-ти человѣкъ на 3 мѣсяца: са-соднаго, сухаго по 18-ти р. за пудъ; изъ порціи по 1 фунту на человѣка въ день; всего на 18 человѣкъ . . . . .	13	29	1	522	45	Сухари иногда обходятся и въ 3 р. 50 к. и 3 р. 75 к. за пудъ.
хлѣба ржаныхъ по 4 рубля за пудъ, изъ порціи по 3 фунта на человѣка въ день . . . . .	13	87	3	261	22	
хлѣба пшшяго по 3 рубля за пудъ, изъ порціи четверть фунта на человѣка для щей ежедневно и по четверти же фунта для каши, всего 8 кашъ въ мѣсяцъ . . . . .	13	9	10	37	.	
для жаренья по 18 рублей за пудъ, изъ порціи по осьмушкѣ фунта на человѣка, для каши и щей . . . . .	13	8	26	65	81	
масла по 3 рубля за пудъ, изъ порціи по шестнадцатой части фунта на человѣка . . . . .	13	1	33	5	48	
<b>3) Орудія разведочныя:</b>						
капелъ изъ 16-ти рублей за пудъ, каждая капля по 1 рублю 95 к., всего около 5 съ четвертью пудовъ . . . . .	5	.	.	26	9	75
палки желѣзные, по двѣ 1 р. 50 коп. за штуку, всего каждая около 3 фунтовъ . . . . .	20	1	20	36	.	

Наименование предметов.	Количество.	Въ сѣ.		Сумма.		Примечанія.
		руб.	фун.	руб.	к.	
Балда или молотъ боевой изъ 12-ти рублей за пудъ . . . . .	1		20	6		
Домовъ изъ 12-ти рублей за пудъ.	2	1	10	15		
Топоровъ плотничныхъ, по 3 руб. 50 коп. за штуку, дѣсомъ каждый около 4-хъ фунтовъ . . . . .	12	1	8	42		
Желѣзныхъ ведеръ съ дужками и со вкладкою одного въ другое, съ матеріаломъ и работою по 1 рублю за фунтъ . . . . .	5	1	10	50		
Лескъ желѣзныхъ въ пол-ведра съ матеріаломъ и работою по 1 рублю за фунтъ . . . . .	2		16	16		
Ручная водоотливная машина . . . . .	1	1	30	100		
Походный ваггеръ . . . . .	1		30	10		
Смыслныхъ щетокъ . . . . .	2		4	3		
4) Вся проція принадлежноети, какъ-то: инструменты столярный и подковный, гвозди, снасти, кожи и проч.						
Для столярнаго дѣла струговъ . . . . .	2		9	12		
Долотъ . . . . .	2		2	6		
Надвертокъ . . . . .	2		1	4	50	
Для походной кѣвки лошадей:						
Походная наковальня . . . . .	1	1		30		
Кузнечныхъ клещей . . . . .	2		10	7		
Молотковъ въ пол-фунта и 4 фунта . . . . .	2		5	5		
Терпугъ и подпалокъ . . . . .	2		5	10		
Гвоздей подковныхъ . . . . .	1,000		13	10		
Щидель . . . . .	12		1	2	50	
Гвоздей: четвертныхъ . . . . .	100		10	6		
— вершковыхъ . . . . .	400		3	4		
— подбойныхъ . . . . .	400		3	5	50	
Кожа: дубленыхъ . . . . .	1	1	25	22		
— юфтовыхъ . . . . .	1	1	15	13	50	
— сыромятныхъ . . . . .	1	1	5	24		
Снасти: пеньковой возовой и вьючной . . . . .		2		40		
— возжевой . . . . .		1		20		
— бычьевы . . . . .			30	12		
— конопля . . . . .			20	3		
Тулузовъ овчинныхъ по 23 рубля за штуку . . . . .	30	3	15	345		
Бродней . . . . . паръ	30	1	20	150		
Сукна крестьянскаго, полагаѣ по 1 рублю за аршинъ . . . . .	100	3		100		
Армяковъ азамовыхъ по 17 рублей за штуку . . . . .	15	3		255		
Уздъ простыхъ тюменскихъ по 3 рубля 50 коп. за штуку . . . . .	38	1	9	145	50	
Щотанковъ подъ верховыхъ по 2, а подъ вьючныхъ лошадей по 3 штуки, каждый по 1 рублю 50к.	22	4	32	144		

Наименованіе предметовъ.	Коли- че- ство.	Вѣсъ.		Сумма.		Примѣ- чанія.
		пуд.	фун.	руб.	к.	
Сѣдла простыхъ верховыхъ, по 25 рублей за штуку, для партіониста, помощника и жока	3	1		75		
Сѣдла вьючныхъ, или сѣдельныхъ деревянныхъ съ сковкою, волосатыми подругами, нагрудниками и нахвостами, по 6 рублей за штуку	30	5	24	180		
Сумъ кожаныхъ, вьющихъ, сѣделанныхъ на подобіе длинныхъ, узкихъ чемадавовъ, вѣдичною соотвѣтственно роду помѣщаемого предмета, къ количеству не болѣе двухъ съ половиною на трехъ пудовъ, полагая по двѣ сумы на каждую лошадь, цѣною по 20 рублей за штуку, на 30 лошадей	60	15		1,200		
Сумъ кожаныхъ перевязныхъ, по 18 рублей за штуку, чары	2	2	30	36		
Палатка полотняная, на площадъ полторы квадратныхъ сажени	1	1	10	70		
Кромѣ всего вышесказаннаго, вѣкторые партіонисты берутъ съ собою еще:						
Компасъ	1			17		
Зрительную трубку	1		11	100		
Бархатный чертежный инструментъ	1		11	25		
Ленты географическія для дѣствія съемки, полагая для нихъ вѣса и суммы.			10	75		
Ящикъ, вѣкторые медицинскія пособія, какъ-то:	1			15		
Шпатель съ запасными ошцами				2	45	
Шпатель				1	5	
Шпатель черныи перецъ				1	45	
Шпатель				1	70	
Шпатель				2	84	
Шпательный спиртъ				2	64	
Ящикъ, въ доплату суммы тяжести, поднимаемой на пути поской полною цѣною партію, надлежитъ прибавить средній вѣсъ трехъ всадниковъ, а именно: партіониста, помощника и жока, примерно по 5 пудовъ, и того	3	15				
Сумму изданаго, потребнаго къ сооруженію и поддержанію дѣствій поской въ полною цѣною партію, потребно вклучить						Сумма въ непредѣлѣнаго расхода, которая должна быть безпрерывно-измѣняющаюся

Наименование предметов.	Кол-во.	Вѣсъ.		Сумма.		Примѣчаніе.
		пуд.	ф.	руб.	к.	
читать въ непредвидимые расходы, примѣрно				2,000		принасовъ и матеріаловъ и дѣлаетъ общій итогъ стоимости партій во всякомъ случаѣ приблизительно вѣрныя.
Далѣе, стоимость 33-хъ лошадей, полагая каждую по 150 рублей ассигнаціями, и того за . . . . .	33			4,950		
Да на доставку всего партіоннаго багажа къ начальному пункту поисковъ, примѣрно . . . . .				300		
<b>Всего . . . . .</b>		<b>209</b>	<b>3</b>	<b>16,989</b>	<b>34</b>	

### 2) Полной конной партіи.

Для опредѣленія полнаго груза, поднимаемаго полною конною партіею на 43-хъ лошадяхъ и общей ея стоимости, должно принять въ соображеніе общій вѣсъ груза и стоимость полной пѣшей партіи . . . . .		209	3	16,989	34
Вѣсъ 10-ти человекъ рабочихъ, полагая каждыя по 5 пудовъ . . . . .	10	50			
Добавочный верховый приборъ для 10 лошадей, какъ-то:					
Уздъ . . . . .	10		20	35	
Потниковъ . . . . .	20	1		30	
Простыхъ сѣделъ съ приборомъ . . . . .	10	2	20	200	
И пѣшу 10-ти лошадей подъ верхъ рабочихъ, каждая по 150 рублей . . . . .	10			1,500	
<b>И того грузъ и стоимость полной конной партіи будетъ составлять</b>	<b>43</b>	<b>263</b>	<b>3</b>	<b>18,754</b>	<b>34</b>

### 3) Пѣшей полупартіи.

Соображаясь съ приблизительнымъ расчетомъ для полной пѣшей партіи, для показанія груза, поднимаемаго этою полупартіею на 15-ти лошадяхъ, надлежитъ принять въ составъ:					
Развѣдочныя орудія и инструменты тѣ же . . . . .		8			
Инструменты кузнечный и столярный, гвозди и снасти . . . . .		4	4		
Сѣдла, узды и потники на 15 лошадей . . . . .		5	30		
Грузъ палатки, сумъ и 3-хъ всадниковъ . . . . .		13			
И наконецъ, неполное количество запасовъ примѣрно . . . . .		70			
<b>И того . . . . .</b>		<b>100</b>	<b>34</b>		
Для показанія же стоимости пѣшей полупартіи, слѣдуетъ при-					

Наименованіе предметовъ.	Колнч.	Вѣсь.		Сумма.		Примѣчанія.
		пуд.	ф.	руб.	к.	
внть общее нждненіе полноі пѣшей партіи . . . . .				16,989	34	Запасы и прочія партіонныя принадлежности въ полупартіяхъ все тѣ же, какъ и въ полныхъ, только не всѣ подымаются въ походъ, а остаются въ мѣстахъ складокъ, и потому изъ общей суммы нжданенія ихъ исключать здѣсь не должно.
исключать изъ этой суммы цѣну лшннхъ 18-ти лошадей . . . . .				2,700		
лшннхъ уздъ, полагаа по 3 рубля 50 к. за штуку, всего на . . . . .				63		
лшннхъ вьючныхъ сѣделъ или сѣделныхъ деревяшекъ смоковой, водмелына подпругами, нагрудниками и пахвеями, полагаа каждое по 6 рублей, всего на . . . . .				108		
потника, каждый по 1 рублю 50 копеекъ на . . . . .				81		
паръ или 36 штукъ сумъ вьючныхъ, каждая цѣною по 20 рублей, всего на . . . . .				720		
наконецъ, если уменьшить къ суму непредвидимыхъ асходовъ, то-есть, на . . . . .				1,000		
И того убавить . . . . .				4,672		
стоимость пѣшей полупартіи (дств . . . . .				12,317	34	

## 4) Конной полупартіи.

въ груза в стоимость конной полупартіи при 25 лошадяхъ тѣ же, что и въ пѣшей полупартіи, вѣсть . . . . .	100	34	12,317	34
прибавленіемъ вѣса 10 человекъ рабочихъ . . . . .	50			
ны 10-ти лошадей, каждая по 150 рублей . . . . .			1,500	
ерхового прибора для этихъ 10-ти лошадей . . . . .	3	20	110	
то, нжданеніе и грузъ конной полупартіи . . . . .	154	14	13,927	34

такъ, изъ приложенныхъ здѣсь приблизительныхъ расчетовъ опредѣленіе общаго груза, подымаемаго каждымъ рода партіею, видно, что причитающаяся тяжесть на одну лошадь во всѣхъ случаяхъ одна и та же, а именно:

полной пѣшей партіи 6 пудовъ 13½ фунтовъ.

полной конной партіи 6 пудовъ 5 фунтовъ.

конной полупартіи почти 6 пудовъ 7 фунтовъ.

пѣшей полупартіи почти 6 пудовъ 29 фунтовъ.

рузъ, болѣе наказаннаго, будетъ уже обременителенъ. Хотя въ Т. XII. — Отд. IV.



которые и отступаютъ отъ подобнаго размѣра, но это можетъ служить не къ споспѣшествованію, а къ замедленію хода и дѣйствій партій, потому—что лошади, не имѣя другаго корма, кромѣ подножнаго, при ежедневномъ трудномъ походѣ весьма—скоро изнуряются, дѣлаются негодными, нерѣдко падаютъ и вовсе погибаютъ. Вообще, всякій партіонистъ долженъ прежде всего обращать вниманіе на лошадей, то—есть, чтобъ онѣ были здоровы, не изнурялись переходами, не обременялись тяжестями, были сыты, своевременно напоены и выстояны; вьюки или тяжесть, на нихъ лежащая, по мѣрѣ израсходованія, должна уравниваться перекладкою вещей, — и наконецъ, копыта или ноги лошадей ежедневно должны быть осматриваемы, какъ въ—отношеніи чистоты подковъ, такъ и для предупрежденія подсыдовъ, могущихъ образоваться отъ мокрыхъ и гнилыхъ болотистыхъ стоянокъ. Во вниманіе партіониста поставляется также наблюденіе за сохраненіемъ силъ и здоровья рабочихъ; на этотъ предметъ командующій партією долженъ избирать пути отъ мѣста къ мѣсту наиболее—удобные и кратчайшіе; не изнурять вдругъ людей тяжелою работою, улучшать, по возможности, продовольствіе пищею, пользуясь случайною покупкою птицы или рыбы, гдѣ онѣ есть, и справляться ежедневно о состояніи здоровья, предупреждая всякій недугъ притомъ началъ его теми простыми средствами, какія имѣются при партіи и какія внушаетъ благоразуміе и предусмотрительность къ отвращенію зла наибольшаго. Наконецъ, сохранять припасы отъ подмочки, порчи и расхищенія, сберегать орудія и инструменты. Съ соблюденіемъ всѣхъ этихъ условій, походъ и дѣйствія повсѣдневныхъ партій могутъ быть болѣе—исправны, отчетливы, успѣшны даже благонадежны.

**ИЛЬЯ ВОРОДИНЪ.**

1845 года марта 16 дня.

Красноярскъ.

## СИБИРСКОЕ ЗОЛОТО И СПОСОБЫ ЕГО ДОБЫВАНИЯ.

*Статья вторая.*

**ДѢЙСТВІЯ ПОИСКОВЫХЪ ПАРТІЙ ПО ПРЕДМЕТУ ОТЪИСКИВАНІЯ ПЕСЧАНАГО ЗОЛОТА ВЪ ВОСТОЧНОЙ-СИБИРИ, ВЪ ЗАТУНГУЗСКОМЪ-КРАѢ, ПО СИСТЕМАМЪ ПИТСКОЙ И УДЕРЕЙСКОЙ.**

По сообщеніи свѣдѣній, въ предъидущей статьѣ, о составѣ и формированіи золотонискательныхъ партій, командруемыхъ частными золотопромышленниками въ Восточной-Сибирѣ, я намѣренъ здѣсь обобщить вкратцѣ дѣйствія этихъ партій по предмету розысковъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они производились и производятся.

Почти все доселѣ известныя и богатыя золотоносныя россыпи, какъ въ томскихъ, бирюсинскихъ, енисейскихъ, такъ и во всѣхъ прочихъ тайгахъ Западной и Восточной-Сибирѣ, замѣтить должно, открыты болѣею частію людьми простыми и неучеными; такъ, напримеръ: богатый Пескинь-Прискъ, принадлежащій коммерціи Фѣтинку и кавалеру Мясникову, заявленъ ковровскимъ мѣщаниномъ Быковымъ,—Тита-Зотова, по Октолику, дворовымъ его челоукомъ, Калмыкомъ Егоромъ Жумаевымъ и проч., и проч. По-этому невольно рождается вопросъ: что такое отыскиваніе песчаного золота? есть ли оно дѣло одной науки, опирающей всѣ свои дѣйствія на точныхъ правилахъ? основывается ли оно на данныхъ, могущихъ руководить къ цѣли раскрытія, или это также дѣло случая, или, какъ говорятъ многіе, счастья? Нельзя со-

гласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ; но можно утвердительно сказать, что тому всегда удобнѣе достигнуть успѣха въ розыскахъ золота, кто обладаетъ какими-нибудь по этой части свѣдѣніями, которыя облегчали бы трудъ искателя показаніемъ формаций, въ какихъ наиболѣе свойственно залегать россыпямъ, какіе преимущественно минералы почитаются спутниками этому драгоценному металлу, и наконецъ, на хребтахъ или въ логахъ можетъ наиболѣе располагаться песчаное въ наносахъ золото. Гораздо труднѣе достигнуть цѣли тому, кто не только предварительно обогащенъ означенными свѣдѣніями, или правилами, но и просто русской грамотѣ выучился, какъ говорится, на мѣдныхъ деньги. Многие изъ золотоискателей подобнаго разряда или вовсе не знаютъ никакихъ горныхъ породъ и минераловъ, идутъ въ розыскъ зря и весьма-часто удачно, держась одного правила, приобретеннаго по слуху, что золото должно искать по рѣчкамъ; иной же по наглости, нерѣдко весьма-неточной и приобретенной также со словъ отъ другихъ, болѣе-свѣдущихъ, различаетъ породы, свойственныя золотоносности и сопутствующія золото, безъ разбора, вѣрно или ошибочно, единственно по наружному сложению, или по цвѣту. Такъ, на-примѣръ, всякой слонистой породѣ онъ даетъ наименованіе *ребровка* (разумея сланецъ) и свойства золотоносности, а всякій бѣлый камень называетъ *икварцъ* (то-есть кварцъ) и считаетъ спутникомъ золота, хотя бы онъ вовсе не кварцъ былъ, а известнякъ или другой какой-нибудь. Простой партіонистъ имѣетъ ту выгоду, что, какъ человекъ, воспитанный ближе къ природѣ, пріученный къ грубой пищѣ и перенесенію всѣхъ жестокостей атмосферныхъ перемѣнъ тѣсныхъ мѣстностей, слѣдовательно неподверженный болѣзнямъ отъ вліянія жара, холода или продолжительнаго ненастья, онъ можетъ легче выдерживать всѣхъ недостатки, нужды и лишенія. Что же касается золотистыхъ россыпей, какъ слѣдствія наноснаго или намываемаго образванія, дѣйствительно онъ должны наиболѣе находиться въ логахъ, гдѣ были рѣчки и всякли, или гдѣ онъ и теперь есть — и въ этомъ отношеніи простой партіонистъ долженъ имѣть успѣхъ въ розыскахъ болѣе, нежели ученый, привыкшій къ жизни салонной и кабинетной, а не къ походной, полевой или лѣсной. Ученый партіонистъ, пришедъ на рѣчную систему и видя, что окрестныя породы свойственны золотоносности, приступаетъ къ обследованію второстепенной рѣчки, ключа или ручья и, не найдя тутъ россыпи съ содержаніемъ золота или признаками ея, переходитъ на слѣдующую, въ той же системѣ, избѣгая притоки всѣхъ встрѣчающихся на пути преградъ, — топей, болотъ и обрывовъ утесовъ и тому подобнаго, и, слѣдовательно, замедляя походъ

не торопится въ своихъ поискахъ; между-тѣмъ, какъ простой партіонистъ въ то же время обслѣдуетъ три и четыре рѣчки или ключа, переходя отъ однихъ къ другимъ безъ всякихъ обходовъ, путемъ прямымъ и кратчайшимъ, нерѣдко по колено въ топяхъ и болотахъ или бродомъ и вплавь по водѣ главной рѣки до впаденія слѣдующей побочной, не разбирая опасностей отъ быстрины и встрѣчи глубей, и даже измоченный весь не заботится объ осушеніи себя. Итакъ, если дѣйствія одного, при обслѣдованіи одной рѣчки, не увѣнчаются успѣхомъ, не смотря на его познанія и соображенія, то въ то же самое время другой, при осмотрѣ четырехъ рѣчекъ, очень-легко можетъ напасть на золото, не въ той, такъ въ другой, третьей или четвертой; а потому и говорится нерѣдко, что простой или неученый скорѣе открываетъ золото. Изъ казаннаго очевидна причина такого отрыва; а чтобъ еще яснѣе идти наибольшую возможность находенія золотоносныхъ розышекъ простыми партіонистами, должно рассмотреть подробнѣе всѣ дѣйствія ихъ по предмету розысковъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они доселѣ производили и производятъ эти розыски, всѣ трудности лишенія, какимъ подвергаются и всѣ опасности, какимъ идутъ а встрѣчу, безъ разбора.

Партіи поисковыя отправляются въ походъ или съ промысла, или изъ резиденціи. Резиденціею называется сборный пунктъ золотопромышленниковъ, находящійся на границѣ тайги и служащій въ-сказанъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ потребностей ихъ, какъ: хлѣба, мяса, желѣза, машинныхъ частей и проч., и проч. Таковы Рыбная, Климовское, Ермакъ, Мотыгина и тому-подобныя. Въ эти резиденціи доставляются всѣ означенные припасы и потребности или вошиками, или своими лошадьми, къ управляющему, рочно для этого определенному отъ каждаго золотопромышленника. Этотъ управляющій или принимаетъ товары по накладнымъ, ружаетъ ихъ въ амбары и магазины, для того устроенные, и раскладываетъ отпусками по мѣрѣ приказаній комиссіонера или хозяина или, по надлежащемъ осмотрѣ обоза, препровождаетъ прямо на промыскы, если это случится зимою; въ последнемъ случаѣ, нерѣдко оны подряжаются и прямо доставкою на промыслы отъ мѣста отправки; или, наконецъ, этотъ управляющій имѣетъ попеченіе о провозженіи рабочихъ, мимо проходящихъ въ тайгу, о подаваніи имъ пособія отпускомъ провіанта на путевое продовольствіе до промысла и необходимыхъ въ случаѣ требованія вещей, какъ-то: ошейниковъ, азамовъ, холста, рукавицъ и тому подобнаго, подсчетъ заслугъ ихъ; заботится о приготовленіи вьючныхъ и верховыхъ лошадей со всѣмъ потребнымъ къ тому приборомъ и при-

надлежностями, какъ для хозяевъ, такъ равно для управляющихъ и прикащиковъ. Короче сказать, резиденція есть соединительный пунктъ жилыхъ мѣстъ съ тайгою и промыслами въ ней находящимся.

Надо замѣтить, что большею частію каждый партіонистъ, изготовясь окончательно къ походу изъ резиденціи или съ промысла, то-есть навьючивъ лошадей, распредѣливъ ихъ по три подъ надзоръ каждаго рабочаго, осмотрѣвъ, исправны ли эти лошади и справясь о состояніи здоровья людей, большею частію непремѣнно старается воспользоваться напутствіемъ священника, гдѣ есть священникъ; отслужить молебень, потомъ распрощается со всѣми знакомыми, и такимъ образомъ двинетъ свой караванъ по предарительно-назначенному или имъ-самимъ избранному пути.

Всякій партіонистъ, удалясь отъ резиденціи или промысла съ караваномъ своимъ въ тайгу, дѣлается совершенно-свободенъ по своимъ дѣйствіяхъ; здѣсь ему нѣ отъ кого получить ни совѣта, ни наставленія, ни даже какихъ-либо указаній; всѣ его пособія въ такомъ случаѣ — я говорю о партіонистѣ простомъ, — состоятъ въ собственномъ его взглядѣ на *разломы горъ*, какъ онъ выражается и указаніе рѣчекъ вожакомъ, сопутствующемъ партіи. Чтобы не затрудняться ниже сего при встрѣчѣ выраженія *разломы горъ*, въ лишнимъ считаю объяснить этотъ мѣстно-принятый терминъ: разломомъ горъ простые партіонисты называютъ вообще центральное соединеніе ложбинъ въ одну общую, раздѣленныхъ между собою горами, круто падающими къ общей ложбинѣ или полянѣ. Подобное выраженіе, принятое простыми искателями, судя по наружному виду мѣстъ, довольно-справедливо, потому-что мѣста эти дѣйствительно похожи на то, какъ-будто-бы масса горы растаяла или разломилась отъ центра по радіусамъ и провела малыя рѣчки и ключи по боковымъ ложбинамъ къ сказанной выше общей полянѣ, въ рѣчку общую, пріемную и гораздо-большую притивъ боковыхъ. Такіе разломы они почитаютъ наиболее-золотеносными; хотя дальнѣйшія розысканія показываютъ, что россыпи въ Восточной-Сибири залегаютъ и въ одностепенныхъ ложбинахъ узкихъ и широкихъ, и на скатахъ горъ, и наконецъ даже на самыхъ верхахъ ихъ. Примѣромъ послѣдняго служатъ — пріискъ Мальвинскаго на Питской-Системѣ, въ долинѣ Октяка, на самомъ верху лѣваго его истока, составляющій наполненіе къ отводу ольгинскому, и пріискъ полковника Жуковскаго, по Бирюсинской-Системѣ, въ долинѣ Унгурьбея; первый, по наблюденіямъ полковника Гофмана, принявшаго городъ Красноур

за постоянный пункт для опредѣленія разностей высотъ, находится надъ Красноярскомъ на 1629, а послѣдній на 3346 парижскихъ футовъ. Не входя въ разсужденіе объ источникахъ происхожденія золота въ россыпяхъ Восточной-Сибири, я поставляю однакожь на видъ, что золото вы найдете тамъ большею частію вездѣ, гдѣ увидите между прочими породами кварцъ или въ обломкахъ, или прорѣзывающійся жилами; и наоборотъ тамъ, гдѣ есть золото, встрѣтите кварцъ въ томъ или другомъ видахъ, какъ выше сказано. Кварцъ нерѣдко встрѣчается здѣсь во многихъ мѣстахъ на самыхъ вершинахъ горъ, въ видѣ большихъ массъ и, какъ сказано, прорѣзывающійся жилами. Золотосодержащая россыпь на вершинѣ горы Октолка, сейчасъ нами упомянутая, подтверждаетъ справедливость моего замѣчанія, а потому и допускаетъ предположеніе, что наносы съ содержаніемъ золота въ Восточной-Сибири могли быть принесены и съ соседнихъ горъ и могли образоваться тутъ же на мѣстѣ, отъ разрушенія породъ золотосодержащихъ. Какъ бы то ни было, держась главнѣйше одного правила, что золото находится по рѣчкамъ, партіонисты требуютъ отъ вожака указанія этихъ рѣчекъ, которыя и обслѣдываютъ шурфовкою при соображеніи видимыхъ породъ кварца, глинистаго сланца и зеленого камня.

Вожакими здѣсь служатъ природные жители тайги, называемые тунгусами, — народъ, можно сказать, судя по нынѣшнему состоянію восточной-Сибири, полудикій, кочующій въ обширныхъ здѣшнихъ мѣстахъ однимъ семействомъ или нѣсколькими, однакожь немногочисленными; живутъ эти люди лѣтомъ болѣе на открытыхъ мѣстахъ, а зимою въ шалахахъ конической формы, дѣлаемыхъ обыкновенно изъ березовыхъ жердей или колевъ, въ вершинѣ единенныхъ и покрываемыхъ оленьими шкурами, берестю и т. п. собою, съ однимъ небольшимъ въ боку отверстіемъ для входа и выхода. Первоначальное занятіе или промыселъ Тунгусовъ состоитъ въ звѣроловствѣ; они били стрѣлами бѣлку, соболя, горностая, пальмою (широкій ножъ на древкѣ) медвѣдя и другихъ хищныхъ звѣрей; у нихъ есть стада оленей, которые ихъ питаютъ и ѣдятъ. Время постоянного пребыванія Тунгусовъ на одномъ мѣстѣ ограничивается вытравкою оленями бѣлаго, сибирскаго мочала — наилучшей пищи для этихъ животныхъ. По открытіи же олова въ Сибири, или лучше сказать послѣ того, какъ образованные шельцы завладѣли мирнымъ мѣстопробываніемъ Тунгусовъ, Тунгусы удалились въ глубь лѣсовъ; а потомъ, мало-по-малу, въ некоторые изъ нихъ сблизились съ золотокателами, стали имъ полезны, потому что указывали мѣстности (т. е. рѣчки) и ознакомились съ по-

требностями людей образованныхъ, какъ-то: съ употребленіемъ хлѣба, вина и даже съ деньгами. Не отношу этого замѣчанія ко всемъ вообще полудикимъ жителямъ Сибири; есть много инородцевъ, которые имѣютъ сношеніе съ городами, платятъ ясаки правительству, говорятъ по-русски, начинаютъ приближаться въ образѣ жизни, пищу и одежду къ классу людей образованныхъ, гражданственныхъ; но много есть еще и такихъ, которые упорно придерживаются первоначальнаго своего быта, скитаются въ тѣсахъ и удаляются всякаго сообщенія съ прочими людьми. Итакъ, нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ, наиболѣе ознакомившіеся съ золотопромышленниками, уже сами являютъ съ предложеніемъ услуги; при наймѣ Тунгуса должно имѣть нѣкоторую споровку; самое главное—ласковость обращенія съ ними, и такъ-какъ они страстные охотники до вина, не исключая и жепцины, то щедро подвозитъ чара — главное условіе; пищи они не разбираютъ, для нихъ все равно какая бь она ни была. Второе — подарки: бродни, рукавицы, одиорядки, кушаки, шапки, — все эти мелочи занимаютъ ихъ до такой степени, что если какая-нибудь вещь имъ понравится, они неотступно просятъ и употребляютъ ее безъ разбора, какъ мужчины, такъ и женщины. Случалось видѣть на промыслахъ полученныя ими подарки изъ поношеннаго платья, на-примѣръ: форменные фраки, сюртуки; Тунгусы и Тунгуски щеголяли въ нихъ съ равнымъ удовольствіемъ. Эти пустыя средства лучше всего пріохочиваютъ Тунгуса къ ревностному исполненію должности вожака; конечно, плата платою; выговаривается нерѣдко и довольно значительная плата, какъ мы видѣли изъ предъидущей статьи. Тунгусъ, сколько извѣстно, лѣнивъ до такой степени, что самъ ничѣмъ не занимается, кромѣ хожденія за звѣремъ; всѣ работы по частіи домашняго быта отправляются у нихъ женщинами безъ исключенія, а потому и въ партіи за нимъ ухаживаютъ, какъ за рекрутскимъ наемщикомъ, т. е. кромѣ ласковаго обращенія и угощенія вывозятъ все принесутъ ему, подадутъ, осѣдлаютъ лошадь, даже подвезутъ ее и т. п., но изъ вида отнюдь не выпускаютъ, потому-что, въ случаѣ удаленія вожака, можно партію подвергнуть большому затрудненіямъ; малѣйшая непріятность со стороны партіониста или рабочихъ, а нерѣдко и собственная умышленность Тунгуса, по вѣду взятаго впередъ значительнаго задатка, бываютъ причинами его побѣга. Оставленіе партіи вожакѣмъ бываетъ болѣе ощутительнымъ тогда мѣста проходимаго мало извѣстны и значительно удалены отъ всякаго населенія, и когда люди и самѣй партіонистъ вѣсьма и не бывали еще въ поискахъ. На этотъ конецъ, кромѣ строгого наказа рабочимъ имѣть за вожакѣмъ неослабное смотрѣніе, онъ безотлучно долженъ быть при партіонистѣ, такъ-что, еслибъ онъ

тія останавливается гдѣ-нибудь для отдыха или для работъ, и партіонистъ отклонился для побочныхъ осмотровъ, то вожакъ непременно долженъ ему сопутствовать,—д., за всѣми такими предосторожностями вожаки, случается, пожимаютъ партіи.

Такъ-какъ партія поисковая бываетъ простая или сложная, то есть одна сама-по-себѣ полная или неполная, или состоящая изъ двухъ, трехъ и болѣе отдѣльныхъ партій, также полныхъ, или неполныхъ, то и дѣйствія поисковъ бываютъ различны: первая не разделяется ни на походѣ, ни для произведенія работъ, и въ ней при остановкахъ или стоянкахъ, какъ выше замѣчено, только одинъ партіонистъ съ вожакомъ отдѣляется для боковыхъ осмотровъ на недалекое разстояніе и недолгое время, примѣрно въ-теченіи одного дня и не болѣе, какъ верстъ въ десять, на двадцать или много на тридцать въ сторону. Сложная дѣйствуетъ иначе; здѣсь каждая частная партія, имѣя своего партіониста, подчиненнаго главному или общему, идетъ по данному ей наставленію, дѣлаетъ свои остановки для произведенія работъ, не отдѣляясь однакожь одна отъ другой на значительныя разстоянія и состоя въ непрерывномъ сообщеніи съ главнымъ партіонистомъ, который, съ ожакомъ и однимъ или двумя конюхами или рабочими, переходитъ отъ одной партіи къ другой, наблюдаетъ за ихъ дѣйствіями, работами и общею исправностью, т. е. на счетъ повиновенія людей, недостатка въ продовольствіи, орудіяхъ и инструментахъ, въ состояніи здоровья рабочихъ и крѣпости лошадей. Наконецъ, поѣдетъ впередъ на новыя мѣста, осматриваетъ ихъ и если найдетъ кое-либо мѣсто стоящимъ обшурфованія, даетъ знать ближайшей партіи, которая поспѣшаетъ по его назначенію и выполняетъ немедленно приказанія главнаго партіониста: люди, составляющіе поисковую партію, до того подчиняютъ себя партіонисту, что безропотно выполняютъ всѣ его малѣйшія приказанія и находятся въ безусловномъ повиновеніи, не смотря на то, что онъ одинъ, а ихъ много, и что всякая содѣйствующая власть какъ полицейская, такъ земская удалены и въ случаѣ безпокойства не могутъ оказать ораго пособія. Впрочемъ, примѣры неповиновенія въ партіяхъ бываютъ весьма-рѣдки, и тамъ, гдѣ меньше полководцы людей оказываются непослушными, большинство остальной части немедленно мирится непокорныхъ, а артедыный приговоръ даже полагаетъ казаніе виновному; напротивъ, если число ослушниковъ будетъ болѣе числа покорныхъ, тогда дѣломъ власти остается одно что-нибудь—или мѣрами благоразумія привести въ повиновеніе и распыленіе, или, въ случаѣ близости населенія, дать секретное извѣщеніе присыдѣкъ немедленной помощи для восстановленія порядка и



подчиненности, или, наконецъ, остается необходимость покориться волѣ всѣхъ прихотей и капризовъ ослушниковъ; а, въ случаѣ угрозы или покушенія на жизнь, даже незамѣтно удалиться отъ партіи, покинувъ все имущество и забываясь единственно о спасеніи жизни. Но я уже сказалъ, что примѣры невинности или непослушанія и возмущенія въ нихъ весьма-рѣдки; а примѣровъ посяганія на жизнь властей, т. е. партіонистовъ, кажется, и не бывало. Да и можно ли ожидать чего-нибудь худаго отъ тѣхъ людей, которые приняли на себя обязанности поисковъ добровольно, по собственному соглашенію и за хорошую плату? Побѣги отъ партіи — что другое дѣло; они могутъ быть, или потому-что походъ въ разнисксахъ будетъ не подъ-силу здоровью рабочаго, — въ такомъ случаѣ, не имѣя средства возвратитъ затраченный задатокъ или не желая отдать его обратно, онъ тайно покидаетъ партію; или потому-что иному трезвая, тѣсная жизнь будетъ тягостна и не согласна съ всегдашнюю его склонностью таскаться около питейнаго дома, — но и тутъ рабочій, если бѣ имѣлъ возможность отдать задатокъ, никогда не сдѣлалъ бы тайнаго побѣга.

Термины распредѣленія работъ, отдыховъ, удовлетворенія людей пищею и лошадѣй кормомъ въ поискахъ отнюдь не могутъ быть правильно-постоянны. Ночью партія большею частію отдыхаетъ на привалѣ; утромъ рано, часа въ два, всѣ подымаются въ походъ, напившись предварительно горячаго, то-есть, чая—партіонистъ, какого имѣть, а рабочіе обыкновенно кирпичнаго съ ржаными сухарями; потомъ, напоивъ лошадей, бродившихъ въ-теченіи ночи на подножномъ корму, сѣлаютъ ихъ, навьючиваютъ, и такимъ-образомъ подымаются съ мѣста въ дальнѣйшій путь. Мѣра дневнаго похода также зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ: отъ исправности пути, встрѣчи переправъ чрезъ рѣчки, переваловъ за хребты, отъ остановокъ для осмотра мѣстности и произведенія работъ, исправленія партіонныхъ принадлежностей и многихъ другихъ причинъ. Хотя въ предъидущей статьѣ о формированіи поисковыхъ партій и показана приблизительно мѣра дневнаго похода для каждаго рода партій, то-есть, для конной и пѣшей, но такъ-какъ сибирская тайга еще весьма-близка къ первобытному хаосу, то и не можетъ быть подчинена никакимъ постоянно-положительнымъ условіямъ ни въ какомъ отношеніи. И дѣйствительно, здѣсь въкомельса кедровъ, пихта, лиственница, сосна и другія, водворены на самыхъ вершинахъ горъ и въ глубокихъ падахъ, или междугорьяхъ. Здѣсь есть дремучіе лѣса, расположенные на каменистомъ грунтѣ такимъ-образомъ, что у основанія ихъ одни голые, на значительномъ вышину, штамбы, — и на землѣ ни куста, ни травки, кромя та-

таго слоя навшей сухой, хвойной иглы; вершины такъ часты, усты и плотно соединены между собою, что не только не видно въ нихъ мѣстахъ неба и облаковъ, но и самый вѣтеръ не можетъ засаться подвожя этихъ старожиловъ: вверху шумятъ, бушуютъ вихри, а внизу зажженная свѣча горитъ спокойно и не гаснетъ. Есть, напротивъ того, лѣса, преисполненные разными породами устарными, заваленные колодами павшаго лѣса и валежника и глубоко поросшіе мохомъ, маскирующимъ эти топи, этотъ навшій съ и безконечную съз сплетенныхъ кореньевъ, такъ-что и среди эта по такимъ лѣсамъ нельзя ни пройти, ни проѣхать. Есть вершины горъ голыя, каменистыя и нерѣдко, по вышинѣ, сохраняющія круглый годъ на теменя своемъ льды и снѣгъ; есть на вершинахъ прекрасныя поляны; есть между горъ картинныя долины; есть неизшвримыя топи и болота; есть утесы, которые съ каждою грозою или бурею и съ каждою волополю весны низвергаютъ съ обнаженныхъ боковъ своихъ страшныя глыбы камней, щебня и песка; есть наконецъ горныя рѣки, быстрыя, каменистыя, шумомъ подобныя поставу многихъ водяныхъ колесъ, а скоростью теченія равныя бѣгу доброй лошади: вода въ такихъ рѣчкахъ не течетъ, не бжитъ, но падаетъ. Деревья здѣшнихъ лѣсовъ такъ слабо держатся въ основаціяхъ своихъ на каменистомъ глинисто-песчаномъ грунтѣ, что вихри и ураганы ниспровергаютъ ихъ во множествѣ, и послѣ каждой грозы и непогоды нерѣдко ропа, по которой вы уже проѣхали, дѣлается непроходимомъ; отъ того же на всѣхъ крутыхъ скатахъ горъ вы увидите повсюду сверху до низу между стоячими деревьями почти равное число деревьевъ авшихъ. Бури и грозы здѣсь довольно-часты; ночныя, утренніе и черніе туманы почти-всегда бывають; случаются проливные дожди, продолжительные, мелкіе, или бусена, и наконецъ, бывають безвременныя снѣгъ. При такихъ разнообразныхъ свойствахъ мѣстности, при такихъ хорошихъ, дурныхъ, едва-проходимыхъ, а видѣ и все-непроходимыхъ путяхъ, предстоящихъ на походѣ поисковымъ партіямъ, отнюдь не можно рассчитывать разстояній, какия ей слѣдовало пройти по расчету времени. Иногда, партія, оспѣшая къ какому-либо мѣсту, которе известно вожаку или самому партіонисту, и которое, по ихъ предположенію, заслуживаетъ вниманія, идетъ безостановочно, не дѣлая никакихъ приваловъ ни для обѣда рабочихъ, ни для кормленія лошадей и, достигши этого мѣста не ранѣе какъ къ вечеру, имѣетъ и обѣдъ, ужинъ, все вмѣстѣ; въ такомъ случаѣ, порція отпускается людемъ за одинъ разъ обѣденная и ужинная; на пути же рабочіе толкуются себя одними сухарями безъ остановки каравана. Наотмѣвъ того, встрѣчаются такіе затруднительные переходы черезъ

болота, или переправы черезъ рѣки, что партія остается на мѣстѣ по суткамъ, по лvon и болѣе, пока не отыщутъ безопаснаго перехода; въ этомъ случаѣ, обыкновенно караванъ остается на мѣстѣ, а люди, чelовѣка по два, рассылаются въ ту и другую стороны для отысканія удобопроходимаго мѣста.

Въ привалахъ для ночлега партій, обыкновенно наивыбираютъ лошадей, разбиваютъ палатку для партіониста, а также и полагаютъ тѣхъ вещей, которыя наиболее требуется сохранить отъ падучки; прочій багажъ, какъ и самые люди, помѣщаются подъ густою развѣтвистою елью, пихтою или въ на-скоро-сдѣланномъ изъ воншалашъ; лошадей пускаютъ на подножный кормъ; разводятъ огонь и въ тѣхъ же котлахъ, которыми отливаютъ воду, то-есть въ желѣзныхъ съ душками ведрахъ варятъ или одни щи, или кашу; рабочіе, пользуясь свободными минутами, починиваютъ на себѣ одежду и обувь, осматриваютъ подковы у лошадей и закрываютъ тѣ, которыя окажутся ослабѣвшими; потомъ разводятъ для безопасности отъ звѣря цѣсколько огней, ставятъ носѣнный изъ тѣхъ же рабочихъ караулъ, производятъ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, и такимъ-образомъ предаются покою. Прежде, съ лошадьми при такихъ привалахъ поступали различно: стреноживали ихъ, привязывали ботолы или колокольцы, пускали на кормъ на кордахъ или длинныхъ веревкахъ; но въ-послѣдствіи дознано, что всѣ эти предосторожности служили болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ. Лошадки, по инстинкту самохраненія, отсюда не отдаляются значительно отъ стана партій, а стреноженные или на кордахъ, въ случаѣ нападенія звѣря, бывали его жертвою; будучи же свободными, онѣ могутъ спастись отъ него быстротою бѣга. Ночные огни и партіонномъ станѣ и звонъ колокольцовъ и бубенчиковъ бесполезны: на шумъ не всегда рѣшается звѣрь подходить близко; бубенчики и на самомъ походѣ партія полезны. Медвѣдь (а медвѣдей, надобно замѣтить, бываетъ иногда довольно-много въ тайгахъ Сибиря), услышавъ шумъ отъ людей и звонъ колокольчиковъ, далеко по лѣсу раздающійся, удаляется въ сторону; а еслибъ онъ гдѣ и повстрѣчался, то гораздо-лучше, какъ рассказываютъ опытные тасжники, не принимать никакихъ мѣръ оборонительныхъ, кромѣ развѣ увеличенія крика или шума. Повстрѣчавшись съ медвѣдемъ, лошади останавливаются какъ вкопанныя, и медвѣдь, спустя цѣсколько минутъ, подымается съ мѣста и удаляется. Какъ видно, надежный и вѣрный выстрѣлъ изъ винтовки въ голову бываетъ также не дурнымъ средствомъ при встрѣчѣ съ такимъ животнымъ; но если этотъ выстрѣлъ будетъ невѣренъ, тогда разярившійся звѣрь можетъ напроказить. Много есть анекдотовъ

васчетъ этого хищнаго жителя тайги; но такъ-какъ это не входитъ въ составъ моего описанія, и притомъ подобные рассказы могутъ быть и истинные и вымышленные, то, умалчивая о нихъ, обращаюсь къ настоящему дѣлу.

Порядокъ обшурфованія мѣстности съ содержаніемъ золота и описаніе ея, на предметъ заявки согласно правиламъ послѣднихъ постановленій, — описывать нѣтъ надобности, потому-что это общедовано официально въ узаконеніяхъ и всякому можетъ быть извѣстно, равно какъ и самая форма заявокъ. Пыньче, какъ то, какъ и другое доведено до возможнаго совершенства и точности, много содѣлываетъ устраненію могущихъ возникнуть споровъ и неудобныхъ процессовъ.

Главное дѣло партіониста при розыскахъ — напасть на знаки золота; тутъ онъ разбиваетъ разстоянія на десять законныхъ шурфовъ, работаетъ ихъ, описываетъ со всею подробностію мѣстность, посылаетъ въ ближайшій земскій судъ заявку для засвидѣтельствованія. Судя по нынѣшнему порядку заявленія, повторю, стоишь ли прищелкъ, не шурфуя, по одному описанію мѣстности — гнодь не можетъ заявить и воспользоваться чужимъ открытіемъ; заявка его не будетъ подна, вѣрпа, изоблечитъ въ дождю дѣйствіи и неминуемо подвергнетъ его всей строгости законовъ, какъ хитителя чужой собственности.

Не допускаю примѣровъ, доказывающихъ невѣрность долгу ужбы, то-есть, чтобъ партіонистъ, на-примѣръ, напавъ на золотосное мѣсто, затаилъ его отъ довѣрителя своего съ намѣреніемъ продать другому, и потомъ перешедъ къ этому другому на службу завѣреніемъ непременно сдѣлать открытіе, продать кому-нибудь на походъ въ тайгу, какъ говорится, съ-рукъ-на-руки, и по словесному соглашенію наличную плату и, указавъ мѣстность, дозволяя заявить ее. Что же касается до подслѣженія, это быть можетъ во всякомъ случаѣ; отъ-того-то для успешнѣйшаго розысканія золота, тамъ, гдѣ всюду есть совмѣстничество, простыхъ партіонистовъ должны быть непременно условіями *идея и быстрота дѣйствія*. Тотъ, кто быстрее производитъ обшурфованіе въ поискахъ, имѣетъ и большія надежды на успѣхъ рытія. Чтобъ дать яснѣйшее понятіе о подслѣженіи въ поискахъ, объясню это подробнѣе: партіонисты опытные, бывалые, горопные, и особенно оправдавшіе себя на дѣлѣ открытіями, часть дѣлаются извѣстными и, такъ-сказать, приобретаютъ власть таежной и уваженіе и славу. А потому, гдѣ въ послѣд-

ствии покажутся въ тайгѣ такіе партіонисты для розысковъ, то мелкіе или новички очень-часто слѣдятъ за опытными, и если первый гдѣ попадетъ на золотоносное мѣсто, то послѣдніе уже не унеустятъ случая немедленно воспользоваться всеми побочными логамъ, рѣчками, ключами, даже мочежинками. Бываетъ, что опытный тасжикъ, напавъ на знаки золота, по причинѣ позднего времени не успѣетъ достигнуть богатыхъ мѣстъ этой розсыпи и откладывая до будущаго лѣтнаго или зимняго времени дальнѣйшее освидѣтельствованіе, — при послѣдовательномъ продолженіи начатаго, примѣтитъ подслѣдителей: то, чтобъ отвлечь ихъ, оставляетъ это извѣстное мѣсто безъ розысканій, переходитъ на другое, болѣе удаленное, производитъ фальшивыя работы, расположившись тутъ полнымъ станомъ. Подслѣдители, не предполагая обмана, сами располагаются работами по сосѣдству, а маскирующій партіонистъ между-тѣмъ тайно, въ ночное время, отправляется на прежнее мѣсто и дѣлаетъ свое дѣло, то-есть развѣдываетъ, или посылаетъ для того своего помощника; а когда главный партіонистъ будетъ извѣщенъ, что работа начата съ успѣхомъ, то партія подымается съ мѣста и оставляетъ всѣхъ слѣдителей — всуе трудиться. Въ 1843 году понсковыхъ партій было безъ малаго около 200; но открытія сдѣлали немногія. Малыя партіи, изъ шести или восьми человекъ, не могутъ надѣяться на большой успѣхъ въ розыскахъ; конечно, если посчастливится, то и онѣ иногда съ перваго раза нападаютъ на знаки и дѣлаютъ открытія. Дѣйствія простой полной пѣшей партіи, или еще лучше сложной, бываютъ всегда быстрѣе неполныхъ; дѣйствія же конной превосходятъ всѣ упомянутыя выше; но и тѣ нерѣдко возвращаются безъ успѣха.

Говоря о ложныхъ дѣйствіяхъ партіонистовъ, можно хотя предположительно допустить еще и то, что когда хозяинъ взятъ которому-нибудь изъ нихъ вполне, то-есть, что кромѣ значительнаго жалованья, хорошаго содержанія и обещанной за открытіе награды, предоставитъ ему права безусловныхъ дѣйствій, и если этотъ партіонистъ будетъ человекъ безсовѣстный, то хотя бы первоначально и имѣлъ добрую мысль приобрѣсти своему доверителю, но какъ ему не посчастливилось, труды и походъ его не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, то, чтобъ не лишиться по-крайней-мѣрѣ обещанной награды, онъ можетъ заявить пустое мѣсто, обольщая на время надеждами хозяина своего, даже доставитъ приобрѣтенное стороною некоторое количество золота, или хотя знаки его въ видѣ первоначальной пробы. А такъ-какъ на расположеніе золота въ розсыпяхъ нѣтъ никакого, даже приблизительно-вѣрнаго правила, то оно можетъ содержаться въ розсыпяхъ и въ

льшшими знаками, даже неуловимыми по всей мѣстности, и про-  
 шлками только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и гнѣздами, и сплошь  
 въ богатомъ содержаніи. Отъ этой измѣняемости и непостоянства  
 случалось, что многіе искатели проходили по одному и тому же  
 мѣсту безъ всякаго успѣха, выбивая шурфы даже глубже постели  
 пласта, а одинъ какой-нибудь, при небрежныхъ дѣйствіяхъ, тамъ  
 же находилъ богатство; слѣдственно, и фальшиво-дѣйствующему  
 партіонисту, при дальнѣйшемъ разузнаніи его заявки, весьма-легко  
 прикрыть обманъ оговоркою, что онъ, попавъ видимо на гнѣздо  
 золота, спѣшилъ порадовать своего довѣрителя, и потому не слѣ-  
 далъ надлежащей обшурфовки, въ-слѣдствіе которой, конечно бы,  
 и самъ увидалъ свою ошибку. Какъ повѣрить истинну дѣйствій  
 такого партіониста и чѣмъ удовлетворить себя хозяину за обманъ?  
 Одно средство — прогнать отъ себя партіониста-плута, который на  
 завтра же будетъ у новаго хозяина, — ибо въ людяхъ прежде очень  
 нуждались. Изъ послѣдовательныхъ точныхъ развѣдокъ первоначаль-  
 но-заявленныхъ площадей, по открытіи удерейской или и дру-  
 гихъ золотоносныхъ системъ, видно, что партіонисты и безъ умыс-  
 ла спѣшили наперерывъ другъ передъ другомъ воспользоваться  
 большимъ числомъ мѣстностей, а потому не мудрено, что лишь  
 завидя рѣчку, били шурфъ или яму, ставили столбъ со знаками  
 и, описавъ наскоро мѣстность, спѣшили съ заявкою, да и заяв-  
 вили такимъ-образомъ множество пустыхъ мѣсть, которыя при  
 точныхъ развѣдкахъ въ случаѣ пріема, отвода или оставленія втугнѣ  
 этихъ площадей, нынѣ подтверждаютъ справедливость моего замѣ-  
 чанія. Дѣйствительно, многіе, у кого было нѣсколько десятковъ  
 заявокъ на дѣлѣ, не получили и десяти пріисковъ, обѣщающихъ  
 что-либо, а благонадежныхъ и того меньше. Къ злоупотребленіямъ  
 умышленнымъ или неумышленнымъ можно отнести также и лѣ-  
 нивыя или медленныя дѣйствія по предмету розысковъ; на-при-  
 мѣръ: если партіонистъ не будетъ спѣшить обслѣдованіями мѣстности,  
 будетъ дѣлать бесполезные простѣи на одномъ мѣстѣ, слабо  
 наблюдать за успѣшностью работъ, и наконецъ, дозволить другимъ  
 партіямъ опережать себя.

Работы шурфовальныя партіонисты производятъ слѣдующимъ  
 образомъ: первоначально осматриваютъ рѣчку или ключъ по про-  
 сѣженію, избираютъ по соображенію удобное для работы мѣсто,  
 то-есть, не слишкомъ затопленное, недалеко отъ русла и, судя по  
 грунту земли и притоку водъ, опредѣляютъ для работы 2, 4, 6 и  
 8 человекъ въ смену на одинъ шурфъ; землю сначала выбрасы-  
 ваютъ на дневную поверхность лопатами, далее вынимаютъ на  
 перевкахъ желѣзными ведрами; воду сначала отливаютъ желѣзны-

ми лейками, потомъ ведрами, а напоследокъ помпами или водоотливными машинками; помпъ или машинокъ при сильной воле ставятъ двѣ, три и болѣе; обрушастую землю укрѣпляютъ поперечною забойкою плашныхъ деревянныхъ вѣнцовъ, а боковой притокъ родниковъ законопачиваютъ или забиваютъ закрѣпами, нохомъ, щебнемъ и глиною. По появленіи золотоноснаго пласта, который обыкновенно бываетъ преисполненъ гальками разныхъ породъ — сланца, зеленого камня, кварца и другихъ, производятъ чрезъ каждую четверть, или около того, при постепенномъ углубленіи, пробныя промывки, продолжая повтореніе ихъ до самой почвы; а если притокъ воды будетъ очень силенъ, такъ что никакими средствами нельзя осушить шурфа, то оставляютъ его недоконченнымъ, особенно когда не оказывается никакихъ знаковъ золота, закладываютъ новый на другомъ болѣе-удобномъ мѣстѣ и продолжаютъ работу тѣмъ же порядкомъ. Если же вода, не препятствуя произведенію работъ, допустить выбить шурфъ до почвы, и въ немъ не окажется никакихъ знаковъ золота, то всякій партіонистъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію: иной избираетъ новое мѣсто и закладываетъ второй шурфъ по протяженію той же рѣчки, а другой съ перваго неудачнаго шурфа переходитъ на другую рѣчку. Съ одной стороны можно одобрить тѣхъ партіонистовъ, которые не заставляются на одномъ мѣстѣ выработкою повторительныхъ шурфовъ и по слѣланіи одного, особливо когда не окажется золота, оставляютъ тотчасъ же всю рѣчку и идутъ къ другой, и такъ далѣе; дѣйствія такихъ партіонистовъ конечно будутъ быстрее, за то эта же быстрота можетъ быть поводомъ къ пропущенію мѣстъ золотосодержащихъ. Напротивъ, если партіонистъ на одной мѣстности будетъ бить нѣсколько шурфовъ въ разныхъ мѣстахъ, одинъ послѣ другаго, то-есть, не нашедъ на одномъ ничего, будетъ полагать надежду на другой, третій и такъ далѣе, и если всѣ эти шурфы окажутся пустыми, то напрасно-потерянные труды, а болѣе время, будутъ опутительнѣе самыхъ пропусковъ быстро-дѣйствующаго искателя. Изъ этого видно, что никакъ невозможно ни обвинять одного, ни оправдывать другаго ряды шурфовъ въ найденныхъ и уже благоудежныхъ пріискахъ, произведенные для узнанія сложнаго содержанія или общаго богатства, доказываютъ справедливость сказаннаго: въ иныхъ мѣстахъ, по журналамъ золотопромышленниковъ, одни шурфы имѣютъ богатое содержаніе, другіе только знаки золота, а въ иныхъ вообще нѣтъ ни того, ни другаго. И потому, партіонистъ-практикъ, ослѣдованія свои считаетъ за лучшее ограничивать двумя, а иногда тремя шурфами, на разныхъ цунктахъ по протяженію какой-либо рѣчки, особливо, если не встрѣтится ему совѣстничества со

сторонны другихъ партій, такъ-что онъ можетъ спокойно располагаться работами на мѣстѣ.

Нѣтъ словъ вполне выразить, нѣтъ пера живо описать тотъ восторгъ партій, когда она нападетъ на золотоносное мѣсто или сдѣлаетъ открытіе; и наоборотъ, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться уныніе и грусть, когда походъ ея безуспѣшенъ.

Въ первомъ случаѣ, всѣ труды, изнуренія, лишенія и опасности — все забыто: люди работаютъ съ удвоенною, утроенною силою, партіонистъ, добрый партіонистъ, отъ радости самъ не своей; въ послѣднемъ все иначе! Но я не стану описывать состоянія духа партій въ-слѣдствіе неудачныхъ ея поисковъ, тѣмъ болѣе, что если представить ее при концѣ похода, на возвратномъ пути, изнуренную, обносившуюся, подъ вліяніемъ непогодъ, перѣдко претерпѣвавшую голодъ отъ недостатка запасовъ, лишившуюся лошадей, бившуюся съ пути и блуждавшую съ опасностію погибнуть въ неизмѣримыхъ тайгахъ Сибири, — то уже будутъ понятны для каждаго радость однихъ и уныніе другихъ.

На тотъ предметъ, чтобъ не оказалось недостатка въ продовольствіи, въ случаѣ значительнаго удаленія партій въ глубь тайги и гдѣ всякаго населенія, гдѣ бы она могла достать заимообразно подобіе припасами, — или на случай блужданія партій, — командиръ ея пользуется всякимъ стороннымъ приобрѣтеніемъ для сохраненія взятой имъ пропорціи; и потому, гдѣ есть возможность, стрѣляютъ гнцу, ловятъ рыбу и собираютъ грибы. Партіонистъ безъ сообщенія и предусмотрительности, руководимый слѣпою отвагою, перѣдко подвергаетъ партію всѣмъ ужасамъ голодной смерти; зашедши въ тайгу на такое разстояніе, что, по расчету времени, требнаго на возвратъ, припасы его будутъ видимо-недостаточны, еще болѣе, если разлившіяся рѣчки затрудняютъ переправу, или партія, какъ выше сказано, заблудится, — то въ такомъ положеніи необходимость можетъ заставить не только постепенно уменьшать рцію дневнаго продовольствія, но и питаться кониною. Въ позднее время, въ тайгѣ нѣтъ ни гриба, ни ягоды, ниже питательна-растенія; ночныя холода убиваютъ здѣсь все прежде времени, истраченный запасъ пороха лишитъ и послѣдней надежды на приобрѣтеніе дичи, которая въ осеннее время покидаетъ угрюмую тайгу, улетая въ мѣста болѣе для нея пріятныя.

Такъ-какъ протяженіе рѣчекъ въ золотосодержащихъ розсыпяхъ весьма различное (онѣ простираются отъ истока до впаденія на



5, 10, 15, 20 и болѣе верстѣ), всякій же отводъ площади подлѣ присѣкъ одному владѣльцу или компаніи отмежевывается, какъ извѣстно, при 100 саженой ширинѣ на длину 5-ти верстѣ, — то иная рѣчка можетъ вмѣщать въ себѣ 2, 3, 4 и болѣе присѣковъ. И какъ ложбины, заключающія въ себѣ эти рѣчки, часто такъ поростають лѣсомъ и кустарникомъ, что нерѣдко двѣ или нѣсколько партій, пришедъ на одну рѣчку и не осмотрѣвшись по протяженію ея, начинали работы на одномъ и томъ же отводѣ, то отъ этого зараждались споры, требовавшіе иногда судебного разбирательства. На-примѣръ, если одна партія закладывала починный шурфъ при устьѣ, а другая въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ выше, то окончательный пунктъ первой партіи приходился въ починномъ второй, и если у обѣихъ партій оказывалось золото, то первая требовала отнесенія починнаго пункта второй на законную мѣру 5-ти верстнаго разстоянія, — а вторая не отступала, изъ опасенія убогости, къ вершинѣ, между-тѣмъ, какъ обѣ были неправы, потому-что приступили къ работамъ безъ предварительнаго осмотра этой рѣчки, боясь совмѣстнаго присутствія. Такимъ-образомъ, предусмотрительный партіонистъ, для устраненія подобныхъ неприятныхъ случаевъ, то-есть, споровъ и брани, останавливается для развѣдки, не только осматриваетъ рѣчку по всему законному ея протяженію, но если комплектъ людей дозволить, то и разставляетъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ изъ рабочихъ же въ родѣ пикетовъ или карауловъ, такъ-что сторонняя партія, еслибъ пришла на то же мѣсто, то, увидя людей, уже не осмѣлится расположиться тутъ работами; да и притомъ, ея и не допустятъ до этого. Когда у осторожнаго партіониста окажутся знаки золота въ первомъ шурфѣ, то, свободно и безъ всякихъ споровъ владѣя всѣмъ протяженіемъ, онъ приступаетъ къ закладкѣ и остальныхъ; а если первый шурфъ будетъ пустымъ, то или перемѣняетъ мѣсто или оставляетъ эту рѣчку безъ дальнѣйшаго обследованія.

Много можно было бы еще привести примѣровъ касательно тѣхъ взаимныхъ отношеній, какія бываютъ между партіонистами по предмету ихъ дѣйствій (поисковъ); но я скажу только о нѣкоторыхъ; такъ, на-примѣръ, они стараются узнать другъ отъ друга о направленіи, какое принимаетъ партія, руководимая опытнымъ партіонистомъ; подговариваютъ одна партія отъ другой перенести ихъ изъ числа рабочихъ, чтобъ они извѣстали объ открытіи золота и тѣмъ дали средство воспользоваться сосѣдними мѣстами; подкупаютъ промывальщиковъ для того, чтобъ они скрыли отъ безпечнаго партіониста оказавшіеся при пробныхъ промыскахъ признаки золота и отвлекли вниманіе его отъ мѣстности для переде-

подкупившему; стараются воспользоваться всякою неосторожностью и оплошностью другъ друга, т. е., если одна партія идетъ на известное мѣсто, указанное предварительными развѣдками или и инымъ какимъ-нибудь образомъ, и если партіонистъ той партіи будетъ лишкомъ разглагольствовать объ этой вѣрпой метѣ, даже передъ своими рабочими, то ловкій командиръ другой партіи, свѣдавъ или и по мѣстному расположенію сообразивъ все касающееся до предлагаемаго руна его противника, старается своимъ присутствіемъ замедлять и удерживать его движенія, — между-тѣмъ, какъ помощнику приказываетъ сдѣлать скрытно обходъ для захвата сказаннаго мѣста. При этомъ партія, совершающая упомянутый обходъ, такъ быстро поспѣшаетъ къ цѣли своего назначенія, что лишаетъ себя всякаго отдыха, какъ для ночлега, такъ даже и для кормленія лошадей, или по-крайней-мѣрѣ отнюдь не дѣлаетъ большихъ приваловъ, идетъ прямымъ и кратчайшимъ путемъ, не разбирая ни рѣчекъ, ни хребтовъ, ни болотъ и такъ скрытно, что не только не позволяетъ разводитъ огни, пѣть или кричать, но даже подымаетъ и перекладываетъ съномъ и травою все тѣ вещи, которыя могутъ производить звукъ или шумъ, какъ-то: ведра, лейки, колокольцы, бубенчики и т. п. Или, если два партіониста, приваливъ на ночлегъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ или въ весьма-близкомъ другъ отъ друга разстояніи и сошедшись во время отдыха, какъ это водится въ партіяхъ, — въ дружеской бесѣдѣ, а можетъ-быть, и за нарочно-умышленною къ тому чаркою вина которое, какъ видѣли выше, берется многими для цѣли благонастроенной), одинъ другому обмолвится объ известномъ мѣстѣ, то другой, не показывая злаго умысла, притворяется ошлывшимъ для озбужденія большей откровенности, и въ то время, какъ всѣ предадутся покою съ безвѣчнымъ своимъ начальникомъ, тихонько давится къ своимъ людямъ, поспѣшаетъ на указанное мѣсто, схватываетъ его, и такимъ-образомъ нѣрѣдко дѣлается обладателемъ весьма-значительнаго прииска. Оплотившій партіонистъ смекнетъ свою ошибку, но уже поздно: люди, пришедшіе прежде для развѣдки, пользуются и правами, первымъ предоставленными. Наконецъ, при дружественныхъ отношеніяхъ двухъ партіонистовъ, могутъ быть также взаимныя соглашенія на подачу другъ другу уки помощи, т. е. если одинъ откроетъ золото, то другой по уговору старается воспользоваться избыткомъ, соседними или прилежащими мѣстами. Всѣ эти и имъ подобныя случаи я отнюдь не осмѣливаюсь подтверждать никакими фактами или доказательствами; но говорю о нихъ здѣсь единственно для того, чтобъ ознакомить съ ними, какъ съ возможными; а потому и заключаю замѣчаніемъ касательно болѣзней и поданія пособій въ тайгѣ, касатель-

по средствъ въ случаѣ недостатка продовольствія, сохраненія орудій, инструментовъ и прочія партіонныхъ принадлежностей, и, наконецъ, касательно вознагражденія партіониста и рабочихъ въ случаѣ сдѣланнаго открытія.

На случай болѣзненнаго состоянія людей въ партіи, некоторые партіонисты, какъ сказано въ предыдущей статьѣ, берутъ съ собою что-либо изъ медицинскихъ средствъ, такъ, на-примѣръ: нашатырный спиртъ, камфору, стручковый перецъ и т. п.; другіе, напротивъ, обходятся и безъ этихъ запасовъ, и потому, въ случаѣ болѣзни, или ничѣмъ не пользуются, предоставляя исцѣленіе собственной натурѣ больного, и большой, если имѣетъ достаточно силы, слѣдуетъ за партіею верхомъ на лошади, а если не можетъ, то оставляется въ тайгѣ подъ надзоромъ одного изъ рабочихъ, съ пропорціею на нѣсколько дней продовольствія, въ этомъ случаѣ оставшіяся при больномъ охранный, устраиваетъ какъ для себя, такъ и для хвораго товарища изъ жердей, бересты и хвои бальгаи или шалашъ. Также иногда оставляютъ заболѣвшаго въ ямочкѣ, въ избѣ, служащей переиутнымъ станомъ на тракѣ къ тайгѣ; или, наконецъ, отправляютъ его въ ближайшее поселенное мѣсто, въ деревню, промыселъ и т. п. Пользованіе большою частию первоначально бываетъ такого рода, что на ночлежномъ привалѣ партіи, заболѣвшему даютъ хорошую порцію вина, потомъ пьютъ горячимъ (кирпичнымъ чаемъ) и окутываютъ тулупами вѣдъ защитою, разумѣется, отъ вышнихъ вліяній воздуха, дождя, тумановъ и т. п., сколько то возможно въ налаткѣ или бальгаи. Средство это, какъ испытанное, весьма-часто приносило пользу, такъ-что иногда больной чувствовалъ облегченіе и черезъ сутки могъ слѣдовать за партіею, если не пѣшимъ, то на лошади. Я лично омышалъ отъ опытнаго тѣжника одинъ случай, съ нимъ самимъ бывшій: промокши на мѣстѣ одного интереснаго, по-видимому, для него обследованія и долгое время не имѣя возможности обсушиться, онъ продрогъ и во всемъ тѣлѣ почувствовалъ на ночлежномъ привалѣ такое сильное расслабленіе, что не могъ даже подняться на ноги, не только продолжать путь; въ такой бѣдѣ онъ прибѣгнулъ къ упомянутому средству, выпилъ порцію вина, напился горячаго и въ добавокъ велѣлъ набрать кислицы, дѣсной смородины, обложилъ этою ягодою себя, наложилъ ее въ сапоги, за рубаху, легъ между тулупами и, въ-слѣдствіе крахлаго, благодатнаго сна, на другой же день получилъ такое облегченіе, что могъ продолжать путь. И много подобныхъ примѣровъ доказываютъ, что самыя простыя средства, при началѣ и заблаговременно употребленныя, бывали спасительны. Главная болѣзнь

акая только можетъ приключиться въ тайгѣ, кромѣ занесенной збочивъ,—это простуда, за которую можетъ слѣдовагъ и горячя. Далѣе слѣдуетъ цинга и скорбута, зависящая отъ почти-всегда-влажнаго состоянія тѣежной атмосферы и болотистыхъ мѣсть; гь первой люди могутъ скоро исцѣляться при благовременныхъ брзахъ пособія, и могутъ скоро погребсти себя въ могильной глуи тайги въ случаѣ запущенія болѣзни; скорбута, медленно появляющаяся и требующая радикальнаго и продолжительнаго леченія, считается не столь опасною. Другія болѣзни, которыя здѣсь чаще быть могутъ, суть: изнуреніе силъ тяжкимъ походомъ и трудами, ушибы или вообще наружныя поврежденія, и наконецъ, извѣденіе мошкой. Въ лѣсахъ Сибири столько безпокойныхъ насекомыхъ, оводовъ, пауковъ, комаровъ и самой несноснѣйшей мошки, что отъ нихъ въ-теченіи теплаго лѣтняго времени нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью, ни людямъ, ни лошадямъ; и тѣ и другія бывають извѣдены до такой степени, что, кромѣ опухоли, изъ нокъ лошадей показывается кровь, а у людей все лицо, шея, руки и всѣ открытыя части сплошь покрываются затвердыми волдырями съ опухолью, вестершимъ зудомъ, и при расчесываніи изъ ранокъ показывается кровь. Волдыри эти не проходятъ тогда въ-теченіи нѣсколькихъ дней. Мошки въ тайгѣ бываетъ кое множество, что она носится цѣлыми тучами. Названіе мошки, данное ей здѣсь, судя по незначительной величинѣ ея, весьма-справедливо; холодъ убиваетъ мошку, дождь заставляетъ укрыться подъ растеніями, а вѣтеръ относитъ эти огромныя полчища мелкихъ враговъ тѣежника въ сторону и тѣмъ облегчаетъ его путь и работу.

Относительно продовольствія партій на пути поисковъ уже сказано выше, что партіонисты всевозможно стараются о сохраненіи пасовъ, а потому отнюдь не позволяютъ рабочимъ бросать нелюбо остатки сухарей отъ партій, но и истертые сухари въ сухъ отъ дорога или крошье, которое мерѣдко рабочіе отдавали шадямъ, собирають въ одно мѣсто и берегутъ про черный день. Когда партіонистъ усмотритъ, что слишкомъ-далеко завлекся въ мѣста неизвѣстныя, что продовольствіе его довольно позрасходоно и времени для выхода изъ тайги неопредѣлено, то немедленно начинаетъ уменьшать выдачу порціи, тотчасъ же освѣдомляется о встрѣчныхъ Тунгусовъ о близости какой-либо другой поисковой партіи, или вообще такого мѣста, откуда бы можно было купить или взаимобразно достать привасовъ, отправляетъ туда одного или двухъ человекъ рабочихъ съ лошадями и приказываетъ поинтересоваться, чтобъ они, для облегченія себя въ обратномъ пути, дѣ-

лали на деревьяхъ, въ видимыхъ дистанціяхъ, зѣтеси; если же онъ самъ двинется съ партією впередъ, то и онъ также дѣлаетъ зѣтеси, а если обратится на встрѣчу посланнымъ, то слѣдуетъ по знакамъ, сдѣланнымъ этими посланными. Надобно отдать полную справедливость всемъ золотопромышленникамъ въ томъ, что у нихъ замѣтно такое содѣйствіе нуждающимся въ необходимыхъ потребностяхъ, особенно жизненныхъ, какъ-бы вмѣняется въ непремѣнную обязанность, такъ-что если поисковая партія, въ какихъ бы дурныхъ ни была она отношеніяхъ къ другой, обратится къ ней съ просьбою о пособіи сухарями, мясомъ, крупюю, или тому-подобнымъ, то смѣло можетъ надѣяться, что отказа не получитъ: тутъ и послѣднимъ дѣлается. То же самое должно замѣтять и относительно правилъ гостепримства; на промыслѣ, въ партіяхъ, или вообще въ тайгѣ, должно замѣтить, что если кто-нибудь пробыдомъ остановится передневать или вообще для отдыха, — и другу и недругу пріютъ, хлѣбъ, соль и угощеніе; что имѣется, все къ услугамъ гостя; тутъ нѣтъ мѣста помину ни объ отношеніяхъ, ни о враждѣ.

Такъ-какъ на походѣ партіи нѣтъ возможности пополнять что-либо издержанное или утраченное, то и всѣ партіонныя принадлежности у нея тщательно сохраняются, какъ-то: орудія и инструменты раздаются по рукамъ и съ ответственностью каждому рабочему по принадлежности: кузнечный приборъ исполняющему обязанности кузнеца, столярный — столяра; лопаты, кирки, ведра, лейки, машинки водоотливныя — вообще рабочимъ; вашгердъ, лопаточки и смывныя щетки — промызальщику. Короче, все распределено поименно, чтобъ каждый зналъ, куда положить свои вещи и откуда вять. Безъ соблюденія подобной мѣры, безопасность рабочихъ была бы причиною не только многихъ безпорядковъ, и остановокъ самого дѣла: рабочіе, кромѣ похищенія вещей друг у друга въ случаѣ потери или поломки, заводили бы между собой ссоры и не имѣли бы чѣмъ работать.

Наконецъ, говоря о вознагражденіи партіониста и рабочихъ: сдѣланныя открытія, надобно замѣтить, что у золотопромышленниковъ на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ постоянно-принятыхъ правилъ или обыкновеній, и это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ — отъ добросовѣстности, добровольнаго чувства признательности, отъ чести и вора или условія и тому-подобнаго, такъ-что одинъ партіонистъ (повторю въ предъидущей статьѣ) служитъ просто на жалованьи другой выговариваетъ вознагражденіе съ общаго содержанія золота въ-слѣдствіе вполне-узнаваемой или развѣданной площади его

явки; иной плату съ пуда добытаго металла, другой единовременную денежную награду, иной пай изъ открытаго прииска, а некоторые, можетъ-быть, остаются и вовсе безъ должнаго вознагражденія за трудъ свой. Рабочіе также неодинаково вознаграждаются: одни служатъ просто на жалованьѣ, другіе получаютъ награду и, для усилѣннѣйшаго обшурфованія площади, «старательскую работу», которую верьдко производятъ и ночью.

Итакъ, соображая всѣ тѣ трудности, какія представляетъ служба по дѣламъ частной золотопромышленности въ Восточной-Сибири и въ-особенности въ повскахъ золота и развѣдкѣ найденныхъ приисковъ, я увѣренъ, что всякій прійметъ сторону этихъ бѣдныхъ людей, подвергающихъ себя всѣмъ опасностямъ и лишеніямъ единственно отъ нужды. Дѣйствительно, сдѣлайте выводъ изъ обѣихъ мною предложенныхъ статей, т. е. *формированія поисковыхъ партій и дѣйствій ихъ по предмету розысковъ*, — вы увидите, что человекъ, посвятившій себя на этотъ родъ службы или на это дѣло, лишаетъ себя общества съ людьми, удаляясь отъ городского населенія и предаваясь на сотоварищество малому числу людей грубыхъ, необразованныхъ и часто безнравственныхъ, каковы поселенцы, отнимаетъ у себя добровольно всѣ удовольствія, покой и наслажденія жизни городской, обрекая себя на пищу грубую и однообразную, каковы: солено-вяленая говядина, ячная крупа и ржаной сухарь; вмѣсто всякаго рода питья не только для удовольствія прихотливаго вкуса, но и для утоленія жажды, предоставляетъ себя одну воду горныхъ рѣчекъ и притомъ воду разнаго достоинства, иногда чистую, а иногда тяжелую, известковую, глинисто-иловатую, болотистую и даже ржавую; лишаетъ себя тѣлеснаго покоя непрерывнымъ походомъ, безъ разбора времени и поры, въ жаръ и въ холодъ, въ сухое и въ дождливое время, по каменистымъ вершинамъ и по мшистымъ и болотистымъ падямъ и догорій; постель его — лѣсной мохъ, камень, или голая земля, кровль — холщевая палатка, балаганъ изъ хвой и бересты, или рытое темя гольцовъ; защита отъ стужи и холода — не уютная шата, не хитро-придуманная печь или каминъ, но просто тулупъ и даха, и костеръ валежника, у котораго тѣженикъ въ дурную и вѣстную погоду согрѣваетъ себя и обсушиваетъ такимъ-образомъ, съ одного бока жжетъ и вытягиваетъ парами воду изъ мокрой одежды, а другой стынеть и мерзнетъ; ему нѣгдѣ и нѣкогда отдохнуть и успокоиться: день его начинается съ восходомъ, а ночь закатомъ солнца. Наконецъ, опасности переправъ или верхомъ лошади, или, какъ переправляются всѣ рабочіе, бродомъ чрезъ гряды горныхъ рѣки, потоки, топи, гати, болота, и ежечасная

мысль о недугъ, болѣзни и самой смерти — отъ грозы, или ушибовъ объ дѣсны, отъ паденія дѣсны, паденія лошади, испуга ея, отъ встрѣчи хищнаго звѣря, напоследокъ отъ голода въ случаѣ блужданія и недостатка запасовъ, или подмочки и порчи ихъ... Все это, повторю, даетъ тѣежнику полное и неотъемлемое право на признательность, благодарность и щедрое вознагражденіе за труды его одинаково и при успѣхѣ предпріятія и при неудачѣ, здѣсь жизнь его въ обоихъ случаяхъ подлежитъ однимъ и тѣмъ же условіямъ — тѣмъ же опасностямъ и лишеніямъ.

**ИЛІЯ БОРОЗДИНЪ.**

1848 года, апрѣля 6 дня.  
Красноярскъ.

---

V.

## К Р И Т И К А.

**СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.** *Издание книгопродавца*  
А. Смирдина. *Томъ третій.* Бенедиктовъ. Бѣгичевъ. Гречъ. Мар-  
ковъ. Михайловскій-Данилевскій. Мятлевъ. Ободовскій. Скобелевъ.  
Ушаковъ. Хмельницкій. *Санктпетербургъ. 1845.*

За шесть лѣтъ предъ симъ, вышелъ первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*. Таинственные слухи заранѣе зредупреждали читающій миръ о появленіи этого изданія. Въ Россіи все влетѣло въ жоръ, и потому не удивительно, что въ 1839 году великолѣпныя изданія могли назваться чудомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, огромный, изящно-изданный сборникъ статей лучшихъ русскихъ писателей, — три каждой статьѣ гравированный на стали, въ Лондонѣ, портретъ автора, и растрованная на стали картинка къ каждой статьѣ: да это что-то прекрасное по мысли, великолѣпное по изданію! Имя издателя, книгопродавца, г. Смирдина, давно уже приобрѣло на Руса общую извѣстность и общую добротность. Въ глазахъ русской публики, г. Смирдинъ давно уже не при-

надлежалъ къ числу обыкновенныхъ торгашей книгами, для которыхъ книги — такой же товаръ, какъ и сѣно, сало, или деготь, только, можетъ-быть, менѣе-важивной и выгодный, и которые могутъ знать толкъ и въ сѣнѣ, и въ салѣ, и въ дегтѣ, но не въ книгахъ. Нѣтъ, русская публика видѣла въ г. Смирдинѣ книгопродавца на европейскую ногу, книгопродавца съ благороднымъ самолюбіемъ, для котораго не столько было важно нажитись черезъ книги, сколько слыть свое имя съ русскою литературою, внести его въ ея лѣтописи. И русская публика не ошиблась въ этомъ случаѣ: г. Смирдинъ точно былъ достоинъ ея высокаго о немъ мнѣнія. Онъ хотѣлъ торговать, слѣдовательно хотѣлъ барышей, хотѣлъ наживать, — однакомъ, нажи-



вать не только честно, но еще и почетно, со славой. Для этого, онъ поставилъ себя за правило издавать только хорошія сочиненія и давать ходъ только хорошиимъ сочиненіямъ. Правда, онъ могъ издать и дурную книгу, но не намѣренно, а по ошибкѣ своего вкуса, или по ошибочному совѣту тѣхъ, чьему вкусу довѣрялъ онъ. Но какихъ бы барышей ни обѣщало ему сочиненіе, въ ничтожности котораго онъ былъ убѣжденъ, — никогда не рѣшился бы онъ издать его на свой счетъ. Ему всегда легче было рѣшиться на изданіе хорошаго сочиненія, которое требовало большихъ издержекъ, и, вмѣсто барышей, обѣщало убытокъ, нежели рѣшиться на изданіе дурной книги, обѣщающей вѣрную прибыль. Въ этомъ было его самолюбіе, его честолюбіе, его гордость, его страсть — тѣмъ болѣе удивительныя, тѣмъ болѣе безкорыстныя, что онъ самъ, по своему образованію, воспитанію, привычкамъ, понятіямъ, образу жизни, не могъ ни цѣнить, ни наслаждаться содержаніемъ и достоинствомъ тѣхъ сочиненій, которыхъ былъ издателемъ и которыми доставлялъ наслажденіе всему читающему русскому міру. Въ слѣдствіе этого, онъ долженъ былъ руководствоваться совѣтами и указаніями тѣхъ книжныхъ людей, которые и читаютъ и сами пишутъ книги. Надо согласиться, что положеніе г. Смирдина было, въ этомъ отношеніи, очень-затруднительно, потому-что онъ не обладалъ никакимъ прочнымъ основаніемъ, которое могло бы руководить его въ выборѣ совѣтниковъ. Это непріятное обстоятельство было въ послѣдствіи причиною всѣхъ его неудачъ и разрушенія его надеждъ — быть долго полезнымъ русской литературѣ. А между-тѣмъ, онъ все-таки сдѣлалъ для русской литературы такъ много, что упрочилъ своему имени почетную страницу въ ея исторіи. И такъ, не будемъ обвинять его за то, что онъ могъ бы еще сдѣлать и чего, однакожь, не сдѣлалъ; но отдадимъ ему должную

справедливость за то, что имъ сдѣлано.

А онъ, повторяемъ, много сдѣлалъ: онъ произвелъ рѣшительный переморъ въ русской книжной торговлѣ, и, въ слѣдствіе этого, въ русской литературѣ. Онъ издалъ сочиненія Державина, Батюшкова, Жуковскаго, Каравина, Крылова — такъ, какъ они, въ типографскомъ отношеніи, никогда прежде того не были изданы: т. е. опротно, даже красиво, и — что всего важнѣе — пустилъ ихъ въ продажу по цѣнѣ, доступной и для небогатыхъ людей. Въ послѣднемъ отношеніи, заслуга г. Смирдина особенно-велика: до него книги продавались страшно-дорого и, по-этому, были доступны большому частію только тѣмъ людямъ, которые всего менѣе читаютъ и покупаютъ книги. Благодаря г. Смирдину, пріобрѣтеніе книгъ, болѣе или менѣе, сдѣлалось доступнымъ и тому классу людей, которые наиболѣе читаютъ и, слѣдовательно, наиболѣе нуждаются въ книгѣ. Повторяемъ: это главная заслуга г. Смирдина передъ русскою литературою и русскою образованностью. Чѣмъ дешевле книги, тѣмъ больше ихъ читаютъ, а чѣмъ больше въ обществѣ читателей, тѣмъ общество образованнѣе. Въ этомъ отношеніи, дѣятельность книгопродавца, опирающаяся на капиталъ, благородна, прекрасна и богата самыми благотворными слѣдствіями. Такова была дѣятельность г. Смирдина: она безукоризненна въ томъ отношеніи, которое зависѣло отъ его воли, отъ его честнаго самолюбія, его благородной страсти. Но въ томъ, что зависѣло отъ вкуса, образованности и знанія, и въ чемъ г. Смирдинъ, какъ мы уже сказали, самъ зависѣлъ не отъ самого-себя, а отъ совѣтовъ и мнѣній тѣхъ литераторовъ, на сужденіе которыхъ онъ долженъ былъ безусловно полагаться, — въ этомъ отношеніи, его изданія имѣли болѣешіе недостатки. Редакція его изданій всегда была далеко ниже въ типографскаго выполненія, зависѣла только отъ издателя. Такъ, на-пр.

очиненія Державина изданы не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ появленія изъ-подъ пера поэта, а на основаніи ложнаго раздѣленія породами, которыми всегда руководствовалась, при изданіи сочиненій каждаго автора, старая, такъ-называемая классическая школа. *Исторія Государства Россійскаго* Карамзина, благодаря г. Смирдину, стоила только тридцать рублей ассигнаціями, вмѣсто прежнихъ полтора ста и больше рублей, следовательно, въ пять разъ дешевле. Вышла она въ двѣнадцать небольшихъ книжкахъ въ 12-ю долю листа, напечатанныхъ однакожь не слишкомъ-мелкимъ и очень-четкимъ шрифтомъ. Чего бы, кажется, лучше! И дѣйствительно, а сторони книгопродавца тутъ одна только заслуга, и заслуга великая! Но образованные, просвѣщенные, ученые даровитые писатели, принимавшіе участіе въ редакціи «Исторіи» Карамзина, дали ему благой и мудрый совѣтъ — частію сократить, частію выбросить примѣчанія!.. Зачѣмъ это было сделано? Зачѣмъ, чтобъ книжка была меньше, изданіе обошлось дешевле, и то можно было бы пустить въ продажу дешевле. Очень-хорошо; но въ такомъ случаѣ, всего бы лучше было напечатать «Исторію Карамзина» совсѣмъ изъ примѣчаній. Тогда она годилась бы, по-крайней-мѣрѣ, для тѣхъ людей, которые читаютъ исторію какъ романъ, какъ повѣсть, какъ сказку, и для которыхъ скучно заглядывать въ примѣчанія, состоящія часто изъ интереснѣйшихъ и любопытнѣйшихъ выписокъ изъ летописей и современныхъ записокъ, чтобъ повѣрять ими и событія и тора исторіи. Но редакторы, или соотечки, желая угодить всѣмъ, не угодили никому. Тѣмъ, кто не любитъ примѣчаній, они все-таки навязали же примѣчанія, хотя и не полныя, которые только безъ нужды увеличили цену; тѣмъ же, для которыхъ примѣчанія важны не меньше, чѣмъ сама исторія, они снабдили искаженными примѣчаніями, которыя, по этому, не имѣли уже никакой цѣны. И

если для первыхъ лучше было бы издать «Исторію» Карамзина совсѣмъ безъ примѣчаній, то естественно, что для послѣднихъ слѣдовало бы ее издать съ полными примѣчаніями, тѣмъ болѣе, что три, или много четыре лишніе листа при книгѣ не слишкомъ увеличили бы ея толщину (книжки вышли очень-тонки) и расходы изданія. Въ послѣднемъ случаѣ, лучше бы возвысить цѣну книги рублями пяцью, потому-что и 35 рублей — все-таки въ четверо дешевле 150 рублей. Тогда изданіе равно годилось бы для всѣхъ — и для тѣхъ, кому не нужны примѣчанія, и для тѣхъ, кому они нужны, между-тѣмъ, какъ искаженіе примѣчаній много повредило успѣху изданія и, следовательно, выгодамъ издателя. Раскройте журналы того времени, — вы увидите, что мы говоримъ правду: это произвольное и ненужное искаженіе примѣчаній встрѣчено было общимъ ропотомъ. И неудивительно: теперь каждый образованный читатель съ большою охотою заплатитъ г. Эйнерлингу 50 рублей ассигнаціями за его компактное и прекрасное изданіе «Исторіи» Карамзина, нежели г. Смирдину 10 руб. асс. за его дешевое изданіе той же «Исторіи».

Г. Смирдину пришла счастливая мысль — издать полный каталогъ своей огромной библіотеки; но для осуществленія этой мысли онъ могъ только пожертвовать капиталомъ, а не быть редакторомъ изданія, и изданіе вышло изъ-рукъ-вовъ плохо. Составлявшіе каталогъ, державшіе такого неслыханнаго порядка въ раздѣленіи книгъ по ихъ содержанію, что изъ хорошей книги по-неволѣ вышель въдворъ. Повѣрять ли, что въ этомъ каталогѣ, въ отдѣлѣ богословскихъ книгъ, помѣщены: *Ключъ къ таинствамъ природы*, Экартсгаузена, *Дочь молочника, истинная и занимательная повѣсть* и другія повѣсти и сказки нравственнаго содержанія; а въ отдѣлѣ философіи — книги въ родѣ слѣдующей: *Смѣющійся Демокритъ, или поле честныхъ увеселеній, съ поруганіемъ меланхолическимъ*.. Еще

хорошо, что при этомъ каталогъ есть общій каталогъ, по алфавиту, всѣхъ книгъ и всѣхъ авторовъ, и потому, хоть и съ трудомъ, а можно принести книгу, которую нужно. Благодаря этому обстоятельству, каталогъ г. Смирдина— настольная ручная книга въ кабинетѣ каждаго литератора. Но будь онъ составленъ какъ слѣдуетъ, это была бы безцѣнная книга. Изъ всего этого видно, что могъ бы сдѣлать для русской литературы и русскаго образованія такой книгопродавецъ, какъ г. Смирдинъ, еслибъ онъ не имѣлъ нужды въ чужихъ совѣтахъ и чужомъ руководствѣ и могъ дѣйствовать самостоятельно...

Но еще бѣльшій переворотъ въ русской литературѣ сдѣлалъ г. Смирдинъ своимъ журналомъ — *Библиотека для Чтенія*. Появленіе этого журнала— истинная эпоха въ исторіи русской литературы. До него, наша журналистика существовала только для *немногихъ*, только для *избранныхъ*, только для *любителей*, но не для общества. Лучшій тогда журналъ, *Московский Телеграфъ*, пользовавшійся бѣльшимъ успѣхомъ, нежели всѣ предшествовавшіе и современные ему журналы, почти постоянно держался на 1,200 подписчиковъ и никогда не имѣлъ ихъ больше 1,500. Это считалось тогда огромнымъ успѣхомъ; но съ появленія *Библиотеки для Чтенія*, всякому журналу необходимо стало имѣть больше 1000 подписчиковъ только для издержекъ на изданіе. Отъ-чего произошла такая быстрая пережѣна? Отъ-того, что съ появленія *Библиотеки для Чтенія* литературный трудъ сдѣлался капиталомъ... Много было тогда объ этомъ споровъ, и многіе видѣли въ этомъ униженіе литературы, литературное торгашество. Рыцари литературнаго безкорыстія, или, лучше сказать, литературнаго донкихотства, не замѣчали, что въ ихъ пышныхъ фразахъ больше ребячества, нежели возвышенности чувства. Въ наше время, когда не-богачамъ жить такъ трудно и жить можно только трудомъ, въ наше время не цѣнить литературы на деньги, значитъ не цѣнить ея ни во

что, не признавать ея существованія. Дѣйствительно, можно ли предполагать богатую литературу тамъ, гдѣ книги— не товаръ и гдѣ говорятъ: «все товаръ — и битое стекло, и мусоръ, и песокъ; но книги— не товаръ»? Можно ли предполагать дѣйствительное существованіе литературы тамъ, гдѣ можетъ жить своимъ трудомъ и подѣнщикъ, и разнощикъ, и продавецъ стараго тряпья, и битой посуды, и тѣмъ болѣе исецъ; но гдѣ не можетъ жить своимъ трудомъ писатель, литераторъ? Что бы ни говорили, но аксіома неоспоримая, что нельзя въ одно и то же время быть вполне и хорошимъ чиновникомъ и хорошимъ литераторомъ: чиновникъ непременно будетъ мѣшать литературу, а литераторъ чиновнику. Чтобы быть ученымъ, поэтомъ, или литераторомъ вполне, необходимо видѣть въ наукѣ, въ искусствѣ, или въ литературѣ свое исключительное призваніе, свое, такъ-сказать, ремесло, свой родъ промышленности, говоря языкомъ политической экономіи. Намъ скажутъ, что между нашими знаменитыми писателями были и есть люди, отличавшіеся и отличающіеся на служебномъ поприщѣ. Вѣримъ; но что же это доказываетъ, если не то, что эти же самые знаменитые писатели были бы еще знаменитѣе, т. е. лучше и больше писали бы, еслибъ могли посвятить свою дѣятельность исключительно одной литературѣ? Мы вѣдъ не говоримъ, что только литература непременно мѣшаетъ службѣ; нѣтъ, мы говоримъ, что у одного литература мѣшаетъ службѣ, у другаго служба мѣшаетъ литературѣ, а у третьяго служба и литература взаимно мѣшаютъ другъ другу (послѣднее бываетъ чаще всего и хуже всего, потому-что полу-чиновникъ хуже чиновника, такъ же, какъ полу-литераторъ хуже литератора). И это будетъ продолжаться до-тѣхъ-поръ, пока литературная дѣятельность не будетъ одна обеспечивать существованіе литератора. До-сихъ-поръ, одною изъ существенныхъ причинъ жалкаго состоянія нашей литературы должно счи-

тать то, что у насъ очень-много полу-литераторовъ и очень-мало литераторовъ. Говоря это, мы хотимъ только указать на существующій фактъ, а совѣтъ не винить въ этомъ кого-нибудь. Чтò необходимо, въ томъ никто не виноватъ, а полу-литераторство до сихъ поръ—необходимость, своего рода неотравимый fatum. Въ этомъ даже есть своя хорошая сторона, хотя и не для литературы: лучше пусть чиновникъ доплаваетъ скудные свои доходы урывочными литературными трудами и ими приобрѣтаетъ возможность существовать, нежели служебными злоупотребленіями—этими любимыми источникомъ людей стараго поколѣнія. Но еще будетъ лучше, когда всякій человѣкъ съ талантомъ или съ способностями къ литературѣ, только въ одной литературной дѣятельности будетъ находить вѣрный и благородный источникъ своего обезпеченія.

Мы не скажемъ, чтобъ г. Смирдинъ своею Библіотекою для Чтенія довелъ русскую литературу до состоянія обезпечивать виѣшнее положеніе ея дѣателей; но онъ первый положилъ начало такому ходу русской литературы. Онъ началъ, журналъ могъ не только держаться, но и доставлять выгоды своему издателю при какихъ-нибудь трехъ-пяти подписчикахъ, — а при пяти-шести, журналъ считался богачомъ. И еще мудрено: издатель его тратился только на бумагу и печать. Вотъ отъ него такъ много издавалось тогда журналовъ въ Москвѣ, гдѣ бумага и печать теперь гораздо-дешевле, нежели въ Петербургѣ. Книжки журналовъ тогдашнихъ были маленькія, тощенькія и абивались стихами, изрѣдка оригинальными повѣстями (большею частью отрывками изъ неконченныхъ романовъ и повѣстей), да переводами. Весь этотъ матеріалъ доставлялся издателямъ даромъ, и если они авали за что скудную плату, такъ авали за переводы. Исключенія были въ рѣдкихъ... Тогда былъ золотой вѣкъ литературной невинности, или, лучше сказать, ребяческаго литератор-

щества: тогда читали и писали изъ одной чистой любви къ литературѣ, какъ невинному и благородному занятію, а печатались изъ одной чести видѣть себя въ печати... Истинная литературная Аркадія, настоящая журнальная идиллія, въ которой овцы были довольны, а пастухи сыты!.. Правда, тутъ не было торгашества, по-крайней-мѣрѣ, со стороны добровольныхъ вкладчиковъ, если не издателей; за то, сколько было тутъ мелкаго самолюбія, сколько ребячества, и какъ вся литература походила на дѣтскую игру въ мячикъ: перебрасывались стихами ни на чтò и полемикою изъ ничего—и были довольны, счастливы!..

Но все вдругъ измѣнилось съ появленіемъ журнала г. Смирдина: за статью установилась плата, литературный трудъ сдѣлался капиталомъ. Сначала, это новое движеніе въ литературѣ не могло не имѣть своихъ дурныхъ сторонъ, какъ и всякій общественный успѣхъ. Но въдь и цивилизація имѣетъ свои дурныя стороны, которыхъ не знаютъ общества, пребывающія въ дикомъ состояніи; однакожъ, только славянофилы могутъ утверждать, что лучше оставаться людямъ дикарями, нежели, вмѣстѣ съ благодѣяніями цивилизаціи, принять и ея неизбежныя недостатки. Итакъ, сначала приманка платы за литературный трудъ произвела, вмѣстѣ съ хорошими слѣдствіями, и дурныя: появилось множество писакъ, которые думали, что за ихъ сочиненія такъ вотъ и полетятъ на нихъ золотой дождь; даже люди съ способностями и дарованіемъ начали заботиться не столько о томъ, чтобъ хорошо писать, сколько о томъ, чтобъ много и скоро писать. Но это не было продолжительное: лишь только новость обратилась въ обычай и обыкновеніе, какъ все вошло въ свои должныя границы. И теперь, право, лучше и вѣрнѣе, чѣмъ прежде, цѣнится талантъ и бездарность, писака никогда не перебьетъ дороги у писателя, а плохое произведеніе никогда не предпочтется хорошему за то, что послѣднее дороже.

По-крайней-мѣрѣ, такъ бываетъ теперь въ мѣрѣ журналистики. Книгопродавцы доселѣ продолжаютъ руководиться совѣтами литераторовъ, съ которыми имѣють дѣла и имѣвлю которыхъ вѣрятъ, а не то—именами мѣряютъ достоинства произведеній, и за плохую повѣсть знаменитаго, хотя и выписавшагося писателя, всегда дадутъ втрое и впятеро больше; нежели за прекрасное произведеніе молодого человѣка, который только-что начинается и еще не успѣлъ приобрести себѣ литературнаго имени. Но журналы (разумеется, хорошіе) должны быть чужды этого уврека, — и если вы прочтете въ журналѣ плохую повѣсть, приписывайте ея помѣщеніе не безвкусію и не скупости журналиста, а только тому, что и за деньги не могъ онъ достать хорошей повѣсти. Этими, и только этими должно объяснять помѣщеніе въ журналахъ всего посредственнаго и дурнаго: если нѣгдѣ взять хорошаго, поневолѣ станешь печатать что есть, выбирая изъ худаго менѣе-худое; но хорошіи романъ, хорошая повѣсть, драма, хорошая журнальная статья уже не залежатся въ портфѣлѣ автора потому только, что онъ хочетъ взять за свой трудъ хорошую цѣну. Если же журналистъ по расчету, изъ экономіи, наполняетъ свой журналъ балластомъ, этимъ онъ не можетъ не вредить успѣху своего изданія; слѣдовательно, и въ матеріальныхъ выгодахъ не можетъ не терять, думая выигрывать. Сами книгопродавцы, издавая много посредственнаго, уже почти не издають дурнаго, а напротивъ, часто издають и хорошее. Еслибъ, въ настоящее время, русская литература была богаче талантами, и таланты были бы дѣятельнѣе, то плата за трудъ, обратившаяся въ обычай, сдѣлала бы то, что печатались бы только хорошія произведенія, а посредственныя и дурныя нашли бы свой складочный магазинъ только въ тѣхъ журналахъ, которые издаются на прежнемъ основаніи литературнаго безкорыстія, т. е.

безкорыстнаго обычая прежнихъ журналистовъ не платить сотрудникамъ и вкладчикамъ. И потому, такъ-называемое торговое направленіе, данное г. Смирдиннымъ русской литературѣ, даже и въ-отношеніи къ успѣхамъ вкуса принесло великую пользу, и только вначалѣ произвело немного вреда.

Любопытно вспомнить встали, какіе толки и вопли пробудила тогда «Библиотека для Чтенія», въ-отношеніи къ ея правилу платить за статьи. Черезъ годъ послѣ появленія этого журнала (въ 1835 г.), въ Москвѣ основался новый журналъ, — и офиціальныи критикъ этого журнала вотъ что провозгласилъ въ своей статьѣ: *Словесности и Торговля*:

«Да, да, — мой взглядъ на современную нашу литературу будетъ нынѣ совершенно матеріальный. На журналы я смотрю, какъ на капиталистовъ. Библиотека для Чтенія имѣетъ для меня пять тысячъ душъ подписчиковъ. *Сверналь Пчела*, можетъ-быть, вдвое. Забѣчательно, что эти журналы еще въ томъ сходятся съ богачами, что любятъ хвастаться всеваровою своимъ богатствомъ. — Эти души подписчиковъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ твои оборотки: за ними нѣтъ никогда недонки, они платятъ впередъ, и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнаціи. — Вотъ ѣдетъ литераторъ въ новыхъ саахъ; ты думаешь, это сани. Нѣтъ, это статья Библиотеки для Чтенія, получившая видъ саней, покрытыхъ медвѣжьей настью, съ богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этотъ коверъ, этотъ лакъ чистый и опрятный все это листы дорогихъ заплаченной статьи, принявшія разные образы саванаго издѣлія. Литераторъ гочетъ дать обѣдъ, и жалуется, что у него нѣтъ денегъ. Ему говорятъ: да дай намъ повѣсть — и пошли въ Библиотеку для Чтенія; вотъ и обѣдъ. Однимъ словомъ, литература наша сута, даетъ обѣдъ, *завезетъ въ чертогахъ (!?)*, *позднитъ въ карематъ*, въ лаковыхъ саахъ, кутается въ медвѣжью шубу, въ бекешъ съ бобровымъ воротничкомъ, возмываетъ *голосъ на аукціоннѣ Онегускаго Соевта*, *покупаетъ ильчнкія*... (?!?!...) Настала, если не золотая, то самыи сытный вѣкъ нашей литературы. Дождались мы того стаставнаго времени, что статьи наши считаются за вѣ-

ные банковые билеты, что словесность наша имѣетъ свой торговый домъ, въ которомъ эти измаранные билеты тотчасъ вымѣниваются на чистые печатные, все приобретающіе. Не на Парнасѣ сидятъ наши музы, не среди ихъ въ небесахъ, а въ сѣбѣ обитаетъ наша словесность. Я представляю ее себѣ владѣтельницею ломбарда; здѣсь, на престолѣ назъ ассигнацій, воссѣдаетъ она со счетами въ рукахъ. Въ огромныхъ залахъ ея чертоговъ великое множество просителей, съ исписанными тетрадами въ рукахъ; билеты равно принимаются отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ; она всѣхъ сравниваетъ по уровню печатнаго листа, за исключеніемъ немногихъ прежнихъ капиталистовъ;—но между этими просителями нѣтъ уже ни одного героя, который осмѣлился бы, какъ прежде, поднять голову надъ всѣми, и объявить монополию на поѣсть, на романъ, на поэму. Но кто невидимый герой всего этого міра? Кто устроилъ ломбардъ нашей словесности и взялъ ея производителей подъ свою опеку? Кто двигаетъ всею этою машиною нашей литературы? *Книгопродавецъ*. Съ нимъ подружила насъ словесность, ему продала себя за деньги и поклонилась въ вѣчной вѣрности.»

Эта шумливая выходка противъ прекраснаго дѣла г. Смирдина говорить всего убѣдительнѣе въ его пользу. Во-первыхъ, широковѣщательная и многоглагольная статья эта напечатана въ журналѣ, который въ своей программѣ объявилъ, что онъ будетъ «платить за статьи, и платить не скупо». Во-вторыхъ, вездѣшний сочинитель этой статьи не замедлилъ послать въ журналъ г. Смирдина статью, на общихъ для всѣхъ основаніяхъ денежнаго вознагражденія. (Вотъ подлинно, продавая да и бранить другихъ, что они продаютъ свои труды!...) Въ-третьихъ, въ трывкѣ, который мы выписали изъ статьи, что ни слово, то неправда, что ни слово, то выдумка, что ни слово, то преувеличеніе. Все это наговорено, какъ выражается Маниловъ въ *Мертвыхъ Душахъ*, только «для красоты слова», для метафоръ и фигуръ, для риторикъ. Риторъ, когда говоритъ, прислушивается къ собственнымъ словамъ, и устъ ихъ и облачивается; что ему за

дѣло, что въ нихъ заключается сущая нечѣстьность, или вовсе ничего не заключается!... Что иной авторъ могъ купить себѣ сани за цѣну статьи, отданной имъ въ журналъ г. Смирдина — это не невозможное дѣло. За деньги, полученные отъ того же журнала за цѣлый рядъ статей, печатавшихся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, иной могъ, пожалуй, купить и карету: опять не невозможное дѣло. Но превратить статью въ карету, или, посредствомъ даже многихъ статей, прійти въ состояніе возвышать голосъ на аукціонахъ Онекувскаго Совѣта и покупать деревни,—воля ваша, все это нечѣстьность, т. е. пустая и шумливая риторика. Правда, у насъ были два романиста, которые, своими романами, говорятъ, приобрѣли себѣ состояніе; но это случилось или до «Библиотеки для Чтенія», или безъ ея содѣйствія, и подобный успѣхъ былъ совершенною случайностью, изъ которой смѣшно было бы дѣлать общее правило. Золотой дождь, полившійся изъ журнала г. Смирдина на русскихъ литераторовъ, привидѣлся во снѣ московскому критику, а онъ взялъ да и напечаталъ свой сонъ, какъ-будто все это было дѣйствительностью, благо, что бумага все терпѣть и ни отъ чего не краснѣть... Довольно и того, что журналъ г. Смирдина положилъ начало обычаю вознаграждать по мѣрѣ возможности литературный трудъ, и черезъ это далъ литераторамъ большую возможность, нежели какую имѣли они прежде, предаваться литературнымъ занятіямъ. И то было истиннымъ подвигомъ съего стороны, и за то ему честь и слава! Говорятъ: нашъ вѣкъ желѣзный, денежный и промышленный:—фразы! Люди всегда были и будутъ людьми: ни прежде, ни теперь и ни послѣ не могли, не могутъ и не будутъ они въ состояніи питаться и одѣваться воздухомъ. Плата за честный трудъ нисколько не унижательна; унижительно злоупотребленіе труда. И по нашему мнѣнію, гораздо честнѣе продать свою статью журналу, или книгопродавцу, нежели

кровать стишочки въ честь какого-нибудь мецената, милостивца и покровителя, какъ это дѣлывалось въ *лесинное* и *безкорыстное* время нашей литературы, когда подобными одами добивались чести играть роль шута въ боярскихъ палатахъ, получали мѣста и выходили въ люди...

Движеніе, давное г. Смирдинымъ русской литературѣ, сначала было очень-сильно. Почти вслѣдъ за журналомъ его, началъ издаваться г. Плюшаромъ *Энциклопедическій Лексиконъ* — предпріятіе огромное и приведшее въ движеніе много перьевъ, которыя до того лежали безъ употребленія. Пока это изданіе шло хорошо, его владѣлецъ показывалъ едва-ли не первый примѣръ честнаго вознагражденія за трудъ на правилахъ европейской коммерціи, т. е. записка отъ главнаго редактора, предъявленная въ конторѣ редакціи, была истиннымъ банковымъ билетомъ: деньги выдавались въ ту же минуту, сполна, безъ ужимокъ, безъ гримасъ, безъ отсрочекъ до слѣдующей недѣли, безъ просьбы—принять пока подовинку, и *монеткою*, вмѣсто ассигнацій (такъ-какъ тогда ассигнаціи ходили съ лажомъ), безъ жалобъ на недостатокъ денегъ, на дороговизну времени, стѣсненныя обстоятельства,—словомъ, безъ всѣхъ этихъ неприятностей, которыя дѣлаютъ для насъ истинною мучкою полученіе денегъ по праву вамъ принадлежащихъ...

Какъ пошелъ въ ходъ журналъ г. Смирдина, какъ дѣйствовала его редакція, объ этомъ мы не будемъ говорить, потому-что это не относится къ предмету статьи. Скажемъ только, что г. Смирдинъ все сдѣлалъ для своего изданія, что долженъ былъ и что могъ онъ сдѣлать, даже болѣе. Онъ не боялся риска, сыпалъ деньгами, ходилъ къ литераторамъ, принималъ ихъ у себя, гонялся за статьями, заказывалъ ихъ, торопилъ окончаніемъ, кланялся, просилъ... Что бы могъ дѣлать онъ больше?

*Сто Русскихъ Литераторовъ* едва-ли не самое любимое изъ всѣхъ из-

даній, которыя когда-либо предпринималъ г. Смирдинъ. Онъ началъ его со страстью, продолжаетъ съ упорствомъ, и, по-видимому, ожидаетъ отъ него много пользы. Посмотримъ, до какой степени основательны эти надежды.

Мысль изданія *Сто Русскихъ Литераторовъ* не лишена оригинальности. Это своего рода портретная галерея русскихъ писателей, которая не только знакомитъ читателя съ лицами и почеркомъ каждаго замѣчательнаго писателя, но и напоминаетъ ему его талантъ и его манеру статью, приложенною въ портрету. Картинки, сюжеты которыхъ заимствованы изъ статей, составляющихъ содержаніе книги, дополняютъ собою роскошь изданія. Все это очень-неудурно вдумано, и такимъ образомъ можно было бы составить цѣлый рядъ очень-интересныхъ книгъ, изданіе которыхъ принесло бы и честь и прибыль книгопродавцу. Но и тутъ г. Смирдинъ сдѣлалъ все, что могъ и чего въ правѣ была требовать отъ него публики, т. е. онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни хлопотъ. Изданные имъ три тома *Сто Русскихъ Литераторовъ*, по красотѣ изданія, по портретамъ и картинкамъ,—книги хоть куда, книги, какихъ у насъ не много, и какихъ, до выхода перваго тома этого изданія, никогда не бывало. Г. Смирдинъ предположилъ себѣ издать десять томовъ, съ десятью портретами и десятью картинками въ каждомъ; что же касается до статей, то, по его плану, ихъ не могло быть меньше, не могло быть больше десяти въ каждомъ томѣ. Итакъ, *сто* портретовъ, *сто* литераторовъ для всего изданія! Гдѣ наберешь ихъ г. Смирдинъ? спрашивали мы самихъ-себя, когда прошелъ слухъ объ этомъ предпріятіи. Не полагая, чтобъ невозможное было возможно,—мы думали, что, во-первыхъ, г. Смирдинъ начнетъ свое изданіе съ Кантемира, Тредьяковского, Ломоносова, Поговскаго, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Державина, Фонвизина, Богда-

ича, Вилкина, Аблесимова, Капниста и т. д. Въ такомъ случаѣ, держась хронологическаго порядка, онъ могъ бы наполнить тома три одними писателями, предшествовавшими Пушкину. Подобная мысль была бы недурна. Тутъ нечего было бы разсуждать о томъ, поэты, или не поэты были Тредьяковскій, Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ; они играли въ свое время важную роль въ русской литературѣ и пользовались огромною извѣстностію: этого довольно. Строгость выбора — дѣло важное; но г. Смирнинъ, въ этомъ выборѣ, непремѣнно долженъ былъ принять за основаніе извѣстность, какою въ свое время пользовался тотъ или другой писатель. Мы думали, что г. Смирдину удалось (остать) хоть по одному или по нѣскольку изъ неизданныхъ сочиненій этихъ писателей, а при портретахъ тѣхъ, послѣ которыхъ не оставалось ничего неапечатаннаго, онъ приложилъ что-нибудь уже изъ апечатаннаго и извѣстнаго, — что-нибудь такое, что характеризовало бы писателя, портретъ котораго находился передъ глазами читателя. Это была бы истинная портретная и, въ то же время, историческая галерея русской литературы, великолѣпный памятникъ, воздвигнутый русской литературѣ просвѣщеннымъ и умнымъ усердіемъ книгопродавца. Тутъ главное дѣло — хронологическая послѣдовательность дѣятелей русской литературы, такъ, чтобъ каждый томъ представлялъ цѣлую группу писателей отъбальной эпохи, и чтобъ это была, такъ-сказать, своего рода исторія русской литературы въ лицахъ. Ничего и говорить, что когда бы дошло дѣло до нывыхъ литераторовъ, ихъ портреты шли бы съ новыми статьями. Но я тутъ вѣсь ужасало число *семидесятыхъ*: (ѣ набереть столько писателей г. Смирдинъ?... Но когда вышелъ первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*, мы тотчасъ поняли, что, при нуждѣ, онъ можетъ набрать ихъ, пожалуй, цѣныхъ пятьсотъ, и даже надѣлать ихъ,

еслибъ не нашлось уже готовыхъ. Какъ надѣлать? да очень — просто: встрѣтилъ человѣка, который знаетъ грамотѣ и любить «читать книжки», да и попросилъ его написать повѣсть, или драму. Тотъ сперва удивится, потомъ поломается, а тамъ и согласится. Есть тысячи людей, которые, изъ денегъ, или изъ чести видѣть въ печати свой портретъ и свое сочиненіе, готовы пуститься въ сочинительство, даже и не зная грамотѣ...

Еще первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ* показалъ, что это изданіе предпринято безъ всякаго плана, безъ всякаго порядка. Кто попался первый, того и давай сюда, отъ-чего и составилось общество, члены котораго не могутъ довольно надвинуться тому какъ они сложились вмѣстѣ. Старые писатели смѣшаны съ новыми, гениальные съ бездарными, знаменитые съ неизвѣстными, хорошіе съ плохими: Пушкинъ съ г. Зотовымъ, Крыловъ съ г. Каменскимъ, Шишковъ съ г. Веревкинскимъ, г. Гречъ съ г. Бенедиктовымъ, и т. д. Но пусть старые писатели смѣшаны безъ толку съ новыми и молодыми: это бы еще куда-ни-шло; не хорошо, но такъ и быть. Хуже всего то, что гениальность смѣшана съ бездарностью, талантъ съ посредственностію, знаменитость съ неизвѣстностію. Конечно, не г. Смирдину взвѣшивать и сортировать литературные таланты; но все-таки ему слѣдовало крѣпко держаться, въ этомъ отношеніи, основанія извѣстности, репутаціи таланта. Спрашиваемъ его, ради какихъ причинъ г. Зотовъ попалъ въ его сборникъ? Говорятъ, онъ написалъ нѣсколько десятковъ томовъ; хорошо, но развѣ мало томовъ написалъ извѣстный московскій романистъ, Александръ Авишмовичъ Орловъ, развѣ романы и повѣсти его не расходились тысячами, и онъ не нашелъ себѣ многочисленной публики? Почему же его не видимъ мы въ числѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ*? Или еще, можетъ-быть, въ которомъ-нибудь изъ слѣдующихъ томовъ, мы будемъ



имѣть удовольствіе встрѣтить этого счастливаго, по таланту и славѣ, соперника г. Зотова?.. Дай-то Богъ!.. Но путки въ-сторону, а мы не можемъ понять, какимъ-образомъ не попалъ г. Смирдинъ, что его изданіе на повалъ было убито сосѣдствомъ г. Зотова съ Пушкинымъ? Пусть вспомнитъ онъ, что говорилось тогда въ журналахъ, что говорила публика? Кто далъ г. Смирдину роковой совѣтъ — включить г. Зотова въ число ста русскихъ литераторовъ?

Но однимъ ли этимъ убито это изданіе! Вотъ перечень литераторовъ, которыхъ статьи и портреты помѣщены въ трехъ томахъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*: Александровъ, Марлинскій, Давыдовъ, Зотовъ, Кукольникъ, Полевой, Пушкинъ, Свиньинъ, Сенковский, Шаховской, Буларинъ, Вельтманъ, Веретинъ, Заоскинъ, Каменскій, Крыловъ, Масальскій, Надеждинъ, Панаевъ, Шишковъ, Бенедиктовъ, Быччевъ, Гречъ, Марковъ, Михайловскій-Дамилевскій, Миллеръ, Ободовскій, Скобелевъ, Ушаковъ, Хмельницкій. Прежде всего посмотрите: всѣ ли изъ поименованныхъ тутъ литераторовъ имѣютъ право быть помѣщенными во *Ста Русскихъ Литераторахъ*, и всѣхъ ли ихъ портреты любопытны для публики; потомъ: всѣ ли они въ-время и статьи пошлѣ въ эту книгу, и, наконецъ, всѣхъ ли ихъ статьи стоіли напечатанія? Въ то время, какъ вышелъ первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*, извѣстность г. Александрова (г-жи Дуровой) была въ полной ея апогеѣ; теперь, появленіе портрета и статьи этого писателя было несвоевременно, потому-что, по причинѣ быстрого хода нашей литературы и нашего общества, у насъ многое скоро забывается; тогда же (1839) это было и въ-время и статьи; но статья г. Александрова — *Сѣрный Ключъ* была больше, чѣмъ слаба, и не стоіла печати. Статьи Марлинскаго — *Мулла-Нуръ* и *Местъ* и стихотвореніе *Сонъ*, были изъ-рукъ-вонъ плохи; одна фразеологія, надутая и на-

пыщенная, безъ всякой прихвѣсти бестокъ таланта, которыхъ не чужды были по-ярайней-мѣрѣ лучшія изъ прежнихъ сочиненій этого писателя. Портретъ *Давыдова* былъ какъ-нельзя-лучше встать и въ-время — скорѣе послѣ смерти этого даровитаго и замѣчательнаго человѣка; статья его, при портретѣ — *Тильзитъ въ 1807 году*, была исполнена большаго интереса и написана прекрасно. — О г. Зотовѣ мы сказали. — Портретъ г. Кукольника какъ-нельзя-лучше былъ встать и въ-время: онедай онъ явится годомъ, двумя, или, на-пр., явись онъ теперь, въ третьемъ томѣ этого изданія, — и онъ не имѣлъ бы уже того интереса, потому-что теперь г. Кукольникъ уже не надежда въ будущемъ, какъ тогда былъ, отъ-чего и прежніе его труды получили теперь совсѣмъ-другое значеніе, нежелаемое тогда имѣя... Статья г. Кукольника *Иоаннъ Актопъ Лейзевицъ* — одно изъ лучшихъ его произведеній, и читается съ большимъ удовольствіемъ. — Портретъ г. Полеваго не могъ быть не интересенъ для русской публики, которой онъ оказалъ столько услугъ, хотя уже въ это время его слава была на ея возростѣ съ апогеемъ. Повѣсть его, *Дурочка*, была какъ всѣ его повѣсти; можетъ-быть, для этого-то онъ и далъ въ эту книгу другую свою статью, болѣе любопытную и дѣльную — *О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра-Великаго въ его собственномъ кабинетѣ*. — О портретѣ Пушкина в его статьяхъ — *Каменный Гость* и *Одна глава изъ неоконченнаго романа*, здѣсь не имѣло распространяться: первая превосходна, вторая интересна. — Портретъ г. Свиньина рѣшительно не удастенъ, потому-что г. Свиньинъ былъ, если хотите, литераторомъ, но весьма-незамѣчательнымъ; поэтомъ же и бѣлетристомъ никогда не былъ, а сдѣлался тѣмъ и другимъ по желанію г. Смирдина, который предполагилъ принимать во *Ста Русскихъ Литераторовъ* преимущественно повѣсти, драмы и стихотворенія. Удалъ только ли, послѣ этого, что драмъ

г. Свиньина — Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, больше нежели плоха?.. Портретъ г. Сенковского былъ кстати, а статья его отличалась обыкновенными достоинствами и недостатками этого писателя. — Но портретъ князя Шаховскаго опоздалъ годами пятнадцатью по-крайней-мѣрѣ; онъ былъ бы на своемъ мѣстѣ, и не былъ бы лишнимъ, если бы *Сто Русскихъ Литераторовъ* были картинкою и имѣли историческую галерею русской литературы. Повѣстей князя Шаховской никогда не писалъ, и повѣсти — совсѣмъ не его родъ; присовокупите же къ этому, что въ то время онъ былъ писателемъ, который уже давно и выписался и отсталъ отъ времени, — и вы сами поймете, какова была его повѣсть *Маруся*... И вотъ первый томъ, который, однакожь, все-таки былъ лучше втораго.

Во второмъ томѣ помѣщенъ портретъ Крылова и напечатана его басня *Пчелка и Кукушка*: какъ бы хорошо было, для чести и успѣха изданія, если бъ портретъ Крылова и его прекрасная басня попали въ первый томъ... Портретъ г. Булгарина былъ бы очень-кстати въ 1829 году, когда выгнелъ въ свѣтъ его *Иванъ Выжигинъ*. Повѣсть г. Булгарина *Побѣда отъ Шибда* была лучшею повѣстью во второмъ томѣ *Сто Русскихъ Литераторовъ*: до того плохи всѣ остальные повѣсти въ этомъ томѣ!.. Портретъ г. Бельмана, конечно, былъ интересенъ для почитателей таланта автора *Кошечка безсмертнаго*; но повѣсть его *Урсулъ* очень-неудачна... Какимъ образомъ ашпель во *Сто Русскихъ Литераторовъ* портретъ г. Веревкина — не пониманъ. Г. Веревкинъ написалъ, во всю жизнь свою, двѣ или три повѣсти, довольно-незначительныя, въ которыхъ нѣтъ, по крайнему своему разумѣнью, стрелы à la баронъ Брамбусъ и, какъ всякій подражатель, былъ ниже своего образца... Повѣсти г. Веревкина (Рахманнаго) годились для журнальнаго обихода, въ свое время были переписаны, да тутъ же и за-

быты, какъ забывается все, что не выходитъ за черту обыкновенности. Гдѣ жъ тутъ право на знаменитость? Зачѣмъ публикѣ былъ портретъ г. Веревкина? Развѣ за тѣмъ, чтобы она спрашивала: да кто же этотъ г. Веревкинъ и что такое написалъ онъ? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, публикѣ оставалось только прочесть предсмертный рассказъ г. Веревкина — *Любовь Петербургской Барышни*, приложенный къ портрету автора: и публика въ этомъ предсмертномъ рассказѣ ничего не нашла, кромѣ плоскихъ острогъ дурнаго тона и напыщенныхъ претензій посредственности. — Портретъ г. Загоскина опоздалъ цѣлыми десятиа годами; но все же это былъ портретъ автора, имѣвшего въ свое время большой успѣхъ и доселѣ пользующагося на Руси большою известностью, — и потому мы ничего не говоримъ противъ помѣщенія портрета его во *Стѣ Русскихъ Литераторовъ*; жаль только, что повѣсть г. Загоскина — *Оффиціальная Обѣда*, была очень плоха. Портретъ г. Каменскаго имѣлъ еще меньше права на появленіе во *Стѣ Русскихъ Литераторовъ*, нежели портретъ г. Веревкина, потому что у послѣдняго была по-крайней-мѣрѣ хоть какая-нибудь способность писать. Пародистъ Марлинскаго, г. Каменскій, оказалъ русской литературѣ одну только услугу: онъ, своими повѣстями, совершенно докавалъ славу своего образца, показавъ, какъ легко упражняться въ этомъ ложномъ родѣ литературы, даже и не имѣя таланта, и, особенно, какъ смѣшонъ этотъ родъ. Повѣсть г. Каменскаго — *Иаковъ Моде*, по обыкновенію сочинителя, написана была въ высокомъ тонѣ, но, по обыкновенію читателей, возбудила въ нихъ только смѣхъ. — Но портретъ г. Масальскаго имѣлъ еще нѣчто права на мѣсто во *Стѣ Русскихъ Литераторовъ*, нежели портретъ г. Каменскаго, потому что повѣсти послѣдняго чуть-было не получили въ Петербургѣ чего-то похожаго на мнунутный успѣхъ, благодаря возгласамъ журнальныхъ бла-

гопріятелей, тогда-какъ сочиненія г. Масальскаго всегда засыпали въ тишинѣ и въ глубокой тайнѣ отъ публики, не смотря на двусмысленныя, всегда умѣренныя и вѣдуржныя похвалы журнальныхъ благопріятелей. Г. Масальскій, вмѣстѣ съ гг. Зотовымъ и Воскресенскимъ, образуетъ плеяду романистовъ средней руки, за которыми уже слѣдуютъ гг. Орловъ (Александръ Аноимовичъ), Кузничевъ, Славинъ, Б. Ф.(Ф)едоровъ, Брандъ, Войтъ, Машковъ, и другіе. *Осада Улица*, повѣсть г. Масальскаго, и *Дерево Смерти*, его же стихотвореніе во второмъ томѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ*, вполне могутъ служить выѣскою безгалавности этого сочинителя. — Портретъ г. Надеждина попалъ въ знаменитое число «ста» почти въ то самое время, какъ этотъ литераторъ почти совсѣмъ сошелъ съ литературнаго поприща: стало-быть, нельзя сказать, чтобъ не встали и не во-время. Но г. Надеждинъ не иначе могъ слѣжаться однимъ изъ ста, какъ написавъ повѣсть — условіе *sine qua non!*.. И г. Надеждинъ, повинувшись необходимости, написалъ повѣсть — *Сила Воли*, за которую да простить его Фейтъ!.. — Портретъ знаменитаго нашего идиллика, г. Панаева (В. И.) опоздалъ слишкомъ двадцатью годами: его *Похвальное Слово Государю Императору Александру* вышло въ 1816 году, *Историческое похвальное слово свѣтлѣйшему князю Голицыну-Кутузову-Смоленскому* — въ 1823; важнѣйшее же произведеніе его таланта, т. е. *Идилли*, вышли въ 1820 году. Впрочемъ, рассказъ при портретѣ — *Промышленіе 1812 года*, не заключалъ въ себѣ никакого особенно-интереснаго происшествія, и, надо признаваться, далеко уступаетъ въ достоинствѣ не только знаменитымъ *Идиллиамъ*, но и повѣсти того же автора — *Иванъ Костинъ*, которая, поинитая, была напечатана въ образцовыхъ сочиненіяхъ и пользовалась въ свое время большою извѣстностью. — Портретъ Шишкова опоздалъ цѣлыми тридцатью-восемью годами, потому-что

его пресловутое *Разсужденіе о старомъ и новомъ Словѣ* вышло еще въ 1803 году. Статья, при портретѣ — *Воспоминаніе о моемъ пріятелѣ*, была написана уже одряхлѣвшею рукою и притомъ по случаю, какъ и проросъ для портрета. Вотъ и второй томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*. — Перейдемъ къ третьему.

*Воспоминанія о графѣ Милорадовичѣ*, статья нашего военнаго Тита-Ливія и Плутарха, генерала Михайловскаго-Данилевскаго, отличается сколько заинтересованностью содержанія, столько и мастерскимъ изложеніемъ. И кому бы изъ Русскихъ могли быть не интересны подробности о личномъ характерѣ русскаго Баяра, рыцаря безъ страха и упрека, особенно, когда эти подробности изложены живымъ и увлекательнымъ перомъ война-литератора, который давно уже прибрлъ себѣ въ русской литературѣ значеніе классическаго военнаго писателя?... Портретъ схожъ и слѣланъ превосходно. — *Письмо Чесменскаго Инвалида на родину* (писано для солдатъ) принадлежитъ другому воину-литератору, который создалъ себѣ особый, свой собственный родъ литературы, скрывъ отъ всѣхъ его тайну, почему и нѣтъ никакой возможности подражать ему, и который также создалъ себѣ свою особенную публику, которая не ухвалится, читая грамотки своего отца-командира. Жаль только, что *Письмо Чесменскаго Инвалида* не прочтутъ именно тѣ, для кого оно написано: для нихъ слишкомъ-дорога эта книга, да и большая часть въ ней — все лишнее для нихъ. Надобно было бы отпечатать эту статью еще отдѣльною книжкою.

Здѣсь, читатели, позвольте перевести духъ: кромѣ этихъ двухъ статей, есть въ третьемъ томѣ *Ста русскихъ Литераторовъ* и еще статья не столь удобная, какъ двѣ первыя, однакожь удобная для чтенія; но бѣда та, что до нея надо добираться черезъ *пятьдесятъ* стихотвореній — и какихъ еще-подумать страшно! — да черезъ *шесть* большихъ статей въ прозѣ, которыя въ достоинствѣ, не уступаютъ ни-

лучшим стихотворениям... Просто, жась!..

Г. Бенедиктов снабдил свой портрет пятью стихотворениями. Посмотрим на них и начнем с первого.

Лебедь плавает на водѣ въ державой красотѣ, и у него завязывается въ поэтотъ превитересный разговоръ; Бенедиктовъ спрашиваетъ его:

Что такъ гордо, лебедь бѣлый  
Ты гуляешь по струямъ?  
Иль свершилъ ты подвигъ смѣлый?  
Иль принесъ ты пользу намъ?

Лебедь отвѣчаетъ г. Бенедиктову, то онъ «праздно нѣжится въ водномъ русталь», но что онъ не даромъ «упивая гордыми духомъ на землѣ», и именно вотъ почему:

Жизнь мою переплывая, (?)  
Я въ водахъ омытъ отъ зла, (?)  
И не давить грязь земная  
Мнѣ свободнаго крыла.  
Отряхнусь — и сухъ я стану;  
Встрепенусь — и серебристъ; (?)  
Запылюсь — я въ волны прыну,  
Окунусь — я снова чистъ.

Критикъ, можетъ-быть, спросить, что значитъ «переплывать свою жизнь» и, ожалуй, не найдетъ смысла въ этой разѣ; можетъ-быть, также, онъ не пойметъ, какъ можно омываться водою гъ ала кому-нибудь, а тѣмъ болѣе лебедю, который, какъ животное, вду не причастенъ, а развѣ грязи, которую вода дѣйствительно имѣетъ способность вымывать; еще, можетъ-быть, читателю покажутся смѣшными послѣдніе четверостиша, какъ риторическая стукотня шплага тона, а второй стихъ непонятенъ; но мы совѣтуемъ вамъ не быть нишкомъ-строгими и придиричливыми, не забывать, что вѣдь все это говорить птица, животное, которому противнѣе, нежели людямъ, говорить доръ.

Далѣе, лебедь, видя, что г. Бенедиктъ благосклонно слушаетъ его болванку и не останавливаетъ его, — утверждаетъ рѣшительную неглѣпость, будучи человекъ никогда не слышавалъ лебединого крика (который поэты величаютъ пѣніемъ), на томъ основаніи, о

Лебединыхъ сладкихъ нѣсуетъ  
Недостонья человекъ.

Въ-слѣдствіе сего обстоятельства, онъ, реченный лебедь, и поетъ только для неба, да и то лишь въ предсмертный часъ свой. Но пѣніе не мѣшаетъ лебедю заблаговременно распорядиться своею духовною. Во-первыхъ, онъ даетъ поэту «чудотворное» перо изъ своихъ «крылій»,

И надъ миромъ, какъ изъ тучи  
Брызнуть молнии созвучій  
Съ вдохновеннаго пера.

Теперь ясно, отъ-чего одни поэты поютъ сладко, а другіе такъ отвратительно: первые пишутъ лебединымъ перомъ, а вторые — гусинымъ. Конечно, если хотите, хорошей поэтъ и гусинымъ перомъ будетъ писать недурно, но все не такъ, какъ лебединымъ, потому-что, владѣя этими «чудотворнымъ» орудіемъ, онъ дѣлается «пѣвучимъ наслѣдникомъ» лебедя. *Avis aux poètes!* Поэтому, лебедь завѣщаетъ, для изоловья *милой дѣвы милой пухъ съ мертвенно-остылой груди, въ которой виталъ летучій духъ!*... И этому пуху дѣла, въ пѣвчую ночь, ввѣрить, изъ-подъ внутренней грозы, роковую тайну пламенной слезы,

И согрѣтъ ея дыханьемъ,  
Этотъ пухъ начнетъ дышать,  
И упругимъ колыханьемъ  
Бурнымъ персамъ отвѣчать.

Полумаешь, сколько хорошаго можетъ надѣлать одинъ лебедь! А все отъ-чего?—отъ-того, что онъ отряхнется — и станетъ сухъ; встрепенется — и станетъ серебристъ; запылится — и поскорѣй въ волны; окунется—и какъ ни въ чемъ не бывалъ! Отъ-того онъ и пѣсни поетъ небу, и перо даритъ поэту, а пухъ — красавицѣ! А за тѣмъ... но пусть онъ вамъ самъ скажетъ, что будетъ съ нимъ за тѣмъ; онъ такъ хорошо говорить, что хочется и еще послушать его:

Я исчезну, — и средь влаги,  
Гдѣ скользилъ я, полямъ отваги,  
Не увидитъ миръ слѣда;  
А на мѣстѣ, гдѣ плескаться  
Такъ любилъ я иногда,

Будет тихо отражаться  
Неба мирная зѣзда.

По что же изъ всего этого? какой результат, какой смыслъ, какая мысль, какое, наконецъ, впечатлѣніе въ умѣ читателя? Ничего, ровно ничего, больше, чѣмъ ничего — стихъ, и только, а къ нимъ хорошенькая картинка, лаваша — деревья, зеленъ, вода, лебедь... Чего жъ вамъ больше? Не все же гоняться за смысломъ — не жѣшаетъ иногда удовольствоваться и одними стихами.

Однажды, въ повѣческую минуту,  
вниманіе г. Бенедиктова привлекла —

Отъ женской головы *отъятая коса*,  
Достойная *любви, восторговъ и стenanій*,  
Густая, черная, сплетенная въ три грани,  
Изъ страшной тѣмы *могила исшедшая*  
на свѣтъ  
И не *измятая* подъ *тысячами лѣтъ*,  
Межъ тѣмъ, какъ столько *костъ* (,) съ  
ихъ *царственною красотою*,  
Изъсклось времени *нешадною кошою*.

Надо согласиться, что было надъ чѣмъ попризадуматься, особенно поэту! Не дивно ли, говорить г. Бенедиктовъ, что діаволы не гниютъ въ землѣ:

Въ нихъ рѣдко золото — *прекраснѣй-  
шій металлъ!*

Онъ *время* соблазнитъ и *вѣчность* онъ  
подкупитъ —

И та ему *удѣлъ* *нетлѣній* уступитъ.

Эта удивительная фраза о соблазнѣ времени и подкупѣ вѣчности золотомъ, какъ-будто бы время — женщина, а вѣчность — подъячій, — эта несравненная фраза даетъ надежду, что г. Бенедиктовъ скажетъ когда-нибудь, что гранитъ и желѣзо запугиваютъ или застрашываютъ время и вѣчность: и эта будущая фраза, подобно вышедшей, будетъ тѣмъ громче и блестяще, чѣмъ бессмысленнѣе. Итакъ, не удивительно, что золото не гниетъ въ землѣ; но какъ же коса-то удѣляла?

Ужели и она

Всевластной *преlestью* надъ *временемъ*  
сильна?

И *вѣчность* *жаждала* на *вотъ даръ*  
прекрасный

*Глядѣла издали съ улыбкой* *сладостра-  
стной?*

Часъ-отъ-часу не легче! Вѣчность —  
ступня обольщенію, подкуну! вѣчность  
сладострастья! Какая негодница!.. По  
что жъ дальше? — Дальше общія мѣста  
по риторикѣ г. Кошанскаго: гдѣ глаголы  
этой косы, которые сводили съ ума  
диктаторовъ, царей, консуловъ, мучи-  
ли весь міръ, въ которыхъ былъ свѣтъ,  
жизнь, любовь, душа, въ которыхъ  
«*пировало безсмертіе*» (?!!...) и т. п.  
Гдѣ жъ они?

И тихо выказалъ *ослабленный скелетъ*  
На *желтомъ* черепѣ *два страшные про-  
вала*.

Откуда же взялся черепъ? Вѣдь дѣло  
о *костѣ*, *отъятый* отъ женской голо-  
вы? Подите съ поэтами! Спрашивайте  
у нихъ толку!..

Въ третьемъ стихотвореніи, г. Бенедиктовъ бранитъ толпу, и, надо сказать, довольно-недушно, еслибъ только онъ поостерегся отъ персидских итафоровъ, въ родѣ слѣдующихъ: «*велико-но широкой думы* пламенѣть полъ краской чувства», «*громъ* искрометной рифмы» и т. п. вычурностей пошлаго тона. Въ четвертомъ стихотвореніи, г. Бенедиктовъ рассказываетъ намъ, какъ невинно и духовнозираетъ онъ на грудь «*дѣвы* стройной»,

Любуясь *красотою* сей *сыси* *благотной*,  
Прозрачной, *трететной*, *деукалпной*,  
*деураскапной*.

.....  
Онъ *чувство* новое въ *груди* своей *витаго*  
Поклонникъ *чистыхъ* *музъ* — *желая* *не*  
*старѣть*

*Удаса* *кольцами* *вкругъ* *милой* *объ-*  
*ваться*,

*Котлами* *лестреба* *въ* *пухъ* *лебеди* *въ-*  
*ошисл*.

Какіе сильные, и, главное, какіе изящные и благородные образы!..

Нельзя не согласиться, что г. Бенедиктовъ — поэтъ столько же сильный, сколько и оригинальный. У него есть свои поклонники, и мелкіе рифмачи тоже пишутъ къ нему посланія стихами, въ которыхъ не знаютъ, какъ и изъяснить ему свое удивленіе. Нашелся даже критикъ, который поставилъ его выше всѣхъ поэтовъ русскихъ, не исключая и Пушкина... Само-собою разумеется.

о предметъ поклоненія всегда быва-  
 ь выше своихъ поклонниковъ; а такъ-  
 икъ почитателей таланта г. Бенедик-  
 ва даже и теперь тьма-тьмушая, — то и  
 слѣзъ не согласиться, что г. Бенедик-  
 въ есть въ своемъ родѣ замѣчательное  
 явленіе въ русской литературѣ, какъ  
 или въ ней замѣчательны, напримѣръ,  
 армянскій и г. Языковъ. Конечно, по-  
 добная замѣчательность венадежна и  
 долговременна, но все же она имѣетъ  
 свое значеніе, потому-что основана не  
 на одномъ только дурномъ вкусѣ эпо-  
 хы, или значительной, по большинству,  
 части публики, но также и на талантѣ  
 своего рода. Но мы уже не разъ гово-  
 рили, что есть таланты, которые слу-  
 жатъ искусству положительно, и есть  
 другіе, которые служатъ ему отрица-  
 тельно; произведенія первыхъ прино-  
 сятся эстетиками какъ примѣры ис-  
 истиннаго и правльнаго хода искусства;  
 произведенія вторыхъ служатъ для  
 примѣровъ ложнаго и фальшиваго на-  
 правленія искусства. Это бываетъ не  
 у однихъ лицами, но и съ народами:  
 я образцовъ изящнаго вкуса смѣло  
 смѣзуйтесь Греками; для образцовъ  
 истиннаго вкуса смѣло обращайтесь къ  
 китайцамъ, и у послѣднихъ берите  
 только лучшихъ художниковъ и луч-  
 шія произведенія. Муза г. Бенедикто-  
 оригинальна, и муза Пушкина ори-  
 гинальна; но какая между ними разни-  
 ца, ужъ не говоря о чудовищномъ не-  
 величествѣ въ талантѣ? — Муза Пушки-  
 —то древняя статуя, цѣломудренно-  
 гая, то женщина-аристократка, плѣ-  
 ющая достоинствомъ языка и ма-  
 рью, изящною простотою наряда. Му-  
 за г. Бенедиктова всегда — женщина  
 легкой-руки, — если хотите, недурная  
 юная, даже хорошенькая, но съ пош-  
 лымъ выраженіемъ лица, бойкая, вер-  
 тливая и болтливая, но безъ граціи и  
 тоннства, страшная щеголиха, но  
 безъ вкуса; она любитъ бѣлила и ру-  
 жика, хотя бы могла обходиться и безъ  
 нихъ, любитъ пестроту и яркость въ  
 одеждѣ, и, за неизбѣннѣмъ брильян-  
 товъ, охотно бременитъ себя стразами;  
 она мало серегъ: подобно индійской

балдерѣ, она готова носить золотыя  
 кольца даже въ новдрахъ. Все это отно-  
 сится только къ выраженію въ поэзіи  
 г. Бенедиктова; что же касается до ея  
 содержанія, — съ этой стороны она тѣмъ  
 бѣднѣе, чѣмъ больше претендуетъ быть  
 богатою. Чтѣ многимъ кажется избыт-  
 комъ мыслей въ поэзіи г. Бенедиктова,  
 то не мысли, а рефлексія; рефлексія же  
 относится къ мысли, какъ резонерство  
 къ мышленію, умнчанье къ уму, тол-  
 стота къ величію, надутость къ высо-  
 кости, сантиментальность къ чувству,  
 бравура къ храбрости. Разложить сти-  
 хотвореніе г. Бенедиктова на состав-  
 ные элементы, пересказать его содер-  
 жаніе изъ него же взятыми и нисколько-  
 неизмѣненными фразами — всегда  
 значить обратитъ его въ пустоту и ни-  
 чтожество. Во всякомъ случаѣ, повто-  
 ряемъ, г. Бенедиктовъ — замѣчатель-  
 ное явленіе въ нашей литературѣ, — и  
 мы очень рады, что его поэтическая  
 физиономія воспроизведена, во *Стѣ  
 Русскихъ Литераторовъ*, съ тою вѣр-  
 ностію, за которую поручится каждый,  
 кто даже и никогда не видалъ его, но  
 читалъ его произведенія.

Статья г. Греча — *Гейдельбергъ (Ф. В.  
 Буларину, отвѣтъ на ея Tutti Frutti)*,  
 могла бы насъ очень удивить, еслибы  
 мы могли еще чему-нибудь удивлять-  
 ся въ русской литературѣ, — особенно во  
*Стѣ Русскихъ Литераторовъ*. Но спер-  
 ва о г. Гречѣ, не какъ о лицѣ, а какъ о  
 литераторѣ, а потомъ уже и о статьѣ  
 его. Литературная дѣятельность г. Гре-  
 ча раздѣляется на три эпохи: въ пер-  
 вой, отъ 1812 (а можетъ-быть, еще и  
 раньше) до 1831 года онъ является пре-  
 имущественно грамматистомъ, соста-  
 вляетъ огромныя грамматикн, пишетъ  
 о грамматикѣ, хлопочетъ о русскомъ  
 языкѣ; во второй, отъ 1831 до 1836, онъ  
 дѣлается романистомъ, начавъ съ до-  
 вольно-плохаго разсказа — *Повѣдка въ  
 Германію*, и кончивъ довольно-плохимъ  
 романомъ — *Черная Женщина*. Съ тѣхъ-  
 поръ и до сего времени, онъ по-преиму-  
 ществу туристъ. Въ промежуткахъ, онъ  
 издавалъ *Сынъ Отечества* и *Сѣверную  
 Пчелу*, и, по увѣренію *Библиотеки для*

*Чтенія*, прочелъ въ корректурѣ всю русскую литературу; кромѣ того, въ 1840 году, читалъ публичныя лекціи, въ которыхъ былъ взглядъ и въ что насчетъ русской грамматики и литературы, преимущественно же современной журналистики, которую тогда этогъ почтенный ветеранъ нашей словесности и мѣлъ причины быть недовольнымъ. Какая неутомимая и многосторонняя дѣятельность! Около (а можетъ-быть и больше) тридцати пяти лѣтъ печатается этотъ человекъ, не старѣя, а все обновляясь и молодѣя! О портретѣ г. Греча никакъ нельзя сказать, чтобъ онъ поздно попалъ въ *Сто Русскихъ Литераторовъ*. Можетъ-быть, поздно какъ портретъ грамматиста, какъ журналиста, какъ романиста, какъ лектора, но отнюдь не поздно какъ туриста: если давно забыты его прежнія письма изъ-за границы, онъ напоминаетъ о нихъ нынѣшними, говоря въ нихъ почти то же самое и совершенно такъ же, что и какъ говорилъ въ прежнихъ. Теперь онъ уже ни о чемъ больше не пишетъ, какъ только о своихъ путешествіяхъ. На этотъ разъ, онъ знакомитъ насъ съ Гейдельбергомъ. Между прочимъ, онъ говоритъ о Гейдельбергскомъ Университетѣ, и за новость разсуждаетъ объ известномъ ученномъ твореніи Крейцера — *Символикъ*, десять томовъ котораго выходили съ 1810 по 1820 годъ. Оно хоть и не ново, а все бы интересно, еслибъ нашъ туристъ могъ сказать объ этой книгѣ что-нибудь больше того, что можетъ сказать о ней всякій, никогда ея не читавшій. Но вотъ самое интересное и живописное мѣсто изъ статьи о Гейдельбергѣ:

«Климатъ въ Гейдельбергѣ теплый и здоровый. Лѣто, къ сожалѣнію, обыкновенно дождливое. Такова участь долинъ; тучи дождевыя, взбравшись между горъ, не скоро ихъ оставляютъ. Но весна и осень здѣсь несравненны! Могу сказать, что въ нынѣшнемъ 1844 году, я впервые отъ роду узналъ, что такое весна. У насъ на сѣверѣ это время неизвѣстно: ве-

скою называемъ имъ переходъ отъ холодной зимы къ сырому лѣту.

Жизненные припасы, квартира, услуга — все это въ Гейдельбергѣ чрезвычайно дешево. Цѣны хлѣба, овощей и проч., зависятъ отъ урожая: при первой возможности онѣ упадаютъ. Это не такъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣны, поднявшись однажды, рѣдко спускаются, какъ бы ни были благоприятны обстоятельства.

Словомъ, жизнь здѣсь самая тихая, пріятная, привольная. Сто разъ благословляя я добраго доктора Гейне, который присоветовалъ мнѣ избрать Гейдельбергъ мѣстомъ жительства и леченія дѣтей моихъ. Прекрасный климатъ, тихая, регулярная жизнь, пожеланія искусныхъ врачей — возстановили мое сердце искреннею благодарностью къ здѣшнему несравненному краю и почтеннымъ его обитателямъ.»

Нельзя не согласиться, что все это такъ же интересно для русской публики, какъ и для г. Булгарина, къ которому адресована статья.

За г. Гречемъ слѣдуетъ г. Матлевъ съ цѣлымъ десяткомъ стихотвореній одно другаго хуже. Г. Матлевъ вышелъ на литературное поприще съ книжкою прелюбихъ стихотвореній, подъ названіемъ: *Друзья Уговори*. Этой книжкѣ никто не замѣтилъ, кромѣ друзей сочинителя. Потому г. Матлевъ вдругъ прославился *Сенсаціями мадамъ Кюрдюковой*, сочиненіемъ, которое, въ небольшихъ дозахъ, могло быти читано въ обществѣ знакомыхъ людей, къ ихъ удовольствію, но которое въ печати не имѣетъ никакого значенія, кромѣ скучной и довольно-шесской книги. Что касается до великихъ стихотвореній г. Матлева, — тѣ изъ нихъ, въ которыхъ онъ думалъ смѣшати смѣсью французскихъ фразъ съ русскими, такъ же скучны и плоски, какъ и *Сенсаціи*; а тѣ, въ которыхъ онъ думалъ восписать высокіе предметы, какъ въ *Разговоръ Человѣка съ Душой*, очень-смѣшны. Все это не доказываетъ правъ г. Матлева ни на званіе литератора, ни на мѣсто между ста. — и намъ, право, жаль издавна г.

Смирдина, которое рѣшилось принять въ себя такую, на-пр., пьесу г. Матлева, какъ *Споръ за Вафли*, которую, курьеза ради, выписываемъ вполнѣ:

Пріѣхалъ въ Красенькой гулять  
Портной, изъ Нѣмецка, Бутерь-Фрес-  
серъ;

Спросилъ онъ: Габель, Лефель, Мессеръ,  
И вафли приказалъ подать.

Садится и глядитъ умляно,  
И въ мысляхъ есть уже мейнъ-церъ!  
Какъ вдругъ вбѣгаетъ оенцеръ  
И вафли выхватилъ насильно.

«Чѣй эта вафля, узнавать  
Позвольте, гаспадинъ военный?»

— Ну, знать твоа, мусье почтенный,  
Что задумалъ за нее стоять?

«А если мой, могу-ль ихъ кушать?» —  
Сердито Нѣмецъ закрываетъ.

— Что, что, мусье? я не расслушалъ. —  
«Могу-ль ихъ кушать? я сказалъ».

— Ну, не сердись, сейчасъ другіе  
Я прикажу тебѣ подать. —

Но Нѣмецъ въ спѣсъ вошелъ такую,  
Что раскричался не въ себя.

«Здѣсь все равно! Вашъ не забудеть,  
Здѣсь вашъ полтъинъ и мой полтъинъ?  
Здѣсь это все, одинъ полтъинъ.» —

— Врежь, Нѣмецъ, рубль ужъ это бу-  
детъ!

«Нѣтъ, сами рубль имъ гаспадинъ!  
Что вы задумалъ?» — Забѣлка!

Я вашъ маркель, или челоуѣкъ! —  
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не челоуѣкъ!»

— Что жь, Нѣмецъ, что же ты? со-  
бака!

строумно и изящно, нечего сказать!  
Не упоминаемъ одного: гдѣ сочинитель  
идѣлъ такихъ оенцеровъ, если не во  
нѣ?... И всѣ-то стихотворенія г. Мат-  
лева похожи на этотъ споръ за вафли,  
и исключеніемъ развѣ *Разговора Ба-  
ниа съ Афонкою*, который дѣйстви-  
тельно хорошъ, и то потому, веро-  
яно, что не сочинилъ г. Матлевымъ,  
списавъ имъ со словъ какого-нибудь  
фольки, — почему и отличается тѣмъ  
взбѣженнѣмъ юморомъ, который такъ  
войственно людямъ этого созловія,  
агда они рассуждаютъ о барахъ.

Портретъ г. Хмельницкаго нельзя  
сказать, чтобъ вовсе не имѣлъ права  
и возможности между «ета»; но онъ  
показалъ болѣе, чѣмъ двадцатью года-

ми. Въ свое время, г. Хмельницкій  
пользовался большою извѣстностью,  
какъ драматическій писатель. Вотъ  
его труды: *Зальмира*, трагедія въ 5-ти  
актахъ, переводъ съ французскаго  
(1811 года); *Шалости Влюбленныхъ*,  
комедія въ 3-хъ актахъ, изъ Реньяра;  
*Госорунъ*, комедія въ 1-мъ актѣ, изъ  
Буаси; *Школа Женъ*, комедія въ 5-ти  
актахъ, изъ Молвера; *Весь день съ  
приключеніями*, опера въ 3-хъ актахъ;  
*Греческія Бредни или Ифигенія въ Тау-  
риду на изнанку*, пародія-водевиль, въ  
3-хъ дѣйствіяхъ, изъ Фавара; *Бабуш-  
кины погуляи*, водевиль въ 1-мъ актѣ;  
*Сувеннаю конамъ не объедешь*, или *пять  
худа безъ добра*, водевиль въ 1-мъ дѣй-  
ствіи. Все это — или переводы, или пере-  
дѣлки, и болѣею частью въ сти-  
хахъ. Оригинальныя сочиненія: *Воз-  
душныя Замки*, комедія въ 1-мъ актѣ;  
*Семь ялтницъ на медаль*, или *Нервыш-  
танный*, комедія въ 1-мъ актѣ; *Ка-  
рактинъ*, водевиль въ 1-мъ актѣ; *Актъ-  
ры между собою*, или *первый дебютъ  
актрисы Троиольской*, водевиль въ 1-мъ  
актѣ, писанный въ соотрудничествѣ съ  
г. Всеволожскимъ. Все это было не-  
дурно; особенно старался г. Хмель-  
ницкій о чистотѣ стиха; но теперь  
стихъ его такъ же устарѣлъ, какъ за-  
быты всѣ его сочиненія и самое имя  
его чуждо современной русской лите-  
ратурѣ. Желая, какъ видно, во что бы  
ни стало напоминть о себѣ и занять  
мѣсто въ члѣдѣ «ста», г. Хмельницкій  
рѣшился написать *поморскій рассказъ*  
— *Мундиръ*; но разсказа у него какъ-  
то не вышло, хотя и разсказывалъ  
онъ какъ умѣлъ. Сначала, читатель  
чего-то ожидаетъ отъ этого разсказа,  
потому-что начинается довольно-инте-  
ресными подробностями объ Архан-  
гельскѣ и Колѣ; но автору не хотѣ-  
лось ограничиться интересными очер-  
ками, написанными безъ претензіи, и  
онъ предпочелъ написать плохую и  
скучную повѣсть, безъ завязки и раз-  
вязки, безъ интриги, исполненную от-  
сталаго юмора и запоздалаго, пѣлыми  
двадцатью годами, остроумія.

Осмилнѣ кое-какъ тощій изобрѣта-



тельностью и интересомъ рассказъ г. Хильяницкаго, усталый и сонный читатель встрѣчаетъ чудовище, гору, слона... словомъ, сто-пудовую драматическую поэму въ пяти отдѣленіяхъ, съ прологомъ, г. П. Ободовскаго — *Князь Шуйскіе*. Извлеченіе изъ этого семимильнаго произведенія было играно на Александринскомъ Театрѣ, подъ именемъ *Царя Василія Ивановича Шуйскаго*. Поэма эта доказываетъ, до такой степени совершенства можетъ выработаться посредственность: въ этой поэмѣ все такъ гладко, чинно, ровно, ни умно, ни глупо, ни худо, ни хорошо; языкъ ея вытощенный, выглаженный, накрахмаленный; стихъ вялый, безъ жизни, безъ красокъ, безъ музыкальности, безъ оригинальности, но обдѣланный, обточенный, выполированный. Мудрено ли выучиться перелагать въ разговоры «Исторію» Карамзина, дополняя ее то марлявизмомъ, то вобрѣтеньями въ духъ романовъ гг. Зотова и Воскресенскаго; создавать образы безъ лицъ, персонажи безъ характеровъ — эти общія мѣста бездарнаго драматизма? Мудрено ли наострить писать такіе стихи, которые — совершенно проза, пошлая, водяная проза, и въ то же время все-таки стихи? — Судите сами:

Народъ опоминлся: довѣріе къ царю—  
Основа прочная, подпора государства,  
Вселяется въ сердца, на долго ли? Богъ  
вѣсть!

Повѣтріе зміѣтъ и мѣтежей народныхъ  
Еще тлетворно вѣетъ на Москву.

Еще изъ Тушина не выжить самозванецъ,

Марина низкая, Рожинскій атаманъ  
И паны польскіе и — срамъ для нашей  
чести —

Воляе русскіе роскошничаютъ тамъ.

Въ Тушино въ Самборъ Марина превратила;

Тамъ день и ночь вирують старъ и  
младъ;

Тамъ шпорами бряцать при музыкѣ  
варшавской,

Тамъ вѣчный хороевъ и игры на лугу,  
Тамъ русскіе князья какъ скomorохи  
пляшутъ,

Предъ польской чашкою отбѣсите тѣ  
лугу,

Обѣдаютъ въ Москвѣ, а въ Тушинѣ  
почувать.

Изъ думы царственной къ Маринѣ и  
банкетъ,

И перелѣтами слышуть они въ столицѣ!  
Позору нашему въ вѣкахъ привѣра  
вѣтъ!

«Сія огромная» поэма занимаетъ собою *двадцати-десять* страницъ къ 8-ю долоу листа... Страшно!

За поэмою г. Ободовскаго слѣдуетъ повѣсть г. Бѣгичева (разумѣется, съ его портретомъ) — *Записки губернскаго Чиновника*. Чѣмъ завѣстелъ въ русской литературѣ г. Бѣгичевъ, что такое написалъ онъ, что бы дѣлало его портрету право явиться между знаменитыми «ста» — не поминитъ, не знаетъ... Не-уже-ли *Записки губернскаго Чиновника* такъ хороши, что одной этой пьесы было достаточно г. Бѣгичеву для пріобрѣтенія литературнаго имени? — Не думаемъ. Но — позвольте! — кажется, были случаи, что г. Бѣгичевъ — авторъ романа *Семейство Холмскихъ*. Не смотря на то, что это романъ дидактическій, «нравоучительный и длинный», немножко-сентиментальный, немножко-резовѣрскій и нисколько-непоэтичскій, — онъ имѣлъ, въ свое время, довольно-значительный успѣхъ, благодаря живому чувству негодованія противъ разнаго рода злоупотребленій, — чувства, которое играетъ въ означенномъ романѣ не послѣднюю роль. Послѣ этого появлялось, отъ времени до времени, нѣсколько статеекъ, довольно-плохихъ, на заглавіи которыхъ было выставлено: *сочиненіе автора Семейства Холмскихъ*. Но все-таки мы не имѣемъ никакого права печатно признавать г. Бѣгичева авторомъ *Семейства Холмскихъ*, потому-что онъ самъ нигдѣ еще не признавался въ этомъ. Притомъ же, славѣ г. Бѣгичевъ былъ дѣйствительно авторъ этого романа, г. Смирдинъ, какъ редакторъ *Сва Русскіе Литераторовъ*, непремѣнно, при имени г. Бѣгичева, выставилъ бы заглавіе автора *Семейства Холмскихъ*, чтобы

оправдать комбицие въ этой книгѣ портрета и статьи г. Бѣгичева. Тогда мы ничего не могли бы сказать прогавъ этого портрета, кромѣ развѣ того, что онъ запоздалъ слишкомъ десятью годами; но какъ г. Смирдинъ не объявилъ г. Бѣгичева авторомъ *Семейства Холмскихъ*, то мы и принуждены увидѣть въ *Запискахъ губернскаго Чиновника* единственное право г. Бѣгичева на званіе литератора. По этой причинѣ мы съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ прочли эту повѣсть, если уже совѣмъ не молодого человека (суда по портрету), то только-что выступающаго на поприще литературы. Но тутъ нашему удивленію не было конца... Великій Боже! что это такое? Не переводъ ли съ китайскаго? Въ послѣднемъ насъ особенно утверждаетъ то, что нравы той повѣсти—чисто-китайскіе, а если е китайскіе, то ужъ никакіе, и такихъ равовъ нигдѣ нельзя найти. Судите сами. Къ губернскому предводителю съѣхались на балъ чиновники; не догавало только губернатора. Въ ожиданіи этой важной особы, до появленія которой балъ никакъ не могъ начаться, чиновникъ, котораго записка составляетъ эту повѣсть, виѣтъ съ какимъ-то г. *Радушнымъ* и еще нѣсколькими гандаринами низшихъ степеней, т. е. нѣсколькими чиновниками низшаго зрда, въ диванной у матери холмина дома, предался назидательному разговору о судѣ и позорной отставкѣ какого *Скорпионова*, страшнаго негодя и злодѣя, какъ это можно видѣть же и изъ его фамиліи. Чѣмъ дальше ѣтъсь, тѣмъ больше дровъ. Разговоръ по-по-малу началъ принимать филофское направленіе; собесѣдники нали рѣшать психологическій вопросъ, гдѣ ли Скорпионовъ считать себя хощимъ человекомъ, будучи мерзавомъ. Сморили, но ничего не рѣшили его превосходительства, господина губернатора, все еще нѣтъ-какъ-нѣтъ); конецъ, Радушникъ (прекраснѣйшій оловѣкъ, какъ это показываетъ его фамилія) предлагаетъ рассказать исто-

рію Скорпионова, чтобъ доказать, что онъ могъ имѣть право считать себя чуть не героемъ добродѣтели. Разговоръ, въ ожиданіи губернатора, тянулся на *одинадцати* страницахъ; рассказъ Радушника занялъ *двадцать* *восемь* страницъ и все еще не былъ конченъ, потому-что его прервалъ пріѣздъ губернатора, — и тогда чиновникъ, изъ записокъ котораго состоитъ статья г. Бѣгичева, поспѣшилъ, съ картою въ рукѣ, — положеніе, въ которомъ онъ и говорилъ и слушалъ, — составить его превосходительству партію въ вистъ, а конецъ исторіи онъ уже послѣ дослушалъ отъ Радушника. Что Радушникъ благонамѣренный чиновникъ и прекраснѣйшій человекъ, — въ этомъ, судя по его фамиліи, нѣтъ никакого сомнѣнія; но рассказчикъ онъ прѣлохой, пребездарный. Въ его рассказѣ не только нѣтъ ни характеровъ, ни образовъ, ни лицъ, но даже и вѣроятности, хотя онъ рассказываетъ и о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Есть же вѣдь люди, которые не умѣютъ порядочно рассказать о томъ, какъ они поколотили своего Ваньку или Сеньку: дѣло, кажется, самое простое и случается частенько, а ничего не поймешь — какъ, за что, почему, больно ли, и т. п. Чтوبъ утѣшить своего слушателя за такую повѣсть, г. Радушникъ далъ ему записку—*Мысли о постепенномъ искорененіи лихоимства*. «Эту записку», говоритъ онъ, «составилъ покойный мой отецъ, бывшій здѣсь губернскимъ предводителемъ, и я храню ее, какъ драгоценнѣйшій для сына памятникъ». Но добрый сынъ можетъ быть плохимъ рассказчикомъ, а хороший отецъ можетъ быть плохимъ мыслителемъ. Не удивительно, что записка вышла еще хуже повѣсти. Въ ней за новостъ открывается, что для искорененія лихоимства, необходимо, между прочимъ, достаточное жалованье чиновникамъ. Справедливо, но старо, а потому и бесполезно! вмѣсто этихъ обетшальныхъ истинъ, лучше было бы сочинить дѣльную записку или о томъ, гдѣ и какъ найти денегъ на увеличе-

не жалованья, или о томъ, какъ бы найти способъ пытаться и одѣваться воздухомъ и строить изъ него дома. Это было бы тѣмъ лучше, что у насъ воздухъ всѣмъ дается даромъ, а не облагается налогами, какъ въ Англіи. Въ заключеніе всего, нельзя не поздравить г. Смирдина въ приобретеніи такой неподобной статьи, какъ *Замиски губернскаго Чиновника...*

Но вотъ и еще незнакомецъ представитъ передъ нами—какой-то г. Марковъ. Кто бы это такой былъ? Чтo онъ писалъ, гдѣ, когда, для кого? А что-то какъ-будто помнится. Позвольте — надо прибѣгнуть къ архиву старыхъ журналовъ... Такъ точно; глаза насъ не обманываютъ: г. Марковъ не только писалъ повѣсти, но еще и помѣщалъ ихъ, въ 1835 году, въ лучшемъ русскомъ журналѣ того времени, въ *Библиотеку для Чтенія*, а потомъ, въ 1838 году, издалъ ихъ отдѣльно. Такъ какъ эти повѣсти забывались въ ту же минуту, какъ прочитывались, а за десятилѣтнюю давностью забыть и самый фактъ ихъ существованія, то мы считаемъ обязанностью напомнить о нихъ русской публикѣ, чтобъ она знала, почему у насъ даже только теперь ищется въ наличности цѣлая сотня литераторовъ.

Въ одной повѣсти г. Маркова, помѣщенной въ *Библиотеку для Чтенія* и названной *Бѣда, еслибы не медведь*, описывается одна капитанша, которая развѣ напилась пьяна шампанскимъ и натерла себѣ щеки мастикою собственнаго изобрѣтенія, растворенною въ меду. У ея любовника, майора Фрола Слыуча Торопенко, съ которымъ она жила въ одномъ домѣ, былъ ручной медвѣдь. Вдругъ капитанша закричала: спасите! умираю! На крикъ ея сбѣжалась толпа и между прочими, ротмистръ Рамирскій, влюбленный въ падчерицу капитанши, «прекрасную Марію», — и что же представилось глазамъ всѣхъ? — «Одна изъ любимыхъ мѣшкисъ сцены частной ослики (говоритъ г. Марковъ). Медвѣдь, привлеченный медовымъ запахомъ мастики,

«позволилъ облизать Дарюо Климову, «и прехладнокровно облизывалъ ея тучными лангетъ». Рамирскій бѣжитъ въ комнату *Маріи*, за своими pistolами, и видитъ, что *Марія* хочетъ застрѣлиться; выхвативъ у ней pistolу, онъ освобождаетъ Дарюо Климову отъ медвѣды, застрѣливъ его и серживая взять съ нея слово, что она согласится на его бракъ съ *Маріей*. Въ этой же повѣсти, описывая иероглифскій праздникъ, и замѣтивъ, что въ этотъ день въ Петербургѣ заняты людьми даже щели, — г. Марковъ говоритъ: «Я хотѣлъ однажды описать, что дѣлается въ этихъ щеляхъ, но мнѣ сказали, что все это уже описано Поль-де-Кокомъ». И потому г. Марковъ ограничился только остроумнымъ описаніемъ слѣдующаго случая: дворникъ, называя калестеромъ заднюю сторону билета, чтобъ приклеить его къ воротамъ, такъ и оставилъ его на скамейкѣ, а самъ отлучился. Въ это время Дарюо Климова, не посмотрѣвъ на скамейку, присѣла на ней отдохнуть, и когда она встала и пошла, то сзади, на ея шатѣ, очутился билетъ съ надписью: *сид театры отдается*. Вотъ каковъ юморъ Маркова, одного изъ ста русскихъ литераторовъ!... Въ другой его повѣсти какал-то толстая барыня ѣдетъ съ черною въ театръ; надъ ея ложемъ вылетѣла свихуха, разбиваяю что-то — зоды гечетъ на голову толстой барыни: въ театръ шумъ, тревога. Потомъ, у толстой барыни увозать дочь, она ищетъ ее по всему городу, въ полночь заѣзжаетъ въ трактиръ, попадаетъ въ гребъ — слѣдуютъ сцены, оченъ-нбавныя для публики завѣстаго порядка. Словомъ, грязь но колѣно, и запахъ такой спирозный, отъ котораго порядочный читатель легко можетъ схватить насморкъ! Но г. Марковъ не только юмористъ, онъ еще и марленистъ, и стихотворецъ. Въ его книжкѣ *Мечты и Были* есть трагическая повѣсть *Евгенія*, о которой мы уже знаемъ (такъ какъ предстоитъ говорить о таковой же марленистикѣ, повѣстной г. Смирдина въ 3-ей книгѣ (см.

Русских Литераторов) и есть стихи. Дивнѣйшіе стихи! На-прим., въ *буле о Пушкине*, г. Марковъ говоритъ, что этотъ поэтъ уже:

Не заколдуетъ звуковъ властью,  
Не поналууетъ сердца страстью,  
Не заклеивать мечтою умъ!

Не правда ли, что очень-хорошіе стихи?... Но этины еще не оканчиваются разнообразіемъ литературныхъ подвизовъ г. Маркова: онъ еще сочинилъ трагедію *Александръ Македонскій*, которая, къ-сожалѣнію, не была напечатана, но, къ-счастью, была дана на Александринскомъ-Театрѣ. Въ этой драмѣ — все колоссально, особенно величественность. Лучшее всего въ ней — подробное описание *нашей и турецкаго барабана* во времена Александра-Македонскаго...

Изъ всего этого читатели сами легко могутъ усмотрѣть, до какой степени неоспоримы права г. Маркова на почетное мѣсто между стами русскими литераторами. Обращаемся къ *Пинни*, описанной г. Маркова, понавшей во Сто. Пламенный поручикъ влюбился въ молодую вдову, графиню Пинну. Убѣждая въ отпущекъ, онъ былъ же съ нею на короткой ногѣ и говорилъ ей «ты», но, какъ видно изъ разговора, состоявшаго еще въ глумномъ эвѣ платоническаго обожателя. Пинна была удивительно-хороша. Послушаемъ самого сочинителя:

«Пинна была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ волосы трещать отъ электричества и сыплютъ огонь; ей минуло двадцать-шесть лѣтъ и не казалось мѣтѣ; та была очень полна: но какая очаровательная полнота! — Строгая нравственность не могла видѣть графини въ балльномъ лѣтѣ: одного ея плеча было довольно, чтобы самые холодные глаза подернулись жагой удовольствія. Какъ же описать блестящія глаза Пинны? Сказать, что они были огненные, большіе, черные, блестящіе прѣкрасными рѣсницами, это значитъ ничего не сказать! Скорѣе можно было ихъ уподобить *бездонному омуту*, въ которомъ равно погибали и веселость забавнаго юности, и дѣятельность омутного мужа, и слабѣйшій разумокъ ста-

рика. Ни кисть, ни карандашъ не могли схватить ни одной черты съ правдываго лица Пинны: неудовольное, оно могло называться осуществленнымъ лексикономъ *всѣхъ душевныхъ ощущеній*. Розовыя губки графини раждали невольную идею о блаженствѣ поцалуй и заключали къ себѣ непонятную власть однимъ движениемъ *леденить и являть, жертвять и воскрисать* влюбленное сердце; ихъ выраженіе съ неистижимой быстротой и ясностью обличало всѣ оттенки гнѣва и милосердія, любви и презрѣнія, и часто въ одно мгновение превращалось изъ *доброй насмѣшки фурии* въ *престодушную улыбку ангела*. Знала Пинну, почти страшно было мечтать о прелести ея объятій: она дышала *многимъ арабійскаю неба*. Знала ли, наконецъ, сама эта всемогущая жрица любви нестерпаемое наслажденіе обоюдной страсти? — Нѣтъ! — И, можетъ быть, потому — нѣтъ, что не наша предмета, который бы не содѣлалъ въ ея жгучихъ объятіяхъ, который бы самъ дохнулъ бурей Везувія на эту клокочущую Этну» (стр. 468).

И вотъ отъ-того-то, что не нашлось предмета, «который бы самъ дохнулъ бурей Везувія на эту клокочущую Этну», эта «клокочущая Этна», въ отсутствіе пылающаго поручика, хочетъ выйдти за одного преглупаго, но богатаго помѣщика съ огромнымъ брюхомъ. Когда киващій поручикъ воротился изъ отпущка, Этна плясала на балу. Тогда Везувій послалъ дѣвщицу на кладбище, чтобы тотъ вырылъ ему могилу, а самъ отправился въ дождь клокочущей Этны и поддупилъ ея горничную, которая и помѣстила Везувій въ спальнѣ Этны, между стѣною и шкафомъ. Этна ворочилась домой, раздѣваясь, назвала Везувія мальчишкою (въ чемъ и не ошиблась) и легла спать. Тогда Везувій схватилъ Этну за руку, пронзая *робозвонъ* голосомъ: «вставай, недоступная прасавица, я пришелъ за тобою...» Страшно, читатели, не правда ли? Не беремси передать всѣхъ надутыхъ фразъ, всей гробовой чепухи, которую молотъ Везувій отбѣчаетъ: «На кладбище, живи!» «Ноя, на кладбище: тамъ я уже велѣтъ

приготовить намъ ванну широкую, прохладную... а шампоя со мною; вотъ онъ тутъ, ихъ не видно въ этихъ желѣзныхъ трубахъ, но онъ, право, тутъ!.. Поидемъ же въ мою роскошную ванну, засладимъ въ нее, примемъ сперва по одной штучкѣ изъ этихъ трубокъ, только по одной! и потомъ отдохнемъ въ ваннѣ... долго... долго... Бррр!.. Страшно!.. Но не бойтесь за Эяну: ее во-время вырвалъ изъ рукъ Везувія другъ его, ротмистръ; она скоро оправилась и вышла замужъ; а Везувій умеръ отъ воспаления въ мозгу, который у него давно уже былъ въ разстроенномъ положеніи: единственная причина, почему онъ, въ-продолженіи всей повѣсти, говорилъ книжными и надутыми фразами à la Марлинскій... Когда же онъ умеръ, на свѣтъ стало однимъ глупцомъ меньше—единственная отрадная мысль, которую читатель можетъ вывести изъ этой галлматіи!..

Портретъ покойнаго Ушакова былъ бы совершеннымъ сюрпризомъ для русской публики, еслибъ только онъ не опоздалъ пятнадцатью годами, и еслибъ приложенная къ нему повѣсть хоть сколько-нибудь могла объяснить своимъ достоинствомъ необходимостью и смысломъ неожиданнаго появленія съ того свѣта. Г. Ушаковъ приобрѣлъ себѣ извѣстность повѣстью въ двухъ томикахъ—*Кириизъ-Кайсакъ*, издавную, кажется, въ 1831 году; а до-тѣхъ-поръ онъ былъ извѣстенъ только въ литературномъ кругу своими статьями о театрѣ, исполненными грубой журнальной брани и плоскими остроуміями на южно-славянскомъ языкѣ. *Кириизъ-Кайсакъ* теперь нѣтъ никакой возможности перечестъ; новое происходитъ не столько отъ-того, чтобъ въ этомъ произведеніи вовсе не было таланта и хотя относительнаго достоинства, сколько отъ-того, что наша литература и вкусъ нашей публики съ-тѣхъ-поръ быстро подвинулись впередъ. Мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, что, до Гоголя, нашимъ романистамъ и новеллистамъ было легко

быть талантливыми, по крайней-мѣрѣ, въ тысячу разъ легче, нежели теперь. Но какъ бы то ни было, все же успѣтъ, разумѣется, неподготовленный и неподкупленный, всегда есть признакъ силы въ извѣстной степени, слѣдовательно, всегда—заслуга и право на вниманіе; а *Кириизъ-Кайсакъ* пользовался непродолжительнымъ, но тѣмъ-менѣе замѣчательнымъ успѣхомъ, такъ-что еслибъ вышло второе изданіе этой повѣсти съ портретомъ автора, портретъ былъ бы тамъ очень-кстати. Другія сочиненія г. Ушакова доказали, что у него достало дарованія только на одну эту повѣсть: послѣдовавшія за нею сочиненія были одно другаго безталаннѣе, одно другаго уродливѣе. Помѣщенная въ третьемъ томѣ *Сна Русскихъ Литераторовъ* повѣсть его *Хамово Отродье* (картина русскаго быта)—верѣ бездарности, дурнаго тона, скуки, вялости, растянутости и пустословія. Безугодно-воспитаннаго дворянчика обворовываетъ его лакей, котораго въ дѣтствѣ нещадно поролъ за шалости барина. Дворянчикъ промотался, и его имѣніе перешло въ руки его же холопа, который сзумѣлъ сдѣлаться чиновникомъ. Сынъ этого холопа, въ-причастный грѣхамъ отца и воспитанный гораздо лучше, нежели былъ воспитанъ баринъ его отца, во время вѣшества Наполеона переходитъ въ службу непріятеля, сражается противъ Русскихъ, и потомъ зло погибаетъ, какъ подобаетъ наивнику—погибаетъ не отъ превръщенія общественнаго, а отъ ранъ... И между-тѣмъ, онъ былъ по словамъ сочинителя, не золъ, и развратенъ, но пороченъ: вся бѣда вышла, во-первыхъ, отъ холопской ярости, во-вторыхъ, отъ-того, что строгое правосудію моральнаго сочинителя не обходимо было погубить сына изъ-за вѣшанія преступленія отца. Между-тѣмъ сынъ промотавшагося дворянчика выигралъ, въ Парижѣ, въ рулетку, болѣе полутораста тысячь франковъ, въ оправданіе мудраго правила, что до бродѣтель награждается, — даль сѣмъ владу больше никогда не играть!

ить добродѣтельнымъ; потомъ выку-  
илъ послѣдіе своихъ благородныхъ  
редкостей и важиль на славу. Все это  
изказано нескладно и растянуто;  
изказъ начинается съ лица Желы и  
чнется съ отступленіями; разеужде-  
іями, эпизодами, такъ-что самъ сочи-  
патель не разъ обращается къ своимъ  
пателямъ съ совѣтомъ — не читать  
ли скучно. По своему обыкновенію,  
къ не утерпѣлъ, чтобъ не оставить въ  
изказѣ плохаго диспута о класси-  
визмѣ и романтизмѣ, о которыхъ онъ  
лопоталъ во все время своего сочи-  
нства, не понимая ихъ...

По позволѣнн духъ перевести! Мы  
рошли черезъ восемь песчаныхъ сте-  
ей, на которыхъ ни деревца, ни бы-  
янки, ни капельки росы... Есть отъ  
его устать!.. Чтобъ вознаграждать насъ  
за то, г. Смирдинъ даромъ даетъ, или,  
ише сказать, придаетъ намъ статью  
оего исключительнаго автора, барона  
рамбеуса. Въ-самомъ-дѣлѣ, имя баро-  
Брамбеуса неразлучно съ именемъ

Смирдина; оба они подвизались въ  
дно время, и въ одно же время оба  
терпѣли разстройство — одинъ въ сво-  
къ финансовыхъ обстоятельствахъ,  
ругой — со стороны своего таланта и  
оей авторской знаменитости... Увы!  
ронъ и въ-самомъ-дѣлѣ уже не тотъ,  
о былъ, можетъ-быть, отъ-того, что  
перъ не та уже стала русская публи-  
... Оно, если угодно, все еще потѣш-  
), но ужъ мѣстами только, а въ об-  
емъ скучно и плоско. Повѣсть назы-  
ется *Микерія Нильская-Лилія* (пере-  
дъ древняго египетскаго папируса,  
иденнаго на груди одной муміи въ  
искихъ катакомбахъ). Содержаніе ея  
нѣвѣстный египетскій анекдотъ о  
нѣ архитектора, который обокралъ  
кровищницу Фараона, выручилъ  
укъ своего брата, обманулъ дочь ца-  
и потомъ, за свои мошенничества,  
шился на ней. Мимоходомъ налагаютъ  
египетская мудрость, танцующая у  
рона Брамбеуса польку. Въ августов-  
ой книжкѣ *Библиотеки для Читенія*  
тъ чтѣ, между-прочимъ, сказано о  
агѣ барона: «Теперь вопросъ состо-

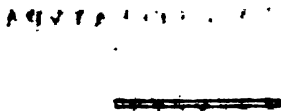
ить въ томъ, какіи мудрымъ читате-  
лямъ понравится эта метода превра-  
щать въ шутки самыя темныя задачи  
древней космогоніи, самыя спорныя  
статьи таинственной науки жрецовъ о  
бытіяхъ (entia) и числахъ». Мы дума-  
емъ, что эта шутковская метода не по-  
правится мудрымъ читателямъ. Наука  
съ погремужкою въ рукѣ и шутковскимъ  
козлакомъ на головѣ — не наука, а гѣ-  
ерство. Всему естъ свое мѣсто и свое  
время: на базѣ веселятся и пляшутъ,  
на похоронкахъ плачутъ, или хранятъ  
важное молчаніе; пережѣвите на обо-  
ротъ — и выйдетъ отвратительно. Кто  
надѣленъ даромъ остроумія, тотъ мо-  
жетъ найти широкій разгулъ своему  
таланту и не ваясничая во храмѣ на-  
уки. Далѣе, въ *Библиотеки для Читенія*  
сказано: «Въ главахъ нѣкоторыхъ важ-  
ныхъ мужей, почитающихся скуку бра-  
ноцилннѣйшими достояніемъ учености,  
это можетъ составить ужасное престу-  
пленіе; но барона Брамбеуса давно  
уже обвиняютъ въ томъ, что охотникъ  
сочинять шутку: такъ ужъ одинъ лиш-  
ннй грѣхъ — для него не въ счетъ».  
Плохое оправданіе! Кто хочетъ знать,  
для того наука не скучна и безъ фиг-  
лярства, и онъ требуетъ только, чтобъ  
ея предметы излагались сколько-мож-  
но-яснѣе; для кого же наука скучна  
безъ пляски въ присядку, тотъ не до-  
стоинъ знать чтѣ-нибудь... Впрочемъ,  
потѣшная сказка барона Брамбеуса  
мѣстами дѣйствительно потѣшна, а по-  
слѣ неграбненныхъ и невѣроятныхъ  
произведеній гг. Бенедиктова, Греча,  
Мятлева, Хмельницкаго, Ободовскаго,  
Бѣгичева, Маркова, Ушакова, она не-  
редлиствывается не безъ удовольствія,  
особенно съ пропусками. Рисунки явно  
сочинены барономъ, хотя въ нихъ и  
сохраненъ типъ и стиль египетскихъ  
іероглифовъ.

Итакъ, вотъ мы пересмотрѣли два  
первые тома и внимательно рассмотрѣ-  
ли третій томъ *Ста Русскихъ Литера-  
торовъ*: чтѣ же нашли мы въ нихъ? —  
Въ первомъ томѣ два портрета совер-  
шенно-лишніе и неумѣстные (гг. Зо-  
това и Свинына); при двухъ портре-

тахъ (г. Александра и Марлинскаго) плохія статьи. Во вторыхъ: три портрета (гг. Каменскаго, Веревкина и Масальскаго) совершенно лишніе и неумѣстные; четыре портрета (гг. Булгарина, Загоскина, Панаева, Шитцова) запаздалье, а, за исключеніемъ Крылова, девять портретовъ съ плохими статьями. Въ третьихъ: четыре портрета (гг. Ободовскаго, Мятлева, Бѣгичева и Маркова) лишніе и неумѣстные; три портрета (гг. Греча, Хмельницкаго и Ушакова) запаздалье; при восьми портретахъ плохія статьи. Итого: изъ тридцати портретовъ, *десять* лишнихъ и неумѣстныхъ, *восемь* запаздальихъ; изъ тридцати слишкомъ статей, *двадцать* плохихъ (считая за одну

статью пять стихотвореній г. Бенедиктова, и за одну же статью *десять* стихотвореній г. Мятлева). Хорошій итогъ!.. Жалуйтесь послѣ этого на холодность и равнодушіе русской публики къ поддержанію цвѣтущаго состоянія русской литературы! Объясняйте, отъ-чего пала наша книжная торговля!

Еслибъ еще г. Смирдинъ въ своемъ *Сте Русскихъ Литераторовъ* и издалъ галерею русской литературы, — во-крайней-мѣрѣ, въ его изданіи не было бы запаздальихъ портретовъ! Но это изданіе предпринято безъ всякаго соображенія: отъ-того его успѣхъ ижется довольно сомнительнымъ...



## VI.

# БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

## РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АВГУСТЪ.

270) Библиотека Романовъ, *Поместей, Путешествій и Записокъ*, издаваемая Н. Н. Улитнымъ. Выпускъ четвертый. Томъ четвертый. Софія, послѣдняя изъ Княженъ Слуцкихъ, историческая повесть изъ времени царствованія короля Сизмунда II. Сочиненіе Юзефины О<sup>ва</sup>, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ польскаго А. Л...ва. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ-12 д. л. Въ I-и 141, во II-и 142 стр.

Содержаніе этого романа отличается большими невѣроятностями. Героиня его, Софія, любить сама не знаетъ ко. и только тогда узнаетъ свою любовь, когда уже нѣтъ никакой возможности ее поправить. Молодого вѣренника, который ищетъ ей руки для удовлетворенія своей гордости и сребролюбія, она принимаетъ за настоящаго поклонника своихъ прелестей

душевныхъ и тѣлесныхъ, въ котораго она влюбилась въ одну изъ своихъ романтическихъ прогулокъ на берегу Днѣпра съ подругою, между-тѣмъ, какъ этотъ рыцарь невнимости и престолюбивой вѣрности скрывается отъ нея въ одеждѣ пилигрима, и въ припадкѣ непонятнаго величюдушнаго отчаянія вызывается отъ ея сердца въ пользу своего соворника, повѣривъ ему на-слово, что она любитъ его одного и никого больше не любитъ. Въ числѣ претендентовъ на особу Софій названъ Богъ - знаетъ какъ и Ижедмитрій, который, впрочемъ, въ этой исторіи проскользываетъ какъ тѣнь, и, вѣроятно, спохватившись, что ему нѣчего тутъ дѣлать и глупо было бы вмешиваться не въ свое дѣло, тотчасъ же пропадаетъ, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда. Страшныя пожеланія своихъ въ этомъ рома-



въ, онъ, конечно, обязанъ Адаму Вишневскому, который былъ родственникомъ Софїи, и у котораго онъ въ это время, по стечению обстоятельствъ, находился въ службѣ. Однажды его едва было не прибили слуги другого дома за какое-то съ его стороны хвостовство: должно быть онъ рассказывалъ имъ, какъ онъ сдѣлается царемъ на Руси. Всю интригу ведетъ иезуитъ Иннокентій, который перепутываетъ дѣло до такой степени, что, наконецъ, самъ попадаетъ въ эту путаницу и уже никакъ не можетъ нѣтъ нея выйдти. Его осуждаютъ на смерть, и такимъ-образомъ онъ получаетъ достойную мзду за то, что не спросясь броду, сунулся въ воду. Къ-чему здѣсь выведенъ на сцену Сигизмундъ — это загадка, которую невозможно разрѣшить изъ хода самаго романа. Еслибъ его не было, содержаніе романа такъ же осталось бы пусто и безъжизненно, какъ и при немъ. Слѣдовательно, его лицо необходимо только для того, чтобъ оправдать заглавіе романа или повѣсти, въ которомъ она значится подъ именемъ исторической. Эта повѣсть оканчивается благополучно: Софїя съ горя и досады, что такъ жестоко и глухо обманулась въ своихъ расчетахъ, дѣлается больною, и черезъ два года болѣзни умираетъ, нѣтъ послѣднее утѣшеніе на этомъ свѣтѣ видѣть при концѣ своей жизни своего вѣрнаго рыцаря, который подъ видомъ дуковника приходитъ въ ея комнату, и запечатлѣваетъ на ея охлажденныя губахъ прощальный поцалуй, въ залогъ ихъ будущаго соединенія. Мы невелили только главныя нѣдромы, не касаясь множества другихъ, эпизодическихъ, отъ которыхъ небаваемъ читателей изъ уваженія къ ихъ долготерпѣнью и изъ состраданія къ «Последней изъ Княженъ Слудскихъ».

Ж(1) Извѣстныя мѣста изъ повѣсти: Владимиръ Великій, соч. Станислуса; и Фритіофъ-Сага, соч. Тегвѣра. Сочиненіе Н. Степанова. М.

ска. Вѣ тип. Н. Степанова. 1845. Вѣ 8-ю д. л. 64 стр.

Съ однимъ изъ главныхъ представителей шведской литературы русская читающая публика, кажется, уже довольно-хорошо знакома. Мы говоримъ о Тегвѣрѣ. Еще въ 1836 году, въ журналѣ «Телескопъ», напечатанъ былъ отрывокъ изъ его превосходной поэмы «Фритіофъ-Сага» — заключающей въ себѣ *Прощаніе* съ Ингеборгъ Фритіофа и его *Счастіе*. Потомъ вошла на русскомъ отдѣльномъ книжкомъ полная его поэма «Фритіофъ», переведенная г. Гротомъ. Теперь нѣкоторые мѣста изъ этого замѣчательнаго произведенія поэтическаго таланта Тегвѣра снова являются въ русскомъ переводѣ. Г. И. П—ій какъ-нибудь лучше выполнилъ свое дѣло, насколько не уронивъ, по наружной отдѣлкѣ, достоинства подлинника, которое признано всѣми, и о которомъ, по этой самой причинѣ, мы не будемъ слишкомъ много распространяться. Довольно сказать, что въ поэмѣ Тегвѣра отражена вся суровая, мрачная природа древней Скандинавіи, — эта природа, которая въ самой суровости своей величественна и прекрасна. Посмотрите, съ какою удивительною вѣрностью изображенъ въ ней гордый, непреклонный и перелѣ чью волю, презирающій иніеніе цѣлаго народа, и въ то же время покорный голосу любви, благоговѣщій передъ одною красотою характера этихъ сѣверныхъ витязей, которые вѣкогда своими страшными набѣгами наводили ужасъ на Европу. А эта улыбка, спокойная, послушная своей судьбѣ, и вѣсть сильная, глубокая любовь дѣвъ, которая только можетъ обитать подъ вѣчно-туманнымъ небомъ Скандинавіи, — эта любовь сердца, растворенная разумомъ, провинутая сознаниемъ своего долга, постигающая свои отношенія къ другимъ существамъ, поставляющая ихъ спокойствіе и счастье выше собственнаго блага, и потому въ мало непохожая на любовь южныхъ красавицъ, любовь эгоистическую ищущую единственно собственнаго

наслажденій и историческую значимость пренятій къ достиженію своей цѣли, — во всей полнотѣ своей выразилась въ лицѣ героини поэмы. Она чиста, какъ священный огонь, возженный въ честь божества, далека отъ всякой преступной мысли, и потому не боится вопль дыханіемъ оскорбить святыню храма, который, подобно всякому другому мѣсту, можетъ служить для нея убежищемъ. Фритіофъ, герой поэмы, явится съ своею возлюбленною Ингеборгъ въ храмъ Бальдера, божества, покровительствующаго дѣвамъ, въ который она заключена для безопасности, и въ который ни одна женщина не смѣетъ входить; и не смотря на то ни оба не мыслятъ своихъ свиданій виноватыми, противными вождѣмъ, законопреступными. Здѣсь Фритіофъ даетъ обѣтъ Ингеборгъ — венчаться, на открытои вѣчѣ протѣ у царствующаго короля Гельга, брата ея, подъ паворомъ котораго она спивывалась, руки сестры его. Онъ явится на вѣче, предлагаетъ Гельгу свою руку въ защиту отечества отъ нелицеприятныхъ намереній сосѣдняго короля, стараго Ринга, который, будучи оскорбленъ отказомъ Гельга на свое предложеніе выдать за него Ингеборгъ, являетъ ему войну. Но Гельгъ отказывается презрѣніемъ на слова Фритіофа. «Сынъ крестьянина», говоритъ онъ, могъ бы отдать еще Ингеборгъ; но тотчасъ не должно имѣть за собою пера Валгаллы. Не нарушилъ ли ты, Фритіофъ, спокойствія Бальдера? Не далъ ли ты съ моею сестрою въ его мѣ? День не сокрылся ли отъ нашего свиданія? Да, или нѣтъ?» Фритіофъ отвергаетъ того, что онъ видѣлся Ингеборгъ въ святилищѣ Бальдера не хочетъ обвинять купить право на руку, хотя народъ требуетъ отъ него только одного слова, чтобъ онъ далъ только одно слово — и Ингеборгъ да бы его. — «Счастіе жизни моей. Лучше оръ, вѣдѣние отъ одного изъ насъ. Не бойся, Гельгъ! я не хочу отъ несправедливости достигнуть блаженства Валгаллы; ни блажен-

ства земнаго. Такъ, я видѣлъ сестру твою, я говорилъ съ нею ночью въ храмѣ. Но оскорбилъ ли я тѣмъ святыню Бальдера?» — Едва онъ произнесъ эти слова, суровый народъ съ ужасомъ отстудаетъ отъ него. Гельгъ, который ненавидитъ Фритіофа, торжественно говоритъ: «Позакову предковъ нашихъ», говоритъ онъ «я долженъ бы определить тебѣ ссылку или смерть; но я хочу быть кроткимъ, подобно Бальдеру; коего храмъ осквернилъ ты.» Онъ посылаетъ Фритіофа къ владѣтелю острововъ Западнаго-Моря, Яру Агартору, за данью, которую тотъ не платилъ за смерти Билы. Фритіофъ долженъ непременно исполнить возложенное на него дѣло, иначе онъ будетъ объявленъ преступникомъ, и каждый лезъ его соотечественниковъ будетъ имѣть право убить его. Онъ рѣшается во что бы то ни стало совершить съ жестію этотъ подвигъ. Но какъ расстаться съ своею возлюбленною? какъ оставить ее судьбу на произволъ суроваго брата? Фритіофъ предлагаетъ Ингеборгъ следовать за нимъ. Ингеборгъ отказывается отъ этого предложенія. Она говоритъ, что невозможно этого сдѣлать. Фритіофъ описываетъ ей радужными красками своего страстнаго воображенія предстѣ будущаго страдѣ, куда онъ намѣренъ удалиться съ нею, и какъ они обрѣтутъ счастье, котораго не можетъ дать имъ ихъ отечество. Вдохновенный своею любовью, которая дороже для него цѣлаго міра, такъ восклицаетъ Фритіофъ:

«Что мнѣ Сѣверъ? что мнѣ ниродъ, который содрогается и блѣднѣетъ при одномъ словѣ жрецовъ своихъ, который жаждетъ свѣтать нечистыми руками святилищѣ моего сердца, нѣтъ бытія моего? Клянусь самою Фреею, онъ не успеетъ въ томъ. Однажды презрѣнный раба прикрадетъ къ границѣ той земли, на которой родился онъ; а я — я хочу быть суровымъ, какъ дѣтеръ горы! Горсть земли съ могильнаго холма огня моего и кургана Билы можетъ помѣститься на палубѣ; вотъ все, что намъ дорого въ нашей родинѣ! — Любовь Ингеборгъ! есть»

другое солнце, кромѣ того, которое блещетъ надъ сѣвными горами Швеціи; есть небо прекраснѣе здѣшняго; есть другія звѣзды, взирающія въ священномъ жерціахъ на вѣрную чету въ лазурныхъ росахъ, при сумракѣ благоговѣйной дѣтской ночи. — Торстенъ Вилхельмъ, отецъ мой, страствовалъ далеко. Часто, при блескѣ огня, пылающаго на очагѣ въ долги осенніе вечера, онъ мнѣ рассказывалъ о моряхъ Греціи, объ островахъ и росахъ, зелениющихся на кристалльной поверхности моря. Тамъ нѣкогда обиталъ народъ могущественный; великіе боги его жили въ мраморныхъ храмахъ. Теперь храмы сіи оставлены; пустынная дорога къ нимъ заросла травою — и мостъ поросъ на чертахъ, внимающихъ о мудрости временъ протекшихъ; тамъ зеленыютъ тонкія лалымы, обвитыя лозами роскошнаго юга; тамъ земля сама приноситъ смертному все необходимое; тамъ межъ листовъ рѣзютъ золотыя яблоки, на каждой вѣтви виситъ румяный виноградъ, и зрѣетъ роскошно какъ уста твои. Тамъ, Ингеборгъ, на волнахъ, мы составили свой сѣверъ, прекраснѣе здѣшняго; вѣрною любовію веселили опустѣлыя своды храмовъ и земнымъ счастьемъ восхитили забытыхъ боговъ! Мореходецъ, съ покойнымъ парусами, ибо буря не бываетъ тамъ, пролетаетъ мимо нашего острова, весело посмотритъ съ румяныхъ волнъ на зеленѣющую берегъ — и на прагѣ храма увидитъ поую Фрею. Она станетъ пѣвнѣе золотыя ея локоны, развѣивающіеся вѣтромъ; станетъ удивляться голубымъ очамъ ея, асмымъ, какъ южное небо.

Но этотъ страстный языкъ гордаго юноши, создающаго въ очарованіи своей любви несбыточныя мечты, рѣшающагося оставить свою родину, къ которой сердце его привязано самыми дѣтскими, неразрывными узами, — потому только, что суровые законы ея ставятъ преграду его наслажденіямъ, не увлекаетъ любовію нѣ женщины до такой степени, чтобъ она нарушила долгъ свой. Ингеборгъ понимаетъ, чѣмъ она обязана брату, который поступилъ для нея мѣсто отца, который съ самаго младенчества окружилъ ее всѣми заботами и ласками, и за эти попеченія она не заплатитъ ему благодарностію. Она увѣрена, что

самъ Фритіофъ будетъ меньше любить и уважать ее, когда пройдутъ пылыя ея желанія, и онъ достигнетъ цѣли своихъ пламенныхъ стремленій; если она поддается лживому очарованію, и прихотіи сердца пожертвуетъ своимъ душевнымъ спокойствіемъ. «Дочь Вилхельма» говоритъ она — не хочешь своего счастья, какъ бы оно отъ нея было. Но ни было. Что стало бы съ женщиной, когда бы она расторгла узы, которыми самъ Всемогущій связалъ свое существо ея съ сильными? Она уподобилась бы блѣдой ливіи, растущей въ водѣ: волна поднимаетъ и волна опускаетъ ее; плаватель пролетается по ней на ладѣ своей и не принимаетъ, что подорвалъ стволъ ливіи, — такова ея участь; но полая углубленъ еще корень на днѣ пучины, догѣхъ поръ и ливія наслаждается своею жизнью. Она занимаетъ блѣднѣе цѣтъ своей у родныхъ вѣтъ и вѣтъ; она сама подобна имъ — сама завѣда на синемъ пучинѣ; но ливія отторгнута она отъ своего основанія, и понесется, какъ иссохнувшій листъ по пустынному морю. Но пламенный Фритіофъ, увлеченный своимъ страстію, не внемлетъ голосу здраваго разсудка, и раздраженный шумными уперствомъ Ингеборгъ, холодно предъается съ тою, которая дорожитъ своею и счастьемъ своего возлюбленнаго еще больше, нежели своимъ собственнымъ. Пораженная отъ холода своего единственнаго друга, съ которой душа ея сроднилась съ дѣтскими дѣтъ, Ингеборгъ возмущаетъ свою жалобу въ сажающихъ мелодическихъ звукахъ:

«О Фритіофъ! Фритіофъ! Ты разстанешься мнѣ? Ужели не бросишь ты одного вѣжнаго взгляда на колѣно своего дѣтства? Ужели не прострѣши руки къ несчастной, которую любилъ ты когда? Или ты думаешь, что я, ея розахъ, съ улыбочкою отторгну отъ счастья жизни своей. Если сестра моя рыдаю изъ сердца надъ тою, кто росла вѣтъ съ блѣдыми конями? Или ли была утреннимъ своимъ моего сердца»

ждала радость, которую ощущала и выдалась Фриттиофомъ. Все, что есть жизни высокаго, благороднаго, глядя очамъ моимъ въ образъ Фриттиофа. ошедшую ночь я думала о судьбѣ сей: — и рѣшилась остаться померному ртвомъ при алтарѣ моего брата. — Становя я, что не слышала отъ тебя прежде острова, воображаемые тобою мѣ, на моряхъ южныхъ, гдѣ вечерняя я горитъ надъ пѣстами сложействъ и бѣм. Сновидѣнія моего дѣтства, давно пушии въ душѣ моей, снова пробуждуются. Онѣ шепчутъ мнѣ голосомъ, мѣ же знакомымъ, какъ голосъ сестры, мѣ же нѣжнымъ, какъ шопотъ люлиника. Я частъ не слушаю, мнѣ же, оболытывиные голоса, нѣтъ, не слушаю! Что лось бы со мною, дочерью Сѣвера на гѣ? Я блѣдна для розъ его; мое чувствѣ слишкомъ слабо для его вылающаго я, оно сожигалось бы лучемъ жаркаго инца, — и я съ пламеннымъ желаніемъ гда обращала бы взоры свои къ звѣздѣ вера, которая, подобно небесному стра, рѣчно стоитъ надъ могилкою отцовъ шихъ. Нѣтъ, мой Фриттиофъ не убѣтъ мѣ своей отчаяны, для защиты герой отъ ралися; но пожертвуетъ мѣ славою мичтожной любви женщины. Блжно одлообразная жизнь, въ кото- і солнце прядетъ годы, уподобля мѣ день другому, прекрасна — только і женщины; но для души мужа, для пи твоей, безбурная жизнь утомитель- Тебѣ пріятнѣе, когда буря на пѣни- нъ моѣй своею бушуетъ надъ лучи- ), — и ты стремишься къ опасности, мѣшь на славу бороться на жизнь и ртъ, несешь на дреотнымъ волнамъ на онъ обломкѣ корабля своего. Прекра- я пустыня, рисуемая твоимъ вообра- онемъ, сдѣлалась бы могилкою для ихъ подвиговъ, еще не зарожденныхъ, мѣтъ съ штомъ твоимъ жаркало свободное чувство души твоей. Нѣтъ, ну не бытъ! Нѣтъ я не покину имени го Фриттиофа въ пѣсней Скальдовъ, мнѣ рату славы героя моего еще въ у- нѣй зарѣ ея!...

Фриттиофъ, побѣжденный этою нѣж- жалобою подружъ своего сердца, смѣтъ у нея прощенья въ своемъ нѣтъ, или лучше сказать: въ своей мнѣ; призывающей на себя образъ я. Онъ отказывается отъ своего

нашрѣнія похитить съ собою Инге- боргъ, и уѣзжаетъ, давъ слово испол- нить возложенный на него подвигъ, и потому уже требовать руки Ингеборгъ не отъ Гельга, но отъ самого народа сѣвера. Ингеборгъ остается одна, съ своею грустію, и съ отчаяніемъ въ ду- шѣ, угрѣбная напередъ, что братъ ея скорѣе откажется отъ короны, по- жертвуетъ своею жизнью, привесетъ ее въ жертву Одину, или старому Ри- гу, съ которымъ враждуетъ, неже- ли когда-нибудь отасть Фриттиофу ру- ку сестры своей. *Сказаніе Ингеборги* проишинуто тою же кроткою, нѣжною грустію, которая такъ свойственна ду- шѣ томной дѣвы сѣвера. Вообще, вся поэма носитъ на себѣ какой-то умь- лый, но въ то же время величавый, торжественный оттѣнокъ.

Просимъ извиненіе у нашихъ чита- телей въ тѣхъ выпискахъ, которыя мы привели изъ поэмы Тегнера, и кото- рыя, можетъ-быть, покажутся довольно- длинными. Мы такъ увлеклись этимъ прекраснымъ произведеніемъ творче- ской фантазіи шведскаго поэта, что рѣшились ульзнить это наслажденіе и другимъ. За это постараемся быть краткими въ своемъ отзывѣ о другомъ отрывкѣ, переведенномъ г. Ш-мъ изъ поэмы Стасмеліуса «Владимиръ». Эта поэма, хотя представляется также съ своей стороны многою красотою, далеко уступаетъ въ достоинствѣ творенію Тегнера. Содержаніемъ для нея слу- жить обращеніе Владимира-Великаго, русскаго князя, въ христіанскую вѣ- ру. Въ то время, когда онъ, распо- жившись станомъ предъ стѣнами Тео- досіи, въ своемъ шатрѣ смотрѣлъ на голубое небо, исполненный какого-то тайнаго предчувствія, на свѣтлоалыхъ облакахъ спустилась юность незем- ная, и возила прызвную пѣсню, приглашая Владимира принять крестъ спасенія и приобщиться къ сонму свя- тыхъ. Это—аллегорическое изображе- ніе благодати, озарившей языческое сердце Владимира свѣтомъ христіан- ской истины. Въ слѣдъ за видѣніемъ ему является великая княгиня Оль-

ва, 'ега предшествовавши на пути преобразования Руси, и своим призывом старается склонить его на сторону православия. Она обращает ему въ живых красках превосходство своего новаго состоянія предъ тѣмъ, когда она негражданин была во мракѣ неведѣнія негражданина Бога. Нельзя не замѣтить, что религиозная настроенность автора, отражающаяся въ самомъ его произведеніи, сообщаетъ этому произведенію занимательность и интересъ; тѣмъ не менѣе должно признаться, что это одностороннее разсужденіе, эта продолжительная аллегорія производятъ на душу читателя довольно-утомительное впечатлѣніе, отъ котораго не спасаетъ даже самая звучность и изобразительность стиха. Г. Ш-й передалъ и этотъ отрывокъ на русскій языкъ отчетливо, ясно, если исключить немногія темныя и неточныя выраженія, которыя, можетъ-быть, противъ его воли вкрались въ переводъ.

Г. Ш-й началъ свой трудъ красивымъ оборотомъ шведской литературы; которое онъ перевелъ изъ «*Revue de Paris*» и заключилъ его собственнымъ оригинальнымъ сочиненіемъ, которое онъ назвалъ романсомъ, подражаніемъ Тегнеру; и по случаю котораго можно сказать; что г. Ш-й переводитъ гораздо-лучше; нежели сочиняетъ.

272) Зюлейка, повесть въ стихахъ. Сочиненіе Варвары Лизо. б. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 28 стр.

Мы не такъ поступили бы на мѣстѣ сочинительницы, которая; кажется, является съ первымъ еще опытомъ пера своего. Имѣя охоту писать и печатать, мы постарались бы не увлечься ни «Бахчисарайскимъ Фонтаномъ»; ни «Абидосской Невѣстой» — потому что для нихъ было свое время; и занимать-ся султанами и султаншами теперь значить жить прошедшимъ, — во въ кругу своей жизни, около себя, въ томъ же царствѣ; и, можетъ-быть, въ

томъ же городѣ помечали бы: прошедшій, достойныхъ прови или отяго. Выборъ сюжета важнѣе, чѣмъ, можетъ-быть; сочинительница думаетъ: во всемъ узнается не только направленіе авторскихъ мыслей, но и сфера умственной дѣятельности автора, его образованности, его почитанности, его сочувствія современному. Зюлейка, Гюльмары; Заремы... блаженствовали въ двадцатилѣтнихъ годахъ текущаго столѣтія, за двадцать лѣтъ до нынѣшняго года. А теперь, въ 1845 г. отъ Р. Х., чѣмъ намъ Зюлейка, или ны Зюлейка? каковъ дѣло намъ до гарема и свиховъ? по какому случаю будемъ принимать мы участіе въ судьбѣ ханскихъ вложницъ? Не-уже-ли намъ не стыдно задыхать по какой-нибудь затворницѣ серала, когда есть у насъ ближайшіе ближніе, интереснѣйшіе интересы, въ которыхъ найдете себѣ богатые матеріалы всякая охота писать и печатать, даже охота пуще неволи? Конечно имѣя Зюлейки граціознѣе какой-нибудь грѣшной рабы Марьи, или смирлики рабы Агаевы, но за то Марья вѣдомъ живуть съ нами или около насъ, страдаютъ не меньше гаремскихъ неволицъ; хотя соблюденіи законности тамъ брана, и развязка нѣтъ судьбы въ сто разъ печальнѣе и въ тысячу разъ естественнѣе судьбы Гонорин; которая, по-крайней-мѣрѣ, имѣла счастье лежать въ объятіяхъ Эмина, своего перваго любовника. Пламенное изображеніе, идеальная настроенность возмещаетъ насъ безъ нужды за тридцать или въ тридцатое царство; тогда-никъ мы мо нашихъ оконъ, незамѣтно для насъ разбѣжныхъ и устремленныхъ въ ту самую даль, проходить наши братья съ поинкшею головой и убитыхъ сердцемъ. Опустите долу ваши взоры, вторые безъ нужды блуждаютъ въ бесконечномъ пространствѣ...

Потомъ, избравъ предметъ естественный; современный и достойный сочувствія нашего, старайтесь достойно изобразить его. Мы сочувствовали бы сочинительницѣ оставить на время стихи и писать прозой. Стихи требуютъ бы

нито-завета и баллиаде языка. За братьевъ изложенія разказа предлагаю пять лучшихъ напечатанныхъ женщинъ - писательницъ: г-жу Ганъ или г-жу Жукову.

273) **АНГЛИЙСКАЯ ИНДИЯ ВЪ 1843 ГОДУ.** Сочиненіе графа Эдуарда Варена, служившаго офицеромъ королевско-индійской арміи въ Индіи. Мадрасское Губернаторство. Часть первая. Изданъ Флаторъ Голубовъ. Москва. В книж. С. Селивановскаго. 1845. Въ 12-ю л. 475 стр.

Читатели «Отечественныхъ Записокъ» недавно нѣмъ случай хорошо ознакомиться съ сочиненіемъ Э. Варена «Англійская Индія», въ трехъ обширныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 1-й, 3-й и 4-й нумерахъ нашего журнала въ нынѣшнемъ году (\*) и содержащихъ въ себѣ эту книгу съ присовѣщеніемъ къ ней свѣдѣній, взятыхъ или изъ другихъ источниковъ. Первая часть издана теперь отдѣльно въ новой переводѣ; и вѣроятно за нею будутъ изданы и остальные три части. Изданная нынѣ отдѣльно первая часть «Англійской Индіи» отличается отъ нынѣшнихъ статей тѣмъ только, что въ ней авторъ смотритъ на свой предметъ съ патристической точки, глазами Француза, любящаго свое отечество, помнящаго, какъ важно было бы для Франціи пріобрѣтеніе этой страны. При всемъ томъ ему нельзя отказать въ безпристрастїи, съ которымъ онъ судитъ о дѣйствіяхъ англійскаго правительства въ Индіи. Впрочемъ, въ первой части своего сочиненія, которая теперь вышла въ свѣтъ, авторъ говоритъ больше о семейномъ и общественномъ бытѣ туземцевъ и Англичанъ, и рѣдко пускается въ разсужденія о ихъ политическомъ устройствѣ, предоставляя себѣ изложить свои мысли касательно этого предмета съ большею подробностію въ слѣдую-

щую отдѣленіи своей книги. Разсужденія автора отличаются всю легкостью и ослѣдствіемъ, которыми такъ отличены Французы. Переводъ весьма-удовлетворителенъ.

274) **ЗАПИСКИ О ПРИРОДѢ, ЧЕЛОВѣКѢ И ОБЩЕСТВѢ.** П. Ювонаго. Мемюа. Въ университетской типографіи 1845. Въ 12-ю л. л. 169 стр.

Странную книгу составилъ г. П. Ювонъ о природѣ, человѣкѣ и обществѣ; онъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія естественныя и антропологическія съ тою цѣлію, чтобы не только убѣдять читателей въ премудрости и благодати Божіей, но и доказать бытіе Бога... Какая странная нѣмъ манера заискала мысль! Въ 1763 отъ сотворенія міра прошело до насъ восемь-неизвѣстныхъ истинъ значить терять перетертое, не-лететь даянъ-смолоное. Сказъ авторъ со-знаеть, что «глупое безбожіе—беземъ-сленный и суеный остатокъ нутос-ленна протѣвданаго вѣра—сонъ ирмашъ пріиная невѣжества и необразованности, или старательнаго тщесловія и наваго протѣвданаго самому себѣ» (стр. 99) «содѣтъ ян же, послѣ этого, восвать съ безбожіемъ; всегда глумъ нымъ?» Но въ книгѣ г. Ювонаго есть и новая мысль, состоящая въ томъ; что: идея цивилизаціи противна хри-стіанству, что она не только вредитъ истинному благосостоянію частныи людей и общества въ Европѣ, но рас-пространяеть это и за предѣлами оной». Поздравляемъ его съ отаратіе-скъ и желаемъ ему счастливаго пути къ диварству, ново-завладѣству и зарѣ-нбству.

275) **ФРАНЦУЗСКАЯ МЕДИЦИНА.** Разсужденіи о дѣтскомъ умаротѣ на чловѣчествѣ тѣло, и біографія профес-сора Юстана Адриковскаго, поданная Ковшомъ Лебоденскимъ. Москва. Въ уни-верситетской тип. 1845. Въ 8-ю л. л. 142 стр.

(\*) О. З. 1845, томъ XXXVIII и XXXIX, кн. 1.

Несъ biografien Дядковского узнали одно чрезвычайно-рѣдкое явление въ жизни человѣческой. На восьмилѣтнемъ году жизни, бѣгая въ саду поскри учения, онъ былъ поваленъ матерью объдать и, на бѣгу, не достигнувъ дома, вскричалъ необыкновеннымъ голосомъ и упалъ на землю. Мать на крикъ тотчасъ выбѣжала въ садъ и нашла сына лежащаго безъ чувствъ. Помеченіемъ матери онъ былъ приведенъ къ себѣ и на вопросъ: отъ чего такъ вскричалъ и упалъ, онъ описывалъ, что когда бѣжалъ, ему на встрѣчу показался *другой онъ*. Эта вѣсть была весьма-горестна для родителей, которые въ простотѣ сердца повѣрили, что сынъ ихъ долженъ скоро умереть. Съ этого времени *двойникъ Дядковского* началъ являться весьма-часто и болѣею частью когда онъ сидѣлъ за учениемъ. Мальчикъ Дядковский мало-по-малу привылъ къ своему двойнику и, наконецъ сталъ пристально, на каждый разъ въ него всматриваться и находить его всегда точно въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ самъ; двойникъ подвергался по времени тѣмъ же порокѣдкамъ, какія подвергался его первообязъ. Съ двадцатилѣтнемъ возрастомъ, двойникъ началъ являться рѣже и рѣже, и въ послѣдній разъ Дядковский видѣлъ своего двойника въ 1826 году, когда онъ стоялъ на правой сторонѣ гололея обидѣвъ, величаво въ желтизнахъ, кружилъ, обращивши на себя вниманіе Дядковского, который действительно увидѣлъ на гололѣ обидѣ кружилъ, до того времени и въ незабвенный. Объ этомъ видѣніи Дядковский много разъ рассказывалъ въ беседахъ съ своими знакомыми и объяснялъ даже изложить собственными словами о происхожденіи и значеніи двойниковъ. — Извѣстие это глѣе любознательно, что двойника своего видѣлъ докторъ — одинъ изъ тѣхъ людей, которые, имѣя безпрерывныя сношенія съ грубыми материалистами, не хотятъ вѣрять въ то, чего имъ не приходилось видѣть собственными глазами, или раскусить собственными у-

бани. Служители и цѣлители грубѣйшаго материализма, они объявляютъ, что рѣдкое, чрезвычайно-мелкое-малышеское-сверхъестественное есть не то, что рѣдко происходитъ, но иногда то, что имъ рѣдко видѣно. Переселенный эмпиризмъ приводитъ къ такому заключенію, что всякое новое движеніе науки, каждое новое открытіе — водолечеіе, истинная вѣра подобное — считавъ онъ мало-роизъ, потому единственно, что въ такой головѣ и въ такомъ мѣстѣ только на-пр., для книги Франка, а для другаго-прочаго не хваило... Жаль; но что жъ дѣлать? Мы не согласны, однакожъ, съ г. Лебедевымъ, что двойники существуютъ людямъ, въ высшей степени награжденнымъ отъ природы отличными душевными способностями и съ горячею любовью страждущимъ къ приобретенію азаній, потому-ли, что *маленькій Гёте* малюмъ видѣлъ своего двойника. Подобное объясненіе подается только для прославленія новаго учителя, но уничтожается фактами: въ которые люди, вовсе маленькими, малюмъ видѣли своихъ двойниковъ.

Направленіе умственной деятельности г. Дядковского ясно выражено въ словахъ его, составленныхъ на память нечѣткихъ книгъ: не принимай ничего умозаключенія за истину ниче, какъ только убѣдившись въ истинности его вѣрности и логичности, и нравственности, и эмпирическаго употребленія. Его разсудокъ, отъ дѣтства здравый, всегда и всегда возмужавъ призывалъ, по началу какой-либо вѣрности существовать какъ, а не какъ, и часто, не удовлетворяясь объясненіемъ, заставляя его водить въ горы съ хромолакаталими. Дядковский не любилъ класяса за слова своихъ учителей; мудрое вѣрчисіе: *poli jetae in verba magistri*, — было имъ вѣрнѣе уважено; ученикиа свои всегда сохотѣли учителя болѣе имъ природы, а не имъ книгъ; онъ свои силами стремился къ вышнему самостоятельному. Одно истинно-эмпирическое ученіе для него казалось самымъ

вероятно-вероятнымъ, хотя бы она поддерживалась парвою ученою значительностью Карета: въ медицинѣ онъ былъ бытъ же, чѣмъ былъ несомнѣнный для своихъ учениковъ профессоръ Павловъ въ физикѣ и сельскомъ хозяйствѣ.

Можно: не придавать ничего умноженія за истину иначе, какъ только убѣдившись въ истинности его — весьма похвальна, и, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ привести къ такимъ же важнымъ результатамъ, къ какимъ могло бы, тоже при извѣстныхъ условіяхъ, привести любимое изреченіе профессора Павлова: *amicus Plato, amicus Aristoteles, sed pagis amica est veritas*. Условія эти состоятъ въ исключеніи односторонности, вредной усѣивать науку, а односторонность — въ идеализмѣ или, брѣде, въ логичности ученія. Кто не признаетъ чужихъ умноженій, тотъ пусть дастъ умноженія собственныя, добытыя путемъ науки, абыло-летности природы, а не заключающіяся въ одной постройкѣ произвольныхъ силлогизмовъ. Дальновостій весьма-часто западалъ въ этотъ грѣхъ, т. е. пошлостью умноженій жертвовалъ такъ-называемой строгости логическаго различія. Онъ былъ влюбленъ въ систематическій приборъ науки, въ дѣлительное преобладающее мнѣніе. Ему приписалась не столько самая плеск, какъ результатъ мышленія, сколько это мышленіе, сколько путь къ результату. Нарядомъ, мастеровидо-держаннымъ, противорѣчіе общему сѣжденію, логически-защитенное, ахелюли-въ-вѣтъ больше сочувствія, къ-вредной-вещи, освобожденная къ логически-онъ, чѣмъ въ-рности бѣженія, предметная безъ большой и меньшей посылкой. Отдавая справедливость, къ-всему-строгому-мѣду-въ-доказательствахъ, всякой логи-кѣ — медицинкой и по-медицинкой — но-вѣдѣнъ-защитить-поклонникамъ-своихъ-профессора, что-истина, правды, убѣдивши-асотана-исрав-

нано-лучше парадоксовъ и сочув-ствовать.

Что выводило отъ такого направле-нія медицинки? Анализируя болѣе, профессоръ, на основаніи своихъ твердо-логическихъ умноженій, наке-диль, что болѣвому необходимо дать такое-то лекарство, и что онъ, въ-слад-ствіе-такихъ-то и такихъ-то силлогиз-мовъ, ласралмано выздоровѣть. Но пациентъ, не-внимая-непреложнымъ-законамъ-медицинской-логики, уми-ралъ-частенько. Тогда профессоръ на-чиналъ-анализировать-смерть-его, и въ-этомъ-случаѣ-последовательно, ве-но, необходимо вытекало сѣдствие, что болѣвому-следовало-умереть, что онъ не-могъ-не-умереть. Не-знаю, не-сказалъ, что для-философа-всего-доро-же-его-философія: то-же-невозможно-сказать-о-логикѣ-медицинской. Пусть-болѣвой-умираетъ, только-бы-онъ-умеръ-по-таинствъ-силлогизмакъ. И со-храни-его-Боже-выздоровѣть-по-си-логизмамъ-противнаго-наимъ-ученія! Отсюда и повалилась поговорка: *сана-красей, да-сои*.

Анти-эмпирическое, т. е. логиче-ское-направленіе-медицины-оназначало-вредное-вліеніе-на-учащихся-тѣмъ, что-всѣмъ-въ-нѣтъ-привѣнію-въ-опы-ту, зашлѣдѣ, лужамъ-судить-до-бѣ, иностранцамъ-из-особенности, въ-забвѣ-всего-этого, давала-къ-не-установленію-силлогизмакъ-силлогизмакъ. Прочитай-и-обширнѣе-знаній-не-шѣлось-—-и-то-было-*будителъ-разума*, которое-всегда-спрашивалось-есть-ли-тутъ-логика?—-когда-бы-за-добно-было-прежде-всего-спросить: есть-ли-тутъ-истина? По-правдѣ-мѣрѣ, профессоръ-принималъ-своей-недостатокъ-твердой-головы, силой-своей-логики, но-нѣтъ-прикрыть-недостатки, если-нѣтъ-въ-головы, не-логика?...

276) Краткое Начертаніе Топо-графической Анатоміи. *Сочиненіе* Зегера. *Тетрадь-третья* (и-последняя). Москва. 1845. Вѣ-8-ю-д. л. 155 — 235 стр.



Въ послѣдней тетради замѣчается описание груди, брюшной полости и глѣза. Изданіе книги очень хорошо, равно какъ и переводъ.

277) *Руководство къ Всюобщей Исторіи. Сочиненіе доктора Фридриха Доренца. Часть I. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. VIII и 694 стр.*

Прекрасный трудъ г-на Доренца, какъ видно, принятъ русскою публикою по достоинству: первое изданіе первой части его «Руководства» быстро разошлось между читателями, и теперь эта часть появилась уже вторымъ изданіемъ. Авторъ сдѣлалъ въ новомъ изданіи значительныя поправки и перевелъ тѣ изъ примѣчаній, которые въ первомъ изданіи были напечатаны по-гречески: этимъ облегчится употребленіе его книги для незнающихъ греческаго языка. Желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ труду ученаго профессора. Авось онъ вытѣснитъ эти мертвыя, несчастныя «Руководства», которыми до-сихъ-поръ еще нѣкоторые благомыслящіе педагоги притупляютъ въ ученикахъ своихъ всякую охоту учиться исторіи.

278) *Французско-Русскій Словарь Тѣлнческихъ Названій, употребительныхъ въ артиллеріи и въ наукѣ, искусствѣхъ и ремеслахъ, до тѣхъ относящихся; составленный инспекторомъ классовъ Артиллерійскаго Училища полковникомъ Рязань. Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Фишера. Въ 12-ю д. л. VIII и 347 стр.*

Г. Рязань, принявъ въ руководство лучшее изъ общихъ и спеціальныхъ словарей на нѣмецкомъ, французскомъ и русской языкахъ, составилъ для русскихъ артиллеристовъ необходимую ручную словарь, въ которомъ, однакожъ, собраны всѣ техническія названія, въ артиллеріи употребляемыя. Обучающіеся артиллеріи и наукамъ, къ ней относящимся, вѣроятно, будутъ очень благодарны г-ну Рязаню за его книжку, при пособіи которой они съ

большимъ удобствомъ могутъ читать на французскомъ языкѣ сочиненія, относящіеся къ этимъ предмету, не затрудняясь уже въ переводѣ техническихъ выраженій.

279) *Краткая Бухгалтерія, составленная П. И. Кондратьевымъ, надворнымъ советникомъ, преподавателемъ бухгалтеріи въ коммерческихъ заведеніяхъ въ Москвѣ. Наказъ на имя московскаго купческаго общества, для преподаванія въ Московскомъ Имперіальномъ Училищѣ. Москва. Въ тип. А. Соминъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Книжка полезная для тѣхъ, которые посвящаютъ себя торговымъ занятіямъ. Она показываетъ правила для легчайшаго, удобнѣйшаго и кратчайшаго составленія всякаго рода счетовъ и для записыванія ихъ въ книги. Книжки эти, смотря по тому, какіе введены въ нихъ счета, имѣютъ различныя названія, которыя всѣ исчислены и объявлены въ «Бухгалтеріи» г. Кондратьева.

280) *Атласъ Промышленности Московской-Губерніи, составленный А. Самойловымъ. Наказъ императору Московскаго Общества Мануфактурнаго Сельва. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 4-ю д. л. 131 стр. Съ рисунками и латкартами.*

Подобныя книги весьма важны для статистики страны. Такъ изданный, какъ видно «Атласъ», т. е. съ подробнымъ указаніемъ движенія работъ въ фабрикахъ и заводахъ, онъ представляетъ ясное состояніе мануфактурной промышленности въ извѣстное время. Во введеніи, очень умно написанномъ авторъ показываетъ значительность Москвы въ промышленномъ отношеніи. Въ Москву стекаются всѣ богатства внутренняго трудолюбія и торговой жѣлы Россіи съ другими государствами; въ свою очередь, она доставляетъ приготовленныя на ея мануфактурахъ издѣлія; равно какъ и производитъ въ нее колоніальныя, швейцарскія и всякія другія товары изъ всѣхъ странъ.

предела и преимущественно для вывоза Рубин. Необходимы условия для усиления промышленности и торговли; капиталы земледельческие и думские все зареде сосредоточивались в Москве, обязавшей людей земледельческими, с чрезвычайною степенью просвещения и чистоты нашего, людьми слободскими. В Москве заказывают иностранные образцы и инструменты нужные для казармовых сварки, суконные аппараты и даже агрономическія орудія; из Москвы выписывают старинные заводенія внутренних губерній потребную для свирюю кислоту; в Москву обращаются швейские и вязальные фабрики за полушубком, суконными и химическими материалами; Москва снабжает фабрики банелей и даяных губерній материалы, колористами, подмастерьями и даже иностранными механиками; кроме, Москва заключает в себя все отрасли искусств и ремесел, все школы и вспомогательныя начала мануфактурной деятельности. Успехи и улучшения, замечаемые во всех частях русской мануфактурной промышленности, принадлежат также преимущественно Москве, за исключением фабрик и заводов, устроенных в новейшее время в Петербургѣ.

Преимущественное склонение фабричной и мануфактурной в Москве и ее губернии, где горючие материалы становятся годъ отъ-года дороже, встало автора сказать несколько словъ о томъ, что не только в Россіи, но и во всехъ другихъ государствахъ Европы, мануфактурная промышленность для своей осблности не всегда избираетъ ста, обилующія горючими материалами, что доказывается мануфактурною топографіею Европы. Такъ и у насъ учредители фабричныхъ заведений, богатые купцы и помещики, предпочитая Москву и ее губернію тамъ дальнимъ, обилующимъ лѣсами въ виду выгоды технической, административной и торговой, стараются совокупности всередианно-

важные экономическія; происходящей отъ дешевизны топлива. За снѣгъ авторъ объясняетъ причину вывезенія дровъ в Москву. Она гово- рить: «хотя быстрое влеченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій развитіе всехъ отраслей руководянаго трудолюбія въ Москвѣ и ее губерніи содѣйствовало косвенно нѣкоторому возвышенію цѣны на дрова, единственное топливо, до 1841 года в Москвѣ извѣстное; но главную и прямую причину этой дороговизны должно искать; во-первыхъ; въ необыкновенно-скорой вырубкѣ близъ Москвы лѣсовъ, послѣ пожара 1812 года, для возобновленія громаднаго города, и во-вторыхъ, въ томъ, что по недостатку воднаго сообщенія по Москвѣ-рѣкѣ, представляющей весьма-часто въ лѣтніе мѣсяцы неодолимыя затрудненія судоходству, и по неприведенію еще въ исполненіе нѣкоторыхъ улучшеній, предпринимаемыхъ правительствомъ въ послѣднее время по разнымъ ведущимъ в Москвѣ сухопутнымъ трактамъ, доставка дровъ въ тѣхъ уѣздахъ, которые обилуютъ еще лѣсами, обходится иногда въ-пятьеро дороже цѣнности ихъ на мѣстахъ.»

За введеніемъ, авторъ кратко обозрѣваетъ техническія в Москвѣ учрежденія, которыя служатъ сильнѣйшимъ вспомогательнымъ двигателемъ успѣховъ мануфактурной и торговой деятельности столицы: чтенія технической химіи в лабораторіи университета, рисовальныя школы съ воскресными при нихъ рисовальными классами, женскимъ рисовальнымъ отдѣленіемъ и воскресною школою для малолѣтнихъ фабричныхъ, Коммерческое Училище, Практическую Коммерческую Академію и Третью Реальную Гимназію. Послѣ этого, книга дѣлится, такъ сказать, на двѣ части: одна представляетъ общій взглядъ на состояніе мануфактурной промышленности Московской-Губерніи 1848 года; въ другой содержится указатель фабрикъ за тотъ же годъ. Изъ общаго вида мануфактурной промышленности,

во уѣздахъ, усматривается слѣдующее: число фабрикъ въ 1843 году — 1,283, число станковъ — 54,065, число рабочаго народа 106,402, да ремесленниковъ въ Москвѣ 28,524 (и того 134,926); сумма годоваго производства серебромъ 42,183,606, да по ремесламъ 2,852,400 (и того 45,036,006). Большое число фабрикъ, послѣ Москвы (787), состоитъ въ Богородскомъ-Уѣздѣ (110), наименьшее въ Можайскомъ (8). Другая таблица, подъ названіемъ: *Общій видъ мануфактурной промышленности, по родамъ изделий, показывающае число фабрикъ шелковыхъ, шерстяныхъ, бумагопрядильныхъ, шелковыхъ, металлургическихъ и проч.* Здѣсь видны, что наибольшее число принадлежитъ бумагопрядильнымъ, отбѣдывальнымъ, ваточнымъ, ткацкимъ и казеннымъ (282), потомъ шелковымъ (158) и шерстянымъ (132), наименьшее — казеннымъ и оловяннымъ (по одной фабрикѣ). Изъ общаго вида дѣйствительной силы узнаемъ число народныхъ машинъ — 80, число водяныхъ приводовъ — 70, число конныхъ приводовъ — 163. Во второй части исчисляются, въ алфавитномъ порядкѣ, фабрики въ каждомъ уѣздѣ по родамъ изделий, съ показаніемъ, гдѣ находится фабрика или заводъ, числа станковъ, стоголовъ или машинъ, числа рабочаго народа и суммы годоваго производства. Къ исчисленію фабрикъ въ каждомъ уѣздѣ приложена карта этого уѣзда и картинка, изображающія главнѣйшія фабрики. Изданіе книги, весьма-полезной и тщательно составленной, очень-хорошо.

281) *Нравоученія въ Лицахъ. Бабушкины сказки, составленныя аббатомъ Савиньи, Леономъ Геринномъ, Ортрёмъ Фурнье, Л. Мителланомъ, Августомъ Овильемъ, и 4-мъ Евгевіей Фда, съ сорока литографированными картинками. Рисунки Алофа Меню, Бома, Шарль, Давида (Жюль), Деверія, Франсиса, Форестя, Гренье, Жанс-Лапоса, Жоанно, Жюльена, Мадю, Леонз-Нюэля, Камилля-Рокляна и другихъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе В. В.*

*Лондеса. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1848. Въ 8-ю д. л. 350 стр.*

На русскомъ языкѣ не много книгъ, написанныхъ для образованія дѣтскаго возраста, еще менѣе такихъ, которыя назначаются преимущественно для нравственнаго воспитанія юнаго поколѣнія, и которыя бы дѣйствительно достигали своего назначенія. По этому самому мы должны встрѣчать съ удовольствіемъ переводы подобныхъ книгъ съ другихъ языковъ, кая, разумѣется само-собою, они не могутъ быть такъ близки дѣтскому возрасту, какъ тѣ же самыя книги, и пишущія ту же самую цѣль, но составленныя изъ отечественнаго источника, изъ русской жизни. Но, за недостаткомъ своего, не грѣхъ занять и чужое, тѣмъ болѣе, если это чужое передано вѣрно и не потеряло никакихъ пѣвней въ худшему при передачѣ. Въ этомъ отношеніи, издаванія въ себѣ «Бабушкины Сказки» составляютъ не маловажное приобритеніе для дѣтской библиотеки. Эти сказки, которыя добрая бабушка рассказываетъ своимъ внучкамъ, не есть произведение пустаго, празднаго воображенія, плодъ ветчаго вымысла, порожденіе разнузданной фантазіи. Нѣтъ, это сказы, взятая изъ дѣйствительной жизни и заключающія въ себѣ какою-нибудь важной урокъ нравственности, представленной не въ мертвой формѣ безжизненной, сухой схоластики, но въ живомъ, прекрасномъ образѣ, всегда доступномъ и интересномъ для дѣтскаго возраста. Переводъ этой полезной и дѣльной книги сохранилъ въ себѣ занимательность и граціозность подлинника. Изданіе красиво. Дѣти поблагодарятъ отъ сердца бабушку, которая такъ хорошо рассказываетъ сказки.

282) *Французскіе, Нѣмецкіе и Русскіе Овщественныя Разговоры, съ присоюкупленіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ реченій для упражненія. Изданіе въ пользу юности. Изданіе второе. Санктпетербургъ.*

*буря. В тип. Н. Глазунова и Кошп. 1845. В 8-ю д. л. 102 стр.*

Мы уже высказали однажды свое мнение о всѣхъ подобныхъ разговорахъ, и не станемъ наскучать читателейъ повтореніемъ одного и того же, какъ наскучаютъ намъ издатели этихъ книгъ, вѣчно заключающихъ въ себѣ одно и то же, т. е. ничего.

**282) Французской Азбука** (Alphabet Française). Санктпетербургъ. Въ губернской тип. 1845. В 8-ю д. л. 52 стр.

Букаръ, съ таблицами умноженія, множитвами и орфографическими ошибками.

**283) Ученый Французскій Словарь**, содержащій въ себѣ всѣ первообразныя слова и главные идиотизмы французскаго языка. Съ присовокупленіемъ некоторыхъ примрговъ, объясняющихъ значеніе придаточныхъ частицъ, и алфавитнаго списка окончаній, по которому можно легко запомнить родъ всѣхъ именъ существительныхъ. Составленный управителемъ Училища Василиемъ Гердомъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Прада. 1845. В 8-ю д. л. 310 стр.

Эта книжка представляетъ собою не что иное, какъ матеріалъ, польза котораго будетъ зависеть отъ способа его употребленія. Цель автора была: дать чащеюся средство узнать коренныя слова языка и облегчить этимъ познаніе всѣхъ остальныхъ, потому-что если бы познакомились съ кореннымъ словомъ и разными придаточными частицами, свойственными духу языка, то ему легко будетъ узнать это слово во всѣхъ его видовизмѣненіяхъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же въ словарь *коленыхъ* словъ встрѣчается множество *ложныхъ*?

**285) Практическія Упраженія** съ постепенныхъ переводахъ съ французскаго языка на русскій, и съ русскаго на французскій. Съ предварительнымъ изложеніемъ правилъ синтаксиса. Въ пользу

русскаго юношества издамъ Яковъ Лангенъ. В 8-ю д. л. Санктпетербургъ. 1845. В 8-ю д. л. В тип. Нль Глазунова и Кошп. 220 стр.

Книга состоитъ, во-первыхъ, изъ святическихъ правилъ, съ правилами для каждаго; во-вторыхъ, изъ русскихъ и французскихъ идиотизмовъ, съ приблизительнымъ ихъ переводомъ; и въ-третьихъ, изъ французскихъ и русскихъ статей или отрывковъ изъ равныхъ сочиненій. Эти послѣднія составляютъ, какъ видно изъ заглавія, сущность книги, и конечно годны для упражненій въ переводѣ. Не достаетъ въ нихъ только одного: *степенности*, обѣщанной въ программѣ. Всѣ статьи почти равно-легки (или равно-трудны, какъ хотите) для перевода. Если и есть между нѣкоторыми разница въ этомъ отношеніи, то она смышкомъ-незначительна, и самыя статьи слѣдуютъ одна за другою не въ прогрессивномъ порядкѣ.

**286) Руководство къ Математической Географіи.** Дра Ф. А. В. Дистерверга. Переводъ съ немецкаго. Съ 44 литографическими рисунками. Москва. В тип. А. Селова. 1844. В 8-ю д. л. 326 стр.

Хорошее руководство, въ которомъ ясно наложены явленія небесныхъ свѣтилъ. Авторъ, при разсмотрѣваніи солнца, луны, земли и другихъ тѣлъ, движеніе которыхъ составляетъ предметъ астрономіи, начинается съ наблюденій, а потомъ уже объясняетъ ихъ. Объясненія эти не всегда такъ строги, какъ они должны быть, при помощи высшей математики, но достаточны для людей, знающихъ начальную геометрію и начальную алгебру. Иногда авторъ прибѣгаетъ къ простымъ аппаратамъ и посредствомъ ихъ представляетъ ученику то, что происходитъ на землѣ или въ небесномъ пространствѣ. Жаль, что переводъ не всегда удаченъ. Еще болѣе жаль, что авторъ или издатель не приложилъ объясненій.

287) **Наставление о Шелководстве, или о томъ, какъ рождается шелко-мичные черви, какъ и чѣмъ ихъ надобно кормить, чтобы они, выпуская изъ себя шелкоичныя волокна, завивались въ пу-зырьки, называемыя коконами, и какъ по-томъ изъ коконовъ добывать шелкъ сы-рецъ.** Составлено для простаю народа членомъ Императорскаю Общества Сель-скаю Хозяйства Южной Россіи Н. Рай-ко. Санктпетербургъ. Въ тип. Минис. Госуд. Имуц. 1845. Въ 8-ю д. л. 30 стр. и табл.

Имя г. Райко извѣстно, какъ имя од-ного изъ просвѣщеннѣйшихъ членовъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи; его дѣятельность въ-особенности направлена на распространеніе меж-ду простымъ народомъ въ Новороссій-скомъ-Краѣ шелководства, какъ такой промышленности, которая болѣе всего способна доставить довольство хижинѣ земледѣльца, разумѣется при благопрі-ятныхъ условіяхъ климата. Климатъ Южной-Россіи для шелководства благо-пріятенъ; не достаетъ только званія, примѣра, истойчивости, чтобы оно во-дворилось между крестьянами. Г. Рай-ко рѣшился восполнить этотъ недоста-токъ, и мы радостно приветствуемъ его благородное стремленіе продать свѣтъ званія и по-крайней-мѣрѣ нѣко-торую часть довольства въ темную дымную поселенина. О достоинствѣ из-даннаго вышѣ наставленія говорить много нечего: оно изложено съ ясно-стью и полнотою, какой только можно ожидать отъ человѣка, знающаго дѣло въ подробности и занимающагося имъ практически.

288) **Разсчеты по 5 и 6 шреци-трамъ въ таблицахъ, съ показаніями о сокращеніи, уменьшеніи количества и заключе-ніи, и проч.** Составленъ М. Поддубе-ский. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Виллебара. 1845. Въ 8-ю д. л. 120 стр.

Собраніе подобныхъ таблицъ, обле-чая дешовные расчеты, весьма-полез-но и будетъ признано съ благодарно-стью модаль, ашотами или занимаю-щими денгами на торговлю...

289) **Бесѣды Петербургскаго Жителя съ Удѣльнымъ Земледѣльче-скимъ Училищъ, о сельскомъ хозяйствѣ, составленныя Борисомъ Волжинымъ. Выпускъ третій. I. Пчелководство; II. Пчеловодство; III. Приготовленіе ядо-личныхъ скоповъ; IV. Пчелыи Хозяй-ство; V. Сельское Счетоводство; VI. Землеизмѣреніе, со многими чертежа-ми. Санктпетербургъ. У книгопродавца Василья Полякова. 1845. Въ 4-ю в. е-сико-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. 79, 114, 38, 20, 95 и 51 стр.**

Есть въ Петербургѣ особая школа сочинителей, печатающихъ разные хозяйственныя книжки съ громкими, длинными заглавіями. Эти господа, съ нѣкотораго времени устали пече-тать, или лучше сказать, перепечата-вать разные хозяйственныя рецепты. Мы-было совѣтъ забыли о нихъ; но вотъ вновь является на сцену одинъ изъ нихъ, г. Борисъ Волжинъ, съ своимъ «Бесѣдами». Удѣльное Зем-лѣдѣльческое Училище бесспорно-одно изъ лучшихъ учебно-хозяйственныхъ заведеній. Посѣщая эту предпри-ную школу, можно обогатиться не-малымъ количествомъ наблюденій. Но дѣло въ томъ, всакий ли это сумѣ-етъ сдѣлать? Всякій ли, бесѣду съ умнымъ, просвѣщеннымъ человекомъ, можетъ понять его, и, еще болѣе, пе-редать его рѣчи столь же разумно, какъ онъъ вылаиваются изъ уст его? Очевидно, что для этого нужна въ слу-шателяхъ извѣстная степень образован-ности и извѣстная степень таланта. Безъ этихъ условій, въ желаніи передать чужую умную рѣчь, разска-зъ его будетъ походитъ на гресы, на стѣ-ва, деляющія до насъ случавше, безъ логической связи и послѣдовательно-сти... Эта мысль невольно рождается при чтеніи книжки г. Бориса Волжи-на. Не знаемъ, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Учи-лищѣ, но не можемъ не-быть удивле-нными, что онъъ передавъ слышанное имъ совѣтъ не въ томъ видѣ, какъ ему разсказывали. Восемьтъ, напри-мѣръ, дарую бесѣду, которая носитъ эти

ие «Итисоводство». Во второй бесѣдѣ въ некоторомъ дѣльномъ практическомъ значеніи перемѣшаны съ разными непонятными вещами. На стр. 13, сочинитель, толкуя о воспитаніи индѣекъ, говоритъ слѣдующее:

«Черезъ 12 дней надобно давать цыплятамъ особенное лекарство, которое готовится изъ четырехъ горстей крапивныхъ листьевъ, двухъ горстей укропа, свареннаго въ водѣ, мелко изрубленнаго съ пятью личными желтками и смѣшаннаго съ тремя горстями отрубей, двѣдцатью золотниками ружейнаго пороха четырьмя золотниками сѣрыхъ цѣвѣвъ, т. е. толченой очищенной сѣры. Лекарство это, предохраняющее цыплятъ отъ простуды и красноты подъ крыло, надобно давать на тощакѣ въ теченіе 8 или двѣхъ.»

Не знаемъ, кто выдумалъ начинать выплатъ ружейнымъ порохомъ! Но если бы даже предлагаемое лекарство и действительно было полезно, то прописанная доза должна быть даваема въ томъ же количествѣ или нѣсколько менше, и въ такомъ случаѣ въ какомъ мѣстѣ? — Г. Борисъ Волжинъ не разбиваетъ намъ этихъ вопросовъ. Далѣе сочинитель продолжаетъ:

«Но ротъ еще способъ выкармливанія индѣекъ: какъ скоро цыплята выведутся, имъ имъ глотать по одному или по два куска перца, потомъ кормить ихъ макью и бѣлаго хлѣба, и пр.»

Правда, перецъ даютъ иногда индѣкамъ, но не тотчасъ какъ они выведутся, а тогда, когда они подрастутъ, то для предохраненія отъ разслабленія у нихъ желудка. Это служитъ доказательствомъ, какъ сочинитель умѣетъ передавать слышанное имъ. Но по страннѣ для насъ пятая бесѣда, именная слѣдующее громкое названіе: «Систематическо-Хозяйственный Курсъ въ области Земледѣльческаго Училища». По «Курсу» вставляетъ ожидать «женѣ» чего-либо болѣе или менше систематическомъ порядкѣ. Вѣсто, мы находиме собраніе сложныхъ эмпирическихъ задачъ, съ краткими

отвѣтами, даже безъ всякаго указанія способовъ рѣшенія этихъ задачъ. Многія же изъ задачъ сопровождаются отвѣтами, въ которыхъ нѣтъ вовсе никакого отвѣта; напр. слѣдующія:

«Плугъ дѣлаетъ борозду въ 8 вершковъ шириную; лошадь въ плугѣ можетъ пройти въ 10 часовъ 15 верстѣ. Спрашивается въ сколько времени можно плугомъ вспахать поле данной фигуры?»

«Отвѣтъ: Судя по данной фигурѣ.»

«Скоронашка дѣлаетъ борозду въ 8 аршинна шириную; лошадь въ скоронашкѣ можетъ пройти въ 10 часовъ 18 верстѣ. Узнать, въ сколько времени скоронашкою можно всахать поле данной фигуры?»

«Отвѣтъ: Судя по данной фигурѣ.»

Спрашивается, что можно извлечь изъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ, кромѣ того, что поле данной фигуры можно вспахать и плугомъ и скоронашкою, смотря по данной фигурѣ? Не правда ли, что это очень-поучительное? И собраніе подобныхъ безсмысленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ; сочинитель, г. Борисъ Волжинъ, называетъ: «Арифметическо-Хозяйственный Курсъ въ Училищѣ Земледѣльческаго Училища» — Это ужъ просто изъ-рукъ-вои!»

Шестая бесѣда носитъ названіе: «Землеустройство», т. е., по-просту, землеустройство. Она начинается такъ:

«Межеваніе есть искусство размежеванія земли непосредственно на ней самой или на планѣ, съ цѣлю снагома и представленія ея въ маломъ мѣстѣ. Межеваніе (?) состоитъ въ опредѣленіи соотношеній какой нибудь величины къ другой такого же рода, которую согласился принять за начало сравненія всѣхъ такого рода величинъ.»

Мы было-остановились надъ этими фразами, но догадываясь, что онъ знаетъ; мы было хотѣли замѣтить, что межеваніе и размежеваніе земли вовсе не одно и то же, — но намъ бросились въ глаза слѣдующія за тѣмъ строки:

«Наложивши наже правды, межеваніе, основаннаго на очевидныхъ фактахъ, и представляющаго, просто, и употребленіе, чтобы всякой могъ руководствоваться имъ.»

И такъ всякій образованный человекъ, приложивъ знанія свои къ способамъ, здѣсь предлагаемымъ, можетъ легко снять планъ своего имѣнія и вычислить его, безъ другой посторонней помощи.»

Послѣ такого увѣренія сочинителя, мы потеряли всякую увѣренность, что мы сами хоть сколько-нибудь образованы, потому-что не умѣемъ приложить знанія свои къ способамъ, предлагаемымъ г. Борисомъ Волжинымъ, и, признаемся, не чувствуемъ къ тому никакой охоты. Да и что наши познанія предъ многостороннею ученостью г. Бориса Волжина? Мы просто ничего не знаемъ, хотя и читали сочиненіе этого господина.

290) О предпріятіи учредившагося въ Санктпетербургѣ Товарищества для распостраненія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений. *Статья изъ Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, № 4, 1845.* Право перепечатанія этой статьи принадлежитъ исключительно учредителю товарищества. *Санктпетербург. Вѣстн. К. Край. 1845. Вѣстн. д. л. 58 стр.*

Въ этой брошюрѣ говорится о польдѣ, предметѣ и пользахъ предпріятія товарищества, учрежденнаго гг. Волыновскимъ и Блавынымъ. Польдѣ учрежденія этого товарищества есть несовершенство обдѣлки у насъ льна и пеньки. Предметъ — покажѣтъ — тайна учредителей. Польза, такъ, какъ она изложена въ брошюрѣ, заключается въ томъ, что крестьянское семейство, состоящее изъ шестнадцати душъ обоого пола, при нынѣшнемъ способѣ обдѣлки пеньки получаетъ съ конопляника всего по 38 р. 96 к., — а по способу, который извѣстенъ товариществу, получить съ того же самаго конопляника 124 р. 96 к. — Мы не знаемъ, въ чемъ состоитъ предлагаемый способъ (который, повторяемъ, составляетъ пока тайну учредителей), а почему и не можемъ многого сказать о вычисляемой польдѣ. Однако не-

льзя не замѣтить, извѣстнаго источника выгоды отъ улучшенія обработки пеньки, слѣдующее: всякое усовершенствованіе, рассчитываемое въ маломъ размѣрѣ, не всегда приноситъ тѣ же пропорціонально, выгоды, когда оно расширяется въ обширѣйшемъ размѣрѣ. Здѣсь главную роль играетъ холодная, денежная цѣна произведенія, а цѣна эта, какъ извѣстно всакому, зависитъ отъ предложенія и требованія. Если стануть предлагать болѣе, нежели сколько требуютъ, то цѣна произведенія, не смотря на его улучшение, останется низкою. Главный вопросъ: удастся ли улучшенное въ качествѣ и увеличенное въ массѣ произведеніе достаточное число потребителей? Крестьянинъ, который, привычкою или необходимостью, принужденъ носить весьма колючевый холстъ, найдетъ ли средства и охоту покупать холстъ по 30 коп. аршинъ! Объяснимъ другимъ образомъ. Извѣстно всакому, что швейцарская передѣланная въ крупчатую муку, перемѣлается гораздо-высшую цѣну, нежели перемолотая въ простую муку. Этими выгодами крестьяне не пользуются... Скажутъ: передѣлка швейцарской въ крупчатую муку требуетъ средствъ недоступныхъ крестьянину? Согласенъ. Но есть средства простыя, доступныя крестьянину, очищать пшевичное зерно отъ разнаго сора и превращать его въ муку довольно-чистую: отъ чего крестьяне южныхъ губерній не пользуются этого, и ѣдятъ такой пшевичный хлѣбъ, который на видъ хуже ржаного? Гг. учредители товарищества рассчитываютъ, что новый способъ можетъ принести прибыли на каждую ревизскую душу, по новой цѣнѣ по р. 30 к. сер. Выгоды огромны! И ходъ съ имѣнія однимъ этимъ способомъ можетъ удвоиться!.. Чудесное дело, особенно теперь, при дешевой цѣнѣ хлѣба: Но расчетъ, основанный на ревизскихъ душахъ, есть самый вѣрный, потому-что онъ не экономическій. Мы предоставляемъ хозяевамъ судить самимъ о выгодахъ предлагаемаго товарищества воспользоваться

способомъ съ платою по 2 к. сер. съ ревизской души въ теченіе 10 лѣтъ ..

Подобные расчеты съ душой наминаютъ намъ слѣдующій анекдотъ: у одного пощипка было имѣніе, въ которомъ онъ на багладывалъ дѣтъ 20, — а между тѣмъ, онъ былъ филантропъ, и потому распорядился, чрезъ посредство своихъ управителей, о введеніи разныхъ улучшеній для пользы своихъ крестьянъ. Случился неурожай — онъ захотѣлъ завести магазинъ и мірскую зашку; появилась холера, баринъ далъ приказъ устроить больницу, и мало ли акитъ другихъ распоряженій дѣлалъ! ашь филантропъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что все исполнится на дѣлѣ. Наконецъ, помѣщикъ умеръ; сынъ его думалъ удостовѣриться на дѣлѣ, какъ живутъ его крестьяне; поѣхалъ въ свою вотчину и увидѣлъ, что мужички шугутъ, какъ и всѣ, ни худо, ни хорошо, ни брато, ни бѣдло. — а такъ-се, со всячидкой; но ни больницы, ни магазина, ни запашки не было, и поминѣ! Дѣло объяснялось про управляющій, обманывая барина, пралъ, при удобномъ случаѣ, крепить. Новый владѣлецъ смѣнилъ стар. управителя и послалъ новаго, овѣкъ действительно честнаго и дого. Новый управляющій прѣбхавъ отчину, созвалъ сходку, и объявилъ, впредь не будетъ уже плутней, что добрыя распоряженія молодого ба. будутъ исполняться для блага са. же мужичковъ, что тотчасъ же начать строить магазинъ, а тамъ приняться за больницу, а тамъ прагѣ надобно устроить плотину, му-что въ селѣ воды нѣтъ. Мужиччесали затылки, поклонились, напашки и разошлись — кто домой, мимоходомъ и въ кабакъ. На дру. снѣ равно утрожь, въ управляюще. является буржистръ, визко кланяет. кладеть на снѣгъ что-то заверну. въ бумажку. — Это что? спрашива. управляющій. — Твоей милости по. отъ вотчины. — Управляющій разулъ бумажку и видитъ въсколь. изощреннѣйшихъ заселенійхъ ассиг. ХЛІІІ. — Отд. VII.

націй; гнѣвъ благороднаго негодова. ннхъ засверкала въ глазахъ его. — За. чѣмъ это? я взятокъ не беру! Не за. тѣмъ меня прислалъ къ вамъ вашъ ба. ринъ, не за тѣмъ смѣнилъ онъ стараго плута, который васъ обиралъ. — Вѣсти. мо, батюшка, что такъ, отвѣчаетъ бур. жистръ. — Ну! стало ты понимаешь, что. лишѣ не нужны ваши деньги, что я ихъ не возьму? Понимаешь? — Какъ, ро. лимой, не понимать! дѣло извѣстное, намъ ужъ не въ первый разъ, — не годъ и не два жили мы и съ Сидоромъ Пва. новичемъ (такъ звали стараго, смѣнен. наго управляющаго), и отъ него слы. хали мы многое, такое, а все же и га. мазая, и холера, и новая запруда въ. оврагѣ — всё это 10 к. съ души: за. тѣмъ и твоей милости кланяемся; толь. ко ужъ на большее не подиви, не въ. моготу; не ко времени твоя милость по. жаловалъ...

На стр. 31-й брошюры, говорится, что учредителемъ товарищества пріобрѣ. тень въ послѣднее время, отъ одного извѣстнаго уже своими заслугами ме. ханика, пріобрѣтенный имъ способъ совокупной обдѣлки и бѣленія пр. дильныхъ растеній. Въ условіи, за. ключенномъ по этому предмету това. ричествомъ, «обращаетъ еще особое. «вниманіе то, что упомянутымъ меха. «никомъ предвидится возможность. «устроить машину такъ, чтобы ею. «прядильныя растенія можно было об. «дѣлывать безъ предварительнаго ихъ. «моченія или разстилки и мятья, при. «чемъ не останется въ нихъ никакихъ. «смолистыхъ частей» (стр. 32). Стало. быть предметъ условія покажется еще. еще надежда?.. Не наше дѣло разби. рать, какую вещественную цѣну для пріобрѣтателя имѣетъ предметъ несѣ. щественный, т. е. надежда; замѣтимъ. однако, что если при помощи предвиди. мой машины, можно обдѣлывать пр. дильныя растенія безъ предварительна. го мятья, то мы рѣшительно недоумѣ. ваемъ, что же будетъ дѣлать эта пред. видимая машина? Мятье, какъ всякому извѣстно, есть не что иное, какъ отдѣ. ланіе кистриковъ, включенной въ во.



ловнѣ, отъ этого послѣдняго: какимъ же образомъ можно обдѣлывать ленъ или пеньку, безъ предварительнаго отдѣленія волокна отъ кострики? Недоумѣваемъ, рѣшительно недоумѣваемъ; предполагаемая машина хочеть уничтожить даже физическую невозможность... Кстати замѣтимъ также, что надежда обдѣлывать ленъ и пеньку безъ предварительнаго ихъ моченія или разстилки, обобщала очень-многихъ прожектеровъ, и сокрушалась всегда о *физическую невозможность*. Не лажѣ, какъ въ началѣ нынѣшняго года, такая попытка была предложена Парижскому Центральному Обществу Земледѣлія — и была имъ отвергнута. Дѣло очень-простое: стебель волокнистыхъ растений состоитъ изъ костры древеснаго свойства, и волокна, провянутого камедисто-смолистыми веществами. Это вещество приклеиваетъ волокно къ кострикѣ, и безъ разрушенія перваго весьма-трудно раздѣлить послѣднія. Но положимъ, что и достигли бы этого, хотя и съ потерю части волокна: все же останется камедисто-смолистое вещество въ самомъ волокнѣ, которое, въ такомъ состояніи, негодно для пряжи. Вотъ почему моченіе или разстилка всегда останутся необходимыми условіями обработки пеньки или льна; можно этотъ процессъ улучшить, сократить, но уничтожить — нельзя, потому что это единственный способъ разложенія камедисто-смолистаго вещества, причемъ разрушается связь между кострикою и волокномъ, а послѣднее умягчается и дѣлается удобнымъ для пряденія и дальнѣйшей обработки. Люди, предлагавшіе способы мятья пеньки и льна безъ моченія или разстилки, не знали по-видимому этихъ простыхъ истинъ. Что касается до вреднаго вліянія мочки пеньки или льна на здорovie, то вредъ этотъ по новѣйшимъ наблюденіямъ вовсе не такъ важенъ, какъ о немъ думаютъ нѣкоторые.

291) Омирова Ватрахомиомахія, или война лягушекъ и мышей, перело-

женная въ стихи штабс-капитаномъ Телегинымъ. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 12-ю д. л. 24 стр.

Послѣ долгаго молчанія, г. штабс-капитанъ Телегинъ выхолить снова на литературное поприще. Проникоиическая поэма, приписываемая Гомеру, нашла въ немъ переводчика — какого? судите сами по слѣдующему десятистишію къ читателямъ:

Двѣ тысячи восемьсотъ ужъ лѣтъ,  
Прошло Омпру творенью,  
Теперь Омпра въ свѣтъ нѣтъ —  
И нѣтъ его намъ къ утѣшенію. (?)  
Поэмъ забавныхъ мало пишутъ;  
Одной моралью только дышатъ:  
А онъ лягушекъ да мышей.  
Копьевской кою намъ доставилъ,  
И въ прозѣ ихъ Рубановъ славилъ:  
Но я, въ стихахъ пишу тварей.

III. — К. — В. — Телегинъ.

Прибавлять къ этой деклараціи, кажется, нечего. Развѣ замѣтить, что г. штабс-капитанъ называетъ Рубановымъ Рубана, переведшаго въ прозѣ «Ватрахомиомахію», а Копьевскимъ Илью Копіевскаго или Копіевича.

292) Сказка о Царевичѣ Емельянѣ Емельяновичѣ, сынѣ Емелюшки. Въ стихахъ. Соч. штабс-капитана Телегина. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 40 стр.

293) Сочиненія Штабс-Капитана Телегина или отрывки изъ моего журна. Москва. Въ тип. Ивана Смирнова. 1844. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 85 стр. Во II-й — 71 стр.

Сказка г-на штабс-капитана Телегина начинается такъ:

Съ восторгомъ радостнымъ восходить,  
На свой Емеля царскій тронъ,  
Себя счастливей всѣхъ находить,  
Надѣвши пышный кафтанъ.  
Супругу Дарьюшку ласкаетъ  
То-къ сердцу жметъ, то обнимаетъ,  
Какъ водится у всѣхъ людей.

У нас пословица твердится,  
 Что если будет кто жениться:  
 Тотъ узреть счастье своихъ дней.  
 Съ девятымъ мѣсяцемъ встрѣчаетъ  
 Въ полночѣ своей Луна,  
 Царца Дарья примѣчаетъ,  
 Залогъ любви въ себѣ она  
 Что былъ Емелюшка отцомъ.  
 Въ одну полночь сіе свершилось  
 И чудо новое явилось:  
 Съ сыномъ поздравя молодцомъ.

Не правда ли, начало очень-недурное? А вѣдь въ немъ-то и заключается вся сила! Не даромъ же у насъ на Руси слыветъ пословица: «видна птица по полету». Приведенный нами образецъ даетъ полное понятіе объ огромномъ талантѣ или *talant* г-на штабс-капитана Телегина. Не думайте, впрочемъ, чтобъ онъ былъ мастеръ на одинъ сказки. Напротивъ, г. штабс-капитанъ съ одинаковымъ искусствомъ сочиняетъ и чувствительные романсы. Право, такъ! Вотъ на-пр. послушайте отрывокъ его сентиментальной поэзіи:

Въ полночный часъ глубокой,  
 При лунномъ блескѣ—тамъ  
 Въ долині одинокой,  
 Ходивши по холмамъ—

Среди уединенья,  
 Въ сей мирной тишинѣ,  
 Нѣтъ сердцу утѣшенья: —  
 Ни радостей ни гдѣ.

Я бывши отдаленнымъ,  
 Какъ плѣнникъ молодой;  
 Ахъ, грустно съ сердцемъ вѣжнымъ  
 Въ сторонкѣ жить чужой.

Случилось при весельѣ  
 Всякъ дружбою дѣлать;  
 При скорби и мученьѣ  
 Никто не навѣститъ.

Вдалѣ дѣвицъ любезныхъ, —  
 Но все не тотъ предметъ!  
 Ахъ! много есть прелестныхъ  
 Но сердцу милой нѣтъ.

Есть еще одно важное достоинство въ талантѣ г. штабс-капитана Телегина: онъ не одностороненъ. У него — его хочешь, того просишь, и будешь въ вѣрѣ, онъ вамъ ни въ чемъ не отка-

жетъ. Кажется, быть такимъ поэтомъ— и того довольно бы, даже много было бы для человѣка не слишкомъ честолюбиваго. А для него и этого мало: онъ и историкъ, и философъ, и математикъ,—словомъ полная энциклопедія.

294) СБОРНИКЪ ЛЮБИМЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ (.). Изданіе второе. *Исправленное. Москва. Въ тип. А. Еремеева. 1845. Въ 18-ю д. л. 31 стр.*

Сборникъ довольно-сѣрвотое и скудное, которое, вѣроятно, имѣетъ свой кругъ посѣтителей, конечно, не взискательныхъ. Изданіе второе и притомъ исправленное доказываетъ, что есть еще добрые люди, которые заботятся объ охотникахъ до пѣнія, и боятся, чтобъ русскій народъ не разучился пѣть и съ горя не прибѣгнуть къ какимъ-нибудь другимъ средствамъ для развлеченія своей скуки. Съ этою-то доброю цѣлю и предлагаются русскимъ пѣвцамъ нѣкоторыя пѣсенки, которыя, разумѣется, они давнымъ-давно знаютъ наизусть, а можетъ-быть и позабыли, потому-что эти пѣсенки болѣею частью такъ стары, что помнятъ Царя-Гороха. Тутъ и: «Гусаръ на сабя опирался» и «Не одна во полѣ дороженька», и «Во всей деревнѣ Катинька», и «Хожу я по улицѣ да не нахожуся», и «Еслибъ завтра да ненастье», и «Я вѣчеръ въ лугахъ гуляла» и другія, всего 21 пѣсня.

295) НЕ ЛЮБО НЕ СЛУШАЙ, ЛГАТЬ НЕ МѢШАЙ. *Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинками. Москва. Въ тип. И. Степанова. 1845. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части—108, во 11-й—125 стр.*

Нельзя выбрать удачѣе названія для подобной книги, наполненной такимъ вздоромъ, который едва-ли можетъ интересовать кого-нибудь въ теперешнее время, когда люди такъ выросли въ своихъ понятіяхъ, что во всякой фантазіи, несаключающей въ себѣ мысли и необлакающей въ прекрасный образъ, видятъ только плодъ разстроеннаго воображенія или ограниченной посредственности. Впро-

чемъ, названіе сочиненія, какъ бы оно ни было остроумно, не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ его печатной извѣстности. Если авторъ считаетъ себя въ правѣ рассказывать печатно свои фантастическія похождения, которыя могутъ быть занимательны только для него одного, основываясь на представленной имъ въ видѣ девиза поговоркѣ, то другіе могутъ, съ своей стороны, привести такую поговорку, которая имѣетъ болѣе-глубокое и вѣрное значеніе; они могутъ сказать ему прямо: «...лги да звай же мѣру». Жаль, что сочинитель поздно созналъ важность этой поговорки — именно только въ концѣ своей хотя безвредной, но и ни къ чему не ведущей болтовни. Сознаніе его высказывается въ слѣдующихъ словахъ, которыми онъ заключаетъ свой утомительный рассказъ: «поздно вратъ, пора перестать». И эти слова, по нашему мнѣнію, составляютъ единственное достоинство его книги. Время сказокъ миновало. Настоящее поколѣніе стало гораздо-смышленѣе, нежели были его блаженные предки, для которыхъ все то было хорошо, что превышаетъ простой здравый смыслъ. Теперь уже не принимаютъ горячаго участія въ нефертиностяхъ, не стараются насильно, наперекоръ себѣ самимъ, своей практической, ежедневной домашней и общественной жизни, сильно противорѣчащей принятымъ на вѣру и потому уже непрочнымъ убѣжденіямъ, увѣряться въ дѣйствительности и ясности всякихъ грезъ. Впрочемъ, не надобно думать, чтобъ люди достигли абсолютной истинны, чтобъ они уже не дѣлали никакихъ ошибокъ въ образѣ своихъ мыслей и поступковъ, не подчинялись также вѣрованіямъ въ нѣкоторые призракѣ, — это безъ-сомнѣнія невозможно, потому-что несообразно съ человеческою натурою — по-крайней-мѣрѣ, настоящее общество въ томъ отношеніи стоитъ выше прошедшаго, что оно не съ такимъ упорствомъ предается вліянію заблужденій, чтобъ готово было отстаивать ихъ во что бы

то ни стало; напротивъ, оно безъ всякаго ложнаго стыда отказывается отъ своихъ вѣрованій и предразсудковъ, если ему ясно представлять ихъ неосновательность и неестественность. Дѣйствительность вступила въ свои полныя права; область ея такъ распространилась далеко, что обнимаетъ собою всѣ прозябанія, всѣ сферы человѣческой дѣятельности. Даже самая по-видимому явная ложь, самый вымыселъ подчинился невольво ея непреодолимому могуществу. Онъ тогда только удовлетворяетъ эстетическому чувству, когда носитъ на себѣ печать дѣйствительности, когда выражаетъ собою какую-нибудь ея сторону, когда пропикнуть идею, которая возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе людей, потому-что знакома имъ, потому-что они входятъ ея между собою, въ своей обыкновенной жизни, потому-что она не есть собственность чьего-нибудь большаго мозга. Ничего этого не представляетъ повѣствователь и издатель въ свѣтъ своихъ небывалыхъ, пошлыхъ, незаключающихъ въ себѣ никакой занимательности похощеній. Его фантастическія приключенія такъ уже износились, что самыя дѣти, вѣроятно, скорѣе получаютъ отъ чтенія ихъ скуку, нежели удовольствіе. Притомъ въ нихъ замѣтна такая ограниченность изобрѣтательности авторскаго воображенія, что нѣкоторые приключенія по своей завязкѣ и развязкѣ представляютъ между собою совершенное сходство, можно сказать, тождество, и, должно-быть, служили одно для другаго копіей. Переводчикъ этой книжки выполнилъ свое дѣло довольно-хорошо, если только можно назвать дѣломъ пустую трату времени. Картинки тоже не безобразны; по-крайней-мѣрѣ для такого произведенія лучше и желать не должно.

296) Новый Карманный Французско-Русскій и Русско-Французскій Словарь, съ краткою грамматикою обоихъ языковъ и съ приложениемъ списка употребительнѣйшихъ

мень мужскихъ и женскихъ, самыхъ замѣчательныхъ именъ историческихъ и мифологическихъ, географическаго словаря и разнородной таблицы вѣсовъ, мѣръ и монетъ обоихъ народовъ, составленный г. Ольдекопомъ. Изданіе третье. Тисненіе второкъ, тщательно перепечатанное и исправленное двумя профессорами (?). Дѣль части. Въ 12-ю д. л. Санктпетербургъ. 1845. Во французской типографіи. Въ 1-й части XXX и 16, во II-й — XLV и 853 стр.

Новое изданіе давно-извѣстнаго словаря г. Ольдекопа. Эта книга имѣла издавна цѣну, какъ единственный карманный словарь, изданный въ такомъ орнаментѣ, который дѣлалъ его удобнымъ для употребленія учащихъ французскому языку, — хотя и тогда многіе жаловались на его недостаточность. Для перевода статей изъ хрестоматіи онъ, конечно, годился; но почти совершенно былъ бесполезенъ и для того, кто, читая произведенія сочинительницы французской литературы, думалъ бы совѣтоваться съ нимъ при переводѣ непонятныхъ фразъ или словъ. Въ этомъ отношеніи, словарь г. Ольдекопа отсталъ чуть не полстолѣтіемъ! Попробуйте при его пособіи прочесть романъ — не говоримъ уже оржана Занда, но хоть Сю, или статью Ланге — вы увидите, на сколько онъ имъ пособитъ! Не говоримъ уже о техническихъ терминахъ и выраженіяхъ, которые вы сплошь и рядомъ встрѣчаете въ ученыхъ французскихъ чинахъ, и въ истолкованіи которыхъ ручной словарь долженъ быть премъннымъ пособіемъ: тутъ вамъ сколько не поможетъ г. Ольдекопъ. Между тѣмъ, прямая обязанность этого словаря — помогать читателю, не переводчику, который можетъ, жажду, рыться и въ тяжеловѣсномъ словарѣ Татищева, совѣтоваться и съ Ланге, и съ Наполеономъ Ланге, и тогда-какъ читатель хотѣлъ бы имѣть справки подъ рукою, безъ дальнѣйшихъ разысканій... Съ появленіемъ словаря г. Рейфа, карманный словарь г. Ольдекопа былъ по-видимо-

му, совѣтъ забыть; составитель его, — повторяемъ, принесшій пользу въ свое время, — умеръ, и мы полагаемъ, что лексиконъ его не будетъ имѣть дальнѣйшихъ изданій. Но, по-видимому, право изданія владѣеть г. Белизваръ, который и выпустилъ на-днякъ третье изданіе — второе тисненіе словаря, будто-бы тщательно перепечатанное и исправленное двумя профессорами. Кто эти профессора, издатель умалчиваетъ; но исправленій мы нашли весьма-немного: словарь остался тѣмъ же неполнымъ, недостаточнымъ словаремъ, каковымъ былъ и при первомъ и при второмъ изданіи. Однакожь, издатель довольно-наивно говорить въ предисловіи: «Число словъ въ этомъ Словарѣ было слишкомъ велико (?), особенно потому, что онъ (?) не предъявлялъ требованій на титулѣ лексикона всеобщаго... Потребовалось большой разборчивости при исключеніи словъ излишнихъ...» То-есть, издатель въ недостаточномъ и неполномъ словарѣ г. Ольдекопа нашелъ еще слова лишніа и безъ церемоніи выкинулъ ихъ!.. Далѣе: какъ прикажете понимать, на-примѣръ, вотъ хоть это извѣстіе: «Это тисненіе пересмотрѣно съ величайшимъ стараніемъ, опечатки исправлены, и если мы не называемъ новаго выпуска Словаря четвертымъ изданіемъ, тѣмъ не менѣе можемъ утвердительно сказать, что значительныя улучшенія не позволяютъ считать его простою только перепечаткою, хотя, по-видимому» (слушайте!) «мы ограничили одними точными, страницами въ страницѣ воспроизведеніемъ третьяго изданія?» Слѣдственно, это новое изданіе есть не перепечатка, а воспроизведеніе прежняго изданія? Конечно, слово «воспроизведеніе» гораздо-лучше слова «перепечатка», — ужъ потому лучше, что оно отзывается высокимъ слогомъ, но мы, въ простотѣ сердца, готовы признать его тождественнымъ съ «перепечаткою», и вполне примѣнить его къ этому новому изданію «Словаря» г. Ольдекопа.

Но наивнѣе всего увѣренность издателя, что ничего не можетъ быть лучше напечатанной имъ книжки. Онъ весьма-откровенно говорить: «Мы считаемъ излишнимъ указывать на матеріальныя улучшенія этого изданія. Стоитъ только сравнить его съ другими Словарями, чтобъ увѣриться въ трудности *представить что-нибудь лучшее* въ отношеніи типографической отдѣлки». Помыслите! Какъ же вы забыли *Карманный Словарь Рейфа*? Не-уже-ли вы не замѣтили, что при одинаковомъ объемѣ съ вашими «Словаремъ» онъ состоитъ изъ 850 страницъ; ~~какъ~~ какъ вашъ умѣщается на 536 страницахъ, разгонисто напечатанныхъ въ сравненіи съ страницами Рейфа, — что ваши полторы страницы входятъ у Рейфа въ одну страницу, на которой, сверхъ-того, находится переводъ каждаго французскаго слова, кромѣ русскаго, на нѣмецкій и англійскій языки? А бумага? А шрифтъ?.. Не-уже-ли есть какое-нибудь сравненіе между этими двумя словарями? Да словарь Рейфа — щеголь въ сравненіи съ этимъ бѣдненькимъ изданіемъ...

297) Записки Русскаго Путешественника, А. Глаголева. Изданіе второе. *Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жерякова (?). 1845. Четыре части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й ч. 285, во II-й—362, въ III-й—388, въ IV-й—276 стр.*

Г. Глаголевъ путешествовалъ по Европѣ въ 1823—1826 годахъ. «Записки» его вышли въ свѣтъ лѣтъ семь или восемь назадъ, — и публика не читала ихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какой интересъ могли возбудить въ ней рассказы путешественника о томъ, что видѣлъ онъ въ Европѣ, лѣтъ за двѣнадцать или за пятнадцать предъ тѣмъ, какъ вздумалъ напечатать свои рассказы? Въ Европѣ событія снѣжуются ежедневно, не только ежегодно, и то, что было за пятнадцать лѣтъ, уже — древняя исторія. Отъ путешественника мы ожидаемъ рассказовъ о томъ, что видѣлъ онъ теперь, въ наше время, пока еще свѣжъ интересъ, возбужденный

въ насъ событіемъ текущей минуты; а какія новости увидите вы въ 1838 году, на-примѣръ, о Парижѣ, въ которомъ путешественникъ былъ въ 1825-мъ году, за тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ, — даже еще до июльской революціи, измѣнившей лицо Парижа, и Франціи, и сосѣднихъ съ Франціею державъ? Вы, вѣрво, въ 1838 году сами рассказали бы ему больше новостей, нежели сколько онъ могъ сообщить вамъ! Еще безвременнѣе появленіе «Записокъ» г. Глаголева вторымъ изданіемъ теперь, въ 1845-мъ году, когда уже прошла *двадцатилетняя* давность и впечатлѣнія его въ разсказываемымъ имъ новостямъ... Впрочемъ, *второе изданіе* поставлено на заглавномъ листѣ этой книжки такъ, «для красоты слога»: книгопродавецъ отодралъ отъ прежняго изданія заглавный листъ и придалъ къ нему новый, напечаталъ на немъ 1845-й годъ, «второе изданіе» и выставилъ другую типографію, въ которой дѣйствительно *этотъ заглавный листъ* и печатался, тогда-какъ сама-то книга не думала перепечатываться; она спокойно лежала въ кладовой и теперь выведена на свѣтъ Божій только съ новымъ заглавнымъ листомъ. Бумага, шрифтъ, вся внѣшность изданія этой книги — та же самая, какаю была въ 1838 году; даже такого шрифта, вторымъ она напечатана, теперь нѣтъ ни въ одной петербургской типографіи... Все это второе изданіе — не больше, какъ шутка книгопродавца. Оста же такъ шутить!

298) Сводъ Постановленій воспитаніи дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи. Составленъ и издавъ Иваномъ Пушкиревымъ, для руководства родителей, при опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія. Изданіе третье исправленное и дополненное, словъ собранными свѣдѣніями, по 4 июля 1845 года.

Г. Пушкиревъ исправно перепечатываетъ постановленія, относящіяся къ воспитанію учащагося юношества и

русскихъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ, — и дѣлаетъ весьма-полезное дѣло для всѣхъ, кому нужно знать эти постановленія и кому между-тѣмъ некогда отыскивать ихъ въ официальныхъ источникахъ. Только зачѣмъ г. Пушкиревъ снабжаетъ свои книги та-

кими краснорѣчивыми предисловіями? Къ-чему эти увѣренія въ желаніи общей пользы? къ-чему эти возбужденія въ юныхъ соотечественникахъ «вѣщаго стремленія», и пр. и пр.? Книга его, и безъ этого краснорѣчія, всегда найдетъ себѣ вѣрный сбытъ.



**КНИГИ, ИЗДАВАННЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.**

35) *Loci memoriales e Ciceronis scriptis delecti et ad Ruthardi præceptis a Commodati a V. Wojciechowsky. (Fascic. I). Mosquæ. Typis Universitatis Casaræ. 1845.*

Г. Войцеховскій перепечаталъ нѣкоторыя вѣста изъ сочиненія Цицерона «De Amicitia» и такимъ-образомъ составилъ маленькую книжочку въ 16 страничекъ, которую и предлагаетъ кому угодно. Но вѣроятно охотниковъ принять его услуги найдется очень-мало. Если это не денежная спекуляція, то мы, право, не знаемъ, съ какою цѣлю выдана тощая брошюра, какое ея назначеніе, и какую она можетъ принести пользу. Кто захочетъ скорее узнать духъ сочиненія Цицерона, тотъ, вѣроятно, будетъ читать его полное и лучшее изданіе, и не станетъ владѣться книжечкѣ г. Войцеховскаго, а для тѣхъ, которые еще начинаютъ учиться латинскому языку, она совершенно-безполезна, потому-то не представляетъ удобства, необходимыхъ для первоначальнаго изученія этого языка. Какъ значится въ заглавіи, авторъ издалъ еще только первый томикъ своей книжечки. Слѣдовательно, надо будетъ дожидаться втораго, а тамъ можетъ-быть и третьяго, и даже и четвертаго. Если жь этого и не сбудется, то вѣдь не велика!

36) *Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg (Reichelsche Sammlung von Münzen in S. Petersburg). Часть пятая. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Въ 8-ю д. л. 284 стр.*

Въ этомъ томѣ, вышедшемъ только въ прошломъ мѣсяцѣ, заключается списокъ датскихъ, шведскихъ и норвежскихъ монетъ, Герцогства Шлезвигскаго и Голштинскаго. Бѣднѣе прочихъ отдѣлъ норвежскихъ монетъ: ихъ всего 161; но норвежскія монеты попадаются рѣже прочихъ. Шведскихъ 1,188, датскихъ 708, голштинскихъ 102. Есть экземпляры чрезвычайно-рѣдкіе.

37) *Verzeichniss einer Münzsammlung zu St. Petersburg, welche unter der Hand zu verkaufen ist (Каталогъ Собранія Монетъ, продающагося въ Санктпетербургѣ). Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 12 стр.*

Это собраніе монетъ, присланное изъ-за границы, состоитъ изъ римскихъ и греческихъ монетъ и медалей, въ томъ числѣ 12 золотыхъ, 607 серебряныхъ и 1,047 мѣдныхъ. Собраніе продается все вмѣстѣ. Желающіе купить его могутъ адресоваться къ г-ну Буккельгофу, во Второй Адмиралтейской Части, въ третьемъ кварталѣ, въ Большой-Мѣщанской, въ домѣ г. Генке, № 37, квартира № 9.

38) DEUTSCHES LEBESBUCH für die mittlere Jugend, nebst einem erklärenden deutsch-russischen Wortregister (Нѣмецкая Хрестоматія для средняго юношества, съ объяснительнымъ нѣмецко-русскимъ словаремъ). Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 255 стр.

Этотъ сборникъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ, которые попадались намъ въ руки не разъ, и о которыхъ мы не разъ уже говорили свое мнѣніе. Всѣ статьи чрезвычайно-нравственны и поучительны, но за ними крѣпко дремлетъ бѣдному юношеству. Отъ нихъ вѣтъ какой-то апатіей. Закрывъ книгу, юношество мгновенно забываетъ ея прѣсныя поученія и двойною шалостью вознаграждаетъ себя за скучные часы чтенія. По этимъ путемъ развиваются благородныя сѣмена духа. Чтѣ скучно (а что подобное чтеніе для дѣтей скучно, съ этимъ, я думаю, нельзя не согласиться), о томъ не хочется думать и взрослому, не только ребенку. Какой же плодъ принесетъ чтеніе безъ участія ума? Отроку скучно слушать положительныя истины, которыя онъ потому только прини-

маетъ за истины, что передъ нимъ сидитъ грозный, и часто самъ скучающій учитель. Отъ совершенно-равнодушень къ этимъ истинамъ, неусвоеннымъ умственною дѣятельностью, или когда не заговорить о нихъ съ своимъ сверстникаши. Онъ его не интересуютъ больше: онъ гнетуть его, потому что онъ принужденъ познноваться тому, чего не понимаетъ. А между-тѣмъ, молодой умъ уже столько силенъ, что можетъ понять, почему что-либо истинно или вѣтъ. Его ведутъ только не той дорогою,—его никогда не доводить до сознанія. Пробуждайте въ ребянкѣ сомнѣніе, — пусть онъ не вѣритъ на слово ни книгѣ, ни вамъ,— пусть самъ разрѣшитъ, какъ умѣетъ, нравственный вопросъ. Исправляйте ошибки въ его выводахъ, помогайте ему, — но пусть онъ собственною дѣятельностью умъ дойдетъ до сознанія истины. Повѣрите, что у него станетъ на это мѣста. И предметъ его заинтересуетъ. И выйдетъ изъ него человекъ съ положительными мнѣніями, а не жалкій паразитъ готовый согласиться съ чѣмъ ему угодно, лишь бы не беспокоить свою голову.

## РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

299) Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера. Книга первая. Санкт-петербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 225 стр.

Г. Струговщикова давно уже свискалъ себѣ въ нашей литературѣ лестную извѣстность замѣчательнымъ талантомъ, съ какимъ передаетъ онъ на русский языкъ сочиненія Гёте. О его счастливыхъ переводахъ говорили, спорили и писали; словомъ, г. Струговщикова въ короткое время сдѣлалъ себѣ имя этиими трудами. Въ самомъ дѣлѣ, насколько не увлекаясь пристрастіемъ, можно сказать, что нѣкоторыя пьесы Гёте были усвоены русской литературѣ Струговщиковымъ; *Римскія Элегии*, *Ульскія Маргериты*, *Молитва Маргериты*, *Пьеса Клары*, *Фантазія Клары* и, въ особенности, исполненное произведеніе генія Гёте — *Прометей*: всѣ эти пьесы воспроизведены переводчикомъ по-русски съ блестящимъ успѣхомъ, который могъ внушить всѣмъ смѣлую надежду, что, можетъ быть, нѣкогда лучшія произведенія Гёте, а можетъ быть и весь Гёте, лягутъ въ достойную ихъ русскому переводѣ. Особенную честь таланту г. Струговщикова составляетъ его переводъ *Прометея*: одно такое перевода достаточно, чтобъ переводчикъ сдѣлалъ себѣ имя въ литературѣ. Таково было почти общее

Ж. XLII. — Отд. VI.

мнѣніе о переводныхъ трудахъ г. Струговщикова и о прекрасныхъ надеждахъ для русской литературы, которыя они подавали въ будущемъ... Но стали замѣчать, что г. Струговщикова не всегда переводитъ, иногда и передѣлываетъ. Даже самъ г. Струговщикова не старался скрывать этого; напротивъ, онъ гдѣ-то печатно сказалъ, что, по его мнѣнію, переводитъ иностраннаго писателя значить заставлять его творить такъ, какъ онъ самъ бы выразился, еслибъ писалъ по-русски. Подобное мнѣніе очень-справедливо, если оно касается только языка; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оно болѣе, нежели несправедливо. Кто угадаетъ, какъ бы сталъ писать Гёте по-русски? Для этого самому угадывающему надобно быть Гёте... Кто имѣетъ право модифицировать, измѣнить, укоротить, распространить мысль генія, передѣлать его созданіе? — развѣ только такой же геній! Какая цѣль перевода? — дать возможно-близкое понятіе объ иностранномъ произведеніи, такъ, какъ оно есть. Въ такомъ случаѣ, если въ своихъ придѣлкахъ и передѣлкахъ сдѣлалъ его даже и лучше, нежели какъ оно написано авторомъ, — переводъ невѣренъ, слѣдовательно, нехорошъ. Но это случается только съ слабыми произведеніями; хорошаго же произведенія великаго поэта нельзя



сдѣлать въ переводѣ лучшимъ противъ подлинника: поправки и передѣлки только портятъ его. Въ переводѣ изъ Гёте мы хотимъ видѣть Гёте, а не его переводчика; еслибъ самъ Пушкинъ взялся переводить Гёте, мы и отъ него потребовали бы, чтобъ онъ показалъ намъ Гёте, а не себя. Говорятъ: переводчикъ въ прозѣ — рабъ, переводчикъ въ стихахъ — соперникъ. Послѣднее справедливо только въ-половину: соперникъ по языку, слогу и стиxu, словомъ — по выраженію, но не по мысли, не по содержанію. Тутъ онъ рабъ. Талантъ переводчика есть талантъ формы, разумѣется, при способности вникать въ духъ чужихъ произведеній и чувствовать ихъ красоты. Это человѣкъ, который мастеръ разсказывать, но который, въ то же время, лишень дара изобрѣтенія, и вѣчно ищетъ сюжетовъ.

Какъ бы то ни было, если г. Струговщиковъ и оставилъ свое убѣжденіе касательно переводовъ, то не для того, чтобъ воротиться назадъ, а для того, чтобъ пойдти дальше. Это доказываетъ вышедшая теперь книжка его стихотвореній. На первомъ заглавномъ листкѣ сказано просто: *Стихотворенія Струговщикова*; на второмъ заглавномъ листкѣ: *Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера*. Но въ предисловіи еще разъ высказалась задушевная мысль автора: «Стараясь говорить онъ: «оставаться вѣрнымъ подлиннику въ прозѣ повѣствовательной и драматической, не допускающей произвола и исключющей, такъ сказать, въ переводчикѣ всякое творчество, я не могу и не хотѣю покоряться тому же условію, когда вступилъ въ очаровательную область лиризма. Убѣжденіе, что для произведеній лирической поэзіи переводовъ не существуетъ, примирило меня съ чувствомъ ответственности передъ лицомъ гениевъ, избранныхъ мною въ руководители. Здѣсь, забывалъ и отбрасывалъ иногда подробности, я былъ напущенъ однимъ главнѣйшими впечатлѣніями подлинника: такъ

иногда воспоминанія дѣйствуютъ на душу сильнѣе самыхъ явленій.»

Это откровенное объясненіе со стороны автора избавляетъ насъ отъ труда объяснять идею его произведеній.

Это — поэтическія варьяки, размыываемыя на тѣмы, взятыя изъ Гёте и Шиллера. Такой способъ творчества имѣетъ свою выгодную сторону: италась чужимъ вдохновеніемъ, заимствователь, въ то же время, обнаруживаетъ и свое собственное вдохновеніе, и самъ является какъ-будто творцомъ. Но этотъ способъ творчества имѣетъ также и свою невыгодную сторону, которая хорошаго заимствователя ставитъ ниже хорошаго переводчика: послѣдній, какъ демиѣюцій претензіи на творчество, выказываетъ самостоятельную способность формы, обогащающую родную литературу сокровищами иностранныхъ; тогда-какъ талантъ перваго есть не болѣе, какъ «плѣтвомъ мысли раздраженъ», — не говоря уже о томъ, что заимствователь обязанъ выдерживать соперничество съ великими поэтами. Но г. Струговщиковъ, кажется, думаетъ объ этомъ иначе: какъ это можно заключить по дуслашію *Переводчику-поэту*:

Ежели твой переводъ пересталъ переводомъ казаться,  
Ставь свое имя въ челѣ, сажь за собою отбѣдъ.

Конечно, всякій воленъ и правъ въ выборѣ своей дороги, потому итакъ что не воленъ въ немъ. Г. Струговщиковъ тоже правъ въ своемъ стремленіи такъ же, какъ были бы неправы и тѣ, которые не захотѣли бы признавать законности этого стремленія. Теперь посмотримъ, какъ осуществляетъ Струговщиковъ свою теорію.

Признаемся откровенно, куда г. Струговщикова несовсѣмъ удовлетворяетъ насъ съ этой стороны. Вовсе перечли мы съ новымъ наслажденіемъ его переводы изъ Гёте; но перечли мы и заимствованія изъ Шиллера и каждакъ намъ несовсѣмъ-удачны, отчасти по выполненію, отчасти по выбору. Такъ, напримеръ, пьесы: *Дон-*

мэни, Три Слово, Женщину читает,  
лучше Вселенной, Надежда, Колумба,  
миллионские Гости, Къ Радости, Три  
Блуждания, Напада, Раздала, Сби-  
лись тучи, забраши удачно, но въ  
исполненіи ны не увѣдѣть Шил-  
ра: въ нихъ мало художественности,  
мысль высказывается съ какою-то  
ошаческою наготою. Нѣкоторые  
мѣнены противъ оригинала очень  
удачно, особенно Величье Вселенной.  
Вдаль говоритъ въ этомъ стихотво-  
реніи не о силѣ, а о силѣ, без-  
смысленности вселенной, die Größe der  
Welt; что же до вышнотенія, то пред-  
ставленъ самнитъ читателямъ быть  
дьями въ этой дѣлѣ, и для того про-  
мисль ихъ сравнить переводъ г. Стру-  
вникова съ переводомъ г. Шевы-  
ва.

Взлѣтъ Всклениой.

міръ, что изъ хлоса Вѣчною Силою  
дланъ, — полетъ направляетъ кормило  
Мысли орлиной, крылатой:  
Мчуся, надежды глашатай,  
уся туда, гдѣ стихія молчать,  
ими вселенной на стражѣ стоять.

жу міровъ вѣковое теченье;  
льше несуся, въ средину творенья;  
Гдѣ имъ раскину вѣтрило —  
Жизнь и движенье и сила.  
мо неслѣдственныхъ промчался свѣтъ,  
о въ пустое пространство амердѣ.

мо пространства въ ничто устремился,  
нечетный лучъ не быстрѣ носился:  
Всюду нетлѣнный и вѣчный  
Вѣчности духъ безконечный  
ру красноту безраздѣльный широты;  
Звѣзды въ ночи — вершины міровы!

глядѣ на встрѣчу: что издавъ, что  
знаешь?  
Го же что ты. Ты о чемъ вопрошаешь? —  
Мчуся на край мірозданья,  
Гдѣ же конецъ упованья?  
уся туда, гдѣ стихія молчать,  
ими вселенной на стражѣ стоять.

нечный нормь. Предъ тобою безконеч-  
ности  
нечная мысль. Не откладываетъ вѣчности!

Кайся, орлиная сила,  
Слай Провидѣнью кормило,  
Дальше крылатая мысль не дерзай,  
Духомъ смирися и якорь бросай!

Вотъ переводъ г. Шевырева:

Безраздѣльность,  
Но жеро вселенной направилъ я вѣтъ,  
Туда якорь мысли бросить, тѣмъ видается  
бросъ

Пучины созданья,  
Гдѣ жизни дыханья  
Не слышно, гдѣ смолкла стихійная брань,  
Гдѣ Богомъ творенью поставлена грань.

Я видѣлъ, какъ юные аэды встали,  
Путемъ вѣковѣчнымъ по тверди текутъ,  
Какъ дружно летали  
Къ божественной вѣнѣ...

Я далѣ, и взоръ ослѣдствъ окресты, —  
И предѣлъ призрачнство, но не было  
звѣздъ...

И вѣтра быстрѣ, быстрѣ лучей  
Я въ бездну ничтожества мчался бодрѣй,  
И небо за мною  
Отлося яглоу...

Какъ волны потока, такъ волны океана  
За странникова шра летѣлъ по сабѣ.

И лутчикъ со мной повстрѣчался тогда,  
И вотъ вопрошаетъ: «товарищъ, куда?»  
— Къ предѣламъ вселенной  
Мой путь неизмѣнный:

Туда, гдѣ умолкла стихійная брань,  
Отъ вѣки созданья поставлена грань. —

«Кинь ширь! предѣлы днѣ вѣтъ предѣ  
тобой.»

— Ихъ вѣтъ и за мною: путь конченъ и  
ушей. —

Самая же вѣтрило,  
О, дубъ мой умалый,  
И далѣ, свѣтлый, летѣть не дерзай,  
И адысь же съ отчаянья якорь бросай!

Но вѣсы Шиллера: Крестовосца,  
Писецъ (впрочемъ, прекрасно - переве-  
денный), Панорама Сента, Фортуна и  
Мудрость, до такой степени не въ ду-  
хѣ нашего времени, что нельзя похва-  
лить ихъ выборъ. Особенно же уди-  
вилъ насъ выборъ такихъ цѣствъ изъ  
Гете, каковы: Водаореніе правъ и Пласка  
мертвецовъ, особенно послѣдняя. Кому  
ее читать? — развѣ старой нянь дѣлать,

для того, чтобъ запугать ихъ фантазію чудовищными образами, порожденными невѣжествомъ? Взрослымъ смѣшны эти пустыни, въ какіе бы стихи ни были облечены они...

Къ-чему также переведена изъ Уланда баллада — *Слуга-Убийца*? Она уже была переведена Жуковскимъ въ то еще время, когда поэтическія бредни среднихъ вѣковъ были въ ходу, и переведена была превосходно. Сравнимъ первая двустихія обомъ переводахъ, — Жуковского:

Измѣной слуга палачина убилъ:  
Убийца засидѣлъ самъ рыцаря былъ.

Г. Струговщикова:

Засидѣлъ слуга палачина,  
Слугою убить палачинъ.

Пьеса эта всѣмъ известна по превосходному переводу Жуковского, и потому не выписывается ее всю. Слуга убилъ рыцаря, надѣлъ на себя его доспѣхи и, перебѣжавъ рѣку, утонулъ отъ тяжести панциря. Какая мораль этой пьесы?—Та, что слабосильный слуга, убивъ рыцаря, не долженъ надѣвать на себя его панциря, нѣз опасенія утонуть. И стыдно такую мелочь переводить дважды!..

Изъ антологическихъ пьесъ г. Струговщикова многія прелестны и по мысли и по выполнению; но есть между ними и такія, которыя какъ-то странно видѣть въ печатной книгѣ; на-пр.:

#### Совершенствовація.

Какъ достигать совершенства? Этому учитъ растение:

Волею стремися къ тому, чѣмъ жмемъ соли оно.

Это что-то тешиовато! Не знаемъ, что хорошаго въ двустихіяхъ: *Тайна*, *Гекзаметръ* и *Пентаметръ*, *Претензія*...

Странное впечатлѣніе производитъ на читателя манера г. Струговщикова обращаться съ старыми стихотвореніями, какъ-будто съ написанными сегодня. Онъ переводитъ пьесу Шиллера и пишетъ на нее отвѣтъ. Вотъ переводъ его *Антиковъ въ Парижѣ* и отвѣтъ на эту пьесу:

#### Антики въ Парижѣ.

Что искусство создавало  
Въ вѣкъ Эллады золотой,  
Забирать оны, грабитель,  
Самодетельственной рукой:  
Вѣковыи образами  
Машолялетъ свой музей —  
И боговъ Олимпъ  
Кажеть какъ гроты.

Но они съ своихъ подношій  
На паркетъ не сойдутъ  
И въ сердца безсмертной жизни  
Проветъ не вдохнутъ;  
Тѣтъ лишь бога почитать,  
Въ комъ огонь его гореть —  
Музы и Хариты  
Вамаллу — гранаты.

#### Отвѣтъ.

Въ вѣкъ судьбою обреченный  
Въ жатву будущимъ вѣкамъ,  
Шлеть она, предтечей міра,  
Наумленнымъ племенамъ  
Смыслъ съ волей необлеченной,  
Съ всеобъемлющимъ умомъ —  
Неисповѣдимымъ  
Онъ плетъ и путемъ.

Онъ сооружаетъ съ царствомъ  
Благо Франціи своей;  
И грома полсѣта ставитъ  
Грани десноту морей —  
И грабитель исчезаетъ  
Передъ гениемъ, какъ тѣнь  
Мимолетной тучи  
Въ лучезарный день.

Не говоря уже о томъ, что веруется по и странно отвѣчать на вопросъ истеченіи почти полувѣка, — отвѣтъ Струговщикова совсѣмъ не приложимъ къ вопросу. Шиллеръ это не столько избѣжалъ въ грабителя, сколько во французскій народъ, который онъ хотѣлъ огласить варваромъ. Конечно въ дѣлѣ искусства. До какой степени Шиллеръ былъ правъ: Франція при Наполеонѣ до того была полнева грубо-солдатскаго духа, что чувство взаимности должно было исчезнуть, вмѣстѣ съ литературою и иными науками, развивающимися въ чело-вѣкъ мыслительность: такъ нужно было самовластію цивилизованнаго Ата-

XIX вѣка. Явно, что стихотвореніе Шиллера внушено минутою, обстоятельствами, по прекращеніи которыхъ оно потеряло все свое значеніе. Г. Струговщикова въ отвѣтъ на него написалъ, не защищеніе цѣлой націи отъ несправедливаго навіта одного человека, а апологию Наполеона, которая такъ же хорошо можетъ идти и къ Тамерлану, какъ и къ Наполеону. Къ чему все это?

Страннымъ еще показалось намъ, почему въ своего превосходнаго переводца гётева *Прометей*, г. Струговщикова помѣстилъ въ «Стихотвореніяхъ» только небольшой отрывокъ, неимѣющій никакого интереса, а не всю пьесу.

Въ заключеніе скажемъ, что книжка стихотвореній г. Струговщикова во всякомъ случаѣ пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Правда, въ ней нѣтъ этого жгучаго, охватывающаго интереса, потому-что нѣтъ ничего современнаго, жизненнаго, но все исключительно посвящено искусству. Это что-то въ родѣ академической антологіи, радъ блестящихъ и прекрасныхъ образцовъ объ искусствѣ; это не поэзія народа, но поэзія кабинета. Въ этомъ я главный недостатокъ, но въ этомъ же и ее главное достоинство.

Книга выдана прекрасно.

300) *На Сонъ Грядущій. Отрывки изъ есаидской жизни. Сочиненіе графа А. Соллогуба. Изданіе второе. Томъ второй. Санктпетербургъ. 1845. Въ 7 миѣ. Journal de St.-Pétersbourg. Въ ю д. л. 407 стр.*

У насъ часто жалуются то на равнодушіе публики къ русской литературѣ, то на зловащіяренныя, будто-бы, отзывы некоторыхъ журналовъ, поддерживающіе въ публикѣ ее равнодушіе къ произведеніямъ роднаго слова. Спрашивается ли эти жалобы? Нѣтъ, и тычу разъ нѣтъ! Книжная торговля наша пала, публика не покупаетъ книгъ, — правда; да что же бы стала она покупать, если въ цѣлый годъ выходитъ два пять-шесть хорошихъ книгъ? И

эти пять-шесть книгъ она раскупаетъ цѣлыми изданіями. Книга графа Соллогуба служить однимъ изъ многихъ доказательствъ этой истины. Повѣсти этого писателя всѣ первоначально помѣщались въ періодическихъ изданіяхъ, и тамъ были всѣ прочтены. Не смотря на то, когда онѣ были изданы отдѣльно, все изданіе тотчасъ же разошлось, — и вотъ теперь *второй томъ На Сонъ Грядущій* выходитъ вторымъ изданіемъ, не смотря на то, что новаго, нигдѣ прежде ненапечатаннаго въ немъ былъ и есть только одинъ рассказъ, занимающій собою какихъ-нибудь 37 страницъ. Говорить о содержаніи этого тома мы не считаемъ нужнымъ, потому-что въ свое время говорили о каждой пьесѣ особенно. Прекрасный талантъ графа Соллогуба всѣмъ извѣстенъ, всѣми признанъ и не имѣетъ нужды въ похвалахъ а провоз.

И такъ, все хорошее по части литературы у насъ расходуется. Откуда же эти вопли противъ людей, будто-бы съ умысломъ унижающихъ русскую литературу, непризнающихъ никакихъ достоинствъ въ ее представителяхъ и тѣмъ самымъ охлаждающихъ публику къ чтенію русскихъ книгъ? Гдѣ эти худители, кто они? — А вотъ тѣ (отвѣтять вамъ нынѣ), что бранятъ Державина, не признаютъ заслугъ Карамзина. Но нѣтъ никакой возможности поверить фактами этого обвиненія; нѣтъ-то брани и униженія, удивленнаго читателя нашель бы только уваженіе, основанное на сознаніи, одѣнку строгую, но безпристрастную, отрицаніе заслугъ небывалыхъ и признаніе заслугъ дѣйствительныхъ. Итакъ, до вѣрты этимъ крикамъ и воплямъ. Мышьяе поклонники Державина и Карамзина думаютъ только о себѣ, прикрывая этимъ великими именами досаду своего мелкаго самолюбія. Не за то сердятся они, что не отдають, будто-бы, должной справедливости Державину и Карамзину, а за то, что не хвалятъ дѣлій ихъ собственной посредствености. Они вричатъ о мирѣ, о согласіи;

Между литераторами, какъ единственномъ вѣрномъ средствѣ возвысить русскую литературу, и для этого хотѣли бы составить литературную лигу, роль заговора на карманъ почтеннѣйшей публики: этотъ миръ и согласіе состояли бы въ томъ, чтобы литераторы выхваляли другъ друга, а публика раскупала бы ихъ сочиненія... Нѣтъ, мы не хотимъ такого мира, nebudeť у насъ лига съ посредственностью, шарлатанствомъ и торгашествомъ, и дурное бы всегда будемъ называть дурнымъ, такъ же, какъ хорошее—хорошимъ,—и пусть клевета посредственности и бездарности изливать на насъ безсильный ядъ свой...

301) Романы Вальтера Скотта. Томъ третій. Антикварій. Съ послѣдними примечаніями и прибавленіями автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею А. А. Краевскаго. Изданіе М. Д. Ольхина и К. И. Жернакова. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. И. Жернакова. Въ 8-ю д. л. VIII и 414 стр.

Нѣмного было въ русской литературѣ предпріятій, которыя были бы такъ интересны сами-по-себѣ и обѣщали бы столь прекрасныя слѣдствія, какъ этотъ переводъ романовъ Вальтера Скотта; и потому, вѣроятно, вслѣдствіе этого отъ всей души счастливаго окончанія этому изданію—окончанія, въ столько зависящаго отъ издателей, сколько отъ публики. Объ успѣхѣ его судить еще нельзя, потому что изданіе едва начато, и только въ декабрѣ нынѣшняго года кончится первая его серія; и хотя, не смотря на выходъ *Вектинга Арварда* въ лѣтнюю пору, всегда глухую для нашей книжной торговли, этотъ романъ привлекъ къ себѣ много читателей, — однако, по обширности изданія заранѣе требующаго отъ издателей весьма-значительныхъ издержекъ, только по выходѣ четвертаго романа, *Гей-Менприга*, можно будетъ предвидѣть успѣхъ или неуспѣхъ этого, по нашей литературѣ, огромнаго предпріятія, дѣлающаго истинную честь предпримчивости г. Ольхина и его товарища, г. Жернако-

ва. Впрочемъ, за успѣхъ тысяча гражданствостей противъ неуспѣха. Въ публики платила же по двадцати и болѣе рублей ассигнаціями за романы Вальтера Скотта, нередко въ чудовищныхъ, безсмысленныхъ переводахъ, дурно-изданныхъ. Теперь каждый романъ, содѣланный и литературно переведенный съ подлиннаго, красиво, даже изящно напечатанный въ одной книгѣ, стоитъ семь рублей ассигнаціями, а для тѣхъ, которые купятъ цѣлую серію, обойдется по шести рублей *двѣнадцати* копейкѣ ассигнаціями. Вальтеръ Скоттъ не приваложитъ къ числу тѣхъ писателей, которые прочтываются разъ и потомъ навсегда забываются. Не одинъ разъ въ жизни можетъ человекъ возобновить невыразимое очарованіе впечатлѣній отъ чтенія романовъ Вальтера Скотта. Это не то, что знакомый намъ писатель: это неизвѣстный другъ нашей жизни, обаятельная беседа котораго всегда углѣбитъ и усладитъ васъ. Это поэтъ всѣхъ племъ и всѣхъ возрастовъ, отъ отрочества, едва начинающаго пробуждаться для сознанія до глубокой старости. Онъ для всѣхъ равно—увлекателенъ и назидателен. Чтеніе его романовъ, уноси человека въ миръ роскошныхъ, хотя и действительныхъ явленій, проливаетъ въ душу какое-то бодрое и вѣстное тѣхъ крогтокъ, успокоительное чувство очаровывающаго фантазію, образовываетъ сердце и развиваетъ умъ, потому что поэзія Вальтера Скотта не эксцентрическая, не драматическая, не мечтательная и не болѣзненная: она живетъ на землѣ, въ действительности; она — боркало живыя историческія частной. Для молодыхъ людей особенно полезныя романы Вальтера Скотта увлеченія ихъ въ миръ поэзіи, они не только не отвѣщаютъ ихъ отъ науки, но еще воспитываютъ и развиваютъ въ нихъ историческое чувство, безъ котораго изученіе исторіи безплодно. Они пробуждаютъ въ нихъ охоту и страсть къ этому первому и величайшему занію нашего времени.

302) Сочинения Державина. Биография писателя Н. А. Подевымъ. Изданіе Д. П. Штуркова. Санктпетербургъ. Въ трих. Константина Жернакова. 1845. Въ 8-ю д. л., въ два столбца. XVI и 395 стр.

При жизни Державина и въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ, протекавшихъ со дня его смерти, было только одно полное (и то не совершенн) изданіе его сочиненій. Четыре первыя части были изданы самимъ имъ, въ 1808 году, пятая вышла въ 1816, который былъ годомъ его смерти. Сверхъ того, въ разные времена были издаваемы отдѣльныя сборники его стихотвореній, какъ-то: *Читалацкія Оды; Анакреонтичскія Оды; Ирода и Мариамна*, трагедія; *Имя Державина*. Второе изданіе сочиненій Державина въ четырехъ томахъ, было напечатано г. Смирницкимъ въ 1831 году; оно же, безъ перемѣны, было переиздано имъ въ 1834 году. Въ 1841 году, кончилось двадцатипятилѣтіе отъ смерти Державина, и явилось изданіе сочиненій этого поэта сдѣланное общимиъ. Первый вселюбовался имъ книгопродавецъ г. Лазуновъ: въ 1842 году, онъ напечаталъ четвертое изданіе сочиненій (срѣдизна, которое было полнѣе первыхъ трехъ томъ, что въ него вошла трагедія *Ирода и Мариамна*. Теперь выходящее полное изданіе, напечатанное книгопродавцемъ г. Штурковымъ. Это дѣлается лучше первыхъ четырехъ. Во-первыхъ, оно компактное, въ одной книгѣ, напечатанной въ два жальба, — выгода несомнѣнная для публики: и дешевле, и меньше мѣста занимаетъ. Потому, оно полнѣе всѣхъ прежнихъ изданій; въ него вошли: *Читалацкія* (или *Читалацаренія Оды*, которые считались вторичными, *Разсказъ Графини* (или *Расина*), *Ода на смерть утубова* и *Разсужденіе о муртинской эзии*. Не худо было бы, еслибъ къ этому изданію приложены были: *Ключи Сочиненій Державина*, (Санктпетербургъ 1831) и *Обясненія на сочиненія Графини* (Санктпетербургъ 1834), написанныя гг. Озерновымъ и Леоновымъ.

Говорятъ, у г. Боровдина, которому супруга Державина завѣщала всѣ бумаги своего мужа, хранится нѣскольکو неизвѣстныхъ драмъ (вѣроятно, трагедій) и огромная тетрадь записокъ Державина; увѣраютъ даже, что г. Боровдинъ намѣренъ напечатать эти записки. Дай-то Богъ, чтобъ это было правдой. Записки Державина должны имѣть величайшій интересъ, какъ въ отношеніи къ его личности, столь мало еще знакомой намъ, такъ и въ отношеніи къ его времени, отъ котораго теперь мы отдѣлены какъ-будто нѣсколькими вѣками, и которое, вѣроятно, не могло не отразиться на нихъ съ болѣе или менѣе яркою, истинною и вѣрною. Немалую услугу оказалъ бы г. Боровдинъ русской литературѣ, если бы, кстаті ужъ, напечаталъ все, что у него есть, и что онъ можетъ достать изъ неслыханныхъ сочиненій Державина, не принимая въ расчетъ эстетическаго достоинства и рукоюделуаго только мыслію, что все, написанное Державинимъ, не можетъ не имѣть историческаго интереса.

Если бы г. Боровдинъ, въ общему ожиданію и удовольствію всѣхъ любителей русской литературы, выполнялъ это желаніе, котораго мы не смеемъ назвать лишнимъ, потому-что оно принадлежитъ не одному намъ, — тогда, послѣ отдѣльнаго изданія «Записокъ» и всѣхъ неизданныхъ сочиненій Державина, потребовалось бы новое изданіе сочиненій великаго поэта екатерининскаго времени. И если бъ это шестое изданіе было лучше напечатано и лучше редакцировано, нежели явное, то мы имѣли бы не только красивое, съ толковою сдѣлание, но и полное изданіе его сочиненій. Если мы скланиваем, что пятое изданіе лучше и полнѣе четырехъ прежнихъ, — это все еще не значитъ, чтобъ оно было хорошо. Нѣтъ, оно очень — далеко отъ того, чтобъ быть хорошимъ! Во-первыхъ, бумага ошрохата и толстовата; печать самая-то блѣдная, слѣдая, что и невразумно и трудно для глазъ; бу-

вы довольно - заслуженныя, т. е. довольно - избитыя; ореография варварская: страница такъ и пестритъ невѣроятнымъ множествомъ безъ нужды наставленныхъ заглавныхъ буквъ. Въ послѣднемъ отношеніи, вотъ для примѣра два стиха:

Левъ именовъ — звѣрный Ц(п)арь,

Ты родомъ богатырь, сынъ Б(б)арскій.

Къ изданію приложенъ портретъ Державина, рисованный г. Жуковскимъ, и вѣтъ же сдѣланный заглавный листъ, съ изображеніемъ гробницы Державина; въ началѣ книги политическая вѣньетка съ картины Рафаэля, и въ концѣ изображеніе памятника, воздвигаемаго Державину въ Казани. Портретъ, говорятъ, похожъ, графированъ на стали, въ Лондонѣ, и съ этой стороны о немъ, кромѣ хорошаго, сказать нечего; но нарисованъ онъ плоховато. Политическая вѣньетка въ началѣ книги, хотя и вѣтъ съ картиною Рафаэля, но нисколько не соотвѣтствуетъ величію своего сюжета. Вотъ все, что относится до внѣшнихъ качествъ изданія; взглянемъ на внутреннія.

Въ корректурномъ отношеніи, мы уже указали на изобиліе безъ всякой причины, вопреки здравому смыслу напечатанныхъ заглавныхъ буквъ; но не стигли только ограничиться корректурное достоинство пятаго изданія сочиненій Державина. Заглянувъ, между прочимъ, въ оду на *сохраненіи графа Зубова изъ Персіи*, мы заругъ встрѣтили, въ довитой строфѣ, трехстопный стихъ:

«Какъ блещутъ чепуею».

Что такое? Заглядываемъ въ смирдинское изданіе 1831 года, и видимъ, что тамъ этотъ стихъ напечатанъ такъ:

«Какъ блещутъ нестрой чепуею».

Это одинъ только примѣръ корректурной исправности изданнаго г. Штукинымъ Державина; но, можетъ-быть, мы нашли бы такихъ примѣровъ и еще нѣсколько, если бы нѣли время внимательнѣе пересмотрѣть изданіе. Такъ-какъ къ нему не приложено, въ концѣ, опечатокъ, то купившему его не вѣдаютъ имѣть и смирдинское из-

даніе, чтобъ прибѣгать къ нему для восстановления пропусковъ и вставки новаго изданія. Это также очевидно и выгодно для покупателей...

Одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ недостатковъ этого изданія должно считать расположеніе словъ по родамъ. Вотъ что говорить объ этомъ г. Полевой, авторъ біографіи Державина: «Многіе считаютъ хронологическія изданія самыми лучшими дѣла твореній поэта. Мы можемъ думать въ его изданіяхъ его жизни, и обратимъ на него жизни его соднннн, томъ рать намъ. Но не получите ли вы безобразнаго хаоса впечатлѣній изъ такого изученія, и не потеряете ли идея поэта? Систематическое распределеніе, безспорно, представляетъ нудобство всякой системы — проволъ, руководствующій систематически. Старался привирить объ крайности мы предоставили для любителей хронологическаго порядка отдѣльные списки, гдѣ по возможности указываемъ время сочиненія каждой пьесы Державина, по въ самомъ разширеніи ихъ приняла слѣдующее расположеніе: стихотворенія *духотныя*, гдѣ вдохновляло поэта чувство вѣры и благочестіе христіаннаго. За ними слѣдуютъ *Фелица*, три другія, принадлежащія къ ней стихотворенія, вышешныя Державину современныя событіями, отъ *Рожденія Иеророжденнаго Отрока* до конти Парки и всѣ стихотворенія, писанныя въ разныя особыя, изображенія частную жизнь и отношенія поэта. Потомъ слѣдуютъ отдѣльные стихотворенія *олическія*, *свнныя*, *эпическія* картины, стихотворенія *оамырическія*, *антологическія*, *оестческія*, переводы и подражанія. Иными, подъ именемъ *Поэтической біографіи*, собрали мы все, что сказалъ поэтъ о самомъ себѣ и о жизни своей. Далѣе, мелкія стихотворенія, три драматическія сочиненія, прологи, описаніе правдника Понкина, небольшая драматическая пьеса

ка. Все заключается разсужденіемъ о лирической поэзіи, двумя стихотвореніями, пропущенными въ другихъ изданіяхъ, и Читалагарскимъ Одами, напечатанными, безъ всякаго помѣненія, съ изданія 1774 года. (сир. XIII). Это дивное, хаотическое раздѣленіе показываетъ только желаніе хоть хитрить, да по-свѣдѣму; тутъ же, кстати, примѣшалась и охота примирить романтизмъ съ классицизмомъ... Пора! Г. Полевой ужъ столько времени и съ такою ревностью подвизался за романтизмъ противъ классицизма, такъ жестоко бранилъ Бѣдвика-классицизмъ, — а вѣдь Богъ-знаетъ за что: внутренно онъ съ нимъ вовсе не былъ во враждѣ! Это было какое-то страшное недоуміе. Все дѣло стало итъ сперва за слова, плохо-понятая, въ некоторыхъ вѣстныхъ формахъ. Отъ этого примиреніе совершилось очень-естественно, само-себою, почти безъ вѣдома г. Полевого. Оно началось съ той эпохи, когда г. Полевой началъ заниматься на Пушкина, которое прежде пренебрегалъ. Воскалалъ же онъ Пушкина за его вольныя одамы, отчасти и за его переходныя произведенія; но какъ-скоро Пушкинъ сталъ великнмъ поэтомъ, художникомъ, мастеромъ во всемъ смыслѣ слова, — г. Полевой объявилъ, что Пушкинъ отсталъ отъ вѣка (т. е. отъ *Московского Телеграфа*), выписался, вѣдь, удаленъ въ ничтожномъ свѣтскомъ житіи... Видите ли, какой это былъ романтизмъ! Удивительно же, что, вѣкогда съ ожесточеніемъ нападая на Баттѣ и Лагарпа, теперь г. Полевой расхваливаетъ сочиненія Державина по цѣнтамъ Аполлоса, классицируетъ ихъ словно эвемаллары произведенія императорскаго царства, подбирая одно къ одному по строгой системѣ, не ронкая и выдвигая и слабяка каждый арлычникомъ съ ладнвсью и ну-коронъ?... Хронологическое распределение пугаетъ его хаосомъ: въ-самомъ-дѣлѣ, есть чего испугаться тому, для кого не существуетъ единства въ разнообразіи! Въ хронологическомъ изданіи поэта, мы видимъ начало, пер-

вые опыты его таланта, слѣдимъ за его развитіемъ, видимъ вліяніе на него современныхъ обстоятельствъ, слѣдимъ за его собственнымъ развитіемъ; словомъ, видимъ поэта, человека и историческое лицо. Творенія его, въ такомъ изданіи, представляются намъ садомъ, который богъ извѣщаетъ своимъ разнообразіемъ, пожелаемъ наводнить тѣску мертвое правдальство; и у кого станетъ охоты и терпѣнія читать сплошь и рядомъ, на-пр., оды духовныя стихотворенія, или оды торжественныя оды? Жизнь эмпагои изъ разнообразныхъ впечатлѣній, а поэзія — зеркало жизни. Поэтъ ищетъ истинстическое стихотвореніе, и въ-слѣдъ за нимъ эротическое: закъ это дѣлается, итъ итъаются между собою такіа противоземломныя впечатлѣнія, — намъ до этого итъ дѣло; онъ что онъ итъаются — это фактъ. Другое дѣло отдѣлить въ авторѣ лирическія произведенія отъ эпическихъ, а эти — отъ драматическихъ, потому-что снѣтъ великаго вѣсѣ съ Бодарина неостованна.

На говоря уже о томъ, что раздѣленіе г. Полевого ложно, пренебрежно, обидливо и уродливо, оно еще вредно и самому-себѣ. Къ великому сожалению отнесены писатели, писатели Державинныя въ разныя есобои, изображенія частную жизнь и омповшенія поэта: кромѣ того, что онъ снѣтъ итъаны не ктати съ писани, влущенныи Державину историческими есобои-ненными обстоятельствами, — онъ бѣтъ нужды отдѣлены отъ писецъ, въ которыхъ поэтъ говорить о самомъ-себѣ и которыя помѣщены въ отдѣлѣ *автобиографіи*. Потому г. Полевой нашелъ у Державина *эпическія*, которыхъ итъ никогда не писалъ и не могъ писать, потому-что элегія есть по проиществу *романтически* родъ: она омпавляетъ не смерть историческихъ лицъ, а горькія утраты поэта, только для него важныя — смерть милой, друга, обманы страстей и надеждъ, и т. д.; ея колоритъ и тонъ — чисто-романтическія, а Державинъ былъ есорт



интеллект романтически. Даже *Вадимов* попал у г. Полеваго въ разрядъ элегій! Ода на смерть *Моллероваго* — величественное превращеніе снотворнаго духа, эта страшная оргія отчаянія; въ которой все — вошь и вопросъ любви, но въ второй вѣтъ на одного унылаго тона, въ одного задумчиваго звука, — эта ода тоже обратилась у г. Полеваго въ элегію!.. Замѣчательно также изобрѣтеніе г. Полеваго назвать то *классическимъ* парадикомъ, изъ котораго онъ отнесъ къ классу: *Антигона, Соловей, Пастухъ, Навсина, Ночникъ, Радна* и проч. Удивительныя классификаціи! Гдѣ Тредьяковскаго должно возрадоваться: и самому почтенному профессору алоказіи и интересной историческимъ на вылушкѣ быстрой интеллигентъ и мелочной истинѣ!.. И вотъ какъ явное изданіе сочиненій *Державина*: читайте, получите и торжествуйте!..

Но самое поразительное изъ отрицательныхъ достоинствъ этого изданія состоитъ въ приложенная къ нему статья г. Полеваго: *Державинъ и его творчество*. Это уже тысяча-верный *Неудачный* образецъ стараго журналиста, который имѣющаго изъ русской литературы сильнѣйшій голосъ и считающагося отчасти въ приличіи, удержатъ за собой право втораго голоса и поддѣрживать въ настоящее время идею и взгляды, хронологически устарѣвшіе и въ нынѣшнюю эпоху. Но хуже всего въ этой статьѣ то, что онъ авторъ позволилъ себѣ забыть важность предмета, въ которомъ безъ оглядки правды судить и верить и вѣсомъ, и въ этой статьѣ сужденія о *Державинѣ* свѣдѣнія между журнальную колѣннѣ, въ сѣдѣтвіе досады и огорченій, действенныхъ изъ отъ успѣховъ нашего времени и отъ уроковъ; полученныхъ отъ людей новаго поколѣнія: Навсинаго дѣла, что, вмѣстѣ съ *г. Булгаринимъ* и въ некоторымъ другимъ старымъ литераторамъ, г. Полевою видятъ въ *Гоголя* не больше, какъ безграмотнаго писателя, а въ его *Ревизора*

— грубый фарсъ. Положивъ такъ: всѣмъ почитать вещи какъ можно и какъ убиты. Почему же и г. Полевою не почитать *Гоголя* по-своему? Это вѣдь старая исторія: *Карамзинъ* молодой похвалитъ *Фрунзю* восторженъ, а старое — бранью; *Пушкинъ* молодой похвалитъ *встрѣчу* чуть не *идолопоклонствомъ*, а старое — ожесточенною враждою. Почему же и *Гоголю* не раздѣлить участи такихъ людей, какъ *Карамзинъ* и *Пушкинъ*? — это доказываетъ только его молодость, какъ поэта. И почему же г. Полевою не смѣетъ на *Гоголя* по-старчески? — это доказываетъ только его отсталость отъ дѣла и близорукость, какъ критика. Но вотъ что худо: зачѣмъ писать *Гоголя* въ *биографію Державина*? зачѣмъ, восхваляя *Державина*, бранить *Гоголя*?... Это значитъ нехотѣти выкидывать свое личное гудъ, гдѣ-е най не можетъ быть рѣшительнаго и разраженіе, молодости и ничтожества, прикидывать къ великому имени... Это ли уваженіе и благосклоніе къ имени *Державина*, который г. Полевою имѣетъ себѣ въ тѣхъ м-стахъ?.. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ на VI-й страницѣ своей злополучной статьи: «*Воронинъ* (де-ректоръ *Казанской Гимназіи*, въ которой воспитывался *Державинъ*) утвердилъ даже театръ, ибо и самъ онъ былъ драматическимъ писателемъ, и онъ ставилъ хотѣлъ своины. *Тихъ* и *Долго* не менѣе *Филатова* и *Ревизора* имѣвшихъ... Какъ *Ревизоръ* сравнѣтъ съ *Филатомъ*? Но съ чѣмъ же, вслѣдъ этого, можно сравнить *Воронинъ*, *Сибирячку*, *Владъ Гиллсгоу*, *Чирковскаго*, *Владиміра*, *Годосло* *Сидорова* и другія издѣянія прощальныя, которыми доужество г. Полеваго обогатило спяну *Александровскаго-Театра*?.. Если *Ревизоръ* — *Филатъ*, то что же онъ, эти пьесы, эти любительны дѣла искусства, которыхъ пародія доужая свитая г. Полеваго?..

Но не однимъ этимъ достается *Гоголю*: увидитъ нѣчто лучшее; увидитъ что и не одному *Гоголю* достается. Ужъ

тысячу раз повторил г. Полевой, что Пушкинъ свѣдѣнъ не только в области искусства, но и въ области жизни: кто же повторилъ и въ области Державина (*стр.* IV). Вы-снова-дѣл; зачѣмъ Пушкинъ увлекся ничтожною *волжскою* жизнью, а не увлекся великою *кавказскою* жизнью? Но въ Пушкина г. Полевой не до конца развѣдался: онъ говоритъ, что поэтъ Державина у насъ былъ одинъ *истинный* поэтъ—Пушкинъ (*стр.* XIV). Полюбуе!.. Но эти слова явно порочатъ справедливость автора—отътого, что мы имѣли бы на Руон и третьяго *истиннаго* поэта: на-прим., тотъ *высвѣтленный* авторъ «Клятвы при роствъ Господомъ», «Аббадонны», «Калопнона», «Властоства Безумна», «Пирата-Сибирячина»; «Охоты Си-доныя» и другихъ *за-искусную* поэти-ческихъ сочиненій...

Статья г. Полевого раздѣляется на двѣ части: въ одной—собственно био-графія Державина; въ другой—сужде-ніе о Державинѣ. За исключеніемъ главы, о которыхъ мы говорили и которая кой-гдѣ незначителна (по-ра-и Державина, — она тамъ есть, и за-мѣтательна лучшая, родителъ. Въд-лякъ писать какъ можетъ и какъ слѣдуетъ; долженъ быть *благосклоннѣ-льнѣ*). Но вторая, критическая часть статьи возбуждаетъ только сострада-е и жалость. Тутъ видно не одно от-торженіе опредѣленной, ясной, той бы-ложной мысли: тутъ видно желаніе въ то же время, *беспыльнѣ* остано-вись на какой-нибудь мысли. И уси-перенричать возмъ, и уступочая, храброванье, и сморшонудра-онъ; и Франъ на противявнотъ—и *лаженіе* ихъ *нѣтъ*, и *самодоволь-о*, и много словъ, и мало дѣла, и въ *лючшѣе*—равно ничего... Негово-тъ много и не сказавъ ничего, ав-ь, *собръавшись* съ силами и сдѣлавъ *г де fortѣ* отчаянной храбрости, въ ихъ *выраженіяхъ* пускается на нь и *полюбуе*:

Къ сожалѣнію, многие критики наши, поимѣвая Державина, говорятъ иначе

(г. с. на такъ, какъ говоритъ г. Полевой—именно, *из сожалѣнія*). Какъ безудержно хвалятъ его въ старину, какъ до дождя *мѣркъ* классицизма раздѣляли, прежде его творенія, такъ нынѣ, когда обязан-ностью критика многие считаютъ непре-мѣнное *осужденіе*, когда каждый предметъ, подвергнутый критическому воззрѣнію, многие почитаютъ чѣмъ-то въ родѣ *обыч-нѣннѣго*, призваннаго къ *деспоту* передъ прокурора журналиста, и великимъ *тѣмъ* Державина *примѣняется* къ *нѣтъ* *искусному* *слу*, и *осужденію* по *статьямъ* *мѣркъ* *декадера* *художественнаго* *устройства*. *Противъ* не далеко. Не упоминая имени, вспомнимъ о критикѣ, который, послѣ долгаго му-дрованія, осудилъ Державина за недоста-токъ *художественности*, стоя на *колѣняхъ* передъ жалкими произведеніями *вогдѣ-шнихъ* *нѣтъ* *романтиковъ* (?), и съ во-сторопнѣ *рассматривая* *вообще* *тѣмъ* *нѣтъ* *набръ* *малоромантическаго* *романтизма*. Такихъ сужденій не только бы другие онъ *тѣмъ*, *всѣмъ* *улыбкой* *самодовольнаго*, *уборочна* и безъ насъ смываетъ дѣхъ, какъ *гладя* *пятца*, съ истинно *ведкадо*, но намъ жаль, если подобныя близорукія сужденія увлекаютъ юное поколѣніе.»

Читай эти строки, немного ду-маешь, что читаешь выходы старыхъ поборниковъ такъ называвшагося въ старину *классицизма* противъ г. Полевого, когда онъ ратовалъ за такъ называвшіяся въ тѣ блаженные времена *романтизмъ*. Тотъ же слогъ, тотъ же языкъ, та же манера; тѣ же уловки и та же враждебность противъ всего новаго, противъ всякаго движенія впе-редъ, противъ всякаго усѣха! На-прасно же г. Полевой въ то время от-нималъ у своихъ антагонистовъ всякое дарованіе, всякую заслугу: вѣдь вотъ пригодился же онъ, пришлось же и ему теперь играть ихъ роль, которая тогда ему казалась такою жалкою! Но разберешь сказанное г. Полевымъ.

Напрасно избѣгаетъ онъ упоминать имена, особенно тамъ, гдѣ они сами собою выставляются и бросаются въ глаза каждому, кто не слѣпъ. Мы скажемъ, о какомъ критикѣ-пигмѣй вспо-минаетъ нашъ критикъ-колось, кри-тикъ-великанъ; скажемъ, передъ каки-ми жалкими произведеніями и какими

новѣйшихъ романтиковъ заставляеть критикъ-исполнѣ становиться на колѣни критика-пигмея; скажемъ, наконецъ, какую грязь и какого *малоработнаго* романиста критикъ-гигантъ заставляеть съ восторгомъ разсматривать критика-пигмея. Разгадать все это очень-нетрудно. Во второй книжѣ «Отеч. Записокъ» 1843 года, былъ напечатанъ критическій разборъ сочиненій Державина, но случаю моднаго г. Глазуновымъ собранія твореній этого поэта. Въ означенной статьѣ, авторъ, или, если угодно, критикъ-пигмей, равно удалялся и отъ дѣтскаго, безотчетно-восторженнаго удивленія къ Державину, и отъ ложной гордости успѣхами современности, — гордости, которая вѣщаетъ отдавать должную справедливость заолугамъ прошедшаго, — попыткамъ взглянуть на сочиненія Державина и съ эстетической и съ исторической точки зрѣнія. Результатомъ его вслѣдованій было то, что, со стороны естественнаго, непосредственнаго таланта, Державинъ — гораздо-болѣе, нежели, пробыкновенный талантъ, что въ сочиненіяхъ, его брызжутъ искры гениальности; но что эпоха, въ которую онъ жилъ, не могла ни воспитать такого таланта, ни дать богатаго содержанія для его творческой дѣятельности, и потому сочиненія Державина, удаляя насъ страшною силой естественнаго таланта, мгновенными вспысками и проблемскими гениальности, въ то же время бѣдны внутреннимъ содержаніемъ, часто до совершенной пустоты, мотивы ихъ вертятся на видѣностяхъ и отаиваютъ газетными реляціями; и что, наконецъ, почти ни одна пьеса Державина невыдержана въ цѣломъ, не чужда реторикѣ, и всѣ онѣ бѣдны *художественностью*. Все это въ статьѣ было равнито, на все приведены были доказательства, скрѣпленные выписками стиховъ Державина. Статья была замѣчена публикою (которая давно уже привыкла только въ «Отеч. Запискахъ» замѣчать критическія статьи, вѣроятно, по особенной любви ея къ

критиканъ-пигмеевъ, и по современному равнодушію къ критиканъ-исполнѣмъ) и произвела большое волненіе въ литературномъ мірѣ, неумолкающее и теперь. Это естественно: успѣхи пигмеевъ особенно должны раздражать гигантовъ, на которыхъ никто не обращаетъ вниманія... Такъ вотъ о законѣ критикъ-пигмей вспоминаеть г. Полевой, сей критикъ-ястребъ! Въ «Отеч. Запискахъ» съ вниманіемъ и любовію слѣдятся всѣ современныя дарованія; но особенное ихъ вниманіе всегда было обращено на два великія явленія нашей эпохи — Державина и Гоголя: знаете же, что между жадными произведеніями этихъ то двухъ современныхъ романтиковъ г. Полевой ставитъ на колѣни критика-пигмея. Что же касается до юнноты грязи какого-нибудь *малоработнаго* романиста, знаете, что дѣло идетъ о *Мертвыхъ Душахъ* Гоголя.. Еслибъ г. Полевой замѣтилъ намъ, что мы угадываемъ неврно, — мы готовы представить ему почетныя доказательства вѣрности нашихъ отгадокъ — именно, множество точно такихъ же образъ самого г. Полеваго на счетъ Державина, Гоголя вообще и его *Мертвыхъ Душъ* въ-особенности, — образъ, заятыхъ изъ *Русскаго Вѣстника* и другихъ журналовъ, мирно скончавшихся... Не считайте за нужное разсуждать г. Полеваго въ его не-истиннѣ достойномъ социальнѣмъ мнѣніи о Державинѣ и Гоголѣ: это былъ бы трудъ лишній; г. Полеваго не переубѣдите: ему уже поади неручиваться; притомъ, къ безсильной отсталости надо имѣть снисхожденіе... Но пусть же его мнѣніе и говоритъ само за себя и за него: въ этомъ мнѣніи наше оправданіе и его обвиненіе...

Однако въ чемъ же, скажите, вина критика-пигмея? гдѣ, съ его стороны, грязное пятно на русскую литературу? Не-уже-ли въ недостаткѣ художественности, который онъ находитъ въ сочиненіяхъ Державина? Вамъ это кажется несправедливымъ: докажете, и тогда ужъ бранитесь, если вы не можете не бра-

виться... Странно! тѣмъ болѣе странно, что самъ г. Полевой, съ голоса критика-пигмея, находитъ уже въ Державинѣ и недостатки, которыхъ прежде не находилъ, какъ-то: преобладаніе внѣшности, исключительное увлеченіе тѣми интересами и наѣвными своего времени, которые теперь уже мертвы для насъ, и пр. Конечно, эти у критика-пигмея занятые мысли высказаны г. Полевымъ такъ робко и нерѣшительно, и сдѣланы съ собственными его фразами и возгласами такъ неумѣстно, что ихъ и не замѣтишь съ перваго взгляда; но все же г. Полевою слѣдовало бы быть нѣсколько непризнательнѣе къ критику-пигмею. Г. Полевой уже въ другой разъ судить и ридить о Державинѣ, но въ этой послѣдней статьѣ уже меньше риторикъ и пустыхъ фразъ, въ родѣ: *потомокъ Бахрама, въ его поэзіи разсыплются брилліанты, жемчуги, сапфиры, рубины, топазы, бирюза и т. и.* И за это слѣдовало бы поблагодарить критика-пигмея, вмѣсто того, чтобы ругать его ни за что, ни про что...

Отдѣлавъ критика-пигмея, г. Полевой бросается на г. Шевырева за его слова о Державинѣ, что «Россия была Катерины была Россия пышная, роскошная, великолѣпная, убранная въ азиатскіе жемчуги и камни, полудрагоценная, полугравирная, полугранитная» — что «такова поэзія Державина во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ». Мы не поборники наѣвнѣй г. Шевырева, — это всѣмъ извѣстно; но что касается до этого его мнѣнія, оно истинно и дѣльно въ высочайшей степени. Еслибъ г. Полевой принялъ его и за парадоксъ, — все-таки онъ долженъ бы былъ увидѣть въ немъ одинъ изъ тѣхъ парадоксовъ, которые можно опровергать, но надъ которыми не должно глумиться. Вмѣсто этого, г. Полевой съ христіанскими смиреніемъ посылаетъ критику отпущеніе въ пользу нѣмъ грѣхъ это — *не сломъ бо что теоритъ*. Отдѣлавъ г. Шевырева, г. Полевой, чтобы лучше доказать свое благоговѣніе къ гению Державина, заклю-

чаетъ свою статью слѣдующимъ образомъ на г. Галахова:

«Какой-то литературный судія смилъ недавно Русскую Хрестоматію, и послѣ сора и грязи, выметенныхъ изъ современной литературы, которые кажутся ему образцовыми (\*), удостоилъ помѣстить нѣсколько стихотвореній Державина, отиътихъ ихъ, какъ устарѣлыя, зафедочки. За такой подвѣтъ стоило бы поставитъ землечку на чело собирателя Хрестоматіи. Разумѣется, что подобная смѣлость уже не подходитъ подъ судъ здраваго смысла, но грустно думать, если собиратель Хрестоматіи назначалъ свою книгу для юныхъ читателей, и ему могутъ повѣрить не только они, но и учитель ихъ, не держащій сомнѣваться въ томъ, что напечатано (стр. XVI).»

Въ этомъ случаѣ, г. Полевой былъ бы совершенно-правъ, еслибъ только онъ умышленно не искажилъ факта. Г. Галаховъ, при изданіи своей «Хрестоматіи», имѣлъ въ виду только образцы правильнаго и чистаго языка, не болѣе, и потому въ нее законно могли войти пьесы даже слабыя въ эстетическомъ отношеніи, но лишь бы замѣчательныя по правильности и чистотѣ языка. Можно оспаривать пользу подобнаго сборника; но нельзя не согласиться, что г. Галаховъ, желая быть вѣрнымъ идеѣ своего изданія, какова бы она ни была, былъ совершенно-правъ, что, соблазвившись красотами нѣсколькихъ стихотвореній Державина, принялъ ихъ въ свой сборникъ и, чтобы загладить отступленіе отъ плана изданія, отиътилъ ихъ зафедочками, какъ устарѣлыя по языку. Не-уже-ли же это преступленіе — назвать пьесы Державина устарѣлыми по языку? Боже мой! изъ какихъ пустяковъ затѣалъ г. Полевой такую шумную исторію! Не-уже-ли это изъ благоговѣнія къ имени Державина? Нѣтъ, скорѣе изъ досады, изъ старой журнальной привычки къ журнальнымъ схват-

(\*) Г. Галаховъ не помѣстилъ въ своей хрестоматіи ни одного отрывка изъ стихотвореній «драматическихъ представителей» г. Подемова!

манъ и переобрезать... А пора бы, кажется, остепениться, и, вместо того, чтобъ играть роль задорливаго юноши, только-что начинающаго писать, пора бы показывать собою молодильнъ людямъ примѣръ умѣренности, уваженія къ себѣ и другимъ, личнаго достоинства; пора бы изъ поэтического владѣтеля сдѣлаться литераторомъ, котораго литературное сужденіе соотвѣтствовало бы общественнымъ дѣламъ... А какой тутъ примѣръ для юношей: г. Полевой печатно, и притомъ въ сдѣлствіе ложно представленнаго мнѣ факта, хочетъ поставить господину Галахову *эмзрочку на лбу!*.. Послѣ этого, г. Галахову остается печатно же изъяснить желаніе поставитъ г. Полевому какіе-нибудь другіе знаки на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, — чего, впрочемъ, мы увѣрены, г. Галаховъ никогда не позволитъ себѣ сказать изъ уваженія къ самому-себѣ, къ публикѣ и къ литературѣ...

Г. Полевой говоритъ, что двѣнадцать лѣтъ назадъ, онъ безпристрастно опредѣлилъ значеніе Державина въ русской литературѣ, и «нигдѣ наслажденіе видѣть, что съ выгодами его согласилось общее мнѣніе, по-крайней-мѣрѣ, большинство мнѣній—нигдѣ счастье слышать свое мнѣніе повтореннымъ другими, писавшими послѣ того о Державинѣ», и по-этому, не изъ ничтожнаго тщеславія осмѣливается считать свое мнѣніе не вовсе-ошибочнымъ, и что, наконецъ, двѣнадцать лѣтъ размышленія и опыта жизни не измѣнили основной его мысли о Державинѣ.

Удивительное постоянство — надо согласиться! Однакожь, его нельзя назвать безпримѣрнымъ: Мерзляковъ (умершій въ 1830 году) тоже въ двѣнадцать (даже больше) лѣтъ не измѣнилъ своего мнѣнія, что Ломоносовъ выше Пушкина; Каченовскій оставался вѣренъ этому мнѣнію лѣтъ двѣдцать сдлинномъ. И эти люди имѣли еще то преимущество передъ г. Полевымъ, что знали, въ чемъ состоятъ ихъ мнѣніе... Въ статьѣ г. Полеваго о Державинѣ,

записанной цѣль двѣнадцать лѣтъ назадъ, проѣхъ помощникъ Барина, *мудрой рукой разсчитавшио изъ своей памяти разныя мѣстискія изреченія*, и тому-подобныхъ фразъ, доказывавшихъ безотчетный восторгъ, — ничего другаго не было. Но съ тѣмъ, говоритъ онъ, согласилось общесѣйное, по-крайней-мѣрѣ большинство мнѣній: правда ли это? Въѣдъ тогда-то г. Полевою сказано же, что *онъ знаетъ Русь, и Русь знаетъ его*; а вѣдь оказалось же, что это значеніе было только шамочное, — значеніе обстоятельство, въ сдѣлствіе котораго *Меморія Русскаго Народа* не могла достигнуть вождѣннаго копна и осталась на серединахъ. Но поминимъ, что многие и согласились съ статьею г. Полеваго, такъ-какъ другимъ тогда не было: но вѣдь это было двѣнадцать лѣтъ назадъ; много воды утекло, много измѣнилось, въ двѣдцать лѣтъ; публика стала не та и не тѣ силы ея требованія. *Телеграфъ* давно ужъ забытъ: его помнятъ только тѣ, кто рыль вужно заглаживать, для сирвокъ, даже въ *Востанихъ Берамъ*... Ни видно, самолюбіе писателей похоже на самолюбіе докторѣ: ни тѣ, ни другіе никогда не признаются въ старости... Мнѣній г. Полеваго о Державинѣ икакъ не позволялъ, потому-что послѣ того никто не писалъ о Державинѣ: этотъ фактъ изобрѣтенъ Авторскимъ самолюбіемъ.

Но дозволено; вспоминаемъ русскую историю о *мозоляхъ*, и оставимъ г. Полеваго на покой, чтобъ скрѣпѣ вѣселоко слово и предметъ гордаго величія — о семемъ Державинѣ.

Державинъ — истинно-великій дѣлтъ, но въ возможности, а не въ дѣлствительности. Природа содела его гонима, на аска, въ которую онъ жаль, обрѣвала ему крылья: икакъ могучій взмахъ, виднѣть символы и быстрое перелѣтъ въ небо; но разяго и основнаго перелѣтъ не виднѣтъ: влѣтъ — и спустился, упадесть — и селъ ринется вразъ... Если ужъ воще на сравненія, Державинъ — могучій дѣлтъ, котораго перелѣтъ должа бы дѣлтъ

высоко въ небо, а широкія вѣтви покрывать густою тѣнью необъятное пространство, но который никогда не могъ развиваться до разнѣровъ и до могучей красоты, назначенной ему природою, потому что корни его встрѣтили каменную почву, которая не дала имъ ни углубиться, ни выйти для себя достаточнаго питания. Какъ! — скажутъ — блестящее царствованіе Екатерины II было безплодною почвою для поэзіи? Отвѣчаемъ: царствованіе Екатерины II потому и было велико и плодотворно для русской земли, что оно первое приготовило почву для всѣхъ благоуханныхъ и роскошныхъ цвѣтовъ гражданственности и обществѣнности, следовательно и поэзіи, поэзіи и не замедлила явиться въ благословенное царствованіе Александра I, на вакать котораго она развернулася, въ лицѣ Пушкина, пышнымъ цвѣтомъ. Все на вѣтъ начинается не съ середины и не въ концѣ, а съ начала: истина простая, о въ приложеніи немногими понимаемая. Посредствомъ известнаго химическаго раствора, до нейтральной степени можно ускорить выходъ изъ земли и развитіе нѣкоторыхъ растений: но въ гражданственности, общественности и поэзіи нѣтъ такого химическаго раствора. Екатерина II именно тѣмъ и много сдѣлала для внутренней жизни Россіи, что многое начала, не торопясь ждать результаты своихъ начинаній. Она могла способствовать началу, возникновенію русской литературы, русской литературы создать не могла: хогя русская литература и обязанъ своимъ быстрымъ развитіемъ тѣмъ печеніямъ, которыя великая монархиня прилагала о ея возникновеніи. Литература и поэзія — растения, которыя требуютъ, чтобъ для нихъ была подготовлена почва, потомъ положены въ нее зерна, и тогда они сперва всхомя стебелькомъ, потомъ опускаются преждемъ давать цвѣтъ и плодъ. Тутъ цвѣтокъ не можетъ быть.

Вотъ, вотъ-то законъ постепенности и последовательности въ развитіи

осудилъ Державина не доставляющаго много обладанія: огромными силами, данными ему природою. Въ это время не было и не могло быть великаго развитія поэзіи уже потому только, что не было въ обществѣ потребности въ поэзіи. Оней тогда едва только чрезъ Домошова, и то поспѣшу, что она обратила на него вниманіе а императрицы монархини и низъ низаго чина до вела его до большихъ чиновъ. Чинъ въ то время на стѣнѣ не давали чиновъ, оставалъ никто и знать не хотѣлъ бы. Сами поэты того времени поспѣвали поэзію, какъ вслѣдствіе, въ ожиданіи ожидаемыхъ чинъ, и поэзія была риторикою. Такъ понималъ ее и Державинъ, съ чувствомъ смущенія удивлявшійся широкію Домошова, Караскова и даже Петрова. Чѣмъ далъ Державину известность и славу въ тогдашней Россіи: его талантъ, его гениальность, его твореніе? — Нисколько! На него обратила вниманіе Императрица, которую Фелица его достигала до слезъ; она получила отъ Фелицы драгоценную табакерку съ червонцами; она, бѣдная, ничтожный дворянинъ и чиновникъ, искоръ послѣ того былъ представленъ Императрицѣ, которая, проходя мимо его, остановилась, пристально на него посмотрѣла и молча дала ему поцаловать свою руку. Этого было достаточно, чтобъ все и всѣ правили стихи Державина за гениальнѣйшее произведеніе, каковы бы эти стихи ни были... Какая же поэзія могла быть въ такомъ обществѣ и на что ему была поэзія? О Державинѣ готовили дурныя, и гуль этого говора болѣе или менѣе отозвался глухо тамъ-и-сямъ въ среднѣмъ дворянствѣ и ученомъ классѣ. Достоинство стиховъ Державина нѣмного важностию данныхъ ему награды, чинъ и чинъ чинъ... Но развѣ, скажутъ намъ, это Державину могло нѣмного быть гениемъ и писать гениальныя стихи: гдѣ его поэтомъ сдѣлала природа, а не общество? — Такъ; но въ томъ-то и худо, что только природа участвовала въ его тудомъ образованіи, а тогдашнее общество

только убивало в нем талант и нѣдало ему развиваться. Поэтъ столько же вырванъ отъ общества, сколько и отъ природы: и какъ одно общество безъ природы, такъ и природа безъ общества не могутъ создать полнаго поэта. Державинъ служитъ самымъ блестящимъ и самымъ разительнымъ доказательствомъ этой истины. Г. Ползевой какъ-будто ставитъ Державину въ вину, что въ немъ всю жизнь его чиновникъ боролся съ поэтомъ, и что онъ, во что бы ни стало, хотѣлъ быть дѣльнымъ чело­вѣкомъ и бросилъ поводъ для приказныхъ бумагъ. Мы, напротивъ, нисколько не винимъ въ этомъ Державина, потому что онъ не могъ иначе чувствовать, мыслить и дѣйствовать, и ему дѣлается великую честь то, что въ немъ, наконецъ, поэтъ побѣдилъ чиновника, хотя и поздно. Еще и теперь, въ наше время, когда правительство давно уже затрудняется на наборомъ чиновниковъ, а ихъ величествомъ, когда на каждое самое ничтожное мѣсто является по сто кандидатовъ и искателей, и когда деньги снѣло уже соперничаютъ съ чино­мъ, — и теперь, говоримъ мы, кто не служитъ, не имѣетъ чина, на того всѣ смотрятъ съ такимъ удивленіемъ и такимъ любопытствомъ, какъ стали бы смотрѣть на чело­вѣка, который дѣтонъ, въ жары, ходитъ въ медвѣжьей шубѣ, а зимой босикомъ, въ одной рубашкѣ... Вотъ какіе глубокіе корни пустила бюрократія въ русскую жизнь, вотъ какъ хорошо принялась на русской почвѣ германская табель о рангахъ!.. Что же, въ этомъ отношеніи, должно было быть во времена Державина? Тогда никакой геній, какъ бы онъ ни былъ огроменъ, не могъ имѣть къ себѣ ни малѣйшаго уваженія до тѣхъ-поръ, пока не выдѣлалъ себя въ чинъ по-крайней-мѣрѣ статскаго совѣтника... И это очень-просто, очень-естественно. Развѣ Байронъ, этотъ либеральный поэтъ, не гордился своимъ аристократическимъ происхожденіемъ болѣе, нежели своимъ поэтическимъ геніемъ? А почему? — что-

му-что онъ былъ Англичанинъ. Какъ же было Державину не уметь общаго ярусомъ чиновничества? Чело­вѣку не возможно жить безъ людей, и подъ какимъ званіемъ возмелъ бы изъ нихъ вдругъ Державинъ — не-ужели подъ званіемъ поэта? Но тогда такое званіе не было, а если и было, то чинъ то похожимъ на званіе шута, или скомороха. Званіе же чиновника тогда и только было, но и находилось въ почетѣ: и вотъ, чтобы войти къ людямъ и смѣститься въ люди, Державинъ хотѣлъ быть чиновникомъ. Не самъ ли бю­графъ Державина говоритъ: «Державинъ, что дѣла поручаются имъ, снисходительно, или, какъ она себя великодушно называютъ, — говоритъ Кургановъ въ своемъ *Писемномъ стихотворцу*, и что чина в ономъ даютъ—за стихомъ» (стр. IX). Чѣмъ званіе шута, или скомороха было тогда выше званія поэта?..

Этотъ духъ чиновничества, проникавшій тогдашнее общество, ложилъ свою печать и на поэзію Державина. Это поэзія хвалебная, воспѣвательная, преспоколенная богамъ и дубогамъ, которые теперь всѣ сдѣлались простыми людьми, а которые и вовсе забыты. Это поэзія, исполненная аффектаціи, искренняя въ отношеніи къ самому поэту, но лицемерная въ отношеніи къ эпохѣ, этой хѣ меденатовъ, милостивцевъ, кокетниковъ и прихлебателей. Это поэзія риторическая, крикливая до хрипоты и надрыва груди, поэзія, расквашенная въ стихахъ и располагавшая въ жезвенныя оды по правиламъ стилистической диссертаціи. Пусть чиники-исполнны нашего времени говорятъ, что, при извѣстии о изгнѣманіи Державинъ *иррадулъ* одоу критики-пигменъ, только съ трудомъ можемъ дочитывать до кондѣвильную похвальную рѣчь въ стихахъ гдѣ, въ видѣ реторикки, фессорскихимъ блескомъ вспыхиваютъ искры поэзіи. Пусть люди, привыкшіе по преданію видѣть въ одѣ *Бон* то колоссальное произведеніе, вели-

ють Державина въищюъ Бога; но мы въ этой одѣ видимъ много вышшаго блеска, хороше по своему времени стихи, больше же всего холодной дѣлавици. Пѣвень *Водопада* — другое дѣло! Тутъ Державинъ великъ. Многіе не знаютъ, какъ и восхвалять Державина за *Оду на возвращеніе графа Зубова изъ Персіи*: а между-тѣмъ, что въ ней? — сперва резонёрство въ холодныхъ стихахъ, потомъ не совсѣмъ вѣрныя и живыя (даже поэтически) картины Кавказа. Что такое, на-примѣръ, эти стихи:

Ты видишь, какъ въ степи средѣ зною  
Орламиъ зыйкъ стога кишать,  
Какъ блещутъ нестройно чешуею,  
И дышетъ, шмыля, друтъ въ друта лѣтъ.

Въ тѣ времена поэту не было никакого дѣла до дѣйствительности; онъ ширался только на свою фантазію. Іто ему за дѣло, что Кавказъ—не Индія, и въ немъ нѣтъ огромныхъ змѣй, іто змѣйи нигдѣ не кишать стогами, іто въ стога складывается только сѣно, и что змѣйи никогда не забавляются переливаніемъ лады другъ въ друга? Іо возьмемъ пѣсню *Русскія Дювуджи*. Іс будемъ ея выписывать—она итакъ лишкомъ всѣмъ извѣстна, потому-что адисана прекрасными стихами. Если вы видѣли въ деревняхъ россійскихъ въушекъ, то знаете, какъ граціозно онѣ пляшутъ, и знаете, что онѣ пляшутъ не въ башмачкахъ, а въ котлахъ, иногда и въ лаптяхъ, въ сарафанахъ, которые вовсе не граціозно перерѣзаютъ поперегъ имъ грудь, съ головами, умащенными коровинымъ масломъ, въ красныя и заскоружлыя руки, знакомыя съ мыломъ; знаете, какъ богаты онѣ золатыми лентами и драгми жемчугами; знаете, что такое россійскій пастушокъ и его свирѣль: знаете же то, что вы знаете, съ кѣмъ, что описалъ Державинъ, и въ исторгъ воскликните, вмѣстѣ съ нимъ, Анакреону:

Какъ бы видѣлъ дѣнь сихъ красныхъ,  
Гы бѣ Гречанокъ позабылъ,  
И на крыльяхъ сладострастныхъ  
Твой зреть приковаиъ былъ.  
Т. XLII. — Отд. VI.

Несчастный Анакреонъ, счастливый Державинъ!...

И, однакожь, Державинъ въ свое время все-таки былъ великій поэтъ: чѣмъ бы онъ былъ, еслибъ явился въ наше время? Время много значить, но при талантѣ природномъ. Тредьяковский и въ наше время былъ бы плохимъ поэтомъ. Державинъ кропаетъ плохіе стихи, смиренно удивляется недостижимому гению Ломоносова и Хераскова, — и вдругъ рѣшается проложить себѣ особый путь, и пишетъ *Фелицу*, произведеніе до того самобытное и оригинальное, исполненное ума и поэтической граци, что эстетики сблизь съ толку, не зная, къ какому роду сочиненій отнести его. Для *Фелицы*, Державину не было образцовъ ни въ русской и ни въ какой другой литературѣ. Какъ бы онъ много выигралъ, еслибъ никогда не сходилъ съ *своею особаю пути*! Но на одной струнѣ не много наиграешь, а другихъ не было. Да и не такое тогда было время, чтобъ поэтъ могъ всегда нати своею дорогою, не забывая на чужіа: Державинъ, этотъ колоссъ не только въ сравненіи съ какимъ-нибудь Херасковымъ, но и съ самимъ Ломоносовымъ, никогда не переставалъ смотрѣть на нихъ, какъ на высшіе образцы. И удивительно ли это, если Дмитріевъ, поэтъ уже другаго, несравненно-болѣе образованнаго поколѣнія, сказалъ о Херасковѣ:

Пускай отъ зависти сердца въ зонахъ поютъ:

Хераскову они вреда не панесутъ:

Владиміръ, Іоаниъ шятомъ его покроутъ  
И въ храмъ безсмертыя приведутъ.

Все это доказываетъ только, что поэзія не является вдругъ готовою: поэзіи нужно время для развитія. Державинъ былъ только первымъ ея проблескомъ и провозвѣстникомъ на Руси. Дѣлаемое г-мъ Полевымъ раздѣленіе поэтовъ на истинныхъ и ложныхъ совершенно произвольно. Ложный поэтъ такое же ложное выраженіе, какъ и холодный огонь, сухая вода. Одинъ поэтъ можетъ быть выше, другой ниже, и такъ до безконечности; но какъ бы ни малъ



былъ поэтъ, онъ уже не ложный поэтъ, если только онъ поэтъ. И потому, мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Полевымъ, чтобъ на Руси было два поэта—Державинъ и Пушкинъ. Мы считаемъ поэтами (само-собою разумѣется, истинными) не только Крылова, Жуковского и Батюшкова, но и Хемницера, Фонвизина, Карамзина, Дмитриева, Озерова, и думаемъ, что русская поэзія, послѣ Державина, должна была пройти чрезъ всѣхъ ихъ, чтобъ дойти до полного своего развитія въ Пушкинѣ. По-нашему, Державинъ, это—Пушкинъ, не перешедшій черезъ рядъ поименованныхъ нами поэтовъ и черезъ поколѣнія, которыхъ они были выразителями; Пушкинъ, это—Державинъ, перешедшій черезъ нихъ. Разумѣется, этого сравненія, сдѣланнаго для поясненія нашей мысли, нельзя принимать буквально, уже и потому, что Пушкинъ, и въ-отношеніи къ естественному таланту, былъ выше, глубже и многостороннѣе Державина: его талантъ обнималъ и лирику, и эпопею, и драму, и во всѣхъ странахъ міра былъ у себя дома. Вспомните *Галуба, Каменнаго Гоетя, Египетскія Ночи, Мяднаго Всадника, Русалку, Сцену изъ Фауста, Моцарта и Сальери, Пиръ во время Чумы*, опыты восточной поэзіи, антологическія стихотворенія: — какое разнообразіе!..

Если у Державина нѣтъ ни одной пьесы, которая была бы художественна, т. е. вполне выдержана, т. е. въ-время и на мѣстѣ заключена, окончательно отдѣлана, чужда прозаическихъ выраженій, прозаическихъ стиховъ, охлаждающихъ чувство читателя, чужда реторики, неточныхъ словъ и фразъ, всего лишняго; если у него такъ много пьесъ на-половину хорошихъ, на-половину плохихъ, — въ этомъ, повторемъ, виновать не онъ, а его время; это происходило не отъ слабости таланта, а отъ времени. На долю Державина выпало неудобство быть начинающимъ и явиться въ неблагопріятное для поэзіи время: вотъ причина всѣхъ

недостатковъ его поэзіи, тогда-какъ всѣ ея красоты принадлежатъ одному ему и составляютъ его неотъемлемую заслугу. Но какъ бы то ни было, теперь его уже не читаютъ; теперь его поэзія болѣе предметъ изученія, нежели наслажденія. И въ этомъ отношеніи, онъ исполнѣ поэтъ классическій: немного есть писателей (и не у однихъ насъ), изученіе которыхъ можетъ быть такъ поучительно для юношества. Таково свойство генія: его недостатки такъ же поучительны, какъ и достоинства. Только для изученія Державина, одна эстетическая точка зрѣнія никуда не годится; его должно изучать и съ исторической и съ исторической точки зрѣнія.

Теперь спрашиваемъ всѣхъ благомыслящихъ людей: что въ нашемъ сужденіи о Державинѣ, еслибъ даже оно было и совершенно-ошибочно и ложно, что въ немъ оскорбительнаго для имени Державина и для чести русской литературы, какъ угодно находить его нашему критику, г. Полевому?..

303) Краткія Поученія *селецки* ка Родіона Путятина. Изданіе четвертое (печатаю съ 3-го изданія). Москва. Въ университетской тип. 1855. Въ 8-ю д. л. 171 стр.

Четыре изданія въ короткое время свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ, осмыванномъ на достоинствахъ книги Пдѣйствительно, «Краткія Поученія» отличаются какъ внутреннимъ, такъ и вѣншимъ образомъ отъ другихъ сочиненій того же рода. Вѣншимъ отличительный ихъ признакъ, какъ вышло изъ самого названія, есть краткость: непротиворѣчащая, однакожъ, изложенію существенныхъ принадлежностей избраннаго предмета; внутреннею отличіе составляетъ простота, не чуждая, впрочемъ, силы убѣжденія и горячаго чувства. Языкъ, приближаясь къ разговорному, вездѣ чистъ и благозвученъ. Строевіе каждой проповѣди почти одинаково, но вы непременно прочтете каждую, точно такъ же, какъ непременно бы каждую выслушали,

потому что она всегда заключаетъ въ себѣ что-то трогательно-простое. Проповѣдникъ обыкновенно или выбираетъ какой-нибудь текстъ священнаго писанія, который умно приспосабливается къ дѣйствию нашей жизни, иногда какъ спасительное правило, иногда какъ строгое осужденіе, или, указавъ какое-нибудь событіе христіанской жизни, ведетъ васъ по слѣдамъ благочестиваго образца, назидательнаго своимъ нравственнымъ совершенствомъ.

Найдти многихъ читателей при богатомъ запасѣ душевительнаго чтенія, выйти изъ ряда духовныхъ проповѣдниковъ при значительномъ количествѣ духовныхъ талантовъ на этомъ поприщѣ, значить, безъ сомнѣнія, быть оригинальнымъ, заключать въ себѣ что-нибудь особенное, достойное вниманія людей сколько здравомыслящихъ, столько жѣ и взвѣсительныхъ.

304) О Существовѣ, Характерѣ и Извѣстности Ридиги. *Сочиненіе Доктора философіи Вольфа. Переводъ съ немецкаго Моисея Лихтенштейна. Кіевъ. Въ университетской тип. 1845. Въ 1-ю д. л. 64 стр.*

Эта книжка представляетъ весьма-звѣдательное чтеніе.

305) Іоаннъ Гусъ и его Послѣдователи. *Соч. Палаузова. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю л. 23 стр.*

Іоаннъ Гусъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій нравственнаго міра. Глубокій, ясный и вѣрный взглядъ на людей и на окружающую ихъ веру, твердое убѣжденіе въ истинѣ и неподвижность носимой ими въ груди волеи мысли, могучая, непреклонная воля, готовая скорѣе вытерпѣть на себѣ все удары раздраженнаго самолюбія, чѣмъ отказаться отъ своего высшаго назначенія, — вотъ единственное оружіе, съ которымъ эти избранники выступаютъ на битву съ самыми гордыми и закоренѣлыми предразсудками. Страшные вопросы, которые поднимались, послугали бы своею

огромностию добродушныхъ, но слабыхъ, иногда также сомнѣющихся необходимости ихъ рѣшенія, но немощныхъ силы принять на себя это важное дѣло. Какъ аскетически-строгъ былъ образъ ихъ жизни, когда они видѣли себѣ въ обязанности быть исправителями поврежденной нравственности цѣлаго общества! Съ какою благодѣтелию надзирали они надъ своими собственными дѣйствіями, повѣрили ихъ съ правилами проповѣдуемаго ими ученія, чтобъ не впасть въ противорѣчіе съ самими-собою и не разрушить собственными руками воздвигаемаго зданія! Преслѣдуя неумолимыхъ судомъ нравственную нечистоту всегда, гдѣ бы она ни скрывалась, не взирая ни на какое лице, они сдѣлались бы предметомъ всеобщаго несмѣхія, еслибъ сами увлеклись развратомъ. Ихъ нравственный характеръ былъ такъ высокъ, что даже самыя, по-видимому, невинныя удовольствія они считали для себя позволительными, и сомнѣлись о нихъ, какъ о грѣхахъ виновной молодости. Такъ Іоаннъ Гусъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ учениковъ умоляетъ себя Богу въ своихъ грѣхахъ, и между прочимъ въ томъ, что много потерялъ времени, и часто игралъ въ шашки прежде своего посвященія въ духовное званіе, — что, играя, часто предавался гнѣву и заставлялъ другихъ играть съ собою. Вся жизнь этого великаго челоука была постояннымъ ратованіемъ за истину и добродѣтель. Іоаннъ Гусъ, или какъ звали его, *Гусинецъ* (отъ небольшого городка Южной Чехіи, мѣста его рожденія), родился 6 іюля 1373 г. Образованіе свое онъ получилъ въ Прагемомъ-Университетѣ, гдѣ еще нежеле въ двадцать лѣтъ прошелъ всѣ ученыя степеня. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ особенно вооружался противъ разврата, въ который тогда было погружено западное духовенство, не щадя даже самихъ папъ. Нанедаю на пышность духовныхъ, на ихъ жадность къ богатству, онъ начинаеть одну изъ своихъ проповѣдей стихомъ на-

ного-то современного поэта: De morbo medicus gaudet, de morte sacerdos вотомъ продолжаетъ: «Къ-чему эти ночныя дѣвнiя въ домѣ усопшаго бо-гача, какъ не для хвалемiй тщеславныхъ? Къ-чему это пышное собранiе сильныхъ мира сего у тѣла умершаго? За этииъ слѣдуютъ другiе два стиха:

*Viam moritur dives, concurrent undique  
cives;  
Pauperis ad funus vix currit clericus  
unus.*

Далѣе онъ говоритъ: «Прiятно смотрѣть намъ на этихъ служителей Божiихъ, безпечно возлежащихъ на подушкахъ въ то время, когда Спаситель дилъ слезы на гробъ Лазаря. Къ чему этотъ неутомимый звонъ колоколовъ, какъ не для расточенiя денегъ, которыя можно было бы употребить на лучшее, на полезное? А эти похоронныя прiрѣчи не для того ли, чтобы ослѣпить и въ мутныхъ разговорахъ терять время?» Но эта борьба съ злоупотребленiями духовной власти была еще не по времени. Западное духовенство въ то время было еще сильно своимъ очарованiемъ, въ которомъ оно держало умы людей. Гуса объявилъ еретикомъ и опредѣленiемъ Костницкаго-Собора, цѣлiю котораго собственно было прекратитъ схизмы, возложившия тогда западную церковь, но случаю грѣхъ напъ, — осудили его на смерть. Такимъ-образомъ, великiй подвижникъ истины слѣдася жертвою своихъ убѣжденiй, отъ которыхъ не хотѣлъ отказатся даже при блескѣ возмезднаго костра, и злобы людей, которая только мечомъ и огнемъ можетъ поддерживать права свои. Но минуло сто лѣтъ послѣ этого суда, и изъ праха осужденнаго возсталъ новый воборникъ мысли своего предшественника, съ пламеннымъ рвенiемъ вступилъ за его дѣло, поднялъ на защиту его все человечество и страшно отмстилъ его насильственную смерть. Явленiе этого могучаго генiя Гусъ проводилъ своимъ яснымъ окомъ, какъ-бы проникавшимъ сквозь завѣсу будущаго. Неза-

долго передъ смертiю, въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ своимъ, онъ писалъ между прочимъ: «Гусъ — говоритъ онъ, напекамъ на свое имя, — животное домашнее, которое не можетъ летѣть высоко; но скоро, можетъ-быть, залетѣтъ другiя птицы, которыя не омутаютъ съи враговъ.» По смерти Ювана Гуса явились многiе послѣдователи его ученiя и приняи назанiе *гуситовъ*. Между ними особенно замѣчательнъ былъ Жижка, стоявшiй во главѣ востанiя, долго и съ успѣхомъ бороващiйся съ императоромъ Сигизмундомъ.

Брошюра г. Палаузова, излагающа кодь этого важнаго въ исторiи человечества событiя, мы утѣраемъ, будетъ читатся не безъ удовольствiя. Она написана яснмъ, правильнымъ языкомъ, если исключить немногiе обороты, къ-сожалѣнiю, отступающiе отъ этой правильности. Какъ-то странно, на-примѣръ, встрѣтитъ такого рода выраженiя: «Раскрывавъ страницы исторiи, это имя кровавыми буквами начертано на ея скривалкахъ.» Читат его слова, удивленiе мое было невыразимо. Чтобы набѣгнуть такихъ недостатковъ, не мѣшаетъ справиться хоть съ какой-нибудь грамматикой: во всѣхъ русскихъ грамматикахъ говорится, что дѣспричастiя въ русскомъ языкѣ соглаеуются съ именительнымъ падежомъ или подлежащимъ въ рѣчи. А если г. Палаузовъ станетъ подмидитъ подъ это правило тѣ выраженiя которыя мы привели, онъ будетъ только во-напрасу трудиться, чтобы добраться до смысла. Въ такомъ случаѣ, лучше нѣтъ замѣнить пакъ-нибудь хоть даже въ ущербъ дѣспричастiи лишь бы только была спасена граница тика.

306) Исследованiе о Мѣстимчествѣ. *Изданъ Д. В. Москва. Въ мѣс Августя Селена. 1845. Въ 4-ю д. л. 16: стр.*

Мѣсяца три назадъ, именно въ июльской книжкѣ журнала, мы отдали должную дань признательности этому прекрасному, ученому труду г. Вал-

ва, когда говорили о Сибироконь борникъ, въ которомъ помѣщено было и его исследование въ видѣ введенія къ раврианынъ. Теперь оно является отдѣльною книжкою, и въ съ своей стороны отдало не только, что наша историческая литература должна много ожить отъ Вагуева, который съ любовью терпѣливъ посвящаетъ ей свои дуги. Въ такой темный и запутанный вопросъ, каковъ вопросъ о мѣстности, онъ пролилъ своимъ обросовѣтвѣннъ, умнымъ изъсканнъ совершенно-новый свѣтъ. То этнмъ исследованнмъ еще не пернывается весь предметъ. Авторъ бѣщаетъ издать со-временнмъ другую асть своего обширнаго труда, за который всякнй образованный человекъ облагодаритъ его отъ всего сердца.

307) Учебная Книга Римскаго Гражданскаго Права, составленная на руководствъ при чтеннхъ лекцнхъ Лопномъ Камбскомъ. Казань. Печатаю в университетской типографн. 1845. Въ 8-ю д. л. 365 стр.

Заглавіе этой учебной книги не можетъ, какъ видно, похвалиться ясностью и точностью выраженія. Напротивъ, оно отзывается чрезвычайною вусмысленностью, которую можно даже назвать въ образецъ. Изъ него можно безъ всякихъ натяжекъ вывести прямое заключеніе, что эта книга оставлена кѣмъ-то, только невѣстно кѣмъ именно, что составлена она для руководства, опять не скоро можно догадаться, для чьего руководства—студентовъ ли или самого преподавателя, какъ выводитъ изъ распорядка словъ, такъ ему легко было читать лекцн. Впрочемъ, заглавіе книги—дѣло постоянное въ книгѣ. Содержаніе ея отъ того нисколько ни выигрываетъ, ни проигрываетъ. А книга, составленная Лопномъ Камбскомъ (будемъ принимать текстъ заглавія въ этомъ смыслѣ) для руководства студентовъ при чтеннхъ лекцнхъ его собственныхъ или другаго профессора, весьма-важна по

своему содержанню и той пользѣ, которую она можетъ принести изучающимъ римское право. Изъ можно будетъ или совершенно обойтись безъ помощи латинскаго «Corpus juris Civilis», и довольствоваться изданнымъ для нихъ руководствомъ, или, по крайней-мѣрѣ, при этомъ пособнн много облегчаться чтеніе свода законовъ на латинскомъ языкѣ. Учебную книгу г. Камбска можно раздѣлить на три части: Введеніе, Общую часть и Особенную часть. Въ Введеннхъ излагаются: понятіе о правѣ; различныя значенія слова jus, раздѣленіе права, какъ предмета науки; jus privatum (римское право); Corpus Juris Justinianeum. Въ общей части трактуются о лицахъ, о вещахъ, о дѣйствнхъ въ общнхъ чертахъ. Наконецъ, въ послѣдней особенной части выражаются постановленія Римлянъ: о бракѣ, объ отеческой власти, о собственности, о позннностяхяхъ, о завѣтахъ, о наследствѣ, о завѣщаннхъ, объ обязательствѣхъ и о судопроизводствѣ.

308) Рѣчь о Ломбардскомъ Стнлѣ въ Архитектурѣ. Соч. архимекторскимъ помощникомъ Иваномъ Бороновымъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

Гдѣ и передъ кѣмъ говорена была эта рѣчь, сочинитель ея, г. Бороновъ, почелъ за нужное скрыть отъ любопытства читателей. Внѣсто этого, онъ хочетъ разрѣшить нмъ задачу: справедливо ли преданіе, которое приписываетъ Ломбардамъ введеніе особаго характера въ водчествѣ? Существуетъ ли дѣйствительно въ архитектурѣ ломбардскнй стнль? Для разрѣшенія этого вопроса, онъ считаетъ необходимымъ рассмотреть, въ какомъ состояннхъ Ломбарды застали архитектуру въ Италн, откуда она пришли, доже ли въ Италн господствовали и кѣмъ они наиболѣе занимались? Изъ этого рассмотрѣнн онъ выводитъ слѣдующее заключеніе: Ломбарды занимались войною, хищеннмъ, а потомъ торговлею; въ Италн она за-

стали архитектуру византийскую; при них всё зданія строили греческіе и итальянскіе архитекторы, а сами они были враги просвѣщенія, и, слѣдовательно, ломбардскій стиль въ архитектурѣ никогда не существовалъ, а если упоминается о ломбардскомъ стилѣ у разныхъ писателей и ученыхъ, которые, по выходя въ сущность художества, грубому народу приписывали образованность, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что зданія, которыхъ есть остатки, представляютъ собой искаженный стиль византийскій, и что они были построены только во время владычества Ломбардовъ въ Италіи.

309) Миръ Допотопный. А. Г. Мостов. Вь тѣх. Н. Степикова. 1845. Съ картинами. Вь 8-ю д. л. 41 стр.

Ири нашей бѣдности въ книгахъ по части оствотвѣдѣнія, скажемъ спасибо издателю и за «Миръ Допотопный»,—а это, право, весьма свиходительно. Во-первыхъ, очевидно, сочинителемъ было знакомо съ наукою. Кѣмъ, думаете, раздѣляетъ онъ всѣхъ животных по времени ихъ существованія на нашей планетѣ? Иной сказалъ бы: на первозданныхъ (ископаемыхъ) и на вторичныхъ человекѣ; а сочинитель разбитой книжки говоритъ и теперь еще: «всѣ эти окаменѣлые остатки древнихъ растений, раковинъ и животных (архипримальное дѣленіе органическихъ существ!) относятся ко временамъ допотопнымъ, по этому и тотъ миръ, когда они наполняли собою землю (важнѣе?) называется миромъ допотопнымъ» (стр. 5). Потомъ (стр. 36): «Передъ нами прошло семь картинъ земной жизни, и вотъ остается одна послѣдняя потопная, которая схоронилась (жива?) подъ тѣмъ пластомъ, по которому мы ходимъ.» У него есть и *пласты потопный* (стр. 8) и *пласты послѣдпотопный* (*ibid*). Такъ ужъ виденъ характеръ у сочинителя! Забылъ онъ слова «Книги Бытія», гдѣ именно сказано, что во время потопа не погибло

ни одного рода существовавшихъ до него животныхъ; не знаетъ онъ, сочинитель, и того, что наука и до сих поръ не умѣетъ еще опредѣлить вѣсныя и отношенія всемірнаго потопа къ животнымъ. Интересно также узнать отъ него, какииъ-образомъ, при своихъ почитаніяхъ объ ископаемыхъ животныхъ, онъ объясняетъ намъ, почему вывѣшныя животныя и самъ человекъ, которые, конечно, существовали до потопа, никогда и гдѣ не были находимы въ пластахъ земли, вмѣстѣ съ остатками первозданныхъ животныхъ? Право, есть надъ чѣмъ подумать. Сочинитель, или, вѣроятно, переводчикъ, предлагаетъ даже нововведенія въ науку, и именно по той части ея, которая еще доселѣ не установилась,—по терминологіи. Доыхода «Мира Допотопнаго» думали, что *почвы* (*roches*) составляютъ *пласты* или *толщи* (*couches*), что эти толщи соединяютъ *форманціи* (*formations*), и наконецъ еще болѣе понятіе *sols*. у другихъ писателей *terrains*, которому на русскомъ языкѣ нѣтъ приличнаго термина, хотя въ некоторые называютъ это новое цѣлое—*почвою*, прямо наперекоръ общему народному употребленію. Самое слово *formation* переводятъ иногда *образование*. Издатель Миръ Допотопнаго желалъ, вѣроятно, помочь этому недостатку, и говоритъ, что въ нисходящемъ порядкѣ кора земли представляется изъ: «пласта послѣдпотопнаго, пласта потопнаго, пласта третичнаго, пласта юрскаго, состоящаго изъ икрнаго камня (такой забавникъ, право!), пласта, состоящаго изъ вестрапурхляка и кейпора, пласта каменнаго угля» и т. д. (стр. 9). Обыкновенный человекъ употребилъ бы здѣсь слово *форманція* или *образование*, но г. А. Г. говоритъ *пласты*. Угодно видѣть пользу этого нововведенія? Вотъ она въ словахъ самого издателя (стр. 10): «Отношеніе нами избранныхъ пластовъ къ пластамъ новѣйшаго дѣленія будетъ такое: *пласты переходный* будутъ и включать въ себя, начиная съ низу, *пласты новаго дѣленія: камбрийскій,*

си-мурійскій и девоньскій; потому слѣдующіе пласты, названные нами *вторичнаго* образованія, будутъ заключать пласты: *каменноугольный, пеннинскій и т. д.* То-есть аршинъ составляется изъ вершковъ, а вершокъ изъ аршиновъ, или вмѣщающее объемлетъ собою вмѣщаемое, а вмѣщаемое заключаетъ въ себя первое вмѣщающее. Это напоминаетъ намъ недавно-вышедшую, впрочемъ весьма-полезную книгу, въ общемъ заглавіи которой сказано: *часть третья*, а въ специальномъ: *часть вторая*. Сочинитель иногда умѣетъ быть до невѣроятности навивнымъ: «По-крайней-мѣрѣ надобно 5000 лѣтъ говорить онъ, чтобъ превратилось въ совершенный намень дерево не толще ноги; время ужасное! Подумайте, сколько въ половину этого времени успѣло *нажиться* и перемереть дѣлыхъ народовъ на нашей землѣ» (стр. 5). Или: «Самый верхній пласть, по которому мы ходимъ, образовался не такъ давно, именно: послѣ всемірнаго потопа» и т. д.

310) Частная Фармакологія, или наука о лекарствахъ. Изданіе Михаила Вейсберга. *Въ двухъ частяхъ. Часть II. Пятая тетрадь. Москва. 1845. Въ 8-ю д. л. 191—370.*

Здѣсь заключается окончаніе «Металловъ», потомъ 10-й классъ — «Иодистыя Средства», 11-й классъ — «Сѣрные Средства», и начало 12-го — «Угольные Средства».

311) Физика. *Часть первая. Составлена Н. Т. Щегловымъ. (Учебный Руководствъ для Военно-Учебныхъ Заведеній). Санктпетербургъ. 1845. Въ шест. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 458 стр.*

Кому не извѣстно, что наши военно-учебныя заведенія въ настоящее время становятся далеко выше той степени, на которой они были вѣскольکو десятковъ лѣтъ назадъ? Разнообразныя знанія, которыя передаются юнымъ питомцамъ этихъ заведеній, безъ сомнѣнія сдѣлають изъ нихъ людей не

только исполнѣ-способныхъ къ выполненію своего специальнаго назначенія, но и гражданъ исполнѣ-счастливыхъ своимъ образованіемъ. Введеніе естественныхъ наукъ въ курсъ преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вовсе дѣло немаловажное, какъ многіе это полагаютъ: естественныя науки исключительно довершаютъ то образованіе, которое ставитъ людей въ кругу истинно-человѣческомъ; съ помощію ихъ, преимущественно, развивается любознательность и та особенная наблюдательность, которая рѣзко характеризуетъ человѣка истинно-образованнаго. Намъ кажется, что естественныя науки въ военно-учебныхъ заведеніяхъ должны бы только быть дополненіемъ къ тому специальному образованію, для котораго учреждены самыя заведенія, а не составлять собою особенныхъ предметовъ, которыми должны исключительно заниматься кадеты; излагать же предметъ чисто въ смыслѣ науки, можно предоставить только университетскимъ курсамъ, а въ специальныхъ заведеніяхъ это изложеніе не можетъ имѣть мѣста.

Каждый предметъ долженъ быть изложенъ болѣе нагляднымъ образомъ, болѣе съ практической стороны, нежели съ теоретической; явленія, имѣющія интересъ только науки, необходимо должны быть опущены, а вниманіе болѣе обращено на полезныя приложенія; тогда только курсъ можетъ споспѣшествовать общей цѣли и быть полезнымъ руководствомъ. Г-нъ Щегловъ, по-видимому, думаетъ иначе: она, кажется, уклонился отъ цѣли, съ которою долженъ бы былъ писать свое руководство; по его мнѣнію, написать физику для военно-учебныхъ заведеній значило взять курсъ, написанный имъ вѣскольکو лѣтъ назадъ, вычеркнуть оттуда вѣскольکو статей для того, чтобъ болѣе приспособить его къ специальному назначенію, и все дѣло кончено. Возьмите первое изданіе «Физики» г. Щеглова, возьмите второе изданіе той же книги и положите въ средину курсъ, издаваемый

ним теперь для военно-учебных заведений; вы ясно убедитесь, что для г-на Щеглова писать курсъ съ разными цѣлями—одно и то же. Такое физическое наблюдение даже важно для самого предмета: изъ него вы удостоверитесь, что природа въ своихъ явленіяхъ всегда выражается одинаково, только съ нѣкоторыми пополненіями и замѣчаними; каждая статья даже должна быть начата и продолжаема тѣми же самыми словами: безъ этой точности выраженій, пожалуй, потерпите точность физическихъ фактовъ! Изъ него вы убедитесь, что г-нъ Щегловъ считаетъ свои два изданія «Физики» крайними предѣлами краткости и полноты, и что всякое новое изданіе, съ какою бы иною цѣлю ни дѣлалось, должно, какъ маятникъ, колебаться между первыми изданіями. Съ своей стороны, мы не можемъ не отдать предпочтенія курсу г-на Лейца: вотъ образцовая книга въ этомъ родѣ! Авторъ не увлекался своимъ глубокимъ знаніемъ предмета, писалъ книгу, совершенно привораживая къ цѣли: отъ-того и вышелъ курсъ, который сохранилъ пропорціональность статей при всей своей сжатости; многимъ этотъ курсъ не нравится, но, кажется, это болѣе зависитъ отъ привычки къ тѣмъ курсамъ, по которымъ эти многіе когда-то учились: они помнятъ еще, какая страница въ этомъ курсѣ чѣмъ начинается и чѣмъ оканчивается.

Жаль также, что г-нъ Щегловъ не взялъ за образецъ курса Пульэ, пердѣланнаго Мюллеромъ: это было бы самое лучшее руководство для военно-учебныхъ заведеній, какъ по простотѣ своей, такъ и по разиѣру статей.

До-сихъ-поръ, г-нъ Щегловъ окончилъ только первую часть; съ изданіемъ второй мы подробно поговоримъ о всемъ его сочиненіи.

312) Начальные Основанія Алгебры, сочиненіе Мейера и Шоке. Перевелъ съ французскаго Францъ Синашко. Санктпетербургъ. Въ тип. Коврада Вишнера. 1845. Въ 8-ю д. л. 474 стр..

Очень-часто намъ удается и слышать и читать нареканіе вообще на недостатокъ математическихъ руководствъ на русскомъ языкѣ. Кажется, пора бы уже начать сожалѣть о томъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ руководствъ. Большая часть людей, чувствующихъ этотъ недостатокъ и желающихъ помочь горю, смотрятъ на русскую публику, какъ на голодную толпу, которая готова утолять свой голодъ чѣмъ-нибудь, и такимъ-образомъ съ-шарать пичкать ея умственный желудокъ всѣмъ, что только есть интеллигентнаго, нисколько не заботясь о гастрономическомъ вкусѣ. Къ-счастью, у насъ въ массѣ не такъ сильно ощущается жажда математическихъ познаній: математическія сочиненія обыкновенно или безъ всякаго сознанія перелысываются только учащимися, для того, чтобы получить хорошую отиѣтку на экзаменѣ, или остаются безъ всякаго вниманія. Давно люди рѣшались, что математика сухая наука, и нигдѣ вы такъ ясно не убѣждаетесь въ справедливости этой идеи, какъ, на-примѣръ, въ «Алгебрѣ Бурдона» (руководствѣ, исключительно принятомъ у насъ во всѣхъ почти заведеніяхъ).

Правда, тамъ и курьеры скачутъ исправно, и собака отлично гонитъ лисицу, и лошади продаются съ барышомъ, и товары честно оцѣниваются купцами, и, что всего замѣчательнѣе, наследство дѣлится со всею добросовѣстностью между наследниками; мы только, что правило учета векселей не развито причетомъ процентовъ, а это было бы болѣе-полезно: кто задатитъ долгъ до срока? а просрочитъ каждаго. Но положимъ, что и это полезное приложеніе тамъ нашло бы мѣсто,—спрашивается: что отъ этого разнообразія выиграетъ предметъ математика? Да многого!.. При всемъ такомъ разнообразіи, въ руководствахъ нашихъ нѣтъ и слѣда живой мысли. Спрашивается, для кого собственно пишутся руководства: для учащихся или для учащихся?

Не зная навѣрное, можетъ ли каждаго учитель найти, на-примѣръ, общаго

либольшаго дѣлителя безъ руководства, но рѣшительно можно сказать, то ни одинъ ученикъ не найдетъ его при пособіи самаго лучшаго руководства. Разумеетсяъ, истинные таланты и въ этомъ случаѣ — исключеніе; но они рѣдки. Мертвыя буквы, которыя можно понимать какъ угодно, или даже и вовсе не понимать, никогда не могутъ замѣнить живое преподаваніе.

Для начинающихъ и плохой учитель принесетъ болѣе пользы, нежели самое лучшее руководство. Вамъ покажется страннѣе это мнѣніе, а оно справедливо.

Совсѣмъ-другое дѣло тамъ, гдѣ нужно дать уже развитымъ способностямъ приличный взглядъ на науку, и въ известное направленіе при обученіи. — о! тогда Боже упаси и отъ дурныхъ учителей и отъ плохихъ руководствъ!.. Мы хотимъ сказать только, что, при составленіи руководствъ, можно бы имѣть въ виду учителей, не учащихся; поэтому, общій взглядъ на науку, сообразный съ настоящимъ состояніемъ, былъ бы вовсе-нелѣпнымъ при каждомъ руководствѣ, — а того-то и нѣтъ ни въ одномъ изъ нихъ, не исключая даже и сочиненія г. Мейера и Шокѣ. Мало того: ни въ одномъ изъ руководствъ къ алгебрѣ не обращается должнаго вниманія на понятіе выраженій. Возьмемъ, на-примѣръ,  $\frac{ax}{y^2}$ , оно обыкновенно читается такъ: «а, умноженное на  $x$  и дѣленное на  $y$  квадратъ». Но скажите ученику, почему онъ написалъ «количество прямо пропорціональное  $x$  и обратно - пропорціональное  $y^2$ » — и онъ навѣрное не пойметъ васъ. Мы увѣрены даже, что लोगе не напишутъ вамъ частнаго числа количества  $a$  и  $b$ : такъ привыкли они къ этому «а дѣльному на  $a$ ». Вамъ говорятъ, на-примѣръ, что выраженіе  $a + b - c + d$  есть сумма, и въ алгебрѣ сложить не всегда значитъ увеличить, и доказываютъ, что при алгебраическомъ сложеніи количества берутся съ тѣми же знаками, которыми они даны. Къ чему же

доказывать, когда это слѣдуетъ прямо изъ опредѣленія суммы алгебраической? Въ алгебрѣ условились разсматривать знаки вмѣстѣ съ количествами, и выраженія  $(a + b - c + d)$  называть только суммой. На самомъ же дѣлѣ, если вмѣсто буквъ возьмемъ числа, то всегда и въкоторыя изъ нихъ придется складывать, а другія вычитать. Точно такъ же, какъ съ помощію отрицательныхъ и дробныхъ показателей, въ числахъ мы можемъ уничтожить дѣленіе и извлеченіе корней; итакъ, выраженія  $a(x + b)^{-m}$  и  $a_1^{\frac{m}{n}}$  читаемъ произведеніемъ и степенью; хотя на-самомъ-дѣлѣ все же придется и дѣлить и извлекать корни.

Что сказать также про такъ-называемыя введенія? На какой конецъ пишутся они? Можетъ ли начинающій, прочитавъ введеніе въ «Алгебру» Мейера и Шокѣ, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что означаютъ буквы въ алгебрѣ? Вмѣсто всѣхъ этихъ задачъ, слѣдовало бы лучше сказать, что буквы въ алгебрѣ только наглядныя изображенія отвлеченнаго понятія величинъ, что онѣ не болѣе, какъ средство, облегчающее наши сужденія при исследованіи общихъ законовъ, которыми познается и составляетъ цѣль алгебры, но не рѣшеніе вопросовъ, относящихся собственно къ числамъ.

У насъ кончившій курсъ въ гимназійи совершенно не имѣетъ понятія о томъ, что такое функція, между-тѣмъ, какъ объ этомъ очень-легко дать надлежащее понятіе въ введеніи; — почему объяснить еще лучше при рѣшеніи уравненій. Впрочемъ, этотъ недостатокъ курсъ Мейера и Шокѣ раздѣляется со всѣми известными руководствами; но если обратимъ вниманіе на отдѣлку статей, то начальныя основанія Мейера и Шокѣ далеко превосходятъ всѣ известныя намъ учебники. Не входя ни въ какія подробности, скажемъ только, что способъ Фурье наложень съ простотой, которая и составляетъ главное его достоинство. Желающимъ познакомиться съ этимъ интереснымъ предметомъ, скорѣе можно рекомендо-



вать издаваемую г-нъ Сивашинъ • Алгебру Мейера и Шюке, поехали • Лекція • Остроградскаго, составителем которыхъ, намется, все вниманіе обратили на то, чтобъ запутать и исказить столь простую и явную теорему. И такъ, умъ если намъ суждено гнѣз переводить чужія сочиненія, то нельзя не отдать справедливости переводчику, что онъ оставилъ другихъ поджидать новыя изданія Бурдона и пришилъ на себя трудъ вознакомить русскія математикова съ книгой, которая давно должна бѣ была быть у насъ въ ходу.

313) ПРАКТИКА ДЛЯ ПИРОТЕХНИКОВЪ. Составилъ Натя. Санктпетербургъ. 1844. Въ тип. Гилле. Въ 8-ю д. л. 204 стр. Съ 15-ю картинками.

Любителямъ потѣшныхъ • огней, въ рессію, да благодарять автора за изданіе этой полезной для насъ книги. Вообще же, эта книга заключаетъ въ себѣ мало интереснаго: кому нужно самому устроить фейерверкъ, — а это часто вѣроятно было бы сдѣлать въ деревнѣ, на дачѣ, — тотъ много можетъ извлечь полезнаго изъ • Практики для Пиротехники •.

184) Труды Общества Русскихъ Врачей въ Санктпетербургѣ. Часть IV. Санктпетербургъ. Въ тип. Мерсова. 1845. Въ 8-ю д. л. 348 стр.

Первыя три части • Трудовъ Общества Русскихъ Врачей • вышли въ 1836, 1840 и 1843 годахъ и хорошо были приняты отечественными нашими врачами. Если издаваемая нынѣ IV часть зовутъ • Трудовъ • также найдетъ благоволенный приѣмъ у просвѣщенныхъ врачей, то нѣтъ общества будетъ доучинута. Для ознакомленія читателей съ этою частью • Трудовъ •, укажемъ на предметы, въ ней содержащіяся. Первая статья въ IV части есть • Описание органической болѣзни сердца, составленное medico-хирургомъ Барановскимъ, который нѣтъ особенный навыкъ распознавать органическія болѣзни сердца, — навыкъ, при-

обрѣтенный имъ въ парижскихъ госпиталѣхъ, подъ руководствомъ врачей, особенно занимающихся акультациею (выслушиваніемъ звуковъ, сопровождающихъ біеніе сердца). Г. Барановскій всегда вѣрно опредѣляетъ мѣсто и степень органическаго мѣтвенія сердца; по-крайней-мѣрѣ, трусеразрѣзатія всегда подтверждали его мѣтвенія. — Грудная жаба, статья medico-хирурга Воскресенскаго, который въ практическимъ своимъ наблюденіемъ прибавилъ все, что въ настоящее время было писано объ этой болѣзни. — Грудная (легочная?) чахотка, излеченная семилетнимъ сахаромъ — статья штаб-доктора Наумовича. Въ точности описанія болѣзни, вѣрномъ взглядѣ на сущность ея и въ правильномъ способѣ леченія нѣтъ сомнѣваться не можетъ: многолетняя обширная практика автора ручается за все вышесказанное. — Въ статьѣ • Водоболъня, докторъ Герарди разсказываетъ, что одинъ инженеръ подъ крѣпостью Усть-Дабинскою былъ унуженъ бѣшеннымъ волкомъ и попалъ въ водоболъню. Случай этотъ весьма-любопытный. — Замѣчательный случай геморроидальной артеріи крови въ послѣдней частн артеріи мозга — штаб-лекаря Шюца. Въ этой статьѣ весьма-важно замечаніе, что участвуетъ спинной мозгъ въ нервныхъ отправленияхъ и болѣзненныхъ явленіяхъ; — Замѣчанія о тѣлѣ золотушной и булорчатой болѣзней — статья доктора Бредова, весьма-нѣтъ стига но превосходному его сочиненію • О золотухѣ •. — Практическія замѣчанія о скарлатинѣ, medico-хирурга Воскресенскаго, автора статьи • О мабѣ •. — Въ Усиленномъ дѣйствіи іодистаго препарата въ леченіи накожныхъ болѣзней, г. Яродскій разсказываетъ замѣчательный случай леченія идошъ. — Обзоръ болѣзней, господствовавшихъ въ войскахъ 4-го пѣхотнаго корпуса съ 1 ноября 1843 года по 1 мартъ 1845 года. Въ четвертой части • Трудовъ Общества Русскихъ Врачей • читатели познакомятся съ авторскою этою статою, штаб-доктора Буланъ

вынъ; который обладает особенным даромъ наблюдать и описывать болѣзни. — *Колдуло* (возгудъ), наблюдение весьма-интересное и весьма-хорошо описанное г. Воскресенскимъ. — *Промасленное выжолодкѣ мочаюю шмля*. Весьма-рѣдкій случай, наблюдаенный и со всею точностью описанный почтеннымъ профессоромъ хирургіи Дубовицкимъ. — Также интересны *Два операціи*, произведенныя и описанныя профессоромъ Казанскаго-Университета Каттеромъ. — *Неоральна личка*. Въ этой статьѣ ученый секретарь Общества Русскихъ Врачей, профессоръ Заблонскій, описываетъ, послѣ опредѣленія болѣзни, принадлежи, ходъ и этиологию ея; потому сѣдуетъ патологическая анатомія личка, распознаваніе болѣзни, предсказаніе объ окончаніи ея, леченіе. Весьма-интересно мнѣніе автора на-счетъ причинъ въ этой болѣзни. Подъ конецъ статьи приводитъ наблюдение надъ больнымъ, счастливо-вылеченнымъ отъ воспаления личка. — *Замѣчательный случай воспаления глаза* (стр. 228); *Излеченіе провѣяна шмля мштурѣ глаза* (стр. 229), и *Возможность потери зрѣнія въ-слѣдствіе поспѣшнато перемѣщенія хрусталика въ шарикаты въ переднюю камеру глаза* (стр. 230), — три наблюденія медицинскаго Кабата, весьма-интересныя, казавшіяся, съ какою успѣхомъ авторъ занимается главными операціями. — *Излеченіе истлѣннаго шода изъ шной полости* — наблюденіе доктора Фогельмана, весьма-интересно каательно въвѣтчатной береженности и жеть съ удовольствіемъ быть прочно даже и не-врачами. То же самое можно сказать о *Примѣчаніяхъ шмлянаго беремности*, представленныхъ Воскресенскимъ. Показанныя статей изъ числа 87-ми таточны, чтобъ узрѣться въ пользѣ интересѣ этой части «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей», главною ію котораго есть взаимная передача наблюденій надъ болѣзнями, какія представляются каждому члену въ его ктижѣ. Нельзя не пожелать, чтобъ

занятія Общества Русскихъ Врачей, продолжавшіяся уже тринадцатымъ годъ съ одинаковою пѣлою, принесли пользу отечественнымъ врачамъ.

315) *Альпака или андская овецъ: Певреодъ съ англійскаго, издаанный по распоряженію Главнаго Московскаго Общества Улучшеннаго Овецоводства. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 32 стр.*

Подлинникъ этого описанія присланъ на разсмотрѣніе Главнаго Московскаго Общества Улучшеннаго Овецоводства изъ III Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ. По разсмотрѣніи важнѣйшихъ статей сочиненія, переведенныхъ съ англійскаго дѣлвмъ г. председателемъ общества, А. Е. Хлопова, общество, на-ходя ихъ любопытными и достойными вниманія, опредѣлило напечатать переводъ въ Журналѣ для Овецоводовъ и отдѣльную книжкою. Относительно разведенія альпакъ въ Россіи, оно полагаетъ, что это животное могло бы съ большою пользою быть разведено въ нашемъ отечествѣ. Въ 1525 году, Пиварро, прибывъ на перуанскіе берега; первый замѣтилъ это животное. По наружности своей, оно занимаетъ среднее мѣсто между верблюдомъ и овцею, шмля, впрочемъ, болѣе сходства съ послѣднею. Альпака покрыта тонкою и мягкою шерстью, изъ которой древніе Перуанцы дѣлали равныя ткани, превосходившія, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, свою шелковистостью и глянцемъ въ сукна индианскія. Шерсть эта отличается отъ шерсти обыкновенныхъ овецъ длиннотою, тонкостью и упругостью, не кудрява и не сваливается при выдѣлкѣ, не портится отъ лежанья и не терять своего веса, который бываетъ отъ 10 до 12 фунт. Мясо альпаки Перуанцы предпочитали всѣмъ другимъ мясамъ и находили его даже болѣе-легкимъ и вкуснымъ, нежели мясо цыплятъ. Это животное привыкаетъ почти во всякой странѣ и мѣстоположенію, если только воздухъ чистъ и не душнъ. Оно способно пе-

реносить стужу, сырость, голодъ, жажду, потому-что все это оно часто испытываетъ въ своемъ отечествѣ, на Андскихъ-Горахъ, гдѣ половину года идетъ снѣгъ и градъ, между-тѣмъ, какъ въ высшихъ мѣстахъ температура каждую ночь падаетъ ниже точки замерзанія, а вершины горъ безпрестанно покрыты льдомъ. Въ царствованіе Филиппа II, было предположеніе, которое, впрочемъ, не исполнилось, перевести этихъ животныхъ изъ Перу въ Испанію. Императрица Жозефина выслала стадо, снѣжанное изъ ламъ, альпакъ и вигоней; но только 11 животныхъ, оставшихся въ живыхъ изъ этого стада, были привезены въ Кадиксъ; здѣсь они жили и размножались и потомъ перевезены были отсюда во Францію. Ихъ разводили даже въ Англіи и въ Гамбургѣ. Фабрикація вѣдлій изъ шерсти этихъ животныхъ постепенно увеличивалась. Потребности на нихъ болѣе и болѣе умножались, и такимъ-образомъ положено было основаніе цѣнной и важной торговли, которая въ послѣдствіи времени сдѣлалась значительною. Съ 1834 г., когда началась эта торговля, до начала 1844 г., получено въ Англіи привозной шерсти 8,657,164 фунта. Въ сдѣлствіе увеличившихся требованій, начала обращать болѣе вниманіе на разведеніе альпакъ. Въ 1841 году, Шотландское Земледѣльческое Общество предложило золотую медаль за удовлетворительное сочиненіе о разведеніи альпакъ въ Шотландіи. Оно предложило также премию за лучшую пару альпакъ, рожденную и воспитанную въ Англіи. Баварскій король тоже интересуется этими животными. Прусскій король предложилъ вопросы о его свойствахъ и о результатахъ опытовъ, сдѣланныхъ англійскими земледѣльцами. При разведеніи альпакъ, необходимо обратить вниманіе на мѣсто, гдѣ предполагается водворить ихъ, и на уходъ за ними. На зиму надо запасать для нихъ кормъ, и чѣмъ онъ проще, тѣмъ лучше; должно только набѣгать горькихъ и ядовитыхъ травъ, которыя сильно

раздражаютъ пищеварительность. Будучи содѣржимы въ низкихъ и сырыхъ мѣстахъ, альпаки подвержены болѣзнямъ и другимъ болезнямъ. Для предохраненія отъ шолудей, стригутъ шерсть у животныхъ и ставятъ его въ прохладное мѣсто; на другой день, оно выздоравливается. Для удобнѣйшаго разведенія альпакъ, авторъ брошюры совѣтуетъ вывозить ихъ не прямо изъ Перу, ибо фактами доказано, что тѣ животныя, которыя водятся на Андскихъ-Горахъ, принадлежатъ къ лучшей породѣ, нежели тѣ, которыя изъ сего времени вывезены въ Европу изъ Перу. Авторъ заключаетъ свою брошюру исчисленіемъ самыхъ вѣрныхъ выгодъ отъ разведенія альпакъ.

316) Истребленіе СорныхъТравъ. Сочиненіе Ф. В. Франке. Съ немецкаго перевелъ Александръ Тиревъ. Санкт-Петербургъ. Въ тип. К. Крайла. 1846. В. 8-ю д. л. 24 стр.

Эта маленькая брошюра посвящена предмету весьма-важному въ земледѣліи, на который у насъ еще мало обращаютъ вниманія. Хотя средства въ истребленіи сорныхъ травъ на поляхъ весьма-просты, а именно: хороша обработка земли и выборъ для посѣва и данной почвы соотвѣствующихъ растений, однако исполненіе этихъ средствъ труднѣе, нежели съ перваго взгляда можетъ казаться. Чтoby побудить хозяевъ употреблять эти единственныя и всегда-вѣрныя средства, г. Франке написалъ весьма-участное сужденіе на нѣмецкомъ языкѣ, а г. Тиревъ перевелъ его. Одно можно сказать объ этомъ переводѣ: онъ едва-ли можетъ быть полезенъ для русскихъ хозяевъ, которые хотятъ во всемъ не учености нѣмецкой, а дѣла, описаннаго просто, безъ ведантства. Сверхъ того, въ переводѣ есть и невѣрности. Напр., на стр. 3, сказано: «если тщательно обработать съ тонкимъ раченіемъ, какъ почву сада, то сорныя вѣрно возвысятся и доходить съ всею Это невѣрно; вѣроятно, въ подлинникѣ было сказано *Ertrog*, т. е. въ этомъ

лучшій урожаи, а не доходъ, который въѣрное не увеличится отъ садовой бработки воля. Еслибъ у насъ обработать поле, какъ обрабатывается ная-ншбудь граака въ саду, то, не смора на хорошии урожай, поле никаково дохода не дастъ, мбо надержки обработчи далеко превзойдутъ цѣнность рожаа.

317) Рекстръ Русскииъ Книамъ, Географическииъ Атлаамъ, Картаамъ и Плавнамъ, продаюцимса у почетлаа гражданина Или Глазунова. Санктпетербуръ. Въ тип. И. Глазунова и Кома. 1845. Въ 8-ю д. 275 стр.

Увида великолѣнное предисловіе къ той книгѣ, мы обрадовались—было, дая, что каталогъ г. Глазунова ееть родолженіе каталога г. Смирдина; но, иглазнувъ въ книгу, горько разочаровались въ своей надеждѣ. Это просто — каталогъ книгъ, которыя ееть въ книжной лавкѣ г. Глазунова; а книгиги — сѣсь разнаго дряннаго старья въ новостаяи. Кстати: не хотите ли кунить у г. Глазунова книгу, которая стонтъпервою въ его каталогѣ: «Абалъ-юродилъ мудрецъ, разскаывающій евошии питомцаамъ разныи нравоучительныи повѣсти, перевелъ съ нѣмецкаго М. Шлыкковъ. Москва. 1792.» Книаа хорошаа и дешево стѣбитъ: всего 1 рубль 15 копеекъ серебромъ. Правда, на Апраксимоиъ-Дворѣ ее можно кунить за пять копеекъ серебромъ, но рудно найти; товаръ этотъ рѣдокъ, потому-что давно частію сѣѣденъ мышамъ, частію сгнилъ; но, у г. Глазуова онъ сохранился въ цѣлости.

318) Библиотека для Воспитаніа. Отдѣленіе первое. Часть IV. Годъ стои. Изданіе А. Семена. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 12-ю д. л. 169 стр.

Изъ прозаическииъ статей, заѣсь помѣщенныиъ, надобно замѣтить: *Оеистоклаъ, Иоанна Дарка* (статья I), *Пасскיא ворота въ Москва* (извлеченіе въ «Памятникомъ Московскои Дре-

вности»), *Стопи и пустыни*, живое изображение величественнои природы, А. Еремона, *Рукопись маоритаскаяа доктора*, новѣсть А. Зонтагъ, отличающаая нравственною мыслію, какъ и всѣ ея повѣсти. Не худо замѣтить также статью В. П.: *О настоящихъ аслимцахъ южныиъ и западныхъ Славяна и ихъ разселеніи въ Европа* (извлеченіе изъ шафарикова «Славянскаго Народоошасанія»). Авторъ или извлечатель уиѣлъ найти въ славянскииъ племенахъ то, чего, при помощи логики, не найдетъ никто ни въ одномъ предметѣ, именно: съ одной стороны миролюбіе, любовь къ оъбдлости, быту земленашескому и общинному, легкая воспріимчивость и готовность къ образованію духовному, а съ другои: духъ бо-лѣе воиьскій, мужество, доходящее чдсто до свѣрѣности... По ннншней словесности находимъ выборъ изъ стихотвореній Н. Языкова, отличѣйшаго, одного изъ двухъ единственныиъ (другой единственный — г. Хомаковъ) теперь достоятъ. Многія цѣсы помѣченны, очевидно, съ тою цѣлію, чтобъ съ одной стороны поселать въ дѣтахъ любовь къ отечеству, если только можетъ поселить ее скучно-реторическій разскаъ о темныхъ былинахъ Русскои Земля: «О смерти Олега», «О Банатіи» и проч., а съ другои — служить образцамъ дурнаго вкуса и стихотворнаго набора словъ. Эти двѣ стороны, дѣйствительно, легче сослдинить, нежели то, что В. П. соединилъ въ Славянахъ: духовность и не-духовность, миролюбіе и драку, доходящую до свѣрѣности. Въ первомъ стихотвореніи своемъ (Молитва), одинъ изъ двухъ единственныиъ поэтовъ (другой единственный, припомните, — г. Хомаковъ) проситъ Бога, чтобъ онъ оставилъ ему таго-стныи дни, далъ ему желѣзное терпѣныи и окаменилъ бы ему сердце. Въ такомъ видѣ, говорить поэтъ, я прійду къ таинственныиъ вратамъ новой жизни,

Какъ Волги валъ бѣлоглавыи,  
Доходитъ цѣдыи къ берегамъ.

Сравненіе грамматическое и словоизмѣненіе! Человѣкъ, имѣющій желѣзное терпѣніе и наменное сердце, рѣшительно похочетъ, и внутренно и внѣшне, на бѣдоголовый валъ Волги. Въ другой плещъ: *Евматій*, говецъ (вѣроятно, учившійся по риторикѣ Команскаго), говорить всеобщѣ: «Въ Разанскихъ стѣнахъ «долго симбались удары, честь оржижласть съ насалими, пламя оржижилось члакъ башия, небо стеряло сей ада», и проч. и проч.

319) Первоначальное Руководство къ Этимологіи Греческаго Языка, составленное В. Ордынскимъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1848. Въ 8-ю д. л. 26 стр.

Смысло можно сказать, что г. Ордынский поданіемъ этой книжки оказалъ немаловажную услугу сколько учащимся, столько, намъ даже еще болѣе, самимъ учителямъ. Первымъ онъ даетъ руководство, которое необходимо должно обеспечить трудное для нихъ по началу изученіе греческаго языка, а другимъ показываетъ, какъ надобно братья за преподаваніе этого предмета, чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли. Руководство это, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, въ полной мѣрѣ первоначальное. При немъ предполагается необходимую грамматика Кюнера, переведенная г. Косовичемъ, или даже Шаде. Примеры словеній и спряженій опущены, этимологія изложена въ самомъ общемъ бѣгомъ очеркѣ; нѣтъ многихъ, даже необходимыхъ подробностей. Не смотря на то, при всей своей краткости, доходящей иногда до удивительной смелости, никогда, впрочемъ, до темноты и неопредѣленности, руководство это даетъ полный, цѣльный взглядъ на этимологію греческую, — такой взглядъ, изъ котораго уже очень-легко привязать прочія подробности. Это не больше, ни меньше, какъ эскизъ, но эскизъ начертанный опытною рукою знающаго свое дѣло художника. Изложивъ въ нѣсколькихъ словахъ понятіе о словахъ, какъ элементахъ языка, авторъ пере-

ходитъ къ элементарнѣе слова, которыя онъ называетъ его корень и окончаніе. На основаніи этихъ элементовъ, онъ построиваетъ нѣкую систему словеній и спряженій съ водами изъ словоизмѣненіями. Видно, что авторомъ руководило при этомъ разумное построеніе строгое, отчетливое знаніе законовъ языка. Изучивъ въ нѣсколькихъ урокахъ такой этимологическій эскизъ, ученикъ легко можетъ при его пособіи и при внимательномъ наблюденіи тѣхъ простыхъ правилъ, которыми оно представляется, талантливо изъ отдѣльныхъ частей составить стройное, органическое цѣлое. Дайте ему тогда какое угодно слово, онъ, съ помощію руководства, сейчасъ разложитъ его на составныя элементы, или образуетъ изъ него другое новое слово, имѣющее другое значеніе. Но, чтобъ доказать ему верный путь къ этому, г. Ордынский къ концу своей умной брошюры помѣстилъ для образца пріемъ того и другаго дѣйствія. Такой пріемъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ весьма-полезенъ для усвоенія разумнаго, отчетливаго знанія языка и для развитія сообразительной способности ученика. Тутъ, при составленіи пяти — шести формъ, ученикъ долженъ будетъ соотнобръать все ученіе объ этимологіи, изложенное въ этомъ руководствѣ. А привыкнувъ къ такому рода упражненіямъ и изучивъ твердо и основательно главные, существенныя пункты этимологіи, онъ уже легко будетъ болѣе и болѣе развивать свое ученіе, знакомясь съ дальнѣйшими подробностями и тонкостями языка.

320) Учебная Географическая Карта всей Россійской Имперіи, съ показаніемъ почтовыхъ и коммерческихъ дорогъ, числа верстъ между городами и селеніями, водныхъ сообщеній, рудныхъ промысловъ, заводовъ, фабрикъ и минеральныхъ источниковъ. Составлена по новейшимъ географическимъ историческимъ свѣдѣніямъ Корпуса Географическаго подпоручикомъ Александромъ Савинымъ. 1848.

Нѣтъ нужды говорить о пользѣ такой карты: она очевидна. Скажемъ лучше, что карта составлена тщательно и вѣрно, а напечатана и разрисована красиво и удобно для принскиванія.

321) Собрание Равсказовъ, Анекдотовъ и Отрывковъ, выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ писателей, для упражненія дѣтей въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и на немецкій, и русско-французско-немецкій словарь. Четвертокъ, исправленное изданіе, употребляемое во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Карла Крайла. Въ 12-ю л. 127 стр.

Книжка эта даетъ, что обѣщаетъ. Лестная книжка!

322) Краткая Всевощая Географія для первоначальной преподаванія. (.) Составилъ К. Р. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Штаба Отдѣлн. Керту-а Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. 20 стр.

Пустая компиляція!

323) Русская Азбука. А. Вороной. Съ 34 раскрашенными рисунками, и 40 листкахъ. Санктпетербургъ. Во французской тип. Въ 12-ю д. л. 160 стр. Азбука, какъ слѣдуетъ быть русской буквѣ: картинки, азы, склады, таблички умноженія, невинныя до пустоты лѣтскіе разговоры съ маменькою, таковы же повѣсти, и пр. Издана верно.

324) Этимологическій Букварь, держащій въ себѣ наставленія о произношеніи, въ первообразннхъ слова французскаго языка и уроки для чтенія, тавеллнкій управлнющимъ училищамъ много обученія и кавалеромъ, Якогъ Гердомъ. Санктпетербургъ. Въ п. Эдуарда Праца. 1845. Въ 16-ю д. 258 стр.

Брошѣ наставленій о произношеніи, орыя безъ учителя совершенно полезны, въ этой книжкѣ все обнть благополучно. Напечатана она го и красиво.

325) Елена или добродѣтельное дѣтѣ. Пособіе для дѣтей. Москва. 1845. Въ 18-ю д. л. 27 стр.

— Евгений или избалованное дѣтѣ. Пособіе для дѣтей. Москва. 1845. Въ 18-ю д. л. 30 стр.

Эти дѣтѣ — и добродѣтельное и избалованное — дѣлнютъ вама грамматическія ошибки противъ нравственности, которыя даже не могутъ быть извинены ихъ дѣтствомъ. Потому, если которія ихъ можетъ быть полезна для другихъ дѣтей, то развѣ только въ томъ отношеніи, что научить ихъ избегатьъ подобныхъ ошибокъ.

326) Сельское Чтеніе, книжка третья, составленная княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблудинимъ. Санктпетербургъ. 1848. Въ тип. Э. Праца. Въ 8-ю д. л. 156 стр.

Сельское Чтеніе составляетъ собою эпоху въ исторіи едва-начинающагося у насъ образованія низшихъ классовъ: Правда, книжка эта уже не первая попытка заикнуться пресвоей шарою въ чтенію; но это первая удачная попытка въ этомъ родѣ. Можно указать еще на Письмоице Куралова, разошедшіяся по Россіи въ числѣ, можеть-быть, тоже не одного десятка экземпляровъ; но то была книга не для низшихъ собственно классовъ, а для всего полуграмотнаго міра, заглававшего въ себѣ и дворянъ, и чиновниковъ, и купцовъ, и мѣщанъ, но не поселянъ. Успѣхъ Письмоица былъ основанъ не на цѣли и удачливости достигненія, а на необразованности тогдашняго читающаго народа. Онъ не былъ приуроченъ къ понятіямъ или потребностямъ какого-нибудь класса общества, но былъ неадаптъ, какъ книга веселая, съ разсказаніемъ анекдотовъ, — и полезная, съ чѣмъ-то въ родѣ энциклопедическаго изложенія историческихъ знаній; онъ былъ больше сулларель, нежели народель; и потому успѣхъ необычайно и принесть много пользы. Сельское Чтеніе, не смотря на его огромный успѣхъ, основанный на достопности содержанія и изложенія, и

тешере отнюдь не исключают потребности нового «письмовника», составленного сообразно съ успѣхамъ нашего времени; но этотъ новый «письмовникъ» уже не долженъ быть ни столь спеціальнымъ, какъ *Сельское Читеніе*, ни столь универсальнымъ, какъ кургановскій «письмовникъ»: подобно послѣднему, онъ долженъ быть выданъ для мало-образованныхъ, полуграмотныхъ, но въ будущемъ образованіи которыхъ не предполагается никакихъ опредѣленныхъ границъ. Здѣсь разумѣются люди, которымъ нужна не столько ученость, сколько образованность, и которые, по неимѣнію средствъ, не иначе могутъ образоваться, какъ черезъ собственные усилія, посредствомъ чтенія. И цѣль такого новаго «письмовника» должна состоять не въ томъ, чтобъ образоватъ этихъ людей, но въ томъ, чтобъ помочь имъ образоваться, направивъ ихъ вкусъ въ чтенію, оторвать ихъ отъ *Ерусалана Лазаревича* и романовъ Орлова, познакомивъ ихъ съ произведеніями литературы, на первый случай, по содержанию, доступными уму неразвитому, но въ то же время отличающимися высокою литературнымъ достоинствомъ. Это долженъ быть огромный альманахъ, раздѣленный на двѣ части: энциклопедію наукъ, искусствъ, ремеселъ, открытій и т. д., и на беллетристику — повѣсти, сказки, рассказы, стихотворенія, анекдоты, и т. п. Все это не должно быть ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко: тутъ не должны быть сочиненія въ родѣ *Фауста*, *Манфреда*, *Моцарта* и *Сальери*, *Цыганъ* и т. п.; но почему бы не ъйдти туда, напримеръ, *Полтава* и *Русалка* Пушкина? Энциклопедія должна быть изложена языкомъ самымъ простымъ и яснымъ, но столько же не простовароднымъ, сколько и не книжнымъ. Если къ этому будутъ призваны на помощь поэтѣ, — это могущественное средство для распространенія популярнаго образованія: какал бы это вышла книга для чтенія кушчовъ, мѣщанъ, и даже людей, принадлежащихъ къ нѣ-

сколько-высшему противъ нихъ классу, но не болѣе ихъ образованнымъ!

*Сельское Читеніе* — изданіе чисто-спеціальное, и въ этомъ его великое достоинство. Оно назначено для крестьянъ-земледѣльцевъ и приурочено къ ихъ быту и потребностямъ. Были и прежде *Сельскаго Читенія* опыты для такого рода изданій; люди, бравшіеся за нихъ, не имѣли никакого понятія о высшихъ классахъ, и потому опыты ихъ не имѣли никакого успѣха. Нѣкоторые, взманенные успѣхомъ *Сельскаго Читенія*, начали издавать книжки въ этомъ родѣ, думая, что имъ барину легко учить мужика; но вышло иначе: спекуляція осталась спекуляціею, и печатный вздоръ пошелъ въ растопку печей. Колоссальный успѣхъ *Сельскаго Читенія* основанъ былъ на глубокомъ знаніи быта, потребностей и самой природы русскаго крестьянина, и на талантѣ, съ каковымъ умѣли издатели воспользоваться этимъ знаніемъ. По-этому, въ два года разошлось тридцати тысячъ двухъ первыхъ книжекъ *Сельскаго Читенія*. Подобнымъ успѣхъ имѣеть великое значеніе, самодѣтельствуя, что издатели *Сельскаго Читенія* умѣли угадать, что нужно для чтенія простому народу, а во всякомъ важномъ дѣлѣ, для котораго не было прежде образца, въ томъ-то и состоитъ все дѣло, чтобъ угадать...

О первыхъ двухъ книжкахъ мы говорили въ свое время; теперь поговоримъ о третьей. Какъ и въ первыхъ двухъ, въ ней статьи раздѣляются на два разряда: статьи (большую часть въ разсказахъ) нравственнаго содержания, и статьи, до быта и хозяйства крестьянскаго касающіяся. Тѣ и другія равно необходимы, потому-что нравственность тѣсно связана съ матеріальнымъ бытомъ, и успѣхъ одной невозможенъ безъ успѣха другаго. Крестьянинъ, котораго жилище не лучше лѣтѣва, который раздѣляетъ его съ домашними животными, и который долженъ одѣтъ, душно жѣтъ, — такой крестьянинъ не можетъ быть нравственнымъ челоѣкомъ: если онъ и не воръ, то

дѣлать, и во всякомъ случаѣ существо оскотинившееся. Добродѣтель въ ищетъ есть явленіе исключительное, достояніе тѣхъ сильныхъ организацій, тѣхъ энергическихъ характеровъ, которые такъ же рѣдки, какъ и гений. Добродѣтель гораздо-хуже уживается съ пищетою, чѣмъ съ чрезвѣчнымъ богатствомъ, хотя она и рѣдко въ богатствѣ. Съ другой стороны, если крестьянинъ живетъ чисто и въ довольствѣ, будучи безнравственнымъ человекомъ, — его благосостояніе выгодно только для него самого, но не для общества, — не говоря уже о томъ, что оно не всегда прочно. Изъ этого двойнаго рода статей въ *Сельскомъ Читеніи*, тамъ собою, по законамъ необходимости, выходитъ третій рядъ статей, которыя свособствуютъ развитію интеллигентности и знакомятъ крестьянина съ понятіями и фантами, доселѣ все ему недоступными. Чтобы научить его обращаться съ хлѣбомъ и травой, необходимо познакомить его съ свойствами растительнаго царства вообще; слѣдовательно, нѣкоторымъ-образомъ вести его въ соверпаніе природы, въ міръ естественнаго. Такова статья г. Заблоцкаго въ третьей книжкѣ *Сельскаго Читенія* — «О томъ, что такое оленіе, какъ оно живетъ и чѣмъ оно питается». Жалѣемъ, что не можемъ познакомить съ нею нашихъ читателей: безъ выписокъ этого сдѣлать нельзя, а вырывать ее клочками, только портить: ее надо читать всю. Это образецъ яснаго изложенія, вполне-доступнаго для крестьянина, понятій и связей-общихъ и не такъ-то проглыхъ! Такова же статья князя Одоевского: «Что такое выставка сельскихъ произведеній, на что она, и какаа отъ нея польза, и что было на прошедшей выставкѣ». Это лучшія статьи въ третьей книжкѣ *Сельскаго Читенія*. Послѣ нихъ замѣчательныя статьи: «Рассказъ г. Иринея о томъ, что вокругъ человека, и о челоѣкѣ», князя Одоевского; «О томъ, какъ съ домашнею скотиною надобно обращаться» г. Заблоцкаго. Т. XII. — Отд. VII.

го и «Записки для памяти» князя Одоевского.

Изъ нравственныхъ разсказовъ особенно-замѣчательны два: «Какъ дядя Иринея рассказывалъ о томъ, что такое чистота и въ чему она пригодна» князя Одоевского, и «Нечистая Сила» графа Соллогуба. Первая особенно важна тѣмъ, что она имѣетъ пѣлю искорененіе гибельнаго и наиболѣе-свойственнаго русскому простонародью порока — неопрятности. Впрочемъ, опрятность и у городскихъ нашихъ жителей не можетъ считаться особенною добродѣтью. Бани и чистая рубаха въ субботу — у нашего простонародья больше какой-то обрядъ, какой-то мистическій долгъ, какъ омовеніе у мусульманъ, нежели требованіе опрятности и чистоплотности, не говоря уже о томъ, что переиѣна бѣлья одинъ разъ въ недѣлю — плохая опрятность. И потому, въ такой книгѣ, какъ *Сельское Читеніе*, особенно надо дорожить статьями, когда, будучи хорошо написаны, онѣ имѣютъ предметомъ искорененіе не общихъ, всѣмъ людямъ равно-свойственныхъ недостатковъ, а пороковъ, составляющихъ какъ-бы исключительную болѣзнь класса, для котораго издается *Сельское Читеніе*. Такіе пороки суть: пьянство, неопрятность, лѣнь, непредусмотрительность и *авось*, которое простой народъ иронически называетъ *авоськой*. Нечистая Сила — мастеровской разсказъ графа Соллогуба, удачно воспользовавшагося извѣстными анекдотомъ, чтобы сдѣлать изъ него столько же занимательную, сколько и поучительную для простыхъ умовъ повѣсть. — Послѣ нихъ, можно указать на разсказы: «Отъ-чего крестьянинъ Демьянъ себѣ ноги ознобилъ и навѣкъ казкою пошелъ» князя Одоевского; «Плохо тому, кто не умѣетъ жить въ своемъ дому», г. Заблоцкаго, и юмористическій, въ народномъ духѣ разсказанный анекдотъ «Ось и Чека» г. Дала.

Но, признаемся, мы не желали бы больше встрѣчать въ *Сельскомъ Читеніи* 1/5.



таких статей, какъ • Кто такой Давыдъ Ивановичъ, и за что люди его почитаютъ • и • Что легко наживается, то еще легче проживается •. Въ первой описанъ какой-то герой добродѣтели безъ образа и лица, безъ всякихъ признаковъ характера; и не мудро: онъ описанъ, а не представленъ; за него говорить самъ авторъ, а самъ онъ ничего не говоритъ. Такими мертвыми идеями никого не убѣдишь ни въ чемъ; имъ никто не повѣритъ. Въ другой пьесѣ представленъ бѣдный переводчикъ, который, неожиданно получивъ отъ дальняго родственника, купца, огромное наследство, и не умѣя управлять имъ съ торговыми дѣлами, ни съ деньгами, все сиустилъ въ карточное время и опять сталъ голъ какъ соколъ. Какая мораль этого разсказа? не-ужели та, что отъ наследства издобию отказываться? Ну, а еслибъ кто написалъ повѣсть, что одинъ бѣднякъ, получивъ большое наследство, съумѣлъ имъ распорядиться и къ своей и къ чужой пользѣ, и издатель *Сельскаго Читенія* помѣстилъ бы этотъ разсказъ рядомъ съ пьесою: • Что легко наживается, то еще легче проживается •: чему бы тогда долженъ былъ вѣрить грамотный крестьянинъ?.. Судя по заглавию разсказа, мы думали, что дѣло идетъ о приобрѣтеніи черезъ воровство, грабежъ, или разбой: тогда бы — другое дѣло! Но положимъ, что авторъ и тутъ правъ: все-таки трудно повѣрить, чтобы его разсказъ убѣдилъ кого-нибудь отказаться отъ законнаго наследства...

Многіе возстаютъ противъ *Сельскаго Читенія* за простонародность его языка, *маленько-мужицкаго*, утверждая, что къ такому языку въ книгѣ простой народъ недовѣрчивъ, подаваясь охотнѣе обаянію книжнаго языка. Привлекаясь откровенно, мы не считаемъ такого мнѣнія ложнымъ, и готовы были бы рѣшительно обвинить *Сельское Читеніе* въ простонародности языка, какъ въ недостатокъ, еслибъ въ тридцати тысячахъ экземплярахъ этой книжки, разошедшихся въ два года, не видѣли факта, слишкомъ - оправдываю-

щаго издателей въ ихъ наперѣ говорить печатно съ простолюдиномъ. Стало-быть, это еще вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только фактически: надо издать для народа книжку, написанную городскимъ, образованнымъ языкомъ: если она будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и *Сельское Читеніе*, вопросъ будетъ рѣшенъ не въ пользу издателей послѣдняго; а до-тѣхъ-поръ... подождемъ. Одно, что мы можемъ не похвалить въ *Сельскомъ Читеніи*, — это употребленіе презрительно-уменьшительныхъ собственныхъ именъ: Ванюха, Ванька, Сенька, Васка, Машка и т. п. *Сельское Читеніе* должно способствовать употребленію, а не поддержанію отгратительнаго обычая называть себя не христіанскими именами, а кличками, унижающими человѣческое достоинство...

Впередѣ времени много, и, при жизни дѣла и талантъ издателей *Сельскаго Читенія*, недостатки этого изданія, конечно, скоро исчезнутъ, а достоинства еще болѣе возвысятся. Много уже сдѣлано этими тремя ближними, и съ содержаніемъ нельзя будетъ имѣть исчерпать и трипцатью; а сколько еще сторонъ нетронутыхъ, на-пр., отовошенія, въ которыхъ женскимъ поламъ дѣлится въ простомъ быту къ мужскому, и наоборотъ! Русскій человѣкъ вообще не умѣетъ уважать женщину, а у крестьянъ женщина — раба, скотъ, ничто въ родѣ домашняго животнаго. Зато, посмотрите въ деревняхъ на мужиковъ: сколько между ними красивыхъ лицъ, а женщины, за весьма-рѣдкими исключеніями — воплощенное безобразіе, и въ тридцать лѣтъ уже старухи! И не диво: выполняя всѣ тяжелыя мужскія работы, онѣ еще несутъ тяжесть беременности и родовъ... Вообще, семейный бытъ долженъ быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ *Сельскаго Читенія*. Какъ-можно-больше статей объ обращеніи съ дѣтьми, о необходимости часто мыть ихъ, беречь отъ гриппа, отъ простуды, объ уходѣ за больными! Сколько умираетъ дѣтей оттого, что за ними душно смотрятъ и

время осып, кори. Топится печка, въ набѣ сверху дымъ; вину холодь — дверь отворена: какъ тутъ уцѣлѣть и варослону большому, и родильницѣ. котораа, сверхъ-того, вчера родила, а сегодня таскаетъ дрова и воду!..

327) Русское Чтеніе, издаваемое Сергѣемъ Глинкою. Выпускъ третій и четвертый. Отечественныя историческія памятники XVIII и XIX столѣтій. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. отъ 149 до 312 стр.

То же, что было и въ первыхъ двухъ выпускахъ, о которыхъ мы уже говорили: кое-что дѣльнаго и интереснаго, но въ упительномъ лирическомъ безпорядкѣ мыслей и словъ, въ хаосъ которыхъ трудно что-нибудь понять и помнить...

328) Борьба Язычества и Христіанства. Сочиненіе П. Морозова, поэтаго вочечителя Цензенскаго Института и члена разныхъ ученыхъ обществъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 46 стр.

Брошюрка г-на Морозова принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ явленій—не тѣхъ, которыя поражаютъ умъ юнымъ величіемъ или красотой, выходя изъ ряда всеневныхъ феноменовъ, тѣхъ, для которыхъ въ нѣкоемъ урналѣ отведенъ особенный уголъ, одъ страннымъ именованіемъ: «Необыкновенныя Явленія». Это — диковина или рѣдкость въ литературномъ отпшеніи, уклоненіе отъ опредѣленнаго юпесса мысли, monstrositas intellectualis. Авторъ серьезно думаетъ, что рѣба идолопоклонства и христіанства не кончилась съ паденіемъ храва, но что она продолжается и въ ше время въ области философіи и въ жизни общественной. По его мнѣнію, оряте нелиа чудеса въ мирѣ: вездѣ одной стороны проповѣданія любви, мира, цѣломудрія, свободы духа, лежда и вѣры; съ другой—защитни-

ки эгоизма, возмущеній, рабства страгтлѣ, безнадежности и безвѣрія...

Какой-то древній философъ (кажется, Аристотель) представлялъ себѣ душевное состояніе человѣка, который изъ темныхъ вѣдръ земли, гдѣ онъ жила долгое время, вдругъ выходитъ въ свѣтлое царство міра, подъ роскопный сводъ неба. Изумленіе, восторгъ, благодарность наполняютъ его сердце, и никакія подаемныя сокровища не заманяютъ уже его болѣе въ прежне жилище. Но мудрецъ не предвидѣлъ существованія иныхъ, неблагодарныхъ людей, которыхъ ослѣпляетъ блистательный день и которые, не примѣчая своихъ большихъ глазъ, обвиняютъ солнце, луну и звѣзды. Такъ полуночныя совы летать, при первыхъ лучахъ разсвѣта, подъ темный навѣсъ гнѣющихъ развалинъ, считая ихъ единственно-достойнымъ престоломъ совинной мудрости. Онѣ не понимаютъ, эти ушныя совы, что и мракъ ночи и свѣтъ дня—созданія одного и того же Бога, что при Единомъ не можетъ быть противоположнаго двойства, что въ развитіи жизни и заключается истинная жизнь. Ихъ пошлые выводы основываются на мысли о пошлой неподвижности, при которой грѣшитъ все, что идетъ дальше. Легкомысленныя дѣти, они видать въ своихъ играхъ начало и копецъ человѣческихъ дѣйствій; бессмысленные старцы, они угрюмо смотрятъ на новое поколѣніе, ставшее къ нимъ спиною. По ихъ основанію, достаточному только для ихъ муравейника, неправильно то, чего нельзя подвести подъ правила ихъ логики, узколобой, ограниченной какъ-нельзя-больше и аажкнутой на вѣки-вѣковъ ихъ собственности, робкою волею. Летитъ паровозъ — они плачутъ объ извожникахъ; строится желѣзная дорога—они рылаютъ о прежнихъ дорогахъ. Каждое новое взобрѣтеніе, каждое новое усиліе мысли приближаетъ, по ихъ мнѣнію, антихриста. Что за странные, что за темные люди... я хотѣлъ сказать: совы!

Зло, если ихъ послушать, такъ рас-

пространилось, что неизбежны радикальныя противъ него мѣры. Они, пожалуй, готовы объявить акція на постройку ковчега, въ которомъ, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ приличное мѣсто, при всей своей многочисленности. Гдѣ же этотъ ковчегъ спасенія? Г. Морозовъ видитъ его въ Местрѣ (т. е. де-Матрѣ), Генудѣ (читай: Женудѣ), Шатобрианѣ, Бональдѣ, Ботенѣ, Генрихѣ Штталлянгѣ, который съ удивительною ясностію опровергалъ философію 18-го вѣка, и въ А. С. Стурдзѣ, занимающемъ въ свѣтскихъ людей первое мѣсто на этомъ поприщѣ, т. е. на спасеніи грѣшныхъ отъ умственного движенія. Во главу писателей, которымъ принадлежитъ честь спасенія, г. Морозовъ ставитъ Местра, потому-что его *Soirées de S. Pétersbourg* и разборъ Баккона обратили многихъ на путь истинный. И это не могло быть иначе: краснорѣчіе, сила логики и рѣзкость эниграммы страшныя орудія для души, а ими богаты творенія Местра. — Местра, который хотѣлъ обновить міръ полками іезуитовъ и легионами палачей. Хорошъ христіанинъ, вооружающійся эниграммою! Рѣзкость эниграммы, сколько всѣ ее понимаютъ, противорѣчитъ той любви, которая, по словамъ г. Морозова, служитъ основаніемъ всей нравственной дѣятельности. Впрочемъ, у такихъ обновителей человѣчества, каковъ господинъ де-Матрѣ съ братією, противорѣчіе — самая ходячая монета.

Пробѣжавъ брошюрку г. Морозова, мы ясно видимъ, что ученіе его вовсе не новое: іезуиты, изгнанные и изгоняемые отсюду, давно говорили то же, только говорили лучше. Этими только можно истолковать, почему авторъ съ особенной похвалою отзывается объ Игнатіи Лойолѣ и Францискѣ Ксавьѣ. Но намъ, далекимъ отъ іезуитнама, хотѣлось бы одного: не жить въ мірѣ (согнати Боже!), а взглянуть на міръ, обновленный необыкновенными явленіями въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили. Любопытная была бы картина!

329) Ученіе о Жизни вообще и о жизни человека въ-особенности, какъ такомо предметъ, на которомъ утверждается *орачебная наука*. Опытъ сближенія медицинскихъ посплтъ о челоѣкѣ со вкушеніями святой еври и зоравой философіи. Сочиненіе Ивана Зацепина. Часть 2. Москва. Въ тип. скоропечатанія В. Кирилова. 1845. Въ 12-ю д. л., 176 стр.

Ученіе г. Зацепина такъ оригинально, что мы отказываемся провѣстие о немъ какое-либо сужденіе; но вѣсто этого представимъ краткое его изложеніе, пользуясь преимущественно словами самого автора. Извольте выслушать:

Взяла жена муки и замѣсила тѣсто. тѣсто взопло; жена свалила изъ него хлѣбы и посадила въ печь. Испеклись хлѣбы въ пищу ей и ея семейству. Подобны тому всѣ умныя дѣйствія челоѣческой: они большею частію скорыстныя. — Мѣситъ мертвая природа пылинки вещества и выгнѣсила изъ нихъ чудное тѣсто — золотую руду. Собрала она эту руду руками разунныхъ существъ и свергла ее въ разженную печь; растопила ее и вылила золотого ядола, и заставила вползти къ ему мертвыхъ чадъ своихъ — ямыниковъ и деиствоѣ. Красивъ и величавъ идола, и сіяетъ, какъ жаръ, отраженнымъ свѣтомъ; но глухъ, а тѣло и неподвиженъ. Такова работа мертвого начала въ природѣ.

Въ вещественномъ мірѣ совершеннѣйшая матерія есть металлъ, особливо серебро и золото. Въ духовномъ мірѣ совершеннѣйшее существо есть челоѣкъ, т. е. то, что г. Зацепинъ, въ своемъ эвергическомъ языкѣ, называетъ духовною единицею. Она есть тѣ же въ духовномъ мірѣ, что серебро и золото въ вещественномъ мірѣ. Это между-прочимъ, доказывается и тѣмъ, что въ св. писаніи набранный изрола въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именуется серебромъ и золотомъ (стр. 35). Главныя принадлежности духовнаго существа челоѣка (духовной единицы) есть чувствованіе, мышленіе и постижаніе.

Каждое изъ постижений дѣйствуетъ на существо человѣка особеннымъ образомъ: чувствованіе — горячитъ, мышленіе — кичитъ, вѣрованіе — смиряетъ. До совершеннѣйшаго, т. е. при выступленіи живой единицы изъ организационной сферы мышленія, ей представляется фантазмагорія формъ, за которыми человѣкъ такъ-сказать гоняется и самъ волюнѣ сохраняетъ изящную форму: это періодъ эстетики. Въ совершеннѣйшій, собственная форма человѣка начинаетъ увядать, фантазмагорія формъ передъ нимъ уклоняется, и онъ въ душевномъ отношеніи становится скрытнѣе: это періодъ философіи. Старость есть періодъ святыхъ щущеній, — *этимическій*. Съ чего взяли г. философы увѣрять насъ, что съ совершеннѣйшимъ упадаютъ всѣ силы словѣка? не все существо словѣка принадлежитъ планетѣ, и потому кругъ жизни совершеняется иначе. Въ доказательство возьмемъ большой листъ бумаги и напишемъ на немъ весь родъ словѣческой: на одной сторонѣ людей со совершеннѣйшаго, а на другой людей со совершеннѣйшаго. Въ которомъ ряду больше высшей дѣятельности? Мыкажется, въ послѣднемъ, и даже такъ, что первый рядъ можно назвать женскимъ, а второй мужскимъ (стр. 46). Новѣйшіе философы ослабили почтеніе къ старшимъ. Это, кажется, они взяли со скотовъ, которые, какъ наголящіе натуральные философы, дѣйствительно непочтительны къ своимъ гаршнимъ. Новѣйшая же философія въ некоторыхъ европейскихъ государствахъ опровергаетъ монашество. то неправильно, ибо монашество въ природѣ словѣка. Старикъ съ полнымъ развитіемъ духовнаго чувства монахъ по естеству; онъ весь представляется въ священнѣйшій органъ или рогаиѣ, поучающій общество выкинемъ лоблестямъ тѣры. Психическіе исатели протестантскаго исповѣданія хотятъ доказать неестественность монашескаго состоянія тѣмъ, что нѣкоторые анахореты не могли преодолѣвать влеченія къ женскому полу,

какъ себя ни мучили. Такое ученіе есть смѣсь правды съ ложью, или, какъ-бы сказать, лекарство изъ адской смолы въ парномъ молокѣ природы (стр. 49). Въ политическомъ тѣлѣ можно замѣтить такіа же разности, какими отличаются въ индивидуахъ полъ, возрастъ и внѣшняя дѣятельность. Касательно половыхъ разностей, должны существовать между государствами такіа отношенія, какія были между хитрою, болтливою Греціею и мудрымъ, молчаливымъ Римомъ въ языческомъ мѣрѣ. Весь родъ словѣческой можно раздѣлить на три полосы народовъ: чувственные, душевные и духовные. Возрастовъ словѣческаго рода также три: чувственный, душевный и духовный. Къ чувственному принадлежатъ Ассиріяне (народъ духовнаго качества), Египтяне (народъ душевнаго качества), всѣ прочіе (народы чувственнаго качества). Отдѣльно отъ нихъ: сѣмья авраамова — Израильяне. Къ душевному относятся: Римляне (духовный народъ), Греки (душевнѣйшій), всѣ прочіе (чувственные); между ними сѣмья авраамова (новые христіане). Къ духовному возрасту: Россіяне (духовный народъ), Западныя Европейцы (душевнѣйшій), всѣ прочіе (чувственные); въ нихъ же и они же сами сѣмья авраамова: отъ Исаана — утвердившіеся христіане, отъ Измаила — измаильяне (56 — 58). Словѣкъ душевный и духовный представляютъ словѣка преобладающаго. Преобладаніе вообще возможно: силою и прелестью, или мудростью и хитростью, или мужскими и женскими качествами. Не то ли значитъ: *сильнѣе суть жены* (хитрость и прелесть — женскія качества), *какъ все всѣхъ побѣждаетъ истина* (мудрость и истина — мужскія качества)? (стр. 59). Весьма замѣчательно, что народы душевныхъ свойствъ отличались чрезвычайнымъ киченіемъ и преворствомъ, ибо мышленіе кичитъ. Страшный западный колоссъ раздробился о русскую грудь. Этотъ колоссъ или массу изъ разныхъ племенъ г. Зацепивъ представляеть

точно такъ, какъ образъ и судьбу тѣла, видѣннаго Навуходоносоромъ, а наше отечество, какъ камень, отторгншійся отъ Алаунской-Горы и поразившій тѣло въ ноги (стр. 66). Въ древней Иудей былъ Иерусалимъ, святая гора, и на горѣ храмъ Спасителя. И въ христіанской Иудей есть новый Иерусалимъ — Москва, есть святая гора — Алаунъ, и есть храмъ Спасителя на Алаунской-Горѣ, въ новомъ, христіанскомъ Иерусалимѣ (стр. 73 и 74). Руководствуясь такими началами сужденія, г. Зацепинъ примѣняетъ 47-й вселомъ къ Россіи и толкуеть его (стр. 75 — 78). При разсматриваніи природы и человѣка представляются намъ четыре міра, имѣющіе поразительное сходство въ своемъ устроеніи и управленіи: а) міръ тѣла человѣческаго, б) міръ духа человѣческаго, с) міръ стихійный, d) міръ человѣческаго рода. Во всѣхъ четырехъ мірахъ есть земля и небо, и во всѣхъ видно дѣйствіе злаго начала (зль). Г. Зацепинъ дѣлаетъ между ними сравненія.

#### Земля.

##### *Первое сравненіе.*

Въ тѣлѣ — кровь.

Въ духѣ — токи мыслей.

Въ стихійномъ мірѣ — четыре стихіи.

Въ человѣческомъ родѣ — рѣчь (стр. 85).

##### *Второе сравненіе.*

Въ тѣлѣ — кровавые шарники или пузырьки

Въ духѣ — отдѣльныя мысли.

Въ стихійномъ мірѣ — сѣмена или верна.

Въ человѣческомъ родѣ — слова или мысли, облеченныя словомъ (стр. 87).

##### *Третье сравненіе.*

Въ тѣлѣ — существо плоти или система волосныхъ сосудовъ.

Въ духѣ — душа или сердце человѣческое.

Въ стихійномъ мірѣ — разработанная земля, пашня или ятва.

Въ человѣческомъ родѣ — множество людей или общество человѣческое (стр. 88).

##### *Четвертое сравненіе.*

Въ тѣлѣ — органы чувствъ.

Въ духѣ — страсти.

Въ стихійномъ мірѣ — вѣтра.

Въ человѣчествѣ — народы язычскіе (стр. 90).

##### Ниво.

##### *Платое сравненіе.*

Въ тѣлѣ — мозгъ.

Въ духѣ — умъ (не разумъ).

Въ стихійномъ мірѣ — солнце.

Въ человѣчествѣ — Христосъ, солнце правды (стр. 91).

##### *Шестое сравненіе.*

Въ тѣлѣ — стеновая жила съ мозгомъ.

Въ духѣ — разумъ или умъ подъ вліяніемъ страстей.

Въ стихійномъ мірѣ — луна.

Въ человѣчествѣ — наука или посвященіе, обрадованность (стр. 95).

##### *Седьмое сравненіе.*

Въ тѣлѣ — нервные узлы отъ мозга и стеновой жилы.

Въ духѣ — свѣтлыя, безотчетныя мысли или идеи.

Въ стихійномъ мірѣ — звѣзды.

Въ человѣческомъ родѣ — великіе, оригинальные люда (стр. 101).

##### Аль.

##### *Восьмое сравненіе.*

Въ тѣлѣ — начало болѣзни и смерти.

Въ духѣ — начало лжи и лукавства.

Въ стихійномъ мірѣ — начало разрушительное.

Въ человѣчествѣ — духъ нестроенія, змій древній (стр. 102).

Одна образованность унижаетъ, убійственна для духа человѣческаго. Представьте себѣ, велико ли будетъ совершенство человѣка, если отнять у него святыя надежды и обратитъ его, какъ въ русскихъ сказкахъ, (называютъ) въ облизанную блудливую кошку! Такой идеалъ человѣка не есть образъ Божій, а сдвоенный, оббитый, изуродованный истуканъ въ образѣ животнаго (стр. 123). Какъ это грубо! съжеть какой-нибудь вольнодумецъ думать, что человѣкъ, разумное созданіе, цвѣтъ природы, будетъ обреченъ

на погибель и даже на мучение по смерти! И чѣмъ онъ виноватъ, что родился отъ Адама?—Но, милостивый государь, чѣмъ виноватъ тараканъ, что родился отъ таракана, и змѣя, что родилась отъ змѣи? — а ты ихъ давишь! Что жъ ты самъ дивишься тому, чадо проклятiя, что тебя задавятъ, если ты, гордостiю смердящiй червь, въ ожесточенiи своемъ отвергнешь чашу спасенiя? (стр. 131). Значенiе и роль Наполеона не всѣ понимаютъ такъ, какъ наши легкомысленные поклонники его образа, часто выставляемаго въ видѣ знамени въ выступающихъ на насъ полчищахъ западныхъ идей. Утверждаютъ завѣрное, что онъ, вращая въ своей душѣ гигантскiя мысли, часто проговаривалъ о себѣ, какъ о предтечѣ антихриста. Сама знаменитая Сталь, описывая, какъ Кутузовъ отправлялся къ русской армiи, говорить: возлагалось на него вырвать всѣ сiн блага (добродѣтели, достоинство, независимость) изъ когтей (des griffes; чудовища Наполеона. (стр. 137 и 138). Стоитъ призадуматься надъ этомъ всякому Христiанину! Бетати о Наполеонѣ. Не будь его, другой бы занялъ его мѣсто. изъ нѣсколькихъ милiоновъ людей можно выбрать человека по мысли. Словомъ: Наполеонъ былъ не болѣе, какъ орудiе революцiонной системы. Самъ собою онъ не много бы сдѣлалъ. Посему бессмысленной только толпѣ свойственно благоговѣть предъ громкой личностью Наполеона (стр. 171).

Мы не прибавили отъ себя ничего. Мы передали только то, что говорить. Зацепивъ.

330) Башня Виселуха (.) или Смоленскъ и Жители его шестидеять лѣтъ назадъ. Соч. смоленскаго тарожила Ф. Ф. Э. Санктпетербургъ. въ тив. К. Жернакова. 1845. Въ 8-ю л. 78, 58 и 42 стр.

Этотъ романъ, или эта повѣсть была напечатана въ одномъ журналѣ нынѣшняго года, съ примѣчанiемъ отъ редакцiи, что двѣ остальныя части

этого разсказа значительно сокращены и измѣнены ею, т. е. поправлены, потому-что талантъ автора опоздалъ цѣлымъ полулѣтiемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, еслибъ этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ свое время, хотъ-лѣтъ двадцать пять назадъ,—онъ имѣлъ бы значительный успѣхъ; но теперь...теперь мы еще понимаемъ его появленiе въ журналѣ, но изданiя его особую книгу теперь трудно объяснить чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ того, что это тѣ же листки изъ журнала, припечатанные на долю автора, съ тремя новыми заглавными листками и съ исключенiемъ не очень-лестнаго замѣчанiя отъ редакцiи, о которомъ мы сказали выше. Еще сплетенiя разныхъ не совѣтливъ-вѣроятныхъ приключенiй на-маверъ г-жи Радклиффъ, разсказаны въ этой странной повѣсти довольно-складно; но характеровъ, творчества—нѣтъ и признаковъ.

331) Прощанье. Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 4 стр.

Нѣкто, выходя въ отставку, стихами прощается съ товарищами по службѣ. Стихи недурны, хотя они и совсѣмъ не стихи, потому-что въ нихъ не соблюдены правила версификацiи; нѣсколько страдаютъ они также и недостаткомъ смысла, но за то исполнены чистѣйшей нравственности, и однимъ словомъ — очень-хорошiе стихи. Вотъ для образца:

Есть и такіе люди въ свѣтѣ,  
Что васъ видятъ лишь при свѣтѣ  
А потухнетъ лишь заря,  
Прочь идутъ, не говоря.  
Такъ тогда должно терпѣть  
И у берега должно сидѣть,  
Претерпѣвши до конца,  
Ждать похвальнаго дѣла.  
Такъ я вѣкъ свой прослужилъ,  
Честь въ награду получилъ,  
Не боюсь клеветниковъ,  
Хоть имѣй кто сто умовъ.

Очень-хорошо! И служили вы, г. сочинитель, славно, и стихи чудесно пишете!

332) Реветиція на Станціи (.) или Доброму Служить Сердце Лежитъ. *Анекдотическій водевилъ въ одномъ дѣйстви, представленный въ 1827 году, 29 октября, въ селѣ Роже-стель, имѣннн сѣвѣльншаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Москва. Въ тип. Августа Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. VI и 59 стр.*

Представленіе этого водевиля было сюрпризомъ, внушеннымъ разнымъ лицамъ признательностію и любовью къ князю Д. В. Голицыну. Поквальное чувство, заставившее кого-то издать эту, саму-по-себѣ ничтожную пьесу, увольняетъ критику отъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій о ея эстетическомъ достоинствѣ.

333) Остроты и Анекдоты знаменитаго юмориста М. Г. Сафира. *Переводъ съ нмѣцкаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова и комп. 1845. Въ 16-ю д. л. 66 стр.*

Для кого, для чего и какъ издаются у насъ многія книги?—Для Толмучаго-Рынка, изъ денегъ и очень дурно — вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Человѣкъ переводитъ остроты и анекдоты знаменитаго юмориста Сафира — и не считаетъ нужнымъ сказать своимъ читателямъ, кто такой этотъ Сафиръ! Сафиръ — вѣнскій острякъ, издатель *Гумориста* и другихъ острословныхъ журналовъ. Что касается до его остро-

умія, — для Нѣмцевъ, особенно вѣнскихъ, оно очень-удовлетворительно; а въ Парижѣ оно было бы очень-пошло. Даже въ Петербургѣ, оно благополучно сходило бы съ рукъ только разѣ въ російскихъ водевиляхъ. Стоило переводить и издавать такой вздоръ!

334) Оцѣнѣннвшій Любопытн. *Романъ. К. Поль-де-Кокка. (L'Amou-geux (ransi). Москва. Въ тип. Н. Свенанова. 1845. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 166, во II-й — 188, въ III-й — 202, въ IV-й — 176 стр.*

«Расейскіе» переводчики, на долю которыхъ достался бѣдный Поль-де-Кокъ, — или, какъ называетъ его переводчикъ, Поль-де-Коккъ, — велико-сердо уродуютъ его, особенно теперь, когда для Поль-де-Кокка возникла на Руси уже другая публика, простодушная и полуграмотная, — следовательно, снисходительная и добрая. Мелкіе книготорговцы заказываютъ переводить Поль-де-Кокка людямъ, которые не знаютъ ни по-французски, ни по-русски, но за то дешево берутъ — отъ полтины до полутора рубля серебромъ, не больше. *Оцѣнѣннвшій Любопытн*, котораго всякій сколько-нибудь грамотный переводчикъ назвалъ бы *Робкимъ Любопыткомъ*, переведенъ по-видимому однимъ изъ такихъ перевелчиковъ. Это переводъ-чудовище!

## VII.

# ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

## АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сивилла, или дѣя Наций, соч. д'Израэли; — ИСТОРИЯ ПРИНЦА КАРЛА СТУАРТА, извѣстнаго подъ именемъ «молодаго претендента», съ описаніемъ возмущенія, бывшаго въ 1745 году, К. А. Клозе; — Жизнь лорда Гилля, соч. Э. Сиднея; — ПРАВИЛА И МНѢНІЯ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА, извлеченныя изъ его сочиненій и рѣчей въ продолженіи болѣе нежели пятидесятилѣтней государственной жизни, Г. Френсиса; — Военная ИСТОРИЯ ИРАВДЦЕВЪ, М. О'Конора; — ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНІЯ МИХИКИ, Уильяма Прескотта.

*CIVIL or the two nations. By d'Israeli.*  
3 vols (Сивилла или дѣя націй. Соч.  
д'Израэли. 3 тома).

Въ началѣ нынѣшняго года («Отеч. Зап.» кн. 3) говорили мы о романѣ д'Израэли «Квингсби», надѣлавшемъ много шума не только въ Англіи, но и во всей читающей Европѣ. Теперь вышель въ свѣтъ другой романъ того же автора, написанный въ томъ же духѣ, и съ такою же благородною, хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ умныхъ, и, конечно, достаточныхъ людей—безполезною цѣлью.

«Квингсби» имѣлъ цѣлью уяснить и обратить общее вниманіе на происхожденіе и организацію политическихъ партій въ Англіи. Въ «Сивиллѣ» авторъ шагнулъ далѣе: онъ показываетъ плоды этой организаціи, взаимное отношеніе и положеніе двухъ классовъ народа: бѣдныхъ и богатыхъ.

Мѣтко и справедливо назвалъ авторъ эти два класса двумя націями. Они чужды другъ другу болѣе, нежели Китаецъ чуждъ Французу; образъ изъ жизни, понятія о справедливости, желанія, надежды, все противоположно; и при



всемъ томъ они часто касаются другъ друга,—какъ хлѣбъ и зубы.

Самъ авторъ очень-положительно высказалъ цѣль своего творенія. Годъ тому назадъ говоритъ онъ: «я издалъ сочиненіе, цѣлью котораго было обратить вниманіе публики на наши политическія партіи, ихъ происхожденіе, исторію и теперешнее положеніе. Въ вѣкъ политическаго вѣроломства, мелкихъ страстей и мыслей, я хотѣлъ сказать возникающему поколѣнію: не отчаивайтесь! въ истинномъ познаніи отечественной исторіи, въ энергіи героической юности ищите элементовъ народнаго благообстоянія. Настоящее сочиненіе—другой шагъ на той же дорогѣ. Отъ положенія партій оно должно обратить вниманіе публики на положеніе народа, управляемаго этими партіями въ продолженіи двухсотъ лѣтъ. Понять это положеніе и найти средства къ его исцѣленію, можно только изъ того же источника: только прошедшимъ можно объяснить настоящее, только юношество можетъ улучшить будущность. Писанная исторія послѣднихъ десяти царствованій—чистая ложь: причинамъ и послѣдствіямъ государственныхъ событій давъ характеръ, нисколько не сходный съ истинною. Все названо и изображено не такъ, какъ было на дѣлѣ: олигархія названа свободою; исключительное поповство національною церковью; государемъ названо лицо, почти вовсе безсильное, тогда-какъ неограниченная власть была въ рукахъ тѣхъ, которые выдавали себя за служителей народа. Въ самолюбивой борьбѣ партій, два великія начала вычеркнуты изъ исторіи Англіи: монархъ и народъ; съ уменьшеніемъ власти короны исчезали и привилегіи народа, такъ-что скинтрикъ сдѣлался наконѣцъ игрушкою, а подданные переродились въ рабовъ.»

Эти слова доказываютъ, что д'Израэли нисколько не имѣлъ притязанія написать романъ, принимая это слово въ художественномъ его значеніи. Здѣсь, какъ и въ «Квинтесби», сочиненію чисто-политическому дана только фор-

ма романа. Хотя критика, въ-судствѣ всего этого, не имѣетъ права разсматривать сочиненіе д'Израэли съ точки зрѣнія искусства,—должно однакожъ сознаться, что авторъ умѣлъ соединить повѣсть съ политикой и создать—если не великое цѣлое, то по-крайней-мѣрѣ рядъ сценъ, живо и вѣрно выхваченныхъ изъ дѣйствительности.

Многіе, какъ мы уже сказали, думаютъ, что цѣль, съ которою написанъ этотъ романъ, бесполезна. Они заключаютъ такъ: кромѣ шума словъ «Квинтесби» и «Сивилла» не имѣли до-сихъ-поръ никакихъ послѣдствій; слѣдовательно, цѣль не достигнута, и трудъ былъ бесполезенъ. Но такое заключеніе слишкомъ-поспѣшно и опрометчиво: «Квинтесби» и «Сивилла» появились еще очень-недавно; они, конечно, ничего не измѣнили въ общественномъ порядкѣ Англіи; но кто знаетъ, на какія новыя мысли навели они тѣхъ, которые не читаютъ ничего, кромѣ романовъ, и потому были до-сихъ-поръ совершенно-чужды всякихъ взглядовъ на взаимное отношеніе разныхъ сословій? Кто знаетъ, на какую почву падетъ сѣмя и какіе плоды принесетъ оно? Это можетъ показать только время. Зачѣмъ же преждевременно, съ насмѣшливою улыбкою говорить: «напрасно вы шумите!» Еще болѣе: зачѣмъ утешаться пристрастіемъ и прѣсною любовью къ незыблительности чего бы то ни было; зачѣмъ умышленно видѣть въ стремленіи автора только желаніе напумить и отрицать въ немъ убѣжденія и добросовѣстность? Не доказываетъ ли это скорѣе, что онъ выказалъ неиритимъ кое-кому истинны?

А такъ встрѣтили и некоторые это сочиненіе д'Израэли. Не вѣдь вѣсто рѣшить вопросъ: ошибается онъ или нѣтъ въ своемъ воззрѣніи на настоящее положеніе своего общества; голубы, не объявляя себя безусловными партизанами его образа мыслей, готовы пристать къ болѣе-гуманному взгляду тѣхъ, которые въ стремленіи автора видятъ добросовѣстное желаніе улучшить то, что онъ считаетъ дурнымъ.

Не станемъ рассказывать содержания романа, впрочемъ очень-несложнаго. Истинное достоинство его не въ запутанности интриги, а въ вѣрности изображенныхъ сценъ. Характеры очерчены рѣзко и всѣ взяты изъ дѣйствительной жизни. Дѣйствующихъ лицъ бездна. Цѣлыя группы народа выведены, какъ представители различныхъ изъ общества, не имѣя, впрочемъ, никакой необходимой связи съ содержаниемъ повѣсти. Они только отдѣляютъ различные классы, которые хотѣлъ изобразить авторъ.

Изъ асѣкъ сочиненій, гдѣ выведенъ и сцену трудящійся классъ Англіи, тотъ романъ болѣе всего достоинъ вниманія по ясности и вѣрности его черкоть. Изъ него иностранецъ узнаетъ причины народнаго неудовольствія дѣйствіе ихъ на нравственность народа лучше, нежели изъ сотни докладныхъ записокъ разныхъ комитетовъ по тому предмету.

Кстати: почему упомянутые поритатели не возстаютъ на эти комитеты, которые такъ же, какъ и романы Маррали, не имѣли никакихъ дѣйствительныхъ слѣдствій?..

Здѣсь, въ романѣ, вы лицомъ-къ-лицу встрѣчаетесь съ работникомъ, гнущимся подъ бременемъ труда; вы видите, какъ подавлено въ немъ все человѣческое, исключая сознанія своего патетическаго положенія, какъ не снятъ изъ него чувство несправедливости и жажду мести. Въ его жарковъ желаніи справедливости, въ его тонкомъ пониманіи, лишающаго его надежды раздѣль съ прочими право гражданства, способности его во всему лучшему, страсти, съ которою гонится онъ за тою улучшеніемъ, рѣшимо мающаго его на горькой жизни, вы видите, чѣмъ въ бы онъ былъ при другихъ условіяхъ, и какъ близко граничатъ его посылыные порывы съ врожденнымъ стремленіемъ къ лучшему. Измощенный, угасшій, боязливый взоръ, дышащаго страданія, складъ рѣчи, да оригинальней, потому-что это къ глубокому-вздвигнутымъ чувствамъ,

часто спальный, потому-что онъ выраженіе глубокаго убѣжденія, — вотъ черты, которыя вы найдете въ этой грустной, но вѣрной повѣсти.

«Сивилла» — замѣчательнѣйшее изъ повѣстныхъ явленій въ англійской бельетристикѣ. За тѣмъ важнѣйшія сочиненія по части исторической:

MEMOIRS OF PRINCE CHARLES STUART, commonly called «the young pretender». With notices of the rebellion in 1745. By C. L. Klose. (Исторія принца Карла Стюарта, извѣстнаго подъ именемъ «молодаго претендента». Съ описаніемъ возмущенія, бывшаго въ 1745 году, К. Л. Клозе).

Это твореніе — полная біографія замѣчательнаго историческаго лица, жизнь котораго протекала въ самыхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ и самыхъ романтическихъ происшествіяхъ. Много разъ выводили Карла Стюарта въ романахъ и поѣскахъ, но истинная исторія его вычѣмъ не уступаетъ въ внимательности всѣмъ вымышленнымъ. Это сочиненіе составляетъ въ настоящую минуту довольно-важное приобрѣтеніе англійской исторической литературы, потому-что до-сихъ-поръ не было, кажется, въ Англіи ни одной біографіи претендента, основанной на документахъ, и о немъ упоминали въ историческихъ сочиненіяхъ только мимоходомъ. Клозе имѣлъ случай воспользоваться достовѣрными источниками для своей исторіи и составилъ ее не только тщательно, но былъ, по-видимому, одушевленъ своимъ предметомъ. Книга въ высшей степени занимательная.

THE LIFE OF LORD HILL. By E. Siddeu. (Жизнь лорда Гилла. Соч. Е. Сидвея.)

Біографъ знаменитаго сподвижника герцога Веллингтона составилъ это сочиненіе по просьбѣ фамиліи Гилла и по доставленнымъ ею же документамъ. Весь интересъ его разсказа сосредоточивается въ фактахъ, павлеченныхъ имъ изъ этого источника; все остальное предоставлено соображенію чита-

теля; авторъ не высказываетъ никакого мнѣнія, никакого взгляда на личность и дѣла героя, который, впрочемъ, можетъ-быть, слишкомъ еще къ намъ близокъ, чтобъ дать вѣрное понятіе о плодахъ его дѣятельности. Гдѣ можно, подробности переданы языкомъ самихъ документовъ, и лордъ Гилль частью самъ рассказываетъ свою жизнь.

Между прочимъ, въ этой книгѣ есть замѣчательное письмо лорда Веллингтона къ Гиллю, касательно сутэевой «Исторіи Войны на Полуостровѣ». Оно доказываетъ, что не настало еще, кажется, время для совершенно-вѣрной исторіи этого періода. Лорда Гилля, лично участвовавшего въ этой войнѣ, просили доставить свѣдѣнія, могущія служить матеріалами для составленія исторіи, и онъ обратился къ герцогу съ просьбою позволить сообщить автору инструкціи, полученныя имъ во время войны отъ самого герцога. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ слышалъ стороною, что Сутэй собирается писать исторію войны на полуостровѣ, и что еслибъ авторъ обратился съ подобною просьбою къ нему, онъ отвѣчалъ бы ему то же, что отвѣчалъ другимъ, именно: этотъ предметъ такъ важенъ, что нельзя шутить имъ. Впрочемъ, онъ предоставляетъ лорду Гиллю сообщить Сутэю требуемыя бумаги, или нѣтъ, какъ ему угодно; только не желаетъ, чтобъ историкъ вручили его подлинныя бумаги, и проч.

Лордъ Гилль удержалъ бумаги у себя; многіе изъ документовъ даже сжегъ. Это отчасти причиною, что въ изданной теперь его біографіи содержится меньше матеріаловъ, нежели можно было ожидать.

Въ-послѣдствіи, уцѣлѣвшія бумаги были, съ согласія герцога, изданы въ свѣтъ полковникомъ Гёрвудомъ. Онъ обратилъ на себя въ свое время всеобщее вниманіе и многое объяснилъ въ военномъ поприщѣ знаменитаго полководца.

Теперь вышло другое сочиненіе о Веллингтонѣ, касающееся его гражданской жизни:

MAXIMS AND OPINIONS OF THE DUKE OF WELLINGTON, selected from his writings and speeches during a public life of more than half a century. By G. H. Francis. (Правила и Мнѣнія герцога Веллингтона, извлеченныя изъ его сочиненій и рѣчей съ-продолженіемъ болѣе нежели пятидесятилѣтней государственной его жизни. I. Френсиса).

Кто хочетъ составить себѣ возможно-полное понятіе объ обширной дѣятельности герцога, тотъ необходимо долженъ обратиться къ этимъ двумъ сочиненіямъ. Впрочемъ, истинное впечатленіе читателя будетъ состоять только въ фактахъ, и онъ долженъ съ-грѣть на эти два сочиненія, какъ просто на сборники историческихъ матеріаловъ. Взглядъ на личность героя виситъ отъ образа мыслей того, кто и него смотритъ, и, конечно, сборники Френсиса и Гёрвуда, если считать ихъ оконченною картиною политической жизни герцога, гораздо-болѣе несвоевременны, чѣмъ упоминаемая «Исторія Войны на Полуостровѣ». Эта война составляла только эпизодъ въ его жизни, давно-оконченный и въ пробы ждающій теперь никакихъ серьезныхъ касающихся уже ничьихъ современныхъ интересовъ; книга г. Френсиса, напротивъ, изображаетъ герцога министромъ и государственнымъ членомъ, и участіе его въ дѣлахъ Англии и Европы еще слишкомъ-ощутительно и живо.

Какъ бы то ни было, сборники эти нѣтъ своихъ достоинства, какъ матеріалъ для будущаго историка.

MILITARY HISTORY OF THE ISLAND NATION, by M. O'Connor. (Военная Исторія Ирландцевъ, соч. М. О'Коннора).

Эта исторія начинается съ возстанія Тейрона, въ концѣ царствованія Елизаветы, и кончается утратою независимости въ 1713 году. Объемъ ее довольно-маленькій, немного-больше ста страницъ. Авторъ нѣтъ уже въ живыхъ; можетъ-быть, онъ докончилъ бы свое творчество представивъ намъ полную исторію,

чавъ ее гораздо-раньше и доведши до нашихъ временъ. Теперь это только отрывокъ. Но это отрывокъ, полный интереса. Авторъ—жаркій поклонникъ всего ирландскаго и противникъ всего англійскаго. Книга его написана живо и увлекательно; по всему видно, что предметъ былъ близокъ его сердцу.

Подвиги Гуга О'Нила, графа Тейрона, давно были любимымъ предметомъ ирландскихъ писателей. Тейронъ былъ авжа и лицемѣръ; прикидываясь самымъ жаркимъ приверженцемъ Елизаветы, онъ всѣми силами раздражалъ народное неудовольствіе, обманывалъ съ партіи одну за другою. А между-тѣмъ, онъ постоянно имѣлъ самое еогравженное вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Причынны такого мненія просты: онъ объявилъ себя защитникомъ ихъ правъ, врагомъ угнетеній; онъ умѣлъ привлечь на свою сторону фанатизмъ духовнаго званія; бращаясь къ толпѣ, онъ обращался къ страстямъ ея; имѣлъ счастливую наружность, тѣлесную силу и военныя дарованія; затруднительное положеніе его было по силамъ его уму. И при всемъ томъ, не смотря на помощь Испаніи и одобреніе папы, замыслы его рушились.

Еще задолго до возмущенія Тейрона, многіе ирландскіе солдаты и офицеры вступили въ службу въ Филиппу II, и были непримиримѣйшими врагами Англій. Они участвовали въ знаменитой Армадѣ въ 1588 году и сражались въ Нидерландахъ за Испанцевъ, а деспотизмъ и инквизицію съ такимъ жесточеніемъ, что сами Испанцы иногда стыдились ихъ. Странно, что люди, покинувшіе свое отечество ради тиранніи Елизаветы, въ негодованіи а релігіозное преслѣдованіе, единодушно отстаивали тираннію и нетерпимость въ чужихъ краяхъ. Зло, испытанное ими-самими, не вдохнуло въ нихъ симпатіи въ угнетеннымъ Глазандцамъ. Сначала, правда, нѣсколько ирландскаго войска было въ службѣ Италіи. Они содержали гарнизонъ въ Девентерѣ; но они же выдали дрѣ-

пость Испанцамъ и сами стали въ рядахъ ихъ. При всей привязанности ко всему ирландскому, авторъ не могъ скрыть своего негодованія на такой поступокъ; не умолчалъ онъ и о жестокостяхъ, которыми отличались Ирландцы въ Палатинатѣ, съ 1673 по 1675 годъ. Мало симпатіи пробуждаютъ въ читателѣ подвиги этихъ наемщиковъ.

Послѣ революціи 1688 года, Ирландцы не только приняли сторону Якова у себя въ отечествѣ, но и послали три полка въ помощь Французамъ противъ Вильгельма. Эти полки были верно ирландской бригады, принявшей дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ Франціи съ 1690 года до утретскаго мира, которымъ оканчивается сочиненіе О'Ковора. Эти войны были на-  
родъ храбрыхъ и бесстрашныхъ, но

стѣ съ тѣмъ, и непонятно-жестокій. Во время войны за испанское наслѣдство, Ирландцы оказали много услугъ Франціи и Испаніи. Они спасли Кремону изъ рукъ принца Евгенія; при Лузарѣ, они спасли Французовъ отъ совершеннаго уничтоженія. Марльборо встрѣчалъ въ нихъ страшныхъ враговъ, и побѣды его доставались ему дорого,—дороже, нежели онъ стѣдлалъ. Въ Испаніи, они являются уже не тѣми. Это понятно: въ Италіи и Нидерландахъ они сражались подъ предводительствомъ лучшихъ французскихъ маршаловъ и съ лучшими войсками Европы. Они сдѣлались ветеранами, образованными въ лучшей военной школѣ. Но въ Испаніи Ирландцы состояли большою частью изъ дезертировъ англійской арміи, не выкупивъ измѣны своей воинскими доблестями. Какъ союзники и какъ враги Филиппа V, они равно грабили и опустошали Испанію.

Вотъ краткій очеркъ исторіи О'Ковора. Книга чрезвычайно-любопытная и написанная съ жаромъ.

History of the Conquest of Mexico. By William Prescott. (Исторія Завоеванія Мексики. Уильяма Прескотта).

Прескоттъ уже давно извѣстенъ какъ авторъ многихъ историческихъ сочиненій. Завоеваніе Мексики одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ романтической исторіи среднихъ вѣковъ. Не говоря уже объ историческомъ достоинствѣ книги, она, какъ живой разсказъ, выдержитъ сравненіе съ лучшими романами. Конечно, «Завоеваніе Мексики» не столько значительно въ отношеніи важности фактовъ, и по историческимъ взглядамъ своимъ не можетъ равняться съ «Исторіею Фердинанда и Изабеллы», но его прочтеть большее число людей и съ большимъ интересомъ.

Желая короче познакомить читателей съ этимъ сочиненіемъ, представляемъ здѣсь краткій его очеркъ. Въ немъ интереснѣйшіе событія, даже и этотъ краткій очеркъ долженъ пробудить желаніе прочесть книгу Прескотта.

На южной оконечности материка Сѣверной-Америки, недалеко отъ Даріенскаго-Перешейка, почти въ равномъ разстояніи отъ Атлантическаго-Океана и Мексиканскаго-Залива, находится живописная долина Мехико. Окружность ея около 67 миль; въ центрѣ—четыре большія озера, занимающія около одной десятой ея поверхности, и живущія между собою сообщенія, или отдѣленныя другъ отъ друга узкими перешейками. Центральное, самое большое озеро, Тецкуко, неправильной формы. Южный край его отдѣленъ вершинами отъ озера Хокьякалко, южнаго и длиннаго, вытянутаго по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Остальные два озера, Халтоинитъ и Калко, отдѣлены плотинами, первое отъ сѣверной оконечности Тецкуко, а второе отъ южной оконечности Хокьякалко. На островѣ, близъ западнаго берега озера Тецкуко, возвышалась, въ началѣ XVI столѣтія, столица Мексики. Три широкія, искусственныя плотины соединяли ее съ берегомъ. Одна шла къ сѣверу, другая на западъ, третья на югъ; эта послѣдняя

раздѣлялась съ половины на двое, и примыкала концами своими къ берегу по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ озеру Хокьякалко. На сѣверо-восточной оконечности озера Тецкуко, стоялъ городъ того же имени. Жители его считались союзниками, но на дѣлѣ были, въ эпоху разсказываемаго намъ происшествія, подданными своихъ вѣгущественныхъ сосѣдей.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ слѣдовать за остроумными предположеніями Прескотта о происхожденіи мексиканской цивилизаціи. Скажемъ только, что Ацтеки перешли, кажется, сюда съ сѣвера, въ началѣ XIV столѣтія. Городъ Мехико былъ основанъ въ 1325 году. Завоеванія пришельцевъ распространились быстро, и Кортесъ захватилъ уже дѣло съ государствомъ въ 16,000 квадратныхъ миль. Это дѣло было замѣчательно, что самое число завоевателей составляло только малѣйшую часть народонаселенія покоренныхъ земель, не отличаясь отъ подданныхъ ему племенъ большою образованностью.

Какое состраданіе ни возбуждаетъ изъ насъ безвозвратное паденіе храбраго народа; но, читая исторію Прескотта, мы должны сознаться, что Ацтеки были рѣшительно варварское, кровавое племя. Эту кровавость поддерживала религія—самая ужасная, какая только встрѣчалась среди дикихъ племенъ. Приношеніе въ жертву людей,—было у нихъ не страшною необходимостью, не средствомъ усмирить разгнѣванное божество, а обыкновенною принадлежностью богослуженія. Незвѣстно навѣрное число жертвъ, ежегодно приносимыхъ идоламъ. Въ Испанцы насчитали въ храмѣ Гвиалопокли 136,000 человѣческихъ череповъ; значить, въ продолженіе двухъ вѣковъ приносили одному идолу ежегодно по 680 жертвъ!

Съ начала XVI столѣтія ходило между племенами Авагуака предсказаніе, что близко паденіе владычества Ацтековъ. Пронеслись темные слухи о тѣхъ истинныхъ, неотразимыхъ побѣдѣ

целяхъ, покорившихъ архивелагъ Западнѣй Индїи. Тевотитланскіе мудрецы догадывались, что это должны быть потомки магнанаго полубога Цетцалкоатла; пришедшіе во исполнение древняго пророчества, вступивъ въ права своихъ предковъ. Въ Мексикѣ царствовалъ въ то время Монтесума; Анагуаки уважали и боялись его и его глубокую политику, удачу на войнѣ, за строгое исполненіе религіозныхъ обрядовъ. Но суевѣрный страхъ дѣлалъ въ немъ врожденную смѣлость и твердость духа, и онъ съ горнностью къ судьбѣ ждалъ появленія одей, которымъ суждено уничтожить о могущество.

Наполеонъ, роковая вѣсть была полна. Весною 1519 года, начальнико

ного округа близъ Монтесумы прислалъ Монтесумѣ свертокъ, написанный іероглифами; въ немъ началось подробное описаніе какихъ-то большихъ лодокъ, двигающихся посредствомъ парусовъ, и выславившихъ на берегъ отъ пяти до шестидесяти иноземцевъ. Эти иноземцы были все не похожи на Анагуановъ; но въ ихъ было много сходства съ таинственнымъ Кветцалкоатломъ, какъ особенно преданіе портрета его. У нихъ было оружіе, извергавшее громъ и пламя; предводители ихъ одѣты въ тмъ изъ непонимаемаго металла. Кроме того, у нихъ есть какія-то череповогія животныя, такія огромныя, которыхъ никогда не видѣли въ Анагуаки. Эти животныя также вооружены и съяты на себѣ пришельцевъ. Странные иноземцы были не болѣе, какъ испанскій отрядъ съ острова Кубы; онъ состоялъ изъ 16 человѣкъ конницы, 153 пѣхоты, подъ предводительствомъ знаменитаго Гернандо Кортеса. Кортесъ родился въ 1485 году. Двенадцати лѣтъ уѣхалъ онъ изъ Испанїи въ Западную-Индію. Въ немноготу онъ приобрѣлъ себѣ хорошее званіе къ колонїи на Островѣ-Кубѣ женился на молодой, хорошенькой вудкѣ, любимицѣ губерниатора, Ве-

ласкеца, человѣка слабого, высоко-мѣрнаго и вспыльчиваго.

Все, казалось, обѣщало счастливому колонисту спокойную жизнь. Но душа его жаждала дѣятельности и приключеній. Едва-только услышалъ онъ, что Веласкецъ собирается послать экспедицію для открытїи на материкѣ Америки, какъ всѣми силами началъ доискиваться командовать этою экспедиціей. Личныя его достоинства и хатайство друзей доставили ему это мѣсто; но когда экспедиція готова уже была отплыть изъ Сант-Яго, завистливый Веласкецъ, зная предприимчивость и честолюбіе Кортеса, рѣшился отдать команду другому. Но Кортесъ распорядился съ свойственною ему быстротою и смѣлостью. Онъ отплылъ ночью, на полуснаряженныхъ судахъ,

тѣхъ на Кубу.

Испанцы приставали къ берегу раза два или три, и были дружелюбно приняты. Наполеонъ, они прибыли къ устью рѣки Табаско, въ мартѣ 1519 года. Туземцы уперно не допускали ихъ къ берегу. Ценоренію ихъ несколько не было необходимо для достиженія цѣли экспедиціи; но Кортесъ, подстрекаемый духомъ странствующаго рыцарства и желаніемъ отстоять честь христіанства, рѣшился водрузить крестъ среди упорныхъ язычниковъ. Онъ высажился на берегъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе, овладѣлъ ближайшимъ городомъ, и на голову разбилъ собравшихся туземцевъ въ Цетцалкоатль-Долинѣ.

Табасканцы покорились и дали присягу въ вѣрности испанскому королю. Въ главномъ храмѣ отслужили католическую обѣдню. Вслѣдъ за тѣмъ Кортесъ отправился далѣе вдоль берега и 21-го мая прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь находится Вера-Круцъ.

Въ Мехико собрался совѣтъ: разсуждали, встрѣтитъ ли Испанцевъ какъ друзей, или какъ враговъ? Но Монтесума, — говоритъ г. Прескоттъ, — предпочелъ полу-мѣру: онъ отправилъ къ нимъ пословъ съ такими богатыми подарка-

ми, которые должны были дать им высокое понятие о его силе и могуществе, но в то же время запретил им приближаться к столицѣ. Это значило показать разом свое богатство и безсиліе.

Но еще неизвестно, удалось ли бы Кортесу увлечь за собою своих товарищей в опасное предприятие — идти в Мехико. Одно обстоятельство рѣшило дѣло. В испанскій лагерь явились послы от Тотонаковъ, индійскаго племени, жившаго на сѣверъ отъ Вера - Круза и недавно покореннаго Ацтеками. Они горько жаловались на угнетеніе, просили защиты, обѣщали повиноваться. Кортесъ жадно выслушалъ это извѣстіе. В народномъ неудовольствіи онъ увидѣлъ могущественное средство испровергнуть владычество со всею арміею в Цемпоаллу, главному городу Тотонаковъ; народъ торжественно принять подъ покровительство Испаніи, — то-есть Испанцы свалили идоловъ и поставили на ихъ мѣстѣ распятіе. На ближайшемъ берегу основана испанская крѣпость или колонія Ла-Вилла - Рика. Нѣсколько посланныхъ отъ Ацтековъ случайно были в это время в Цемпоаллѣ и грозили Тотонакамъ гнѣвомъ Монтезумы. Ихъ арестовали и потомъ выгнали изъ города; самою жизнію они были обязаны только заступленію Кортеса. Вскорѣ явилось посольство отъ Монтезумы, кротко изъявившее неудовольствіе его за такой поступокъ и требовавшее объясненія; Кортесъ отвѣчалъ неудовольствительно и сказалъ въ заключеніе, что прійдетъ в Мехико объясниться лично.

Такой отвѣтъ, какъ ни былъ учтивъ по своей формѣ, былъ, однако же, явнымъ отрицаніемъ авторитета Монтезумы, прямо объявившаго Кортесу, чтобъ онъ ни приближался къ столицѣ.

Силы Ацтековъ были совершенно неизвестны Испанцамъ; предприятие во всякомъ случаѣ крайне-опасно: кто могъ ручаться, что отрядъ пойдетъ за предводителемъ? Кортесъ вынудилъ у

шикиперовъ донесеніе, что флотъ не способенъ выступить в море. Основываясь на этомъ донесеніи, онъ приказалъ предантѣйшимъ изъ своихъ земляковъ разсудить и потонить суда. Армія ничего объ этомъ не знала. Будь эта мѣра принята съ общаго согласія, она и тогда была бы одною изъ самыхъ смѣлыхъ, какія только встрѣчаются в исторіи. Но опасность, которой Кортесъ шелъ на встрѣчу мѣстѣ со всѣми, была ничто в сравненіи съ личною его опасностью, которой подвергался онъ, возбуждая гнѣвъ подчиненныхъ. Испанскія хроникки не разсказываютъ подробностей возмущенія при вѣсти, что возможность отступленія упицтожена самимъ предводителемъ; но они согласно утверждаютъ, что никогда Кортесъ не былъ въ большей опасности, но за то и никогда не выказывалъ большей твердости и смелости. Негодованіе солдатъ скоро утихло, и черезъ нѣсколько часовъ они неотступно просили своего начальника вести ихъ в Мехико.

16-го августа испанская армія, оставивъ небольшой гарнизонъ в Вилла-Рикѣ, выступила изъ Цемпоаллы в Мехико. Войско состояло изъ 15-ти всадниковъ, 400 солдатъ пѣхоты и 1,300 тотонаксскихъ воиновъ; при нихъ было семь пушекъ. Нѣсколько дней шли спокойно; Монтезума ужаснулся дерзости и непослушанія Кортеса, и между-тѣмъ, какъ самъ онъ не надѣялся на мужество своихъ подданныхъ, наследственные враги его вступили в жестокой бой съ пришельцами.

Почти на подорожѣ отъ Цемпоаллы до Мехико находится небольшой гористый участокъ, Тласкала, населенный единственнымъ племенемъ Анагуаковъ, успѣшно-боровшихся съ Ацтеками. Тласкаланцы бѣднѣе и грубѣе родственнаго имъ племени Тезахтитланцевъ, но во многихъ отношеніяхъ благороднѣе. Независть ихъ не знаетъ пощады, религіозные обряды ихъ кровавады; но они не злы, пока ихъ не трогаютъ, честны, не вѣютъ своему слову, храбры и счастли-

вы на войнѣ. На границѣ этой провинціи Кортесъ остановился и послалъ Цемпоалцеу предложить Тласкаланцамъ союзъ и защиту противъ Монтезумы, врага ихъ. Но Тласкаланцы или не повѣрили его словамъ, или разозлились, что лекарство, вѣроятно, будетъ хуже болѣзни. Съ двуличностью, всею свойственною ихъ характеру, они сказали, что согласны на союзъ съ Испанцами, но въ то же время приняли съ ширью, чтобы воспротивиться дальнейшему ихъ походу. Двѣ арміи Тласкаланцевъ, подъ предводительствомъ именитаго вождя ихъ, Хикотенкатла, одна за другою встрѣтили Кортеса. Мы не можемъ передать здѣсь вполнѣ живаго описанія отчаянной битвы, сартину тласкаланскаго войска, блестящаго волею и драгоцѣнными самьями, его дикато вошан, ярости, съ которою ринулись они на Испанцевъ, сражая коней и людей ужаснымъ *макатилеме* (\*). Завоеватели встрѣчались послѣ большія опасности и несчастія, но никогда не испытывали они такого упорнаго сопротивленія въ чистомъ полѣ. Конница, огнестрѣльное оружіе и дисциплина Европейцевъ дошли наконецъ нестройныя толпы и карей. Тласкаланцы, по настоянію Хикотенкатла, еще разъ покусились атаковать на Испанцевъ върасплохъ, очью; но Кортесъ не дремалъ, и они потерпѣли кровавое пораженіе. Эта сѣбда положила конецъ войнѣ. Тласкаланцы просили мира и пригласили свидѣтелей въ Тласкалу. Съ этого дня, Тласкаланцы сдѣлались преданными союзниками Кортеса.

Здѣсь испанская армія пробывъ недѣлю три и потомъ снова выступила въ походъ съ 6000 отборныхъ тласкаланскихъ воиновъ. Въ Холулѣ, мексиканской Меккѣ, наши искатели приключеній были приняты очень радушно. Но прозорливые Тласкаланцы уже не разъ предостерегали Кортеса на счетъ вѣроломства Холуланцевъ; те-

перь они донесли ему, что въ городѣ дѣлаются тайныя приготовленія къ уничтоженію его арміи. Это извѣстіе вскорѣ подтвердила жена одного холуланскаго кацика. Кортесъ узнавъ, что на него собираются напасть, когда онъ выступитъ изъ города, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его кавалерія и пушки не могутъ дѣйствовать. 20,000 Ацтековъ ждали вблизи Холулы минуты, когда надо будетъ подать ей жителямъ помощь. Кортесъ встревожился; казалось, было только одно средство избѣжать гибели — позволить осадить себя въ городѣ. Но онъ еще надѣялся, что ему удастся заманить Индійцевъ къ преждевременному нападенію и поразить ихъ, не подвергаясь большой опасности. Съ этою цѣлью, онъ выпросилъ у Холуланцевъ 2,000 чело-

въ въ дѣлѣ переноски *огага* въ день, назначенный для выступленія арміи, носильщики вступили во дворъ, окруженный храмомъ, въ которомъ жили Испанцы. Кортесъ вдругъ обращается къ холуланскимъ кацикамъ и упрекаетъ ихъ въ замышляемой измѣнѣ. Они не успѣли еще опомниться, какъ знакъ поданъ уже солдатамъ. По носильщикамъ сдѣлавъ залпъ, Испанцы съ яростію бросились на ихъ толпу. Услышавъ объ этомъ убійствѣ, Холуланцы съ яростію выскакиваютъ изъ своей засады и бросаются на храмъ. Но всѣ предосторожности для защиты его были уже взяты Европейцами. Осаждающіе поражены артилеріею, конница тѣснитъ ихъ назадъ, и на отступленіи они встрѣчаютъ Тласкаланцевъ, стоявшихъ лагеремъ внѣ города. Они поражены окончательно.

Нѣсколько дней спустя, Кортесъ оставилъ городъ Холулу и вступилъ въ наследственные владѣнія Ацтековъ. Здѣсь покинули его Тотонакцы. До сихъ-поръ они отъ него не отставали и храбро раздѣляли съ нимъ опасности тласкаланскаго похода; но даже надежда на защиту сильнаго пришлеца не могла подавить въ нихъ страха встрѣчи съ оскорбленнымъ Монтезумою. Кортесъ отпустилъ ихъ съ

(\*) Родъ двуручнаго меча.



честью, и Испанцы съ Тласкаланцами начали переходить крутую *сырру*, окружающую долину Мехико. Через два или три дня утомительнаго похода, они увидѣли у ногъ своихъ обѣтованную страну, озаренную яркими лучами тропическаго солнца. Страна была невыразимо - привлекательна: вся страна обработанная и находившаяся въ самомъ изѣтшеснѣ состояніи, украшена равнинами вода и величественными дубовыми и кедровыми лѣсами. Но всему простраству быѣлись города и деревни, выглядывая изъ густой сѣни лѣсовъ или плаваа на голубой поверхности озеръ. Зрѣлище было такъ неравнотельно и такъ сильно говорило въ пользу могущества Ацтекковъ, что слабѣйшіе духомъ готовились бѣжать отсюда отъ своего предвѣдѣнія; только энергія ихъ безстрашнаго предводителя могла снова вдохнуть въ нихъ смѣлость.

Испанцы сошли съ горъ и благополучно достигли до Аютцанко, большаго города у южной оконечности озера Калко. Здѣсь посѣтилъ и привѣтствовалъ ихъ тецлувскій король, иѣкогда союзникъ и товарищъ мекхиканскаго монарха, теперь сильнѣйшій изъ его вассаловъ. Онъ провелъ Кортеса по дорогѣ, отдѣляющей озеро Калко отъ Хоникалко. 8-го ноября Испанцы вышли изъ города Ицтаналавана, гдѣ была послѣдняя лѣвка ихъ, и вступили на восточный рукавъ южной дороги, ведущей въ Мехико. Во время перехода ихъ по плотинѣ, озеро наполнилось лодками, и даже на гребнѣхъ плотинъ вѣсплосось множество зрителей. Ацтеки, гордые своею воинскою славой, вдругъ увидѣли, что горсть пришельцевъ осмѣлилась не побояться ихъ могущества. Но Испанцы были не такъ спокойныи духомъ: храбрѣйшіе изъ нихъ сознавались, что сердце ихъ сжалось, когда затворились ворота холмскаго форта, и они увидѣли себя во власти великаго Монтезумы.

Здѣсь, у воротъ, воздвигнутыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ южная плотина расходится на двое, явилъ была встрѣча

самый Монтезумоу. Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ, благообразной наружности. Правильныи черты лица его, кроткое и грустное выраженіе глазъ, спокойная осанка, напоминаютъ собою другую жертву испанскаго влстолюбія - Воабана Эль-Хико, столько похожаго на Монтезуму характеромъ и несчастіями.

Испанцамъ отвели для житья длинный рядъ строгій почти въ центрѣ города; это былъ когда-то дворецъ отца Монтезумы, Ахаллатла. Здѣсь провели они иѣсколько дней мирно. Монтезума посѣщала ихъ часто; жители доставляли имъ все необходимое.

Но это не могло быть продолжително. Кортесъ, хотя и не содѣлалъ иѣрво новала характеръ Ацтекковъ, однакоже видѣлъ, что присутствіе его не можетъ быть для нихъ приемно. Монтезума проронилъ иѣсколько словъ, по которымъ можно было догадаться о его готовности призвать надъ собою власть Испаніи; но если онъ въ дѣйствително такъ думалъ, было еще очень-вопнательно, позволять ли ему его подданные привести въ исполненіе это мѣрненіе. Кортесъ началъ подумывать, какъ бы обезпечить себя на-счетъ возмущенія туземцевъ. Непріятная глѣсъ берега ускорила дѣло.

Ацтекскій казначъ, по имени Куауипока, началъ на Вялла - Рикю и былъ отбитъ только послѣ упорной битвы, въ которой начальники колоніи и иѣсколько другихъ Испанцевъ потеряли жизнь. Кортесъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и потребовать, а въ случаѣ необходимости даже и заставить Монтезуму переселиться въ испанскій кварталъ, то-есть взять его какъ залогъ мирнаго поведенія его подданныхъ. Это дерзвое предложение свачала сильно рассердило Монтезуму. Но грозныи взоры и оружіе отважнѣйшихъ изъ товарищей Кортеса подкрѣпили ласковое приглашеніе своего начальника, и Монтезума съ обычкою своею робостью и желаніемъ отдалить споръ или битву, наконецъ согласился. Онъ отправилъ со

всю свою свитою во дворец Ахалкатла, гдѣ и былъ встрѣченъ съ знаками глубочайшаго уваженія. Это событие совершилось всего только черезъ недѣлю послѣ прибытія Испанцевъ.

Между-тѣмъ, Кваупока былъ лишенъ начальства и приведенъ подъ стражу въ столицу. Здѣсь онъ былъ сужденъ и казненъ; Монтезума торжественно осудилъ его поступокъ. Несчастный кацкъ и его соучастники единогласно сложили вину на своего вѣроломнаго государя; Кортесъ, повѣривъ ихъ словамъ, велѣлъ наложить на царственнаго гостя своего оковы. Это былъ порывъ страсти; онъ скоро устыдился своей жестокости и старался загладить ее лестью; но ничто не могло уже возвратити мира душѣ несчастнаго государя.

Мѣсяца три или четыре послѣ злія въ плѣнъ Монтезумы, все, казалось, благоприятствовало Испанцамъ. Ацтеки продолжали повиноваться своему государю, не смотря на то, что онъ былъ лишенъ свободы. Монтезуму безъ труда уговорили исполнитъ свое обѣщаніе и торжественно присягнуть на подданство Испаніи. Какама, королю тецкукскій, протестовала противъ такого уничтоженія народнои независимости, сбываясь на принужденіе; его смѣнили и сдѣлали королемъ брата его, пятнадцатилѣтняго мальчишка. Одинъ изъ главнѣйшихъ мекиканскихъ храмовъ былъ отданъ Испанцамъ для совершенія ихъ богослуженія; идоловъ удалили, и католическая бѣдня была отслужена въ виду всего народа. Но это слишкомъ-зѣливо задѣло фанатизмъ Ацтековъ. Жрецы ихъ гнались воспламенить ихъ ярость; минута открытой схватки была недалека. Монтезума самъ предостерегъ спанцевъ, что онъ не можетъ защитить ихъ долбе; — единственная надежда спасенія — уйти немедленно. Кортесъ сдѣлалъ распоряженія къ рѣшительной защитѣ, хотя и не очень вѣрилъ упорному мужеству и мстительности Индійцевъ. Гроза собира-

лась надъ столицей, какъ вдругъ Кортесъ получилъ съ берега извѣстіе о новой неожиданной опасности.

Веласкесъ, своеправный и оскорбленный начальникъ Кортеса, поклялся отмстить ему за его смѣлый поступокъ. Не теряя времени, онъ снарядилъ армию и флотъ; начальство надъ ними вручилъ онъ Панфило де-Нарваезу, человеку храброму, но аспльчливому и высокомерному. Эта новая армада состояла изъ 18 кораблей, 800 человекъ вѣхоты и 80 конницы. 23 апрѣля 1520 года, Нарваезъ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ Кортесъ потопилъ свой флотъ. Онъ немедленно послалъ въ Вилла-Риу объявить о данномъ ему полномочіи арестовать Кортеса и потребовать сдачи колоніи. Вилла-Рио командовалъ ~~Горетто де-Саморано~~ однимъ изъ храбрѣйшихъ, даровитѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ приверженцевъ Кортеса. Онъ сейчасъ же отправилъ посланныхъ Нарваеза въ Мехико за коновоемъ, а самъ, съ горстью своихъ солдатъ, приготовился къ отчаянному отпору.

Такая новость поразила бы всякаго, кромѣ Кортеса. Осажденный среди враждебнаго ему города, онъ вдругъ былъ лишенъ своей главнѣйшей опоры — власти, которой до-сихъ-поръ былъ представителемъ. Первымъ дѣломъ его было отправить назадъ посланныхъ Нарваеза съ изъявленіемъ своего дружескаго расположенія, внушивъ имъ, что раздоръ съ Нарваезомъ поведетъ только къ общей гибели. Самъ онъ приготовился къ худшему. Онъ зналъ, что если останется въ Мехико, то рано ли, поздно ли, а будетъ побѣжденъ, потому-что Нарваезъ объявилъ свое рѣшительное намѣреніе освободитъ Монтезуму, и весь народъ Ацтековъ, конечно, присоединится къ нему противъ страшнаго *Маллицинна*. Кортесъ рѣшился на отчаянный поступокъ. Онъ очень-хорошо зналъ, что Нарваезъ лѣнивъ и безпеченъ; что онъ не умѣлъ приобрѣсти нравственнаго вліянія на своихъ солдатъ, которые очень подувывали, какъ бы отрабить

Тенохтитланъ, и нисколько не заботились о наказаніи его завоевателей. Онъ звалъ, что совершенная побѣда невозможна, но уже и малѣйшее преимущество передъ соперникомъ отереть пути къ интригѣ и возмущенію. Тайный образокъ, ему удастся, думалъ онъ, освободится отъ врага и умножить свою армию его солдатами. Кортесъ уѣхалъ изъ Мехико съ семьюдесятью отборными сослуживцами, оставивъ сильный гарнизонъ въ ахаякатлскомъ дворцѣ; присоединивъ къ себѣ на пути еще отряда два или три, онъ прибылъ къ берегу съ 266-ю человѣками. Смѣловъ предпріятіе его увѣчалось такимъ быстрымъ и совершеннымъ успѣхомъ, какого самъ онъ не ожидалъ. Нарваесъ стоялъ съ своимъ войскомъ каменныхъ предосторожностей противъ нечаяннаго нападенія. Кортесъ выбралъ темную и бурную ночь, вступилъ въ Цемпоаллу со всѣмъ своимъ отрядомъ, проникъ прямо въ домъ Нарваеса и арестовалъ его со всею свитою. Немногія, слабыя покушенія освободить его были легко уничтожены; съ обѣихъ сторонъ пало не болѣе 18-ти человѣкъ. По утру вся новоприбывшая армія сдалась Кортесу. Одни потеряли бодрость, потерявъ начальника, другіе, конечно, были очень-рады предлогу поступить подъ команду славнаго Кортеса. Къ-счастью, что все кончилось такъ: еслибъ Нарваесъ одержалъ верхъ и привязалъ начальство въ Мехико, вѣрно ни одинъ Испанецъ не возвратился бы рассказать намъ ужасы печальной ночи.

Едва только успѣлъ Кортесъ устроить дѣла на берегу, какъ изъ Мехико прискакалъ гонецъ съ страшною вѣстью, что непріятельскія дѣйствія начались. На Испанцевъ нападали уже нѣсколько разъ, хотя и не очень-жарко; толпа непріятелей быстро возрастала, окружая кварталъ Испанцевъ. Опасность была велика; но Кортесъ былъ не тотъ человѣкъ, чтобъ оставить товарищей безъ помощи. Онъ выѣхалъ изъ Цемпоаллы съ 1,000 человѣками

пѣхоты и 100 конницы. 2½ іюня онъ прибылъ въ Мехико. Ему безпрепятственно позволили вступить въ городъ; всадъ замѣчалъ онъ, къ своему ужасу, что туземцы съ вражью недоумчивостью бѣгутъ съ его дороги. Но обида, нанесенная Ацтекамъ въ его отсутствіе и непримиримое чувство ихъ мщенія, далеко превосходили всѣ догадки Кортеса.

Педро де-Альвардо, начальствовавшій въ Мехико за отсутствіемъ Кортеса, былъ человѣкъ храбрый, но осторожный въ поведеніи, горячаго и отчасти жестокаго нрава. Онъ имѣлъ глупость осквернить храмъ Гмицилопокли убійствомъ, конечно всунутымъ. Тутъ пало, какъ говорятъ, около 600 Ацтековъ, и въ томъ числѣ многіе изъ высшаго званія: слѣдствіемъ было то, что весь народъ взялся за оружіе. Самъ Альвардо могъ рассказать въ свое оправданіе только какую-то невѣроятную сказку о скрытомъ оружіи и замышленномъ нападеніи. Истинная причина его жестокаго поступка осталась неизвѣстною; развѣ повѣрить нѣкоторымъ испанскимъ историкамъ, которые говорятъ, что цѣлью убійства былъ грабежъ... Эта ужасная вѣсть поразила Кортеса. Онъ молча выслушалъ донесеніе Альвардо и отворотился отъ него, слѣзавъ ему короткій и строгій выговоръ. Но ошибку исправить было невозможно. Наказать виновнаго было бы бесполезно: никакая жертва не могла усмирить ярости Ацтековъ, а храбрость Альвардо и вліяніе его на солдатъ были важны для предстоящей борьбы. Оставалось драться на жизнь и смерть; 1,200 Испанцевъ и около 8,000 Тласкаланцевъ должны были выдержать бой съ цѣлымъ народомъ.

Ацтеки легко совладѣть съ Альвардо и его гарнизономъ; но они, кажется, съ намѣреніемъ не дѣлали рѣшительнаго приступа, ожидая прибытія Кортеса и надѣясь тогда задушить всѣхъ разомъ. Едва-только узнали, что *Малинтинъ* вступилъ во дворецъ Ахьякатла, какъ всѣ улицы города изно-

вились безчисленнымъ множествомъ ратниковъ. На испанскій кварталъ отчаянно напали со всѣхъ сторонъ. Атака продолжалась двѣи пять или шесть съ ужасною яростью. Къ-счастью, усталый гарнизонъ могъ отдыхать по ночамъ: суевѣріе Ацтековъ не позволяло имъ нападать ночью. Отъ восхода до заката солнца, осаждающіе не переставали тревожить Испанцевъ метательнымъ оружіемъ; они нападали съ такою яростью, что не разъ кварталъ чуть не былъ взятъ приступомъ. Испанцы держались; тринадцать пушекъ страшно опустошали тучи Ацтековъ; оставшихся въ живыхъ они встрѣчали такъ мужественно, что ни одинъ изъ тѣхъ, которымъ удалось проникнуть за наружныя укрѣпленія, не оставался въ живыхъ. Отчаянныя атаки конницы часто очищали улицы на далекое пространство; этими вылазками всегда предводительствовалъ самъ Кортесъ; цѣлая армія дивилась подвигамъ его въ схваткѣ, и самоотверженію, съ которымъ онъ бросался на выручку товарищей. На третій день осады, увидѣли необходимость вытѣснить непріятеля изъ храма Гвипцилопокли, командовавшаго, по своему положенію, испанскою крѣпостью; триста человекъ бросились на приступъ подъ предводительствомъ самаго Кортеса, не смотря на то, что онъ былъ раненъ. Ацтеки защищались отчаянно, но черезъ три часа храмъ былъ взятъ, и всѣ бывшіе въ немъ Ацтеки перерѣзаны. Чтò значили, впрочемъ, всѣ эти побѣды? Ряды непріятелей наполнялись снова, и мужество ихъ не охлаждало.

Пытались вступить въ переговоры, но безуспешно. Ацтеки отвѣчали одно: вся армія должна погибнуть у оскобленныхъ ею алтарей. Но эти угрозы не столько устрашали Кортеса, сколько очевидно-разумный и спокойный взглядъ непріятелей на свою силу. Мы знаемъ: говорили они: что можемъ побѣдить только послѣ многихъ поражений и великихъ потерь. Но побѣда рано или поздно будетъ на нашей сторо-

нѣ, и мы готовы заплатить за жизнь каждого Испанца сотнею нашихъ. Люди, рассуждавшіе такимъ образомъ, были опасные враги, — пораженія не могли уже уронить ихъ духа. Кортесу пришло, однакоже, на мысль, что Монтезума, все еще жившій во дворцѣ Ахакатла, можетъ быть ему полезенъ. Пльнный государь охотно согласился поговорить въ его пользу; онъ зналъ, что съ уходомъ Испанцевъ возвратится его свобода; побѣда же, одержанная надъ ними безъ его участія, много повредитъ ему во мнѣніи его воинственныхъ подданныхъ. Поутру на третій день осады, онъ вышелъ на валъ въ царскомъ одѣяніи со всею свитою. Онъ обратился къ осаждающимъ, и сначала они слушали его съ глубокимъ почтеніемъ. Но когда оказалось, что онъ совѣтуетъ примириться съ Испанцами, его прервали съ крикомъ и бранью, пустили въ него тучу стрѣлъ — и Монтезума былъ раненъ. Рана была сама-по себѣ не смертельна; но гордая душа его не могла вынести такого униженія. Онъ умеръ 30 іюня. Испанцы чистосердечно жалѣли о несчастіи своего гостя.

Настоящее положеніе дѣлъ не могло продолжаться. Около трехъ-сотъ Испанцевъ и множество Тласкалаанцевъ были убиты или ранены; еще такая недѣля — и они будутъ не въ состояніи держаться въ укрѣпленіи. Съѣстныхъ припасовъ и амуниціи оставалось немного, а чтò всего хуже, такъ непривыкшіе къ дисциплинѣ солдаты Нарваеза начали выходить изъ повиновенія. Оставалось одно отчаянное средство къ спасенію: прорубиться сквозь непріятелей до Тласкалы. Испанцы рѣшились. Скоро изготовились къ отступленію. Авангардомъ командовалъ Сандоваль; центромъ самъ Кортесъ; аррьергардомъ Альвардо и Веласкезъ де-Леонъ. Отступить положили по западной плотви, кратчайшей изъ трехъ, и ведущей въ городъ Тлакопанъ или Табуку.

Въ ночь 1-го іюля 1520 года, столь памятную въ дѣтописяхъ Испаніи по

своимъ ужасамъ, осажденная армія выслушала молебствіе и въ глубокомъ молчаніи выступила изъ ахалатльскаго дворца. Они безпрепятственно и по видимому ничѣмъ-несамѣченныя, прошли черезъ городъ и благополучно вступили на плотину. Плотина была длиною миля двѣ и въ трехъ мѣстахъ прорыта поперекъ. Кортесъ позаботился взять съ собою походный мостъ, и Испанцы безъ труда перешли черезъ первый перекопъ. Но между-тѣмъ поднялась тревога; большой военный барабанъ Мехиканцевъ зазвучалъ съ высоты храма Гвигцилопокли; шумъ вѣселъ раздался въ тишинѣ тропической ночи; озеро покрылось безчисленными шлюзовыми лодокъ, и Ацтеки смѣло начали взбираться на плотину съ обѣихъ сторонъ. Но среди ужасовъ почной схватки Испанцы сохранили все присутствіе духа и мѣрно шли, сражаясь, впередъ; безъ особенной потери достигли они втораго перекопа. Здѣсь началось бѣдствіе. Солдаты съ безпокойствомъ кричали, чтобъ подали мостъ. Но артиллерія, прѣхавъ по мосту, такъ сильно вдавила его въ землю, что небыло никакой возможности освободить его. Эта ужасная вѣсь пошатнула на время даже мужество храбрѣйшихъ ветерановъ: солдаты въ беспорядкѣ бросились въ бродъ; многіе погибли. Легко себѣ представить, какое преимущество имѣли Ацтеки въ лодкахъ надъ людьми, плывущими ради спасенія своей жизни. Только лошади, большая часть которыхъ погибла въ этомъ дѣлѣ, помогли Испанцамъ утвердиться по ту сторону перекопа. Заваливъ воду багажемъ, трупами и всякой всячиной, армія кое-какъ, отражая въ то же время нападеніе, перебралась на другую сторону. Казалось, худшее миновалось, Кортесъ и храбрѣйшіе изъ его сподвижниковъ отбили непріятеля и довольно-скоро успѣли перейти черезъ третій перекопъ. Но скоро замѣтили они, что аррьергардъ не подвигается впередъ. Ацтеки стѣснили его со всѣхъ сторонъ и конечно вырѣзали бы всѣхъ, еслибъ

раженный Альвардо ведѣлать неврѣтныя усміи, чтобъ одушевить солдатъ своихъ. Броситься на выручку ихъ—казалось просто безумствомъ, но Кортесъ не задумался и минуты. Равенный и усталый онъ бросился впередъ съ Сапдовалемъ и бывшемъ при немъ конницею. Онъ доплылъ до мѣста схватки, какъ бѣшеный напалъ на Мехиканцевъ, принудилъ ихъ отступить и далъ большей части вѣхоты возможность спокойно перейти черезъ третій перекопъ. Но непріятель скоро опять соединился; конница потеряла уронъ, пока выходила на твердую землю, и ни одинъ изъ отставшихъ не спасся, исключая Альвардо. Онъ едва ли не послѣ всѣхъ подумала переправиться черезъ перекопъ; погибель его казалась неизбежною. Но дошедши до края плотины, онъ сдѣлалъ такой отчаянный скачокъ на другую сторону, что даже яростные преслѣдователи его остановились въ изумленіи. Это мѣсто долго послѣ того называлось «скачкомъ Альвардо». Битва приближалась къ концу. Остатокъ испанской арміи дошелъ до конца плотины, и Ацтеки, потеря вторыхъ, должно-быть, была ужасна, не рѣшились продолжать сраженія на твердой землѣ.

Переходъ черезъ такубанскую плотину доказываетъ мужество Исаакъ лучше самой рѣшительной побѣды въ открытомъ полѣ. Можно было ожидать, что Мехиканцы падутъ духомъ, и что почти-невероятное спасеніе Кортеса и его арміи. Но они и безъ того открыто признавали превосходство Испанцевъ, и помнили, что единственная надежда на успѣхъ заключается для нихъ въ равнодушномъ перенесеніи пораженій. Каждый успѣхъ, какъ ни былъ бы незначителенъ, каждый уронъ, нанесенный непріятелю, чего бы онъ ни стѣбалъ, даже каждое претерѣваемое ими пораженіе, истощавшее силы Испанцевъ, было причиною лиховаціи Ацтековъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ битвы, еще немного терпѣнія, и сильныя припѣльціа, подобно пашауту и

настоящую, останутся только влиятельными в преданиях Индейцев.

Настоящей побѣды, если только ее можно назвать побѣдою, было достаточно, чтобъ уничтожить мифъ о необходимости Испанцевъ. Это была первая битва, въ которой они не поразили неприятеля: въ первый разъ поле сраженія осталось за Ацтеками. Главное, потеря ихъ была значительна. Около 50 Испанцевъ и 4000 Тласкаланцевъ были убиты, взяты въ плѣнъ, или утонули. Лошадей осталось всего только 13. Артиллерія погибла вся; бросали даже ружья и сагажъ, лишь-бы перейти на перевоспы. Годныхъ въ дѣло осталось только 500 Испанцевъ и 2000 Тласкаланцевъ; и тѣ могли надѣяться на спасеніе только если прорубятся сквозь толпы торжествующаго неприятеля до Тласкалы. Правда, гибель больше всего постигла солдатъ Нарваеза, солдатыншихъ аррьергардъ; изъ отличныхъ воиновъ палъ одинъ Веласкесъ le-Донъ, и Кортесъ имѣлъ утѣшеніе снова увидѣть вокругъ себя своихъ старыхъ товарищей, героевъ Табаско и Тласкалы. Но будущность, при всемъ томъ, казалась ужасною, и ночная битва на плотинѣ извѣстна въ испанскихъ хроникахъ подъ именемъ печальной ночи *la triste noche*.

Семь дней Испанцы продолжали тягостный походъ около сѣверной оконечности мексиканскихъ озеръ и черезъ горъ на сѣверовосточной сторонѣ долины. Они терпѣли усталость и голодъ; асто беспокоили ихъ и неприятель, сылая ихъ стрѣлами съ высотъ надъ орогомъ. Впрочемъ, Ацтеки, казалось, е дунали рѣшительно воспротивиться стиратъ Испанцевъ, и Кортесъ начиналъ надѣяться, что дойдетъ до Тласкалы безъ особенныхъ бѣдствій. Другъ онъ жестоко былъ разочарованъ. Вошедши на высоты надъ Отоманскою-Долиною, Испанцы увидѣли, то путь въ огражденъ пѣльмиъ народомъселоміемъ окрестней страны. Всячина, до самаго горизонта сверкала

оружіемъ. «Всѣ мы» говорить самъ Кортесъ: «были увѣрены, что насталъ послѣдній день нашей жизни». Извѣстная жестокость Ацтековъ повредила ихъ собственному дѣлу: еслибъ Испанцы могли надѣяться на безопасность среди плѣна, немногіе отважились бы броситься въ сѣчу за Кортесомъ. Но всѣ помнили *жертвенный камень* въ кровавомъ храмѣ Гюцилипокла и бросались на врага съ отчаянною храбростію. Схватка была жарче обыкновеннаго: Мехиканцы, неудерживаемые уже влали огнестрѣльнымъ оружіемъ, вступили въ рукопашный бой и хотя были отражены нѣсколько разъ сряду, угрожали задавить Испанцевъ своею огромною массою. Шестію небольшого отряда сквозь нестройную толпу ихъ становилось съ каждыиъ шагомъ труднѣе. Только отчаянный атаки кавалеріи давали остальнымъ время снова построиться въ ряды. Наконецъ, измученная пѣхота остановилась; усталая конница едва могла выдерживать патискъ неприятеля. Хладнокровіе и смѣлость Кортеса еще разъ спасли армию. Случай завелъ Испанцевъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ главный начальникъ Мехиканцевъ. Во время послѣдней схватки, его знамя видѣлось непосредственно за аррьергардомъ нападающихъ. Кортесъ въ одну минуту сообразилъ возможность удачи. Внезапно бросился онъ въ атаку съ немногими храбрѣйшими приверженцами своими, прорубился сквозь праговъ и собственноручно убилъ начальника ихъ. Индейцы были поражены ужасомъ при видѣ паденія челоуѣка, который былъ только зрителемъ битвы. Атака ихъ приостановилась; Испанцы воспользовались благоприятной минутой, двинулись впередъ и Ацтеки бѣжали въ паническомъ страхѣ. Не смотря на изнуреніе побѣдителей, преслѣдованіе было кровавое и безплощадное. Упорство неприятеля сдѣлало Испанцевъ жестокими; «раны перестали насъ мучить; мы не чувствовали уже ни голода, ни жажды», говорить одинъ, лично участвовавшій въ этомъ дѣлѣ. Побѣда была совершенная,

На другой день, Испанцы перешли тласкаланскую границу.

Кортеса беспокоила мысль: не вздумают ли его союзники воспользоваться его безпомощнымъ положеніемъ? Но скоро онъ увѣрился, что прямодушные горцы были неспособны къ такой измѣнѣ. Они смотрѣли на Испанцевъ съ тѣмъ участіемъ, съ какимъ храбрый смотритъ на храбраго товарища своихъ побѣдъ и опасностей. Ихъ встрѣтилъ съ знаками горячей дружбы и удивленія. Начальникъ Тласкалы торжественно увѣрилъ Кортеса, что онъ до смерти останется его вѣрнымъ другомъ. Ацтеки прислали предложить Тласкаланцамъ соединиться съ ними противъ пришлецовъ, — имъ отказано наотрѣзъ. Хикотенкатль отважился говорить въ пользу Ацтековъ, — его выгнали изъ свѣта.

Кортесъ, много потерпѣвшій, но неунававшій духомъ, былъ увѣренъ теперь, больше нежели когда-нибудь, въ окончательномъ покореніи Мехики. Онъ увидѣлъ, что ошибся на-счетъ національнаго характера своихъ враговъ; онъ видѣлъ, что они не позволяютъ овладѣть столицей горсти пришлецовъ, какое преимущество ни имѣли бы они на полѣ битвы. Но онъ увидѣлъ также, что силы его равны силамъ Мехиканцевъ. У него было теперь вѣрное убѣжище въ самой серединѣ Анагуака, откуда не могли его вытѣснить всѣ силы Ацтековъ. Онъ зналъ, что ни одно изъ окрестныхъ племенъ не было чистосердечно имъ предано. Легко, думалъ онъ, выйдти изъ горъ Тласкалы и силою или убѣжденіемъ покорить племена Анагуака одно за другимъ. Его армія можетъ сдѣлаться центромъ конфедерации, которая будетъ столько сильна, что можно будетъ вступить въ мекхиканскую долину, покорить столицу и навсегда уничтожить владычество Ацтековъ.

Прошло нѣсколько времени, пока зажили раны немученныхъ Испан-

цевъ; но уже рано осенью неутомимый Кортесъ вышелъ изъ Тласкалы съ своею арміею и многими союзниками. Первый походъ его былъ противъ Тепекаланцевъ, сильнаго племени, вытѣснившаго многихъ Испанцевъ во время ихъ отступленія отъ Мехико. Онъ разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ; Тепекаланцы, вѣроятно, желая только быть на сторонѣ сильнаго, кто бы онъ ни былъ, скоро покорились. Кортесъ пошелъ дальше, приступомъ взявъ два города на мекхиканской границѣ и разбилъ армію Ацтековъ, шедшую къ нимъ на помощь. Холуланцы досипѣвши предложить ему союзъ, и вскорѣ вся страна на востокъ отъ мекхиканской сьерры была покорена испанскимъ оружіемъ. Между-тѣмъ, нѣсколько испанскихъ грабленъ, приставъ въ Вера-Крузѣ, снабдилъ армію новыми солдатами, оружіемъ, артиллеріею и одеждою. Кортесъ считалъ себя довольно-сильнымъ, чтобы снова начать свое отважное предпріятіе. Изъ Тепеака онъ возвратился въ Тласкалу, чтобы сдѣлать необходимыя приготовления ко вторичному походу въ мекхиканскую долину. 28-го декабря онъ выступилъ изъ Тласкалы. Армія его состояла изъ 600 Испанцевъ, съ 9-ю пушками и около 40 человекъ конницы; кромѣ того, при немъ были цѣлыя тласкаланскаго, холуланскаго и тепекаланскаго воинства. Онъ спокойно перешелъ сьерру, спустился въ долину и подъ новый годъ сталъ главною квартирою въ городѣ Тецкуко; король и жители оставили дома при приближеніи непріятеля.

Квентлагуа, братъ и наслѣдникъ Мотезумы, умеръ внезапно; племянникъ его, Гватемодзинъ, юноша, отличавшійся своимъ мужествомъ, дарованіемъ и непримиримою ненавистью къ Испанцамъ, сдѣлался теперь главою племени. Напрасно Кортесъ угрозами и обещаніями старался поколебать рѣшимость своего новаго противника. Черезъ недѣлю послѣ прибытія въ Тецкуко, онъ началъ военныя дѣйствія походомъ въ ближайшій городъ Ицтаналамиль. Ац-

текскій гарнизонъ былъ разбитъ, городъ взятъ приступомъ и вполнину разрушенъ. Но Кортесъ едва не попалъ за эту побѣду: Индійцы, уходя, разрушили плотины, защищавшія городъ отъ озера; вода хлынула въ улицы, и Испанцы едва успѣли спастись. Отсюда Кортесъ огрправилъ Сандовала съ небольшимъ отрядомъ занять Калко, жители котораго высказали готовность свергнуть мексиканское иго. Сандовалъ удачно исполнилъ порученіе и возвратился въ Тецкуко. Самъ Кортесъ занимался между-тѣмъ примиреніемъ разныхъ индійскихъ племенъ и приготовленіями къ экспедиціи въ Такубу.

Ранней весною, армія выступила изъ Тецкуко, пошла по сѣверовосточному краю долины и взяла на походъ городъ Халтоманъ, на сѣверной оконечности озера. Отсюда Испанцы двинулись на югъ, по той самой дорогѣ, по которой отступали послѣ битвы на плотинѣ. Цаповецъ, одержавъ значительную побѣду, они вступили въ Такубу. Здѣсь они пробыли 6 дней въ виду столицы, и потомъ возвратились въ Тецкуко.

5-го апрѣля 1521 года, Кортесъ снова выступилъ въ походъ, намѣревался въ этотъ разъ обойти всю долину. Въ три недѣли выполнилъ онъ этотъ планъ и возвратился въ Тецкуко.

Теперь все было готово для осады Мехико. Силы Кортеса состояли изъ 300 Испанцевъ; въ томъ числѣ 87 человекъ конницы и 118 мушкетеровъ; при арміи было 18 пушекъ. Кромѣ-того, вѣкто Лопезъ, искусный архитекторъ, построилъ 12 бригаantinъ; ихъ изобразилъ, и Индійцы перенесли ихъ черезъ горы. Потомъ ихъ сложили и пустили на воду при радостныхъ ликанъ. Конечно, эти суда были чень-невелики, но невѣжество Индійцевъ видѣло въ нихъ пловучія крѣпости.

Странный случай прервалъ на вре-

мя эти приготовленія. Тласкаланскій мачальникъ Хикотенкатль не могъ дольше принуждать себя къ участію въ предпріятіи, которое доставитъ чужеземцамъ власть надъ Анагуакомъ. Онъ внезапно оставилъ Тецкуко и не слушался ни приказовъ, ни убѣжденій возвратиться. Обстоятельство требовало мѣръ рѣшительныхъ; Хикотенкатль былъ схваченъ въ Тласкалѣ, отосланъ подлѣ стражею въ лагерь, сужденъ, и публично казненъ какъ намѣнникъ. Только крайняя необходимость можетъ извинить такой поступокъ съ вольнымъ Индійцемъ; мы не знаемъ, что побудило Кортеса поступить такъ жестоко, но такъ-какъ онъ не имѣлъ лично ничего противъ Хикотенкатля, и Тласкалапцы по-видимому безропотно признали совершенный надъ нимъ судъ, то мы можемъ заключить, что, вѣроятно, поступокъ индійскаго главы могъ въ этомъ случаѣ имѣть важнѣйшія, нежели намъ кажется, послѣдствія.

Накопецъ, 10-го мая, два отряда, каждый въ 200 Испанцевъ и около 2500 Индійцевъ, — вышли изъ Тецкуко въ Мехико. Однимъ командовалъ Альвардо, другимъ Кристоваъ де-Олида. Они безирепятственно обошли сѣверную оконечность озера и заняли свои посты передъ столицею — Альвардо Такубу, Олида Коюгуаканъ. Сандовалъ, съ такимъ же отрядомъ, былъ посланъ въ Ицтапалапанъ и занялъ его, хотя не безъ битвы. Такимъ-образомъ, Испанцы овладѣли тремя изъ четырехъ дорогъ, ведущихъ съ твердой земли въ городъ. Самъ Кортесъ принялъ начальство надъ флотиліей; на судахъ было 300 человекъ. Онъ поплылъ вдоль озера, безъ труда разогналъ и потопилъ нѣсколько сотъ ацтекскихъ лодокъ и съ торжествомъ явился передъ Мехико. Приставъ къ холоскому форту, онъ высадивъ часть экипажа и легко выгналъ гарнизонъ. Тогда Сандовалъ получилъ приказаніе идти вдоль берега и занять



Тепейнакътъ, близъ оконечности свѣрхой плотины. Такимъ - образомъ столица была совершенно блокирована.

Нѣсколько дней спустя, Кортесъ сдѣлалъ общій приступъ. Самъ онъ съ своимъ отрядомъ и отрядомъ Олида, двинулся впередъ изъ Холока, пробился сквозь городъ, штурмовалъ храмъ Гвицилипокли и въ порядкѣ возвратился назадъ. Сандоваль и Альварадо въ то же время шли по плотинамъ отъ Такубы и Тепейнака; они завязали дѣло въ предмѣстяхъ, но въ городъ не входили. Такія атаки повторялись нѣсколько разъ и много нанесли вреда столицѣ. Дворцы Ахаянатла и Монтезумы были сожжены до тла. Но мужество осажденных не падало. Товарищи Кортеса уговорили его, противъ его желанія, попробовать еще разъ взять городъ приступомъ.

Въ назначенный день, рано утромъ, центръ арміи двинулся впередъ тремя колоннами изъ Холока. Альварадо и Сандоваль, соединившись въ Такубѣ, пошли по западной плотинѣ. Всѣ легко вошли въ городъ; сопротивленіе Ацтековъ было такъ слабо, что догадливый Кортесъ началъ подозрѣвать хитрость. Опасенія его увеличались еще болѣе, когда онъ узналъ, что авангардъ, въ жару преслѣдованія, забылъ наполнить ровъ, пересѣкавшій улицу, и что, слѣдовательно, отступленіе его, въ случаѣ сильнаго натиска, будетъ сопряжено съ величайшими затрудненіями. Пока Кортесъ старался исправить оплошность авангарда, съ высоты сосѣдняго храма раздался рогъ Гватемодина — сигналъ страшный и для храбрѣйшихъ Испанцевъ. Въ нѣсколько минутъ, шумъ битвы началъ приближаться по пустымъ улицамъ; авангардъ, тѣснимый несчетнымъ множествомъ враговъ, въ безпорядкѣ шелъ назадъ. Кортесъ могъ бы спокойно удалиться, но не въ его духѣ было оставить товарищей безъ помо-

щи. Онъ быстро бросился на непріятеля и отчаянно защищалъ перешагнувъ авангарда черезъ ровъ. Не смотря на то, потеря и безпорядокъ были велики. Кортесъ лично подвергался величайшей опасности, получилъ нѣсколько ранъ и былъ бы взятъ въ плѣнъ, если бы его не выручили нѣсколько Испанцевъ и Тласкаланцевъ, пожертвовавшихъ за него жизнью. Наконецъ, переходъ былъ совершенъ; порядокъ восстановился, и армія отступила къ Холоку. Альварадо и Сандоваль, вступившіе въ городъ осторожно, тоже съ величайшимъ трудомъ могли отступить назадъ. Потера Испанцевъ простиралась до ста человекъ, изъ которыхъ 62 были взяты въ плѣнъ живые.

Слѣдствія этого штурма были очевиднѣе благопріятны. Энтузіазмъ Ацтековъ сдѣлался еще жарче; жрецы торжественно объявили обѣщаніе боговъ, что черезъ восемь дней пришельцы будутъ истреблены окончательно. Это предсказаніе и неудача послѣдней битвы такъ сильно подѣйствовали на индійскихъ союзниковъ, что всѣ они, — за исключеніемъ немногихъ храбрѣйшихъ Тласкаланцевъ, — оставили испанскій лагерь и удалились, кто на недалекое разстояніе, а кто домой. Сами Испанцы были поражены ужасомъ и отчаяніемъ, вида, какъ на высотахъ мексиканскихъ храмовъ приносили въ жертву ихъ товарищей. Одинъ Кортесъ не падалъ духомъ. Онъ узналъ, что онъ и одинъ, безъ союзниковъ, имѣя флотъ и пушки и владѣя крѣпкою позиціею на плотинахъ, можетъ держать городъ въ блокадѣ. Заклучившись въ своемъ лагерѣ, онъ терпѣливо ждалъ, пока угаснетъ послѣдній лучъ удачи Ацтековъ. Восемь роковыхъ дней прошли; пришельцы все еще владѣли озеромъ посредствомъ флотилии и удерживали за собою Холокъ, Такубу и Тепейнакъ. Ацтеки убѣдились, что боги обманули ихъ. Союзники, стыдясь своей робости, возвратились на прежнее мѣсто, и были приняты Кортесомъ ласково.

Кортесъ принялъ теперь другую систему атаки, которую может оправдать только самая крайняя необходимость. Городъ былъ отсюду открытъ для приступа, но нельзя было вдавлять въ улицы безъ величайшей опасности; оставалось одно только средство: разрушать, подвигаясь впередъ, каждое строеніе, которое могло служить защитой осажденнымъ. Къ этому-то предствурѣшился, не безъ отвращенія, прибѣгнуть Кортесъ. Вскорѣ послѣ возвращенія союзниковъ въ лагерь, вся армія двинулась изъ Холока и Такубы и утвердилась въ предмѣстіяхъ города. Индійцы, слѣдуя примѣру самого Кортеса, начали срывать дома до основанія и обломками ихъ засыпать рвы. Испанцы съ избранными индійскими воинами защищали ихъ во время этихъ работъ. Вылазки Ацтековъ были постоянно отражаемы; но союзники не перѣли отъ камней и стрѣлъ. Индійцы, наслѣдственные враги Ацтековъ, вердо продолжали свою работу, одушевляемые чувствомъ мщенія. Такъ день-за-днемъ осаждающіе продолжали разрушать городъ и подвигаться впередъ. Яко было уже на исходѣ; амый дворець Гватемодзина былъ разрушенъ. Главный храмъ взятъ пригупомъ и сожженъ до основанія храбымъ Альваро. Испанцы утвердились на главной площади. Семь-восьмьхъ столицы были не что иное, какъ руда углей и развалины; оставшіеся живыхъ жители принуждены были криваться въ тѣсныхъ и разрушенныхъ улицахъ бывшаго сѣверо-восточнаго квартала.

Между-тѣмъ, голодъ и моръ страшно могли истреблять Ацтековъ. Сами испанцы не могли безъ состраданія отрѣчь на ихъ бѣдствіе. Не разъ предлагали Гватемодзину миръ и безопасность. Но онъ былъ непоколебимъ;

сподвижники его были вполне одарены пассивнымъ героизмомъ природныхъ Американцевъ. Истощенные трудомъ и страданіями, они продолжали тревожить осаждающихъ и говорить о мщеніи, которое постигнетъ Испанцевъ, когда оскорбленные боги Анагуака сойдутъ истребить нечестивыхъ враговъ. Нельзя читать разсказа о ихъ патриотическомъ ослѣпленіи, не припоминая страннаго предположенія нѣкоторыхъ этнологовъ, что племена Сѣверной-Америки — еврейскаго происхожденія. Нѣтъ въ исторіи двухъ событий, столько схожихъ по нравственному характеру, какъ осада Іерусалима Титомъ и Мехико Кортесомъ.

Конецъ войны былъ близокъ. Оставшіеся въ живыхъ Ацтеки принуждены были заключиться наконецъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ, что осаждающіе могли попытаться взять его приступомъ. 14-го августа Кортесъ, послѣ многихъ отсрочекъ и попытокъ вынудить сдачу безъ штурма, неохотно далъ приказаніе идти на приступъ. Испанцы, уже давно пресыщенные мщеніемъ, съ отвращеніемъ вида необходимость убивать беззащитныхъ, щадили и спасали многихъ. Но союзники остались вѣрны истинному своему характеру — они не пощадил ни одного Ацтека, позвавшегося имъ въ руки. Битва, или, лучше сказать, рѣзня, длилась уже два дня, и конечно кончилась бы не прежде, какъ со смертью послѣдняго Ацтека, если бы не прервалъ ея случай. Испанская бригантина перехватила непріятельскую лодку; въ ней, въ числѣ прочихъ Индійцевъ, былъ молодой воинъ, въ которомъ сейчасъ завали самого Гватемодзина. Вѣсть о его плѣнѣ быстро распространилась въ обѣихъ арміяхъ подъ вечеръ втораго дня битвы. Сопротивленіе тотчасъ прекратилось.

Полтру 16-го августа 1521 года, Ацтеки сдались. Кортесъ вывелъ свое войско изъ зараженныхъ развалинъ въ Койогуакакъ; остальнымъ Ацтекамъ позволили удалиться въ ближайшіе города по сѣверной и западной плотинѣ. Ихъ было не больше тридцати или сорока тысячъ; во время осады погибло по-меньшей-мѣрѣ 120,000. Черезъ три дни исчезъ и послѣдній изъ несчастныхъ изгнанниковъ; на мѣстѣ могущественнаго Теночтитлана остался пустынный островъ, покрытый развалинами и трупами. Существованіе Мехиканской-Имперіи кончилось...

---

## ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ANTONIO PEREZ et PHILIPPE II, par M. Mignet. (Антоніо Перезъ и Филиппъ II), соч. Миньё.

Сочиненіе чрезвычайно-интересное по наложеннымъ въ немъ событіямъ и важное по значенію своему въ исторической критикѣ. Въ жизни Переза, такъ тѣсно связанной съ важными происшествіями въ Испаніи, были моменты темные, неразгаданные, и тѣмъ болѣе подстрекавшіе тщетное любопытство, что, будучи объяснены, они могли бы пролить новый свѣтъ на характеръ Филиппа II-го и раскрыть тайныя дружины нѣкоторыхъ событій. Во внезапной опалѣ и процесѣ Переза было столько таинственнаго, что историки почти теряли надежду узнать когда-нибудь истину.

Теперь всѣ эти обстоятельства объяснились. Миньё пользовался документами, драгоценными по своей новости значительности, въ томъ числѣ рукописью, принадлежащую министерству иностранныхъ дѣлъ; въ ней заключаются копии со всѣхъ бумагъ процесса Переза въ Кастиліи, со времени врагаго его заключенія въ темницу до отъѣзда его и бѣгства. Въ числѣ этихъ копій находятся и главнѣйшіе акты процесса, который начался противъ Переза въ Арагоніи. Для изложенія историческихъ происшествій въ Арагоніи послѣ бѣгства Переза, — происшествій, кончившихся настоящею революціею, у Миньё было подъ рукою угое, чрезвычайно-важное собраніе копій сей. Это 17 томовъ актовъ испанскій инквизиціи, уступленные Лоранс.

томъ королевской бібліотекѣ. Сверхъ того, онъ пользовался перепискою испанскихъ, англійскихъ и французскихъ посланниковъ, находящеюся въ той же бібліотекѣ. Неизданныя письма и рукописи Переза, заключающіяся въ послѣднемъ собраніи, особенно послужили ему богатымъ матеріаломъ.

Пользуясь такими источниками, Миньё могъ пролить много новаго свѣта на темныя мѣста исторіи Переза и Филиппа, и онъ исполнилъ дѣло свое съ искусствомъ и добросовѣстностью.

Книга г-на Миньё заключаетъ въ себѣ почти всю исторію царствованія Филиппа II-го. Гонимаго Переза, отецъ Антоніо, былъ статс-секретаремъ при Карлѣ V-томъ, и сынъ его какъ-бы по наслѣдству сдѣлался государственнымъ челоуѣкомъ. Но поставленный судьбою на столь высокую точку, онъ не умѣлъ на ней удержаться. Счастье, кажется, ослѣпило его, и управляя другими, онъ забылъ, что первое дѣло управлять самимъ - собою. Онъ былъ горячъ, неостороженъ, расточителевъ; необузданный образъ жизни его слишкомъ-рѣзко обозначался среди двора, строгаго по наружности. Высокомѣріе пріобрѣло ему множество враговъ. Тѣмъ не менѣе, онъ, можетъ-быть, удержался бы на своемъ мѣстѣ, сохранявъ благосклонность своего государя: все зависѣло отъ Филиппа. Но онъ осмѣлился перебить дорогу и ему: принцесса Эболи — вотъ истинный предметъ раздора между нимъ и Филиппомъ II. Перезъ былъ

въ любви счастливые Филиппа, но дорого поплатился за эту удачу.

Хуанъ де-Эсковедо, когда-то задушевный другъ Переза и секретарь дона-Хуана-Австрійскаго, зналъ о любовной связи Антоніо съ Эболи и грозился донести объ этомъ Филиппу. Перезъ рѣшился погубить его и успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Убѣдивъ Филиппа въ неизвѣнческихъ намѣреніяхъ Эсковедо, онъ получилъ отъ него предписаніе убить его—и Эсковедо палъ подъ ударами убійцы.

Но друзья и родственники павшаго не могли не догадаться, кто былъ виновникомъ его смерти. Общій голосъ открыто обвинилъ Переза и Эболи. Перезъ, дѣйствовавшій по предписанію короля, думалъ, что онъ внѣ всякой опасности; вышло иначе. Филиппъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ отмстить своему сопернику. Перезъ въ свою очередь долженъ былъ пасть жертвою интриги. Его судили, во-первыхъ, за лжесвидѣтельство. Филиппъ угрозами вынудилъ у него всѣ бумаги, которыя могли бы уличить его въ соучастіи, и потомъ обвинилъ въ убійствѣ Эсковедо, совершенномъ по его же приказанію. Но Перезъ, выдавая бумаги, удержалъ важнѣйшія изъ нихъ, которыя могли служить къ его оправданію.

Перезъ, послѣ долгаго заключенія и пытки, бѣжалъ въ Арагонію, и пребываніе его тамъ было причиною революціи, испровергшей древнюю конституцію Арагоніи и уничтожившей ея независимость. Главы 4-я, 5-я и 6-я представляютъ яркую картину этой борьбы, возстанія жителей Саргоссы 24 мая и 25 сентября 1591 года, освобожденіе Переза, пораженіе Арагонцевъ Кастильцами и паденіе ихъ національныхъ привилегій. Мщеніе Филиппа было ужасно. Онъ извѣстилъ все: собралъ въ Таррагонѣ кортесовъ, чтобъ уничтожить фуеросовъ, и все было сдѣлано согласно его волѣ. Инквизиція тоже не осталась безъ дѣла: запылали костры и заалгли эшафоты. Перезъ, виновникъ революціи,

спасся отъ ея послѣдствій. Но счастливое бѣгство не избавило его отъ опасностей. Мщеніе Филиппа преслѣдовало его всюду.

Перезъ былъ принятъ во Франціи и Англіи, сдѣлался другомъ графа Эссемса и участвовалъ во всѣхъ переговорахъ противъ Филиппа до версальскаго мира и смерти своего врага. Несчастіе сдѣлало его предметомъ общей симпатіи; но недостатки, погубившіе его въ Испаніи, повредили ему и за предѣлами ея: онъ умеръ въ бѣдности, всѣми забытый.

Вотъ нѣсколько строкъ изъ сочиненія Миньѣ, которыя ознакомятъ читателя съ Филиппомъ и окружающими его лицами:

• Филиппъ II былъ строгъ и недоверчивъ. Онъ никогда и никому не доверялъ вполне; никто не былъ увѣренъ, что пользуется еще его доверчивостью, даже и тогда, когда онъ высказывалъ ее какъ-можно-явнѣе. (1) • потерѣ его милости узнавали только въ ту минуту, когда онъ сражалъ человека окончательно. До тѣхъ поръ ни малѣйшаго знака, ни восторженія, ни охлажденія въ обхожденіи. Онъ онъ являлъ, какъ и всѣ прочія дѣла. Это испытали на себѣ многіе изъ его министровъ, между прочими кардиналъ Спиноза въ 1571 году и Антоніо Перезъ въ 1579. Не смотря на свою недоверчивость, онъ слѣдовалъ совѣтамъ тѣхъ, которыхъ облакъ властью. Уже въ 1561 году, Микеле Суріано замѣтилъ, сравнивая его съ отцомъ, что Карлъ V слѣдовалъ во всемъ своему собственному извѣнію. • а Филиппъ II чужому. Онъ дѣйствительно былъ человекъ съ умомъ находчивымъ, нерѣшительный, малодѣльный. При всемъ властолюбіи своемъ, онъ не зналъ собственно чего держаться, былъ изыскателемъ, и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чего онъ хочетъ.

• Мелочной способъ управленія, и меньше мрачнаго характера, выставлялъ его окружать себя людьми, совершенно-различными по своему ду-

ху и образу мыслей, врагами по честолюбию. Онъ управлялъ обширными владѣніями испанской монархіи на бумагѣ. Мелочи и важныя дѣла, — все шло къ нему. Онъ много совѣтовался, долго медлил и рѣшалъ поздно, въ слѣдствіе своей личной нерѣшительности и проволочки, неизбежной потому, что все читалъ, все отмичалъ и все приказывалъ самъ. Какъ ни былъ онъ трудолюбивъ и прилеженъ, его не ставало на столько занятій. Одобренныя имъ мѣры всегда опаздывали. Многочисленные совѣты, учрежденные имъ и отцомъ его, разсматривали лѣта каждый по своему управленію и подавали ему свои мнѣнія. Независимо отъ этихъ мнѣній онъ требовалъ, чтобъ министры письменно излагали ему свои мысли. Въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, отъ 1558 до 1579 года, двѣ враждебныя другъ другу партіи постоянно раздѣляли его довѣренность. Этимъ способомъ онъ думалъ яснѣе проникнуть въ ихъ противорѣчащія мнѣнія, прибѣгать, смотря по надобности, къ различнымъ талантамъ ихъ предводителей, и соревнованіемъ обезпечить ихъ приверженность.

Главами этихъ двухъ партій долго были герцогъ Альба и Рюй-Гомезъ де-Сильва, князь Эболи, — одинъ высокоумный и рѣшительный, другой ловкій и осмотрительный. Въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ вліяніе ихъ было всего ощутительнѣе, они никогда не смотрѣли на дѣла съ одинаковой точной вѣрностію и никогда не сходились въ своихъ мнѣніяхъ. Кто былъ въ милости у одного, тотъ въ опалѣ у другаго. Филиппъ не былъ влоленъ этимъ совѣстничествомъ, доходящимъ до вражды: оно усложняло его подозрительный характеръ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ питало и его неопредѣленность равногласіемъ мнѣній вухъ главнѣйшихъ совѣтниковъ его въ дѣлахъ политикѣ. Въ душѣ онъ предпочиталъ Рюй-Гомеза, своего управителя; Гомезъ вѣдалъ съ

нимъ въ Англію во время его брака — сочетанія, не оставлялъ его съ-тѣхъ-поръ, и служилъ ему такъ, какъ Филиппъ любилъ, чтобъ ему служилъ, то-есть съ безграничною преданностью и скромно, — подавалъ совѣты и не давалъ вида, что управляетъ имъ.

Была, однакожь, минута, когда герцогъ Альба взялъ, по-видимому, верхъ надъ Рюй-Гомезомъ, именно, когда вспыхнуло восстаніе въ Нидерландахъ. Послѣ долгихъ разсужденій, потерявъ много времени, Филиппъ рѣшился наконецъ предпослать планъ, предложенный герцогомъ Альбою, плану Рюй-Гомеза: Онъ послалъ этого искуснаго воина, этого суроваго и страшнаго политика въ возмущившія провинціи, давъ ему войско для усмиренія ихъ и власть для наказанія и управления. Но насильственные мѣры не удались, и Рюй-Гомезъ, оставшись одинъ при Филиппѣ, смѣнилъ герцога Альбу великимъ командоромъ кастильскимъ, дономъ Лудовикомъ Реквесенсомъ де-Сунигою, дѣйствовавшимъ по духу кротости и умѣренности; ему поручено было привести Нидерланды къ повиновенію тихими мѣрами. Герцогъ Альба потерялъ довѣріе; неудачно исполнивъ данное ему порученіе, и счастливый Рюй-Гомезъ умеръ въ 1573 году, оставивъ свою партію въ большей силѣ, нежели когда-нибудь. Эта партія, къ которой принадлежали Антоніо Перезъ и Хуанъ Эсковедо, оба обязанные своимъ значеніемъ Рюй-Гомезу, и которую донъ-Хуанъ Австрійскій озарилъ славою своихъ побѣдъ, господствовала въ совѣтахъ короля испанскаго до 1579 года, не исключая, впрочемъ, а только почти совершенно подавивъ другую партію.

Вотъ что сказано объ обѣихъ партіяхъ въ одномъ итальянскомъ манускриптѣ 1577 года, то-есть за годъ до убійствъ Эсковедо, — убійствъ, которое повлекло за собою распаденіе господствующей партіи, уничтожило ее вско-

рѣ, и произвело перемену лицъ и управленія въ совѣтахъ и дѣлахъ Испаніи:

• Теперь дворъ состоитъ изъ очень-небольшаго числа людей; на-лицо только члены совѣта и занимающіе придворныя должности; многіе *cavalieri serventi*, являвшіеся служить королю, смѣли испрашивать его милостей, вида, что его величество живетъ постоянно въ уединеніи или за городомъ, пока-зывается рѣдко, рѣдко даетъ аудіенціи, награждаетъ скупю и поздно, — не хотѣли долже оставаться при дворѣ и гнуться подъ тяжестью издержекъ, дѣлаемыхъ безъ пользы и удовольствія. Дворъ очень-открыто раздѣленъ на двѣ партіи: одна — партія архіепископа толедскаго, маркиза де-Лос-Велеза, Антоніо Переза, Маттео Васкеза и де-Совтойо. Она, по-видимому, пользуется бѣльшему вѣстою и сильнѣе въ управленіи дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству, хотя и не облечена особенною властью. Другая партія — герцога Альбы, пріора Антоніо толедскаго, князя де-Мелито, маркиза д'Агилара и Сайаса. Каждая изъ этихъ партій своими силами старается ниспровергнуть другую.

Итальянскій авторъ прибавляетъ о главнѣйшихъ лицахъ этихъ партій:

• Герцога Альбу почитаютъ человекомъ скрытнымъ, лукавымъ, очень-опытнымъ, позавистливымъ и злымъ. • Король очень его ласкаетъ, но мало поручаетъ ему дѣла. Онъ не имѣетъ никакого авторитета, и палъ. На него мало обращаютъ вниманія. Желая скрыть свою неудачу и ничтожность значенія, онъ никогда не удаляется отъ короля.

• Маркизь де-Лос-Велезь, донъ Педро Файардо, майор-домъ королевны, человекъ осторожный, молчаливый. • Вести себя благоразумно и хорошо — знаетъ ходъ государственныхъ дѣлъ — вотъ профессія, которую избралъ онъ для себя. Онъ характера скрытнаго, по вкусу королю, который часто поручаетъ ему дѣла.

• Архіепископъ толедскій (донъ-Га-

• спаръ де-Квиорога) — глава господствующей партіи. Это человекъ веселого, кроткаго нрава, скоръ на слово, но намѣренія его благородны, и не считаютъ его прекраснымъ человекомъ. Король очевидно любитъ его, онъ имѣетъ сильное вліаніе на ея власть.

• Антоніо Перезъ, статъ-секретарь и ученикъ Рюй — Гомеза. Онъ очень остороженъ, любезенъ, знаетъ — въ силѣ. Ласковое обращеніе его смягчаетъ и скрываетъ недоброты и скупость короля. Черезъ ея руки проходятъ всѣ дѣла Испаніи и Фландріи, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ управляетъ донъ-Хуанъ, сильно ея поддерживающій, — такъ же, какъ архіепископъ толедскій и маркизъ де-Лос-Велезь. Онъ такъ же талантливъ, что долже имѣть главнѣйшимъ министромъ короля. Онъ худъ, слабъ здоровьемъ, ведетъ безпорядочную жизнь, принимаетъ свои удовольствія и пріятны. Онъ старается, чтобъ ему оказывали вниманіе и дѣлали подарки.

Наконецъ, о донъ-Хуанѣ онъ говоритъ, что онъ придерживается партіи архіепископа толедскаго и Антоніо Переза.

Перезу было въ это время 36 лѣтъ. Борьба его съ Филиппомъ, о которой мы упомянули выше, продолжалась двѣнадцать лѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ ерду Перезъ отрицалъ участіе въ убійствѣ Эсковедо. Но король не отказывался отъ желанія отпустить онъ велѣлъ духовнику его о-значеніемъ посовѣтовать ему во всемъ признаться, намекая на то, что убійство, совершенное по повелѣнію короля, не можетъ не быть оправдано. Въ-продолженіи цѣлаго года старался вырваться у несчастнаго плѣнника это признаніе, но онъ упорствовалъ, не смотря на слабость здоровья, разстроеннаго до-говременнымъ заточеніемъ.

Черезъ, говоритъ Миньё, стоило бы томъ, что ничего не скажетъ, потому что ничего не знаетъ. Хотѣли, чтобъ онъ признался, и не могли заставить

признаться добровольно. По-этому влились вырвать признаніе силою. Два еге, Родриго Васкезъ и Хуанъ Гомезъ, приказали, 21-го февраля 1590 а, алмазиламъ, приставленнымъ къ нему, посадить его на цѣпь и на-е ему на ноги кандалы. Перезъ тительно, но безуспѣшно, просилъ оца, чтобъ тотъ приказалъ снять съ о цѣпи, невыносимыя для него по чинѣ слабости его здоровья. 22-го рала Родриго Васкезъ и Хуанъ езъ отправились къ нему въ тюрь-и потребовали отъ него еще разъ, бь онъ отвѣчалъ согласно послѣду повелѣнію короля. Перезъ снова авался. Тогда судьи погрозили ему кою; но Перезъ не испугался. кезъ тотчасъ же вышелъ въ сосѣд-ю комнату и оставилъ несчастнаго еза съ докторомъ Хуаномъ Гоме-ь, секретаремъ Антонио Марке-ь, в палачомъ Діего-Рюизомъ. Це-ь былъ подвергнуть ужасной пыт-возмутительныя подробности ко-ий Миньё извлекъ изъ самихъ дѣ-льхъ бумагъ.

ь ту же минуту судьи объявили что такъ-какъ подозрѣніе остане-ь прежней своей силѣ, то они при-вають подвергнуть его пыткѣ, ь bastarъ сознаться въ томъ, ь требуетъ король; если же онъ по-еть во время пытки жизнь или ребленіе какого-нибудь члена, то ь будетъ виноватъ и самъ будетъ чать за это. Перезъ еще разъ по-илъ прежнія слова свои и протесто-противъ пытки, основываясь на родномъ происхожденіи своемъ и зможности выдержать испытаніе, ь здоровье его разстроено оди-атилѣтнимъ заточеніемъ. Тогда ь велѣли снять съ него цѣпь и ьмы, приказали ему присагнуть и ьить то, чего отъ него требовали. отказался, и палачъ Діего-Рюизъ ь съ него платье; на немъ оста-голько полотняные панталоны. За ь палачъ удалился, и Перезу снова ьли, чтобъ онъ исполнилъ пове-ь короля, подъ опасеніемъ пытки

сережкою. Перезъ повторилъ, что будетъ говорить то, что уже сказалъ. Тогда немедленно принесли весь приборъ для пытки; палачъ Діего-Рюизъ сложилъ руки Антонио Переза на крестъ, и началъ съ того, что въ первый разъ повернулъ веревку. Перезъ закричалъ: «*Jésus!* Минь нечего говорить! Минь остается только умереть на пыткѣ! Я не скажу ничего и умру!» Эти слова повторялъ онъ нѣсколько разъ. Веревку свернули уже въ четвертый разъ, и судьи снова потребовали, чтобъ онъ сказалъ то, чего отъ него хотѣли. Перезъ отвѣчалъ, среди жестокаго вопля, что ему нечего говорить, что ему сломали руку. «*Боже*» говорилъ онъ: «*я лишился руки! Медикамъ это извѣстно!*» Онъ прибавилъ со сто-номъ: «*О, Господи! Они сломали мнѣ руку, кланусь Богомъ! Хуанъ Гомезъ! Вы христіанинъ, вы братъ мой; Боже! Вы убиваете меня; а мнѣ нечего объявить!*» Судьи снова сказали ему, чтобъ онъ сдѣлалъ требуемое признаніе; онъ же отвѣчалъ только: «*Братъ мой, вы меня убиваете! Хуанъ Гомезъ! Заклинаю васъ равами Спасителя, пусть убьютъ меня разомъ! Они изувѣчаютъ меня... Я скажу все, что хотите! Ради Господа, братъ мой, сжальтесь надо мною!*» Въ ту же мину-ту онъ потребовалъ, чтобъ его освободили и дали ему платье,—что онъ скажетъ все. Онъ объявилъ это только послѣ восьмага оборота веревки; ко-гда же началъ рассказывать ниже-слѣдующее, палачъ получилъ при-казаніе выйти изъ комнаты пытки, и Перезъ остался только съ Хуаномъ Гомезомъ и секретаремъ Антонио Маркезомъ.

Перезъ, жестоко мучимый судьями и побѣжденный болью, призналъ себя виновникомъ смерти Эсковеда, оправдывая такой поступокъ государ-ственными причинами. Онъ вошелъ насчетъ этого въ большія подробности. Ему приказали,—сказано дальше въ судебномъ изложеніи дѣла,—чтобъ онъ указалъ все, что представлялъ королю какъ достаточныя причины къ



убиенію Эсковедо. Онъ отвѣчалъ, что всѣ бумаги у него отняты въ нѣсколь-ко разъ, въ-продолженіи его заключе-нія, что въ числѣ ихъ были многія до-казательства того, что онъ говорилъ королю; что нашлось бы и много сви-дѣтелей, достойныхъ вѣры, которые подтвердили бы его показанія, но что, такъ-какъ Эсковедо умеръ уже двѣна-цать лѣтъ назадъ, этихъ свидѣтелей нѣтъ теперь въ живыхъ; что, впро-чемъ, это такое дѣло, въ которомъ под-данный ссылается на самого государя.

На другой день послѣ этой ужасной сцены, Діего Мартинезъ, этотъ пре-данный и до-сихъ-поръ молчаливый майор-домъ Переза, узнавъ, что го-сподинъ его признался во всемъ, счелъ себя уже необязаннымъ мол-чать. Подробное объявленіе его под-твердило рассказъ одного изъ убійцъ о смерти Эсковедо. Перезъ палъ такъ глубоко, что къ нему не могли уже пи-тать зависти: зависть уступила мѣсто сожалѣнію. Дворъ изумился и ужас-нулся, когда подвергли пылкѣ чело-вѣка такого званія, министра, любимца и покорнаго исполнителя воли короля. Никто уже не почиталъ себя недо-ступнымъ для жестокихъ поступковъ насильственнаго судопроизводства.

Что касается до Переза, онъ, остав-ленный судьбами и палачомъ, изувѣчен-ный, истерзанный, впалъ въ горячку и безпокойство духа, жгучее еще бо-лѣе лихорадки. Онъ ясно предвидѣлъ свою участь: смерть послѣ пытки. Онъ зналъ, что Васкезъ сказалъ королю, буд-то Перезъ, лишенный бумагъ, не мо-жетъ оправдаться, и что его поведеніе и отзывы останутся запечатлѣны ду-кавствомъ. Васкезъ выслушивалъ во-выхъ свидѣтелей и велъ всѣ разыска-нія къ доказательству, что убійство Эсковедо было слѣдствіемъ преступ-ной связи Переза съ принцессою Эбо-ли, и что Перезъ виновецъ и въ смерти астролога Педро де-ла-Эры и италмейстера Родриго Моргадо. Въ та-комъ отчаянномъ положеніи, Перезъ больше нежели когда-нибудь думалъ бѣгствомъ спастись отъ ожидающей

его безчестной казни. Но какъ ис-полнить это намѣреніе? Онъ былъ ли-шенъ употребленія обѣихъ рукъ, бо-лѣзнь, одиночество, зорко охраняетъ. 27-го февраля онъ просилъ, чтобы къ нему допустили его всегдашнихъ служителей для ухаживанія за боль-нымъ. Докторъ Торресъ, посѣтив-шій его въ качествѣ медика, объя-вилъ, что нашелъ его въ опасности, если не подать ему помощи. 2-го мар-та позволили женѣ его, Хуанѣ Воль-ло, которая, не смотря на свою бере-менность, дѣятельно заботилась о ну-жѣ, выбрать пажу, который холитъ бы за нимъ въ тюрьмѣ.—впрочемъ съ условіемъ не выходить оттуда и не го-ворить ни съ кѣмъ. Болѣзнь увеличи-валась, и около половины марта Хуанъ Коалдо просила позволенія ходить за Перезомъ съ дѣтьми, чтобы онъ пе-крайней-мѣрѣ не умеръ безъ помощи. Сначала ей отказали, но она не уста-вала просить, и въ началѣ апрѣля ей позволили наконецъ прійти къ нему. Тогда-то Перезъ ловко обдумалъ сред-ства къ побѣгу. Ему, по-вѣданію, слѣ-далось еще хуже. Ввечеру, въ стра-стную среду, 20-го апрѣля, часовъ въ девять, налѣвъ платье и мантилью же-ны, онъ миновалъ стражу и вышелъ изъ тюрьмы. Здѣсь ждалъ его одинъ изъ друзей, а дальше праворыцъ Жиль де-Меца съ лошадьми, готовыми умчать ихъ въ Аррагонію. Едва слѣ-дали они нѣсколько шаговъ въ улицѣ и не успѣли еще дойти до Мецы, какъ встрѣтились съ дозоромъ. Не те-ряя присутствія духа, другъ Переза остановился и поговорилъ со встрѣ-тившимися, между-тѣмъ какъ Перезъ молча и почтительно стоялъ за нимъ, какъ слуга. Опасность благополучно миновалась, и Перезъ скоро дошелъ до Мецы, сѣлъ съ нимъ на коней, и въ сопровожденіи Гевузца Хуана Фран-циско Майорина, проскакалъ не оста-навливаясь тридцать испанскихъ ле- и достигъ наконецъ Аррагоніи, гдѣ ожидала его помощь безпристраст-наго правосудія.

Какъ-только Перезъ прибылъ въ Ар

рагонію, все змінилось. Таинственный пропесъ двухъ участниковъ въ одномъ преступленіи, изъ которыхъ одинъ давилъ другаго посредствомъ самого суда, покорнаго его власти и внушеніямъ его ненависти, — кончилась. Передъ свободнымъ и сильнымъ судилищемъ Аррагоніи король и подданный были равны. Передъ искупилъ свое участіе въ преступленіи въ Кастиліи потерю королевской милости, богатства, продолжительнымъ заключеніемъ, страданіями пытки. Теперь настала очередь Филиппу искупить въ Аррагоніи и свою вину разоблаченіемъ его участія въ убійствѣ, его вѣроломства, и оправданіемъ протавника.

Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest, président d'une notice, et M. de Barante. (Письма и инструкции Лудовика XVIII графу де-При: де-Баранта.)

Франсуа Эмануэль де-Гиньяръ, рафъ де-Сен-При, родился въ Греноблѣ 12 марта 1753 года, и умеръ 26 января 1821.

Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ избрался писать мемуары; но не кончилъ ихъ и даже не привелъ въ порядокъ того, что было уже написано. Изъ этихъ-то рукописей Барантъ извлекъ свой историческій очеркъ (poëme), исполненный занимательнѣйшихъ подробностей о событіяхъ и людяхъ первой половины прошедшаго столѣтія и двадцати первыхъ лѣтъ XIX вѣ-

Исторія долгой жизни графа Сен-При (говорить его биографъ) обнимаетъ собою пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ монархіи, революцію, время эмиграціи и жизни внѣ отечества, касаясь начала реставраціи. Графъ съ юней юности стоялъ на такомъ мѣстѣ, что вблизи могъ наблюдать бурю и всю сѣверу великихъ дѣлъ. Скорѣй потому онъ занялъ значительное мѣсто въ дипломатическомъ мірѣ. Былъ въ самую эпоху революціи. Былъ министромъ Лудовика XVI наконецъ, онъ пользовался довѣрен-

ностью Лудовика XVIII: изгнанный государь давалъ ему порученія къ различнымъ дворамъ Европы. Разсказъ о жизни человека, столь достойнаго уваженія, умнаго, всегда умѣреннаго и благоразумнаго въ своихъ поступкахъ, заключаетъ въ себѣ истинный историческій интересъ. Онъ не имѣлъ вліянія на событія, но за то тщательно наблюдалъ ихъ. Иногда онъ даже предвидѣлъ ихъ и умѣлъ опцнать обстоятельства, когда не появлялся еще плодъ ихъ.

Сен-При предсказалъ Лудовику XVI, 5 октября, судьбу его. «Если завтра отвезутъ васъ въ Парижъ», сказалъ онъ ему: «корона ваша погибла. Удалитесь въ Рамбуль». — Вы подаете совѣтъ, который можетъ стоить вамъ головы: возразилъ Неккеръ. — Что жъ дѣлать? отвѣчалъ Сен-При. И предсказаніе Неккера, вѣроятно, исполнилось бы, какъ исполнилось предсказаніе Сен-При, еслибъ графъ не эмигрировалъ. Онъ возвратился во Францію только во время реставраціи.

Въ 1789 году, Сен-При былъ членомъ королевскаго совѣта. Послѣ взятія Бастиліи, онъ слѣдовалъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Во время своего изгнанія, продолжавшагося болѣе двадцати лѣтъ, Сен-При получалъ отъ Лудовика XVIII письма и инструкции, изданныя его семействомъ. Онъ былъ то министромъ, то посланникомъ брата и наследника своего бывшаго государя. Эти письма и инструкции имѣли бы мало интереса безъ комментаріевъ Баранта. Имъ обязаны они своимъ историческимъ значеніемъ.

Читая ихъ, говоритъ Барантъ: «постигаешь всю скорбь и всѣ неприятности (tous les affronts) изгнанія, зыбкость надеждъ и ослабленіе, въ которомъ всегда теряется побѣжденная, изгнанная партія. Видна печать рока, тяготѣвшаго надъ государями, отчуждившиися отъ идеи своего времени и отечества, пропитанными своими предразсудками и привычками, осужденными постоянно прибѣ-

гать къ ложнымъ мѣрамъ, внушеннымъ ложными взглядами, и не влечь ни пользы, ни даже величiя изъ своего благородства въ несчастiи, изъ мужества среди страданiй, изъ преклонности своихъ убѣжденiй.

Всего поразительнѣе въ этой перепискѣ нѣкоторыя ноты, въ которыхъ высказывается твердая рѣшимость Людовика XVIII сохранить цѣлость французскихъ владѣнiй, въ то время, когда онъ не имѣлъ никакой дѣйствительной власти и когда одного имени Наполеона было достаточно, чтобъ уничтожить всѣ опасенiя на-счетъ вторженiя Австрийцевъ и раздробленiя французскихъ земель.

Въ прибавленiи, въ концѣ переписки, находятся: письмо Вольтера къ графу Сен-При, мемуаръ графа о Турцин, отрывки изъ замѣчанiй графа Лалли-Толландаля на письмо графа Мирабо противъ Сен-При — и многiя письма Екатерины II, Людовика XVIII, графа Артуа, герцога Ангулемскаго, принца де-Конде, кардинала Мори и Марин-Жозефины-Луизы савойской, жены Людовика XVIII.

*HISTOIRE DE LA MARINE FRANÇAISE, par Eugène Sue.* (Исторiя французскаго флота, Эжена Сю.)

Исторiя Французскаго Флота начинается и оканчивается царствованiемъ Людовика XIV. Это всего лѣтъ пятьдесятъ, — и потому ее нельзя назвать полною. Но достоинство этого отрывка изъ исторiи выкупаетъ его неполноту. Исторiя рассказана въ формѣ романа, — единственной формѣ, какую только можетъ принять она, если не хочетъ оставаться просто лѣтописью. Доказательства: Тацитъ, Светонiй, Вальтеръ Скоттъ. Многiе, вижу, улыбнутся этому сближенiю имени и кажущейся парадоксальности мысли. Но *лѣтописи* Тацита — романъ, такъ же какъ романы Вальтера Скотта — исторiя. Сама исторiя — романъ дѣйствительный, и только въ формѣ романа можно изобразить людей, двигателей событiй, людьми — а не государями, министрами, и т. д. На судьбу народовъ имѣетъ влiяние

личность правителя, а не его званiе. Иначе всѣ были бы одинаковы...

За явными причинами событiй кроются еще тайныя. Второстепенная причина сама есть слѣдствiе, и изъ нея нельзя изъяснить ничего. Надо проникнуть въ самую глубину.

Конечно, успѣхъ такого сочиненiя зависитъ равно отъ средствъ и отъ прозорливости автора. Онъ долженъ быть одаренъ тою же способностью схватывать нравственный смыслъ чело-вѣка, какъ портретистъ схватываетъ общность выраженiя лица: Такой талантъ производить на насъ то же впечатлѣнiе, какъ и превосходный портретъ: отъ роду не выдавъ подлинника, мы вѣримъ въ его сходство, — онъ только что не говоритъ намъ: «да! это я!». Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, историкъ и живописецъ не просто копируютъ: они и создаютъ.

Сю говорятъ: «Трудъ мой похожъ на труды флорентинскихъ артистовъ, копировавшихъ въ мозаикахъ дивныя произведенiя итальянской школы; изъ маленькихъ камешковъ всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ переливовъ, они ставили что-то, издали довольно-наивно производившее общiй эффектъ картины.»

Не скромность ли предвѣтствовала эти строки? Сцены, изображенныя авторомъ, кажется, ближе къ дѣйствительности, нежели мозаикъ къ живописи.

*HISTOIRE DE BERNADOTTE, par M. Sarrans.* (Исторiя Бернадотта, сержанта Саррана.)

Авторъ этой занимательной исторiи самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ императорской драмѣ. Солдатъ и мыслитель, онъ жилъ на бивуакахъ, прежде нежели перешелъ къ жнани кабинетной. Известно, что онъ уже давно пишетъ «Исторiю Имперiи», и судя по изданной имъ теперь «Исторiи Бернадотта», можно ожидать отъ будущаго труда его много оригинальнаго и новаго, потому-что онъ смотритъ на событiя великой эпохи съ своей особенной точки.

Въ исторіи г. Саррана множество замѣчательныхъ подробностей о дворянствѣ Сѣверной-Европы. Книга его написана строгимъ, но вѣстѣ съ тѣмъ и дѣйственнымъ слогомъ. Въ ней есть тиль.

Въ г. Сарранѣ, какъ авторѣ, мы находимъ большое достоинство: онъ любуется свою эпоху и сроднился съ нею; на развѣвается передъ нимъ во всемъ всемъ величій; но онъ не подчиняется ей, а владѣеть ею. Въ событіяхъ она онъ видитъ невидимаго могущественнаго двигателя — идею.

*HISTOIRE COMPLÈTE DES ÉTATS GÉNÉRAUX ET DES ASSEMBLÉES REPRÉSENTATIVES DE FRANCE DEPUIS 302 JUSQU'EN 1626. Par M. A. Boullée.* Долгая исторія генеральныхъ штатовъ и представительныхъ собраній во Франціи, съ 302 по 1626 годъ. Соч. А. Булле).

Это сочиненіе написано въ слѣдствіе задачи Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, объявленной въ 1740 году. Задача состояла въ слѣдующемъ:

• Начертать краткую исторію генеральныхъ штатовъ во Франціи съ 302 по 1614 годъ. Показать побудительныя причины ихъ созванія, ихъ организаціи, способъ ихъ прерій, объёмъ ихъ власти. — Опредѣлить различіе въ этомъ отношеніи этихъ собраній отъ англійскихъ парламентовъ, и объяснить причины, которыя помѣшали имъ слѣжаться, подобно парламентамъ, правильнымъ учрежденіемъ въ старой монархіи.

Вотъ въ чемъ состояла задача академіи. Предметъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ былъ подстрекнуть много. Но самая обширность задачи, сдѣлавшей изученіи исторіи двухъ ударствъ, была причиною, что первые опыты разрѣшить ее не удалось. Только въ 1842 году, — тогда были представлены только сочиненія, побудившія академію рочить рѣшеніе еще на два года. Этотъ разъ, результаты были удовлетворительныя. Академія назначила

премію г. Ратери и съ похвалою отозвалась о трудѣ г. Булле. Не худо замѣтить, что въ промежуткѣ времени между двумя конкурсами, вышла въ свѣтъ «Исторія Генеральныхъ Штатовъ» Тибодо, послужившая богатымъ матеріаломъ для конкурентовъ.

Изданная теперь г. Булле исторія нѣсколько замѣнена противъ сочиненія, представленнаго имъ въ академію. Всего болѣе нашли недостаточнымъ въ его трудѣ сравненіе англійскихъ парламентовъ съ генеральными штатами Франціи. Булле, при теперешнемъ изданіи, выкинулъ эту часть. Конечно, лучше было бы постараться исправить ее, — но читатели должны быть признательными въ автору за то, что онъ вознаградила это сокращеніе многими достойными вниманія приложеніями.

Во-первыхъ, онъ прибавилъ *введеніе*, котораго вовсе не требовалось по программѣ академіи. Въ немъ онъ излагаетъ различныя предположенія, появившіяся до настоящаго времени о происхожденіи генеральныхъ штатовъ, и указываетъ на сохранившіеся въ нихъ слѣды меровингскихъ собраній.

Во-вторыхъ, *прибавленіе*, служащее продолженіемъ введенію, заключаетъ въ себѣ нѣсколько опредѣленныхъ свѣдѣній о началѣ образованія и правахъ древняго французскаго перства. Точное знаніе условій существованія этого чина должно, по мнѣнію автора, пролить много свѣта на исторію генеральныхъ штатовъ.

Что касается до разсказа г. Булле, онъ одушевленъ и ловокъ. Одно, въ чемъ можетъ быть, позволительно упрекнуть автора, — недостатокъ соразмѣрности въ излагаемыхъ имъ частяхъ.

За исторію слѣдуетъ большая глава о составѣ генеральныхъ штатовъ, о способѣ избранія ихъ членовъ, переимованіи и внутреннемъ порядкѣ заведеній, о формѣ прерій. Наконецъ, онъ опредѣляетъ ихъ власть и значеніе въ древней монархіи.

Сверхъ всего этого, приложены еще биографическія замѣтки, въ которыхъ кратко изложена жизнь главнѣйшихъ лицъ разсказа.

HISTOIRE DE LA FRAISSE. Par M. le comte de Sainte-Aulaire (Исторія Фрайсы. Соч. графа де Сент-Олера).

Франція принадлежитъ пальма первенства по части новѣйшихъ историческихъ сочиненій. Народъ, живущій столь-полною политическою жизнью, не могъ не произвести людей, способныхъ не только понимать, но и сочувствовать всякому социальному положенію. Въ этой настроенности скрывается тайна художническаго таланта историка. Если артистическая восприимчивость духа по счастливому стеченію обстоятельствъ сталкивается съ дѣйствительными коллизіями въ жизни, — художникъ можетъ вполне исполнить свое назначеніе, и чѣмъ шире рамка его собственной жизни, тѣмъ больше пища для его таланта. Люди — двигатели событій; а людей узнають не изъ книгъ, но изъ жизни.

Личность завладѣла нынче исторіей. Златыя времена повѣствованій, въ которыхъ голые факты были связаны пустозвонными фразами, въ которыхъ Иванъ отъ Петра отличался только тѣмъ, что одинъ одержалъ блистательную побѣду, а другой обратился въ постыдное бѣгство, — эти времена миновались — и безвозвратно. Между этими двумя эпохами было переходное время, когда старались обрисовывать характеръ событій и цѣлыхъ массъ, не касаясь еще отдѣльных личностей, или по-крайней-мѣрѣ изображая ихъ только какъ олицетворенія идей своего времени, какъ выраженіе духа партій, отдѣла изъ массы народа. Но всякая личность гораздо-больше сама по себѣ личность, нежели отраженіе чужихъ личностей, — и лица историковъ этой переходной школы были въ сущности все-таки безличны.

Но шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Вдругъ историческая литература наводнилась сотнями мемуаровъ изъ разныхъ временъ. Это много содѣйство-

вало исправленію взгляда на обработку исторіи. Выбѣтъ съ тѣмъ, на западѣ спала отчасти завѣса съ тайны современныхъ событій; двери кабинетовъ растворились, — народъ началъ жить всенародно.

Настала новая эпоха исторіи. Сначала, историкъ былъ просто риторъ. Потомъ отъ него требовалось, чтобы онъ былъ такъ-называемый философъ, то-есть, чтобы онъ рассуждалъ о каузальности событій и выводилъ ихъ одно изъ другаго.

Теперь онъ долженъ быть художникъ, потому-что исторія — искусство, а не просто знаніе, и теоріи не ведутъ тутъ ни къ чему.

Вотъ куда стремится теперь исторія; жизнь сблизается съ жизнью древняго форума, разсказъ жизни сблизается съ Тацитомъ и Светоніемъ. Странно, подумаетъ, за что же благоговѣли передъ ними наши предки? Не-уже-ли за то только, что они жили за Богъ-знаетъ сколько столѣтій прежде нихъ? Нечистосердечно, кажется, было это благоговѣніе!

Но обратимся къ книгѣ г. Сент-Олера. Въ способѣ его изложенія соединяются манера г. Тьерри и Мишль. Онъ часто приводитъ собственные слова источниковъ и документовъ, которыми пользовался, — и отъ этого разсказъ выходитъ чрезвычайно-рельефенъ. Личности Лудовика XIII, Лудовика XIV, кардиналовъ Ришельё и Мазарини, Анны-Австрійской и другихъ, выступаютъ въ асныхъ очеркахъ. Избранный авторомъ періодъ, на который сами Французы смотрятъ какъ на первое проявленіе народнаго духа во Франціи, съ-тѣхъ-поръ незаспававшего, — чрезвычайно-интересенъ. Событія при смерти Ришельё особенно замѣчательны. Лудовикъ XIII и кардиналъ приближались къ концу своему съ равною твердостью; Ришельё положилъ во что бы то ни стало удерживать власть до конца своей жизни, и думалъ, какъ бы захватить регенство въ свои руки, мимо королевы и герцога орлеанскаго. Губернаторы провинцій

и генералы арміи были или творенія его, или друзья. Во Франціи немного насчитывалось вельможъ, которыхъ онъ могъ бояться; парламентъ былъ покоренъ; дворянство и народъ, казалось, безропотно повиновались существующему порядку дѣлъ. Король согласился на регентство кардинала; но Анна - Австрійская была не такова, чтобъ позволить лишиться себя власти безъ сопротивленія. Она и герцогъ орлеанскій постарались образовать партію на защиту общихъ правъ своихъ.

Королева выбрала себѣ въ совѣтники человѣка, который своими дарованіями, умѣньемъ жить и возвышеннымъ образомъ своихъ мыслей приобрѣлъ всеобщее уваженіе и довѣріе. Де-Ту, съ своей стороны, съ жаромъ привлялъ ея сторону и скоро склонилъ къ тому же и герцога бульйонскаго, который могъ услужить ей болѣе нежели кто-нибудь: онъ былъ чловѣкъ съ большими способностями и братъ великаго Тюренна. Герцогъ бофортскій, узнавъ, какая бѣда грозитъ королевѣ, также далъ слово защищать ее по мѣрѣ силъ своихъ.

Покаместъ друзья и приверженцы Анны-Австрійской готовились такимъ образомъ вступить за ея права, составила другая партія противъ Ришельё, и — странно, — къ ней присталъ самъ король.

Безусловно предоставивъ дѣла своему министру, Лувизъ безпрестанно находилъ причины жаловаться на него и высказывать свою къ нему ненависть. Ришельё замѣтилъ это нерасположеніе и, презирая званіемъ королевскаго любимца, предоставилъ его другому, мелкому придворному; онъ былъ увѣренъ, что неопытность и бездарность этого чловѣка не оскорбятъ этимъ званіемъ. Этотъ чловѣкъ былъ молодой Сен-Маръ; наскучивъ однообразіемъ своей жизни, онъ какъ-то высказалъ свои чувства такъ ясно, что король упрекнулъ его въ неблагодарности. Ему было позволено выѣзжать изъ Сен-Жермена только къ

кардиналу; но послѣ выговора короля онъ поскакалъ поздно вечеромъ въ жилище знаменитой Маріонъ де-Турмъ. Рано по-утру онъ возвратился въ Сен-Жермень, чтобъ присутствовать при туалетѣ Лувиза, но, уставъ съ дороги, уснулъ; такая небрежность до того разсердила короля, что онъ письменно пожаловался кардиналу на поведеніе его protégé, и кардиналъ началъ обходиться съ нимъ очень сухо и жестко. Сен-Маръ измѣнился; онъ сдѣлался серьёзенъ и внимателенъ къ королю; началъ подумывать о значеніи и важныхъ должностяхъ, просилъ командованія арміею, но кардиналъ отказалъ ему; потомъ просилъ сдѣлать его герцогомъ или паромъ, но и то безъ успѣха. Эти неудачи, и другіе, еще болѣе оскорбительные случаи, задѣли его за живое; онъ поклялся въ смертельной враждѣ къ своему бывшему покровителю, и далъ себѣ слово погубить его. Онъ старался еще болѣе вкрасть въ милость къ королю, и успѣлъ въ этомъ, какъ не успѣвалъ еще ни одинъ изъ его предшественниковъ. Лувизъ, между-тѣмъ, предостерегалъ Сен-Мара, чтобъ онъ былъ осторожнѣе, говоря, что если кардиналъ потребуетъ его, какъ свою жертву, то онъ, король, не будетъ состоянъ спасти его.

Это предостереженіе сдѣлало Сен-Мара только смѣлѣе; однажды, когда король горче обыкновеннаго жаловался на свое порабощеніе, Сен-Маръ отважился замѣтить, что вѣрнѣе и короче всего освободиться отъ тирана, приказавъ убить его при входѣ въ залу совѣта, куда онъ является безъ тѣлохранителей. Король былъ больше озадаченъ, нежели неприятно тронутъ этими словами. Онъ началъ оспаривать предложеніе Сен-Мара; но фаворитъ продолжалъ настаивать, надѣясь вырвать у него формальное согласіе на заговоръ. Де-Ту, пріятель Сен-Мара; съ ужасомъ отвергъ мысль объ убійствѣ, сообщивъ ему Сен-Маромъ, но одобрилъ усилія его погубить кардинала въ милости короля и подалъ

ему даже совѣты, какъ лучше достигъ этой цѣли. Пользуясь довѣренностью королевы, герцога орлеанскаго и бульйонскаго, и Сен-Мара, де-Ту сдѣлался центромъ интриги, связью, соединявшею различныя партіи. Между-тѣмъ, онъ ни за что не соглашался вступить въ сношенія съ иностранными державами; союзники его, вида его непоколебимость въ этомъ отношеніи, скрытно отъ него искали помощи при испанскомъ дворѣ. Они отправили туда Фонтрала, который легко открылъ доступъ къ герцогу Оливаресу, правившему Испанію такъ же самовластно, какъ Ришельё правилъ Францію. Заключенъ былъ договоръ, по которому его католическое величество обязывался дать герцогу орлеанскому людей и деньги для предполагаемой цѣли. Въ то же время, по первому пункту договора, не должно было предпринимать ничего противъ короля, королевы или въ ущербъ ихъ владѣній.

Фонтрала, зашивъ этотъ актъ въ свое платье, возвратился во Францію и прибылъ ко двору въ Нарбонну. Много перемѣнъ произошло во время его отсутствія. Ришельё былъ въ опалѣ, а Сен-Маръ болѣе нежели когда-нибудь былъ въ милости у короля. Сверхъ того, здоровье кардинала разстроилось, и думали даже, что близокъ конецъ его. Король такъ мало оказывалъ къ нему вниманія, что не послалъ даже передъ отъѣздомъ освѣдомиться объ его здоровьѣ и отправился съ своимъ любимцемъ изъ Нарбонны въ лагерь близъ Перпиньяна. Кардиналъ Мазарини и другіе не пренебрегали никакимъ средствомъ, чтобъ возвратить Ришельё довѣріе короля, — и безразсудство самого Сен-Мара не мало помогло имъ. Сен-Маръ, безопасный и надменный по натурѣ, думалъ, что успѣхъ его не подлежитъ уже никакому сомнѣнію; онъ ни изъ чего не дѣлалъ тайны, и началъ хвастать тѣмъ, что долженъ бы былъ таить больше всего.

Договоръ съ Испанію сдѣлался из-

вѣстнымъ въ Парижѣ, едва-только успѣлъ подписать его въ Мадридѣ. Королева сообщила подробности его де-Ту; встревожившись, онъ поспѣшно оставилъ Парижъ и поскакалъ въ Перпиньянъ; горько упрекалъ въ этомъ Сен-Мара, заклиная его разорвать этотъ роковой союзъ, и объявилъ, что уѣдетъ въ Римъ, ибо не хочетъ быть свидѣтелемъ несчастій, которыя предвидитъ.

Ришельё, между-тѣмъ, считалъ себя погибшимъ. Опасаясь оставаться тамъ, гдѣ онъ былъ, онъ рѣшился бѣжать подальше отъ двора и арміи, и сдѣлавъ свое завѣщаніе, отправился, самъ не зная, гдѣ найдетъ пристанище. Наконецъ, въ Тарасконѣ, графъ д'Ала принялъ его подъ свой кровъ. Здѣсь получилъ онъ письма, въ которыхъ его извѣщали, что по ходатайству Мазарини и де-Шавиньи король возвращаетъ ему свою милость. Король, узнавъ о договорѣ съ Испанію, оставилъ армію, возвратился въ Нарбонну, и со слезами на глазахъ подписалъ приказаніе арестовать Сен-Мара, де-Ту и герцога бульйонскаго. Гастонъ, герцогъ орлеанскій, услышавъ, что заговоръ открытъ, и приняты уже мѣры къ взятію его подъ стражу, признался въ своей винѣ, просилъ прощенія и обѣщалъ разсказать всѣ подробности дѣла. Онъ подалъ два объясненія, въ которыхъ пошадилъ только тайны одной Анны-Австрійской. Кардиналъ съ восторгомъ прочелъ эти бумаги: онъ свидѣтельствовалъ о преступности Сен-Мара, и самъ Лудовикъ засвидѣтельствовалъ, что Сен-Маръ имѣлъ преступное намѣреніе убить своего благодѣтеля. Что Сен-Маръ будетъ осужденъ — не подлежало сомнѣнію; но на-счетъ де-Ту дѣло было не такъ ясно. Ришельё, однакожъ, настаивалъ на осужденіи его, основываясь на указѣ Лудовика XI. Обвиненный былъ позванъ къ судилищу въ Лионѣ. Герцогъ бульйонской получилъ условное прощеніе, по ходатайству своего дяди, принца оранскаго и виконта Тюревна. Де-Ту, признавшійся, что

зналъ о договорѣ съ Испанією, но не одобрялъ его, былъ осужденъ на основаніи упомянутого указа. Онъ и Сен-Маръ были казнены.

Немедленно послѣ казни, Ришльё отправился въ Парижъ, куда и прибылъ съ очень-разстроеннымъ здоровьемъ. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ уничижать королеву, даже самого короля и нарочно высказывалъ случаи, чтобъ выказывать свое непочтене къ королевѣ. Лудовикъ, слабѣвшій съ каждымъ днемъ, не имѣлъ силы ни въ чемъ отказать своему министру; онъ приказалъ даже написать манифестъ, въ которомъ объявлялъ герцога орлеанскаго неспособнымъ, въ случаѣ несовершеннолѣтія наследника, каковымъ быто нибыло образомъ участвовать въ управленіи государствомъ, и назначалъ регентомъ Ришльё. Аннѣ-Австрійской грозило подобное же униженіе.

Разсказъ о смерти кардинала передаемъ собственными словами автора:

«Давно уже изнуренное страданіями тѣло этого необыкновеннаго чловѣка поддерживала только сила духа. Но смерть беретъ наконецъ свое; она застѣгла, но не взяла Ришльё среди его честолюбивыхъ замысловъ. Когда ему объявили, что ему остается жить не болѣе двадцати-четырехъ часовъ, онъ велѣлъ попросить къ себѣ короля и распорядился на-счетъ будущаго управления государствомъ, какъ-будто своими семейными дѣлами. Онъ назначилъ наследникомъ своимъ кардинала Мазарини, рвеніе и способности котораго ему извѣстны, и который, по его мнѣнію, больше нежели кто-нибудь способенъ занять мѣсто, которое онъ скоро покинетъ. Король общалъ во всемъ поспушить согласно послѣднимъ желаніямъ министра, и сдѣлалъ кардинала Мазарини главою совѣта.

«Ришльё какъ слѣдуетъ исполнилъ свои религіозныя обязанности, объявилъ, что у него не было другихъ враговъ, кромѣ враговъ Франціи, и твердымъ голосомъ, съ спокойнымъ выраженіемъ лица поручилъ себя мо-

«литвамъ епископовъ, назидавшихся зрѣлищемъ столь спокойной кончины. «Одинъ изъ нихъ, видѣвшій дѣла, можетъ-быть, яснѣе, — чувствовалъ со-всѣмъ другое.—Право, сказалъ онъ: такая увѣренность ужасаетъ меня (Profecto nimium me terret magna illa securitas).»

Вѣсть о смерти кардинала обрадовала всѣхъ. Самъ король былъ веселѣе обыкновеннаго. Всѣ ждали перемены въ системѣ правленія; изгнанники приблизились къ границамъ Франціи, и заключенные въ темницахъ ждали скорого освобожденія; но всѣмъ этимъ надеждамъ суждено было не сбыться. Король, избавившись отъ министра, не хотѣлъ однакожъ разстаться съ его политикою: онъ освободился отъ деспотизма, но не хотѣлъ, чтобъ освободились отъ него и поданные.

Наслѣдникомъ Ришльё, призванныхъ пожать плоды его власти и народной къ нему ненависти, поддерживалъ при дворѣ только домъ Кондэ, по брачнымъ связямъ защищавшій фамилію и память кардинала. Напротивъ того, домъ Вандома, долго терпѣвшій преслѣдованіе, былъ одушевленъ мщеніемъ и желаніемъ вознаграждать себя за прошедшее. Къ нему присоединилось много принцевъ и вельможъ, движимыхъ одинаковыми съ нимъ интересами. Такнмъ-образомъ, дворъ раздѣлился на двѣ партіи: партію Кондэ и партію недовольныхъ, главою которыхъ были герцогъ Вандомъ и его сыновья. Эта партія становилась все многочисленнѣе и сильнѣе. Многие принцы и дворяне, изгнанные или осужденные, публично явились опять въ Парижѣ. Всѣ они были приверженцами королевы, которая, избавившись отъ главнѣйшаго врага своего и вида болѣзненность короля, открыто приняла мѣры къ обезпеченію своихъ правъ на регентство. Она преимущественно поручила дѣло свое герцогу Бофортскому, второму сыну Вандома. Партія, которой онъ былъ главою, стремилась возстановить древнія постановленія королевства. Цѣлью ихъ поли-



тики было снова захватить въ свои руки должности и мѣста, которыхъ лишили ихъ Ришельё, и возобновить свое вліяніе. Успѣхъ ихъ повлекъ бы за собою уничтоженіе новаго образа правленія и возстановленіе феодальной независимости.

Отвращеніе Лудовика XIII къ членамъ своей фамиліи было неизгладимо. Брата своего, герцога орлеанскаго, ненавидѣлъ онъ больше жены. Кардиналъ Мазарини уговорилъ его, однакожь, передъ смертью дать королевѣ титулъ регентши, а герцога орлеанскаго сдѣлать намѣстникомъ (lieutenant-général) королевства, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ истинная власть осталась въ рукахъ министровъ, образовавшихся въ школахъ Ришельё и напитанныхъ его правилами. Въ слѣдствіе этого, составленъ былъ манифестъ, въ которомъ членами совѣта регентства назначены были: королева, герцогъ орлеанскій, принцъ Кондэ, кардиналъ Мазарини, канцлеръ Сегье, и г-да де-Бутильё и де-Шавиньи. Король объявилъ, что это его неизмѣнная воля, и заставилъ королеву и герцога подписать актъ. Королева не преминула протестовать тайно противъ этой вынужденной подписи; движеніе въ ея пользу было всеобщее, и министры отказались наконецъ отъ всѣхъ правъ, предоставленныхъ имъ манифестомъ. Мазарини готовился уѣхать въ Италію.

Лудовикъ умеръ 14-го мая 1643 года. Тотчасъ послѣ его смерти, герцогъ бофортскій ввелъ королеву-регентшу и молодого короля въ Парижъ. Въѣздъ ихъ походилъ на триумфъ; принцы и вельможи, такъ долго унижаемые кардиналомъ, возстали теперь изъ своего ничтожества и съ гордою радостью смотрѣли на женщину и дитя—своихъ защитниковъ. Черезъ три дня былъ обнародованъ новый манифестъ, которымъ уничтожался первый; полная власть была предоставлена Аннѣ-Австрійской, какъ регентшѣ. Парламентъ единодушно призналъ этотъ манифестъ; члены его были рады, что новое царствованіе начинается обращеніемъ

ихъ политическому значенію. Чиновники, изгнанные и лишеныя власти указомъ 1641 года, торжественно заняли мѣста свои, и съ жаромъ начали поддерживать образъ мыслей, за который пострадали.

Но королева ненавидѣла преждее правительство не за его тиранническія начала; доказательство этому въ томъ, что достигши всего, чего желала, она немедленно предложила Мазарини мѣста, которое назначилъ ему въ своемъ манифестѣ покойный король. Пожавшись немного, онъ принялъ званіе предсѣдателя совѣта, и явился къ королевѣ съ прочими министрами, взявшими на себя, вмѣстѣ съ нимъ, управленіе дѣлами. Эта вѣсть какъ громомъ поразила противную партію.

Дѣйствительно гордиться Севъ-Олеръ ничто не могло быть неожиданнѣе: королева, до сихъ поръ столь гордая, столь непримиримая во враждѣ и столь постоянная въ дружбѣ, избираетъ образъ правленія, противъ котораго была въ самой ушорной оппозиціи; даритъ свое довѣріе людямъ, глубоко ее оскорблявшимъ, и отрывается отъ друзей, неоставившихъ ея въ несчастіи, связанныхъ съ нею узами общихъ бѣдствій, только что оказавшихъ ей столь важныя услуги.

Не станемъ здѣсь входить въ подробныя причины такого поступка; ихъ можно, если угодно, изъяснить изъ интересовъ и обязанностей ея новаго положенія. Покровительствуя наслѣдникамъ Ришельё, она нисколько не хотѣла возобновить преслѣдованія. Она старалась даже примирить своихъ новыхъ министровъ съ старыми приверженцами; но эти мирныя напѣванія съ каждымъ днемъ встрѣчали неодолимыя препятствія. Въ такомъ неловкомъ положеніи, Анна совершенно предалась Мазарини; изворотливый умъ его помогалъ ей избѣгать рѣшительныхъ затрудненій и въ то же время удалялъ отъ нея старыхъ друзей, наскукавшихъ ей жалобами. Бофортцы, озадаченные и огорченные утратою

своего значенія, надѣялись еще на герцогиню де-Шеврёзъ, стариннаго, вѣрнаго друга королевы, ея компаньйонку и довѣренную особу. Надѣясь на ея ходатайство, многіе изъ дворянъ этой партіи преждевременно захватили свои старинныя права и вступили во владѣніе землями. Но ходатайство ея подало только поводъ къ явному, рѣшительному отказу со стороны королевы. Кроме того, герцога орлеанскаго убѣдили пристать къ министерской партіи. Обстоятельство, ничтожное само по себѣ, дало новую пищу враждѣ между партіями Кондэ и Вандома и было причиною придворной революціи. Это обстоятельство была частая ссора знаменитой герцогини де-Лонгвиль (урожденной Кондэ) съ г-жею де-Монбазонъ. Бофорты пользовались этимъ случаемъ и открыто вызвали партію Кондэ; четырнадцать принцевъ поспѣшили предложить панаги и щель свою на защиту г-жи де-Монбазонъ. Домъ Кондэ, съ своей стороны, тоже собралъ друзей своихъ. Королева взяла сторону послѣднихъ; цѣлый рядъ равныхъ дерзостей и личностей, въ которыхъ придворныя дамы играли главнѣйшія роли, довелъ дѣло до того, что г-жа де-Монбазонъ получила наконецъ приказаніе вовсе оставить дворъ, а прочіе предводители партіи, мужины и женщины, были или поажены въ тюрьму, или принуждены ѣхать.

Такъ, черезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Людовика XIII, Анна-Австрійская, достигши неограниченной власти, преслѣдовала бывшихъ друзей своихъ, товарищей ея прошлыхъ несчастій. Она довела ихъ опять до того оложенія, въ которомъ они находились при Ришельё, и прибѣгала противъ нихъ къ насильственнымъ, деспотическимъ мѣрамъ, сдѣланнымъ правленіемъ кардинала столь ненавистнымъ.

Графъ де-Сент-Омеръ не допускаетъ, прочеиъ, чтобъ королева принесла свою вѣрныхъ приверженцевъ въ жертву мщенію за г-жу де-Лонгвиль, или безпрекословно повинувась внушенію

кардинала Мазарини. Если и можно предположить, что энергія, съ которою она защищала его въ послѣдствіи, простекала не изъ однихъ политическихъ соображеній, то должно, по крайней мѣрѣ, сознаться, что, при началѣ регентства, кардиналъ не имѣлъ еще на нее столь сильнаго вліянія. • Если • продолжаетъ авторъ: • вмѣстѣ • того, чтобъ объяснить поведеніе Анны-Австрійской изъ дѣтскихъ привычекъ, каприза или кокетства, мы внимательно рассмотримъ ея политическіе интересы, то должны признаться, что поступокъ ея основывался на важнѣйшихъ соображеніяхъ. Герцогъ Бофортскій и его приверженцы довели дѣло до того, что примирить ихъ съ министрами было рѣшительно невозможно. Необходимость требовала, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ оставилъ дворъ, и вопросъ состоялъ не только въ томъ, кого предпечетъ: Бофорта или Мазарини, но сохранить ли, или утратить все, что кардиналъ Ришельё сдѣлалъ въ пользу королевской власти? Удержать ли авторитетъ сосредоточеннымъ въ лицѣ монарха, или снова раздѣлить его между немногими принцами, подъ покровительствомъ которыхъ французское дворянство сохранить духъ независимости, остатки феодальныхъ учрежденій, и будетъ передавать ихъ изъ рода въ родъ? Вотъ въ чемъ состояла распря между кардиналомъ Ришельё и французскою аристократіею, — въ этомъ заключался вопросъ и теперь.

• Если кардиналъ Мазарини оставается главнымъ правителемъ дѣлъ, и, слѣдя системѣ своего предшественника, будетъ поручать провинціи и важныя коронныя должности только людямъ, зависящимъ отъ него по своему положенію и характеру, королевская власть не испытаетъ никакихъ стѣсненій и будетъ приближаться къ деспотизму; если же, напротивъ, принцы вандомскій и лорренскій восторжествуютъ надъ кардиналомъ и раздѣлятъ между собою и между

«своими друзьями власть правительственную и почетныя должности, государствену начесть возвращаться къ временамъ феодализма.»

Въ первые годы регентства, безпрерывный рядъ завоеваній и побѣдъ, одержанныхъ Кондэ, Тюренномъ, Гаркуромъ и Гассиономъ въ Испаніи, Фландріи, Германіи и Италіи, льстилъ народной гордости, и всѣ находили въ этомъ чувствѣ вознагражденіе за утрату свободы. Ярость партій на время утихла. Мазарини былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ старался примирить недовольное дворянство щедростію, начальствующія лица ласкою и лестью; онъ не уставалъ повторять имъ, что «желаетъ управлять только сообразуясь съ совѣтами парламента, и что смотритъ на нихъ какъ на хранителей короля во время его малолѣтства.»

Плохое состояніе финансовъ было причиною переворота въ правительствѣ. Для пополненія недостающихъ суммъ отрыли старый указъ 1548 года, которымъ запрещалось «строить новые дома въ предмѣстіяхъ Парижа, подъ опасеніемъ разрушенія этихъ домовъ, конфискаціи матеріала и денежной пени». Хотѣли распорядиться на основаніи точнаго смысла этого указа. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ указъ былъ изданъ, прошло уже сто лѣтъ, и запрещеніе было совершенно забыто; городъ значительно увеличился, возникли новыя улицы, направление которыхъ было утверждено самимъ правительствомъ, и съ обывателей собиралась известная сумма на мостовую. Естественно, они изумились и ужаснулись, услышавъ, что старый указъ хотятъ привести въ исполненіе. Имъ угрожали разрушить ихъ дома, или взъискать съ нихъ штрафъ за каждый туазъ постройки; владѣльцы собрались въ толпу, на помощь комиссарамъ полагая солдаты, — смѣненіе и сопротавленіе были естественными слѣдствіями. Мазарини виѣшался въ это дѣло и вытребовалъ сначала отсрочку этой мѣры, а потомъ уничтоженіе десяти десятихъ суммы, требуемой съ

владѣльцевъ. Успѣхъ сопротивленія далъ смѣлость не уступить и при другомъ случаѣ.

Недочетъ въ казвѣ необходимо представлялъ прибѣгать къ необыкновеннымъ мѣрамъ для пополненія ея. Когла упомянутый указъ оставили въ покоѣ, генерал-контролеръ д'Эмери выдумалъ другое, не менѣе насильственное средство, снова возбуждшее всеобщее негодованіе, и бывшее причиною новыхъ смятеній. Въ особенноти *Chambre des enquêtes*, камера апелляціонныхъ дѣлъ, выказала при этомъ столь-рѣшительное сопротивленіе, что четыре члена ея были посажены въ темницу и изгнаны. Въстъ объ этомъ *conseil d'état* привела въ движеніе и парламентъ; члены его отравились всѣ вмѣстѣ въ Пале-Руаля и потребовали освобожденія и возвращенія этихъ четырехъ лицъ. Мазарини, неизмѣнній непоколебимой твердости Ришелье, уступилъ ихъ требованію и возвратилъ трехъ изгнанныхъ. Только президентъ Барильионъ остался въ заключеніи, потому-что королева не согласилась на его освобожденіе. Онъ умеръ вскорѣ потомъ, въ одно время съ президентомъ Галитономъ, бывшимъ тоже въ числѣ упомянутыхъ четырехъ лицъ. Это заставило подовѣрвать, что ихъ отравили: — до такой степени дошло негодованіе въ правительствѣ.

Съ этого времени, споры между парламентскою камерою (*la grande chambre*) и камерою апелляціонныхъ дѣлъ (*chambre des enquêtes*) были часты. Общій интересъ соединилъ всѣхъ членовъ парламента восдвимо, и всѣ они дышали равною ненавистью къ тиранніи. Мазарини, не смѣя противостать имъ и не желая подвергнуть финансовыя мѣры, необходимыя для покрытія годовыхъ издержекъ, свободному обсуживанію, обратился къ засѣданію короля въ парламентъ (*lit de justice*), какъ къ послѣднему средству. Онъ проводилъ молодого короля въ парламентъ, и девятнадцать указовъ о государственныхъ доходахъ

были внесены въ протоколъ (enregistré). Члены парламента покорились силѣ обычая, но публика начала разсуждать о злоупотребленіи *lit de justice*. Генераль-контролеръ на слѣдующій годъ былъ опять въ затруднительномъ положеніи и изобрѣлъ опять новое средство доставать деньги, именно, — обложить налогомъ всё припасы, ввозимые въ Парижъ. Установленіе этого налога породило долгій и жаркій споръ между парламентомъ и казначействомъ; парламентъ извлекъ изъ него для себя пользу и усилился; сношенія его съ Мазарини по дѣлу о тарифѣ вели его въ управленіе дѣлами. Установленіе тарифа было великимъ и полезнымъ нововведеніемъ. Оно согласовалось съ ходомъ цивилизаціи; противъ него можно было возразить только одно: несправедливо, чтобъ это нововведеніе касалось только Парижа; но это былъ первый шагъ, и мѣру можно было распространить потомъ на всѣ города королевства.

«Къ - несчастью» говорить авторъ: знаніе финансоваго дѣла не равнялось добрымъ намѣреніямъ правительственныхъ лицъ. Указъ о тарифѣ былъ отвергнутъ упорно. Пришлось обратиться снова къ старой методѣ... Плохой успѣхъ предшествовавшихъ преній лишилъ Мазарини бодрости; онъ рѣшился еще разъ сопутствовать королю въ парламентъ и еще разъ схватиться за извѣстное средство — *lit de justice*. Не упустили ничего, чтобъ привести къ повиновенію возмущенные умы; королева послала за генераломъ-адвокатомъ Таломомъ, увѣряла его, что требованія кротки и справедливы, и хотѣла выманить у него положительное обѣщаніе одобрить указы: суровый гражданинъ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ свою обязанность.»

Король явился съ обычнымъ величїемъ и торжественностью. Канцлеръ, излагая дѣло, основывался на недостаточности годовыхъ доходовъ и продолженіи войны, говоря, что вистательныя побѣды довольно воз-

награждаютъ народъ за его пожертвованія. Въ отвѣтъ ему, президентъ горячо возсталъ противъ войны, и старался доказать, что не видно ни малѣйшаго желанія прекратить ее, — что она только служитъ предлогомъ для тѣхъ, которые употребляютъ во зло авторитетъ короля, съ цѣлью овладѣть и остальнымъ имуществомъ частныхъ лицъ. Генераль-адвокатъ объявилъ, что эти прославляемыя побѣды нисколько не уменьшаютъ бѣдствій народа, что цѣлыя провинціи питаются хлѣбомъ изъ овса и отрубей, и что скоро онѣ будутъ истощены до послѣдней степени. Потомъ онъ говорилъ противъ злоупотребленія и безразсудности такъ называемаго *lit de justice*.

На другой день, парламентъ, созванный для разсужденія о предложенныхъ королевемъ указахъ, объявилъ ихъ недействительными. Партия двора пришла въ сильнѣйшее негодованіе; говорили, что это дѣло неслышанное, возмущеніе, — что это значитъ противопоставлять авторитетъ авторитету, власть власти, замѣнять образъ монархїи. Королева, увлеченная страстью, провнесла угрозы. Въ надеждѣ, что парламентъ не осмѣлится явно высказать своей мысли, она потребовала яснаго и прямого отвѣта на вопросъ: считаетъ ли онъ себя въ правѣ ограничивать власть короля? Согласно ея требованію, начались разсужденія объ этомъ предметѣ и кончились тѣмъ, что парламентъ уступилъ ей кое-что. Графъ де Сент-Олеръ замѣчаетъ при этомъ случаѣ:

«Это разсужденіе, неблагоприятно вызванное королевю, имѣло важныя слѣдствія. Оно сбросило покровъ со словъ и мыслей о правахъ народовъ и королей, которые всего лучше уживаются среди молчанія. Еслибъ въ отвѣтъ на вопросъ королевы о пределахъ королевской власти парламентъ попросилъ сказать, когда авторитетъ короля во Франціи былъ неограниченъ, этотъ вопросъ, конечно, озадачилъ бы противную партію.

«Дѣйствительно, королевская власть

во Франція была ограничена то силою вассаловъ, то принцами и главами дворянства, — и всегда установленіями, болѣе или менѣе гармонировавшими съ состояніемъ общества. Съ теченіемъ времени, пали учрежденія среднихъ вѣковъ, и на развалинахъ прежняго общественного механизма Ришльё создалъ образъ правленія, сосредоточенный въ однихъ рукахъ, и долженъ былъ чѣмъ-нибудь обезпечить публичную свободу въ замѣнъ аристократическихъ привилегій. Принцы и дворянство лишились своего политическаго могущества; его наследовали парламенты, и право ихъ основывалось на уваженіи, внушаемомъ деспотизмомъ всемъ классамъ общества.

Съ этой точки зрѣнія, притязанія парламента были законны и справедливы; но если судить о нихъ по аналогіи исторической критики — они не могутъ быть оправданы. Но правительственные лица не такъ понимали права свои. Они рылись въ старыхъ актахъ, и какая-нибудь древняя хартія имѣла въ глазахъ ихъ гораздо-больше вѣса, нежели всѣ справедливыя требованія и интересы настоящаго времени. Но когда теоретическія разсужденія обнажили основаніе правительства; когда, послѣ тщетныхъ стараній открыть и изложить основные законы, убѣдились, что ихъ во Франціи нѣтъ, всѣ увидѣли необходимость составить ихъ. Переходъ былъ естественъ. Съ этого дня слово «преобразование» было на языкѣ у всѣхъ; каждый желалъ участвовать въ этомъ славномъ и необходимомъ дѣлѣ, и парламентъ увидѣлъ, что бывшіе до-сихъ-поръ гораздо-покорнѣе его, обогнали его на поприщѣ реформы.

Предѣлы статьи не позволяютъ коснуться здѣсь многихъ интересныхъ частныхъ, и мы обращаемся къ тому періоду, когда Мазарини уѣхалъ изъ Парижа, чтобы принять начальство надъ арміею въ Шампаньи. Онъ надѣялся, что побѣда надъ непріятелемъ

дастъ ему сильный перевѣсъ и надъ личными его врагами. Но онъ не замѣтилъ, какъ близокъ союзъ новыхъ и старыхъ фрондѣровъ. На другой день послѣ его отъѣзда, первый ирландецъ открылъ засѣданіе парламента. Просьба принцессы Кондѣ касательно освобожденія привацовъ Кондѣ и Котти, и герцога лонгвилльскаго, была принята безъ всякаго спора. Друзья уже не разъ ходатайствовали за нихъ съ-тѣхъ-поръ, какъ они были въ заключеніи, — но на просьбы ихъ не обращали вниманія. Теперь рѣшенія нельзя было откладывать дальше. Парламентъ положилъ сдѣлать различіе между законою свободою и самовластиемъ. Анна-Австрійская была въ это время больна; она созвала къ себѣ королевскихъ совѣтниковъ, и объявилъ имъ черезъ хранителя печати, что «принцы крови заключены по волю короля, и что измѣнить ихъ положеніе можетъ только власть, лишившая ихъ свободы; что это дѣло не подлежитъ разсмотрѣнію парламента, и что онъ не долженъ вмешиваться въ подобныя распоряженія правительства. Но парламентъ положилъ сдѣлать королю представленіе на-счетъ освобожденія привацовъ, и письменно пригласить всѣ парламенты въ королевствѣ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ парижскому.

Пренія говорятъ авторъ: «продержались уже дней двѣнадцать и шло къ концу, когда неожиданное событіе воскресило надежды приверженцевъ Мазарини и готово было измѣнить положеніе дѣлъ. Счастье улыбулось кардиналу: въ три дня онъ взялъ Ретель и одержалъ совершенную побѣду надъ Тюренномъ и испанскимъ генераломъ Дон-Эстебаномъ де-Гамаррою. Вся непріятельская пѣхота была побита или взята въ плѣнъ, кавалерія разбѣяна и артилерія съ багажемъ досталась въ руки побѣдителю... Въсть о такомъ блестящемъ, быстромъ, неожиданномъ успѣхѣ поразила старыхъ и новыхъ фрондѣровъ; противники ихъ обо-

дрялись, и совѣтникъ Мазаръ осмѣ-  
 лился сказать, что кардиналъ Мазарини единственная подпора Фран-  
 ции, что онъ виновникъ побѣды при  
 Ретелѣ, какъ и всѣхъ предшествовав-  
 шихъ побѣдъ. Онъ восхвалялъ его  
 шурдость, доброту сердца, и за-  
 ключилъ предложеніемъ поручить  
 принцевъ его охраненію, потому что  
 онъ будетъ заботиться о нихъ съ тѣмъ  
 же рвеніемъ, съ какимъ заботится о  
 благѣ всего государства.

Мазарини немедленно возвратился  
 въ Парижъ; но, въ слѣдствіе приговора,  
 произнесеннаго надъ нимъ парламен-  
 томъ, оставилъ городъ. Королева гото-  
 ва была послѣдовать за министромъ,  
 но ее задержали подлѣ арестомъ въ Па-  
 ле-Руаалѣ. Кардиналъ сѣвши въ  
 Гавръ, гдѣ были въ заточеніи принцы;  
 его сопровождали триста всадниковъ  
 подлѣ предводительствомъ графа де-  
 Паллю; многіе пристали къ нему на  
 дорогѣ. Всѣ готовы были идти на  
 встрѣчу опасностямъ, защищая своего  
 патрона, и поклялись раздѣлить съ  
 нимъ судьбу его. Но вѣсти изъ Пари-  
 жа мало-по-малу умѣрили этотъ жаръ.  
 Узнавъ, что королева подлѣ стражею  
 въ Пале-Руаалѣ, и что фрондѣры  
 всемогущи, многіе покинули кардинала  
 на пути. Оставшіеся при немъ не  
 оказывали уже прежней внимательной  
 услужливости, но съ мрачнымъ выра-  
 женіемъ лица упрекали его то въ  
 томъ, то въ другомъ. Солдаты, слѣдуя  
 примѣру своихъ начальниковъ, забыли  
 всякое почтеніе къ кардиналу и дис-  
 циплину, грабили по дорогамъ, и  
 угрожали оставить знамена.

Но Мазарини не отчаявался и спѣ-  
 шилъ впередъ, въ Гавръ. Онъ расчи-  
 тывалъ, что явится къ принцамъ какъ  
 властелинъ ихъ свободы и неволн, и  
 что если они не захотятъ принять его  
 сторону, онъ стѣснить ихъ еще бо-  
 лѣе и будетъ защищаться въ крѣпости  
 противъ своихъ враговъ. Но не-  
 жиданное сопротивленіе со стороны  
 аврскаго коменданта де-Бара раз-  
 громило этотъ планъ. Когда кардиналъ  
 одѣхалъ съ своимъ отрядомъ къ во-

ротамъ, де-Баръ объявилъ, что онъ го-  
 товъ выдать плѣнниковъ королевѣ, ко-  
 торая поручила ему надзоръ за ними,  
 но что не впусетитъ въ крѣпость воору-  
 женныхъ людей безъ приказанія гер-  
 цогини д'Эгильионъ. Мазарини про-  
 силъ и грозилъ, но безъ успѣха: де-  
 Баръ былъ непоколебимъ, и пока-  
 камѣсть они сворили, узнали, что че-  
 резъ нѣсколько часовъ придутъ гер-  
 цогъ де-ла-Рошфуко, г. Арно и г. де-  
 Врильеръ, съ предписаніемъ нариж-  
 скаго парламента освободить плѣнни-  
 ковъ. Слѣдовательно, не было уже ни-  
 какого предлога удерживать долге  
 принцевъ въ заточеніи. Кардиналъ,  
 желая по-крайней-мѣрѣ воспользо-  
 ваться хоть тѣмъ, что первый припе-  
 сетъ имъ пріятную новость, согласи-  
 ся оставить свою свиту и вошелъ въ  
 замокъ одинъ. Вошелъ къ плѣнникамъ,  
 онъ объявилъ имъ, что они свободны,  
 просилъ забыть прошедшее и оказать  
 ему свое покровительство. Принцъ де-  
 Кондѣ отвѣчалъ, что онъ благодаренъ  
 королевѣ за то, что она оказываетъ  
 ему справедливость, будетъ ея вѣр-  
 нымъ слугою, какъ былъ всегда, и  
 не будетъ питать злобы за про-  
 шло. За обѣдомъ, онъ посадилъ  
 кардинала возлѣ себя, нилъ за его  
 здоровье, и велъ разговоръ о пустыхъ  
 предметахъ. Принцъ Конті и герцогъ  
 де-Лонгвилъ вѣтерпливо ждали кон-  
 ца комплиментовъ; прямо изъ-за сто-  
 ла они сѣли въ экипажъ и поскакали  
 въ Парижъ.

Оставшіеся наединѣ съ принцемъ  
 де-Кондѣ, Мазарини всѣми силами  
 старался убѣдить его, что его собствен-  
 ная польза требовала союза съ коро-  
 левой; онъ повторилъ принцу доводы  
 де-Лене и герцога ла-Рошфуко каса-  
 тельно обоюдной выгоды заключить  
 союзъ противъ фрондѣровъ, партіи,  
 которой республиканскій духъ угро-  
 жалъ королевской власти и законному  
 вліянію высшихъ сановниковъ.

Принцъ далъ ему волю говорить, и  
 долго слушалъ его, но отвѣчая ни сло-  
 ва; наконецъ вышелъ, какъ-будто, не  
 замѣчая усердныхъ поклоновъ карди-

нала. Онъ быстро проѣхалъ по улицамъ Гавра, среди радостныхъ кликовъ народа и пушечной пальбы.

Принцы вѣхали въ Парижъ съ триумфомъ. Эти событія еще болѣе усладили могущество дома Кондэ. Но въ спорѣ, возникшемъ между дворянствомъ и парламентомъ, принцу удалось вооружить противъ себя обѣ партіи. Онъ вступилъ въ сношенія съ королевою, но она обманула его и прикинулась съ фронтёрами на его погибель. Авторъ чрезвычайно-живо описываетъ опасность, грозившую въ это время принцу, бѣгство его изъ Парижа и возвращеніе туда позже. Но, пропуская эти подробности, свѣдѣніи къ заключенію искусно-написанной исторіи, когда, по настоянію принцессы (Mademoiselle), ворота Парижа отворились для арміи принцевъ, — и фронда кончилась.

Эта безстрашная принцесса говоритъ Сент-Олеръ: «послѣдила въ Hôtel de ville, въ сопровожденіи г-жи де-Невуръ, де-Шатильонъ, де-Роанъ, и другихъ придворныхъ дамъ. Безчисленная толпа, собравшаяся на Гревской-Площади, привѣтствовала ее при появленіи и обнаружила готовность исполнить всѣ ея приказанія. Принцесса вошла въ залу совѣта, гдѣ были уже маршалъ г'Опиталь, губернаторъ, мэръ Парижа и другіе чиновники. Она обратилась къ собранію и старалась уговорить ихъ впустить въ городъ войско принцевъ. Но, вида, что увѣщанія не ведутъ ни къ чему, она прибѣгла къ дѣйствительнѣйшимъ средствамъ и объявила, что если они будутъ упорствовать въ отказѣ, то живы ихъ въ опасности. Маршалъ г'Опиталь и нѣсколько дру-

гихъ, устрашенные этими угрозами, подивились наконецъ приказъ начальникамъ милиціи и губернатору Бастиліи повиноваться во всемъ приказаніямъ, которыя они получаютъ отъ герцога орлеанскаго. Принцесса дѣйствовала въ этомъ случаѣ не изъ политическихъ видовъ: опасное положеніе и героизмъ принца воскресли въ ней старинную къ нему любовь. Когда она разсталась съ нимъ у Сент-Антуанскихъ - Воротъ, блѣдный и окровавленный образъ героя постоянно носился передъ ея воображеніемъ; весь остальной день она съ удивительною ловкостью занималась военными распоряженіями, которыя онъ просилъ ее взять на себя. Часовъ въ шесть вечера, принцъ вошелъ въ Парижъ; принцесса воспѣшила ему на встрѣчу; онъ былъ уже вовсе не тотъ, что поутру, — веселъ и бодръ. Онъ въ пламенныхъ выраженіяхъ благодарилъ ее за оказанныя услуги. Въ знакъ благодарности, онъ не выказалъ никакой неприязни къ герцогу орлеанскому, ждавшему его у Сент-Антуанскихъ-Воротъ. Они обнялись, какъ-будто всегда были друзьями, и пошли вмѣстѣ въ Hôtel de ville поблагодарить мэра и прочихъ. Принцъ осмотрѣлъ войско, расположившееся въ Pré-aux-Clercs, и удалился наконецъ отдохнуть отъ трудовъ въ отель Кондэ.»

Замѣчательныя событія этой исторіи такъ между собою перемешаны, что краткій очеркъ нашъ можетъ назваться только рамкою съ картинами Сент-Олера. Кто хочетъ полюбоваться искуснымъ произведеніемъ, тому снѣло совѣтуемъ прочесть всю книгу.

## VIII.

# С И Б С Ъ.

### БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

#### ГЕНЕРАЛЪ ДЖАКСОНЪ.

Изъ всѣхъ людей эпохи борьбы за независимость, никто не имѣлъ такого вліянія на судьбу американскихъ штатовъ, какъ генералъ Джексонъ. Не то, чтобъ онъ былъ мудрѣйшій изъ гражданъ, чтобъ онъ глубже понималъ истинные интересы отечества, или распоряженіями своими увеличилъ внутреннее благоденствіе, свободу и покладъ; нѣтъ, онъ немного усилилъ народное благоденствіе,—но онъ любилъ свое отечество больше, нежели кто-нибудь. Кто пожиралъ абсолютный патриотизмъ, какъ другіе распинаются за абсолютный монархизмъ. Онъ любилъ свое отечество до страсти, потому что вынулъ изъ лапы священныя права другихъ націй, забылъ должное къ нимъ вниманіе и уваженіе,—а въ государственномъ человѣкѣ это ошибка жизни: она ведетъ отечество въ борьбу и на встрѣчу катастрофамъ. Онъ

XLII. — Отд. VIII.

столкнулъ Соединенные-Штаты съ той дороги, на которую поставила ихъ мудрая и отечески-твердая рука Вашингтона, указавъ имъ новый путь, на которомъ, конечно, можно найти необыкновенное величіе, но который зато полонъ бурь и усыпанъ опасностями, угрожающими законному порядку, свободѣ, благу и даже существованію Союза.

Вашингтонъ подобно тѣмъ, которые вмѣстѣ съ нимъ основали американскую независимость, начерталъ федеративную конституцію 1789 года и исполнилъ ее на дѣлѣ: Франклины, Адамсы, Медисоны, Гамильтоны, воспитали сами себя или получили спокойное, холодное воспитаніе—отличительную черту высшей британской цивилизаціи. Они чтли законъ; они не могли установить поземельной аристократіи: въ тринадцати освободенныхъ провинціяхъ не было ея элементовъ; но еслибъ они и могли сдѣлаться ея приверженцами, едва-ли бы они могли сдѣлаться ими. Они хотѣли аристократіи просвѣщенія, вѣрили, что она утвердится силою самой дѣйствительности. Они думали,



что свободное, добровольное уваженіе и врожденное чувство общаго блага само собою отдастъ управленіе государственными дѣлами лучшимъ и способнѣйшимъ людямъ, и что для этого вовсе не нужно, чтобъ они превосходили другихъ матеріальною силою наслѣдственнаго богатства. Сердце ихъ было полно народной симпатіи, и они желали благородной народности; но въ той же степени ненавидѣли угодничество черни. Они чувствовали глубокое отвращеніе къ правленію *толпы*, хотя и допустили почти-всеобщее участіе голосовъ; но я уже сказалъ, какой кругъ дѣйствія назначили они общему голосу. Они были врагами воинственнаго духа, будучи убѣждены, что онъ неизбежно повлечетъ за собою тиранію, — не хотѣли завоеваній, зная, что для народа, состоявшаго тогда всего изъ четырехъ милліоновъ, — земель Западной-Европы будетъ достаточно на цѣлые вѣка. Когда Джексонъ деньгами и мирною сдѣлкой приобрѣлъ Луизиану, это необходимое дополненіе къ землямъ союза, — онъ не явился триумфаторомъ, идущимъ въ Капиталію, но потребовалъ только вознагражденія убытковъ (*an bill d'indemnité*).

Джексонъ, военнанный совершенно въ другомъ духѣ, получившій съ дѣтства нѣмая понятія, одаренный железною силою воли, достоинствами и недостатками, бросающимися въ глаза толпы, столько же пламенный и срачный, сколько предшествующіе ему были умѣренные и доступныя его благоразумія, — генералъ Джексонъ не могъ идти въ политикѣ по ихъ слѣдамъ. Скажемъ, какъ достигъ онъ до распоряженія тѣмъ, что они оставили послѣ себя въ наслѣдство, и что онъ сдѣлалъ, получивъ власть въ свои руки.

Андрей Джексонъ родился 15 марта 1767 года, въ Южной-Каролинѣ, въ округѣ, называемомъ Waxhaw Settlement (Ваксауская-Колонія). Отецъ его былъ ирландскій эмигрантъ; онъ прибылъ за два года въ Чарльстонъ, возо-

рѣ умеръ и оставилъ по себѣ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей. Мать назначила Андрея въ духовное званіе и отдала его въ училище, гдѣ онъ получилъ нѣкоторыя основанія литературной образованности. Между — тѣмъ, вспыхнула война за независимость. Четырнадцати лѣтъ, молодой Джексонъ отправился въ американскій лагерь съ своимъ братомъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Во время его плѣна, какой-то англійскій офицеръ, видя его молодость, началъ обращаться съ нимъ слишкомъ-запросто и приказалъ ему выциснуть себѣ сапоги. Джексонъ не захотѣлъ, говоря, что онъ солдатъ, а не лакей. Офицеръ настаивалъ; шкивникъ тоже, и, если вѣрить рассказамъ, Андрей получилъ за свое упорство сабельный ударъ по рукамъ, немѣлкій, впрочемъ, серьёзныхъ послѣдствій. Вскорѣ потомъ онъ былъ освобожденъ. Восемнадцати лѣтъ, онъ отказался отъ духовнаго званія, къ которому вовсе не былъ расположенъ, и сдѣлался адвокатомъ, что также было деломъ немалымъ. Въ 1788 году, онъ переехалъ въ Тенесси и основался въ Нашвиллѣ, гдѣ скоро получилъ званіе генерал-прокурора. Въ 1796 году, его сдѣлали членомъ конвенціи, составившей конституцію этого штата. Въ 1797, онъ былъ избранъ членомъ сената Соединенныхъ Штатовъ съ стороны Тенессы. Въ этой должности онъ оставался только два года и сложилъ ее съ себя добровольно, чтобъ сдѣлаться однимъ изъ судей высшаго судилища своей провинціи. Но онъ сроднѣ былъ не для гражданскихъ дѣлъ и скоро отказался отъ этой должности. Тогда ему было исполнилось три года. Онъ имѣлъ обширныя владѣнія земли и развелъ хвостатую бригаду, сохраняя титулъ генерала милліонами.

Жизнь генерала Джексона была въ это время похожа на жизнь многихъ обитателей пограничныхъ областей Соеюза. Народонаселеніе этихъ штатовъ состояло изъ безземельныхъ пионеровъ; это были народъ суровый, суровый, одушевленный дѣломъ и отвагой. Они были подвѣржены

частную принадлежность Индейцев, не вытѣсненныхъ тогда еще за Миссисипи и непрощавшихъ бѣлыхъ истребленія дѣсовъ — мѣсть ихъ охоты и средствъ къ пропитанію. Сверхъ-того, изъ прибрежныхъ штатовъ стекались сюда искатели приключеній и бродяги всякаго рода, что и заставляло всѣхъ безъ исключенія носить оружіе. Никто не выходилъ безъ книжада и пары пистолетовъ, и всакій былъ готовъ сейчасъ же употребить ихъ въ дѣло даже и не противъ краснокожихъ или дикихъ афрей. Въ Тенесси, въ Кентукки и другихъ пограничныхъ штатахъ, не было ничего обыкновеннаго дуэли изъ трехъ шагахъ на пистолетахъ или карабинахъ; эти *встрѣчи* (техническій терминъ), которыя у насъ называли бы *бѣзвѣю*, повторялись каждый день. Генералъ Джексонъ, съ своею кипащею яркостью, высокоуміемъ, мрачнымъ и неукротимымъ нравомъ, челоукомъ ловкимъ и нервнымъ, не могъ не отличиться среди жизни, полной приключеній. Въ Соединенныхъ Штатахъ южныхъ — поръ рассказываютъ о встрѣчѣ его съ полковникомъ Бентономъ, въ 1813 году. Бентонъ изложилъ все дѣло, обращаясь къ защитѣ закона и прель своего противника, какъ убійцу, сеобщему поруганію въ письмѣ, которое было перепечатано сто разъ. Мы е старемъ рассказывать этой сцѣнки. кажемъ только, что, по числу пистолетныхъ выстрѣловъ, ударовъ книжамъ, ранъ, остервененію, съ которымъ кватились обѣ партіи, т. е. полковникъ и братъ его съ генераломъ и его двумя друзьями, — можно утвердительно полагать, что въ Европѣ завязалось и назъ этого уголовное дѣло, одно изъ лучшихъ украшеній какаго-нибудь *борника des causes célèbres*. А въ Америкѣ, судья, жившій въ томъ самрѣмѣмъ, гдѣ Джексонъ встрѣтился съ Бентономъ, прервадношно закрылъ глаза. Людямъ этого званія правосудіе дозволяло сердиться такимъ образомъ. Таковы были нравы того времени въ Тенесси, и самъ Бентонъ, когда подалась первая горячность, не со-

хранялъ въ душѣ своей ничего противъ генерала; въ послѣдствіи, онъ явился въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ самымъ неустрашимымъ воборникомъ политики Джексона, сдѣлавшагося президентомъ. Эти нравы, достойныя каннибаловъ, не мѣшали Джексону быть чувствительнымъ. У него было много друзей, которыхъ онъ любилъ горячо и которые его любили не меньше. Онъ былъ женатъ и нѣжно привязанъ къ женѣ своей. Такому явленію нечего удивляться въ странѣ новой, гдѣ въ одинъ моментъ сосредоточивается все, что завѣщали другія страны десятки вѣковъ.

Война 1812—1815 годовъ дала Джексону возможность удовлетворить свою страсть къ битвамъ и отвагѣ на другой сценѣ. Съ полудюжиной фрегатовъ Соединенные Штаты осмѣлились вступить въ борьбу съ первою морскою силою въ свѣтѣ для спасенія принципа свободы морей. Англичане сдѣлали Индїецъ своими союзниками. Племя Криковъ неожиданно овладѣло фортомъ Миммсъ, на землѣ Миссисипи, въ теперешнемъ штатѣ того же имени. Они, по своему обыкновенію, точъ-въ-точъ какъ описываетъ ихъ Куперъ, перерѣзали въ фортѣ Уильямъ-Генри всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Джексонъ преслѣдовалъ ихъ съ дѣятельностью и энергіею, до-тѣхъ-поръ невиданными. Онъ вполне восторжествовалъ надъ своими неприятелими, уничтожилъ, истребилъ ихъ. Къ концу 1814 года, онъ произведенъ въ генерал-майоры и назначенъ командиромъ войскъ, собранныхъ въ Новомъ-Орлеанѣ, гдѣ ожидали высадки Англичанъ. Дѣйствительно, Соединенные Штаты были всего доступнѣе въ этой точкѣ, и Англія, конечно, желала овладѣть одною изъ первыхъ въ мірѣ военныхъ и торговыхъ позицій. 14-го декабря, въ-самоу-дѣлѣ, явился въ лагунахъ, окружающихъ Новый-Орлеанъ, англійскій флотъ съ 9-ю или 10-ю тысячами превосходнаго войска, служившаго въ Испаніи подъ предводительствомъ Веллингтона. Они дварадъ

ли флотиліей американскихъ канонерскихъ лодокъ. 23-го флотъ проникъ въ Миссиссипи, въ виду города, пораженного ужасомъ. 8-го января завязалось сраженіе. Генераль Джаксонъ, имѣя подь своею командою не болѣе 5000 человекъ смѣлыхъ стрѣлковъ, но неспособныхъ къ маневрамъ, засѣлъ въ рвами и валомъ, заваленнымъ, какъ говорятъ, тюками хлопчатой бумаги. Англичане встрѣчены самымъ мѣткимъ, убійственнымъ огнемъ и обращены въ совершенное бѣгство. Предпріятіе ихъ не удалось. Съ этой минуты, генераль Джаксонъ сдѣлался изъ искателя приключеній лицомъ значительнымъ и пользовался огромною народностью между чернею, вѣчною поклонницею военной славы.

Въ этой кампаніи онъ показавъ, какъ мало удерживаютъ его законы, если они противорѣчатъ его волѣ и страстямъ. Еще передъ сраженіемъ онъ силою навербовалъ всѣхъ, кто только могъ взяться за оружіе, и прекратилъ пренія палаты представителямъ Луизианы. Послѣ побѣды, когда Англичане очистили Луизиану, за вѣсколько дней до оффиціального обнародованія мира, но когда уже всѣ знали, что миръ заключенъ, желая удержать войска подь знаменами, онъ запретилъ военнымъ декретомъ говорить журналамъ чтъ бы то ни было, прямо и не-прямо касающееся арміи. «Луизианскій Курьеръ» напечаталъ статью, не смотря на это запрещеніе; издатель его былъ взятъ и отведенъ въ главную квартиру. Тамъ онъ объявилъ, что авторъ статьи — членъ законодательнаго собранія, Луалье; Луалье тотчасъ же былъ арестованъ. Провинціальныи судья Галль вступился за свободу Луалье, но его-самого силою удалили изъ города. Черезъ два дня, миръ былъ объявленъ оффиціально, и судья Галль приговорилъ генерала къ тысячѣ долларовъ пени.

Эти поступки противъ свободы книгопечатанія, противъ народнаго представительства, противъ чиновниковъ, не возмутили народнаго мнѣнія. Съ

верной-Америкѣ какъ-будто надобно холодныя доблести, героизма независимости, и для возбужденія въ ней восторга должны были явиться люди другаго рода. Джаксонъ открылъ тайну плѣнять демократію: онъ угадалъ слабую сторону ея — народную гордость! Невозможно было вести себя высокомернѣе съ индійскими предводителями, съ испанскимъ начальствомъ въ Флоридѣ. Здѣсь открылъ онъ свои идеи на-счетъ вѣдшей политики. Пенсакольскій портъ, дѣйствительно превосходный, — рѣдкость въ Мексиканскомъ-Заливѣ, — былъ, по его мнѣнію, съ-руки Соединеннымъ-Штатамъ. Полъ предоломъ, что Испанцы помогаютъ Англичанамъ и Индійцамъ, онъ омадѣлъ имъ, когда союзъ и не думалъ объявлять Испаніи войну и когда онъ самъ не получалъ позволенія дѣйствовать противъ Флориды. Испанскій губернаторъ возсталъ на такой поступокъ, и Джаксонъ отвѣчалъ ему только: «Мы начнемъ съ вами объясняться, когда пушки мои утѣрятъ васъ, что я имѣю на это дипломатическое порученіе.»

Три года спустя послѣ мира, заключеннаго въ Гандѣ съ Англіею, Джаксонъ долженъ былъ вести мелочную войну съ Индійцами, жившими въ Флоридѣ и ея окрестностяхъ. Онъ поступалъ съ ними страшно-варварски. Двухъ англійскихъ купцовъ, Амбристера и Арбетвота, арестовали за сношенія ихъ съ Индійцами. Джаксонъ объявилъ ихъ подосланными возмутителями и предалъ военному суду. Судъ осудилъ Амбристера на смерть, но Арбетвота пощадилъ. Генераль, собственною властью своею, велѣлъ казнить и его. Еще болѣе: онъ разсчиталъ, что не худо взять Флориду и взялъ ее, не спрашиваясь ни у кого, безъ малѣйшаго повода со стороны Испанцевъ. Въ-слѣдствіе этого завоеванія, Испанія, согласившаяся кое-на-какія вознагражденія, уступила Флориду Англо-Американцамъ.

Послѣ этой второй войны, Джаксонъ выступилъ на политическое поприще.

Президентъ Монроэ и его совѣтники не смѣли явно противостать генералу, и задумали избавиться отъ него, давъ ему порученіе за границу. Думали отправить его во Францію; но увѣряютъ, что когда спросили объ этомъ Джефферсона, то онъ сказалъ, что если президентъ желаетъ раньше трехъ мѣсяцевъ затѣять войну съ Франціею, то ему стоить только назначить Джаксона посланникомъ въ Парижъ. Джаксону предложено посольство въ Мехику, гдѣ Итурбидъ провозгласилъ себя императоромъ: онъ отвѣчалъ, что не хочетъ имѣть никакого дѣла съ ираномъ. Между тѣмъ, конгрессъ разсматривалъ противозаконные поступки генерала въ послѣднюю Флоридскую войну; тутъ началось соперничество его съ Клайемъ, который послѣ мѣстѣ съ нимъ домогался президентства. Клай, отличившійся уже талантами и службою, поддержалъ рѣшенія, представленныя на разсмотрѣніе въ палату представителей, которой онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ членомъ; эти рѣшенія имѣли въ себѣ осужденіе поступковъ Джаксона во Флоридѣ. «Мы не должны», говорилъ Клай: «оправдывать молчаніемъ нарушенія законовъ солдатами». На другой день, Джаксонъ пріѣхалъ въ Голицу, и Клай успѣшилъ посѣтить его и завѣрить, что, исполняя обязанность охранителя законовъ, онъ попрежнему питаетъ глубокое уваженіе къ побѣдителю Нового-Орлеана. Генералъ не заплатилъ ему визита и охранялъ въ душѣ своей неприязнь къ Клайу, высказывавшуюся иногда въ ясныхъ фактахъ, неприличныхъ, чтобы сказать — ненавистныхъ выраженіяхъ. Такъ, однакожъ, должно назвать оступки его со времени избранія президента въ 1844 году; въ эту эпоху генералъ не боялся поддерживать въ своихъ письмахъ грубыя клеветы на замѣнаго сына Кентукки. Во все родолженіе преній о поведеніи Джаксона во Флоридѣ, онъ не переставалъ ярчиться противъ членомъ конгресса, собравшаго рѣшенія. Едва удержали

его даже отъ насилія. Рѣшенія эти были однакоже уничтожены, во вниманіе къ побѣдѣ, одержанной имъ въ Новомъ-Орлеанѣ.

Въ 1824 году, надо было избрать президента на мѣсто Монроэ. Огромная часть демократической партіи выбрала Джаксона въ свои кандидаты. Никто не скрывалъ отъ себя, что характеръ его не совсѣмъ приличенъ такому званію; всѣ знали его склонность къ рѣшительнымъ, насильственнымъ мѣрамъ и плохое уваженіе къ законности. Но думали, что трофеи Нового-Орлеана привлекутъ на свою сторону много голосовъ. Партія всего прежде хочетъ успѣха, а съ генераломъ Джаксономъ успѣхъ казался вѣрнѣе. Сверхъ того, надѣялись, что, будучи чуждъ администраціи, онъ позволитъ руководить собою друзьямъ, тѣмъ, кому онъ будетъ обязанъ своимъ избраніемъ. Четыре кандидата домогались президентства: онъ получилъ наибольшее число голосовъ. Впрочемъ, это число не составляло еще большинства и избраніе было перенесено въ палату представителей; палата избрала Адамса. При слѣдующемъ избраніи, генералъ одержалъ верхъ, и вступилъ въ должностъ 4-го марта 1829 года.

Въ его управленіе разрѣшено много вопросовъ, и нѣкоторые очень удачно. У него были просвѣщенные друзья: вице-президентъ Кальгоунъ, Ливингстонъ, бывшій министромъ въ Парижѣ, ван-Бюренъ, главнѣйшій его министръ. Самъ онъ, съ ограниченными познаніями и умомъ не очень обширнымъ, соединялъ въ себѣ много здраваго смысла, когда страсти его были спокойны. Въ немъ было качество, драгоцѣнное для правителя: онъ умѣлъ исполнять то, что было рѣшено. Вопросъ объ *internal improvement*, состоявшій въ томъ, что имѣетъ ли федеративное правительство право назначать фонды для публичныхъ работъ, — вопросъ, долго занимавшій общественное мнѣніе, — былъ удачно разрѣшенъ помощію остроумнаго раздѣленія. Вопросъ объ Индіанцахъ былъ то-

же разрѣшенъ прискорбнымъ для чело-  
вѣчества образомъ, — но это было  
неизбѣжно. Таможенный тарифъ воз-  
новалъ умы всѣхъ. Южная-Каролина  
отважно отменила законы конгресса,  
— междоусобная война казалась не-  
избѣжною. Вице-президентъ Калъ-  
гоунъ принялъ сторону своихъ сограж-  
данъ, Южно-Каролинцевъ. Это было въ  
1832 году. Генералъ Джаксонъ выка-  
залъ при этомъ случаѣ умѣренность,  
какой отъ него трудно было ожидать.  
Противники его, Клай и Уэбстеръ,  
сильно его поддерживали, и буря бы-  
ла усмирена помощью третейскаго су-  
да, предложеннаго Клайемъ и приня-  
таго всѣми, но отъ котораго въ 1842  
году далеко отклонились.

Генералъ былъ вторично выбранъ  
на четыре года, считая съ 4-го марта  
1833 года. Въ этотъ разъ, соперникомъ  
его при избраніи былъ Клай. Въ про-  
долженіи перваго своего президентства,  
Джаксонъ слушался умныхъ друзей и  
вдерживалъ самого-себя. Любя опре-  
дѣленный образъ дѣйствія, какъ всѣ  
рѣшительные люди, онъ съ самаго  
начала высказалъ на-счетъ различ-  
ныхъ предметовъ эксцентрическій  
мнѣніи безусловныхъ демократовъ, и  
приправилъ свои посланія не одною  
радикальною идеею, но и нѣкою по те-  
оріи; и пагубною, если бы она была  
принята къ дѣлу. Такимъ-образомъ,  
онъ объявилъ себя партизаномъ те-  
оріи, по которой всѣ граждане должны  
считаться равно-способными къ от-  
правленію публичныхъ должностей, и  
переходить не оставаясь отъ од-  
ной къ другой, такъ-что возможно-  
большее число лицъ исполняло бы эти  
должности поочередно. Не смотря на  
тайя мнѣнія, распорженія его, взя-  
тыя вмѣстѣ, были похвальны. Сдѣлав-  
шись президентомъ во второй разъ,  
онъ далъ волю своему темпераменту.  
Второе президентство его особенно-за-  
мѣчательно войною съ Банкомъ Соеди-  
ненныхъ-Штатовъ и наменною его  
ною къ Французскому правительству  
по случаю долга въ 25 милліоновъ.

Кампанія противъ Банка началась въ  
1832 году. Но тогда она не выступа-  
ла изъ формы, дозволенной закономъ.  
Джаксонъ былъ предубѣжденъ про-  
тивъ Банка Соединенныхъ-Штатовъ.  
Въ арсеналѣ демократическихъ теорій,  
онъ отыскалъ положеніе, по которому  
это учрежденіе не могло существовать  
согласно конституціи. Въ-слѣдствіе  
этого, онъ уничтожилъ билль о продѣл-  
женіи на 20 лѣтъ привилегій Банка,  
утвержденный обѣими палатами.  
Послѣ втораго избранія онъ сдѣла-  
ся заносчивъ и началъ переступать  
за границы своей власти. Безъ всякаго  
предлога и не смотря на отказъ  
министра финансовъ, онъ взялъ изъ  
Банка Соединенныхъ-Штатовъ госу-  
дарственную казну и ввѣрилъ ее мѣ-  
стнымъ банкамъ, немогшимъ пред-  
ставить столько же обезпеченій. Та-  
кой поступокъ основывался на лично-  
сти. Директоры Банка, Виллсъ, чело-  
вѣкъ съ большими способностями и  
вліяніемъ, сдѣлавшій въ-послѣдствіи  
важныя ошибки, явно возсталъ про-  
тивъ вторичнаго избранія Джаксона.  
Изъ ненависти къ Банку Соеди-  
ненныхъ-Штатовъ покровительствовали  
мѣстнымъ банкамъ. Выпустили ужас-  
ное количество кредитныхъ билетовъ.  
Отсюда простекля чудовищныя спе-  
куляціи, задуманныя по колоссальной  
мѣрѣ, и скоро настала кризисъ, въ  
которой рѣшилось безчисленное мно-  
жество капиталовъ и состояній, въ ко-  
торыхъ множество банковъ, и въ томъ  
числѣ Банкъ Соединенныхъ-Штатовъ,  
сворачивавшій съ истиннаго пути го-  
его, обанкрутился, и даже многія го-  
сударства не могли выполнить своихъ  
условій относительно займодателей.  
Этотъ кризисъ, и теперь еще некон-  
чившійся, долженъ считаться дѣломъ  
Джаксона, слѣдствіемъ его понятій о  
кредитѣ и наличности, а еще болѣе  
слѣдствіемъ необузданности его стра-  
стей.

Дѣло о 25-ти милліонахъ снова вы-  
казало вѣстную попытку Джаксона.  
Она едва не была причиною войны, въ  
которой Соединенные-Штаты не были

готовы и которой не могли поддержи-  
вать!

Во время избранія президентства  
Джаксона, управление его оказалось  
такимъ, какого можно было ожидать  
отъ него, основываясь на прошедшемъ.  
До него, исполнительная власть феде-  
раціи удерживалась въ границахъ умѣ-  
ренности; она витала, такъ-сказать,  
надъ партіями, не мѣшаясь съ ними.  
Президентъ Джаксонъ явился парти-  
заною. Онъ безусловно предавалъ ин-  
тересамъ партіи, даже кружка. Онъ  
велъ въ управленіе обычай свѣчать  
толпами людей массами. Такимъ  
образомъ, въ-сѣдствіе переворотовъ  
при всѣхъ выборахъ, видѣли  
примѣры свѣщенія отъ должностей  
и отъ — даже фанарщиковъ. Онъ уста-  
новилъ правиломъ обрабатывать дол-  
жностныхъ лицъ въ управленіи по прихо-  
ду престола. До него, управлялъ дѣ-  
лами расудокъ; при немъ — страсть,  
иногда добрая, иногда дурная,  
и страсть съ евоюи сильными вы-  
сказаніями, свѣщающаяся закону. И, оста-  
ваясь министромъ президента и возвра-  
щаясь въ Нашвилъ, въ 1837 году,  
въ мѣсяцъ лично быть свидѣтелемъ, что  
вырешенно извѣстныя характеры вла-  
стей и вступилъ Союзъ въ революцію,  
отъ которой не видно вида конца. Мимоле-  
тыя восемь лѣтъ его управленія дали  
идею толчокъ на непредвидѣнное  
рѣзаніе отъ руки, захватить въ свои ру-  
ки бразды правленія, не скоро рѣши-  
въ уступить ихъ расудку; но той же  
же причиной, въ которой труднее  
сказать отъ веровъ, нежели отъ дѣла-

Оставивъ столицу и наружное управ-  
леніе дѣламъ, Андрей Джаксонъ ко-  
нечней оставилъ предвѣдѣлемъ; по-  
ражаго голоса въ слушаніяхъ, которо-  
му повиновалась демократическая пар-  
тия. е. воишествившимъ чело-  
вѣкомъ федерации, истиннымъ власте-  
иной жизни и страны. Наслѣдникъ  
о, Фан-Буренъ, былъ только его на-  
сѣдникомъ; предвѣдѣлемъ. Небо  
архано Джаксона члвкъ-то привле-  
кующимъ, призывающимъ къ себѣ

другихъ людей. Выбѣжимъ ростомъ, ве-  
личественнымъ, ласковымъ, преданнымъ  
другимъ, страшнымъ врагомъ, откоро-  
венный со всѣми, онъ властвовалъ  
надъ людьми, невольно подчинившимъ  
его нравственному вліянію. Въ за-  
труднительныхъ случаяхъ, торже-  
ственно отправлялись въ Нашвилъ со-  
вѣтоваться съ генераломъ; какъ съ ора-  
куломъ. Не смотря на то, въ 1840 го-  
ду, избраніе окончилось неблагопріят-  
но для его партіи. Американская демо-  
кратія, наученная общими свѣдѣст-  
веннымъ положеніемъ, котораго не могъ  
улучшить Фан-Буренъ, человекъ да-  
ровитый, но окованный жѣзными парти-  
ями, — уступила на-минуту голосу опы-  
та и избрала президентомъ генерала  
Гаррисона. Но счастье скоро возвра-  
тилось къ знаменамъ партіи. Въ 1844  
году, избраніе совершилъ Джаксонъ;  
онъ затѣялъ текасское дѣло и такимъ-  
образомъ довершилъ освященіе новой  
высшей политики, согласной съ ха-  
рактеромъ человека, завладеваемаго  
Флоридой, потому-что такъ ему было  
угодно и потому-что онъ былъ силь-  
нѣе. Это политика наступательная, ко-  
торая стремится соединить подъ однимъ  
закономъ весь материкъ Сѣверной-Аме-  
рики, отъ Панамскаго-Перешейка до  
странъ близъ-лежащихъ полюсу.

Джаксонъ умеръ черезъ три мѣсяца  
послѣ утвержденія въ президентствѣ  
того, кто теперь долженъ принять на  
себя отвѣтственность въ этой полити-  
кѣ. Онъ оставилъ Соединенные-Шта-  
ты совсѣмъ въ другомъ видѣ; нежели  
каковы они были въ 1829 году, когда  
онъ достигъ власти. Они, вѣроятно,  
подвергнутся еще болѣе-разительнымъ  
перемѣнамъ. Во внутренней управле-  
ніи онъ ослабилъ пружины конститю-  
ціи 1789 года, — пружины вѣжныя,  
которыхъ должны были касаться руки  
только человека спокойнаго и внима-  
тельнаго, а не грубая сила солдата, ед-  
ва ихъ не изломавшая. При возбуде-  
нной имъ игрѣ демократическихъ стра-  
стей; этотъ механизмъ не въ-состояніи  
уже сдерживать и править вышед-  
шимъ народонаселеніемъ Соединен-

ныхъ-Штатавъ. Изначѣ, онъ устранилъ методу Вашингтона. Начинается новая эпоха, эпоха распространеній, намѣстивъ съ далекою перспективою войны. Въ такомъ случаѣ, генералъ Джексонъ будетъ значить на вѣсахъ судьбы своего отечества и новаго-свѣта. Ничего не будетъ на страницахъ всеобщей исторіи. Конечно, чего не дали бы многія знаменитости за страничку въ исторіи! Но что скажетъ о немъ эта страничка? Глядя на упадокъ бывшихъ испанскихъ колоній, на роковое отчужденіе ихъ отъ элементовъ цивилизаціи, на смѣлость, дѣятельность и энергію Англо-Американцевъ, невольно вѣрнись, что эта страничка раскажетъ, какъ Соединенные-Штаты по пути, указанному имъ Джексономъ, дошли до владычества надъ обширѣйшими, прераспѣйшими странами міра. Мехика будетъ, можетъ-статься, присоединена вся съ Калифорніями; потому, — что знаетъ? — не дойдетъ ли очередь и до Центральной-Америки, до Панамы, потомъ до Канады, отъ одного океана до другаго? Что за пьедесталъ для безсмертія человѣка! Но при этомъ величественномъ развитіи могущества Англо-Американцевъ, если мы будемъ его свидѣтелями, какая участь постигнетъ ихъ свободу? Не позволительно ли ожидать, что военная власть замѣнитъ законъ своимъ произволомъ? Не началъ ли уже Джексонъ готовить свое отечество къ этому переходу? И что станетъ съ самымъ Союзомъ? Когда онъ увеличится до такой степени, какъ звать, не распадется ли федерація и не образуются ли изъ нея двѣ, три, четыре имперіи, завистливо наблюдающія другъ за другомъ съ мечомъ въ рукахъ? Рабство не распространится ли съ границами Соединенныхъ-Штатовъ?... Будущность, какъ подготовилъ ее, по-видимому, Джексонъ, заключаетъ въ себѣ все это величіе и все это зло. Не то скажетъ исторіи о Вашингтонѣ: здѣсь все благородно и чисто, все достойно удивленія и вѣчной признательности потомства...

✱

## ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ НАРЕНСКИМЪ ДЕНАРИМЪ.

Статья Жоржа Занда.

### ПИСЬМА КЪ ДРУГУ.

#### I.

До-сихъ-поръ, старый другъ, ты умичалъ меня твоимъ путешественническимъ превосходствомъ, и ждалъ, какъ я могъ тебѣ говорить только про Венецію или Пальму, ты, восторженный Мальганъ, въ своихъ чудесныхъ разсказахъ водилъ меня отъ Атласа къ Мысу-Доброй-Надежды и отъ Острова-Святой-Елены къ Острову-Мавракіи. Пора мнѣ было въ свою очередь пуститься на великія странствованія. Всю молодость томилъ меня это капризъ, и на вѣкатъ дней я чувствовалъ, что слѣдовало либо отказать отъ любимыхъ мечтаній, либо наконецъ превратить долги и безвольныя стремленія въ серьезныя подвиги.

Вотъ почему, не дальше какъ вчера утромъ, я рѣшился на подвигъ, и воротясь домой въ тотъ же вечеръ, послѣ благополучѣйшаго странствованія, вадумалъ описать тебѣ свои изслѣдованія.

Не желая дѣлать дѣло вполовину, я однимъ скачкомъ направился къ предѣламъ пустынь новаго-міра, и, востановивъ утро на ушаковку тюна изъ краснаго сукна, страусовыхъ перьевъ, оршенныхъ въ самыя яркіе шкіи, и пестраго стекларуса, собралъ снаряженіе и отправился съ нимъ въ путь, при благоприятной погодѣ. Забылъ, правда, слѣзть духовное заступаніе торжественно распротисться съ друзьями. Корабль поднималъ паруса... То есть, санинъ ожидалъ у подъяла, и, благодаря опычному кормчему, упрямому рулемъ этого вегикулъ, мы безпрепятственно достигли Прелестія-Сент-Онорѣ, гдѣ должны были высадиться у краснокожихъ Сьерра-Америки,

Другими словами, мы были допущены г-номъ Катленомъ къ осмотру внутренности залы Валентино, въ которой которой долженствовало происходить наше путешествіе по сорока-восьми индійскимъ племенамъ, на протяжении полторы тысячи миль.

Г-нъ Катленъ—путешественникъ общеповѣстный, достойный соперничать съ обою, любезный Мальгашъ, въ бодрости, неутомимости, воздержности и обожательности. Но, между-тѣмъ, мы ты посвятилъ себя специально изученію растений съ ихъ прелестными яствами, мотыльками и букашками, къ обратилъ свои наблюденія на предметы интересующій живописцевъ и романистовъ,—за изученіе человѣческой формы и пейзажа.

Слишкомъ—справедливо убѣжденный въ быстроту и близкомъ уничтоженіи туземцевъ Сѣверной-Америки, признавая важность этихъ народовъ для будущей живописной исторіи, въ Катленъ отправился одинъ, безъ оружей и руководителей, вооружась яствами и палаткою, чтобы приковать къ полотну и снасти отъ забвенія черт, нравы и костюмы этихъ такъ-называемыхъ дикахъ племенъ, которыхъ ястребъ слѣдовало бы именовать первобытными людьми. Восемь лѣтъ пролежалъ онъ въ этихъ изысканіяхъ и въ опасностію жизни осмотрѣлъ разныя племена народа почти въ цолльдонна душъ, теперь сокращеннаго къ на-половину, благодаря отлитію меля, водки, пороху, осей и прочихъ благодѣяній цивилизаціи.

Коллекція его содержитъ въ себѣ, кромѣ оружія, костюмовъ, черепковъ и самыхъ любопытныхъ утварей, свыше пяти сотъ картинъ, которыхъ одна часть есть галерея портретовъ съ статуры замѣчательнѣйшихъ мужчинъ и женщинъ различныхъ племенъ, а другая часть—серія пейзажей и сценъ индійской жизни, истребленій, ловль, плясокъ, жертвоприношеній, сраженій, мистерій и т. д. Г-нъ Катленъ проситъ снисхожденія публики въ описаніи, дѣланнымъ на-скоро,

подъ тысячью опасностей, иногда на какомъ-нибудь челнокъ, которымъ надо было править одной рукой въ то время, какъ другою рисовать.

Говоря правду, живописецъ отправился безъ таланта, и весьма-нетрудно было бы критиковать цѣль нѣкоторыхъ пейзажей, рисунокъ нѣкоторыхъ фигуръ. Но ему удалось достичь мало-по-малу результата, какого заслуживаетъ постоянство, добросовѣстность и чувство искусства, возможное даже и при незнаніи практической стороны. Отъ-того всякій артистъ признаетъ въ его картинахъ достоинство наивности, а въ большей части портретовъ отличный даръ сознанія, яркую истинность въ физиономіяхъ, подробности превосходнаго рисунка, проникнутаго вдохновеніемъ или отгадываемъ, наконецъ, нѣчто прочувствованное и понятное, что не достается никому безъ природнаго дара и чего не замѣнить никакая холодно-изученная теорія.

Такимъ-образомъ, я осмотрѣлъ индійскія племена безъ утомленія и опасности; видѣлъ ихъ черты, ощущивалъ ихъ оружія, ихъ трубки, ихъ скалки; присутствовалъ при ихъ страшныхъ посвященіяхъ, ихъ отважныхъ охотахъ, ихъ ужасающихъ пляскахъ; входилъ въ ихъ вигвамы. Все это очень стоитъ, чтобы добрые обыватели Парижа, уже знающіе поэтически тѣ края, благодаря Шатобриану, Куверу и проч., покинули домашній уголокъ и пошли собственными глазами удостовѣриться въ истинѣ прекрасныхъ описаній и любопытныхъ разсказовъ. Главами мы узнаемъ еще больше, чѣмъ воображеніемъ, и всякій, преобразивъ своимъ личнымъ чувствомъ разныя впечатлѣнія, получаемыя чрезъ виѣшніе органы, всякій, осмотрѣвъ музей Катлена, можетъ узнать дикую Америку еще лучше, чѣмъ до-сихъ-поръ могъ знать ее при помощи книгъ и мечтательности.

У большей части Индійцевъ г-нъ Катленъ бывалъ принятъ съ древнихъ



исстѣржимствой (\*). Онъ выходилъ у насъ прѣмью и доброту; но иногда едва не близился жертвою къ предразсудковъ — второ тайственнаго міра, объ который сокрушаются все благоразуміе и вся прѣдусмотрительность бѣлолицыхъ. Между прочимъ, однажды, выпросивъ позволеніе снять портретъ вождя, онъ съ удовольствіемъ чертилъ прекрасныя линіи его профиля; но одинъ изъ воиновъ, наблюдавшій за нимъ, сказалъ вождю: «Бѣлый тебѣ презираетъ; онъ пишетъ только по любви къ тебѣ, давая этимъ знать, что онъ принимаетъ тебя за получеловѣка.» Въ тотъ же мигъ, вождь, докинувъ свою пазу, кинулся на того, кто сдѣлалъ такое оскорбительное замѣчаніе, и промежъ ними завязался неистовый бой. Художникъ, трепеща за развязку борьбы, бѣжалъ и скрылся въ одно изъ укрѣпленій, расположенныхъ въ известномъ разстояніи одно отъ другаго въ Скалистыхъ-Горахъ, и назначенныхъ въ тому, чтобы покровительствовать Индіанамъ, то-есть наблюдать за ихъ движеніями. Побѣда осталась за вождемъ, и г-нъ Катленъ могъ воротиться доказывать портретъ. Великій эпидиогистъ убилъ вождя, раскрывшаго ему голову, то художникъ попался бы своей головою за яраженіе, къ которому подалъ поводъ (\*\*).

(\*) Катленъ издалъ свое путешествіе по-англійски, — великолѣпное изданіе, снабженное гравюрами съ его картинъ и наиболѣе удивительными фактами и интересными приключеніями.

(\*\*) Надо прибавить, что продолженіе портрета было для него затруднительно. Человѣкъ лица подлинника была похвально оскорбительна. Вотъ, по этому поводу, любопытныя разсужденія и суевѣрыя понятія, съ которыми путешественнику надлежало бороться въ продолженіе всего его артистическаго странствованія. Онъ всюду слылъ за волшебника; одни принимали его за великаго врача, потому что онъ дѣлалъ фигуры, имѣвшія видъ живыхъ и съ ядлыми глазами; другіе считали за злаго колдуна, могшаго по

Цивилизаціи; пропитавшая во внутренъ пустынн и потребляющая измѣнена, каждый день пугаетъ своимъ угрозами тѣхъ нѣзъ индіанскихъ вождей, которые начинаютъ обладать роскошью даровъ предвидѣнія. Эта горестная способность такъ чужда человеку въ натуральномъ состояніи, что, вообще; когда миссіонерамъ удастся убѣдить дикая сѣсть, сажать и держать скотину, кривошея бываетъ выкопанъ и сѣдѣтъ прежде чѣмъ пустить ростки, молодые деревья срублены, едва достигнуть вышины Артина, а скотина вся перебита на большой охотѣ, въ величайшей забавѣ юныхъ воиновъ. Однажды, факты бытія томятся такъ страшно на нѣзъ глазахъ, что мудрецы многихъ дикахъ поколѣній вырываютъ своихъ дѣтей миссіонерамъ для обученія, и отыскиваются промежъ собою отъ системы войны, сдѣлавшейся около столѣтія отъ употребленія огнестрѣльнаго оружія губительна, нежели бывала во всѣ прѣдѣдшіе вѣка. Явится ли намъ цивилизаціи на спасеніе этихъ бѣдородныхъ племѣнъ, когда они искренно пріймутъ ее? Сомнѣваюсь, потому что мы сами еще мало цивилизованы, и

произволу морить людей, которыхъ онъ носилъ съ собой дикая. Крѣпко умъ г-на Катленъ, что не сдѣлать этого сдѣланнаго для людей, но что волшебники имѣли власть надъ животными; что, такія-образомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ набралъ много буйвоковъ въ свою книгу, ихъ охотливо не стало въ степи, и что дичи скоро совсѣмъ не будетъ, если позволить ему продолжать охоту. Индіанцы, находившіяся теперъ въ Парижѣ, развѣ съ большою отвращеніемъ позволяютъ спихать съ себя портреты. Они приписываютъ этому отвращенію смерть одного изъ нихъ, умершаго въ Англіи отъ токи на ранахъ. Самъ вождь, который просилъ помощи между ними, согласился при нѣмъ дать съ себя писать портретъ, но съ условіемъ, что спихнуть только его костюмъ и пазу; для успокоенія его надлежало показатъ ему, что черты лица остались нерисованными.

экономическая промышленная деятельность и система отношений соперничества и лишь племена с племенем только по-прежнему причинами истребления. Взаимная охотничья вторжения на богатые земли у этих соседственных племен суть причины войны, все более учащающаяся по-прежнему, как племена сдвигаются все ближе одни с другими вследствие завоеваний для обработки земель. Приписка прибыли гужить другим источником истребления. Индейцы выучились промывать свои шкуры на наши произведения, и известное племя, соседственное с образованными селениями, губить больше в три дня больше ланей и буйволов для торговли, нежели прежде убило в первый год для своего потребления. Чем кончится эта губительная борьба, где первые успехи дикаря суть воздержанность, то-есть обширная система отравления, употребление орудий бийственных и т.д., чем были орудия пощады, и истребление дичи, единственного средства его пропитания? Ужасно предвидеть катастрофу, из которой они выйдут стрелами, и когда подумаешь, то столь-превозносимыя льготы Соединенных Штатов и отсутствие нищеты и негодяйства, дающія съ-виду американскому обществу столько преимуществ пред нашими, живут только на роковом истреблении ервобытных обитателей, то не стает ли глубоко скорбеть о чудовищном законе завоевания, который от начала мира парит надъ судьбою племенъ человеческих?

Въ выборѣ между необходимостью погибнуть отъ нищеты, либо принять нашу недостаточную цивилизацию, многие индейскіе вожди рѣшались на последнее, и ежедневно воровство, трактуемый промѣж главными вождями племенъ, — сдѣлющій: остаются ли подѣ шавомъ, проживая со-дня-на-день кое-какъ завоеваниями у соседей и дичихъ зверей; или дѣлать кирпичи, строить дома, позволять дѣлаться грамотѣ, воздѣлывать земли

и заключать мирные договоры съ окружающими племенами? Молодежь естественно склоняется къ новымъ идеямъ, старики отстаиваютъ прежнія, и, признаюсь, я, по своему разумію, нахожу, что позвѣи на сторонѣ послѣднихъ. Но до позвѣи ли настоящему времени!

Чтобъ привести одинъ только примѣръ этой борьбы стараго начала съ новымъ, разскажу тебѣ исторію *Мушу-ши-Кау*, то-есть *Блго-Облака*, вождя индейскаго племена Ювайевъ, обитающаго въ равнинахъ Верхней-Миссури, у подошвы Скалистыхъ Горъ. Отецъ его былъ знаменитый воинъ, неистово воевавшій съ соседями, и однакожъ державшій сторону религіи и цивилизаціи бѣлыхъ. Онъ погибъ жертвою заговора за то, что хотѣлъ наказать некоторыхъ воиновъ своего народа въ предательскомъ погубленіи мирныхъ соседей. *Блго-Облако* не оплакивалъ публично смерти отца съ обыкновенными церемоніями. Онъ затаялъ свою горестъ и поклялся отмстить. Дѣйствительно, въ равное время умертвилъ онъ шестерыхъ убійцъ, и перебилъ бы ихъ всѣхъ, еслибъ утрашенное племя не вздумало избрать его въ вожди. Царское достоинство не наследственно у Ювайевъ, и одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ, налагаемыхъ на избранника цѣлаго племена, заставляеть его отречься отъ всякой личной мести. *Блго-Облако* долго отказывался; и когда увидѣлъ себя въ необходимости принять предводительство, далъ волю своей горести, праздновалъ торжественныя похороны отцу, заперся на мѣсяцъ въ своемъ шатрѣ, не допуская къ себѣ никого. Этого юноша, съ благородными и прѣкрасными чертами, но характера холоднаго и меланхолическаго, отрекся съ-тѣхъ-поръ отъ ужасныхъ думъ, его волновавшихъ.

Предавшись труднымъ и важнымъ размышленіямъ, онъ зарылъ въ землю *томалаукъ войны*, и вынулъ себя въ славу носить имя миролюбиваго вождя. Онъ видѣлъ, какъ его племя убы-

вало со-дня-на-день, какъ оспа вдругъ сократила его на-двѣ трети; то-есть отъ шести тысячъ подданныхъ у него осталось только двѣ тысячи. Къ этимъ причинамъ скорби прибыла еще одна, которая намъ показалась бы ребячествомъ, но которая важна въ понятіяхъ Индійца. На одномъ глазу у него выросло бѣльмо, и страхъ потерять зрѣніе, вмѣстѣ съ стыдомъ, какимъ тѣлесный недостатокъ покрываетъ чело воина и вождя, внушилъ ему намѣреніе идти къ бѣлымъ, сколько въ надеждѣ излечиться отъ недуга, столько жъ и для того, чтобъ вознаградить свой недостатокъ обаяніемъ, какое прасвоивается людямъ путешествовавшимъ, *людямъ бывалымъ*.

Онъ поручилъ правленіе дядѣ и отправился въ Вашингтонъ, гдѣ излеченіе его признано невозможнымъ, но гдѣ онъ возмнилъ желаніе совершенно цивилизовать свое племя. Дѣло было не легкое. По возвращеніи домой, онъ встрѣтилъ много оппозиціи у своихъ. Часть вождей благопріятствовала его плану, остальные противились. Тогда было принято одно изъ тѣхъ рѣшеній, которому подобнаго не нашлось бы въ нашей новой цивилизаціи, но которое вполне соответствуетъ духу древнихъ обществъ. Положено было, что *Бѣлое-Облако*, сопровождаемый своимъ семействомъ и главными мудрецами и воинами поколѣнія, отправится посѣщать носеленія бѣлолицыхъ (до ту сторону великаго соленого озера *Жеана*), что они будутъ путешествовать сколь-можно-дальше и дольше, и что если, по возвращеніи, засвидѣтельствуютъ совершенное превосходство образованія бѣлолицыхъ надъ краснокожими, если привезутъ много подарковъ, если будутъ въ-состояніи похвалиться своимъ опытомъ и упорствовать въ своемъ мнѣніи, тогда племя построитъ дома, станетъ поддерживать миръ съ сосѣдями, начнетъ обрабатывать землю, и дѣтей воспитывать по образу бѣлыхъ. Не думаю, чтобъ племя и самъ вождь имѣли понятіе о широтѣ океана, протяженіи

матеріа и потребностяхъ жизни у насъ; иначе, они отступились бы отъ такого чудовищнаго предпріятія. Но преклоненные обѣщаніями католическихъ миссіонеровъ (\*), простодушные, довѣрчивые и любознательные, подобно первобытнымъ людямъ, они утвердили договоръ, и *Бѣлое-Облако* пустился въ путь съ своимъ семействомъ, залпнатедемъ, витіей и друзьями въ столицу Соединенныхъ-Штатовъ, а оттуда въ Европу, увѣренные, что по возвращеніи они будутъ предметомъ восторженнаго поклоненія и могутъ приобрести безспорное господство. Не безъ причины *Бѣлое-Облако* выбралъ знаменитѣйшія лица племени въ спутники себѣ: Индійцы, которые никогда не переходили за предѣлы пустыни, не вѣрять чудесамъ цивилизаціи, и все, что имъ говорить про наше благосостояніе и нашу промышленность, считаютъ за несбыточные сказки, имѣющія цѣлью привлечь ихъ и обмануть. Въ 1832 году, *Уи-Джесс-Джонъ* (*Голова юлубинаго лица*), одинъ изъ отличнѣйшихъ воиновъ *Ас-сил-ли-бойнесъ* (*варяжскихъ камней*) привезенъ былъ въ Вашингтонъ майоромъ Сэн-орломъ. Онъ отправился одѣтый въ буйволыи кожи, орлиныя перья и человѣческіе волосы. Въ пустыню воротился онъ въ суконныхъ панталонахъ, въ редишотѣ,

(\*) Католическіе миссіонеры имѣютъ больше прозелитовъ, нежели протестантскіе; причина тому проста. Реформатская религія слишкомъ-холодна и расудительна для этихъ пламенныхъ изображеній. *Бѣлое-Облако* съ женою принялъ католицизмъ, но на условіи не отправлять этого богослуженія въ-въ. Миссіонеры принуждены бывають дѣлать такую уступку и велеть говорить обращеннымъ дикарямъ, что ихъ земляки, въ будучи еще довольно-приготовлены къ принятію святаго ученія, принимали бы къ нему языческіе обряды, оскорбительныя для имени Христа; но дѣло въ томъ, что новообращенные не возманили бы безъ опасности храма Христа на мѣстѣ *амлетъны* тамисты.

бобровой шляпѣ, съ опахаломъ въ кѣ (\*)). Но тѣмъ и ограничилось его жество. Съ любопытствомъ осмо- въз его нарядъ, земляки разспросили, объявили его рассказы невѣроят- ни, судили его какъ лжеца, и тор- ственно умертвили. Во избѣжаніе добной участи, Бѣлое-Облако взялъ проводники десятирехъ достой- ихъ вѣры лицъ, которыя, съ прида- о двухъ дѣтей, составляютъ колонію вадцати Индійцевъ - Юванейвъ те- рь въ Парижъ, и съ ними-то имѣлъ честь дружески бесѣдовать, какъ скажу тебѣ послѣ.

Продолжаю повѣсть похода новыхъ гонимовъ. Прибывъ въ Вашинг- въ, они встрѣтили затрудненія, ко- рыхъ, конечно, не предвидѣли. Съ ной стороны, нужны были деньги а ихъ кругосвѣтнаго путешествія, а съ ихъ капиталъ состоялъ только въ ерельяхъ изъ *самуа*, дорогихъ ра- винъ, ходящихъ у нихъ за мовету и свныхъ каждымъ воиномъ на шеѣ.

Съ другой стороны, правительство единенныхъ Штатовъ противилось въ отъѣзду въ Европу. Со-временн чальнаго конца Озаговъ, помер- ихъ у насъ отъ гора и нищеты, по- чительное правительство Индійцевъ, ая худое впечатлѣніе, какое произ- дятъ на нихъ рассказы о подобныхъ манахъ, не даетъ имъ позволенія ѣзжать изъ отечества. Потому, бла- роднымъ авантюристамъ требова- етъ то, что мы на нашемъ прозаче- ныхъ явыкъ и въ нашихъ прозаче- ныхъ нравахъ называемъ автрипенѣ- нъ. Нашелся одинъ, который при- ль на себя значительныя издержки гешествія, и весь за Юванейвъ 0,000 франковъ обезпеченія амери- скому правительству.

Наши понятія отвергаютъ такое эксплуатированіе челоѣка, и первое движеніе парижской публики было негодованіе, что король съ его дво- ромъ, исполняющіе свои священныя пляски, выставлялись намъ на под- мостки за плату по 2 франка съ зри- теля. Иные сомнѣваются въ знат- номъ санѣ этихъ живыхъ рѣдкостей, предлагаемыхъ нашимъ взорамъ; дру- гіе думаютъ, что ихъ обманываютъ, и что они не разумѣютъ унизительнаго предразсудка, связаннаго у насъ съ по- добной ролью, ибо необходимыя объ- ясненія, бывающія при ихъ представ- леніяхъ, даютъ имъ съ вида нѣкоторое сходство съ представленіемъ дикихъ животныхъ или восковыхъ фигуръ.

Между-тѣмъ, нѣтъ ничего достовѣр- нѣе той добросовѣстности, которая об- наружена при взаимныхъ обязатель- ствахъ этихъ Индійцевъ съ ихъ про- водникомъ; и если мы усилимся отрѣ- шиться отъ нашихъ привычекъ и предразсудковъ, то признаемъ, что мысль, руководящая Бѣлое-Облако и его спутниковъ, совершенно-похожа на ту, какая побуждала древнихъ героевъ, авантюристовъ баснословныхъ вре- менъ (\*), путешествовать и учиться на-счетъ народовъ, которые ихъ при- нимали и производили съ ними наив- ный обихъ элементарныхъ свѣдѣній и подарковъ, сообразно нравамъ вре- мени и странъ. Безъ всякаго сомнѣнія, новый Язонъ не чувствуетъ вѣса на- шихъ предразсудковъ касательно пуб- личной выставки себя, и соотечествен- ники его никогда не поймутъ этихъ предразсудковъ. Онъ прибылъ, пока зываетъ себя, видятъ насъ и видныи нами. Онъ надѣваетъ свой красивѣй- шій костюмъ, расцѣпываетъ лицо своею драгоцѣннѣйшею краскою, сидитъ, какъ подобаетъ владыкѣ, между свои- ми гордыми пряснѣшниками, велича- во курить трубку, обращаетъ чрезъ

(\*) Двойной портретъ этого дикаго для въ двухъ различныхъ костюмахъ одна изъ интереснѣйшихъ страницъ перемъ Катлена. Подробности его исто- , приведенныя въ пушествіи г-на Кат- ла, отъи-любобытны.

(\*) Баснословныя времена еще дались для этихъ Индійцевъ, неимѣющихъ ис- терій.

уста своего почтеннаго антіа радушную и благородную рѣчь къ удивленной публикѣ, благодарить великаго духа за то, что онъ довелъ его цѣла и невредима къ бѣлымъ, которыхъ онъ любить и уважаетъ, поручаетъ ихъ Небу вмѣстѣ съ самимъ-собою и своими; потомъ, по приглашенію переводчика, передающаго ему желаніе бѣлолицыхъ присутствовать при самомъ уважаемомъ и прекрасномъ изъ торжествъ его народа, велитъ начать военный танецъ, либо еще священнѣйшій танецъ калюмета. Онъ самъ беретъ тамбурина или гремяшку, аккомпанируетъ своимъ звучнымъ и гортаннымъ голосомъ пѣнію товарищей. Грозные воины, миленькій ребенокъ и степенный, цѣломудренный жрица скачутъ вокругъ него хорОВОДОМЪ; иногда, обильный энтузіазмомъ среди священныхъ обрядовъ, напоминающихъ ему славу предковъ и милую родину, самъ онъ встаетъ и выдаетъ въ пляску съ ними. Не смотря на глаза, подернутый бѣлостью, и на грустную свою улыбку, онъ прекрасенъ, благороденъ, и воспоминаніе его печальной и мужественной доли привлекаетъ участіе публики, которая вообще добра и скоро переходитъ отъ ужаса къ удивленію. Натанцовавшись по произволу (ибо никто имъ не приказываетъ, да они и не привли бы никакого требованія, которое переводчикъ не представилъ бы имъ въ кроткихъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ), они подходятъ къ публикѣ и величаво садятся передъ нею. Художники также подходятъ любоваться красотою ихъ формъ и благородствомъ чертъ. Добрыя души, ревнуя подать почтительную мѣстность, сколько-нибудь пріятную бѣднымъ странникамъ, предлагаютъ имъ маленькіе подарки, которые они берутъ съ достоинствомъ, безъ всякой видной зависти другъ къ другу. Потомъ публика приглашается аплодировать имъ въ благодарность за ихъ обязательность, и аплодиссманъ, единственный языкъ, накой они могутъ отъ насъ получить, щедро осыпаетъ ихъ. Зрители

подаютъ имъ руки. Жрица, свѣтлая и запуганная ихъ грозною наружностью и дикимъ выраженіемъ, какое рождала пляска сообщила чертамъ ихъ, обдарились, глядя на ихъ важный, гордо-застѣнчивый видъ, и на ту смѣлость и добѣрчивость, которая дѣлаетъ ихъ столь трогательными. Они отвѣчаютъ на привѣты и мощно поджимаютъ прогнанные имъ руки. Фигляры ль это, которымъ выдаютъ медную монетку, и которыхъ можно освободить? Я бы не свѣтовалъ зрителямъ дѣлать подобный одитъ. Вооруженные своими острыми дротиками и страшными томагуками, которыми управляютъ съ такою граціей и силою, и которыми, танцуя, сверкаютъ въ глазахъ зрителямъ, они, пожалуй, пожалуй бы оскорбленіе и проказали бы намъ, что можно любоваться грозною дѣла и гадать шерсть тигра, но это не должно шутить съ сынами пустыни, какъ мы иногда жестоко шутимъ съ нашими ближними. Знаютъ ли они, что это право покупается у входа? Цѣбрыонитъ, а если и знаютъ, что имъ платятъ, то ихъ святая наивность считаетъ плату просто за подарокъ, за свѣдѣтельство гостепріимства бѣлолицыхъ. Теперь, зная ли передъ ними авторитетъ, что обходится съ ними совершенно ихъ понатіямъ, хотя имъ повѣли противны: нашимъ? Не думаю, — потому-то, во-первыхъ, они довольны, они свободны, ихъ дѣлаютъ участниками выгодъ, которыя одѣ додутъ имъ возможность построить себѣ кирпичныя дома, предметъ ихъ мечты, и населить долами и оврагами безграничныя степи, откуда лани и буйволы удаляются; во-вторыхъ, ихъ контрактъ обязываетъ антропревѣра доставить имъ назадъ домой, какъ скоро они позволятъ отправляться, хоть завтра, хоть сейчасъ въ Америку, если ими овладѣетъ тоска по родинѣ; наконецъ, въ-третьихъ, дозволеніе, полученное антропревѣромъ, Г-номъ Мелое, отъ своего правительства, именцо основано на его испытанномъ, честномъ характерѣ и на ручательствѣ, какое представляется

того характеръ, за отеческою обра-  
щение съ индiйскими путешественни-  
ками.

Правда, часто на них находятъ  
ружь и сильное желанiе возвратиться  
къ роднымъ пустынямъ; но утѣренность,  
что ничто ихъ не задерживаетъ непре-  
дѣлимъ волю, даетъ имъ твердость вы-  
держивать необходимый срокъ. Въ до-  
лжныя часы, они принимаютъ посѣ-  
тителей и велятъ Джефри, смѣшленно-  
му переводчику, находящемуся при  
нихъ безотлучно, объяснять имъ все,  
что они видятъ и слышатъ. Ежедневно  
въ Натанеръ посвящаютъ два часа  
на чтенiе или курсъ начальныхъ осно-  
ваний исторiи, и онъ утѣрялъ меня, что  
индiйцы слушаютъ его внимательно,  
серьезно съ восторгомъ. Рассказы о  
славныхъ войнахъ воспламеняютъ ихъ;  
они начинаютъ понимать причины  
и результаты войнъ и результаты; но, при-  
знаюсь тебѣ, они еще не такъ фи-  
лософы, чтобъ разумѣли нѣчто цѣлы-  
е и получили исторiю Наполеона.  
Для диварей это уже много; но, въ-  
общемъ, это не достаточно для воин-  
ственныхъ народовъ, чувствующихъ  
необходимость оторваться отъ войны.

Итакъ, зрѣлище страшное, очень-  
новое для нашего брата, парижскаго  
бланьера, и способное воспламенить ху-  
дожественность, можемъ мы теперь видѣть  
по два раза въ день въ залѣ Валенти-  
ю. При первомъ взглядѣ, я съ своей  
стороны ощутилъ самое сильное и са-  
мое тягостное впечатлѣнiе, какое ко-  
гда-либо производила на меня данто-  
нина. Я только-что просмотрѣлъ все  
главающiе предметы, которые состав-  
ляютъ музей Калана, — переобитыя  
палаты, которые теперь замѣнены  
калѣвскими тисерами выдѣлки бѣ-  
лыхъ, но которые первоначально со-  
стояли изъ большаго кирпича, вставлен-  
наго въ деревянную раму; привиле-  
гиты и бродяжные черева, разле-  
женные на столѣ, которыхъ большая  
часть крадена съ дѣлыванiемъ,  
розовые домы, астеритомъ вы-  
скаки, карнизы, изображающiя сра-  
ма едого восточнаго въ лависта.

Кавиц, цыткн, гомаринескiя лопы, та-  
бительныя битвы, — словомъ, все па-  
матники и все страшнo-драматическiя  
сцены дикой жизни, особенно портре-  
ты, которыхъ фантастическiя наряды  
разнообразны до безконечности и протъ  
водятъ человѣческую фигуру по все-  
возможнымъ средствамъ съ дикими  
животными. Когда отъ грекушентъ,  
раздавшiйся скоро отъ приближенiя  
стада, утѣрился меня, что пора  
занять мѣсто, я былъ совершенно  
настроенъ къ испугу, и когда увидѣлъ  
во плоти эти расоранные фигуры — од-  
нихъ въ красномъ красномъ платьѣ  
сидя въ видѣхъ ихъ своды пламя, дру-  
гихъ въ синевато-блѣмъ съ пушкы-  
ми обводами вокругъ головы, третьихъ  
въ кѣлочномъ желтозеленомъ, четвер-  
тыхъ, наконецъ, полукарасныхъ, подку-  
бныхъ, либо съ полосуами синими по  
природному бронзовому фону тѣла  
всѣхъ въ ординныхъ перлахъ, въ ор-  
досныхъ гривахъ, — эти набухающ-  
тѣла, превосходныя модели для ста-  
туэра, но непреодолимая мажескою и об-  
вѣщевыя ожерельями и металличес-  
скими браслетами, — эти ожерелья маж-  
медальжыхъ костей, которые, кажется,  
раздираютъ грудь носящихъ ихъ, то  
эти платья мажъ буйволыныхъ и бѣлыхъ  
волчьихъ шкуръ съ выдѣлками хвостовъ  
ми, словно жидки эти и нѣтъ хвосты, то  
эти шиты и аорички, убранные чело-  
вѣческими волосами и зубами, — при-  
знаюсь, страхъ овладѣлъ мною, и я пробъ-  
раженъ перенести меня въ бреду мажъ  
мыхъ ужасныхъ спидъ *Настоящая мажъ*  
*Можкал*. Воее другой видѣлся мнѣ  
когда дивная музика начала сигналь  
военнаго тапта. Трое индiйцевъ съ  
на земь; одинъ ударяетъ въ табуретъ;  
убраныя кожей и украшенныя бѣлы-  
хой и разноцвѣтной шерстью; другой держитъ  
самъ дикую, шоловечную веревку  
третiй молоткомъ дымитъ дукъ — дукъ  
му два зуботыже дукса дерева ягрова;  
горлавыя голода, немнѣние въ себя  
жакъ-буало нѣчего, желобчатое, пол-  
нати глухо и мѣрно сверчачие, и пашитъ  
ромъ, металлическiя мѣтъ гудящiя  
въ своемъ ужасномъ дѣлѣ, видѣныя

уста своего почтеннаго вѣтїи радужную и благородную рѣчь къ удивленной публикѣ, благодарить великаго духа за то, что онъ довелъ его цѣла и невредима къ бѣлымъ, которыхъ онъ любить и уважаетъ, поручаетъ ихъ Небу вмѣстѣ съ самимъ собою и своими; потомъ, по приглашенію переводчика, передающаго ему желаніе бѣлолицыхъ присутствовать при самомъ уважаемомъ и прекрасномъ изъ торжествъ его народа, велитъ начать военный танецъ, либо еще священнѣйшій танецъ калюмета. Онъ самъ беретъ танбурина или гренушку, аккомпанируетъ своимъ звучнымъ и гортанвымъ голосомъ пѣнію товарищей. Грозные воины, милецкій ребенокъ и степенный, цѣломудренный женщины скачутъ вокругъ него хорородомъ; иногда, обильный энтузіазмомъ среди священныхъ обрядовъ, напоминающихъ ему славу предковъ и милую родину, самъ онъ встаетъ и выдаетъ въ пляску съ ними. Не смотря на глаза, подернутый бѣлостью, и на грустную свою улыбку, онъ прекрасенъ, благороденъ, и воспоминавіе его печальной и мужественной доли привлекаетъ участіе публики, которая вообще добра и скоро переходитъ отъ ужаса къ удивленію. Натанцовавшись по произволу (ибо никто имъ не приказываетъ, да они и не привади бы никакого требованія, которое переводчикъ не представилъ бы имъ въ краткихъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ), они подходятъ къ публикѣ и величаво садятся передъ нею. Художники также подходятъ любоваться красотой ихъ формъ и благородствомъ чертъ. Добрыя души, ревнуя подать почтительную милостыню, сколько-нибудь пріятную бѣднымъ странникамъ, предлагаютъ имъ маленькіе подарки, которые они берутъ съ достоинствомъ, безъ всякой видной зависти другъ къ другу. Потомъ публика приглашается аплодировать имъ въ благодарность за ихъ обязательность, и аплодиссманъ, единственный языкъ, какой они могутъ отъ насъ слышать, щедро обсыпаетъ ихъ. Зрители

подаютъ имъ руки. Женщины, сначала напуганныя ихъ грозною наружностью и дикимъ выраженіемъ, какое воинская пляска сообщала чертамъ ихъ, обдрияются, глядя на ихъ наивный, гордо-застѣнчивый видъ, и на ту смѣсь грусти и довѣрчивости, которая дѣлаетъ ихъ столь трогательными. Они отвѣчаютъ на привѣты и мощно поджимаютъ протанутыя имъ руки. Фигляры ль это, которымъ выдаютъ мелкую монетку, и которыхъ можно осматривать? Я бы не совѣтовалъ зрителямъ дѣлать подобный одрѣтъ. Вооруженные своими острыми дротиками и страшными томагуками, которыми управляютъ съ такой граціей и силою, и которыми, танцуя, сверкаютъ въ глазахъ зрителямъ, они, пожалуй, поняли бы оскорбленіе и приказали бы намъ, что можно любоваться грозною дѣла и гадить шерсть тигра, но это не должно шутить съ сынами пустыни, какъ мы иногда жестоко шутимъ съ нашими ближними. Знаютъ ли они, что это право покупается у входа? Давѣдноснѣтъ, а если и знаютъ, что имъ платятъ, то ихъ святая наивность считаетъ плату просто за подарокъ, за свѣдѣтельство гостепріимства бѣлолицыхъ. Теперь, ринуть ли передъ ними австрепренъ, что обходится съ ними совершенно ихъ понятіямъ, хотя ихъ понятія противны нашимъ? Не думаю, — потому-что, во-первыхъ, они довольны, они свободны, ихъ дѣлаютъ участниками выгоды, которыя одѣ дѣлать имъ возможность построятъ себѣ кирпичныя дома, предметъ ихъ мечты, и заселить долами и одами безграничныя степи, откуда лани и буйволы удаляются; во-вторыхъ, ихъ контрактъ обязываетъ австрепрера доставить имъ назавд домомъ, какъ скоро они пожелаютъ отправляться, хоть завтра, хоть сейчасъ въ Америку, если ими овладѣетъ тоска по родинѣ; наконецъ, въ-третьихъ, дозволеніе, полученное австрепреномъ, г-номъ Мелодомъ, отъ своего правительства, именемъ основано на его испытанномъ, честномъ характерѣ и на ручательствѣ, какое представляется

этот характер, за отеческой обращеніе съ индійскими путешественниками.

Правда, часто на них находятъ грусть и сильное желаніе возвратиться въ родины пустыни; но увѣренность, что ничто ихъ не задерживаетъ вопреки ихъ воли, даетъ имъ твердость выдерживать необходимый срокъ. Въ долужныя часы, они принимаютъ почитателей и велеть Джефри, смысленному переводчику, находящемуся при нихъ безотлучно, объяснять имъ все, что они видятъ и слышатъ. Благосклонно въ Натемаръ посвящаетъ два часа на чтеніе имъ курса начальныхъ основаній исторіи, и онъ увѣрлялъ меня, что Индіицы слушаютъ его внимательно, особенно съ восторгомъ. Раисакамъ о ланьскихъ войнахъ восхваляютъ ихъ; на мачианкта жонимать вричаны гакъ: войны и результаты; но, принаюсь тебѣ, они еще не галиа фисосомъ, итотъ разумли итче цоныне и полуше исторію Народолева. да диварей это уже много; но, вѣроятно, это не достаточно для воинственныхъ народовъ, чувствующихъ необходимость оторваться отъ войны.

Итакъ, вѣрлище странное, очень зное для нашего брата, парижскаго ганѣра, и способное воспамятовать хужихишекъ, можеть вы теперь видѣть два раза въ день въ залѣ Валенти). При первомъ взглядѣ, я съ своею ороны ощутилъ самое сильное и самое тлгостное впечатлѣніе, какое когда-либо производила на меня рантиона. Я только-же пересмотрѣлъ всѣ казавшіе предметы, которые составляютъ музей Каллена, — перобытныя гинды, которые теперь замѣнены ятвскими тсирами выдѣли бѣихъ, но которыя первоначально содлали изъ болшаго кремня, оставленго въ доразвинутой далу; привилегго и безобразныя черепа, разлешные на столѣ, которыхъ болшаасть крайняя гайды киральшроданаля, двавая добыча, отералительмыа жки, паркиды, изображающія срамъ и смерта павашаема на мажисаа.

кавич, пытки, гомарниескія лопки, тлбительныя битвы, — словомъ, всѣ паматники и всѣ страшныя драматическія сцены дилой жизни, особенно портреты, которыхъ фантастическія чарды разнообразны до безконечности и протъ водить человѣческую фигуру по всевозможнымъ сходствамъ съ дикими животными. Когда стукъ гремушетъ, разлавишя слово отъ приближенія стала, увѣрившия меня, что пора занять мѣсто, я былъ совершенно настроенъ къ испугу, и когда увидѣлъ во плоти эти рисованныя фигуры — одиныхъ въ красной красной прѣтѣ, словно видишь ихъ сквозь пламя, другихъ въ синевато-бѣломъ съ лучиномъ, и оброчани вѣдугъ глззѣ, третыхъ въ кѣтчатомъ желтозеленомъ, четвертыхъ, наконецъ, полукасныхъ, полубѣлыхъ, либо съ полосами синими по природному бронзовому фону тѣла всѣхъ въ одиныхъ перьяхъ, въ одиныхъ гривахъ, — эти полунагія тѣла, превосходныя модели для статуера, но испещренныя мажекою и обрѣдываыя ожередами и металлическими браслетами, — эти ожереда и мажеды жныхъ ногтей, которые кажутся раздирать грѣхъ всащай ихъ, то эти плащи изъ буйволовыхъ и бѣлыхъ волчьихъ шкуръ съ вислыми хвостами, словно мади эти имѣютъ хвосты, то эти шиты и аротки, украшенныя челдовѣчскими волосами и зубами: — итотъ видюсь, страдъ ятлалъ мирю, и проображеніе черенесе мена въ среду сѣмыхъ ужасныхъ сценъ *Населенія итв Мижкаа*. Всео другое видюсь итѣи когда дикая музика подала сигналъ всеяго танца. Трое Индіицевъ вѣли на земь; одинъ ударяетъ въ тамбура, и украшеній кожани и преламціи глѣтхой и заунывный звукъ; другой метреть сазъ хкиру, надолчающую черенить трелій моделию димать другъ-о-другу два аубетельа луска дерева; третий, горлаиные голода, напоминаю въ аубѣ, какъ-було илпего, жловошеского, полкчати глѣзое и итронворчачіе, и рашѣ, ромъ, павашающія итѣи етваторчачіе, асаомъ ужасномъ зборѣ, влѣдѣа



впередъ, разнаживая то дротикомъ, то лукомъ, то топоромъ, то нагайкой, то щитомъ, то султаномъ, то плащомъ, словомъ всѣми дикими и сложными принадлежностями военного костюма. Прочіе послѣдовали за ними: тѣ, которые сбросили плащи и обнажили свои вздымающіяся груди и гибкія какъ змѣи руки, были еще ужаснѣе. Казаюсь, ихъ носило какое-то безумное бѣшенство; хриплые клики, лай, рычаніе, острый свистъ, и тотъ военный крикъ, который испускаетъ Индеецъ, прикладывая пальцы къ губамъ, и который, далеко повторяясь въ степи, леденитъ ужасомъ заблудившагося путешественника,—прерывали гнѣивъ, перепутывались и смѣшивались въ адскій концертъ. Меня обдало холоднымъ потомъ; мнѣ показалось, что я готовъ присутствовать при настоящей операциіи сальпирования надъ камишъ-либу въ побѣжденнымъ врагомъ, или при какой-нибудь другой еще страшнѣйшей мукѣ. Изъ всего, что было у меня передъ глазами, я видѣлъ только ужасныя актѣровъ, и воображеніе мое вставляло ихъ въ истинную ихъ раму, подъ вѣковыя деревья, на блескъ огня, пожиравшаго мясо жертвъ вдали отъ всякой человѣческой помощи; ибо видимые мною были не люди, а стѣсненные демоны, опаснѣе и безжалостнѣе волковъ и медвѣдей, среди которыхъ я съ радостью искалъ бы убійца. Вѣтрившая парижская публика, которая забывается прежде, чѣмъ удивляется, смѣлалась вокругъ меня, и смѣхъ этотъ казался мнѣ смѣхомъ духовъ тьмы. Я опомился лишь тогда, когда пляска прекратилась и когда Индійцы, словно чудомъ, снова приняли то добродушное и дружелюбное выраженіе, которое дѣлаетъ ихъ съ-виду людьми лучше насъ. Не смотря на свою веселость, лублинка, полагаю, нѣсколько испытала одинаковыя со мною впечатлѣнія: ибо, по торопливости, съ какою она пожимала руки *скалѣрамъ*, можно было подумать, что она старалась сдружиться съ предателями страха, но что не желала ничего

лучшаго, какъ удостовѣриться въ своемъ добромъ согласіи съ господани-дикими. Я дѣлалъ какъ публика, то есть ободрился до желанія завязать знакомство съ племенемъ, и отвѣждалъ даже впроякнувъ къ нимъ въ домашній бытъ съ моими дѣтми, не слишкомъ опасаясь видѣть ихъ пограничными. По-сѣщеніе это составило вторую часть моего путешествія и предметъ второго письма.

## II.

Я нашелъ *Бѣлое-Облако* въ тѣсной комнаткѣ второго этажа, совершенно-немѣблированной, потому что Индійцы питаютъ еще глубокое презрѣніе къ большей части нашихъ удобствъ, и когда въ первый разъ мы дали постели, то на утро ихъ нашли подъ шрапалки. Ихъ постели суть разостланные на полу мѣха, и вождь, сидя втурецки на своей медвѣжьей шкурѣ, витѣлъ подлѣ себя жену и дочь, *Мудрость*, дѣвочку двухъ съ половиною лѣтъ, крещенную, подобно отцу съ матерью, и еще сосущую грудь по обычаю родины. Вождь, подобно многимъ обращеннымъ Индійцамъ, есть не дальнимъ христіанинъ, т. е. онъ, не смотря на крещеніе, витѣтъ въ отечествѣ еще трехъ жень.

Одинъ изъ его сыновей воспитывается въ коллегіи въ Англіи или въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Онъ слегка кивнулъ мнѣ головою, и когда я развернулъ передъ нимъ кусокъ краснаго сукна, самый драгоценный даръ, какой можно сдѣлать индѣйскому вождю, онъ удостоилъ меня улыбки и впротавулъ мнѣ руку. Жена казалась больше тронута пышностью моего приношенія и испустила восхищеніе; потомъ, тотчасъ же, завернула ребенка въ это сукно, чтобы позвать мнѣ, что она нимъ дорожила и приняла его благосклонно. Квѣда успѣла она взять ожерелье, которое я назначалъ ей, какъ развязала его, разглядывая съ любопытствомъ каждую бусу, и дикій монархъ, будучи не въ силахъ противиться тому же искушанію,

е переставала вертѣть въ рукахъ тотъ стеклярусъ и рассматривать его, е смотря на важность бесѣды, которая за тѣмъ послѣдовала и въ которой му угодно было принять участіе.

Я роздалъ всѣмъ Индійцамъ по парку, и каждый надѣлъ его на себя, оказывая имъ тѣмъ свое одобреніе.

Имева мужичья суть: *Великій - Хокъ* и *Ступай-спереди*: это два молодые она одинаково-прекрасные по формѣ, но весьма-различныхъ физионоій, ибо одинъ съ-виду кротокъ и великъ какъ дитя, а другой имѣетъ страшное выраженіе хитрости и жестокости; дагѣ, врачъ-заклинатель, о прозванію *Нони-съ-волдырли*; поимъ *Идущій-Дождь*, съ сыномъ, ребенкомъ одиннадцати лѣтъ, прекраснымъ какъ маленькій Аяксъ; наконецъ, *Волчонокъ* и женщины. Расскажу себѣ о каждомъ порознь.

Самый свѣдущій, самый мудрый и самый краснорѣчивый изъ этихъ вельможъ, безъ сомнѣнія *Идущій-Дождь*. удучи витіей племени, онъ имѣетъ военный вождь, такъ-сказать военный министръ *Блаю-Облака*, который есть *мирный или сельскій вождь*, е. государь. *Идущій-Дождь* совершилъ тридцать походовъ, и въ сени особенно покрылъ себя славою. го, такъ же, какъ и врача, полозрѣютъ въ содѣйствіи умерщвленію отца *Блаю-Облака*. Онъ былъ однимъ изъ наиболее-домогавшихся избравія *Блаю-Облака*, и тѣмъ обезопасилъ себя ть его шщевія.

Между ними незамѣтно никакой невинности. Кто, однако, можетъ сказать, икія незримыя драмы происходятъ. уиѣ и допашнемъ быту этихъ странниковъ?

*Идущій-Дождь*—мужчина лѣтъ пяти-сести - шести, очень-высокаго роста, величаво-степенной наружности. онъ никогда не улыбается, обращаясь рѣчью, и тогда-какъ грустная физиономія *Блаю-Облака* дѣлаетъ внодъ изъ великодушія это усиліе, физиономія старика остается холодною владучивною. Лицо его широко и вы-

разительно, но не представляетъ никакой разницы очертавіи съ нашими, кромѣ безпрестаннаго напряганія мускуловъ шеи подъ челюстными углами. Эта отличительная черта его племени придаетъ ему видъ сродства съ кошачьей породою.

Черта эта исчезаетъ даже почти-совсѣмъ у *врача*, который имѣетъ лицо пріятное и тонкое, по всѣмъ нашимъ понятіямъ о физиономіи. Хотя ему шестьдесятъ лѣтъ, однакожь руки его еще сохраняютъ округлость и красоту, достойную античной статуи, и станъ его стройнѣе всѣхъ. Подвижность его и живость въ пляскѣ свидѣтельствуютъ отличную организацію. Столь-свѣжая старость вставляетъ вѣскольکو жалѣть, что мы не дикіе, и когда между зрителями видишь столько молодыхъ людей подагриковъ, либо ватучивѣлыхъ, то невольно спрашиваешь себя, кого тутъ показываютъ за предметъ удивленія—парижскихъ ли дикарей, или дикарей Миссури.

Врачъ—большой остроумецъ; онъ и лекарь, и заклинатель, и фокусникъ, и поэтъ, и гадатель, и немощко витія. Онъ носитъ ожерелье изъ священныхъ веренъ и человѣческой палецъ, высушенный въ видѣ медальона, для предохраненія отъ сглаза. Въ одно и то же время онъ пріятный потѣшникъ и очень-серьезный содѣтникъ государя и народа. Въ-продолженіе плаванія, штиль засталъ нашихъ аргонавтовъ на кораблѣ, везшемъ ихъ въ Англію. Врачъ началъ свои заклинанія, къ великому удовольствію бѣлыхъ пассажировъ и къ великому почтванію Индійцевъ. Черезъ два часа, вѣтеръ, уже три дня упавшій, поднялся, и Индійцы, какъ можно себѣ представить, остались убѣждены въ несомнѣнномъ искусствѣ врача. Впрочемъ, нашихъ медиковъ они очевидно считаютъ колдунами еще больше, нежели своихъ, ибо даютъ имъ себя лечить, когда больны. Кажется, своего они не считаютъ также способнымъ наклонять влаго духа изъ шщевія, потому-что вождь не затрудняется обращаться

съ нимъ, какъ съ мальчикомъ. Нѣсколь-  
ко дней назадъ, нашли подъ - вечеръ  
нашего колдуна сидящимъ на лѣстни-  
цѣ; когда пригласили его идти спать,  
онъ потрясъ головою и пробылъ тамъ  
до утра, потомъ и весь слѣдующій  
день и ночь, и наконецъ цѣлые трое  
сутокъ, не раздвѣаясь, ѣвши и пивши  
все на лѣстницѣ. Онъ находился подъ  
наказаніемъ, неавѣстно за какой про-  
ступокъ; но можно по этому составить  
себѣ понятіе о неограниченной власти  
вождя и о покорности стараго Индій-  
ца, который самъ знатнаго происхож-  
денія и отличный воинъ.

Но, не смотря на любезность врача,  
не смотря на великую мудрость *Иду-  
щано-Дождя* и красоту его ребенка,  
не смотря на кроткую задумчивость  
*Бьяло-Облака* и скромность ея величе-  
ства королевы, лицо, наиболее-рас-  
положившее насъ къ себѣ, *Волчонокъ*,  
благородный воинъ, котораго геркуле-  
совская наружность и крупныя, выра-  
зительныя черты сначала испугали  
меня, но который, воротаясь къ своей  
больной женѣ, съ сердцемъ исполнен-  
нымъ грусти по недавно-умершемъ ре-  
бенкѣ, показался мнѣ кротчайшимъ и  
добрѣйшимъ человѣкомъ. Когда онъ  
ринулся въ танецъ, верхомъ на лукѣ  
(который онъ подхлестывалъ кожа-  
нымъ ремнемъ, привѣрзленнымъ къ  
буйволовой рогу), мои друзья сравни-  
ли его съ Диомедомъ. Когда физионо-  
мія его снова приняла важное и крот-  
кое выраженіе, при пріѣтствіяхъ  
публики, мы назвали его Юпитеромъ  
дѣвственныхъ лѣсовъ; когда же онъ  
стеръ яркія краски, странно его укра-  
шавшія, и когда намъ рассказали его  
исторію, мы увидѣли просто благород-  
ное и честное лицо, отличающееся му-  
жествомъ и доброю, и прозвали его  
тогда *Великодушнымъ* — имя, которое  
шло бы къ нему лучше нежели *Волчо-  
нокъ*, ибо ничто въ его мощной и крот-  
кой организаціи не выражаетъ ни  
хищности, ни коварства. Конечно, онъ  
не затрудняется скальпировать не-  
пріятеля, — это такой громкій трофеей  
побѣды, что индійское племя, кажется,

погибнетъ прежде, чѣмъ откажется  
отъ этихъ страшныхъ украшеній; ко-  
нечно, онъ недумаетъ, что показываетъ  
намъ совѣмъ не отвратительное зрѣ-  
лище показывая руку, обильную  
отъ плеча до кисти клочками волосъ,  
добытыхъ посредствомъ той же опе-  
раціи. Это онъ носить на себѣ наслѣд-  
ство отцовъ, свою знаменитую генеа-  
логію и собственную жизнь славы и  
сраженій. За неизмѣнимъ исторіи и  
монументовъ, Индеецъ одѣвается та-  
кимъ-образомъ въ свидѣтельство сво-  
ихъ подвиговъ. На медвѣжьей или  
буйволовой шкурѣ, его покрывающей  
и носимой шерстью внизъ, жена на-  
рисовываетъ его главнѣйшіе подвиги  
и дѣянія. Тутъ медвѣдь, прозванный  
его стрѣлою; подлѣ, герой сражающій-  
ся съ непріятелями; дальше, его лю-  
бимая лошадь. Эти дикіе рисунки все-  
ма-замѣчательны; состоя изъ про-  
стыхъ ливій, подобныхъ тѣмъ, кото-  
рыя у насъ дѣти чертятъ на стѣнахъ,  
они однако обнаруживаютъ много  
очень-изящное чувство формы и вооб-  
ще пропорціи. Сынъ *Идущано-Дождя*  
повязываетъ большое расположеніе и  
рѣшительную наклонность къ этому ис-  
кусству. Лежа на брюхѣ, завернувъ го-  
лову въ свою прикрышку, какъ дѣлаютъ  
Арабы и Индійцы, когда хотятъ сосре-  
доточиться, онъ чертитъ углемъ на по-  
лу фигуры людей, которыхъ сейчасъ  
видѣлъ. Мы приносимъ ему грану-  
ры; но гдѣ найдетъ онъ модель лучше  
самого-себя? Пусть дикій художникъ  
отвратитъ взоры отъ насъ и нашихъ  
произведеній, и пусть поглядитъ на  
себя въ зеркало! Этотъ одиннадцатилѣтній  
мальчикъ — идеалъ граціи и изящ-  
ства, и, подобно всемъ существамъ,  
необижаннымъ природою, чувствуетъ  
истинность своего достоинства. Босхитъ  
его племени, греческій нашлемникъ и  
туника изъ кожи, разрѣзанной на ре-  
ки, или просто широкій поясъ изъ бѣ-  
лой гривы; его цвѣтъ, его нагой бюстъ,  
отчетливый и благородный, предель  
его положеній и савантость чертъ,  
дѣлаютъ изъ него бронзовый отливомъ,  
достойный Фидія.

Но послѣ этихъ невольныхъ отступлений возвратимся къ нашему герою, *Волчонку* или, лучше-сказать, *Велико-чонку*. Вотъ самый бесспорный и ный положительный памятникъ его авы и его великаго характера.

*Всѣмъ, кому сіе будетъ предъявлено, вѣстается знать, что Шо-та-й-га, или о-чонокъ, храбрый Иоваецъ, заслуживаетъ имени храбраго тѣмъ, что частовалъ въ многократныхъ походахъ противъ враговъ своего племени. о всѣхъ этихъ походахъ, какъ мнѣ вѣстно, оказалъ онъ величайшее ужество. Особливо же рекомендуютъ о расположенію и довѣренности охъ людей, бѣлыхъ ли то или красныхъ, сострадательность и отвага, мнѣ онъ обнаружилъ въ спасеніи града Омагавовъ отъ рукъ народа, въ которому онъ принадлежитъ. Въ рошлое воскресенье, онъ избавилъ о томагоука и ножа десять мирныхъ Омагавовъ. Одинъ изъ нихъ, меченный изъ вида, былъ умертвленъ. Въ числѣ этихъ десяти особъ ходились общезвѣстные и облюбимые дожди *Большой - Лосъ, ольшій - Глаза* и *Васкаманья*, одна воу (\*) и шестеро молодыхъ людей. Отрядъ этотъ дружелюбно по-твилъ *Иовайезъ*, по особому приглашенію со стороны сихъ послѣднихъ. рибывъ на десять миль отъ поста, м были замѣчены и переговорили ватемъ *Нью-мом-л*, который явлъ, по обычаю Индійцевъ, когда они мирномъ походѣ, отнестн табакъ пакки къ предводителямъ Иовай-ъ. Этотъ молодой человекъ поступи наивннчески: онъ не вручилъ сылки своимъ вождямъ и далъ сть о приближеніи Омагавовъ одно-*

му Индійцу, собиравшемуся на войну. Индеецъ, сопутствуемый двумя братьями своего народа, тотчасъ кинулся рубить посѣителей, что и исполнилъ бы, еслибъ не былъ удержанъ заступничествомъ *Волчонка*. *Волчонокъ* воспротивился, потому-что, по его словамъ (и конечно онъ говоритъ правду), онъ считалъ за постыдное и подлое дѣло разить брата, пригласивъ его посѣтить свой народъ. Подобная наивна въ-самомъ-дѣлѣ очень-рѣдка, даже у самыхъ дикихъ Индійцевъ Сѣверной-Америки, и никогда прежде не имѣла себѣ примѣра у Иовайезъ. Я встрѣтилъ *Волчонка* съ *Джеффри*, иовайскимъ переводчикомъ, и двумя другими Иовайцами, когда они проходили къ моему агентству *Большая-Доса* съ отрядомъ, вскорѣ послѣ происшествія. Не могу заключить этой ноты, не засвидѣтельствовавъ *Волчонку* искреннюю признательности за его прекрасный поступокъ, и прошу позволенія рекомендовать его благоклонному вниманію *его дядушки, президента Соединенныхъ-Штатовъ*, и всѣхъ имѣющихъ читать сію записку.

• В. П. Ричардсонъ, агентъ.

• Под-агентство Великой-

Намагавъ, 23 октября 1843 года.

*Волчонокъ* получилъ почетную медаль отъ обер-интенданта индійскихъ дѣлъ, Гарвѣ, который выражается слѣдующимъ образомъ, рекомендуя *Волчонка* президенту Соединенныхъ-Штатовъ, Джону Тейлеру: «Медаль, жалуемый правительствомъ, въ болшомъ уваженіи у Индійцевъ... и я выдалъ одну такую *Волчонку*. Памятуя ея, онъ съ большой деликатностью воскликнулъ, что не заслуживаетъ никакой награды, потому-что исполнилъ только свой долгъ; но что считаетъ себя счастливымъ, если его поведение удостоилось одобренія его націй и оца.»

Когда *Волчонокъ*, принятый въ Тьюльерійскіи-Дворцѣ съ товарищами, прервалъ танецъ, по индійскому обы-

) Сквоу — женщина. Когда рассказывать публикѣ этотъ подвигъ, благородный *Волчонокъ* велѣлъ упомянуть, что олящаяся съ нимъ тецера дождя была отсутствала отъ племени, а переводчикъ прибавляетъ, что герой спасъ плѣнныхъ съ опасностью собственной жизни.

чаю, чтобъ разсказать свои подвиги, то обратился къ Лудовику-Филиппу съ слѣдующими словами: «Дѣдушка! вы слышали отъ меня, что этииъ томагоукомъ я убилъ воина Поуни, одного изъ враговъ моего племени. Остріе моего топора еще покрыто его кровью. Эта нагайка—та самая, которую я употреблялъ на стеганье лошади при этомъ случаѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я между бѣлыми, я убѣждаю, что миръ годится для насъ лучше войны. *Зарываю томагоукъ въ ваши руки; я не буду больше сражаться.*»

Заключу исторію *Волчокка* одной подробностью, почерпнутою, наравнѣ съ предыдущими, изъ весьма-вѣрныхъ и весьма-интересныхъ замѣтокъ г. Ваттемара.

По скромности, Волчокъ не сказавъ королю, что въ день сраженія, о которомъ онъ упоминалъ, его конь, молодой жеребенокъ, полный силы и огня, увезъ его далеко отъ своихъ, въ средину толпы *Поуниевъ*. Три всадника оборачиваются, но, испуганные страшнымъ видомъ *Волчокка*, который устремился на нихъ, испуская свой военный крикъ, двое изъ нихъ бросаютъ оружіе. Воинъ, пренебрегая убійствомъ безоружныхъ неприятелей, удовольствовался тѣмъ, что отпустилъ ихъ по жестокому удару нагайкою, бывшею у него въ лѣвой рукѣ; потомъ, обратясь на вооруженнаго *Поуни*, ловко увернулся отъ дротика, который тотъ въ него пустилъ, и разнесъ ему черепъ ударомъ томагоука; наконецъ, соскочивъ съ лошади, скальпировалъ мертваго. Тотчасъ опять сѣвъ на смышенное животное, которое какъ-будто ждало, чтобъ его господинъ захватилъ трофей своей побѣды, *Волчокъ* спокойно возвратился къ своимъ, бросивъ крикъ вызова *Поуниамъ*.

Не похоже ли это на эпизодъ изъ *Илиады*?

Но нашъ индійскій герой виждаетъ, кажется, въ себѣ всю древнюю поэзію своего племени, и между-тѣмъ, какъ любовь играетъ только второстепенную роль въ жизни современнаго Индіица,

Индіецъ въ своей жизни имѣетъ любовный романъ. Будучи два года въ плѣну у Соуковъ, онъ скоро выучился языку враждебнаго племени и свискалъ любовь молодой дѣвушки, кроткой и прекрасной, которую похитилъ, бѣжавъ изъ плѣна. Какія опасности, какія тягости и испытанія потерпѣли они во время бѣгства прежде, чѣмъ достигли шатровъ Ювайевъ, можно себѣ вообразить и найти въ нихъ цѣлую поэму. Наконецъ, онъ ввелъ молодую супругу, *Пираишу-Орлицу-Войны*, въ свой вигвамъ, и посвятилъ ей исключительно свою вѣжность,—очень-рѣдкій примѣръ изъ нихъ вольныхъ нравахъ. Онъ имѣлъ отъ нея троицъ дѣтей, которыхъ всѣхъ потерялъ, послѣдняго въ Англіи, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. При каждомъ изъ этихъ огорченій, чувствованныхъ со всею свойственною Индіицамъ живостью, онъ дѣлалъ себѣ глубокую насѣчку на щеку, чтобъ смягчить суровость Маниты и засвидѣтельствовать свою вѣжность къ мильи существамъ, его покинувшимъ.

По смерти послѣдняго ребенка, онъ двое сутокъ держалъ на рукахъ мелевскій трупъ, не расставаясь съ нимъ ни на минуту. Онъ слышалъ, что смертные, оставивъ бѣлолицыхъ трагуются неуважительно, и мысль, что тѣло его милаго дитяти могло слѣзаться добычею какого-нибудь ученика медицины, была ему невыносима. Его успокоили только набальзамировать ребенка и положивъ въ гробницу изъ кедроваго дерева. Тогда онъ согласился повѣрить слову одного квакера, который, отправляясь въ Америку, взялся доставить трупъ къ его племени, чтобъ онъ покаялся виждѣть съ прахомъ предковъ.

Съ-тѣхъ-поръ, бѣдная подруга *Волчокка* не переставала плакать и постылась до того, что впала отъ истощенія въ болѣзнь, заставляющую опасаться за ее жизнь. Мы увидѣли ее распростертою на циновкѣ, еще прекрасную, но поблекшую. Благородный воинъ, силъ у ногъ ея (это мѣсто поминаетъ онъ только для выходовъ передъ публику).

расточалъ ей вѣжливѣйшія пощеченія. Онъ глядѣлъ ее по головкѣ, какъ отецъ глядитъ сына, и спѣшилъ передавать ей всѣ подарки, какіе получалъ, счастливымъ, если воставлялъ ее улыбающеюся. Подобная вѣжная привязанность къ сивоу—большая рѣдкость въ Индїи, и напоминаетъ поэму объ Аталѣ и Шагасѣ. Баронъ Экштейнъ, сказывали мнѣ, пораженный этимъ сходствомъ, рассказалъ *Волчонку* исторію двухъ любовниковъ, и воинъ, улыбаясь сквозь грусть, отвѣчалъ ему: «Я радъ, что напоминаю вамъ это. Знаю, что когда слышишь какую-нибудь исторію и потомъ увидишь нѣчто подобное, то бываетъ пріятно. Вы видите насъ въ горѣ и несчастія, и, однако, я доволенъ, что мое горе вамъ пригодилось, напоминавъ вамъ прекрасную исторію.»

Такъ по-крайней-мѣрѣ рассказывала мнѣ одна особа, присутствовавшая при этой сценѣ. Чтѣ до меня, я также нашелъ нѣсколько поэзи у изголовья новой Аталы. Я держалъ въ рукѣ цвѣтокъ циклама, который обратилъ на себя ея взоры, и который я поспѣшилъ ей поднести. Она взяла его, сказавъ, что въ степляхъ есть такія странства, что человекъ можетъ идти нѣсколько дней и нѣсколько ночей все посреди этихъ цвѣтѣвъ, и что они достаютъ ему по колѣно. Я устремился волею въ эти природныя степи, благоухающія прелестнымъ цвѣткомъ, который мы здѣсь разводимъ въ теплицахъ, и который даже въ Альпахъ не достигаетъ роста выше шести дюймовъ. Между-тѣмъ, жена дивара переносилась туда же воспоминаніемъ. Она съ наслажденіемъ обоняла цвѣтокъ, и не отнимала его отъ нодрей, говоря, что воображаетъ себя на родинѣ.

Не знаю, какимъ случаемъ, вотъ уже во второй разъ запахъ этого прелестнаго цвѣтка увоситъ мои мечты въ лонныя пустыни Америки. Впервые увидѣлъ я его растущій на волѣ и безъ ухода въ одно прекрасное апрѣльское утро, у подошвы Тирольскихъ-Горъ, на скалахъ, окаймляющихъ теченіе

Бренты. Измученный усталостью, я заснулъ на луку, усѣянную цикламами. Мнѣ снилось, будто я въ тѣхъ странахъ, которыя описывала мнѣ вчера молодая дикарка, принимая отъ меня одинъ изъ этихъ цвѣтѣвъ. Во снѣ грезилась мнѣ природа еще величественнѣе и плодоноснѣе, нежели та, уже столь плодоносная и столь величественная, гдѣ я тогда находился. Растенія были гигантскихъ размѣровъ, и едва-ли даже не видалъ я цикламовъ вышиною въ локоть, которые, казалось, порхали словно бабочки по высокой степной травѣ. Очень помню, что, пробудившись, я находилъ Альпы малыши, и пренебрегъ бы своимъ мягкимъ изголовьемъ рапрогсіпі (такъ зовутъ въ тамошнемъ краю цикламы), еслибъ они не благоухали. Ихъ мелкія чашечки проливали дѣлыя волны благоговія, будто доказывая мнѣ, что малые и низкіе не суть наименѣе-благопріятствуемые небожъ...

Но вотъ опять я завлекся въ отступление, откуда мнѣ трудно будетъ искусво возвратиться къ предмету письма. Привыкнувъ къ подобнымъ уклоненіямъ, ты не осудишь меня, и согласишься быть вдругъ перенесенъ снова къ изголовью *Орлицы*. Бѣдная опечаленная мать имѣетъ новый поводъ къ грусти въ своемъ незнаемъ-іювайскаго языка, которому никогда не могла выучиться. Ея мужъ, такъ легко научившійся языку Соуговъ во время плѣна, — единственное существо, съ кѣмъ она можетъ обмѣнивать свои мысли, и онъ, кажется, хочетъ избавить ее отъ такого одиночества души, не покидая ея и бесѣдуя съ ней безпрестанно на языкѣ отцовъ ея.

Чтобъ докончить свою портретную галерею, расскажу тебѣ гуртомъ о трехъ остальныхъ женщинахъ, и буду въ этомъ случаѣ сообразоваться съ понятіями Индїйцевъ, которые, кажется, глядѣть на женщину какъ на собирательное существо, лишенное всякой индивидуальности. Она допускаютъ полигамію, подобно жителямъ востока, соразмѣрно состоянію. Бо-

гатыи вождь имѣеть столько женъ, сколько можетъ содержать и покупать, потому что у нихъ, какъ у насъ, бракъ—торговая сдѣлка. Только онъ менѣе позоренъ для Индійца, ибо, имѣето продажи своей личности и свободы за приданое, онъ самъ, подарками отцу невѣсты, покупаетъ обладаніе избраннымъ предметомъ. Пара лошадей, нѣсколько фунтовъ пороха и табака, иногда просто платятъ американской работы, составляютъ довольно-щедрую плату за руку женщины. Вступивъ подъ шатеръ супруга, она становится его служанкою, какъ была служанкою отца: она обрабатываетъ поле съ мясомъ, складываетъ и распускаетъ шатеръ, переноситъ его съ помощью вожовыхъ собакъ съ одного становища на другое, варитъ мясо лани и буйвола, наконецъ, кроитъ и украшаетъ одежды господина, не переставая, между-тѣмъ, таскать своего младенца, плотно прицепленатаго къ доскѣ я привѣшеннаго ремнемъ за плечи въ видѣ чмолада. Онѣ живутъ между собою въ добромъ согласіи, и въ племени Ювайевъ споръ между ними почти никогда не слышно. Впрочемъ, съ ихъ рѣдкими радорами бываетъ то же, что съ мужскими: они должны раздѣлять кровь, и тогда дерутся ножами, даже томагюками. Мужчины не ревнуютъ ихъ; если жь когда и становятся ревнивы, то стыдятся показывать это при другихъ. Такимъ образомъ, обманутый мужъ наказываетъ жену тѣхонько дома, но ѣсть, охотится и поетъ съ своимъ соперникомъ, не обнаруживая никогда ему ни вражды, ни досады. Ювайскія женщины носятъ свои длинныя волосы прядями, палающими на спинну, и раздѣляютъ ихъ отъ лба къ затылку широкимъ краснымъ проборомъ, который издали кажется ручьемъ крови, происшедшимъ отъ радуба тѣлпоромъ. Во всемъ уборѣ Индійца, страшное должно мѣшаться съ кокетствомъ. Женщины также расписываютъ себѣ лица красной краскою, и блежда ихъ, состоящая изъ панталонъ

и кожанаго платья съ ремешной бахромою, и шерстянаго плаща сверху, отличается строжайшей чистотою. Красный или бурый плащъ, окаймленный яркою арабескою, весьма-красивъ. Вѣсущности, онъ просто квадратное одѣяло; но когда онѣ танцуютъ, то плотно обертываютъ его вокругъ тѣла, придерживая руками, которыя остаются закрыты. Окутанныя такимъ образомомъ и прыгая на одномъ мѣстѣ съ неподвижностью, которая не имѣеть ничего непріятнаго, между-тѣмъ, какъ богато-убранный калюметъ воткнуть у нихъ въ правой рукѣ, онѣ напоминаютъ фигуры этрусскихъ вазъ или египетскія папирусовъ. Единственный ихъ талантъ—рисовать и вышивать по-кассини бусами, а кожаныя платья щетиною дикобраза. Въ этомъ послѣднемъ искусствѣ онѣ превосходны, какъ по вкусу въ рисункахъ, такъ и по удачному сочетанію цвѣтовъ и прочности работы. Физиономіи ихъ кротки и скромны. Материнская нѣжность у нихъ очень-развита; но въ ней онѣ едва-ли превосходятъ мужчинъ столько, сколько наши женщины. Индійскій отецъ такъ же нѣженъ, привязанъ, внимателенъ, страстенъ къ своему дитяти, какъ и мать. Есть въ этихъ дикаряхъ доброе, нельзя не сообразить. Что бы ни говорили, а мы чуть ли не отнимаемъ у нихъ больше добродѣтелей, нежели пороковъ, мѣщаясь въ ихъ воспитаніе.

Имена *свою* столь же странныя и столь же живописныя, какъ имена ихъ мужей: *Ходлящійся-Голубь, Летящій-Голубь, Медовидица ходлящая по третьей друиной*, и т. д.

Теперь, когда ты знаешь всѣ эти фигуры, переведу тебѣ ихъ рѣчи. Великій ораторъ, *Идушій-Дождь*, стѣлъ напротивъ меня съ торжественностію, ибо слово есть дѣйствіе торжественное у Индійцевъ. Ихъ мечтательный умъ бываетъ въ бездѣйствіи большую часть времени. Языкъ ихъ сжатъ и неполонъ, какъ и идеи. Они не знаютъ болтовни и очень-мало знакомы съ бесѣдою. Они обмѣниваютъ мѣ-

ольда враткихъ словъ, сообщая другу свою волю или свои вѣдѣнія, и когда, въ прошломъ вѣкѣ, ставлади ихъ въ *Гуронъ*, очень-модн комическоя оперѣ, пѣтъ

Mesieurs, mesieurs, en Huconie,  
Chacun parle à son tour,

были рѣшительно правы. Въ важныхъ случаяхъ, каждый предводитель обязаноситъ рѣчь, и хоть бы она длилась три часа, никогда его никто не ерветъ; да и чтобъ произносить рѣчь, надо пользоваться славою челока даровитаго въ искусствѣ говорить. Чтѣ подумали бы Индйцы, есбъ побывали на нашихъ законодательныхъ засѣданяхъ?

А такъ, *Идуций-Дождь* говорилъ индйствующимъ образомъ:

«Я радъ тебя видѣть. Намъ сказывали про тебя; мы признали, что у тебя много друзей, и уважаемъ тебя за это. Ты принесъ намъ подарки, не зная насъ; мы тебѣ благодарны. У насъ бычаи носятъ подарки всѣмъ, съ кѣмъ идемъ вадѣться; мы отнесемъ имъ подарки въ нашъ край, такъ же, какъ подарки всѣхъ, кто намъ ихъ вадѣлъ. Мы отложимъ въ сторону тѣ, которые намъ даны въ Америкѣ, которые намъ даны въ Ирландиѣ, которые намъ даны въ Шотландиѣ, которые намъ даны въ Англии, которые намъ даны въ Франкии, чтобъ показать своимъ друзьямъ, какъ мы бы принимаемъ у бѣлосидыхъ. У насъ тѣ дождь, индй кинтъ: эти подарки будутъ нашей историей.»

Послѣ, онъ безпрестанно дѣлалъ ты съ разстаникомъ и отчетливо, высчитывая по пальцамъ страннымъ образомъ, указывая на небо, когда говорилъ о редной индй.

Когда въ благодарствѣ сво за коммунити, онъ сдѣлалъ знакъ, что холь еще говорить и продолжалъ имитировать гортанный голосомъ, все хватывая руками:

Благодарю великаго духа, который владѣтъ нами, очутиться между индйцами, нашими старинными

друзьями и старинными союзниками. «Они намъ кажутся любезнѣе и радостнѣе Англичанъ. Когда я былъ ребенкомъ, отецъ водилъ меня въ поселеня Англичанъ, въ Америкѣ. Они давали намъ много подарковъ, и намъ досталась большая добыча. Отъ-того мы думали, что Англичане лучши изъ всѣхъ бѣлолицыхъ. Но послѣ мы очень поняли, что они хотѣли только насъ обмануть и перебить всѣхъ насъ огненной водою. Откуда имъ дать намъ богатство, когда у нихъ, въ своей сторонѣ, есть люди умирающае съ голода? Съ-тѣхъ-поръ, какъ я все это увидѣлъ, глаза мои открылись, какъ будто впервые взглянулъ на дневной свѣтъ. Въ Англии намъ было все только несчастіе. Тамъ мы потеряли одного изъ нашихъ братьевъ и одного изъ нашихъ дѣтей. Во Франкии мы благополучны, здоровы и надѣемся выѣхать отсюда всѣ живы, чтобъ возвратиться въ нашу сторону, гдѣ разскажемъ все, что видѣли, и гдѣ наши дѣти передадутъ это своимъ дѣтямъ.»

Мы взглянули на *Волченка*. Глаза его налились слезами при воспоминаніи о потерѣ сына, и его лицо, столь ужасное въ танцѣ *скалана*, выражало глубочайшую скорбь.

Прочіе одобрили рѣчь *Идуция-Дождя* враткамъ восмищаніемъ, и вратъ, нечаян рѣчь, объявилъ, что онъ съ удовольствіемъ слушалъ сказанное ораторомъ, что подтверждаетъ его слова, и прибавилъ по своему свойству тонкаго политика: «Чѣмъ долше имъ здѣсь пробудемъ, тѣмъ больше встрѣтимъ чести и уваженія дома. Намъ вѣсколько разъ писали, чтобъ имъ возвратились, общаая напередъ вѣрить намъ. Но если мы воротимся рано, то не всѣ будутъ убѣждены, что мы были хорошо приняты, и что чувствовали себя счастливыми среди бѣлолицыхъ. Притомъ же, какъ нашъ теперешній плавъ и воля нашего вождя, Блага-Обида, прекратитъ безпрестанныя войны, которыми насъ тревожили, и какъ, въ отсутствіи вождя, мы не можемъ и не должно драгомъ,



«то наши вонны привыкають къ миру, и намъ легче будетъ утвердить миръ навсегда.»

Мнѣ хотѣлось потомъ заставить говорить *Бьяло-Облако*, задумчиваго короля, который все вертѣлъ бусу въ пальцахъ, и который въ досужіе часы очень-искусно дѣлаетъ изъ кусковъ дерева и тряпокъ куклы на дикій манеръ для своей маленькой дочки. Я зналъ также, что его честолюбіе домогалось собрать приданое этому ребенку изъ сокровища, неоцѣнимаго въ глазахъ его семейства, т. е. изъ шести серебряныхъ столовыхъ приборовъ. Контрастъ такихъ дѣтскихъ желаній дикаря съ кроткой важностью его орлиана проявля и величавостью костюма, напоминающаго героевъ древности, забавлялъ и интересовалъ меня въ высочайшей степени. Сколько бы серебряныхъ приборовъ далъ я, еслибы они послужили мнѣ средствомъ проникнуть въ эту душу и последовать невидимый миръ, который каждый носить въ себѣ, и котораго никто не можетъ ясно себѣ представить такими, каковы онъ у его ближняго! Какъ велика должна быть эта разница у первобытнаго человека, одѣланнаго бездною глубочайшаго невежества отъ нашихъ идей и отъ исторіи нашихъ преемственныхъ поколѣній! Какъ объяснить себѣ, что этотъ сидѣвшій передо мною тридцатилѣтній ребенокъ, задумчивый, застѣнчивый и слабый, отвѣтилъ за смерть отца, умертвивъ собственною рукою шестерыхъ убійцъ, и что онъ отрелся отъ этой мести съ такимъ отвращеніемъ? Я недоумѣвалъ, съ какой стороны вѣзаться за него, чтобъ открыть лавейку, хотя бы съ иглоочаю скважину, въ таинственную поэму его судьбы. Наконецъ, я рѣшился спросить его, какой первый долгъ не только вождя племени, но человека, кто бы онъ ни былъ, бѣлолицый или краснокожій?

Я получилъ только уклончивый отвѣтъ, сдѣланный вполголоса, съ потупленными и почти-закрытыми глазами, что служить признакомъ велика-

го достоинства чувства у Индійцевъ. «Мы люди простые» сказала она: «не вълѣсахъ, не въ степи научиться намъ тому, что вы читаете въ вашихъ книгахъ. Отъ-того я попрошу у васъ позволенія не продолжать этой рѣчи.»

Я спросилъ у переводчика, не знала ли это, чтобъ я замолчалъ, и почувствовалъ свою нескромность. *Вонда* отвѣчала, что нѣтъ, и что онъ готовъ начать *другую рѣчь*.

Тогда я его спросилъ, какое величайшее счастье для человека? Отвѣтъ его былъ чисто-личной, но грустный и поэтический. Намекая на бѣльмо, покрывающее одинъ изъ его глазъ, онъ сказалъ: «Величайшее счастье человека — видѣть свѣтъ солнца. Сидѣть-поръ, какъ я втерла въ волосы зрѣнія, понимаю, что зрѣніе было у меня драгоценнѣйшее изъ всего, что имѣю. Если я лишусь другаго глаза, мнѣ надо будетъ умереть.»

Я не хотѣлъ заходить дальше, опасаясь больше его опечалить, и разговоръ сталъ общіе. Молодые люди, сидя на полу, нѣсколько позабавились съ нами.

*Великій - Ходоки*, тотъ, что имѣлъ лицо тигра и станъ Геракула, принался играть съ куклою дитяти вожакъ; мы подали ему карандашъ, чтобъ онъ нарисовалъ черты по куску дерева, представлявшему лицо. Онъ замечалъ ему подбородокъ, говоря, что такъ какъ этотъ ребенокъ родился немцу бѣлыми, то ему нужна борода (\*).

Я спросилъ у него, какъ проводятъ время въ вигвамахъ въ дѣтскіе дни. Онъ объяснилъ мнѣ, что сперва выпиваютъ розъ около вигвама, чтобъ не дать водѣ капать туда, потомъ хоршенько укрываются, и женщины принимаются за работу.

— А мужчины за бодѣльей

— Мы сидимъ кружкомъ, какъ теперь, и дѣлаемъ то же, что и вы.

(\*) Женщины брѣютъ голову и волосы, а мужчины бороду. Они оставляютъ на черепѣ только локотки, окаяма.

— Разговариваете?

— Мало.

— И не скачаете?

Дикій не понималъ, что я хотѣлъ сказать. Миѣ должно было напередъ знать, что гдѣ дума и размышленіе не существуютъ, тамъ мечтанье всегда обильно и пріятно. Воображеніе такъ сильно, когда его не оковываетъ разумъ!

«Но удивляйтесь ихъ веселости», говорилъ намъ, выходя вонъ, одинъ путешественникъ, знающій и понимающій Америку. «Я тамъ видалъ сотни примѣровъ цивилизованныхъ людей, которые становились дикими; никогда не встрѣчалось миѣ примѣра обратнаго. Вольная жизнь безъ заботъ, безъ хлопотъ и труда, возбуждаемая единственно уповительными волненіями охоты и войны, такъ приманчива, что прельщаетъ всѣхъ бѣлыхъ, какъ-скоро они взглянуть на нее вблизи и безъ предубѣжденія. И то сказать, вѣдь это жизнь натуральная, а все, что изобрѣтено для удовлетворенія нужды, послужило тожко къ тому, чтобъ сдѣлать эти нужды сложнѣе и превратить ихъ въ страданія. Часто берутъ молодыхъ Индійцевъ въ Соединенные Штаты и даютъ имъ наше воспитаніе. Они очень хорошо усваиваютъ его себѣ; смыслъ ихъ быстръ и проинципателенъ; нѣтъ имъ лѣтъ дѣлать адвокатовъ и медиковъ. Но въ то время, какъ имъ приходится выбирать ремесло и шадѣть узы нашего общества, если случайно они отправятся посоветоваться и поведаться съ родными въ вигвамахъ, вдохнуть вольнымъ воздухомъ степи, почувютъ запахъ жаренаго буйвола, или впривѣять слѣдъ мокасина впримѣсѣе племени, то прощай цивилизація со всѣми ея выгодами! Дикарь снова ощущаетъ свои быстрыя ноги, своей рысью глазъ, свое воинственное сердце. Басня о волкѣ и собацѣ повторяется.

Мы покинули этихъ прекрасныхъ Индійцевъ, глубоко растроганные и печальные; потому-что, вступая снова въ страстнѣе и болѣе развитыя ци-

вилизациі, мы увидѣли на улицѣ жалкія существа, истощившія силу жить, фравтовъ въ отвратительно-безобразныхъ платьяхъ,—вычурныя, кривляющіяся фигуры, однѣ притушенные самолюбіемъ, другія искаленные жестокостью судьбы. Мы воротились въ свои покои, столь красивые и теплые, гдѣ насъ ожидали подагры, ревматизмы и всѣ немощи старости, которыя презираетъ и которыхъ не вѣдаетъ нагой дикарь подъ своимъ худо-закрытымъ шатромъ; и миѣ пришло на память наивно-глубокое слово индійскаго оратора: «Они обманули насъ богатствомъ, а у нихъ есть люди, умирающіе съ голода!»

Бѣдные дикари! вы видѣли Англію: не глядите на остальную Европу!

★

## ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

### ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ НА-РЯЖЬ.

81) УжЕ СОНФИДЕКСЕ (ПОВѢРЕННЫЙ), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, соч. Шарля Потрона.

Маленькое шиброгло, довольно-легко веденное. Автору улыбнулась нравы старины. Вотъ предметъ его пьески, данной на сценѣ Французскаго Театра: Баронесса де-Ланжакъ отправилась на наскороидный балъ тайкомъ отъ мужа, стараго дворянина и заклятаго охотника; на балу она повстрѣчалась съ шевазѣ д'Ансени, молодымъ статнымъ кавалеромъ, но робкимъ и сентиментальнымъ до чрезвычайности. Качество это, мало сродное людямъ ея состоянія, прельстило баронессу; она увлеклась до того, что измѣнила своему никогнито и позволила кавалеру пріѣхать на другой день посѣтить ее въ собственномъ ея стилѣ

Шевалье бодше всего тарочился съдѣлать повѣреннымъ своего счастья друга своего, маркиза де-Ферьера. Еще Мольеръ замѣчалъ, что при счастливой интригѣ всего тяжеле Французу секретъ:

Voilà de nos Français l'ordinaire défaut:  
Dans la possession d'une bonne fortune  
Le secret est toujours ce qui les importune.

Маркизь воспользовался нескромностью пріятеля, и явился въ замокъ подъ его именемъ. Онъ боекъ, предпримчивъ, отличный дуэль, увѣряетъ, что онъ именно вчерашній приглашенный. Баронесса вѣритъ. Когда бѣдный кавалеръ является, его выпрождаютъ вонъ. Баронъ де-Ланжакъ, по свойственному охотничьему чутью, скоро пронюхалъ балвное приключеніе. Онъ готовъ осыпать жену упреками; молодая вдова, тайнѣ влюбленная въ кавалера, беретъ все на себя, и, жертвуя собою для спасенія чести пріятельницы, заставляетъ кавалера повѣрить, что она точно дама изъ великихъ тенетъ, избавивъ его сердце на балѣ. Прибытіе маркиза не замедлило еще больше запутать положеніе дѣйствующихъ лицъ. Наконецъ, переходя изъ затрудненія въ затрудненіе, достигаютъ благополучной развязки: прекрасная вдова выходитъ за прекраснаго кавалера; баронъ де-Ланжакъ убѣждается, что жена не отлучалась изъ спальни; старый отецъ, помощью лавкаго шурота на патѣ, намекаетъ даже другинѣ, что онъ себя на умѣ, знаетъ чей знаетъ; баронесса соглашается, что каскадные балы очень опасны, но отрезается отъ нихъ со злостью, собираясь съ мужемъ въ провинцію, — съ мужемъ, который наконецъ достигъ вершины своихъ желаній, званія порочнаго золатаго. Маркизь де-Ферьеръ кончается въ воспитательнѣ, обожившись на баронской вонючѣ.

82) Les Berts Meuvillais, вѣнокъ (Смесь Чувствъ Свѣтъ), обзоръ и комическія картинныя, соизг. Кармуша и Верана.

Обыкновеннымъ обзирателю (critique) ожидаютъ декабра, чтобъ устремить свои забавные сарказмы на интересы и приобритенія истекающаго гола. Бѣдный годъ, подобно дошью давнишъ могуществамъ, трактуется тогда безъ малѣйшаго уваженія и сожалѣнія. Гг. Кармушь и Варемъ дерзаютъ нацѣлать на 1845 годъ, когда онъ еще въ полной силѣ и мощи; годъ рѣшительно имѣетъ право жаловаться на несправедливость авторствъ, нехотѣвшихъ подождать его кончины для своихъ переговоровъ. Но что дѣлать? гг. Кармушь и Варемъ не вѣрятъ въ 1845 годъ. А между-тѣмъ, онъ начался вовсе не худо; мало ли чѣмъ потѣшиль онъ любителей публкии: «Смала» и Томъ-Пусть, Виргинія и Юванн, журналы-чудовища, добѣгъ манвелъ Пlessis, — все естественны, общающіе достойный смущенець. Авторы обзиранія не пренебрегли ни однимъ изъ пересчитанныхъ нами случаевъ. «Смала» явилась въ ихъ волшебномъ фонарѣ, и эта претрская страница военной славы Франціи прилегла ихъ насильственность только своимъ развѣромъ; трагедія «Виргинія» удостоилась полной народи, шутки довольно-длинноватою, гдѣ раскрываются грубыя карикатуры всѣхъ артистовъ; Томъ-Пусть и Индѣцы, гораздо-замысловатѣе представленныя, заставили посѣждаться публку; журналы-чудовища испугали еса да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не испугаться честному и добросовѣстному читателю, который не хочетъ дѣлать себя изъ журнала утѣшеніе жалтѣе считаетъ долгомъ прочитывать его до послѣдней строчки! Булетъ на-свѣтъ манвелъ Пlessis мадуренъ, хотя вертится на довольно-трудноватомъ ламбурѣ:

On pleure aux Français tous les jours  
Une belle sociétaire:  
Nous l'appelons Plessy-les-Tours,  
A cause de celui qu'elle vient de vous  
faire!...

А между-тѣмъ, манвелъ Пlessis еса предѣлано (tout) зовес на свѣтъ зс-



«не хочеть ничего таинствъ, какимъ создала природа, даже собаки, даже человека.» А что же несообразнѣе, какъ собака, которая мыслитъ, подобно Эмилю II-му, для котораго дальнѣйшій его свойственникъ, cousin à la mode de Bretagne, жось Теривъ, написалъ варочню водевилъ, потѣшавшій публику все того же театра Variétés.

## УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

**ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ Г. СЕРРА, ПРОФЕССОРА НАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.** — Великое событіе совершается въ наше время; оно сокрыто еще въ полурабѣ своего происхожденія, и потому мы не замѣчаемъ его. Это событіе есть взаимное движеніе племенъ, или, точнѣе, столкновеніе ихъ. До-сихъ-поръ, различныя группы рода человеческого жили отдѣльно. Правленія и мѣстныя учрежденія утверждали между народами безконечныя раздѣленія. Природа, съ своей стороны, также способствовала сохраненію типическихъ характеровъ, отличающихъ племена, раздѣливъ ихъ морями, горами, рѣками. Это удивленіе было необходимо. Различныя отдѣленія рода человеческого должны удерживать свои черты и отгѣнки типическіе, пока каждое изъ нихъ не разовьется окончательно и не достигнетъ своего идеальнаго типа. Въ наше время, условіе это исполнено. Теперь обнаруживается совершенно-противоположное стремленіе: племена ищутъ сблизиться между собою; политическія учрежденія, которыя подерживало невѣжество, и прпятства матеріальныя не раздѣляютъ ихъ болѣе. Родъ человѣческій въ настоящее время желобомъ нарубленной земли,

которая старается сблизить, сжать свои части, разбросанныя естественными и политическими переворотами. Эта потребность обобщенія нашла въ изобрѣтеніи паровой машины удивительную точку опоры. Древній человекъ искалъ рычага, чтобы перевернуть міръ: новый человекъ открылъ могущественный рычагъ, самъ даже не подозревая того. Этотъ новый двигатель — главное орудіе цивилизаціи, вещественный символъ будущаго единства племенъ.

Система путей сообщенія состоитъ въ наше время изъ трехъ элементовъ: желѣзныя дороги, каналы или рѣки, и море. Разсмотримъ прежде всего вліяніе пара на эти три органа движенія.

Желѣзныя дороги, судя по ихъ современному состоянію, должны достигнуть вскорѣ значительнаго развитія. Пятнадцать лѣтъ, не болѣе, европейскія монархіи стали заботиться о введеніи этихъ искусственныхъ путей сообщенія. И въ какомъ блестящемъ положеніи находятся они теперь! Большая часть этихъ путей, правда, далеко не приведена еще къ окончанію; они въ зародышномъ состояніи; но когда соединятся эти отдѣльныя звѣнья, изъ нихъ составится настоящая желѣзная сѣть, которая свяжетъ цѣлый материкъ. Эта сѣть представляеть замѣчательную аналогію съ развѣтвленіями нервной системы, представляющей движенію въ животномъ организмѣ. Рельсы, разбросанныя небольшими удлинненными узлами, ищутъ постепенно другъ съ другомъ, образуютъ большія звѣнья, которыя соединяются съ главными центрами. Теперь, въ наше время, уже есть возможность подмѣтить тайную связь между желѣзными дорогами, проводимыми въ различныхъ государствахъ.

Политико-экономъ не долженъ раздѣлять линій судоходныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ. Необходимо, напротивъ, уравнивать оба эти системы сообщенія, точно такъ же, какъ природа соблюдаетъ равновѣсіе въ об-

ищеніи и движеніи питательныхъ индукостей въ существахъ органическихъ.

Но желѣзныя дороги, каналы, рѣки сами-по-себѣ ничто, когда они не найдутся еще въ соединеніи съ морскими, навигаціонными путями. Пароходы идутъ дальше вагоновъ, и море становится всегда главнымъ проводникомъ для дальнихъ сношеній. Здѣсь обширное попріще представляется пароготовящему вліянію пара. Въ наше время, открыты почти всѣ навигаціонныя пути; мореплаватели не знаютъ уже задержекъ, остановокъ, которыя мѣшало прежде направленіе вѣтровъ; можно опредѣлить заранее прибытіе парохода, какъ и паровоза. Всѣ части свѣта сообщаются теперь между собою съ помощью той же самой воды, которая прежде раздѣляла ихъ, и море не разрываетъ, а связываетъ материки. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ опрокинули ограду, въ которую включали себя въ теченіи столѣтій въостокъ дѣвяти-пятдесятъ милліоновъ китайскаго человѣчества. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, наши географическіе учебники признавали только четыре части свѣта: путешествія предприимчивыхъ мореплавателей успѣли риподнять завѣсу, которая скрывала эту группу таинственныхъ острововъ на дѣвственномъ морѣ; и въ наше время Океанія ваяла на картѣ свое настоящее мѣсто.

Эти различные пути сообщенія должны имѣть важное вліяніе на взаимныя отношенія племенъ. Типъ цивилизованнаго человѣка растетъ, постепенно наполняетъ поверхность земнаго шара и связуетъ между собою ея жители. Замѣтимъ также, что всѣ великія открытія наводили на тотъ же результатъ. Изобрѣтеніе пороха въ вѣдѣ варварскіе было причиною частыхъ войнъ, а война сблизаетъ народы. Компасъ руководилъ предприимчивыхъ мореплавателей и соединилъ всѣхъ міра, которыхъ жители не думали никогда встрѣтиться на одной планетѣ. Книгопечатаніе создало переда-

чу мыслей между различными государствами и материками, и утвердило новаго рода сношенія между націями цивилизованными. Паръ довершилъ это единство отношеній, которое предварительно начертали порохъ, компасъ и книгопечатаніе. Въ нравственномъ отношеніи желѣзныя дороги представляютъ электрическіе проводники, по которымъ мысль одной націи должна передавать сотрясенія, вибраціи другимъ сосѣднимъ народамъ. Въ отношеніи промышленности и торговли, онѣ должны значительно измѣнить настоящую таможенную систему и создать святой союзъ между торговыми народами. Какъ средство обнародованія, эти философическія дороги, по которымъ двигаются люди и идеи, довершатъ твореніе Гуттенберга и будутъ вспомогательнымъ средствомъ книгопечатанія. Когда европейскія государства покроются сѣтью желѣзныхъ рельсовъ — этихъ свѣтлыхъ лучей образованности, — умственная, интеллектуальная физіономія нашего материка совершенно измѣнится. Назначеніе пара — уничтожить разстоянія и соединить племена.

Какіе результаты будутъ отъ соединенія и сдѣшенія племенъ? Это вопросъ естественно-историческій, выведенный изъ факта политической экономіи. Мы постараемся разрѣшить его съ помощью свѣдѣній, которыя открываютъ намъ обѣ эти науки. Водопреніе пара въ системѣ искусственныхъ путей сообщенія — явленіе еще очень-новое; следовательно, надо имѣть большую смѣлость, чтобъ искать отдаленныхъ результатовъ силы, которая еще не очертила полной орбиты своего движенія; съ другой стороны, не надобно забывать также, что всѣ явленія міровъ промышленнаго и физическаго подчинены законамъ, которые мы имѣемъ возможность раскрыть. «Отличительный характеръ суммы знаній, сведенныхъ въ одну систему, въ одну науку, — есть откровеніе». Откровеніе это не бесплодно; оно помогаетъ намъ распознать настоящимъ, имѣя въ виду бу-

лучше. Когда известна цѣль, къ которой стремился, каждый вѣкъ можетъ соразмѣрять свои силы съ разстояніемъ, отдѣляющимъ его отъ этой цѣли. Съ перваго взгляда, вопросъ о вліяніи пара на движеніе племенъ кажется гипотезою; но взгляните въ него, — вы откроете въ зоологіи, въ современномъ ея состояніи основаніе и рѣшеніе этого вопроса. Ученіе о племенахъ еще въ зародышѣ; путешествія способствуютъ его развитію; но и теперь даже оно представляетъ много фактовъ, много матеріаловъ, съ помощью которыхъ можно нарисовать перспективу, отыскиваемую впереди желѣзными дорогами.

Обитаемая поверхность земнаго шара представляетъ множество человѣческихъ племенъ, которыя можно привести къ четыремъ большимъ отдѣленіямъ: племя кавказское — бѣлокожее, съ тонкими, прямыми, маслянистыми волосами; племя монгольское — желтокожее, съ волосами толстыми и прямыми; племя эіопское — чернокожее, съ твердыми, шерстянистыми волосами; племя американское — краснокожее, съ волосами черными, длинными и жесткими. Во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара, гдѣ племена эти были въ соприкосновеніи, вотъ что происходило: черные повнповались желтымъ, а бѣлые первенствовали надъ всѣми тремя племенами. Межеумки, происшедшіе отъ смѣшенія этихъ трехъ цвѣтовъ, занимали въ обществѣ среднее мѣсто. Изъ этого перваго факта можно уже заключить, что на зоологическихъ характерахъ человѣческихъ племенъ можно основать градацію ихъ силы и образованности.

Существованіе нѣсколькихъ племенъ въ человѣческомъ родѣ — фактъ большой важности; онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ нашимъ вопросомъ, и потому мы должны проникнуть его происхожденіе. Въ этомъ отношеніи, исторія намъ ничего не можетъ открыть; исторія молчитъ. Дѣтство, младенчество рода человѣческаго, какъ и всякаго животнаго, покрыто мракомъ

забвенія. Нѣсколько памятниковъ, почтенныхъ по ихъ древности, но написанныхъ на языкахъ уже утраченныхъ — вотъ единственные остатки, изъ которыхъ племена могутъ узнать нѣчто о своемъ происхожденіи; но эти памятники принадлежатъ уже временамъ историческимъ; а появленіе различныхъ племенъ, безъ всякаго сомнѣнія, предшествовало учрежденію обществъ; такимъ образомъ, этимъ путемъ мы никогда не успѣемъ подыти тайву природы. Естественная исторія, принимая въ основаніе характеры физическіе, одна только можетъ опредѣлить мѣсто, которое занимаютъ различные племена на лѣтвицѣ челоѣчества, послѣдовательности между ними, и даже ихъ происхожденіе.

Чтобъ разсѣять мракъ, окружающій колыбель рода челоѣческаго, необходимо прежде раздѣлить элементы, его составляющіе. Общее мнѣніе, что бѣлымъ племенемъ началось существованіе челоѣчества; но все заставляло насъ думать, что ему предшествовали другія племена, которыя выводятъ оно отъ себя путемъ перерожденія. Родъ челоѣческой самъ-по-себѣ составляетъ особое царство въ разнообразной цѣпи созданій, и племена соотвѣтствуютъ въ нѣкоторомъ отношеніи породамъ царства животнаго. Всѣ существа, обитатели земнаго шара, постепенно усовершеншались; по-этому очень естественно предполагать, что племена низшія были и самыя древнѣйшія. Въ исторіи періодовъ допотопныхъ, каждый переворотъ на нашей планетѣ совпадалъ съ прогрессомъ въ царствѣ животномъ; точно также измѣненія, слѣдовавшія за великою седмицею Моисея, вывели на различныхъ точкахъ земнаго шара различныя группы людей. Мы можемъ помѣстить колыбель челоѣческаго племени вблизи экватора; въ Атлантидѣ зачалося красное племя; влѣва желтое — на югѣ Азіи; а на сѣверѣ, или въ срединѣ Азіи, появились первые слѣды бѣлаго племени. Движенія разрушенія и воспримзведеміа, сопри-

ущія каждому созданію, распростра-  
нились также и на человѣчество: чер-  
ное племя есть остатокъ первобытнаго  
іра; оно потеряло прежнюю свою си-  
лу и могущество. Племя американское  
тоже племя древнее, погибшее въ во-  
лахъ океана. Христофоръ Колумбъ на-  
шелъ остатки его, которые начали свое  
возрожденіе на американской почвѣ.  
Можетъ-быть, одинъ и тотъ же ударъ  
ромысла опровергивалъ материкъ  
главнуду, уничтожалъ красное пле-  
мя и подымалъ горы Азіи, на кото-  
рыхъ появилось бѣлое племя. Этотъ  
звѣзды, взглядъ разрываетъ узкія цѣпи  
эволюціи, въ которыя наши истори-  
ки хотѣли заключить существованіе  
рода человѣческаго; но надобно при-  
знать, что въѣкъ, подобно пред-  
метамъ, сглаживаетъ разстояніе, и ви-  
ковой хронометръ не проведетъ насъ  
въ періодахъ, гдѣ все еще басно-  
овно.

Естественная исторія человѣка дол-  
жна быть непременно построена на ха-  
рактерахъ анатомическихъ. Г. Серръ,  
профессоръ Парижскаго Университета,  
положилъ первыя основанія срав-  
нительной антропологіи: онъ доказалъ,  
что органы и отправления понижаютъ  
перехода отъ кавказскаго племени  
племенимъ низшимъ. Серръ сдѣ-  
лалъ очень-замѣчательное наблюденіе,  
что у американскаго племени животъ  
челюстей низокъ; причина этой уродливости  
— обширный объемъ печени, а  
большое развитіе этого органа предпо-  
лагаетъ необыкновенную прожорли-  
вость. Вотъ первый фактъ изъ исторіи  
эволюціи новаго-свѣта, имѣющей  
большое свое въ ихъ организаціи.  
Въ Парижскомъ музеумѣ находится че-  
люсть Американца: въ верхней челюсти  
сидятъ огромныя клыки, которые  
въ живомъ состояніи непременно вы-  
ступали изъ-подъ верхней губы.

Сходная черта съ хищными жи-  
вотными объясняетъ свирѣпый харак-  
теръ Мексиканцевъ. Серръ, на десяти  
двѣнадцати индивидуумахъ африкан-  
скаго племени, которыхъ трупы лежали  
въ его скальпель, открылъ довольно-

замѣтныя сжатіе и расширеніе арте-  
рій; непрѣмный результатъ тако-  
го явленія — замедленіе въ кровообра-  
щеніи. Подобное гидравлическое рас-  
положеніе въ извѣстномъ возрастѣ у  
человѣка кавказскаго племени дѣлаетъ  
ся необходимымъ условіемъ существо-  
ванія; въ черномъ же племени, оно со-  
ставляетъ непрѣмный законъ приро-  
ды. Это обстоятельство можно связать  
съ нравственною стороною африканскаго  
племени: въ-самомъ-дѣлѣ, медленность  
кровообращенія совпадаетъ здѣсь съ  
оцѣпенѣлостью, апатією, которыя ха-  
рактеризуютъ негра. Чрезвычайная  
длина оконечностей, преимущественно  
нижнихъ, всегда сопровождается  
уродливостью таза, — и вотъ причина  
физической слабости чернаго племени.  
Всѣ путешественники утверждаютъ,  
что негры сложены гораздо-слабѣе  
бѣлаго племени. Короткая шея всегда  
соединена бываетъ съ длинными ру-  
ками; это уничтожаетъ округлость  
формъ, которая у насъ составляетъ  
красоту женскую. Короткая шея и  
длинные руки, кромѣ того, какъ полагаетъ  
Серръ — главныя причины, почему  
негръ такъ недоловъ, немусульманъ и  
такъ мало изобрѣтателенъ. Но кромѣ  
того, какъ шея укорачивается, лицо  
выдается впередъ; это расположеніе,  
совершенно-животное, помогаетъ схва-  
тывать пищу. Удлиненіе костей лица  
также ведетъ за собою неоподобность  
органовъ чувствъ. Слухъ слабъ въ низ-  
шимъ племенамъ человѣческимъ, мы  
замѣчаемъ постепенное утолщеніе кре-  
бетнаго мозга и череповъ, которое до-  
стигаетъ своего максимума у африканскаго  
племени. Въ организмѣ человѣческаго  
существуетъ рѣшительный антагонизмъ меж-  
ду лицомъ и мозгомъ; когда лицевыя  
кости очень развѣтвываются, дѣйствіе  
чувствъ господствуетъ, и въ однако-  
вой пренормѣ слабѣетъ интеллекту-  
альная способность. Названія племенъ  
замѣчательнымъ своимъ тономъ обозна-  
чаютъ: негры и Индійцы новаго-свѣта  
по чутью узнаютъ своихъ реличей и  
дистиндируютъ и различаютъ формы; ин-  
стинктъ помогаетъ открывать имъ вра-



говъ. Вкусъ тоже чрезвычайно развить у племень краснаго и чернаго: невозможно представить себѣ, съ какою наслажденіемъ пожираютъ пищу люди этихъ двухъ цвѣтовъ; бѣлое племя, въ сравненіи съ ними, не умѣетъ ѣсть.

Душа у насъ, для проявленія своего, имѣетъ два языка — слово и физиономію; посредствомъ ихъ обнаруживаетъ она всѣ свои ощущенія. Другое встрѣченіе мы въ племени эоипскомъ: лицо негра изображаетъ совершенную азіатику; вся игра физиономіи ограничивается у него гримасою грубаго удовольствія матеріальныхъ потребностей; а слово, языкъ, напоминаетъ горловой крикъ обезьяны. Низшія племена стараются еще болѣе приблизиться къ характерамъ животности. Такимъ образомъ, нѣкоторые поколѣнія американскія обдѣлываютъ свой носъ на манеръ орлянаго клюва. Черепъ Мехиканцевъ обыкновенно сверху сжатъ и расширяется по бокамъ; оны придаютъ этой вѣтвѣной формѣ еще болѣе рѣзкости. Мехиканецъ усвоилъ себѣ физиономію льва, чтобъ устрашать враговъ. Титъ идеальнѣй, который эти народы искали выразить на дѣлахъ, уже заключался, правда, въ зародышномъ состояніи, въ самомъ строеніи органовъ. Намъ невозможно поддѣлаться искусственнымъ образомъ полъ животныя характеры.

Всѣ эти факты несомнѣны. Такимъ образомъ, принимая въ основаніе одну анатомію, мы успѣли опредѣлить условія правотъ и развитія различныхъ племенъ человѣческихъ.

Но естественная исторія пошла далѣе; она не ограничилась наблюденіемъ характеровъ племенъ въ элементарномъ ихъ состояніи: она старалась открыть, какое взаимное дѣйствіе оказываютъ эти племена, сближаясь, соединяясь между собою. И вотъ результаты ея изслѣдованій. Всѣ племена человѣческія имѣютъ способность соединяться одно съ другимъ; только природа съ своей стороны имѣаетъ нѣкоторыя образомъ сближенію крайно-

стей — экстремовъ (extrêmes). Бранъ негра съ бѣлой женщиной всегда безплоденъ. Напротивъ, бранъ бѣлаго съ черною женщиною очень обыкновененъ, совершается всегда по сочувствію, симпатіи, и бываетъ почти всегда плодороденъ. Природа съ вѣтреніемъ положила здѣсь матеріальную преграду: она хочетъ возвышенія, а не униженія племенъ. Изъ этого видно, что соединеніе племенъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ есть средство къ усовершенствованію рода человѣческаго: племя высшее передаетъ плоду почти-всегда двѣ трети своего достоинства. Это движеніе, эту передачу натуралисты наблюдали внимательно, и открыли, что племя кавказское налагаетъ свой отпечатокъ на другія племена, съ которыми приходитъ въ сопряженіе. Кто не видитъ филозофскихъ послѣдствій этого факта естественной исторіи? Повсемѣстное нашествіе бѣлаго племени стремится въ наше время сгладить, уничтожить существованіе другихъ племенъ на этой планетѣ. Преданія древнія представляютъ намъ родовачальниковъ человечества — бѣлаго челоука, и выводить отъ него, какъ отъ одной вѣтви, всѣ прочія племена. Эти преданія поддерживаютъ только заблужденіе, слѣдствіе доврчивой старинны. Единство племенъ, идеалъ, прототипъ челоука не существуетъ въ прошедшемъ; къ нему стремится настоящее челоучество.

Итакъ, высшія племена поглощаютъ племена низшія. Этотъ фактъ — безъ исключеній. Все убѣждаетъ насъ, что черное племя было самое многочисленное въ эпоху первобытную. Теперь существованіе его на поверхности земнаго шара подчинено другимъ племенамъ. Въ Америкѣ, красное племя — красугольный камень послѣдующихъ населеній, которыя постепенно являлись на его землѣ. Теперь уже исчезло множество туземцевъ новаго свѣта: Инны илѣстия Отохтоновъ; кривыя племя кавказское и въ свою очередь уничтожило Ва-

ювь: Это движение простирается на всю землю. Жители Фан-диновой-земли исчезли; въ нихъ теперь остаются тридцать, можетъ-быть, сорокъ человекъ, не болѣе; Гуаичи тоже не существуютъ; Караибъ уничтожились на островахъ американскихъ; остатки ихъ только встрѣчаются еще на материкѣ. Сосѣдство сильныхъ племенъ всегда бываетъ пагубно для племенъ слабыхъ. Для рода человеческого ощущается особая палеонтологія, которая ограничивается временами историческими: по-мѣрѣ-того, какъ глублемся во внутрь земли, встрѣаемъ остатки племенъ слабѣйшихъ, срававшихся, которыя уничтожились подъ вліяніемъ сильнѣйшаго племени. Эти остатки соответствуютъ различнымъ возрастамъ рода человеческого. Когда такое возвратное движение, т. е. поглоченіе, совершается естественнымъ образомъ, оно помогаетъ прогрессу. Высшія племена, сливаясь съ высшими, оставляютъ въ нихъ новые характеры, задатки будущаго совершенствованія. Жаль только, что такая сила обыкновенно мѣшается въ зло дѣло и уничтожаетъ первобытныхъ людей, не давъ имъ времени слиться съ высшимъ племенемъ. Вопросъ еще — грядущіе новаго-свѣта благотворительно ли для будущихъ поколѣній. Изъ народовъ американскихъ одни уже достигли высшей степени цивилизаціи, другіе только были тоже обратились къ жизни социальной. Вдругъ явилось бѣдое племя. Это событіе остановило процессъ. Кароивцы въ новомъ-свѣтѣ до того, что задумали начинавшее нравственное развитие полудикихъ землицъ, — они уничтожили, стерли съ лица земли народы. И красное племя, которое пережило естественную катастрофу, погибло въ политическомъ переворотѣ. Жестокость Испанцевъ, относительно жителей новаго-свѣта, — по-прежнему противочеловѣчественный: она заключается теперь эта въкогда-то существовавшая нація своихъ собственными руками. Кто знаетъ, можетъ-быть, зародится цивилизація, ко-

торые придавила она своею желѣзною пятою, были необходимы для усовершенствованія нашего племени? Подобныя явленія повторяются и теперь, въ наше время: Англо-Американцы въ свободныхъ Соединенныхъ-Штатахъ охотятся на краснокожихъ, какъ на дикихъ звѣрей; съ другими племенами обращаются не лучше. Основанію всѣхъ европейскихъ колоній всегда предшествовало совершенное уничтоженіе первыхъ обитателей — туземцевъ; всегда слѣды крови и слезъ сопровождали движеніе кавказскаго человека кругомъ свѣта, котораго первобытныхъ жителей онъ долженъ былъ образовывать. Англійскіе охотники стрѣляютъ дикихъ Новой-Голландіи и кормятъ ими своихъ собакъ... Но всему этому долженъ же быть конецъ! Пора наукъ управлять этими завоеваніями, которыя звѣриная сила употребляла во зло, не извлекая настоящей пользы. Естественная исторія показываетъ, что въ мѣрѣ не существуетъ ничтожныхъ племенъ, что всѣ они назначены слиться съ нашимъ бѣлымъ племенемъ. Предоставьте же имъ развиваться на свободѣ и не загоняйте ихъ въ пустыни, гдѣ они гибнутъ; и для нихъ и для насъ мѣста довольно подъ солнцемъ. Всѣ племена важны; уничтожить одно изъ нихъ — значитъ вредить другимъ, другимъ лишать средствъ къ усовершенствованію. Бѣлый человекъ — послѣднее звѣно рода человеческого — долженъ подвести полъ свой типъ всѣмъ прочимъ звѣнямъ; изгонимъ въ этомъ случаѣ сойдутъ намъ не стѣснять ихъ насиліемъ; развивая слабыя зародыши, мы воспитываемъ будущіе элементы своего поколѣнія.

Мы рассмотрѣли условія соединенія племенъ; теперь постараемся опредѣлить вліяніе этого соединенія. Слѣдуя путемъ науки, мы дойдемъ до прочнаго грунта, до точныхъ теорій, которыя основываются на положительныхъ фактахъ.

Племя человеческое чистое всегда представляетъ однообразный темпера-

ментъ, который господствуетъ у всѣхъ особей. Въ племени сибѣрианскомъ, напротивъ, замѣчается разнообразіе темпераментовъ и нравственное расположеніе особей, рѣзко-выражающихся въ темпераментахъ, всегда напоминающихъ племена, отъ которыхъ вышли они. Этотъ фактъ открываетъ намъ одно вліяніе соединенія племенъ — умноженіе проявленій человѣческой природы.

Случай привелъ въ Парижъ прѣдшнюю зиму дикихъ. Ученые ишли здѣсь случай наблюдать въблизи, на свободѣ, первобытное состояніе америнавскаго племени, самаго загадочнаго изъ всѣхъ существующихъ. Г. Серръ, творецъ науки сравнительной антропологии, открылъ замѣчательное явленіе, что корни человѣческаго усовершенствованія въ этомъ племени заключаются въ женскомъ организмѣ, такъ-что причина одичалости этихъ дикарей есть униженное состояніе женщины. Если это открытіе распространяется на другія племена, то женщина — главный дѣятель въ процессѣ воспроизведенія, представляется намъ формою прогресса. Склонность, возбуждающая помы различныя племенъ соединяться между собою — неслѣпое, безотчетное движеніе: жившія племена назначены питать племена высшія, и черты, отличающія ихъ, не изглажаются, не сольются; характеры ихъ не уничтожатся; напротивъ, они сохраняются въ кавказскомъ племени и увеличатъ только его разнообразіе.

Принимая въ основаніе эти общіе факты, мы можемъ судить уже о вліяніи соединенія племенъ на общества. Естественная исторія должна открыть намъ первыя черты усовершенствованія природы человѣческой; воспользуемся ими, чтобы парисовать картину народовъ, дѣйствующихъ въ эту минуту на земномъ шарѣ.

Въ каждомъ племени есть своя таинственная сила, которая опредѣляетъ объемъ и формы его развитія: законы, нравы, учрежденія, вѣра подчинены

своей силѣ; — и вотъ что составляетъ естественную общность. Состояніе государствъ выражается всегда естественными характеры народа. Необходимо узнать этотъ составъ, если хотимъ нормальнаго соединенія племенъ. Человѣкъ кавказскій долженъ дѣйствовать на другія племена, и въ то же время долженъ собразовать свои дѣйствія изъ состояніемъ ихъ развитія. Въ этомъ отношеніи, обитаемая поверхность земнаго шара представляется рядъ верховныхъ неровностей, которыя заставляютъ въ различныхъ группахъ отъ степени развитія ихъ «этическихъ» характеровъ. Обратите вниманіе на географическое распространеніе религій на поверхности земнаго шара; въ млчайшему удивленію, мы замѣтимъ, что онѣ подчинены вездѣ одному естественному закону. Христіанство вообще утвердилось въ бѣломъ племени: никогда не могло оно распространиться замѣтнымъ образомъ между другими племенами. Этотъ фактъ ильготъ своимъ физическій составъ человѣческаго рода. Что такое христіанская религія? — торжество души надъ чувствами, господство духа надъ матеріею, — и организація блага племени совершенно-готова къ воспріятію такого ученія. Въ-самомъ-дѣлѣ, обыкновенное развитіе головного мозга, слѣдовательно, перевѣсъ умственныхъ способностей надъ инстинктивными чувствами — отличаетъ кавказскаго человѣка. Спускаясь къ южнымъ племенамъ, мы замѣчаемъ, что перевѣсъ этотъ уничтожается; развиваются, напротивъ, органы чувства, а съ ними вмѣстѣ увеличивается и физическое сопротивленіе христіанской религіи. и постепенно начинается появляться естествознаніе или обоготвореніе матеріи, которое составляетъ религію персидскихъ Арабы, Турки составляютъ переходъ отъ вѣлопскаго и монгольскаго племени къ бѣлому; у нихъ ильотроисходны сибѣрианно; мухаммеданство — та же секта христіанская, въ которой только духъ обонхъ этихъ народовъ выразилъ свой чувственный характеръ. И др.

в организациі племени зависятъ истинныя, религіозныя и нравственныя проявленія общества, его составляющихъ. Вотъ почему образовались цивилизаціи, которыя остановились на различныхъ степеняхъ. Родъ людскій уничтожитъ эти неравенства во всеобщемъ прогрессѣ. Пределы, препятствія, которыя природа положила соединенію религій, уничтожатся, когда бѣлое племя отразитъ физическіе характеры на другихъ племенахъ. Единство религій есть непрѣлнимымъ результатомъ землей типа кавказскаго воплощется въ другихъ семействахъ человеческого рода.

Постоянство характеровъ, по-видимому, должно ослабить взаимное дѣйствіе племенъ. Когда образованная племя ищетъ, старается вывести на дикій или варварскій изъ его жезнаго состоянія, природа и цивилизація, какъ двѣ силы, взаимно иновѣшиваютъ другъ друга, другъ гда огравивчиваютъ; движенія еще; начинается борьба между познствомъ типа и дѣйствіемъ, которостремится стереть его; если это ствѣе прехолающее, типъ сохраняетъ вавпротивъ, когда оно постоянное — стирается; въ какой степени, въ ой пропорціи происходитъ его чтоженіе? — это неизвѣстно; одни ологи утверждаютъ, что измѣне- слѣдующія изъ этой борьбы, ни- та не простираются на общую фор- но гдѣ же предѣлъ, гдѣ граница ть измѣненій? Никто не можетъ дѣлать точно. Мы знаемъ только, о истина несомнѣнная, что есть аан, гдѣ типы сохраняются, есть аан также, гдѣ они сглаживаются. томъ отношеніи, племена въ фор- и исторической представляютъ овию съ органическими существа- населавшими нашу планету въ ве- ю эпоху, когда образовалась ея жиная кора. Мы встрѣчаемъ здѣсь е типы, — которые совершенно тожаются, типы, которые пере- ютъ перевороты физическіе, и

типы, которые только измѣняются. Итакъ, дѣло возможное — выбить бѣлое племя изъ колеи, предвчертанной ему природою и ульечь его въ общее движеніе другого племени. Мы знаемъ еще, что отъ соединенія двухъ племенъ происходятъ новые типы. Форма каждой націи опредѣляется количествомъ элементовъ, его составляющихъ, и степенью ихъ сродства: чѣмъ чище племя, тѣмъ проще организація его общества, тѣмъ ограниченнѣе его жизнь интеллектуальная и тѣмъ ограниченнѣе его самостоятельное существованіе. Эти зародившія племена слагаются, совершенствуются соединеніемъ съ другими группами рода человеческого. Отъ смѣшенія ихъ характеровъ происходитъ безконечное множество средних отгѣтвовъ. Нація возвышается, когда принимаетъ въ составъ свой новые элементы; ея общественная организація пріобрѣтаетъ многосторонность; увеличиваются ея отношенія, растетъ жизнь. Сначала, элементы разрознены; время сливаетъ ихъ, и въ народѣ обнаруживаются тогда новые отпрыски; воспитаніе окончательно уравниваетъ нравственныя и органическія различія, которыя были препятствіемъ прогрессу. Такимъ образомъ, природа, соединяя до безконечности немногія первобытныя племена, постоянно дѣйствуетъ въ пользу матеріальнаго усовершенствованія общества.

Всѣхъ обитателей нашей планеты можно размѣстить въ двухъ категоріяхъ: племена прогрессивныя и племена остановившіяся. Въ жизни націй, какъ въ жизни одного человѣка, наступаютъ моменты, когда дѣятельность ихъ истощается; одни устаютъ равнѣ, другія позже. Степень, на которой нація останавливается, опредѣляетъ ея мѣсто въ исторіи. Племена несовершенныя, но законченныя въ своемъ несовершенствѣ, иногда переживаютъ свое собственное величіе. Будущее ихъ — неподвижность. Одни народы останавливаются на одномъ пунктѣ, другіе идутъ назадъ. Лордъ

ка — колыбель народовъ, которые всегда въ одномъ возрастѣ. Азія, Халдея, Ассирія представляютъ печальный метаморфозъ времени: абитатели этихъ странъ были нація цивилизованная, и теперь возвратились онѣ снова къ дикому состоянію; душа этихъ народовъ перешла въ дикаго звѣря, по выраженію великаго поэта: *anima fera divenuta*. Эти оставшіяся племена умерли для цивилизація. Они уничтожатся съ лица земли безъ посредства нація цивилизованной; но, при счастливомъ соединеніи съ племенами прогрессивными, для нихъ начинается новое движеніе. Южная-Америка представляетъ намъ много племенъ, остановившихся въ своемъ развитіи, и они ожидаютъ благотворнаго вліянія блага человѣчества, чтобъ выйти изъ этого безразличія. Въ Азіи, монгольское племя гибнетъ, вянетъ. Уединеніе уничтожило силу этихъ варварскихъ народовъ, которые въ лицѣ Чингис-Хана и Аттилы наводили страхъ на всю Европу. Кто привьетъ эту засохшую вѣтвь къ зеленѣющему стеблю юнаго, живаго племени? кто спасетъ эту угасающую великую цивилизацію?...

Бѣлое племя—последнее звѣно въ человѣческомъ родѣ и первенствующая часть его. Монголъ, негръ, Американецъ, Малаецъ искали только удовлетворенія матеріальныхъ потребностей; человѣкъ кавказскій, въ это время, изобрѣлъ землю; земля ему было мало, онъ возвысился до идеи верховнаго начала, творца всѣхъ вещей. Другія безпечныя племена оставались безоружными противъ вліянія климата; Монголъ началъ только борьбу съ природою. Племя кавказское довершило побѣду: оно овладѣло стихіями, овладѣло моремъ. Особенно замѣчательна въ кавказскомъ племени—ужасная воля; другія племена сняты подъ игою слѣпой необходимости: бѣлое племя уничтожило всѣ препятствія; ему мало было собственныхъ силъ—оно изъ самой природы взяло еще новыя силы; открытіе парадигмопечатаніе помогло ему рас-

ширить его господство. Бѣлый человѣкъ, приходя въ соприкосновеніе съ другими племенами, постоянно поглотилъ ихъ. Онъ заимствовалъ у негра, Американца, Монгола ихъ температурныя нервозный, желчный, лимфатическій, и пересовдалъ ихъ по своему подобию. Это гигантское племя, вышедшее нѣкогда съ Кавказа, теишцы Прометей, еще не кончило своего творенія. Бѣлое племя началось въ Азій: настоящее народонаселеніе нашего материка есть результатъ многихъ послѣдовательныхъ переселеній; переселенія эти соединялись между собою; кавказское племя идетъ съ востока на западъ; оно оставляетъ на пути рядъ народовъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ; оно станціями развиваетъ свои силы. Въ этомъ общемъ движеніи, группа кельтійская предшествовала группѣ тевтонской, за которою уже поспѣваетъ группа славянская. И такъ, формация различныхъ народовъ, населяющихъ нашъ материкъ, обозначалась промежутками, отдыхами въ прогрессивномъ ходѣ цивилизація. Каждый изъ этихъ народовъ отложилъ въ свою очередь въ общій типъ свои характеры,—и настоящая физиономія Европы есть результатъ слиянія этихъ характеровъ.

Не всѣ народы двигаются одинаково по одному пути; каждая группа бѣлаго племени стремится къ характерамъ, ей свойственнымъ, но всегда послѣдовательно черезъ нѣсколько переходныхъ состояній достигаетъ опредѣленной формы. Это развитіе племени влечетъ за собою всѣ событія въ исторіи народовъ. Въ одно время, народы возобновляютъ и свои физическіе характеры и основанія общественнаго состоянія. Въ ряду этихъ прогрессовъ, въ переходѣ именно изъ одного возраста въ другой, обнаруживаются великія событія, манifestація политическую физиономію цивилизованныхъ народовъ. Это движеніе останавливается, когда нація соединила всѣ свои элементы, и выразила ихъ въ одномъ общемъ типѣ, ей свойствен-

тъ. Тогда начинается стояніе общаго, нравственное и физическое. Кинское или японское народонаселеніе представляетъ подобную неподвижность. Жозефу Сент-Илеръ, во время гешествія своего въ Египетъ, сравнилъ теперешнихъ туземцевъ съ древними обитателями Египта, которые спятъ ны въ гробгахъ; онъ нашелъ, что тѣ же самыя муміи; вся разница въ тѣхъ, что одніе спеловаты, а другіе движутся свободно. Ни одна европейская дѣла не находится еще въ такомъ покоеніи: всѣ постоянно возобновляютъ ны формы и стремятся къ новому сознанію, котораго мы еще не знаемъ. Гесерь, если сравнимъ движенія бѣлаго человѣчества и другихъ племенъ, откроетъ, что оно перешло послѣдовательно черезъ всѣ возрасты, которыми отличалась, на-примѣръ, цивилизація точная. Теократія, касты, іероглифы, отличительныя черты индійской, тайской, древне-египетской, мексиканской цивилизаціи, въ Европѣ существовали въ обществахъ среднихъ вѣковъ. Вся разница въ движеніи этихъ племенъ и нашего бѣлаго ограничивается тѣмъ, что народы желтые и черные становились на учрежденіяхъ, которыя мы подчинили себя только временно. Нельзя сравнивать общественныхъ организацій низшихъ и высшихъ родовъ въ законченномъ ихъ состояніи; не надобно сблизять зрѣлость однихъ и младенчество другихъ,—тогда открывается намъ множество общихъ характеровъ.

Нѣкоторые философы издавна предсказали этотъ фактъ смѣшенія племенъ и тверждали, что характеры ихъ должны слиться между собою. Это заблужденіе! На поверхности земнаго шара брошено множество зародышей; каждый развивается по особеннымъ законамъ. Результатъ позднѣйшаго соединенія этихъ зародышей есть конечное единство человѣческаго рода, единство, которое, однако, не предполагаетъ однообразія. Въ наше время—доказано, что тѣпы, смѣшиваясь, не всегда уничтожаются: Эдвардъ во

Франціи, Германіи и Италиі нашелъ остатки древнихъ народовъ, которыхъ физическіе характеры пережили ихъ смерть. Эти естественныя памятники стоятъ рядомъ съ развалинами памятниковъ искусства. Уродливая физіономія Гунновъ, которая пугала своимъ безобразіемъ всю Европу, тоже не утратилась: Эдвардъ нашелъ ее въ Венгріи. Слѣдственно нечего бояться, что характеры новѣйшихъ народовъ такъ быстро изгладятся.

Сверхъ того, самая почва опредѣляетъ общую форму жителей:—вотъ еще причина, способствующая сохраненію народныхъ характеровъ. Единство племенъ увеличить только ихъ разнообразіе. Когда племя чисто, однихъ темпераментъ, одни характеры выражаются на всѣхъ особахъ. Всѣ члены монгольскаго племени похожи между собою. Особи же, выходящія изъ массы, на-примѣръ, Чингисъ, Аттила, Тамерланъ, изображаютъ тотъ же типъ монгольскій, только возвышенный въ высшую степень; здѣсь самый сильный, первый человѣкъ—тотъ, кто лучше отражаетъ общій типъ племени. Въ смѣшанномъ племени, напротивъ, характеры особей соотвѣтствуютъ различнымъ группамъ или семействамъ.

И такъ, существованіе одной европейской монархіи—мечта; характеры группъ постоянно будутъ поддерживать раздѣленіе государствъ. Каждая группа имѣетъ свое движеніе; каждая группа стремится къ осуществленію своего типа. Такъ-называемый духъ народа есть соединеніе характеровъ физическихъ и нравственныхъ способностей, которыми отличаютъ его отъ другаго народа, и онъ-то составляетъ физіономію его—жизнь. Исторія представляетъ постоянное равновѣсіе между группами бѣлаго племени; то одна, то другая попеременно управляютъ движеніемъ цивилизаціи; постоянно ни одна не первенствуетъ.

Монархическое единство заимляется единствомъ естественнымъ; народы, сблизаясь между собою, составляютъ одно семейство.

И такъ, составъ человѣческаго рода со-временемъ долженъ сдѣлаться еще многосложнѣе; разнообразіе выразится даже на отдѣльныхъ особахъ. Ни одинъ типъ человѣческой не утратится; всѣ измѣнятся. Стремленіе къ единству, которое сблизитъ разстоянія и племена, не есть слѣбое движеніе; оно не ищетъ разрушенія, уничтоженія группъ, приведенія ихъ къ одной однообразной формѣ; напротивъ, разнообразіе характеровъ будетъ результатомъ этого единства. Такой естественно-историческій аргументъ побуждаетъ насъ къ распространенію водяныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія. Теперь еще совершается формация рода человѣческаго: сблизитъ между собою различные племена, разбросанныя на поверхности земнаго шара — значитъ собрать, соединить матеріалы для окончателнаго его образованія. Путешествія откроютъ новые типы, которыми умножатся типы теперь существующіе и сдѣлаются разнообразнѣе, соединятся съ ними. Племена идутъ впередъ въ физическомъ и морально, повинуясь взаимному благотворному вліянію; посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и новыхъ навигаціонныхъ путей мы достигнемъ этого всеобщаго прогресса, въ которомъ заключаются всѣ другіе прогрессы — усовершенствованія человѣка и природы...

Вотъ въ какомъ видѣ, въ какомъ духѣ, прошедшую зиму, г-нъ Серръ издегалъ передъ парижской публикой сравнительную антропологию, науку новую, которой онъ самъ положилъ твердыя, прочныя основанія. Мы не сдѣдали по лекціямъ за систематическимъ ея изложеніемъ, потому что этого не дозволяетъ намъ обыкновенно огромный объемъ статей, помѣщаемыхъ въ этомъ отдѣлѣ, но заимствовани только изъ курса знаменитаго профессора рѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ, составляющихъ сущность его науки, какъ-то: происхожденіе рода человѣческаго, мѣсто, которое занимаетъ онъ въ лѣтаницѣ созданій орга-

ническихъ, раздѣленіе его на племена, связь характеровъ физическихъ каждаго племени съ его нравственнымъ и интеллектуальнымъ развитіемъ, и значеніе этихъ племенъ въ будущемъ.

Впрочемъ, въ этихъ нѣсколькихъ страницахъ изложены ученіе и вѣрованіе г. Серра, которыя прикидываютъ и всѣ современные натуралисты; коротко сказать, эта статья перечень, *resumé* его цѣлаго годичнаго курса сравнительной антропологии и всей науки въ современномъ ея состояніи.

#### ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТПРАВЛЕНІЕ КРОВЯНЫХЪ ШАРИКОВЪ. *Изслѣдованія Эрделя.* — Животный организмъ состоитъ изъ твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ частей; въ конечныхъ звѣзлахъ цѣпи міроизвѣнія, въ послѣднихъ членахъ царства животнаго, каковы инфузоріи, полныя в т. п. — жидкія части составляетъ вода, болѣе или менѣе насыщенная органическими частицами; но у животныхъ, которыя занимаютъ высшія ступени въ зоологической лѣтаницѣ, которыя приближаются къ человѣку, мы находимъ значительное разнообразіе въ химическомъ составѣ и физическомъ свойствахъ этихъ жидкихъ частей. Одна, главная изъ нихъ, назначена для поддержанія — питанія организма: эта питающая жидкость есть кровь.

Эта жидкость поддерживаетъ жизнь въ органахъ и доставляетъ имъ матеріалы, изъ которыхъ состоятъ они.

Кровь также есть источникъ всѣхъ другихъ жидкостей, находящихся въ организмѣ животныхъ, каковы слюна, моча, желчь, слезы, и проч.

У всѣхъ животныхъ, блиско подходящихъ къ человѣку, — млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, у многихъ даже червей изъ класса кольчатыхъ, кровь ярко-краснаго цвѣта. Но у всѣхъ такъ называемыхъ низшихъ животныхъ она представляетъ жидкость волакистую, безцвѣтную или едва-окрашенную въ желтый, зеленой, розовый и лиловый цвѣтъ, такъ-что съ перваго взгляда трудно даже бызаетъ

замѣтны; долгое время почитали называли этихъ животныхъ *блѣтрослами*.

Микроскопическій составъ крови изъ предметомъ изученія вѣроятно бѣхъ физиологовъ; не смотря на то, — сихъ поръ мы имѣемъ самыя ничныя и темныя понятія о значеніи и отращеніи ея элементовъ.

Все физиологи согласны, что кровь состоитъ изъ двухъ раздѣльныхъ элементовъ: *пласки* (*plasma, serum*) и *шариковъ*; *пласкою* называють они прозрачную желтоватую жидкость, въ которой плавають, двигаются кровяные шарикки—микроскопическія, твердыя тѣла краснаго цвѣта; они нѣсколько приплюснуты, а въ серединѣ представляютъ пятно, окруженное каймою блѣттемнаго цвѣта. Внутри они соотвѣтъ, какъ можно замѣтить при сильномъ увеличеніи въ микроскопъ, изъ двухъ отдѣльныхъ частей — ядра и оболочки; имѣющей подобіе пузырька. а оболочка сдвинута и образуетъ уголокъ ядра окраины, такъ-что весь овалый шарикъ похожъ на плоскій пужокъ, раздутый по серединѣ; обочка краснаго цвѣта, а внутренній еронатъ — ядро, безцвѣтенъ. Значене, физиологическое отращеніе кровяныхъ шариковъ составляетъ вбдоко здора между натуралистами; здѣсь здѣланы мнѣнія всѣхъ физиологовъ.

Доллингеръ видитъ въ кровяныхъ шарикахъ элементарныя части органическихъ тканей, изъ которыхъ строятся эти ткани, какъ дома изъ кирпичей.

Шулцъ принималъ сначала мнѣніе Доллингера; но позже этого опытный наблюдатель сталъ утверждать, что овалыя шарикки своего рода легкія, торыя внутри также наполнены воздухомъ и служатъ для освѣженія, очнненія крови.

Мюллеръ почитаетъ ихъ необходимыми органами для возбужденія нервнй дѣтельности.

Дютроше полагаетъ, что это пары лѣтвическаго прибора.

Рейхертъ думаетъ, что кровяные

шарикки разнесуть питательные элементы.

Генле принимаетъ ихъ за плодучіи желѣзки.

Мейеръ думаетъ, что это микроскопическія животныя.

Карусъ утверждаетъ, что они представляютъ *скупреніе* настоянныя *эриказмы, свойственные* крови.

Мы пройдемъ молчаніемъ множество еще другихъ мнѣній, которыя тоже не проливають никакого свѣта на важный вопросъ значенія кровяныхъ шариковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ Эрды представлялъ Мюнхенской Академіи Наукъ очень остроумную догадку о физиологическомъ отращеніи кровяныхъ шариковъ.

Эрды кровяные шарикки называетъ кровяными ячейками, и утверждаетъ; напрокоръ всѣмъ современнымъ и стариннымъ физиологамъ, что эти шарикки — пузырьки, наполненные внутри *пласкою*; такимъ образомъ онъ не допускаетъ въ нихъ существованія центральнаго ядра.

Если взять стеклянную трубку; къ одному концу которой привязаны пузырьки, наполненные растворомъ гумми и опустить этотъ приборъ вертикально въ чистую воду, мы найдемъ, что жидкость переходитъ въ трубку изъ пузыря и подымается въ ней на значительную высоту; следовательно, чистая вода проникаетъ въ пузырь черезъ его стѣнки. Переимѣните обстоятельства этого явленія: наполните пузырь чистой водою и погрузите его въ растворъ гумми или сахара, вы замѣтите, что переходъ, переимѣненіе жидкостей, будетъ обратный; чистая вода перейдетъ черезъ стѣнки пузыря въ окружающій его растворъ, и пузырь опустѣетъ.

«Совершенно-подобное явленіе происходитъ» говорить Эрды, «и въ кровяныхъ шарикахъ: всѣмъ извѣстно, что они вдругъ лопаются, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ водою, и сокращаются, принимаютъ угловатыя формы, когда соприкасается съ ними жидкость болѣе-плотная, которая въ рас-



И такъ, составъ человѣческаго рода со-временемъ долженъ сдѣлаться еще многосложнѣе; разнообразіе выразит-ся даже на отдѣльныхъ особяхъ. Ни одинъ типъ человѣческой не утратит-ся; всѣ намѣнятся. Стремленіе къ единству, которое сблизить разстоянія и племена, не есть слѣпое движеніе; оно не ищетъ разрушенія, уничтоженія группъ, приведенія ихъ къ одной однообразной формѣ; напротивъ, разнообразіе характеровъ будетъ резуль-татомъ этого единства. Такой есте-ственно-историческій аргументъ по-буждаетъ насъ къ распространенію водныхъ и сухопутныхъ путей сооб-щенія. Теперь еще совершается фор-мація рода человѣческаго: сблизить между собою различныя племена, раз-бросанныя на поверхности земнаго шара — значитъ собрать, соединить матеріалы для окончателнаго его обра-зованія. Путешествія откроютъ но-выя типы, которыми умножатся ти-пы теперь существующіе и сдѣлаются разнообразнѣе, соединясь съ ними. Племена идутъ впередъ и физически и морально, повинувъсь взаимному бла-готворному вліанію; посредствомъ же-лѣзныхъ дорогъ и новыхъ навига-ціонныхъ путей мы достигнемъ этого всеобщаго прогресса, въ которомъ за-ключаются всѣ другіе прогрессы — усовершенствованія человѣка и при-роды...

Вотъ въ какомъ видѣ, въ какомъ ду-хѣ, прошедшую зиму, г-нъ Серръ из-дала передъ парижской публикой сравнительную антропологию, науку новую, которой онъ самъ положилъ твердыя, прочныя основанія. Мы не отдѣлимъ по лекціямъ за систематиче-скимъ ея изложеніемъ, потому что этого не дозволяетъ намъ обыкновенно ежатый объемъ статей, помѣщаемыхъ въ этомъ отдѣлѣ, но воспользовали только изъ курса знаменитаго профес-сора рѣшеніе главнѣйшихъ вопро-совъ, составляющихъ сущность его науки, какъ-то: происхожденіе рода человѣческаго, мѣсто, которое зани-маетъ онъ въ лѣстницѣ созданій орга-

ническихъ, раздѣленіе его на племена, связь характеровъ физическихъ каж-даго племени съ его нравственнымъ и интеллектуальнымъ развитіемъ, и зна-ченіе этихъ племенъ въ будущемъ.

Впрочемъ, въ этихъ нѣсколькихъ страницахъ изложены ученіе и вѣ-рованіе г. Серра, которыя принимаютъ и всѣ современные натуралисты; ко-ротко сказать, эта статья перечень, resume его пѣлаго годичнаго курса сравнительной антропологии и всей науки въ современномъ ея состояніи.

**ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТПРАВЛЕНІЕ КРОВЯНЫХЪ ШАРИКОВЪ И ссыдованія Эрдля.** — Животный орга-низмъ состоитъ изъ твердыхъ, жид-кихъ и воздухообразныхъ частей; въ конечныхъ звѣньяхъ цѣпи мірозданія, въ послѣднихъ членахъ царства живот-наго, каковы инфузоріи, поливы и т. п. — жидкія части составляетъ вода, болѣе или менѣе насыщенная органи-ческими частицами; но у животныхъ, которыя занимаютъ высшія степеня въ зоологической лѣстницѣ, которыя приближаются къ человѣку, мы нахо-димъ значительное разнообразіе въ хи-мическомъ составѣ и физическихъ свойствахъ этихъ жидкихъ частей. Од-на, главная изъ нихъ, назначена для поддержанія — питанія организма: эта питающая жидкость есть кровь.

Эта жидкость поддерживаетъ жизнь въ органахъ и доставляетъ имъ мате-ріалы, изъ которыхъ состоятъ они.

Кровь также есть источникъ всѣхъ другихъ жидкостей, находящихся въ организмѣ животныхъ, каковы слюна, моча, желчь, слезы, и проч.

У всѣхъ животныхъ, близво подхо-дящихъ къ человѣку, — млекопитаю-щихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, у многихъ даже червей изъ класса коль-чатыхъ, кровь ярко-краснаго цвѣта. Но у всѣхъ такъ-называемыхъ низ-шихъ животныхъ она представляетъ жидкость водянистую, бесцвѣтную или едва-окрашенную въ желтый, зеленый, розовый и анювый цвѣта, такъ-что съ пераго взгляда трудно даже бызаетъ

замѣтны; долгое время считали павалыми этихъ животныхъ *бескровными*.

Микробиологическій составъ крови изъ предметомъ изученія вѣроятно бѣхъ физиологовъ; не смотря на то, — снѣхъ — порѣ мы имѣемъ самыя важныя и темныя понятія о аналіи и отправленияхъ ея элементовъ.

Всѣ физиологи согласны, что кровь стоитъ изъ двухъ раздѣльныхъ элементовъ: пасоки (*plasma, serum*) и шариковъ; пасокою называютъ они прозрачную желтоватую жидкость, въ горѣи плавающую, двигаются кровяныя шарикѣ — микробиологическія, твердая тѣла краснаго цвѣта; они вѣсколь-продолжены, а въ серединѣ представляютъ пятно, окруженное каймою лѣте-темнаго цвѣта. Внутри она состоитъ, какъ можно замѣтить при сильномъ увеличеніи въ микроскопѣ, изъ трехъ отдѣльныхъ частей — ядра и олочка; имѣющей подобіе пузыря. а оболочка сдвлена и образуетъ углубленіе ядра окраина, такъ-что весь овальной шарикъ похожъ на плоскій ужокъ, раздутый по серединѣ; оболочка краснаго цвѣта, а внутренній сродъ — ядро, безцвѣтнѣ. Значеніе, физиологическое отправление кровяныхъ шариковъ составляетъ яблоко вѣора между натуралистами; здѣсь здѣлились мнѣнія всѣхъ физиологовъ.

Доллингеръ видитъ въ кровяныхъ прикахъ элементарныя части органическихъ тканей, изъ которыхъ строятся эти ткани, какъ домы изъ кирпичей.

Шульцъ принималъ сначала мнѣніе Доллингера; но позже этотъ искусный наблюдатель сталъ утверждать, что овальныя шарикѣ своего рода легкія, горныя внутри также наполнены воздухомъ и служатъ для освѣженія, очищенія крови.

Мюллеръ почитаетъ ихъ необходимыми органами для возбужденія нервнѣ дѣятельности.

Дютроше предполагаетъ, что это пары лѣвннчесаго прибора.

Рейхертъ думаетъ, что кровяные

шарикѣ развоятъ питательные элементы.

Генле принимаетъ ихъ за пловучіи желѣзки.

Мейеръ думаетъ, что это микробиологическія животныя.

Карусъ утверждаетъ, что они представляютъ *скупреніе* постоянныя *эризмиды, стойственныя* *кроски*.

Мы пройдемъ молчаніемъ множество еще другихъ мнѣній, которыя тоже не проливаютъ никакого свѣта на важный вопросъ значенія кровяныхъ шариковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ Эрдь представлялъ Мюнхенской Академіи Наукъ очень остроумную догадку о физиологическомъ отравленіи кровяныхъ шариковъ.

Эрдь кровяные шарикѣ называетъ кровяными ячейками, и утверждаетъ; наперекоръ всѣмъ современнымъ и стариннымъ физиологамъ, что эти шарикѣ — пузырьки, наполненные внутри пасокою; такимъ образомъ онъ не допускаетъ въ нихъ существованія центрального ядра.

Если взять стеклянную трубку; къ одному концу которой приваивая пузырь; наполненный растворомъ гумми и опустить этотъ приборъ вертикально въ чистую воду, мы найдемъ, что жидкость переходитъ въ трубку изъ пузыря и подымается въ ней на значительную высоту; следовательно, чистая вода проникаетъ въ пузырь чрезъ его стѣнки. Переимѣните обстоятельства этого явленія: наполните пузырь чистой водою и погрузите его въ растворъ гумми или сахара, вы замѣтите, что переходъ, переимѣненіе жидкостей, будетъ обратный; чистая вода перейдетъ чрезъ стѣнки пузыря въ окружающій его растворъ, и пузырь опустѣетъ.

«Совершенно-подобное явленіе происходитъ» говоритъ Эрдь, «и въ кровяныхъ шарикахъ: всѣмъ известно, что они вдругъ лопаются, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ водою, и сокращаются, принимаютъ угловатыя формы, когда соприкасаются съ ними жидкость болѣе-плотная, которая въ рас-

творъ содержитъ болѣе твердыхъ частей, нежели жидкость, наполняющая эти шаррики. Эти измѣненія, это уничтоженіе, лопаніе, разрывъ, продолжается Эрдль, явно указываютъ здѣсь на передачу жидкостей, экзосмосъ и эндосмосъ, какъ называется Дютроше это явленіе. Передача здѣсь совершается съ быстротою молніи, и между обѣими жидкостями — пасокою, окружающею шаррики, и пасокою, которая наполняетъ шаррики, — утверждается равновѣсіе. Эта дѣятельность кровяныхъ шарриковъ проявляется постоянно въ продолженіи жизни организма, и конечный результатъ ея — постоянное единообразіе въ составѣ крови, которое безпрестанно уничтожается.

Въ-самомъ-дѣлѣ, химія ясно доказываетъ, какъ бы велико ни было еродство между органами, всегда представляютъ они важнѣе различіе въ химическомъ составѣ и въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ. Унашемъ съ своей стороны только на содержаніе извести, которое такъ бываетъ различно въ различныхъ органахъ.

Мы знаемъ еще, что всѣ органы постоянно изнашиваются въ процессахъ жизни и снова воспроизводятся подъ вліяніемъ этой же самой жизни. Ненужныя, выношенные части растворяются и уносятся лимфатическими и венными сосудами въ общій потокъ кровообращенія. Возьмемъ себѣ для примѣра вену, развѣтвляющуюся на кости; этотъ сосудъ постоянно всасываетъ и уноситъ выносившіяся, безполезныя части костянаго вещества надкостной плевы и прилежащихъ мускуловъ. Всѣ эти части различныхъ свойствъ, различнаго состава, слѣдственно кровь нашей вены утратитъ первобытное единообразіе и прійметъ въ свой составъ еще три новыя разнородныя жидкости, растворы костянаго вещества, надкостной плевы и мускуловъ. Эти растворы не мѣняютъ времени и мѣста соединяться, смѣшаться единообразно, потому что ихъ постоянно увлекаетъ съ необыкновенною быстро-

тою кровью, какъ жидкость влечетъ къ одному главному центру — сердцу. Уничтоженіе гармоніи въ составѣ крови было бы результатомъ ея постоянной пластической дѣятельности; да однородность-то ея состава исчезла бы не премѣнно, еслибъ не существовало очистительныхъ, возобновительныхъ органовъ. До-сихъ-поръ цѣлѣны были только печень и почки, которые исправляли это назначеніе. Эрдль надѣлаетъ подобными же отравленіемъ и кровяные шаррики, которые и поддерживаютъ дѣйствіемъ экзосмоса постоянное равновѣсіе, единообразіе въ составѣ крови.

Все, что мы сказали до-сихъ-поръ, доказываетъ важность открытія Эрдля; оно обязываетъ гг. физиологовъ непременно повторить микроскопическія наблюденія надъ кровяными шарриками; а пока, въ ожиданіи этой строгой критики, мы должны смотрѣть на это открытіе какъ на остроумную теорію, гипотезу.

**ИСКОПАЕМОЕ ПРЕСЫКАЮЩЕЕСЯ ЖИВОТНОЕ.**— Вотъ еще новое исчезнувшее звѣно изъ цѣпи міррадія, — новый матеріалъ палеонтологіи, науки, воздвигнутой въ наше время трудами Кювье, новый наипачтисвидѣтель катастрофъ, геологическихъ переворотовъ, которые возсодали карту нашей планеты.

Альбертъ Кохъ, нѣмецкій ученый, путешествующій теперь въ Сѣверной Америкѣ на счетъ ганноверскаго правительства, сдѣлалъ недавно въ Алабамскомъ-Штатѣ (Алабама) очень интересное открытіе. Почва въ шестидесяти миляхъ отъ Мобила, близъ сѣвернаго рѣки Алабама и Тембидже, — восточнѣйшій родникъ окаменѣлостей; и здѣсь, на глубинѣ тридцати-двухъ, естествоиспытатель нѣмецкій нашелъ въ известковой пластѣ цѣлый скелетъ пресыкающагося животного, которое несколько-непохоже на пресыкающихся, теперь существующихъ и, которое гигантскими размѣрами превосходитъ всѣхъ первобытныхъ ископаемыхъ животныхъ.

Длина скелета, какъ рассказываетъ Альбертъ Кохъ въ донесеніи своемъ Гёттингенскому Королевскому Обществу Наукъ, — начиная отъ конца морды до хвоста — 114 фунтовъ; голова имѣетъ форму длинную, и орбиты глазныя рѣзко выдаются; въ каждой челюсти сидитъ 52 зуба, а именно 40 переднихъ, 4 клыка и 8 коренныхъ; всѣ эти зубы сидятъ очень близко другъ къ другу, такъ-что промежутковъ почти-незамѣтно между ними. Зубы верхней челюсти имѣютъ форму усѣченного конуса, обращеннаго узкою частью къ внау; зубы же нижней челюсти представляютъ форму цилиндрическую; внутри коронака ихъ, т. е. верхняя часть, имѣетъ впадину; такъ-что, когда животное сжимало объ челюсти, верхніе зубы углублялись своими концами до половины въ нижніе зубы, и отверстие рта прикрывалось непроницаемою преградой. Позвонокъ высотой отъ 14 и до 18 дюймовъ, а діаметръ ихъ—8 и 12 дюймовъ; каждый изъ нихъ вѣситъ отъ 65 до 75 фунтовъ. Ребра внау втрое шире нежели вверху. Животное имѣло главники, числомъ четыре, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 21 кости, соединенныхъ съ семью сочлененіями. Вотъ все, что пока извѣстно объ этомъ загадочномъ животномъ, которому еще я имени нѣтъ; но вѣроятно, намъ удастся поговорить еще о немъ, когда г. Кохъ представитъ болѣе-подробное описаніе.

**НОВЫЙ ОСТРОВЪ.**—Всѣ пѣмецкіе курвалы, ученые и литературные, пишутъ очень-замѣчательное явленіе, которое произошло въ окрестностяхъ Дармштадта во время сильной грозы, и которое приписывается обитателю имѣніемъ этой грозы.

Около пяти часовъ вечера, молнія дарила въ озеро Вогедамское, пахнувшееся въ окрестностяхъ Дармштадта, слышался сильный ударъ грома и въ то же время показался посреди озера островокъ около 22 аршинъ шириною.

Подробный осмотръ свидѣтельствуешь, что этотъ островокъ находится въ соединеніи со дномъ озера. Остается теперь опредѣлить его геогностическій составъ, чтобъ точно объяснить его загадочное происхожденіе.

**ДѢЙСТВІЕ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ НА ИЗВЕСТКОВУЮ ВОДУ.** — Жизнь минеральная, которая обнаруживается, какъ извѣстно, одною кристаллизациею, представляетъ загадку для натуралистовъ. Дэви, наблюдая въ микроскопѣ различные осадки, образующіеся отъ дѣйствія углекислоты на известковую воду, успѣлъ подмѣтить нѣкоторыя очень-интересныя обстоятельства этой жизни.

Когда угольная кислота быстро осаждаетъ известковую воду, осадкомъ этотъ состоитъ изъ мелкихъ частицъ, которыхъ форму нѣтъ возможности опредѣлить съ помощью микроскопа, потому-что онѣ въ діаметрѣ не болѣе одной трех-сот-тысячной доли. Напротивъ, когда осажденіе углекислой известки происходитъ медленно и спокойно, когда, напримѣръ, поставить чашку съ известковою водою подъ стеклянный колпакъ, такъ, чтобъ притокъ воздуха былъ слабый, известковая кора, пленка, которая образуется и плаваетъ на поверхности жидкости, будетъ состоять изъ отдѣльныхъ кружныхъ зернышекъ, величиною не болѣе одной тысячной въ діаметрѣ, и каждое зернышко, каждая частица представляетъ отчасти симметрическое расположеніе. Если подвергнуть новому наблюденію, говоритъ Дэви, эту кору известки по прошествіи двадцати-четырехъ часовъ, мы найдемъ, опять новое характеристическое сложеніе: зернышки, шарики перемѣшаны въ ней съ кубическими кристаллами различной величины—отъ одной двѣнадцати-тысячной доли и до одной тысячной доли вершка. Но всего интереснѣе, если примѣшать къ раствору известки другихъ постороннихъ веществъ,—кристаллическое сложеніе известковаго осадка измѣняется: известковыя ча-

они объясняются въ различныхъ кристаллическихъ формы волниръ разъ, какъ мы въ расторгъ прибавимъ новое историческое минеральное вещество.

Эти наблюдёнія Дэви очень-важны, потому-что объясняютъ весьма-правдоподобно удивительное разнообразіе кристаллическихъ формъ углекислой известки, существующихъ въ природѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, очень-вѣроятно предположить, что углекислая известка и на нашей планетѣ могла осѣдаться подлѣ гѣми же обстоятельствами, при которыхъ образовались и разнообразныя осадки этого вещества на днѣ сосуда, гдѣ наблюдаемъ икъ Дэви.

**ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЖЕЛѢЗНОЙ БОЛОТНОЙ РУДЫ.** — Всѣмъ извѣстно, что въ различныхъ болотистыхъ и низменныхъ мѣстностяхъ Европы встрѣчаются значительныя пласты желѣзной руды повѣшано и даже современнаго намъ образованія. Эта руда состоитъ преимущественно изъ водной окиси желѣза: обыкновенно она бываетъ или распущена въ водѣ болота, озера, ручья, или проникаетъ песчаный почвы, и въ этомъ видѣ находятъ ее всегда на извѣстной глубинѣ надъ поверхностью. Судя по обстоятельствамъ историческимъ, эту желѣзную окись именуютъ различно: болотную, озерную, луговую и дерявою рудой.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти пласты желѣзной руды образовались въ очень-недавнюю эпоху, потому-что лежатъ часто на камняхъ и пескахъ послѣ-потопныхъ, и, проишь того часто находятъ въ нихъ искусственными проведенія человеческихъ рукъ, какъ-то: разные инструменты, обломки посуды, и т. п. Наконецъ, въ некоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи и Германіи, замѣчаютъ, что руда эта возобновляется, т. е. полагается въ новыхъ количествахъ, тамъ, гдѣ историческія ея источники.

Луизиана, Силезія, Польша, Померанія, разныя мекленбургскія, рейн-

скія окрестности, Голландія, Дакія, озеро Швеціи и Норвегія, у юсти Россіи губерніи Инфляндская, Курляндская, Олонечная особенно изобилуютъ желѣзной болотной рудой; въ Европѣ ее находятъ въ саваннахъ Сѣверной-Америки и въ Африкѣ, въ пескахъ кордофанскихъ. Она добывается въ большомъ количествѣ для выдѣлки желѣза.

Отличительный характеръ истонъ желѣзной руды составляетъ изъ истонное мѣстонахождение близъ источниковъ водъ, или въ равнинахъ, гдѣ эти воды текутъ очень-медленно и разливаются болотными ручейками, или озерка, которыхъ питаютъ тѣ же источники. Мѣстонахожденія первого рода самыя обыкновенныя; они встрѣчаются по всей Германіи, вдоль теченія Одера, Эльбы, Рейсса, Шпрѣ и проч. Озера Швеціи, Норвегіи, Финляндіи и сѣверной части Россіи представляютъ примѣры мѣстоорожденія второго рода.

Когда болотная желѣзная руда открыта въ почвѣ, она никогда не издается глубже одного аршина, а тамъ прикрываютъ ее дернъ, верескъ, мохъ, иль и торфъ; самая большаго толщина руднаго пласта — аршинъ и даже пол-аршина.

Озерная желѣзная руда возмается часто отдѣльными кусками озерной формы и концентрической формы, или въ видѣ небольшихъ плоскихъ глыбокъ.

Осажденіе желѣзной окиси, т. е. образованіе болотной руды совершается почти-ежедневно на поверхности ильнаго шара, и въ большихъ размѣрахъ, какъ доказываютъ ея обильныя историческія; не смотря на то, однако, исторія этого явления еще не объяснена совершенно.

Первое мнѣніе минералоговъ было, что болотная желѣзная руда образуется отъ разложенія желѣзныхъ водъ подлѣ влияния воздуха и воды, или приносится на дно озера разными источниками, содержащими въ себѣ желѣзо въ растворѣ.

Послѣ того, какъ открытія Эренберга показали, какую важную роль играютъ микроскопическіе организмы въ образованіи коры нашей планеты, особенно съ того времени, когда готъ знаменитый микрографъ нашолъ въ болотахъ тонкія пленки окры, состоящія изъ желѣзныхъ черепковъ инфузорій гайлонелла (gaillonella), большая часть минералоговъ предположили, что эти микроскопическія животныя могутъ скопляться и въ большихъ массахъ.

Добрѣ, французскій ученый, постоянно наблюдавъ вседневныя осаденія едвѣной окиси въ Альпастъ, въ Вогезахъ-Горахъ. Недавно представлялъ въ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ наблюденій, которые криваютъ новый и очень вѣроятный источникъ образованія болотной руды.

Добрѣ утверждаетъ, что первоначальный источникъ происхожденія болотной руды—желѣзной окиси, составляютъ всѣ горныя породы, содержа въ себѣ желѣзо въ какой бы то было видѣ, и которыя приведены землистое состояніе; слѣдственно, развуютъ такъ-называемую наносную руду. Все наносная формація заключаетъ въ себѣ множество гніющихъ растений; углекислота, кремниевая кислота, которыя отдѣляются въ процесѣ разрушенія этихъ организмовъ, разлагаютъ, восстанавливаютъ же и изъ ея первоначального соединенія, въ видѣ котораго заключалось въ горныхъ породахъ, и соединяясь съ ними и образуютъ новыя минеральныя соли, растворимыя и разлагающіяся въ водѣ.

Большая часть желѣзныхъ источниковъ, которыя, въ свою очередь, бы по шатаю Добрѣ, главными дѣлами въ образованіи болотной руды; ездѣ, говорить онъ, гдѣ вода этихъ источниковъ течетъ медленно и въ соединеніи съ воздухомъ, она отдѣляется, особенно же въ лѣтнее время, липистую грязь черновато-бурую

цвѣта, которая состоитъ преимущественно изъ окиси и закиси желѣзной, въ соединеніи съ углекислотою, кремнивою кислотою и водою; часто вмѣстѣ съ ними находится и окись марганца; это вещество пошло сюда, вѣроятно, тѣмъ же путемъ, какъ и желѣзо.

Происхожденіе этого осадка, этой желѣзной грязи есть слѣдствіе отдѣленія угольной кислоты и окисленія закиси желѣза подъ влияніемъ воздуха; по мнрѣ того, какъ желѣзная грязь высыхаетъ, углекислота отдѣляется болѣе и болѣе и, наконецъ, она вся исчезаетъ.

Если осадокъ этотъ долгое время находится на днѣ источника, изъ нему присоединяются, и въ большомъ количествѣ, кремнистыя черепки инфузорій Navicula, Gaillonella, и вотъ откуда мнѣше Эренберга, что желѣзная болотная руда образуется отъ скопленія этихъ микроскопическихъ животныхъ.

Осажденіе желѣзной окиси изъ раствора углекислой и кремниевой закиси желѣза совершается постепенно въ большихъ количествахъ тамъ, гдѣ, какъ мы сказали, потокъ нѣтъ слабъ, медленное теченіе; потому этотъ вновь образованный осадокъ просачивается въ почву и составляетъ здѣсь разработанныя месторожденія болотной руды.

Разумѣется, большее количество желѣзной окиси отлагается, гдѣ рѣка, или потокъ питаетъ стоячую массу воды, — озеро, напр., болото; меньшее и послѣднее количество ея вливается въ море, гдѣ она, вѣроятно, связывается рыхлые осадки минеральныхъ массъ, постоянно образующіеся на днѣ морскихъ.

Химическій составъ болотной руды и осадка желѣзныхъ источниковъ почти одинаковъ: въ обѣихъ этихъ минеральныхъ массахъ находится, въ видѣ примѣся, кремнистыя черепки инфузорій; рудина только въ содержаніи фосфорной кислоты; въ осадкѣ желѣзныхъ источниковъ замѣчаются только слѣды этой кислоты; въ болотной же рудѣ находится она въ значительномъ

количествъ. Но эта разница только доказывается необыкновенное средство желѣзной окиси и фосфорной кислоты, которая образуется отъ разрушенія органическихъ тѣлъ, живущихъ и умирающихъ въ водахъ; естественно, чѣмъ долѣе будетъ оставаться здѣсь желѣзная окись, тѣмъ большее количество присоединится къ ней фосфорной кислоты, и шакшшт ея находится уже въ болотной рудѣ.

Это замѣчаніе г. Добра совершенно объясняетъ, почему у насъ въ Олонецкой-Губерніи болотная руда заключаетъ въ себѣ фосфорной кислоты болѣе, чѣмъ руда озерная.

Въ заключеніе, г. Добро говоритъ, что природа, вѣроятно, пользуется и другими процессами для образованія болотной желѣзной руды; руда, сопровождающая золотыя росыши, вѣроятно произошла отъ разложенія желѣзныхъ колчедановъ; только процессъ, здѣсь описанный, — разложеніе желѣзныхъ соединеній, находящихся въ наносной формации, подъ вліяніемъ гніенія растеній, самый обыкновенный въ природѣ; этииъ способомъ произошли, вѣроятно, всѣ европейскія вѣсторженія болотной руды.

**ДѢЙСТВІЕ МАГНИТИЗМА НА ВСѢ ТѢЛА.** — Эдмондъ Бекерель, молодой физикъ, которому обязаны мы уже многими важными наблюденіями надъ свѣтоносностью, (фосфоризаціею), химическимъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, преимущественно красныхъ, закончилъ электрохимическихъ разложеній, и проч. и проч., недавно обратилъ свои изслѣдованія на предметъ, которымъ занимался, и довольно-успѣшно, Куломбъ. Эдмондъ Бекерель задалъ себѣ задачу опредѣлить дѣйствіе магнетизма на всѣ тѣла. Куломбъ, какъ ни велика его знаменитость, дѣлалъ свои изслѣдованія уже давно, когда инструменты и вообще способы наблюденія были очень-неудовлетворительны, и потому въ наше время эти изслѣдованія необходимо было подвергнуть строгой критикѣ.

Мы не будемъ описывать здѣсь самаго процесса наблюденій г. Эдмонда Бекереля, а приведемъ только одни результаты ихъ, которые отъ преста-вилъ Парижской Академіи Наукъ:

1) Когда подъ вліяніемъ магнитнаго качающагося цилиндрическаго стержня мягкаго желѣза одинаковой длины, но различныхъ діаметровъ, то кубы времени ихъ качаній пропорціональны вѣсу стержней, или квадратамъ ихъ діаметровъ.

Этотъ законъ влечетъ за собою еще слѣдующій:

2) Цилиндрическіе стержни мягкаго желѣза одинаковой длины, но различныхъ діаметровъ, мгновенно намагничиваются, когда находятъ подъ вліяніемъ другаго намагнитеннаго желѣзнаго стержня, и магнитная сила каждаго изъ этихъ стержней, или, что все равно, сумма молекулярныхъ (частичныхъ, атомическихъ) магнитныхъ дѣйствій пропорціональна кубическому корню ихъ вѣса, или кубическому корню квадрата ихъ діаметра. Слѣдовательно, чѣмъ толще элементарныя фибры, изъ которыхъ состоятъ эти стержни, тѣмъ слабѣе на нихъ дѣйствіе магнетизма, и это дѣйствіе обратно пропорціонально двумъ третямъ ихъ вѣса.

3) Коли мы въ одно время подергнемъ дѣйствіемъ магнита нолью и нѣкнныя цилиндрическіе стержни мягкаго желѣза, то найдемъ, что на первыя магнетизмъ дѣйствуетъ сильнѣе, нежели на вторыя.

4) Когда магнитъ находится въ некоторомъ разстояніи отъ стержня и въ этомъ послѣднемъ магнитная плотность, т. е. количество желѣзныхъ частицъ, измѣняется къ одинаковымъ объемамъ, тогда, если эта плотность болѣе одной десятой, первоначально дѣйствіе магнита пропорціонально квадрату магнитной плотности стержня. Въ противномъ же случаѣ, если эта плотность гораздо-слабѣе и частички желѣза значительно удалены, дѣйствіе это пропорціонально только магнитной плотности.

Вторая часть этого закона была выведена Кулономъ.

Эти четыре закона доказываютъ, что существуютъ довольно-простыя отношенія между вѣсомъ, длиною, диаметромъ желѣзныхъ стержней и временами ихъ качаній подъ вліяніемъ магнита и вообще дѣйствіемъ на нихъ магнитовъ.

Чтобъ больше разнообразить опыты, г. Эдмондъ Бекерель бралъ, вмѣсто желѣзныхъ массъ, желѣзные опилки и порошокъ, то-есть, желѣзныи порошокъ, восстановленный изъ окиси дѣйствіемъ водорода, и нашелъ, что магнетизмъ распространяется и вообще дѣйствуетъ здѣсь совершенно-одинаковымъ образомъ, какъ и на большія массы.

Но желѣзо не есть еще единственное тѣло, которое привлекаетъ къ себѣ магнитъ и которому передаетъ онъ свою силу. Два другіе металла, довольно-распространенные въ домашнемъ быту, имѣютъ подобныя же свойства: — никель, который входитъ въ составъ аржантина, и кобальтъ, соли котораго даютъ отличныя голубыя краски. И тотъ и другой были предметами наблюденій Бекереля, и эти наблюденія показали, что оба металла имѣютъ своей собственной магнетизмъ; никель владѣетъ этою способностью въ одинаковой степени съ желѣзомъ; но въ кобальтѣ она обнаруживается не такъ

ясно, потому-что въ немъ очень развита сила сжимательная.

Магнетизмъ — не существенное свойство тѣлъ, потому-что есть случаи, гдѣ онъ уничтожается.

Въ самомъ дѣлѣ, Бекерель нашелъ, что, съ возвышеніемъ температуры, эти тѣла теряютъ способность притягиваться къ магниту. Никель утрачиваетъ магнетизмъ при 400 градусхъ; желѣзо при красно-кальиномъ жарѣ; а кобальтъ, когда накалится до-бѣла. Этотъ переходъ, эта потеря прискондотить очень-быстро, внезапно, и первоначальное возвышеніе температуры увеличиваетъ магнетизмъ, который исчезаетъ, когда возвышеніе это достигнетъ своего предѣла.

Магнетизмъ чугуна, стали, углеродныхъ соединеній никеля, кобальта возрастаетъ также съ возвышеніемъ и потому, достигши своего maximum, вдругъ исчезаетъ.

Въ естественномъ магнитѣ, магнетизмъ также увеличивается, если нагрѣвать его, и пропадаетъ прежде красно-кальиного жара; при температурѣ обыкновенной, онъ равняется 0,48 въ магнитѣ кристаллическомъ, если принимать магнетизмъ желѣза равнымъ 100.

Слѣдующая таблица показываетъ отношенія этихъ магнетическихъ тѣлъ къ температурѣ:

Температура.	Никель.		Желѣзо.			Кобальтъ.	
	Чистый ковальный.	Углеродный.	Чистое ковачное.	Чугунъ.	Сталь.	Чистый ковачный.	Углеродный.
Обыкновенная. . . . .	100	62	100	80	—	100 (?)	41
Ниже 400°. . . . .	100	100	100	80	—	100	41
При 400°. . . . .	0	0	100	80	—	100	41
Краснаго каленя. . . . .	0	0	104	109	—	104 (?)	107
Темно-краснаго. . . . .	0	0	104	104	104	104	107
Краснаго-вишневаго. . . . .	0	0	0	0	0	104	104
Краснаго осѣдательнаго. . . . .	0	0	0	0	0	0	0

Для кобальта ковачнаго приведены здѣсь числа гипотетическія; Бекерель владѣлъ ихъ во амальгамѣ,

При опытахъ своихъ, Бекерель стержни этихъ различныхъ металловъ и ихъ соединеній съ углеродомъ вѣшалъ



на платиновой проволоки, нагревал их, и въ то же время подвергал их дѣйствию магнита.

Между металлами, крокъ и марганецъ также представляютъ замѣтные слѣды магнитическаго дѣйствія. Наконецъ, согласно съ извѣстемъ Кулона, можно открыть это дѣйствіе во всѣхъ тѣлахъ; но чтобъ выразить его математически, въ числахъ, магнитизмъ желѣза необходимо принять равнымъ 1,000,000, тогда для марганца вы получите—1137, для хрома—250, и только 1 — для прочихъ тѣлъ. Но если допустить въ этихъ тѣлахъ присутствіе одной миллионной части чистаго желѣза, то этого уже достаточно, чтобъ объяснить въ нихъ явленія магнитизма этою прѣписью. Химикамъ предстоитъ разрѣшить наше недоумѣніе; а пока мы будемъ принимать, что желѣзо, никель, кобальтъ и ихъ углѣстые соединенія — единственныя магнитическія тѣла. Явленія же магнитизма въ прочихъ естественныхъ тѣлахъ зависятъ отъ прѣписи желѣза.

#### ФОРМА СВѢТОСЫСНЫХЪ ВОЛНЪ.

Оптическая теорія, господствующая теперь въ физикѣ, есть теорія волненія, которая принимаетъ свѣтъ за результатъ волнообразнаго движенія матеріи—какой, неизвѣстно. Теорія эта основаніемъ своимъ имѣетъ гипотезу; но какаѣ же ученая теорія не раздѣляется съ нею этого недостатка? Она объясняетъ естественно, безъ особыхъ напѣшковъ, всѣ извѣстныя явленія свѣта, и вотъ ея главное достоинство, вотъ почему всѣ физики настоящаго времени допускаютъ эту теорію.

Какая форма волненій матеріи, которая производитъ свѣтъ?

Если бросить въ каждое тѣло на поверхность какою-нибудь жидкости, напримеръ, воды, эта тѣло образуетъ рядъ круглыхъ концентрическихъ волнъ различнаго радіуса. Съ этими волнами физики обыкновенно сравниваютъ сферическое распространѣніе свѣта.

Доранъ, французскій инженерный капитанъ, который постоянно изучаетъ явленія гидродинамическія, то-есть явленія движенія жидкостью, сдѣлалъ недавно очень-замѣчательное наблюденіе надъ волнами на поверхности жидкости, происходящими надъ вліаніемъ вѣтра, и съ ними-то всего ближе онъ думаетъ сравнить свѣтовыя движенія матеріи.

Вотъ-что пишетъ онъ въ частномъ письмѣ къ Араго, который представилъ это письмо Парижской Академіи Наукъ.

...Волны, происходящія надъ вліаніемъ вѣтра, не смотря на свою видную неправильность, распространяются въ опредѣленномъ направленіи и съ опредѣленною скоростью; кривыя ихъ уровни, которые опредѣляютъ высоты различныхъ ихъ точекъ надъ спокойною поверхностью, представляютъ рядъ маленькихъ сомкнутыхъ кривыхъ. Эти волны имѣютъ одну замѣчательную особенность, которую я наблюдалъ во многихъ случаяхъ: онѣ могутъ существовать на опредѣленномъ извѣстномъ мѣстѣ водной поверхности, тогда-какъ кругомъ ихъ царствуетъ совершенное спокойствіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, разсматривая поверхность воды въ бухтахъ и гаваняхъ, вы замѣтите, что отдаленныя ея части, которые отражаютъ свѣтъ, доходящій къ глазу подъ очень-тупымъ угломъ, представляютъ совершенное подобіе бѣлой, матовой скатерти, усыпанной пятнами различной формы и измѣреній. Подойдите ближе къ этимъ пятнамъ—вы найдете, что они образовались изъ слѣдствія неправильнаго отраженія свѣта отъ маленькихъ, едва-замѣтныхъ волнъ.

Свѣтовыя волны представляютъ ту же самую особенность, то-есть, онѣ могутъ также точно существовать въ различныхъ предѣлахъ пространства, тогда-какъ другія мѣста, сосѣднія съ ними, остаются въ совершенной темнотѣ, какъ это и бываетъ въ явленіи тѣней. Изъ этого слѣ-

«думая, что съотношенія волны ближе и точнее сравнить съ этими неправильными волнами, нежели съ круговыми...»

Мы, съ своей стороны, не видим въѣсъ совершенной аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти неправильныя волны проходятъ отъ вліянія вѣшной причины и замѣтны только тамъ, гдѣ особенно явно дѣйствіе этой причины; напротивъ, съотношенія дрожанія земнаго пространства совершаются отъ взаимнаго дѣйствія частицъ этой матеріи другъ на друга.

Но какъ бы то ни было, наблюденіе г. Дорана — фактъ важный въ наукѣ, который воспользуются, вѣроятно, къ послѣдствію физики; мы пока укажемъ на одно возможное приложеніе его къ теоріи дифракціи свѣта. Эта теорія предполагаетъ, что точно полноты свѣтоносной волны представляютъ отдѣльные центры частичныхъ, мѣстныхъ сотрясеній; неправильныя жидкія волны происходятъ тоже отъ столкновеній безчисленнаго множества частичныхъ сотрясеній, которыя образуются отъ дѣйствія вѣтра на поверхность воды.

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

### КОВАДЦА ОТКРЫТІЯ, НАДЮДЕНІЯ И ИЗОБРАТЕНІЯ.

Англичане вступили съ Китаичанами въ весьма-прибыльную мѣшовую торговлю: отъ прозрачности Англичанъ ничто не укрывается. Въ Англію же привезено большое количество китайскаго шелка-сырца. Теперь Англичане бросились на новый предметъ торговли, а именно: на китайскую траву, растущую во множествѣ въ Небесной-Шииеріи. Эта трава имѣетъ всѣ качества европейскаго льна, но превосходить его какъ тонкою, такъ и твердостью волоконъ. Въ Индіи уже нѣтъ

этой травы сдѣлано нѣсколько кружекъ матеріи, которая равняется лучшему французскому батисту, но съ тою разницею, что травяной батистъ имѣетъ шелковистый глянecъ.

— Въ Брюсселѣ изобрѣли машину для плетенія кружевъ. Съ этого времени, дороги кружева, радумѣются, по дешовѣютъ, богатые не будутъ разоряться на покупку этого товара, а бѣдные получатъ возможность щеголять въ кружевахъ. Жаль только, что много бѣднаго народа, который довелъ догнать себя хлѣбъ единственно ручными плетеніемъ кружевъ, останется безъ работы.

— Французскій механикъ Мезонъ представилъ Парижской Академіи Наукъ изобрѣтенную имъ машину подъ названіемъ trigonomètre, которая безъ помощи вычисленій можетъ разрѣшать самыя трудныя ариметическія и тригонометрическія задачи. Академія, по этому случаю, назначила комиссію для разсмотрѣнія машины.

— Въ эту же академію представилъ гг. Вондъ и Массіасъ пробныя оттиски, сдѣланные на литографическихъ машинахъ, со старыхъ драгоценныхъ гравюръ. Это послѣднее изобрѣтеніе весьма-важно въ области искусствъ.

— Уитстонъ, изобрѣтатель электрическаго телеграфа и электрической пушки, почтается въ Англіи гениемъ механики. Онъ изобрѣлъ много весьма-замысловатыхъ инструментовъ и, между прочимъ, снарядъ для измѣренія быстроты молніи. Если блескъ молніи продолжается только  $\frac{1}{3000}$  часть секунды, то инструментъ Уитстона ясно это показывать.

— Прусскій артиллерійскій генералъ фон-Гельвигъ, недавно умершій, изобрѣлъ много полезнаго по части артиллеріи и инженернаго искусства. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ весьма-замысловатый снарядъ для измѣненія скорости полета выстрѣленнаго изъ орудія ядра или бомбы. Онъ также выдумалъ самую удовлетворительную пробу пороха, превосходящую всѣ донынѣ извѣстныя пробы, и, наконецъ, крѣпост-

ную машину для метанія въ безжадо- щаго непріятели большихъ камней, — снарядъ, подобный извѣстному въ древности баллистанъ, употреблявшим- ся за 2,000 лѣтъ предъ симъ. Если ме- тальная машина Гельвига окажется на практикѣ столь же полезною, какъ въ теоріи, то вооруженіе крѣпостей много отъ-того выиграетъ относитель- но сбереженія пороха и прочихъ ар- тиллерійскихъ снарядовъ. Вѣроятно, сочиненія, оставшія послѣ кончины генерала Гельвига, будутъ напеча- таны и, конечно, подобно сочиненіямъ генерала фон-Клаузевица, принесутъ много пользы военнымъ наукамъ.

— Капитанъ Пиготъ, въ Лондонѣ, изобрѣлъ безопасное отъ воды пальто, въ которомъ нельзя утонуть въ самой глубокой рѣкѣ: вода въ этомъ случаѣ доходитъ только до груди человѣка. Можно надѣяться, что мода на такіа пальто очень-скоро распространится по всей Европѣ.

— Фортепьянный фабрикантъ Мер- сьё, въ Парижѣ, сдѣлалъ весьма-важ- ное улучшеніе въ устройствѣ форте- пьянъ, которое позволяетъ каждую му- зыкальную пьесу играть на этомъ ин- струментѣ въ другомъ тонѣ прогнать написаннаго въ нотахъ. Это дѣлается посредствомъ особаго снаряда, пере- двигающаго клавиши слѣва направо и наоборотъ. На-примѣръ, если пьеса написана въ *C*, но ее надобно сыграть однимъ тономъ выше, то клавиша *C* должна ударять по струнѣ *D*, и т. д. Этотъ новый механизмъ въ фортепьяно устроенъ какъ для виртуозовъ, знаю- щихъ отлично музыку, такъ и для обыкновенныхъ дилеттантовъ.

— Сельскій экономъ Амедѣ Иртену, въ Орлеанѣ, изобрѣлъ новую машину для покрытія пахатныхъ полей наез- домъ и для посѣва на нихъ хлѣбнаго зерна. Эта замысловатая машина, за- вращенная паромъ лошадей или бы- ковъ и съ помощью одного работника, можетъ то же сдѣлать въ одно данное время, что обыкновеннымъ образомъ производится 16 лошадьми и 60 работ- никами.

— Баронъ фон-Гамель, шталмейстеръ вюртембергскаго короля, сдѣлалъ ме- ханическую лошадь, которая, подобно живому манежному коню, дѣлаетъ всѣ лошадинные обороты и движенія, ска- четь, становится на-дыбы, произво- дить лансады и каприолы. Ученныя, прошедшія всю манежную школу на этой лошади, сѣлао можетъ послѣ то- го сѣсть на самаго неукротимаго коня. Что это не пуфъ, въ томъ свидѣтель- ствуетъ оффиціальная штутгартская газета *der Schwäbische Mercur*.

— Берлинскій врачъ, докторъ Зе- больтъ, находившійся долгое время въ плѣну у Японцевъ, пишетъ о японской медицинѣ слѣдующее: «Японскіе ле- чили, большею частію изъ сослѣдствіа нахождъ буддическаго секты, почита- ютъ за великій грѣхъ приставлять къ тѣлу большого пиявки; это строго на- прещено религіозными законами Буд- ды. Странно, что въ японской медици- нѣ употребляется извѣстная мавроби- тика знаменитаго врача Гусеманн (Makrobiotik), переведенная съ латин- скаго на японскій языкъ. Японскіе вра- чи почти во всѣхъ болѣзняхъ употре- бляютъ пунктуру, т. е. весьма-легко накалываютъ кожу иглою, чрезъ что возбуждается дѣятельность органи- ма.»

— Французскій астрономъ Перри Вильянь (Perrey Villeleuve) выдалъ въ Парижѣ брошюру, въ которой совер- шенно опровергаетъ нашу планетную систему. По его расчисленію, наша земля отдалена отъ солнца только на 523 лѣ, а само солнце имѣетъ въ по- перечникѣ не болѣе 4,880 лѣ; колос- сальная планета Юпитеръ будто-бы имѣетъ въ поперечникѣ только 477 лѣ и менше земной планеты въ 217 разъ. Вильянь почитаетъ земной шаръ м- личайшею изъ всѣхъ планетъ, даже луна кажется ему болѣе всѣхъ про- чихъ. По его теоріи, земля имѣетъ са- мо только суточное движеніе; она вер- тится, какъ колесо, около своей оси и проходитъ пространство, равное сво- ему экватору, а такъ-какъ экваторъ имѣ- етъ въ окружности 9,000 лѣ, то земля

писываютъ въ 365 дней около солнца, пишутся въ 528,000 нѣмецкихъ миль. По системѣ Вильяма, планеты въ 65 разъ менѣе величиною, нежели предполагаютъ всѣ европейскіе астрономы; онѣ въ 65 разъ ближе находятся къ землѣ, и движеніе самой земли въ 65 разъ медленнѣе противъ нынѣшняго расчета астрономовъ. Говорятъ, что Перри Вильяме пользуется въ Парижѣ славой ученаго и глубокомысленнаго астронома.

— Французъ Кулабье показываетъ въ Берлинѣ солнечный микроскопъ, увеличивающій предметы въ 300,000 разъ. Инфузоріи кажутся тамъ въ нѣсколько футовъ длиною, паразитныя кошки (невидимыя для простаго глаза), живущія на тѣлѣ разныхъ насѣкомыхъ, кажутся величиною съ кулакъ; глазъ обыкновенной мухи съ его тысячу фасетными гранями представляется кругомъ въ 30 футовъ. Въ этотъ удивительный микроскопъ можно яственно рассмотреть круговращеніе соковъ въ каждой мельчайшей травкѣ, обращеніе крови въ человѣческомъ волосѣ, строеніе и составъ драгоценныхъ камней.

— Въ древней Помпѣе отрыли новый некрополисъ, кладбище, находящееся въ Солдатской-Улицѣ. Владѣлецъ этого куска земли нѣкто Берлуччи, не смотря на разныя тамъ выкопанныя римскія древности, велѣлъ опять засыпать землею нѣсколько уже открытыхъ гробницъ!

— Въ Апуліи нашли недавно въ землѣ древнюю золотую діадему съ принадлежащими къ ней ожерельемъ и браслетами, украшенными эмалью разноцвѣтными листьями, цвѣтами и бабочками. Все это самой превосходной тонкой работы.

— Въ книгопечатаніи сдѣлано недавно довольно-значительное открытіе, т. е. печатаніе полнотипажей масляными красками. По нововобрѣтенному способу, можно отпечатать въ книгѣ 200 экземпляровъ полнотипажей шестнадцатую колерами вдругъ. Проба такихъ многоцвѣтныхъ рисунковъ находится въ Т. XLII. — Отд. VIII.

дятся въ напечатанной въ Лейпцигѣ книгѣ подъ заглавіемъ «Мануфактурная промышленность Саксоніи».

— Мы нѣсколько разъ говорили о нововобрѣтенномъ въ Сент-Этьеннѣ стеклѣ, называемомъ селиконъ, которое можно ковать, какъ желѣзо. Селиконъ цвѣтомъ бѣлъ, блестящъ и прозраченъ, какъ кристаллъ; но онъ принимаетъ на себя также матовый и другіе цвѣта. Ни воздухъ и никакія химическія кислоты на него вовсе не дѣйствуютъ; притомъ же, онъ крѣпокъ, какъ сталь. Судя по дешезинѣ селикона, можно навѣрное предположить, что этотъ металл-стекло войдетъ скоро во всеобщее употребленіе, какъ для украшенія комнатъ, такъ для мебели и домашней посуды.

#### ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно въ Лондонѣ на Площади-Трафальгарской (Trafalgar-Square) поставили конную статую короля Георга IV, работы знаменитаго ваятеля Шентри (Chantrey). Король представляется въ особомъ костюмѣ: родъ пальто, составляющее нѣчто среднее между новѣйшимъ костюмомъ и древнею одеждою Римлянъ. Такъ-какъ довольно-нелѣпо представлять людей новаго времени въ древнихъ костюмахъ, то англійскіе скульпторы рѣшились драпировать статуи знаменитыхъ людей въ шинели и мундиры новаго покроя; но это выходитъ весьма-безобразно, особенно въ рукахъ Англичанъ. Итакъ, покойному Шентри надобно отдать полную справедливость, что онъ очень-хорошо умѣлъ соединить древній костюмъ съ новымъ и выдумалъ для своихъ статуй среднюю, довольно-живописную одежду. Самъ король Георгъ IV заказалъ Шентри изваять свою статую, которая предназначалась для Боксбургскаго-Дворца. Статуя съ 1838 года стояла въ мастерской художника, ибо англійское правительство не рѣшалось сначала въ выборѣ приличнаго для нея мѣста.

— Извѣстная мраморная статуя Лор-

да Байрона, работы знаменитаго Торвальдсена, хранилась нѣсколько лѣтъ закупоренною въ деревянномъ ящикѣ въ лондонской таможнѣ, потому-что духовенство Вестминстерскаго Аббатства рѣшительно запретило помѣстить статую извѣстнаго грѣшника и атеиста Байрона внутри церкви вестминстерской, гдѣ, какъ извѣстно, похитос прахъ великихъ людей Англїи. Нынѣ эта статуя поставится въ библиотекѣ Кембриджскаго Университета. Поэтъ представленъ въ натуральную величину силацимъ на развалинѣ античнаго храма; лѣвая нога его покоится на обломкѣ колонны. Байронъ представленъ во фракѣ, прикрытомъ богатою драпировкою мантии; онъ держитъ въ лѣвой рукѣ книгу съ надписью: «Childe Harold», а въ правой грифель, приложенный ко рту.

— Въ «Revue de Paris» напечатано слѣдующее объявленіе о конкурсѣ, съ просьбою, чтобъ всѣ газеты перепечатали его во всеобщее свѣдѣніе:

«Предлагается премія въ 1,000 фун. стерл. тому изъ живописцевъ, кто напишетъ масляными красками лучшую картину, представляющую: *Крещеніе Спасителя въ Иорданѣ*, сообразно съ текстомъ Евангелїа Матея III, 13 — 17; Марка I, 9—11; Луки III, 21 — 23, и наконецъ со стихами Мильтона, изъ его поэмы: *Возвращенный Рай* (томъ I, стихи 79—86):

I saw

The prophet do him reverence, on him  
rising

'Out of the water, heaven above the  
clouds

Unfold her crystal doors, etc.

я тамъ же, стихъ 288:

As I rose of the living stream.

Картина не должна быть менѣ 12-ти футовъ вышины, 10 ширины, и не болѣе 15-ти вышины и 12-ти ширины. Два главные лица должны быть, крайней-мѣрѣ, въ естественный ростъ. Минутой событія избрать предъ погруженіемъ Иисуса, когда Юаннъ произноситъ слова крещенія, или минутой по совершеніи крещенія, когда

Иисусъ и Юаннъ стоятъ въ водѣ до двухъ-пятихъ своего роста. На окончаніе картины и на доставленіе въ Лондонъ (по адресу, котораго будетъ сообщенъ въ свое время) опредѣляются отъ нижеписаннаго числа два года. Рамка картины не должна быть шире двухъ дюймовъ. Всѣ присланныя картины въ-продолженіи двухъ мѣсяцевъ будутъ выставлены въ Лондонѣ. Въ это время сами состязавшіеся живописцы должны быть судьями, а большинствомъ голосовъ выберется изъ всѣхъ только пять картинъ. Изъ этихъ пяти картинъ наберутъ лучшую нижеподписавшіеся. Всѣ живописцы, которые предпримутъ эту работу, должны сообщить свои имена и адреса къ одному изъ нижеподписавшихся, не позже 1-го января 1846 года. Назначавшіе премію готовы представить въ Лондонѣ и Эдинбургѣ достаточное ручательство. Въ этомъ конкурсѣ могутъ участвовать живописцы всѣхъ націй. 1,000 фунт. стерл. будутъ выданы еще до закрытія выставки тому художнику, котораго картина будетъ признана лучшею изъ всѣхъ. Но съ этой минуты, картина дѣлается уже собственностью нижеподписавшихся. Переписка и пересылка производится на счетъ самихъ живописцевъ.

M. Thomas Belle. Don Alkali Works,  
South Shields.

M. Charles Hill Roe. Hermitage, Aston  
Road; Birmingham.

5 апрѣля 1845 года.»

— Извѣство, что Торвальдсенъ за-вѣщалъ всѣ свои гениальныя работы городу Копенгагену съ тѣми условїями, чтобъ тамъ построены былъ для его статуй особый музей, въ которомъ должна также помѣщаться и его гробница. Этотъ музей уже строится во вкусъ древнихъ помпейскихъ владѣй, въ два этажа; въ среднѣй дворъ украшенннй мозаикой, а вокругъ двора устроены отдѣльныя кабинеты для статуй Торвальдсена. Потолки въ кабинетахъ расписываются альфреско. Положеніе этого музея довольно-ва-

годно, ибо находящійся въ сосѣдствѣ его дворецъ Христианбургъ дагь своею колоссальностью эту незначную постройку.

— Въ Берлинѣ баталическій живописецъ г. Рехлинъ написалъ превосходную картину: эпизодъ народной иппогской битвы, а именно бой приховѣ (Wachow), гдѣ донской казачій полкъ, подъ предводительствомъ графа Орлова-Денисова, бросился въ атаку на французскихъ и саксонскихъ кирасировъ. Посрединѣ картины представленъ графъ Орловъ-Денисовъ на конѣ, распоразжающій атакою; надъ нимъ видна деревня Госса; на первомъ планѣ картины 9-й французскій кирасирскій полкъ, направо саксонскіе кирасиры въ жаркой схваткѣ съ храбрыми Донцами. Вдали, на третьемъ планѣ, видѣнъ Императоръ Александръ съ своею свитою. Впереди картины представлены подбитыя орудія, убитые и раненные воины. Тонъ и манера живописца во вкусѣ Ораса Вернѣ. Говорятъ, что эта картина писана по заказу семейства графа Орлова-Денисова и, слѣдовательно, будетъ достояніемъ Россіи.

#### ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстный престарѣлый поэтъ Лудовикъ Тинь живетъ въ Сансуси и часто бываетъ въ фамильномъ кругѣ короля прусскаго. Маститый поэтъ занимается теперь постановкою на потсдамскомъ театрѣ пьесы Шекспира «Гейнрихъ V-й».

— Въ Оффенѣ недавно давали съ большимъ успѣхомъ драму «Вѣчный Жидъ», передѣланную изъ романа Сю актѣромъ Шриттомъ. Эту пьесу скоро будутъ давать на театрахъ Лейпцига и Гамбурга.

— Англійская королевская фамилія отличается особенными музыкальными талантами. Королева Викторія превосходно играетъ на фортепьяно и обладаетъ пріятнымъ голосомъ (меззо-

сопрано). Герцогиня кентская, мать королевы, — настоящая виртуозка на фортепьяно. У принцессы Августы замѣчательный талантъ къ сочиненію пѣсень и арій. Король Георгъ IV и превосходно игралъ на виолончели и пѣлъ отлично теноро-басомъ. Герцогъ кембриджскій, дядя королевы, превосходно играетъ на скрипкѣ. Король Вильгельмъ IV-й игралъ хорошо на флейтѣ. Королева Аделаида очень любить церковную музыку.

— Фелисиенъ Давидъ, путешествуя по Германіи, окончилъ новую музыкальную пьесу *Моисей на Горѣ Синайской*. Эта ораторія будетъ разыграна въ первый разъ въ Вѣнѣ. Зимой онъ возвратится въ Парижъ, чтобы писать музыку къ новой оперѣ на либретто Скриба. Эта музыка заказана ему дирекціею Большой Парижской Оперы.

— Извѣстная ораторія этого Давида, «Пустыня», была недавно причиною одного интереснаго процесса въ Версали. Тамъ назначено было дать концертъ въ пользу бѣдныхъ, и билеты уже были распроданы, какъ вдругъ пріѣхалъ въ Версаль г. Колленъ, сочинитель текста къ означенной ораторіи, и подалъ просьбу мэру города, чтобы запретить ораторію и выдать ему 500 франковъ гонорара изъ кассы концерта. Мэръ, согласно съ законами, долженъ былъ запретить концертъ, но уже, къ несчастію, билеты были всѣ разобраны и публика собралась въ залу. Что тутъ было дѣлать? Но Французъ не теряетъ присутствія духа въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Учредители концерта поднялись на хитрость и съиграли ораторію безъ текста, т. е. пѣвцы и хоры, вмѣсто словъ, пѣли однѣ только ноты, что очень поправилось публикѣ для разнообразія. Интермеццо же ораторіи, вмѣсто стиховъ, прочитали прозою, и дѣло было въ шляпѣ. Г. Колленъ не получилъ ни одного сантимана изъ кассы концерта.

— Турецкій султанъ приказалъ устроить во внутреннихъ садахъ серадя оперный театръ, на которомъ дадутъ

ся уже итальянскія оперы, подъ управленіемъ Донизетти, брата извѣстнаго композитора. Оперы очень нравятся молодому султану и особенно его султаншамъ, которыя никогниго сквозь рѣшетки слушаютъ музыку и пѣніе.

### ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ Бельгіи готовятъ превосходную вкусомъ ветчину, названную jambon de Bastogne, слѣдующимъ образомъ: свиные окорока должно сперва положить на шесть педѣлъ въ разсолъ изъ соли и селитры, къ которой примѣшивается извѣстное количество лавроваго листа, тмина, можжевеловыхъ ягодъ, и, если угодно, немного чеснока. Если же послѣ этой операціи хотять окорокъ приготовить для стола, то его должно сперва закопать въ землю на цѣлые сутки, а потомъ уже испечь или сварить также съ примѣсью означенныхъ травъ. Если окорокъ мягокъ и рыхлъ, то надобно изъ него вынуть кости, а мясо положить подъ прессъ.

— Лучшее средство для иѣтки бѣлыя — кинноварь (Zinnober), разведенная въ водѣ съ желѣзнымъ купоросомъ. Кинноварь и купоросъ должно истолочь въ порошокъ, и эту смѣсь, смочивъ иѣсколькими каплями воды, растереть на каменной плиткѣ, какъ масляную краску. Потомъ взять рисовальную кисть, и, обмакнувъ ее въ краску, иѣтнить бѣлье. Когда краска на бѣльѣ высохнетъ, ее уже ничѣмъ нельзя будетъ смыть.

— Въ прошедшую зиму, на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ Англіи нагрѣвались пассажирскіе вагоны печами, топленными антрацитомъ. Въ каждой печи находился небольшой котелъ съ кипяткомъ, который посредствомъ иѣдныхъ трубочекъ проводился подъ скамейки, гдѣ сидятъ пассажиры. Такимъ образомъ, согрѣтая вода распространяла во всемъ вагонѣ пріятную теплоту.

— Нѣкоторые химики утверждаютъ, что чистая рѣчная вода имѣетъ

большую разницу во вкусѣ, когда она налита въ сосуды изъ тонкаго стекла или толстаго хрусталя; въ послѣднемъ она кажется гораздо-пріятнѣе для питья. Также замѣчается большая разница между водою, налитую въ стеклянный и каменный сосуды. Совѣтуютъ для храненія чистой холодной воды употреблять каменные сосуды, сдѣланные изъ возрѣзатаго (порѣзнаго) камня, который служитъ худымъ проводникомъ теплу. Лучшее всего держать холодную воду въ стеклянныхъ бутылкахъ, обложенныхъ пробочнымъ деревомъ. Вода, сохраняемая въ нихъ, бываетъ постоянно-холодна и пріятна на вкусъ.

— Для испытанія виноградныхъ винъ, на-примѣръ: портвейна, мадеры, хереса, есть ли въ нихъ подмѣсъ спирта или французской водки, слѣдуетъ поступать такимъ-образомъ. Надобно испытуемое вино налить въ широкую чашку и близко надъ нимъ держать маленькую лампу съ нѣсколькими горѣлками. Если въ вино подмѣшанъ спиртъ, то оно вспыхнетъ при умѣренномъ жарѣ лампы; если же въ немъ заключается только его естественный алкоголь, то вино загорится отъ лампы не ранѣе, какъ во время своего кипѣнія.

— Парижская полиція тщательно убираетъ съ рынковъ испорченное и протухлое мясо отъ лѣтнихъ жаровъ и велитъ опять вывозить за городъ. Но ловкіе промышленники нашли средство этотъ испорченный провіантъ опять пускать въ продажу слѣдующимъ-образомъ. Они посредствомъ угля отнимаютъ весь дурной запахъ отъ мяса, потомъ, отдѣливъ отъ него осмазомъ и желатиной, превращаютъ его въ соупотѣ и въ такомъ видѣ привозятъ опять въ городъ. Но каково-то тѣмъ, которые питаются бульйонами, свареннымъ изъ этой мясной метафорозы!

### МЕЛОЧКИ.

Въ Берлинѣ недавно издана статистика прусской монархіи. Авторъ утверждаетъ, что древніе Пруссакіи гово-

рили особеннѣя языкомъ, который нынѣ почти вымеръ. Этотъ языкъ принадлежалъ къ нарѣчію литовскому, которое, по свидѣтельству В. фон-Гумбольдта и другихъ ученыхъ, было нѣчто среднее между языками славянскими и греческими, но съ первымъ онъ состоялъ въ наибольшемъ родствѣ. Не смотря на то, остатки древняго языка Пруссаконъ и доселѣ еще существуютъ: имъ говоритъ простой народъ живущій въ окрестностяхъ Кёнигсберга и Гумбинена. Этотъ литовскій (litthauisch) языкъ простаго народа не только разговорный, но даже и письменный, ибо въ тѣхъ краяхъ преподается онъ въ пародныхъ школахъ. Въ Кёнигсбергѣ и Гумбиненѣ находятся семинарии для образованія учителей литовскаго языка. Слово Прусскіе (Preusse) производятъ одинъ ученый кёнигсбергскій историкъ, Фогтъ, отъ слова Но-Русси (No-Russi), и самъ знаменитый прагскій филологъ Шафарикъ подтверждаетъ, что древніе Пруссаки называли себя Prussi. Это слово находится даже у древняго историка Птолемея, который говоритъ о народѣ Phrugundioni, слѣдовательно — Phrusi, или Phugi, а gund слово древнее скандинавское и значитъ народъ. Итакъ, птолемеяво слово пругундионъ значило не что иное, какъ прусскій народъ. По свидѣтельству германскаго статистика, въ Пруссіи находится Славянъ говорящихъ по-польски 2,223,000, Славянъ-Чеховъ 37,000, Славянъ-Вендовъ 195,000.

— Во-Франціи только шестая часть всего народонаселенія живетъ въ довольствѣ, нѣмѣя независимое состояніе, и изъ этого числа вѣскольکو тысячъ человекъ обладаютъ милліонами. Вообще, среднимъ числомъ приходится на каждаго Француза годоваго дохода по 198 фр.; 7,500,000 человекъ получаютъ ежегодно только 91 фр. Такое же число людей получаетъ въ годъ по 120 фр. Изъ 15,000,000 человекъ 7,500,000 живутъ мелочною промышленностью и работаютъ въ потѣ лица день и ночь, чтобъ нажить себѣ трудовую копейку.

— Въ Лондонѣ торгуютъ всѣмъ, чѣмъ угодно, даже продаютъ древности, привезенныя изъ Мемфиса и Египта. Недавно тамъ былъ аукціонъ египетскими музіями, древнему оружію Персовъ и пр. Одинъ археологъ купилъ саркофагъ, покрытый іероглифами, за 61 ф. стерлинговъ.

— Въ послѣднія пять лѣтъ привезено было въ Лондонъ съ твердой земли Европы и преимущественно изъ Италіи 60,000 картинъ знаменитыхъ живописцевъ старой италіанской, испанской и нидерландской школы; итакъ, ежегодно привозилось по 10,000 картинъ старыхъ знаменитостей, Рафаэлей, Тиціановъ, Альбановъ и Мурильо. Ничего нѣтъ легче, какъ обманывать дилеттантовъ старыми картинами!

— Фанатическіе любители цвѣтовъ платятъ перѣдко тысячи франковъ за какой-нибудь рѣдкій, необыкновенный цвѣтокъ. За нѣскольکو лѣтъ предъ симъ, назначена была большая премія за то, кому удастся выростить зеленыя розы. Американецъ Джонъ Брайсъ прислалъ недавно изъ Бостона въ Парижъ кустъ rosa indica, на которомъ красовались прекрасныя зеленыя розы — и, говорятъ, получилъ отъ Общества Парижскихъ Любителей Садоводства означенную премію. До этого времени, однакожъ, никому не удалось произвести синія дадіи, георгинны. Англійскіе любители георгинъ обѣщали заплатить 5,000 фунтовъ стерл. за синюю дадію.

— Робеспьеръ былъ между-прочимъ очень сентиментальный поэтъ. Недавно въ Пируженѣ отысканы написанныя собственною рукою Робеспьера стихи, адресованныя имъ къ какой-то дамѣ, жившей въ Аррасѣ:

- «Crois-moi, jeune et belle Ophélie,
- «Quoique en dise le monde et malgré ton  
mirroir
- «Contente d'être belle et de n'en rien sa-  
voir,
- «Garde toujours la modestie,
- «Sur le pouvoir de tes appas



«Demeure toujours alarmée:  
«Tu n'en seras que mieux aimée  
«Si tu crains de ne l'être pas.»

— Въ Парижѣ какой-то ловкій продавецъ напечаталъ нѣсколько гравюръ съ загадками (rebuses), и объявилъ въ газетахъ, что если кто изъ его покупателей отгадаетъ всѣ загадки, помѣщенныя въ картинахъ, тому онъ обязывается заплатить премию въ 1,000 франковъ. За отгадку первыхъ четырехъ rebuses онъ уже отложилъ 500 франковъ у нѣвѣстнаго парижскаго нотариуса. Каждая картинка съ загадкою стѣитъ 1 франкъ, и въ нѣсколько дней было раскуплено до трехъ тысячъ экземпляровъ этихъ гравюръ. Къ упомянутому нотариусу хотя явились уже нѣсколько десятковъ людей, съ увѣреніемъ, что они разгадали ребусы и требовали отъ него общіячные 500 франковъ, но нотариусъ отвѣчалъ всѣмъ, что они ничего не разгадали, и, слѣдовательно, не имъ принадлежить награда. Между тѣмъ, продавецъ не можетъ отбиться отъ покупателей ребусовъ, и франки сотнями сыплются каждый день въ карманъ его.

— Въ Лондонѣ находятся три разряда книгопродавцевъ. Одни торгуютъ старыми рѣдкими книгами (букеями), другіе новыми, а третьи—книгами уже подержанными. Въ магазинахъ первыхъ можно найти чрезвычайно-рѣдкія старопечатныя изданія. Вторые, называемые Booksellers, съ кислыми гримасами встрѣчаютъ тѣхъ, кто смотритъ книги и ничего не покупать. Третій разрядъ книгопродавцевъ называется Stallkeepers, а лавки ихъ — Bookstalls. Въ нихъ продаютъ уже читанныя и крѣпко-подержанныя книги съ значительною уступкою въ цѣнѣ. Большая часть лондонскихъ книжныхъ магазиновъ помѣщены въ улицѣ Paternoster; изъ богатѣйшихъ книгопродавцевъ считается тамъ Сторъ, который съ 1815 года нажилъ барыша отъ изданія сочиненій Вальтера Скотта 160,000 ф. стерлинговъ.

— Въ древнемъ рыцарскомъ замкѣ, Штольценфельсѣ, на Рейнѣ, гдѣ гости-

ла недавно королева Витторія, были и прежде угощаемы коронованныя особы. За 610 лѣтъ предъ симъ, а именно: въ 1235 году, гостила тутъ прекрасная Изабелла, сестра англійскаго короля Генриха III и невѣста императора Фридриха II гогенштауфенскаго. Въ 1346 году гостилъ въ Штольценфельсѣ король англійскій Эдуардъ III Богемскій, король Иоаннъ и императоръ Карлъ IV.

— Доходы французскаго короля Людовика-Филиппа простираются до 18 милліоновъ франковъ; расходы же— слѣдующіе: 4,856,767 франковъ на жалованье и содержаніе 2561 придворнаго служителя; 4,527,262 франка употребляются на содержаніе королевской недвижимой собственности: дворцовъ, замковъ, парковъ, садовъ, лѣсовъ, а также на покупку и обновленіе дворцовыхъ мебели, и проч. Королевская кухня, отопленіе, освѣщеніе, лошади, экипажи и разныя путевыя издержки обходятся въ годъ 3,680,903 франка. На подарки, вспоможенія, пенсіи, благотворительныя вклады, на содержаніе принцевъ и принцессъ расходуются до 17,841,172 франка. Король, слѣдственно, употребляетъ собственныхъ своихъ денегъ до 23 милліоновъ франковъ въ годъ. Сверхъ-того, онъ употребилъ слишкомъ 23 милліона на основаніе Исторической Галереи въ Версали, на возобновленіе Галереи Франциска I и парадныхъ комнатъ въ Фонтенблѣ, на замокъ и паркъ въ Сен-Клу, на основаніе Галереи Луи-Филиппа, въ Тюльери. Эти 23 милліона франка обратятся въ пользу самой Франціи, ибо по закону король только пользуется пожизненно доходомъ съ короннымъ имѣніемъ. Изъ упомянутыхъ 2561 придворнаго служителя король одѣваетъ на свой счетъ 1729 человекъ. Въ извѣстныхъ времена гола раздастъ онъ имъ 28,556 штукъ разнаго рода платья.

— Парижъ и Лондонъ хотятъ имѣть непременно какія-нибудь диковинныя для удовлетворенія своего неасытнаго любопытства. Но откуда же идутъ

къ нимъ исполнены и карлики, дикіе звѣри и дикіе люди?—нѣз Америки. Въ Соединенныхъ-Штатахъ есть нѣсколько коммерческихъ домовъ, которые, вмѣстѣ съ другими колоніальными товарами, кофе, сахаромъ, перцомъ, промышленяютъ и разными диковинками, высылаютъ въ Европу по заказу карликовъ, исполнновъ, дикихъ звѣрей и проч. Въ Нью-Йоркѣ есть торговый домъ г. Титуса и комп., который покупаетъ львовъ, тигровъ, крокодиловъ, вѣтій - удавовъ, для высылки ихъ въ Европу. Если ему понадобится достать африканскихъ и азіатскихъ диковинокъ, онъ отправляетъ своихъ прикащиковъ въ Азію и Африку и т. п. Знаменитые укротители дикихъ звѣрей Фан-Амбургъ и Картеръ учились сперва своему опасному искусству въ звѣринцахъ г. Титуса и уже, благодаря ему, нажили себѣ славу. Также

карлика Том-Томба отыскалъ въ Америкѣ помянутый коммерческій домъ Типіуса и высылалъ его въ Европу. Короче, американцы промышленяютъ всѣмъ, чтобъ только нажить деньги.

— Одиъ Англичанинъ въ припадкѣ сплина бросился недавно въ пылающій кратеръ Везувія. Изверженіе такъ было сильно, что въ ту же минуту выбросило изъ жерла тѣло которое, вмѣстѣ съ лавою, утекло съ горы и совершенно сгорѣло. Этотъ чудакъ за нѣсколько часовъ предъ своею кончиною посѣтилъ на горѣ живущаго тамъ пустытника и написалъ въ памятной книгѣ для путешественниковъ слѣдующее. «Проводникъ мой вовсе не былъ причиною моей смерти, потому-что я самонапроизвольно кинулся въ кратеръ Везувія, чтобъ скорѣе прекратить свою несчастную жизнь.»

## М О Д Ы.

Самые убійственные мѣсяцы для моды—августъ и сентябрь. Въ августѣ донашиваются лѣтніе костюмы, а въ сентябрѣ, въ ожиданіи новыхъ верхнихъ, носятъ прошлогодніе, а новые фасоны для платьевъ появляются только въ ноябрѣ; слѣдовательно, намъ остается говорить о прошедшемъ и предполагать будущее.

Прошедшее уже извѣстно нашимъ читателямъ; поговоримъ о будущемъ.

Шляпки, какъ намъ кажется, будутъ носить очень-маленькія, потому-что въ Парижѣ нынѣшнее лѣто носили такія небольшія шляпки, называемыя *Рапелас*, что онѣ походили болѣе на топки, нежели на шляпки, и фасонъ ихъ принятъ былъ съ восторгомъ всѣми дамами. Вотъ его подробности. Поля очень-маленькія и открытыя; они идутъ кругомъ всей тульи; разумѣется,

позади она дѣлается еще меньше и немного загнута; слѣдовательно, кофточка ужъ тутъ не нужна. Тулья довольно-низенькая съ широкимъ донышкомъ, но не выпуклымъ. Уборка на шляпкахъ самая простая: если вы хотите приколотъ перья, то прикалывайте не очень-низко, чтобъ перо не спускалось ниже полей, и безъ лентъ, такъ, чтобъ на шляпѣ не было никакихъ бантовъ, даже позади тульи, исключая перьевъ, которыя должно пришить съ одного бока тульи на другой. Все равно, если вы захотите, вмѣсто перьевъ, приколотъ цвѣты: ихъ точно также надо приколотъ съ одного бока тульи на другой; въ такомъ случаѣ надо, чтобъ цвѣты были сдѣланы гирляндой; но лентъ не нужно: ленты накалываются на эти шляпки только тогда, когда нѣтъ ни перьевъ, ни цвѣтовъ.

Платья, вѣроятно, останутся одинаковой ширины и длины, и, разумеется, такъ же, какъ и теперь, если платье съ фалбалой или съ широкими бѣ, то юбку надо дѣлать уже.

Трудно придумать, какіе лифы и рукава будутъ въ модѣ зимой; теперь ихъ носить по прежнему: лифы закрытые; они или доходятъ до самаго горла, или напередѣ очень — вырѣзаны. Отвороты и борты на ливахъ встрѣчаются довольно-часто.

Рукава дѣлаются гладкіе съ кисейнымъ рукавомъ; но красивѣе, или, лучше сказать, разнообразнѣе, когда рукава дѣлаются короткіе, выше локтя; а изъ-подъ нихъ спускается бѣлый кисейный или тюлевый сборчатый рукавъ.

Шарфы, по-прежнему, въ большой модѣ; кружевной ли, вышитый ли, полосатый ли — лишь бы только это былъ шарфъ; но когда къ нему придѣлать свади маленькій капишонъ, тогда этотъ шарфъ превращается въ мантилью и называется *mantelet à capuchon*. Такую мантилью мы видѣли въ вѣшнѣмъ Англійскомъ-Магазинѣ. Она сдѣлана изъ пунцоваго кашемира и обшита довольно-широкимъ чернымъ бархатомъ. Эти мантильи, вѣроятно, съ каж-

дымъ ливемъ будутъ болѣе и болѣе нравиться дамамъ, особенно, если капишоны будутъ дѣлаться двойные, чтобы можно было надѣвать на голову; тогда это сдѣлается просто необходимою для спектаклей и баловъ, и уничтожить эти такъ-называемые капоры, или капишоны, которые надѣвались на голову только при раздѣдахъ и дѣлались съ большою изысканностью, а между-тѣмъ были очень-некрасивы. Мы увѣрены, что каждая дама замѣчала, что къ ней болѣе идетъ простой капишонъ, нежели эта вышняя шапка, — а все-таки надѣвала ее!

Прическа — самая простая. Коса зачесывается довольно-низко, или заплетается, или просто завертывается въ двѣ петли. Передніе волосы спускаются довольно-низко, но не ниже уха, или упадаютъ на плечи большими локонами.

Пряжки считаются принадлежностью для каждаго платья, гдѣ есть кушакъ. Ихъ дѣлаютъ изъ перламута, коралловъ и т. д., но небольшія.

Вуали на шляпкахъ зашѣтно начинаютъ исчезать.

Ботинки носятъ большею частію одинакаго цвѣта съ платьемъ; ихъ дѣлаютъ съ маленькими каблучками.

## БИОГРАФІИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

### БАРОНЪ ВОЗИО.

Одинъ изъ представителей искусства временъ имперіи и реставраціи, глава ваятелей этихъ двухъ эпохъ, баронъ Возіо, скончался внезапно въ ночь съ 28 на 29 іюля этого года.

Франсуа-Жозефъ-Жильбертъ Возіо родился въ Монако, 19-го марта 1769 года. Въ продолженіи долгой жизни своей, онъ былъ современникомъ трехъ поколѣній скульпторовъ, болѣе или менѣе изысканныхъ, манерныхъ въ своихъ произведеніяхъ; Возіо, безспорно, одаренный талантомъ самобытнымъ, оставался постоянно вѣрноп самому-себѣ; его не увлекали ни системы, ни моды — соблазнительныя болѣе по своей граціи, нежели мощныя силою выраженія, способности болѣе къ отдѣлкѣ отдѣльныхъ фигуръ, нежели къ группировкѣ монументальныхъ массъ.

Трудясь на поприщѣ исторической скульптуры, отличался особенно бюстами, Возіо производилъ и предметы миеологическіе. Но онъ чувствовалъ и воспроизводилъ древнее искусство по-своему, не придерживаясь преданій школы, и постигалъ древность тѣмъ лучше, чѣмъ свободнѣе подражалъ ей. Самый выборъ большей части его сюжетовъ выказываетъ его антипатію къ сухому очерку, къ жесткости, къ изысканной наготѣ, къ преувеличенію формъ, которое иные считаютъ цвѣтомъ греческаго искусства.

Всего замѣчательнѣе, что Возіо почти съ перваго шага сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ во всю свою жизнь. Въ немъ не видно слѣдовъ ни чьей школы: грацію, простоту, чистоту очерковъ, изящество, — всѣ эти существенныя принадлежности своего рѣзняка изучилъ онъ въ лагерѣ и на дорогѣ.

Съ самой ранней молодости, Возіо выказывалъ мало способности и охоты

къ классическому ученію. За урокомъ онъ вырѣзывалъ изъ дерева статуйки. Въ маленькихъ мадоннахъ его можно уже было видѣть зародышъ таланта.

Когда учитель, или отецъ, выговаривали ему за его лѣность, онъ отвѣчалъ, плача: «Я хочу быть скульпторомъ!» Эта вѣчная фраза до того надоѣла его отцу, что однажды онъ сказалъ ему: «такъ будь же скульпторомъ, — только чтобъ я не слышалъ больше о тебѣ ни слова!»

Отецъ посердился нѣсколько недѣль, но примирился наконецъ съ мыслию имѣть сына-артиста. Понявъ, что можно быть порядочнымъ отцомъ семейства и позволять дѣтямъ своимъ предаваться изученію изящныхъ искусствъ, онъ отдалъ сына своего въ ученье къ одному рѣзнику на деревѣ, который, къ радости (или къ досадѣ своей) скоро увидѣлъ, что ученикъ превзошелъ учителя. Менѣе нежели въ годѣ, Возіо сдѣлался артистомъ. Иначе и быть не могло: Возіо былъ рожденъ скульпторомъ. Принцъ Монако, узнавъ его дарованіе, увезъ его съ собою въ Парижъ и отдалъ въ ученье къ скульптору Пажу, къ бывшему тогда въ большой славіи. Пажу былъ артистъ ловкій и плодовитый; но онъ былъ лишенъ истиннаго чувства прекраснаго. Произведенія его запечатлѣны посредственностію.

Возіо не долго оставался у Пажу. Онъ инстинктивно чувствовалъ противорѣчіе манерности своего учителя съ простотою и изяществомъ. Однажды онъ нѣрно, но слишкомъ-строго, критиковалъ въ присутствіи нѣстителей одно изъ произведеній своего учителя. Пажу засталъ его на дѣлѣ, вѣбѣлся, пожеловался принцу и отослалъ отъ себя ученика. Возіо лишился учителя и покровителя. Нѣсколько времени онъ дѣлалъ немощныя усилія, чтобъ жить въ Парижѣ, гдѣ надѣялся приобрести славу. Онъ искалъ работы и не находилъ ея.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Нужда, можетъ-быть, голодъ, заставилъ

ди его покинуть отечество. Возвратиться въ Италію къ своимъ родителямъ, онъ не смѣлъ, — и записался рядовымъ въ ирландскій полкъ, изъ котораго скоро дезертировалъ, чтобы вступить въ другой; дослужившись до офицераго чина и накутивъ солдатскою жизнью, Бовіо, мучимый страстью къ искусству, въ послѣдній разъ исчезъ, не простившись ни съ кѣмъ, изъ полка, и отправился въ Италію. Здѣсь онъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, велъ кочующую жизнь Жиль-Блаза-артиста: бродилъ изъ города въ городъ, ища работы и не всегда находя ее, изучалъ творенія образцовыхъ художниковъ, копировалъ для продажи барельефы. Мужественно переносилъ онъ крутые переходы отъ неожиданнаго довольства къ крайней нищетѣ, волновавшіе жизнь его. Его умъ, дарованіе и привлекательная наружность приобрѣтали ему покровителей; но какая-нибудь шалость лишала его этого покровительства на другой же день; нерѣдко бывали этому причины и политическія движенія или военныя событія, тревожившія въ то время Италію. Наконецъ, отдохнувъ отъ приключеній за изученіемъ древняго искусства въ Римѣ и Неаполѣ, онъ возвратился въ Парижъ въ началѣ имперіи.

Нѣсколько времени жилъ онъ здѣсь въ невѣстности, перебивался кое-какъ, пока, наконецъ, соотечественникъ его, скульпторъ Бартолини, знавшій его еще въ Италіи, представилъ его, какъ молодаго талантливаго артиста, директору Наполеоновскаго Музея, Денону. Баронъ Денонъ былъ тогда въ Парижѣ тѣмъ же, что теперь г. Калѣ, то есть великій раздаватель работъ, злой или добрый гений художниковъ. Денонъ погребовалъ образчики его искусства, и Бовіо сейчас же импрессионировалъ маленькій барельефъ, представляющій ледочника. Денонъ остался очень доволенъ этою работою, и тотчасъ же заказалъ Бовіо три барельефа для колонны на Валломской-Пло-

щади. — Эти барельефы положили основаніе славѣ Бовіо.

Тогда еще со всѣмъ жаромъ держались системы подражанія антику, введенной въ искусство Давидомъ. Генераловъ, гренадеровъ и кирасировъ выливали въ какую-то древяную форму, въ условныхъ позахъ. Молодой Бовіо съ перваго шага отступилъ съ общей тропинки; онъ изобразилъ генераловъ и гренадеровъ такими, какіе они были на-самомъ-дѣлѣ, и украсилъ колонну фигурами полными истинны въ своихъ позахъ, разнообразными по выраженію. Сначала, это удивило, но, какъ все истинно-прекрасное, скоро понравилось.

Баронъ Денонъ былъ въ восхищеніи, что открылъ такого артиста, — хоть и съ чужою помощію. Съ этой минуты, онъ сдѣлался покровителемъ его и поручилъ ему даже сдѣлать его бюстъ. Задача была трудна и опасна: всѣ золотые сны о богатствѣ и славѣ могли разлетѣться дымомъ: Денонъ былъ старъ и страшно-дуренъ собою. Уже многіе артисты напрасно старались найдти хоть что-нибудь изящное въ этой головѣ. Но дѣлать было рѣчено; Бовіо принялся за работу и былъ счастливей своихъ предшественниковъ: бюстъ вышелъ изъ-подъ его руки почти-прекраснымъ; онъ умѣлъ придать лицу Денона благородство и величіе, — и между-тѣмъ, бюстъ былъ очень-сложъ. Директоръ Наполеоновскаго Музея пришелъ до такой степени въ восторгъ отъ работы Бовіо, что проспѣшилъ къ императрицѣ Жозефинѣ и сказалъ ей, что наконецъ нашелъ артиста, достойнаго воспроизвести черты ея величества. Императрица пожелала испытать его; Бовіо работалъ съ жаромъ и такъ удачно, что Наполеонъ велѣлъ разбить или продать всѣ прочіе бюсты Жозефины, и оставилъ только бюстъ работы Бовіо.

Теперь слава и богатство были для него обезпечены. Онъ былъ не только искусный художникъ: природа дала ему привлекательную, умную энциклопедію, веселый и легкій характеръ Итальянца. Скоро онъ сдѣлался любо-

ннѣхъ скульпторовъ при императорскомъ дворѣ.

Безчисленное множество произведеній Бозіо относится къ царствованію Наполеона; замѣчательнѣйшія изъ нихъ: барельефы на вапняцкой колоннѣ, бюсты барона Денона, бюсты императрицы Жозефины, бюсты короля и королевы вестфальскихъ, и статуя королевы Гортензіи. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи онъ выказалъ столько же художнической ловкости, какъ въ бюстѣ Денона. Трудности были почти-одинаковы; королева была дурна собою и очень - взохотно вѣрила въ эту горькую истину. При всемъ томъ голова статуи поправилась всѣмъ и — была похожа на подлинникъ.

Позже, онъ изобразилъ императрицу Марію-Луизу, князя Талейрана и герцогиню Розиго. Маршалы, министры, камергеры оспаривали другъ у друга честь видѣть черты свои воспроизведенными въ мраморѣ рѣзцомъ Бозіо.

Самъ Наполеонъ увѣнчалъ славу его, просидѣвъ передъ нимъ нѣсколько минутъ неподвижно. Эта честь была до тѣхъ-поръ только удѣломъ Кановы. Не смотря на то, что императоръ былъ безпокойнѣйшимъ изъ всѣхъ моделей, Бозіо удалось схватить въ мраморѣ большую часть красотъ его эпической головы.

Многочисленныя работы Бозіо по части портретной скульптуры не позволили ему заниматься и другими отраслями своего искусства. На выставкѣ 1808 года явился его *Амуръ, бросающій стрѣлы*; это произведеніе имѣло успѣхъ чрезвычайный. Императрица со всѣмъ дворомъ своимъ посѣтила ввечеру галерею музея, чтобъ полюбоваться его амуромъ при свѣтѣ факеловъ. Это изваяніе находится теперь въ Санктпетербургѣ. Нѣсколько времени спустя, Бозіо сдѣлалъ мраморную статую Жозефины. Онъ началъ - было и конную статую императора, которую хотѣли поставить на Іенскомъ-Мосту; маленькая модель ея существуетъ еще и те-

перь. При началѣ реставраціи, онъ окончилъ *Геркулеса, низвергающаго Ахелла*. Это произведеніе было на выставкѣ 1814 года. Лудовикъ XVIII восхищался имъ и купилъ его для Тюльерійскаго-Сада, гдѣ оно и доставлено близъ дворца въ pendant къ Лаокону.

Бозіо не забылъ вниманія, оказаннаго ему императоромъ, и не боялся громко высказывать свою признательность. Можетъ-быть, именно за это и полюбилъ его Лудовикъ. Когда какой-нибудь завистливый царедворецъ упрекалъ Бозіо въ этой признательности, король говаривалъ: «Бозіо помнитъ оказанныя ему благодѣянія; если это преступленіе, такъ до-крайней-мѣрѣ вы должны согласиться, что очень-рѣдкое.»

Лудовикъ XVIII сдѣлалъ его членомъ Академіи Изящныхъ Искусствъ, и поручалъ ему, одну за другою, важныя работы: свой бюстъ, мраморную статую принца англенскаго, бронзовую конную статую Лудовика XIV, часть уроченій на триумфальной аркѣ Карусельной-Площади, фигуры на монументѣ, воздвигнутомъ въ память Малерба, изображающія Францію и Вѣрность, и наконецъ статую Монтиона.

Эти произведенія, свидѣтельствующія о силѣ его таланта, доставили Бозіо деньги и славу. Для него воскресило званіе перваго королевскаго скульптора, и дали ему 4000 франковъ пенсіи. Позже, когда онъ окончилъ колесницу на карусельной триумфальной аркѣ, въ самый день открытія ея, Карлъ X, присутствовавшій при церемоніи, далъ ему титулъ барона.

Въ 1816 году, Бозіо выставилъ своего *Гіацинта*, который теперь въ Луксамбургѣ, и *Аристел*, бога садовъ, украшающаго луврскую колоннаду. Мраморная *Нимфа*, которую видѣли на выставкѣ 1837 года, была выставлена въ 1820 году сдѣланною изъ алебаstra.

Лучшее, можетъ-быть, произведеніе Бозіо есть статуя *Генриха IV-ю ребенка*. Въ этой статуѣ, заказанной для спальни Генриха IV въ замкѣ По, соединяются всѣ отличительныя черты

таланта Бозіо. Артистъ имѣлъ подѣ рукою только старинную дрянную гравиру, изображавшую Генриха десяти лѣтъ. По ней Бозіо создалъ твореніе, возбудившее удивленіе всѣхъ. Лудовикъ XVIII пришелъ въ совершенный восторгъ; передъ отправкою ея въ По, онъ велѣлъ вылить изъ серебра модель ея и любовался ею передъ своею кончиною. Бозіо получилъ позволеніе вылить изъ бронзы еще двѣнадцать такихъ моделей. Ихъ раскупили государи и богачи Европы.

Городъ Парижъ заказалъ Бозіо монументъ въ память Лудовика XVIII. Модель въ маломъ видѣ была уже готова; но июльская революція прекратила работу.

Знаменитый артистъ сначала досадовалъ на событіе, лишившее его 4000 франковъ пенсін и оскорбившее чувство признательности его къ Бурбонамъ. Послѣ революціи, онъ окончилъ прекрасную группу Лудовика XVI и Амела, указывающую на небо. Но артистъ не долго серчалъ на революцію: въ Луи-Филиппѣ онъ нашелъ новаго покровителя искусствъ, и миръ былъ скрѣпленъ бюстомъ королевы Амаліи.

Послѣ 1830 года, Бозіо слѣлалъ монументъ въ память Демидова, отосланный въ Россію на родину покойнаго и колоссальную бронзовую статую Наполеона, поставленную на булонской колоннѣ.

Послѣ статуи «Нимфы», Бозіо бросилъ рѣзецъ и приваялся за кисть. Онъ написалъ нѣсколько картинъ, въ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ ничего особенно-примѣчательнаго.

Въ 1840 году, онъ снова взялся за рѣзецъ и произвелъ *Римлянку* (*Citizane Romaine*). Многіе въ пухъ разбрали это произведеніе, но люди знающіе удивлялись ему.

Въ галереѣ Версальскаго - Музея стоитъ его памятникъ, составленный изъ пяти фигуръ: онъ изображаетъ Францію, Исторію, Живопись, Ваяніе и Архитектуру.

Бозіо заключилъ свое художниче-

ское поприще твореніемъ, дышащимъ юностью и свѣжестью. Его *Индіанка* доказываетъ, что и на склонѣ лѣтъ онъ не утратилъ огня молодости. 76-ти лѣтъ онъ былъ тѣмъ же великимъ артистомъ, котораго уважали Наполеонъ, Лудовикъ XVIII и Карлъ X.

★

**ВОЕННО-УЧЕБНЫЯ ЗАВѢДЕНІЯ,  
ПОДЪВОДСТВЕННЫЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ  
ВЫСОЧЕСТВУ ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ,  
ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ  
ЕКАТЕРИНЫ II-Й.**

Правила воспитанія суть верныя основанія, и рѣдуготованіи насъ быть гражданами.

*Наказъ Коммисіи о составленіи проекта  
Новаго Уложенія.*

Съ воцареніемъ Екатерины II-й, войска наши предводимы уже были офицерами, большая часть которыхъ воспитывалась или въ Сухопутномъ Корпусѣ, или въ одной изъ школъ, учрежденныхъ Петромъ-Великимъ въ 1712 году.

Маштейнъ, въ своемъ сочиненіи: «*Mémoires politiques et militaires sur la Russie*», говоритъ: «Знатокъ, видѣвшіе русское войско, признаются, что пѣхота его принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Европѣ. Россія имѣетъ столько хорошихъ военачальниковъ, что немногія европейскія державы могутъ похвалиться не только числомъ, но даже и нѣсколькими подобными.»

Такой отзывъ вполне могъ бы удовлетворить нашей народной гордости, еслибъ показанія иноземцевъ о Россіи заслуживали болѣе довѣрія. Къ-сожалѣнію, мы не всегда можемъ вѣрять на слово тому, что писали во время онъ и что пишутъ теперь о насъ въ

Европѣ. Одни черезъ-чуръ насъ превозносятъ, другіе на-позвалъ ругаютъ, и какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ — мало искренности. Повѣрнѣе же отзывъ Манштейна не трудно; надобно только ознакомиться съ устройствомъ тогдашнихъ военно-учебныхъ заведеній, изъ питомцевъ которыхъ образовались герои Кунерсдорфа, Кагула, Очакова, Рымнича и Измаила. Устройство это вполне сообразовалось и съ требованіями времени и съ степенью образованія войскъ. Во всякомъ случаѣ, съ достовѣрностью можно сказать, что просвѣщеніе стало проглядывать въ рядахъ нашей арміи только со времени Анны Иоанновны; въ вѣкъ же Екатерины, оно обратилось, для русскихъ офицеровъ, въ необходимую потребность.

Послѣ кончины Императора Петра III, за исключеніемъ Артиллерійской и Инженерной Школы, существовалъ всего одинъ кадетскій корпусъ, что теперь Первый-Кадетскій, подъ названіемъ *Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго*. Онъ основанъ въ самомъ началѣ царствованія Анны Иоанновны (1731 года) и помѣщался, какъ и теперь помѣщается, на Васильскомъ-Островѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ князю Меншикову, любимцу Петра-Великаго. Но одного корпуса быдо уже недостаточно для приготовленія въ русскую армію свѣдущихъ офицеровъ, а потому Императрица и не замедлила обратить вниманіе на проектъ, который былъ составленъ еще въ царствованіе Елизаветы Петровны бывшимъ тогда генерал-фельдцейхмейстеромъ, графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, — о переобразованіи Артиллерійской и Инженерной Школы въ Шляхетный Кадетскій Корпусъ. Проектъ этотъ, подписанный императрицею въ первый годъ ея царствованія генерал-фельдцейхмейстеромъ, Александромъ Никитичемъ Вильбоа, содержалъ въ себѣ уставъ, штатъ и табель, по которымъ на содержаніе новаго Кадетскаго Корпуса положено было 32,799 рублей. Въ эту

сумму включены были прежде-положенные на содержаніе Артиллерійской и Инженерной Школы, 10,971 рубль, а остальные 21,828 рублей генерал-фельдцейхмейстеръ нашелъ возможнымъ дополнять изъ артиллерійской экономической суммы.

Въ концѣ августа 1762 года, государыня отправилась со всѣмъ дворомъ въ Москву, гдѣ 22 сентября того же года совершенно былъ объявленъ коронаванію. Но среди великолѣпныхъ празднествъ и увеселеній, которыя послѣдовали за этимъ торжественнымъ днемъ, Императрица не забыла о поднесенномъ ей генерал-фельдцейхмейстеромъ проектѣ. 25 октября 1762 года, въ присутствіи своемъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, она высочайше утвердила этотъ проектъ, подписавъ на немъ собственноручно: *Быть по сему, и на первые два года помочи дватцати тысячъ на годъ* (\*).

Такимъ-образомъ, съ 1762 года, Артиллерійская и Инженерная Школа стала уже именоваться *Артиллерійскимъ и Инженернымъ Шляхетнымъ Кадетскимъ Корпусомъ*, что теперь Второй-Кадетскій. Въ немъ положено было содержать 146 кадетъ изъ дворянскихъ дѣтей: три части изъ природныхъ Русскихъ, а четвертая изъ Ляляндцевъ, Эстляндцевъ и иностранцевъ. Впрочемъ, иностранцы, до опредѣленія въ корпусъ, должны были обязаться на вѣчное Россіи подданство. Всѣ кадеты составляли одну роту, въ которой полагалось 40 бомбардировъ (они же назывались и гренадерами). Корпусъ оставался на Петербургской-Сторонѣ, въ прежнемъ деревянномъ строеніи Артиллерійской и Инженерной Школы.

Обучать кадетъ положено было: арифметикѣ, геометріи, алгебрѣ, механикѣ и гидравликѣ, артиллеріи и сейерверочному искусству, фортификаціи, гражданской архитектурѣ, физикѣ

(\*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XVI, № 11,696.



кѣ, химіи, исторіи, географіи, нѣмецкому и французскому языкамъ, рисованію, военной экзерциціи, фехтованію и танцованію. Преподаваніе гидравлики полагали особенно-нужнымъ для инженера, потому-что ему, какъ сказано въ проектѣ, часто случается дѣлать плотины, шлюзы и разныя машины для выливанія воды. Основательное знаніе гражданской архитектуры считалось также необходимою для инженеровъ на томъ основаніи, что имъ поручалось строеніе не только казенныхъ зданій въ крѣпостяхъ, но и частныхъ домовъ. Химія же преподавалась исключительно артиллеристамъ, ибо, сказано въ проектѣ, *вся артиллерія состоитъ изъ металла и дѣйствуетъ нѣкимъ химическимъ составомъ, который мы порохомъ называемъ; о семъ толкуетъ химія.*

Учителей повелѣвалось опредѣлять въ корпусъ только такихъ, которые могли представить о себѣ одобрительныя аттестаты. Въ противномъ случаѣ, они подвергались при корпусѣ особому испытанію (\*). Для преподаванія же артиллеріи и фортификаціи, желательно было выбрать изъ артиллеристовъ или инженеровъ двухъ свѣдущихъ капитановъ.

Любопытно взглянуть, въ какомъ видѣ и объемѣ преподавались послѣдніи двѣ науки въ этомъ вновь-преобразованномъ заведеніи, исключительно-предназначенномъ для приготовленія свѣдущихъ артиллеристовъ и инжене-

ровъ. Артиллерія, на-примѣръ, раздѣлялась на двѣ части: первая трактовала о томъ, какъ дѣлать машины, дѣйствующія огнемъ, и составъ, который огонь производитъ; вторая, какъ употреблять эти машины. Слѣдовательно, въ первую часть входило изученіе свойствъ металла, какія обстоятельства при растопленіи его бывають, и что, при дѣланіи печей, на то употребляемыхъ, примѣчать надлежитъ. Въ этой же части объяснялось дѣланіе пороха. изъ какихъ матерій онъ составляется, отъ-чего сила его прибавлена или уменьшена быть можетъ, и наконецъ. какое и при какихъ обстоятельствахъ онъ дѣйствіе имѣетъ. Во второй части объясняли употребленіе артиллерійскихъ орудій, на-примѣръ, какъ дѣйствовать пушкою и что при томъ наблюдать надлежитъ; потомъ изъясняли свойство кривой линіи, которую описываетъ бомба въ своемъ параболическомъ полетѣ; дѣйствіе сопротивленія воздуха на движущееся въ немъ твердое тѣло, а въ заключеніе всего этого, показывали *способы, какъ бомбу, на данное разстояніе, изъ мортиры бросать.* Вотъ все, что входило тогда въ преподаваніе артиллеріи. Фортификація же вообще раздѣлялась на три части: какъ крѣпости укрѣплять, какъ атаковать ихъ и какъ оборонять отъ непріятеля. На основаніи этого подраздѣленія, первая часть, заключавшая въ себѣ построеніе крѣпостей, объясняла, какъ разбивать крѣпости на поля, какъ укрѣплять фундаменты и вводить каменную стѣну, какъ закладывать *утверженія, сутерени,* и проч. Вторая объясняла правила, какъ мѣсто окружить, какъ расположить и укрѣпить лагери, открыть и вести траншею, идти сапою и спускаться въ ровъ. Наконецъ, послѣдняя часть фортификаціи трактовала о томъ, какія осторожности наблюдаются при оборонѣ крѣпости, какъ дѣлаются *фугасы, фуртели, контр-апроши и абшинты,* въ какомъ случаѣ употребляютъ *вылазки,* и какія берутся *мѣры* для открытія непріятельскихъ подкоповъ.

(\*) Въ вышеприведенныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи Высочайше-утвержденнаго въ 1836 году Положенія о службѣ до учебной части при военно-учебныхъ заведеніяхъ сухопутнаго вѣдомства, испытаніе преподавателямъ состоитъ въ конкурсѣ и представленіи сочиненія по предмету той науки, которую кандидатъ преподавать намѣренъ. Конкурсъ для преподавателей, желающихъ поступить въ Санкт-петербургскіе столычныя кадетскіе корпусы, назначается обыкновенно въ Штабѣ Его Императорскаго Высочества главнаго начальника, въ присутствіи инспекторовъ классовъ и старшихъ учителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное рас-  
предѣленіе преподаванія двухъ глав-  
ныхъ предметовъ въ заведеніи, кото-  
рое тогда, по всей справедливости,  
могло считаться *спеціальнымъ*, должно  
намъ казаться не совсѣмъ-удовлетвори-  
тельными; но въ то время оно вполне  
удовлетворяло требованіямъ обихъ  
наукъ, особливо артиллерійской, кото-  
рая такъ недавно еще, изъ разряда  
ремесла, перешла въ разрядъ пред-  
метовъ учебныхъ. Кто сколько-нибудь  
знакомъ съ учебниками, по которымъ  
преподавалась артиллерія семьдесятъ  
лѣтъ назадъ въ Россіи, тотъ лег-  
ко пойметъ, что въ половинѣ прошед-  
шаго вѣка трудно было составить про-  
грамму для преподаванія этой науки  
удовлетворительнѣе той, которую мы  
здѣсь представили. Михайло Дани-  
ловъ, на вопросъ объ основаніи артил-  
леріи, заданный ему его пріятелемъ,  
отвѣтилъ, въ 1762 году, цѣлою книгою,  
которую и напечаталъ при Импера-  
торскомъ Московскомъ Университетѣ (\*\*). Въ предисловіи, авторъ, между  
прочимъ, говоритъ: «Желателюму ар-  
тиллеристомъ быть, надлежитъ знать,  
« какъ сдѣлать орудіе, и употребить  
« оное съ пользою. А сіе знаніе и упот-  
« ребленіе съ пользою, раздѣляю я на  
« двое, то-есть, на теорію и практику  
« артиллерійскую; къ теоріи отношу я  
« ариметику, геометрію и механику;  
« а къ практикѣ военную лаборато-  
« рію. — Вотъ какъ рассуждалъ у насъ  
« объ артиллеріи въ шестидесятыхъ го-  
« дахъ минушаго вѣка — люди, славив-  
шіеся своею ученостію! Не имѣя рѣ-  
шительно никакого понятія объ уст-  
ройствѣ артиллеріи, какъ особаго рода  
войска, о соединеніи ея съ другими  
войсками и объ употребленіи ея про-  
тивъ непріятеля въ полѣ, — словомъ, о  
тактическомъ назначеніи артиллеріи,  
наши доморощенные пушкаріи, со вре-

менъ еще Петра-Великаго, составили  
между собою какую-то особую касту,  
твердо вѣруя въ предрасудки прежня-  
го времени и упорно противясь всяко-  
му новому изобрѣтенію, сколько бы  
оно полезно ни было. Между-тѣмъ,  
какъ въ Пруссіи, въ такъ-называемыхъ  
полковыхъ коллегіяхъ, существовав-  
шихъ еще прежде учрежденія въ Бер-  
линѣ, Бреславлѣ и Кёнигсбергѣ ар-  
тиллерійскихъ академій, начинали  
уже включать въ число предметовъ  
преподаванія ученіе объ употребленіи  
артиллеріи противъ непріятеля, наши  
воспитанники Артиллерійской Школы  
продолжали заниматься артиллерій-  
скими искусствами, какъ ремесломъ.

Экзаменъ въ наукахъ положено бы-  
ло производить ежегодно, въ прису-  
ствіи артиллерійскаго и инженернаго  
генералитета, тѣми штаб-офицерами,  
которыхъ назначить самъ генерал-  
фельдцейхмейстеръ. Воспитанники,  
удостоиваемые къ выпуску, имѣли  
право на производство изъ сержан-  
товъ и унтер-офицеровъ въ подпоруч-  
ички, а изъ капитановъ и надетъ — въ  
прапорщики или штык-юнкеры. Не-  
равныя же и слабыя понятіяи,  
*чтобы не издерживать на ихъ содержа-  
ніе напрасно кошта*, предположено бы-  
ло выпускать унтер-офицерами и да-  
же, по усмотрѣнію, рядовыми.

Изъ прежней Ариметической и  
другихъ наукъ Школы, которая еще  
въ 1733 году основана была при Ар-  
тиллерійской Школѣ, учредилась при  
корпусѣ Школа Художествъ. Въ ней  
повелѣно было содержать 150 дѣтей  
кавалеріи и другихъ артиллерій-  
скихъ и инженерныхъ служителей,  
изъ коихъ 100 должны были готовитъ-  
ся для замѣщенія унтер-офицерскихъ  
вакансій, а 50 въ мастеровые и худож-  
ники. Первыхъ положено было учить:  
арметику, геометрію, артиллерію,  
фортификацію, рисованію и военной  
экзерциціи, а послѣднихъ, сверхъ  
арметики и геометріи, мастерствамъ,  
къ которымъ они готовились: фейервероч-  
ному, пороховому, слѣсарному, чекан-  
ному и другимъ. Для поощренія же

(\*\*) Начальное знаніе теоріи и практики  
въ артиллеріи, съ приобщеніемъ гидроста-  
тическихъ правилъ съ задачами, собранное  
капитаномъ артиллеріи М. Даниловымъ,  
1762 года.

воспитанниковъ Школы Художествъ, дозволялось отличѣйшихъ изъ нихъ производить въ обер-офицеры, съ назначеніемъ ихъ въ артиллерійскій или инженерный гарнизоны, или въ такія мѣста, гдѣ служба сопряжена съ наукою.

Штаб-офицеры и обер-офицеры, какъ въ Кадетскій Корпусъ, такъ и въ Школу Художествъ, назначены были изъ артиллеріи и инженернаго вѣдомства, и болѣею частію такіе, которые не только нравственностью, но и познаниями своими могли служить образцами воспитанникамъ. Вообще же, по штату, въ корпусѣ положены были: 1 подполковникъ (\*), 1 майоръ, 1 капитанъ (\*\*), 2 поручика, 2 подпоручика, 2 штык-юнкера и 1 адъютантъ, а въ Школѣ Художествъ: 1 поручикъ и 1 штык-юнкеръ. Унтер-офицеры и капралы, сверхъ содержанія, получали и жалованье, отъ 18 до 20 рублей въ годъ.

Окончательное преобразование школы въ Кадетскій Корпусъ послѣдовало не ранѣе января 1763 года. Въ это время, въ оба заведенія опредѣлены были новые учителя; но приемъ воспитанниковъ, какъ въ Кадетскій Корпусъ, такъ и въ Школу Художествъ, на время прекратился. Кадеты же, поступившіе въ корпусъ прежде 1763 года, соединены были въ одну роту, въ которой состояло четыре сержанта, одинъ каптенармусъ, одинъ фурьеръ, восемь капраловъ, 26 бомбардировъ и 44 кадета. Общаго стола еще не было, но, вмѣсто прежняго жалованья (\*), выдавались столовые деньги: кадетамъ по девяти, а школьникамъ по три съ половиною копейки въ день, что

(\*) Командиръ корпуса.

(\*\*) Командиръ роты.

(\*) Ученики прежнихъ обѣихъ школъ, артиллерійской и инженерной, до соединенія ихъ въ одно заведеніе, получали жалованье: въ классѣ артиллеріи и фортификаціи по 36 руб. въ годъ, въ классѣ геометріи и тригонометріи по 24 руб., а въ классѣ ариѳметики по 18 рублей.

продолжалось до 1764 года. Наконецъ, и самую контору школы переименовали въ Канцелярію Артиллерійскаго и Инженернаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Въ ней, по-прежнему, присутствовали подполковникъ и майоръ; она завѣдывала всею хозяйственною частію корпуса, однако, мимо генерал-фельдцейхмейстера, не сносилась ни съ какими присутственными мѣстами и не заключала контрактовъ.

Въ 1765 году, по распоряженію генерал-фельдцейхмейстера Вильбоэ, корпусная типографія начала печатаніе книгъ; даны были также въ это время корпусу два трех-мѣсячныхъ единорога, чтобъ, въ свободное отъ классовъ время, обучать кадетъ стрѣльбѣ изъ орудій и артиллерійскимъ приемамъ.

Въ 1763 году, совсѣмъ не было выпуска изъ корпуса; въ слѣдующемъ же 1764, отправлено, по Высочайшему повелѣнію, двѣнадцать небогатыхъ кадетъ на перчинскіе серебряные заводы, для обученія ихъ горному и плавному мастерству. Но съ 1763 года, со времени вступленія въ должность генерал-фельдцейхмейстера, графа, въ послѣдствіи князя, Григорія Григорьевича Орлова, начались уже ежегодные выпуски въ офицеры: въ артиллерію и инженерный корпусъ юнкерами и прапорщиками, а въ армію подпоручиками. Притомъ, съ 1770 года, графу Орлову подавались отъ корпуса каждую треть списки о всѣхъ кадетахъ, съ означеніемъ лѣтъ ихъ, поведенія и успѣховъ въ наукахъ. Руководствуясь этими списками, графъ представлялъ кадетъ въ офицеры, по мѣрѣ поступавшихъ къ нему изъ арміи и другихъ мѣстъ требованій.

Пока школа переобразовывалась въ Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ, въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, что теперь Первый-Кадетскій, послѣдовали слѣдующія измѣненія. Въ 1763 году, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, получивъ увольненіе отъ занимаемой имъ должности главнаго директора, отправился за

границу; вместо его вступилъ генерал-майоръ (въ послѣдствіи, генерал-фельдмаршалъ) князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ, внукъ знаменитаго сподвижника Петра-Великаго и сынъ генерал-фельдцейхмейстера, князя Н. В. Рѣпина, который, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, главноначальствовалъ надъ всеми тогдашними сухопутными военно-учебными заведеніями. Но князь П. В. Рѣпинъ оставался только нѣсколько мѣсяцевъ главнымъ директоромъ: Императрица, осенью того же года, отправила его въ Варшаву, возложивъ на него весьма важную, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, порученіе—избраніе въ польскіе короли, послѣ смерти Августа III, интовскаго стольника, графа Станислава Понятовскаго. За отсутствіемъ князя, временное управленіе корпусомъ поручено было генерал-майору Филоффову.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, болѣе другихъ сановниковъ прославилъ себя на поприщѣ общенациональнаго воспитанія—Иванъ Ивановичъ Бецкій (\*). Это былъ вельможа

(\*) Дѣйствительный тайный совѣтникъ. Хотя показанія о мѣстѣ воспитанія его различны, однако есть основательныя причины думать, что онъ получалъ образованіе въ Копенгагенскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. По-крайней-мѣрѣ, въ одномъ изъ азбукарей своихъ о физическомъ воспитаніи, И. И. Бецкій часто вспоминаетъ о томъ, какъ онъ, будучи кадетомъ въ Копенгагенскомъ Корпусѣ, ходилъ въ казюль, стоялъ на часахъ въ несчастное время, и проч. Бецкій скончался въ Петербургѣ 31 августа 1795 года, въ званіи Дѣйствительнаго камергера, главнаго директора надъ строеніями императорскихъ омовъ и садовъ, президента Академіи удомствъ, главнаго попечителя Воспитательнаго Дома, попечителя Общества воспитанія Благородныхъ Дѣвицъ и члена Общества Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса. Въ 1772 году, съ дозволенія Императрицы, Правительствующій Сенатъ поднесъ ему золотую медаль, съ надписью: *за любовь къ отечеству*; поднесъ эту медаль, генерал-прокуроръ, князь Виземскій,

просвѣщенный и согрѣтый любовью къ государственной пользѣ. Имя его останется незабвеннымъ въ памяти всякаго благомыслящаго Русскаго.

Возвратясь въ послѣдніе годы царствованія императора Петра-Великаго изъ-за границы, гдѣ онъ получалъ блестящее образованіе, И. И. Бецкій, поступилъ на службу по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и около двадцати лѣтъ употребляемъ былъ курьеромъ къ разнымъ европейскимъ дворамъ. Но, по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, открылось болѣе обширное поприще для его дѣятельности, главнымъ предметомъ которой избралъ онъ заботы о преобразованіи и усовершенствованіи общенациональнаго воспитанія въ Россіи. Въ мартѣ 1765 года, исполняя волю государыни, Бецкій представилъ ей, въ видѣ доклада, главнѣйшія основанія о воспитаніи юношества обоаго пола. Въ послѣдствіи, основанія эти послужили Бецкому руководствомъ къ составленію уставовъ для всѣхъ вообще учебныхъ заведеній, тогда учреждавшихся, а между прочимъ и для Сухопутнаго Корпуса.

Въ 1765 году, императрица, именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 7-го марта (\*), приняла Сухопутный Корпусъ подъ непосредственное свое вѣдѣніе. Этимъ же указомъ повелѣла она управлять корпусомъ генерал-поручи-

между прочимъ, сказалъ: «Сенатъ, получивъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества позволеніе и изъявъ свою благодарность сею вручаемой вамъ медалью, означающею любовь вашу къ отечеству, надѣется побудить прочихъ согражданъ своихъ къ ревнованію объ общемъ благодѣиіи». Кромѣ плановъ и уставовъ почти для всѣхъ тогдашнихъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній въ Россіи, написанныхъ Бецкимъ, ему принадлежитъ также сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Полная Система Мужскаго и Женскаго Воспитанія обоаго пола и различныхъ сословій*, 1789—1791 г., въ тип. Шпора.

(\*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XVII, № 12349.

зу Бецкому, то-есть, принимать всѣ словесныя по управленію корпусомъ указы государыни и приводить ихъ въ исполненіе. Вскорѣ послѣ сего Бецкій, по Высочайшей волѣ, занялся составленіемъ новаго устава и штата для вѣрнѣшаго его ближайшему надзору введенія. Уставъ этотъ утвержденъ именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 11-го септября 1766 года. Особенно любопытно разсужденіе, послужившее руководствомъ къ составленію устава; оно напечатано цѣлкомъ въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи (\*). Волѣвъ за этимъ разсужденіемъ, И. И. Бецкій весьма подробно опредѣляетъ качества и обязанности воспитанниковъ, посвятившихъ себя воспитанію кадетъ. Такъ, на-примѣръ, разсуждая о генерал-директорѣ, онъ говоритъ, что въ эту должность надобно избирать заслуженнаго война, который отличался бы челоуколюбіемъ, протостью и обходительностью, но, гдѣ нужно, умѣлъ бы быть и строгимъ. Во всѣхъ дѣлахъ надлежитъ ему быть разсудительнымъ, въ мнѣніяхъ безпристрастнымъ, въ рѣшеніи не медлительнымъ, но прежде оная всякое дѣло разобрать и узнать, и какъ скоро дастъ посылкіе, должно исполнено быть въ точности. Въ такомъ же духѣ разсуждаетъ Бецкій и о корпусныхъ штаб-офицерахъ и обер-офицерахъ: всѣ они должны быть люди образованные, учтивы и ласковыя, а главное—ознакомившіеся съ военскими дѣломъ опытами нѣсколькихъ кампаній. Прямая обязанность этихъ офицеровъ, во-первыхъ, довести кадетъ до совершеннаго повидѣнія, почтенія и порядка, а во-вторыхъ, ласковыми убѣжденіемъ склонить воспитанниковъ къ тому, чтобы они сами избрали для себя полезныя занятія и чрезъ то отвращались бы отъ праздногн. Въ заключеніе, И. И. Бецкій представляетъ цѣлымъ трактатъ о значеніи, употребленіи и нравственномъ воспитаніи кадетъ, при которомъ приложены равныя наставленія и примѣ-

чанія, заимствованныя имъ болѣею частью у Венеція, Монтаня, Пуссендорфа, Локка, Сент-Эвремона, Монтескью, Савинеса и многихъ другихъ писателей.

По утвержденіи устава, корпусъ именованъ былъ *Императорскимъ Сухопутнымъ Шляхетнымъ Кадетскимъ*, и порученъ управленію особаго совѣта, котораго члены назывались самою императрицею. Во время собраній совѣта, которыя обыкновенно бывали въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, у дверей его залы становили на часы двухъ кадетъ.

По новому уставу, число кадетъ осталось то же самое, какое было и прежде, но, вмѣсто прежнихъ шести ротъ, учреждены пять возрастовъ: первый отъ пяти и шести до девяти лѣтъ, второй отъ девяти до двѣнадцати, третій отъ двѣнадцати до пятнадцати, четвертый отъ пятнадцати до восемнадцати, пятый отъ восемнадцати до двадцати-одного. Прежде принимались только люди въ корпусъ во всякое время, когда только были вакансіи; по новому же уставу положено было принимать въ кадеты не иначе, какъ чрезъ каждыя три года и не старѣе шести лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно, воспитанникъ, поступившій въ корпусъ шести лѣтъ, могъ выйти изъ него не прежде, какъ чрезъ пятнадцать лѣтъ, потому-что онъ долженъ былъ пробыть въ каждомъ возрастѣ по крайней-мѣрѣ три года. Въ слѣдствіе этому требовалось отъ родителей письменное объявленіе въ томъ, что они отдадутъ дѣтей своихъ въ корпусъ не меньше какъ на пятнадцать лѣтъ, и что, по истеченіи срока, они не будутъ требовать ихъ обратно. Кромѣ этого, каждый кандидатъ, при опредѣленіи въ корпусъ, долженъ былъ представить свидѣтельства о крещеніи и дворянскомъ происхожденіи. Кадеты перваго возраста были подчинены жескому надзору, который состоялъ изъ одной управительницы и десяти воспитательницъ. Онѣ обязаны были надзирать за порученными имъ дѣтьми и

(\*) Томъ XVII, № 12741.

не отлучаться отъ нихъ ни днемъ, ни ночью. Воспитанники же четырехъ остальныхъ возрастовъ состояли подъ надзоромъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Кадетъ, достигнувъ до четвертаго возраста, имѣлъ право избирать для себя гражданскую службу, но не иначе, какъ по уважительнымъ причинамъ, какъ-то: по склонности, состоянію здоровья, и т. п. Но, при переходѣ въ пятый возрастъ, кадеты этимъ правомъ уже не пользовались и должны были до самаго выпуска продолжать тотъ курсъ наукъ, который избирали они при переходѣ въ четвертый возрастъ. Воспитанникамъ двухъ старшихъ возрастовъ, кромѣ собраній, которыя давались въ самомъ корпусѣ и на которыя они всегда были приглашаемы, дозволялось, въ большіе праздники и *ремоніальные дни*, являться по вѣсколку человекъ ко двору, въ сопровожденіи директора корпуса, офицеровъ или профессоровъ. Вообще, сканно въ уставѣ, пятый возрастъ долженствуетъ быть жатвою побѣннаго въ предыдущіе четыре, а потому воспитанники этого возраста должны побольше просвѣщаться собственнымъ умомъ разсудкомъ и обдумывать зашше обязанности того назначенія, которое готовится имъ по выходѣ ихъ въ корпусъ. Но увольненіе кадетъ со двора было вовсе прекращено, на томъ пованіи, что *частое съ людьми безъ избору обхожденіе весьма вредительно, наипаче во время воспитанія такою пошества, которое долженствуетъ неостанно взирать на подаваемые ему цимьры и образцы добродетелей.* Для плавія же кадетъ съ самими ближними родственниками, назначены были, въ самомъ корпусѣ, особые часы, воскреснымъ днямъ, но не иначе, какъ въ присутствіи корпуснаго начальства.

Посвятивъ всю свою жизнь на улучшение общественнаго воспитанія, Бецкій не могъ не понимать, что пріобрѣніе сокровищъ знанія зависитъ бо-е всего отъ улучшения способствъ,

которыя они пріобрѣтаются, а потому онъ, въ своемъ уставѣ, обратилъ особое вниманіе на то, чтобы приспособить преподаваніе наукъ къ понятіямъ воспитанниковъ каждаго возраста. Такъ, на-примѣръ, въ *младшемъ* возрастѣ, кромѣ Закона Божія, не преподавалась ни одна наука. Дѣтей этого возраста учили только иностраннымъ языкамъ, рисованію, танцованію, а въ послѣднемъ годѣ—*писать цифири.*

Во *второмъ* возрастѣ начинали слегка знакомить воспитанниковъ съ первыми началами географіи, хронологіи, исторіи, ариметики, геометріи и славянскаго языка. Сверхъ-того, преподавали имъ *учтивство и долъ благопрістойности.*

Въ *третьемъ* возрастѣ, кромѣ помянутыхъ наукъ, преподававшихся уже въ большемъ объемѣ, прибавлены были еще слѣдующія: основаніе воинской и гражданской архитектуры и бухгалтерія.

Въ *четвертомъ* возрастѣ оканчивался курсъ всѣхъ наукъ, начатыхъ въ трехъ младшихъ возрастахъ; сверхъ-того, преподавались еще: 1) упражненіе истиннаго христіанства и честнаго человека; 2) права (естественное, народное и государственное); 3) политическая экономія; 4) физика; 5) астрономія; 6) географія вообще; 7) навигація или свѣдѣніе о морскомъ искусствѣ; 8) естественная исторія; 9) фортификація и артиллерія; 10) химія и 11) *красовѣчіе и философія.*

*Напоонецъ, въ пятмомъ* возрастѣ: 1) окончаніе наукъ четвертаго возраста; 2) Законъ Божій, яко *первое всему основаніе*, и 3) всѣ части воинскаго искусства, съ теоретическими и практическими доказательствами, посредствомъ примѣрныхъ *осады, обороны, сраженій и проч.*

Кадеты, окончившіе полный курсъ воспитанія въ корпусѣ, поступали на службу, смотря по ихъ поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, прапорщиками, подпоручиками и даже поручиками. Экзамены производились генерал-ди-

ректоромъ: *первому и второму* возвращать каждые четыре мѣсяца, а *третьему* два раза въ годъ. Въ старшихъ же возрастахъ производились экзамены одинъ разъ въ годъ, въ присутствіи генерал-директора и всѣхъ членовъ совѣта. Воспитанники, отличившіеся на экзаменѣ, получали медали: въ *пятномъ* возрастѣ золотыя, а въ *четвертомъ*—серебряныя. Удостоенные такой награды носили на кафтанахъ разной величины золотыя и серебряныя нашивки, состоявшія изъ лаврового вѣнка, съ корпуснымъ гербомъ внутри (\*). Раздача медалей производилась съ приличною важностію, въ присутствіи знатнѣйшихъ особъ обоего пола и при собраніи всѣхъ чиновниковъ и кадетъ корпуса. Раздавалъ медали старшій изъ членовъ совѣта отъ имени императрицы. Кромѣ этого лестнаго поощренія, молодые люди, выпущенные изъ корпуса и получившіе въ старшемъ возрастѣ золотую медаль, съ согласія ближайшихъ своихъ родственниковъ имѣли право путешествовать три года въ чужихъ краяхъ, на счетъ казны корпуса. Совѣтъ обязанъ былъ опредѣлять для сего предмета особую сумму.

Въ 1767 году, января 20, послѣдовалъ и штатъ корпуса, увеличившій сумму на годовое его содержаніе до 165,000 рублей.

(\*) Императрица Анна Ивановна, основательница Кадетской Академіи для Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, пожаловала ему и гербъ, на коемъ изображены: *кѣнокъ* лѣвъ лабра и пальмы, а внутри его *меркуриевъ* жезлъ и рыцарскій мечъ, положенные одинъ на другой крестообразно. Меркуриевъ жезлъ—символъ просвѣщенія; лавръ—эмблема торжества, славы; пальма—побѣды и одоленія. Два меча, сложенные крестообразно, составляли нѣкогда гербъ ордена ливонскихъ рыцарей; такой же крестъ составляетъ и гербъ корпуса: изъ меча, поднятаго остриемъ вверхъ и жезла; что все вѣдѣтъ знаменуетъ войну и просвѣщеніе. Замѣтимъ еще, что въ царствованіе Анны Ивановны кадетскіе классы назывались *Рыцарскою Академію*.

Представивъ отчетъ о двухъ уставахъ, написанныхъ для существовавшихъ въ шестидесятыхъ годахъ *инициатора* вѣка кадетскихъ сухопутныхъ корпусовъ, приступимъ къ краткому обзору тѣхъ извѣннѣй, болѣе или менѣе примѣчательныхъ, которые послѣдовали въ обоихъ корпусахъ: въ Шляхетномъ Сухопутномъ—со дня утвержденія устава, составленнаго Бецкимъ, а въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ, со времени окончательнаго его преобразованія по проекту Шувалова.

Въ 1771 году, по высочайшему повелѣнію, графъ Орловъ предписалъ Мордвинову, прозведенному въ это время въ генерал-майоры, принять Артиллерійскій и Инженерный Шляхетный Корпусъ въ свое командованіе. Изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Второго Кадетскаго Корпуса, видно, что самъ Мордвиновъ получилъ образованіе въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ и, почти съ первыхъ лѣтъ своей службы, употребляемъ былъ при воспитаніи юношества. Еще въ 1749 году, въ чинѣ инженер-поручика, онъ былъ опредѣленъ въ Инженерную Школу въ помощь командиру; потомъ, въ 1757, самъ былъ командиромъ Инженерной, а наконецъ Артиллерійской и Инженерной Школы. По волѣ императрицы, съ производствомъ въ генерал-майоры, онъ принялъ и Кадетскій Корпусъ въ свое командованіе.

Время управленія Мордвинова корпусомъ богато многими полезными улучшеніями. Въ 1771 году, по его представленію, графъ Орловъ разрѣшилъ опредѣлять въ корпусъ до сорока сверх-комплектныхъ кадетъ, преимущественно дѣтей небогатыхъ родителей; дѣти эти, до поступленія въ компанскъ, должны были платитъ только за пищу и одежду. Корпусная типографія, бывшая съ нѣкотораго времени въ бездѣйствіи, снова привезена въ надлежащее устройство и съ 1773 года отдава на откупъ, на выгол-

вѣтъ для корпуса условіяхъ (\*). Надзоръ за преподаваніемъ въ классахъ, Горвиновъ поручилъ корпусному одполковнику и учителю артиллерій, Бельяшеву - Волынцеву, который съ ого времени назывался *директоромъ надъ классами*. Наконецъ, для руководства какъ директору надъ классами, такъ и другимъ чинамъ корпуса, Морвиновъ составилъ подробную инструкцію, которая оставалась неизменною во все время его управленія зведеніемъ, что продолжалось до 1782 года.

Въ октябрѣ 1772 года (\*\*), дозволено Ейшительному тайному совѣтнику епкому содержать на собственномъ своемъ иждивеніи при Сухопутномъ Корпусѣ четырехъ воспитанниковъ (\*\*\*) . Въ этомъ же году, по докладу Бецкаго (\*\*\*\*), высочайше повелѣно принимать въ Сухопутный Корпусъ, чрезъ каждые три года, вмѣстѣ съ кадетами, отъ четырнадцати до шестнадцати иѣщанскихъ дѣтей, чтобъ образоватъ изъ нихъ для корпуса воспитателей и учителей. Докладъ этотъ, какъ и всѣ другіе доклады Бецкаго, писанъ умно и дѣльно. Представляя,

(\*) Типографщикъ Клеенъ, взявшій типографію на откупъ, обязался печатать въ нужныхъ для корпуса книгахъ, съ уступкою 30 процентовъ противъ цѣны въ типографіи Академіи Наукъ; сверхъ того, платилъ Корпусу сначала 150, потомъ 200, наконецъ 250 рублей въ годъ. Въ 1784 году, корпусная типографія, по ветхости станковъ и литеръ, была совсѣмъ уничтожена.

(\*\*) «*Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*», томъ XIX, № 13867.

(\*\*\*) Кромѣ этихъ воспитанниковъ, Иванъ вановичъ содержалъ, на собственномъ своемъ иждивеніи, при Свѣльскомъ-Монастырѣ и при Академіи Художествъ иѣскольکو воспитанниковъ и воспитанницъ, прочая продолженіе этого содержанія и будущее время вносимъ значительныхъ суммъ въ Ломбарды! (*Исторія царствованія Государыни Императрицы Екатерины I*, соч. Лаврента, часть II.)

(\*\*\*\*) «*Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*», томъ XIX, № 13898.

съ какимиъ трудомъ заведенія приобретаютъ себя достойныхъ воспитателей, Иванъ Ивановичъ говоритъ, что болѣею частью принимаютъ такихъ, которыхъ вовсе не знаютъ, а потому часто принуждены бываютъ перемѣнять ихъ, что для воспитанія бесполезно, для начальниковъ прискорбно, а для самихъ воспитанниковъ крайне-вредно. Иѣщанскія же дѣти, которыя окончатъ курсъ наукъ въ корпусѣ, обязаны будутъ этому заведенію всѣмъ своимъ благополучіемъ, а слѣдовательно необходимо возмимъютъ къ нему и привязанность: Отъ совѣта и генерал-директора зависѣть будетъ только доставить этимъ дѣтямъ тѣ необходимыя званія, которыя потребны для преподавателя, ибо, сказано въ докладѣ, *если желать, чтобъ кадеты знали много, то надлежитъ неусыпно стараться о знаніи ихъ, кои они обучать должны*. Императрица, утвердивъ докладъ, повелѣла на содержаніе иѣщанскихъ дѣтей при Сухопутномъ-Корпусѣ отпустить единовременно сто тысячъ рублей.

Въ февралѣ 1773 года, вмѣсто дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бецкаго, генерал-директоромъ Сухопутнаго Корпуса назначенъ былъ генерал-поручикъ Пурпуръ. Въ одиннадцатилѣтнее управленіе его корпусомъ, не послѣдовало, какъ намъ извѣстно, ни одного новаго распоряженія, не только по части учебной, но даже и хозяйственной. Можно сказать, что Бецкій положилъ этому заведенію столь-прочное основаніе, что оно долгое время могло существовать безъ всякихъ измѣненій. Преемникамъ Ивана Ивановича оставалось только продолжать начатое имъ твореніе. Но зато Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, нуждался еще во многихъ улучшеніяхъ, а потому и подвергался, во все время царствованія Екатерины, разнымъ преобразованіямъ.

Въ 1775 году, императрица повелѣла основатъ при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусѣ *Греческую Гимн*



назію, которая, въ послѣдствіи, извѣстна была подъ названіемъ *Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ*. На поступленіе въ это заведеніе шли право только тѣ малолѣтныя Греки, отъ двѣнадцати до шестнадцати-лѣтняго возраста, которые родились и въ границѣ имперіи. Родители, для отправленія дѣтей своихъ, на-счетъ казны, въ Петербургъ, должны были относиться къ русскимъ консуламъ, имѣвшимъ пребываніе въ ближайшемъ отъ нихъ разстояніи. Молодые Албанцы и другіе Греки, воспитывавшіеся въ Греческой-Гимназіи, получали образованіе на-равнѣ съ русскимъ дворянствомъ, которое готовило себя для государственной службы въ корпусѣхъ кадетскихъ, но преимущественно были обучаемы языкамъ: русскому, итальянскому и другимъ. Воспитанники, окончившіе полный курсъ наукъ въ Гимназіи, могли поступать, по собственному ихъ произволу, или офицерами въ армейскіе полки, или переводчиками въ коллегіи, или даже возвращаться въ свое отечество, безъ всякаго возмездія за дарованное имъ воспитаніе. Издержки на содержаніе Гимназіи простирались ежегодно до 41, 613 рублей.

По смерти Мордвинова, Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ поступилъ подъ начальство, съ 22-го февраля 1783 года, артиллеріи генерал-майора Петра Ивановича Меллисино. Назначеніе это было истиннымъ благодѣяніемъ для корпуса, который, по недавнему своему преобразованію, нуждался еще, какъ мы уже замѣтили, во многихъ улучшеніяхъ. Петръ Ивановичъ сдѣлалъ для него все, что могъ: въ короткое время, по всѣмъ частямъ управленія, онъ успѣлъ сравнять его съ Императорскимъ Шляхетнымъ Кадетскимъ Корпусомъ, что, по всей справедливости, должно считать заслугою немаловажною, потому что Сухопутный Корпусъ, въ то время, едва ли не былъ лучшимъ военно-учебнымъ заведеніемъ въ цѣлой Европѣ. Вместе съ Кадетскимъ Корпусомъ, генералъ Мел-

лисино принялъ въ свое вѣдѣніе и Греческую Гимназію.

Послѣ смерти князя (\*) Орлова, послѣдовавшей въ апрѣлѣ 1783, должность генерал-фельдцейхмейстера занялъ генерал-аншевъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, почему и Артиллерійскій и Инженерный Кадетскій Корпусъ поступилъ подъ главное его начальство. Но Меллисино входилъ съ представленіемъ къ новому генерал-фельдцейхмейстеру только о производствѣ или переводѣ корпусныхъ офицеровъ и о выпускѣ изъ кадетъ въ артиллерію и инженерный корпусъ: во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, онъ свѣдѣлся мимо его съ Военною Коллегіею и другими мѣстами, и даже прямо подавалъ отъ себя доклады императрицѣ и получалъ на свое имя высочайшіе указы. Такъ, на-примѣръ, составивъ планъ о новомъ преобразованіи ввѣреннаго ему заведенія, Меллисино препроводилъ этотъ планъ, по повелѣнію императрицы, прямо отъ себя на разсмотрѣніе Коммисіи объ устройствѣ народныхъ училищъ. Получивъ мнѣніе этой Коммисіи, императрица, указомъ отъ 21-го февраля 1784 года (\*\*), повелѣла генералу же Меллисино составить и новый штатъ для Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса.

По этому новому штату, высочайше-утвержденному 22-го мая 1784 года, (\*\*\*) на годовое содержаніе корпуса назначено было 104, 566 руб. 62½ коп. Кромѣ того, на построеніе манежа, на покупку верховыхъ лошадей, мастерскихъ инструментовъ и проч. императрица пожаловала Корпусу единовременно 11, 600 рублей.—Число воспитанниковъ увеличилось до 393. Къ предметамъ преподаванія, опредѣси-

(\*) Григорій Григорьевичъ Орловъ возведенъ былъ въ княжеское достоинство Римской-Имперіи въ 1773 году.

(\*\*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XXII, № 15934.

(\*\*\*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XXII, № 15998.

ыми по штату 1762 года, были при-  
авлены: тактика и естественная ис-  
торія, а изъ гмудастическихъ упраж-  
неній — верховая ѣзда. Нѣкоторыя  
науки положено было преподавать,  
верхъ русскаго языка, и на иностран-  
ныхъ: тактику на нѣмецкомъ и фран-  
цузскомъ, артиллерію и фортификацію  
на нѣмецкомъ, естественную исторію  
на французскомъ. Вообще же, въ обра-  
зоу преподаванія, повелѣно было слѣдо-  
вать порядку, высочайше-утвержден-  
ному для народныхъ училищъ (\*).  
То же касается до общаго плана  
спитанія, составленнаго самимъ Мел-  
сивою, то хотя этотъ планъ и не былъ  
исочайше-утвержденъ, однако пове-  
но было временимъ привести его въ  
полное, чтобъ на самомъ оныѣ  
основѣ риться въ его пользу.

По этому плану, между прочимъ,  
редѣлено было принимать въ кор-  
пусъ двѣ трети родовыхъ дворянъ и  
одну треть штаб-офицерскихъ и обер-  
офицерскихъ дѣтей. Сверхъ кадетъ до-  
лялось посѣщать классы, по усмо-  
бнью директора, и другимъ благо-  
душнымъ дѣтямъ, которыхъ, по окон-  
ченіи курса ученія и выдержаніи эк-  
мена, дозволялось равнымъ съ ка-  
нами правами.

Корпусъ раздѣлился на три возра-  
да. Въ первыхъ двухъ преподавались  
предметы, установленные для нор-  
альныхъ училищъ. Воспитанники  
третьаго возраста должны были  
выдѣлять себя преимущественно на  
ученіе артиллеріи, фортификаціи и  
ематики. При настоящихъ званахъ  
присутствовали директоръ и кор-  
ные штаб-офицеры, а при пуб-  
ныхъ — члены Военной Коллегіи,  
артиллерійские и инженерные генера-  
и полковники, и члены Комиссіи  
одныхъ Училищъ. Выпускать по-

ложено было достойныхъ офицеровъ  
въ артиллерію и въ инженерныя; дру-  
гихъ же въ армію подпоручиками и  
прапорщиками. Въ самомъ корпусѣ  
директоръ могъ награждать кадетъ  
производствомъ въ чины отъ капитана  
до сержанта. Въ память манарскихъ  
милостей, дарованныхъ корпусу по-  
вымъ штатомъ, день его утвержденія  
(22 мая) праздновался ежегодно благо-  
дарственными молебствіемъ.

Въ 1785 году, предъ выстуленіемъ  
кадетъ въ лагерь (23 июня), были освя-  
щены три пожалованныя Артиллерій-  
скому и Инженерному Корпусу знамена  
— одно бѣлое и два голубыя, обшитыя  
съ трехъ сторонъ золотомъ бахрамомъ, а  
вдоль ардака золотомъ тесьмою. Въ это  
же время рождены были въ первый  
разъ медали, положенныя по уставу  
отличнѣйшимъ кадетамъ. Медали эти  
были серебряныя, вызолоченныя; на  
лицевой сторонѣ находилась генералъ-  
императрицы, а на оборотѣ надпись:  
«за прилежность и благопріятіе»; ихъ  
носили въ петлицѣ на серебряной вы-  
золоченной цѣпочкѣ. Воспитанники,  
награждаемые этими медалями, поль-  
зовались въ корпусѣ разными привиле-  
гійствами: они отпускали въ празд-  
ничные дни со двора, не нѣтъ, подоб-  
но другимъ кадетамъ, надобности въ  
особенныхъ свидѣтельствъ о поведеніи  
и прилежаніи; имъ позволялось въ сво-  
бодное время быть безъ приглашенія  
въ собранія у директора и штаб-  
офицеровъ корпуса; другіе кадеты  
должны были, при встрѣчѣ съ ни-  
ми, отдавать имъ честь и снимать  
шляпы; они обѣдали за особенныхъ  
столомъ, и проч. Наконецъ, при вы-  
пускѣ изъ корпуса, награжденіе ме-  
далью вносилось въ формулярный сви-  
сокъ. Въ послѣдствіи, въ 1789 году,  
уставъ этой медали былъ напечатанъ  
особою книжкою, подъ заглавіемъ:  
*О преимуществѣхъ въ полученіи медали за  
прилежаніе и доброе поведеніе.* Въ би-  
бліотекѣ Втораго Кадетскаго Корпуса  
хранятся нѣсколько экземпляровъ этой  
книжки и при нихъ одна медаль.

Съ особеннымъ торжествомъ произе-

Порядокъ этотъ изложенъ довольно по-  
дробно въ «Руководствѣ Учителямъ 1-го  
класса Народныхъ Училищъ»; о  
же упоминается во многихъ мѣстахъ  
«Устава Учебныхъ Заведеній», вы-  
омъ 4-го января 1804 года.

ходила раздача медалей въ 1787 году. Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ, при этомъ случаѣ, удостоился поощренія Августѣйшихъ възковъ Монархини, юныхъ Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича. Вотъ описаніе этого торжества, помѣщенное тогда въ Санктпетербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ: «Саго августа 19 числа, въ четыре часа по-полудни, Ихъ Императорскія Высочества, Государи Великіе Князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, благоволили удостоить Всемилостивѣйшимъ своимъ поощреніемъ лагерь Артиллерійскаго и Инженернаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, въ которомъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, данъ былъ послѣдній смотръ и опера производилась разныя военныя эволюціи, а потомъ, въ построенномъ каррѣ, отличившимся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, сержанту Петру Ставицкому и направиу Петру Стахиву, во исполненіе Высочайшаго Монаршаго учрежденія, въ награжденіе даны медали, которыя, по прошенію директора, Сами Ихъ Императорскія Высочества вручить имъ удостоили, при производствѣ пушечной пальбы, играми на трубахъ и лютняхъ, и тѣмъ изъявивъ милостивое корпусу вниманіе, въ шестомъ часу отбыть повелѣли.»

Около этого же времени, по распоряженію генерала Меллисино, въ корпусѣ стали принимать, сверхъ положеннаго по штату числа кадетъ, еще свѣскоштныхъ, которые платили въ годъ по 200 рублей. Число ихъ иногда простиралось до ста и болѣе. За нѣкоторыхъ платила сама императрица изъ Кабинета.

По смерти генерал-фельдцейхмейстера барона Меллера-Закомельскаго, послѣдовавшей въ концѣ 1790 года, Артиллерійскій и Инженерный Кадетскій Корпусъ поступилъ подъ главное начальство генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, какъ президента Государственной Военной

Коллегіи. Лѣтомъ 1791 года, перемѣлою выступленіемъ кадетъ изъ лагеря, великолѣпный князь Тавриды дѣлалъ имъ смотръ, который кончился чудеснымъ праздникомъ. Старики разсказываютъ, что тогдашніе воспитанники корпуса долго вспоминали съ восхищеніемъ объ этомъ праздникѣ.

Возвышеніе цѣны на жизненные и другія потребности и ветхость болѣе части корпуснаго строенія заставили генерала Меллисино просить у императрицы новыхъ милостей. Въ докладѣ, поданномъ 14 августа 1791 года, чрезъ князя Безбородко, оныя изложилъ потребности корпуса и просилъ объ ассигнованіи суммы на постройку новаго каменнаго зданія и объ уравненіи Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса содержаніемъ съ Сухопутнымъ, который въ это время получалъ уже по 200,000 рублей въ годъ. Въ слѣдствіе этого доклада, императрица повелѣла составить, соображаясь съ надобностями корпуса, новое для него положеніе, не вводя однако никакихъ измѣнностей, которыя болѣе вредны, нежели полезны для юности, приотвѣсая и образуемаго для военнаго ремесла. По этому новому положенію, высочайше-утвержденному 12 іюня 1792 года, число офицеровъ и воспитанниковъ, а также раздѣленіе корпуса на роты и предметы преподаванія, остались противъ прежнихъ штатовъ неизмѣненными. Но суммы на жалованье учителямъ, на обмундированіе и столовое содержаніе кадетъ — значительно увеличались.

Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ, какъ мы уже замѣтили, провъ своего директора, генерала Меллисино, не имѣлъ съ 1783 года другаго начальства, которое входило бы въ какія-либо по корпусу распоряженія. Но въ 1793 году, когда въ должность генерал-фельдцейхмейстера назначенъ былъ графъ (въ-послѣдствіи князь) Платовъ Александровичъ Зубовъ, корпусъ, на основаніи устава 1761 года, поступилъ снова въ непосредственное вѣдѣніе генерал-фельдцейхмейстера

ему подавались каждую третью формулярные списки о кадетях, съ означеніемъ ихъ усѣиховъ въ наукахъ, каковъ мѣсяцъ вѣдомости о числѣ людей о денежныхъ суммахъ; онъ самъ назначалъ время экзамена, выступленія кадетъ въ лагерь, и проч. Мимо его директоръ не дѣлалъ уже ни куа-представленій, не опредѣлялъ самъ адеть въ морскую и даже не произволялъ ихъ въ унтер-офицеры.

Особенное вниманіе обратилъ графъ Рубовъ на жалкое состояніе корпуснаго строенія, большая часть котораго, бывъ перестроена почти за двадцать лѣтъ въ старомъ лѣсѣ, пострадала притокомъ весьма-много отъ двухъ недавнихъ наводненій. Особенно же ветхи были кадетскіе классы: подпертые со всѣхъ сторонъ столбами, они угрожали совершеннымъ разрушеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ предположеній о переводѣ корпуса на Васильевскій-Островъ, а Выборгскую-Сторону, или въ конюгардейскія казармы, наконецъ пошло высочайшее повелѣніе о постройкѣ новаго зданія на прежнемъ мѣстѣ корпуса. 22-го мая 1795 года, аложили классный фасъ. Въ этомъ же году, Корпусъ-Чужестранныхъ-Иноподданій перевели въ домъ Морскаго-Кадетскаго-Корпуса. Въ 1796 году, новыя классы были уже готовы. Въ началѣ октября открыто въ нихъ преподаваніе. Мелленино приготовилъ по этому случаю новыя распоряженія по части учебной, какъ вдругъ не стало Императрицы, основательницы и благотворительницы Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса. Она скончалась 6-го ноября 1796 года, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ открытія классовъ въ новомъ зданіи.

Изъ представленнаго нами краткаго озора послѣдовательнаго преобразованія Артиллерійской и Инженерной-Школы въ Кадетскій Корпусъ видно, что благоволеніе Императрицы къ этому заведенію не прекращалось до самой ея кончины; но и въ исторіи Сухопутнаго Корпуса послѣдніе годы

царствованія Екатерины замѣчательны по многимъ отношеніямъ.

Въ іюні 1784 года, вмѣсто генерал-поручика Пурпура, генерал-директоромъ Императорскаго Сухопутнаго Корпуса назначенъ былъ генерал-поручикъ Де-Бальменъ, оставшійся въ этой должности весьма-недолго. Его вмѣсто, въ ноябрѣ 1787 года, занялъ генерал-поручикъ и генерал-адъютантъ императрицы, графъ Фридрихъ (Friedrich) Еустафьевичъ Ангальтъ, сынъ Вильгельма-Густава, послѣдняго принца Ангальт-Дессаускаго и внукъ знаменитаго полководца князя Леопольда. Назначеніе это вполне соответствовало душевнымъ склонностямъ графа Ангальта. Чуждый всякаго честолюбія, которое стремится единственно къ почестямъ и власти, графъ посвятилъ большую часть пребыванія своего въ Россіи на скромное служеніе корпусу. Отдаленный отъ отечества, онъ сроднился, такъ-сказать, съ юными питомцами, внутренними его надзору, какъ съ самыми близкими родными, и особенно заботился объ усовершенствованіи ихъ нравственности. Въ библиотекѣ Перваго Кадетскаго Корпуса и теперь еще хранится небольшая книжка, напечатанная въ 1790 году, которая лучше всего можетъ свидѣтельствовать о вѣжной попечительности графа Ангальта къ молодымъ людямъ, воспитывавшимся тогда въ Сухопутномъ Корпусѣ. Въ предисловіи, написанномъ на французскомъ языкѣ самимъ графомъ, между-прочимъ сказано, что книжка эта посвящается кадетамъ, *моимъ добрымъ дѣтямъ* (à mes bons enfans); но прежде, нежели мы познакоимся съ ея содержаніемъ, скажемъ, что послужило къ ея изданію. Графъ Ангальтъ, желая какъ-можно-болѣе дѣйствовать на развитіе нравственной стороны кадетъ, не только доставлялъ имъ случай читать разныя полезныя книги, но и приказалъ написать поучительнѣйшими наръченіями большую стѣну, которая окружаетъ корпусный садъ. Наръченія эти, какъ на рускомъ, такъ и на иностран-

ныхъ языкахъ, промѣ краткой хронологіи, важнѣйшихъ открытій и происшествій историческихъ, заключали въ себѣ большую часть послоницы и неучительныя наставленія для молодыхъ людей, готовившихся вступать на военную еще для нихъ поприще жизни, — въ родѣ слѣдующихъ, помѣщаемыхъ нами, для примѣра, на выдержку:

«Кто говоритъ чтò хочетъ, тотъ услышитъ чего не хочетъ.»

«Слово не стрѣла, а пуше убиваетъ.»

«Мало говоря, больше услышишь.»

«Красивая рѣчь похвальна, а хорошая мысль еще лучше, но не худое чувствованіе превосходитъ и то и другое.»

«S'occuper, c'est savoir jouir.»

«Si la colère vous prend, la raison vous quitte.»

«Partagez les fatigues, partagez les dangers avec vos soldats, et faites les (leur?) apercevoir à chaque instant, que vous pensez à leur bien-être et que vous les aimez bien sincèrement.»

«Ce n'est pas obéir que d'obéir lentement.»

«Seyd fröhlich in Hoffnung, geduldig in Trübsal.»

«Schliesse nicht, was mir hell ist, ist auch andern hell; schliesse nicht, was mir dunkel ist, ist auch andern dunkel.»

«Die Erziehung macht den Menschen.»

Въ 1790 году, всѣ эти изрѣченія, по приказанію графа Ангальта, были собраны и напечатаны особою книжкою, подъ заглавіемъ: «La Muraille Parlante ou tableau de ce qu'on a écrit et dessiné sur la muraille du jardin du Corps Impérial des cadets gentilshommes. St-Pétersbourg, 1790.»

Въ предисловіи, написанномъ, какъ мы уже сказали, самимъ графомъ, между прочимъ, сказано, что, по выкодѣ изъ корпуса, каждый воспитанникъ получилъ эту книгу, для того, чтобъ она напомнила ему о его дѣтствѣ, проведенномъ въ корпусѣ, и о томъ, какия средства употребляло начальство корпусное, чтобъ забавлять и просвѣщать своихъ питомцевъ. Въ концѣ предисловія разсказана на французскомъ же языкѣ небольшая поучи-

тельная сказка «fable orientale» подъ заглавіемъ «Сонъ». Вообще, эта книга не столько замѣчательна своимъ содержаниемъ, сколько тѣмъ, что на каждой ея страницѣ призывается къ высшей почежительности графа Ангальта изъ наставлѣній, которые образовывались подъ его надзоромъ. Но и въ признательности воспитанниковъ Сухопутнаго Корпуса къ графу Ангальту мы не можемъ сомнѣваться; краснорѣчивое свидѣтельство этой признательности сохранилось въ дѣтонисяхъ нашей литературы. Озеровъ, получивъ воспитаніе въ Сухопутномъ Корпусѣ, нѣкоторое время служилъ адъютантомъ при графѣ Ангальтѣ. Въ маѣ 1794 года, когда графъ умеръ, Озеровъ написалъ на французскомъ языкѣ стихи (\*), замѣчательные въ литературномъ отношеніи, какъ одно изъ первыхъ произведеній извѣстнаго у насъ поэта, а въ исторіи корпуса, какъ выраженіе любви и признательности кадетъ къ одному изъ лучшихъ своихъ начальниковъ, имя котораго и въ наше время воспитанники Перваго Кадетскаго Корпуса произносятъ съ особеннымъ уваженіемъ. Стихотвореніе Озерова, съ подстрочнымъ переводомъ, было напечатано въ одной изъ книжекъ журнала, который, по Высочайшему соизволенію, издается нынѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Вотъ какъ въ этомъ стихотвореніи выразилъ поэтъ горестъ кадета по случаю кончины графа Ангальта:

Il s'écrie, en pleurant: pourquoi destin  
 M'enlevez vous, hélas! un aussi tendre  
 La bienfaisance était la vertu de son  
 Et dans notre bien-être il mettait son  
 Quoil sa vie, aux bienfaits constamment  
 Dut-elle pour la mort ne pas être re-  
 crée?...

(\*) «Vers sur la mort du comte Anhalt, dédiés à MM. les cadets.»

Cesse, dit nœ voix, d'accuser les destins;  
 Tu ne peux pénétrer dans les décrets  
 divins;  
 Adore tous ces coups qui te semblent  
 sinistres,  
 La nature et la mort de Dieu sont les  
 ministres;  
 Ne n'agissent jamais que par sa volonté,  
 Et le Dieu qui régit est le Dieu de bonté.  
 Anhalt de ses vertus et de sa bienfai-  
 sance,  
 Goûte enfin pour toujours la juste ré-  
 compense.  
 N'offense plus le ciel par tes cris, par  
 tes pleurs;  
 Sois soumis au destin et calme tes dou-  
 leurs —  
 Vous, qu' Anhalt adopta, chérissez sa  
 mémoire,  
 Et qu'en vos actions on lise encore sa  
 gloire!

Послѣ смерти графа Ангальта, гене-  
 ал-директоромъ Сухопутнаго Корпуса  
 назначенъ былъ генерал-поручикъ,  
 въ послѣдствіи генерал-фельдмаршалъ  
 князь смоленскій, Михаилъ Илларио-  
 вичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Но кон-  
 чина государыни, послѣдовавшая вско-  
 рѣ послѣ назначенія Михаила Илла-  
 рионовича директоромъ корпуса, не  
 дозволила ему, въ царствованіе импе-  
 ратрицы Екатерины II-й, привести въ  
 исполненіе тѣхъ предначертаній, ко-  
 рые составилъ онъ для улучшенія  
 вѣрннпаго ему заведенія

Обозрѣвъ въ этой небольшой статьѣ  
 учрежденіе Артиллерійскаго и Инже-  
 нернаго Кадетскаго Корпуса, что нынѣ  
 въ Второй Кадетскій, и преобразова-  
 ніе по новому уставу Императорскаго  
 Пехотнаго Кадетскаго Корпуса, что  
 нынѣ Первый Кадетскій, мы сдѣлаемъ  
 слѣдующій изъ повѣствованія нашего  
 выводъ, въ справедливости котораго  
 вѣрны какъ-вѣлья-болѣе.

Въ прежнихъ военно-учебныхъ за-  
 веденіяхъ, существовавшихъ при Им-  
 ператрицахъ Аннѣ Ивановнѣ и Ели-  
 зветѣ Петровнѣ, на нравственное об-  
 разованіе кадетъ вочти не было обра-  
 таемо никакого вниманія. Тогда ду-  
 мали единственно о томъ, чтобъ изъ  
 цѣля образованія сдѣлать оцѣ-

ра, а потому можно сказать, что тог-  
 дашніе кадеты не воспитывались, а  
 только учились въ военно-учебныхъ за-  
 веденіяхъ. Со вступленіемъ же на пре-  
 столъ Императрицы Екатерины II-й,  
 явился М. И. Бецкій, замѣчательный  
 дѣятель на поприщѣ общественнаго  
 образованія уже тѣмъ, что онъ первый  
 въ Россіи обратилъ вниманіе на разви-  
 тіе не только воспитанія нравственна-  
 го, но даже и физическаго, во всѣхъ  
 учебныхъ заведеніяхъ, тогда суще-  
 ствовавшихъ. Графъ Ангальтъ въ Кор-  
 пусѣ Сухопутномъ, а Мордавиновъ и  
 Меллисио въ Артиллерійскомъ и Ин-  
 женерномъ, послѣдовали благодѣтель-  
 ному примѣру Бецкаго, и заведе-  
 нія наши, благодаря этимъ замѣча-  
 тельнымъ людямъ, достигли, въ цар-  
 ствованіе Императрицы, до цѣлуща-  
 го состоянія. Много молодыхъ дворянъ,  
 образовавшихся въ вѣдрахъ  
 военно-учебныхъ заведеній, обратили  
 на себя въ послѣдствіи, своею полез-  
 ною и честною службою, справедливое  
 вниманіе государыни. Во все время  
 продолжительной войны съ Турками,  
 заключенной кучук-кайнарджискимъ  
 миромъ, не только многіе штаб-офи-  
 церы и обер-офицеры въ дѣйствовав-  
 шей тогда арміи были изъ кадетъ, но  
 и большая часть старшихъ генераловъ  
 арміи обязана была своимъ образо-  
 ваніемъ одному изъ кадетскихъ кор-  
 пусовъ. Самъ главнокомандующій, Ру-  
 мянцовъ, былъ ибъногда воспитанни-  
 комъ Сухопутнаго Корпуса. Притомъ,  
 сухопутные кадетскіе корпуса достав-  
 ляли свѣдущихъ офицеровъ и флоту.  
 Въ 1788 и 1789 годахъ, во время не-  
 ожидавннп войнн съ Швеціею, значи-  
 тельное число воспитанниковъ обомъ  
 заведеній было выпущено на флотъ,  
 большаю частію на гребную флотилію,  
 которая дѣйствовала съ такимъ бле-  
 стящимъ успѣхомъ въ Финскомъ и  
 Ботническомъ Заливахъ, подъ предво-  
 дительствомъ Балла, графа Литта, Сл-  
 зова и извѣстнаго принца Нассау-Зи-  
 гена. Въ этихъ же годахъ, генералъ  
 Меллисио сформировалъ три артил-  
 лерійскія батальона, при пособіи од-

нихъ только офицеровъ Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса, обучилъ эти батальоны артиллерійской экзерциціи, снабдилъ ихъ выпущенными изъ корпуса офицерами и отправилъ въ дѣйствовавшую тогда Фінляндскую армію.

Въ дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Перваго Кадетскаго Корпуса, сохранилась небольшая рѣчь, которую говорилъ кадетамъ графъ Ангальтъ, при отправленіи ихъ въ 1788 году на флотъ. Въ этой рѣчи такъ много неподдѣльнаго чувства и любви графа къ своимъ питомцамъ, что мы не можемъ не выписать ея цѣликомъ; вотъ она: «Прощайте, дѣти мои, прощайте, милые дѣти! Во время мира живите, какъ добрые кадеты, во время войны — какъ храбрые воины. Приблизьтесь ко мнѣ, пріймите въ послѣдній разъ отеческій мой поцалуй... Еще нѣсколько словъ: помните, друзья мои, прошу васъ, помните всегда, что наиболѣе надлежитъ страшиться и убѣгать четырехъ неприятелей. Безъ сомнѣнія понимаете, что говорю о неприятеляхъ нравственныхъ; а увѣренъ, что противу неприятелей политическихъ вы выставите грудь съ отважною и неустрашимостію. Неприятели же нравственные, могущіе встрѣтиться на пути вашей жизни, суть: *вино, азартныя игры, лжесть и гнуснѣйшій и отвратительный изъ всѣхъ пороковъ, рождающій стыдъ и безпорядокъ между родными и въ обществѣ благородныхъ людей — ложь.* Сверхъ сего, не забывайте никогда, прошу васъ, не забывайте призвательности, каковою должны вы Императрицѣ. Благоговѣйте ко храму вашего воспитанія. Да будутъ первымъ побужденіемъ и первымъ началомъ всѣхъ вашихъ поступковъ: *честность и доброе имя.* Прощайте.»

Сама Императрица перѣдко удостоивала оба кадетскіе корпуса своимъ посѣщеніемъ и назначала не разъ въ обонхъ заведеніяхъ разныя торжества. Особенно замѣчательно *празднество бѣднѣе*, которое приказала

государыня назначить въ Сухопутномъ Корпусѣ, въ день своего рожденія, 9 мая 1775 года. Воспитанники двухъ старшихъ возрастовъ, съ позволенія Императрицы, пригласили къ себѣ около ста нищихъ и цѣлый день угощали ихъ въ стѣнахъ своего заведенія. Между этими нищими нашелся какой-то старикъ, который служилъ въ семиполковомъ полку при Петрѣ-Первомъ и былъ во многихъ походахъ съ великимъ государемъ. Воспитанники, заслушавшись его разсказовъ о прѣдѣльныхъ битвахъ, стали просить своего директора — дозволить нивалду навсегда остаться въ корпусѣ. Директоръ согласился, и старый служака, вмѣсто богатыря, умеръ среди молодыхъ друзей своихъ...

Въ одно изъ своихъ посѣщеній, государыня почтила Императорскій Сухопутный Корпусъ названіемъ *радикала великихъ людей*, — названіемъ справедливымъ, если вспомнить дѣла Румянцева, Ренина, Прозоровскаго, Долгорукаго, Каменскаго, Штофельна, Веймарна, Обрѣзова, Меллиссио, Н. А. Голешицева-Кутузова и многихъ другихъ, изъ которыхъ нѣкоторые получили образованіе въ Сухопутномъ Корпусѣ еще во время Маниха. Но и списокъ бывшихъ кадетъ нынѣшняго Второго Кадетскаго Корпуса, не бѣденъ замѣчательными именами. Кромѣ героя двѣнадцатаго года, М. П. Голешицева-Кутузова, въ этомъ заведеніи, въ одно царствованіе Императрицы Екатерины II, воспиталось много молодыхъ дворянъ, сдѣлавшихся извѣстными въ послѣдствіи, какъ на-примѣръ, Верещагинъ (\*), какъ Сергій Голицынъ, оба брата Румянцева, Николай и Сергій Корсаковы, Меллеръ-Закомельскій, графъ Буксгевденъ, графъ Арачсовъ и другіе. А сколько современныхъ намъ самознаковъ, которые, получивъ образованіе

(\*) Генерал-маіоръ и учитель математики Государей Великихъ Князей Александръ Павловича и Константина Павловича.

ь послѣдніе годы царствованія Императрицы въ одномъ изъ кадетскихъ орпусовъ, занимають въ наше время живѣйшія мѣста въ государствѣ! Но мы не станемъ говорить о нихъ, потому-что помнимъ замѣчательныя слова Гараманина: «исторія не любитъ имевать живыхъ».

Въ архивѣ Второго Кадетскаго Корпуса хранится письмо Державина къ І. И. Меллисино. Оно написано на имя поэта въ случаю посѣщенія имъ Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса, въ мартѣ 1792 года. Вотъ какъ, между прочимъ, отнотится пѣвецъ Фелицы о заведеніи, которымъ тогда начальствовалъ генералъ Меллисино: «По истинѣ я почти не видалъ никогда толь пріятнаго поворнища для сердца и разума и особенно любя отечество. Вы ему приуголаете достойныхъ сыновъ для споспѣшествованія къ его благодѣиствію и для его защиты. Я, кажется, видѣлъ и Спарту и Аѳины. У меня и теперь въ головѣ порядокъ вездѣ предуготовительный, исполненіе вездѣ съ пристойностію и расторопностію. Хотя я недостойный цѣнитель дѣлъ похвалы достойныхъ, и не мое дѣло, однако отъ чистаго сердца справедливость непремѣннымъ образомъ должна вездѣ наружу изливаться. Я ничего не могу другаго говорить, какъ превозносить васъ, сотрудниковъ вашихъ и самое толь любезное вамъ управляемое юношество, на которое и благоволеніе Монаршее и ваше попеченіе не тщетно простираются. Это такой рассадникъ, на который не даромъ падаютъ сѣмена, и проч.»

Письмо это хотя и не даетъ опредѣительнаго понятія о состояніи Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса въ царствованіе Екатерины, можетъ однако служить для насъ свѣдѣтельствомъ по-крайней-мѣрѣ того, что Петръ Ивановичъ Меллисино, за усердные свои труды былъ устройствѣмъ вѣреннаго ему заведенія, имѣлъ утѣшеніе пользоваться уваженіемъ одного изъ замѣчательныхъ людей вѣка Ека-

терины. Кромѣ Державина, Петръ Ивановичъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ князя Потемкина. Свѣтлѣйшій обратилъ на него милостивое вниманіе Императрицы.

Форма кадетъ въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусѣ, по положенію 1762 года, была слѣдующая: кафтанъ алый суконный; воротникъ, лацканы и обшлага черныя триповые, съ золотымъ галуномъ; пуговицы мѣдныя; на одномъ плечѣ эполетъ шелковый съ золотомъ; шляпа полушуховая, обшитая золотымъ поументомъ и связанная золотыми шнурками; султанъ красный, съ бѣлою верхушкою. Въ послѣдствіи, по именному высочайшему указу, данному на имя генерала Меллисино 19 марта 1786 года, повелѣно было кадетскіе мундиры строить безъ позумента, а шляпы, вмѣсто золотого галуна, обшивать черною бархатною лентою; эполеты же дѣлать съ мѣдными бляхами. Во время пребыванія въ лагерѣ, кадеты, вмѣсто кафтановъ, носили колеты; въ ненастную же погоду, во время стоянія на часахъ, надѣвали они красныя суконныя плащи безъ рукавовъ. Достойно замѣчанія, что, по положенію 1784 года, опредѣленіе формы всенеднежнаго платья предоставлено было директору, а потому кадеты, съ сего времени, стали являться въ классы въ сѣрыхъ суконныхъ фракахъ и въ красныхъ суконныхъ же жилетахъ. Воротники на фракахъ были черныя полушисовыя.

Корпусные офицеры, въ строю и въ праздничные дни, носили красныя артиллерійскіе мундиры; въ будни же дежурили, съ знаками на груди, въ тѣхъ же фракахъ, какіе носили и кадеты.

Форму кадетъ Сухопутнаго Корпуса составляли: въ первомъ возрастѣ камзолъ и штаны суконныя кофейныя; во второмъ голубые; въ третьемъ сѣрые; въ четвертомъ же и пятомъ возрастахъ — кафтанъ зеленый, а прочее платье лосиное или палевое. Дѣтомъ воспитанники младшихъ трехъ возрастовъ носили камзолъ и штаны бѣлые



капюшасные, а двухъ старшихъ — левый колетъ съ красными обшлагами. Шапки были черныя, вѣховыя, но безъ герба.

Офицеры носили такую же форму, кака была и при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: мундиръ свѣтлозеленый; епанчи синія съ воротниками, которые могли въ ненастную погоду скидываться на голову; епанечныя полы застегивались свади, на пуговицу, пришитую противъ поясницы; аксельбантъ же и золотыя на мундирѣ нашивки, предоставленные корпуснымъ офицерамъ Императоромъ Петромъ III, были отбѣнены. Шляпы офицеры носили безъ плюмажа, съ бѣлыми перомъ, а шарфы и темляки золотыя.

Какъ офицеры, такъ и кадеты, въ обоихъ заведеніяхъ, при парадныхъ мундирахъ, носили волосы запудренные и косу, обвитую черною шелковою лентою, съ волосными на концѣ бантовъ.

## II. Глазковъ.

### САМОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ПРИНЮЧЕНИЕ ВЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

*Повѣсть Библюфила Жакоба.*

#### I. Предмѣстіе-Сен-Мари.

Этому прошло уже тридцать-пять лѣтъ... Я вѣялъ кабриолетъ на Площади-Нобъды и приказалъ ѣхать въ улицу Вакъ въ Предмѣстіе-Сен-Мари. Предмѣстіе это, недавно очищенное подъ площадь монастыря сестеръ милосердія, будучи конфисковано и продано, какъ общественная собственность, издѣлалось съ виду и преобразовалось въ свѣтскія зданія; тогда оно было отдѣльно, тихо и пусто, не такъ, какъ нынѣ, когда его соединили съ Улицею-Гренель, издумали сдѣлать также улицую, къ крайнему прискорбію его ширныхъ жителей. Я полагаю, что они и теперь тѣ же, какіе были въ то время,

о которомъ говорю, исключая умершихъ. Въ числѣ этихъ умершихъ былъ и мой пріятель, котораго я поѣхалъ навѣстить въ тотъ вечеръ.

Пріятель мой, экс-бенедиктинецъ Сен-Жерменскаго-Предмѣстья, назывался доль-Рибьеръ. Ему было почти восемьдесятъ лѣтъ, и, не смотря на такую старость, онъ не оставилъ своихъ историческихъ и библиографическихъ занятій, даже не ослабѣвалъ въ нихъ; напротивъ, онъ предавался имъ съ жаромъ и дѣятельностью, въ чемъ я ему завидовалъ. Большую часть жизни онъ провелъ въ собираніи сочиненій о макабровой пляскѣ и игральныхъ картахъ — о двухъ нестойкихъ предметахъ ученыхъ разсужденій. Я также нѣсколько занимался этими предметами и не былъ согласенъ съ мнѣніемъ моего друга о началѣ пляски мертвецовъ и игры въ тарковыя карты. Средство сблизить двухъ знатоковъ, хотя бы только мнимыхъ! Мы имѣли частыя свиданія и продолжительныя разсужденія, которыя нѣсколько не согласили нашихъ противоположныхъ системъ; между-тѣмъ, эти ученые споры нравились намъ обоимъ, потому-что часто сопровождались досадою и нетерпѣніемъ; мы безпрестанно заводили ихъ съ новыми оружіемъ и съ новыми ожесточеніемъ.

Извозчикъ, который везъ меня, былъ изъ чистаго поколѣнія биржевыхъ извозчиковъ, поколѣнія любовытнаго, болтливаго, веселаго, но гнѣвливаго; однакожъ, онъ напрасно старался завести со мной разговоръ во время дороги: я не слушалъ его и почти не отвѣчалъ ему. Я перебиралъ весь запасъ твердыхъ основаній, какія пріискалъ въ пользу происхожденія картъ въ игры въ *talun*, или въ древнія кости, и радовался, что поколеблю убѣжденіа лона-Рибьера. Кучеръ, маленькій горбунчикъ, плащъ котораго прикасался къ переднику кабриолета и презрительная гримаса, казалась, насмѣхалась надъ пѣшеходами, — съ злостію смѣялся на мою нѣмую важность и разговаривалъ съ своею лошадыю, за не-

нѣсколько другаго, съ кѣмъ бы можно было поговорить. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ посмотрѣлъ на меня искоса и измѣрился презрительною взглядами, какъ-бы хотѣлъ сказать: «Доумишь ли ты той чести, чтобъ говорить съ тобой?»

Прошло девять часовъ, когда мы вѣхали въ Предмѣстье-Сен-Мари, гдѣ, жетса, все спало, — тамъ оно было тихо и тихо! Тогда еще не было ни фонарей и на вешешей дорогѣ юрыты были глубокія колеи телегъ, въ которыхъ вошли материалы означеннаго строения. Кабриолетъ могъ ломаться при каждомъ изъ толчковъ, торыты онъ подвергался на этой оленьей и вязкой насыпи. Извозчикъ воевъ вѣдъ ворчалъ на меня, какъ виновника опасности; которой авергалъсь его лошади и вкипантъ, горую пробирался вдоль стѣны, окошко обнесены сады знатныхъ отей Улицы-св.-Доминика. Я, съ своей стороны, боялся одного, чтобъ не опозать къ дову-Рибьеру и старался разотрѣть только, сдѣлается ли огонь въ нѣ его библиотеки: по всему пределью огонь могъ быть только въ номъ этомъ окнѣ.

— Спасибо! сказалъ мнѣ извозчикъ, гда я некажъ подожжи и хотѣлъ йти. — Если моя Фибилла не потелла ногъ, а колеса не разлетѣлись въ ебезгн, то это не ваша вина.

— Да, отвѣчалъ я разсѣянно: — доро-нехороша; видно, что тутъ не бѣтъ императорскіе экипажи; но я скокъ тебѣ буду и поѣду туда же, куда взялъ тебя.

Онъ-Рибьеръ, который уже не ждалъ на и готовъ былъ лечь въ постель, инялъ меня не очень-ласково; онъ козливо сказалъ, что еслибъ я прилъ десятию минутами позже, то его рота была бы заперта, лампа погашена и ключница уснула бы. Онъ обхалъ новые фитаты и доказательва, которые прискалъ я въ подкрѣеніе своего мнѣнія о происхожденіи ртъ, и почувствовалъ себя побѣжденнымъ, если не вполне, то по-край-

ней-мѣрѣ виновнику. Я вытерпѣлъ первые порывы его влаго юмора, не показавъ, что обращаю на него вниманіе, и вытащилъ изъ кармана длинную записку, куда внесены были выписки изъ читаннаго мной, съ собственными мнѣніи замѣчаніями. Я доказывалъ моему ученому и упрямому антагонисту, что такіа или кости древнихъ представляли числительные значенія и фигуры беговъ, бегинь и животныхъ, что эти значенія и фигуры перенесены на таблицы (*tabulae sigillatae*) и служили для игры не столь шумной, какъ игра въ кости; что фигурыны таблицы очень походили на наши карты и что игра въ гуса, которая естественно отсюда происходитъ, въ началѣ представляла болышею частью тѣ предметы, какіе находятся въ тарокowychъ картахъ.

Доу-Рибьеръ, слушавшій меня съ угрюмымъ видомъ, не позволялъ продолжать мнѣ доказательства, заключающія въ себѣ довольно-твердые доводы, подтверждаемые многими выписками изъ древнихъ писателей и ихъ ученыхъ толковниковъ; онъ прервалъ меня съ живостью, ударилъ кулакомъ по столу, не заботясь о томъ, что бумаги разлетѣлись по всей комнатѣ, и сказалъ, что я нѣмю поверхностное познаніе въ греческомъ языкѣ, слишкомъ пристрастился къ обсужденію вопроса съ своей точки зрѣнія, между-тѣмъ, какъ кости были кости, а карты также карты. Съ своей стороны, онъ сослался на Менандра, Аристофана и Платона, чтобъ испровергнуть наведенія, какія, по моему мнѣнію, должно извлекать изъ нѣкоторыхъ стровѣтнихъ комиковъ. Потомъ онъ съ болышою энергіею и упрямствомъ началъ снова доказывать, что карты изобрѣтены въ царствованіе Карла VII, безъ всякихъ предшествующихъ аналогій. Я хотѣлъ возражать и различать карты собственно такъ-называемыя, отъ картъ тарокowychъ, но мой противникъ, чтобъ оавнѣть разомъ поставить въ-тупикъ мои умозаключенія, оставилъ споръ, извинившись жестокою головою болью,

но въ-самомъ-дѣлѣ боюсь окончанія спора. Онъ пригласилъ меня на слѣдующей недѣлѣ, чтобъ выслушать мое рѣшеніе, и имѣть честь, сказалъ онъ, слышать мои романтическія мечты о игрѣ въ карты.

— Боже мой! вскричалъ я, подожди и открывъ окно:—не пожаръ ли это?

— Пожаръ! повторилъ донъ-Рибьеръ, замѣтивъ, что я и садъ, находившіеся передъ его домомъ, ярко освѣщены, и началъ бѣгать взадъ и впередъ съ безтолковыми и несомнѣнными крикомъ: — Ахъ! книги мои, книги!

— Ваша библіотека совершенно-безопасна, быстро сказалъ я, мушкетиромъ отъ перекличекъ, какія слышны были не вдалекѣ, и при видѣ факеловъ, носившихся подъ деревьями. — Это не пожаръ; безъ-сомнѣнія, кого-нибудь ищутъ...

— И безъ-сомнѣнія, нашли этого кого-нибудь, потому-что свѣтъ удаляется и исчезаетъ.

— Какъ! Не-уже-ли васъ не поразили тѣ отношенія, какія находятся между талиями и картами? сказалъ я, дѣлая то, что Раблэ называетъ прекраснымъ выходомъ изъ чернилъ книгъ и вдругъ обращаясь къ главному предмету моего посѣщенія.

— Вы, должно быть, слѣпы, или слыхкомъ предубѣждены и не видите, что карты родились отъ безумія Карла VI...

— Фи! для чести картъ, перестаньте защищать этотъ очевидный парадоксъ.

— Вы умѣете при спорахъ обезкураживать и тѣмъ вставать противниковъ уступать вамъ. Добрый вечеръ!

— А вы имѣете способность превращать общіе вопросы въ личные; но, почтенный отецъ мой, вы напрасно будете терять слова и не убѣдите меня, что удивительныя соединенія въ игрѣ...

— Э! молодой человекъ, не думаете ли вы убѣдить меня, что я невѣжда?

— Этого я никакъ не думалъ, клянусь Богомъ; я хочу только предста-

вить вамъ результатъ того, что я читалъ...

— А я, если вамъ угодно, ничего не хочу слышать. Для меня довольно знать истиннаго отца Менестрера и отца Давиала, которые были истые иезуиты и въ познаніяхъ равнялись съ самыми знаменитѣйшими изъ общества Санта-Мора.

— Отступити храбро; въ нынѣшній вечеръ вы не хотите признать себя побѣжденнымъ. Я оставляю васъ, чтобъ не смѣшать картъ.

Донъ-Рибьеръ не отвѣтилъ на эту шутку и на мое дружеское прощанье; онъ досадовалъ на то, что я хотѣлъ взять верхъ надъ нимъ въ нашей археологической стычкѣ, и хотѣлъ поскорѣе остаться одинъ съ своими книгами, чтобъ спросить ихъ объ оружіи противъ моей побѣдоносной системы. Онъ не проводилъ меня до стѣны, говоря на прощанье:

— *Libros volvite semper atque semper* (читайте книги постоянно).

Его старая ключница услужа встала послѣ моего прихода, никто ни въ не посѣтилъ на лѣстницѣ, на которой я могъ слышать себѣ мою не одну разъ.

— Ничего! весело сказалъ я самъ себѣ:—карты выдуманы Греками, и я открылъ ихъ происхождение.

Не безъ труда могъ я найдти ворота и выйти изъ дома на улицу. Ночь была безлуная и беззвѣздная, и потому такъ темна, что я сначала не надалъ кабріолета, стоявшаго у противоположной стѣны; я вскричалъ извошка, который не нашелъ лучшаго средства провести время, какъ соснуть, и прежде, чѣмъ онъ совершенно проснулся, я сѣлъ радомъ съ нимъ.

— Какъ, чортъ возьми! ты не засѣтилъ своихъ фонарей? спросилъ я извошка, который злѣзавшемъ возмѣщалъ мнѣ свое пробужденіе.

Раздался выстрѣлъ такъ близко, что, казалось, онъ былъ направленъ въ меня, и я оцупывалъ себя, чтобъ утѣряться, не раненъ ли. Спусти нѣсколько времени, я услышалъ стукъ оружія

увѣрился, что онъ происходитъ въ аду, отдѣлявшемся отъ меня низшею стѣнкой. При глубокой тишинѣ, арствовавшей въ Предѣстѣи-Сен-Мари и въ сосѣднихъ здачѣхъ, выстрѣлъ въ пистолета или изъ ружья былъ гораздо-громче; за нимъ на томъ же мѣстѣ послышалось нѣсколько голосовъ.

— Уфъ! что они? принимаютъ насъ а волковъ, что прямо въ насъ стрѣляютъ? вскричалъ извозчикъ.

— Вѣрно ловятъ воровъ, возразилъ, прислушиваясь къ голосамъ въ саду.—Можетъ-быть, самоубійство...

— Ну, ну, Филиппа, не бойся, красавица! Никто не умеръ, по-крайней-мѣрѣ изъ насъ. Право, подумашь, что дѣсь разбойничій притонъ, а не парижская улица. Ахъ, ты, Боже мой! вѣрены ли вы, что эта пуля была не для васъ?

Я не слушалъ болтовни извозчика; рескъ сучьевъ и шумъ листьевъ прилекла мое вниманіе къ стѣнкѣ; на ней оказалась человѣческая голова, а потомъ и цѣлая фигура, которая, казаясь, двигалась изъ темноты и ползла по верху стѣны. Безъ движенія, не произнося ни одного слова, съ изумленіемъ смотрѣлъ я на это странное явленіе, рассмотреть которое препятствовало мнѣ темнота и которое сначала представлялось мнѣ бѣгствомъ злодѣя.

Этотъ человѣкъ, у котораго было на мечѣхъ что-то, завернутое въ бѣлое, вскалъ на стѣнѣ впаднѣ, чтобъ удобнѣе спуститься. Онъ тотчасъ нашель въхъ и началъ спускаться, схватясь одной рукою за верхушку стѣны, вышиною не болѣе девяти футовъ. Я слышалъ, какъ его платье скользнуло по камнямъ, какъ онъ спрыгнулъ, сопровождаемый обломками камней, которые стащилъ за собою. За тѣмъ я не видѣлъ его и думалъ, что онъ уже далеко, какъ вдругъ онъ показавшись на подножкѣ кабріолета и усиливаясь поднять передникъ, чтобъ броситься въ экипажъ.

— Эй, любезный, не трудись! вскричалъ извозчикъ, который, не могши за-

ставить его оставить подножку, сильно толкалъ его.

— Два наполеондора тебѣ! борюта въ незнакомецъ, упорствуя въ намѣреніи войти въ кабріолетъ.

— Никакіе наполеондоры не поможутъ! возразилъ извозчикъ, раздосадованный настойчивостью. — Пропу прочь... разъ, два!..

— Ради Бога, свези меня!.. отвѣчалъ съ отчаяніемъ незнакомецъ, который еще не замѣтилъ меня.

— Вы видите, сказалъ я съ учтливостью и виждѣ съ благосклонностью, причины которыхъ и самъ объяснить не могу:—вы видите, сударь, что этотъ кабріолетъ занятъ: онъ мой.

Незнакомецъ совсѣмъ не ожидалъ услышать кого-либо другаго, кромѣ извозчика, отскочилъ назадъ и едва не упалъ. Въ эту минуту, онъ очутился противъ меня, и я могъ рассмотреть его черты, которыя хотя и были заволованы, но мнѣ показались благородными и пріятельскими. Его дикіе глаза, на которыхъ блистали слезы, выражали неопредѣленную довѣрчивость и просьбу. Хотя я видѣлъ, что онъ лѣтъ черезъ стѣну какъ воръ; хотя замѣшательство его и смущеніе еще были видны; хотя нельзя было не замѣтить какого-то страннаго и несчастнаго характера по его физиономіи, блѣдности, по наморщеннымъ бровямъ, по длиннымъ чернымъ растрепаннымъ волосамъ, по черной бородѣ, которая окружала его сухое истомленное лицо отъ одного уха до другаго, но я не только не подумалъ, что онъ преслѣдуемъ за преступленіе, но, напротивъ, чувствовалъ, что по истиннѣ или по симпатіи совершенно расположенъ къ нему, не спрашивая о его положеніи въ настоящіхъ столь двусмысленныхъ обстоятельствахъ.

— Ахъ, сударь, умоляю васъ, уступите мнѣ кабріолетъ! сказалъ онъ съ горячностью, тономъ просительнымъ и виждѣ повелительнымъ.

— Но, милостивый государь! отвѣчалъ я, уже готовый согласиться.

— Необходимо, сударь! возразилъ

незнакомецъ, усиленная настойчивость.  
— Вы спасете мнѣ жизнь!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказала я вставая, чтобъ сойти, и покоряясь нравственной неволѣ.

— Ого, да вы очень-добры! ворчалъ извожикъ, подлѣ котораго садился незнакомецъ на мѣсто, которое я машинально оставилъ.— Да не вы ли меня наняли? прибавилъ онъ, обращаясь къ сѣбншпенку меня, который взялъ возжи изъ его рукъ: — я ѣзжу вотъ уже два часа.

— Я сказалъ тебѣ, что дамъ два наполеондора! отвѣчалъ незнакомецъ, овладѣвшій управленіемъ экипажа: — у меня нѣтъ больше.

— Пришлите экипажъ назадъ! кричала я вслѣдъ уѣзжавшимъ: — я подожду давѣсь.

## II. Предостереженіе.

Кабриолетъ выѣхалъ изъ предмѣстія, и я намѣрилась идти въ улицу Банъ, на берегъ ручья; шумъ колесъ и топотъ лошади скоро смѣшался съ шумомъ и топотомъ другихъ колесъ и лошадей. Вся эта сцена произошла такъ внезапно и такъ скоро, что я не имѣла времени водумать о затруднительномъ положеніи, въ которомъ остался одинъ въ такомъ пустомъ предмѣстіи, гдѣ всталъ чертъ-человѣкъ взялъ приступить стѣну и убѣжалъ отъ нея. Свѣтъ и голоса въ саду, отъ котораго отлѣбала меня эта стѣна, снова начали приближаться; и по первымъ словамъ, достигшимъ до моего слуха, я догадалась, что кого-то преслѣдуютъ.

— Увѣрены ли вы, что его нѣтъ въ саду? сказала тотъ, кто по твердому и повелительному тону казался господиномъ, разговаривающимъ съ своими слугами.

— Мы осмотрѣли каждый кустикъ, отвѣчалъ другой съ робостью виноватаго слуги.

— Я думалъ, что выстрѣлъ барона настѣгъ его, сказалъ третій, который хотѣлъ похвалить стрѣлка.

— Точно, мнѣ кажется, Пьерръ

правъ, прибавилъ слуга: — когда раздался выстрѣлъ, то, казалось, онъ упалъ за этихъ лѣсомъ.

— Къ-несчастью, мой карабинъ заряженъ былъ только дробью, отвѣчалъ господинъ.

— Ахъ, понимали ли вы его, этого разбойника? вскричало трепещущиѣ гелосомъ некое лицо, которое отаралось догнать другихъ.

— Нѣтъ, онъ убѣжалъ, неизвестно какъ и куда, отвѣчалъ тотъ, кто заговорилъ первымъ.

— Ахъ, онъ убѣжалъ! ворчалъ тотъ, который, казалось, былъ старше всѣхъ.  
— А если онъ скрылся въ отелѣ?

— Богу угодно, чтобъ онъ убѣжалъ! А можно бы предать его въ руки правосудія и открыть его сообщникомъ. Прощаю то время, когда воровали и покровительствоваали ворами. А вѣдь они ничего не украли?

— Они не дошли до моего кабинета: замѣкъ моего бюро цѣлъ.

— Домъ осмотримъ, когда прійдетъ комиссаръ съ жандармами.

— Вотъ гдѣ онъ ушелъ! вскричалъ вдругъ слуга: — вотъ измятые кусты и переломанныя вѣтви.

— Онъ вѣзъ на дерево, прибавилъ другой слуга: — и отсюда прыгнулъ въ Предмѣстіе-Сен-Мари.

— Пойдемъ въ предмѣстіе, сказалъ господинъ, показывая дорогу слугамъ.  
— Заперта ли калитка?

— Она отворена! вскричалъ первый слуга, подошедши къ калиткѣ, ведущей въ предмѣстіе.

— Отворена! повторилъ господинъ. — значить, ея вошли воры!.. Батюшка, воротитесь въ отелъ; не ходите за нами; вы замедляете наши поиски; кромѣ того, вамъ нужно успокоиться отъ страха. Возвратитесь къ моей сестрѣ и отдохните тамъ.

Молодой человекъ, увидявъ такимъ образомъ своего отца, который могъ сдѣлать препятствіе и затрудненіе въ случаѣ борьбы съ злодѣями, самъ удовольствіе, что калитка была отворена, и вышелъ въ нее въ предмѣстіе съ тремя огромными лакеями въ

лирелхъ, съ факелами и съ кухонными пожами. Я еще оставался недвижимъ на прежнемъ мѣстѣ, мало понимая изъ того, что слышалъ, и въ-тихомолку упрекая себя за то, что пособилъ убивать вору или убійцѣ; между-тѣмъ, во мнѣ было инстинктивное предубѣжденіе; это предубѣжденіе боролось съ фактами и опровергало возможную виновность лица, которому я такъ снисходительно уступилъ мой кабріолетъ; въ этомъ человѣкѣ, котораго я не зналъ и противъ котораго все соединилось въ одну обвинительную тяжесть, такъ готовъ былъ судить съ лучшей стороны, что поклялся бы въ его невинности, еслибъ у него не было извѣснаго бремени обвинителя, которое оходило на украденное; онъ, казаясь, такъ заботился отвести его въ безопасное мѣсто...

— Воръ! воръ! закричали слуги, увидавъ меня подлѣ стѣны въ такомъ положеніи, какъ-бы я поставленъ былъ на наблюденіи за знаками моихъ соастниковъ, или для полученія своей ли изъ добычи.

— Всего одинъ! сказалъ господинъ, осилъ на меня и схватилъ за воротъ.

— За какого дьявола вы меня примаете? сказалъ я, оглушенный такимъ шумнымъ нападеніемъ.

— Я принимаю тебя за того, кто ты самомъ-дѣлѣ, за плута! Ты отвѣдь за другихъ! Ни съ мѣста, или я юю тебя!

— Милостивый государь! посмотрина меня, сказалъ я съ такимъ видомъ ономъ, который долженъ былъ разить всѣ подозрѣнія: — и вы будете идиться своей ошибки.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, державшій меня за воротъ: — смотря на васъ, не подумаешь...

— Васъ можно извинить, потому-что не знаете меня; но вы узнаете, что

— Вы объяснитесь съ полицейскимъ миссаромъ, а я васъ задержу.

— Это шутка.

— Цѣтъ, дѣло совершенно-серьез-

нов. Вы видите честный видъ, на это я согласенъ; но и воръ можетъ въ совершенствѣ принять видъ честнаго человека... Впрочемъ, я отъ всего сердца желаю, чтобъ васъ не нашли виновнымъ.

— Виновнымъ! Какъ? Вы все еще остаетесь при этой смѣшной мысли?

— Не пускайте его, господинъ-баронъ! кричали слуги, угрожая мнѣ ножами.

— Не бойтесь, сказала я спокойно: — я не уйду до-тѣхъ-поръ, пока не дождусь своего кабріолета.

Слова эти, произнесенныя тихо и просто, болѣе всѣхъ моихъ доказательствъ подѣйствовали на духъ барона; онъ пересталъ удерживать меня силою, и, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, понялъ, что онъ очень ошибся на мой счетъ. По такъ-какъ слуги все еще почитали меня за того, который вошелъ въ отель, безъ-сомнѣнія, съ намѣреніемъ обокрасть, то ихъ господинъ считалъ справедливымъ, чтобъ полицейскій комиссаръ допросилъ меня на мѣстѣ.

— Я совершенно желаю, чтобъ вы не были воромъ, сказалъ онъ, наблюдая, не измѣнюсь ли я въ лицѣ.

— Благодарю васъ за мнѣше обо мнѣ, не столь худое, какъ прежде, отвѣчалъ я весело.

— Вы, можетъ-быть, сообщникъ того человѣка, котораго я преслѣдовалъ и по которому выстрѣлилъ...

— Такъ вы не убили его?

— Вѣроятно. Но я замѣчаю, сударь, что вы не знаете всего, что здѣсь было?

— О! рѣшительно не знаю.

— Однакожь, вы были въ предмѣстіи, когда этотъ человѣкъ убивалъ чрезъ стѣну, или въ эту калитку...

— Вы говорите, что онъ ничего не укралъ? прервалъ я, рѣшившись не говорить о томъ, что видѣлъ.

— Правда, не украдено ничего; но украли бы, еслибъ мы не возвратились за часъ до окончанія спектакля.

— Увѣрены ли вы, что приходили за вашимъ мнѣніемъ?

— Зачѣмъ же входить въ домъ съ подавальнымъ ключомъ или по веревочной лѣстницѣ?

— Вы предлагаете мнѣ тонкій вопросъ... Если васъ обокрали, если преступленіе сдѣлано...

— А, видно, вы защищаете воровъ! Я не пушу васъ, покуда прійдетъ комиссаръ.

— Я и не прошу у васъ позволенія идти, покуда не прійдетъ мой кабріолетъ.

— Какой кабріолетъ?

— Ахъ, Боже мой! Кабріолетъ, какъ и всѣ биржевые кабріолеты. Я пріѣхалъ вотъ въ этотъ домъ, и думалъ найтн акипажъ у воротъ, который долженъ былъ за мной пріѣхать. Вѣрно, онъ не замедлитъ...

— Вотъ въ этотъ домъ, говорите вы, пріѣхали на вечеръ? Значитъ, вы были тамъ, когда воръ, или одинъ изъ воровъ, убѣжалъ. Вотъ слѣды его бѣгства...

— Онъ отломилъ эти куски штукатурки, спускаясь со стѣны, сказалъ слуга, хотѣвшій собрать обличительные знаки.

— Онъ раненъ, сказалъ другой слуга: — вотъ капли крови.

— Раненъ! повторилъ я, укрѣпляясь въ намѣреніи скрыть мою тайну, кто бы ни былъ тотъ, кого она касалась.— Если онъ дѣйствительно злодѣй, то довольно наказанъ.

— Э! я не такъ жалостливъ къ злодѣямъ и хочу отыскать его, чтобъ отправить на висѣлицу...

— Ужъ теперь не вѣшаютъ, милостивый государь, отвѣчалъ я холодно.

— Но, возразилъ молодой человѣкъ, краснѣя отъ косвеннаго урока, который далъ я его жестокости: — такъ какъ вы были здѣсь, то видѣли... должны видѣть...

— Я не видѣлъ я тѣни вора, отвѣчалъ я, будучи увѣренъ, что защищаю невиннаго.

— Какъ! Будто можно было ему спрыгнуть со стѣны, обломить эту штукатурку, и чтобъ вы этого не примѣтили?

— Можеть-быть, я былъ тогда развлеченъ, или, лучше, я не видѣлъ въ этомъ ничего необыкновеннаго.

— Это удивительно, очень-удивительно! сказалъ сухо молодой человѣкъ и снова осмотрѣлъ меня съ недоувѣрчивостью.

— Карты или кости итѣшаютъ васъ спать? вскричалъ я дону-Рибьеру, котораго крики привлекли къ окну и который чрезъ это далъ мнѣ предлогъ не отвѣчать на вопросы довольно-затруднительные, которые предлагалъ мнѣ упрямый допросчикъ.

— Какъ! это вы, другъ мой? отвѣчалъ бенедиктинецъ, которому слабое зрѣніе препятствовало узнать меня. — Что же вы тутъ дѣлаете? Я думалъ, что вы уже далеко, потому-что довольно времени...

— Потому-что десять минутъ... Или, я обдумывала неопровержимое доказательство въ пользу талин, этихъ голландскихъ рисованныхъ или фигурныхъ таблицъ, tabulae sigillatae, отъ которыхъ произошла игра въ карты...

— Да что же случилось? Вы говорите о ворѣ, о воровствѣ, о лѣстницѣ...

— Меня хотѣтъ остановить и вести въ тюрьму, какъ сообщника этихъ воображаемыхъ воровъ.

— Васъ, мой любезный господинъ Жакобъ! сказалъ донъ-Рибьеръ смѣясь: — не нужно ли, чтобъ я пришелъ защитить васъ?

— Это бесполезно, сударь, возразилъ молодой человѣкъ, смѣшавшись и досаду на свою ошибку. — Теперь я вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло. Но я бы замѣтилъ слѣдствія своей ошибки, еслибъ этому господину не угодно было продолжать ее... для забавы... Не такъ ли, г. Жакобъ?

— Такъ точно, къ вашимъ услугамъ, сказалъ я, кланяясь съ нѣсколько-саркастической улыбкой. — Я прійду завтра, мой другъ, вскричалъ я дону-Рибьеру, замѣтивъ, что мой кабріолетъ показався при вѣздѣ въ преддверіе: — прошу васъ найтн у авторова времятъ Карла VI хоть одно слово объ изобрѣтснн картонной игры.

— Милостивый государь, сказалъ учтиво баронъ, вспоминая, наконецъ, мое имя: — я много слышалъ о васъ въ Италиі, когда былъ преемкомъ Монтеноттскаго-Департамента.

— Господинъ Сент-Аллеъ? прервалъ я, давая знакъ моему кучеру, чтобъ онъ остановился дальше.

— Точно такъ, сударь; я былъ въ своемъ преекстствѣ во время вашего путешествія по Италиі; но батюшка мой жилъ въ Римѣ и нигдѣ честь видѣть васъ у себя. О! онъ не забылъ васъ...

— И я помню ласки, какими графъ Сент-Аллеъ осыпалъ меня въ Римѣ. Давно ли вы получили о немъ извѣстіе? здоровъ ли онъ?

— Но онъ уже не въ Римѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ службу; онъ здѣсь.

— Непремѣнно постараюсь увидѣть-ся съ нимъ. Какъ же я не слышалъ о его возвращеніи?

— Вотъ уже два года мы живемъ совершенно по-затворнически, не принимаемъ никого... Мое удаленіе отъ службы и смерть моего зятя произвели много переменъ въ домѣ батюшки.

— Какъ! ваша милая сестрица вышла замужъ и уже овдовѣла?

— Овдовѣла, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ брака. Я былъ еще преемкомъ, когда вы кончили путешествіе по Италиі.

— Вашъ батюшка и почтенный г-нъ Серу-д'Ажигуръ желали, чтобъ я пожилъ съ ними въ Римѣ, и мнѣ очень хотѣлось, но меня увѣдомили изъ Париза, что домъ, въ которомъ я квартировалъ и въ которомъ оставался мои книги, при планировкѣ, назначенъ къ сломкѣ, и я принужденъ былъ воспользоваться помощью своей библіотеки. Извините мое отступление... Такъ воровство случилось у графа Сент-Аллеа?

— Воровство, или убійство, присовокупилъ онъ, отвѣда меня въ сторону. — Оставивъ службу, я узналъ, сколько нажилъ себя враговъ своимъ строгимъ управленіемъ. Я нигдѣ дѣло съ франкмасонами! Понимаете, сударь, продолжалъ баронъ Сент-Аллеъ: — я полагаю,

я думаю, что то, что хотѣли сдѣлать въ этотъ вечеръ, болѣе относится ко мнѣ.

— Совѣтую вамъ не разглашать о томъ, что случилось, прервалъ я, прощаясь съ нимъ. — Это будетъ гораздо-благоразумнѣе. Если вамъ угодно, мы поговоримъ послѣ. Завтра я буду имѣть честь представиться вашему батюшкѣ.

Я сѣлъ въ кабриолетъ, приказавъ извозчику вести меня домой, въ Марэ, и прижался въ уголъ, нагрѣваясь притворитесь спящимъ, чтобъ набѣжать распросовъ моего сосѣда, а онъ, будучи гораздо-болѣе обыкновеннаго расположенъ говорить, весьма досадовалъ на мое молчаніе.

— Вы неспрашиваете меня объ исполненіи вашего порученія? сказалъ онъ съ хитростію.

— Надѣюсь, тебѣ хорошо заплатили? отвѣчалъ я съ развѣянными видами. — Вотъ все, о чемъ я спрашиваю.

— Заплатили хорошо! вскричалъ онъ, показывая двѣ золотыя монеты, которыя держалъ въ рукѣ. — Больные ничего!

— Такъ заплатить хоть-бы маршалу Франціи, сказалъ я, вполне-занятый этимъ чрезвычайнымъ и таинственнымъ случаемъ.

— Это значитъ хорошо заплатить, возразилъ извозчикъ, безкорыстно играя деньгами: — по-чести, это стоило не больше пяти франковъ! Однакожь, нельзя же было отказаться... неучтиво. Два наполеондора! Это прекрасно... зато, чтобъ отвезти изъ Предмѣстія-Сент-Мари до начала Улицы-де-Пуатьеръ!

Я не замкнулъ ушей такъ, какъ закрылъ глаза, и тѣмъ-же слушалъ показаніе, какое безъ сознанія давалъ весиromный извозчикъ, старавшійся о томъ, чтобъ его спросили, и чтобъ дать волю своему языку. Такъ онъ отвѣтъ незнакомца ко въѣзду въ Улицу-де-Пуатьеръ, и отвѣтъ такъ скоро, что ему дали двѣ золотыя монеты; я сознался, что только воръ могъ допустить такую роскошь въ благородствѣ. Я подумалъ о себѣ и рѣшился ни о чемъ не спрашивать извозчика, который дивился моему беззаботности и не могъ иначе изъ-



дснить ее, какъ предполагая мое знакомство съ лицомъ, воспользовавшимся моимъ кабриолетомъ. Я хотѣлъ отвлечь его вниманіе и любобытство отъ происшествія, въ которомъ случай доставилъ ему такую же роль, какъ и мнѣ. Меня побудила въ тому какъ-бы крайность, и я говорилъ самъ себѣ, что незнакомецъ, который заклиналъ меня спасти ему жизнь, безъ-сомнѣнія, болѣе несчастенъ, нежели виновенъ; признаюсь, желая сдѣлать его какъ-можно-интереснѣе въ своихъ глазахъ, я пожертвовала ему добродѣтели дочери графа Сент-Алмеза и сдѣлала его любовникомъ этой дамы, которую часто видала въ Римѣ до ея замужства.

Но мой трудъ ослабѣть и отклонить подозрѣнія извожника только болѣе увеличилъ и усилилъ ихъ: осторожность моя уколола его нескромность и по недостатку другихъ примѣтъ, онъ толковалъ на свой манеръ обстоятельства, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Я притворился, будто слышу и не слушаю непрерывнаго монолога; наконецъ надобно же мнѣ было показать, будто просыпаюсь, чтобъ не задуваться въ его предположенія, компрометировавшихъ меня.

— Бьюсь объ закладъ, сударь, что вы знаете его, этого человѣка, сказалъ онъ, наклонивъ свою голову къ моему, чтобъ увѣриться, дѣйствительно ли я слышу:—сущая правда, что вы его знаете, не такъ ли? потому что иначе вы не были бы такимъ... добрымъ малымъ, чтобъ позволили занять свое мѣсто.

— Я сдѣлалъ это случайно, возразилъ я, стараясь рассказывать сказку, какую могло придумать мое воображеніе:—но если ты по несчастію расскажешь о томъ, что мы знаемъ, то мы тогдашъ попадемъ въ тюрьму.

— Въ тюрьму! вскричалъ извощикъ съ изумленіемъ и недоумѣніемъ.— Э! да что же мы знаемъ?

— Да, любовникъ, въ тюрьму; потому-что лицо, вышедшее изъ огней господи Прензардьеръ...

— И доктору вы угнали свое мѣ-

сто въ носѣ кабриолетѣ, что показываешь, что вы... добрый малый.

— Это... сказалъ я медленно, выбрала ния, которое бы могло оправдать мою выдумку:— это министръ полиціи. Понимаешь ты теперь, почему я позволилъ занять свое мѣсто въ кабриолетѣ?

— Понимаю, понимаю. Боже ты мой! легко сказать, министръ полиціи сидѣлъ тутъ цѣлый часъ, молѣ меня, какъ вы сидите!

— Понимаете ли, что намъ должно хранить тайну... государственную?

— Не бойтесь, тайна его и господи Прензардьеръ въ добрыхъ рукахъ!

Я добѣжалъ до дома и освободился отъ труда истощивъ долѣе этого добраго человѣка, который пересталъ опровергать мою велемудрую ложь. Порокомендовалъ ему снова быть скромнымъ, и пожелавъ ему удачи, я доложилъ ему въ руку эки и шесть дивровъ и оставилъ его, когда онъ при свѣтѣ кабриолетныхъ фонарей рассматривалъ монеты, свидѣтельствующія о посредственности моего конюха.

— Ну, вотъ! ворчалъ онъ:— и видно, что не министр!

## II. Сладствіе.

Всю ночь я былъ сильно занятъ происшествіемъ въ Предмѣстьи Сен-Мари и напрасно старался изяснить себѣ узнанные мною факты, случая ихъ съ тѣми, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Я не упрекалъ себя за то, что такъ поступилъ, и за воровство, оказанное незнакомцу, вѣтренія котораго, при безпристрастномъ судѣ е происшествіи, не представлялись совершенно-чистыми, ни даже дусмысленными. Въ-самомъ-дѣлѣ, человѣкъ, перелѣзавшій чрезъ стѣну, чтобъ убѣжать изъ дома, въ который вошелъ невольство съ какими намѣреніемъ, доложилъ столько же на вора, сколько и на любовника, и я обвинялъ свое изображение въ излишней поспѣшности увлеченъ романтическимъ интересомъ происшествія, защищать и оправдывать человѣка, на-перекоръ естествен-

заговоритъ обѣдѣнныя, и наконецъ сдѣлался причиною затруднительнаго положенія, въ которомъ я долженъ былъ предъ графомъ Севт-Аллезомъ. Я былъ вынужденъ увѣрить, что съея сомнѣваются въ нескромности звощика послѣ того страха, какой я ввелъ на него министромъ полиціи.

Я рѣшился идти къ графу Севт-Аллезу не для того, чтобъ сознаться въ роу, какую сыгралъ по необдуманности,—я слѣшкомъ стыдился показывать способности злодѣя,—но для того, чтобъ узнать вѣрнѣе, что случилось пера. Я даже забылъ о добромъ отцѣ-абьерѣ, который ожидалъ меня, окруженный своими книгами, чтобъ оконить нашъ великій ученый споръ о происхожденіи карточной игры.

Когда я пришелъ въ отель графа ит-Аллеза, тамъ все было въ безарядкѣ. Ворота заперты засовомъ, хоть я стучалъ изъ всѣхъ силъ, но ѣ не отворили бы ихъ, еслибъ слы, бывший вчера въ Предмѣстьи-и-Мари, при моемъ разговорѣ съ сызмъ его господина, не узналъ меня по юсу. Онъ просилъ меня подождать скоро возвратился, получая приканіе вести меня. Едва я вошелъ на оръ, какъ вслѣдъ за мною снова зарли ворота, и я раскалился въ требоии, чтобъ меня впустили, представя себя арестованнымъ. Тутъ составили протоколъ и рапортъ о вчерашнѣхъ происшествіи. Исходивъ весьль, погребъ, анбаръ, полицейскій комиссаръ съ своимъ причтомъ и ния жандармами допрашивали лаке-камердианеровъ, кучера, сторожей, паровъ и горничныхъ дѣвушекъ. Я вѣдѣлъ и трасса, какъ преступникъ, и взгляда агента правосудія. Я хотѣлъ уйдти назадъ, но уже было поздно мнѣ додожили, назвали по имени положили допросить меня.

— Вы кетати пришли, сказалъ мнѣ живо комиссаръ: — я ниѣлъ нужду вашихъ объясненій...

— Я ничего не знаю, господинъ-комсаръ, отвѣчала я, покраснѣвъ и поту-

ливъ глаза въ землю:—совершенноничего.

— Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, сударь; мнѣ нужно допросить дѣвушку.

Я увидѣлъ лицо, на которое указала офицеръ, и съ перваго взгляда подумалъ, что она не бодрѣе меня. Это была субретка, какихъ представляютъ въ комедіяхъ: красива, хорошо-сложена, одѣта изящно и почти роскошно; съ кинурою и аэтивою физиономіей, съ скромнымъ и иногда плутовскимъ видомъ, съ рѣвкимъ голосомъ и съ свободою въ движеніяхъ. Щоки ея раскраснѣлись, когда она подошла къ комиссару, и на вопросы, какіе она ей дѣлала, отвѣчала заикалась.

— Скажи мнѣ, что ты дѣлала, когда г. гравъ съ сыномъ и дочерью отаравился въ театръ?

— Сперва я уложила дѣвъ, и когда оно уснуло, вошла въ саль...

— Потомъ возвратилась ли ты въ комнату, въ которой спало дѣво? видѣла ли ты его спящимъ?

— Да, сударь; перелъ свою ою отца кричалъ...но, казалось, совершенно успокоилось.

— Въ которомъ часу ты оставила его въ другой разъ?

— Это было часовъ въ десять... и въ саду... была уже совсемъ ночь...

— Такъ, въ часахъ мы не ошибаемся, потому-что госпожа твоя, возвратившись въ десять часовъ, нашла тебя спящею въ комнатѣ противъ ея комнаты... это такъ и въ моемъ протоколѣ.

— Можеть-быть, сударь. Я спала такъ крѣпко, что ничего не видала и не слышала.

— Даже и крику, и выстрѣла изъ ружья, который сдѣлалъ г. баронъ въ того человѣка, что убѣжалъ?

— Хотя бы весь домъ умелъ, я бы не услышала бы: такъ крѣпко спала.

— Это необыкновенный сонъ, ворталъ комиссаръ, взявъ головою. — Я сдѣлаю тебѣ еще вопросъ и сразу отвѣчать откровенно.

— Отвѣс... повстала дѣвушка, по-

торая не повила этого выраженія и предполагала въ немъ значеніе угрозы.

— Сторожъ и камердинеръ г. барона показываютъ, будто они видѣли, что ты на улицѣ разговаривала съ человекомъ съ черною бородою; они даже утверждаютъ, что ты впустила этого человѣка въ отель, когда господъ не было?

— Нѣтъ, сударь, клянусь вамъ! отвѣчала она трогательно: — есть злые завистники, которые хотятъ лишить меня мѣста.

Полицейскій комиссаръ не требовалъ отвѣта болѣе удовлетворительнаго: можетъ-быть, онъ не замѣтилъ замѣтательства дѣвушки, или отнесъ его къ выраженію уваженія и страха, которые производило одно его присутствіе. Потому онъ просилъ меня объяснить ему то, что я знаю о вчерашнемъ происшествіи. Но я твердо укрѣпилась въ системѣ полного отрицанія и продолжалъ ее, хотя это и было для меня трудно; такимъ-образомъ, я приняла на себя жалкую роль жена, которую извѣнчалъ въ своихъ глазахъ однимъ справедливымъ и честнымъ намѣреніемъ:

— Дѣйствительно, я ничего не знаю объ этомъ дѣлѣ. Я пріѣхалъ посѣтить моего друга, г. Рыбьера, который живетъ въ Предмѣстьи-Сен-Мари; это было уже въ девять часовъ; я пробылъ у него не болѣе получаса и когда вышелъ и хотѣлъ сѣсть въ кабріолетъ ..

— Слѣдовательно, кабріолетъ ожидалъ васъ у воротъ того дома, въ которомъ вы были?

— Нѣтъ, не у воротъ, сказалъ я, сбѣжавши отъ этого непредвидѣннаго вопроса:—онъ долженъ былъ пріѣхать за мной...

— Если онъ былъ въ Предмѣстьи-Сен-Мари во время бѣгства злодѣя, то извозчикъ видѣлъ...

— Позвольте сказать вамъ, что онъ ничего не видалъ, потому-что прібылъ съ своимъ экипажемъ, когда я уже говорилъ о происшествіи съ г. барономъ Сент-Аллезомъ, который вышелъ изъ сада черезъ калитку.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, ваше объясненіе согласно съ объясненіемъ господина-барона, сказалъ комиссаръ, сътрисъ своимъ протоколомъ.—Нужды нѣтъ, я прикажу отыскать извозчика: онъ можетъ доставить нѣкотораго свѣдѣнія...

Такимъ-образомъ, ложь моя должна была неизбежно открыться, и я попытался предупредить бѣду, говоря, что мнѣ приходило въ голову. Это значило зайти слишкомъ-далеко въ домыслотской преданности незнакомцу, подвергаться аресту и обвиненію въ участіи. Я еще надѣялся спасти незнакомаго, не подвергаясь стыду признаться во лжи.—Господинъ комиссаръ, сказалъ я, съ истеричнѣемъ оканчивая тягостный для меня разговоръ:—извѣнчивъ меня, я могу располагать только нѣсколькими минутами, а господинъ графъ непременно хочетъ меня видѣть...

Я торопился уйти отъ комиссара, бросивъ взглядъ на горничную, которую подозрѣвалъ въ знакомствѣ съ своимъ незнакомецемъ; она показала, что угадываетъ мой взглядъ, но въ словъ очередь дала почувствовать, что хочетъ спросить меня и спросить моего совѣта. По моему виду и по помнѣ отвѣтамъ она заключала, что и я, подобно ей, не говорю всего, что знаю. Она вошла за мной, чтобы проводить меня къ господамъ. Какимъ съ любовнствомъ толпились около полицейскаго комиссара.

— Итакъ, милая, сказала я продолжавшей меня дѣвушкѣ: — вчера здѣсь случилась покража?

— Ахъ, сударь, какое несчастіе! отвѣчала она, поднявъ глаза и руки къ небу.

— Я не буду попенять, пока не отыщутъ вора, и я, можетъ-быть, усатю...

— Хорошо, еслибъ его отыскали, иначе госпожа умретъ съ тоски.

— А графъ? онъ, должно быть, еще болѣе горюетъ о потерѣ. На сколько у него украли?

Горничная посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и не отвѣчала... Въ это время, баронъ Сент-Аллезиъ вышелъ

въ комнату, куда мнѣ надобно было идти, и взялся проводить меня къ своему отцу. Сначала, онъ принялъ меня довольно-холодно, хотя и учтиво, сказавъ нѣсколько словъ въ благодарность за мое усердіе. Это, — сказалъ онъ, — показываетъ участіе, принимаемое мной въ его семействѣ, и что за участіе мое онъ свидѣтельствуешь совершенную признательность. Это было сказано важно, почти торжественно. Я подумалъ, что сынъ такъ не скажетъ, какъ и отецъ, и что пропажа денегъ была для нихъ величайшимъ несчастіемъ, какое только можно испытать. Отвѣтъ заключалъ въ себѣ выраженіе того участія, на которое онъ любилъ меня, и я пошелъ за нимъ опустивъ голову. Я былъ въ отчаяніи: я открылъ зоровство, помогъ ворамъ идти съ добычей, и самое молчаніе мое въ эту минуту было столь же тяжко, какъ и угроженія совѣсти.

— Батюшка, я веду къ вамъ стариннаго друга, который принимаетъ живое участіе въ нашей печали, сказалъ мнѣ посредникъ.

Старый графъ, который отъ горести думался, сидя предъ своимъ бюро и опустивъ голову на руку, поднялъ глаза, узналъ меня и со слезами подошелъ обнять. Въ Римѣ два мѣсяца я былъ усерднымъ и хорошо принятымъ застольнымъ собесѣдникомъ графа Сент-Аллеза; я подружился съ нимъ одинаковости нашихъ вкусовъ къ живописи и по любви къ знаменито-антикварію, сэру д'Ажикуру; впрочемъ, я не считалъ его такимъ себѣ утомъ, чтобъ радость свиданія излила слезы изъ глазъ его. Эти слезы, горькая изумили меня, я вочелъ слѣдующимъ воспоминаніемъ о кражѣ, которая приводила его въ отчаяніе.

— Въ какихъ несчастныхъ обстоятельствахъ вы видите меня! сказалъ онъ рыдая.

— Въ-самомъ-дѣлѣ!.. отвѣчалъ я, мененный тѣмъ, что казалось мнѣ моею скупостью.

— Тому пять лѣтъ, какъ вы видѣли въ Римѣ счастливымъ и довольнымъ Т. XII. — Отд. VIII.

нлып своей участію; надобно было желать только продолженія такого благополучія, которому всѣ завидовали. А теперь, какъ вы находите меня?

— Признаюсь, это несчастіе... отвѣчалъ я: — почти не стоить слезъ; а много у васъ украли?

— Ахъ! господишь Жакобъ! украли все мое счастье, все мое утѣшеніе, всю мою будущаость!

Я ничего не понималъ изъ этой сцены слезъ и вздоховъ. Полагая, что эта покража совершенно разорила графа Сент-Аллеза, я хотѣлъ высказать мою тайну, какъ вдругъ чьи-то рыданія заставили меня оглянуться въ ту сторону, съ которой они были слышны. Я увидѣлъ молодую женщину, одѣтую въ траурное платье; она рыдала, закрывъ лицо. Баронъ Сент-Алезъ не плакалъ, но его лицо, мрачное и суровое, выражало тяжкую горестъ. Я былъ растроганъ арміищемъ этой горести, которая была такъ велика, что не могла произойти отъ причины незначительной и обыкновенной.

— Вотъ моя дочь, моя бѣдная дочь! сказалъ графъ, не поднимая головы и не переставая плакать. — Вы видѣли ее до замужства, не правда ли? О! вы, безъ сомнѣнія, не были послѣ того въ Римѣ...

— Батюшка, удалите тагостныя воспоминанія! вскричалъ баронъ: — довольно и настоящаго несчастія...

— Я имѣлъ двѣ только радости въ мірѣ, продолжалъ графъ, слѣдуя за своей идеей: — сына, блестящимъ образомъ вступившаго на правительственное поприще; за свои заслуги онъ долженъ былъ ожидать высшихъ должностей...

— Что сдѣлано, то сдѣлано, прервалъ баронъ, которому не нравился этотъ разговоръ: — не будемъ говорить объ этомъ.

— Дочь моя, вышедшая по своей волѣ, слѣдуя, какъ говорила она, своему сердцу, родила мнѣ внука...

— И его украли у меня! сказала въ изступленіи молодая женщина, ломая руки и металась въ конвульсіяхъ.

— Какъ?.. не-уже-ли?.. возразилъ я, понимая наконецъ истину. — Этого вора... этого человѣка...

— Развѣ вамъ не говорила этого? отвѣчалъ баронъ Сент-Аллезъ. — Украли дитя моей сестры!..

Это было для меня громовымъ ударомъ; я хотѣлъ бы провалиться сквозь землю; меня грызла совѣсть; холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ; ноги тряслись; зрѣніе омрачилось; я не дышалъ болѣе. Это ужасное несчастіе, допущеніе дитяти у матери, я могъ предотвратить, — и не сдѣлалъ этого! Напротивъ, я прикрылъ преступленіе, покровительствовала, помогала ему!

— Понимаете ли вы теперь наше отчаяніе? сказала графъ, сжимая мою руку.

— О! это ужасно, отвѣчалъ я съ тоской, которая душила меня: — ужасно!

— Зачѣмъ украли онцъ это дитя? вскричала несчастная мать, которая по-видимому успокоилась, и выпрямившись какъ-бы отъ электрическаго удара, устремила на меня большіе глаза, наполненные слезами, какъ-будто спрашивая меня о своемъ сынѣ.

— Я вамъ говорю уже, прервалъ баронъ: — что это мои враги, заговорщики, франмасоны!

— Какъ вы думаете, что они сдѣлаютъ съ нимъ, съ этимъ дитятей? прибавила женщина, почти обезумѣвшая съ печалю.

— Бога ради, ободритесь, потерпите! сказалъ я, не будучи въ состояніи выдержать провѣстельныхъ взглядовъ, которыми она меня преслѣдовала.

— Терпѣніе, бодрость, когда украли у меня сына! О, чудовища! она не знаетъ, что такое мать.

— Вашего сына возвратятъ вамъ, сударыня. Да! возвратятъ непременно!

— Что они съ нимъ сдѣлаютъ? что хотятъ сдѣлать? Бѣдная сирота! отецъ твой не могъ защитить тебя... А мать!.. О! я рѣшительно виновата! это будетъ вѣчно мучить меня, будетъ всегдашнюю провалю для меня равной! Я оставила дитя и наказана за это... Вы, батюшка, желали того; вы виноваты,

вы увлекли меня отъ колеблѣній моего сына!.. Мать вѣтреная, безчувственная! я разлучилась съ милымъ дитятей, чтобъ искать удовольствій! Никогда не прощу себѣ этого... Я какъ-бы предчувствовала горе, во время спектакля была расслѣнна, чувствовала, что глаза мои мокры безъ причины... Безъ причины! Сердце матери углубляется, оно слышитъ таинственный голосъ, который говоритъ ей безпреставно о сынѣ... Я говорила вамъ, батюшка, помните! еслибъ я послушалась голоса, влекшаго меня, и воротилась бы раньше, чтобъ охранять дитя свое... Но открыли ли похитителя? Нашли ли на его слѣдъ? возвратятъ ли мнѣ сына? Что, если они убьютъ его!

Она испустила раздрающіе крики и упала, ударяя руками въ грудь. Такое ужасное отчаяніе продолжалось съ той минуты, въ которую она узнала о похищеніи; но теперь она была уже такъ слаба и истощена печалю, что крики и конвульсіи по временамъ превращались. Ея братъ, который, по-видимому, былъ очень въ неѣ привязанъ, не смотря на важность и сухость приобретеными имъ при отправленіи общественныхъ должностей, сказалъ ей нѣсколько обвадеживающихъ словъ съ нѣжностію взялъ ее на руки и вынесъ изъ кабинета, гдѣ присутствіе посторонняго еще болѣе усиливало печаль ея.

Графъ Сент-Аллезъ посадилъ меня и въ словахъ, исполненныхъ благосклонности, выразилъ удовольствіе, какое чувствуетъ отъ свиданія со мною. Мгновенное отсутствіе его дочери нѣсколько уменьшало его скорби, и, забывъ себя, сталъ разговаривать со мною о промѣстствіяхъ въ его семействѣ, не зная: онъ разсказалъ мнѣ, какъ его единственная дочь вышла замужъ, не смотря на сопротивленіе его сына.

#### IV. Открытіе.

Молодой человѣкъ, по имени Луи Белемъ, урожденный ауссоненій, сирота безъ состоянія, славившійся работою

на Сен-Жюста, прибылъ въ Римъ подъ предлогомъ усовершенствованія себя въ музыкѣ, а въ-самомъ-дѣлѣ затѣлъ, чтобъ завести тайную связь съ франко-социали или съ французскими и даже нидерландскими республиканцами. Истинной цѣли его путешествія не подозревали, и потому въ Римѣ его признали съ тѣмъ обязательнымъ гостеприимствомъ, какое посылалось тамъ Французы оказывають своимъ соотечественникамъ. Въ салонахъ, гдѣ занимался музыкою, онъ встрѣчалъ мажель Сент-Аллезъ, была замѣчена ею, и тотчасъ завязалась между ними одна изъ тѣхъ любовныхъ интригъ, которыми покровительствуютъ романтическіе обичаи даже въ самомъ честномъ обществѣ. Отецъ узналъ объ этомъ послѣ всѣхъ; но тогда было уже не время принуждать любовниковъ разлучиться, отказывать другъ отъ друга. Напрасно баронъ Сент-Аллезъ, собравъ точныя свѣдѣнія о молодомъ артистѣ и недовѣря политическимъ цѣлямъ сына или воспитанника Сен-Жюста, сильно волегалъ противъ брака, къ которому не было никакаго благовиднаго повода, ни по состоянію, ни по происхожденію, ни по положенію въ обществѣ. Еслибъ въ это время баронъ Сент-Аллезъ былъ въѣхалъ съ отцомъ, еслибъ онъ могъ дѣйствовать прямо противъ Луи Белена, то, можетъ-быть, успѣлъ бы препятствовать этому соединенію, которое отвергали столько же его предубѣжденія, сколько и возраженія, основанныя на важныхъ и правдоподобныхъ побужденіяхъ; но онъ жилъ въ Савонѣ, главномъ городѣ Монтеноттскаго - Департамента, котораго онъ былъ пресектомъ, и не получалъ во время дозволенія на отъѣздъ изъ преемственности. Когда онъ прибылъ въ Римъ, сестра его лишь наканунѣ была объявлена, и онъ немедленно отправился назадъ съ орацеомъ, несомненнымъ являющимся къ затию, съ живою досадою на отца, котораго обвинялъ въ обезпеченіи изъ имела братомъ, изъ недостаточнымъ.

Вашимъ-образомъ, братъ и сестра

разсорились; но супруги, любовь которыхъ день-о-дня усиливалась, утѣшили бы графа Сент-Алеза въ свѣрѣ съ сыномъ, если бъ его домашнее счастье не было вдругъ разрушено такимъ происшествіемъ, котораго нельзя было ожидать. Луи Белонъ и послѣ женатымъ продолжалъ сношенія съ тайными обществами Франціи и Италіи; эти сношенія, которыхъ нельзя было кончить скоро, едвались для него тягостными, и онъ искалъ случая уклониться отъ нихъ, оставивъ франко-социалство, служившее покровомъ для республиканскихъ заговоровъ, которыми постоянно мѣшала полиція и которые побуждаемы были счастливою вѣдого императора. Нѣсколько разъ онъ обещалъ своей супругѣ измѣненіе не участвовать въ предпріятіяхъ заговорщиковъ, не дѣлать ничего, что могло бы возмутить ихъ супружеское счастье, ибо этой доброй женщиной нечаянно попалась письма и бумаги, открытія ей, какую опасную роль игралъ еще супругъ ея, служа офиціальнымъ, хотя и безкорыстнымъ посредникомъ для прежнихъ сообщниковъ. Особенно она болгала вліянію вѣстнаго Винадески, молодого гонимскаго дворянина, который былъ лучшимъ другомъ Луи Белена и имѣлъ надъ нимъ такую власть, что достаточно было одного слова этого Итальянца, чтобъ увлечь Белена въ республиканскія заблужденія его молодости; но Винадески, изгнанный изъ отечества, не могъ возвратиться въ него, потому-что полиція строго преслѣдовала его вполне-извѣстныя вѣднія и пристрастия. Госпожа Беленъ сдѣлалась бережливкою и приближенію родоу вѣхщало отна и дѣла, съ нетерпѣливостію ожидавшихъ ея разрѣшенія. Между-тѣмъ, Луи Белонъ вналъ въ печальную грусть, проводилъ большую часть времени въ своемъ кабинетѣ, писалъ письма, получалъ множество писемъ, смеялъ бумаги и отправился къ Италіи.

Этотъ несчастный отъѣздъ, предлогомъ къ которому представлена была необходимость быть на музыкальныхъ

праздникахъ, какіе давали по случаю прибытія Наполеона въ столицу Домбардіи, привелъ въ отчаяніе господамъ Беленъ; она хотѣла отправиться вмѣстѣ съ супругомъ, но приближеніе времени родовъ и трудность дальняго пути среди вины послужили препятствіями, которыми Луи Беленъ могъ склонить свою супругу не выѣзжать съ нимъ изъ Рима. Во время этого отсутствія, она жила у отца. Прошло уже десять дней, и она не получала вѣстій о мужѣ. Безпокойство ея усилилось. Она уже упросила графа Сент-Аллеза отправиться съ нею въ Миланъ, какъ вдругъ братъ ея письмомъ изъ Савоны извѣстилъ ее о несчастіи, поразившемъ все семейство. Въ Миланѣ открытъ заговоръ на жизнь императора въ то время, когда онъ хотѣлъ возвращаться туда. Къ открытію послужило письмо Луи Белена къ женѣ; оно было распечатано на почтѣ и содержало въ себѣ описаніе того ужаснаго заговора, какой составили французскіе и итальянскіе франмасоны, чтобъ установить республику въ обѣихъ странахъ. Тотчасъ отданъ былъ приказъ арестовать, посадить въ тюрьму и судить всѣхъ франмасоновъ и тѣхъ, кого подозрѣвали въ сообщничествѣ съ ними, ибо извѣстно было, что одинъ франмасонъ поклялся убить Наполеона во время праздниковъ, готовившихся въ Миланѣ и Венеціи. Луи Беленъ былъ арестованъ одинъ изъ первыхъ въ Савонѣ съ главными савонскими франмасонской ложи въ этомъ городѣ.

Госпожа Беленъ, пораженная этимъ извѣстіемъ, отправилась одна въ Савону, не смотря на то, что римская полиція не дала ей паспорта и присматривала за графомъ Сент-Аллезомъ. Подозрѣнія простирались навсѣхъ, кто былъ въ близкихъ или дальнихъ связяхъ съ обвиненными. Госпожа Беленъ, преодолевъ затрудненія и опасности, прибыла наконецъ въ Савону, но уже не застала тамъ брата: его отрѣшили отъ должности, какъ-скоро узнали о связи его фамиліи съ Луи Беленомъ. Госпожа Беленъ не имѣла дру-

гой подпоры въ трудныхъ и безире-станныхъ перепадахъ, кромѣ нѣжности къ своему супругу; большая и убитая печалью, она собрала остатокъ своихъ силъ, но не получила позволенія видѣть несчастнаго арестанта, котораго допросили, судили и осудили военнымъ судомъ. Госпожа Беленъ, принужденная пролежать три недѣли въ постели, наконецъ, испытавъ всѣ мученія неизвѣстности и тоски, узнала, что несчастное дитя, которое она произвела на свѣтъ, не будетъ имѣть отца: промесса слухъ, что десять человекъ обвиненныхъ разстрѣляны въ тюрьмѣ.

— Разстрѣляны! вскричалъ я, прерывая простой и трогательный рассказъ графа Сент-Аллеза.

— Или казнены другимъ образомъ, сказалъ графъ вздыхая. — Только совершенно-извѣстно, что мой зять умеръ.

— Ахъ, графъ! сказала я съ жаромъ: — нельзя повѣрять, чтобъ импера-

торъ... — Я не обвиняю императора, вскричалъ графъ Сент-Алезъ, увидѣвъ, что сынъ его вошелъ въ кабинетъ, и при немъ не объяснялся уже съ прежнею свободою: — я люблю, почитаю императора и его постановленія, не такъ ли, Леонъ?

— Вы еще разговариваете объ этомъ плачевномъ событіи? сказалъ баронъ съ горестью, которая неизбѣжно возвращалась къ нему, когда говорилъ объ этомъ предметѣ. — Конечно, мы любимъ, почитаемъ его величество; однакожъ я ему приписываю несправедливую мою отставку.

— И вы думаете, сказалъ я съ увѣренностью: — что при нынешнихъ законахъ человекъ можетъ быть лишена жизни внутри тюрьмы?..

— Чтѣ за дѣло, какъ бы ни избавиться отъ такихъ опасныхъ враговъ, лишь бы избавиться; для подобныхъ преступниковъ нѣтъ законовъ.

— Нѣтъ законовъ! возторжъ я, тронутый такими жестокими правилами: — милостивый государь, законы изда ны для всѣхъ...

— Не будемъ говорить о политикѣ,

прервалъ сухо бывшій савонскій префектъ. — Хотя я болѣе и не участвую въ администраціи, однакожь не чувствую никакой симпатіи къ утопистамъ... Посмотрите на дѣло такъ, какъ оно было: Дум Беленъ осужденъ на смерть и умеръ въ словизъ арестѣ. Я еще благодарю судей за то, что они избавили его семейство отъ стыда видѣть смерть арестанта на площади.

— Значить, онъ былъ главой заговора? спросилъ я объ этомъ человекѣ съ любовицтвомъ, которое было во мнѣ возбуждено и которое не легко было удержатъ.

— Не знаю, главой ли, или только членомъ, отвѣчалъ баронъ, котораго этотъ разговоръ выводилъ изъ терпѣнія. Изъ процесса ничего не объявлено; извѣстно только, что послѣднее слово... Конечно, я не могъ оставаться префектомъ въ Савонѣ; но вѣсто того, чтобъ отставлять меня отъ службы, какъ это сдѣлали, можно бы перевести въ другое префекство.

— Кажется, можно было бы простить осужденныхъ, сказалъ графъ: — съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они открыли покаяннагося убить императора.

— И между ними не нашлось ни труса, ни замѣнника? спросилъ я неловко.

— Замѣнника! труса! повторилъ экспрефектъ, пожимая плечами. — Боже мой! вѣтъ говорить о политикѣ?

— Они отвергли всѣхъ, поучающихъ милость за такую цѣну, продолжалъ графъ Сент-Алезъ: — и... моя дочь сдѣлалась вдовою. Мнѣ дали знать, что я не могу долѣе оставаться въ Италіи, и я возвратился во Францію съ сыномъ, который напрасно старался о своемъ перемѣщеніи, и съ несчастною дочерью, которая умереть теперь отъ отчаянія.

— Итакъ, вы знаете наши обстоятельства, сказалъ баронъ, провозился это съ увѣренностію человека, который не думаетъ встрѣтить противорѣчіе: — не-уже-ли вы не согласитесь, что дѣла украли враги мои?

— Ваши враги? франмасоны? вскричалъ я съ недоувѣрчивостію.

— Что до меня, я сначала подозрѣвалъ, сказалъ отецъ: — этого Генуэзца, этого Бинадески, который былъ причиною всѣхъ нашихъ несчастій.

— Надѣйтесь, графъ, сказалъ я, сжимая его руку: — невозможно, чтобъ вы не нашли этого дѣтати. И вы, сударь, прибавилъ я, обращаясь къ барону: — искренно желаю увидѣть васъ снова префектомъ.

Я вышелъ изъ отеля, не обдумавъ плана дѣйствій, какия надобно было предпринять, чтобъ поправить зло, въ которомъ я почти участвовалъ. Происшествія, рассказанныя графомъ Сент-Алезомъ, не давали мнѣ ключа къ отыскавію дѣтати, сына осужденнаго преступника. Мнѣ даже казалось невозможнымъ связать ихъ удовлетворительно и логически, — такъ, по-видимому, они были странны. Воображеніе мое, всегда готовое найдти необыкновенныя причины для самыхъ простыхъ дѣйствій, отыскало два или три романа, которые нисколько не подходили на Бинадески графа и франмасоновъ его сына. Похититель дѣтати, безъ сомнѣнія, воръ-спекулянтъ, который, не успѣвъ опорожнить желѣзный сундукъ графа Сент-Алеза, захватилъ его наследника, чтобъ получить выкупъ. А между-тѣмъ этотъ воръ, сколько я могъ его припомнить, имѣлъ видъ весьма-честный, во-крайней-мѣрѣ, по бородѣ; даже больше: онъ плакалъ, какъ рассказывалъ мнѣ извозчикъ.

Я прошелъ шаговъ сто по улицѣ Бельиассъ, не замѣчая, что ошибся въ дорогѣ, — такъ занимало меня это дѣло, за которымъ честь побуждала меня слѣдовать. Я рѣшился дать полицейскому комиссару объясненіе обстоятельствъ вчерашняго происшествія, и между-тѣмъ очутился въ ковицѣ Университетской-Улицы. Я посмотрѣлъ на надписи улицъ, и глаза мои встрѣтили улицу де-Пуатьё, названіе которой слылось въ моемъ умѣ въ воспоминавіи о похитителѣ дѣтати. Въ началѣ этой улицы, вышелъ онъ, когда кабриолетъ вывезъ его изъ Предмѣ-



етин-Сев-Мари! Я старался воспроизвести всё слова кучера, и не вспоминаю ничего, что могло бы указать мне путь. Впрочем, незнакомец не сбегал того, чтобы показать дорогу к своему жилищу, ибо, делясь известиями своей адрес, он в некотором образом объявлял бы и свое имя. Такого-образом, я отчаялся открыть следы этого человека.

Однакожь, пошедши в улицу де-Шуатё, я проехала ее с одного конца до другого, рассматривая всё дома, всё окна, чтобы найти в них какое-нибудь откровение. Эти дома, которые были входили на темные корридоры, в которые, тогда, как и теперь, населены были бедными рабочими классом, не вдохнули в меня никакой светлой идеи, могшей навести меня на следы похитителя. В окнах я видела только простых женщин, разговаривавших на веревках бзье; в коридорах — самочинных ребятшек, играющих и громко шуйбавших; в лавках — фигуры продавцов, занятых своим торговлею. Я подходил ко многим из ребятшек, входил в большую часть этих корридоров, переходил даже на несколько темных лестниц, по ступеням с толстыми перилами, и ни один дворник не останавливал и не спросил меня; эти попытки только убедили меня в безопасности поисков.

Я хотела уже идти далее и зайти в отель министра полиции, как глаза мои устранились на одно закрытое окно во втором этаже плохого с видом дома, который должен быть меблирован подобно отелям, потому-что старая мадам, прибывшая в воротах, указывала в меблированных комнатах и кабинетах. В окошке, обратившись на себя мое внимание, видна была детская сорочка из тонкого полотна, сохнувшая на солнце вместе с маленькими белыми чулками, очевидно не принадлежавшими тем парижанкам, которых я видела бгающими по тротуарам босыми ногами.

Сердце мое билось; я врался пооб-

но вору в темный и темный корридор, который оканчивался лестницей в меблированном отеле. Я проехала, небудучи замечена, мимо замечательных отскелъ комнаты дворника, который в эту минуту занят был приготовлением кофе с молоком для завтрака, и сосредоточив всё способности зрения и слуха в совершении молока, готового вскипеть. Вспомнив сзади первого этажа, я уже не боялся остановки со стороны недоброжелателя или скучного дворника; но она, выходя, без сомненья, являлось некое из огня и будучи совершенно уверена в безопасности своего завтрака, услышала шум шагов, вышла из комнаты и, стоя внизу лестницы, вскричала мне, сдвигая из своей руки ружо:

— Все ждут, сударь, уже с добрым часом: ударьте три раза в дверь и два раза в окно направо.

Я открыла рот, чтобы ответить и спросить об имени того, кто меня ожидал; но небудучи предусмотрительным языком, который вызвала бы дворника из заблуждения, и некорно благодарю, которое проворчал я тихо, удовлетворило его и заставило возвратиться в конуру без всякой недоброжелательства. Я пошла по ступеням и дошла до второго этажа, где увидела вдруг четыре двери с четырьмя различными номерами. В которую дверь постучать? У каждой двери было окно в резизе стекла и служило указателем входа в каждое отделение. Я колебался между дверями; похожи одна на другую; указание, навод услужливо сдвигая дворник, может-быть, относилось не к той комнате, в которую мне хотелось войти, а в домъ было шесть этажей и множество жильцов. Я облокотилась на перила и слушала. Вдруг в соседней комнате раздавался плачевный голос ребенка и голос взрослого, сначала тихий и ласковый, потом угрожающий и сердитый, который беспрестанно мшился с воплями и вадущаемым криком, как-бы ста-

завишися заставить молчать. Я приложилъ ухо къ двери, которая, по-видимому, должна была быть тою, куда надобно постучать, я услышала въ комнатѣ голоса. Истиннѣе привелъ меня къ цѣли: я нашелъ похитителя нитяи.

— Маленька! я хочу видѣть маленьку! кричалъ бѣдный жалютокъ. — Ответьте меня къ маленькѣ! Гдѣ маленька? Гдѣ дѣдушка?

— Милое дитя, отвѣчалъ ласковый почти умоляющій голосъ: — я дамъ объ всего, чего ты хочешь, сабли, ружья, барабаны, только не кричи!

— Буду кричать до-тѣхъ-порѣ, пока не отвезутъ меня къ маменькѣ! Я васъ, ударъ, любилъ, а теперь совсѣмъ не люблю, совсѣмъ, совсѣмъ!

— Эй! упрямейте, такъ вотъ кто не озвонитъ тебѣ кричать: императоръ, вторыи собираетъ въ армию капризныхъ дѣтей и дѣлаетъ ихъ солдатами. Зыинишь, вонъ кто-то идетъ по лѣтничку; я пойду отворою...

Въ эту минуту, я слегка ударилъ рижды пальцами въ дверь и два раза въ окно. Дитя перестало кричать.

#### V: Довѣренность.

Я такъ хорошо подражалъ условленному знаку, что дверь отперла безъ опасенія, съ увѣренностію увидѣть ожидаемое лицо; прежде, чѣмъ догадаться, что это былъ не тотъ, кого ждала, я бросился изъ всѣхъ силъ въ дверь, которую отворила въ-половину и тотчасъ затворила, какъ-скоро я вошелъ въ маленькую темную комнату, гдѣ схватился съ сильнымъ противникомъ, намѣревавшимся сорвать мѣни нитяи, и во всякомъ случаѣ не пустить къ дитяти. Я узналъ вчерашняго моего незнакомаго; но онъ не узналъ меня и хотѣлъ залупить въ свѣдѣхъ жилистѣхъ рукахъ, спрашивая о причинѣ нарушенія спокойствія въ его квартирѣ.

— Вѣтъ! сказалъ онъ въ сильномъ неистовствѣ. — Что вамъ надобно? Если вы шпіонъ, то не выйдете отсюда живымъ.

— Тихе! тихе! отвѣчалъ я, чувствуя, что изнемогаю: — пустите меня. Если я позову на помощь и прикажу васъ арестовать...

— Арестовать, несчастный! ты!.. вскричалъ онъ, не забываясь объ осторожности и скрытности. — Меня никогда не арестуютъ.

— Да Боже мой! я и не хочу, чтобъ васъ арестовали, отвѣчалъ я, опасаясь отчаянныхъ ударовъ.

— Въ такомъ случаѣ, бѣги и скройся отъ моего ищенія!.. Да вѣтъ, ты будешь рассказывать... Если ты тронешься съ мѣста, ты умрешь!

— Хорошо вы платите мнѣ за то, что я для васъ вчера сдѣлалъ! Я бы долженъ былъ остановить васъ и выдать...

— Какъ! это вы, сударь? прервалъ онъ, понизивъ голосъ, съ сильнымъ движеніемъ, которое я замѣтилъ по сотрясенію его руки.

— А! наконецъ вы узнали меня! Я не имѣю намѣренія сдѣлать вамъ зло, сокрани меня Богъ! хотя вы и приляли меня довольно-грубо; и пришелъ просить у васъ дитяти, которое вы похитили у его матери.

— Именемъ неба, сударь, оставьте у меня это дитя; не отнимайте единственнаго блага, которое осталось для меня на свѣтѣ!

Дитя молчало: шумъ борьбы и перемѣны, которыя оно слышало не видя дѣйствующихъ, оледенилъ его. Темнота передней, въ которой я былъ остановленъ сильнымъ противникомъ, препятствовала мнѣ слѣдить по его лицу за впечатлѣніями, какія производилъ въ душѣ его нашъ разговоръ; одна-кожъ, мнѣ казалось, что онъ проливалъ слезы, что въ немъ происходила сильная борьба. Онъ опустилъ меня, но замѣчалъ всѣ мои движенія.

— Вы оказали мнѣ такую услугу, которой я не забуду никогда, пока будетъ въ мнѣ капля крови, сказалъ онъ отрывисто: — но у меня нѣтъ средствъ доказать вамъ мою благодарность; я бѣденъ...

— Хотя бъ вы были богаты, ваши

деньги не могли бы заставить меня участвовать въ воровствѣ самомъ значкомъ и самомъ преступномъ, въ похищеніи дитяти!.. Вы не отвѣчаете? Зачѣмъ украли вы это дитя?

— Потому-что оно мое, отвѣчалъ онъ съ твердостью и вѣстѣ съ благородствомъ.

— Ваше! повторилъ я съ удивленіемъ, не смѣя вывѣдывать фамильныя тайны, которыя Сент-Аллезъ скрылъ отъ насъ. — Заклинаю васъ, отдайте мнѣ это дитя, которое зоветъ свою несчастную мать...

— Не-уже-ли вы сожалеете болѣе о матери, чѣмъ объ отцѣ?

— Отецъ умеръ, сказалъ я важно, желая тѣмъ показать, что никакая сказка не обманетъ меня.

— Жертвы императорскаго деспотизма умерли для міра, а на-самондѣлѣ онъ два года товился въ тюрьмѣ, сказалъ онъ съ горечью. — Поэтому-то, и теперь мнѣ нельзя жить съ женою и сыномъ.

— Не обманывайте меня, сударь! Г. Сент-Аллезъ рассказалъ мнѣ все; я знаю, что его зять погибъ...

—Его зять я! вскричалъ онъ съ гордостью. — Знаю, что графъ Сент-Аллезъ и его сынъ распустили слухъ о моей смерти и такимъ-образомъ освободились отъ воспоминанія, которое тяготитъ ихъ; но Адель, во жена моя!..

— Возможно ли? не-уже-ли вы Луи Беленъ, который замѣшанъ въ заговорѣ на жизнь его величества и осужденъ на смерть?

— Осужденъ, но не лишентъ жизни. Вы, сударь, мнѣ кажетесь человѣкомъ чувствительнымъ, и я хочу оправдаться предъ вами.

Луи Беленъ ввелъ меня въ комнату, въ которой полунагой ребенокъ сидѣлъ на постели среди вгрушекъ всякаго рода, которыми загромождена была постель, съ нетерпѣніемъ ожидая конца разговора, который слушалъ не понимая; появленіе новаго лица навело на него страхъ, и онъ устремилъ на насъ неподвижные глаза, между-тѣмъ, какъ отецъ его просилъ меня прѣстѣть

въ дальнемъ углу пустой и бѣдной комнаты. Нѣсколько минутъ мы смотрѣли другъ на друга и были одинаково довольны этимъ первымъ испытаніемъ, которое утвердило насъ во взаимномъ доброжелательствѣ.

Въ чертахъ Луи Белена выражались благородство и гордость характера: черная окладистая борода скрывала нижнюю часть блѣднаго лица, но только не придавая ему жестокости, но еще увеличивая его привычную скорбь.

— Кажется, сначала надобно въ нѣсколькихъ словахъ объяснить мое поведеніе, сказалъ онъ. — Я буду говорить тихо, чтобъ не услышало это бѣдное дитя... Графъ Сент-Аллезъ, во своей слабости, и его сынъ, во своей власти, были виновниками моего несчастія. Они намъ рассказывали, что хотѣли: я не буду обличать ихъ во лжи. Вѣрно только то, что они недостойно понинужали меня, пожертвовали мною; особенно баронъ Сент-Аллезъ, который постоянно меня ненавидѣлъ... — Малое дитя! прервалъ онъ, смотря на него съ любовію:—я вчера увидѣлъ тебя въ первый разъ!

— Я тутъ ничего не понимаю!.. Васъ почитаютъ умершимъ, а вы живы! Вы, отецъ этого дитяти, прибѣгли къ несправдливому, совершенно незаконному похищенію... Ну, если мать его умереть съ отчаяніемъ!

— Вы приводите меня въ ужасъ, заставляете постигнуть всю важность моего поступка... который можно извинить однимъ несчастіемъ. Я очень понимаю, что бѣдная мать страдаетъ!.. Въ это время, я забываю всю ее вину, забываю, что она пожертвовала мной.

— Какъ вы ошибаетесь! Во время вашего процесса она не оставила Савоны, она испытала всѣ средства, чтобъ увидѣть, защитить васъ; и когда, наконецъ, истомленная печалью слегла въ постель...

— Какъ? Адель не намѣнила мнѣ подобно прочимъ? вскричалъ онъ съ нѣжностью. —И я отсталъ у нея нашего сына!

— Когда она выдоровѣла, произведен на свѣтъ это дитя, которое вы у нея отняли, она узнала, что у сына не вѣтъ уже отца!

— Ложь, гнусная ложь! Это выдумал баронъ Сент-Алезъ, несчастный! Я дѣйствительно былъ замѣшанъ въ заговоръ противъ его величества; во я былъ невиненъ и ни въ чемъ не упрекалъ бы себя, еслибы не зналъ ужасной тайны, которую вѣрилъ мнѣ мой другъ. Тайное общество итальянскихъ республиканцевъ, благородныхъ по сердцу, но безразсудныхъ по уму, составилось для сверженія ига, тяготѣвшаго надъ Италією; одинъ изъ нихъ, избранный по жребію, поклялся убить императора во время его путешествія въ Миланъ. Этотъ парубійца былъ лучший другъ мой! Богъ знаетъ все, что я сдѣлалъ, чтобъ отклонить его отъ этого преступленія, которому онъ, какъ жертва, обрекъ себя. Я хотѣлъ спасти императора, не лишаясь друга. Мнѣ одолженъ живая императоръ... Но я не могъ доказать свою невинность, не открывъ, не убивъ двадцати участниковъ и сообщниковъ убійства, которому помѣшалъ. Итакъ, я молчалъ и военнымъ судомъ осужденъ на смерть. Полагали, что я признаюсь: но я не сдѣлалъ этого, говоря, что не участвовалъ въ заговорѣ и что совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня. Доносы, на меня сдѣланные, были очень-слабы, почему я и не подвергся участи осужденныхъ вѣстѣ со мною, большею частію итальянцевъ, которыхъ разстрѣляли въ тюрьмѣ. Я остался государственнымъ арестантомъ, осужденный на отлученіе отъ общества...

— А другъ вашъ, который вовлекъ васъ въ эту бездну, не имѣлъ столько великодушія, чтобъ подвергнуться той же участи?

— Онъ сѣлъ на корабль, который разбился у береговъ Африки: онъ попалъ къ Арабамъ, уведенъ ими и пятнадцать мѣсяцевъ оставался плѣнникомъ, не получая никакого извѣстія ни изъ Франціи, ни изъ Ита-

ліи. Получивъ свободу, онъ возвратился во Францію подъ вымышленнымъ именемъ и тотчасъ озаботился о своемъ освобожденіи; съ помощію денегъ онъ успѣлъ вывести меня изъ Анконской-Крѣпости, въ которую меня перевезли; я нашелъ его въ Парижѣ; мнѣ хотѣлось увидѣть, обнять его до отъѣзда въ Англію... Я прибылъ къ нему, чтобъ принять его послѣдній вздохъ: печаль возобновила въ немъ неизлечимую органическую болѣзнь, причиненную лишеніями и мученіями во время плѣна въ Тангерѣ... Три дня назадъ, въ этой комнатѣ, на этой постели...

— Ваша дружба заслуживала другой награды... Но нынче, присвокупилъ я, занятый опаснымъ положеніемъ, въ какомъ находился этотъ благородный молодой человекъ: — вы можете располагать тайною вашего друга...

— Ахъ! отвѣчалъ онъ со вздохомъ: — теперь эта тайна никому не интересна: ужъ вѣтъ головъ, которыя могли бы настъ!

— Не раскрывайтесь передо мною вполнину; помогите мнѣ служить вамъ лучше... Каждую минуту вы подвергаетесь опасности быть арестованнымъ, особенно, если полиція открыла слѣды похитителя этого дитяти...

— А вы пришли сюда шпионовъ, чтобъ задержать меня? спросилъ Луи Беленъ, возвращаясь къ прежней недоумчивости.

— Я пришелъ говорить съ вами откровенно, чтобъ отыскать дитя и возвратить матери. Если вамъ угодно, я исполню порученіе — возвращу и васъ вашей несчастной супругѣ.

— Я никогда не увижу ея! вскричалъ онъ съ усміемъ: — она отказалась отъ меня, оставила, забыла меня...

— Не буду усиливаться доказывать вамъ противное. Начнемъ съ самаго нужнаго: нельзя терять ни одной минуты; похищеніе этого дитяти заставить полицію принять дѣятельныя мѣры къ отысканію его... Можетъ-быть, есть уже описаніе вашихъ припадъ,

можетъ-быть, знаютъ ужё вамё мѣстопробываніе... Извощика, который доведё васъ вчера до этой улицы, заставитьъ открыть васъ... Васъ посалятъ въ тюрьму и, узнавъ, что вы тотъ же...

— Черезъ часъ я буду далеко отъ Парижа... съ этимъ ребенкомъ... Я жду паспорта и экипажа.

— Съ этимъ ребенкомъ? возразилъ я. — Не-уже-ли вы еще упорствуете въ этомъ намѣреніи, недостойномъ честиаго человека? Но, можетъ-быть, не пройдетъ часа, можетъ-быть, этотъ домъ уже окруженъ...

Въ эту минуту такъ же, какъ я, легкою ударили три раза въ дверь и два раза въ стекло; Луи Беленъ вздрогнулъ, схватился за рукоятку пистолета, который я замѣтилъ подъ его платьемъ, застегнутымъ до подборода, и остановился, бросивъ испытующій взглядъ въ мою сторону; потомъ потихоньку всталъ, далъ мнѣ знакъ не сходить съ мѣста, подавая испуганное дѣтя и вышелъ въ переднюю, гдѣ и началъ тако переговаривать съ лицомъ, которое было ему знакомо и подавало условный знакъ. Этотъ человекъ отправился назадъ, и я не выдалъ его, а Луи Беленъ возвратился въ комнату съ разстроеннымъ видомъ; онъ положилъ на столъ большой мѣшокъ золота, который принесли ему.

— Я не могу вѣхать; у меня нѣтъ паспорта! вскричалъ онъ съ грустію: — кажется, открыли какой-то заговоръ, потому-что постоянно выдумываютъ что-нибудь, чтобъ императоръ былъ въ духѣ. Невозможно достать паспортъ!

— Лучше оставайтесь здѣсь; можетъ-быть, удастся счастись!

— А куда я пойду? возразилъ онъ съ нетерпѣніемъ, ходя большими шагами по комнатѣ, останавливаясь, по-временамъ; правдъ дѣтей, которое открыло глаза и не стѣло подвѣять ихъ: — куда пойду съ этимъ ребенкомъ?..

— Не затрудняйтесь въ выборѣ...

На-примѣръ, вы можете отправиться ко мнѣ... въ Марэ... .

— Къ вамъ... съ моимъ дѣтяемъ?... Вы франмасонъ? прибавилъ онъ съ масонскимъ знакомъ.

— Я вашъ старинный, отвѣчалъ я, не пропуская знака, который долженъ былъ подтверждать мои слова. — Ложа Девяти-Сестръ.

— Ложа ученыхъ и аристовъ; это мой... Вѣрюсь вамъ, сказалъ онъ, подавая руку: — я пойду, куда вамъ угодно.

— Отвѣчайте мнѣ откровенно на послѣдніе вопросы. Ложа Девяти-Сестръ, въ которой президентомъ добрый Пугаретъ, никогда не выѣздивалась въ политику. Вы не имѣете сношенія съ заговорщиками?

— Нѣтъ, увѣрю васъ честью. Уже четыре года, послѣ моего путешествія по Итали, я не принадлежу ни къ какимъ тайнымъ обществамъ; мой другъ... Винадески, — я не буду скрывать передъ вами, увлекъ меня въ заговоръ, котораго онъ былъ душою; но я отсталъ отъ заговорщиковъ со времени женитбы и совершенно не знаю о ихъ намѣреніяхъ.

— Тѣмъ лучше! Еслибъ вы вступили въ свѣтъ, принадлежа къ заговорщикамъ и тайнымъ обществамъ, я не могъ бы сдѣлать вамъ добра, а себѣ причинилъ бы много зла... У васъ есть бумаги... вашего друга?

— Бумаги, повторилъ онъ, смѣшались отъ этого непредвидѣннаго вопроса: — кто вамъ сказалъ объ этомъ? Эта бумага... У меня нѣтъ ихъ.

— Онъ у васъ, я вижу это. Если въ этихъ бумагахъ упоминаются лица еще живыя, бумаги надобно сжечь.

— Я сжечь всё, въ которыхъ были собственныя имена, свѣдѣнія, опасныя для кого-нибудь и сохранилъ только тѣ, которыя касаются одного Винадески, исторіи его жизни, республиканскихъ мыслей, желаній, надеждъ...

— Это-то мнѣ и нужно... вѣрите мнѣ или, или, лучше, отойдите къ мнѣ... У меня есть особые виды; и, кинуть вамъ, я буду беречь вашу честь столько

ке, сколько мы сами... Въ дѣлкахъ ру-  
акъ эти бумаги возлюбилъ безнадлеж-  
ю, въ немъ онъ слышитъ всеъ.

Спустя десять минутъ послѣ этого  
заговора, Луи Беллеа, и в ребенокъ  
бы въ чинахъ и отправившись въ мою  
квартиру.

Луи Беллеа и дѣла его и вездѣ въ  
онъ, а самъ возвратился въ тотъ же  
дѣнь, въ которомъ мы прибыли, и  
приказавъ вѣсти себя въ министерство  
олицы, которое занималъ Фуше, гер-  
бъ французскій; почти безпрестанно со-  
рочень Директоріи. Дорогой успѣлъ я  
добыть бумаги, которыя хотѣла  
потребовать въ дѣло; и убѣдился, что  
въ нихъ нѣтъ ничего, противнаго мо-  
ей нацѣрности. Мысли и чувства  
я выражены съ теплотою въ видѣ об-  
щій мѣтѣды; итальяскій языкъ,  
дѣ въ распорѣченныхъ перошъ, приде-  
тъ мнѣ литературный интересъ, въ  
порѣбу я не могъ быть нечувствитель-  
нымъ; но матеріальныя подробности я  
актъ были набожныя пропусканы я  
ставлены въ пользу: прекрасное,  
лучше и новѣйшее выраженіе ча-  
о замѣнло мнѣ, дѣныя; обяза-  
наго, необходимы дѣя того; чтобы  
знать, дополнить важныя открытія.  
надежды хотѣла вывести на сцену  
поро себя и тщателью стараво-  
рыть своихъ сообщниковъ въ не-  
предѣленной и теплой общности.  
надеждъ; онъ наименовалъ умер-  
лахъ; в глаза мои очочаюсъ сѣзаны  
и чтеніи имени Арены, Серакии,  
абид-Лебрена и друтихъ, которые,  
добно ему, преданы были полюб-  
му дѣлу республики.

#### VI. Воскресеніи.

Я зналъ Фуше, когда онъ былъ про-  
осоромъ исторіи уораторіалцовъ. Его  
наберный и культурный характеръ не  
зволить мнѣ войти съ нимъ въ связь,  
тъ я и уважалъ его за разнообраз-  
ю ученость, за тонкій и блестящій  
ъ. Не смотря на мою непритворную  
лю держать себя въ отдаленіи и въ  
оронительномъ положеніи; онъ все-  
выказывалъ уваженіе и почти при-

страстію ко мнѣ, на которую, прѣна-  
юса, я не дѣлалъ оговѣнать. Я научилъ  
его полюбить книги. говорилъ онъ;  
а я почиталъ себя востановленъ,  
что немыа обмануть мнѣ не толь,  
чтобъ я научился отъ него такъ и  
обманывать, чего никто не дѣлывалъ  
лучше его. Не большю дуку или трохъ  
разъ вскрѣчалъ я его послѣ вѣстныхъ  
историческакъ и библіографическакъ  
бствѣ у оглева Орасторіи, и онъ при-  
нималъ меня съ усердіемъ и уваже-  
ніемъ, которыми завладалъ всѣ, бѣ-  
нне ошавъ толкомъ этихъ свиданій. Онъ  
не упустилъ случая оказать мнѣ услу-  
гу и доверчиве полагался на мою  
свѣдомость, безъ сомнѣнія потому, что  
не боялся, чтобы я измѣнилъ слово.  
Въ то время я считалъ Фуше такимъ,  
какимъ почитали его біографы, т. е.  
спесобнымъ на все, лишь-бы удовле-  
творить своимъ страстямъ, имѣть въ  
своихъ рукахъ силу и богатство. Въ  
этомъ онъ полагалъ всю свою вѣру, и  
не щадилъ ни нравственности, ни ре-  
лигіи, ни семейства, ни отечества, ни  
чувствъ человѣческихъ; тогда стоиши  
заставлялъ его поширать нѣтъ глазами.  
Честолюбія, возвышающаго души бла-  
городныя и заставляющаго въ поче-  
стѣхъ искать наслажденій благородной  
гордости, не было въ Фуше: онъ смот-  
рѣлъ на силу, какъ на самое лучшее  
средство дѣлать золото и употребить  
его по-всѣму. Онъ былъ на самой  
высокой ступени любви къ интригамъ и  
ласкалъ свою суетность; обманывалъ  
весь міръ, даже императора; дѣлалъ  
таинчи хитростей и чиняръствъ, съ  
помощію которыхъ сталъ необходимъ  
дѣя правительству во время террориз-  
ма, директоріи, консульствъ и импе-  
ріи: соперникъ Карры и Коазо-д'Эр-  
буа, онъ назывался другомъ и анге-  
ломъ-хранителемъ Наполеона. Пугая  
своего повелителя, онъ снискалъ вѣ-  
ную его привѣтливость: сначала, онъ  
окурялъ его тѣнями заговоровъ, при-  
зраками убійцъ, мнѣшными опаснос-  
ми, и по-видимому спать былъ един-  
ственно спасеніемъ его жизни и охра-  
неніемъ его короны...

Придверникъ, которому я отдалъ билетъ, прося тѣмъ аудіенціи у герцога отрантскаго, возвратился съ приказаніемъ вести меня: приказаніе, безъ сомнѣнія, дамо было въ словахъ очень-уважительныхъ по мнѣ, потому-что было возвышено мнѣ съ поломомъ до земли. Каково же было мое изумленіе и огорченіе, когда я увидѣлъ въ кабинетѣ министра извозчика, который вчера возилъ меня въ Предѣстіе-Сен-Мари! Герцогъ отрантскій въ этотъ день былъ въ припадкѣ веселости: онъ катался по камаше, умирая со смѣха, забывъ о министерской важности; а извозчикъ, стоя передъ нимъ съ раскрасившимся лицомъ и притыженными видоми, грызъ зубами край своей шляпы, чтобъ придать себѣ твердости. Не долго я надѣлся, что этотъ прохлятый человѣкъ не узнаетъ меня: лашь-только я вошелъ, онъ сдѣлалъ жестъ въ восхищеніе, выразившіе его радость, что встрѣтилъ меня предъ лицомъ министра.

— Вы пришли очень-встать, мой любезный ученый, сказалъ Фуже, все еще смѣясь, идя ко мнѣ на встрѣчу съ протянутою рукою.

— Понорѣйше благодарю, ваше превосходительство, за то, что вы удостоили меня аудіенціи безъ письма, отвѣчалъ я, не зная того, что тутъ происходило.

— Вотъ этому плуту я также безъ письма далъ аудіенцію, сказалъ онъ, смѣясь еще сильнѣе.

— Я выйду, если ваше превосходительство не можете выслушать меня, пробормоталъ я, обидѣвшимся сравненіемъ съ этимъ болтуномъ, который сталъ поперегъ моихъ плановъ.

— Оставайтесь, прошу васъ, господинъ Жакобъ, вы нужны намъ. Ваше здоровье, кажется, хорошо? а ваши труды?

— Подвигаются впередъ, по обыкновенію, иногда не оканчиваясь, в мое послѣднее произведеніе...

— Эй, ты, бездѣльникъ! прервалъ Фуже, обращаясь къ извозчику, остолбенѣвшему отъ сдѣланнаго мнѣ при-

на: — тотъ ли это господишъ, котораго ты вчера возилъ въ кабриолетѣ? его ли ты называешь *Феофиломъ Жакобомъ*?

— Точно такъ... ваше превосходительство... отвѣчалъ извозчикъ хриплымъ голосомъ, который выходилъ изъ тяжело-дышащей груди, подобно голосу чревоушателя.

— Почему ты знаешь меня? быстро возразилъ я для храбрости. — Откуда ты выкопалъ мое имя?

— Да по-ужь-то нашъ дворникъ не знаетъ его? Тутъ нѣтъ ничего обиднаго; я спросилъ, кто этотъ маленький старичокъ, свѣжій какъ лукъ, живой какъ угорь, который...

— Увѣрились ли вы? прервалъ Фуже, котораго отратительная и блѣдная фигура не выражала ни гнѣва, ни чувства, а который продолжалъ смѣяться такъ добродушно, что я не могъ не подражать ему изъ учтивости.

— Увѣрился ли въ томъ, что я живъ какъ угорь? возразилъ я, принявъ это юмористическое предисловіе.

— Нѣтъ, въ томъ, что вы видѣли вчера меня, какъ я спускался со стѣны въ Предѣстіи-Сен-Мари, уходя съ честнаго свиданія...

— Съ госпожею де-ла-Пенардьеръ прибавилъ я, кивнувъ головою утвердительно.

— Все это очень-забавно, сказалъ Фуже, принявъ важный видъ и смотря на меня съ надмуренными бровями: — и мнѣ теперь любопытно знать, какъ можно употребить во зло простоту этого человѣка до такой степени...

— Ваше превосходительство, а вы думалъ, что это были вы, сказалъ я, подошедъ къ нему такъ близко, чтобъ болтливый извозчикъ не могъ слышать. — Я старался запереть ротъ этому болтуну, и вы видите, какъ успѣлъ въ этомъ!

— Вѣрю! онъ очень-много сохранилъ тайну; когда его привели къ полицейскому комиссару, какъ сказали мнѣ, по дѣлу о похищеніи дитяти у графа Сент-Аллеза, онъ не хотѣлъ дать никакаго объясненія; говорилъ, что дѣло

асается одного имени, и что онъ будетъ говорить только мнѣ. Я не зналъ, го вы, господни? Жакобъ, такой искусный мистификаторъ; мы укусили много Матона.

— Честь мнѣю доложить вашему превосходительству, что я никакого не отыгъ мистифировать, но такую ложь очель средствами къ открытію тайны, касающейся государственной безопасности...

— Заговоръ?.. Скотъ, глупецъ! привилъ онъ громко, выгоняя извощика, жидавшаго себѣ другихъ комплиментовъ:— если ты вздумашь говорить о министрѣ полиціи, будто видѣлъ, что въ перелѣзалъ чрезъ стѣну, подобно обоннику или ночному вору, я застаю тебя кончить жизнь въ Шарантонѣ.

Я не сходилъ съ своего мѣста, и когда мы остались одни, тотчасъ же пригупилъ къ дѣлу, давъ волю своему воображенію. Голая истина обыкновенно чень-веловка и непроворна въ сравненіи съ тѣми пресыщенными матритами, которые хотятъ выть крылья, тобъ подняться и проникнуть тайны. Ю-этому я принялъ видъ и осанну пошляка.

— Насъ здѣсь только двое, другъ мой, сказалъ Фушѣ съ старинной фамильярностію товарища:— вы знаете итальянскій заговоръ?

— Большой, возразилъ я жеманясь:— то конекъ заговора Арены, Серакки и Фабио-Лебрена.

— Вотъ хвостъ, который такъ долго вьется за головою! Я думалъ, что тотъ хвостъ отрубленъ былъ въ процесѣ миланскихъ и савонскихъ франкасовъ. Мы разстрѣляли съ дюжиною республиканцевъ, но не отыскали головы того, кто долженъ былъ убить императора въ Миланѣ...

— Объ этомъ-то я и хочу повѣстять наше превосходительство.

— А! браво! это счастье для васъ, другъ мой; вы приобретете признательность императора. Убийца схваченъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ.

— Умеръ? повторилъ Фушѣ, огор-

ченный и обинутый въ своихъ надеждахъ этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ. — Такъ что же вамъ угодно, тобъ мы сдѣлали съ умершимъ заговорщикомъ?

— А его бумаги? онъ не погребены съ нимъ.

— Да! это другое дѣло. А скажите, эти бумаги совершенно-ясныя, самыя нужныя? Этого только и не достаецъ во всѣхъ моихъ заговорахъ. Заговорщиками, которыхъ допрашиваютъ болѣе, чѣмъ нужно, наполнены тюрьмы; но не могутъ найти бумагъ, подлинныхъ писемъ, доказательствъ неопровержимыхъ. Если эти бумаги высказываютъ хоть что-нибудь, я дамъ имъ много мѣса.

— Мнѣ кажутся онъ очень-любопытными. Это исповѣдь итальянскаго республиканца, который поклялся убить императора...

— Его имя?

— Теперь я могу сказать, потому-что онъ уже не существуетъ: это Бинадески...

— Бинадески! Такое имя есть въ моихъ спискахъ заговорщиковъ. Вотъ, сказалъ онъ, раскрывая реестръ именъ, расположенный по алфавиту:— но противъ этого имени нѣтъ никакой отмѣтки... Онъ хорошо сдѣлалъ, что умеръ.

— Скажите вамъ имя заговорщика, я долженъ оправдать передъ вами хорошаго молодого человѣка, который не принадлежалъ къ заговорщикамъ и который, однакожъ, осужденъ на смерть въ мѣсто Бинадески.

— Если онъ осужденъ на смерть и приговоръ исполненъ, то что же можно для него сдѣлать?.. По посмотримъ эти бумаги...

— Я получила ихъ отъ него: онъ покажетъ вамъ его величностію и выстѣладутъ знать, какой ужасной опасности забѣгъ императоръ.

— Прекрасно! Это именно тѣ бумаги, которыхъ мнѣ не доставало. Я прикажу сдѣлать...

— Позвольте, ваше превосходительство, сказалъ я, не отдавая ему бумагъ:— позвольте мнѣ рассказать вамъ дѣло въ



перотныхъ словахъ. Въ Италіи я зналъ французскаго музыканта Луи Белена...

— Котораго въ 1807 г. осудили въ Савойѣ, прервали Фуше, возманила листа къ своему ресстрѣ: — заключили въ Анконскую-Крѣпость, по случаю перешли наказанія, и который... проети Господи! съ мѣсяца навадѣ убѣжалъ. Это плохая для него рекомендація!

— Дѣйствительно, ваше превосходительство, арестанта не нашли въ крѣпости. Но вотъ что будетъ рекомендовать его лучше. Его арестовали, судили какъ заговорщика, на мѣстѣ и вѣсто друга его, Бинадески, который успѣлъ бѣжать; между-тѣмъ, онъ могъ сказать одно слово, чтобъ оправдаться и переимѣнить свое пожизненное заключеніе на почетную награду...

— Хорошо! почему же онъ не сказалъ этого слова?

— Онъ помертвовала собою своему другу и не сдѣлался мѣдвѣнникомъ: онъ спасъ императора...

— Написать безъименное письмо, чтобъ императоръ не возвращался въ Миланъ, гдѣ его жизнь будетъ въ опасности?..

— Точно такъ, отбѣчала я на-удачу. — Это письмо спасло императора и разрушило заговоръ.

— Еслибъ онъ тогда пришелъ ко мнѣ, я далъ бы ему тысячу вѣно на то, чтобъ онъ сказалъ имена заговорщиковъ.

— Онъ не могъ тогда этого сдѣлать; да онъ и не зналъ ихъ именъ, исключая именъ своего друга, которому не хотѣлъ измѣнить.

— Это прекрасно, но глупо. Иначе, что же онъ просить за эти бумаги? Я вижу, онъ послалъ васъ, чтобъ продать литературное наслѣдство отъ Бинадески и вы защищаете въ одинъ разъ двухъ виновныхъ? Вотъ какъ дорого старыя неподвижныя бумаги!

— Невозможно видѣть человека, который перебралъ стѣну сада ерели Сент-Аллева; это была тотъ несчастный изгнанныкъ, который перелъ отбѣскомъ изъ Франціи хотѣлъ изгнать на мѣку и сына...

— Какъ! онъ въ Парижѣ? Моя волѣца такъ худо дѣйствуетъ! Мнѣ, право, стыдно.

— Я постарался увидѣть его до отбѣда и выпросилъ у него эти бумаги...

— Такъ онъ у васъ? сказалъ Фуше, вставая и безъ церемоніи обѣскаивалъ меня, чтобъ вынуть бумаги изъ моего кармана.

— Ваше превосходительство, администраторъ васъ! вскричалъ я, боясь, что скоро лишусь заклада моего торга: — окажите правосудіе дѣлу, котораго я требую по справедливости; прощадіе Луи Белена и мѣсто пріемщика прошеви иди префектское бывшему савоискому префекту, барону Сент-Аллеву!

— Барону Сент-Аллеву?.. повторилъ министръ, разсматривая бумагу: — это безцѣлобыва вещь!

— Баронъ Сент-Аллеву, шуринъ Луи Белена, зналъ въ немилость, приближалъ я, наблюдалъ анжюверинъ герцога охранителя, который не выдусталъ на одно слово на мою защитительную рѣчь, читалъ рукопись Бинадески.

— Этого Бинадески была анжюверинъ дѣлово!.. Императоръ скажетъ, что я выдумалъ это, если не покажетъ ему бумагу...

— Императоръ не имѣетъ подданнаго, который былъ бы преданъ ему больше барона Сент-Аллева, деспотизма изъ своей ревности до того, что онъ не работилъ е милости своему зятю...

— Это Брутъ въ имперіи!.. Да, мнѣ досадно, что Бинадески умеръ; это былъ одинъ изъ самыхъ милыхъ заговоръ. Какой жеманый человекъ!..

— Но увѣрены ли вы, что онъ умеръ?

— Ваше превосходительство, самъ онъ былъ живъ, я ливанъ не оставилъ бы отдать вамъ эти бумаги.

— Я начинаю вѣрить, что онъ дѣйствительно умеръ, сказалъ Фуше по-

звонилъ. — Я отправаюсь въ Туринъ. Вашъ адресъ, Жакобъ?

— Ваше превосходительство, достаточно ли просвѣщена ваша вѣра? сказала я, подавая карточку. — Вы во многихъ обстоятельствахъ удостоивали меня своей благосклонности и желанія быть мнѣ полезнымъ...

— Карету! сказала онъ въшедшему слугѣ. — Господинъ Жакобъ, сказалъ онъ, подавъ мнѣ руку: — моя вѣра, говоря вашимъ торжественнымъ языкомъ, теперь просвѣщена столько, сколько это возможно. Не забудьте, что я всегда вашъ.

Я остался довольно-грустенъ отъ результата моего путешествія, не получивъ никакого положительнаго обѣщанія. Между-тѣмъ, я думалъ возвратиться домой съ доброю вѣстью!

Я явился къ графу Сент-Аллезу подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобъ извѣстить о розыскахъ полиціи. Графъ также пріѣхалъ изъ полицейской префектуры и пошелъ къ своей дочери, чтобъ снова погрузиться въ отчаяніе отъ извѣстія, что ничего не открыто. Я, съ своей стороны, думалъ, что сдѣланы попытки къ отвѣскаію дитяти и его похитителя и просилъ, чтобъ меня ввели къ госпожѣ Белевъ, которая стопа въ своей комнатѣ. Нишъ дитяти, подозрѣваемую мною въ знаменіи дѣла, о которомъ ее допрашивали, приказано было ввести меня; она пошла впереди меня весьма-разстроенная, съ глазами полными слезъ; передъ комнатою госпожи Белевъ она на одну минуту обратилась ко мнѣ.

— Чтѣ, сударь? не возвратятъ вамъ-го дитяти? сказала она тихо: — я знаю, что ему не дѣлають зла, но вать...

— Я не понимаю тебя, милая, возвратилъ я, краснѣя отъ нечаяннаго разговора: — ты мнѣ говоришь...

— Да, сударь; вы не могли этому господи похитить дитя; я видѣла, что вы пріѣхали въ кабриолетѣ въ предместіа...

— Я, милая? вскричалъ я, слышавшій отъ таково обличенія, котораго не могъ ожидать.

— О, сударь! я вѣтъ хорото видѣла, когда ходила отворить калитку сада. Тотъ господиный, котораго я ждала, слѣдовалъ за вами почти...

— Изъяснись, милая; влигусь тебѣ, что ты ошибаешься. Значитъ, ты могла покищенію?..

— Я, сударь! я никогда не утѣшусь. Тотъ господиный нишѣ видѣ совершеннo-честнаго человѣка; вчера онъ на улицѣ подошелъ ко мнѣ и предложилъ большую сумму денегъ, — и, приняюсь, я нишѣ глупость вѣтъ, — за то, чтобъ посмотреть на сына госпожи вѣсой. Онъ назвалъ себя живописцемъ и хотѣлъ написать портретъ дитяти.

— И ты приняла его, когда не было госпожи Белевъ? Онъ вошелъ чрезъ садовую калитку?

— Я оставила его на одну минуту съ спавшимъ дитятей... Онъ со слезами обнялъ его, смотрѣлъ на него... Чрезъ нѣсколько времени возвратился экипажъ, и когда я услышала, что графъ кричитъ «воры!», тогда господиный унесъ дитя...

— Безъ-сомнѣнія, ты, моя милая, упрекаешь себя за это; но я надѣюсь, что все устроится... Мнѣ приходитъ на мысль, что этотъ челоѣкъ унесъ дитя потому, что его преслѣдовали; онъ лишился бы жизни; ты говоришь, что онъ имѣлъ честный видъ?..

— Столь же честный, какъ вашъ, сударь, но онъ гораздо-моложе; прекрасная фигура, борода...

— Хорошо! быть-можетъ, онъ самъ отецъ сожалѣетъ, очень беспокоится; онъ проситъ только о томъ, чтобъ дали ему случай возвратить дитя. Надобно же доставить ему этотъ случай. По этому я желаю, чтобъ ты нынѣ-вечеромъ отворила садовую калитку, для того, чтобъ онъ возвратился, если онъ долженъ возвратиться. Особенно не надобно присматривать за нимъ, потому, что этиъ ты все испортишь; нарочно надобно оставить отвореннымъ окно, колыбель...

— Колыбель? Она на томъ же мѣстѣ. Какое было бы счастье, еслибъ она

бѣдное дитя нашлось въ его колы-  
белѣ!

Я вошелъ къ госпожѣ Беленъ, по-  
далъ ей нѣкоторое утѣшеніе и неопре-  
дѣленную надежду; я не щадилъ ниче-  
го, чтобъ успокоить ее на-счетъ уча-  
сти дитяти: ея братъ имѣлъ неблаго-  
разуміе напугать ее личными врагами,  
дѣлалъ онъ могъ вѣсть между фран-  
цозами и итальянскими патриотами;  
она была увѣрена, что несчастное ди-  
тя сдѣлалось жертвою политическаго  
мщенія. Я сказалъ, что путешественни-  
ки встрѣтили похитителя съ дитятей,  
который ласково держалъ его. По дру-  
гому извѣстію, этотъ человѣкъ разма-  
тривалъ дитя при свѣтѣ фонаря и, раз-  
смотрѣвъ, вскричалъ: «милый малют-  
ка! я такъ люблю тебя, что не отниму  
тебя у матери». Наконецъ, чтобъ со-  
кратить длинное объясненіе, я приду-  
малъ третьяго свидѣтеля, который буд-  
то-бы слышалъ слѣдующія слова: «ка-  
кая радость для отца обнимать въ пер-  
вый разъ своего сына!»

— Боже мой! сказала она съ живо-  
стію, молча и со вниманіемъ выслу-  
шавъ меня: — слова эти не относятся  
къ моему сыну. Вотъ уже болѣе двухъ  
лѣтъ, какъ я лишилась мужа.

— Я знаю, что господинъ Луи Беленъ  
осужденъ военнымъ судомъ, и что раз-  
несся слухъ о его смерти...

— Онъ умеръ! умеръ, сударь! сказа-  
ла она, завлакая при этомъ воспомина-  
ніемъ. — Это вѣрно!

— Мнѣ хотѣлось бы, однако, чтобъ  
вы усомнились, и я почелъ бы себя  
счастливымъ, еслибъ поколебалъ вашу  
мучительную увѣренность и подалъ  
вамъ надежду. Впрочемъ, я недавно ви-  
дѣлъ ученаго Итальянца изъ Савоны...

— Чтѣ вы сказали? вскричала она съ  
невъразимымъ движеніемъ физионо-  
міи.

— Къ-несчастію, ничего точнаго; но  
я слышалъ, въ Генуѣ полагають, что  
вашъ мужъ живъ...

— Живъ! живъ! говорила она, пора-  
женная этою мыслью. — Еслибъ это бы-  
ла правда! о, еслибъ это было возмо-  
жно!

— Вашъ мужъ не былъ виновенъ, и  
невинность имѣетъ такую власть надъ  
судьями...

— И, однакожъ, они осудили его.

— Правда; но если они не исполнили  
приговора? если они только заключили  
его тайно въ государственную тюрьму?

— Не говорите этого: вы сведете ме-  
ня съ ума! Мужъ мой тамъ, въ землѣ...  
А мое дитя?.. О! нѣтъ, это уже слыши-  
комъ!

Я ушелъ, чтобъ дать развиться въ  
сея умѣ сомнѣнію, какое подалъ я ей  
довольно-искусно, и общался прійти,  
когда получу благопріятнѣйшія вѣсти.  
Я возвратился домой: депеша мини-  
стра полиціи ожидала меня. Съ тресе-  
ніемъ сорвалъ я печать: это было про-  
шеніе Луи Белену и назначеніе баро-  
на Сент-Аллеза государственнымъ со-  
вѣтникомъ. Кромѣ того, былъ еще ве-  
ленькій пакетъ, въ которомъ находи-  
лась книжка, напечатанная на веле-  
новой бумагѣ, переплетенная полъ  
видъ кожи весьма-непріятнаго цвѣта,  
съ надписью: «*Библиофилу Жакобу,  
рыдкость для любителя, книжка, пере-  
плетенная въ человѣчью кожу*». Это бы-  
ла конституція 1791 года!

Я успѣшилъ сообщить эти пріят-  
ныя новости Луи Белену, который на-  
чиналъ беспокоиться моимъ долгимъ  
отсутствіемъ. Впрочемъ, и дитя не да-  
вало ему покоя: оно требовало своей  
матери и такъ громко кричало, что  
возмущало бы сосѣдей, еслибъ моя Би-  
ванда была не такъ уединенна и не  
такъ тиха. Я имѣлъ счастье внушить  
этому дитяти такое уваженіе, что при  
появленіи моемъ оно замолчало и оста-  
лось неподвижнымъ, какъ-бы перешло  
въ отель Улицы-де-Шутъ: ребенокъ  
принялъ меня за императора нослѣ то-  
го, чтѣ сказалъ ему отецъ, грозя вои-  
тивою, и я былъ въ его глазахъ  
страшнѣе Крокиттона. Много труда  
стояло Луи Белену понять мои намѣре-  
нія и согласиться на планъ, какой я при-  
думалъ. Но когда я рассказалъ ему свой  
разговоръ съ его женою, когда дока-  
завалъ, что она увѣрена въ его смерти,  
онъ растрогался и еще болѣе проли-

налъ своего шурина. Я не успѣлъ оправдать того, который способствовалъ мнѣ не осужденію, то по-крайней-мѣрѣ пожизненному заключенію его въ тюрьму и огласилъ его въ семействѣ мершимъ. Однакожъ, я уменьшилъ нѣтъ Луи Белена, изобразивъ ему, съ какою жаромъ баронъ Сент-Аллеъ вѣлся отъискивать дитя своей сестры; нѣтъ приписалъ этому братскому жару выстрѣлъ изъ ружья, который былъ направленъ въ него и изъ котораго только нѣсколько дробинъ попало въ его лѣвую руку.

Въ восемь часовъ вечера, мы приступили къ развязкѣ этого страннаго происшествія. Луи Беленъ объявилъ, то онъ совершенно положился на меня и будетъ слушаться моихъ приказаній, какъ рекрутъ. Дитя не кричало, благодаря моему присутствію, которое остоянно производило свое дѣйствіе. Добѣжавъ до Университетской-Улицы, мы вышли изъ фіакра. Я проводилъ отца съ сыномъ въ Предмѣстье-Сен-Мари, чтобъ увѣриться, помогла ли имъ горничная исполнить планъ мой. Калитка была въ-половину отворена. Я поворилъ дитяти, чтобъ оно было умывшись, ободралъ Луи Белена помогать нѣтъ дѣлать то, что нужно. Затѣмъ нѣтъ быстро ушелъ, чтобъ войти въ отель лавными воротами. Когда я вошелъ, послѣдствіе, царствовавшее въ отелѣ, дозвывало, что я пришелъ во-время, и не было нѣтъ причины перемѣнять роль мою. Надобно было предоставить слушателя докончить это трудное предпріятіе.

Графъ Сент-Аллеъ, сынъ его и дочь были вмѣстѣ; они грустно разговаривали о своихъ страхахъ и надеждахъ. Мой приходъ помогъ послѣднимъ. Разомъ съ трехъ сторонъ спрашивали меня, что я узналъ и о чемъ пришелъ извѣстить. Возвращеніе дитяти могло обнаружиться каждую минуту; не было времени сдѣлать вступленіе.

— Графъ, сказалъ я торопливо: — я получилъ письмо изъ Италіи; меня извѣщаютъ, что зять вашъ, Луи Беленъ,

который былъ заключенъ въ Анконскую-Крѣпость, убѣжалъ...

— Мой зять! вскричалъ графъ, упавъ на спинку кресла.

— Мой мужъ! вскричала внѣ себя госпожа Беленъ, рыдая и едва дыша.

Баронъ Сент-Аллеъ не сдѣлалъ никакого восклицанія; но онъ наморщилъ брови и заскрипѣлъ зубами.

— Это еще не все, прибавилъ я, вынимая письмо: — Луи Беленъ прощенъ, и важныя открытія, какія онъ сдѣлалъ, снискали ему почти благоволеніе императора. Вотъ единственная награда, которой просилъ онъ!

— Назначеніе меня государственнымъ совѣтникомъ! вскричалъ баронъ Сент-Аллеъ, не вѣря глазамъ своимъ.

Въ эту минуту послышался крикъ дитяти; сердце матери не могло не узнать его; госпожа Беленъ отвѣтила на этотъ крикъ сильнѣйшимъ крикомъ; она бросилась, подобно львицѣ, которая бѣжитъ защищать дѣтей своихъ, подбѣжала прямо къ колыбели своего сына, взяла его на руки...

— Сынъ мой! сынъ мой! сынъ мой! кричала она, какъ сумасшедшая.

Глаза ея, наполненные слезами, устремились въ глубину комнаты: она увидѣла своего мужа. У нея достало еще силъ, чтобъ сдѣлать шага три впередъ, но потомъ она упала въ обморокъ. Луи Беленъ принялъ на свою грудь мать и сына.

Я самъ пошелъ запереть садовую калитку, чтобъ скрыть и успокоить душевное волненіе. Тамъ увидѣлъ я дова-Рибьера, который прохладился у себя передъ окномъ.

— Добрый вечеръ, другъ мой! вскричалъ я, расторопный видѣнію спецою. — Мы лишены самыхъ пріятныхъ наслажденій, — мы, библиофилы, которые не имѣемъ ни женъ, ни дѣтей.

— Что это? возразилъ онъ съ изумленіемъ и не покидая меня. — То, что вы говорите, не касается происхожденія карточныхъ игръ.



## ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

### I.

#### ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА КАРАМЗИНУ.

Въ послѣднее время, въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ столицы провинціальныхъ городовъ—въ Симбирскѣ, совершилось событіе, имѣющее право на вниманіе и интересъ всей Россіи. Мы говоримъ объ открытіи памятника покойному историографу Россійской Имперіи, Н. М. Карамзину. Первая мысль этого памятника и первая жертвованія на него принадлежатъ симбирскому дворянству, подвигнутому желаніемъ — въ талантѣ и литературныхъ заслугахъ почтить память симбирскаго дворянина, именемъ котораго, по-справедливости, Симбирская-Губернія имѣетъ особенное право гордиться. Это замѣчательное событіе совершилось 23 августа нынѣшняго года. Въ десять часовъ утра, въ кафедральномъ соборѣ, симбирскій епископомъ была совершена литургія, а за нею — панихида по усопшемъ историографѣ. Изъ храма отправилась духовная процессія къ мѣсту памятника, въ сопровожденіи присутствовавшего при богослуженіи дворянства и чиновничества. Когда пала завѣса, скрывавшая бюстъ Карамзина и два барельефа, изображающіе двѣ важныя эпохи его жизни, преосвященный окропилъ памятникъ святою водою. Потомъ провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, а за тѣмъ вѣчная память историографу и многолѣтіе симбирскому дворянству и воишь, почитающимъ память великаго писателя. Въ заключеніе, преосвященный Θεодотій произнесъ краткое, но весьма-краснорѣчивое слово.

По окончаніи духовной процессіи, началось свѣтское торжество въ залѣ гимназіи, передъ которой поставленъ

памятникъ. Нарочито для этого торжества пріѣхавшій изъ Москвы, бывшій профессоръ и литераторъ, М. П. Погодинъ, произнесъ похвальное слово въ память Карамзина. Къ-сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать объ этомъ памятникѣ современнаго краснорѣчія, потому-что не читали его, но увѣряютъ, что рѣчь привела къ умиленію и восторгу симбирское дворянство. Затѣмъ, почетный почетель гимназій, вѣкогда романтическій поэтъ, г. Ознобишинъ, вспоминая старину, прочелъ свое стихотвореніе, замѣчательное не столько съ поэтической стороны, сколько по чувству, которое въ немъ выразилось, и по случаю, на которое оно было изготовлено. Вотъ оно:

Онъ здѣсь! Онъ вѣчно нашъ! Изображенъ  
Кли  
Отнынѣ передастъ въ воздѣлѣнныя времена  
И даръ Царя и дань привзательной Россіи  
Къ трудамъ Карамзина.  
Какъ древо Продога, средъ шумящихъ  
игръ Эллады,  
Рассказомъ сладостнымъ народы увлекла,  
И юный Фукидидъ, впервые на стары  
вѣздахъ,

Рыдалъ и трепеталъ;  
Такъ русскій юноша, теперь идущій мимо,  
Взглянувъ на этотъ ликъ, сіяющій въ нѣдѣ,  
Любовь къ отечеству, сей огнь неугасимый,  
Возвзвучаетъ въ груди.

Въ немъ вдругъ пробудится нежданная слава  
Высокихъ подвиговъ, тѣмъ ставнѣмъ на  
книжкѣ,  
И, какъ птенецъ орла, свои разширилъ  
крыла,

Онъ къ солнцу возлетитъ!  
А ты, на чьихъ брегахъ замолкнулъ звукъ  
булата,  
Два царства падшія омывшая волной,  
Ты, мирно льющая обиліе и алото,  
Лякуй: онъ вѣстуетъ твой!

Да, Волга, онъ твой санъ! Когда нем-  
палеменный  
Насъ спроситъ; это кто?—Мы гордо ска-  
жемъ: тотъ,  
Кому пріятливо внималъ Благословенный  
Средъ царственныхъ заботъ!  
Кто время Гречнаго, безстрастный и сво-  
бодный,

Тѣнья темныя потомству передалъ;  
Первые намъ раскрылъ языкъ просто-  
народный,

Русь міру указалъ!  
То щедро взысканный, мечталъ и днѣй  
въ закатѣ  
славѣ родины, когда языкъ пѣиѣлъ!  
Гадъ кѣмъ Монархъ скоробѣлъ и въ слѣ-  
дланной утратѣ

Съ Россіей спротѣлъ!  
Нѣ здѣсь! Онъ вѣчно нашъ! Изображеніе  
Клѣт  
тѣмъ передать въ позднѣйши времена  
даръ Царя и дань признательной Россіи  
Къ перу Карамзина.

Во время открытія памятника, кры-  
ши, окна домовъ, балконы и вся пло-  
щадь были наполнены ликующими  
мѣтлами, которые до поздней ночи  
звѣчали около памятника.

Въ тотъ же день, отъ дворянства и  
поземельщиковъ данъ былъ обѣдъ съ мно-  
гочисленными тостами, которые со-  
провождались приличными обетоятель-  
ствами рѣчами. Рѣчи эти не отличаются  
особеннымъ краснорѣчіемъ, но непри-  
ятны намъ къ застолюму краснорѣ-  
чію, въ которомъ такіе мастера Ан-  
гличане. Но насъ выводитъ изъ этого  
труднительнаго положенія волшеб-  
ное русское слово: ура! Оно вѣрѣно  
все избавляетъ насъ отъ необходи-  
мости быть краснорѣчивыми: скажите  
сколько общихъ имѣетъ и, видя, что  
мы готовы заговориться, крикните ура!  
— хорошо подхватить это слово себе-  
любивцы, и рѣчь произведетъ впечат-  
лѣніе. У всякаго народа свое краснорѣ-  
чіе. Такъ и сдѣлалъ г. Погодинъ,  
въ рѣчь на тостъ, который пили за его  
слова: « ура », которымъ онъ заклю-  
чилъ свою рѣчь, было истинно кстати.  
Онъ не довольствуясь этимъ, г. Пого-  
динъ еще сказавъ сію краткую, но ис-  
ключительную энергію рѣчь:

« Въ нашихъ бокалахъ, им. гг., еще  
много вина. Позвольте предложить  
намъ тостъ, въ которомъ заключаютъ  
ся всѣ предидущіе: за здравіе и бла-  
годенствіе Россіи! Да цвѣтетъ она  
долго, долго, выражусь словами Ка-  
рамзина, если на землѣ нѣтъ ничего

« безсмертнаго, кромѣ души человѣче-  
ской! »

Вообще, въ этомъ торжествѣ самый  
важный и великій фактъ есть тотъ, что  
Карамзину воздвигнутъ памятникъ въ  
родномъ ему городѣ. Такое чествова-  
ніе заслуженныхъ мужей таланта и  
слова, по смерти ихъ, дѣлаетъ великую  
честь и странѣ и времени, какъ вѣр-  
ный признакъ распространенія и уко-  
ренинія соціального и человѣчествен-  
наго образованія. Это чествованіе да-  
же способствуетъ еще большому уси-  
ленію общественнаго образованія: про-  
столюдинъ безграмотный, глядя на  
памятникъ, сооруженный мужу тала-  
нта и слова, безъ собственного вѣдома  
и сознанія, приучается чтить науку и  
подвиги таланта и слова. Талантъ, съ  
своей стороны, получаетъ новое ува-  
женіе къ самому себѣ и своему назна-  
ченію, новыя силы на благородное  
стремленіе къ возвышенной цѣли.  
Честь и слава просвѣщенному цар-  
ствованію, которое осуществило об-  
щественную признательность къ Ло-  
моновскому, Державину, Карамзину и  
Крылову, воздвигавъ имъ достойные  
памятники!...

Можно спорить о томъ, поэтъ или  
не поэтъ былъ Карамзинъ, для нѣкоторъ  
или только для своего времени писатъ  
онъ; но нельзя спорить о томъ, что Ка-  
рамзинъ былъ нѣкоторымъ образомъ  
творецъ русской литературы, что  
его даровитое перо положило прочное  
основаніе не кабинетной (основанной  
Ломоносовымъ), а живой, естественной  
общественной литературѣ въ Россіи, что  
оно, это перо, вызвало, приготовило и  
образовало публику, которой до Ка-  
рамзина не было; что талантъ его  
имѣлъ огромное вліаніе на самые нравы  
и гуманное образованіе общества,  
и что, наконецъ, Карамзинъ положилъ  
прочное основаніе русской исторіи,  
какъ наукѣ, уже не исключительно ка-  
бинетной, но общественной, неказалъ  
и первый образецъ возможно-основа-  
тельнаго и ученаго въ его время из-  
ученія историческихъ источниковъ, и  
художественнаго ихъ изложенія въ

стройномъ повѣствованіи. Даже и тогда, когда новый талантъ дастъ намъ исторію Россіи, которая затмитъ собою «Исторію Карамзина, — даже и тогда заслуга этого человѣка передъ русскою исторіею не перестанетъ быть столько великою, какою была она во время появленія въ свѣтъ *Исторіи Государства Россійскаго*. Такие подвиги очень и очень стоѣтъ вѣковѣчнаго памятникъ...

Карамзинъ, при жизни своей, какъ и по смерти, имѣлъ и фанатическихъ почитателей и ожесточенныхъ порицателей своего таланта: это служитъ лучшимъ доказательствомъ его важнаго значенія въ русской литературѣ. Труды его раздѣляются на два разряда: бельгетристическіе (стихи, повѣсти, журнальныя статьи, переводы) и историческіе (нѣсколько историческихъ статей въ *Исторіи Государства Россійскаго*). Тѣ и другія были предметомъ и неумѣренныхъ похвалъ и неумѣренныхъ нападеній. Бельгетристическими своими произведеніями Карамзинъ возбудилъ къ себѣ и удивленіе и негодованіе преимущественно какъ преобразователь языка. Но съ этой стороны, побѣда скоро склонилась на его сторону, и скоро видѣлъ онъ однихъ друзей своего таланта, и не видя его недруговъ. *Исторія Государства Россійскаго*, при жизни его, была истиннымъ его триумфомъ; но послѣ смерти, именно съ 1829 года, начались сильныя и ожесточенныя споры за нее и противъ нея. Какъ поразительный примѣръ тѣхъ и другихъ, приведемъ въ свидѣтели словъ нашихъ два голоса двухъ человѣкъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго ни по таланту, ни по литературной значительности, но принадлежащихъ къ карамзинской эпохѣ и образовавшихся подъ вліяніемъ ея духа. Знаменитый поэтъ нашъ, Жуковский, сказалъ, между прочимъ, въ одномъ своемъ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1832 году:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;  
Ей молится Россія вѣрный сынъ,

И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы

Святое имя: Карамзинъ.

Г. Гречъ, имя котораго въ нашей литературѣ гораздо-наивѣстнѣе, нежели его сочиненія, вотъ что сказалъ объ исторіи Карамзина:

«Кочивъ изданіе *Вѣстника Европы* (съ 1803 года), Карамзинъ, въ-точномъ пятнадцати лѣтъ, не печаталъ ничего, и занимался только своею исторіею. Она удволяла его многими требованіями (я говорю только въ-отношеніи къ языку), но—воля ваша! — прежде онъ писалъ лучше. И повѣсти его, и *Письма Русскаго Путешественника*, и статьи *Вѣстника Европы* написаны слогомъ приятнымъ, естественнымъ, не отвергающимъ прикрасъ, но и не гонявшимся за красотами. Я нѣсколько разъ читалъ его *Исторію Государства Россійскаго*; занимался сочиненіемъ грамматки, разложилъ большую часть его периодовъ, насчитывалъ почти всѣ обороты; находилъ многое хорошихъ, прекрасныхъ, правильныхъ, классическихъ, но *содержалъ по Бюдой Лицъ!* Въ слогѣ его исторіи видна принужденность, стараніе быть краснорѣчивымъ, насильственное округленіе периодовъ; все искусственно, все разбито, и не то, что прежде. Позволь воскликнуть съ Пушкинымъ:

«И, бабушка! затѣла пустое:

«Окончи лучше намъ Илью Богатыря!»

Все это напечатано въ альманахѣ *Новосводникъ*, изданномъ г. Кукольникимъ въ 1839 году, въ статьѣ *Воспоминанія Юности*, стр. 222. Впрочемъ, мы привели здѣсь мнѣніе г. Греча не для того, чтобъ оспаривать его, а какъ фактъ, показывающій, какъ раздѣлены были мнѣнія о Карамзинѣ даже между его почитателями. А такой фактъ всего лучше доказываетъ важное и великое значеніе Карамзина въ русской литературѣ: о писателяхъ обыкновенныхъ не спорятъ; только

галантъ и заслуга пользуются завидною привилегіею возбуждать интузиазмъ, похвалы, вражду, брань и споры...

## II.

### ПИСЬМО УЧРЕДИТЕЛЯ ТОВАРИЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ РОССИИ ПРОСТОЙ И ВЫГОДНОЙ ОБДѢЛКИ ПРЯДИЛЬНЫХЪ РАСТЕНИЙ ВЪ РЕДАКТОРУ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

Милостивый государь.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, чрезъ отзывы газетъ и журналовъ, объ учрежденномъ мною товариществѣ для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений. Это предпріятіе, сверхъ вѣроятности, которымъ оно удостоено отъ Императорскаго Великаго Экономическаго Общества и лестнаго за него ходатайства Его Императорскаго Высочества Принца, президента общества, уже заслужило и всеобщее одобреніе. Однѣ только «Отечественныя Записки», въ библиографіи десятаго номера, отозвались нѣкоторыми сомнѣніями и будто-бы неполнымъ признаніемъ полезности дѣла.

Сожалѣю, что рецензія вышла въ свѣтъ прежде, нежели вы получили составленный товариществомъ правила. Тогда бы г. рецензентъ, безъ всякаго сомнѣнія, измѣнилъ во многомъ свой взглядъ.

Увѣренный въ вашемъ безпристрастіи, сообщаю мои оправданія, въ полной надеждѣ, что вы, столько же для успѣха полезнаго дѣла, сколько и по справедливости, не откажете мнѣ въ напечатаніи этого письма въ слѣдующемъ же номерѣ вашего журнала.

Буду отищать по порядку, выписывая, гдѣ будетъ можно, полнѣйшія слова рецензента.

1) «Всякое усовершенствованіе, разсчитываемое въ маломъ размѣрѣ, не всегда приноситъ тѣ же, пропорціональныя, выгоды, когда оно расширяется въ обширнѣйшемъ размѣрѣ».

Иногда это совершенная правда, но она не идетъ къ настоящему дѣлу. Если бѣ товарищество, по опыту, сдѣланному надъ нѣсколькими пудами, обѣщало тотъ же результатъ въ обдѣлкѣ нѣсколькихъ сотъ пудовъ за одинъ разъ, какъ то могло бы дѣлаться на фабрикахъ при помощи машинъ, то подобное предположеніе не заслуживало бы полного довѣрія. Но способъ предлагается крестьянамъ; для сдѣланнаго разсчета выгодъ земледѣльца взять въ основаніе конопляникъ хозяйственный; а отъ такого конопляника получается крестьянномъ пеньки не болѣе шести пудовъ, изъ которыхъ два пуда должны еще идти на веревки. Остальные четыре пуда въ годъ на семейство не есть такое количество, котораго бы оно не могло обдѣлать съ раченіемъ. Кто знаетъ съ крестьянскимъ бытомъ, тотъ знаетъ, что крестьянинъ прячетъ и бережетъ каждый лоскутъ, каждый хлопокъ. Чтѣ касается пряжи, то изъ большаго количества матеріала выйдетъ, сравнительно, болѣе, нежели изъ малаго, потому-что такой же невывающійся хлопокъ останется отъ фунта, какой и отъ пуда (1). Притомъ,

(1) Такъ-какъ здѣсь идетъ дѣло о разсчетѣ выгодъ, разсчитѣ математическомъ, то мы никакъ не можемъ допускать неточностей, выраженной фигуральныхъ; и потому никакъ не можемъ согласиться, что такой же невывающійся хлопокъ останется отъ фунта, какой и отъ пуда; все, что можно допустить, — это то, что при производствѣ въ болѣешемъ видѣ, потеря будетъ меньше. Вѣдь хлопокъ остается не потому, что его нельзя прастъ въ маломъ видѣ, а потому, что онъ негоденъ на хорошую пряжу. Для пряденія льна закужель, матеріалъ этотъ тщательно чешется, и при пряденіи не бываетъ никакой потери, не смотря на то, что на кужель навязывается нѣсколько золотниковъ. Редакція О. З.



цифры въ расчетѣ до того противъ образцовъ уменьшены, что результатъ выведенъ половинный въ сравненіи съ тѣми, какими онъ можетъ быть при всѣхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Любопытные могутъ это повѣрить, введя въ тѣ же графы полныя цифры изъ опытовъ.

2) «Найдется ли улучшенков въ качествѣ и увеличенков въ массѣ произведеніе достаточное число потребителей?»

Потребитель хозяйственныхъ своихъ произведеній есть самъ хозяинъ. Если, получая отъ одного изъ пріоритетныхъ растений болѣе, нежели прежде, онъ не будетъ нуждаться въ другомъ, то прекратить посѣвъ ленужнаго и, выигравъ въ трудѣ и времени, получить лишнюю землю подъ хлѣбъ. Объ этомъ очень ясно сказано въ разсужденіи рецензента въ статьѣ (2).

(2) Замѣчанія, изложенныя во 2, 3 и 4 пунктахъ, имѣютъ цѣлію доказать, что при предлагаемомъ способѣ крестьянинъ будетъ самъ потребителемъ улучшенныхъ своихъ произведеній; но г. Великопольскій не только не поколебалъ убѣжденія рецензента, — убѣжденія, основаннаго на опытахъ въ томъ, съ какими немощнымъ трудомъ, съ какими непреодолимымъ упорствомъ крестьяне наши принимаютъ всякія улучшения. Напротивъ, словами г. Великопольскаго подтверждается замѣчаніе рецензента: «Это слѣдствіе нужды или снужденія, а иногда, можетъ-быть, и привычки». Совершенно-справедливо! Отвратите же сначала эти причины — и тогда улучшение привьется безъ всякаго затрудненія. Вы желаете, чтобъ крестьянинъ носилъ бѣлье болѣе-тонкое; мы на это скажемъ: позаботьтесь сначала пробудить въ немъ идею разумнаго порядка, чувство опрятности, — позаботьтесь сначала, чтобъ онъ грубое свое бѣлье перемѣнилъ почаще, чтобъ онъ почувствовалъ нужду хоть въ простынѣ и головной подушкѣ, не валяясь на соломѣ или на голыхъ доскѣ, не покрывался изорваннымъ тулупомъ, не задымался отъ дыма въ курной избѣ, и наконецъ, не раздѣлялъ своего жилища съ теленкомъ, овцою или свинопью. Если всѣ эти условія жизни нашего крестьянина не измѣнятся, то мож-

3) «Крестьянину, который, привычкомъ или необходимостію принужденъ носить восьми-копечный холстъ, найдется ли средства и охота купить холстъ по тридцати коп. за аршинъ?»

Странное было бы изобрѣтеніе заставить крестьянина покупать холстъ. Напротивъ, товарищество доставляетъ ему возможность имѣть этого холста дома, безъ издержекъ, изъ матеріала, который онъ, въ послѣднее время, бросалъ или продавалъ за ничто. Крестьянинъ, при новомъ способѣ, не только что не купитъ, но еще и продать холста желающимъ: обстоятельство совершенно-противоположное тому, какой сдѣлаемъ г-нъ рецензентъ.

4) «Есть средства простому, доступному крестьянину, очищать пшеничное зерно отъ разнаго сора и превращать его въ муку довольно-чистую: отъ-чи-

но ли ожидать, чтобъ онъ началъ носить лучшее бѣлье?»

Г. Великопольскій говоритъ, что потребитель хозяйственныхъ своихъ произведеній есть самъ хозяинъ; слѣдовательно весь успехъ предлагаемаго способа основанъ не на томъ предположеніи, что крестьянинъ получитъ болѣе чистой денежной прибыли, а все-таки на томъ, что онъ будетъ носить лучшее бѣлье. Возможность этого предположенія болѣе нежели сомнительна послѣ вышеприведенныхъ доказательствъ. Рецензентъ остается въ томъ убѣжденіи, что лишь денежная выработка можетъ умелъ крестьянина принять новый способъ. Въ этомъ смыслѣ, — не зная, впрочемъ, — въ чемъ состоитъ новый способъ, рецензентъ поминаетъ отзывъ директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, г. Байкова, который говоритъ: «если бы (предлагаемый способъ обдѣлки пеньки) сдѣлаемъ повсемѣстнымъ, то могъ бы представить соперничество, къ пользѣ русскаго хозяйства, не только «заграничной выдѣлкѣ пеньки, но и хлопчатобумажному производству». Ясно ли очевидно, что здѣсь дѣло о торговлѣ, и притомъ вышней, а не о потребленіи произведеній самими хозяевами, — съ чѣмъ совершенно согласенъ и рецензентъ. Г. Великопольскій говоритъ, что крестьяне будутъ имѣть то, чего прежде не имѣли

же крестьяне южных губерній того не дѣлаютъ и платятъ такой пыничный хлѣбъ, который на видъ хуже ржаного?». —

Вѣроятно отъ-того же, отъ-чего крестьяне сѣверныхъ губерній употребляютъ въ пищу неочищенный ржаной хлѣбъ, иногда нарочно даже, въ суррогамъ, дѣлая его пополамъ съ мякиною. Такимъ-образомъ, они вводятъ въ хлѣбъ болѣе сѣдоваго вещества. Это счастливѣе нужды или скупости, а иногда, можетъ-быть, и привычки. Приводя такіе вредные для здоровья обычаи, весьма, кажется, было бы кстати объявить желаніе, чтобъ дана была возможность имъ искорениться.

Привѣсивъ указанный рецензентомъ примѣръ къ прядильнымъ растеніямъ, спросимъ: почему крестьяне наши не стараются пряхти и ткать изъ льна томъ же, нежели они то дѣлаютъ? Намъ отвѣтять: потому-что они домогаются и тѣмъ, что носить. За-

— все это безъ издержекъ. Бѣльшій трудъ — чего-нибудь также сдѣлать; а 20 к. сер. съ души развѣ не издержки? — Притомъ, если обдѣлка, не предлагаемому товариществомъ способомъ, не сдѣлать ничего, то почему же она сама продаетъ образцы пеньки, льна и носковъ по полтора рубля серебромъ за фунтъ? (См. *Правила и Условія, предварительно объявляемыя Товариществомъ*; ст. VI.) Положимъ, что тутъ включена и пересылка; но она не можетъ стоить дороже 50 к. с. за фунтъ; все же за фунтъ льна приходится 1 р. сер., а за пудъ 40 р. сер.? Вотъ еслибъ гг. учредители доказали, что приобреташіе ихъ способъ могутъ продавать свою пеньку наменьше не только по 40 р. сер., но даже по 40 р. асс., то мы влодѣвъ поручились бы за успѣхъ ихъ способа...

Г. Великопольскій говоритъ: «весьма, кажется, было бы кстати объявить желаніе, чтобы дана была возможность искорениться вреднымъ обычаямъ.» Рецензентъ смѣетъ думать, что онъ, если не болѣе, то никакъ не менѣе всякаго чловека, любящаго своихъ собратій, желаетъ этого. Но желать могутъ многіе, понимать — немногіе, дѣлать — лишь нѣкоторые. *Ред.*

чѣмъ же бы, кажется, предлагать имъ еще новое? Пусть они и носятъ, что привыкли; но, по способу товарищества, изъ льна получится холста болѣе, изъ носковъ лучше и болѣе. Замѣтьте это слово: болѣе. Изъ пеньки же крестьяне будутъ имѣть то, чего прежде не имѣли. Все это безъ издержекъ. Кому же изъ нихъ такое дѣло невыгодно? Какой крестьянинъ, если вы ему хорошо все объясните, отъ него откажется? Потому-то, когда я представлялъ въ Императорское Вольное Экономическое Общество образцы, я представлялъ образцы крестьянскіе. И теперь, когда будетъ мною открыта контора и выставятся въ ней образцы, прошу каждаго не упускать того изъ виду.

5) *Разсчетъ, основанный на душахъ, есть самый несправильный, потому-что онъ не экономическій.*»

Надобно опредѣлить прежде, какой разсчетъ считать экономическимъ. Всякій хозяйственный посѣвъ расчисляется по числу потребителей въ хозяйствѣ; другими словами: по числу требующихъ пищи и одежды; а это число опредѣляется душами, даже не работниками, потому-что въ тѣхъ семействахъ, гдѣ много душъ, а мало работниковъ, взрослые трудятся почти сверхъ силъ, принанимаютъ на послѣднія крохи и засѣваютъ по размѣру все-таки числа душъ. Слѣдовательно, разсчетъ по душамъ, въ нашемъ дѣлѣ, есть самый вѣрный (3).

(3) Г. Великопольскій утверждаетъ, что разсчетъ по душамъ, въ его дѣлѣ, есть самый вѣрный. Не будемъ входить здѣсь въ экономическія основанія подобнаго разсчета; это завело бы насъ слишкомъ далеко; да и стѣять ли того 2 коп. сер. съ души?... Разберемъ только послѣдніе слова г. Великопольскаго. «Всякій хозяйственный посѣвъ» говоритъ онъ «расчисляется по числу потребителей въ хозяйствѣ, другими словами по числу требующихъ пищи и одежды.» Счастливы, стократъ счастливы были бы наши села и деревни, если бы это было такъ водѣ

6) *Здѣсь слѣдуетъ у рецензента анекдотъ о управителяхъ-взяточникахъ, собравшихъ съ крестьянъ по десяти коп. съ души, для того, чтобы не вводить полезныхъ улучшеній, и объ управителѣ честномъ, непокусившемся на взятки и введшемъ улучшенія.*

Цѣль анекдота не совсѣмъ понятна. Если онъ помѣщенъ въ осторожность помѣщикамъ, которыхъ благія къ пользѣ ихъ крестьянъ распоряженія могутъ такимъ образомъ оставаться безъ дѣйствія, то подобное предостереженіе имѣетъ самую благонамѣренную цѣль (4). Но многими можетъ такое прекрасное намѣреніе рецензента быть истолковано совершенно-иначе, и приведенный имъ примѣръ десяти-

и всегда! Не отправлялся бы тогда нижегородскій или саратовскій крестьянинъ тлнуть лямкою суда до Рыбинска; не оставилъ бы своей деревни и своей родной нивы владимірскій крестьянинъ для того, чтобы зашибать копейку на какой-нибудь московской фабрикѣ, для содержанія себя и своего семейства; не отправлялся бы крестьянинъ на зиму въ столицу съ послѣднею лошадиною, чтобы кой-какъ прокормить себя и свое животное; не разсѣивалась бы по трактирамъ, кабакамъ и мелочнымъ лавкамъ половина Ярославской-Губерніи; не уходилъ бы съ косяю за плечами казакъ Полтавской-Губерніи на заработки въ дальнія степи довскія или крымскія; не было бы въ языкъ нашего народа этого многозначительнаго термина: «*надобно же какъ-нибудь кормиться*»; не покупала бы губернія Владимірская или Ярославская хлѣба рязанскаго или тамбовскаго, и пр., и пр.— Какъ эти очевидные факты согласить съ сказаннымъ положеніемъ г. Великопольскаго, которымъ онъ хочетъ доказать, что расчетъ по душамъ есть самый вѣрный? Не пускаясь въ дальнія разсужденія, всякій согласится, что есть же разница между селеніями, гдѣ приходится по 6 десятинъ на душу, съ тѣми, гдѣ нѣтъ и 3 или даже 2-хъ; а это бываетъ сплошь да-рядомъ. *Ред.*

(4) Г. Великопольскій совершенно-правъ: цѣль анекдота, который взятъ изъ дѣйствительнаго событія, — самая благонамѣренная. *Ред.*

копеечной съ души взятки, быть при-мѣненъ къ предлагаемой товариществу, расчисленной по душамъ, платѣ двѣ коп. серебромъ за приобретеніе способа. Ничего ни отъ кого не требуя, и не имѣя права что-либо требовать, а всего ожидая отъ доброй воли и собственнаго расчета всякаго, при томъ, за двѣ копейки доставляя до четырехъ руб. выгоды, товарищество приняло за основаніе расчисленія платы количество ревизскихъ душъ, какъ средство уравнять взносъ. Не знаю, должно ли оно въ томъ даже и ограждать себя отъ ложныхъ толкованій.

7) *Послѣднія замѣчанія и разсужденія рецензента касаются предмета посторонняго главному дѣлу товарищества. (5) приобретеннаго мною новона машиннаго способа совокупной обдѣлки и бѣленія прядильныхъ растений. Въ этомъ способѣ есть въ виду возможность обдѣлывать прядильныя растенія безъ предварительной ихъ вымочки.*

Товарищество объявило въ своихъ правилахъ, что оно покупаетъ ни за что еще въ этомъ машинномъ способѣ не ручается.

Рецензентъ говоритъ: «*стало-быть это показаніе надежда*».

И я говорю: надежда.

«*Замѣтимъ*» — продолжаетъ рецензентъ — *что если, при помощи прядильной машины, можно обдѣлывать*

(5) Рецензентъ сдѣлалъ замѣчанія о приобретенномъ товариществомъ новомъ машинномъ способѣ совокупной обдѣлки и бѣленія прядильныхъ растений. Г. Великопольскій по этому случаю говоритъ: «*замѣчанія и разсужденія рецензента касаются предмета, посторонняго главному дѣлу товарищества.*» Рецензентъ этого не зналъ и не могъ даже предполагать, ибо въ брошюрѣ ясно сказано, что «*Товарищество уступитъ подписчикамъ безденежно, имѣть съ основнаго способомъ, право пользоваться и этимъ добавочнымъ изобрѣтеніемъ.*» Для подписчиковъ, въ крайнемъ мѣрѣ, это не можетъ быть дѣломъ постороннимъ. Впрочемъ, *timeus tardus quod jamais.* — *Ред.*

«придильныя растенія безъ предвари-  
 тельнаго мятья, то мы рѣшительно  
 недоумѣваемъ: что же будетъ дѣлать  
 эта предвидимая машина.»

Г. Рецензентъ отрицаетъ, кажется, въ изобрѣтателѣ, механикѣ ех-профессо, всякое знаніе науки, въ которой, какъ сказано въ статьѣ, онъ сдѣлалъ себя уже извѣстнымъ многими заслугами (6).

Да простить же опъ намъ въкото-  
 рыя опроверженія. Приятный слогъ  
 его рецензіи и занимательный раз-  
 сказъ анекдота, показывають въ немъ  
 искуснаго литератора (7); но литерату-  
 ра и механика съ технологією предме-  
 ты равныя, если не совершенно-про-  
 тивоположныя. На основаніи этого мы  
 надѣемся на его свисходительность и  
 справедливое сознаніе въ своей ошиб-  
 кѣ.

При обдѣлкѣ придильныхъ растеній  
 употребляется два мятя. Одно, перво-  
 начальное или земледѣльческое, произ-  
 водимое самими крестьянами, состоитъ  
 въ отмятіи, или, вѣрнѣе, въ отломленіи  
 отъ волокна деревянистой кострички, по  
 разрушеніи крѣпкой ея связи съ воло-  
 яномъ посредствомъ вымочки. Другое,  
 мятя окончательное, или предъ-исполь-  
 ное, производимое уже передъ обраще-  
 ніемъ волокна въ пряжу. Оно служитъ  
 къ размельченію и размягченію воло-  
 кна. Недавно сдѣлала у насъ много шу-  
 ма льняная мядица Гарнье; во Фран-  
 ціи извѣстна мядица Декостера. И та,  
 и другая имѣють предметомъ второе

мятье (8). Слѣдовательно, изобрѣтен-  
 ная нашимъ механикомъ машина дол-  
 жна, по его общанію, дать въ одинъ  
 приемъ оба результата. Извѣстно, что  
 этой дѣли уже достигала машина ино-  
 странца Христіани; но отсутствіе вы-  
 мочки оставляло на волокнѣ камедисто-  
 смолянистое вещество, которое, бывъ

(8) Жаль, что г. Великопольскій не объ-  
 яснилъ, какъ именно производится второе  
 рода мятяе, — и отъ-того мы рѣшительно  
 не понимаемъ въ чемъ оно состоитъ. Мы,  
 хотя и не ех-профессо, знаемъ однако, что  
 мятяе бываетъ только одно, именно — состоя-  
 щее въ отдѣленіи волокна отъ кострички.  
 Размельченіе же и размягченіе волокна  
 производится не мятяемъ, а чесаніемъ на  
 гребняхъ или шеткахъ, или иногда, какъ  
 дѣлають наши крестьяне, точченіемъ въ  
 стунахъ. Недоумѣваемъ, какое же тутъ  
 мятяе второго рода?.. Ссылаемся на всѣхъ  
 хозяевъ-практиковъ. Мядицы Декостера  
 мы не видали; но машины Гарнье знаемъ  
 не по наслышкѣ: мы видѣли ихъ соб-  
 ственными глазами и притомъ въ дѣлѣ.  
 Позвольте рассказать въ чемъ онѣ со-  
 стоятъ. Это собственно двѣ машины: одна  
 состоитъ изъ двухъ рядовъ безрозчатыхъ  
 цилиндровъ (чугунныхъ или, пожалуй, и  
 деревянныхъ), между которыми враща-  
 ются стебли вымоченнаго льна, кото-  
 рые такимъ-образомъ ломаются. Вторая  
 машина состоитъ изъ желѣзныхъ полосъ,  
 въ горизонтальномъ положеніи враща-  
 ющихся на оси; эти полосы бьютъ по льну,  
 изломанному первою машиною, и отдѣ-  
 ляють кострику отъ волокна. Эта вторая  
 машина есть собственно *трепальная*, а  
 вовсе не мядица машина. Но, чтобъ ма-  
 шины Гарнье, какъ утверждаетъ г. Ве-  
 ликопольскій, имѣли предметомъ несущ-  
 ествующее въ природѣ мятяе второго  
 рода, и служили къ размельченію и умяг-  
 ченію волокна, этого не говорить ни самъ  
 Гарнье и никто не скажетъ, кто видѣлъ  
 его машины въ дѣлѣ. Еще болѣе: вторая  
 машина Гарнье треплетъ скоро, но не  
 совсѣмъ-чисто, такъ, что послѣ нея на-  
 добно лень дотрепывать обыкновенными  
 ручными трепалами, что значительно  
 уменьшаетъ выгоды машины. — Довольно  
 ли доказательства, что литература не все-  
 гда въ разладѣ съ технологією и механи-  
 кою?.. Ред.

(6) Въ изобрѣтателѣ, механикѣ ех-про-  
 фессо, рецензентъ ничего не отрицалъ и  
 не отрицаетъ, хотя и можно отрицать из-  
 вѣстность челоѣка, котораго имя не объ-  
 явлено, равно какъ не объявлено и то,  
 что онъ сдѣлалъ. Ред.

(7) Рецензенту остается благодарить г.  
 Великопольскаго за такой лестный от-  
 зывъ, и замѣтить съ своей стороны, что  
 онъ не видитъ противоположности въ ли-  
 тературѣ и механикѣ съ технологією; что  
 онъ, какъ смѣетъ думать, сейчасть и дока-  
 жетъ въ нижеслѣдующемъ примѣчаніи:

незаштито въ обдѣланномъ матеріалѣ, въ послѣдствіи испарилось отъ дѣйствія солнца и оставило на полотнѣ скважины. Въслѣдствіе того способъ Христиани оставленъ.

Нашему изобрѣтателю это должно быть известно болѣе, чѣмъ намъ. Явно, что онъ предвидѣть возможность произвести одновременно отложеніе клея съ первымъ и вторымъ мятъемъ. Способъ, посредствомъ котораго онъ надѣется того достигнуть, составляетъ его тайну. Я согласенъ, и самъ о томъ писалъ въ рукописи, бывшей на разсмотрѣніи у многихъ экономистовъ, что разложеніе камедисто-смолянистаго вещества невозможно безъ химическаго дѣйствія; но теплотворъ, воздухъ, вода и подобныя простыя агенты, также дѣйствуютъ химически. Не они ли разлагаютъ это вещество во время земледѣльской вымочки и разотки? Развѣ вліяніе этихъ агентовъ не можетъ быть ускорено, усилено и приведено къ единовременному дѣйствію съ машиною? Наука, ничего не дѣлая сверхъ-естественнаго, въ то же время производитъ столько чудесъ, что заранѣе ничего отрицать не должно; иначе не было бы ни тушинскаго водоу греческаго огня, ни саморисованія Дагерра, ни даже найденной въ механикѣ силы рычага. Скажу болѣе: подобное изобрѣтеніе было уже сдѣлано голстинскимъ поселявиномъ Туманомъ; но изобрѣтатель умеръ, и съ нимъ умерло изобрѣтеніе, *милѣмъ од- время не умлекное.*

Надѣюсь, что послѣ этого объясненія г. рецензентъ отмѣнитъ строгій свой приговоръ, что люди, предлагающіе (а слѣдовательно и предлагающіе) способы мять пеньки и льна безъ моченія или разстилки, не знали повидимому самыхъ простыхъ истинъ (9).

(9) Разсужденія г. Великопольскаго немало не поколебали сомнѣній рецензента на счетъ возможности мять льна безъ предварительнаго моченія или разстилки. Децелзентъ немножко скептикъ: къ этому

Оцѣнивъ важность изобрѣтенія, если оно удастся, и не имѣя повода до- вѣрять соображеніямъ извѣстнаго своимъ заслугамъ механика, я приобрѣлъ способъ заранѣе, съ тѣмъ, чтобы передать его безденежно подписчикамъ на основной способъ товарищества, если предприятие получить справедливыя успѣхъ. Условившись въ покунѣ изобрѣтенія, я долженъ буду выслать за него значительную сумму, и если я упомянулъ уже объ этой машинѣ въ моихъ общаніяхъ, то это столько же для того, чтобы слѣдующимъ важнымъ предвидимое изобрѣтеніе, сколько и съ цѣлю показать все мое желаніе и все мое стараніе быть полезнымъ. Я объявилъ, что машина еще не кончена, что я за нее до времени не ручаюсь; самъ изобрѣтатель не говоритъ о своемъ успѣхѣ утвердительно; слѣдовательно, никто не вводится въ обманъ. Не удастся—никто ничего не потеряетъ; а удастся—Россия получить важный подарокъ, и тогда будетъ вполне оцѣнена моя услуга.

Повторяю, что предприятие товарищества не находится ни въ какой зависимости отъ достиженія, или недостиженія механикомъ своей цѣли. Пер-

привели его лѣта, опытность, обращеніе съ людьми. Къ-сожалѣнію, онъ не правъ въ *оцѣнѣ важности изобрѣтенія прежде нежели оно удастся.* О греческомъ огнѣ онъ не беретъ судить, равно и о изобрѣтеніи Тумана, потому-что никто не знаетъ въ чемъ они состояли. Противъ саморисованія Дагерра никто не спорилъ, потому-что гораздо-ранѣе Дагерра извѣстны были законы камер-обскуры и измѣняемость въ цѣбтахъ, производимая солнечными лучами. О вѣроятности будущаго можно судить только по связи съ извѣстными прошедшимъ, уже совершившимся. Что не противорѣчить дознаннымъ истинамъ, то можетъ случиться. Такъ учить логика. Но, не смотря на то, есть люди, которые и теперь отмѣкиваютъ квадратуру круга и занимаются устройствомъ машины вѣчнаго движенія, хотя математически доказана невозможность того и другаго открытія. Ред.

вое имѣетъ предметомъ распространение способа простаго, крестьянскаго; второе — сложную машину; первое — дѣйствительность, изслѣдованная и одобренная; второе — предположеніе ученаго человѣка; первое — богатый фактъ, второе — богатая надежда (10).

8) - Что касается до вреднаго вліянія мочки пеньки или льна на здоровье, то вредъ этотъ, по новейшимъ наблюденіямъ, вовсе не такъ важенъ, какъ о немъ думаютъ нѣкоторые.

Вредъ, не столь важный, какъ думаютъ, все-таки вредъ и по словамъ садоваго рецензента. Этого было бы достаточно для оправданія разбираемой статьи, въ которой не опредѣляется степени вреда. Но ли позволено будетъ

(10) Богатый фактъ, богатая надежда! Такъ-какъ г. Великопольскій признаетъ въ рецензентѣ способность занимательно рассказывать анекдоты, то онъ, увлекшись такою похвалою, позволяетъ себѣ рассказать еще слѣдующій анекдотъ. Лѣтъ 10 или 12 тому назадъ, одинъ свеклосахарный заводчикъ объявлялъ объ открытомъ имъ способѣ вымочки свекловицы, обѣщая несметныя выгоды сахароварамъ. Если не богатая, то сладкая надежда увлекла многихъ. Агрономическое общество, къ которому принадлежалъ изобрѣтатель, поднесло ему адресъ и золотую медаль. Возсталъ только одинъ скептикъ, но его не нослушали, начали ломать прессы и заводить чаны. Но тѣмъ же дѣло кончилось? Обѣщанныя выгоды вовсе не осуществились и остались не въ накладъ лишь тѣ, которые продолжали работать прессами. Спусти нѣсколько лѣтъ, Парижское Общество Поощренія Народной Промышленности предложило премію за лучший способъ вымочки свекловицы; явились многие соискатели и въ томъ числѣ знаменитый Домбаль, — кажется, авторитетъ достаточный! Но общество не присудило и ему премію, хотя и признало, что предложенный Домбальемъ способъ былъ удовлетворительнѣе, нежели способы другихъ соискателей. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ долгомъ замѣтить, что этотъ анекдотъ имѣетъ цѣлю доказать, что скептицизмъ бываетъ принадлежностью не одного человѣка, но цѣлыхъ обществъ, и наоборотъ.

при этомъ случаѣ замѣтить, что въ водѣ господина рецензента изъ наблюдений, совершенно противенъ наблюденіямъ. *Жиранденъ*, въ своей химіи (Rouen, 1839, page 557), дѣйствительно сказалъ, что распространяемая вымочкою испаренія не такъ зловонны, какъ полагаютъ; но въ послѣднее время *Париже*, *Гольтъ де-Клобри*, *Лабарракъ* и *Шоальо*, въ своемъ свидѣтельствѣ, данномъ по случаю изобрѣтенія Рушона, говорятъ утвердительно, что вымочка прядильныхъ растений заражаетъ воду. Это подтверждается и недавнимъ, въ которой-то изъ нашихъ газетъ помѣщеннымъ извѣстіемъ, что цѣлое стадо начало внезапно отъ чего гибнуть, и болѣзнь прекратилась только съ того времени, когда переимѣнили для водоная ивѣсто, въ которомъ передъ тѣмъ вымачивались ленъ или пенька (11).

(11) Рецензентъ не чуждъ того убѣжденія, что чистая, прозрачная вода лучше всякой нечистой или мутной, въ которой хорошо только ловить рыбу. Впрочемъ, мы не знаемъ, о какомъ *Жиранденъ* говоритъ авторъ письма. Намъ известна записка доктора *Александра Жироде*, помѣщенная въ «*Annales d'hygiène publique*». Впрочемъ, изъясненія *Жироде* привели къ тѣмъ же почти результатамъ, которыхъ достигъ *Поран-Дюшатле*. Надѣмся, что это классическое имя въ наукѣ общественной гигиены — достаточный авторитетъ. Этотъ великій подвижникъ науки, слѣдствъ въ-теченіе двухъ лѣтъ ровно пятьдесятъ опытовъ надъ водою, въ которой была мочена пенька или, лучше, конопля, самъ пилъ эту воду, давалъ ее своей жемѣ и своему ребенку, выздоравливавшему отъ перемежающейся лихорадки, — и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Что пѣвчія птицы и куриной породы могутъ употреблять такую воду безвредно, и притомъ долгое время.

2) Что эта вода ни мало не вредитъ употребленію или откормкѣ молодыхъ животныхъ.

3) Что мочка пеньки не имѣетъ вреднаго вліянія на человѣка и животныхъ (6-й, 7-й и 8-й опыты).

Опыты съ мастойкою льнянѣе и стеблд

Прося вас и неизвестнаго мнѣ господина рецензента принять засвидѣтельствованіе моего истиннаго почтенія, имѣю честь быть, и пр.

Иванъ Великопольскій.

зеленой конопля, мочка которой распространяетъ противный запахъ, привели къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Что нѣкоторые травоядные не могутъ пить такой воды, въ сильной степени насыщенной коноплею.

2) Что куры могутъ пить эту настойку.

3) Что эта настойка не вредна ни человеку, ни четвероногимъ, ни птицамъ (elle, c. à d. la macération des feuilles et des tiges de chanvre vert, n'est pas nuisible à l'espèce humaine qu'aux animaux et aux oiseaux). Тѣ же дѣйствія оказываетъ вода, въ которой мочили пенку, на лягушекъ, пиявокъ и рыбъ. Въ-отношеніи къ послѣднимъ, болѣе оказываетъ дѣйствіе только чрезвычайно-сильная настойка пенки; но для рыбы гораздо-вреднѣе настой новыхъ и старыхъ листьевъ, и

4) Что мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что рыба питается водою, въ которой мочена пенка, небезосновательно; накопецъ,

5) Газы и испаренія отъ моченой пенки не оказываютъ вреднаго вліянія на здоровье животныхъ.

Довольно ли этихъ доказательствъ въ защиту мнѣнія рецензента? Если нѣтъ, то онъ проситъ прочесть въ подлинникѣ изслѣдованія Поран-Дюшатель, въ его «*Physiologie publique*» (Paris. 1836. Т. II, p. 479—558).

Въ заключеніе да позволено намъ будетъ обратиться къ началу письма г. Великопольскаго, именно къ тому мѣсту, гдѣ онъ упрекать «Отечественныя Записки», будто-бы онѣ отозвались нѣкоторыми сомнѣніями «и будто-бы не полнымъ признаніемъ полезности дѣла». Въ «Отеч. Зап.» (книж. 9, 1845 г., Выбл. Хрон., стр. 16), сказано было: «мы не знаемъ въ чемъ состоитъ предлагаемый способъ (который составляетъ пока тайну учредителя), а потому и не можемъ многого сказать о вычисленной пользѣ». Смѣемъ думать, что мы поступили осторожно, логически, желая добра учредителямъ и приобретае-

### III.

#### СОВѢТЬ «МОСКВИТАНИНУ».

Что дѣлается въ современной русской литературѣ? спроситъ читатель. — Ничего особеннаго, — отвѣтимъ мы. О библиографическихъ новостяхъ мы отдали читателямъ нашимъ полный отчетъ въ отдѣлѣ «Библиографической Хроники»; а въ другихъ, замѣчательно только развѣ подвлеченіе новой двойственной книжки *Москвитанина*. Книж-

лѣмъ. О томъ, что намъ известно положительно, мы говорили и говорить съ большою подробностію и болѣе рѣшительно, чему служилъ доказательствомъ и прежняя наша статья и настоящія примѣчанія. Г. Великопольскій ссылается на отзывы другихъ журналовъ и газетъ: всѣмъ можетъ нѣтъ свое сужденіе... Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, газеты и журналы, которыхъ голосъ въ этомъ дѣлѣ наиболѣе можетъ быть достоинъ вниманія, сдѣлали слѣдующее: *Коммерческая Газета* перепечатала только объявленіе учредителя (см. № 110 и 111, 1845 г.); *Земледѣльческая Газета* — до-сихъ-поръ молчитъ; *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ* — молчитъ; *Журналъ Сельскаго Хозяйства* и *Отечественности* — молчатъ; а эти изданія посвящены исключительно интересамъ земледѣлія и отечественной промышленности. Послѣ этого мы не страшились укора за то, что не можемъ сказать ничего о разчитываемыхъ мользахъ; личныя наши виды въ-отношеніи къ дѣланію дѣлу состоятъ лишь въ желаніи, чтобы за дѣланію хорошихъ полотняныхъ рубашекъ платятъ не 400 или 500 р. ас., какъ теперь мы платимъ, а рублей 200 или 250. Кажется, подобныя желанія весьма-законны?.. Если принадлежатшія учредителямъ способъ точно такъ, какъ о немъ говорится въ объявленіи, то мы, для пользы общей, можемъ скорѣйшаго его обнародованія, хотя, относительно способъ къ тому, не можемъ во многомъ согласиться съ учредителями, и много могли бы сказать противъ «Правилъ и условій предварительнаго объявленія товариществомъ для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений, приобращаемаго къ способу».

ка одна, но въ двухъ номерахъ: 7 и 8. Мы не обратили бы на это никакого вниманія, если бъ самъ «Москвитинъ» не явился къ намъ съ привѣтствіемъ. Извѣщая о выходѣ книжки пѣтистическихъ стихотвореній какого-то англійскаго дьякона, между прочимъ, переведшаго стихами какое-то стихотвореніе г. Хомякова, «Москвитинъ» замѣчаетъ въ выноскѣ:

«Отечественныя Записки терпятъ не могутъ духа гг. Хомякова и Языкова, и ругаются ихъ во всякомъ номерѣ. Ругательство ихъ для образованныхъ и благонамѣренныхъ замѣняютъ хвалу. Но есть еще толпа... для толпы мы помѣщаемъ это свидѣтельство, съ какой точки зрѣнія иностранцы смотрятъ на сочиненія г. Хомякова, Англичане, проклятые имъ, какъ безпрестанно твердятъ Отечественныя Записки. Точно такъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, 1828 г., помѣщено было свидѣтельство Гёте о критикѣ г. Шевырева, вопреки возмущенію тогдашнихъ мародѣровъ русской словесности. Одни отъ злыя стоятъ другихъ» (стр. 112).

*Отеч. Записки* имѣютъ честь отвѣтить на это *Москвитинку*, что онѣ никогда и не думали не терпѣть духа гг. Хомякова и Языкова, и еще менѣе думали когда-нибудь ругать ихъ. *Отеч. Записки* и не имѣютъ и не берутъ на себя права ругать кого-нибудь; онѣ ограничиваются только законнымъ правомъ высказывать свое мнѣніе о сочиненіяхъ кого бы то ни было. Что сочиненія гг. Хомякова и Языкова, особенно перваго, не нравятся *Отеч. Запискамъ*, — это должно быть прискорбно и *Москвитинку* и реченнымъ стихотворцамъ: мы понижаемъ ихъ горе, но изъ уваженія къ правдѣ не можемъ помочь ему. А что какой-то Англичанинъ перевелъ на свой языкъ пьесу г. Хомякова, — это ровно ничего не говоритъ въ пользу новизны и таланта этого русскаго стихотворца: вѣдь и сочиненія г. Булгарина (да еще почти всѣ) переведены, да еще не на одинъ, а на нѣсколько европейскихъ языковъ; но г. Булгаринъ тщетно ссылался на это обстоятельство въ доказательство

высокаго достоинства своихъ сочиненій: переводы не спасли ихъ отъ забвенія... Вообще, странно доказывать чей-нибудь талантъ тѣмъ, что знакомый иностранецъ перевелъ какое-нибудь его произведеніе: само произведеніе должно отвѣчать за талантъ. Однакожъ, у насъ обыкновенно тутъ-то и прибѣгаютъ къ подобнымъ уловкамъ, когда въ сочиненіяхъ уже не обрѣтается и признаковъ таланта. Такижъ же образомъ, если Гёте, изъ вѣжливости, сказалъ ласковое слово о статьѣ г. Шевырева, въ которой онъ расхвалилъ междудѣйствіе ко второй части *Фауста*, — это тоже ровно ничего не говоритъ въ пользу критическаго таланта г. Шевырева.

Отвѣтивъ *Москвитинку* *sine ira et studio*, отъ всей души даемъ ему добрый совѣтъ — не сердиться и не браниться изъ пустяковъ...

\*

## УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

**ВЫВОДЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (\*)**. — Вопросъ о различіи между племенами чело-вѣческаго рода, входящій въ составъ

(\*) Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ отдѣлѣ Слѣдъ («Ученныя Извѣстія» стр. 28—38) напечатаны мы выводы изъ «Публичныхъ лекцій сравнительной антропологии г. Серра, профессора Парижскаго Университета», — выводами, которые могутъ дать понятіе о томъ, въ какомъ духѣ преподается эта наука въ означенномъ университетѣ. Такъ-какъ отдѣлъ «Ученныя Извѣстія» назначенъ нами только для простой передачи того, что дѣлаетъ новаго современная наука въ той или другой сферѣ чело-вѣческаго вѣдѣнія, то, воздерживаясь отъ всякаго разбирательства истинности или ложности новѣйшихъ мнѣній, открытій, предположеній, — мы только докладываемъ ихъ читателю, не принимая на себя за нихъ никакой отвѣтственности и



науки, называемой сравнительной антропологіею, съ давняго времени возбуждалъ вниманіе ученыхъ. Уже въ Геродотѣ, въ Аристотелѣ встрѣчаются слѣды классификацій племенъ, по сравненію съ которыми древніе фивіонисты старались опредѣлить характеръ отдѣльныхъ лицъ. Изъ новѣйшихъ обыкновенно называютъ: Блуменбаха, Палласа, Кампера, Клапрота, Виреля, хотя собственно не было ни одного анатомиста, ни одного физиолога, который бы, углубляясь въ свою науку, не былъ неволью приведенъ къ вопросу о различіи человѣческихъ племенъ.

Причина этого понятна; сверхъ ученаго значенія этого вопроса, отъ разрѣшенія котораго зависятъ важнѣйшія положенія анатоміи, физиологіи, лингвистики, и проч., такой вопросъ тѣсно связанъ съ самыми существенными предметами общественной жизни. Отъ точки зрѣнія, съ которой можно смотрѣть на него, зависятъ тысячи другихъ вопросовъ по части народнаго здравія, судебной медицины и самой терапіи; такъ, на-прим., лишь по недостатку вѣрныхъ наблюденій сравнительной антропологіи мы находимся еще въ такомъ невѣдѣніи о существѣ эпидемическихъ и эндемическихъ болѣзней, что, при появленіи какой-либо новой болѣзни, наука не въ состояніи рѣшить: заразительная ли она, или нѣтъ, какъ то случилось при появленіи холеры. Наука невѣстна лишь иъ-словаго давняго, которая показывалось, сколь важную роль играетъ та или другая организація при распространеніи повальныхъ болѣзней; она знаетъ, что многія болѣзни, какъ, на-примѣръ, оспа, гораздо-опаснѣе для негровъ, нежели для людей бѣлаго

племени; что негры гораздо-скорѣе подвергаются дѣйствию чумы, нежели Европейцы; что, напротивъ, Европейцы скорѣе заражаются желтою горячкою, нежели жители Египта; что даже, по изслѣдованіямъ Балъма, Испанцы болѣе склонны къ заразѣ, нежели Французы. Эти опытные наблюденія ведутъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что очень-часто распространяющаяся болѣзнь — есть лишь слѣдствіе особаго органическаго предрасположенія отдѣльныхъ лицъ, и иногда таковыя лица много, то ее можно легко почестъ за прилипчивую; 2) что наука можетъ уже видѣть, сколь многого не достаетъ въ тѣхъ понятіяхъ, которыми выводятся изъ наблюденій надъ физическимъ образованіемъ того или другаго племени, и 3) что этотъ предметъ — одинъ изъ важнѣйшихъ въ общественномъ бытіи.

Очевидно, какъ могутъ быть гибельны ошибка, неовнаніе, даже недоузнаніе науки, когда общество, въ минуту бѣдствія, требуетъ отъ нея указаній, на которыхъ можно было бы основать ту или другую мѣру для народнои безопасности.

Такъ въ общественной жизни всякое дѣйствіе связывается съ другимъ, и кабинетныя изслѣдованія ученаго, невидимому, суебныя и безплодныя, получаютъ смыслъ и важность въ практическихъ примѣненіяхъ, при первомъ взглядѣ весьма-отдаленныхъ отъ теоретическихъ, чисто-ученыхъ изысканій. Такъ наблюденія Джениера спасли насъ отъ болѣзни, которая до него считалась неободимою, роковою; такъ бистурій Мальингіа показалъ путь для предохраненія и черныхъ нашихъ собратій отъ той же болѣзни; такъ въ наше время горячіе споры, открытія и заблужденія анатомистовъ подвинули хирургию на ту степень совершенства, которой даже не могли вообразить за нѣсколько лѣтъ до насъ.

Случалось не разъ въ историческомъ колѣ наукъ, что нѣкоторые лица, съ лучшими намѣреніями, считали изслѣдованія такого рода болѣе или менѣе

часто даже вовсе не раздѣля ихъ. Хотя для ученой критики въ нашемъ журналѣ назначены другіе отдѣлы, однакожь, важность вопросовъ, задѣтыхъ г-нъ Серромъ въ его лекціяхъ, обязываетъ насъ сказать здѣсь и наше собственное мнѣніе о томъ же самомъ предметѣ.

опасными; этому оужденію подвергалось разсѣченіе труповъ, донныя лишь секретно допускаемое въ Англіи, и безъ котораго медицина не сдѣлала бы ни шага; то же думали и о геологіи, то же и о сравнительной антропологии.

Мы осмѣлились не раздѣлять подобныхъ опасеній безусловно. Безъсомнѣнія, человекъ можетъ всякое дѣло обратить себѣ въ соблазнъ; нечистое желаніе и неправильный умъ найдутъ потворство своимъ нечистымъ мыслямъ во всякой книгѣ, во всякомъ предметѣ; но едва-ли въ этомъ виновата наука; ибо наука, искренно и цѣломудренно отыскивая истину, всегда въ послѣднихъ выводахъ совпадаетъ съ тѣми понятіями, которыя мы можемъ почерпнуть изъ краткихъ и выразительныхъ рѣчей, находимыхъ въ преданіяхъ, возбуждающихъ наше безпрекословное благоговѣніе. Въ этомъ отношеніи полезны самыя заблужденія, ибо заблужденія никогда не удаляютъ души человеческой, а даютъ ей поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ, которыя рано или поздно доходятъ до истины, и торжество ея дѣйствуетъ тѣмъ спасительнѣе на нравы и понятія, что она, претерпѣвъ борьбу съ заблужденіями, признается побѣдительницею даже самими заблудшими. Доказательствомъ тому можетъ служить геологія: не было науки, для которой существовало бы такое множество теорій, самыхъ нелѣпыхъ, самыхъ смѣлыхъ, чтобъ не сказать болѣе; и чѣмъ же кончилось — новѣйшая геологія пришла къ тѣмъ самымъ понятіямъ, которыя находятся въ Книгѣ Бытія, и теперь вы не найдете ни одного геолога, который бы основалъ свою теорію на какомъ-либо другомъ началѣ. А между-тѣмъ, на пути, мимоходомъ, эта наука открыла тѣ неисчерпаемые рудники минераловъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись никто, и отклонила опасенія, волновавшія иѣкогда государственныхъ людей, открывая каждый день новыя мѣсторожденія каменнаго угля, а этотъ

уголь въ наше время сдѣлался важнѣе металловъ, ибо движетъ всю огромную, равнообразную и сложную жизнь Европы; безъ него жизнь Европы сдѣлалась бы невозможностью...

Въ сравнительной зоологіи и антропологии повторяется то же явленіе; недавно, не болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ, знаменитый естествоиспытатель Ламаркъ, рассматривая физическую организацію животныхъ, утверждалъ слѣдующую, болѣе, нежели странную мысль: онъ находилъ соотношеніе между видимою постепенностью породъ животныхъ и историческою ихъ постепенностью. По мнѣнію Ламарка, животное, принужденное своимъ образомъ жизни приобрѣсть ту или другую привычку, передавало слѣдствіа этой привычки своему потомству; такимъ образомъ, гусь и лебедь, говоритъ Ламаркъ, отиудъ не были водяными птицами, и шея у нихъ была короткая; но предки нынѣшнихъ гусей и лебедей ходили на воду на червяки, сперва къ низкую воду; чтобъ лучше ступать въ болотѣ, они должны были растягивать пальцы, а чтобъ доставать червей, должны были вытягивать шею; ихъ потомки дѣлали то же; такимъ образомъ, у каждаго поколѣнія мало-по-малу вытягивалась шея, а отъ растяженія лопокъ увеличилась между ними перепонка — и вышли гуси и лебеди такіе, какъ нынѣ существуютъ. Ламаркъ не останавливался на этомъ; онъ шелъ далѣе по дѣйствиціи существъ, и наконецъ дошелъ почти до мысли Даламбера, который не шутя утверждалъ, что человекъ происходитъ отъ обезьяны, и что если у насъ носъ длиннѣе, то отъ-того только, что у этой обезьяны былъ — *насморкъ!*

Все это намъ кажется болѣе, нежели смѣшно, болѣе нежели нелѣпно, и мы должны взглянуть въ невинную зоологію Ламарка 1830 года, чтобъ убедиться, что дѣйствительно умный человекъ могъ написать такую глупость. Но не такъ было пятнадцать лѣтъ назадъ, не болѣе! Теорія Ламарка имѣла и защитниковъ и противниковъ, какъ вся-

или другая; тогда натуралисты совѣмъ не шути спорили о томъ, какимъ-образомъ утка не вытнула своей шеи до гусиной, не смотря на свою привычку опускать голову въ воду, — а осталась короткошеюю.

Но такъ важно всякое, даже ложное усиліе науки, что величость Ламарка не прошла даромъ: она дала толчокъ особой наукѣ, которая для зоологін такъ же важна, какъ географія растений для ботаники; споры, возраженія привели къ новымъ изслѣдованіямъ, вывели на справку показанія древнихъ писателей сравнительно съ показаніями новѣйшихъ путешественниковъ, и плодомъ этого движенія были весьма-важныя открытія, которыми вышше руководствуется сельское хозяйство въ своей главнѣйшей отрасли — скотоводствѣ; особенно сдѣлались важны эти изысканія для колонистовъ, привозящихъ изъ Европы домашнихъ животныхъ, и вообще для всѣхъ, кто имѣетъ нужду натурализовать какую-нибудь новую породу животныхъ, какъ-то: овецъ, собакъ и проч.

По справкамъ оказалось, что животныя дѣйствительно *перерождаются*, но только не такъ, какъ предполагал Ламаркъ. Такъ, на-прим.: въ Гвиней всѣ собаки и куры дѣлаются столь же черными, какъ и самые Гвинейцы; всѣ были въ окрестностяхъ Рима дѣлаются сѣрыми, а въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Италіи — красноватыми; свиньи и бараны въ Италіи — постоянно черные, въ Англіи — постоянно бѣлые; въ Корсики собаки всѣхъ шерстей перерождаются въ пестрыхъ; рѣкъ По жители приписываютъ желтую шерсть своихъ стадъ, что напоминаетъ подобное утвержденіе Витрувія о нѣкоторыхъ рѣкахъ въ Беодіи; на Антильскихъ-Островахъ тщетно старались удержатъ шерсть на овцахъ: шерсть спадаетъ, а на мѣсто ея вырастаетъ щетина; то же замѣчено и въ другихъ теплыхъ климатахъ. Бараны въ Гвиней, говоритъ англійскій путешественникъ Смитъ: «такъ мало похожи на европейскіхъ, что только по бѣлявию можно до-

гадаться, что это за животныя; здѣсь на бараняхъ — волосы, на человекѣ — шерсть»; наоборотъ, европейскія собаки и лошади, привозимыя въ Индію, въ горы, скоро покрываются пухомъ, похожимъ на знаменитый индійскій козий пухъ. Замѣчено, что собаки, — животное, которое всего чаще путешествуетъ и надъ которымъ, следовательно, можно было сдѣлать болѣе наблюдений, — перерождаются почти къ каждаму климату; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, европейская собака дѣлается похожею на лисицу, и четвертое поколѣніе уже теряетъ способность лаять, уши дѣлаются длинными и острыми, хвосты тонкими и голыми. Эти примѣры перерожденія животныхъ безчисленны, особенно, если къ нимъ прибавить перерожденія, производимыя искусствомъ человека; такъ, на-примѣръ, въ Англіи случайное уродство овцы, которымъ воспользовался ея хозяинъ, привязало породу коротконогихъ овецъ, которая теперь высоко цѣнится, ибо такая овца не можетъ перескочить даже чрезъ никакую загороду (\*). Альбиносъ между животными, какъ, на-примѣръ, кролики, бѣлыя мыши также нынѣ образуютъ цѣлыя породы, хотя прежде экземпляры альбиносовъ были весьма-рѣдки.

Всѣ эти наблюденія доказали зависимость физическаго образованія и наружной формы животныхъ отъ мѣстности, климата, пищи и многихъ другихъ обстоятельствъ, когда они дѣйствуютъ на нѣсколько поколѣній постепенно, а равно утвердили возможность одной и той же породы животныхъ образоватъ нѣсколько отличій (*varietés*), часто весьма удаляющихся отъ формы первоначальной породы. На этихъ наблюденіяхъ основана вся теорія конскихъ заводовъ, мериносовыхъ стадъ и т. п.

(\*) Читатели «Отеч. Записокъ», вѣроятно, помнятъ статью о породахъ быковъ, заведенныхъ знаменитымъ Ботвелемъ, — быковъ съ короткими ногами, быковъ безъ роговъ и проч. т. п.

Исследования такого рода, естественно, привели къ вопросу о племенахъ человѣческихъ. Различіе негра отъ человѣка камбаскаго племени съ перваго взгляда кажется такъ разительное, что до сихъ поръ многіе антропологи находятся въ недоумѣніи о томъ, какъ согласить подобное различіе. Но, кажется, это недоумѣніе происходитъ лишь отъ неполноты наблюдений; оно легко можетъ быть разрѣшено наукою, если только вспомнить, что въ одномъ и томъ же племени появляются экземпляры такихъ отличій, которыя гораздо болѣе удаляются отъ типа того племени, нежели негръ отъ Европейца; таково, на-примѣръ, дѣло семейство, покрытое иглами, котораго родоначальникъ существовалъ еще въ 1730 году и котораго потомки (уже въ четвертомъ колѣнѣ) постоянно объѣзжаютъ Европу (\*); въ Англии нѣсколько поколѣній семейства Кольбурновъ имѣютъ лишніе пальцы: знаменитый нѣмецкій хирургъ Руге принадлежалъ къ такому семейству; между-тѣмъ, родоначальники этихъ семействъ принадлежали исключительно къ кавказскому племени, у котораго нѣтъ ни иглъ, ни лишнихъ пальцевъ... Замѣчено также, что нѣтъ племени, котораго главнѣйшія отличія не появлялись бы въ другомъ, весьма отъ него отдаленномъ; такъ, на-примѣръ, рыжеватость есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ отличій кавказскаго племени; но Шарльвуа находилъ его у Эскимосцевъ, Валлисъ у Отантянъ, Лопезъ у зебровъ. Это столь же естественно, какъ существованіе между нами людей съ курчавыми волосами, весьма-смуглыхъ, съ африканскимъ обличіемъ; окружите этихъ людей тѣми же климатическими и другими условіями, какими подчинены негры — и чрезъ нѣсколько поколѣній такое семейство обратится въ настоящихъ негровъ. Бла-

менбахъ сохраняли въ своемъ музеумѣ черепъ Литовца, у котораго образованіе кости было совершенно такое, какъ у негра. Изъ этого наука, по однимъ физическимъ доводамъ, можетъ заключить, что всѣ известныя формы племенъ возможны въ каждомъ племени, и что одного удаленія какого-либо семейства отъ другихъ семействъ достаточно для образованія особой формы физической и даже особаго языка, какъ это замѣчается у всѣхъ народовъ, раздѣленныхъ непроходимыми пространствами, напр., у дикихъ Американцевъ, у Финновъ, и т. д.

Но есть доказательство еще болѣе важное, почерпаемое изъ духовнаго устройства человѣка. Въ животныхъ различіе физической организаціи тѣсно связано съ различіемъ и въ характерахъ. Углубленіе, производимое тѣмъ или другимъ мускуломъ на кости льва, соотвѣтствуетъ привычкамъ его и образу жизни; каждая косточка антилопы свидѣтельствуетъ о ея боязливости и быстротѣ ея бѣга. Человѣкъ же, на-противъ, проведетъ ли онъ нѣсколько поколѣній въ дремотѣ, поджавъ ноги, или, какъ американскій ловецъ, проживетъ нѣсколько столѣтій въ безпрерывномъ движеніи, — человѣкъ остается человѣкомъ, и нѣтъ въ его организаціи ничего такого, что могло бы препятствовать его развитію посредствомъ воспитанія; нѣтъ и слѣдовъ того, что онъ назначенъ всегда сидѣть, поджавъ ноги, или всегда гоняться за дикими ковами.

Напротивъ, тождество его нравственныхъ принадлежностей, постоянный, повсемѣстно-одинаковый семейственный бытъ, склонность къ взаимному вспоможенію, чувство челоуѣческаго достоинства, чувство собственности, въ какихъ бы видахъ оно ни было, согласіе въ важнѣйшихъ нравственныхъ началахъ, и наконецъ, драгоценный даръ слова, который упрочиваетъ существованіе всѣхъ этихъ соприщщъ, принадлежащихъ человѣку, — всѣ эти обстоятельства явно доказываютъ, что гдѣ бы ни

(\*) Дѣтъ десять назадъ, одинъ изъ потомковъ этого семейства былъ въ Петербургѣ.

находились люди, какъ бы они ни были унижены своимъ внутреннимъ состояніемъ или наружною формою, — всѣ они были предназначены къ одинаковой жизни, какъ потомки *одного и того же* человека.

«Когда», говоритъ Фридрихъ Шлегель: «человѣкъ разъ удаленъ отъ общества, — тогда уже нельзя назначить предѣловъ, до которыхъ можетъ достигнуть его униженіе... Это указаніе объясняется намъ, какимъ-образомъ человѣкъ могъ пасть не только до негра, нибѣющаго еще многія хорошія качества, но даже до чудовищнаго Патагонца, до Пескверан почти-безумнаго, и до ново-зеландскаго людоеда. Слѣдственно, вопреки Руссо и его послѣдователямъ, не въ этихъ несчастныхъ должно искать естественнаго начала для человечества, — ибо они въ состояніи испорченномъ и искаженномъ.»

Такия слова утѣшительныя теоріи Ламарка. Указывая на этихъ жалкихъ нашихъ собратій по человечеству, они смиряютъ гордость, часто возбуждаемую видомъ нашего просвѣщенія, и, напоминая о *единствѣ* происхожденія, напоминаютъ о единствѣ паденія, — но они же свидѣтельствуютъ и о высокомъ значеніи человѣка!

**СТАТИСТИКА ИРЛАНДІИ ПО ПОСЛѢДНЕЙ РЕВИЗИИ.** — Въ Ирландіи теперь считается 8,175,124 жителя, которые занимаютъ 1,528,839 домовъ; изъ этихъ 8,175,124 душъ 2,385,000 совершенные нищіе; а изъ 1,528,839 домовъ 1,024,275 полуразвалившихся грязныхъ хижинокъ, настоящихъ землянокъ, состоящихъ изъ одной комнаты, гдѣ помѣщаются люди вмѣстѣ со скотомъ и въ которыхъ дверь служитъ и окошкомъ и трубою; въ такихъ жилищахъ расположена 625,356 семействъ. 7,000,000 всего народонаселенія принадлежатъ къ земледѣльческому классу, который въ западныхъ и южныхъ провинціяхъ получаетъ подованной платы за работу отъ 4 до 10 пенсовъ; а въ сѣверныхъ провинціяхъ отъ 8 пен-

совъ до 1 шиллинга. Среднимъ числомъ, ежегодная плата за работу ирландскому земледѣльцу 2 шиллинга; въ Англіи же земледѣльцы въ недѣлю зарабатываютъ отъ 8 до 19 шиллинговъ. Изъ всего ирландскаго народонаселенія 3,761,066 душъ не умѣютъ ни читать, ни писать. Ирландія занимаетъ 20,000,000 десятинъ земли, изъ которыхъ 14,000,000 десятинъ составляютъ землю обработанную.

Годовый доходъ со всей собственности въ Ирландіи составляетъ 21,000,000 фунтовъ стерлинговъ; сюда можно прибавить еще отъ 10 до 11,000,000, которые расходуются въ годичныхъ дивидендахъ акціонерныхъ компаний. Различныхъ продуктовъ производится по желѣзнымъ дорогамъ изъ Ирландіи въ Англію слишкомъ на 11,000,000, и продукты эти состоятъ большею частью изъ сырыхъ матеріаловъ. Точная цѣна привоза неизвѣстна. Господствующая вѣра въ Ирландіи — римско-католическая. Въ ревізій вѣроисповѣданій, сдѣланной Смитомъ еще въ 1801 году, показаны число исповѣдующихъ католицизмъ, протестантизмъ и диссидентовъ (раскольниковъ) и также фонды, назначаемые этими сектами для духовнаго образованія.

Вотъ эти данныя:

Вѣроисповѣд.	Число.	Фонды.
Католиковъ	6,427,712	8,926 ф. ст.
Протестантовъ епископск...	752,064	806,784 —
Пресвитеріанъ.	642,356	35,080 —
Другихъ диссидентовъ.	421,808	» » —

Въ декабрѣ 1863 года, войска въ Ирландіи считалось 21,210 человекъ, морской силы — 2,350, и милиція 9,043. На содержаніе войска полагаются 802,441 фунтъ стерлинговъ; на содержаніе флота — 108,500 фунтовъ и на милицію — 512,500 фунтовъ; служба гражданская стоитъ 2,137,253 фунта. Доходъ государственный Ирландіи составляетъ 4,500,000 фунтовъ; такимъ-образомъ, излишокъ, остающійся за всѣми расходами, недостаточенъ для

уплачиванія процентовъ части народнаго долга, которая падаетъ на Ирландію по акту присоединенія ея къ Англіи.

Сколько выводовъ открываютъ эти мертвыя цифры!..

**КРАСНОЕ-МОРЕ.**—Много филологическихъ и историческихъ объясненій и толкованій этого замысловатаго названія, и ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ строгой критики.

Геродотъ и семьдесятъ толковниковъ первые пустили въ ходъ названіе Краснаго - Моря, вѣроятно, по причинѣ краснаго цвѣта, краснаго отлива его воды; кажется, это самое естественное толкованіе, которое можно придумать, и которое, однакожь, было очень-спорнымъ пунктомъ въ ученое мнѣніе.

Недавно Монтанъ представилъ Парижской Академіи Наукъ свои изслѣдованія надъ водорослемъ, почти микроскопическимъ (*trichodesmium erythraeum*), который живетъ въ водахъ Краснаго-Моря; эти изслѣдованія совершенно-удовлетворительно объясняютъ происхождение его названія. Вотъ торжество естественныхъ наукъ! вотъ доказательство превосходства естественнo-историческихъ познаній. Остроумныя филологическія и историческія изысканія столькихъ ученыхъ не могли открыть того, на что наведено простое наблюденіе ничтожнаго водоросля.

Красный цвѣтъ, красный отливъ поверхности моря есть причина его страннаго названія.

Вотъ какъ описываетъ эту поверхность Эвеноръ Дюпонъ въ письмѣ къ Монтану, которому передалъ онъ же имя изслѣдованія и водоросли, собранныя на этой поверхности:

... 8 июля (1843 года). Пароходъ нашъ *Аталанта*, принадлежащій Индійской-Компаніи, входилъ въ Красное-Море черезъ проливъ Баб-эль-Мандебъ... Утромъ 15 июля разбудило меня жгучее арабійское солнце, которое съѣтилось во всемъ своемъ блескѣ на безоблачномъ горизонтаѣ. Я оперся машинально на окно каюты, чтобъ подышать

свѣжимъ утреннимъ воздухомъ; къ величайшему удивленію своему, я замѣтилъ, что поверхность моря была краснаго цвѣта; я выбѣжалъ на палубу: то же самое явленіе представилось глазу; замѣнилъ я всемъ видимости странствія морской поверхности.

Верхній слой воды совершенно утратилъ свою прозрачность; его застилала оболочка красно-кирпичнаго цвѣта, точно какъ-будто онъ былъ засыпанъ шафраномъ.

Мнѣ первому пришла мысль, что эта оболочка состояла изъ морскихъ растений, чему, однакожь, не вѣрилъ никто изъ бывшихъ со мною на палубѣ.

Я велѣлъ матросу зачерпнуть ведро воды вмѣстѣ съ красною оболочкою и положилъ ложку этого загадочнаго вещества въ стеклянку съ водою, чтобъ лучше сохранить его. На другой день, я замѣтилъ, оно слѣдилось темно-фіолетовымъ, а вода приняла розовый цвѣтъ; опасаясь совершеннаго разложенія, я профильтровалъ воду, и на бумажной тряпкѣ, служившей мнѣ цѣдилкою, собралъ это вещество, которое препровождаю къ вамъ для изслѣдованія, какъ причину необыкновеннаго цвѣта Краснаго-Моря.

На другой день, 16 июля, около 12 часовъ утра, красный цвѣтъ пропалъ, и поверхность моря приняла обыкновенный синеватый отливъ. Итакъ, красный цвѣтъ Краснаго-Моря есть явленіе временное, непостоянное. Вотъ почему, можетъ-быть, многіе ученые считали его за басню и искали другаго объясненія названію Краснаго-Моря.

Изслѣдованія Монтаня показываютъ, что вещество, собранное Эвеноромъ Дюпономъ, точно растительнаго происхожденія и состоитъ изъ микроскопическихъ водорослей, принадлежащихъ къ роду *trichodesmium*.

Водоросли составляютъ послѣднія, конечныя ступени царства растительнаго; они принадлежатъ къ классу такъ называемыхъ тайнобрачныхъ растений: вая, травянистая часть, которая со-

отвѣтствуетъ стеблю и листьямъ, и крапинки, сидящія на ваѣ, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмянъ, развиваются эти растенія, представляютъ ихъ двѣ главныя, существенныя части. Иногда вая водорослей бывають длиною нѣсколько сажень и пропорціонально-значительной ширины; иногда же они бывають тоньше нити, тоньше волоса, микроскопическоя величины.

*Trichodesmium* принадлежитъ именно къ микроскопическимъ водорослямъ: самое, тонкя, длинная, перепончатая, вѣтвистая, зеленого цвѣта, если мы станемъ ихъ разсматривать отдѣльно; но *Trichodesmium*, растеніе социальное: оно никогда не встрѣчается одиночно, всегда вѣтвѣ собираются они во множествѣ, и тогда оно свой нормальный зеленый цвѣтъ перемѣняетъ на красный.

**УБОРКА ХЛѢБА ВЪ ДОЖДЛИВОЕ ВРЕМЯ.** — Излишекъ — всегда и во всемъ зло; дождь — благодѣтель земледѣльцевъ, но только въ опредѣленномъ количествѣ и въ извѣстное время возростающаго хлѣба; сильныя и несвоевременныя дожди, подобно засухѣ, портятъ, уничтожаютъ часто самыя обильныя урожаи и иногда за нѣсколько дней до уборки. Эти избытки, изношенныя фразы, мы думаемъ, извѣстны многимъ нашимъ хозяевамъ изъ горькаго опыта...

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, г. Ируа представилъ Парижской Академіи Наукъ новый способъ уборки хлѣба, когда лѣто бываетъ холодное и дождливое и вообще не благоприятствуетъ жатвѣ; способъ этотъ не сопряженъ съ особенными издержками, а даетъ полезныя результаты; поэтому не лишнимъ считаемъ познакомиться съ нимъ нашихъ сельскихъ хозяевъ.

«Когда сырое, дождливое, холодное лѣто», пишетъ г. Ируа въ своей запискѣ Парижской Академіи Наукъ, «не даетъ совершенно созрѣть хлѣбному зерну и, главное, не даетъ хорошеенько снопу высохнуть, самое лучшее, — сколько могъ я заключить

«изъ долговременныхъ опытовъ, — срѣзывать одни колосья, оставляя солому на корнѣ, собирать ихъ въ мѣшки и подвергать ихъ въ этихъ мѣшкахъ температурѣ отъ 40 до 50 градусовъ, въ особыхъ для того устроенныхъ печахъ, въ продолженіи 15, много 20 минутъ.»

Этотъ способъ представляеть значительныя выгоды: во-первыхъ, золотба беретъ гораздо-меньше времени и меньше людей; во-вторыхъ, зерно получается высшей доброты и сберегается отъ крысъ, которыя обыкновенно живутъ въ солодѣ. Самая же работа срѣзыванія колосьевъ, какъ утверждаетъ г. Ируа, производится гораздо-легче жатвы и можетъ быть поручена женщинамъ и дѣтямъ.

**КОЗЕЛЬ-ГЕРМАФРОДИТЪ.** — Вопросъ о гермафродитизмѣ составляетъ очень-спорный пунктъ между натуралистами. Натуралисты здѣсь раздѣлились точно такъ же, какъ и во многихъ другихъ мало-ислѣдованныхъ статьяхъ естественной исторіи. Одни принимаютъ безусловно, другіе отрицаютъ также безусловно существованіе гермафродитовъ; крайности всегда, по крайней-мѣрѣ болшую часть, ведутъ къ лжи; середина открываетъ истину. Трудно, даже невозможно допустить существованіе организмовъ, которые соединяли бы въ себѣ оба пола и въ анатомическомъ и физиологическомъ отношеніи, то-есть были бы въ одно время и мужиною и женщиною, самцомъ и самою; но нельзя до нѣкоторой степени отрицать возможности уродства въ органахъ дѣторожденія, когда мы такъ часто встрѣчаемъ въ другихъ органахъ также значительныя отступленія отъ нормальнаго ихъ развитія. Это-то уродство и составляетъ гермафродитизмъ, возведенный до такой позвѣ въ греческихъ мифахъ.

Аристотель, въ «Исторіи Животныхъ» (книга III, глава XX), описываетъ козла, находившагося въ Лемносѣ, который отдѣлялъ изъ сосцовъ молоко и въ достаточномъ количествѣ, такъ-что изъ

него дѣлали маленькіе сыры. Козель этотъ, впрочемъ, имѣлъ всѣ принадлежности своего пола и отъ него родился другой козель, который отдѣлялъ также молоко. Вся Греція толковала объ этомъ чудѣ; оракулы и жрецы предсказывали необыкновенное плодородіе.

Теперь, въ звѣринцѣ Парижскаго Музеума Естественной Исторіи находится второй экземпляръ лемноскаго козла. Вотъ какъ описываетъ его Изидоръ - Жоффруа Сент-Илеръ, въ донесеніи своемъ Парижской Академіи Наукъ, которая поручила ему изслѣдовать это необыкновенное тетралогическое явленіе:

«Этотъ козель принадлежитъ къ безрогой породѣ; онъ значительнаго роста; весь складъ его и характеристическій запахъ свидѣтельствуютъ, что онъ мужскаго пола; дѣтородные органы представляютъ и расположеніе и величину нормальную; вообще животное имѣетъ всѣ характеры самца; прежніе хозяева его утверждаютъ, что до поступленія въ звѣринецъ, употребляли его часто при случкахъ.

Этотъ козель имѣетъ двойное большое вымя совершенно-раздѣленное, и объ половинки его висятъ какъ у козы; правая половина болѣе развита, нежели лѣвая; онъ не даетъ постоянно одинаковаго количества молока; оно измѣняется отъ полуштофа и до стакана.

Молоко этого козла и видомъ и вкусомъ похоже на козье, только немного солонѣе.

Впрочемъ, оба эти козла — парижскій и лемносскій, не представляютъ еще единственныхъ примѣровъ въ животномъ царствѣ: подобныя тетралогическія явленія встрѣчаются у собакъ, кошекъ и быковъ.

Отдѣленіе молока изъ сосцовъ замѣчается и въ человѣческомъ родѣ у особей мужскаго пола. Аристотель еще упоминаетъ о такомъ уродствѣ. Гумбольдтъ, во время своего путешествія по экваторіальнымъ странамъ, имѣлъ случай видѣть и наблюдать мужчину,

который *зрудью кормилъ своихъ дѣтей съ-теченіи пяти мѣслцевъ.*

**ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГОРНАГО ХРУСТАЛА, ГИДРОФАНА И КОРНАЛИНА.**— Химія самый лучшій пробный камень для геологическихъ теорій; химія опровергла безусловную, исключительную дѣятельность воды въ процессахъ образованія коры земной; химія доказала участіе огня въ этомъ образованіи; припомнимъ себѣ опыты Джемса Галя, Уатта, Бертье и Мичерлиха надъ искусственными воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ плутоническихъ породъ помощью огня и превращеніемъ кристаллическихъ минераловъ въ стеклянныя массы и обратно, посредствомъ того же дѣятеля.

Вотъ еще новая услуга, которую химія оказываетъ минералогіи, этой нераздѣльной вѣтви геологіи.

Г. Эбельменъ избралъ себѣ постояннымъ предметомъ изученія — дѣйствіе минеральныхъ кислотъ на алкоголь; такимъ образомъ удалось получить ему нѣсколько разнородныхъ эфирныхъ соединеній съ борною, кремнистою и прочими кислотами. Подобныя открытія замѣчательны въ одномъ только ученномъ отношеніи, и, слѣдственно, могутъ интересовать однихъ только ученыхъ; по-этому, мы ни слова не говорили о нихъ до-сихъ-поръ, хотя Эбельменъ обнародовалъ ихъ еще въ концѣ прошедшаго года.

Но вотъ недавно сообщаетъ онъ Парижской Академіи Наукъ очень-интересныя наблюденія надъ кремнистыми соединеніями эвaira.

«Если мы подвергнемъ пишеть онъ: эти жидкія соединенія продолжительному дѣйствію влажной атмосферы, то замѣтимъ, что они начинаютъ сгущаться и переходить постепенно въ твердую, прозрачную массу. Полный переходъ, совершенное осажденіе замѣчается по истеченіи двухъ-трехъ мѣслцевъ, не прежде; и этотъ значительный промежутокъ времени необходимъ для сгущенія почти шести



• граммовъ (113, 138 золотника) жидко-  
• сти.

• Осадокъ, полученный такимъ обра-  
• зомъ, имѣетъ всѣ свойства горнаго  
• хрустала: онъ твердъ, чертитъ, хотя  
• слабо, стекло, очень-плотенъ; блескъ,  
• изломъ, прозрачность такіе же точно,  
• какъ и у самаго чистаго горнаго хру-  
• стала. Этотъ продуктъ, какъ свидѣ-  
• тельствуютъ анализы, есть водная  
• соль кремніа (кремнеземъ водный);  
• только кремнеземъ самый здѣсь ни-  
• слорода содержитъ въ себѣ вдвое бо-  
• лѣе, нежели вода; формула его, слѣд-  
• ственно (SiO)<sub>2</sub>·HO; Si означаетъ  
• кремній или силіцій; O — кислородъ,  
• H—водородъ.

• Чтобъ этотъ искусственный мине-  
• ралъ не трескался, воздухъ влажный  
• непременно долженъ проходить къ  
• нему черезъ узкое отверстіе. Въ теченіи  
• процесса, говоритъ Эбельменъ:  
• «какъ только была вынута спиртомъ:  
• «какъ только этотъ опудитомъ былъ дол-  
• «го время и послѣ образованія осадка;  
• «это легко доказываетъ, что органиче-  
• «ское вещество не все здѣсь отдѣляет-  
• «ся отъ кремнезема.

• Если мы прибавимъ первоначально  
• къ кремнистому осадку нѣсколько хло-  
• ристаго силіція и подвергнемъ его  
• потомъ дѣйствию влажнаго воздуха,  
• то получимъ, вмѣсто прозрачнаго  
• горнаго хрустала, опаловидную мас-  
• су, которая представляетъ всѣ наруж-  
• ные характеры *идрофана* и въ водѣ  
• точно также принимаетъ свою преж-  
• нюю прозрачность. Такимъ-образомъ,  
• можемъ мы искусственно получать эту  
• «факую породу кварца, которая такъ  
• занимала древнихъ минералоговъ сво-  
• имъ странными свойствами, именно  
• своимъ переходомъ въ водѣ изъ опа-  
• ловидной массы въ прозрачную.

• Впрочемъ, присутствія малѣйшей  
• частицы посторонняго вещества до-  
• статочно, чтобъ возмутить, уничто-  
• жить прозрачность осадка кремниста-  
• го осадка; такъ капля азотота при-  
• даетъ ему наружные характеры кор-  
• «валліа или халцедона.»

Какъ ясно, какъ осязасмо объясил-

ють эти наблюденія загадочный про-  
• цессъ минерализаціи органическихъ  
• веществъ, которыя, несомнѣнно те-  
• перь, служили матеріалами для міра  
• неорганическаго!..

★

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

### НОВѢЙШІА ИЗОБРѢТЕНІА И ОТ- КРЫТІА.

Оружейникъ Іоганъ Лостали, въ Со-  
• лотурѣ, изобрѣлъ новаго устройства  
• обыкновенное нѣхетное ружье, кото-  
• рое, однакожъ, бьетъ въ нѣль гораздо-  
• далѣе всѣхъ извѣстныхъ доселѣ ружей,  
• — именно, на разстояніи 500 шаговъ  
• оно можетъ пробить пулею дубовую до-  
• ску въ четыре съ половиною дюйма  
• толщиной, а на разстояніи 2,000 ша-  
• говъ дважды пробило двух-дюймовую  
• доску; вмѣстѣ съ тѣмъ, пуля ударилась  
• еще въ находившійся на доскѣ ка-  
•мень, и совершенно сплюснулась отъ  
• сильнаго удара.

— Скоро у каждаго гастронома бу-  
• детъ своя собственная банка для разве-  
• денія и воспитанія устрицъ въ само-  
• вомъ прудѣ; если ему угодно будетъ по-  
• завтракать, стоитъ только отправиться  
• къ пруду и наловить тамъ устрицъ. Въ  
• послѣднемъ засѣданіи Парижской Ака-  
• деміи Наукъ ученый натуралистъ Кар-  
• бонель объявилъ, что онъ открылъ тай-  
• ну *дѣлать устрицъ*. Шутки въ сторону  
• натуралистъ беретса творить устрицъ  
• вслѣдъ и въ какое время угодно. Дайте  
• ему большую чашу, наполненную во-  
• дою, и онъ въ ней тотчасъ произведетъ  
• устричную банку. Онъ даже предла-  
• галъ свои услуги въ-присутствіи са-  
• мыхъ академикомъ, и хотѣлъ произве-  
• сти изъ ничего живыхъ устрицъ; но  
• господа ученые не согласились на его  
• вызовъ, потому вѣроятно, что боялись  
• покушать искусственныхъ устрицъ,  
• которыя очень могли бы и не сварить-

ся въ ихъ желудкахъ. Они отложили опытъ до другаго времени и спросили на первый случай г. Карбонеля сдѣлать свой опытъ въ прудѣ Тюльерійскаго Сада.

— До изобрѣтенія гипсографіи и глифографіи (*gypsographie* и *glyphographie*), деревянныя литницажи владывались въ типографскій наборъ и такимъ образомъ печатались въ одно время съ текстомъ, но этотъ образъ печатанія оказался неудобнымъ и медленнымъ. Англичанинъ Дирксъ изобрѣлъ новый способъ, который скоро будетъ усовершенствованъ и пополненъ. Онъ беретъ стекло и оклеиваетъ его по краямъ бумажною полоскою, натираетъ поверхность его чистымъ скипидаромъ и потомъ обликаетъ тонкимъ слоемъ растопленнаго воска, въ толщину тонкаго бумажнаго листа, такъ, чтобъ слой воска былъ прозраченъ. Такимъ образомъ подготовленную стеклянную дощечку онъ кладетъ на рисунокъ или гравюру сверху восчанымъ слоемъ, и дѣлаетъ на стеклѣ копію съ рисунка грабштихомъ изъ слоновой кости, или иглою съ печатной гравюры. Вырѣзанный на воскѣ рисунокъ кладется потомъ въ гальванопластическій аппаратъ, и въ короткое время выходитъ изъ него отличная металлическая доска, превосходящая всякій стереотипъ. При этомъ способѣ вовсе неужно опять копировать доску и переводить рисунокъ на обратную сторону.

— Англійскій механикъ Джейльсонъ приспособилъ механизмъ атмосферической желѣзной дороги къ пересылкѣ писемъ и посылокъ. Онъ предлагаетъ отъ одной почтовой станиціи до другой положить въ землю чугунныя трубы съ поршнями внутри. Изъ трубъ должно вытягивать воздухъ посредствомъ воздушныхъ насосовъ, и поршень, получивъ отъ этого сильное движеніе впередъ, тянетъ за собою нѣсколько легкихъ тележекъ, нагруженныхъ письмами и посылками. Такимъ образомъ, почтовая корреспонденція можетъ проходить 300 англійскихъ миль въ часъ.

— Въ Юрбергѣ какой-то химикъ изобрѣлъ новое средство дѣлать шелкъ, шерсть, бумажную пряжу и полотни разложеніемъ атмосфернаго воздуха по особой, ему одному извѣстной, методѣ. Пока онъ не наберетъ 100 акціонеровъ, которые заплатили бы ему каждый по 68 прусскихъ талеровъ, дотѣхъ-поръ не откроетъ публикѣ своего секрета.

— Нѣкоторые американскія газеты увѣряютъ, что буквое дерево (*die Buche*) — самое вѣрное средство для защиты отъ удара молніи. Американскіе дикіе Индійцы во время грозы прячутся всегда подъ вѣтви бука, и въ Америкѣ никогда еще не случилось, чтобъ молнія ударила въ букъ, хотя нерѣдко разбиваетъ вмѣстѣ съ нимъ растущія породы другихъ деревьевъ.

— Гаукинсъ, въ Дублинѣ, дѣлаетъ золотыя перья, концы и раскешъ которыхъ аппликируется составомъ изъ родія, придія, осмія и палладіума. Такимъ перомъ можно писать сразу тридцать лѣтъ, оно никогда не испортится. Каждое перо съ серебряною палочкою стѣнитъ одинъ фунтъ стерлинговъ.

— Скоро дамы будутъ смотрѣться въ такія зеркала, которыя до сего времени вовсе не были извѣстны прекрасному полу. Англійскій химикъ Драйтонъ нашелъ новый способъ покрывать зеркальныя стекла всѣхъ размѣровъ весьма-тонкимъ слоемъ серебра, которое придаетъ зеркалу гораздо-лучшую и чистѣйшую наружность, чѣмъ обыкновенная ртутная амальгама.

— У извѣстнаго вѣнскаго фортепьяниста, Вильчека, находится новоизобрѣтенный Жирардомъ въ Парижѣ музыкальный инструментъ, называемый тремолофонъ (*tremolophon*). Это не что иное, какъ двойное фортепьяно съ двумя клавиатурами. Первая клавиатура производитъ обыкновенные звуки фортепьяно, а другая издаетъ дрожащія, заунывные звуки (*tremolando*); особенно же способна она для игранія пьесъ въ тонахъ *cantabile* и *adagio*. Искусный музыкантъ на отнхъ двухъ клавиату-

рахъ можетъ производить удивительные эффекты.

— Въ Гонелѣрѣ недавно изобрѣтена новая машина для дѣланія всякаго рода бочекъ, боченковъ, кадокъ, ушатовъ и подобной посуды. Пять бочаровъ могутъ въ день, посредствомъ такой машины, сдѣлать сто большихъ винныхъ бочекъ, чрезъ что хозяинъ такого заведенія отъ одной заработной платы людямъ можетъ выиграть отъ 65 до 80 процентовъ. Бочарная машина раздѣляется на четыре отдѣла: первая выпиливаетъ изъ дерева нужныя доски для бочекъ, вторая рѣжетъ ихъ въ надлежащую длину, дѣлаетъ снизу и сверху фальцы, сгибаетъ; третья собираетъ и прилаживаетъ доски около дна бочки, а четвертая окончательно отдѣлываетъ бочку.

— Бартоломѣ Тимонье, портной въ городѣ Амплион (Департ. Роны), изобрѣлъ швальную машину, которая въ минуту производитъ двѣсти швовъ иглою, широкихъ или узкихъ, смотря по надобности. Эта машина замѣняетъ собою работу нѣсколькихъ чело-вѣкъ, и, не смотря на всѣ изгибы и складки сукна, шьетъ какъ самый лучший портной, въ строчку или черезъ край, толстое и тонкое сукно, никогда не ломая иглы. Въ одномъ только она неуклюжа: не можетъ обшивать пель:

#### ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ Германіи съ нѣкотораго времени начали употреблять для истребленія мухъ особаго рода бумагу, которая уничтожаетъ этихъ назѣмыхъ гораздо-скорѣе, чѣмъ грибы мухоморы и прочія ядовитыя вещества. Неудобно въ первомъ случаѣ только то, что мухи, околѣвая, производятъ много изъ себя изверженія. Для приготовленія мухостребительной бумаги надобно взять одну часть мышьяковоки-слаго кали или натрона, двѣ части бѣлаго сахара и двадцать частей воды. Въ этотъ растворъ должно погружать листы обыкновенной бумаги и послѣ

высушить ихъ. Гдѣ много мухъ, такъ надобно поставить тарелку, положить въ ней доскутокъ такой бумаги и сирьскутъ ее нѣсколькими кандалы воды.

— Сбереженіе обыкновеннаго клея на долгое время въ видѣ студени или желѣ, можно производить слѣдующимъ образомъ. Лучшій клейстеръ для наклеиванія этикетовъ на винныхъ бутылкахъ и для прочаго, надобно дѣлать изъ обыкновеннаго столярнаго клея, размоченнаго въ крѣпкомъ уксу-сѣ, потомъ сварить его и во время кипѣнія подбавить немного лучшей пше-ничной муки, чтобы клей сгустился. Этотъ клей должно потомъ слить въ широкогорлую бутылъ, которую закупорить шлифованною стеклянною пробкою. Клей въ видѣ студени можно долгое время сохранять въ такихъ бутылкахъ. Когда нужно употребить его въ дѣло, то надобно тонкимъ шпатель-лемъ вынуть клей изъ бутылки, подогрѣть его на свѣчѣ, чтобы онъ распу-стился, и потомъ уже намазывать бу-магу.

— Въ Германіи считается по сіе вре-мя 1,072 общества умѣренности, въ которыхъ записаны членами 1,075,000 чело-вѣкъ. Двѣнадцать газетъ и журна-ловъ издаются исключительно въ духѣ этихъ обществъ. Изъ этого числа 550 обществъ находятся въ Пруссіи, 336 въ Ганноверѣ, 186 въ другихъ государ-ствахъ Германіи.

— Въ Англіи обрабатывается выш-че въ 260 разъ болѣе бумажной пражы, чѣмъ обрабатывалось за сто лѣтъ предъ симъ, а именно 400,000,000 фун-товъ, на 34,000,000 ф. ст. Этою фаб-рикаціею занимаются 1,400,000 че-ловѣкъ, не считая другихъ промыш-ленниковъ и торговцовъ бумагою. Жи-тели 280 городовъ и деревень, лежа-щихъ вокругъ Манчестера, исклю-чительно занимаются обдѣлкою и вра-жею хлопчатой бумаги.

— Для распознаванія ножей и дру-гихъ металлическихъ приборовъ, сдѣ-ланы ли они изъ чистой стали, или изъ желѣза, надобно нѣсколько капель ку-

персикаго масла развести въ водѣ и потомъ капнуть на левѣе пробнаго ножа. Если ножъ стальной, то на немъ остается отъ сѣрной кислоты черное пятно, а если желѣзный, то это пятно приметъ бѣловато-сѣрый цвѣтъ.

— Чтобы поправить замороженныя курныя яйца и сдѣлать ихъ снова годными въ пищу, надобно поступать слѣдующимъ образомъ: налить въ большую чашку чистой колодезной воды и развести ее поваренною солью. Въ этотъ растворъ должно положить яйца, которыя чрезъ два или три дня будутъ такъ же вкусны, какъ свѣжія.

— Г. Форней, сельскій хозяинъ въ Шотландіи, изобрѣлъ новое средство вырощать на поляхъ кормовыя травы въ нѣсколько дней, гораздо-скорѣе, чѣмъ растетъ обыкновенная трава на открытомъ воздухѣ. Въ началѣ мая онъ покрылъ соломой и сухимъ валежникомъ дугъ въ три акра, истративъ на каждый акръ 80 фунтовъ соломы. Чрезъ пять недѣль послѣ того, онъ получилъ съ поля 5,000 фунтовъ самой превосходной травы, болѣе, чѣмъ съ обыкновеннаго поля такой же величины, но непокрытаго соломой.

— Одинъ сельскій хозяинъ, живущій въ Берлинѣ, притоговляетъ изъ картофеля превосходное пиво, ни мало не уступающее во вкусѣ извѣстному баварскому. Притомъ же, картофельное пиво обходится вполонину дешевле, нежели приготовляемое обыкновеннымъ образомъ. Такъ-какъ въ Германіи, благодаря распространенію общества воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ, со всякимъ годомъ уменьшается число винокуренныхъ заводовъ, то полагаютъ, что вмѣсто ихъ прибыльно будетъ учреждать тамъ картофельныя пивоварни.

#### МЕЛОЧИ:

Нѣсколько англійскихъ спекулянтовъ подали намъ проектъ углубленія русла рѣки Тибра и совершеннаго очищенія ея отъ глубокаго ила, принимая эту работу на свой счетъ безъ

всякаго вознагражденія со стороны римскаго правительства, но съ условіемъ, чтобы всѣ древности, которыя найдутся въ Тибрѣ, поступили въ полное владѣніе спекулянтовъ. Доселѣ еще неизвѣстно рѣшеніе папы.

— Кардиналъ Фешъ, для Наполеона, былъ самымъ страстнымъ собирателемъ картинъ, и часто покупалъ ихъ оптомъ, гдѣ случалось. Служителямъ его приказано было скупать на рынкахъ всякую даже плохую картину за четыре паоли (шестнадцать серебряныхъ грошей). Всю такую живописную дрянь кардиналъ отдавалъ исправлять и ресторировать нѣсколькимъ художникамъ, получавшимъ отъ него постоянное жалованье. Послѣ смерти кардинала Феша, нашли въ его домѣ нѣсколько огромныхъ подваловъ, наполненныхъ всякаго сорта картинами, числомъ до 18,000 штукъ.

— Французскія газеты рассказываютъ, что одинъ богатый парижскій книгопродавецъ предлагалъ Жоржу Завду 60,000 франковъ за позволеніе напечатать вновь всѣ ея романы съ иллюстраціями. Но знаменитая писательница не приняла этого предложенія, потому-что слыжъ ея, Морисъ Дюдеванъ, будетъ иллюстрировать всѣ ея романы, когда окончатъ курсъ живописи у знаменитаго художника Делакруа.

— Братья Бланкъ, содержатели игорнаго дома въ Гомбургѣ, подарили г. де-Бальсака за 30,000 франковъ написать романъ, въ которомъ главнее дѣйствіе происходитъ за игорнымъ зеленымъ столомъ Гомбурга. Разумѣется, сочинитель долженъ представить азартную игру *rouge et noir* съ самой завлекательной стороны и вывести результатъ, что она осчастливила самыхъ бѣдныхъ людей.

— Дуссѣ д'Арманоизъ, молодой туристъ, имѣетъ альбомъ, конечно самый интересный въ Европѣ. Въ немъ вписаны аутографы знаменитыхъ лицъ всѣхъ пяти частей свѣта. Въ этотъ историческій памятникъ вписали собственноручно свои имена: египетскій

паша Мехмед-Али, султанъ лагорскій и королева мадагаскарская. Всѣ дипломаты Бароны, ученые, литературныя и охотничьи знаменитости также внесли свою лепту въ эту книжечку. Въснѣе упоминался въ ней двумя стихами, Баламутъ мудрою сентенціею, Жоржъ Зандъ молитвою, Викторъ Гюго латинскимъ стихомъ, адресованнымъ прелестной женѣ живописца Біарра, Эжелъ Сю социальной прозою. Особенно замѣчательны въ альбомѣ слѣдующія слова: «Моя девицъ: любовь и полька» подписала: Элиза, доролора Помарэ (извѣстная въ Парижѣ танцовщица на балахъ Мабилл). Подлѣ этого: «Голова, въ которой родилась Млада, теперь не что иное, какъ вылипка. *Шатопріанъ*».

— Въ Парижѣ недавно умерла принцесса, происходящая отъ царской крови мексиканскія Иккозъ, Фатима-Налашира-Маголи-Безіа-Кината. Эта знаменитая отрасль мексиканскихъ аладитъ жила въ Парижѣ сорокъ лѣтъ счастливо и спокойно, имѣя только 1,000 франковъ годового дохода.

— Одинъ индійскій раджа выдумала новое средство лавки: чугунный прессъ съ сильными давленіемъ. Каждый преступникъ онъ приказываетъ класть подъ прессъ и сдавливать его тѣло въ толщину листа политурной бумаги, или подобно сухому растенію въ гербаріумѣ. Послѣ этой операціи класть дѣломъ тѣло каменнаго, которое потомъ передается въ античный музей раджи для хранения. Очевидцы утверждаютъ, что раджа въ музеумѣ слышитъ имѣть въскользко сотъ копечекъ тѣлъ Индійцевъ, револьванныхъ въ симметрическомъ порядкѣ, по стѣнамъ огромныхъ залъ.

— На островѣ Борнео живетъ особый народъ, у котораго женщины имѣютъ самое сильное вліяніе на общественныя нравы и рѣшительно владычествуютъ надъ мужчинами. Прекрасный полъ на Борнео болѣе всего любитъ струбленныя негрійскія големы. Эти страшные трофеи варварства — необходимымъ принадлежності

каждою холостяго человѣка, который хочетъ жениться. Молодой человѣкъ, не имѣющій въ своемъ домѣ известнаго числа отрубанныхъ человѣческихъ головъ, не можетъ присвататься ни къ одной борнейской дѣвицѣ; всякая невіста съ презрѣніемъ отвергнетъ руку такого жениха. Желающій вступить въ бракъ долженъ явиться сперва къ старшинѣ своей деревни, который спрашиваетъ, много ли у него негрійскихъ головъ. Если женихъ не имѣетъ законама-полюженнаго числа, то долженъ отправиться на большую дорогу, убить двухъ или трехъ человѣкъ, отрубить имъ головы и исполнить такимъ образомъ свой домашній музей. Тогда онъ уже можетъ смѣло предстать на глаза своей невістѣ и высылать впередъ шей имѣвшка головы убитыхъ имъ жертвъ. Дѣвушка, получивъ такой подарокъ, не можетъ уже отказать въ рукѣ жениху и соглашается на бракъ. Обрядъ вѣнчанія состоитъ въ томъ, что женихи опрыскиваютъ кровью убитаго пѣтуха, а невісту кровью курицы. Послѣ этой церемоніи имѣтъ супругамъ шимского уже развода.

— Въ Америкѣ, изъ сока растенія гурали приготавливается самый сильный ядъ, который туземцы смѣшиваютъ съ антивіицъ. Одно зернышко гурали, молотенное въ разрѣзъ кожи лошади, можетъ умертвить ее въ пять минутъ. Если ядъ этотъ только-что приготавливается изъ свѣжихъ ядѣ, то дѣйствуетъ еще сильнѣе и скорѣе на организмъ всякаго животнаго.

— Въ городѣ Цинцинати (въ Америкѣ) есть богатое сословіе гражданъ, называемыхъ «свиною аристократіею» (*Pork aristocracy*), которое занимается единственно откармливаніемъ тучныхъ свиней, бьетъ ихъ, солитъ, коптитъ и отправляетъ ежегодно въ Европу до 200,000 штукъ. Благодаря такой промышленности, свиинъ въ Цинцинати занимаютъ самое почетное мѣсто между всѣми домашними животными, слѣгаютъ на свободѣ по улицамъ города, никому собственно не принадлежатъ,

но каждый гражданин имеет право откармливать и потомъ въ видѣ ветчины пускать въ продажу. Если свиньи слишкомъ распеждаются; то гороховой совѣтъ отправляетъ ихъ на бойню, а потомъ свиные туши грузятся на корабли и посылаются въ Европу. Уличные мальчишки и бѣдные жители Цинцинати ѣдятъ обыкновенно верхомъ на большихъ свиньяхъ и даже запрягаютъ ихъ въ тележки для возки провѣин.

— Въ Англіи, число чиновниковъ, получающихъ отъ правительства жалованье, простирается до 23,600 человекъ; во Франціи, напротивъ, чиновники сѣдаютъ четвертую часть всего государственнаго дохода, и число ихъ въ 15 разъ превышаетъ число англійскихъ. Начиная со времени имперіи, число чиновниковъ увеличивается съ каждымъ годомъ во Франціи. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, оно утроилось, особенно съ 1830 года. Въ 1844 году считалось 376,487 чиновниковъ, которые стоили казнѣ 93 милліона франковъ. Одно министерство внутреннихъ дѣлъ имеетъ цѣлую армію чиновниковъ — 114,600 человекъ, слѣдственно, болѣе чѣмъ было солдатъ въ наполеоновой арміи при Ватерлѣ. Въ Пфринкѣ проживаютъ 3,060 чиновниковъ, получающихъ въѣздъ жалованья до 9,902,800 франковъ. Изъ этого огромнаго числа служащихъ можно заключить, какое сильное вліяніе имѣютъ министры на выборы парламентскіе, потому что во всей Франціи считается не болѣе 200,000 свободныхъ избирателей, и, напротивъ, 812,000 такихъ людей, которыхъ средства къ существованію находятся въ рукахъ министровъ, префектовъ, подпрефектовъ и прочихъ правительственныхъ лицъ.

— Въ датскихъ историческихъ легендахъ упоминается о нѣкоторомъ Олауѣ Ваггерсѣ, жившемъ въ Оденсѣ, который былъ однимъ изъ богатѣйшихъ гражданъ Дании. Даже король Фридрихъ II часто ваничалъ у него деньги. Однажды его величество пріѣхалъ въ домъ Ваггерса, и хозяинъ ве-

дѣлъ затопить передъ королевъ каминъ корицею. «Это очень-дорогое топанво» сказалъ король. — За то король наднетъ, отиѣчалъ Ваггерсъ: — если ваше величество удостоите меня въ другой разъ своимъ посѣщеніемъ, то я вею затопить каминъ топанвѣдъ, которое еще лучше наднетъ. Король въ другой разъ пріѣхалъ къ Ваггерсу, который опять велѣлъ затопить каминъ, но уже не корицею, а вѣселами короля на нѣсколько милліоновъ талеровъ. Фридрихъ II, заиѣтивъ, что весь долгъ его вылетѣлъ въ трубу, сказалъ съ улыбкою: «Этотъ вашъ инѣ еще болѣе нравится, и за то дарю тебѣ странный дѣлъ въ Тольденландѣ». До сихъ поръ, жители Оденсѣ ходятъ по праздникамъ гулять въ Тольденландскій дѣлъ, гдѣ стоитъ пресветная вила, принадлежащая потомкамъ богача Олауа Ваггерса.

— Лошадь, бывшая полъ Наполеона при Ватерлоо, называлась *Анація*. Этотъ конь, сѣрой масти, имѣлъ весьма-красивыя формы, былъ силенъ, неуязвимъ; и только четырекъ дѣтъ отъ роду. Наполеонъ, при концѣ битвы, видя, что вспомогательный корпусъ генерала Груна въ идеть къ нему на помощь, пришелъ въ совершенное отчаяніе и бросился на своей Анаціи въ средину непріятельскаго нѣрре, чтобы по-крайней-мѣрѣ умереть съ честью на полѣ битвы. Въ этой ужасной обалѣ лежалъ на землѣ съ оторванными ногою наполеоновскій гренадеръ Петръ В\*\*, изъ Вира. Анація перескочила черезъ его тѣло. Раненый, заиѣтивъ Наполеона, закричалъ: «vive l'Empereur!» и упалъ въ обморокъ. Черезъ четыре мѣсяца послѣ того, Наполеонъ уже былъ въ заключеніи на Островѣ-Св.-Елены, а гренадеръ Петръ съ деревенскою сдѣланъ деревенскимъ гудочникомъ. Въ 1830 году, знаменитая лошадь Анація была продана нѣмъ дворянскою тюльерійскою конюшней одному гражданину въ Вирѣ, который купилъ ее съ обязательствомъ кормить и холить до смерти. Однажды бѣснотій гудочникъ, проходи въ гѣловѣ каибро-

то свадебного поезда съ своею скрипкою, встрѣтилъ на дорогѣ Акацію. Старый нивалилъ запалакъ, закрычалъ: «vive l'Empereur!» бросился на шею лошади и расцаловалъ ее. Хозяинъ Акаціи позволилъ иногда нивалиду Петру ѣздить на ней во время свадебныхъ поѣздовъ. Въ 1832 году, гудочникъ Петръ ѣхалъ верхомъ на Акаціи въ головѣ свадебной процессіи и игралъ на скрипкѣ разныя веселыя пьесы. Кони Наполеона, вспрыгнувъ на одинъ холмъ, зацѣпились копытами о камень, упали и сломили себѣ переднюю ногу; гудочникъ при этомъ случаѣ упалъ съ коня и переломилъ себѣ здоровую ногу. Тутъ же конь и всадникъ испустили послѣдній вздохъ на мѣстѣ.

— Много писали про исторію открытія и перваго употребленія кофе; но между всѣми такими сказаньями, особенно интересна одна турецкая легенда о кофе. Турецкіе писатели увѣряютъ, что употребленіе кофе на востоцѣ извѣстно было уже въ 1258 году. Въ то время, дервишъ Хаджи Омаръ былъ выгнанъ за какое-то преступленіе изъ монастыря въ Мокиѣ и удалился пустынноикомъ на сосѣдную гору. Тамъ, чтобъ утолить голодъ, онъ собиралъ ягоды съ кустовъ, извѣстныхъ въ Турціи подъ названіемъ Kahva. Пустынникъ нашелъ ягоды весьма вкусными и питательными, истолокъ ихъ на камнѣ и развелъ сокъ водою. Этотъ напитокъ не только питалъ его исключительно въ теченіи нѣсколькихъ дней, но даже очень былъ полезенъ для его здоровья. Другіе дервиши мокеккаго монастыря пошли посѣтить въ пустынь прежняго своего собрата, и очень удивились, что онъ не только не умеръ тамъ отъ голода, но еще поздоровѣлъ. Отшельникъ открылъ имъ секретъ своего новаго напитка, кахвы, который и посѣтители нашли весьма вкуснымъ. Монахи рассказали объ этомъ чудномъ открытіи настоятелю своего монастыря, который также захотѣлъ отгадать чудотворнаго напитка и приказалъ опять возвратиться въ монастырь Хаджи Омару. Губернаторъ

мокекскій, услышавъ о вкусномъ напиткѣ, воспользовался также открытіемъ Омара: всѣ кустарники кахвы, растущіе въ окрестностяхъ его напашалки, извѣлъ въ казенное вѣдомство, и обратилъ этотъ товаръ въ монополию. Хаджи Омаръ умеръ въ 1282 году и за такое чрезвычайное открытіе объявленъ былъ улемани святымъ; въ честь его въ Мокиѣ построена мечеть.

— Турки очень любятъ бой и травлю животныхъ, но не быковъ, медвѣдей и собакъ, а насекомыхъ. Одинъ монахъ въ Константинополѣ забавлялъ своихъ французскихъ гостей слѣдующею шуткою. Подъ стеклянный колпакъ посадили двѣнадцать самыхъ большихъ и ядовитыхъ пауковъ и послѣ того пустили къ нимъ на травлю одного скорпіона. Нѣсколько времени оба враждебныя партіи наблюдали одна другую, потомъ скорпіонъ садѣлъ съ боку паука. Это было сигналомъ къ началю сраженія, и пауки старались общими силами вырвать глаза у скорпіона, а скорпіонъ пришелъ въ такое раздраженіе, что своими клешнями, какъ ножницами, отрѣзалъ всѣ ноги у пауковъ; потомъ, свернувшись въ кольцо своей хвостъ, выпустилъ изъ него убійственный ядъ. По прошествіи двухъ минутъ, скорпіонъ остался побѣдителемъ, уничтоживъ всѣхъ пауковъ. Когда же подняли стеклянный колпакъ, то оказалось, что и самъ скорпіонъ недохъ; слѣдовательно, пауки отравили въ свою очередь скорпіона своимъ ядомъ.

— Въ Америкѣ, одинъ врачъ произвелъ надъ человѣкомъ опытъ, который физики обыкновенно дѣлаютъ надъ мышами и птицами. Онъ посадилъ меланхолика подъ большой воздушный колоколъ, изъ котораго потомъ вытянулъ весь воздухъ. Меланхоликъ, лишенный воздуха, умеръ отъ удушья; но врачъ, стараясь оживить его, пустилъ подъ колоколъ кислорода, и меланхоликъ опять очутился. Все это, конечно, не новость и извѣстно каждому учившемуся физикѣ; но вотъ что замѣчательно — темне-

рашить большаго совершенна перемѣнился отъ этого опыта: изъ медальонка онъ сдѣлался сангвиникомъ, весельчаконъ, забавниконъ; опытъ владелъ въ него, такъ-сказать, новую душу.

— Въ Брюгѣ на выставкѣ художественныхъ произведеній удостоился первой золотой медали молодой живописецъ Фелю. Когда президентъ выставки позвалъ Фелю для выдачи ему награды, то онъ вступилъ въ залу вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Кому же изъ вась слѣдуетъ медаль? спросилъ президентъ.—Моему брату, но онъ безъ рукъ и, слѣдовательно, не можетъ принять награды. И такъ, безрукій Фелю написалъ лучшій пейзажъ на всей выставкѣ—ногами.

— По новому положенію, всѣ профессора прусскихъ университетовъ должны имѣть форменную одежду: богословскаго факультета — черныя мантии, юридическаго—красныя, математическаго—пунцовыя, философскаго—фіолетовыя, и т. д. Ректоры и деканы носятъ бархатныя мантии, ординарные профессора—такъ-называемыя лютеровскіе талары, отороченныя цвѣтною матерією по факультетамъ, и экстраординарные профессора такіе же талары, но безъ оторочки.

— На бонискомъ праздникѣ въ честь Бетховена, листъ предложилъ слѣдующій тостъ: «Пью за здоровье одного изъ студентовъ Бонискаго - Университета, который сдѣлалъ свою карьеру лучше всѣхъ изъ своихъ собратій—за принца Альберта!». — Извѣстно, что супругъ королевы Викторія учился въ Бонискомъ - Университетѣ пансионеромъ и жилъ тогда у профессора Бишофа. Викторія съ принцемъ Альбертомъ сдѣлала визитъ почтенному профессору и приказала снять рисунокъ комнаты, въ которой жилъ и учился супругъ ея.

— Извѣстно, что кардиналъ Ришельё былъ похороненъ въ часовнѣ Сорбонны. Въ мраморномъ саркофагѣ и понынѣ лежитъ его тѣло, но безъ головы, которую во время революціи отру-

били отъ трупа террористы и поткнули на пику. Нѣкто Армѣ былъ тогда свидѣтелемъ этой сцены и не терпѣя головы Ришельё изъ вида; наконецъ, ему удалось купить эту историческую вещь, которая и по-сию-пору сохраняется въ семействѣ г-на Армѣ. Нынѣ французское правительство требуетъ у его потомковъ выдачи головы кардинала, но наследники не хотятъ возвратитъ ее Сорбоннѣ. По этому случаю завязалась между правительствомъ и наследниками Армѣ тяжба, рѣшеніе которой еще неизвѣстно.

— Въ Карлсбадѣ живетъ нѣкто Нейбергъ, страстный охотникъ до рѣдкихъ музыкальныхъ инструментовъ, которые онъ собираетъ уже нѣсколько лѣтъ, платя за нихъ огромныя суммы. Нейбергъ самъ превосходно дѣлаетъ скрипки и виолончели, на-манеръ извѣстныхъ мастеровъ Амати и Страдивариуса. Скрипки Нейберга высоко цѣнятся всѣми европейскими виртуозами; но мастеръ-дилеттантъ не продаетъ ихъ ни за какою цѣну, а даритъ только своимъ друзьямъ.

— Недавно умеръ въ Парижѣ пятидесяти лѣтъ отъ рода Англичанинъ, который жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ подъ именами: Монтегю, сэра Чарльса, сэра Эдуарда Дёгласа. Говорятъ, что покойный былъ побочный сынъ англійскаго графа, любимаго короля Георга III. Сэръ Дёгласъ былъ женатъ на прелестной женщинѣ, которая въ послѣдствіи убѣжала отъ своего мужа съ англійскимъ офицеромъ. Потомъ Дёгласъ вступилъ во второй бракъ съ вдовою лорда К\*\*\*; но и эта женщина развелась съ нимъ скоро послѣ свадьбы. Когда врачи начали осматривать тѣло покойнаго Дёгласа, то нашли, что онъ былъ не мужчиною, а женщиною, и притомъ дѣвица въ полномъ смыслѣ слова.

— Въ Инспрукѣ живетъ семидесятилѣтній старикъ Нейгаузъ, ослѣпшій съ пятилѣтнаго возраста. Онъ совершенно замѣнилъ потерянное чувство зрѣнія чувствомъ осязанія и почитается первымъ рѣзчикомъ и медальеромъ во-



всемъ Тиролю. Въ тирольскомъ музее сохраняется рѣзной деревянный бюстъ австрійскаго императора Фердинанда, слѣпанный руками этого гениальнаго художника съ известнаго бюста, изваяннаго однимъ знаменитѣмъ вѣнскимъ скульпторомъ. Нейгаузъ, ощущая руками какое-нибудь лицо, тотчасъ слѣпаетъ съ него весьма похожую копию изъ дерева. Онъ вырѣзалъ уже изъ дерева 350 распятій разной величины, статую святаго Немоука и до 100 головъ Мадонны. Слѣпецъ Нейгаузъ, кромѣ рѣзнаго искусства, занимается еще поэзіею и музыкою. Онъ сочинилъ прекрасную кантату на свою слѣпоту и самъ положилъ стихи на музыку.

— Въ берлинскомъ рабочемъ домѣ содержится замѣчательная женщина, которая во время оной была первою примадонною на театрахъ Италіи и Германіи, красавица собою и вышла замужъ за французскаго полковника. Во время своей славы и красоты, она ужасно мотала деньги и разорила своего мужа. Промотавшись до нитки и потерявъ голосъ, она пошла въ службу къ Бахусу. Берлинская полиція недавно подняла ее на улицѣ и препроводила для исправленія въ рабочій домъ.

— Въ Парижѣ известнае карточнае игрови и шулеры употребляютъ слѣдующее средство для очищенія картмановъ. У каждаго фальшиваго игрока есть свой помощникъ, который обыкновенно стоитъ за столомъ шулера и наблюдаетъ игру прочихъ. Для подавія такому игроку сигнала употребляютъ четыре буквы: I. L. N. V. отвѣтственно четыремъ мастямъ колоды, а именно: I. Pique, L. Trefle, N. Coeur, V. Carreau. Если помощникъ хочетъ подать знакъ игроку, съ какою ему должно ходить масти, то онъ старается начать разговоръ словомъ, начинающимся одной изъ упомянутыхъ буквъ, и дѣло въ шляпѣ. Шулеръ разумѣетъ этотъ намекъ, и играетъ какъ ему было сказано.

— Модная парижская забава состоитъ нынче въ спусканіи изъ оконъ домовъ мыльныхъ пузырей на проходящій по улицамъ народъ. Нѣкоторые забавники, посредствомъ химическаго средства, довели свои мыльные пузыри до такого красиваго разнообразія и величины, что они походятъ на маленькіе летающіе аэростаты. Эти фантастическія игрушки очень нравятся парижскимъ баблущинкамъ и званкамъ, т. е. фланёркамъ.

## М О Д Ы.

## а) ЖЕНСКИЯ.

Говоря ежемѣсячно о модныхъ новостяхъ, мы давно ничего не говорили о чепцахъ, — а это вещь не маловажная при дамскомъ туалетѣ, или, лучше сказать, самая важная, потому-что у женщины, только-что вышедшей замужъ, все вниманіе обращено на чепчики, и очень-попятно: это для нея имѣетъ всю прелесть новости. Бывъ дѣвницей, она никогда не носила чепцовъ, а гдѣ же можно болѣе видѣть новостей, какъ не у молодыхъ, только-что вышедшихъ замужъ женщинъ? Имъ-то и посвящаемъ мы слѣдующія извѣстія:

Утренніе чепчики, батистовые или кисейные, непременно должны быть вышиты. Напередѣ они вышиваются въ три ряда гирляндюю, и между гирляндюю кладется въ-гладь кружево; донышко же чепчика должно быть также вышито, но надобно, чтобъ гирлянды лежали не прямо, а въкосъ. На кофточкѣ и завязкахъ вышивается одна только гирлянда и обшивается кружевомъ. Очень-красивъ чепчикъ, когда перѣдъ и лопасти его скроены вмѣстѣ, донышко же пришивается какъ обыкновенно у всѣхъ чепцовъ. Такіе чепчики очень-часто подбиваются розовой или голубой тафтой, но лучше, когда вмѣсто тафты употребляется крезь; отъ этого чепчики кажутся гораздо-легче и прозрачнѣе.

Парадные чепчики дѣлаются всѣ изъ кружевъ. На кружевное донышко пришивается въ два ряда широкое кружево, которое покрываетъ темя. Ма-

ленькая гирлянда обхватываетъ донышко. Этотъ фасонъ чепчика очень-красивъ съ локонами; для гладкой же прически мы видѣли удивительную кружевную наколку; но тутъ надобно, чтобъ кружево было самое тонкое, иначе это не будетъ имѣть эффекта.

Самое широкое кружево кладется складкою на середину головы; надъ-ушами оно перехватывается золотыми застѣжками или петлей изъ цвѣтнаго бархата; концы кружева спускаются до самой шеи; но еще условіе: изъ простаго кружева этихъ наколокъ нельзя дѣлать, — надобно, чтобъ рисунокъ былъ кругомъ всей наколки. Можно, вмѣсто кружева, дѣлать эту наколку изъ тонкаго вышитаго тюля.

Воротнички носить съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе, такъ-же послѣдніе воротнички дѣлаются немножо шире вершина и называются воротнички à la Томъ-Пусть. Фасонъ очень-простъ. Возьмите прямой кусокъ кисеи, немножо шире вершка, вышейте такъ, чтобъ можно было продернуть въ него одинакой ширины ленту; воротничкъ кругомъ обшейте узкимъ кружевомъ; у самаго горла сдѣлайте бантъ, и вотъ вамъ самый модный воротничкъ.

Причесокъ новыхъ еще не видно, но вообще передніе волосы не спускаются низко къ шеѣ; напротивъ, ихъ на лбу спускаютъ до самыхъ бровей, и къ ушамъ поднимаютъ. Косы зачесываются и низко и высоко, кому какъ нравится. Булки дѣлаются очень-густыя и длинныя.

Шарфы по-прежнему въ большомъ употребленіи. Косынки очель-красивы изъ бѣлаго кашемира съ бѣлою бахрамой.

Маленькіе каблуки дѣлаются даже на башмакахъ. Мы, кажется, совершенно возвращаемся къ модамъ нашихъ бабушекъ: башмаки носимъ почти-такіе же; платья—также ширяны немновѣрной, отъ девяти до десяти полотнищъ, но только безъ фижмъ; мантильи и кашшоны такіе же; не достаетъ только переиѣнить прически.

Платки носовые вышиваются очень-широко и обшиваются кружевомъ.

### в) МУЖСКІЯ.

Что касается до мужскихъ модъ, въ нихъ нѣтъ значительныхъ измѣненій. Кромѣ недавно-вошедшихъ въ употребленіе шляпъ съ маленькими полями, съ расширяющеюся вверхъ тульею и съ выпуклымъ дномъ, все, кажется, по-прежнему: круглые фраки для утреннихъ визитовъ, фраки съ широкими фалдами и совершенно-мягкіе, рендоты съ широкими воротниками и отворотами, однобортные жилеты очень-открытые и безъ шали, брюки довольно-широкіе и покойные (большею частію безъ штрипокъ),—все это было въ модѣ еще лѣтомъ. Но за то множество новостей въ самыхъ матеріяхъ, изъ которыхъ дѣлаются эти костюмы: сукна,

байки, кашмиры, кашемиры, бархаты, пике, атласы—все это варіируется на тысячи манеръ, какъ относительно доброты, такъ и еще болѣе въ отношеніи къ цѣнѣ, отѣивамъ, узорамъ и т. п. На дняхъ, въ магазинѣ знаменитаго здѣшняго портнаго, г. Оливье (на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Александринскаго-Театра, въ домѣ Бутримовой), мы видѣли богатое собраніе всѣхъ этихъ вещей, привезенныхъ имъ изъ Парижа и Лондона. Г. Оливье только-что возвратился изъ поѣздки своей во Францію и Англію, закупилъ тамъ товаровъ на нѣсколко десятковъ тысячъ, и, привезши ихъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ новѣйшими фасонами фраковъ, жилетовъ, брюкъ, пальто и пр., превратилъ мастерскую свою совершенно въ депо всѣхъ предметовъ мужскихъ модъ ешѣнебльнаго міра. Въ магазинѣ его, по цѣлымъ днямъ толпятся теперь петербургскіе щеголи, засыпая его заказами, которые онъ едва успѣваетъ исполнять; а что онъ исполняетъ ихъ всегда добросовѣстно, — это извѣстно всѣмъ, кому доводилось имѣть съ нимъ дѣло. Совѣтуемъ охотникамъ до модныхъ новостей зайти въ магазинъ г-на Оливье и полюбоваться привезенными имъ товарами. Описывать же ихъ было бы невозможно: такъ ихъ много и такъ они разнообразны.

— и л.

# ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ВТОРАГО ТОМА

## ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

### I. СЛОВЕСНОСТЬ.

	Стр.
а) СТИХОТВОРЕНІЯ:	
Майкову. А. Н. Струговщико- ва . . . . .	1
Старушкѣ. Н. Н.—ва . . . . .	171
Двулицый Янусъ (отрывокъ изъ «Дневника въ Римѣ»). А. Май- кова . . . . .	231
Пѣснь Пажа. А. Фета . . . . .	386
б) ПРОЗА:	
Королева Марго. Романъ Алек- сандра Дюма, въ шести ча- стяхъ. Чasti пятая и шестая (послѣдняя) . . . . .	✓ 3
Старое Зеркало. Повѣсть Ста- рцова . . . . .	✓ 173
Ошибка. Драматическій анекдотъ А. Нестрובה . . . . .	✓ 234
Теврино. Повѣсть Жоржа Зан- да . . . . .	✓ 272

### II. НАУКИ.

Алтай. Естественная исторія его, копи и жители. Статья Катре- жа по поводу сочиненія г. Пет- ра Чижаева: «Voyage Scienti- fique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine» . . . . .	1
Консульство и Имперія. Соч. Тье- ра. Статьи пятая и шестая. (Трибуналъ: Внутреннее управ- леніе дорогъ. Возрожденіе тор- говли. Матеріальные результа- ты революціи относительно зем- ледѣлія, промышленности, наро- донаселенія. Расужденія о гра- жданскомъ кодексѣ въ государ- ственномъ совѣтѣ. Дворъ перва- го консула. Консульская гвар- дія. Сестры перваго консула. Фоксъ и де-Калоннъ въ Парижѣ. Оппозиціи противъ перваго кон- сула. Поступки генераловъ Дан-	

на, Ожеро и Морд. Открытіе  
засѣданія X года. Оппозиція  
противъ гражданского кодекса.  
Гитъ перваго консула. Мысль  
Камбасереса объ истолкованіи  
38 статьи Конституціи. Кон-  
сульта въ Лионѣ. Экспедиція въ  
Сев-Доминго. Амьенскіе перего-  
воры. Бонапарте — президентъ  
Итальянской - Республики. —  
*Консульство по жизни*: Исключе-  
ніе безпокойныхъ членовъ зако-  
нодательнаго сословія и трибу-  
ната. Окончаніе амьенскаго кон-  
гресса. Подписаніе мира. Эк-  
страординарное засѣданіе X го-  
да. Утвержденіе конкордата и  
*органическихъ статей*. — Оффи-  
ціальное принятіе кардинала  
Капрары, какъ легата *a latere*.  
Торжественное *Te Deum*. *Духъ*  
*Христіанства (le Genie du Chri-  
stianisme)*. Возвращеніе эмигран-  
товъ. Мысли перваго консула  
объ организаціи общества. Про-  
екты объ учрежденіи почетнаго  
легиона и о народномъ просвѣ-  
щеніи. Мысль о національномъ  
возмездіи первому консулу. Лов-  
кая выдумка Камбасереса. Все-  
общее увлеченіе. Консульство  
по жизни. Наполеонъ Бона-  
партѣ. Высшая степень его  
нравственнаго могущества. —  
*Секуляризаціи*: Мнѣнія евро-  
пейскихъ кабинетовъ при извѣ-  
стіи о пожизненномъ консуль-  
ствѣ. Германскія дѣла. Состоя-  
ніе Германіи по люневильско-  
му трактату. Секуляризаціи ду-  
ховныхъ владѣній. Германская  
конституція. Партіи: протес-  
тантская и католическая; Пруссія  
и Австрія; ихъ различія.

притязанія. Пространство и цѣнность территорій, подлежащихъ раздѣлу. Отчаяніе мелкихъ дворовъ отъ честолюбія сильныхъ. Вышательство перваго консула въ дѣло секуляризаціи. Посредничество Россіи. *Conclusum* сейма. Характеръ этой трудной негодіаціи. — *Разрывъ амьенскаго мира?* Усілія перваго консула къ возстановленію колоніальнаго вѣдѣчія Франціи. Дух старинной торговли. Сен-Доминго. Восстаніе негровъ. Гуссен-Дувертюръ. Экспедиція на Сен-Доминго. Угроженіе черныхъ. Нерасположеніе Англіи къ Франціи. Вышательство перваго консула въ дѣла Швейцаріи. Ошибка британскаго министерства. Распубликованіе рапорта полковника Себастіани о состояніи Востока. Достопамятный разговоръ перваго консула съ лордомъ Унтуортомъ. Состояніе Французской Республики. Рѣчь англійскаго короля. Сцена съ лордомъ Унтуортомъ. Приготовленія къ войнѣ. (Разрывъ амьенскаго мира) 1 и 107

✓ Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія. Соч. Александра Гумбольдта. *Статья первая.* (Предварительный взглядъ на различные способы наслаждаться природою и наукообразное изученіе мировыхъ законовъ. — Границы и наукообразное изученіе физическаго міроописанія) . . . . . 87

**III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.**

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію *въ августѣ 1845 года* . . . . . 1 и 17  
 Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года . . . . . 15 и 21

Стр. **IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.**

Сибирское Золото и способы его добыванія. *Статьи первая и вторая.* О составѣ, формированіи и стѣпениности золотонискательныхъ партій, командирруемыхъ частными золотопромышленниками на поискъ золота по Питской и Удереійской Системамъ. — Дѣйствія помсковыхъ партій по предмету отысканія песчаннаго золота въ Восточной-Сибиріи, въ Затунгузскомъ - Краѣ (по тѣмъ же системамъ). Н. Бородина . . . . . 1 и 19

**V. КРИТИКА.**

Сто Русскихъ Литераторовъ. Паданіе книгопродавца А. Смирдина. Томъ третій. *Бенедиктовъ. Былицевъ. Гречъ. Марковъ. Михайловскій - Данилевскій. Матлевъ. Ободовскій. Скобелевъ. Ушаковъ. Хмьльницкій* . . . . . 1

**VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.**

1) *Русскія книги, вышедшія въ августѣ и сентябрѣ 1845 года.*  
 Софія, послѣдняя изъ книжекъ Слудныхъ, Іозефины О\* (Библиотека Романовъ и пр.) . . . . . 1  
 Избранныя жѣста изъ поэмъ Владиміръ соч. Стагнеліуса, и «Фритгюф-Сага», соч. Тегнера. 2  
 Сюлейка, Варвары Лизо...бъ . . . . . 6  
 Англійская Индія въ 1843 году, Э. Варрѣна . . . . . 7  
 Записки о Природѣ и пр. П. Ювскаго . . . . . —  
 Практическая Медицина, К. Лебедева . . . . . —  
 Краткое начертаніе Топографической Анатоміи, Зегера, тетр. 3. 9  
 Руководство къ Всеобщей Исторіи, Ф. Лоренца; ч. I, изд. 2-е . 10  
 Французско-Русскій Словарь техническихъ названій, г. Рѣваго. —  
 Краткая Бухгалтерія, П. Комарѣтцева . . . . . —

	Стр.		Стр.
Атласъ промышленности Московско-Губерніи . . . . .	10	Іоаннъ Гусъ, С. Палаузова . . . . .	43
Правоученіе въ лицахъ . . . . .	12	Исслѣдованіе о Мѣстничествѣ. Д. В. . . . .	44
Французскіе, Нѣмецкіе и Русскіе Разговоры. . . . .	—	Учебная Книга Римскаго Права, Л. Камбска . . . . .	45
Французской Азбука . . . . .	13	Рѣчь о ломбардскомъ стилѣ архитектуры, Н. Боровкова . . . . .	—
Учебный Французскій Словарь, Я. Герда . . . . .	—	Міръ Допотопный, А. Г. . . . .	46
Практическія Упражненія въ переводахъ, Я. Лангена . . . . .	—	Частная Фармакологія, М. Вейсберга . . . . .	47
Руководство къ Математической Географіи, Дистервега . . . . .	—	Физика, Н. Щеглова . . . . .	—
Наставленія о Шелководствѣ, Н. Райко . . . . .	14	Начальныя Основанія Алгебры, Мейера и Шокё . . . . .	48
Разсчеты по 5 и 6 процентовъ, М. Поднебеснаго . . . . .	—	Практика для Пиротехниковъ, Нота . . . . .	50
Бесѣды Петербургскаго Жителя въ Удѣльномъ Земледѣльч. Училищѣ, Б. Волжина . . . . .	—	Труды Общества Русскихъ Врачей въ Санктпетербургѣ, ч. IV. Альбака . . . . .	—
О Предпріятіи Товарищества для распространенія выгодной выдѣлки прядильныхъ растений . . . . .	16	Истребленіе сорныхъ травъ, Ф. Франке . . . . .	52
Омирова Ватраміомачія, перел. г. Телегиныхъ . . . . .	18	Реестръ русскихъ книгамъ и пр. И. Глазунова . . . . .	53
Сказка о Царевичѣ Емельянѣ, его же . . . . .	—	Библиотека для Воспитанія, отд. I, ч. IV. . . . .	—
Сочиненія штабс-капитана Телегина . . . . .	—	Первонач. Руков. къ этимологіи греческаго языка, Б. Ордынскаго . . . . .	54
Собраніе любимыхъ русскихъ пѣсень, изд. 2-е . . . . .	19	Учебная Географическая Карта всей Россійской Имперіи, г. Алексѣева . . . . .	—
Не люблю не слушаю . . . . .	—	Собраніе разсказовъ, анекдотовъ и пр. для переводовъ; изд. 4-е . . . . .	55
Новый карманный французско-русскій словарь, Е. Ольдекопа; изд. 3-е, второе тисненіе . . . . .	20	Краткая Всеобщая Географія, К. Р. . . . .	—
Записки Русскаго путешественника, А. Глаголева; изд. 2-е . . . . .	22	Русская Азбука, А. Вороновой . . . . .	—
Сводъ Постановленій о воспитаніи дѣтей, сост. И. Пушкиревичъ, изд. 3-е . . . . .	—	Этимологическій Букварь, Я. Герда . . . . .	—
Стихотворенія А. Струговщикова, кн. I . . . . .	25	Елена, или добродѣтельное дитя . . . . .	—
На Союзъ Градущій, гр. Соллогуба; т. II; изд. 2-е . . . . .	29	Сельское Чтеніе, изд. кн. Олоескимъ и А. Заблоцкимъ; кн. 3-я . . . . .	—
Романы Вальтера Скотта, т. III (Антикварій) . . . . .	30	Русское Чтеніе, С. Глипки; вып. 3 и 4 . . . . .	59
Сочиненія Державина; изд. Д. Штуккина . . . . .	31	Борьба Язычества и Христіанства, П. Морозова . . . . .	—
Краткія Поученія свѣщ. Р. Путятина . . . . .	42	Ученіе о жизни, И. Зацепина; ч. 2. Башня Веселуха, Ф. Ф. Э. . . . .	63
О существѣ, характерѣ и необходимости религіи, соч. Вольфа . . . . .	43	Прощаніе. Стихотвореніе . . . . .	—
		Репетиція на станціи, водевилъ . . . . .	64
		Остроты и Анекдоты М. Сафира . . . . .	—
		Оцѣвѣннѣйшій Любовникъ, Польде-Кока . . . . .	—

2) Книги, издаанныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ: Idei Memoriales etc., а В. Wojciechowscy . . . . .	23
Die Reichelsche Münzsammlung, ч. 5-я . . . . .	—
Verzeichniss einer Münzsammlung.	—
Deutsches Lesebuch . . . . .	24
<b>VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.</b>	

1) Англійская Литература: Сивилла, или двѣ націи, соч. д'Ирарава. — Исторія принца Карла Стюарта, извѣстнаго подъ именемъ молодого претендента; съ описаніемъ возмущенія, бывшаго въ 1745 году, К. Л. Клозе. — Жизнь лорда Гилла, соч. Э. Сиднея. — Правила и мнѣнія герцога Веллингтона, извлеченныя изъ его сочиненій и рѣчей къ продолженію болѣе нежели пятидесятилѣтней государственной жизни, Г. Френсиса. — Военная Исторія Ирландцевъ, М. О'Коннера. — Исторія Завоеванія Мексики, Уильяма Прескотта. . . . .	1
2) Французская Литература: Антонио Перезъ и Филиппъ II, соч. Миньё. — Письма и инструкція Лудовика XVIII-го графу Сен-При, изд. Барантомъ. — Исторія Французскаго Флота, соч. Э. Сю. — Исторія Бернадота, соч. Саррана. — Полная исторія генеральныхъ штатовъ и представительныхъ собраній во Франціи съ 1302 по 1626 годъ; соч. А. Булле. — Исторія Фронды, соч. графа де-Сент-Олера . . . . .	21

**VIII. СМѢСЬ.**

БІОГРАФІИ ВЪЗНАМЕННЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ:	
Генераль Джаксонъ . . . . .	1
Баронъ Бозіо . . . . .	57
—	
Путешествіе въ парижскимъ департаментъ. Статья Жоржа Занда. Военно-учебныя заведенія, подвѣдомственные Его Императорскому Высочеству, Главному Начальнику, — въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й. П. Н. Глѣбова . . . . .	60

Самое романтическое приключеніе въ моей жизни. Повесть Бивали-офила Жакова. . . . .	78
<b>ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛІТОПИСЬ.</b>	
<i>Французскій Театръ въ Парижѣ:</i>	
Une Confidence, ком.—Les Sept Merveilles du Monde, обоарѣніе. — Le Premier Souper de Louis XV, вод.—Emile II, вод. . . . .	25

**Ученныя Извѣстія.**

Публичныя лекціи сравнительной антропологій, г. Серра, профессора Парижскаго-Университета . . . . .	28
Физиологическое отравленіе кровяныхъ шариковъ . . . . .	38
Ископаемое пресмыкающееся животное . . . . .	40
Новый островъ . . . . .	41
Дѣйствіе угольной кислоты на известковую воду . . . . .	—
Происхожденіе желѣзной болотной руды . . . . .	42
Дѣйствіе магнетизма на всё тѣло. Форма свѣтовосныхъ волнъ . . . . .	44
Выводы сравнительной антропологій. . . . .	117
Статистика Ирландіи по послѣдней ревизіи . . . . .	122
Красное-Море . . . . .	123
Уборка хлѣба въ дождливое время. Козель-гермафродитъ . . . . .	—
Происхожденіе горнаго хрустала, гидрофана и корнелина . . . . .	125
<b>Литературныя и Журнальныя Замѣтки:</b>	
Открытіе памятника Карамзину . . . . .	106
Письмо учредителя Товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений къ редактору «Отеч. Записокъ». И. Великопольскаго . . . . .	109
Советъ «Москвитяину». . . . .	116
<b>Разныя Извѣстія.</b>	
Новѣйшія открытія, изобрѣтенія и наблюденія . . . . .	47 и 126
Художественныя извѣстія . . . . .	—
Театральныя и музыкальныя извѣстія . . . . .	51
Хозяйственныя замѣтки. . . . .	52 и 125
Мелочи . . . . .	52 и 129
Моды (съ двумя парижскими картинками). . . . .	—

# НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛІОТЕКЪ  
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

## М. А. ЖУКОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостинномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
COLLECTION INTEGRALE et universelle des orateurs sacrés du premier et du second ordre, et Collection choisie de la plupart des orateurs du 3-e ordre. Tomes 1 à 12 in 4 à 2 colon. Paris. 1844-45. L'ouvrage aura 50 vol. au prix de . . . . .	1 70	DES CAUSES DES MIGRATIONS DE DIVERS ANIMAUX, et particulièrement des oiseaux et des poissons, par Marcel de Serres. Un vol. 8. Paris. 1845 . . . . .	2 83
HISTOIRE Chronologique et dogmatique des conciles de la Chrétiété, depuis le concile de Jerusalem, tenu par les apôtres l'an 50, jusqu'au dernier concile par Roisselet de Sauclières. Tome 1 et 2 in 8. Paris. 1845. . . . .	4 30	LEÇONS SUR LES PHÉNOMÈNES PHYSIQUES ET CHIMIQUES des corps vivants, professées à Pise en 1844, par Matteucci. Un vol. in 8. Paris. 1845. . . . .	1
DES TRIBUNAUX DE COMMERCE, des commerçans et des actes de commerce, par Nougier. 3 vol. in 8. Paris. 1845. . . . .	6 85	MAISON RUSTIQUE DES DAMES, par M-me Millet. 2 vol. in 12. Paris. 1845. . . . .	2
PRÉCIS HISTORIQUE SUR LES CODES FRANÇAIS, accompagné de notes bibliographiques, françaises et étrangères, sur la généralité des codes etc. par Seruzier. Un vol. 8. Paris. 1845. . . . .	1	TRAITÉ DE JARDINAGE en pleine terre, en orangerie, en serre froide ou chassis, par Adanson. Un vol. 12. Paris. 1845. . . . .	1
LES CARACTÈRES DE THEOPHRASTE, trad. du Grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle par Labruyère. 1-e édition complète avec notes et remarques, publiée par le Baron de Walckenaer. Un fort vol. 8. Paris. 1845. . . . .	2 15	L'HOMŒOPATHIE appliquée aux maladies des femmes, par Dulac. Brochure. 1845 . . . . .	25
HISTOIRE DE L'ÉCONOMIE POLITIQUE, depuis les anciens jusqu'à nos jours, 3-e édition, par Blanqui. 2 vol. 12. Paris. 1845 . . . . .	1 70	ÉTUDES D'OCULISTIQUES, par Guepin, Un vol. 8. Paris. 1845. . . . .	1
DE L'AIR, considéré sous le rapport de la salubrité, par Bobierre, in 18. Paris. 1845. . . . .	20	TRAITÉ DE LA SYPHILIS, par Hunter, trad. de l'anglais par Richelot et annoté par Ricord. Un gros vol. 8. avec 9 pl. Paris. 1845. . . . .	2 57
		DES FALSIFICATIONS des substances alimentaires et des moyens chimiques de les reconnaître, par M. M. Garnier et Harel. Un vol. 12. Paris. 1844 . . . . .	1 25
		COURS DE GEOMETRIE DESCRIPTIVE, 2-e partie. Des courbes et des surfaces courbes, etc. et en particulier des sections coniques et des surfaces du second ordre, par Th. Olivier. Un vol. in 4. avec 96 plan. Paris. 1845 . . . . .	5 70



P. K.	P. K.
MEMOIRES SUR LE SERVICE D'ARTILLERIE, spécialement sur le meilleur mode de chargement des bouches à feu, par le général Baron de Corda. Un vol. in 8. Paris. 1843 . . . . .	2 15
RECHERCHES SUR LES EQUIPAGES de ponts militaires en Europe, et Essai sur tout ce qui a rapport à l'amélioration de ce service, par Birago, trad. de l'allemand. Un vol. in 8. avec pl. Paris. 1844. . . . .	2 13
RECUEIL SUR LES RECONNAISSANCES MILITAIRES, d'après les auteurs les plus estimés, formant un traité complet sur la matière par Corréard. Un vol. 8. avec atlas folio. Paris. 1845. . . . .	4 30
DES CHEMINS DE FER en France et des différents principes appliqués à leur tracé, à leur construction et à leur exploitation, par Lobet. Un gros vol. 12. avec planches. Paris. 1845. . . . .	1 40
RECHERCHES SUR LE MOUVEMENT UNIFORMÉ DES EAUX dans les tuyaux de conduite et dans les canaux découverts, en ayant égard aux différences de vitesse des filets, par Sonnet. Un vol. in 4. Paris. 1845 . . . . .	1 15
LES DEUX FOUS. Histoire du tems de François I. par Jacob. Un vol. gr. in 8. orné de 12 grav. Paris. 1845. . . . .	2 80
OEUVRES CHOISIES DE GAVARNI, revues, corrigées et nouvellement classées par l'auteur, publiées dans le format du Diable à Paris. le vol. à 2p. 80k.	
LE MECANICIEN - CONSTRUCTEUR, ou Atlas et description des organes des machines par	
Leblanc. 25 planches avec le texte in 4. Paris. 1845. . . . .	2
ENRICHISSEMENT DE LA LANGUE FRANÇAISE. Dictionnaire de mots nouveaux, par Richard et Radonvilliers. 2 vol. 8. Paris. 1845. . . . .	3
LA FRANCE AU TEMS DES CROISADES, ou recherches sur les moeurs et coutumes des français au 12 et 13 siècles, par le Vicomte de Vaublanc. 2 vol. in 8. Paris. 1845. . . . .	4 50
INTRODUCTION A L'HISTOIRE DU BUDDHISME INDIEN, par Burnouf, tome 1-r in 4. Paris. 1845. . . . .	8 50
ANTONIO PEREZ ET PHILIPPE II, par Mignet. Un vol in 8. Paris. 1845. . . . .	1 70
VOYAGE SCIENTIFIQUE dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine, fait par ordre de S. M. l'Empereur de Russie, par Tchihatcheff. Un vol. in 4. avec un atlas in folio. Paris. 1845 . . . . .	43
LA TRANSILVANIE ET SES HABITANS, par De Gerando. Tome 1-r in 8. Paris. 1845. . . . .	2 25
ANNUAIRE-HISTORIQUE et Biographique de Souverains, des chefs et membres des maisons princières, familles nobles ou distinguées. 2 gros vol. gr. in 8. Cartoné, doré sur tranche. Paris. 1844—45 . . . . .	42
ZAMBOLA l'Indien, ou Londres à Vol d'Oiseau, par Arago. 4 vol. in 8. Paris. 1845 . . . . .	8
VOYAGE ATOURÉ DE MONJARDIN, par Alph. Karr. tome 2. Bruxelles. 1845. . . . .	60

# НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

## У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой - Морской,  
въ домѣ Паскаля № 41.

*Школы для фортепьяно.*

	Серебромъ	P.	R.
ВЕРТИН. Н. Méthode complète et progressive de piano. Vollständige Pianoforte-Schule. . . . .	12	85	
— La même en trois suites, chaque à . . . . .	4	58	
СТАМЕР. J. V. Neue praktische Piano-Schule. Neue Ausgabe. . . . .	1	72	
— Conseils à mes élèves. Nouvelle méthode complète de piano, suivie de 42 morceaux élémentaires et de 24 Etudess peciales nouvelles et progressives. . . . .	5	15	
КРАМЕРА. Фортепьянная Школа или полная практическая метода учения на фортепьяно. Новое издание. . . . .	2	85	
ЧЕРНИ. Лучшій фортепьянный учитель или новѣйшая школа нынѣшней игры на фортепьяно. Переводъ съ нѣмецкаго. . . . .	2	.	
ДУВЕРНОУ. A B C du pianiste. Nouvelle méthode élémentaire pour le piano. in 8°. . . . .	2	.	
ГЮНТЕНА. Школа для фортепьяно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Новѣйшее издание. . . . .	4	.	
— Эта самая въ двухъ частяхъ. Часть 1-я 2 р. 50 к.; Часть 2-я 2 р. . . . .	4	50	
НЮНТЕН. F. Méthode de piano. op. 60. Nouvelle édition, revue augmentée de morceaux progressifs et d'Exercices nouveaux avec la traduction russe . . . . .	4	.	
HERZ. H. Méthode complète de piano. Vollständige Clavierschule op. 100	10	29	
KALKBRENNER. F. Méthode de piano. Pianoforte-Schule. . . . .	6	85	

*Танцы для фортепьяно.*

BECKEL. Amazonen-Galop. Nouvelle Edition. . . . .	.	50	
BERNARD. M. Contredanses francaises d'après l'Elisir d'amore. . . . .	.	60	
— Paulinen-Walzer, d'après l'air de Balse. . . . .	.	60	
BUEGMÜLLER. F. Polka cotillon, dansée au théâtre Alexandra. . . . .	.	75	
CANTHAL. A. Polka militaire. . . . .	.	40	
DOERFLER. Th. La Carlotta Elisa. Deux Polkas, каждая по . . . . .	.	50	
GUNG' L Joh. Catharinen-Polka. op. 1. . . . .	.	30	
— Mädchen-Träume. Walzer. op. 3. . . . .	.	75	
— Ein Sträuschen. Walzer. op. 5. . . . .	.	75	
— Vive la danse! Walzer. op. 7. . . . .	.	75	
— Proteus polka. op. 8. . . . .	.	30	
— Faschingstreiche. Galop. op. 9. . . . .	.	40	
— Heiter auch in ernster Zeit. Walzer. op. 10. . . . .	.	75	
GUNG' L. Jos. Ton-Mährchen. Walzer. op. 17. . . . .	.	75	
— Erlanger Jubiläums-Walzer. op. 32. . . . .	.	85	
— Paulinen-Polka. op. 37. . . . .	.	43	
— Mein erster Walzer in Berlin. op. 39. . . . .	.	85	
— Une fleur de danse. Galop. op. 40. . . . .	.	43	
— Gazellen-Polka. op. 41. . . . .	.	30	
HAUSER. M. Sophien-Polka. . . . .	.	30	
KAZINSKY. V. Loisa-Polka. . . . .	.	50	
LABITSKY. F. Bedford-Walzer. op. 108 . . . . .	.	58	
— Die Orientalen. Walzer. op. 109. . . . .	.	85	

	P.	K.
<b>ЛАВИЦКУ.</b> Themis-Festklänge. Walzer. op. 110. . . . .	85	
— Gruss an Prag. 3 Polkas. op. 111. . . . .	70	
— Militair-Galop. op. 112. . . . .	43	
— Steinhof-Quadrille. op. 113. . . . .	57	
— Burlington-Walzer. op. 114 . . . . .	85	
<b>ОССИПОВ.</b> V. Souvenir des artistes de l'opéra italien à St.-Petersbourg. Contredances francaises. . . . .	60	
<b>СТРАУСС.</b> J. Ferdinand-Quadrille. op. 151. . . . .	60	
— Frohsinns-Salven. Walzer. op. 163. . . . .	85	
— Aurora-Festklänge. Walzer. op. 164. . . . .	85	
— Fest-Quadrille. op. 165. . . . .	60	
— Rosen ohne Dornen. Walzer. op. 166. . . . .	85	
— J. Wiener-Früchteln Walzer. op. 167 . . . . .	85	
— Willkommen Rufe. Walzer op. 168 . . . . .	85	
— Masken-Lieder. Walzer. op. 170. . . . .	85	
— Eunomien-Taenze. op. 171. . . . .	85	
— Odeon-Tänze. op. 172. . . . .	85	
— Marianka-Polka. op. 173. . . . .	30	

*Для пѣнія русскаго:*

<b>АЛЕВЬЕВА.</b> Цвѣтокъ. Романсъ. . . . .	40
<b>БАХМИТЕВА.</b> Цыганенокъ. Романсъ. . . . .	40
<b>ДЕРФЕЛЬТА.</b> И я узналъ печаль разлуки. Романсъ. . . . .	40
<b>ГУРИЛЕВА.</b> Матушка голубушка. Пѣсня. . . . .	40
— Воспоминаніе. Романсъ. . . . .	40
<b>ТОЛСТОЙ.</b> Русалка. Романсъ. . . . .	40
<b>ВАРЛАМОВА.</b> Тяжело, не стало силы. Романсъ. . . . .	40
— Звѣздочка ясная. Романсъ. . . . .	40
<b>К*** Н. П. Т.</b> Жалоба. Романсъ. . . . .	40
<b>БЕРНАРДА.</b> Ольга дочь изгванника. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ: — Романсъ для сопрана: «Ахъ ты доля моя доля». . . . .	60
— Каватина для басса: «Когда-то все мнѣ улыбалось». . . . .	60
— Хоръ дѣвицъ для одного голоса: «Что не въ садѣ яблочко». . . . .	40

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.* пользуются означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго октября десятая тетрадь Музыкальнаго Журнала «**НУВЕЛИСТЪ**», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Laskowsky, Mazurka (inédite.)—Döhler, Valse—Sjering, Chant sans paroles—Czerny, Chanson de printemps—Wolff, La Mélanie, Valse—Бахмитова, Моему идеалу, Романсъ (inédite.)—Masini, Romance nouvelle.* — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 10.

*Годовая подписка 10 руб. сер. Съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ.*

Здѣсь же на-двухъ получены изъ Италіи превосходныя струны для скрипки, віолончеля, гитары и проч.

# НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

УЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛІОТЕКЪ  
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

**М. А. ЖУКОВА.**

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
UVRES COMPLÈTES DE ST. SYRILLE, trad. du grec sur l'edition du P. Toutée, avec les notes historiques et critiques, par A Faivre, 2 vol. in 8. Paris. 1844 . . . . .	3 40	par L. Peisse. 3 vol. in 12. Paris. 1845. . . . .	2 85
ISTOIRE GÉNÉRALE DE LA REFORMATION, par Morisson, trad. de l'anglais par Burnier. Un vol 8. Paris. 1845. . . . .	1 10	MANUEL DES SALLES D'ASILE, par Cochin. 3 édit. Un gros vol. in 8. Paris. 1845 . . . . .	1 70
U MARIAGE. Examen comparatif des principes qui le régissent. Suivant le code civil français, le droit romain, le droit canonique et les législations des états modernes, par Duchesne. Un vol. in 8. Paris 1845.	2 30	DISCOURS, rapports et travaux inédits sur le concordat de 1801, et sur diverses questions de droit public concernant la liberté des cultes, par Portalis. Un vol. in 8. Paris. 1845 . . . . .	2 30
REGLES INTERNATIONALES et diplomatie de la mer, par Ortolant. 2 vol. 8. Paris. 1845 . . . . .	4	DE L'ADMINISTRATION DE LA FRANCE, ou Essai sur les abus de la centralisation, par Bechard. 2 vol. in 8. Paris. 1845.	4
TRAITÉ GÉNÉRAL DU DROIT ADMINISTRATIF expliqué, ou exposé de la doctrine et de la jurisprudence concernant l'exercice de l'autorité etc., par Dufour. 4 forts vol. 8. Paris. 1845 . . . . .	9	ELEMENS DE L'ECONOMIE POLITIQUE, par Garnier. Un vol. in 12. Paris. 1845. . . . .	1
DE LA COMPÉTANCE et de la procédure des tribunaux de commerce. — Traité de la juridiction commerciale, par Orillard. Un vol. in 8. Paris. 1845.	2 30	L'ASSOCIATION DOUANIÈRE ALLEMANDE, par Richelot. Un vol. 8. Paris. 1845 . . . . .	2 15
MANUEL DE L'INGENIEUR CIVIL, ou traité sur l'application directe des sciences aux arts et manufactures. 2 vol. in 18, avec atlas. Paris. 1845. . . . .	3	DICTIONNAIRE DU CONTENTIEUX commercial, etc. avec un supplément, contenant la législation et la jurisprudence jusqu'en 1845, par MM. Deville-neuve et Massé. Un gros vol. gr. in 8. Paris. 1845. . . . .	5 70
ELEMENS DE LA PHILOSOPHIE de l'Esprit humain, par Dugald Stewart. Trad. de l'anglais, revue, corrigée et complétée,		ELEMENS DE PHYSIQUE expérimentale et de météorologie, par Pouillet. 4-e édit. 2 gros vol. in 8. Paris. 1844. . . . .	4 60
		PRODROMUS systematis naturalis regni vegetabilis, par Decandolle. Tome 9-me. in 8. Paris. 1845. . . . .	4 55
		NOUVEAU GUIDE FORESTIER, ou traité sur la culture et l'amélioration des bois et forêts, par Breton. Un vol. in 18. Paris. 1845. . . . .	85

P. K.

**MANUEL PRATIQUE DE PHRÉNOLOGIE**, ou physiologie du cerveau d'après les doctrines de Gall, de Spurtzheim, de Combe et des autres phrénologistes, par Fossati. Un vol. 12. Paris. 1845 . . . . . 1 70

**MANUEL** pratique des maladies des nouveau-nés et des enfants à la mamelle, par Bouchut. Un vol. 12. Paris. 1845 . . . . . 1 30

**HYGIÈNE OCULAIRE**, ou conseils aux personnes dont les yeux sont faibles et d'une grande sensibilité, etc., par Reveillé-Parise. Un vol. in 12. Paris. 1845. . . . . 43

**COURS DE CHIMIE**, à l'usage des élèves de l'école spéciale militaire de St. Cyr, par Colin 4<sup>e</sup> édition. Un gros vol. 8. Paris. 1845 . . . . . 2 30

**THEORIE DES COURBES** et des surfaces du second ordre, ou traité complet d'application de l'algèbre à la géométrie, par Boucharlat. 3<sup>e</sup> édit. Un vol. in 8. Paris. 1845 . . . . . 2 57

**REFLEXIONS** sur les principes fondamentaux de la théorie des nombres, par Poincot. Un vol. in 4 Paris. 1845 . . . . . 2 30

**MOYEN D'INFLAMMER LA POU-DRE** sous l'eau à toutes les profondeurs, sans feu, par le seul contact de l'eau, par Serullas. in 8 brochure. Paris. 1845. . . . . 50

**TABLES BALISTIQUES** générales pour le tir élevé, par Otto. Trad. de l'allemand, par Rieffel. Un vol. 8. Paris. 1845 . . . . . 2 15

**THEORIE MATHÉMATIQUE** du tir à ricochet, suivie de tables pour les application de ce-tir, par Otto. Trad. de l'allemand, par Rieffel. Un vol. 8. avec plan. Paris. 1845 . . . . . 1 70

**DICTIONNAIRE DE L'ARCHITECTURE** du moyen-âge, contenant tous les termes techniques, pour faire ou comprendre les descriptions des monuments,

par Bertz. Un vol. in 8 élargi par plus de 280 vignettes sur bois. Paris. 1845 . . . . . 2 3

**SCÈNES, PAYSAGES, MŒURS ET COSTUMES DU CAUCASE**, dessinés d'après nature, par le prince G. Gagarine. Dedié à sa Majesté NICOLAS I<sup>er</sup> Empereur de toutes les Russis. Livrais I<sup>re</sup> de 6 planches in folio, coloriées. Paris. 1845. La collection aura 48 livrais. à . . . . . 4 25

**PHYSIONOMIES** des principaux personnages du Juif Errant, dessinés par H. Leloir. 12 pl. in folio, coloriées. Paris. 1845. -Cart. . . . . 5

**LES MYSTÈRES DE PARIS**. Recueil des Scènes les plus intéressantes, dessin par J. David. 10 pl. in folio, coloriées. Paris. 1845. Cart. . . . . 10

**VERSAILLES ANCIEN ET MODERNE**, par le comte A. de Laborde. Un vol gr. 8 de 516 pages orné de plus de 800 gravures. Paris. . . . . 7

**L'UNIVERS PITTORESQUE**. L'Inde, par Dubois de Jancigny et X. Raymond. Un vol. in 8 à 2 colon. orné de 48 planches. Paris. 1845. . . . . 1 70

**ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ ТЕХНИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ**, употребляемыхъ въ артиллеріи и въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, до нея относящихся. Составленный полковникомъ Рѣзвымъ. Въ одной книгѣ. 1845 . . . . . 2 50

**LE JUIF ERRANT**. — Recueil des Scènes les plus intéressantes inspirées de l'ouvrage, 6 planches in folio, coloriées. Paris. 1845. Cart. . . . . 8 30

**LES JUIFS DANS LE MOYEN-AGE**. Essai Historique sur leur état civil, commercial et littéraire, par Depping. Un vol. in 8. Paris. 1845 . . . . . 2 15

Печатать позволено, 27 августа 1845. Старшій цензоръ Рочевъ.

# НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

## У М. БЕРНАРДА,

На Певскомъ-Проспектѣ, противъ Малой-Морской,  
въ домѣ Паскаля № 11.

*Новыя пьесы для скрипки.*

Серебромъ Р. К.

АВТОТ. F. Grande fantaisie sur l'hymne: Боже Царя храни! pour violon avec acc. de piano. op. 11. . . . .	2	.
— Concerto pour le violon avec acc. de gr. Orchestre. op. 18 . . . . .	6	85
— Idem avec acc. de piano. op. 18 . . . . .	2	85
— Grande fantaisie sur des motifs de Robert le diable avec acc. de piano op. 19. . . . .	2	.
BAZZINI. A. Le départ, le retour. Deux morceaux de Salon avec acc. de piano. op. 12. . . . .	1	72
— Grand Allegro de concert avec acc. de piano. op. 15. . . . .	2	85
DANCLA. Ch. 5-e Air varié avec acc. de piano. . . . .	1	72
DAVID. F. Andante et scherzo capriccioso avec acc. d'Orchestre. op. 16. . . . .	4	.
— Idem avec acc. de piano. op. 16. . . . .	1	72
— 3-me Concerto pour le violon avec acc. d'Orchestre. op. 17. . . . .	6	29
— Idem avec acc. de piano op. 17. . . . .	3	15
— Variations de Concert sur un thème original avec acc. d'Orchestre. op. 18. . . . .	3	85
— Idem avec acc. de piano, op. 18. . . . .	1	72
GERKE. O. Premier Concerto avec acc. d'Orchestre. op. 28 . . . . .	6	.
— Idem avec acc. de piano. op. 28. . . . .	3	43
GHYS. F. 6-me Air-varié avec acc. de piano. op. 26. . . . .	1	29
IANSA. L. Souvenir d'Amitié. Adagio et Rondo avec acc. d'Orchestre. op. 69. . . . .	3	43
— Idem avec acc. de piano op. 69. . . . .	1	43
LOUIS. N. L'amitié. Fantaisie brillante pour deux violons avec acc. de piano op. 140. . . . .	1	72
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. F. Grand Concerto pour le violon avec acc. d'Orchestre. op. 64. . . . .	6	85
— Idem avec acc. de piano, op. 64. . . . .	3	43
ПАНОВКА. H. Fantaisie de Concert pour le violon avec piano sur des motifs du « Desert » de Felicien David. op. 55. . . . .	1	72
PRUME. F. Grande Polonaise brillante avec acc. d'Orchestre. op. 5. . . . .	5	15
— Idem avec acc. de piano. op. 5. . . . .	2	29
— Air militaire varié avec acc. de piano. op. 6. . . . .	1	72
SACHSE. R. Introduction et Variations sur un thème de la fille du Régiment de Donizetti avec acc. d'Orchestre. op. 5. . . . .	3	43
— Idem avec acc. de piano. op. 5. . . . .	1	72
SERVAIS et GHYS. Variations brillantes et concertantes pour violon et Violoncelle sur l'air « God save the King ». op. 38. . . . .	2	.
VIEUXTEMPS. H. Six Etudes de Concert avec acc. de piano. op. 16. . . . .	2	58

*Новыя пьесы для одного фортепьяно.*

ALKAN. C. V. le Desir, Impromptu. . . . .	.	60
BERNARD. M. Chant du malheureux. Nocturne. . . . .	.	50
BERTINI. H. Fantaisie sur la fille du regiment de Donizetti. op. 128 . . . . .	1	15
— Fantaisie sur les martyrs de Donizetti. op. 129 . . . . .	1	15
BURGMÜLLER. F. Fantaisie et Valse sur Lambert Simnel de Monpou. op. 86. . . . .	1	15
— Cagliostro, valse populaire. op. 87. . . . .	.	85
— Première Mazurka en forme de rondo. . . . .	1	.

	P.	К.
BURGMÜLLER F. Valse dramatique sur Richard en Palestine d'Adam. . . . .	1	15
— Les yeux bleus, grande valse brillante. . . . .	1	85
CHOPIN. F. Berceuse. op. 57. . . . .	2	58
— Grande Sonate. op. 58. . . . .		
CZERNY. Ch. Musée de la jeunesse pianiste. Collection de huit morceaux faciles et brillants. od. 750 № 1 à 8 chaque à . . . . .		58
DAVID. F. Brises d'Orient. Six cahiers de mélodies № 1 à 6 chaque à . . . . .	1	15
— Pensée. Mélodie. . . . .	1	30
DÖHLER. Th. Andante sur une romance de Dom Sebastien. op. 54. . . . .	1	43
— Deuxième ballade. op. 55. . . . .	1	15
— Douze romances sans paroles. op. 57. Cah. 1 à 4. . . . .	6	30
— Deux polkas favorites. Carlotta et Elisa. . . . .	1	
FESCA. A. Fantaisie sur l'opéra Marade Netzer. op. 41. . . . .	1	
HELLER. St. Scènes pastorales. op. 50. Liv. 1, 2. . . . .	1	85
HENSELT. A. Chanson de printemps. op. 15. . . . .	1	
— Das ferne Land. Romance transcrite. . . . .		43
HERZ. H. Fantaisie et variations sur la Sirène d'Auber. op. 140. . . . .	1	72
— Les ramiérs. Deux Valses de Lanner, variées. op. 142. . . . .		75
— Les plaisirs de l'Allemagne. Valses de Strauss variées. op. 144. . . . .	1	43
HÜNTEN. F. Variations brillantes sur la Polka nationale. op. 135. . . . .	1	15
— Fantaisie arabe sur l'air Kradoudja. op. 136. . . . .	1	15
KULLAK. Th. Carnaval de Venise de Paganini et Ernst avec 18 metamorphoses. . . . .	1	43
— Grande fantaisie de caprice. op. 19. . . . .	2	
LECARPENTIER. A. Les hirondelles de David, variées. op. 101. . . . .	1	
MAYER. Ch. Air italien, varié op. 76. . . . .	1	15
— La gentille. Valse favorite . . . . .		50
MEYER. (Leopold), Machmudier, air guerrier des Turques. op. 22. . . . .	1	15
— Bajazeth, Air national des Turques. op. 23. . . . .	1	15
— Marche triomphale d'Isly. op. 30. . . . .	1	29
— Carnaval de Venise. op. 31. . . . .	1	15
— Fantaisie sur l'opéra Elisire d'amore. op. 32. . . . .	1	72
— Fantaisie orientale sur deux thèmes arabes. op. 38. . . . .	1	72
— Fantaisie sur les hirondelles de David. op. 41. . . . .	1	43
ROSKELLEN. H. Fantaisie brillante sur la Juive d'Halevy. op. 71. . . . .	1	43
— Marche de la caravane de l'ode-symphonie de David. Rondo arabe. op. 72 . . . . .	1	72
— Fantaisie élégante sur les Puritains de Bellini. op. 73. . . . .	1	43
THALBERG. S. Grand caprice sur l'apothéose de Berlioz. op. 58. . . . .	2	
— Barcarolle. op. 60. . . . .	1	43
WILLMERS. R. le Papillon, Impromptu. . . . .	1	15

Выписывающие нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающие на *пятнадцать руб. сер.* пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодую этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго сентября девятая тетрадь Музыкальнаго Журнала «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Rosellen*, Fantaisie élégante sur les Puritains. op. 73. — *Mayer*, Nocturne — *David*, Marche de la caravane de l'ode-symphonie «le Desert». — *Mazurka à la Polka* — *Варламовъ*. Звѣздочка ясная, Романсъ. — *Masini*, Romance. — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 9.

*Годовая подписка 10 руб. сер. Съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ.*

Здѣсь же на-дняхъ получены изъ Италіи превосходныя струны для скрипки, виолончеля, гитары и проч.

# ОБЪ ИЗДАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ВЪ 1846-МЪ ГОДУ.

=

Съ 1845 годомъ оканчивается *седьмой* годъ изданія «Отечественныхъ Записокъ», — и редакція въ шестой разъ должна начать объявленіе свое — благодарностью, полною, глубокою благодарностью публикѣ за вниманіе къ ея журналу. Успѣхъ «Отечественныхъ Записокъ», какъ извѣстно, возрасталъ съ каждымъ годомъ и наконецъ нынче достигъ до такой степени, какой едва-ли достигалъ успѣхъ какого-нибудь другаго русскаго журнала. Въ прошломъ году число желавшихъ читать «Отечественныя Записки» было такъ велико, что въ первые три мѣсяца разобраны были всѣ экземпляры, и редакція принуждена была приступить ко второму изданію первыхъ трехъ книжекъ. Этотъ опытъ заставилъ ее въ нынѣшнемъ году печатать «Отечественныя Записки» въ несравненно-большемъ числѣ экземпляровъ, нежели въ какомъ печатались онѣ прошлаго года, — и это число теперь оказывается недостаточнымъ: въ редакціи *нѣтъ уже ни одного экземпляра* «Отечественныхъ Записокъ» 1845-го года, и поступающія до сихъ-поръ требованія на этотъ журналъ, не смотря на все желаніе редакціи удовлетворить ихъ, — должны остаться неудовлетворенными. Въ будущемъ году она постарается принять мѣры къ избѣжанію подобнаго отказа — неприятнаго ни для нея-самой, ни для читателей; но вмѣстѣ съ тѣмъ просить желающихъ имѣть ея журналъ въ 1846-мъ году объявлять свои требованія заблаговременно, чтобъ она имѣла возможность до наступленія новаго года



распорядиться касательно печатанія потребнаго числа экземпляровъ. Требования эти должны быть адресованы именно *только въ тѣ мѣста*, которыя назначены ниже, въ «Условіяхъ Подписки».

Въ вышедшихъ до-сихъ-поръ девяти книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» читатели видѣли *четыре* романа: г. Панаева (въ двухъ частяхъ), Шарля Бернара (въ трехъ частяхъ), Жоржа Занда (въ двухъ частяхъ), и Александра Дюма (въ шести частяхъ), которые, слѣдственно, составили бы *тринадцать* томовъ, еслибъ изданы были отдѣльно въ обыкновенномъ форматѣ; сверхъ-того, повѣсти и рассказы: г-жи Жуковой, гг. Побѣдоносцева, Говорилина (псевдонимъ) и Сто-Одного (псевдонимъ), Альфреда Леру, Жоржа Занда, Фабра д'Оливѣ, Леона Гозлана и Поля Мюссѣ.

Въ отдѣлѣ Наукъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ, представлены были цѣлыя многотомныя творенія, имѣющія интересъ современной новости, напр. «Консульство и Имперія», соч. Тьера, «Англійская Индія въ 1843-мъ году», Эдуарда Варрена, и послѣднія статьи «Реформаціи», сокращенныя изъ обширнаго сочиненія Ранке. Сверхъ-того, образованная публика, вѣроятно, обратила вниманіе на «Письма объ изученіи природы» г-на Искандера (псевдонимъ), который, подъ этимъ скромнымъ названіемъ, представляетъ краткій очеркъ исторіи философіи съ современной точки зрѣнія: письма эти будутъ продолжаемы и въ 1846-мъ году. Далѣе, вѣроятно, съ любопытствомъ прочтены были статьи: извѣстнаго нашего археолога Д. И. Языкова «Коронованіе Императрицы Екатерины I-й», — М. С. Волкова «Животный Магнетизмъ», — г. Кутузова «Воспоминаніе о генерал-фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ», — «И. А. Крыловъ», и «Алтай, естественная исторія его, копи и жители». Къ этому же отдѣлу могутъ быть отнесены обширныя статьи, помѣщаемыя въ отдѣлѣ Иностранной Литературы и сокращаемыя изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій, какъ напр.: «Матеріалы для исторіи первыхъ поселеній въ Соединенныхъ-Штатахъ», «Политическая жизнь Германіи передъ революціей», соч. Пертеса, «Народы Южнаго-Моря и Христіанство», «Теодоръ Нейгофъ, король Корсики» и «Завоеваніе Мехики», соч. Прескотта. Сюда же принадлежитъ и множество мелкихъ статей, печатаемыхъ въ отдѣлѣ Смѣся, подъ именемъ «Ученыхъ Извѣстій» и содержащихъ въ се-

бъ свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ преимущественно по части наукъ естественныхъ. — Отдѣлъ «Біографіи Знаменитыхъ Современниковъ» въ Сѣбси, по-прежнему, продолжалъ доставлять матеріалы для современной исторіи—ученой, литературной и политической: въ девяти книжкахъ нынѣшняго года напечатаны біографіи Теодора Гука, Талейрана, Берцеліуса, Круга, Мартинеса де-ла-Розы, лорда Брума, Тончи, Беранже, Шлегеля, Эспартеро и генерала Джексона.

Въ отдѣлъ Сельскаго Хозяйства и Промышленности помѣщено обширное сочиненіе: «Почва; происхожденіе ея, улучшеніе физическое и химическое; удобреніе и унавоживаніе: унавоживаніе сѣмень», и сверхъ-того, статьи г. Майера о лѣсоводствѣ, г. Владимірскаго — хозяйственные опыты и наблюденія, и г. Бороздина: «Сибирское Золото и способы его добыванія».

Въ отдѣлъ Критики и Библиографической Хроники, по-прежнему, помѣщались цѣлые трактаты по поводу замѣчательнѣйшихъ изъ новыхъ русскихъ книгъ и подробные разборы книгъ не столь-замѣчательныхъ. До-сихъ-поръ разсмотрѣно нами до 350 книгъ, появившихся въ Россіи въ 1845 году. И въ этомъ году, какъ и въ шести прежнихъ, редакція осталась вѣрна своимъ убѣжденіямъ, своему направленію. Эта неизмѣнность убѣжденій и единство направленія, особенно въ статьяхъ Критики и Библиографической Хроники, не смотря на то, что статьи эти пишутся разными лицами, можетъ служить доказательствомъ, что редакція обоснована твердо, и что журналъ получилъ свой характеръ не случайно, но въ слѣдствіе хорошо-обдуманнаго плана и долговременныхъ приготовленій.

Относительно будущаго года повторимъ то же, что говорили всегда, приступая къ новому годовому изданію: хуже не будетъ, а лучше—можетъ быть. Читатели видѣли, что это «можетъ быть» всегда превращалось въ дѣйствительность. Такъ, надѣемся, будетъ и въ 1846 году. Можемъ обѣщать только ту же дѣятельность, тотъ же трудъ и усердіе, которыхъ представителями могутъ служить *сорокъ-два тома «Отечественныхъ Записокъ»*, изданные съ 1839 года.

Такъ-какъ духъ, направленіе и цѣль журнала останутся прежнія, то и весь журналъ будетъ издаваться по пре-

жней, уже известной программъ (\*). По-прежнему также общаемъ мы въ каждой книжкѣ *отъ 20 до 25 листовъ* того же формата, въ которомъ нынѣ издаются «Отечественныя Записки». Эти листы, какъ известно, равняются 40—50 *листамъ* обыкновенной печати; но, по-прежнему, не отрекаемся отъ права въ случаѣ надобности увеличивать и это число листовъ, какъ увеличивали до-сихъ-поръ.

---

(\*) I. Словесность. *Проза и Стихотворенія*.—Статьи этого отдела суть — или сочиненія русскихъ литераторовъ, или переводы изъ лучшихъ иностранныхъ писателей: романы, повѣсти, драмы, статьи о нравахъ и другія прозаическія сочиненія. Въ каждой книжкѣ будутъ, по крайней-мѣрѣ, двѣ статьи въ этомъ родѣ, а иногда и болѣе.—Въ этомъ же отдалѣ будутъ помещаемы *иногда* и стихотворенія.

II. Науки и Художества. Статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, какъ то: философіи, исторіи, географіи, статистикѣ, наукамъ политическимъ, военнымъ, медицинскимъ, и проч. Статьи по части теоріи словесности и исторіи художествъ. Извѣстія о новѣйшихъ прозведеніяхъ искусствъ въ Россіи и Европѣ.

III. Современная Хроника Россіи. Обзоръ нынѣшняго состоянія разныхъ частей государственнаго управленія, извлеченный изъ обнародованныхъ отъ правительства постановленій, отчетовъ и извѣстій, помещаемыхъ въ оффиціальныхъ журналахъ.

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность вообще. Нынѣшнее состояніе сельскаго хозяйства, фабричныхъ производствъ и способы къ развитію и усовершенствованію этихъ источниковъ государственнаго богатства Россіи.

V. Критика. Статьи по поводу важнѣйшихъ сочиненій, появляющихся на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и заслуживающихъ вообще вниманіе, или важныхъ по содержанію своему и по вліянію на ходъ русской литературы, равно какъ на успѣхи просвѣщенія вообще.

VI. Библиографическая Хроника. Отчеты о вновь-выходящихъ русскихъ книгахъ. Въ этихъ краткихъ отчетахъ показано будетъ, по крайней-мѣрѣ, содержаніе каждой разсматриваемой книги, которое можетъ служить основаніемъ сужденію, о ней произнесенному. Такому разсматриванію подвергнутся всѣ новыя русскія книги, какія только появятся въ книжныхъ лавкахъ.—Библиографическія и журнальныя извѣстія.

VII. Иностранная Литература. Обзоръ новѣйшихъ произведеній германской, англійской, французской и другихъ литературъ. Обзоръ иностранныхъ журналовъ, съ указаніемъ на замѣчательнѣйшія статьи ихъ.

VIII. Смѣсь. Біографіи знаменитыхъ современниковъ. — Новости ученыхъ, или засѣданія ученыхъ обществъ въ Россіи и чужихъ краяхъ.

Тѣхъ читателей, которые какъ-то замѣтили намъ, что статьи въ отдѣлѣ Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Промышленности преимущественно относятся къ двумъ послѣднимъ предметамъ, а домоводство, или *домостроительство*, оставляется какъ-бы въ забвеніи,—имѣемъ честь извѣстить, что съ будущаго года этотъ отдѣлъ сдѣлается гораздо-разнообразнѣе, что статьи по означеннымъ двумъ предметамъ будутъ многочисленнѣе, и что Домостроительство принимаетъ въ исключительное свое завѣдываніе знаменитый *докторъ Пуфъ*, пріобрѣтшій себѣ, въ-продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, громкую извѣстность умными, живыми и дѣльными статьями своими. Дѣйствительно, талантливый авторъ, скрывающійся подѣ именемъ «доктора Пуфа, профессора всѣхъ наукъ и многихъ другихъ», обладаетъ неподражаемымъ даромъ—говоря о предметахъ повидимому незначительныхъ, часто ничтожныхъ, высказывать подѣ юмористическою формою глубокія истины, которыя пригодятся всякому въ быту семейномъ и общественномъ. Мы увѣрены, что даже тѣ изъ читателей нашихъ, которые равнодушны къ хозяйству и промышленности вообще, обратятъ вниманіе на статьи почтеннаго доктора, отличающіяся, сверхъ-того, и литературнымъ достоинствомъ.

Парижскія картинки модъ, прилагавшіяся къ «Отечественнымъ Запискамъ» въ нынѣшнемъ году, снискали себѣ всеобщее одобреніе; насъ увѣряли даже, будто нѣкоторымъ эти картинки такъ понравились, что къ концу года они намѣреваются переплестъ ихъ отдѣльно и такимъ-образомъ составить альбомъ изящнѣйшихъ гравюръ. Картинки эти, доставлявшіяся намъ въ нынѣшнемъ году г-мъ Оберомъ, издателемъ парижскаго моднаго журнала «*Les Modes Parisiennes*» и нарочно отпечатываемыя въ Парижѣ

---

—Путешествія.— Историческіе матеріалы.— Юмористическія статьи.— Разказы.— Журнальныя и литературныя замѣтки.— Театральная летопись.— Разныя извѣстія, заключающія въ себѣ мелкія статьи о предметахъ, заслуживающихъ всеобщее вниманіе, но по содержанію своему, равно какъ и по объему и цѣли немогущія быть причисленными ни къ одному изъ означенныхъ отдѣловъ.

IX. Моды. Извѣстія о всѣхъ новостяхъ модъ и модныхъ обычаяхъ, съ двѣнадцатью *парижскими картинками*, прилагаемыми *ежемесячно* къ книжкамъ журнала.

въ форматъ нашего журнала, вполне заслуживаютъ такой чести, потому-что, въ-самомъ-дѣль, какъ по выбору моды, такъ по отличной гравировкѣ и отдѣлкѣ превосходятъ все, что являлось до-сихъ-поръ въ этомъ родѣ. *Точно такія же* картинки будутъ прилагаемы въ каждой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» и 1846 года. Мы уже заключили вновь условіе съ г-мъ Оберомъ на будущій годъ и надѣемся получать картинки такъ же исправно, какъ получали въ нынѣшнемъ году.

Семилѣтнимъ опытомъ доказанная аккуратность изданія книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», никогда неопаздывавшихъ ни однимъ днемъ, достаточно можетъ ручаться читателямъ, что и въ 1846 году этотъ журналъ будетъ съ такою же точностью являться въ назначенные ему сроки, т. е. въ первое число каждаго мѣсяца, какъ являлся до-сихъ-поръ.

Прежнія распоряженія редакціи касательно приѣма подписки и разсылки журнала, сдѣланныя въ прежніе годы, какъ-то: учрежденіе Конторъ въ Петербургѣ (\*) и Москвѣ, для приѣма подписки, отправленіе книжекъ въ заклеенныхъ пакетахъ съ бандеролями, означеніе на пакетахъ числа, въ которое отправлена книжка изъ Петербурга, и печатныя карты, на которыхъ получающій книжку внѣ Петербурга долженъ расписываться въ почтовой конторѣ,—остаются и на будущій годъ. По-прежнему, мы просимъ иногородныхъ читателей обращаться съ своими требованіями не къ книгопродавцамъ, но или прямо въ редакцію, надписывая такъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ*, или въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта, или въ одну изъ Конторъ редакціи, въ Петербургѣ и Москвѣ (см. ниже «Условія Подписки»). Только требованія, такимъ-образомъ адресованныя, будутъ исполняться немедленно, и только

---

(\*) Нелишнимъ считаемъ обратить вниманіе читателей на то, что Санктпетербургская Контора Отечественныхъ Записокъ перемѣняетъ свою квартиру: съ 15-го сентября сего года она будетъ находиться на *Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Ролова, противъ Думы*, при вновь-открытомъ книжномъ магазинѣ **И. А. РАТЬКОВА**, куда и просимъ адресовать требованія на журналъ, строго придерживаясь означеннаго здѣсь адреса.

*за исполненіе такъ-адресованныхъ требованій редакція можетъ вполне поручиться (\*)*.

Мѣры, принятыя нами къ отвращенію безпорядковъ и неисправности въ пересылкѣ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», оказались успѣшными, при содѣйствіи почтоваго начальства. Жалобъ на неисправное полученіе журнала въ нынѣшнемъ году почти не было. Надѣмся, что въ будущемъ году эти жалобы и совсѣмъ уничтожатся. Однакожь, всѣ предосторожности, принятыя нами въ прежнее время, остаются и на будущій годъ, — т. е. каждая книжка «Отечественныхъ Записокъ» будетъ доставляться, тотчасъ по отпечатаніи, изъ Санктпетербургской Конторы въ Газетную Экспедицію *въ конвертъ, заклеенномъ на-глухо со всѣхъ сторонъ, и обклеенномъ бандеролемъ*, къ которому приложится печать Санктпетербургскаго Почтамта (\*\*). На всякомъ пакетѣ будетъ выставлено печатнымъ штемпелемъ то число мѣсяца, когда книжка сдана въ Газетную Экспедицію. Въ этомъ видѣ всѣ иногородные подписчики должны получать адресованныя на ихъ имя книжки «Отечественныхъ Записокъ» изъ почтовыхъ конторъ, которыя, съ своей стороны, для удостовѣренія, будутъ возвращать въ Газетную Экспедицію посланныя имъ при книжкахъ печатныя карты, съ росписками получателей каждой книжки. Въ случаѣ какой-либо неисправности въ полученіи экземпляровъ, на которыя принята подписка *въ одной изъ Конторъ Отечественныхъ Записокъ, или въ Газетной Экспедиціи*, редакція покорнѣйше проситъ обращаться прямо къ ней: всякая справедливая жалоба будетъ доведена ею до свѣдѣнія почтоваго начальства.

---

(\*) Гг. книгопродавцы, желающіе принимать подписку на «Отечественныя Записки», симъ извѣщаются, что они могутъ обращаться съ своими требованіями къ управляющимъ Конторамъ Отечественныхъ Записокъ, но не иначе получать требуемые ими экземпляры, какъ *внеся наличныя деньги*. Въ кредитъ же «Отечественныя Записки» отпускаемы никому не будутъ.

(\*\*) Чѣмъ исправнѣе, полнѣе и чѣтче будетъ написанъ въ требованіи адресъ желающаго получать «Отечественныя Записки», тѣмъ исправнѣе можно надѣяться получать ихъ.

## УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Цѣна за годовое изданіе «Отечественныхъ Записокъ», съ *двѣнадцатю парижскими картинками модъ, пятнадцать рублей серебромъ* безъ пересылки; за пересылку же. или доставку на домъ, прилагается, сверхъ-того, *полтора рубля серебромъ.*

### ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ *исключительно:*

Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: — въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на *Невскомъ-Проспектъ, въ домъ Рогова, противъ Думы.*

Въ МОСКВѢ: — въ Конторахъ Редакціи Отечественныхъ Записокъ: на *Страстномъ-Бульварѣ, въ домъ Университетской Типографіи, и на Никольской, подлѣ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5, при книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова и О. А. Свѣшникова.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая такъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ,* — или въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

О выходѣ каждой книги «Отечественныхъ Записокъ» будетъ объявлено въ газетахъ обѣихъ столицъ, и подписчики будутъ имѣть все право требовать вышедшіе нумера журнала отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ, у которыхъ они подписались.

Редакція повторяетъ свою просьбу къ желающимъ подписаться на сѣ журналъ, чтобъ они объявляли свои требованія заблаговременно, для избѣжанія непріятности, которую въ нынѣшнемъ году испытали нѣкоторые, опоздавшіе подписаться. Это необходимо также и для своевременнаго полученія модныхъ картинокъ, выписываемыхъ редакціею изъ Парижа заблаговременно.

РЕДАКТОРЪ И ИЗДАТЕЛЬ **А. КРАЕВСКІЙ.**

---

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 30 августа 1845 г.  
Цензоры: *И. Невлюевскій и А. Мезелкинъ.*













